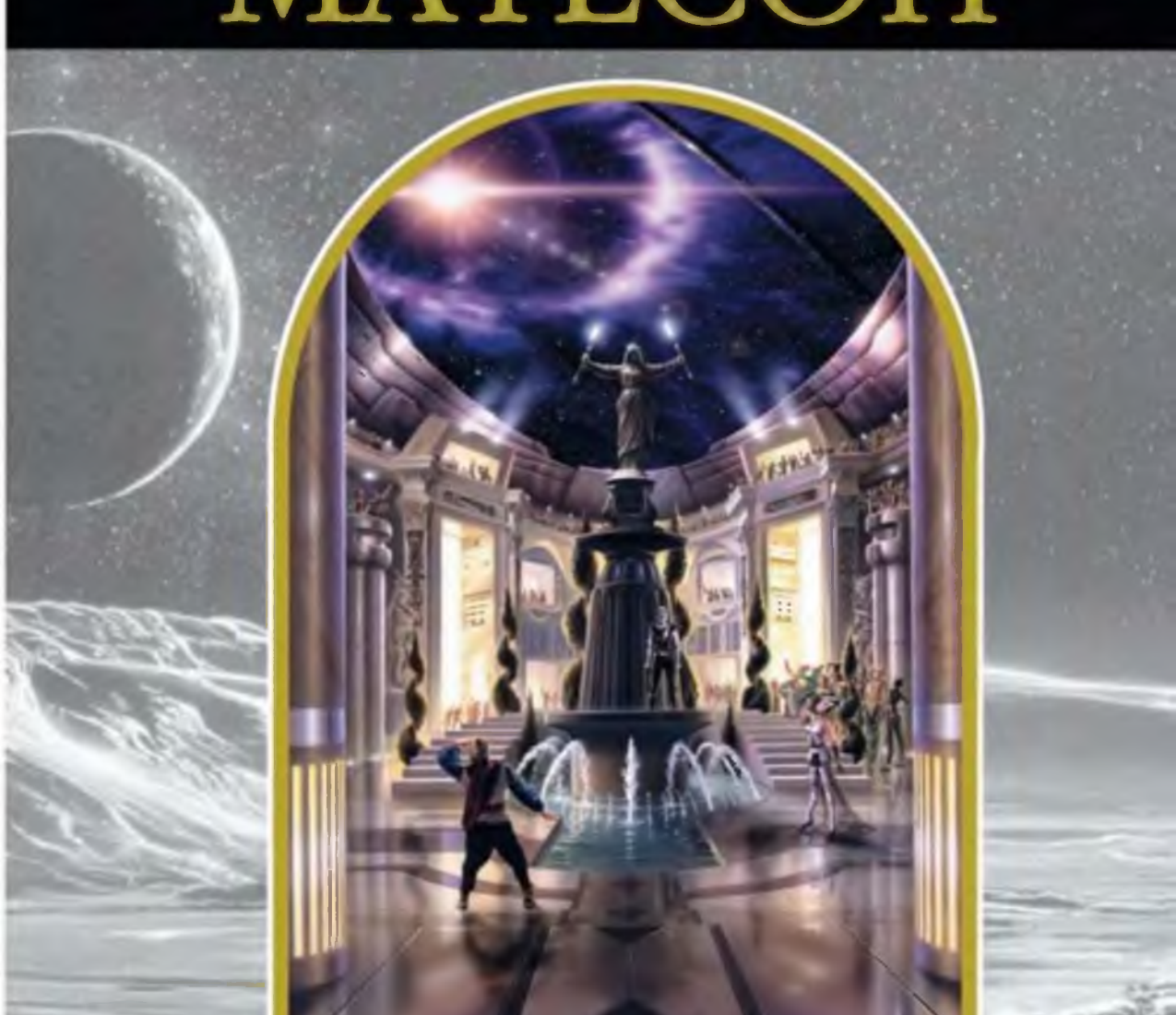
ФАНТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИ

Ричард

МАТЕСОН



Корабль смерти, Стальной человек и другие самые невероятные истории

ФАНТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИ

Ричард
МАТЕСОН

Коридор смерти,
Стальной человек
и другие самые
невероятные
истории

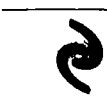
Ричард
МАТЕСОН

Легион Литературный клуб

Richard

MATHESON

Collected Stories



ЭКСМО
Москва
Домино
Санкт-Петербург
2011

Ричард

МАТЕСОН

Корабль смерти,
Стальной человек
и другие самые
невероятные
истории

ЭКСМО
Москва
Домино
Санкт-Петербург
2011

·87)
США)
4

Richard Matheson
COLLECTED STORIES
Copyright © 1989 by Richard Matheson

Составитель серии *А. Жикаренцев*

Серия основана в 2001 году

Оформление серии *А. Саукова*

Оригинал-макет подготовлен ООО «ИД «Домино»

Матесон Р.

М 34 Корабль смерти, Стальной человек и другие самые невероятные истории / Ричард Матесон. — М. : Эксмо ; СПб. : Домино, 2011. — 1120 с. — (Шедевры фантастики).

ISBN 978-5-699-43148-9

Ричард Матесон отдал литературе пятьдесят лет, был удостоен самых престижных премий и приобрел репутацию «разрушителя жанров». В его произведениях самым невероятным образом соединились мистика, хоррор, фэнтези, фантастика и даже детектив. Его считает своим учителем «король ужасов» Стивен Кинг. По его рассказу «Дуэль» снял свой первый полнометражный фильм Стивен Спилберг. Культовый роман «Я — легенда» был экранизирован дважды и послужил образцом для писателей, разрабатывающих «вампирскую» тему.

Многие рассказы, вошедшие в этот том, впервые изданы на русском языке.

УДК 82(1-87)
ББК 84(7США)

© Н. Савиных, М. Тарасьев, И. Найденов, Е. Королева, В. Баканов, Р. Шилфар, В. Вебер, В. Рыбакова, А. Богданов, И. Шаргородская, И. Почиталин, В. Волин, И. Иванов, перевод на русский язык, 2011
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2011

ISBN 978-5-699-43148-9

Рожденный от мужчины и женщины

Сегодня мама назвала меня чудовищем. Ты чудовище, она сказала. Я видел в ее глазах гнев. Хотел бы я знать, что такое чудовище.

Сегодня сверху падала вода. Она везде падала, я видел. Я видел землю в окошке. Земля пила воду, как рот, если очень хочет пить. Потом она выпила много воды и вернула назад грязную. Мне не понравилось.

Мама красивая, я знаю. Здесь, где я сплю со стенами, вокруг от которых холодно, у меня есть бумага. Она была, чтобы ее съел огонь, когда он закрыт в печке. Сверху написано: фильмы и звезды. Там есть картинки, на них другие мамы. Папа говорит, они красивые. Он один раз говорил.

Он говорит маме тоже. Она такая красивая, я тоже прилично выгляжу. Ты посмотри на себя, он сказал. Лицо его было некрасивое, будто он хочет побить. Я поймал его руку и сказал, замолчи, папа. Он выдернул руку, потом отошел далеко, где я не мог дотронуться.

Сегодня мама немного отвязала меня, я мог подойти к окошку посмотреть. Так я увидел, земля пьет воду, которая падает сверху.

Сегодня наверху было желтое. Я знаю, я смотрю, моим глазам больно. Когда я на него смотрел в подвале, стало красное.

Я подумал, это церковь. Они туда ходят, те, наверху. Они дают проглотить себя большой машине, она катится и уезжает. Сзади есть маленькая мама. Она меньше меня. Я очень боль-

© Перевод И. Найденова.

шой. Я сделал, цепь вышла из стены, это секрет. Я могу смотреть в окошко, как хочу.

Сегодня, когда сверху больше нет желтого, я съел свою еду и еще ел тараканов. Я слышал, наверху смеются. Я хотел знать, почему смеются. Я сделал, цепь вышла из стены, я обернул ее вокруг себя. Я шел тихо, чтобы не шуметь, к лестнице, она идет наверх. Лестница кричит, если я иду. Я поднялся наверх, мои ноги скользили, я иначе не могу ходить по лестнице, мои ноги зацепляются за дерево.

После лестницы я открыл дверь. Это было место совсем белое, такое белое иногда падает сверху. Я вошел и остался, чтобы не было слышно, где я. Я слышал, смеются очень громко. Я пошел, где смеялись, я открыл немного дверь, потом я посмотрел. Там были люди. Я никогда не вижу людей, это запрещено видеть их. Я хотел быть с ними, хотел тоже смеяться.

Потом мама пошла и толкнула дверь. Дверь ударила меня, мне было больно. Я упал, цепь сделала шум. Я закричал. Мама сделала ртом, будто засвистела внутрь, она положила руку себе на рот. Ее глаза сделались большими.

Потом я услышал, папа зовет. Что упало, он сказал. Мама сказала, ничего, это поднос. Иди помоги собрать, она сказала. Он пришел и сказал, это значит, такое тяжелое, тебе нужно помогать.

Тогда он увидел меня, он стал совсем некрасивый. В его глазах опять был гнев. Он побил меня. Моя жидкость вылилась из одной руки. Она сделала на полу все зеленое. Это грязно.

Папа сказал, вернись в подвал. Я сам туда хотел. Моим глазам больно, когда свет. В подвале им не больно.

Папа привязал меня к кровати. Наверху еще долго был смех. Я лежал тихо-тихо, я смотрел на паука, совсем черного, паук ползал по мне. Я думал, как папа сказал. Обожемой, он сказал. И ему только восемь лет, он сказал.

Сегодня папа снова сделал цепь в стену. Нужно попробовать снова вынуть ее. Папа сказал, я был очень плохой, когда убежал. Никогда больше не делай так, или я тебя побью до крови. После этого мне очень плохо.

Я спал весь день, и потом я положил голову на стену, она делает холодно. Я думал про белое место наверху. Мне было плохо.

Я снова сделал, цепь вышла из стены. Мама была наверху. Я слышал, она смеется очень громко. Я посмотрел в окошко.

Я увидел много людей, совсем маленьких, как маленькая мама и еще как маленький папа. Они красивые.

Они делали красивые звуки, они бегали везде по земле. Их ноги бегали очень быстро. Они такие, как мама и папа. Мама говорит, все нормальные люди такие.

Потом один маленький папа увидел меня. Он показал на окошко. Я отошел по стене вниз, потом свернулся клубком в темноте. Я не хотел, чтобы меня видели. Я слышал, они говорили возле окошка, я слышал, их ноги бегали там. Наверху стукнула дверь. Я слышал, маленькая мама звала наверху. Потом я слышал большие шаги, я быстро пошел на свою кровать. Я вернул цепь в стену, потом я лег, как всегда.

Я слышал, мама пришла. Она сказала, ты был у окна. Я слышал ее гнев. Это запрещено ходить к окну, она сказала. Ты опять вытащил цепь из стены.

Она взяла палку и побила меня. Я не плакал. Я не умею так. Но моя жидкость потекла на всю кровать. Мама это увидела, и сделала шум своим ртом, и ушла далеко. Она сказала, обожемой, божемой, зачем ты сделал так. Я слышал, палка упала на землю. Мама побежала, потом ушла наверх. Я спал весь день.

Сегодня опять сверху была вода. Мама была наверху, я услышал, маленькая мама спускается по лестнице очень тихо. Я спрятался в ящик с углем, я знал, мама рассердится, когда маленькая мама увидит меня.

У нее с собой был маленький живой зверь. У зверя были острые уши. Маленькая мама говорила с ним. А потом было так, живой зверь меня почувствовал. Он побежал к ящику с углем и посмотрел на меня. У него шерсть стала очень большая. Он сделал гнев своим ртом с острыми зубами. Я засвистел, я хотел, чтобы он ушел, но он прыгнул на меня.

Я не хотел делать плохо. Я испугался, когда он укусил меня сильнее крысы. Я схватил его, маленькая мама закричала. Я сжал живого зверя очень сильно. Он стал делать звуки, я такие звуки никогда не слышал. Потом я отпустил его. Он лежал весь раздавленный, совсем красный на угле.

Я еще прятался, когда мама пришла, она позвала меня. Я боялся палки. Потом мама ушла. Я вылез из ящика, я взял с собой зверя. Я спрятал его в своей постели, потом лег сверху. Я сделал цепь в стену.

Сегодня уже другой день. Папа сделал цепь совсем короткую, я больше не могу вытащить ее из стены. Он меня бил, мне было плохо. Но теперь я вырвал палку из его рук, я потом сделал мой звук. Он побежал далеко, у него лицо стало совсем белое. Он убежал из места, где я сплю, он закрыл дверь на ключ.

Мне не нравится. Весь день вокруг стены, они делают холодно. Цепь вытащить из стены совсем трудно. У меня теперь есть очень плохой гнев для папы и мамы. Я им покажу. Я сделаю опять ту вещь, как прошлый раз.

Сначала я сделаю мой крик и мой смех. Я буду бегать по стенам. Потом я прицеплюсь к потолку всеми ногами и повисну вниз головой. Я буду смеяться и лить везде зеленое, и они будут очень несчастные, что были такие злые со мной.

А потом, если они еще попробуют меня бить, я им сделаю плохо, как я сделал живому зверю. Я им сделаю очень плохо.

Третья от солнца

Он открыл глаза за пять секунд до того, как должен был зазвонить будильник. Проснуться не составило никакого труда. Пробуждение было мгновенным. Он протянул в темноту левую руку и нажал на кнопку. Будильник посветился секунду, а затем померк.

Жена, лежавшая рядом, положила ладонь ему на плечо.

— Ты поспала? — спросил он.

— Нет, а ты?

— Немного,— сказал он.— Совсем чуть-чуть.

Несколько секунд она ничего не говорила. Потом произнесла было какой-то звук, но, вздрогнув, снова замолчала. Он знал, что она хочет сказать.

— Мы все-таки отправляемся? — спросила она.

Он передернул плечами, все еще лежа в кровати, затем глубоко вздохнул.

— Да,— сказал он и почувствовал, как ее пальцы сильнее впились в плечо.

— Который час? — спросила она.

— Около пяти.

— Пора собираться.

Они оба не шевельнулись.

— Ты уверен, что мы сумеем попасть на корабль так, чтобы никто не заметил? — спросила она.

— Они подумают, это очередной испытательный полет. Никто не станет проверять.

Она ничего не сказала. Придвинулась ближе к нему. Он ощутил, какая холодная у нее кожа.

© Перевод Е. Королевой.

— Я боюсь,— произнесла она.

Он взял ее за руку и крепко сжал в своей.

— Не бойся,— сказал он.— С нами все будет в порядке.

— Я беспокоюсь за детей.

— С нами все будет в порядке,— повторил он.

Она поднесла его руку к своим губам и нежно поцеловала.

— Ладно,— произнесла она.

Они оба сели на кровати в темноте. Он услышал, как она поднялась. Ночная рубашка с шелестом упала на пол. Она не стала ее поднимать. Она стояла неподвижно, дрожа в холодном утреннем воздухе.

— Ты уверен, что нам больше ничего не нужно с собой брать? — спросила она.

— Да, уверен. Все, что нам может понадобиться, есть на корабле. В любом случае...

— Что?

— Мы ничего не сможем пронести мимо часового. Он должен думать, что вы с детьми просто пришли меня проводить.

Она начала одеваться. Он отбросил одеяло и встал. Прошел по холодному полу к платяному шкафу.

— Я подниму детей,— сказала она.

Он пробурчал что-то, натягивая одежду через голову. У двери она остановилась.

— А ты уверен...— Она умолкла.

— В чем?

— Часовой не сочтет странным, что... что наши соседи тоже пришли тебя проводить?

Он опустился на кровать и принялся нащупывать ремешки ботинок.

— Придется рискнуть,— сказал он.— Нам необходимо, чтобы они отправились с нами.

Она вздохнула.

— Это звучит так хладнокровно. Так расчетливо.

Он выпрямился и увидел в дверном проеме ее силуэт.

— А что еще нам остается? — спросил он с нажимом.— Не можем же мы поженить собственных детей.

— Нет,— отозвалась она.— Просто...

— Просто — что?

— Ничего, дорогой. Извини.

Она закрыла дверь. Ее шаги затихли в коридоре. Дверь в детскую открылась. Он услышал голоса дочери и сына. Невеселая улыбка растянула его рот. «Вы-то уверены, что сегодня день развлечений»,— подумал он про себя.

Он натянул ботинки. Хотя бы дети не знают, что происходит. Они думают, что едут проводить его на летное поле. Что вернутся и расскажут об этом своим одноклассникам. Они не знают, что не вернутся никогда.

Он закончил застегивать ботинки и поднялся. Пошарил по стене над бюро и зажег свет. Как странно, что такой ничем не примечательный с виду человек задумал подобное.

Хладнокровно. Расчетливо. Ему на ум снова пришли ее слова. Что ж, другого выхода нет. Через несколько лет — может, и раньше — вся планета разлетится на куски в ослепительной вспышке. Это единственный способ спастись. Сбежать, начать все заново с горсткой людей на новой планете.

Он уставился на свое отражение.

— Другого пути нет,— сказал он себе.

Окинул взглядом комнату. Прощай, эта жизнь. Когда он выключил свет, было ощущение, будто он выключил тумблер у себя в голове. Он осторожно прикрыл за собой дверь и провел пальцами по истертой ручке.

Его сын и дочь спускались по лестнице. Они заговорщически перешептывались. Он встряхнул головой, сбросив легкое оцепенение.

Жена дожидалась его. Они взялись за руки и вместе спустились вниз.

— Я не боюсь, дорогой,— сказала она.— Все будет хорошо.

— Верно,— отозвался он.— Именно так и будет.

Они все сели завтракать. Жена налила им соку. Потом она вышла, чтобы принести еды.

— Помоги маме, куколка,— сказала она дочери.

Та встала.

— Уже скоро, пап? — спросил его сын.— Совсем скоро?

— Не суетись,— предостерег он.— Помни, что я тебе говорил. Если скажешь об этом кому-нибудь хоть слово, мне придется оставить тебя дома.

Тарелка грохнулась на пол. Он быстро поднял глаза на жену. Она пристально смотрела на него, губы у нее дрожали.

Она отвела глаза и наклонилась. Принялась неловко собирать осколки, подняла несколько. Потом снова кинула их на пол, распрямилась и отодвинула их к стене ногой.

— Как будто бы это имеет значение,— произнесла она нервно.— Как будто бы это имеет значение, чисто в доме или нет.

Дети смотрели на нее с изумлением.

— Что случилось? — спросила дочь.

— Ничего, дорогая, ничего,— ответила она.— Я просто волнуюсь. Возвращайся за стол. Пей сок. Нам некогда сегодня рассиживаться. Соседи вот-вот придут.

— Па, а почему соседи едут вместе с нами? — спросил сын.

— Потому что,— ответил он уклончиво,— им так захотелось. И хватит об этом.

Все молчали. Его жена принесла еду и поставила на стол. Лишь ее шаги нарушали тишину. Дети все время переглядывались, посматривали на отца. Он не отводил глаз от своей тарелки. Еда казалась безвкусной и вязкой, и он ощущал, как сердце колотится о решетку грудной клетки. Последний день. Это последний день.

— Тебе бы лучше поесть,— сказал он жене.

Она села за стол. Как только она взялась за приборы, зазвонил дверной звонок. Нож и вилка выпали из ее онемевших пальцев и загрохотали по полу. Он тотчас протянул руку и положил на ее ладонь свою.

— Все в порядке, милая,— сказал он.— Все хорошо.

Он повернулся к детям.

— Ступайте, откройте дверь,— велел он.

— Вдвоем? — переспросила дочь.

— Вдвоем.

— Но...

— Делайте, как я сказал.

Они соскользнули со своих стульев и вышли из комнаты, оглядываясь на родителей.

Когда раздвижные двери сомкнулись за ними, он снова повернулся к жене. Лицо ее было бледным и напряженным, губы плотно сжаты.

— Дорогая, умоляю,— произнес он.— Прошу тебя. Ты же понимаешь, я не взял бы вас, если бы не был уверен в полной безопасности. Сама знаешь, сколько раз мне уже приходилось ле-

татъ на этом корабле. И мне точно известно, куда мы направляемся. Поверь, мы ничем не рискуем.

Она прижала его ладонь к своей щеке. Прикрыла глаза, и крупные слезы покатились из-под закрытых век по щекам.

— Я не б-боюсь,— выговорила она.— Просто... уехать навсегда, чтобы не вернуться... Мы прожили здесь всю свою жизнь. Это же не просто... не просто переезд. Мы не сможем вернуться назад. Никогда.

— Послушай, родная.— Он говорил торопливо и с напором.— Ты знаешь не хуже меня. Пройдет всего несколько лет, может, меньше, и разразится новая война, ужасная война. Не останется ничего живого. Нам необходимо уехать. Ради наших детей, ради нас самих...

Он помолчал, подбирая слова.

— Ради будущего самой жизни,— завершил он едва слышно.

Он пожалел, что сказал это. Ранним утром, за обыденной трапезой, подобные слова звучали как-то не так. Как-то фальшиво.

— Только не бойся,— сказал он.— С нами все будет хорошо.

Она сжала его руку.

— Я знаю,— произнесла она тихо.— Знаю.

Раздался звук приближающихся шагов. Он вытянул из пачки салфетку и дал ей. Она поспешно поднесла ее к лицу.

Дверь скользнула в сторону. Вошли соседи со своими детьми, сыном и дочерью. Дети были взволнованы. Они с трудом сдерживали эмоции.

— Доброе утро,— сказал сосед.

Жена соседа подошла к его жене, и они обе отошли к окну и стали о чем-то тихо говорить. Дети стояли тут же, взбудораженные, беспокойно поглядывающие друг на друга.

— Вы позавтракали? — спросил он соседа.

— Да,— ответил сосед.— Тебе не кажется, что нам лучше уже пойти?

— Наверное, да,— согласился он.

Они оставили тарелки на столе. Жена поднялась наверх и принесла всем одежду.

Они с женой постояли секунду на крыльце, пока все остальные усаживались в сухопутку.

— Запереть дом? — спросил он.

Она беспомощно улыбнулась и провела рукой по волосам. Пожала плечами.

— Разве это имеет значение? — спросила она и отвернулась.

Он запер дверь и пошел вслед за ней по дорожке. Она обернулась, когда он нагнал ее.

— У нас хороший дом,— проговорила она.

— Не думай об этом,— сказал он.

Они повернулись к дому спиной и сели в сухопутку.

— Ты запер дом? — спросил сосед.

— Да.

Сосед криво улыбнулся.

— И мы тоже,— сказал он.— Я не хотел, но есть примета: не запер дверь — обязательно к ней вернешься.

Они ехали по безмолвным улицам. Нижний край неба начал краснеть. Жена соседа и четверо детей сидели сзади. Его жена и сосед сидели впереди вместе с ним.

— Хороший будет денек,— заметил сосед.

— Похоже на то,— отозвался он.

— А вы сказали детям? — негромко спросил сосед.

— Конечно нет.

— Я тоже, тоже ничего не говорил,— принялся оправдываться сосед.— Просто спросил.

— Ясно.

Они некоторое время ехали молча.

— У тебя нет ощущения, что мы... бежим с корабля? — спросил сосед.

Он напрягся.

— Нет,— ответил он и поджал губы.— Нет.

— Наверное, лучше не говорить об этом,— поспешно произнес сосед.

— Гораздо лучше,— согласился он.

Когда они подъехали к пропускному пункту, он обернулся назад.

— Помните,— сказал он.— Не говорите ни слова.

У часового был сонный вид, и ему хотелось поскорее с этим закончить. Часовой сразу узнал его — главный пилот-испытатель нового корабля. Этого было достаточно. Семья приехала, чтобы его проводить, объяснил он часовому. Это тоже было нормально. Часовой позволил им подъехать к стартовой платформе.

Машина остановилась под громадными колоннами. Все вышли и задрали головы.

Высоко над ними торчал нос корабля, устремленный в небо, на огромной металлической поверхности отражался первый утренний свет.

— Пойдем,— позвал он.— Быстро.

Когда они спешно шли к подъемнику, он на мгновение остановился и оглянулся назад. Будка часового казалась пустой. Он окинул взором все вокруг и постарался сохранить в памяти.

Наклонился и собрал горсть пыли. Положил ее в карман.

— До свидания,— прошептал он.

Запрыгнул в подъемник.

Двери за ними захлопнулись. В кабине не было слышно ни звука, за исключением гула мотора и робкого покашливания детей. Он посмотрел на них. Улететь вот так в их возрасте, подумалось ему, без малейшей надежды на чью-то помощь...

Он закрыл глаза. Рука жены покоилась на его руке. Он посмотрел на жену. Их глаза встретились, и она улыбнулась ему.

— Все в порядке,— прошептала она.

Подъемник, дрогнув, остановился. Двери разошлись в стороны, и они вышли. Становилось все светлее. Он торопливо повел их по закрытой платформе.

Все они протиснулись в узкую дверцу в боку корабля. Он помедлил, прежде чем последовать за ними. Ему хотелось сказать что-нибудь, соответствующее моменту. Его жгло желание изречь подходящую фразу.

Но он не смог. Махнул рукой и буркнул что-то, притягивая дверь и до упора поворачивая колесо.

— Ну вот,— произнес он.— Пойдем, все вместе.

Их шаги отдавались эхом от металлических палуб и лестниц, когда они поднимались в зал управления.

Дети подбежали к иллюминаторам и принялись смотреть наружу. Они ахнули, увидев, на какую высоту забрались. Матери стояли у них за спиной, испуганно глядя на оставшуюся внизу твердь.

Он приблизился к ним.

— Как высоко,— сказала его дочь.

Он легонько потрепал ее по голове.

— Высоко,— согласился он.

После чего резко отвернулся и подошел к панели управления. Постоял над ней, сомневаясь. Он слышал, как кто-то подходит к нему сзади.

— Может быть, сказать детям? — спросила его жена.— Может быть, им лучше знать, что они видят это в последний раз?

— Хорошо,— согласился он.— Скажи им.

Он ожидал услышать ее шаги. Шагов не было. Он развернулся. Она поцеловала его в щеку. Потом отошла, чтобы сказать детям.

Он переключил рычаг. Глубоко в недрах корабля искра воспламенила топливо. Сжатые газы рванулись из вентилей. Переборки задрожали.

Он услышал, как заплакала его дочь. Постарался не слушать. Протянул дрожащую руку к рычагу, потом быстро оглянулся. Все они смотрели на него. Он положил руку на рычаг и передвинул его.

Корабль подрожал короткое мгновение, после чего они ощутили, как он гладко скользит по наклонной плоскости. Он устремлялся ввысь, все быстрее и быстрее. Все слышали, как свистит за бортом ветер.

Он видел, как дети придвинулись к иллюминаторам и снова стали смотреть.

— До свидания,— кричали они.— До свидания.

Он устало опустился в кресло рядом с панелью управления. Краем глаза увидел, как сосед присел рядом с ним.

— А ты знаешь, куда именно мы летим? — спросил сосед.

— Здесь есть карта.

Сосед взглянул на нее. От удивления его брови поползли вверх.

— Другая солнечная система,— произнес он.

— Верно. И там атмосфера как у нас. Там мы спасемся.

— Человечество спасется,— сказал сосед.

Он кивнул и перевел взгляд на остальных. Они все еще смотрели в иллюминаторы.

— Что? — переспросил он.

— Я спросил,— повторил сосед,— к какой из этих планет мы направляемся?

Он склонился над картой, указывая пальцем.

— Вот к этой маленькой,— ответил он.— Рядом с этой луной.

— Вот эта, третья от солнца?

— Точно,— подтвердил он.— Эта. Третья от солнца.

Когда бодрствующий засыпает

Если бы кто-нибудь пролетел над городом в это время суток, которые ничем не отличались от любых других суток три тысячи восемьсот пятидесятого года, он мог бы подумать, будто все живое исчезло.

Проносясь над сверкающими шпилями, он напрасно высматривал бы какие-нибудь следы человеческой деятельности. Он пристально вглядывался бы в бесконечные ленты скоростных шоссе, продернутые друг через друга подобно нитям гигантского ткацкого станка. Но не увидел бы автокаров, не увидел бы ничего, кроме пустынных переулков и огней светофоров, сменяющихся без какого-либо смысла.

Нырнув поглубже и начав петлять между сверкающими башнями, наблюдатель увидел бы движущиеся дорожки, размеренно вращающиеся огромные уличные вентиляторы, которые нагнетают теплый воздух зимой и прохладный — летом, открывающиеся и закрывающиеся крошечные двери, парковые фонтаны, ритмично выбрасывающие в небеса водяные столбы.

Чуть дальше, и он оказался бы над обширным открытым пространством, где перед своими ангарами выстроились рядами сверкающие обшивкой космические корабли. Еще дальше наблюдатель заметил бы проблеск реки, покоящиеся вдоль берега суда, прозрачные клубы пара, поднимающиеся от кормы благодаря никогда не прекращающейся работе вентилей.

И снова он взмыл бы над городской застройкой, высматривая хоть какие-нибудь признаки жизни на широких проспектах, в паутине улиц, в упорядоченном узоре жилых кварталов, в стальной цитадели делового района.

© Перевод Е. Королевой.

Поиски были бы бесплодны.

Всякое движение внизу производилось лишь механизмами. И, поняв, что это за город, наблюдатель перестал бы высматривать людей, его взгляд выхватил бы из пейзажа приземистые металлические конструкции, расположенные в километре друг от друга. В этих круглых строениях помещались не знающие отдыха машины, гудящие слуги горожан.

Это машины делали все: очищали воздух, приводили в движение дорожки и открывали двери, посылали синхронные импульсы светофорам, управляли фонтанами и космическими кораблями, судами на реке и вентиляторами.

Машины, на непогрешимую безотказность которых обитатели города возлагали свои надежды.

В данный момент эти обитатели отдыхали в своих комнатах, на пневматических лежаках. И музыка, звучащая из их стенных колонок, прохладный бриз, веющий от их домашних вентиляторов, сам воздух, каким они дышали,— все это производили машины, безупречные, надежные, безотказные.

Вот в ушах раздалось жужжание. Город начал просыпаться.

Все жужжит и жужжит.

Ты услышал этот звук из черной пучины дремоты. Ты сморщил свой римский нос и переключил два десятка мозговых рычажков, открывая выезды на скоростные шоссе своих конечностей.

Звук прошел глубже, взрезал пелену сонного дурмана и ткнул нетерпеливым пальцем в пульсирующую плоть мозга. Ты повернул на подушке голову и скорчил гримасу. Усилием воли резко открыв один глаз, ты выдохнул, пробормотав что-то в микрофон.

— Капитан Рэкли!

От полоснувшего ножом голоса у тебя свело зубы.

— Да,— ответил ты.

— Вам надлежит немедленно явиться в штаб вашего полка.

Сон и раздражение как рукой сняло, так желчный старик сметает с шахматной доски фигурки. Мышцы живота пришли в действие, и ты уже сидишь на постели. Внутри внушительных размеров грудной клетки тот пульсирующий комок плоти, что задает ритм кровотоку, резко сжался и снова принялся за свою

размеренную работу. Потовые железы вернулись к привычной деятельности, готовые к действию, опасности, героизму.

— Неужели?..— начал ты.

— Прибыть немедленно! — сказал трескучий голос, и у тебя в ухе раздался оглушительный щелчок.

Ты, Джастин Рэкли, уронил трубку на рычажки и, в развевающейся пижаме, ринулся из постели под душ.

Метнулся к двери гардероба и распахнул ее. Нырнув в глубины шкафа, ты вскоре вышел, держа в руках плотно облегающие брюки и китель сорок второго размера в руках. Надел эти брюки и китель, шлепнулся на ближайшее сиденье и сунул ноги в черные армейские ботинки.

А на лице у тебя отражались ох какие невеселые мысли. Причесывая свои густые светлые волосы, ты уже точно знал, откуда такая спешка.

Растоны! Они снова принялись за свое!

Окончательно проснувшийся, ты от отвращения сморщил нос. Проглоченная пища начинала подниматься обратно к горлу при мысли о растонах с их двенадцатью ногами, наследием инопланетных предков, и растягивающей пасть кривой ухмылкой рептилий.

Когда ты стремительно выбежал из своей комнаты, перемахнул через балюстраду и помчался вниз по ступенькам, ты снова задумался о происхождении этих кошмарных растонов, об омерзительном кровосмешении, породившем расу чудовищ. Ты размышлял, где они живут, где выводят своих жутких детенышей, устраивают военные сходки, откуда толпами сползаются в разломы в земле, готовясь к очередному нападению.

Так и не найдя подходящего ответа ни на один из бесконечных вопросов, ты выскочил из дома и сбежал по ступенькам к своему верному автокару. Скользнув внутрь, нажимая кнопки, педали, переводя рычаги и что там еще, ты уже скоро вел его по улицам по направлению к широкому скоростному шоссе, идущему в сторону штаба.

В это время народу на улицах, естественно, очень мало. Если точнее, ты не увидел ни одного человека. Всего через несколько минут ты резко повернул и поднялся по пандусу на шоссе и только тогда увидел другие автокары, со свистом несущиеся к башне в десяти километрах отсюда. Ты решил, и был совер-

шенно прав, что это твои товарищи-офицеры, вырванные из сна точно таким же приказом.

Здания замелькали мимо, когда ты вдавил педали в пол; лицо твое всегда сурово и сосредоточенно в предвкушении опасности, ты великий воин! Все верно, ты не упустишь шанс приняться за работу после месяца безделья. Однако дело складывалось не лучшим образом. При мысли о растонах содрогнется кто угодно.

Что заставляет их просачиваться из их неведомых нор? Почему они постоянно ищут способ уничтожить машины, оставляя кислотные язвы своей проедающей металл слюны, от которой зубцы шестеренок опадают, словно лепестки мертвых цветов? В чем их цель? Неужели они хотят разрушить город? Править его обитателями? Или же истребить их? Нехорошие вопросы, вопросы без ответов.

Что ж, подумал ты, въезжая на стоянку генерального штаба, вам повезло, что растонам до сих пор удалось добраться только до немногих внешних машин, не тронув, по счастью, ваших.

Просто они пока не лучше тебя знают, где помещается Главная Машина, этот сакральный первоисточник энергии, движитель всех остальных механизмов.

Ты скользнул своими военными штанами по сиденью автокара и выпрыгнул на широкую площадку. Твои черные ботинки поскрипывали, пока ты бежал к входу. Другие офицеры тоже выскакивали из автокаров, бежали через стоянку. Никто из них ничего не говорил, все смотрели угрюмо. Некоторые из офицеров вежливо кивали тебе, пока все вы стояли в поднимающемся лифте. Дело скверно, думал ты.

Лифт резко остановился, отчего ты испытал характерное ощущение в паху, и двери, издав гидравлический всхлип, распахнулись. Ты вышел и молча зашагал по коридору в высокий сводчатый зал для совещаний.

Зал был уже почти полон. Молодые люди, все с одинаково красивыми лицами и могучей мускулатурой, стояли группами, негромко обсуждая нападение растонов. Серые звуконепроницаемые стены всасывали в себя их замечания, выдавая в ответ спертый воздух.

Когда ты вошел, все подняли на тебя глаза и покивали, после чего вернулись к своим разговорам. Джастин Рэкли, капитан,— это ты — сел в переднем ряду.

Потом поднял голову. Дверь в Высший эшелон приоткрылась. Размашистыми шагами вышел генерал, сжимающий широкой ладонью стопку бумаг. Его лицо тоже было угрюмо.

Он взошел на трибуну и шлепнул бумагами по стоявшему там столу с толстой столешницей. После чего подошел к краю стола и принялся лягать ботинком одну из ножек, пока все его сослуживцы не разошлись и не заняли поспешно свои места. Когда тишина расползлась по залу, он поджал губы и хлопнул ладонью по поверхности стола.

— Господа,— произнес он голосом, который будто исходил из древней гробницы,— городу снова угрожает серьезная опасность.

После чего он сделал паузу и посмотрел так, словно способен разобраться с любой угрозой. Ты надеешься, что в один прекрасный день тоже сможешь стать генералом и смотреть так, словно способен разобраться с любой угрозой. Нет ничего, что помешало бы этому, думал ты.

— Я не стану даром растрачивать драгоценное время,— продолжал генерал, растрачивая драгоценное время.— Все вы знаете свои позиции, все вы знаете свои обязанности. После того как совещание закончится, вы отправитесь в арсенал и возьмете свое лучевое оружие. Ни на минуту не забывайте, что растонам нельзя позволить прорваться к машинному оборудованию, их нельзя оставлять в живых. Стреляйте на поражение. Лучи не опасны, повторяю, не опасны для механизмов.

Он окинул взглядом твоих напряженно слушающих сослуживцев.

— Вы также знаете,— сказал он,— об опасности отравления, исходящей от растонов. Поскольку малейшее прикосновение их жал может привести к крайне болезненной агонии и смерти, к каждому из вас будет прикреплена, как вам тоже известно, сестра милосердия, специализирующаяся на соматических отравлениях. Так что после арсенала вы отправитесь в Превентивный отдел.

Он подмигнул — жест, никак не вязавшийся с его образом.

— И помните,— сказал он, придавая словам особый вес,— ваше дело война! И только война!

Эта реплика, разумеется, вызвала одобрительные ухмылки, веселые переглядывания и соленые замечания. На этом генерал

закончил исполнение эпизодической роли рубахи-парня и вернулся к командному тону.

— Вместе с приписанной к вам медсестрой те из вас, чьи машины находятся более чем в тридцати километрах от города, отправятся в космопорт, где получат доступ к космокарам. После чего все немедленно приступают к своим обязанностям. Вопросы?

Нет вопросов.

— Едва ли мне нужно напоминать вам,— завершил генерал свою речь,— о важности нашей задачи. Всем вам прекрасно известно, что стоит только растонам проникнуть в город, излить свою ярость на сердце нашей машинной системы, стоит им только —упасите нас небеса! — вычислить местоположение Главной Машины, и нас ждет одно лишь беспощадное уничтожение. Город будет разрушен, все мы будем истреблены, само человечество будет уничтожено!

Собравшиеся смотрели на него, сжимая кулаки, от волн патриотизма разумы были пьяны не меньше, чем у набравшихся сатиров, включая и твой разум, Джастин Рэкли.

— Вот и все,— произнес генерал, взмахнув рукой.— Доброй охоты!

Он спрыгнул с подиума и двинулся к двери, дверь волшебным образом распахнулась за секунду до того, как его внушительный нос пришел в соприкосновение с ее поверхностью.

Ты поднялся, ощущая покалыванье в мышцах. Вперед! Спасем наш прекрасный город!

Ты прошагал через потерявшие стройность ряды сослуживцев. Снова лифт, ты плечом к плечу с товарищами, будоражащее чувство собственной осведомленности переполняет все твое здоровое молодое тело.

Помещение арсенала. Звук затухает в его забитом предметами пространстве. Ты в очереди, с неизменно мрачным лицом, шаркаешь ногами, продвигаясь вперед, окруженный со всех сторон оружием. Прилавок, как будто бы ты покупатель на рынке. Ты показал свою идентификационную карточку, и тебе дали сверкающее лучевое ружье и патронташ с запасным набором лучевых патронов.

После чего ты прошел в дверь и спустился по застеленным резиновым покрытием ступеням в Превентивный отдел. Кровяные тельца в карнавальном хороводе проносятся по венам.

Ты был четвертый в очереди, и она четвертая в очереди, вот так она оказалась приписанной к тебе.

Ты внимательно рассматривал ее, отмечая, что ее форма, хотя и похожая на твою, сидит на ней как-то совсем по-другому. Ты на время отвлекаешься от своих воинственных мыслей. «Вот это да!» — твое либидо хлопает в мозолистые ладоши.

— Капитан Рэкли,— произносит дежурный,— это лейтенант Форбс. Она является вашей единственной гарантией спасения от смерти, если вдруг вас ужалит растон. Следите за тем, чтобы она постоянно оставалась рядом с вами.

Это приказание едва ли показалось обременительным, и ты отдал дежурному честь. После чего обменялся взглядами с юной леди и хрипло проговорил приказ выступать. И вы оба направились к лифту.

Пока вы в молчании спускались, ты поглядывал на нее. Долгая забытая погребальная песнь всплыла в твоем возвратившемся к жизни мозгу. Ты был поглощен созерцанием темных завитков, спадающих на ее лоб и волной спускающихся на плечи, словно загнутые черные пальцы. Глаза ее, как ты заметил, карие и мягкие, словно глаза, что ты видел во сне. И почему бы им такими не быть?

Но что-то было не так. Что-то все время отвлекало тебя от фривольных мыслей. Может быть, подумал ты, это чувство долга? И, вспомнив, куда и для чего вы идете, ты вдруг снова испугался. Розовые облака удалились прочь строевым шагом.

Лейтенант Форбс молчала все время, пока ваш космокар не взмыл в небо, направляясь к окраине города. Затем, отвечая на твои банальные замечания о погоде, она улыбнулась очаровательной улыбкой, продемонстрировав очаровательные ямочки на щеках.

— Мне всего шестнадцать,— сообщила она.

— Значит, это у тебя первый раз.

— Да,— ответила она, глядя вдаль.— И я очень боюсь.

Ты кивнул, потрепал ее по коленке, как тебе показалось, в отеческой манере, отчего, однако, она тотчас же залилась смущенным румянцем.

— Просто держись поближе ко мне,— сказал ты, намеренно вкладывая в слова второй смысл.— Я о тебе позабочусь.

Примитивно, но для шестнадцатилетней в самый раз. Она зарделась еще гуще.

Внизу промелькнули городские башни. Вдалеке, словно крошечная капля на нитях паутины, показалась твоя машина. Ты повернул штурвал, направляясь к ней, миниатюрный корабль нырнул вниз и заскользил по широкой дуге к земле. Ты не сводил внимательного взгляда с приборной панели, размышляя о том странном волнении, какое разливается по всему твоему телу, и не зная, предвещает ли оно усталость от схватки с врагом или от физических упражнений иного рода.

Но на войне как на войне. Сначала город. Вперед!

Корабль спустился вниз и завис над машиной, когда ты нажал на воздушный тормоз. Неспешно он спланировал на крышу, словно бабочка, опускающаяся на цветок.

Ты отключил питание, сердце тяжко колотилось, было забыто все, кроме сиюминутной опасности. Схватив лучевое ружье, ты выпрыгнул наружу и побежал к краю крыши.

Твоя машина находилась на границе города. Вокруг тянулись поля. Ты опытным взглядом обследовал территорию.

Врага не было видно.

Ты поспешил обратно к кораблю. Она все еще сидела внутри, наблюдая за тобой. Ты повернул рукоятку, и из радиостанции полился непрерывный поток слов. Ты топтался в нетерпении, пока диктор не назвал номер твоей машины и не сообщил, что растоны находятся в паре километров от нее.

Ты услышал, как она громко ахнула, и заметил устремленный на тебя взгляд испуганных глаз. Ты отключил рацию.

— Пойдем внутрь,— сказал ты, сжимая оружие радостно подрагивающей рукой.

Так здорово ощущать страх. Чудесно испытывать чувство настоящей опасности. Разве не по этой причине ты здесь?

Ты помог ей выйти. Ее рука была холодна. Ты сжал ее ладонь и чуть улыбнулся ей уверенной улыбкой. После чего, заперев дверь космокара, чтобы враги не пробрались внутрь, ты пошел вниз по ступенькам. Когда ты оказался в главном помещении, твой разум тотчас же заполнил ровный гул механизмов.

Здесь, на этом этапе приключения, ты отложил свое лучевое ружье и боеприпасы и объяснил ей, как устроена машина. Надо заметить, что тебя увлекали не столько технические принципы, о которых ты рассказывал, сколько ее близость. И планы, далекие от плана обороны, формировались у тебя в голове.

Настало мгновение, когда она подняла свои мечтательные веки и буквально нокаутировала тебя взглядом. Ты обнаружил,

что ее бархатистые глаза сводят тебя с ума. Ты притянул ее к себе. Ее напоенное ароматами розы дыхание прямо лишало тебя почвы под ногами. Однако же что-то по-прежнему сдерживало тебя.

Фью-ить! Шмяк!

Она вскрикнула и обмерла.

Растоны были на стенах.

Ты метнулся к столу, на котором покоилось твое лучевое ружье. На стуле рядом со столом лежали твои боеприпасы. Ты закинул сумку за плечо. Она подбежала к тебе, и, с суровым видом, ты передал ей пакет с профилактическими средствами. Ты ощущал себя словно ваш уверенный в себе генерал, пребывающий в угрюмом настроении.

— Держи наполненные шприцы под рукой,— приказал ты.— Я могу...

Фраза оборвалась, когда еще один огромный мерзкий растон шлепнулся на стену. Снаружи послышалось чавканье его чудовищных присосок. Они выискивали механизмы на уровне фундамента.

Ты проверил оружие. Оно было готово к бою.

— Оставайся здесь,— проговорил ты.— Я должен спуститься вниз.

Ты не услышал, что она ответила. Ты кинулся вниз по ступенькам и спрыгнул в подвал как раз в тот миг, когда первый монстр хлынул через окно на металлический пол потоком лавы, отрицающей законы гравитации.

Ряд моргающих желтых глаз уставился на тебя, твое тело сжалось. Громадное золотисто-коричневое чудовище начало с маслянистым чавканьем стремительно перемещаться к механизмам. Ты едва не окаменел от ужаса.

Затем инстинкт взял верх. Ты быстро вскинул ружье. Трескучий ослепительно-голубой луч вырвался из дула, коснулся чешуйчатого тела и заключил его в светящийся кокон. Вопли и запах горящего масла наполнили воздух. Когда луч померк, мертвый растон, дымясь, упал на спину, его слизь растекалась по сварочным швам на полу.

Ты услышал чавканье присосок за спиной. Развернулся, выстрелом отправляя в шкворчащее забвение второго растона. Еще один затек в щель над окном и двинулся на тебя. Еще выстрел, и еще одна опаленная туша, подергиваясь, упала на металл.

Ты проглотил застрявшее комом в горле волнение, голова сама поворачивалась, тело металось из стороны в сторону. Секунда, и еще два монстра надвинулись на тебя. Две вспышки луча, один раз промах. Второе чудовище почти добралось до тебя и уже нацелило тебе в грудь свои черные жала, но ты успел обратить его в пылающий обрубок.

Ты резко развернулся, закричав от ужаса.

Один растон только что соскользнул по лестнице, еще один уже со свистом несся на тебя, целя длинными жалами тебе в сердце. Ты нажал на кнопку. Крик замер у тебя в горле.

Патроны кончились!

Ты отпрыгнул в сторону, и растон проскочил мимо. Ты рывком открыл сумку с боезапасом, поспешно нашаривая патроны. Один выпал и попусту разбился о металлический пол. Руки у тебя заледенели и ужасно дрожали. Кровь толчками протискивалась по венам, волосы встали дыбом. Ты чувствовал себя испуганным до смерти.

Растон снова бросился, когда ты заряжал патрон в лучевое ружье. Ты снова отклонился, но недостаточно! Конец одного жала полоснул тебя по кителю, заставив руку разжаться. Ты ощутил, как жгучий яд ринулся в твою нервную систему.

Ты нажал кнопку, и чудовище исчезло в облаке маслянистого дыма. Подвальный ярус машины был спасен — растоны двинулись в обход.

Ты кинулся на лестницу. Ты должен спасти машину, спасти ее, спасти себя!

Подошвы ботинок колотили по металлическим ступеням. Ты ворвался в главное помещение машины и огляделся вокруг.

Ахнул, раскрыв рот. Ее бездыханное тело сползало со стула. Полоса слизи расползалась по ее вздымающемуся на груди кителю.

Ты крутанулся на месте, и в тот же миг растон исчез в машине, протаскивая свое чешуйчатое тело между частями механизма. Слизь стекала с его тела и липких челюстей. Машина остановилась, завелась снова, поврежденные колеса застонали.

Город! Ты метнулся к краю машины и выпустил в чудище заряд. Ослепительно-голубой луч скользнул мимо растона. Ты выстрелил еще раз. Растон перемещался слишком проворно, прятался за колесами. Ты обежал вокруг машины, стреляя на бегу.

Бросил взгляд на нее. Сколько времени она под воздействием яда? Никак не определить. В твоей собственной плоти, однако, тоже началось жжение. Тебе казалось, будто тебя охватывает пламя, будто твое тело вот-вот развалится на куски.

Ты должен добраться до противоядия и сделать укол и ей, и себе.

А растон все еще ускользал от тебя. Надо остановиться и снова зарядить ружье. Комната начала вращаться вокруг тебя, головокружение брало над тобой верх. Ты снова и снова жал на кнопку. Лучи уходили в машину.

Ты вертелся на месте, рыдая и раздирая на себе воротник. Ты едва дышал. Вонь горелого сала заполняла все сознание. Ты бежал, спотыкаясь, вокруг машины, посылая очередной луч в верткого растона.

И вот наконец, когда ты уже готов был рухнуть, тебе удалось прицелиться. Ты нажал кнопку, растона охватило пламя; плавясь, он рухнул под машину, и его вынесло наружу выхлопом.

Ты уронил лучевое ружье и поковылял к ней.

Шприцы лежали на столе.

Ты рванул на ней китель и всадил иглу в мягкое белое плечо, толчками впрыскивая противоядие в ее вены. Всадил другую иглу в собственное плечо, ощутил, как неожиданная прохлада растеклась по мышцам и сосудам.

Ты опустился рядом с ней, тяжело дыша и закрыв глаза. Столь высокая нагрузка обессилила тебя. Ощущение было такое, будто теперь придется отдыхать целый месяц. И конечно же, так и будет.

Она застонала. Ты открыл глаза и посмотрел на нее. Снова тяжело задышал, понимая, в чем причина этого нового волнения. Ты не сводил с нее глаз. Волна жара разлилась по твоим конечностям, омыла сердце. Ее глаза смотрели на тебя.

— Я...— выговорил ты.

После чего всякая выдержка покинула тебя, все сомнения разрешились. Город, растоны, машины — опасность миновала и позабылась. Она провела нежной рукой по твоей щеке.

— А когда ты в следующий раз открыл глаза,— заключил доктор,— то снова был в этой комнате.

Рэкли засмеялся, голова его дергалась на подушке, руки ликующе взметались.

— Но, дорогой мой доктор,— засмеялся он,— какой же ты невероятно умный, что знаешь все это. Как же тебе это удается, негодяй ты этакий?

Врач посмотрел на высокого красивого мужчину, который лежал на кровати, все еще вздрагивая и задыхаясь от смеха.

— Ты забыл,— сказал он.— Это же я сделал тебе инъекцию. Вполне естественно, что я узнал обо всем, что произошло затем.

— А, ну точно! Точно! — воскликнул Джастин Рэкли.— О, это было невероятно, баснословно прекрасно. Подумать только, я! — Он провел холеными пальцами по бугрящимся мышцам на руке.— Я — герой!

Он хлопнул в ладоши, и звучный смех всколыхнул его грудь, белоснежные зубы сверкнули на загорелом лице. Простыня соскользнула, обнажая широченную грудную клетку, крепкие кубики мускулов на животе.

— О боже мой,— вздохнул он.— Боже мой, какой тоскливой была бы жизнь, если бы твои благословенные уколы не рассеивали бы бесконечную скуку!

Доктор холодно посмотрел на него, длинные белые пальцы сжались в обескровленный кулак. Мысль ножом убийцы вонзилась в разум: это конец нашей расы, прискорбный итог эволюции человечества. Окончательное разложение.

Рэкли зевнул и потянулся.

— Мне нужно отдохнуть.— Он пристально посмотрел на доктора.— Это был такой *утомительный* сон.

Он снова захихикал, светловолосая голова вжалась в подушку. Руки вцепились в простыни, словно его вот-вот хватит удар от смеха.

— Скажи же мне,— хохотал он,— что за чертовщину ты закачиваешь в эти свои восхитительные уколы? Я уже столько раз спрашивал об этом.

Доктор поднял свой пластиковый чемоданчик.

— Просто сочетание химических элементов, подобранных так, чтобы, с одной стороны, провоцировать выброс адреналина, а с другой — блокировать высшие мозговые центры. Короче говоря,— завершил он,— коктейль из стимуляторов и успокоительного.

— Ну, ты всегда так отвечаешь,— произнес Джастин Рэкли.— Но это просто восхитительно. Невероятно, очаровательно. Ты вернешься через месяц с новым сном для меня?

Доктор устало выдохнул.

— Да,— ответил он, не пытаясь даже скрыть свое отвращение.— Я вернусь через месяц.

— Слава небесам,— отозвался Рэкли.— Я покончил с этим кошмаром про растонов на пять месяцев вперед. Брр! Они настолько омерзительны! Мне бы хотелось увидеть что-нибудь о шахтах и добыче руд на Марсе или Луне, о приключениях в продовольственных центрах. Это гораздо приятнее. Однако...— Его рот дернулся.— Пусть в них будет побольше этой юной красотки.

Его сильное, но уставшее тело содрогнулось от восторга.

— О да, пусть будет так,— пробормотал он, закрывая глаза.

Он вздохнул и медленно и утомленно перевернулся на широкий бок.

Доктор шел по пустынным улицам, на лице его застыло привычное отчаяние. Зачем? Зачем? Он снова и снова мысленно задавался этим вопросом.

Зачем мы должны поддерживать жизнь в этих городах? Ради чего? Почему бы не позволить цивилизации на этой последней заставе человечества погибнуть, как ей и суждено? К чему тратить силы, поддерживая жизнь в этих людях — в сотнях, тысячах Джастинах Рэкли, хорошо ухоженных животных, которых механизмы кормят и поят, массируют тело, приводя его в спортивную, в эстетичную форму. Те же механизмы не позволяют их физическим оболочкам обратиться в жирных белых слизней, какими они уже являются по своей внутренней сути и станут в самом деле, если бросить их без присмотра. Либо умрут.

Почему бы не позволить им умереть? К чему посещать их раз в месяц, накачивая их вены наркотическими веществами, сидеть и наблюдать, как они один за другим врываются в свои придуманные миры, чтобы спастись от скуки? Неужели он бесконечно будет наполнять своими фантазиями их вялые мозги, отправлять их в полет к другим планетам и лунам, внедрять все виды любви и великих приключений в эти сны, пародирующие героические подвиги?

Доктор устало ссутулился и вошел в следующий «спальный» дом. Очередные тела, крепкие и красивые, пассивно распростерлись на лежаках. Очередные уводящие в мир сна инъекции.

Он делал их, наблюдая, как тела поднимаются и ковыляют к гардеробам. На этот раз костюмы первооткрывателей: проб-

ковые шлемы, соблазнительные шорты, сапоги из змеиной кожи и обнаженные руки. Он стоял у окна, глядя, как они забираются в свои автокары и отъезжают. Он сидел и ждал, пока они вернутся, зная каждый шаг, который им предстоит, потому что сам придумал все это.

Они отправятся в гидропонное хозяйство отбивать вторжение пожирателей энергии. Крупнее, чем растоны, воплощение чистой силы, эти пожиратели угрожают высосать все соки из растений на гидропонных поддонах, из живой бесформенной плоти, бесконечно разрастающейся в питательных средах. Пожиратели энергии, разумеется, будут отбиты. Так бывает всегда.

Естественно. Это же только сны. Неимоверные иллюзорные создания, порожденные в жаждущем сонном мозгу магией химии и заклинаниями скучной науки.

Но что бы сказали все эти Джастины Рэкли, эти прекрасные и безнадежные обломки апатичной плоти, если бы узнали, как их дурачат?

Узнали бы, что все эти растоны всего лишь игра ума, превращающая всякий металлолом и прочий хлам в невероятных чудовищ. Чудовищ, которые одни только и могут хоть как-то пробудить жалкий инстинкт самосохранения, едва теплящийся в этой обреченной расе. Пожиратели энергии — это насекомые, грибки и выдохшиеся питательные растворы. «Бурильщики шахт» — похожие на живых тварей облака пара, исторгаемые отходами с Луны и Марса. И другие, многие другие существа, угрожающие тому, что приводит в движение, снабжает и обновляет город.

Что сказали бы Джастины Рэкли, если бы вдруг обнаружили, что каждый из них в своем «сне» проделывает самую настоящую физическую работу? Что все их лучевые ружья — это краскораспылители, масленки и отбойные молотки, их смертоносные лучи всего лишь брызги смазки для ржавых машин, инсектициды или жидкие удобрения?

Что они сказали бы, если бы обнаружили, что их обманом заставляют размножаться, впрыскивая афродизиаки под видом инъекций с противоядием? И что их, потерявших естественную тягу к продолжению рода, накачивают наркотическими веществами, вызывающими не свойственное им влечение — влечение, единственной целью которого является обеспечение материалом детородных машин.

Через месяц он вернется к Джастину Рэкли, *капитану* Джастину Рэкли. Месяц на отдых, ведь эти людишки так быстро истощаются. Требуется целый месяц, чтобы они восстановились хотя бы для новой инъекции гипнотических веществ, были бы в состоянии смазать механизм или обработать поддон с гидропоникой, чтобы придать сил одной-единственной крошечной живой клеточке.

Все ради машин, города, ради людей...

Доктор сплюнул на стерильный пол комнаты с пневматическими лежаками.

Люди и были машинами больше, чем сами машины. Раса рабов, омерзительный осадок на самом дне, без перспективы, без надежды.

О, как бы они взвыли, как взбесились бы, подумал он, получая мрачное удовлетворение от своего знания, если бы им позволили пройти по широким подземным тоннелям до громадной комнаты, где помещается Главная Машина, этот мифический источник всей энергии, и увидеть, зачем их заставляют работать обманом. Главная Машина была создана, чтобы сделать ненужным любой человеческий труд, приводить в действие машины поменьше, фабрики по производству еды, шахты.

Но какой-то мудрый человек из Совета правления, несколькими веками раньше, сумел разбить механический мозг Главной Машины. И сейчас Джастины Рэкли увидели бы своими собственными неверящими глазами ржавчину, гниль, гигантские искореженные детали... Только они не увидят.

Их работа состояла в том, чтобы видеть сны о героической работе и работать во сне.

Но сколько это продлится еще?

Кровный сын

Когда обитатели дома узнали о сочинении Джула, они окончательно уверились, что Джул псих.

Подозревали об этом уже довольно давно.

От его пустого пристального взгляда людей бросало в дрожь. Его сиплый гортанный голос никак не вязался с хрупким телом. Его бледная кожа пугала многих детей. Создавалось впечатление, будто бы она ему велика. Он ненавидел солнечный свет.

И мысли его казались окружающим несколько «с приветом».

Джул хотел стать вампиром.

Люди уверяли, будто знают наверняка, что он родился в ту ночь, когда буря с корнем вырывала деревья. Ходили слухи, что он родился с тремя зубами. Утверждали, будто бы этими зубами он впивался в материнскую грудь и сосал вместе с молоком кровь.

Говорили, что он часто лаял и гоготал в своей колыбельке с наступлением темноты. Говорили, что он пошел в два месяца и сидел, таращась на луну, когда она появлялась на небе.

Вот что говорили другие.

Родители вечно переживали из-за него. Единственный ребенок, так что они быстро заметили все его странности.

Они думали, что он слепой, пока врач не объяснил им, что он просто смотрит мимо предметов. Он сказал им, что Джул, при такой огромной голове, может оказаться гением или же идиотом. Выяснилось, что он идиот.

Он не произносил ни слова до пяти лет. После чего однажды вечером он пришел к ужину, сел за стол и произнес: «Смерть».

© Перевод Е. Королевой.

Его родители не знали, что испытывать: восторг или ужас. В итоге они нашли золотую середину между двумя эмоциями. Они решили, что Джул не понимает значения этого слова.

Но Джул прекрасно понимал.

Начиная с того вечера у него накопился такой обширный лексикон, что все знавшие его были ошеломлены. Он не только запоминал любое сказанное ему слово, слова с вывесок, из журналов и книг — он придумывал свои собственные слова.

Такие, как сумракасание. Или гибелюбовь. Конечно, это были просто пары слов, слитые воедино. Они обозначали явления, которые Джул понимал, но не мог выразить обычными словами.

Он часто сидел на крыльце, пока остальные дети играли в классики, мячик и другие игры. Он сидел там и пристально глядел в переулок, придумывая слова.

До двенадцати лет Джул почти не попадал в неприятные истории.

Правда, однажды его застукали за тем, что он раздевал в переулке Олив Джоунз. А еще раз его поймали за вскрытием котенка прямо на кровати.

Но эти случаи разделял промежуток в несколько лет. Те скандалы позабылись.

В общем и целом он пережил детство, не вызывая в людях особого отвращения.

Он ходил в школу, но ничему не учился. Он сидел по два-три года в каждом классе. Все учителя знали его по имени. На некоторых уроках, таких как чтение и письмо, он блистал.

На других — безнадежен.

В одну субботу, когда ему исполнилось двенадцать, Джул отправился в кино. Он смотрел «Дракулу».

Когда сеанс закончился, он прошел, дрожащий комок нервов, мимо других мальчиков и девочек.

Он пришел домой и на два часа заперся в ванной комнате.

Родители колотили в дверь и угрожали, но он так и не вышел.

В итоге он отпер дверь и сел за стол ужинать. Палец у него был перевязан, а по лицу растекалось довольное выражение.

На следующее утро он отправился в библиотеку. Это было воскресенье. Он весь день просидел на ступеньках, дожидаясь, пока библиотека откроется. В конце концов он вернулся домой.

На следующее утро он снова пришел сюда вместо того, чтобы пойти в школу.

Он обнаружил на полке «Дракулу». Он не имел права взять книгу, потому что не был записан в библиотеку, а чтобы записаться, требовалось привести кого-нибудь из родителей.

Поэтому он сунул книгу за пояс брюк, вышел из библиотеки и так и не вернул книгу.

Он направился в парк, сел там и прочитал книгу от корки до корки. Был уже поздний вечер, когда он закончил.

После чего начал сначала, переходя от одного уличного фонаря к другому, и читал всю дорогу домой.

Он не услышал ни слова, пока его бранили за то, что он пропустил обед и ужин. Он поел, ушел в свою комнату и читал книгу, пока не дочитал до конца. Его спросили, где он взял книгу. Он сказал, что нашел ее.

Шли дни, а Джул все перечитывал и перечитывал «Дракулу». Он так и не пошел в школу.

Поздно ночью, когда сон все-таки брал над ним верх, мать приносила книгу в гостиную показать отцу.

Однажды они заметили, что Джул подчеркивает некоторые места неровными карандашными линиями.

Например: «Ее губы были багровыми от свежей крови, тонкая струйка стекала с подбородка, марая белоснежный батистовый саван».

Или: «Когда кровь брызнула, он крепко сжал обе мои ладони своей рукой, а свободной схватил меня за шею и прижал мой рот к ране...»*

Когда мать увидела это, она вышвырнула книгу в мусоропровод.

На следующее утро, обнаружив пропажу, Джул визжал и выкручивал матери руку, пока она не сказала ему, где книга.

Тогда он кинулся в подвал и принялся рыться в грудах мусора, пока ее не нашел.

С кофейной гущей и яичными скорлупками, приставшими к рукам, он отправился в парк и еще раз прочитал книгу.

Он перечитывал ее целый месяц. После чего изучил так хорошо, что выбросил, потому что знал ее теперь наизусть.

Из школы приходили сообщения о прогулах. Мать ругалась. Джул решил на время вернуться туда.

---

* Отрывки из глав 16 и 22. *(Прим. ред.)*

Он хотел написать сочинение.

И в один прекрасный день написал его в классе. Когда все закончили писать, учительница спросила, не хочет ли кто-нибудь прочитать свое сочинение перед классом.

Джул поднял руку.

Учительница удивилась. Однако отнеслась благожелательно. Ей хотелось подбодрить его. Она указала на него своим крошечным подбородком и улыбнулась.

— Прекрасно,— произнесла она.— Слушаем внимательно, дети. Джул сейчас прочитает нам свое сочинение.

Джул встал. Он был взволнован. Тетрадь дрожала у него в руке.

— «О чем я мечтаю», сочинение...

— Выйди к доске, Джул, детка.

Джул вышел к доске. Учительница ласково улыбнулась. Джул начал снова.

— «О чем я мечтаю», сочинение Джула Дракулы.

Улыбка померкла.

— Когда я вырасту, я хочу стать вампиром.

Уголки губ учительницы опустились, рот приоткрылся. Глаза расширились.

— Я хочу жить вечно, расквитаться со всеми и сделать всех девчонок вампиршами. Я хочу вдыхать запах смерти.

— Джул!

— Я хочу выдыхать смрад мертвой земли, склепа и гниющих гробов.

Учительница содрогнулась. Она вцепилась руками в зеленый классный журнал. Ей было трудно поверить своим ушам. Она посмотрела на детей. Те сидели с разинутыми ртами. Некоторые хихикали. Но только не девочки.

— Я хочу, чтобы моя плоть была гнилой и холодной, а по венам струилась кровь других людей.

— Этого... кхе-кхе, гм!

Учительница громогласно откашлялась.

— Этого хватит, Джул,— сказала она.

Джул принялся читать громче и отчаяннее.

— Я хочу погружать свои жуткие белые клыки в чужую плоть. Я хочу, чтобы они...

— Джул! Немедленно сядь на место!

— Я хочу, чтобы они, словно лезвия, взрезали кожу и проникали до вен,— неистово продолжал Джул.

Учительница вскочила на ноги. Детей трясло от ужаса. Никто уже не смеялся.

— Тогда я вытащу клыки и позволю крови литься потоком мне в рот, жаркими струями стекать по глотке и...

Учительница схватила его за руку. Джул вырвался и убежал в угол. Отгородившись стулом, он вопил:

— И я высуну язык и прильну губами к горлу своей жертвы! Я хочу пить кровь девочек!

Учительница кинулась на него. Она вытащила его из угла. Он царапался и завывал всю дорогу до двери, а потом до кабинета директора.

— Вот о чем я мечтаю! Вот о чем я мечтаю! *Вот* о чем я мечтаю!

Это было жутко.

Джула заперли у себя в комнате. Учительница с директором сидели вместе с родителями Джула. Они говорили траурными голосами.

Они пересказывали случившееся.

Все родители в доме обсуждали это. Многие из них сначала не поверили. Они решили, что их дети все выдумали.

Потом подумали, каких же чудовищных детей вырастили, если они выдумывают такое.

В общем, они наконец поверили.

После чего все вокруг ястребами высматривали Джула. Люди избегали его прикосновения или взгляда. Родители забирали детей с улицы, когда он приближался. Все рассказывали о нем небылицы.

Снова начали приходить записки о его прогулах.

Джул сказал матери, что больше не станет ходить в школу. Ничто не могло заставить его переменить решение. Он туда не пойдет.

Когда за ним пришел школьный надзиратель, занимавшийся прогульщиками, Джул бежал по крышам, пока не ушел от дома достаточно далеко.

Год протащился без толку.

Джул слонялся по улицам, выискивая что-то, он сам не знал что. Он заглядывал в переулки. Он заглядывал в мусорные бачки. Он заглядывал на стоянки. Он заглядывал в богатые районы, и в бедные, и в районы между ними.

Он не мог найти того, что хотел.

Он редко спал. Он совсем не разговаривал. Он все время смотрел в землю. Он забыл придуманные им словечки.

И вот.

В один прекрасный день Джул брел через зоопарк.

Словно электрический разряд пробежал по телу, когда он увидел летучую мышь — вампира.

Глаза его расширились, а бесцветные зубы тускло блеснули в широкой усмешке.

И начиная с того момента Джул каждый день ходил в зоопарк и смотрел на летучую мышь. Он разговаривал с ней и называл ее Графом. Он чувствовал в глубине души, что это на самом деле человек, превратившийся в мышь.

Его снова охватила жажда к самообразованию.

Он украл из библиотеки еще одну книгу. О жизни животных.

Он нашел страницу с летучей мышью — вампиром. Вырвал ее, а книгу выбросил.

Он заучил этот раздел наизусть.

Он знал, как мышь прокусывает ранку. Как она слизывает кровь, словно котенок, лакающий сливки. Как она ходит на сложенных крыльях и задних лапах, словно черный, покрытый шерстью паук. Почему она не питается ничем, кроме крови.

Месяц за месяцем Джул смотрел на летучую мышь и разговаривал с ней. Это стало его единственным утешением в жизни. Единственным символом воплощенной мечты.

Как-то раз Джул заметил, что проволочная сетка снизу клетки отходит.

Он огляделся по сторонам, его черные глаза забегали. Он не заметил, чтобы кто-нибудь смотрел на него. День был пасмурный. Людей вокруг было немного.

Джул потянул сетку на себя.

Она немного поддалась.

Потом он увидел, как из домика с вольерами для обезьян выходит служитель. Так что он убрал руки и пошел прочь, насвистывая только что придуманный мотив.

Поздно ночью, когда предполагалось, что он уже спит, он босиком прошел через комнату родителей. Слышно было, как похрапывают отец и мать. Он поспешно выскочил из комнаты, надел ботинки и побежал в зоопарк.

Каждый раз, когда ночной сторож уходил подальше, Джул оттягивал проволочную сетку.

Он тянул ее, пока не оторвал.

Когда он закончил и ему было пора возвращаться домой, он приставил сетку на место. Чтобы никто не заметил.

Весь день Джул стоял перед клеткой, смотрел на Графа, посмеивался и говорил ему, что скоро тот снова окажется на свободе.

Он пересказывал Графу все, что изучил. Он сказал ему, что хочет попробовать спускаться по стенам вниз головой.

Он уговаривал Графа не переживать. Скоро тот выйдет на свободу. И тогда вместе они будут бродить по округе и пить кровь девчонок.

А ночью Джул отодвинул сетку и забрался внутрь.

Было очень темно.

Он опустился на колени перед маленьким деревянным домиком, прислушиваясь в надежде уловить писк Графа.

Джул сунул руку в черный провал двери. Он все время шептал что-то.

Подскочил, когда почувствовал, будто в его палец впились иголки.

С выражением крайнего удовольствия на худом лице Джул вытянул трепещущий шерстяной комок наружу.

Он выбрался из клетки с мышью в руке и побежал прочь из зоопарка. Он мчался по молчаливым улицам.

Время шло к рассвету. Черные небеса начали сереть. Он не мог вернуться домой. Ему надо было найти себе место.

Он прошел по переулку и перелез через забор. Он крепко держал мышь. Она прильнула к струйке крови, текущей из его пальца.

Джул прошел через двор и вошел в маленький заброшенный домик.

Внутри было темно и сыро. Дом был забит мусором, жестяными банками, промокшими картонками и испражнениями.

Джул решил, что отсюда мыши не сбежать.

Тогда он плотно прикрыл дверь и закрыл на щеколду.

Он чувствовал, как сильно бьется сердце и дрожат конечности. Он отпустил летучую мышь. Та улетела в темный угол и вцепилась в деревянную стену.

Джул судорожно сорвал с себя рубаху. Губы его дрожали. На его лице горела улыбка безумца.

Он сунул руку в карман брюк и вытащил маленький перочинный ножик, который похитил у матери.

Раскрыл лезвие и провел по нему пальцем. Нож прорезал кожу.

Дрожащей рукой он вцепился себе в горло. Полоснул по шее ножом. Кровь потекла по пальцам.

— Граф, Граф! — кричал он в безумном восторге.— Пей мою алую кровь! Пей меня! Пей меня!

Спотыкаясь о консервные жестянки, поскальзываясь, он двинулся к мыши. Мышь слетела со стены, метнулась через комнату и вцепилась в противоположную стену.

Слезы потекли по щекам Джула.

Он заскрежетал зубами. Кровь текла по его плечам и по впалой безволосой груди.

Все тело лихорадочно подергивалось. Он шагнул к противоположной стене. Оступился и упал, распоров бок об острый край жестяной банки.

Руки его взметнулись. Он схватил летучую мышь. Приложил ее к своему горлу. Опустился спиной на холодный сырой пол. Вздохнул.

Принялся стонать и хвататься за грудь. Содержимое желудка подступало к горлу. Черная мышь у него на шее беззвучно слизывала его кровь.

Джул ощутил, как жизнь вытекает из него.

Он подумал обо всех прошедших годах. Об ожидании. О своих родителях. О школе. Дракуле. Мечтах. Об этом. Этом нежданном счастье.

Глаза Джула резко распахнулись.

Зловонная комната поплыла вокруг него.

Он с трудом дышал. Он раскрыл рот, чтобы глотнуть воздуха. Он втянул его в себя. Воздух был полон смрада. Он закашлялся. Тощее тело содрогалось на холодном полу.

Языки тумана покидали его сознание.

Выплывали один за другим, похожие на шелковые вуали.

Внезапно его разум заполнила ужасающая ясность.

Он ощутил пронзительную боль в боку.

Он осознал, что лежит, полуобнаженный, среди мусора и позволяет летучей мыши пить свою кровь.

Со сдавленным криком он протянул руку и оторвал от себя меховой комок. Отшвырнул от себя. Мышь вернулась, овевая ему лицо хлопающими крыльями.

Джул с усилием поднялся на ноги.

Двинулся к двери. Он едва видел. Он пытался остановить кровотечение из горла.

Ему удалось распахнуть дверь.

После чего, вырвавшись на темный двор, он упал лицом в высокую траву.

Он пытался позвать на помощь.

Но ни звука, если не считать бессмысленного бульканья, не сорвалось с его губ.

Он услышал хлопанье крыльев.

После чего внезапно все затихло.

Сильные пальцы осторожно подняли его с земли. Умирающий взгляд Джула различил высокого черноволосого мужчину, глаза которого сверкали, словно рубины.

— Сын мой,— произнес мужчина.

Дело в шляпе

Я вышел на террасу, подальше от шумного сборища.

Сел в самый темный угол, вытянул ноги и вздохнул. Ну и скучища!

Распахнулась дверь, и на террасу вышел человек. Он едва держался на ногах. Шатаясь, подошел к перилам, облокотился о них и уставился на огни раскинувшегося перед ним города.

— О господи,— пробормотал он и провел дрожащей рукой по редким волосам. Потряс головой и вперил взор в горящий на крыше Эмпайр-стейт-билдинг фонарь. Глухо застонал, повернулся и заплетающейся походкой побрел ко мне. Споткнувшись о мои ботинки, чуть не упал.

— О-ох,— пробормотал он, плюхаясь в соседний шезлонг.— Прошу прощения, сэр.

— Ничего,— отозвался я.

— Вы позволите отнять у вас немного времени? — спросил он.

И, не дожидаясь ответа, приступил к делу.

— Послушайте,— сказал он,— я вам расскажу совершенно невероятную историю.

Он наклонился вперед и уставился на меня мутными глазами. Затем засопел, как паровоз, и рухнул обратно в шезлонг.

— Слушайте,— начал он.— Это точно... как это там: «Есть многое на свете, друг Горацио...» и так далее. Вы думаете, я пьян? Так оно и есть. А почему? В жизни не догадаетесь. Все дело в моем брате. Началось это пару месяцев назад. Он работает начальником отдела в рекламном агентстве Дженкинса. Они ему там все в подметки не годятся... То есть... я хочу сказать... работал...

Он всхлипнул и задумчиво повторил:

— В подметки не годятся...

© Перевод М. Тарасьева.

Вытащил из нагрудного кармана носовой платок и высморкался так, что я даже вздрогнул. Затем снова ударился в воспоминания:

— Они все приходили к нему за советом, все. Сидит он, бывало, у себя в кабинете: на голове шляпа, ноги на столе, ботинки блестят... А они вопят: «Чарли, подскажи что-нибудь!..» А он повернет шляпу (он называл ее «думательная шляпа») и говорит: «Ребята, это надо делать так». И идеи у него всегда были — закачаешься. Какой человек!

Тут он уставился на луну и снова высморкался.

— И что?

— Какой человек,— повторил он.— Ему не было равных. Обратишься к нему — и дело в шляпе. Шутка. Как мы думали.

Я вздохнул.

— Странный был тип,— продолжал мой собеседник.— Странный.

— Ха! — сказал я.

— Как картинка из журнала мод. Точь-в-точь. Костюмы всегда сидели как влитые. Шляпы — то, что надо. Ботинки, носки — все делалось на заказ. Помню, поехали мы как-то за город: Чарли с Мирандой и мы с моей старушкой. Жаркий денек. Я снял пиджак. А он — ни в какую. Говорит, мол, мужчина без пиджака — это не мужчина. Нашли отличное местечко: ручей, полянка, травка, есть где посидеть. Пекло невозможное. Миранда и моя жена разулись и бродили босиком по воде. Я и то к ним присоединился. Но он! Ха!

— Ха!

— Ни в какую. Представляете, я там шлепаю по воде босиком, как мальчишка, брюки подвернуты, рукава засучены. А Чарли сидит себе на лужайке, одет как на свидание, смотрит на нас и улыбается. Мы ему кричим: «Давай к нам, Чарли, скидывай ботинки!» «Нет,— говорит,— мужчина без ботинок — это не мужчина. Я без них и ходить-то не смогу». Тут Миранду допекло: «Никак не могу понять,— говорит,— за кого я вышла замуж: за мужчину или за платяной шкаф». Вот таким человеком был мой брат. Вот таким.

— Конец рассказа,— намекнул я.

— Еще нет,— возразил он. Голос у него дрожал. Наверное, от ужаса.— Теперь начинается самое страшное. Помните, что я говорил насчет его одежды? Даже нижнее белье шилось на заказ.

— Угу,— сказал я.

— Однажды кто-то в конторе решил подшутить и спрятал его шляпу. Чарли, похоже, не притворялся, что без нее не может думать. Не говорил почти ничего. Так, бормотал что-то. Смотрел все время в окно и повторял: «Шляпа, шляпа». Я отвез его домой. Мы с Мирандой уложили его в постель и пошли в гостиную. Сидим, разговариваем, вдруг слышим — грохот. Мы бегом в спальню. Смотрим — Чарли лежит на полу. Помогли ему встать, а он снова падает — ноги подкашиваются. Что такое? А он повторяет: «Ботинки, ботинки». Мы посадили его на кровать. Он взял с пола ботинки, а они выпали у него из рук. Он говорит: «Перчатки, перчатки». Мы стоим и смотрим на него, ничего понять не можем. А он как закричит: «Перчатки!» Миранда перепугалась. Принесла перчатки и бросила ему на колени. Он их натянул медленно, с трудом. Потом наклонился и надел ботинки. Встал и прошелся по комнате, осторожно, словно сомневался, что ноги его выдержат. Потом говорит: «Шляпа» — и пошел в чулан. Напялил на голову шляпу. А потом — можете себе представить? — говорит: «Какого черта ты притащил меня домой? У меня работы полно. Я сейчас поеду и уволю ту скотину, которая спрятала мою шляпу». И поехал обратно в контору. Вы мне верите?

— Почему бы и нет? — устало ответил я.

— Ну что ж,— сказал он,— я думаю, об остальном вы и сами можете догадаться. Миранда в тот день сказала: «Так вот почему этот придурок такой мямля в постели! Теперь что, каждую ночь на него шляпу напяливать?» Мне даже как-то неловко стало.— Он замолчал и вздохнул.— После того случая дела пошли совсем плохо. Без шляпы Чарли не мог думать. Без ботинок — не мог ходить, без перчаток — шевелить пальцами. Он даже летом ходил в перчатках. Врачи только руками разводили, а один психиатр вообще уехал из города после того, как Чарли побывал у него на приеме.

— Закругляйтесь,— сказал я.— Мне скоро уходить.

— Да я уже почти закончил,— заторопился он.— Чарли становилось все хуже и хуже. Чтобы его одевать, пришлось специально нанять человека. Миранде он совсем опротивел, и она перешла спать в другую комнату. Мой брат терял все. А потом настало то утро...

Он содрогнулся.

— Я зашел его проведать. Дверь в квартиру была распахнута настежь. А внутри — словно в склепе. Я позвал слугу Чарли. Ни звука. Прошел в спальню. Гляжу — Чарли лежит на кровати и что-то бормочет. Я, ни слова не говоря, беру шляпу и надеваю ему на голову. «Где твой слуга? — спрашиваю.— Где Миранда?» А он на меня уставился и молчит, только губы дрожат. Я его спрашиваю: «Чарли, что случилось?» Он отвечает: «Костюм». Я спрашиваю: «Какой костюм? О чем ты говоришь?» А он со слезами в голосе: «Мой костюм сегодня утром пошел вместо меня на работу». Я подумал было, что он свихнулся. А он объясняет: «Серый, в полоску. Я вчера его надевал. Мой слуга закричал, и я проснулся. Он смотрел в сторону гардероба. Я тоже посмотрел. О господи! Там перед зеркалом мое белье само по себе собиралось. Белая рубашка прилетела и наделась на майку, сверху — пиджак, снизу — брюки, галстук сам собой завязался. Носки и ботинки подползли под брюки. Потом рукав пиджака поднялся, взял с полки шляпу и надел ее туда, где должна быть голова. Потом шляпа сама по себе снялась. Костюм ушел. Мой слуга сбежал. Миранды нет». Чарли замолчал, и я снял с него шляпу, чтобы он мог спокойно потерять сознание. Потом вызвал «скорую». Это случилось на прошлой неделе. Меня до сих пор трясет.

— Все? — спросил я.

— Почти,— ответил он.— Чарли в больнице, и ему становится все хуже. Сидит в серой шляпе на кровати и бормочет что-то себе под нос, а разговаривать не может даже в шляпе.

Он вытер пот со лба.

— И это еще не самое худшее. Говорят, Миранда... Говорят, у нее с этим костюмом роман. Она всем своим подружкам рассказывает, какой он замечательный и что Чарли как мужчина ему и в подметки не годится.

— Не может быть,— сказал я.

— Может,— сказал он.— Она сейчас там.— И он кивнул головой в сторону двери.— Недавно пришла.

Он откинулся на спинку шезлонга и замолчал. Я встал и потянулся. Мы посмотрели друг другу в глаза, и он тут же потерял сознание. А я разыскал Миранду, и мы поехали домой.

Белое шелковое платье

Вокруг ни звука. Звуки только у меня в голове. Бабушка заперла меня на ключ в моей комнате и не хочет выпускать. Потому что это случилось, говорит она. Мне кажется, я плохо вела себя. Но это все из-за платья. Я хочу сказать, из-за маминого платья. Мама ушла от нас навсегда. Бабушка говорит, моя мама на небе. Не понимаю, как это? Как она попадет на небо, если она умерла?

А теперь я слышу бабушку. Она в маминой комнате. Она укладывает мамино платье в сундучок. Почему она всегда делает это? А потом еще она запирает сундучок на ключ. Меня очень огорчает, что она делает это. Платье такое красивое, и, потом, оно очень хорошо пахнет. И оно такое мягкое. Так приятно прижаться к нему щекой. Но я больше никогда не смогу сделать этого. Мне запрещено. Я думаю, все потому, что бабушка очень рассердилась. Но я в этом не уверена. Сегодня все было как обычно. К нам пришла Мэри Джейн. Она живет напротив. Она каждый день приходит играть со мной. Сегодня тоже.

У меня есть семь кукол и еще одна пожарная машина. Сегодня бабушка сказала, играй со своими куклами и с машиной. Она сказала, не ходи в мамину комнату. Она всегда так говорит. Наверное, потому, что она боится, будто я устрою там беспорядок.

В маминой комнате все очень красиво. Я хожу туда, когда дождь. Или когда бабушка отдыхает после обеда. Я стараюсь не шуметь. Я сажусь прямо на кровать, и я трогаю белое покрывало. Как будто я снова маленькая. Оно так хорошо пахнет, как все красивые вещи.

Я играю, будто мама одевается и она разрешила мне остаться. Я чувствую запах платья из белого шелка. Это ее вечернее

© Перевод И. Найденова.

платье для самых торжественных случаев. Она сказала так однажды, я не помню когда.

Я слышу, как шелестит платье, когда его надевают. Я слышу, когда очень сильно прислушиваюсь.

Я притворяюсь, будто мама сидит за туалетным столиком. Я хочу сказать, будто она возле своих духов и румян. И потом я вижу ее глаза, совсем черные. Я вспоминаю это.

Так странно, если идет дождь. Будто чьи-то глаза смотрят в окно. Дождь шумит, как большой великан на дворе. Он говорит тихо-тихо, чтобы все замолчали. Мне нравится играть, будто все как было тогда, когда я была в маминой комнате.

Еще больше мне нравится, когда я сажусь за мамин туалетный столик. Он большой и совсем розовый и тоже хорошо пахнет. На сиденье вышитая подушка. Там много бутылочек с шишечками сверху и внутри духи разного цвета. И почти всю себя можно видеть в зеркале.

Когда я здесь, я притворяюсь, будто мама — это я. Тогда я говорю, мама, замолчи, я хочу выйти, и ты меня не заставишь остаться. Это я так говорю что-то, я не знаю почему. Будто я слышу это внутри себя. И потом я говорю, ах, мама, перестань плакать, они не схватят меня, у меня мое волшебное платье.

Когда я притворяюсь так, я расчесываю свои волосы долго-долго. Только я беру свою щетку, я ее приношу с собой. Я никогда не беру мамину щетку. Я не думаю, что бабушка так сердится потому, что я никогда не беру мамину щетку. Мне не хочется делать это.

Иногда я открываю сундучок. Это потому, что я очень люблю смотреть на мамино платье. Я больше всего люблю смотреть на него. Оно такое красивое, и еще шелк такой мягкий. Я могу миллион лет гладить его.

Я становлюсь на колени на ковре с розами. Я прижимаю платье к себе, и я чувствую его запах. Я прикладываю платье к щеке. Было бы чудесно унести его с собой, чтобы спать, прижав его к себе. Мне очень хочется этого. Но я не могу сделать это. Потому что так сказала бабушка.

Еще она говорит, нужно было сжечь его, но я так любила твою маму. Потом она плачет.

Я никогда не вела себя с платьем нехорошо. Я всегда укладывала его потом в сундучок, будто его никто не трогал. Бабушка никогда не знала. Мне даже смешно, что она не знала.

А вот теперь она знает. Она меня накажет. Почему она так рассердилась? Разве это платье не моей мамы?

На самом деле мне больше всего нравится в маминой комнате смотреть на мамин портрет. Вокруг него все такое золотое. Это рамка, говорит бабушка. Он на стене возле письменного стола.

Мама красивая. Твоя мама была красивая, говорит бабушка. Я вижу маму возле себя, она мне улыбается, она красивая сейчас. И всегда.

У нее черные волосы. У меня тоже. И еще красивые черные глаза. И еще красные губы, такие красные. Она в белом платье. У нее совсем открытые плечи. У нее белая кожа, почти как платье. И еще руки. Она такая красивая. Я все равно ее люблю, пусть она ушла навсегда, я ее так люблю.

Я думаю, это потому, что я была нехорошая. Я хочу сказать о Мэри Джейн.

Мэри Джейн пришла после обеда, как всегда. Бабушка ушла к себе отдыхать. Она сказала, теперь не забудь, ты не должна ходить в комнату твоей мамы. Я ей сказала, хорошо, бабушка. Я тогда так думала на самом деле, но потом мы с Мэри Джейн играли с пожарной машиной. И Мэри Джейн сказала, спорим, у тебя нет мамы, ты все придумала, она сказала.

Я разозлилась на нее. У меня есть мама, я знаю. Я очень злюсь, если она говорит, я все придумала. Она говорит, я лгунья. Я хочу сказать, из-за туалетного столика, и кровати, и портрета, и платья, и потом всего-всего.

Я сказала, потому что ты вредная, подожди, я тебе покажу.

Я посмотрела в бабушкину комнату. Она спала и храпела. Я опять спустилась вниз, я сказала Мэри Джейн, туда можно, бабушка не узнает. Потом она больше не очень вредничала. Она стала ухмыляться, как она это всегда делает. А потом она испугалась и закричала, она ударилась о стол, который наверху в вестибюле. Я сказала, ты такая трусиха. Она сказала, у нас в доме не бывает так темно, как в твоем.

Мы были в маминой комнате. Было темно, ничего не было видно. Тогда я отодвинула шторы. Совсем немножко, чтобы Мэри Джейн видела. Вот комната моей мамы, я сказала, может быть, я это выдумала?

Она осталась у дверей, и она больше не хотела вредничать. Она смотрела вокруг. Она подпрыгнула, когда я взяла ее за руку. Я сказала, иди сюда.

Я села на кровать, я сказала, это кровать моей мамы, смотри, какая мягкая. Она опять ничего не сказала. Трусиха, я ей сказала. Это неправда, она сказала.

Я сказала ей сесть на кровать, потому что нельзя узнать, какая мягкая кровать, если не сидеть. Тогда она села рядом. Потрогай, как мягко, я сказала. Понюхай, как хорошо пахнет.

Я закрыла глаза, только все было не так, как всегда, было очень странно. Потому что со мной была Мэри Джейн. Перестань трогать покрывало, я ей сказала. Это ты мне сказала трогать его, она сказала. Ну и что, я сказала, перестань.

Идем, что я покажу, я сказала, и потянула ее с кровати. Это туалетный столик. Я потащила ее показать столик. Она сказала, уйдем отсюда.

Я показала ей зеркало. Мы посмотрелись в зеркало. У нее лицо было совсем белое. Мэри Джейн трусиха, я сказала. Это неправда, это неправда, она сказала, и, потом, это в гостях, где совсем темно и так тихо. И потом, здесь пахнет, она сказала.

Тогда я очень разозлилась. Здесь совсем не пахнет, я сказала. Пахнет, она сказала, это ты говоришь, что нет. Я еще больше разозлилась. Здесь пахнет как хорошие вещи, красивые вещи, я сказала. Нет, здесь пахнет, будто в комнате твоей мамы кто-то больной.

Не смей говорить, будто в маминой комнате кто-то больной, я сказала.

А потом, ты мне не показала платье, ты мне соврала, она сказала, здесь нет никакого платья. Меня будто стало жечь внутри, и я дернула ее за волосы. Я тебе покажу, я сказала, и не смей больше говорить, что я лгунья.

Она сказала, я пойду домой, я расскажу маме, что ты мне сделала. Нет, ты не пойдешь, я сказала, ты посмотришь платье моей мамы и лучше не говори, что я лгунья.

Я сказала, сиди тихо, и сняла ключ с крючка. Я встала на колени и открыла сундучок ключом.

Мэри Джейн сказала, фу, это пахнет как помойка.

Я ее схватила ногтями. Она вырвалась, и она страшно разозлилась. Я не хочу, чтобы ты меня щипала, она сказала, у нее все лицо было красное. Я все расскажу моей маме, она сказала. Ты совсем ненормальная, это вовсе не белое платье, оно совсем противное и грязное, она сказала.

Нет, оно не грязное, я сказала. Я совсем громко сказала, не понимаю, как бабушка не услышала. Я достала платье из сун-

дучка. Я подняла его высоко, чтобы она видела, платье такое белое. Платье развернулось и зашумело, будто дождь на улице, и низ платья опустился на пол. Оно белое, я сказала, совсем белое, и, потом, чистое, и все из шелка.

Нет, она сказала, она была как бешеная и совсем красная. Там есть дырка. Я еще больше разозлилась. Я сказала, если бы мама была здесь, она бы тебе показала. У тебя нет мамы, она сказала. Когда она говорила, она была совсем некрасивая. Я ее ненавижу.

У меня есть мама. Я совсем громко сказала. Я показала пальцем на мамин портрет. Так здесь, в твоей дурацкой комнате, совсем темно и ничего не видно, она сказала. Я ее толкнула очень сильно, и она ударилась о письменный стол. Теперь смотри, я сказала про портрет. Это моя мама, это самая красивая дама на свете.

Она противная, у нее странные руки, сказала Мэри Джейн. Это неправда, я сказала, она самая красивая дама из всех дам на свете. Нет-нет, она сказала, у нее так торчат зубы.

Потом я не помню ничего. Мне показалось, что платье само зашевелилось в моих руках. Мэри Джейн закричала, я больше ничего не помню. Было очень темно, словно окна были закрыты шторами. Все равно, я больше ничего не видела. Я больше ничего не слышала, только странные руки, зубы торчат, странные руки, зубы торчат, только возле никого не было, чтобы говорить это.

Было что-то еще, мне кажется, будто говорили, не позволяйте ей говорить это! Я могла не держать больше платье в руках. Оно было на мне. Я не помню, как это случилось. Потому что было так, будто я вдруг стала большая. Но я все равно была маленькая девочка. Я хочу сказать, снаружи.

Мне кажется, я тогда была ужасно плохая.

Я думаю, бабушка увела меня из маминой комнаты. Я не знаю. Она кричала, о боже, сжалься над нами, это случилось, это случилось. Она все время повторяла это. Я не знаю почему. Она тащила меня за руку до моей комнаты, и она заперла меня. Она сказала, она больше не позволит мне выйти из комнаты. Ну и пусть, я не боюсь. Что случится со мной, когда она будет держать меня взаперти миллион миллионов лет? Ей даже не надо будет заботиться, чтобы кормить меня. К тому же я совсем не хочу есть. Я наелась досыта.

Возвращение

Профессор Роберт Уэйд только присел на густую душистую траву, как увидел, что его жена Мэри стремительно мчится вдоль Корпуса социальных наук, направляясь в кампус.

Совершенно очевидно, что она так и бежала от самого дома, добрый километр. А ведь она беременна. Уэйд сердито впился зубами в мундштук своей трубки.

Кто-то ей рассказал.

Он увидел, как раскраснелось ее лицо и сбилось дыхание, пока она спешно шагала по дорожке, огибающей по овалу Корпус гуманитарных наук. Он заставил себя подняться.

Она уже перешла на широкую дорожку, идущую параллельно громадному, облицованному гранитом Центру физико-биологических наук. Грудь ее резко вздымалась и опадала. Она подняла правую руку и откинула с лица пряди темно-каштановых волос.

Уэйд позвал:

— Мэри! Я здесь! — и помахал ей своей трубкой.

Она замедлила шаг, хватая ртом холодный сентябрьский воздух. Ее взгляд скользил по широкому, залитому солнечным светом кампусу, пока она не заметила его. Тогда она сбежала с дорожки на траву. Он увидел, что лицо ее искажено вызывающим жалость испугом, и его гнев угас. Зачем ей кто-то сказал?

Она всем телом прижалась к нему.

— Ты сказал, что на этот раз не пойдешь,— произнесла она, слова прерывались вдохами.— Ты сказал, к-кто-нибудь другой отправится в этот раз.

— Тише, тише, дорогая,— принялся успокаивать он.— Отдышись.

© Перевод Е. Королевой.

Он вынул из кармана пальто носовой платок и бережно промокнул ей лоб.

— Роберт, зачем? — спросила она.

— Кто тебе сказал? — спросил он.— Я просил их не говорить.

Она отстранилась и пристально посмотрела на него.

— Не говорить мне?! — переспросила она.— Ты бы отправился, не сказав мне?

— Что странного в том, что я не хотел тебя пугать? — спросил он.— Особенно теперь, когда ты ждешь ребенка?

— Но, Роберт,— произнесла она,— ты должен сообщать мне о подобных вещах.

— Идем,— сказал он,— давай сядем на ту скамейку.

Они прошли через зеленую лужайку, обнимая друг друга.

— Ты сказал, что не пойдешь,— напомнила она ему.

— Дорогая, это же моя работа.

Они дошли до скамейки и сели. Он обнял ее за плечи.

— Я вернусь домой к ужину,— произнес он.— Это просто работа, назначенная сегодня на вторую половину дня.

Она казалась напуганной до смерти.

— Отправиться на пятьсот лет в будущее! — воскликнула она.— Это ты называешь просто работой, назначенной на вторую половину дня?

— Мэри,— сказал Уэйд*,— ты же знаешь, что Джон Рэндалл путешествует уже пять лет, и я сам перемещался добрую сотню раз. Почему ты вдруг испугалась теперь?

Она закрыла глаза.

— Я не теперь испугалась,— пробормотала она.— Я просто умираю от ужаса с тех пор, как вы, мужчины, изобрели это... эту штуку.

Ее плечи задрожали, и она снова заплакала. Он протянул ей свой платок, на лице его застыло беспомощное выражение.

— Послушай,— сказал он,— неужели ты думаешь, что Джон позволил бы мне отправиться, если бы существовала хоть малейшая опасность? Неужели ты думаешь, что доктор Филипс позволил бы?

— Но почему ты? — спросила она.— Почему не какой-нибудь студент?

---

* У героя говорящая фамилия: wade — по-английски «переходить вброд». *(Прим. ред.)*

— Мы не имеем права посылать студентов, Мэри.

Она обводила взглядом кампус, комкая платок.

— Я знаю, что нет никакого смысла говорить тебе,— произнесла она.

Он ничего не ответил.

— Да, я знаю, что это твоя работа,— продолжала она.— Я не имею права жаловаться. Просто...— Она развернулась к нему.— Роберт, не лги мне. Ты подвергаешься опасности? Существует ли хоть малейший шанс, что ты... не вернешься назад?

Он успокаивающе улыбнулся.

— Дорогая моя, риска не больше, чем во все другие разы. В конце концов, это же...

Она замолк, потому что она снова прижалась к нему.

— Без тебя мне не жить,— сказала она.— Ты это знаешь. Я умру.

— Тсс,— произнес он.— Не говори о смерти. Помни, что теперь в тебе две жизни. Ты потеряла право на единоличное отчаяние.

Он поднял ее подбородок.

— Улыбнись,— попросил он.— Ради меня. Вот так. Так-то лучше. Ты слишком хорошенькая, чтобы плакать.

Она потерлась щекой об его ладонь.

— Кто же тебе рассказал?

— Я не стану ябедничать,— ответила она, улыбаясь.— В любом случае, мне сказали только то, что я и без того уже знала.

— Ну вот теперь ты знаешь,— произнес он.— Я вернусь домой к ужину. Все просто.

Он принялся выколачивать из трубки пепел.

— Нет мне каких-нибудь поручений на двадцать пятый век? — спросил он, и улыбка тронула уголки его узкого рта.

— Передай привет Баку Роджерсу*,— попросила она, и он вынул из кармана часы.

На лице ее снова отразилось беспокойство.

— Сколько осталось? — прошептала она.

— Примерно сорок минут.

---

* Бак Роджерс — герой фантастических комиксов и рассказов 1920-х годов и сериала 1939 года, действие которых происходит в XXV веке. В 1979—1981 годах был снят более известный ныне сериал «Бак Роджерс в XXV веке», но это случилось после написания данного рассказа (1951) и после времени его действия (1975). *(Прим. ред.)*

— Сорок минут...

Она схватила его за руку и прижала ее к своей щеке.

— Ты вернешься ко мне? — спросила она, глядя ему в глаза.

— Я вернусь,— заверил он, любовно поглаживая ее по щеке. После чего скроил свирепую физиономию.— Но только если ты,— завершил он,— приготовишь на ужин что-нибудь вкусненькое.

Он думал о ней, пристегивая себя ремнями к сиденью в сумрачной кабине для перемещения во времени.

Большая сверкающая сфера покоилась на основании из толстых токопроводящих жил. Воздух потрескивал от работы гигантских динамо-машин.

Сквозь высокие окна без переплета солнечный свет ложился на прорезиненный пол зала раскатанными рулонами золотистой материи. Студенты и инструкторы, спешно ныряя в тени и объявляясь снова, проверяли и подготавливали «Транспозицию Т-3». Зуммер на стене зловеще попискивал.

Все внизу завершили последние приготовления, после чего спешно направились к большой комнате управления с застекленной стеной и вошли.

Низенький человечек средних лет в белом лабораторном халате подошел к кабине. Вгляделся в сумрачный интерьер.

— Боб? — позвал он.— Ты хотел меня видеть?

— Да,— ответил Уэйд.— Я просто должен сказать одну банальность. На тот призрачный случай, если я не смогу вернуться, мне бы...

— Банальность! — засопел профессор Рэндалл.— Если ты считаешь, что такая вероятность вообще существует, пошел вон из кабины. Мы не настолько заинтересованы в будущем.

Он сощурился, глядя внутрь.

— Ты улыбаешься? — спросил он.— Не могу разобрать.

— Улыбаюсь.

— Прекрасно. Не о чем беспокоиться. Только сиди пристегнутый, соблюдай меры предосторожности и не флиртуй с этими женщинами Бака Роджерса.

Уэйд усмехнулся.

— Ты мне напомнил,— сказал он.— Мэри просила меня передать привет Баку Роджерсу. А у тебя есть какое-нибудь поручение для меня?

— Просто возвращайся через час,— проворчал Рэндалл.

Он подался вперед и пожал Уэйду руку.

— Все ремни застегнуты?

— Все застегнуты,— ответил Уэйд.

— Отлично. Мы отправим тебя отсюда, э-э...— Рэндалл бросил взгляд на большие часы с красными цифрами, висевшие на глухой стене зала.— Через восемь минут. Готов?

— Готов,— ответил Уэйд.— Скажи за меня «пока» доктору Филипсу.

— Ладно. Будь осторожен, Боб.

— Увидимся.

Уэйд наблюдал, как его друг возвращается через зал к комнате управления. Затем, глубоко вздохнув, он закрыл толстую круглую дверь и, повернув кран до упора, задраил ее. Всякие звуки как отрезало.

— Две тысячи четыреста семьдесят пятый, я иду,— пробормотал он.

Воздух казался тяжелым и разреженным. Он знал, что это всего лишь иллюзия. Он быстро взглянул на часы на панели управления. Шесть минут. Или пять? Неважно. Он уже готов. Он провел рукой по лбу. Пот закапал с ладони.

— Жарко,— произнес он. Голос его прозвучал гулко, нереально.

Четыре минуты.

Он левой рукой отстегнул прижимную планку и, сунув руку в задний карман брюк, вытащил бумажник. Когда он открывал его, чтобы взглянуть на фотографию Мэри, пальцы его потеряли цепкость, и бумажник упал на металлический пол кабины.

Он попытался дотянуться до него. Ремни потянули его обратно. Он встревоженно посмотрел на часы. Три с половиной минуты. Или две с половиной? Он забыл, когда Джон начал отсчет.

Его наручные часы показывали другое время. Он заскрежетал зубами. Не может же он оставить бумажник здесь. Его может затянуть в гудящий вентилятор, где бумажнику придет конец, а заодно и самому Уэйду.

Две минуты вполне достаточно.

Он нащупал ремни на запястьях и груди, отстегнул их и поднял бумажник. Пристегивая ремни снова, он еще раз покосился на циферблат часов. Полторы минуты. Или же...

Внезапно сфера завибрировала.

Уэйд почувствовал, как окаменели мышцы. Провисший ремень на поясе расстегнулся и захлопал концами по переборкам. Резкая боль затопила грудь и живот. Бумажник снова выпал.

Он яростно вцепился в прижимную планку, напрягая все силы, чтобы удержаться на сиденье.

Его с силой вышвырнуло во Вселенную. Звезды со свистом проносились мимо. Кулак леденящего страха сжимал его сердце.

— Мэри! — выкрикнул он стянутым ужасом ртом.

Потом его голова с треском ударилась о металл. Что-то взорвалось в его разуме, и Уэйд полетел вперед. Гудящая тьма выдавила из него сознание.

Было холодно. Чистый, бодрящий воздух омывал окоченевший разум. Его прикосновения были настоящим целительным бальзамом.

Уэйд открыл глаза и уставился в тусклый серый потолок. Развернул голову, чтобы проследить, куда идут стены. Боль пронзила все тело. Он поморщился и вернул голову в прежнее положение.

— Профессор Уэйд?

При звуке голоса он дернулся, чтобы подняться, но упал обратно, зашипев от боли.

— Пожалуйста, не двигайтесь, профессор Уэйд.

Уэйд попытался заговорить, однако его голосовые связки как будто онемели и отяжелели.

— И не пытайтесь разговаривать. Я приду через минуту.

Послышался шелчок, за ним тишина.

Уэйд медленно повернул голову набок и оглядел помещение.

Небольшой площади, но высотой метров в пять. Стены и потолок были казенного тускло-серого цвета. Пол черный, какие-то блестящие плитки. В дальней стене прорисовывался едва заметный контур двери.

Рядом с кроватью, на которой он лежал, стояла странной формы конструкция с тремя ножками. Уэйд решил, что это стул.

Больше не было ничего. Ни другой мебели, ни картин, ни ковров или хотя бы источника света. Потолок, кажется, светился сам по себе. Однако стоило ему сосредоточить на чем-нибудь свой взгляд, и свечение превращалось в тусклую серость.

Он лежал, стараясь вспомнить, что же произошло. Все, что он помнил,— боль и наползающую волну мрака.

Пересиливая боль, он перекатился на правый бок и протянул трясущуюся руку к заднему карману брюк.

Кто-то поднял его бумажник с пола кабины и положил его обратно в карман. Онемелыми пальцами он выудил его, открыл и взглянул на Мэри, которая улыбалась ему с крыльца их дома.

Дверь, выдохнув сжатым воздухом, открылась, и вошел человек в балахоне.

Определить его возраст было невозможно. Он был лыс, а лишенное морщин лицо казалось неестественно гладким, словно на нем была неподвижная маска.

— Профессор Уэйд,— произнес он.

Язык Уэйда задвигался без всякого результата. Человек подошел к кровати и вынул из кармана балахона маленькую пластмассовую коробочку. Открыв ее, он достал небольшой шприц и сделал Уэйду укол.

Уэйд ощутил, как ласковый поток тепла прокатился по венам. Казалось, он разгладил все связки и мышцы, освободил горло и пробудил мозг.

— Так гораздо лучше,— произнес он.— Спасибо.

— Всегда рад помочь,— отозвался человек, присаживаясь на трехногую конструкцию и убирая свою коробочку в карман.— Подозреваю, что вы хотите узнать, где оказались.

— Да, хотелось бы.

— Вы достигли своей цели, профессор, две тысячи четыреста семьдесят пятый год.

— Отлично. Просто отлично,— произнес Уэйд.

Он поднялся на локте. Боль прошла.

— А моя кабина,— спросил он,— с ней все в порядке?

— Я бы сказал, что да,— ответил человек.— Она внизу, в машинной лаборатории.

Уэйд задышал свободнее. Положил бумажник в карман.

— Ваша жена была очень красивой женщиной,— произнес человек.

— Была? — встревожился Уэйд.

— Но вы же не думаете, что она прожила пятьсот лет? — произнес человек.

Уэйд выглядел озадаченным. Затем смущенная улыбка растянула его рот.

— Осознать это не так-то просто,— сказал он.— Для меня-то она жива.

Он сел и спустил ноги с кровати.

— Я Клемолк,— представился человек.— Историк. Вы находитесь в Павильоне истории города Гринхилл.

— Соединенные Штаты?

— Национальные Штаты,— поправил историк.

Уэйд секунду помолчал. Потом вдруг вскинул голову и спросил:

— Скажите, как долго я был без сознания?

— Вы были, как вы выразились, «без сознания» чуть меньше двух часов.

Уэйд подскочил на месте.

— Боже мой,— взволнованно воскликнул он,— мне пора возвращаться.

Клемолк одарил его участливо-успокаивающим взглядом.

— Ерунда,— сказал он.— Прошу вас, присядьте.

— Но...

— Прошу вас. Позвольте мне рассказать то, ради чего вы явились.

Уэйд сел, на лице его отражалось недоумение. Его начинала одолевать смутная тревога.

— Ради чего? — пробормотал он.

— Позвольте показать вам кое-что,— продолжал Клемолк.

Он вынул из своего балахона маленькую панель управления и нажал на одну из многочисленных кнопок на ней.

Создалось ощущение, будто стены рухнули. Уэйд увидел внутренности всего здания. Высоко над головой, через громадную поперечную опору тянулись слова: ИСТОРИЯ ЖИВА. Секунда, и стены были на месте, прочные и непроницаемые.

— И что? — поинтересовался Уэйд.

— Мы составляем исторические тексты, как вы видите, не на основе записей, а на непосредственных свидетельствах.

— Ничего не понимаю.

— Мы записываем свидетельства людей, живших в те времена, изучением которых мы в данный момент занимаемся.

— Но как это возможно?

— Посредством восстановления развоплощенной индивидуальности.

Уэйд был ошеломлен.

— Допрашиваете покойников? — уточнил он без всякого выражения.

— Мы называем их бестелесными,— пояснил Клемолк.— Как правило, профессор,— продолжал историк,— индивидуальность человека существует отдельно и независимо от его телесной оболочки. Мы взяли за основу эту азбучную истину и извлекли из нее пользу. Поскольку личность до бесконечности сохраняет в памяти — хотя и со все ослабевающей силой — свою физическую форму и особенности внешности, сложность состоит только в том, чтобы наполнить эту память органическими и неорганическими составляющими.

— Но это просто невероятно,— произнес Уэйд.— В Форте, так называется колледж, в котором я преподаю, мы занимаемся физическими исследованиями. Но даже близко не подошли к такому.

Он внезапно побледнел.

— Так зачем я здесь?

— В вашем случае,— сказал Клемолк,— нам не пришлось тратить силы на восстановление давно развоплощенной индивидуальности из вашего временного периода. Вы сами добрались до нашей эпохи в своей кабине.

Уэйд сжал трясущиеся руки и испустил долгий вздох.

— Все это невероятно интересно,— произнес он,— однако я не смогу задержаться надолго. Так что спрашивайте, что вы хотите узнать.

Клемолк достал свою панель управления и нажал кнопку.

— Теперь ваш голос будет записываться,— пояснил он.

Он откинулся назад и сложил бескровные руки на коленях.

— Ваша правительственная система,— произнес он.— Давайте начнем с этого.

— Да,— подтвердил Клемолк,— все это идеально соответствует тому, что мы уже знаем.

— Что ж, могу я взглянуть на свою кабину? — поинтересовался Уэйд.

Клемолк смотрел на него, не моргая. Неподвижность его черт начинала действовать Уэйду на нервы.

— Полагаю, взглянуть вы можете,— ответил Клемолк, поднимаясь со стула.

Уэйд встал и прошел за историком через дверь в длинный, точно так же тускло светящийся коридор.

«*Взглянуть* вы можете».

Лоб Уэйда избороздили озабоченные морщины. К чему выделять слово «взглянуть», как если бы все, что ему позволят сделать, это посмотреть на кабину?

Клемолк вроде бы не замечал беспокойства Уэйда.

— Как ученого,— продолжал он разговор,— вас могут заинтересовать особенности процесса восстановления. Каждая деталь определяется четко. Единственная трудность, с которой пока еще не справляются наши ученые, это сила памяти и ее воздействие на восстановленное тело. Дело в том, что чем слабее память, тем скорее развоплощается тело.

Уэйд не слушал. Он думал о своей жене.

— Понимаете,— все продолжал Клемолк,— хотя, как я сказал, эти развоплощенные индивидуальности восстанавливаются в виде остаточного отпечатка, включающего в себя все особенности личности до последней детали, в том числе одежду и личные вещи, их существование с каждым новым воплощением длится все меньше и меньше. Период времени варьируется. Восстановленная индивидуальность, скажем, из вашего времени просуществует примерно три четверти часа.

Историк остановился и указал Уэйду на дверь, открывшуюся в стене коридора.

— Сюда,— сказал он,— до лаборатории мы поедем на метро.

Они вошли в узкую, тускло освещенную кабину. Клемолк указал Уэйду на скамью у стены.

Дверь, быстро скользнув, закрылась, и воздух наполнился гудением. У Уэйда сразу возникло ощущение, что он снова находится в кабине для перемещения во времени. Он ощутил боль, сокрушительный вес давления, бессловесный ужас всплыл в памяти.

— Мэри.

Его губы беззвучно повторяли ее имя.

Его кабина стояла на широкой металлической платформе. Три человека, внешне похожие на Клемолка, изучали ее поверхность.

Уэйд шагнул на платформу и приложил ладони к гладкому металлу. Ощутить его было утешением. Он был осязаемой связью с прошлым и с женой.

Затем его лицо приняло сосредоточенное выражение. Кто-то запер дверь. Он нахмурился. Открывать дверь снаружи было трудно и долго.

Один из студентов заговорил:

— Откроете сами? Нам не хотелось бы ее резать.

Судорога страха прошла по телу Уэйда. Если они разрежут кабину, он застрянет здесь надолго.

— Я открою,— сказал он.— Мне все равно уже пора отправляться обратно.

Он произнес эти слова подчеркнуто воинственно, словно предлагая им возразить.

Молчание, каким ответили на его слова, испугало его. Он услышал, как Клемолк произнес что-то шепотом.

Плотно сжав губы, он принялся поспешно крутить диски, набирая комбинацию цифр.

А про себя Уэйд лихорадочно составлял план. Он откроет дверь, запрыгнет внутрь и закроет дверь за собой раньше, чем они успеют пошевелиться.

Его пальцы неуклюже, как будто бы они получали от мозга какие-то невнятные приказания, крутили толстые диски в центре двери. Губы его дрожали, когда он повторял себе под нос числа кода: 3,2–5,9–7,6–9,01. Он подождал немного, затем дернул ручку.

Дверь не открылась.

Испарина крупными бисеринами выступила на лбу, капли пота потекли по лицу. Комбинация не сработала.

Он изо всех сил сосредоточился и принялся вспоминать. Он обязан вспомнить! Закрыв глаза, он привалился к кабине. «Мэри,— думал он,— помоги мне, пожалуйста!» Он снова принялся за диски.

Нет, не 7,6, вдруг понял он. Там было 7,8.

Глаза его открылись. Он повернул колесо на 7,8. Замок был готов открыться.

— Вам бы л-лучше отойти назад,— произнес Уэйд, поворачиваясь к четверым мужчинам.— Скорее всего, произойдет утечка... скопившихся внутри газов.

Он надеялся, что они поверят его отчаянной лжи.

Студенты с Клемолком чуть отодвинулись назад. Они все еще слишком близко, но придется рискнуть.

Уэйд рывком распахнул дверь и, протискиваясь в отверстие, поскользнулся на гладком полу платформы и упал на колени. Прежде чем он успел подняться, Уэйд ощутил, как его хватают под руки с обеих сторон.

Двое студентов потащили его с платформы.

— Нет! — кричал он.— Я должен вернуться назад!

Он вырывался и брыкался, кулаки его рассекали воздух. Теперь его тащили назад все четверо. Слезы ненависти катились у него из глаз, пока он яростно выдирался из их рук, вопя:

— Пустите меня!

Внезапная боль пронзила спину Уэйда. Он вырвался из рук одного студента и потащил остальных за собой в последнем приливе силы, подстегнутый злостью. Краем глаза он увидел Клемолка, который держал в руке очередной шприц.

Уэйд хотел кинуться на него, но как раз в этот миг безграничная усталость заставила его мышцы разжаться. Он мешком рухнул на колени, глядя остекленевшими глазами и вскинув вверх онемевшую руку в напрасной мольбе.

— Мэри,— бормотал он хрипло.

Потом он лежал на спине, а Клемолк возвышался над ним. Историк искажался и исчезал в затуманенном взоре Уэйда.

— Мне жаль,— говорил Клемолк.— Вы не сможете вернуться, никогда.

Уэйд снова лежал на кровати, глядя в потолок и все еще мысленно повторяя слова Клемолка:

— Вы не можете вернуться. Вы переместились во времени. Вы теперь принадлежите этой эпохе.

Мэри ждала его.

Ужин готовился на плите. Он видел, как она накрывает на стол, как ее изящные руки ставят тарелки, чашки, блестящие стаканы, раскладывают приборы. Поверх платья у нее надет чистенький мягкий фартук.

Потом ужин был готов. Она сидела у стола, дожидаясь его. Глубоко внутри себя Уэйд ощутил тот невыносимый страх, какой она переживала.

Он дернул головой в приступе боли. Неужели все это правда? Неужели он действительно заточен в пяти столетиях от своей жизни? Это безумие. Однако же он здесь. Под ним, совер-

шенно очевидно, прогибается кровать, вокруг него — серые стены. Все это настоящее.

Ему хотелось вскочить и закричать, замахать кулаками, разнести что-нибудь вдребезги. Гнев раздирал его изнутри. Он заколотил руками по кровати и завыл бессмысленным, диким, неистовым воем. Потом он перевернулся на бок, глядя в дверь. Приступ гнева проходил. Он сжал губы в тонкую подергивающуюся линию.

— Мэри,— прошептал он в тоскливом ужасе.

Дверь открылась, и вошла Мэри.

Уэйд неловко сел, хватая воздух ртом, моргая, уверенный, что сошел с ума.

Она была прямо здесь, одетая в белое, глаза светятся любовью к нему.

Он не мог говорить. Сомневаясь, не подведут ли его мышцы, он неуверенно поднялся на ноги.

Она подошла к нему.

В ее взгляде не было страха. Она улыбалась, светясь от счастья. Ее рука успокаивающе гладила его по щеке.

От ее прикосновения он зарыдал. Уэйд протянул дрожащие пальцы и схватил ее, крепко обнял, вжимаясь лицом в ее шелковистые волосы.

— О, Мэри,— шептал он.

— Тише, тише, дорогой мой,— шептала она в ответ.— Все теперь хорошо.

Счастье захлестнуло его, когда он целовал ее теплые губы. Испуг и тоскливый ужас отступили. Он провел дрожащей рукой по ее лицу.

Они оба сели на кровать. Он все еще нежно гладил ее руки, плечи, лицо, как будто бы не мог поверить, что все это наяву.

— Как ты здесь оказалась? — спросил он дрогнувшим голосом.

— Я здесь. Разве этого не достаточно?

— Мэри.

Он вжался лицом в ее нежное тело. Она погладила его по волосам, и он успокоился.

И тогда, пока он сидел так, с крепко зажмуренными глазами, жуткая мысль поразила его.

— Мэри,— произнес он, боясь собственного вопроса.

— Да, дорогой.

— Как ты сюда попала?

— Неужели это...

— Как?

Он сел и пристально посмотрел ей в глаза.

— Неужели они отправили тебя в это время? — спросил он.

Уэйд знал, что этого никто не делал, но цеплялся за последнюю возможность.

Она печально улыбнулась.

— Нет, дорогой,— сказала она.

Он ощутил, что его колотит дрожь. Он едва не отшатнулся от нее.

— Так, значит, ты...

Глаза его широко распахнулись, краска сбежала с лица.

Она прижалась к нему и поцеловала в губы.

— Дорогой,— умоляла она,— разве это важно? Это я. Видишь? Настоящая. Дорогой, у нас так мало времени. Пожалуйста, люби меня. Я так долго ждала этого мгновения.

Он прижался к ней щекой, притягивая ближе.

— Боже мой, Мэри, Мэри,— стонал он.— Что я могу сделать? Сколько ты пробудешь здесь?

«Восстановленная индивидуальность, скажем, из вашего времени просуществует примерно три четверти часа». Воспоминание о словах Клемолка было похоже на удар хлыста.

— Сорок ми...— начал он и не смог закончить.

— Не думай об этом, дорогой,— умоляла она.— Прошу тебя. Ведь мы еще вместе.

Но пока они целовались, все его существо сжималось от одной мысли.

«Я целую умершую женщину,— его разум не стал подбирать другое слово,— я держу ее в своих объятиях».

Они молча сидели рядом. Тело Уэйда напрягалось все сильнее с каждой ушедшей секундой.

Сколько осталось?.. Развоплощение... Как перенести мысль о ее смерти? Но еще более невыносимо будет расстаться с ней.

— Расскажи мне о нашем ребенке,— попросил он, стараясь подавить свой страх.— Родился мальчик или девочка?

Она ничего не ответила.

— Мэри?

— Разве ты не знаешь? Нет, конечно, не знаешь.

— Не знаю чего?

— Я не могу рассказать тебе о ребенке.

— Почему?

— Я умерла, когда он родился.

Он попытался заговорить, однако слова застряли в горле. Наконец он сумел спросить:

— Потому что я не вернулся?

— Да,— ответила она тихонько.— Я не имела на это права. Но я не хотела жить без тебя.

— А они отказались отпускать меня обратно,— произнес он с горечью. Потом провел пальцами по ее густым волосам и поцеловал. Заглянул ей в лицо. — Послушай,— сказал он,— я должен вернуться.

— Ты не можешь изменить то, что произошло.

— Если я вернусь,— сказал он,— этого *не* произойдет. Я смогу все изменить.

Она как-то странно посмотрела на него.

— Разве это возможно...— начала она, но слова перешли в стон.— Нет, нет, это невозможно!

— Да! — возразил он.— Это воз...

Он резко замолк, сердце бешено заколотилось. Она заговорила о чем-то другом.

У него под пальцами исчезала ее левая рука. Плоть словно растворялась, делаясь гнилой и бесформенной.

Он задохнулся от ужаса. Испуганная, она посмотрела на свои руки. Они распадались на части, кусочки плоти по спирали разлетались в стороны, похожие на тонкие струйки белого дыма.

— Нет! — закричала она.— Роберт, прекрати это!

— Мэри!

Она пыталась взять его за руки, но рук у нее уже не было. Она поспешно наклонилась и поцеловала его. Губы ее стали холодными, они дрожали.

— Как скоро,— рыдала она.— Уходи! Не смотри на меня! Пожалуйста, не смотри на меня!

Потом она вскочила с места, крича:

— О боже мой, я надеялась...

Остаток фразы превратился в негромкое горловое бульканье. Ее горло начало распадаться.

Уэйд вскочил и попытался обнять ее, сдерживая страх, однако, похоже, его прикосновение только ускорило распад. Ее исчезновение сопровождалось кошмарным щипеньем.

Он с криком отшатнулся назад и выставил руки перед собой, заслоняясь от жуткого зрелища.

Ее тело разваливалось теперь большими кусками. Куски рассыпались на шипящие фрагменты, которые затем растворялись в воздухе. Ее кисти и руки исчезли. Начали исчезать плечи. Ноги распадались на части и вихри газообразной плоти крутились в воздухе.

Уэйд ударился о стену, закрывая трясущимися руками лицо. Он не хотел смотреть, но ничего не мог с собой поделать. Опустив руки, он наблюдал в каком-то завороженном оцепенении.

Уже пропали ее плечи и грудь. Подбородок и нижняя часть лица расползлись в бесформенное облако, внутри которого крутился похожий на метель вихрь частиц.

Последними исчезли ее глаза. Одни только глаза повисли на фоне серой стены, глядя на него горящим взором. У него в голове зазвучали последние слова, переданные ее живым разумом: «Прощай, дорогой. Я всегда буду любить тебя».

Он остался один.

Рот его широко распахнулся, глаза округлились в застывшем неверии. Он долго стоял так, беспомощно дрожа, оглядывая с надеждой — на что? — комнату. Не осталось ничего, ни малейшего ощутимого следа ее пребывания здесь.

Он попытался подойти к кровати, однако ноги превратились в бесполезные деревянные колоды. И вдруг пол словно бы разом кинулся ему в лицо.

Ослепительно-белая боль сменилась ленивым непроницаемо-черным потоком, который затопил его мозг.

Клемолк сидел на стуле.

— Мне жаль, что вы так болезненно восприняли это,— произнес он.

Уэйд ничего не ответил, он не сводил пристального взгляда с лица историка. Жар охватывал его тело, мышцы подрагивали.

— Возможно, нам удастся воплотить ее снова,— участливо продолжал Клемолк,— но во второй раз ее тело продержится еще меньше. К тому же у нас нет...

— Чего вы хотите?

— Я подумал, мы могли бы еще поговорить о тысяча девятьсот семьдесят пятом, пока имеется...

— Так вот до чего вы додумались!

Уэйд рывком сел, глаза горели безумной ненавистью.

— Держите меня под арестом, мучаете призраком моей жены. И теперь желаете поговорить!

Он вскочил на ноги, пальцы рук хищно скрючились.

Клемолк поднялся тоже и опустил руку в карман балахона. Совершеннейшая обыденность этого жеста еще больше вывела из себя Уэйда. Когда историк вынул пластмассовую коробочку, Уэйд с рычанием выбил ее у него из рук на пол.

— Прекратите,— негромко произнес Клемолк, лицо его по-прежнему было невозмутимо.

— Я возвращаюсь,— проревел Уэйд.— Я отправляюсь обратно, и вы меня не остановите!

— Я вас и не останавливаю,— сказал Клемолк, в его голосе впервые прозвучало что-то похожее на раздражение.— Вы сами себя останавливаете. Я же вам сказал. Вам следовало подумать, что вы делаете, прежде чем рваться в свою кабину. А что касается Мэри...

Звук ее имени, произнесенного таким бесстрастным и самодовольным тоном, разрушил плотину, сдерживающую ярость Уэйда. Он вскинул руки и вцепился в тонкую молочно-белую колонну шеи Клемолка.

— Прекратите,— сказал Клемолк надтреснутым голосом.— Вы не можете вернуться. Говорю же вам...

Его рыбьи глаза закатились, сверкая белками. Булькающие звуки протеста вырвались из его горла, когда хрупкие руки вцепились в скрюченные пальцы Уэйда. Мгновение спустя глаза историка вернулись в обычное положение, а тело обмякло. Уэйд разжал пальцы и опустил Клемолка на кровать.

Он подбежал к двери, в его разуме появлялся один план за другим, каждый из которых расходился с остальными. Дверь не открывалась. Он толкнул ее, навалившись всем весом, стараясь всунуть ногти в щель, чтобы отжать ее. Закрыто накрепко. Он отошел назад, лицо его исказилось от безумной безнадежности.

Ну конечно!

Он кинулся к неподвижному телу Клемолка, добрался до кармана его балахона и вытащил маленькую панель управления. Она не была прикреплена к одежде. Уэйд нажал на кнопку. У него над головой появилась громадная надпись: ИСТОРИЯ ЖИВА.

Зарычав от нетерпения, Уэйд ткнул в следующую кнопку, потом в следующую. Он услышал собственный голос:

— ...правительственная система была основана на существовании трех ветвей, две из которых служили субъектом для всенародного голосования...

Он нажал следующую кнопку, потом следующую.

Дверь испустила тяжкий вздох и бесшумно открылась. Уэйд подбежал к ней и выскочил наружу. Дверь за ним закрылась.

Теперь найти машинную лабораторию. Что, если студенты до сих пор там? Придется пойти на риск.

Он несся по обшитому звукоизоляцией коридору, высматривая дверь в метро. Его бегство походило на кошмарный сон. Он безумно метался во все стороны, бормоча что-то себе под нос. Останавливался и поворачивал назад, тыкал на бегу в кнопки, не обращая внимания на звуки и горящие надписи вокруг — тающие стены, говорящие покойники. На бегу он едва не пропустил дверь в метро. Ее контуры сливались со стеной.

— Стойте!

Он услышал за спиной слабый крик и спешно оглянулся через плечо. Клемолк, спотыкаясь на ходу, жестом звал его к себе. Должно быть, он успел прийти в себя и выбраться, пока Уэйд метался в отчаянных поисках.

Уэйд быстро заскочил в кабинку, и дверь скользнула на место. Он облегченно выдохнул, когда ощутил, как комната понеслась по тоннелю. Что-то заставило его обернуться. Он охнул, увидев человека в униформе, который сидел на скамейке, повернувшись лицом к нему. В руке у человека была тускло поблескивающая черная трубка, направленная Уэйду прямо в грудь.

— Сядь,— сказал ему человек.

Сраженный, Уэйд шлепнулся на сиденье бесформенной кучей. Мэри. Это имя звучало в голове жалобной мольбой.

— Почему это вы, восстановленные, всегда такие взбудораженные? — поинтересовался человек.— Почему? Отвечай мне!

Уэйд поднял на него глаза, в нем затеплилась искра надежды. Этот человек подумал...

— Я... я скоро отправлюсь,— поспешно заговорил Уэйд.— Буквально через минуты. Я хотел попасть в машинную лабораторию.

— Господи, туда-то зачем?

— Я слышал, там есть кабина для перемещения во времени,— взволнованно продолжал Уэйд.— Я подумал...

— Подумал, что она принадлежала тебе?

— Да, именно так. Я хотел вернуться в свое время. Мне одиноко здесь.

— Разве тебе не объяснили? — спросил человек.

— Не объяснили чего?

Кабина со вздохом остановилась. Уэйд начал подниматься. Человек махнул своим оружием, и Уэйд снова упал на сиденье. А вдруг они уже проехали?

— Как только твое восстановленное тело начинает растворяться,— продолжал объяснять человек,— физические силы возвращаются к собственно моменту смерти, э-э... я хочу сказать, к моменту отделения от тела.

Уэйда охватил нервический страх.

— Что? — слабо переспросил он, озираясь кругом.

— Личная сила, личная сила,— пробормотал человек.— В тот миг, когда она покидает твое восстановленное тело, она возвращается к моменту, когда ты... ну... умер. В твоем случае это будет... когда?

— Ничего не понимаю.

Его собеседник пожал плечами.

— Не имеет значения. Поверь мне на слово. Ты скоро вернешься в свое время.

— А как же машинная лаборатория? — на всякий случай уточнил Уэйд.

— Следующая остановка,— ответил человек.

— Я имел в виду, можно ли туда пойти?

— Гм,— буркнул человек,— полагаю, я мог бы зайти туда, посмотреть. Представляешь, мне никогда ни о чем не сообщают. Никто никогда не координирует свои действия с военными. Все время одно и то же...

Он вдруг замолчал.

— Нет,— заключил он.— Если подумать, мне надо спешить в другое место.

Уэйд смотрел, как собеседник опускает оружие. Он стиснул зубы, с трудом удерживаясь, чтобы не ударить.

— Но,— продолжал человек,— если еще подумать...

Закрыв глаза, Уэйд откинулся назад и испустил из побелевшего рта долгий прерывистый вздох.

Она все еще стояла нетронутой — сверкающий металл отражал ряды ярких светильников под потолком,— а круглая дверь была открыта.

В лаборатории был всего один студент. Он сидел на скамейке и поднял голову, когда они вошли.

— Могу я чем-нибудь помочь, командир? — спросил он.

— Нет нужды. Нет нужды,— раздраженно отозвался военный.— Восстановленный и я, мы просто зашли посмотреть на кабину.

Он махнул рукой на платформу.

— Это она?

— Да, это она,— ответил студент, глядя на Уэйда.

Уэйд отвернулся. Он не смог определить, был ли этот студент одним из четверых, которых он видел раньше. Они все были на одно лицо. Студент вернулся к своей работе.

Уэйд с военным взошли на платформу. Военный стал пристально рассматривать внутреннее убранство кабины.

— Н-да,— задумчиво протянул он,— интересно, кто на этом сюда прибыл.

— Не знаю,— отозвался Уэйд.— Я не видел ни одного из них.

— И ты думал, что сумеешь ее запустить? — Военный засмеялся.

Уэйд нервно оглянулся по сторонам, удостоверившись, что студент не подсматривает. Повернувшись снова, он спешно осмотрел сферу и понял, что она никак не закреплена. Он вздрогнул, когда вдруг раздалось громкое жужжание. Быстро обернувшись, Уэйд увидел, как студент нажал кнопку на стене. Он окаменел от страха.

На маленьком телевизионном экране, встроенном в стену, возникло лицо Клемолка. Уэйд не слышал, о чем говорит историк, но на его лице наконец-то отражалось волнение.

Уэйд быстро развернулся лицом к кабине и спросил:

— Может, можно мне заглянуть, посмотреть, как там внутри?

— Нет-нет,— возразил военный.— Ты выкинешь какой-нибудь фокус.

— Ну что вы,— сказал Уэйд.— Я только...

— Офицер! — закричал студент.

Военный повернулся. Уэйд толкнул его, и массивный военный полетел головой вперед, размахивая руками в попытке сохранить равновесие, а на его лице отражалось изумление и негодование.

Уэйд протиснулся в кабину, ударившись коленями о металлический настил, и заполз внутрь.

Студент бежал к сфере, держа перед собой одну из этих тускло блестящих черных трубок.

Уэйд вцепился в тяжелую дверь и, стеная от напряжения, притянул ее. Тяжелый круг металла встал на место, отрезав поток голубого пламени, нацеленный в Уэйда. Уэйд неистово крутил винт, пока дверь не оказалась запертой намертво.

Они в любой момент могут начать резать кабину.

Его взгляд скользил по кнопкам, пока руки застегивали ремни. Он увидел, что в главном окошке все еще выставлено пятьсот лет, и, протянув руку, он задал обратное направление.

Все, кажется, было готово. Он обязан воспользоваться предоставленным шансом. Нет времени проверять. Поток смертоносного пламени, может быть, уже направлен на металлическую сферу.

Ремни пристегнуты. Уэйд потянулся и переключил главный рубильник. Ничего не произошло. Крик смертельного ужаса сорвался с его губ. Взгляд заметался по сторонам. Пальцы дрожали над панелью управления, пока он проверял верность соединений.

Один провод болтался. Схватив его обеими руками, он всунул его в разъем. И кабина тут же завибрировала. Пронзительный гул механизма показался ему музыкой.

Вселенная снова захлестнула его, черная ночь омывала его океанской волной. На этот раз он не лишился сознания.

Он был спасен.

Кабина перестала дрожать. Тишина стояла почти оглушительная. Уэйд сидел в сумраке, задыхаясь, хватая ртом воздух. Потом вцепился в кран на двери и быстро открутил. Пинком распахнул дверь и спрыгнул на пол аппаратной в лаборатории колледжа Форт, огляделся вокруг, спеша увидеть знакомые предметы.

Лаборатория была пуста. Одинокий светильник на стене тускло помаргивал в тишине, от машин падали огромные тени, и его собственная тень скакала по стенам. Он дотрагивался до скамеек, стульев, измерительных приборов, машин — всего подряд, просто чтобы убедить себя, что действительно вернулся.

— Все это на самом деле,— повторял он снова и снова.

Вызванная облегчением невыносимая слабость окутала его вуалью. Он привалился к кабине. Кое-где на обшивке виднелись темные отметины и свисали лохмотья металла. Он ощутил к сфере едва ли не любовь. Даже подстреленная, она все равно доставила его обратно.

Он внезапно взглянул на часы. Два ночи... Мэри... Он должен быть дома. Быстрее, быстрее.

Дверь оказалась заперта. Он нашарил ключи, открыл дверь и кинулся бежать по коридору. Здание было безлюдно. Он добежал до входной двери, отпер ее, вспомнив, что надо запереть за собой, хотя его уже трясло от волнения.

Он пытался идти, но все время переходил на бег, а его мысли в предвкушении неслись впереди него. Вот он на крыльце, вот входит в дверь, взлетает по ступенькам в спальню... «Мэри, Мэри»,— кричит он... Врывается в спальню... Она стоит у окна. Вот она развернулась, увидела его, бесконечное счастье отразилось у нее на лице. Она заплакала от радости... Они обнимают друг друга, целуются: вместе, они вместе.

— Мэри,— бормотал он, задыхаясь, и снова принимался бежать.

За спиной осталось высокий черный Корпус социальных наук. Вот уже кампус оказался позади, и он радостно несся по Университетскому проспекту.

Уличные фонари мелькали перед глазами. Грудь вздымалась от прерывистых вдохов. Резкая боль пронзила бок. Рот широко открылся. Обессиленный, он вынужден был перейти на шаг. Отдышался и снова побежал.

Осталось всего два квартала.

Впереди, на фоне небосклона, вырисовывался темный контур его дома. В гостиной горел свет. Она не спит. Она не теряет надежды!

Сердце его устремилось к ней. Жажда ощутить тепло ее рук была почти невыносима.

Он устал. Замедлил шаг, ощутил, как дико трясутся конечности. От волнения. Все части его тела либо пронзала боль, либо сковывало онемение.

Он был уже на подъездной дорожке. Входная дверь оказалась открыта. Через затянутую москитной сеткой внутреннюю дверь он видел лестницу на второй этаж. Он остановился, глаза его сверкали от болезненной жажды.

— Дома,— пробормотал он.

Он проковылял по дорожке, потом вверх по ступенькам крыльца. Пронзительная боль корежила тело. Голова готова была взорваться.

Он открыл дверь и ринулся в арку гостиной.

Жена Джона Рэндалла спала на тахте.

Нет времени на разговоры. Он хочет видеть Мэри. Он развернулся и подошел к лестнице. Заковылял наверх.

Он споткнулся, едва не упал. Схватился за перила правой рукой. Крик зародился и застыл у него в горле. Рука растворялась в воздухе. Рот сам раскрылся от пронзившего его ужаса.

— Нет! — хотел выкрикнуть он, но у него получился только жалкий писк.

Он продолжал карабкаться наверх. Распад пошел быстрее. Кисти рук. Запястья. Они просто рассыпались на куски. Ощущение было такое, будто его кинули в чан с концентрированной кислотой.

Разум закручивало внутрь самого себя, когда он пытался осмыслить происходящее. Но все равно продолжал подниматься по ступенькам, теперь уже на лодыжках, на коленях, на расползающихся останках исчезающих ног.

И тут он понял все. Почему дверь кабины была заперта. Почему они не позволили ему увидеть собственный труп. Почему его тело просуществовало там так долго. Потому что он добрался до две тысячи четыреста семьдесят пятого года живым и только потом умер. И теперь ему придется вернуться в тот год. Он не сможет быть рядом с ней даже в смерти!

— Мэри!

Он пытался кричать. Она должна узнать. Но не получилось издать ни звука. Он ощутил, как распадаются части горла. Он должен как-то добраться до нее, дать ей знать, что вернулся.

Он добрался до лестничной площадки, протиснулся в открытую дверь их спальни, увидел ее, лежащую на кровати, забывшуюся в горестном изнеможении.

Он позвал. Ни звука в ответ. Гневные слезы брызнули из пересохших глаз. Он стоял в дверном проеме, пытаясь войти в комнату.

«Без тебя мне не жить».

Всплывшие в памяти слова терзали его. Его плач был похож на отдаленное бульканье лавы.

Он почти уже растворился. То, что от него осталось, поднималось над ковром, словно утренний туман, черные глаза сверкали яркими темными бусинами в клубящейся мгле.

— Мэри, Мэри...— теперь он мог только думать,— как сильно я тебя люблю.

Она не проснулась.

Он усилием воли придвинулся ближе, впитывая в себя ее расплывающийся образ. Чудовищное отчаяние сдавило его разум. Его призрак содрогнулся от едва слышного стона.

А потом женщина, улыбнувшаяся в тревожном сне, осталась в комнате одна, если не считать пары призрачных глаз, которые повисели в воздухе еще мгновение, а затем исчезли, как будто крошечные миры, вспыхнувшие при рождении и в тот же миг умершие.

Ведьмы на тропе войны

Семь хорошеньких миниатюрных девушек сидят рядком. За окном ночь, проливной дождь — самая погода для войны. В комнате уютное тепло. Семь девушек в халатиках болтают. На настенной металлической пластине значится: ЦЕНТР УПРАВЛЕНИЯ СИСТЕМОЙ НАВЕДЕНИЯ.

Небеса прочищают глотку раскатом грома, примеряя на бескрайние плечи и сбрасывая разветвленную молнию. Дождь заставил мир затихнуть, он гнет деревья и испещряет точками землю. Дом квадратный, приземистый, одна стена у него из пластика.

В доме щебечут семь хорошеньких миниатюрных девушек.

— Так вот, я ему говорю: «Этого мне не надо, мистер Зазнайка». А он говорит: «О, неужели?» А я ему: «Именно так!»

— Честное слово, я так буду рада, когда все это закончится. Я видела такую милую шляпку, когда ходила в последнее увольнение. О, чего бы я не отдала за нее!

— И ты тоже? Ну я даже не знаю! И волосы-то толком уложить невозможно. Только не в такую погоду. Почему нам не позволяют покончить со всем этим?

— Мужчины! Меня от них просто тошнит.

Семь пар машущих рук, семь поз, семь голосов тоненько звенят на фоне грома. Зубы сверкают, когда девушки хохочут. Руки без устали рисуют в воздухе узоры.

Центр управления системой наведения. Девушки. Семь девушек. Хорошенькие. Нет ни одной старше шестнадцати. Кудряшки. Конские хвосты. Челки. Пухлые губки — улыбающиеся, кривящиеся, выражающие эмоцию за эмоцией. Искрящиеся мо-

---

© Перевод Е. Королевой.

лодые глаза — блестящие, подмигивающие, прищуривающиеся, холодные или теплые.

Семь здоровых молодых тел покоятся на деревянных стульях. Гладкие девичьи конечности. Девочки — хорошенькие девочки — целых семь.

Армия уродливых мешковатых мужчин, увязая в грязи, с трудом бредет по кромешно-темной грязной дороге.

Дождь льет потоками. Обрушивается, как из ведра, на изможденных людей. Громадные сапоги чавкают, погружаясь в жидкую желто-коричневую грязь и вытягиваясь из нее. Грязь стекает с носков и подметок.

Медленно шагающие люди — сотни людей,— промокшие насквозь, жалкие, истощенные. Молодые сгорбились, как старики. Нижние челюсти отвисли, рты хватают черный сырой воздух, языки высунуты, запавшие глаза глядят в пустоту, не выражают ничего.

Привал.

Люди валятся в грязь, падают на свои вещмешки. Головы откинуты назад, рты раскрыты, дождь хлещет по желтым зубам. Руки замерли неподвижно — жалкие кучки из кожи и костей. Ноги не движутся — обтянутые хаки деревяшки, изъеденные червями. Сотни бесполезных конечностей, прикрепленных к сотням бесполезных тел.

Позади них, впереди, по бокам рычат грузовики, танки и маленькие машинки. Толстые шины расплескивают грязь. Покрышки тонут, засосанные липкой жижей. Дождь барабанит мокрыми пальцами по металлу и брезенту.

Лампочки молний вспыхивают, но не горят. Мимолетные всполохи света. Лик войны мелькает лишь на мгновенье — собранный из ржавых ружей, вращающихся колес и окаменелых лиц.

Темнота. Рука ночи закрашивает краткие проблески в буре. Погоняемый ветром дождь хлещет по полям и дорогам, сечет деревья и грузовики. Потоки пузырящейся воды оставляют на земле шрамы. Гром, молнии.

Свисток. Покойники восстают. Сапоги снова чавкают по грязи — глубже, ближе, теснее. Подходят к городу, который преграждает путь к городу, который преграждает путь к...

Военный сидел в комнате для переговоров в Центре управления. Он внимательно следил за связистом, который, скорчившись над приборной доской, с наушниками на голове, записывал сообщение.

Офицер наблюдал за связистом. «Они приближаются»,— думал он. Замерзшие, промокшие, испуганные, они идут на нас маршем. Он передернулся и закрыл глаза.

Тут же снова открыл. Видения наполнили сузившиеся зрачки — клубящийся дым, объятые пламенем люди, непостижимые ужасы, которые воплощаются сами собой без слов и образов.

— Сэр,— произнес связист,— сообщение с наблюдательного поста. Вражеские силы на подходе.

Офицер поднялся, подошел к связисту и взял сообщение. Прочитал, и лицо его побелело, рот искривился.

— Да,— подтвердил он.

Развернулся на каблуках и пошел к двери. Открыл ее и вошел в смежную комнату. Семь девушек прекратили болтать. Комната погрузилась в тишину.

Офицер встал спиной к пластиковой стене.

— Прямо по курсу. В трех километрах отсюда. Вопросы?

Одна девушка хихикнула.

— Техника есть? — спросила другая.

— Да. Пять грузовиков, пять командирских легковушек, два танка.

— Это слишком просто,— засмеялась девушка, взбивая волосы тонкими пальцами.

— Тем не менее это все,— сказал офицер.

Он пошел к двери.

— Приступайте,— приказал он и прибавил себе под нос: — Чудовища!

Он вышел.

— О господи,— вздохнула одна из девушек,— опять все то же.

— Какая скука,— отозвалась другая.

Она раскрыла свой изящно очерченный ротик, вынула жевательную резинку и прилепила ее под сиденье своего стула.

— Хотя бы дождь перестал,— заметила рыжеволосая, затягивая шнурки на ботинках.

Семь девушек переглянулись. «Вы готовы?» — спрашивали их взгляды. «Я вроде готова». Они поудобнее устроились на сиденьях, тоненько охая и вздыхая. Обхватили ногами ножки стуль-

ев. Вся жвачка была вынута. Рты плотно сжаты чопорными складками. Хорошенькие миниатюрные девушки приготовились вступать в игру.

Наконец они совершенно замолкли. Одна из них глубоко втянула в себя воздух. То же самое сделала вторая. Все они напрягли молочно-белые тела и сжали в кулачки тонкие пальчики. Одна быстро почесала голову, чтобы не отвлекаться потом. Еще одна тихонько чихнула.

— Начали,— произнесла девушка, сидевшая в ряду справа.

Семь пар сияющих глаз закрылись. Семь невинных юных разумов принялись воображать, воплощать, передавать.

Губы превратились в бескровные ниточки, краска сбежала с лиц, тела сладострастно содрогались. Пальцы подергивались от предельной сосредоточенности, семь хорошеньких миниатюрных девушек отправились на войну.

Мужчины переваливали через гребень холма, когда началась атака. Идущие в передних рядах, занесшие ногу для следующего шага, превратились в столбы пламени.

Они не успели даже закричать. Винтовки попадали в грязь, глаза скрылись в завесе огня. Они сделали еще несколько шагов и упали, шипящие и обугленные, в мягкую грязь.

Люди завопили. Строй нарушился. Все принялись целиться и стрелять в ночь. Еще часть войска раскалилась добела, вспыхнула и упала мертвой.

— Рассредоточиться! — прокричал командир, и тут его взметнувшиеся в воздух пальцы охватило пламя, лицо исчезло в желтых языках огня.

Люди смотрели по сторонам. Их помертвевшие, полные ужаса глаза высматривали врага. Они стреляли по лесу и полям. Они стреляли друг в друга. Они беспорядочно шлепали по грязи.

Один грузовик охватил огонь. Водитель выскочил, превращенный в двуногий факел. Грузовик еще прокатился по дороге, повернул, как безумный поскакал по полю, врезался в дерево, взорвался, и его целиком поглотило слепящее пламя. Взад-вперед на фоне занявшихся костров метались черные тени. Ночь наполняли крики.

Воин за воином вспыхивал огнем, падал лицом в грязь. Всполохи обжигающего света прорезали напитанную влагой тьму, крики, скачущие угли, суматоха, вспышки света, смерть, испе-

пеленные ряды воинов, кремированные грузовики, взорванные танки.

Маленькая блондинка, ее тело напряглось от сдерживаемого волнения. Губы шевелятся, смешок застрял в горле. Ноздри раздуваются. Она содрогается от головокружительного испуга. Представляет, представляет...

Солдат сломя голову бежит через поле, непрерывно крича, его глаза обезумели от ужаса. Громадный валун обрушивается на него с черных небес.

Его тело вжато в почву, сплющено. Из-под края валуна торчат кончики пальцев.

Валун поднимается с земли, снова ударяет, бесформенный падающий молот. Пылающий грузовик смят в лепешку. Валун снова взлетает в черное небо.

Симпатичная брюнетка, ее лицо будто пылает в лихорадке. Жуткие мысли проносятся в ее девичьем разуме. Волосы на голове встают дыбом от экстатического ужаса. Губы кривятся, обнажая сжатые зубы. Вздохи, полные ужаса, слетают с губ. Она представляет, представляет...

Солдат падает на колени. Голова его откидывается назад. В свете от горящих товарищей он тупо таращится на белопенную волну, накатывающую на него.

Волна опрокидывает, тащит его тело по грязной земле, наполняет легкие соленой водой. Приливные волны ревут на поле, топят сотни горящих людей, подбрасывают их тела в воздух на ревущих белых барашках.

Внезапно вода перестает прибывать, разбивается на миллиарды капель и исчезает.

Прелестная рыжеволосая крошка, руки сжаты под подбородком в бескровные кулачки. Губы дрожат, восторг переполняет ее грудь. Белая шея пульсирует, она втягивает в себя воздух. Нос морщится в приступе жуткого веселья. Она представляет, представляет...

Бегущий солдат сталкивается со львом. Он не видит его в темноте. Его руки бешено колотят по косматой гриве. Он наносит удары прикладом винтовки.

Крик. Лицо полностью сорвано одним ударом когтистой лапы. Рев джунглей наполняет ночь.

Красноглазый слон неистово топает по грязи, хватает людей толстым хоботом, зашвыривает их в небо, топчет черными колоннами своих ног.

Волки выскакивают из темноты, прыгают, рвут глотки. Гориллы визжат и скачут по грязи, запрыгивают на упавших солдат.

Носорог — его грубая кожа белеет в свете живых факелов — нападает на горящий танк, кружится, ревет, обращаясь к темноте, уходит.

Клыки, когти, рвущие плоть зубы, вопли, топот, рев. С неба начинает литься поток из змей.

Тишина. Всеобъемлющее мрачное молчание. Ни ветерка, ни капли дождя, ни раската далекого грома. Битва окончена.

Серый утренний туман клубится над сгоревшими, растерзанными, захлебнувшимися, раздавленными, отравленными, раскинувшими в стороны руки и ноги мертвецами.

Неподвижные грузовики, замолкшие грузовики, струйки черного дыма все еще поднимаются от их разбитых остовов. Великая смерть зависла над полем. Очередная битва в очередной войне.

Победа — все мертвы.

Девушки томно потянулись. Они вытягивали руки и вращали крутлыми плечиками. Розовые ротики широко раскрывались в милых зевках. Они поглядывали друг на друга и смущенно посмеивались. Некоторые залились краской. Несколько смотрели виновато.

Потом все вместе громко захохотали. Принялись снимать обертки с новых жвачек, доставать пудреницы из карманов, переговариваться интимным шепотом, точно девочки ночью в школьной спальне.

Приглушенные смешки разносились по теплой комнате.

— Разве мы не чудовищны? — спросила одна из них, припудривая дерзко вздернутый носик.

Потом все они спустились вниз и пошли завтракать.

Письмо литературному агенту

Дорогой Дон!

Что ж, хорошего понемножку. Тебе придется найти другого парня, который сможет занять мое место. Не могу подобрать более подходящего слова. Я выдохся. «Как так?» — спросишь ты. И имеешь полное право. Ведь сколько раз я говорил тебе, что моих историй хватит лет на двадцать? Должно быть, не меньше миллиона. Так вот, все они иссякли.

И ты узнаешь об этом последним. Я не хотел писать такое своему агенту, пока не удостоверюсь сам. Так вот, черт побери, теперь я удостоверился.

Все началось месяц назад. Сначала цитата. Слушай. Кавычки открываются:

«3–В–5

Марсианские космические корабли изначально появляются в виде мерцающих огней непосредственно вокруг Луны. Огни загораются на десять минут с интервалом в четверть часа».

Кавычки закрываются.

Я сижу у себя в кабинете, пытаясь выжать из своих мозгов рассказ. Это одно из тех утр, когда хочется превратить свою печатную машинку в стальную дубинку и отлупить себя ею до смерти.

У меня получается рассказ с диалогами, от которых меня корежит, с сюжетом, от которого у меня глаза лезут на лоб, персонажами, от которых, чего там скрывать, меня мутит. Я беру очередной лист бумаги и выкидываю его в корзину, у которой

© Перевод Е. Королевой.

сегодня выдался плотный завтрак. И я сижу, хмурый, размышляя о самоубийстве.

В довершение картины Эва на кухне готовит пирог. В детской Пончик пачкает в кроватке штаны.

Не в силах вынести тишины, в которой заключен мой собственный разум, похожий на кусок желе, я включаю радио. Вскоре ловлю обрывок захватывающего репортажа. Кто-то сообщает, что кукуруза и пшеница поднялись на два пункта, а продажи нерегулярны. Я записываю это замечание на тот случай, если оно пригодится для будущего рассказа, и переключаюсь на другую станцию. Попадаю на окончание еще одного выпуска новостей.

— И эти мерцающие огни,— выпевает диктор,— были видны периодами по десять минут. Дальнейшие попытки исследовать этот необычайный феномен предпринимаются обсерваториями округа. На всех сельскохозяйственных биржах кукуруза и...

Щелк, и приемник выключен.

Да, верно. Я не обратил внимания. Кому-то другому это показалось бы странным. Но ты меня знаешь, Дон. Мне ведь нужно, чтобы кто-нибудь подошел и сказал, только тогда до меня дойдет, что на меня несется грузовик.

И дошло только во время обеда на кухне.

Я хлебал суп и читал только обнаруженную мной «Санди таймс» двухнедельной давности. Пончик выколачивал большой ложкой кашу из своей миски. Я оставил попытки читать, швырнул газету в корзину и включил маленький белый радиоприемник на полке.

Шестая симфония Чайковского медленно умерла, после чего начался очередной выпуск новостей. Диктор сказал:

— Ученые и представители властей продолжают наблюдать за странными мерцающими огнями, которые прошлой ночью появились вокруг Луны. Эти огни загораются на десять минут с интервалом в четверть часа. Распространилось мнение, будто бы это огни межпланетного корабля пришельцев, но эти слухи упорно опровергаются правительством. Одновременно с огнями были получены волновые сигналы, которые радиостанции Земли принимали с интервалом в полчаса. Эти сигналы невозможно расшифровать с помощью известных кодов.

Я положил наполовину съеденный бутерброд на стол и кинулся в кабинет. Здесь я достал толстую папку, озаглавленную «Марс». Ты знаком с этой папкой, Дон. Ты знаешь, я пополняю ее всю свою жизнь, и еще ты знаешь, что все ее чертово содержание я выдумал сам.

Я открыл папку на разделе номер три, подзаголовок В, параграф пять. Какой литературный перл я там обнаружил?

Я уже цитировал тебе выше.

И, должен признать, это превосходило все ожидания. Кто я такой, спрашиваю я, Нострадамус Ист-Флэтбуша?* Я разволновался. Я прочитал, что еще содержится в 3–В–5:

«Волновые сигналы марсиан приходят с интервалом в полчаса в тот период, когда рядом с Луной видны мерцающие огни».

Я сидел там, снова и снова перечитывая этот отрывок. Желудок отказывался переваривать обед. Сердце не стучало, а хлопало, как тяжелая дверь. Я решил ущипнуть себя за ногу. Ой, сказал я, с содроганием осознавая, что все это происходит на самом деле.

Вот, сказал я себе, я сижу тут, несчастный сочинитель научной фантастики с жалким гонораром, который черпал все эти множественные сведения о Марсе из мусорных корзин собственного онемелого разума. Я говорил себе, когда папка заполнилась: «Вот, теперь у меня материалов на двадцать лет, на целую серию хроник о Марсе. Я счастлив. Редакторы счастливы. Дон счастлив. Все мы счастливы, хлопаем в ладоши и радостно пляшем вокруг рождественской елки».

Только вот все, что я придумал, происходит наяву!

Я посидел немного. Потом положил папку обратно на полку. Вернулся на кухню и доел обед. Старательно обдумал это странное совпадение.

Снова подумал о своей папке.

Третий раздел назывался «Марсиане объявляют войну разным планетам».

Подзаголовок А сообщал: «Объявление войны Венере». Но ты ведь помнишь, что я цитировал тебе подзаголовок В.

Ну как, дошло?

---

* Ист-Флэтбуш — часть района Бруклин в Нью-Йорке. *(Прим. ред.)*

Шок похож на костер. Необходимо подбрасывать дрова, иначе утихнет. Я провел несколько бессонных ночей. Я звонил в университеты Нью-Йорка и Колумбии, в Бруклинский колледж и несколько других. Я просил позвать к телефону профессоров астрономии. Не знаю, зачем я им звонил. Я просто чувствовал себя обязанным поставить в известность хоть кого-то. Президенту звонить нет смысла, он и без того достаточно занят холодной войной. Так что я выбрал профессоров астрономии.

Они не особенно помогли. Трое из них уверяли, что это метеоры. Двое сказали, кометы. Один, как ты можешь догадаться, заявил, что это массовая истерия. Что ж, подумал я, кто знает? Если они скажут, что это вспышки от взрывов на солнце, я это проглочу. Почему бы нет? Думаешь, мне очень хочется считаться пророком?

Я забыл об этом. Вернулся на Землю со всеми потрохами, и все было нормальненько. В течение следующей недели я написал еще два рассказа про Марс. Послал их тебе. Ты их продал.

Потом, в одно прекрасное утро, корабль моего вдохновения снова очутился в Саргассовом море. Воздух потрескивал от тишины. Мои потуги не приводили ни к какому результату.

Я снова решил искать ветерка для своих парусов на радио.

Некто вещал со ртом, набитым хрустящей булочкой и растворимым кофе.

— Слушай, Белла,— говорил он, и я понял, что наткнулся на утреннюю программу для домохозяек «Мистер и миссис Шаблон».— Слушай, Белла,— повторил он.

Белла либо заснула, либо просто умерла, не дожевав свой французский тост.

— А,— отозвалась она наконец.

— Знаешь, эти сумасшедшие слухи о марсианах снова распространяются, черт побери их все.

— Да ну? — удивилась Белла.

Мастер светской беседы.

— Угу,— продолжал мужчина, прервавшись, чтобы отхлебнуть кофе, который он проглотил так шумно, что я ощутил его вкус.— Угу,— повторил он.— Говорят, эти огни совершенно точно, просто точнее не бывает, с космических кораблей. Простак Уолтер так прямо и пишет об этом в своей колонке: «Военно-воздушная база в Вайоминге поймала один из этих лунных ог-

ней на экране своего радара и следила за ним, несущимся,— (слушай внимательно, Белла),— на скорости больше десяти тысяч километров в час»! Как тебе это нравится, Белла?

— Ого! — отозвалась Белла.

— И это еще не все,— продолжал мужской голос.— Один профессор археологии из университета Лихен утверждает, что идущие радиосигналы можно расшифровать по таблице кодов, которую он обнаружил в египетской гробнице.

— Господи!

Это была уже не Белла. Это был уже я сам, кинувшийся к полке. Я схватил свою папку и сел. Я был весь в испарине. С чего бы?

«3

В. Деятельность.

1. Марсианские военные корабли способны развивать на походе скорость от трехсот километров в час до предельной скорости в двадцать тысяч километров в час».

В этот промежуток входит и десять тысяч километров в час.

Что, не особенно впечатляет? Ладно. Вот тебе еще один довод, мой дорогой агент. Держись, а то упадешь.

«5–D–7

Разведывательные отряды марсиан высаживались на Землю в течение всего 1600 года до новой эры. Они оставили в разных местах металлические пластины, на которых были нарисованы таблицы с кодами для расшифровки волновых сигналов. Эти пластины, например, во время правления Тутмоса III были помещены в гробницы ста различных представителей египетской знати».

При виде этого курсива я сам едва не завалился на бок.

Египетские гробницы! Господи боже мой, сказал я, я уже начал себя бояться. Я просидел несколько минут в состоянии, близком к коме. Откуда-то издалека я слышал, как Эва зовет меня, чтобы я отнес что-то куда-то и сделал там с ним что-то. Я никак не отреагировал.

Она пришла, когда уже совсем осипла, встала руки в боки и добродушно поинтересовалась: «Ты оглох или как?»

— Подойди ко мне,— воззвал я голосом пророка.— Сядь сюда. Это важно.

— Я занята.

Я настоял. Она села. Я рассказал ей. Процитировал ей избранные отрывки.

— И что? — спросила она.

— Что?! — возопил я.— Может, это ты оглохла? Неужели ты не понимаешь, что это значит? Все, что я тебе прочитал, я выдумал сам! И вот теперь это происходит на самом деле! Наяву!

— Как это может быть на самом деле, если ты это выдумал?

— Не знаю,— ответил я едва слышно. Обернулся через плечо.— Может, все это надиктовали моему подсознанию сами марсиане. Может, все, что я когда-либо написал, чистая правда. Господи, может, я космический репортер, сам не подозревающий об этом!

— Может быть, милый,— ответила она.

— Они объявят Земле войну! Они собираются истребить нас!

Она поднялась, собираясь уйти.

— Не забудь отнести белье,— сказала она.

Прошло уже несколько недель с того момента, как вся моя жизнь пошла под откос. И вот я поднимаюсь на лифте в Трамп-пам-билдинг, чтобы повидаться с Майком, нашим с тобой любимым редактором.

Он приглашает меня в кабинет. Пожав руки, мы сидим, глядя друг на друга.

— У меня для тебя потрясающая новость,— говорю я.— Последние десять лет «Гризли спейс сториз» печатало исторические очерки.

Он моргает. Встает, оскорбленный.

— Ты хочешь оскорбить меня и моих работников? — спрашивает он. Я машу руками, чтобы он сел, и он снова опускается в кожаное кресло.— О чем ты вообще толкуешь?

Я сообщаю ему факты. Он лишается своей обычной редакторской бледности, его лицо приобретает белизну снеговика, пока я рассказываю ему, что наш конгрессмен не отвечает на мои телеграммы, а начальник отдела гражданской обороны пишет на моих заявлениях: ПСИХ.

На этом я заканчиваю.

— Это пока что все,— говорю я ему.— Что же делать? Мы уже подготовили «Американское наследие»?

Он сидит неподвижно, вцепившись зубами в костяшки сжатых в кулаки пальцев. Я впадаю в подобие транса.

Скоро он поднимает на меня глаза.

— Мы должны встретить опасность, глядя ей в лицо,— произносит он.— Мы говорили нашим читателям, раньше и теперь, что «Гризли» представляет только самое лучшее из мира фантастики. Теперь мы получаемся лжецами. Но надо сделать хорошую мину при плохой игре. Мы запустим в печать серию статей и расскажем людям факты об этом деле.

Он делает пометку в блокноте.

— Ты успеешь сдать Дону первые статьи до среды? — спрашивает он.— Мы выкинем рассказ Мэтисона, а вместо него вставим твой очерк.

— Но,— произношу я,— кажется, ты не вполне понимаешь, это означает войну.

— А когда ее не было? — отвечает Майк.— Теперь обсудим детали.

Потом я возвращаюсь домой. Сижу дома один. Эва, как следует из оставленной на печатной машинке записки, отправилась с Пончиком в зоопарк.

Жутко боясь это делать, я все же включаю радио. Надеясь услышать музыку. Застаю последние такты «Дон Жуана» Глюка. Замираю в ожидании. Начинается выпуск новостей.

— Астрономы по всей стране сообщают о значительном увеличении активности мерцающих огней рядом с Луной. Теперь огни видны и при свете дня. Правительственные чиновники проводят тщательное расследование.

Я выключаю приемник. Тупо таращусь на стены. Тщательное расследование. Вот новость так новость. Размышляя о ее важности, я вытаскиваю свою папку и открываю раздел № 15.

«15–В–3

За период, длящийся от пятидесяти до пятисот часов по земному времени, марсианские космические корабли соберутся вокруг луны и подготовятся».

Надо ли спрашивать, к чему они будут готовиться?

А называется этот раздел, хотя мне страшно об этом говорить: «Вторжение марсиан на Землю».

И вот он я, виноватый писатель. Согласно моим записям, которые, как я был уверен, я выдумал из ничего, в одно из ближайших утр корабли марсиан окружат Землю, отгородившись от нас непроницаемым волновым экраном. Потом спустятся десантные шары, оттуда выйдут воины с оружием, истребляющим все живое в радиусе километра.

Этот раздел, пятнадцатый, я закончил последним. Я планировал использовать эти заметки на двадцатом году своей писательской карьеры. Я даже придумал для последнего рассказа броский заголовок. Наверное, я его изменю. Он звучит как «Конец Земли».

Так вот, моя сказка почти подошла к концу, Дон. Все верно. Больше я писать не могу. Ни словечка. Я просто сижу и снова все обдумываю.

Так что, сам понимаешь, тебе лучше найти какого-нибудь другого парня. Почему? Черт побери, старик, теперь, когда все мои записи оказались голыми фактами, о чем, твою мать, мне писать? Ты же знаешь, я не работаю в жанре документалистики!

Полный сожаления,

Берт

Собрат машинам

Он вышел на солнечный свет и зашагал между людьми. Ноги несли его прочь от глубокого черного тоннеля. Отдаленный рев подземных машин сменился у него в голове мириадами городских шепотков.

Вот он уже шагает по главной улице. Люди из плоти и люди из стали проходят мимо него, приближаются и удаляются. Ноги его движутся медленно, звук его шагов теряется в звуке тысяч других шагов.

Он миновал здание, погибшее в последней войне. Люди и роботы суетились, растаскивая обломки, которые снова будут пущены в дело. У них над головами висел корабль-надзиратель, и внутри были видны люди, следящие, чтобы работа выполнялась как следует.

Он лавировал в толпе. Нечего бояться, что кто-нибудь заметит. Разница только внутри. Глазом ее никак не определить. Видеомачты, установленные на всех углах, не смогут уловить перемену. Телом и лицом он был точно такой же, как и все остальные.

Он посмотрел на небо. Единственный из всех. Остальные не замечали существования неба. Только когда ты вырываешься на свободу, ты в состоянии видеть. Он увидел ракетный корабль, мелькнувший точкой на фоне солнца, и корабли-надзиратели, бороздящие голубые небеса с пушистыми белыми облачками.

Люди с тусклыми глазами окидывали его подозрительным взглядом и спешно шли дальше. Роботы с пустыми лицами не обращали внимания. Они, позванивая, проезжали мимо, сжимая длинными металлическими руками свои конверты и свертки.

© Перевод Е. Королевой.

Он опустил глаза в землю, продолжая идти дальше. Человек не может глядеть на небо, думал он про себя. Это подозрительно, глядеть на небо.

— Эй, не поможешь товарищу?

Он остановился, его взгляд скользнул по карточке на груди человека.

«Бывший космический пилот. Слепой. Лицензированный нищий».

Заверено печатью главного уполномоченного. Он положил руку на плечо слепого нищего. Тот ничего не сказал, прошел мимо и двинулся дальше, его трость стукала по краю тротуара, пока он не исчез из виду. В этом районе не разрешается просить милостыню. Его скоро выследят.

Он отвернулся от монитора и зашагал дальше. Видеомачты уже зафиксировали, как он остановился и дотронулся до слепого. На улицах делового квартала запрещено останавливаться и дотрагиваться до других.

Он прошел мимо металлического автомата, легко коснувшись его, вытянул газету. Пошел дальше, держа газету перед глазами.

«Подоходный налог растет». «Военные расходы растут». «Цены растут».

Вот такие заголовки. Он перевернул газету. На последней странице была помещена статья, объяснявшая, что именно вынудило войска Земли уничтожить всех марсиан.

Что-то щелкнуло у него в мозгу, и пальцы медленно сжались в кулаки.

Он шел мимо своих, и людей, и роботов. «Чем же они отличаются?» — спрашивал он себя. Чернорабочие делали все то же, что и роботы. Они вместе шли или ехали по улицам, перенося грузы и доставляя почту.

«Быть человеком»,— думал он. Это давно уже не благословение, не предмет гордости, не дар судьбы. Быть собратом машинам, использованным и сломанным неведомыми людьми, которые не сводят своих взглядов с видеомачт, которые сидят в кораблях, зависших над головами, и которые готовы в любой момент окоротить сопротивляющихся.

Когда в один прекрасный день до тебя доходит, как обстоят дела, ты понимаешь, что нет смысла продолжать.

Он остановился в тени, часто моргая. Посмотрел в витрину магазина. Там в клетке сидели крошечные детишки.

«Купите своим детям малыша-венерианца!» — зазывала реклама.

Он посмотрел в глаза крошечных созданий с усиками и увидел в них разум и жалобную мольбу. И пошел дальше, сгорая от стыда за то, что один человек может сделать с другим.

Что-то зашевелилось внутри. Он слегка вздрогнул и прижал руку к голове. Плечи его задрожали. «Когда человек болен,— подумал он,— то не может работать». А когда человек не может работать, он не нужен.

Он шагнул на проезжую часть, и огромный грузовик полиции контроля успел затормозить в нескольких сантиметрах от него.

Он испуганно отскочил, кинулся обратно на тротуар. Кто-то закричал, и он бросился бежать. Теперь его будут преследовать фотоэлементы. Он попытался раствориться в движущейся толпе. Люди мелькали мимо в бесконечном водовороте лиц и тел.

Теперь его будут выслеживать. Когда человек ступает на проезжую часть перед носом машины, он попадает под подозрение. Желать себе смерти не позволяется. Он должен бежать, чтобы его не схватили и не отвезли в Центр регулировки. Он этого не перенесет.

Люди и роботы проносились мимо него: посыльные, доставщики грузов — донный осадок эпохи. Все куда-то спешат. Среди этих суетящихся тысяч только ему некуда было идти, нечего нести, не было никакой рабской обязанности, требующей исполнения. Он плыл по течению.

Улицу за улицей, квартал за кварталом. Он чувствовал дрожь во всем теле. Он понимал, что еще немного — и упадет. Он ослабел. Ему хотелось остановиться. Но он не мог. Не сейчас. Если он остановится, сядет передохнуть, за ним тут же придут и отправят в Центр регулировки. Он не хочет, чтобы его опять отрегулировали. Не хочет снова сделаться тупой движущейся машиной. Лучше уж терзаться тоской, но осознавать происходящее.

Он споткнулся. Блеющие гудки раздирали мозг. Неоновые глаза моргали на него, пока он шел.

Он старался идти прямо, однако все его системы дали сбой. Преследуют ли его? Ему необходимо быть осторожнее. Его лицо ничего не выражало, он изо всех сил пытался держаться ровно.

Коленные суставы окаменели, и когда он наклонился, чтобы растереть их руками, волна темноты поднялась с земли и окатила его. Он привалился к толстому зеркальному окну.

Встряхнул головой, увидел глядящего на него изнутри человека. Оттолкнулся от окна. Человек выскочил и с испугом уставился на него. Фотоэлементы выделили его и начали преследовать. Придется поторопиться. Он не может допустить, чтобы его вернули назад, не может начинать все сначала. Уж лучше умереть.

Нежданная мысль. Как ведро холодной воды. Да, воды, но не для того, чтобы пить.

«Я умру,— подумал он.— Но я буду знать, почему умираю, и в этом состоит разница. Я ушел из лаборатории, где день за днем, до одури делал расчеты для бомб, газовых и бактериологических баллончиков.

Все эти долгие дни и ночи, пока я создавал средства уничтожения, моему разуму открывалась истина. Путы все ослабевали, вбитые в голову постулаты сдавались по мере того, как удавалось бороться с безразличием».

И наконец что-то сломалось, и все, что осталось,— это утомление, истина и безграничное желание покоя.

И вот теперь он сбежал и уже никогда не вернется. Его разум сломался безнадежно, им ни за что не отрегулировать его заново.

Он шел к общественному парку, последнему пристанищу пожилых, калек, бесполезных. Где они могли скрываться, отдыхать и дожидаться смерти.

Он вошел в широкие ворота и поглядел на высокие стены, которые уходили вверх, насколько хватало глаз. Эти стены скрывали уродство от посторонних взглядов. Здесь было безопасно. Никого не волновало, если человек умрет в границах общественного парка.

«Вот он, мой остров,— подумал он.— Я нашел тихую гавань. Здесь нет пристально глядящих фотоэлементов, нет подслушивающих ушей. Здесь можно быть свободным».

Ноги его внезапно подкосились, он привалился к почерневшему мертвому дереву и сполз по стволу в высокую кучу гниющих листьев.

Мимо прошел старик, который с подозрением посмотрел на него. Старик прошел дальше. Он не уставал повторять себе, что образ мысли остается прежним, даже когда оковы уже разбиты.

Мимо прошли две пожилые дамы. Они посмотрели на него и защептались. Он не был стариком. Ему не позволено находиться в общественном парке. Его, возможно, выслеживает полиция контроля. Он опасен, и старушки поспешили дальше, бросая испуганные взгляды через хрупкие плечи. Когда он нагнал их, они спешно скрылись за холмом.

Он шел. Вдалеке послышался вой сирены. Пронзительная, визгливая сирена машин полиции контроля. Это за ним? Они уже знают, что он здесь? Он прибавил шаг, тело его подергивалось, когда он переваливал через гребень залитого солнцем холма и спускался вниз по другому склону. «Озеро,— думал он.— Я ищу озеро».

Он увидел питьевой фонтан, спустился с холма и остановился рядом с ним. Над фонтаном склонился старик. Тот самый, который прошел мимо него до этого. Старик хватал ртом тощую струйку воды.

Он стоял рядом молча, дрожа всем телом. Старик не замечал его присутствия. Он все пил и пил. Вода плескалась и сверкала на солнце. Он протянул к старику руки. Тот ощутил его прикосновение и дернулся в сторону, струйка воды потекла по заросшему седой щетиной подбородку. Старик попятился назад, таращась на него с разинутым ртом. Быстро развернулся и заковылял прочь.

Он увидел, как старик побежал, и наклонился над фонтаном. Вода забулькала в горле. Она заполняла рот и выливалась обратно, лишенная вкуса.

Он внезапно распрямился, ощущая в груди болезненный жар. Солнце потускнело, небо сделалось черным. Он шатаясь пошел через дорожку, рот его открывался и закрывался. Он добрел до другой стороны дорожки и упал коленями на сухую землю.

Пополз по мертвой траве, завалился на спину, в животе все переворачивалось, вода стекала по подбородку.

Он лежал в траве, солнце светило ему прямо в лицо, а он смотрел на него, не моргая. Затем он поднял руки и закрыл ладонями глаза.

Муравей пробежал по запястью. Он посмотрел на него непонимающим взглядом. После взял другой рукой и растер между пальцев.

Он сел. Нельзя здесь оставаться. Они уже, возможно, обшаривают парк, их ледяные взгляды обследуют холмы, они затопляют, словно кошмарный прилив, его последний оплот, где старикам позволяется думать, если они еще способны на это.

Он поднялся, неловко заковылял на затекших ногах, направляясь к тропинке, высматривая озеро.

Он повернул вместе с тропинкой и, шатаясь, пошел дальше. Он услышал свистки. Далекий окрик. Они действительно высматривают его. Даже здесь, в общественном парке, где, как ему казалось, можно укрыться. И спокойно отыскать озеро.

Он прошел мимо старой заколоченной карусели. Увидел маленьких деревянных лошадок, застывших в радостном прыжке, замерших в полете, зафиксированных во времени. Зеленые и оранжевые, с тяжелыми плюмажами, все покрыты толстым слоем пыли.

Он добрался до уходящей вниз дорожки и пошел по ней. По обеим сторонам поднимались серые каменные стены. Со всех сторон несся звук сирен. Они узнали, что он не в себе, и вот теперь пришли за ним. Человек не может сбежать. Это против правил.

Он перешел через широкую дорогу и снова пошел по дорожке. Обернувшись, увидел вдалеке бегущих людей. Все они были в черной форме, махали ему на бегу. Он заторопился, ноги его все шаркали и шаркали по бетону.

Он сбежал с дорожки, кинулся вверх по холму, путаясь в траве. Заполз в покрытые багровыми листьями кусты, наблюдая между приступами головокружения, как мимо проносятся люди в униформе полиции контроля.

Потом он поднялся и похромал дальше, глядя прямо перед собой.

Вот наконец переливающееся, приглушенное мерцание озера. Теперь он заторопился, спотыкаясь и оступаясь. Осталось

совсем немного. Он ковылял через поле. Воздух казался густым от запаха гниющей травы. Он прорвался через заросли кустов, послышались крики, кто-то выстрелил. Он одеревенело обернулся и увидел, что к нему бегут люди.

Он кинулся в воду, с громким плеском упал на нее грудью. С трудом двинулся вперед, шагая по дну, пока вода не поднялась по грудь, по плечи, по шею. Он все шел, когда она уже заливалась в рот, наполняя горло, давила на тело, увлекая его вниз.

Глаза его были неподвижны и широко раскрыты, когда он мягко уткнулся лицом в озерное дно. Пальцы погрузились в ил, и он замер.

После полиция контроля вытащила его из воды, швырнула в черный грузовик и увезла.

Еще позже механик стянул с него простыню, качая головой при виде спутанных проводов и залитой водой схемы.

— Они портятся,— бормотал он, орудуя щипцами и шилом.— Стареют, начинают считать себя людьми и слоняются по улицам. Жаль, что они не так же надежны, как люди.

E...

Автомобили остановились, взвизгнув тормозами. Приглушенные проклятия забились в лобовые стекла. Прохожие шарахнулись в стороны — глаза широко распахнуты, рты удивленно растянуты заглавными буквами «О».

Громадная металлическая сфера появилась из ниоткуда прямо посреди перекрестка.

— Что? Что такое? — пробурчал регулировщик, покидая пределы своего бетонного островка.

— Святые небеса! — воскликнула секретарша, с разинутым ртом застывшая у окна третьего этажа.— Что это может быть?

— Выскочил прямо из воздуха! — выкрикнул вдруг какой-то старик.— Прямо из воздуха, клянусь!

Удивленные ахи. Все с колотящимися сердцами подались вперед.

Круглая дверь сферы открылась изнутри.

Наружу выпрыгнул человек. Он с интересом огляделся по сторонам. Внимательно посмотрел на людей. Люди внимательно посмотрели на него.

— В чем дело? — громогласно вступил регулировщик, вынимая бланки протокола.— Нарываетесь на неприятности?

Человек улыбнулся. Люди, стоявшие поближе к нему, услышали, как он сказал:

— Я профессор Роберт Уэйд. Прибыл к вам из тысяча девятьсот пятьдесят четвертого года.

— Может быть, может быть,— пробормотал полицейский.— Но прежде всего уберите отсюда эту штуковину.

© Перевод Е. Королевой.

— Но это невозможно,— ответил человек.— Во всяком случае, прямо сейчас.

Полицейский закусил нижнюю губу.

— Невозможно, как же,— с вызовом произнес он и подошел к металлическому шару. Толкнул его. Тот не шелохнулся. Пнул его. И взвыл от боли.

— Прошу вас,— произнес чужак.— Ничего хорошего из этого все равно не получится.

Рассерженный полицейский отодвинул дверь. Заглянул внутрь сферы.

И отшатнулся назад, вопль ужаса слетел с его побледневших губ.

— Что? Что это такое? — выкрикнул он, не веря своим глазам.

— А что случилось? — поинтересовался профессор.

На лице полицейского смешались потрясение и праведный гнев. У него стучали зубы. Он был вне себя.

— Если вы...— начал пришелец.

— Молчать, грязная скотина! — проревел полицейский.

Профессор с испугом отступил на шаг, лицо его вытянулось от изумления.

Полицейский сунул руки внутрь сферы и достал некие предметы.

Началось всеобщее смятение.

Женщины отворачивались с испуганным криком. Взрослые мужчины ахали и смотрели, замерев. Маленькие дети подглядывали исподтишка. Юные девицы падали в обморок.

Полицейский быстро спрятал предметы, завернув в китель. Поднял сверток дрожащей рукой. Потом с силой ударил профессора по плечу.

— Негодяй! — прорычал он.— Свинья!

— Вздернуть его! Вздернуть! — принялась скандировать группа выведенных из себя пожилых дам, колотя по мостовой своими тростями.

— Как не стыдно! — пробормотал священник, заливаясь багровым румянцем.

Профессора потащили по улице. Он возмущался и пытался вырываться. Крики толпы заглушали его голос. Ему грозили зонтиками, тростями, костылями и свернутыми в трубочку журналами.

— Скотина! — орали они, взмахивая жаждущими мести руками.— Наглый развратник!

— Какая мерзость!

Но в дальних закоулках, в венозных барах и бильярдных многие скрывали за злобными масками дикие фантазии. И новость распространилась повсеместно. Сдавленные смешки, гортанные и в высшей степени неприличные, слышались на городских улицах.

Профессора отправили в тюрьму.

Двое из полиции контроля были приставлены сторожить металлический шар. Они отгоняли от него всех любопытных. И кидали горящие взгляды внутрь сферы.

— Лежит прямо перед нами! — снова и снова повторял один из полицейских, взволнованно облизывая губы.— Надо же!

Верховный комиссар Каслмоулд рассматривал неприличные открытки, когда зажужжал видеотелефон.

Его цыплячьи плечики судорожно дернулись, вставные челюсти испуганно щелкнули друг о друга. Он спешно смел открытки в кучку и скинул их в ящик письменного стола.

Бросив последний жадный взгляд на картинки, он задвинул ящик, напустил выражение официальной сосредоточенности на худосочное лицо и передвинул рычажок.

На экране телесвязи появился капитан Рэнкер из полиции контроля, его жирная шея расплывалась над тугим воротничком.

— Господин верховный комиссар,— пропел капитан, все его черты просто сочились подобострастием.— Простите, что беспокою вас, отрывая от размышлений.

— Ладно, ладно, что там у вас? — резко спросил Каслмоулд, нетерпеливо ударяя ладонью по сверкающей поверхности письменного стола.

— У нас заключенный,— сказал капитан.— Утверждает, что путешествует во времени и прибыл из тысяча девятьсот пятьдесят четвертого года.

Капитан виновато скосил на что-то глаза.

— На что вы там смотрите? — заскрежетал комиссар.

Капитан Рэнкер сделал рукой успокаивающий жест. Затем, потянувшись под стол, он достал три предмета и водрузил их на регистрационный журнал, чтобы Каслмоулду было лучше видно.

Глаза Каслмоулда предприняли попытку выкатиться из орбит. Кадык дернулся.

— А-а-а! — завопил он.— Где вы это взяли!

— Это было у арестованного,— смущенно ответил Рэнкер.

Видавший виды комиссар пожирал предметы глазами. Оба они хранили изумленное молчание. Каслмоулд ощутил, как у него начинает кружиться голова. Он засопел, раздувая тонкие ноздри.

— Оставайтесь на месте! — выговорил он высоким скрежещущим голосом.— Я уже еду!

Он щелкнул рычажком, секунду подумал, щелкнул еще раз. Капитан Рэнкер резко отдернул руку от стола.

— И не прикасайтесь к этим штукам,— предупредил Каслмоулд, прищуриваясь.— Не трогайте их. Поняли?

Капитан Рэнкер тяжело глотнул.

— Да, сэр,— пробормотал он, густой румянец затопил его жирную шею.

Каслмоулд усмехнулся, снова переключая рычажок. После чего, сладострастно посмеиваясь, выскочил из-за стола.

— Ха-ха! — воскликнул он.— Ха-ха-ха-ха!

Он забегал по кабинету, потирая тощие ладошки. Он в восторге шаркал узкими черными ботинками по толстому ковру.

— Ха-ха! Ха-ха-ха-ха!

Он позвонил, чтобы подали его личный автомобиль.

Звук шагов. Дюжий охранник отпер дверь, отодвинул ее в сторону.

— Эй ты, вставай,— просипел он, презрительно кривя рот.

Профессор Уэйд встал и, сердито сверкая глазами на своего тюремщика, вышел в коридор.

— Направо,— приказал охранник.

Уэйд повернул направо. Они двинулись по коридору.

— Лучше бы я остался дома,— пробормотал Уэйд.

— Молчи, бесстыжая скотина!

— Сам заткнись! — вскипел Уэйд.— Вы тут, наверное, все рехнулись. Нашли немного...

— Молчать! — заревел охранник, торопливо оглядываясь по сторонам. Он передернулся.— Не смей даже произносить это грязное слово в моей чистенькой тюрьме.

Уэйд поднял полные мольбы глаза.

— Это уже слишком,— произнес он,— кроме того, вам все равно сейчас придется на это смотреть.

Его ввели в кабинет, на двери которого висела табличка: «Капитан Рэнкер, начальник полиции контроля».

Капитан спешно поднялся, когда Уэйд вошел. На столе лежали три предмета, стыдливо прикрытые белой тряпкой.

Какой-то иссохший пожилой человек в погребального вида униформе остался сидеть, у него было проницательное интеллигентное лицо.

Две руки одновременно махнули на стул.

— Сядьте,— приказал капитан.

— Сядьте,— приказал комиссар.

Начальник полиции извинился. Верховный комиссар хмыкнул.

— Сядьте,— повторил Каслмоулд.

— Вы хотите, чтобы я сел? — уточнил Уэйд.

Апоплексический румянец затопил и без того уже идущее пятнами лицо капитана Рэнкера.

— Сядь! — гаркнул он.— Когда господин верховный комиссар Каслмоулд говорит сесть, это значит — надо сесть!

Профессор Уэйд сел.

Оба чина не двигались, но будто кружили ястребами, предвкушающими скорую добычу. Профессор посмотрел на капитана Рэнкера.

— Может быть, вы объясните мне...

— Молчать! — отрезал Рэнкер.

Уэйд в раздражении стукнул по подлокотнику кресла.

— Да не буду я молчать! Меня уже тошнит от вашей идиотской болтовни. Вы заглянули в мою кабину для перемещения во времени, нашли эту ерунду и...

Он сдернул материю с того, что она прикрывала. Оба полицейских отскочили назад и ахнули, словно бы Уэйд сорвал одежду с их бабушек.

Уэйд вскочил, швырнув тряпку на стол.

— Ради господа, да что тут такого?! — возмутился он.— Это еда. Е-да. Немного еды!

Полицейские вздрагивали каждый раз, когда он произносил это слово, как будто бы стояли под порывами ураганного ветра.

— Захлопни свою грязную пасть! — произнес капитан придушенным, сиплым голосом.— Мы не желаем выслушивать твои оскорбления.

— Оскорбления! — воскликнул профессор Уэйд, широко раскрывая от недоверия рот и глаза.— Я правильно услышал?

Он схватил один из предметов.

— Это коробка с крекерами! — произнес он ошеломленно.— И вы уверяете меня, что это оскорбительно?

Капитан Рэнкер закрыл глаза, содрогаясь с головы до ног. Пожилой комиссар взял себя в руки и, поджав свои побелевшие губы, глядел на профессора маленькими хитрыми глазками.

Уэйд отшвырнул коробку. Пожилой полицейский побелел. Уэйд схватил два оставшихся предмета.

— Это банка консервированного мяса! — яростно выкрикнул он.— Фляга с кофе. Какое, черт побери, оскорбление заключается в мясе и кофе?

Мертвое молчание заполнило комнату, когда он завершил свою тираду.

Все трое глядели друг на друга. Рэнкер трясся как холодец, его лицо пылало в беспомощном смятении. Взгляд пожилого полицейского переходил с гневной физиономии Уэйда на предметы, поставленные обратно на стол. Он напряженно размышлял.

В конце концов Каслмоулд кивнул и многозначительно кашлянул.

— Капитан,— произнес он,— я хочу остаться с правонарушителем наедине. Я докопаюсь до сути этого преступления.

Капитан посмотрел на комиссара и кивнул своим гротескным черепом. Он молча поспешил выйти из кабинета. Они услышали, как он, громко сопя, неверной походкой удаляется по коридору.

— Итак,— произнес Каслмоулд, опускаясь в безразмерное кресло Рэнкера.— Просто скажите мне, как вас зовут.

Голос его сделался масляным. Он говорил полушутя.

Потом поднял двумя пальцами ткань и опустил ее на оскорбительные предметы с самообладанием кардинала, набрасывающего свою мантию на обнаженные плечи стриптизерши.

Уэйд со вздохом опустился в другое кресло.

— Сдаюсь,— сказал он.— Я прибыл из тысяча девятьсот пятьдесят четвертого года в кабине для перемещения во времени. Я привез с собой немного... еды... на всякий пожарный случай. А потом все вы принялись кричать, будто бы я бесстыжий пес. Боюсь, я ничегошеньки не понимаю.

Каслмоулд сложил руки на впалой груди и медленно кивнул.

— Ммм. Что ж, молодой человек, я вам верю,— сказал он.— Такое возможно. Я допускаю подобную вероятность. Историки рассказывают нам о таких периодах, когда, гм... средства жизнеобеспечения принимались орально.

— Я рад, что хоть кто-то понимает,— сказал Уэйд.— Но мне бы хотелось, чтобы вы разъяснили мне здешнюю ситуацию с едой.

Верховный комиссар чуть вздрогнул при этом слове. Уэйд снова посмотрел озадаченно.

— Неужели возможно,— произнес он,— чтобы слово... «еда»... сделалось неприличным?

При повторе этого слова в мозгу Каслмоулда как будто что-то щелкнуло. Он подался вперед и с горящим взором приподнял кусок ткани. Он, кажется, упивался видом фляжки, коробки, жестяной банки. Язык облизывал пересохшие губы. Уэйд смотрел во все глаза. В нем поднималось чувство, близкое к омерзению.

Пожилой человек провел дрожащей рукой по коробке с печеньем, словно это была ножка танцовщицы. Воздух клокотал в его легких.

— Еда.— Он выдохнул слово с плохо скрытым сладострастием.

После чего поспешно накинул тряпку обратно, очевидно пресытившись сводящим с ума зрелищем. Блестящие старческие глаза уставились в глаза профессора Уэйда. Уэйд осторожно втянул в себя воздух.

— Е... ладно,— произнес он.

Уэйд откинулся на спинку кресла, начиная ощущать, как жар смущения заливает все тело. Он помотал головой и поморщился при этой мысли.

— Поразительно,— пробормотал он.

Он опустил голову, чтобы укрыться от взгляда пожилого полицейского. Затем, подняв глаза, он увидел, что Каслмоулд снова подглядывает под покрывало с волнением подростка, впервые попавшего в стрип-бар.

— Господин комиссар.

Похожий на крысу старик дернулся в кресле, углы рта растянулись, от испуга он с шумом втянул в себя воздух. Он силился взять себя в руки.

— Да, да,— произнес он, с трудом сглатывая комок в горле.

Уэйд поднялся. Он снял тряпку и расстелил на столе. Потом сложил предметы посередине и завязал углы. Пододвинул узелок к себе.

— Я не хочу осквернять ваше общество,— сказал он.— Будем считать, что я уже узнал о вашей эпохе все, что хотел, и теперь я отправляюсь обратно и забираю свою... забираю это с собой.

Страх исказил худое лицо комиссара.

— Нет! — выкрикнул Каслмоулд.

Уэйд посмотрел на него с подозрением. Верховный комиссар взял себя в руки.

— Я хочу сказать,— зарделся он,— нет нужды уезжать так быстро. В конечном счете...

Он взмахнул худосочными руками в непривычном жесте.

— Будьте *моим* гостем. Давайте пойдем ко мне и...

Он шумно откашлялся. Встал и поспешно обошел вокруг стола. Похлопал Уэйда по плечу, и его рот растянулся в ухмылку гостеприимного шакала.

— Вы сможете почерпнуть всю необходимую информацию из моей библиотеки,— сказал он.

Уэйд ничего не отвечал. Пожилой полицейский виновато огляделся.

— Но только... э-э... не стоит оставлять здесь этот узелок,— сказал он.— Лучше забрать его с собой.

Он заговорщически захихикал. Уэйд глядел с еще большим подозрением. Каслмоулд заговорил жестче.

— Не хотел об этом говорить,— произнес он,— но нижним чинам доверять нельзя. Все отделение могут охватить беспорядки. Вот из-за этого, как вы понимаете.

Он подчеркнуто беспечно взглянул на узелок. Он втянул в плечи тощую шею, выказывая искреннюю озабоченность.

— Никогда не знаешь, что может произойти,— продолжал он.— У некоторых людей нет никаких принципов, знаете ли.

Он произнес это так, словно подобная чудовищная мысль только сию секунду непрошено явилась в его незамутненный разум.

Он двинулся к двери, избегая дискуссии. Взявшись за ручку, развернулся.

— Подождите здесь,— велел он,— я подпишу ваше освобождение.

— Но...

— Не стоит благодарности,— произнес Каслмоулд, поспешно выскакивая в коридор.

Профессор Уэйд покачал головой. Затем сунул руку в карман пальто и вынул плитку шоколада.

— Лучше как следует припрятать ее,— сказал он самому себе,— а не то меня отправят на костер.

Когда они вошли в прихожую его дома, Каслмоулд произнес:

— Давайте я возьму сверток. Положим его ко мне в стол.

— Мне кажется, не стоит,— возразил Уэйд, удерживаясь от желания громко рассмеяться прямо в горящее страстью лицо верховного комиссара.— Это может оказаться слишком сильным... искушением.

— Для кого, для меня? — воскликнул Каслмоулд.— Ха-ха, как смешно.

Он стоял, держась за сверток профессора, губы его оскорбленно надулись.

— Вот что я вам предлагаю.— Он с жаром принялся торговаться.— Мы идем ко мне в кабинет, и я сторожу ваш сверток, пока вы делаете выписки из моих книг. Как насчет такого уговора?

Уэйд прошел вслед за прихрамывающим полицейским в кабинет с высоким потолком. Все происходящее по-прежнему казалось ему абсурдом. Ела. Он мысленно попробовал слово на вкус. Самое обычное, безобидное слово. Однако, как и любое другое слово, оно приобретает именно то значение, какое в него вкладывают люди.

Он заметил, как перевитые венами руки Каслмоулда ласкают узелок, заметил его бегающий взгляд и алчное выражение, исказившее это старческое лицо. Он задумался, можно ли оставить... Улыбнулся собственным сомнениям. Вот, уже и его проняло.

Они пошли по широкому ковру.

— У меня лучшее собрание книг в городе,— похвастался комиссар.— Полное.

Он подмигнул пронизанным красными жилками глазом.

— Не вычищенная цензурой,— пообещал он.

— Чудесно,— отозвался Уэйд.

Он стоял перед стеллажами, пробегая глазами по корешкам книг, которые протянулись параллельными рядами через все стены комнаты.

— А есть у вас...— начал он, оборачиваясь.

Верховный комиссар отошел от него и теперь сидел за письменным столом. Он развязал узелок и глядел на жестянку с тушенкой со сладострастием скряги, считающего свои золотые.

Уэйд громко окликнул его:

— Господин комиссар!

Старик нервно дернулся и уронил банку на пол. Он сейчас же исчез под столом и появился из-под него мгновением позже, полный смущения и досады, причем крепко сжимал жестянку обеими руками.

— Да? — учтиво откликнулся он.

Уэйд спешно отвернулся, его плечи тряслись от жестоко подавленного смеха.

— А есть у вас... исторические труды? — Голос у него срывался.

— Да, сэр! — выпалил Каслмоулд.— Лучшие книги по истории в городе!

Его черные ботинки проскрипели по полу. С полки, покрытой толстым слоем пыли, он снял увесистый том.

— Сам читал на днях,— произнес он, передавая книгу профессору Уэйду.

Уэйд кивнул, сдувая с книги облако пыли.

— Так вот,— продолжил Каслмоулд.— Вы устраивайтесь прямо здесь.— Он похлопал по кожаной спинке кресла.— А я принесу вам письменные принадлежности.

Уэйд наблюдал за тем, как он спешно отходит к письменному столу и выдвигает верхний ящик. Можно было бы оставить старому дураку еду, подумал он, когда Каслмоулд вернулся с толстой стопкой дорогой бумаги. Сначала Уэйд собирался сказать, что у него есть блокнот, но потом передумал, решив, что неплохо было бы заполучить образчик бумаги из будущего.

— Так вы сидите здесь и записывайте все, что сочтете нужным,— сказал Каслмоулд,— и не беспокойтесь о вашей е... ни о чем не беспокойтесь.

Он слишком поздно исправился.

— А вы куда?

— Никуда! Никуда! — горячо заверил комиссар.— Останусь здесь. Покараулю...

Его кадык опустился, когда он снова взглянул на предметы на столе, а его голос сорвался от всепоглощающей страсти.

Уэйд опустился в кресло и открыл книгу. Снова поднял глаза на пожилого полицейского.

Каслмоулд тряс фляжку с кофе и прислушивался к бульканью. Его морщинистое лицо превратилось в лицо умственно недоразвитого, которого полностью захватил мыслительный процесс.

«Земля окончательно лишилась способности исторгать из своих недр е... из-за использования военными бактериологических аэрозолей,— читал профессор Уэйд.— Мельчайшие капли со штаммами проникали в почву на такую глубину, что всякий рост растений сделался невозможным. Кроме того, бактерии уничтожили значительные запасы животных, дающих м..., равно как и съе...обных обитателей океана, которым не было обеспечено никакой защиты в ходе последней бактериологической атаки.

Точно так же непригодными для употребления были признаны основные запасы воды на Земле. Даже спустя пять лет, прошедших с окончания войны, во время написания этих строк, по-прежнему сохраняется сильное загрязнение, которое никак не уменьшают дожди. Более того...»

Уэйд оторвался от чтения текста, печально качая головой.

Он посмотрел на верховного комиссара. Каслмоулд откинулся на спинку кресла, задумчиво подбрасывая коробку с крекерами.

Уэйд вернулся к чтению и спешно дочитал раздел. Посмотрел на часы. Ему пора возвращаться. Он дописал свои заметки и закрыл книгу. Поднявшись, он задвинул том на место и подошел к письменному столу.

— Мне уже пора обратно,— сказал он.

Губы Каслмоулда задрожали и растянулись, демонстрируя фарфоровые челюсти.

— Так скоро? — спросил он, что-то очень похожее на угрозу прозвучало в его тоне.

Он обшаривал взглядом комнату, высматривая что-то.

— Ага! — воскликнул он.

Осторожно отставил от себя коробку с печеньем и встал.

— Как насчет уколоться? — спросил он.— Совсем по чуть-чуть, на посошок?

— Насчет чего?

— Уколоться по-быстрому.

Уэйд ощутил, как комиссар взял его за руку. Его повели обратно к креслу.

— Не стесняйтесь,— сказал Каслмоулд, странным образом развеселившись.

Уэйд сел. «Ничего страшного,— подумал он.— Я оставлю ему еду. Это его успокоит».

Старик выкатил из угла комнаты громоздкий, похожий на тележку столик. Сверху была заполненная регулировочными ручками панель, из которой торчали многочисленные блестящие усики, каждый свисал вниз и заканчивался толстой иглой.

— Это всего лишь наш способ...— комиссар огляделся по сторонам, словно торговец неприличными открытками,— выпивать,— завершил он тихонько.

Уэйд наблюдал, как он берет один из усиков.

— Дайте-ка мне вашу руку,— сказал комиссар.

— Это больно?

— Совсем нет, нисколько,— заверил старик.— Вам нечего бояться.

Он крепко ухватил Уэйда за кисть и воткнул иголку ему в ладонь. Уэйд охнул. Но боль прошла почти сразу.

— Может быть...— начал Уэйд. И тут ощутил, как по венам растекся поток жидкости, успокаивающей и заставляющей мышцы расслабляться.

— Ну, разве это плохо? — поинтересовался верховный комиссар.

— Значит, так вы пьете?

Каслмоулд сунул иголку в собственную ладонь.

— Не у каждого имеется подобный изысканный набор,— с гордостью сообщил он.— Этот венозный столик мне преподнес в дар правитель штата. В награду за службу, между прочим, за поимку печально известной Том-банды.

Уэйд ощущал, как проваливается в приятную дремоту. Еще минутку, думал он, и я пойду.

— Том-банда? — переспросил он.

Каслмоулд присел на краешек соседнего кресла.

— Это сокращение — от Томатной банды. Группа злостных преступников пыталась выращивать... помидоры. В больших количествах!

— Кошмар,— отозвался Уэйд.

— Чертовски серьезное дело.

— Серьезное. Кажется, мне уже хватит.

— Попробуйте немного по-другому,— сказал Каслмоулд, поднимаясь и подкручивая ручки.

— С меня уже хватит,— повторил Уэйд.

— А если так? — спросил Каслмоулд.

Уэйд заморгал и помотал головой, чтобы в мозгу прояснилось.

— Мне уже достаточно,— сказал он.— Голова кружится.

— А вот так? — спросил Каслмоулд.

Уэйд ощутил, что становится все теплее. Казалось, по венам струится огонь. Голова шла кругом.

— Не надо больше! — сказал он, пытаясь встать.

— А так? — спрашивал Каслмоулд, вынимая иглу из своей ладони.

— Хватит! — закричал Уэйд.

Он протянул руку, чтобы вырвать иголку из ладони. Рука онемела. Он упал обратно на спинку кресла.

— Выключите это,— слабо проговорил он.

— А если вот так? — воскликнул Каслмоулд, и Уэйд застонал, когда струя огня пронеслась по всему телу. Жар прорывался и охватывал все его органы.

Он попытался сдвинуться с места. И не смог. Он застыл в алкогольной коме, когда Каслмоулд перевел наконец все регуляторы на нулевую отметку. Уэйд обмяк в кресле, сверкающие усики все еще тянулись к его ладони. Глаза его были полузакрыты. Взгляд одурманенный и остекленевший.

Звук. Его оцепеневший разум пытался определить его источник. Он заморгал. Ощущение было такое, словно мозг зажали в раскаленных добела тисках. Он открыл глаза. Комнату затягивала мутная дымка. Книжные полки набегали друг на друга, корешки переплетов стекали водными потоками. Он помотал

головой. Ему показалось, что мозги в черепной коробке затряслись.

Туман в голове начал сходить слой за слоем, словно вуали, сбрасываемые танцовщицей.

Он увидел за письменным столом Каслмоулда.

Тот *ел.*

Каслмоулд наклонился над столом, лицо его сделалось багрово-красным, словно он отправлял какой-то безумный плотский обряд. Его взгляд приклеился к еде, разложенной на ткани. Он был сам не свой. Фляжка стучала о зубы. Он держал ее переплетенными пальцами обеих рук, тело подрагивало, пока поток холодной жидкости стекал в горло. Его губы причмокивали в экстазе.

Он отрезал очередной кусочек консервированного мяса и положил его между двумя крекерами.

Трясущаяся рука поднесла сэндвич к влажному рту. Он вгрызся в хрустящую поверхность и громко зажевал, его глаза превратились от возбуждения в светящиеся сферы.

Лицо Уэйда передернулось от отвращения. Он сидел, не сводя глаз со старика. Каслмоулд ел, глядя на открытки. Он смотрел на них, деловито работая челюстями. Глаза сияли. Он посмотрел на то, что ест, затем посмотрел на открытки и снова принялся жевать.

Уэйд попытался пошевелить руками. Они полностью одеревенели. Он не сдавался, и ему удалось вскользь провести одной рукой по другой. Он выдернул иголку, резкий выдох вылетел изо рта. Верховный комиссар не услышал. Он был далеко отсюда, полностью отдавшийся оргии чревоугодия.

В качестве эксперимента Уэйд пошевелил ногами. Они показались ему чужими. Он понял, что если встанет, то тут же упадет ничком.

Он впился ногтями в ладони. Сначала он ничего не почувствовал. Потом ощущения начали медленно восстанавливаться и наконец ворвались в сознание, разогнав остатки тумана.

Он не сводил глаз с Каслмоулда. Старика била дрожь, пока он жевал, лаская во рту каждый кусочек. Уэйд подумал, что он попросту занимается любовью с коробкой печенья.

Он боролся, силясь прийти в себя. Ему пора возвращаться домой.

Каслмоулд съел все крекеры. Теперь он собирал со дна оставшиеся крошки. Он собирал их, послюнив палец, и отправлял в рот. Удостоверился, что в жестянке не осталось ни кусочка мяса. Перевернул кверху дном фляжку, осушая ее. Практически пустая, она зависла над его разинутым ртом. Последние капли упали — кап-кап — в пещеру с белоснежными сталактитами, покатились по языку в горло.

Он вздохнул и отставил флягу. Снова посмотрел на свои картинки, грудь его тяжело вздымалась. Затем он пьяным жестом отодвинул от себя открытки и откинулся на спинку кресла. В сонном отупении он смотрел на стол, на пустую коробку, банку и фляжку. Провел двумя вялыми пальцами по губам.

Спустя несколько минут его голова упала на грудь. Громогласный храп разнесся по комнате.

Пиршество закончилось.

Уэйд с усилием поднялся. Заковылял через комнату. Ему в лицо чуть было не кинулся пол. Он подбежал к письменному столу и вцепился в него, борясь с головокружением. Старик так и не проснулся.

Уэйд обошел вокруг стола, навалившись грудью на столешницу. Комната все еще вертелась перед глазами.

Уэйд встал за креслом Каслмоулда, глядя на остатки вакханалии. Он прерывисто вдохнул, вцепился в кресло и закрыл глаза, дожидаясь, пока приступ пройдет. Затем он снова посмотрел на стол. Он заметил открытки. Выражение недоверчивого изумления появилось у него на лице.

На них были изображения еды.

Кочан капусты, жареная индейка. На некоторых из них полуобнаженные женщины держали вялые листья салата, тощие помидорчики, высохшие апельсины, держали их в руках, бесстыдно предлагая зрителю.

— Господи, я хочу домой,— пробормотал он.

Он был уже на полдороге к двери, когда его осенило, что он понятия не имеет, где находится его кабина. Он стоял, покачиваясь над потертым ковром и прислушиваясь к звучному храпу Каслмоулда.

Потом он пошатнулся назад и присел сбоку у письменного стола. Он не сводил глаз с разинувшего во сне рот комиссара, осторожно выдвигая из стола ящики.

В нижнем ящике он нашел то, что искал,— странную, похожую на оружие трубку. Он взял ее.

— Вставайте,— прокричал он сердито, хлопая Каслмоулда по щекам.

— А-а-а! — закричал тот, вздрагивая. Подскочив, он ударился грудью о край стола и упал обратно в кресло.

— Вставайте! — приказал Уэйд.

Смущенный Каслмоулд поднял на него глаза. Он попытался улыбнуться, и крошка упала с его губы.

— Но послушайте, молодой человек!

— Молчите. Вы отведете меня к моей кабине.

— Нет, подождите мину...

— Сейчас же!

— Не играйте с этой штукой,— предостерег Каслмоулд.— Она опасна.

— Надеюсь, она очень опасна,— согласился Уэйд.— А теперь вставайте и ведите меня к машине времени.

Каслмоулд поспешно вскочил на ноги.

— Молодой человек, это...

— Молчать, старый козел. Вам остается отвести меня к машине и надеяться, что я не нажму на эту кнопку.

— Господи, только не это!

Верховный комиссар неожиданно остановился на полпути к двери. Он сморщился и согнулся пополам, потому что его желудок начал протестовать против насилия над собой.

— О! Это еда! — пробормотал он несчастным голосом.

— Надеюсь, живот у вас будет болеть еще лет сто,— сказал Уэйд, подталкивая его.— Вы этого заслуживаете.

Старик вцепился руками в живот.

— О-о-о,— стонал он.— Не трясите меня.

Они вышли в прихожую. Каслмоулд привалился к двери уборной. Зацарапал по ней.

— Я умираю! — сообщил он.

— Идем! — приказал Уэйд.

Каслмоулд, не обращая на него внимания, распахнул дверь и кинулся в недра уборной. Там, в удушливой темноте, его сильно стошнило.

Уэйд в отвращении отвернулся.

Наконец старик выбрался наружу, лицо у него побелело и осунулось. Он закрыл дверь и снова привалился к ней.

— О,— слабо простонал он.

— Вы это заслужили,— сказал Уэйд.— Более чем.

— Не говорите ничего,— взмолился комиссар.— Я могу умереть прямо сейчас.

— Пошли,— сказал Уэйд.

Они сидели в машине. Оправившийся комиссар был за рулем. Уэйд сидел на другом конце широкого переднего сидения, держа оружие на уровне груди Каслмоулда.

— Я прошу прощения за...— начал верховный комиссар.

— Поехали.

— Что ж, я не хотел показаться негостеприимным.

— Замолчите.

Лицо старика напряглось.

— Молодой человек,— заговорил он вкрадчиво,— не хотели ли бы вы заработать денег?

Уэйд знал, что ему сейчас предложат, но все равно спросил:

— Каким образом?

— Очень просто.

— Доставлять вам еду,— завершил вместо него Уэйд.

Лицо Каслмоулда скривилось.

— Да,— захныкал он,— а что в этом плохого?

— И вы еще имеете наглость задавать мне подобный вопрос,— удивился Уэйд.

— Но послушайте, молодой человек. Сынок.

— О господи, только этого не хватало,— произнес Уэйд, передергивая от отвращения плечами.— Вспомните о своей уборной и замолчите уже.

— Так вот, сынок,— настаивал верховный комиссар,— это только потому, что у меня нет привычки. Зато теперь у меня...— Лицо его вдруг прояснилось и сделалось злым.— У меня появился вкус к еде.

— Так забудьте о нем,— сказал Уэйд, ни на секунду не сводя глаз со старика.

Комиссар, казалось, впал в отчаяние. Его тощие пальцы впились в руль. Левая нога непроизвольно постукивала по полу салона.

— Может, передумаете? — спросил он с угрозой в голосе.

— Вам еще повезло, что я вас не пристрелил.

Каслмоулд больше ничего не сказал. Он следил за дорогой прищуренным взглядом, просчитывая варианты.

Машина с шуршаньем подъехала к кабине и остановилась.

— Скажите часовым, что хотите осмотреть машину времени,— велел ему Уэйд.

— А если не скажу?

— Тогда что бы ни вылетело из этой трубки, оно попадет прямо вам в живот.

Каслмоулд сумел выдавить из себя короткую улыбку, когда к ним подошли часовые.

— В чем дело... о, господин верховный комиссар! — произнес один полицейский, спешно переходя с грубого регистра на подобострастный.— Чем можем вам помочь?

Он отдал честь, улыбаясь едва ли не до ушей.

— Хотел взглянуть на эту... штуковину,— ответил Каслмоулд.— Надо кое-что проверить.

— Да, сэр,— отозвался полицейский.

— Трубка будет у меня в кармане,— негромко предостерег Уэйд.

Открыв дверь, комиссар ничего не сказал. Они вдвоем подошли к кабине. После чего Каслмоулд громко произнес:

— Я войду первым. Там может быть опасно.

Полицейские одобрительно замычали при виде такой храбрости. Уэйд сжал рот. Он сдержался, представив, каким добрым пинком чуть позже выставит старика на улицу.

Суставы комиссара заскрипели, когда он энергично взялся обеими руками за поручни. Он подтянулся наверх, сдавленно застонав. Уэйд подсадил его и порадовался тому звуку, с каким престарелый комиссар врезался головой в стальную переборку.

Он поднял свободную руку. Однако он не сможет подтянуться на одной руке. Чтобы подняться в кабину, нужны обе. Он схватился за поручни и быстро взлетел в дверной проем.

В тот момент, когда Уэйд показался в двери, Каслмоулд сунул руку в карман Уэйда и выхватил оружие.

— Ага! — Его высокий пронзительный крик отдался дрожащим эхом в маленькой сфере.

Уэйд вжался в переборку. Он почти ничего не видел в полумраке.

— И что вы собираетесь делать дальше? — спросил он.

Сверкнули фарфоровые зубы.

— Вы отвезете меня в прошлое,— сказал Каслмоулд.— Я отправляюсь с вами.

— Здесь место только для одного.

— Значит, это буду я.

— Вы не сможете управлять.

— Вы мне объясните,— отрезал Каслмоулд.

— Или что?

— Или я спалю вас.

Уэйд напрягся.

— А если я вам объясню? — спросил он.

— Вы останетесь ждать здесь, пока я не вернусь.

— Я вам не верю.

— Вам придется поверить, молодой человек,— захихикал верховный комиссар.— А теперь расскажите мне, как это работает.

Уэйд протянул руку к карману.

— Без глупостей! — предупредил Каслмоулд.

— Так вы хотите, чтобы я отдал вам инструкцию, или нет?

— Ладно. Но без глупостей. Инструкция, говорите?

— Только вы в ней не поймете ни слова.— Уэйд засунул руку в карман.

— Что там у вас? — спросил Каслмоулд.— Это же не бумага.

— Плитка шоколада.— Уэйд выдохнул эти слова.— Толстая, сладкая, сливочная, вкуснейшая плитка шоколада.

— Дайте мне!

— Вот. Возьмите.

Комиссар потянулся к шоколадке. От его движения дуло оружия опустилось в пол. И когда он сделал шаг вперед, Уэйд схватил старика за воротник и штаны. Он вышвырнул господина верховного комиссара Каслмоулда через дверь, и тот растянулся на тротуаре.

Послышались крики. Полицейские были в ужасе. Уэйд выкинул ему вслед плитку шоколада.

— Бесстыжий пес! — проревел он, заходясь от смеха, когда шоколадка отскочила от шишковатой головы Каслмоулда.

После чего Уэйд задвинул дверь на место и принялся крутить кран, пока не задраил ее наглухо. Он переставил рычаги и пристегнулся ремнями, все еще посмеиваясь при мысли о том, как комиссар будет выкручиваться, чтобы заполучить шоколадку в личное пользование.

А в следующий момент перекресток был уже пуст, если не считать нескольких завитков едкого дыма. В мертвой тишине раздавался только один звук.

Жалобный вой голодного старика.

Кабина для перемещения во времени, дернувшись, остановилась. Дверь открылась, и Уэйд выпрыгнул наружу. Его окружили коллеги и студенты, которые все прибывали, вбегая из комнаты управления.

— Ого! — сказал один из его друзей.— У тебя получилось!

— Ну конечно,— подтвердил Уэйд, гордясь собственной выдержкой.

— Такое дело надо отметить,— продолжал друг.— Я сегодня же вечером отвезу тебя в ресторан и закажу самый большой бифштекс, какой ты когда-либо ел... эй, что с тобой?

Профессор Уэйд густо покраснел.

Любимая, когда ты рядом

Серебристый космический корабль прорвался сквозь завесу клочковатых облаков, стремительно проходя через атмосферу Станции-4. При торможении огненные выхлопы вырывались из отверстий реактора, ревущая энергия урагана бушевала, сражаясь с гравитацией.

Воздух поплотнел, сверкающее пятнышко ракеты, направляясь вниз, двигалось легче, словно спускающийся на парашюте снаряд. Солнце заливало светом металлические бока, синие воды океана вздымались широкими волнами, стремясь проглотить ракету. Корабль по плавной дуге спустился к воде и попятился назад, устремляясь к клочку красно-зеленой суши.

Внутри крошечной кабины лежали трое пристегнутых ремнями мужчин, дожидавшихся мощного толчка от соприкосновения с твердой поверхностью. Глаза их были закрыты, побелевшие руки напряжены. Бугрящиеся мышцы боролись с инерцией.

Суша поднялась навстречу и преградила путь, корабль, дрожа, тяжело присел на задние опоры. Через мгновение он уже застыл, неподвижный и притихший, благополучно проведенный сквозь тысячи миллиардов километров черного вакуума.

В тысяче шагов от корабля находились склад, рабочая деревня и дом.

Положение критическое. Так гласило официальное донесение. Предполагалось, что это секретная информация, однако Дэвид Линделл об этом знал — все люди Уэнтнера это знали. Психи Станции-4, чокнутая команда Трех Лун. Такие ходили слу-

© Перевод Е. Королевой.

хи, сдобренные солеными шуточками. Об этом Линделл тоже знал.

Но не на пустом же месте все это — насмешки, издевки, молчание «сверху». Людей на других станциях сменяли раз в два года. Сюда, на Четвертую, отправляли всего на полгода. Что-то за этим кроется. Зато дело того стоит — так обычно говорили в комнате для совещаний на Земле. «Межзвездная торговая компания Уэнтнера» не станет ломать копья за просто так. И Линделл этому верил.

— Однако, как я всегда повторяю,— сказал он,— мне лично нет смысла беспокоиться.

Он говорил это Мартину, второму пилоту, пока они вместе брели по широкому лугу к обнесенному забором поселению, таща пожитки Линделла.

— Ты совершенно прав,— согласился Мартин.— Не твое это дело.

— Вот и я так считаю,— сказал Линделл.

Спустя некоторое время они подошли к затихшему складу раблезианских размеров. Раздвижные двери были полуоткрыты, за ними Линделл увидел, что бетонный пол пуст и потоки солнечного света вливаются через застекленную крышу. Мартин пояснил, что склад опустошил несколько недель назад грузовой корабль. Линделл проворчал что-то и поудобнее перехватил чемодан.

— А где все рабочие? — спросил он.

Мартин кивнул головой в шлеме в сторону рабочего поселения в трехстах метрах от склада. Из приземистых белых строений, расположенных буквой «П», не доносилось ни звука. Окна яростно сверкали на солнце.

— Наверное, они совсем выдохлись,— решил Мартин.— Они много спят, когда нет работы. Увидишь их завтра, когда снова начнут прибывать грузовые корабли.

— Семьи живут вместе с ними? — поинтересовался Линделл.

— Нет.

— А мне казалось, компания придерживается политики не разлучать семьи.

— Только не здесь. Гнианцы почти не ведут семейной жизни. У них слишком мало мужчин, и все они на редкость тупые.

— Здо́рово,— произнес Линделл.— Чу́дно! — Он пожал плечами.— Но и это тоже не мое дело.

Когда они поднимались по ступенькам, ведущим в прихожую, он спросил у Мартина, куда подевался Корриган.

— Он отправился домой грузовым кораблем,— сказал Мартин.— Время от времени такое случается. Все равно здесь нечего делать после того, как все товары отгружены.

— А-а,— протянул Линделл.— Эта дверь куда?

Он распахнул ее ногой и заглянул в комнату — гибрид гостиной и библиотеки.

— Все, что нужно для счастья,— сказал он.

— И даже больше,— заметил Мартин, заглядывая через плечо Линделла.— Вон там стоит кинопроектор и магнитофон.

— Здóрово,— сказал Линделл.— Буду разговаривать с самим собой.— Потом он поморщился.— Давай кинем где-нибудь чемоданы. У меня уже руки отваливаются.

Они прошли через прихожую, и Линделл на ходу заглянул в маленькую кухню. Она была сплошь в фарфоровых панелях и очень чистая.

— Гнианки умеют готовить? — спросил он.

— Судя по тому, что мне рассказывали,— сказал Мартин,— ты тут будешь жить как король.

— Рад слышать. Кстати, ты часом не знаешь, почему здешний филиал называют чокнутой командой Трех Лун?

— Кто называет?

— Ну, наши парни на Земле.

— Дураки они. Тебе здесь понравится.

— Но почему тогда сюда отправляют только на полгода?

— Вот твоя спальня,— сказал Мартин.

Когда они вошли, она заправляла постель, повернувшись к двери спиной. Они опустили на пол чемоданы, и она развернулась.

Линделл дернулся. «Ладно-ладно,— собрался он с духом,— видел и пострашнее».

На ней был тяжелый балахон, застегнутый у горла и спадающий до пола, похожий на усеченный конус из ткани. Все, что оставалось на виду,— голова.

Это была квадратная, грубо высеченная голова, розовая и лишенная растительности. Как пятнистое брюхо беременной суки, решил он про себя. Вместо ушей были отверстия по бокам плоского, без подбородка, лица. Нос походил на тупой обрубок, в нем была только одна ноздря. Губы толстые, похожие

на обезьяньи, сложенные в маленький кружок рта. В общем, Линделл решил воздержаться от фразы «Привет, красотка!».

Она неторопливо прошла через комнату, и он заморгал, увидев ее глаза. Потом она положила свою влажную пористую руку на его.

— Привет,— сказал он.

— Она не слышит,— пояснил Мартин.— Телепатия.

— Точно, я и забыл.

«Привет»,— подумал он и получил ответный «привет» с продолжением: «Как хорошо, что вы приехали».

— Спасибо,— сказал он.

Она похожа на хорошо воспитанного ребенка, решил он про себя, странноватая, но дружелюбная. Вопрос коснулся его разума осторожной рукой.

— Да, конечно,— сказал он. «Да»,— прибавил он мысленно.

— О чем речь? — поинтересовался Мартин.

— Она спросила, разложить ли мои вещи, насколько я понял.

Линделл присел на кровать.

— Ух ты! — воскликнул он.— Вот это здóрово.

Он оценивающе потыкал пальцами в матрас.

— Слушай, а откуда ты знаешь, что это «она»? — спросил Линделл, когда они с Мартином пошли обратно в прихожую, оставив гнианку раскладывать вещи.

— Платье. Мужчины у них не носят платьев.

— И это все?

Мартин усмехнулся.

— Все остальное тебе знать необязательно.

Они вошли в гостиную, и Линделл попробовал, как сидится в мягком кресле. Он откинулся на спинку и с довольным видом погладил подлокотники.

— Критическое ли там положение или нет,— сказал он,— а устроена эта станция с полным комфортом.

Он еще немного посидел в кресле, вспоминая ее глаза. То были громадные глаза, занимавшие добрую треть лица, похожие на большие фарфоровые блюдца с темными чашками зрачков посередине. И еще они были влажные, блюдца, наполненные влагой. Он пожал плечами и отбросил от себя эту мысль. Подумаешь, решил он, какая разница.

— А? Что? — переспросил он, услышав голос Мартина.

— Я сказал, будь осторожен.— Мартин держал в руке сверкающий газовый пистолет.— Он заряжен,— предостерег он.

— Кому он тут нужен?

— Тебе не нужен. Просто стандартный набор.

Мартин положил пистолет обратно в ящик стола и задвинул его.

— Где хранятся книги, ты знаешь,— продолжал он.— Контора на складе устроена точно так же, как и все остальные наши конторы.

Линделл кивнул.

Мартин посмотрел на часы.

— Что ж, мне пора.

— Дай-ка подумать,— продолжал он, пока они с Линделлом шли к двери.— Все ли я тебе рассказал? Ты, разумеется, знаешь правило насчет оскорбления служащих действием?

— Да кто ж их будет оскорблять действием... Ой!

Выходя из комнаты, они едва не сбили ее с ног. Она отскочила назад одним стремительным прыжком и уставилась на них громадными испуганными глазами.

— Ничего страшного, детка,— успокоил ее Линделл.— В чем дело?

«Кушать?» Мысль съежилась перед ним, словно нищий попрошайка у задней двери его разума. Он поджал губы и покивал.

— Ты просто читаешь мои мысли.

Он посмотрел на нее и сосредоточился. «Я вернусь, как только провожу второго пилота обратно на корабль. Приготовь что-нибудь вкусненькое».

Она энергично закивала и кинулась на кухню.

— Куда это она метнулась летучей мышью? — поинтересовался Мартин, когда они подошли к лестнице. Линделл ему объяснил.

— Вот это я называю обслуживанием по высшему разряду,— сказал он, посмеиваясь, пока они спускались.— С телепатией хорошо. На других станциях либо приходилось выучивать половину местного языка, чтобы получить бутерброд с ветчиной, либо учить английскому их, чтобы не помереть с голоду. В любом случае приходилось здорово попотеть над ужином, пока все не налаживалось.

Он выглядел довольным.

— А жарко здесь,— заметил он.

Их тяжелые ботинки хрустели по высокой ломкой голубой траве, пока они приближались к устремленному ввысь кораблю. Мартин протянул руку.

— Ну, не переживай, Линделл. Увидимся через полгода.

— Точно. Пни за меня старину Уэнтнера под зад!

— Считай, сделано.

Он наблюдал, как второй пилот уменьшается в размерах, поднимаясь по лестнице к люку. Превратившийся в карлика Мартин забрался внутрь корабля и с лязганьем захлопнул за собой металлическую дверцу. Линделл помахал крошечной фигурке у иллюминатора, потом развернулся и припустил во весь дух, чтобы избежать удара воздушной волны.

Он стоял на холме под густой багровой кроной дерева. Из брюха корабля раздался влажный кашель — начали выходить отработанные газы. Он наблюдал, как ракета повисела секунду в огненных выхлопах, а затем рванулась в сине-зеленое небо, оставив по себе выжженную траву. Через миг она исчезла.

Он неспешными шагами двинулся обратно к дому, оценивающим взглядом окидывая роскошную растительность на лугу и похожих на луковицы насекомых, висящих над цветками.

Он снял пиджак и перекинул его через руку. Солнце приятно грело его худую спину.

— Парни,— сообщил он напоенному ароматами воздуху,— вы все придурки!

Огромное ослепительное солнце почти ушло, залив небосклон кровью своей ежедневной казни. Скоро взойдут три луны, которые доведут до безумия любого, кто захочет отыскать свою тень.

Линделл сидел в гостиной, изучая вид из окна. «Да, лучше не бывает»,— думал он, потому что и воздух, и климат, и все, что росло на Земле, по сравнению с этим было окрашено в бедные цвета «техниколора»*. Природа превзошла самое себя на этих задворках галактики. Он вздохнул и потянулся, гадая, как обстоят дела с ужином.

---

* Компания Technicolor одно время пользовалась способом представления цветного киноизображения с помощью двух цветов — красного и синего; при этом в кадре, соответственно, отсутствовали оттенки желтого, зеленого и др. *(Прим. ред.)*

«Выпить?»

Он вздрогнул, подавив на середине зевок, и сжал пальцы с такой силой, что захрустели суставы.

Он увидел, что она стоит рядом, держа поднос со стаканом. Линделл протянул руку, ощущая, как после первого же глотка утихает сердцебиение.

— Ты бы постучала, или что еще,— предложил он.

Теперь огромные глаза сделались овальными. Они глядели на него, отражая полное непонимание.

— Ладно, забудем,— сказал он, глотнув еще теплой терпкой жидкости. Он облизнул губы и сделал глоток побольше.— Чертовски вкусно,— одобрил он.— Спасибо, любимая.

И заморгал, удивляясь самому себе. «Так и подавиться недолго,— решил он.— Любимая?» Из всех слов во Вселенной он выбрал самое неподходящее. Линделл глядел на нее, и сдерживаемый смех клокотал у него в горле.

Она не шевельнулась. Лицо ее искривилось, и он рассудил, что это улыбка. Однако рот ее не был создан для того, чтобы улыбаться.

— Эй, а когда мы будем есть? — спросил он, чувствуя себя несколько неловко под неподвижным взглядом этих влажных сфер.

Она развернулась и поспешила к двери. Потом обернулась.

«Все уже готово»,— получил он сообщение.

Он усмехнулся, опрокинул в рот остатки выпивки, поднялся и пошел по тускло освещенному коридору вслед за ее проворно шаркающими ногами.

Он со вздохом отодвинул от себя тарелку и откинулся в кресле.

— Вот это я называю поесть как следует,— сообщил он.

Линделл ощутил, как блаженство стремительно разворачивается в мозгу, словно отпущенная пружина. «Любимая благодарит тебя». А она быстренько освоилась с этим именем, подумалось ему. Она смотрела на него широко распахнутыми глазами. Интересно, это она снова пытается улыбнуться? Лично ему все выражения ее лица казались совершенно одинаковыми — гримасами идиота. Но из-за содержания переданной ею мысли он решил, что это все-таки улыбка.

Потом он ощутил, что глаза его сочувственно увлажнились, и он отвернулся, часто моргая. Несколько нервным движением

он кинул в кофе ложку сахару и помешал. Он ощущал на себе ее взгляд. Всплеск недовольства задел его мысли, и она резко отвернулась. Так-то лучше, подумал он и снова ощутил себя в полном порядке.

— Э, скажи мне, Любимая... — Он вздрогнул от звука этого имени. Ладно, потом привыкну, решил он. «У тебя есть муж?» Ее ответные мысли представляли собой недоумение.

«Спутник»,— перефразировал он.

«О да».

«В рабочей деревне?»

«У них не бывает спутников»,— ответила она, и ему показалось, что он уловил в ее ответе нотку высокомерия.

Он пожал плечами и отхлебнул кофе.

«Ну и славно,— сказал он себе,— а то при виде одного довольного жизнью рабочего все остальные сошли бы с ума. Они грызли бы себе ногти, если бы, конечно, у них были ногти. На чем и завершим на сегодня, спокойной ночи».

Он сидел на кровати, делая запись в своем потрепанном дневнике. Под видавшей виды обложкой помещались разрозненные заметки, сделанные им на полудюжине разных планет. Он начинал уже седьмой раздел. «Мое счастливое число»,— вывел он заглавие голубыми чернилами.

И снова появление без всякого звука. «Спать?» Ручка дернулась, выплюнув три жирные кляксы. Он поднял глаза и увидел ее, снова с подносом.

— Да,— сказал он. «Да. Спасибо, Любимая. Но послушай, давай мне, пожалуйста, знать, когда ты...»

Он остановился, поняв, что это совершенно бесполезно.

«От этого я засну?» — спросил он.

«О да»,— последовал ответ.

Он отхлебнул глоток, глядя на испачканную страницу. Ерунда, все равно только начал, решил он, небольшая потеря для мировой литературы. Он вырвал страницу и смял ее в кулаке.

— Отличное пойло,— заметил он, кивая головой на стакан. Он протянул ей смятый листок бумаги.

«Выбросить это? Выбросить?» — спросила она.

«Верно,— ответил он.— А теперь иди. Какого черта ты вообще делаешь в спальне мужчины?»

Она поспешно вышла, и он усмехнулся, когда она беззвучно закрыла за собой дверь.

Покончив с питьем, он поставил стакан на столик у кровати и выключил лампу. Со вздохом откинулся на мягкую подушку. Ну и тварь, подумал он в сонном удовлетворении.

«Спокойной ночи».

Он приподнялся на локте, щурясь в темноту.

«Спокойной ночи».

— О,— произнес он.— И тебе спокойной ночи.

Мысли путались. Он снова откинулся на подушку и широко зевнул.

— Кстати, вот еще ерунда,— пробормотал он невнятно, переворачиваясь на бок.— Ни одного зеркала. Заметил? Вообще никаких отражающих поверхностей. И вот еще что...

Он провалился в сон. От этого сна его прошиб пот.

После завтрака он вышел из дома под аккомпанемент ее добрых напутствий, застрявших в мозгу, и направился к складу. Он увидел, как гнианские мужчины растянулись живой цепочкой, неся на головах тюки. Они входили внутрь склада, оставляли свои тюки на бетонном полу, после чего их помечал галочкой гнианский бригадир, стоявший посреди склада с папкой, внутри которой была прикреплена толстейшая стопка тончайших корешков квитанций.

Когда Линделл подошел, все мужчины поклонились и с еще большим усердием вернулись к своим занятиям. Он отметил, что головы у них более плоские, чем у Любимой, кожа чуть темнее, а глаза поменьше. Тела у них были широкие и плотно сбитые. Они действительно кажутся с виду тупыми, решил он.

Когда он подошел к гнианцу, руководящему погрузкой товаров, и послал ему мысль, оставшуюся без ответа, он понял, что и телепатией они не владеют или же не хотят.

— Дра́сти,— произнес бригадир скрипучим голосом.— Я следить. Ты следить?

— Да нет, все отлично,— заверил его Линделл, отодвигая от себя папку.— Просто принеси ее в контору, когда вся партия будет на складе.

— Чего-чего? — переспросил тот.

Господи, ну и тупица, подумал Линделл.

— Принеси это,— сказал он, постучав по подшивке квитанций.— Принеси в контору.— Он снова показал рукой.— Принеси мне, мне. Когда товары там.

На пятнистом лице гнианца расцвело выражение клинического дебила, на которого снизошло озарение, он энергично закивал. Линделл похлопал его по плечу. «Хороший мальчик,— вздохнул он мысленно,— могу поклясться, что в сложной ситуации ты просто парень-ураган». Он направился в контору, скрежеща зубами.

Войдя, он закрыл за собой дверь из стеклопластика и огляделся. Все было точно так, как он помнил по другим станциям. Если не считать узкой кровати в углу. «Уж не хотите ли вы сказать, что мне придется здесь ночевать?» — мысленно простонал он.

Он подошел поближе. На плоской подушке, покрытой засаленной наволочкой, остался отпечаток головы. Он отвернулся, пожав плечами. «Мне лично не о чем беспокоиться,— подумал он.— У меня впереди полгода, и ничто мне не помешает».

Он быстро сел за письменный стол и вынул тяжелый станционный журнал. Пожав плечами, он раскрыл тяжелую обложку и принялся читать с самого начала.

Первые записи были сделаны двадцать лет назад. Они были подписаны именем Джефферсон Уинтерс или, чуть позже, просто Джефф. Через полгода и пятьдесят две страницы, исписанные убористым почерком, Линделл нашел на странице пятьдесят три украшенное завитушками сообщение: «Станция-четыре, прощай навсегда! Джефф». Похоже, тот не испытывал никаких трудностей во время пребывания здесь.

Линделл откинулся на скрипучем стуле назад и с тоскливым вздохом переложил журнал себе на колени.

На втором месяце работы сменщика Джеффа записи сделались отрывочными. Появились смазанные слова, торопливые каракули, ошибки, вымаранные или исправленные. Некоторые из этих ошибок, очевидно, были исправлены уже гораздо позже следующим сменщиком.

И подобного рода записи занимали следующие четыреста с лишним страниц: вгоняющая в сон, печальная череда ляпов и бессистемных исправлений. Линделл устало пролистал их, не выказывая ни малейшего интереса к содержанию записей.

Затем он попал на раздел, подписанный Биллом Корриганом, и, широко зевнув, выпрямился на стуле, положил журнал перед собой и стал читать внимательнее.

Все здесь было так же, как и у остальных, за исключением самого первого: энергичное начало, хорошо заметная и все уси-

ливающаяся небрежность, ошибки, делающиеся все более вопиющими с каждым прошедшим месяцем, пока наконец записи не стали совершенно неразборчивыми. Он заметил несколько явно неверно сделанных расчетов и старательно исправил их.

Записи Корригана, как он заметил, в один день прервались на середине слова. И в оставшиеся полтора месяца его пребывания на станции не было ничего, кроме пустых страниц. Он бездумно пролистал их, медленно покачивая головой. «Надо признать,— подумал он,— я ничего не понимаю».

Сидя в гостиной все время, пока смеркалось, и позже, за ужином, он начал испытывать ощущение, что мысли Любимой какие-то живые, похожие на микроскопических насекомых, ползающих между извилинами его мозга. Иногда они едва шевелились, иногда принимались возбужденно скакать. Один раз, когда он пришел в легкое раздражение от ее пристального взгляда, эти мысли превратились в невидимых просителей, неуклюже цепляющихся за его сознание.

Самое скверное, осознал он позже, когда читал в постели, что ощущения возникали даже тогда, когда ее не было рядом с ним в комнате. Ощущение бесконечного потока мыслей, вливающихся в его сознание, пока она оставалась рядом, было само по себе обескураживающим, но влезать ему в голову на расстоянии было уже чересчур.

«Эй, может, хватит?» — попытался он урезонить ее по-хорошему. Но все, что он получил в ответ,— это образ ее, глядящей на него громадными, ничего не понимающими глазами.

— Вот дура! — пробормотал он, швырнув книгу на столик у кровати. Может быть, дело в этом, думал он, устраиваясь спать. Вся эта телепатическая дрянь, может, она повлияла на всех его предшественников. «Но только не на меня,— поклялся он.— Я просто не стану об этом думать». И он погасил лампу, сказал «спокойной ночи» в пустоту и улегся.

— Спать,— бормотал он, не сознавая того, в полудреме.

Это был не сон, даже наполовину. Туманная дымка окутала сознание и заполнила его той же самой подробно выписанной картиной. Она приближалась и резко удалялась. Разрасталась, придвигалась, поглощала его и все вокруг.

Любимая. Любимая. Эхо пронзительного крика в длинном черном коридоре. Прошуршавшее рядом платье. Он увидел ее

бледные черты. «Нет,— сказал он,— не подходи». Вдалеке, рядом, позади, сверху. Он кричал. Нет. Нет! Нет!!!

Он, придушенно стеная, вскочил в темноте с широко раскрытыми глазами. Обвел мутным взором пустую спальню, мысли у него разбегались.

Он протянул в темноте руку и включил лампу. Лихорадочно сунул в зубы сигарету и тяжело откинулся на изголовье кровати, выдувая облака кудрявого дыма. Поднял руку и увидел, что рука дрожит. Он бормотал какие-то бессмысленные слова.

Потом ноздри его задрожали, рот искривился от отвращения. «Что за мерзость тут сдохла?» — подумал он. В воздухе стоял тяжелый приторный запах, который становился сильнее с каждой секундой. Он отбросил одеяло.

И обнаружил источник в изножье кровати — лежащий там огромный ворох пурпурных цветов.

Он с минуту разглядывал их, затем дотянулся, чтобы взять и выбросить подальше. Охнув, отдернул руку, когда в большой палец руки ему вонзился шип.

Он выдавил крупную каплю крови и пососал ранку, голова шла кругом от все усиливавшегося запаха.

«Очень мило с твоей стороны,— отослал он ей сообщение,— но больше никаких цветов».

Она посмотрела на него. Она снова ничего не поняла, решил он.

— Ты меня понимаешь? — спросил он.

Потоки нежности забулькали в его сознании сахарным сиропом. Он сосредоточенно мешал свой кофе, и напор ослаб, как будто она побоялась его разозлить. В кухне стояла тишина, если не считать звяканья приборов о тарелки и легкого шуршания ее балахона.

Он проглотил кофе и поднялся, чтобы уйти. «Обычно я обедаю около...»

«Я знаю». Ее мысль врезалась в него, мягко подчиняя. Он чуть улыбнулся самому себе, направляясь в прихожую. Ее телепатическое сообщение было пронизано почти материнским упреком.

Затем, проходя к двери, он снова вспомнил свой сон, и улыбка пропала, его лицо лишилось всякой веселости.

Все утро он с раздражением думал, отчего гнианские мужчины такие тупые. Если они роняли несомый груз, поднять его

было целой эпопеей. Они похожи на безмозглых коров, думал он, наблюдая из окна конторы, как они исполняют свои обязанности: глаза пустые и неморгающие, широкие плечи ссутуленные и опавшие.

Теперь он знал наверняка, что передавать мысли на расстоянии они не умеют. Он несколько раз пытался отдать им приказ телепатически, но его сообщения никто не воспринял. Они реагировали только на громко повторенные слова из двух слогов, а лучше из одного. Да и на те они реагировали как полные идиоты.

В разгар утра он оторвался от кипы бумаг, оставленных Корриганом, и понял с некоторым потрясением, что ее мысли настигли его и вне дома. И что это были не те мысли, какие он мог бы облечь в слова. Это были ощущения, переданные расплывчато. У него сложилось впечатление, будто бы она проверяет, посылает время от времени на разведку тонкие лучики, выясняя, все ли с ним в порядке.

Первые несколько раз это просто привело его в изумление. Он тихонько посмеялся и вернулся к работе.

Однако потом эти ощупывания стали повторяться с выводящей из себя периодичностью, и он начал ерзать на стуле. Он поймал себя на том, что резко выпрямляется и напряженно застывает за мгновение до их прихода.

К концу утра он начал сознательно их отражать, отбрасывал ручку на стол и сердито приказывал ей оставить его в покое, когда он работает. Ее мысли виновато исчезали. И вскоре появлялись снова; словно ползучие щупальца, они постепенно охватывали его, вкрадчивые и не ведающие обиды.

У него мало-помалу начали сдавать нервы. Он ушел из конторы и слонялся по складу, вскрывая тюки и проверяя товары нетерпеливыми пальцами. Мысли преданно следовали за ним.

— Драсти,— произносил гнианский бригадир каждый раз, когда Линделл проходил мимо, отчего тот впадал в еще большее раздражение.

Один раз он резко выпрямился над тюком и громко сказал:

— Отвали!

Бригадир подскочил на месте, его карандаш с планшетом выпали из рук, и он спрятался за столбом, испуганно глядя на Линделла. Линделл сделал вид, что ничего не заметил.

Позже, вернувшись в контору, он сел, чтобы подумать, и положил перед собой раскрытый станционный журнал.

Ничего удивительного, что гнианские мужчины не пользуются телепатией, думал он. Они знают, что для них хорошо.

Потом он посмотрел из окна на медленно бредущую цепочку рабочих.

Что, если они не просто избегают телепатии? Что, если они к ней неспособны, то есть когда-то обладали этой способностью и именно из-за нее и оказались в нынешнем состоянии безнадежной тупости?

Он вспомнил, как Мартин говорил о том, что женщин здесь гораздо больше, чем мужчин. И ему пришло на ум словосочетание «ментальный матриархат». Мысль показалась ему глупостью, но он вдруг испугался, что это может быть правдой. Это объясняет, почему ломались остальные мужчины. Ведь если женщины стоят у власти, а это очень даже может быть, то при их врожденной страсти доминировать они не делают различия между местными мужчинами и мужчинами с Земли. Всякий мужчина — мужчина. Он сердито передернулся при мысли о том, что его могут причислять к тому же виду, что и болванов, обитающих в деревне.

Он резко встал. «Я не голоден,— думал он,— нисколько не голоден. Я возвращаюсь домой, чтобы заказать ей обед и дать понять, что я вовсе не голоден. Я заставлю ее почувствовать, что она сама находится на низшей ступени, и тогда у нее не будет возможности давить на меня. Ни одна гнианская баба со своими глазами-плошками не возьмет надо мной верх!»

Потом он заморгал и спешно отвернулся, когда понял, что смотрит на хаотичные царапины на дальней стене конторы. И на ремень без пряжки, который до сих пор, безвольно свернувшись, лежит под койкой.

Снова сон. Сон впивался в мягкую плоть его мозга острыми как бритва когтями. Он был весь в поту. Он со стонами метался на постели, потом вдруг проснулся, уставившись в темноту.

Ему показалось, он что-то видит в изножье кровати. Закрыл глаза, потряс головой и снова взглянул. В комнате никого не было. Он ощутил, что опустошающие разум мысли откатываются, словно некий инопланетный прилив.

Он сердито сжал кулаки. «Она была здесь, пока я спал,— думал он.— Черт бы побрал эту сучку, она была здесь!»

Он откинул одеяло и нервно кинулся к спинке кровати.

Их не было. Однако назойливый аромат поднимался от пола, словно танцующие на кончике хвоста змеи, и заползал ему в нос. Зажав ноздри руками, он повалился на матрас, живот свело судорогой. «За что? — мысленно спрашивал он себя снова и снова.— Господи, за что?»

Разозленный, он вышвырнул цветы у нее на глазах, и ее мысли принялись умолять его, падая в сознание, словно капли дождя.

— Я же сказал «нет», разве не так? — заорал он на нее.

Потом он сел за стол и, как сумел, взял себя в руки. Мне еще долго здесь быть, уговаривал он себя, так что полегче, полегче.

Теперь-то он знал наверняка, почему смена длится всего полгода. Этого будет более чем достаточно. «Но я не сломаюсь». Так он приказывал себе. Решено, она его не сломает, а значит, надо держать себя в руках. «Она слишком глупа, чтобы сломать меня»,— намеренно подумал он, надеясь, что она перехватит эту мысль.

Она совершенно точно перехватила, потому что ее плечи вдруг подавленно поникли. И за завтраком она нарезала вокруг него круги, словно боязливое привидение, отворачивая лицо и держа свои мысли при себе. Он поймал себя на том, что едва ли не сочувствует ей. Наверное, она не так уж виновата, подумал он, это же просто врожденная особенность гнианок — доминировать над мужчинами.

Потом он понял, что ее мысли снова с ним, полные нежности и плаксивой признательности. Он попытался сохранять душевное равновесие и не обращать на них внимания, пока они деликатными отмычками пытались вскрыть сейф его спокойствия.

Весь день он много работал, расплатился с бригадиром зерном и специями, которые тот раздал рабочим. Ему стало интересно, окажутся ли в итоге эти гонорары у женщин. Где бы те ни были.

— Я записываю свой голос,— надиктовал он на магнитофон тем же вечером.— Я хочу слышать, как он звучит, а не то я забуду собственный голос. Больше поговорить здесь не с кем, поэтому приходится говорить с самим собой. Печально. Ну да ладно.

Вот я на Станции-четыре, братцы, чудесно провожу время и мечтаю, чтобы вы оказались на моем месте. О, здесь вовсе не

так уж плохо, не поймите меня неправильно. Однако я подозреваю, что именно выбило из седла Корригана и тех несчастных, которые работали здесь до него. Это Любимая и ее каннибальский разум сожрал их всех. Но вот что я вам скажу: я ей не по зубам. Можете смело ставить на меня. Любимой не удастся...

Нет, я тебя не звал! Давай убирайся из моей жизни! Сходи в кино или еще куда-нибудь. Да, да, я знаю. Тогда отправляйся спать. Только оставь меня в покое. «В покое».

Вот, это я ей. Ей придется как следует потрудиться, чтобы заставить меня царапать стенку.

Однако перед сном он старательно запер дверь комнаты. И, заснув, он стонал все из-за того же кошмара, конечности у него тряслись, и о ночном отдохновении уже и речи не шло.

Он проснулся от какого-то толчка рано утром и кинулся проверить замок на двери. Он неуклюже дергал ручку непослушными пальцами. Наконец его отупевший разум осознал тот факт, что дверь до сих пор заперта, и он, пошатываясь, вернулся в постель и снова провалился в одуряющий сон.

Когда позже утром он проснулся, в ногах кровати снова были цветы, роскошные, пурпурные, сладко пахнущие, а дверь была заперта.

Он не смог спросить ее о цветах, потому что в гневе выскочил из кухни, когда она назвала его «дорогой».

«Больше не будет цветов! Обещаю!» — кричали ему вдогонку ее мысли. Он заперся в гостиной и сел за письменный стол, ощущая тошноту. «Держись!» — приказал он своему организму, крепко сжимая руки и стискивая зубы.

«Кушать?»

Она с той стороны двери, он знает. Линделл закрыл глаза. «Уходи, оставь меня в покое»,— приказал он.

«Прости меня, дорогой»,— сказала она.

— Прекрати называть меня «дорогой»! — взорвался он, ударив кулаком по столу. Когда он повернулся на стуле, то зацепился за ящик стола пряжкой ремня и таким образом его выдвинул. Он посмотрел внутрь, на сверкающий газовый пистолет. Почти безотчетно протянул руку и дотронулся до гладкого дула.

Он судорожно задвинул ящик на место. «Никогда!» — поклялся Линделл.

Внезапно он огляделся, ощутив себя оставленным в одиночестве и свободным. Встал и спешно подошел к окну. Он уви-

дел ее внизу, она торопливо шла куда-то с корзиной в руке. Отправилась за овощами, решил он. Однако же отчего она так поспешно ушла?

Ну конечно. Пистолет. Должно быть, она уловила его дикий порыв.

Он размеренно дышал и понемногу успокаивался, ощущая, как из его разума словно выходят густые ядовитые потоки.

«Козыри по-прежнему при мне»,— обнадежил он себя.

Пока ее не было, он решил заглянуть в ее комнату, посмотреть, нет ли там какой-нибудь выдвижной панели, тайного хода, который позволяет ей являться в его спальню с цветами. Он стремительно вышел в коридор и толкнул дверь в ее скудно обставленную комнату.

Его мозг тут же подвергся нападению зловонного запаха, исходящего от вороха пурпурных цветов, лежащих в углу. Он зажал рукой рот и нос, с омерзением глядя на умирающие растения.

«Что же они означают?» — гадал он. Вполне прозрачное предложение? Горло его сжалось. Или это больше чем предложение? Он поморщился от этой мысли и вспомнил первый вечер, когда назвал ее Любимой. Что вынудило его выбрать это слово из бесконечного списка других? Он надеялся, что никогда не узнает.

На кушетке он увидел небольшую кучку мелкого хлама. Здесь была пуговица, пара порванных шнурков, листок смятой бумаги, который он велел ей выбросить. И пряжка от ремня с выбитыми на ней инициалами У. К.

Никакой потайной панели здесь не было.

Он сидел в кухне, глядя в чашку с кофе, к которому не прикоснулся. Никак она не может входить в его комнату. У. К.— Уильям Корриган. Он должен с этим справиться, должен бороться.

Время шло. И внезапно он осознал, что она уже дома. Не было слышно ни звука, это походило на возвращение призрака. Однако он почувствовал. Ее появлению предшествовало облачко ощущений, оно закружилось по комнатам, выискивая, словно взбудораженный щенок. Мысли понеслись вихрем: «Ты хорошо себя чувствуешь? Ты не голоден? Любимая вернулась...» —и все они спешно и жадно вцепились в него.

Она ворвалась в комнату так поспешно, что у него дернулись руки и он опрокинул чашку. Горячая жидкость выплеснулась ему на рубашку и брюки, он отскочил назад, сбив по дороге стул.

Она поставила корзину, взяла полотенце и принялась вытирать пятна. Она никогда еще не оказывалась к нему так близко. Собственно, она никогда еще не дотрагивалась до него, если не считать рукопожатия при первой встрече.

Вокруг нее витал аромат. От него его грудь болезненно сжалась. И все это время ее мысли ласкали его разум, а руки словно бы ласкали его тело.

«Вот так. Вот так... я здесь, с тобой».

«Дэвид, дорогой».

Едва ли не в ужасе он смотрел на ее пористую розовую кожу, ее громадные глаза, крошечный шрам на месте рта.

А в конторе этим утром он сделал три грубые ошибки в учетном журнале, вырвал целую страницу и швырнул ее через всю комнату, издав придушенный вопль ярости.

Избегать ее. Протестовать нет смысла. Он попытался сровнять с землей свой разум, чтобы ее мыслям не было там места. Если удавалось немного расслабиться, ее мысли просто проскальзывали туда-сюда. Возможно, унося с собой частицу его воли, но на этот риск приходилось идти.

И пока он упорно работал, отгородив мозг высокими столбцами цифр, держа ее на расстоянии, и руки у него уже не тряслись так сильно.

Может, стоит ночевать в конторе, думал он. А потом наткнулся на записку Корригана.

Это был белый листок бумаги, заложенный между листами станционного журнала, незаметный, белое на белом. Он натолкнулся на него только потому, что однажды перелистывал страницы, называя вслух даты, чтобы чем-то занять свой ум.

«Помоги мне, Господь,— было написано на листке черными кривыми буквами,— Любимая проходит сквозь стены!»

Линделл вздрогнул. «Я видел это собственными глазами,— заверяла записка,— я потихоньку схожу с ума. Эта скотина постоянно дергает и терзает меня. И вот теперь я не могу отгородиться даже от ее тела. Я ночую здесь, но она все равно приходит. И я...»

Линделл прочитал записку еще раз, и она стала тем ветерком, который раздул в нем костер страха. «Проходит сквозь стены!» Эти слова привели его в ужас. Возможно ли такое?

Значит, это Корриган назвал ее Любимой. Вот что у нее было на уме с самого начала. Линделл был ошарашен.

— Любимая...— пробормотал он задумчиво, и ее мысли накрыли его внезапно, словно крылья стервятника, упавшего откуда-то с неба.

Он воздел руки и закричал:

— Оставь меня в покое!

И когда тень ее разума ускользнула прочь, у него осталось ощущение, что это было сделано менее робко, с уверенностью силача, напоказ поигрывающего своими мышцами.

Он в изнеможении откинулся на спинку стула, внезапно ощутив себя истощенным до предела этой борьбой. Он смял записку правой рукой, размышляя о царапинах на стене у него за спиной.

Он мысленно увидел это: Корриган мечется на своей койке, горит в лихорадке, пятится назад с криком ужаса при виде нее, стоящей перед ним. А потом... «Потом?» Картинка погрузилась во тьму.

Он провел трясущейся рукой по лицу. «Не смей ломаться»,— велел он себе. Однако это была скорее испуганная мольба, чем приказ. Изнуряющий туман нехорошего предчувствия наплывал на него леденящими волнами. «Она проходит сквозь стены».

Этим вечером он вылил принесенное ею питье в раковину в своей ванной. Он запер дверь и забился в темноте в угол, старательно вглядываясь и дожидаясь, легкие расширялись и сжимались неровными толчками.

Термостат отключился. Доски пола сделались ледяными, и у него застучали зубы. «В кровать не лягу»,— сердито поклялся он. Он не мог понять, почему постель вдруг стала вызывать в нем страх. «Не понимаю»,— заставил он прозвучать у себя в голове, потому что смутно ощущал, что все-таки понимает и не хочет этого признавать даже на долю секунды.

Однако после нескольких часов напрасного ожидания ему пришлось подняться на затекшие конечности и доковылять до кровати. Он заполз под одеяло и лежал, трясясь от холода, стараясь не заснуть. Она приходит, пока я сплю, думал он, значит, мне нельзя спать.

Когда утром он проснулся, на полу его ждали цветы. И это был еще один день в веренице дней, которые уходили, слипаясь в комки месяцев.

Можно привыкнуть к кошмару, думалось ему. Когда тот перестает быть внезапным и больше не уязвляет, то становится вполне обыденным рационом. Когда превращается в череду отупля-

ющих разум событий. Когда потрясение подобно скальпелю, который пронзает и режет трепещущие нервные узлы, пока они не теряют всякую чувствительность.

Но хотя это больше не было кошмаром, стало еще хуже. Потому что его нервы были ободраны и сочились сукровицей ярости. Каждый раз он сражался до самых последних мгновений, непреклонный, криками отгонял ее назад, швырял горящие копья ненависти из своего изнуренного разума, мучимый ее капитуляциями, которые были ее победами. Она всегда возвращалась. Словно взбесившаяся кошка, вечно трущаяся о него боками, наполняющая его сознание мыслями о... «Да, да, признайся!» — орал он самому себе в разгар полуночной битвы.

Мыслями о любви.

Подспудными обещаниями нового потрясения, которое разрушит до основания его и без того шаткую крепость. Ей не хватает только этого — дополнительного толчка, очередного укола клинка, последнего удара сокрушительного молота.

Неясная угроза нависла над ним. Он дожидался ее, собирался с духом по сотне раз в час, особенно по ночам. Ждал. Дожидался. И по временам, когда ему казалось, что он знает, чего дожидается, осознание заставляло его содрогаться, вселяло в него желание царапать стену, ломать мебель и бежать, бежать, покуда темнота не поглотит его.

Если бы только удалось о ней забыть, думал он. Да, если бы он смог забыть о ней на время, всего на несколько мгновений, все стало бы хорошо.

Он бормотал это себе под нос, устанавливая в гостиной кинопроектор.

Она попросила из кухни: «Можно мне посмотреть?»

— Нет!

Теперь все его ответы, мысленные или нет, были похожи на колючие реплики брюзгливого старикашки. Если бы полгода закончились. В этом-то и состояла проблема. Месяцы тянулись слишком медленно. И время было похоже на нее: его нельзя было урезонить или припугнуть.

На полках в гостиной было множество пленок. Однако его рука, не колеблясь, сама потянулась к одной из них. Он этого не заметил, его разум уже не понимал, что действует по чужим подсказкам.

Он насадил катушку с пленкой на шпенек и выключил свет. Присел с усталым стоном, когда из проектора вырвался белый

конус и на его основании, упершемся в экран, появились картинки.

Худой мужчина с темной бородой позировал перед камерой, руки скрещены на груди, белые зубы сверкают в нарочитой улыбке. Мужчина подошел ближе к камере. Солнце вспыхнуло, на секунду засветив кадр. Черный экран. Титры: «Это я».

Человек с высокими скулами и живыми глазами стоял посреди экрана, беззвучно смеясь. Он указал в сторону, и камера повернулась. Линделл резко выпрямился на стуле.

На экране была станция.

Судя по всему, стояла осень: пока камеру несли мимо дома, деревни, она дернулась на миг, как будто бы ее передали в другие руки, и он увидел, что вокруг деревьев лежат кучи палой листвы. Он сидел, дрожа, и дожидался чего-то, он и сам не знал чего.

Экран почернел. Появились новые титры, грубо написанные белыми буквами. «Джефф в конторе».

Мужчина таращился в камеру с идиотской улыбкой на лице, белизну кожи подчеркивала непроницаемая чернота его бороды.

Изображение затухло, снова всплыло. Человек отплясывал джигу в пустом складе, руки взлетали над головой, темные волосы дико метались из стороны в сторону.

Новый заголовок вспыхнул на экране. Линделл застыл на стуле, он даже перестал дышать.

Титр: «Любимая».

Появилось ее лицо, мерзкое и отталкивающее в черно-белом изображении. Она стояла у окна своей комнаты, и ее физиономия являла собой маску восторга. Отчего, по его мнению, она стала похожа на маньяка, рот ее дернулся, словно оживший шрам, гротескные глаза неподвижно застыли.

Она развернулась, и ее платье взметнулось. Он увидел ее пухлые лодыжки, и мышцы живота окаменели.

Она приблизилась к камере, он увидел, как похожие на пленки веки опустились на глаза. Руки у него неистово задрожали. Это был его сон. Его затошнило. Это был его кошмар, до самой последней детали. Значит, это никогда и не было сном, во всяком случае сном, родившимся из его разума.

Рыдание раздирало ему горло. Она расстегивала свой балахон. «Началось!» — выкрикнул он в своем охваченном паникой сознании. Он захныкал и потянулся, чтобы выключить проектор.

«Нет!» — прозвучал в темноте холодный приказ. «Смотри на меня»,—потребовала она. Он сидел, зажатый тисками ужаса, глядя в тошнотворном оцепенении, как платье скользит вниз, обнажая шею, соскальзывает с круглых плеч. Она чувственно содрогнулась. Платье упало на пол тяжелой кучей.

Он закричал.

Он взмахнул рукой и попал по работающему проектору. Тот с грохотом рухнул на пол. В комнате настала ночь. Он с усилием поднялся и, пошатываясь, прошелся по комнате. «Нравится? Нравится?» Слово безжалостно впивалось в него, пока он искал дверь. Он нашел ее, выскочил в прихожую. Дверь ее комнаты открылась, она стояла в полумраке, платье сползало с одного круглого плеча.

Он резко остановился.

— Убирайся отсюда! — заревел он.

«Нет».

Он конвульсивно дернулся в ее сторону, выставив перед собой руки, словно окоченелые клешни. Вид ее розовой, блестящей плоти заставил его отшатнуться. «Да?» — требовал ответа ее разум. Ему показалось, будто она чуть повысила на него голос...

— Слушай! — закричал он, отступая к двери своей комнаты.— Слушай, ты должна уйти, понимаешь? Иди к своему спутнику!

Он попятился назад, охваченный ужасом.

«Я уже с ним»,— последовал ответ.

Эта мысль парализовала его. Он смотрел, разинув рот, сердце стучало все медленнее и сильнее, по мере того как ее платье соскользнуло с плеч и начало спускаться все ниже.

Он с криком развернулся и захлопнул за собой дверь. Пальцы тряслись на замке. Все его мысли завывали хором. Он плакал от страха, тошноты и знал, что все это бесполезно, потому что от нее нельзя запереться.

У него в голове верещали обезьянки. Они лежали кружком на спине и пинали изнутри его череп. Они загребали грязными пальцами комки его серого вещества и выжимали его досуха.

Он со стоном перекатился на бок. «Я схожу с ума»,— подумал он. Как Корриган, как все они, кроме самого первого, того тощего типа, который начал все это, который придал новое жуткое направление ее и без того повернутому на доминиро-

вании сознанию гнианки, который назвал ее Любимой, потому что такой она для него и была.

Внезапно он сел, охваченный страхом, и уставился в изножье кровати. «Она проходит сквозь стены!» — вопил его разум. Там ничего нет, говорили ему глаза. Пальцы вцепились в простыни. Он чувствовал, как капли пота стекают по лбу и катятся вниз по крыльям носа.

Он лег. Снова сел. Он хныкал, как перепуганный ребенок. Его окутывало черное облако. Она. Она. Он застонал: «Нет». В темноту. Бесполезно.

Он плакал. Спать. Спать. Слово трепетало, дрожало, приводило в унынние его сознание. Время пришло. Он знал это, знал, знал...

Топор упал, здравый рассудок оказался обезглавленным и задергался в луже крови.

«Нет!» Он пытался поднять себя с кровати, но не мог. Спать. Черная пелена ночи зависла над ним в ожидании.

Спать.

Он повалился на подушку, шатко поднялся на локте.

— Нет.— Его легкие разрывались.— Нет.

Он боролся. Это уж слишком. Он издавал трубные булькающие крики. Она отшвырнула его волю в сторону, раздавленную и бесполезную. Теперь она применяла всю свою силу, и он был сломлен, разбит. Он снова свалился на подушку, окаменелый, с застывшим взглядом. Он слабо застонал, и его глаза закрылись, открылись, закрылись, открылись, закрылись, открылись, закрылись...

Снова сон. Безумие. Не сон.

Когда он проснулся, цветов не было. Период ухаживания закончился. Он таращился тупо и недоверчиво на отпечаток чужого тела в постели рядом с ним.

Отпечаток до сих пор был теплый и влажный.

Он смеялся вслух. Писал слова проклятий в своем дневнике. Писал их высокими черными буквами, зажав карандаш в руке, словно нож. Он писал их и в учетном журнале. Он рвал квитанции, если они оказывались не того цвета. Вместо цифр в его записи стояли кривые завитушки, похожие на многочисленные усики какого-то растения. Иногда ему было на это наплевать. Но в большинстве случаев он просто не замечал.

Он бродил по запертому складу, забитому товарами, глаза красные, непрерывно бормотал себе под нос. Он забирался на

кипы товаров и таращился через застекленную крышу в пустое небо. Он похудел на несколько килограммов, перестал мыться. Его лицо покрылось густой щетиной. Он собирался отпустить прекрасную бороду. Она этого хотела. Она не хотела, чтобы он мылся, брился, следил за своим здоровьем. Она называла его Джеффом.

«Ты не можешь с этим бороться»,— говорил он себе. Ты не можешь выиграть, потому что проиграл. Если ты наступаешь, то оказываешься отброшенным назад, потому что, когда ты слишком устаешь, чтобы бороться, она возвращается и захватывает твою крепость и твою душу.

Вот почему он шептал себе на складе так, чтобы никто не слышал:

— Мне пора кое-что предпринять.

Вот почему поздно вечером он прокрался в гостиную и переложил газовый пистолет себе в карман. Гнианцам нельзя причинять вред? Как бы не так. Сейчас речь идет о том, чтобы убить или быть убитым. Вот почему я беру пистолет с собой в постель. Вот почему я поглаживаю его, глядя в потолок. Да, именно. Это та скала, где я могу найти отдохновение от кошмара наяву.

Он обдумывал планы с тем же тщанием, с каким животное обнюхивает камни, выискивая себе на ужин насекомых.

Шли дни, дни, дни. Он шептал:

— Убей ее.

Он кивал и улыбался самому себе, поглаживая холодный металл. Ты мой друг, говорил он, ты мой единственный друг. Она должна умереть, все мы это знаем.

Он выстроил множество планов, и все они были одним планом. Мысленно он убивал ее миллионы раз, в тайниках своего сознания, которые он обнаруживал и отпирал, куда он мог забиться, не потревоженный и ясно мыслящий, чтобы составлять свои планы.

Животные. Он ходил, смотрел на деревню рабочих. Животные. Я не собираюсь кончить, как они. Я не собираюсь, я не собираюсь, я не собираюсь, я не...

Он шатко поднялся из-за своего стола в конторе, глаза широко раскрыты, слюна течет изо рта. Он цепко зажал пистолет в трясущейся руке.

Рывком распахнул дверь конторы и заковылял по бетону между поднимавшимися до потолка горами товаров. Рот превратился в узкую черту. Он выставил пистолет перед собой.

Он откинул засов и потянул назад одну из тяжелых створок. Выбрался в потоки солнечного света и кинулся бежать. Струйки страха вырывались из дома. Он упивался ими. Он бежал быстрее. Он упал, потому что ноги у него ослабли. Пистолет отлетел в сторону. Он пополз к нему, сдул с него пыль. Вот теперь посмотрим, обещал он обезьянкам в голове, вот уже скоро.

Он постоял, ощущая головокружение. Заковылял в сторону дома.

Услышал в воздухе шорох, вспышка света пробежала по его щеке и глазам. Он поднял голову и заморгал, увидев грузовой корабль.

Полгода.

Он уронил пистолет и осел на землю рядом с ним, бездумно обрывая голубую траву. Он тупо смотрел на ракету, как она снижалась и садилась, как открылись люки и наружу выскочили люди.

— Н-да,— произнес он,— поспели, можно сказать, в последнюю минуту.

И голос его звучал вполне нормально, если не считать того, что он хохотал, рыдал и колотил кулаками по воздуху.

— Ты поправишься,— говорили ему по дороге обратно на Землю. И ему кололи все новые успокоительные, чтобы привести в порядок его расшатанные нервы и заставить его забыть.

Но он так и не забыл.

Сумасшедший дом

Он сидит за письменным столом. Берет длинный желтый карандаш и начинает писать в блокноте. Грифельный кончик ломается.

Уголки его губ опускаются. Зрачки превращаются в маленькие точки на окаменевшей маске лица. Спокойно, сжав рот в уродливую бескровную щель, он берется за точилку.

Затачивает карандаш и бросает точилку обратно в ящик. Снова принимается писать. Когда он пишет, кончик карандаша снова ломается, и кусок грифеля катится по бумаге.

Неожиданно его лицо делается мертвенно-бледным. Неистовая ярость заставляет содрогаться мышцы его тела. Он орет на карандаш, осыпает его градом проклятий. Он испепеляет его взглядом, полным настоящей ненависти. Ломает его пополам с громким щелчком и с торжествующим видом запускает обломки в корзину для бумаг.

— Вот так! Посмотрим, как тебе понравится там!

Он напряженно застывает на стуле, глаза широко раскрыты, руки трясутся. Он передергивается от безумного гнева, гнев окатывает его внутренности, словно кислотой.

Карандаш лежит в корзине, сломанный и недвижный. Это дерево, графит, металл, резина — все мертво и ничто не сознает направленной на него жгучей ненависти.

И все же...

Он тихо стоит у окна, вглядываясь в улицу. Он дожидается, пока спадет напряжение. Он не слышит шуршания в корзине для бумаг, которое тотчас же обрывается.

Скоро его тело приходит в норму. Он садится. Он пишет авторучкой.

© Перевод Е. Королевой.

Он садится за пишущую машинку.

Вставляет лист бумаги и принимается стучать по клавишам.

У него крупные пальцы. Он попадает по двум клавишам сразу. Два рычажка сцепляются. Они застывают в воздухе, бессильно повиснув над черной лентой.

Он с негодованием протягивает руку и расцепляет их. Они разделяются, падают обратно на свои места. Он снова принимается печатать.

Ударяет не по той клавише. Проклятия вырываются из него неукротимым потоком. Он хватает круглый ластик и стирает ненужную букву с листа бумаги.

Роняет резинку и снова начинает печатать. Лист бумаги на валике сдвинулся. Следующие слова получаются в строке чуть выше предыдущих. Он сжимает кулаки, не обращает внимания на ошибки.

Машинку заедает. Он передергивает плечами, грохает кулаком по клавише пробела, изрыгая громкое проклятие. Каретка подпрыгивает, звякает звоночек. Он рывком передвигает каретку, и она с грохотом останавливается.

Он печатает быстрее. Сцепляются три рычажка. Он стискивает зубы и хнычет в бессильной злобе. Хлопает по рычажкам с литерами. Они не расцепляются. Он растаскивает их скрюченными трясущимися пальцами. Они распадаются. Он видит, что пальцы испачкались чернилами. Он громко чертыхается, пытаясь зажечь сам воздух яростью к тупой машинке.

Теперь он лупит по клавишам грубо, пальцы падают, словно молот копра. Новая опечатка, он в бешенстве стирает ее. Он печатает все быстрее. Сцепляются четыре рычажка.

Он вопит.

Колотит по машинке кулаком. Вцепляется в лист бумаги и, вырвав его из машинки, раздирает в клочья. Комкает обрывки в кулаке и швыряет шершавый комок через всю комнату. Переводит каретку на место и с грохотом опускает на машинку крышку.

Вскакивает с места и испепеляет ее взглядом.

— Ты дура! — кричит он горестным, полным отвращения голосом.— Кретинка, идиотка, тупая ослица!

Голос его сочится презрением. Он продолжает говорить, он доводит себя до безумия.

— В тебе нет ничего хорошего. Вообще ничего. Я тебя разломаю на кусочки. Расколочу тебя вдребезги, расплавлю, убью тебя! Ты, тупая, кретинская, вшивая машинка!

Он весь дрожит, исходя криком. И думает, где-то в самом отдаленном уголке сознания, не скончается ли он от гнева, не разладятся ли от бешенства все его системы.

Он разворачивается и осторожно выходит. Он настолько вне себя, что не замечает, как крышка соскальзывает с машинки, не слышит легкого позвякивания металла, какое можно услышать, когда литеры стукаются друг о друга.

Он бреется. Лезвие не бреет. Либо лезвие слишком острое и срезает слишком много.

И в том и в другом случае с его губ срываются приглушенные проклятия. Он швыряет лезвие на пол и пинком отбрасывает его к стене.

Он чистит зубы. Проводит между зубами тонкой шелковой нитью. Нить обрывается. Разлохмаченный обрывок застревает в зубах. Он пытается поддеть его вторым обрывком. Он не может выковырнуть белую нить. Она рвется у него в пальцах.

Он вопит. Он вопит на человека в зеркале, замахивается и в бешенстве швыряет обрывок нити. Тот отлетает к стене. Повисает там и раскачивается на волнах, доходящих от его гневного дыхания.

Он вытягивает из коробочки новый кусок зубной нити. Он дает зубной нити еще один шанс. Он сдерживает свой гнев. Если нить соображает, что для нее лучше, она скользнет между зубами и тотчас же вытащит застрявший обрывок.

Так и получается. Накал спадает. Уровень давления с бульканьем снижается, огонь потух, угли раскиданы.

Однако гнев все еще здесь, стоит в сторонке. Энергия не исчезает никуда — основополагающий закон.

Он ест.

Жена ставит перед ним бифштекс. Он берет нож и вилку, нарезает мясо. Мясо жесткое, лезвие тупое.

Алые пятна загораются у него на щеках. Глаза сощуриваются. Он проводит ножом по куску мяса. Лезвие не причиняет зажаренной плоти никакого вреда.

Глаза его широко раскрываются. От сдерживаемого волнения он каменеет, его трясет. Он смотрит на мясо так, словно предоставляет ему последнюю возможность сдаться.

Мясо не сдается.

Он завывает:

— Черт бы тебя побрал!

Белые зубы стиснуты. Нож летит через комнату.

Входит женщина, от тревоги у нее на лбу залегли глубокие морщины. Ее муж вне себя. Ее муж впрыскивает отраву в свои артерии. Ее муж выпускает на волю очередную порцию животной ярости. Тумана, который ко всему прилипает. Который зависает над мебелью, стекает каплями со стен.

Он живой.

И так происходит и днем, и ночью. Его гнев, словно безумные удары топора, обрушивается на дом, на все, что у него есть. Брызги скрежещущей зубами истерики заволакивают мглой окна и падают на пол. Океаны бешеной, неконтролируемой ненависти бушуют во всех комнатах, наполняют каждую пядь пространства подвижной, трепещущей жизнью.

Он лежал на спине и пристально смотрел в испещренный солнечными бликами потолок.

Последний день, говорил он себе. Эта фраза постоянно вертелась в голове с тех пор, как он проснулся.

Он слышал, как в ванной течет вода. Он слышал, как открылся и снова закрылся шкафчик с лекарствами. Он слышал, как ее тапочки шаркают по плиткам пола.

Салли, подумал он, не бросай меня.

— Я покончу с приступами ярости, если ты останешься,— шепотом пообещал он в пространство.

Однако он знал, что не покончит. Это слишком трудно. Проще всего открыть клапан, проще кричать, разражаться тирадами и нападать.

Он перевернулся на бок и уставился в коридор, на дверь ванной комнаты. Увидел выбивающуюся из-под двери полоску света. Салли сейчас там, подумал он. Салли, моя жена, на которой я женился много лет назад, когда был еще молод и полон мечтами.

Он внезапно зажмурил глаза и сжал руки в кулаки. Она снова навалилась на него. Та болезнь, которая делалась все неукротимее с каждым новым приступом. Болезнь отчаяния и несбывшихся надежд. Она уничтожала все. Она обволакивала горьким дымом все его попытки и начинания. Она лишала аппетита, мешала спать, уничтожала привязанность.

— Наверное, если бы у нас были дети...— пробормотал он и, не успев завершить фразу, уже знал, что причина вовсе не в этом.

Дети. Счастливо бы им жилось, когда бы они наблюдали, как их никуда не годный отец с каждым днем погружается все глубже в пучину лихорадочного самоанализа.

Ладненько, мучило его сознание, давай-ка взглянем в лицо фактам. Он стиснул зубы и попытался не думать ни о чем. Однако, словно идиот с тусклым взглядом, сознание повторяло те слова, какие он часто твердил сквозь сон не приносящими отдохновения, мучительными ночами.

Мне сорок лет. Я преподаю английский язык в колледже Форт. Некогда я надеялся стать писателем. Мне казалось, это прекрасное место, чтобы писать. Я буду вести занятия часть дня, а писать все оставшееся время. Салли и я познакомились в школе, а потом поженились. Я думал, все будет просто прекрасно. Я считал, что успех неизбежен. Восемнадцать лет назад.

Восемнадцать лет.

Чем, думал он, ты ознаменовал прошествие почти двух десятилетий? Время казалось бесформенным комом провалившихся попыток; ночей, полных терзаний; тайн, ответов и откровений, постоянно ускользающих от него. Словно подвешенный кусок сыра, который приводит в неистовство обезумевшую крысу, выписывая круги у нее над головой.

И постепенно разрасталось чувство обиды. Уходили дни, а он наблюдал, как Салли покупает продукты и одежду, выплачивает арендную плату из его жалкого жалованья. Наблюдал, как она покупает новые занавески или покрывала для кресел, и каждый раз ощущал болезненный укол, потому что только удалялся от того, чтобы посвящать все свое время написанию романов. Каждый потраченный ею цент он воспринимал как удар по своим устремлениям.

Он заставлял себя думать об этом. Он заставлял себя верить, будто бы все, что ему требуется для создания шедевра, это время.

Но как-то раз раздраженный студент накричал на него: «Вы просто третьесортный писака, прикрывающийся своей преподавательской деятельностью!»

Он запомнил эти слова. О господи, как хорошо он запомнил тот момент. Помнил холодную боль, пронзившую его, когда сло-

ва ударили его в голову. Помнил дрожь и безрассудство, звеневшие в его голосе.

Он поставил студенту неуд за семестр, несмотря на хорошие оценки. Разразился порядочный скандал. Отец студента приехал в колледж. Все они предстали перед доктором Рэмси, главой отделения английского языка.

Это он тоже помнил, та сцена даже могла заслонить собой все прочие воспоминания. Он, сидящий по одну сторону стола для совещаний, напротив разъяренных отца и сына. Доктор Рэмси, поглаживающий бороду, пока ему не начало казаться, будто он что-то бросает в него. «Что ж,— сказал тогда Рэмси,— посмотрим, сможем ли мы разобраться в этом деле».

Они справились с журналом, оказалось, что студент успевает. Доктор Рэмси посмотрел на него в несказанном изумлении. «Н-да, я что-то не вполне понимаю...» Он многозначительно прервал сказанную медоточивым голосом фразу и вопросительно взглянул на него, дожидаясь объяснений.

И все объяснения были безнадежным, провальным и бессмысленным предприятием. Безответственное отношение, сказал он тогда, непростительная бравада, совершенная аморальность. И доктор Рэмси, толстая шея которого налилась кровью, заявил ему, что за столь абстрактные дисциплины, как мораль, согласно учебным планам, в колледже Форт оценок не ставят.

Был сказано и еще что-то, но это он уже позабыл. Он сделал над собой усилие, чтобы забыть. Однако он никак не мог забыть, что теперь должны пройти еще долгие годы, прежде чем он получит собственную кафедру. Рэмси всячески препятствовал его продвижению. Преподавательского жалованья не хватало, счета громоздились горой, и он так и не приступал к своим сочинениям.

Он вернулся в настоящий момент и обнаружил, что вцепился скрюченными пальцами в простыни. Он поймал себя на том, что с ненавистью сверлит взглядом дверь ванной. «Давай! — мстительно выкрикнул его разум.— Вали обратно к своей мамочке! Вот увидишь, как мне наплевать. И почему это — расстаться на время? Исчезни навсегда! Оставь меня в покое. Может быть, тогда я смогу что-нибудь написать».

Может быть, тогда я смогу что-нибудь написать.

От этой фразы его замутило. Она больше не имела никакого смысла. Как слово, которое повторяют снова и снова, пока оно

не превращается в абракадабру, эта фраза давно уже перестала что-то значить для него. Она звучала глупо, как какое-нибудь дурацкое клише из мыльной оперы. Герой возвещает драматическим тоном: «Господи, может быть, теперь я смогу что-нибудь написать». Чушь!

Однако на секунду он подумал: а вдруг это правда? Может, теперь, когда она уходит, он сможет забыть о ней и действительно засесть за работу? Уйти из колледжа. Уехать куда-нибудь, запереться в дешевых меблированных комнатах и писать.

У тебя на счету сто двадцать три доллара и восемьдесят девять центов, проинформировал здравый смысл. Он сделал вид, будто бы это единственное, что удерживает его на месте. Однако в глубине души задался вопросом, сможет ли он вообще писать где-либо. Часто этот вопрос всплывал, когда он меньше всего ожидал его. У тебя есть целых четыре свободных часа по утрам, явилась зловещим призраком холодная мысль. Достаточно времени, чтобы написать много тысяч слов. Так что же ты не пишешь?

И ответ заплутал в дебрях «если бы» и «ну» и в бесконечных причинах, за которые он цеплялся, словно утопающий за соломинку.

Дверь ванной открылась, и она вышла, одетая в свой лучший красный костюм.

Он вдруг понял, что она носит один и тот же костюм больше трех лет, не покупая себе ничего нового. Осознание этого факта разозлило его еще больше. Он закрыл глаза, понадеявшись, что она не смотрит на него. Ненавижу ее, думал он. Ненавижу ее за то, что она испортила мне жизнь.

Он услышал шуршание юбки, когда она села за туалетный столик и выдвинула ящик. Он так и не открывал глаз, слушая, как жалюзи легонько постукивают об оконную раму от прикосновений утреннего ветерка. Он ощущал запах ее духов, витающий в воздухе.

И он пытался представить, что дом будет пустым все время. Он пытался представить, как приходит домой с занятий, а в доме нет дожидающейся его Салли. Почему-то эта мысль показалась совершенно невероятной. И это рассердило его. Да, думал он, я прирос к ней. Она обслуживала меня, пока я не сде-

лался зависимым от нее в самых насущных мелочах, и теперь страдаю от ложного убеждения, будто не смогу без нее жить.

Он неожиданно развернулся на матрасе и посмотрел на нее.

— Значит, ты действительно уходишь,— произнес он холодным тоном.

Она быстро обернулась и взглянула на него. На ее лице не было злости. Она глядела устало.

— Да,— ответила она.— Я ухожу.

Скатертью дорожка. Слова пытались сорваться с его языка. Он прикусил язык.

— Полагаю, у тебя имеются причины,— сказал он.

Ее плечи чуть дрогнули, и он решил, что это жест усталого удивления.

— Я не собираюсь с тобой спорить,— сказал он.— Твоя жизнь, делай, что хочешь.

— Спасибо,— пробормотала она.

Она ждет извинений, подумал он. Ждет, чтобы он сказал, что не ненавидит ее, как он утверждал недавно. Что он ударил не *ее*, а все свои искореженные, разбитые надежды. Хочет насладиться зрелищем того, как он топчет собственную веру.

— И на какое же время мы расстаемся? — поинтересовался он ехиднейшим тоном.

Она покачала головой.

— Не знаю, Крис,— ответила она ровно.— Все зависит от тебя.

— От меня,— повторил он.— Все ведь вечно зависит от меня?

— О, пожалуйста, доро... Крис. Я больше не хочу спорить. Я слишком устала спорить.

— Конечно, куда проще собрать вещички и сбежать.

Она развернулась и посмотрела на него. Глаза ее были очень темные и несчастные.

— Сбежать? — переспросила она.— Ты обвиняешь меня в бегстве после восемнадцати лет совместной жизни? Восемнадцати лет, когда я наблюдала, как ты уничтожаешь себя? А заодно и меня. О, не надо делать удивленное лицо. Полагаю, ты прекрасно знаешь, что почти довел до сумасшествия и меня.

Она отвернулась, и он увидел, как задрожали ее плечи. Она смахнула с глаз слезинки.

— Это н-не просто из-за того, что ты меня ударил,— проговорила она.— Ты все время повторял это вчера вечером, когда

я сказала, что ухожу. Неужели ты думаешь, что это было бы важно, если бы...— Она сделала глубокий вдох.— Если бы это означало, что ты разозлился на *меня*? Будь это так, я могла бы терпеть побои хоть каждый день. Но ты же ударил не меня. Я для тебя пустое место. Я для тебя никто.

— Ну, перестань говорить такие...

— Нет,— перебила она.— Этот как раз та причина, по которой я ухожу. Потому что мне невыносимо наблюдать, как ты с каждым днем все сильнее ненавидишь меня за что-то... в чем я не виновата.

— Мне казалось, ты...

— Ничего больше не говори,— сказала она, поднимаясь.

Она поспешно вышла из комнаты, и он услышал ее шаги в гостиной. Он уставился на туалетный столик.

«Ничего больше не говори?» — переспросило его сознание, словно она все еще была здесь. Нет уж, мне есть еще что сказать, много всего. Ты вроде бы не сознаешь, чего я лишился. Ты вроде бы не понимаешь. У меня были надежды, о боже, какие у меня были надежды. Я хотел писать прозу, от которой люди бы застывали, разинув рты. Я собрался рассказать им то, что им требовалось знать больше всего на свете. Я хотел поведать им это знание так, что они и не заметили бы, как им открылась истина. Я собирался создавать бессмертные шедевры.

А теперь, когда я умру, я просто стану покойником. Я заперт в этой вгоняющей в тоску деревне, погребен в техническом колледже, где люди с восторгом таращатся в грязь, даже не догадываясь, что у них над головой светят звезды. Но что я могу сделать, что я могу?..

Поток мыслей прервался. Он обвел несчастным взглядом ее флакончики с духами, пудреницу, которая вызванивала мелодию песенки «Вечно» каждый раз, когда открывали крышку.

Я буду помнить тебя всегда. Вечно.
В сердце моем будет образ твой. Вечно.

Слова детские, комичные, подумал он. Однако горло его сжалось, и он ощутил, что его бьет дрожь.

— Салли,— произнес он. Но так тихо, что едва расслышал сам.

Прошло некоторое время, он встал и оделся.

Пока он натягивал брюки, ковер под ним заскользил по полу, и ему пришлось схватиться за шкаф, чтобы не упасть. Он посмотрел себе под ноги, сердце тяжко колотилось от всепоглощающей ярости, которую он научился исторгать из себя за доли секунды.

— Будь ты проклят,— пробормотал он.

Он забыл о Салли. Забыл обо всем. Он хотел поквитаться хотя бы с ковром. Он бешеными пинками загнал его под кровать. Гнев нахлынул и прошел. Он покачал головой. Я болен, думал он. Он подумал о том, чтобы пойти к ней и сказать, что он болен.

Рот его сжался, когда он вошел в ванную. Я не болен, подумал он. Во всяком случае, не телесно. Это разум мой болен, а она делает ему только хуже.

В ванной после нее все еще было влажно и тепло. Он немного приоткрыл окно и засадил в палец занозу. Приглушенно обругал окно. Поднял голову. «Зачем, собственно, шептать? — спросил он себя.— Чтобы не услышала она?»

— Черт бы тебя подрал! — заорал он на окно во весь голос. Он кусал палец, пока не вытащил из него микроскопическую щепку.

Дернул дверцу шкафчика. Дверцу заело. Лицо его налилось краской. Он дернул сильнее, дверца стремительно распахнулась и ударила его по запястью. Он крутанулся на месте, хватая себя за запястье, с болезненным шипением откинул голову назад.

Он стоял там, с затуманенным от боли взглядом, и глядел в потолок. Он смотрел на трещину, которая, безумно извиваясь, бежала по потолку. Потом он закрыл глаза.

И начал ощущать что-то. Нечто неуловимое. Нечто зловещее. Он задумался об этом. Да чего там, это, разумеется, я сам, решил он. Сказывается моральное дряхление моего подсознания. Оно вопит изнутри меня: «Ты должен быть наказан за то, что отправляешь свою несчастную жену в объятия ее мамаши. Ты не мужчина. Ты просто...»

— Слушай, заткнись,— сказал он.

Он вымыл руки, лицо. Провел пальцем по подбородку. Пора побриться. Он осторожно открыл дверцу шкафа и вынул опасную бритву. Поднял ее перед собой и взглянул на лезвие.

Рукоятка разболталась. Он быстро уверил себя в этом, когда бритва раскрылась, будто по собственному желанию. Он вздрогнул, увидев, как лезвие выскочило и заблестело в свете вмонтированной в шкафчик лампы.

Он смотрел в зачарованном оцепенении на сверкающую сталь. Потрогал края лезвия. Какое острое, подумал он. От малейшего прикосновения останется порез. До чего же жуткая штука.

— Это моя рука.

Он невольно произнес эти слова и внезапно сложил бритву. Это была его собственная рука, должна была быть. Не могло же лезвие выскочить само собой. Это все больное воображение.

Но бриться он не стал. Он положил бритву обратно в шкафчик со смутным ощущением отсрочки приговора.

И плевать, если кто-то считает, будто бы бриться нужно каждый день, бормотал он. Я не желаю рисковать тем, что у меня соскользнет рука. Лучше купить безопасную бритву. Эта не для меня, я слишком издергался.

Внезапно, вызванная этими словами, у него в голове всплыла картина его самого восемнадцатилетней давности.

Он вспомнил свое свидание с Салли. Вспомнил, как рассказывал ей, что спокоен, как покойник. Ничто меня не тревожит, уверял он. И на тот момент это была чистая правда. Еще он вспомнил, как говорил ей, что не любит кофе, что ему достаточно одной чашки, чтобы не заснуть всю ночь. Что он не курит — ему не нравится ни вкус, ни запах. Хочу оставаться здоровым, говорил он. Он вспомнил свои точные слова.

— И что теперь?.. — бормотал он своему исхудалому и потрепанному отражению.

Теперь он каждый день пьет кофе литрами. Пока тот не начинает булькать у него в желудке черной лужей, и спать он способен не больше, чем летать. Теперь он курит одну за одной, оставляя на пальцах никотиновые пятна, пока в горле не начинает першить и саднить, пока он не лишается возможности писать карандашом, потому что руки ходят ходуном.

Однако все эти стимуляторы все равно не помогали ему творить. Заправленная в машинку бумага оставалась чистой. Слова не приходили, сюжет умирал, не родившись. Характеры персонажей ускользали от него, издеваясь и насмехаясь над ним из-за завесы бездарности, с которой они были созданы.

А время уходило. Оно мчалось быстрее и быстрее, будто бы избрав его для высшей меры наказания. Его, человека, который начал ценить время до такой степени болезненно, что вся его жизнь пришла в упадок, а сама мысль о быстротечности жизни доводила до исступления.

Пока он чистил зубы, он пытался припомнить, когда эти приступы бешенства начали овладевать им. Однако определить это не было никакой возможности. Они начались где-то там, во мгле, сквозь которую ничего не было видно. С одного раздраженного слова, со злобного подергивания мышц. Со взгляда, полного неукротимой враждебности.

Вот оттуда, подобная разрастающейся амебе, и начиналась его извращенная, направленная не в ту сторону эволюция, в которой он сейчас достиг апогея: ожесточенный, издергавшийся человек, который находит единственное утешение в ненависти.

Он выплюнул белую пену и прополоскал рот. Когда он ставил на место стакан, тот треснул, и острый осколок впился ему в руку.

— Проклятье! — выкрикнул он.

Он крутанулся на пятках и сжал кулак. И тотчас же разжал, когда осколок еще глубже вошел в ладонь. Он стоял со слезами на глазах, тяжело дыша. Подумал о том, что Салли слышит его, в очередной раз получая звучное доказательство того, что у него шалят нервы.

Прекрати сейчас же! — приказал он себе. Ты никогда не сможешь ничего сделать, пока не укротишь эти приступы бешенства.

Он закрыл глаза. На мгновенье задумался, почему у него такое ощущение, будто бы все это начало происходить с ним только в последнее время. Как будто бы некая мстительная сила завелась у него в доме, вселила неукротимую жизнь в неодушевленные предметы. Угрожает ему. Однако мысль была безликой, мимолетной тенью в плотной толпе мыслей, марширующих перед его внутренним взором, замеченной, но не оцененной.

Он вынул из ладони осколок. Завязал темный галстук.

Потом вышел в столовую, поглядев на часы. Уже десять тридцать. Половина утра прошла. Больше половины того времени, когда он мог бы сидеть, пытаясь создать ту самую прозу, от которой все застынут и разинут рты.

Теперь подобное происходило чаще, чем ему хотелось в этом признаваться даже самому себе. Он спал допоздна, выдумывал неотложные дела, занимался чем угодно, лишь бы оттянуть ужасный момент, когда придется сесть за машинку и попытаться пожать хоть какой-то урожай с пустыни собственного ума.

С каждым разом делалось все труднее. И с каждым разом он злился все сильнее и ненавидел все больше. И не замечал до сих пор, когда стало уже слишком поздно, что в Салли нарастает отчаяние и она больше не в силах выносить его злость и его ненависть.

Она сидела за кухонным столом и пила черный кофе. Она тоже пила гораздо больше кофе, чем раньше. И, как он сам, пила его черным, без сахара. От этого нервы расшатывались и у нее. И еще теперь она курила, хотя начала курить всего год назад. Она не получала от сигарет никакого удовольствия. Она вдыхала дым глубоко в легкие, после чего быстро выдыхала. И руки у нее дрожали почти так же сильно, как у него.

Он налил себе чашку кофе и сел напротив нее. Она начала вставать из-за стола.

— В чем дело? Тебе уже невыносим даже мой вид?

Она ссла обратно и глубоко затянулась сигаретой, зажатой в руке. После чего затушила ее на блюдце.

Он ощутил тошноту. Ему хотелось выбраться из этого дома немедленно. Он казался ему чужим и странным. У него было такое чувство, будто она отказывается от всяких притязаний на дом, будто она отступает. Прикосновения ее рук и любовное отношение, каким она одаривала каждую комнату,— все это было взято обратно. Все это лишилось своей осязаемости, потому что она уходила. Она бросала дом, и он переставал быть их домом. Он очень остро ощущал это.

Сгорбившись на стуле, он отодвинул от себя чашку и уставился на желтую клеенку на столе. Ему казалось, что он и Салли застыли во времени, что секунды растягиваются, словно гигантские тянучки, пока каждая из них не превращается в вечность. Часы тикали медленнее. И дом превратился в другой дом.

— Ты каким поездом едешь? — спросил он, прекрасно зная, что есть только один утренний поезд.

— В одиннадцать сорок семь,— ответила она.

Когда она сказала это, он ощутил, как его живот намертво приклеился к позвоночнику. Он охнул, настолько сильна была физическая боль. Она подняла на него глаза.

— Обжегся,— поспешно пояснил он, и она встала и поставила свою чашку с блюдцем в раковину.

Почему я так сказал? — думал он. Почему я не мог сказать, что мне больно, потому что меня переполняет страх при мысли, что она меня покидает? Почему я все время говорю то, чего говорить не собирался? Я не такой уж плохой. Однако каждый раз, когда я заговариваю, я все выше возвожу вокруг себя стену из ненависти и горечи, из-за которой в итоге сам не могу вырваться.

Словами я соткал себе саван и скоро под ними же себя похороню.

Он смотрел ей в спину, и грустная усмешка кривила его рот. Я могу еще думать о словах, когда от меня уходит жена. Как это печально.

Салли вышла из кухни. Его сознание вернулось к своему брюзгливому монологу. Вот в какую игру мы играем. Гонка за лидером. Ты выходишь с высоко поднятой головой, с высокомерным видом, оскорбленная сторона. Предполагается, что я должен следовать за тобой, плечи поникшие, полный раскаяния, изливающий поток униженных извинений.

Снова осознав свои мысли, он напряженно застыл за столом, все его тело подрагивало от ярости. Он заставил себя расслабиться и закрыл глаза левой рукой. Он сидел так, пытаясь в тишине и темноте справиться с горем.

Оно не проходило.

И тогда сигарета сильно обожгла ему пальцы, и он выпрямился. Сигарета упала на пол, рассыпая пепел. Он наклонился и поднял ее. Бросил окурок в мусорное ведро и промахнулся. Черт с ним, подумал он. Он встал и свалил свою чашку с блюдцем в раковину. Блюдце разломилось пополам, порезав ему большой палец на правой руке. Он не стал останавливать кровь. Ему было наплевать.

Она была в комнате для гостей, заканчивала укладывать вещи.

Комната для гостей. Теперь эти слова терзали его. Когда они перестали называть ее детской? Когда это начало разъедать ее изнутри, потому что она была так полна любви и так сильно

хотела детей? Когда он начал замещать потерю не чем иным, как вулканическими извержениями злости и ежеминутными реакциями своих обнаженных нервов на любые раздражители?

Он стоял в дверном проеме и смотрел на нее. Ему хотелось избавиться от пишущей машинки, сесть и писать вереницы слов. Ему хотелось отпраздновать свою близкую свободу. Подумать обо всех деньгах, какие можно будет сэкономить. Подумать о том, как скоро он сможет уехать и написать все то, что всегда хотел написать.

Он стоял в дверном проеме, больной.

Неужели это возможно? — спрашивал он мысленно, не веря себе. Возможно, чтобы она ушла? Они же муж и жена. Они жили и любили в этом доме больше восемнадцати лет. И вот теперь она уходит. Складывает стопки одежды в свой старый черный чемодан и уходит. Он не мог с этим смириться. Он не мог этого понять, не мог соотнести с привычным ежедневным ритуалом. Как это впишется в обычную схему? Схему, по которой Салли следует быть именно здесь, убирать, готовить, стараться сделать их дом уютным и счастливым.

Он задрожал и, резко развернувшись, пошел обратно в свою спальню.

Упал на кровать и уставился на тихонько тикающие электронные часы, стоящие на тумбочке.

Уже больше одиннадцати, заметил он. Меньше чем через час мне придется читать лекцию группе идиотов первокурсников. А на письменном столе в большой комнате громоздится гора зачетных сочинений, через которые мне придется с тоской пробираться, ощущая, как живот сводит судорогой от скудости их интеллекта, от их недоразвитой речи.

И вся эта требуха, все эти километры кошмарной прозы сплетутся у него в голове в запутанный клубок. После чего этот клубок начнет разматываться прямо в его собственном сочинении до тех пор, пока он не станет спрашивать себя, в силах ли жить дальше. Я перевариваю отбросы, подумал он. Что ж удивительного в том, что я и выдаю то же самое?

Приближался новый приступ гнева, в нем уже горел огонек, постепенно раздуваемый дальнейшими размышлениями. Этим утром я ничего не написал. Как и любым другим утром после множества прочих утр за последнее время. Я делаю все меньше

и меньше. Я ничего не пишу. Или же пишу ничего не стоящую дрянь. В двадцать лет я писал лучше, чем сейчас.

Я никогда не напишу ничего выдающегося!

Он вскочил на ноги и повернул голову, высматривая что-нибудь, что можно ударить, что-нибудь, что можно сломать, ненавидеть такой ненавистью, чтобы это что-нибудь испепелилось на месте.

Казалось, будто бы комнату заволокло туманом. Он ощутил дрожь. Левая нога ударила в угол кровати.

Он задохнулся от ярости. Заплакал. Слезы ненависти, сожаления и сострадания к самому себе. Я пропал, подумал он. Пропал. Ничего нет.

Он сделался очень спокойным, непроницаемо-спокойным. Лишенным сожалений, эмоций. Надел пиджак от костюма. Надел шляпу, взял с комода свой портфель.

Остановился перед дверью комнаты, где она все еще возилась со своим чемоданом. По крайней мере, у нее сейчас есть чем заняться, подумал он, так что ей не придется смотреть на меня. Он ощутил, что сердце бухнуло, словно тяжелый барабан.

— Удачно тебе съездить к маме,— произнес он бесстрастным тоном.

Она подняла голову и увидела застывшее на его лице выражение. Она отвернулась и закрыла глаза рукой. Он вдруг ощутил жгучее желание кинуться к ней и умолять ее о прощении. Чтобы все снова стало как было.

Затем он опять подумал о кипах бумаги и годах жизни, которые мог бы истратить на написание романов. Отвернулся и пошел через гостиную. Маленький коврик чуть скользнул в сторону и помог ему сконцентрировать ту злость, в которой он нуждался. Он отшвырнул его в сторону, и, ударившись о стену, коврик рухнул бесформенной кучей.

Он с грохотом закрыл за собой дверь.

Его сознание затараторило. Вот теперь она, как в мыльной опере, бросится на кровать и начнет рыдать в горестном раскаянии. Вот она впивается ногтями в подушку и со стоном произносит мое имя и шепчет, что пропала.

Его ботинки быстро поскрипывали по тротуару. Господи, помоги мне, думал он. Господи, помоги всем нам, несчастным неудачникам, которые могут писать, только если будут испы-

тывать свое сердце на износ, потому что на творчество у них нет времени.

Стоял прекрасный день. Его глаза это видели, но разум не воспринимал. Деревья, покрытые густой листвой, воздух теплый и свежий. Дыханием весны веяло на улицах. Он ощущал, как оно обдает его, пока шел вдоль квартала и переходил Мейн-стрит, чтобы попасть на автобусную остановку.

Здесь, на углу, он встал и обернулся на свой дом.

Она там, машинально рассуждал разум. Внутри, в доме, где мы прожили больше восемнадцати лет. Она собирается, или плачет, или делает что-то еще. И скоро она позвонит в компанию «Кампус кеб». Оттуда за ней приедет такси. Водитель погудит в клаксон, Салли наденет свое светлое весеннее пальто и вынесет на порог чемодан. В последний раз запрет за собой дверь.

— Нет...

Он не смог удержать это слово в себе. Он все еще смотрел на дом. Голова раскалывалась. Он увидел, что все вокруг идет волнами. Я болен, подумал он.

— Я болен!

Он прокричал это. Рядом не было никого, кто мог бы услышать. Он стоял, пристально глядя на дом. Она уезжает навсегда, сообщило его сознание.

Ну и хорошо! Я буду писать, писать, писать. Он позволил этим словам просочиться в голову и затмить все остальные.

В конце концов, у человека есть право выбора. Он посвящает жизнь либо работе, либо жене, детям и дому. Сочетать это невозможно, во всяком случае, не в наше время и не в его возрасте. Не в этом безумном мире, где Бог идет после богатства, а достоинства после достатка.

Он глядел в сторону, когда автобус в зеленую полоску перевалил через далекий холм и начал приближаться. Он сунул портфель под мышку и полез в карман пальто за жетоном. В кармане была дырка. Салли должна бы была ее зашить. Что ж, теперь она ее никогда не зашьет. Но какая, в сущности, разница?

Уж лучше я сохраню в целости свою душу, чем одежду, которую ношу.

Слова, слова, думал он, когда автобус остановился перед ним. Сейчас они протекают сквозь меня, потому что она уходит. Является ли это свидетельством того, что именно ее присутствие раньше закупоривало каналы, по которым идет мысль?

Он кинул жетон в монетоприемник и, покачиваясь, прошел через весь автобус. Миновал знакомого преподавателя, рассеянно ему кивнув. Упал на заднее сиденье и уставился в противный, покрытый резиной пол.

Это прекрасная жизнь, продолжал надрываться разум. Я так ею доволен, своей жизнью. И своими великими и благородными достижениями.

Он на секунду открыл портфель и заглянул в толстый проспект, который составил с помощью доктора Рэмси.

Первая неделя. 1. Пьеса-моралите «Каждый человек». Обсуждение. Чтение избранных отрывков из «Хрестоматии классической литературы для первого курса колледжей». 2. «Беовульф». Чтение. Семинарское обсуждение. Двадцать минут на подбор цитат без предварительной подготовки.

Он сунул стопку бумаги обратно в портфель. Меня от этого тошнит, подумал он. Ненавижу все это. Классическая литература стала моим проклятием. Я начинаю истово ненавидеть само упоминание о ней. Чосер, поэты Елизаветинской эпохи, Драйден, Поуп, Шекспир. Можно ли придумать большее оскорбление для человека, чем заставить его ненавидеть эти имена, потому что он должен делиться ими с тупоумным отребьем? Потому что он должен сокращать их произведения, делая их удобоваримыми для олухов, которым впору рыть канавы?

Он вышел из автобуса и двинулся по длинной, уводящей вниз по склону холма Девятой улице.

Он шел и чувствовал себя кораблем без парусов, брошенным на произвол многочисленных течений. Он ощущал себя отдельно от города, от страны, от мира. Если бы кто-нибудь сказал мне, что я призрак, думал он, я был бы склонен поверить ему.

Что она делает сейчас?

Он задавался этим вопросом, пока дома проплывали мимо него. О чем она думает, пока я стою тут и городок Форт проплывает передо мной, словно призрачные театральные декорации? Что сейчас у нее в руках? Какое выражение застыло на ее миловидном лице?

Она одна в доме, в нашем доме. В доме, который мог бы быть нашим. А теперь это просто шелуха, пустая коробка для мебели, сделанная из досок и металла. Ничего, кроме неодушевленной материи.

Что бы там ни говорил Джон Мортон.

Со всеми его разделениями золотых пластин, пробирками и Всевышним Микроскопом. При всей своей высокоэрудированной болтовне и таблицами логарифмов преподает он всего-навсего ведовство. Просто идиотизм. Идиотизм, из-за которого этот осел, Чарльз Форт, обременил мир своими туманными фантазиями. Идиотизм, сподвигнувший этого кретина миллионера облагодетельствовать здешние края — возвести на засушливой почве громадные каменные здания и устроить настоящий зоопарк с глядящими круглыми глазами учеными мужами, которые вечно выискивают философский камень, пока прочие клоуны взрывают мир прямо у них под ногами.

Нет, в мире нет ничего правильного, думал он, проходя под аркой и оказываясь в просторном зеленом кампусе.

Он поглядел на огромный Центр физико-биологических наук, на гранитный фасад, поблескивающий в лучах утреннего солнца.

Она сейчас вызывает такси. Он посмотрел на часы. Нет. Она уже едет в такси. Едет по молчаливым улицам. Мимо домов, через торговый квартал. Мимо зданий из красного кирпича, выплевывающих из себя селян и студентов. Через городок, являющий собой попурри из изощренного и неотесанного.

Вот сейчас такси поворачивает на Десятую улицу. Теперь тащится вверх по холму, переваливает на другую сторону. Плавно подъезжает к железнодорожной станции. Теперь...

— Крис!

Голова его резко повернулась, тело вздрогнуло от удивления. Он поглядел на широкие двери Корпуса ментальных наук. Оттуда выходил доктор Мортон.

Мы вместе ходили в школу восемнадцать лет назад, подумал он. Однако я питал к точным наукам очень небольшой интерес. Предпочитал даром растрачивать время на вековую культуру. Вот почему я младший преподаватель, а он доктор и возглавляет свое собственное отделение.

Все это вихрем пронеслось в мозгу, пока доктор Мортон подходил, улыбаясь. Он похлопал Криса по плечу.

— Привет, дружище,— сказал он.— Как дела?

— А как они обычно?

Улыбка доктора Мортона угасла.

— Что-то случилось, Крис? — спросил он.

Я не стану рассказывать тебе о Салли, подумал Крис. Уж лучше умереть. От меня ты об этом никогда не узнаешь.

— Все как обычно,— ответил он.

— Ты еще на ножах с Рэмси?

Крис пожал плечами. Мортон бросил взгляд на большие часы на фасаде Корпуса ментальных наук.

— Слушай,— начал он,— а чего мы здесь стоим? У тебя же занятия только через полчаса?

Крис ничего не ответил. Он хочет пригласить меня на чашку кофе, подумал он. Хочет осчастливить меня новой порцией своих завиральных теорий. Хочет использовать меня в качестве жилетки, чтобы поплакаться о своей ментальной карусели.

— Давай пойдем выпьем кофе,— сказал Мортон, беря Криса под руку.

Они прошли несколько шагов в молчании.

— Как Салли? — спросил затем Мортон.

— Прекрасно,— ответил он ровным тоном.

— Отлично. О, кстати. Может, я зайду к тебе завтра или послезавтра за книгой, которую забыл у вас в четверг.

— Заходи.

— Что мы там говорили о Рэмси?

— Лично я ничего.

Мортон пропустил это мимо ушей.

— Ты не думал о том, что я тебе говорил? — спросил он.

— Ты имеешь в виду свою сказочку о моем доме... Нет. Я не думал об этом больше, чем оно того заслуживает, то есть не думал вообще.

Они обогнули угол здания и двинулись в сторону Девятой улицы.

— Крис, это непростительное легкомыслие,— сказал Мортон.— Ты не имеешь права опровергать то, в чем не разбираешься.

Крису захотелось вырвать свою руку, развернуться и бросить Мортона прямо здесь. Ему до тошноты надоели слова, слова, слова. Он хотел побыть один. Он почти что мечтал прямо сейчас приставить себе к виску пистолет и покончить со всем разом. Да, я бы смог, подумал он. Если бы кто-нибудь дал мне его, я бы сделал это сию же секунду.

Они поднялись по каменным ступеням на тротуар и перешли улицу, направляясь в кафе кампуса. Мортон открыл дверь и пропустил Криса вперед. Крис прошел вглубь и проскользнул в деревянную кабинку.

Мортон принес два кофе и сел напротив него.

— Послушай меня,— начал он, размешивая сахар,— я твой лучший друг. Во всяком случае, считаю себя таковым. И будь я проклят, если стану сидеть молча и смотреть, как ты убиваешь себя.

Крис ощутил, как ухнуло сердце. Он с трудом сглотнул комок в горле. Избавился от мыслей, как будто бы Мортон мог бы их увидеть.

— Забудь об этом,— сказал он.— Мне плевать на твои доказательства. Я не верю ни одному из них.

— Как же, черт возьми, тебя убедить? — спросил Мортон.— Неужели ты готов разрушить свою жизнь?

— Слушай,— раздраженно заговорил Крис.— Я этому не верю. Вот и все. Забудь раз и навсегда, плюнь на это.

— Послушай, Крис, я могу тебе доказать...

— Ничего ты мне не можешь доказать! — отрезал Крис.

Мортон был терпелив.

— Это общепризнанный феномен,— сказал он.

Крис посмотрел на него с отвращением и помотал головой.

— Ну что за сны снятся парням в белых халатах в священных кельях их лабораторий! Вы можете заставить себя поверить во что угодно, только дай вам время. Если, конечно, вам удастся измерить это что угодно.

— Ты будешь меня слушать, Крис? Сколько раз ты сам жаловался мне на занозы, на дверцы шкафов, которые внезапно открываются, на ковры, которые ускользают из-под ног? Сколько раз?

— О, ради бога, не начинай все с начала. А не то я встану и уйду. Я не в настроении выслушивать лекции. Оставь их для тех идиотов, которые каждый семестр вносят плату, чтобы их выслушивать.

Мортон поглядел на него, качая головой.

— Как бы мне хотелось до тебя достучаться,— произнес он.

— Забудь об этом.

— Забыть об этом? — усмехнулся Мортон.— Неужели ты не понимаешь, что ты в опасности из-за своих вспышек гнева?

— Говорю тебе, Джон...

— Куда, как по-твоему, уходит этот гнев? Думаешь, он исчезает в никуда? Нет. Ничего подобного. Он уходит в твои комнаты, в твою мебель, в воздух. Он уходит в Салли. От него все делается нездоровым, включая тебя самого. Он вытесняет твою личность. Он устанавливает связь между одушевленным и неодушевленным. Психоболизм. И не смотри так возмущенно, словно ты ребенок, который не в силах вынести само слово «шпинат». Сядь на место, ради всего святого. Ты все-таки взрослый человек, вот и выслушай меня как взрослый.

Крис закурил сигарету. Он позволил словам Мортона слиться в лишенный смысла гул. Поглядел на настенные часы. Без четверти двенадцать. Через две минуты, если нет изменений в расписании, она уедет. Поезд тронется, и городок Форт окажется для нее позади.

— Я повторял тебе бесчисленное количество раз,— говорил Мортон.— Никто не знает, из чего это сделано. Атомы, электроны, чистая энергия — все это только слова. Кто знает, где конец? Мы строим догадки, теоретизируем, изыскиваем способы измерения. Но мы не знаем. И в том-то все и дело. Подумай о человеческом разуме и его по-прежнему неведомых возможностях. Это же неисследованный континент, Крис. И он может оставаться таковым очень долго. И все это время силы, о которых мы только догадываемся, будут влиять на нас, возможно, влиять на материю, пусть мы и не можем измерить их никакими счетчиками. И я утверждаю, что ты отравляешь свой дом. Я считаю, твои вспышки гнева внедряются в его структуру, в каждый предмет, до которого ты дотрагиваешься. Все они подвергаются твоему влиянию и твоей неконтролируемой ярости. И еще я думаю, что, если бы не присутствие Салли, являющееся сдерживающим фактором, тогда... ты вполне мог бы подвергнуться нападению собственного...

Крис услышал последние фразы.

— Слушай, прекрати нести эту чушь! — злобно выкрикнул он.— Ты болтаешь, как какой-то Том Свифт*.

Мортон вздохнул. Провел пальцами по краю чашки, печально покачал головой.

---

* Том Свифт — главный герой популярной в США серии фантастических книг (1910–1941) для детей и подростков, юный гений-изобретатель. *(Прим. ред.)*

— Н-да,— произнес он,— все, что мне остается, надеяться, что ничего не случится. Мне совершенно очевидно, что ты не собираешься меня слушать.

— Поздравляю, наконец-то ты пришел к выводу, с которым я абсолютно согласен,— заявил Крис. Он посмотрел на часы.— А сейчас, с твоего позволения, я отправлюсь выслушивать, как тупоумные кретины спотыкаются на словах, постичь которые у них нет ни малейшего шанса.

Они поднялись.

— Я заплачу,— сказал Мортон, но Крис уже со звоном положил монету на прилавок и вышел. Мортон вышел вслед за ним, задумчиво опуская в карман его сдачу.

На улице он похлопал Криса по плечу.

— Постарайся не обращать на все это внимания,— сказал он.— Кстати, почему бы тебе и Салли не прийти сегодня вечером ко мне? Мы бы сыграли в бридж.

— Это невозможно,— ответил Крис.

Студенты читали отрывки из «Короля Лира». Они склонялись над книгами. Он смотрел на них невидящим взглядом.

Я должен сдерживать себя, думал он. Я должен забыть ее, вот и все. Она ушла. Я не собираюсь сокрушаться по этому поводу. Я не собираюсь надеяться, наперекор здравому смыслу, что она может вернуться. Я и не хочу, чтобы она возвращалась. Я прекрасно обойдусь без нее. Свободный и ничем не связанный.

Поток мыслей иссяк. Он почувствовал себя пустым и беспомощным. Он почувствовал себя так, будто за всю оставшуюся ему жизнь он не сможет написать ни единого слова. Может быть, думал он, неприятно пораженный этой мыслью, может быть, это всего лишь расстройство, вызванное ее уходом, лишает мой разум способности подбирать слова. Ведь в конечном счете те слова, которыми я думаю, идеи, которые развиваю, пусть и поспешно, полностью связаны с ней, с ее уходом и собственной моей бесполезностью из-за него.

Он оборвал себя. «Нет!» — выкрикнул он в молчаливой борьбе. Я не позволю, чтобы так было. Я силен. Это чувство всего лишь временное, очень скоро я научусь обходиться без нее. И вот тогда я начну работать. Так работать, как до сих пор только мог мечтать. В конце концов, разве я не жил все эти восем-

надцать лет? Разве эти годы не переполнили меня сверх всякой меры образами и звуками, идеями, впечатлениями, озарениями?

Он задрожал от волнения.

Кто-то помахал рукой у него перед лицом. Он сфокусировался и холодно взглянул на девушку.

— В чем дело? — спросил он.

— Вы не скажете, когда вы будете раздавать наши зачетные работы, профессор Нил? — спросила она.

Он уставился на нее, правая щека задергалась. Он был готов выкрикнуть ей в лицо все имеющиеся в его распоряжении ругательства.

— Вы получите свои работы тогда, когда я их проверю,— ответил он натянуто.

— Да, но...

— Вы меня слышали,— сказал он.

Тон его повысился к концу фразы. Девушка села на место. Опуская голову, он заметил, как она взглянула на парня, сидевшего рядом с ней, и пожала плечами, на лице ее отражалось презрение.

— Мисс...

Он полистал свой кондуит и отыскал ее фамилию.

— Мисс Форбс!

Она подняла глаза, с ее лица сбежала вся краска, только алые губы резко выделялись на фоне белой кожи. Раскрашенная кукла. Слова раздирали его изнутри.

— Покиньте сейчас же аудиторию,— резко приказал он.

Смятение отразилось на ее лице.

— Почему? — спросила она тонким жалобным голосом.

— Должно быть, вы меня не услышали,— проговорил он, ощущая, как разрастается гнев.— Я сказал, выйдите из аудитории!

— Но...

— Вы меня слышали! — прокричал он.

Она поспешно собрала свои книги, руки ее дрожали, лицо горело от смущения. Она неотрывно смотрела в пол, горло ее конвульсивно подергивалось, когда она шла по проходу и выходила из аудитории.

Дверь за ней закрылась. Он упал на место. Его ужасно тошнило. Теперь, думал он, все они восстанут против меня, защищая эту тупоумную девчонку. Доктор Рэмси получит новую порцию масла в свой огонек.

И все они были правы.

Он не мог отделаться от этой мысли. Они были правы. Он знал это. В той далекой части своего разума, которая оставалась свободной от бездумной страсти, он знал, что сам он распоследний кретин. У меня нет права учить других. Я даже самого себя не могу научить, как быть человеком. Он хотел кричать эти слова вслух и каяться, заливаясь слезами, а потом выброситься в одно из открытых окон.

— Прекратите шептаться! — потребовал он яростно.

В аудитории стояла тишина. Он сидел, напряженный, дожидаясь каких-либо проявлений воинственности. Я ваш учитель, говорил он себе, мне надо повиноваться, я...

Мысль умерла. Он снова отключился. Что там студент или эта девчонка спрашивали о зачетных работах? Что это вообще такое?

Он поглядел на часы. Через несколько минут поезд прибудет в Централию. Она пересядет на экспресс дальнего следования до Индианаполиса. Доедет до Детройта, до своей матери. И все.

Все. Он попытался представить себе это слово, облечь его в наглядный образ. Однако мысль о доме без нее не укладывалась у него в голове. Потому что без нее это был не дом, это было нечто иное.

Он начал размышлять о том, что сказал ему Джон.

Возможно ли такое? Он был сейчас в состоянии принять невероятное. Ведь это невероятно, что она ушла от него. Почему бы не расширить список невероятного, происходящего с ним?

Ладно, что ж, подумал он сердито. Дом живой. Я вселил в него жизнь своими неистовыми излияниями гнева. Надеюсь, ради всего святого, что, когда я вернусь туда и войду, крыша обрушится. Надеюсь, что стены сложатся и от меня останется мокрое место под сокрушительным весом штукатурки, дерева и кирпичей. Вот чего я хочу. Некоего посредника, который покончит со мной. Сам я этого не смогу. Если бы только пистолет мог совершить мое самоубийство без моего участия. Или же газ заполз в меня своими смертоносными испарениями по моей просьбе, или же лезвие разрезало мою плоть по моему приказу.

Дверь открылась. Он поднял голову. В дверном проеме стоял доктор Рэмси, лицо его представляло маску негодования. У него за спиной, в коридоре, Крис увидел девчонку, ее лицо было в потеках от слез.

— Попрошу вас на минутку, Нил,— резко произнес Рэмси и вышел обратно в коридор.

Крис сидел за столом, глядя на дверь. Он вдруг ощутил себя ужасно усталым, изможденным. Ему казалось, что подняться с места и выйти в коридор — это выше его сил. Он обвел взглядом аудиторию. Некоторые из них старались скрыть улыбки.

— К завтрашнему занятию закончите чтение «Короля Лира»,— сказал он.

Некоторые из них застонали.

Рэмси снова появился в дверном проеме, щеки его порозовели.

— Вы идете, Нил? — спросил он громко.

Крис ощутил, как все мышцы окаменели от гнева, пока он шел к двери и выходил в коридор. Девушка опустила глаза в пол. Она стояла рядом с внушительной фигурой доктора Рэмси.

— Что я слышу, Нил?

Ну да, подумал Крис. Ты даже не называешь меня профессором. Я им никогда и не стану, верно? Ты об этом позаботишься, скотина.

— Я ничего не понимаю,— произнес он так холодно, как только сумел.

— Мисс Форбс приходит ко мне и говорит, что вы выгнали ее из аудитории без всякой на то причины.

— В таком случае мисс Форбс совершенно бездарно лжет,— сказал он.

Только бы вытерпеть, думал он. Не позволить потоку выплеснуться. Он задрожал от усилий, какие требовались, чтобы его сдержать.

Девушка ахнула и снова вытащила носовой платок. Рэмси повернулся и похлопал ее по плечу.

— Ступай в мой кабинет, детка. Дождись меня там.

Она медленно развернулась. «Политикан!» — вопил разум Нила. Тебе легко завоевать их расположение. Тебе не приходится иметь дело с их пустыми мозгами.

Мисс Форбс завернула за угол, и Рэмси снова посмотрел на него.

— Ваши объяснения должны быть очень убедительными,— произнес он.— Меня уже начинает утомлять ваше поведение, Нил.

Крис ничего не отвечал. Почему я стою здесь? — вдруг спросил он себя. Почему из всех возможных в мире мест я торчу в

этом полутемном коридоре и по своей воле выслушиваю, как этот напыщенный боров отчитывает меня?

— Я жду, Нил.

Крис напрягся.

— Я сказал, что она лжет,— сказал он спокойно.

— Но я считаю, что это не так,— произнес доктор Рэмси, голос его подрагивал.

Судорога пробежала по телу Криса. Он наклонил голову вперед и заговорил медленно, сквозь сжатые зубы.

— Можете считать так, как вам будет угодно.

Рот Рэмси дернулся.

— Полагаю, настало время предстать вам перед членами совета,— пробормотал он.

— Отлично! — громко произнес Крис.

Рэмси сделал шаг, чтобы прикрыть дверь аудитории. Крис пнул дверь ногой, и она с грохотом ударилась о стену. Какая-то девушка вскрикнула.

— В чем дело? — заорал Крис.— Неужели вы не хотите, чтобы студенты услышали, кем я вас считаю? Неужели вы не желаете, чтобы они заподозрили, что вы болван, скотина, осел?!

Рэмси прижал к груди дрожащие руки. Губы его неистово дергались.

— Хватит, Нил! — выкрикнул он.

Крис выбросил вперед руку и отпихнул грузного Рэмси в сторону, оскалившись:

— Убирайся с дороги!

Он зашагал прочь. Коридор пронесся мимо него. Он услышал, как зазвонил звонок. Звук был такой, словно исходил из иного измерения. Здание задрожало от пробудившейся жизни, студенты высыпали из аудиторий.

— Нил! — крикнул ему вслед доктор Рэмси.

Он шел дальше. О господи, выпустите меня отсюда. Я задыхаюсь, думал он. Моя шляпа, портфель. Плевать на них. Лишь бы уйти отсюда. Ощущая головокружение, он спустился по лестнице, окруженный толкающимися студентами. Они клубились вокруг него, словно попутный поток реки. Его разум был далеко от них.

Тупо глядя перед собой, он прошел по коридору первого этажа. Повернул и вышел в двери, спустился по ступенькам с крыльца на дорожку кампуса. Он не обращал внимания на сту-

дентов, которые таращились на его всклокоченную белобрысую шевелюру, помятую одежду. Он шел дальше. Я сделал это, думал он воинственно. Я прорвался. Я свободен!

Я болен.

Всю дорогу до Мейн-стрит и затем в автобусе он занимался тем, что освежал свои запасы гнева. Он снова и снова припоминал подробности тех нескольких минут в коридоре. Вызывал в памяти тупую физиономию Рэмси, повторял его слова. Он поддерживал в себе напряжение и злость. Я рад, говорил он себе с жаром. Вот все и разрешилось. Салли ушла от меня. Славно. С работой покончено. Славно. Теперь я волен делать то, что хочу. Напряженная и злобная веселость пульсировала в нем. Он ощущал себя одиноким, чужаком в этом мире, и его это радовало.

На своей остановке он вышел и решительно зашагал к дому, делая вид, что не замечает той боли, какую чувствовал, приближаясь к нему. Это всего-навсего пустой дом, думал он. Ничего больше. Несмотря на все сумасшедшие теории, это всего лишь дом.

Потом, войдя, он обнаружил, что она сидит на тахте.

Он едва не пошатнулся, как будто кто-то толкнул его. Он молча стоял, пристально глядя на нее. Она сидела, крепко стиснув руки. Смотрела на него.

Он сглотнул комок.

— Ну что же,— сумел выговорить он.

— Я...— Ее горло сжалось.— Вот...

— Что «вот»? — спросил он быстро и громко, чтобы скрыть дрожь в голосе.

Она поднялась.

— Крис, прошу тебя... Неужели ты... не попросишь, чтобы я осталась? — Она смотрела на него умоляющим взглядом маленькой девочки.

Этот взгляд привел его в неистовство. Все его сегодняшние мечты разбиты, он увидел все свои новые идеи растоптанными в прах.

— Просить тебя остаться! — выкрикнул он ей в лицо.— Господи, я ни о чем не собираюсь тебя просить!

— Крис! Не надо!

«Она поддается!» — кричал его разум. Она ломается. Дожми ее. Выброси ее отсюда. Вышвырни ее из этих стен!

— Крис,— рыдала она,— не будь таким злым. Прошу, не будь таким злым.

— Злым!

Он едва не задохнулся от этого слова. Он ощущал, как дикий жар охватывает все тело.

— А ты не была злой? Довела меня до безумия, ввергла в отчаяние. Я не могу выбраться из него. Это ты понимаешь? Никогда не смогу. Никогда! Я никогда не буду писать. Я не могу писать! Ты опустошила меня! Ты убила во мне дар! Это ты понимаешь? Ты убила его!

Она попятилась назад, в сторону столовой. Он последовал за ней, руки у него тряслись, он ощущал, что это она довела его до подобного признания, и за это он ненавидел ее еще сильнее.

— Крис,— шептала она в испуге.

Казалось, его ярость разрастается, как делящаяся клетка, заполняя его бешенством, пока уже не осталось ни костей, ни крови, одна только обвиняющая ненависть, обретшая плоть.

— Ты для меня никто! — прокричал он.— Ты права, никто! Убирайся отсюда!

Глаза ее широко распахнулись, рот превратился в развер-стую рану. Внезапно она пробежала мимо него, в глазах сверкали слезы. Она выскочила за дверь.

Он подошел к окну и смотрел, как она бежит вдоль домов, а ее темно-каштановые волосы развеваются у нее за спиной.

Вдруг закружилась голова, он осел на тахту и закрыл глаза. Впился ногтями в ладони. О господи, как я болен, снова затянул его разум.

Он дернулся и стал тупо озираться по сторонам. Что это было? Это чувство, как будто он погружается в тахту, погружается в доски пола, растворяется в воздухе, сливается с молекулами дома. Он тихонько захныкал, оглядываясь по сторонам. Голова болела, он прижал ко лбу ладонь.

— Что? — бормотал он.— Что такое?

Он встал. Как будто бы это был дым, и он пытался унюхать его. Как будто бы это был звук, и он пытался расслышать его. Он обернулся, чтобы рассмотреть это. Как будто бы это было нечто, обладающее шириной, длиной и глубиной, нечто зловещее.

Он содрогнулся, снова упал на тахту. Огляделся вокруг. Ничего не было, все неподвижно. Это могло быть только у него в голове. Мебель стояла точно так же, как прежде. Солнечный свет лился через окна, разделяя воздух словно газовыми занавесками, оставляя золотистые узоры на наборном деревянном полу. Стены по-прежнему были кремовыми, потолок такой же, как раньше. Однако что-то все темнело, темнело...

Что?

Он вскочил на ноги и заходил по комнате, ощущая, как кружится голова. Он забыл о Салли. Он оказался в столовой. Дотронулся до стола, посмотрел на темную дубовую столешницу. Прошел в кухню. Постоял у раковины, посмотрел в окно.

В самом конце квартала он увидел ее, идущую неверной походкой. Должно быть, она все это время ждала автобус. И вот теперь не может больше ждать и уходит от дома пешком, уходит от него.

— Я пойду за тобой,— пробормотал он.

«Нет,— подумал он.— Нет, я не пойду за ней, словно...»

Он забыл, словно кто. Он смотрел в раковину. Ему казалось, что он пьян. Все предметы расплывались по краям.

Она вымыла чашки. Разбитого блюдца не было. Он посмотрел на порез на своем большом пальце. Ранка подсохла. Он о ней уже позабыл.

Он вдруг быстро обернулся, как будто бы кто-то подкрался к нему сзади. Посмотрел на стену. Что-то разрастается. Он чувствует это. Это не я. Но кто же еще, должно быть, это просто воображение.

Воображение!

Он грохнул кулаком по раковине. Я буду писать. Писать, писать. Сяду и выложу все словами: это ощущение тоски, ужаса и одиночества. Спишу все это с себя.

— Да! — закричал он.

Выбежал из кухни. Он отказывался мириться с инстинктивным страхом внутри себя. Он не обращал внимания на зловещее предчувствие, от которого, кажется, сгущался сам воздух.

Ковер дернулся под ним. Он пинком отшвырнул его в сторону. Сел. Воздух наполнился гулом. Он сдернул крышку с пишущей машинки. Нервно поерзал, глядя на клавиши. Миг перед атакой. Нечто витало в воздухе. «Но это же моя атака,— подумал он с торжеством,— мое наступление на глупость и страх».

Он заправил в машинку лист бумаги. Попытался привести в порядок трепещущие мысли. Писать, звенело у него в мозгу. Писать сию же секунду.

— Сейчас! — завопил он.

Он ощутил, как стол накренился, приваливаясь к его голени.

Разрастающаяся боль ножом вспорола его чувства. Он рефлекторно пнул стол ногой. Стало еще больнее. Он пнул еще раз. Стол кинулся на него в ответ. Крик вырвался из его горла.

Он видел, как двинулся стол!

Он попытался отодвинуться назад, гнев рвался из него. Клавиши пишущей машинки задвигались под пальцами. Он перевел взгляд вниз. Ему было не понять, он ли это приводит клавиши в движение или они прыгают сами собой. Он истерически дернулся, пытаясь убрать руки, но не смог. Клавиши двигались с такой скоростью, что глаз не успевал за ними следить. Они так и мелькали. Он чувствовал, как они сдирают кожу с его пальцев. Пальцы сделались мокрыми. Засочилась кровь.

Он закричал и отпрянул. Ему удалось отдернуть руки и откинуться назад вместе с креслом.

Пряжка ремня зацепилась, выдвинув за собой ящик. Тот врезался ему в живот. Он снова закричал. Боль черным облаком застилала разум.

Он выбросил вперед руку, чтобы задвинуть ящик. Увидел лежавшие в нем желтые карандаши. Они светились матовым блеском. Рука соскользнула и угодила в ящик.

Один из карандашей впился в нее.

Он всегда их остро затачивал. Ощущение было похоже на укус змеи. Он с болезненным воем отдернул руку. Карандаш застрял грифелем под ногтем. Глубоко вошел в нежную плоть. Он закричал от гнева и боли. Выдернул карандаш другой рукой. Кончик карандаша выскочил из-под ногтя, но тут же вонзился ему в ладонь. Он никак не мог отделаться от карандаша, тот продолжал водить по его ладони. Он вцепился в него и потянул, от карандаша на руке остались кривые черные линии. Кожа была распорота.

Он зашвырнул карандаш на другую сторону комнаты. Тот ударился в стену. Показалось, что он подпрыгнул, когда упал на резинку на конце. Прокатился немного и замер.

Крис потерял равновесие. Спинка кресла под ним прогнулась, и он с грохотом упал. Голова больно стукнулась о доски пола. Его рука взметнулась, хватаясь за подоконник. Крошечные занозы впились в его кожу невидимыми иглами. Он взвыл от смертельного страха. Взбрыкнул ногами. Зачетные сочинения дождем посыпались на него, похожие на обезумевшую птичью стаю, бьющую крыльями.

Пружины вернули спинку на место, отчего кресло покатилось. Тяжелые ролики проехались по его ободранным, окровавленным пальцам. Он с пронзительным криком отдернул руки. Вытянул ногу и в бешенстве лягнул кресло. Оно завалилось набок возле камина. Ролики вертелись и жужжали, словно рой разозленных насекомых.

Он вскочил с пола. Потерял равновесие и снова упал, ударившись о подоконник. Занавеска набросилась на него, как питон. Гардины затрещали. Они рухнули вниз и ударили его по голове. Он почувствовал, как теплая кровь заструилась по лбу. Он метался на полу. Шторы душили его, словно клубок удавов. Он снова закричал. Принялся неистово разрывать их. В его глазах застыл ужас.

Он отшвырнул от себя шторы и резко вскочил, махая руками, чтобы сохранить равновесие. Он ощутил резкую боль в руках. Взглянул на них. Руки походили на куски сырого мяса из продуктовой лавки, кожа свисала с них лохмотьями. Надо перевязать. Он развернулся в сторону ванной.

При первом же шаге ковер дернулся под ним, тот ковер, который он недавно сгреб в сторону. Он ощутил, как летит по воздуху. Интуитивно выставил перед собой руки, чтобы смягчить падение. От чудовищной боли все его тело дернулось. Один палец хрустнул. Щепки впились в его ободранные ладони, лодыжку обожгла жестокая боль.

Он попытался подняться, но пол под ним был скользкий как лед. Он молча барахтался. Сердце колотилось в груди. Он снова попытался встать. Упал, шипя от боли.

Над ним навис книжный шкаф. Он издал вопль и вскинул вверх руку. Шкаф с грохотом рухнул на него. Верхняя полка вылетела, ударив по голове. Черные волны прокатились по сознанию, боль острым клинком вошла в мозг. На него посыпались книги. Он со стоном перекатился на бок. Попытался выползти из-под них. Он слабым жестом отмел книги в сторону, и они

раскрылись. Он почувствовал, как края страниц взрезают пальцы острыми бритвами.

От боли в голове прояснилось. Он сел и отодвинул книги в сторону. Пинком придвинул шкаф к стене. Задняя перегородка отвалилась и с грохотом упала вниз.

Он поднялся, комната закружилась перед глазами. Он заковылял к стене, попытался схватиться за нее. Стена будто бы зашевелилась под пальцами. Он не смог удержаться. Соскользнул на колени, снова рывком поднялся.

— Перевязать руки,— сипло пробормотал он.

Слова заполнили разум. Он проковылял через кривящуюся столовую в ванную комнату.

Остановился. Нет! Прочь из дома! Он знал, что не по своей воле пришел в ванную.

Он попытался развернуться, но поскользнулся на плитках и ударился локтем о край ванны. Пронзительная боль прошла через всю руку. Рука сейчас же онемела. Он растянулся на полу, подвывая от боли. Стены клубились, они вились вокруг него, словно белый саван.

Он сел, каждый вдох царапал ему горло. Он рывком поднялся, застонал. Рука дернулась вперед, он потянул на себя дверцу шкафчика. Дверца резко распахнулась, ударив его по щеке, стесав неровную полосу тонкой кожи.

Голова дернулась назад. Трещина в потолке показалась похожей на широкую идиотскую ухмылку на пустом белом лице. Он опустил голову, поскуливая от ужаса. Попытался отодвинуться от шкафчика.

Рука метнулась вперед. «За йодом, за бинтом!» — выкрикнуло сознание.

Рука вернулась с бритвой.

Она трепетала у него в пальцах, словно только что пойманная рыбка. Другая рука потянулась вперед. «За йодом, за бинтом!» — истерически взвизгнуло сознание.

Рука вернулась с зубной нитью. Нить выматывалась из коробочки подобно нескончаемому белому червю. Обвилась вокруг его шеи и плеч. Нить душила его.

Длинное сверкающее лезвие выпрыгнуло из рукоятки.

Он не смог остановить свою руку. Она глубоко полоснула его бритвой по груди. Распорола на нем рубаху. Оставила длинный порез. Брызнула кровь.

Он пытался отбросить бритву. Та приклеилась к его руке. Она кромсала его: руки, ладони, ноги, тело.

И горло.

Вопль неистового ужаса сорвался с его губ. Он выскочил из ванной, бешено заковылял в сторону гостиной.

— Салли! — кричал он.— Салли, Салли, Салли...

Лезвие бритвы вонзилось в горло. Комната почернела. Боль. Жизнь, ускользающая во мрак. Молчание, опустившееся на весь мир.

На следующий день к нему зашел Мортон. Он вызвал полицию. Чуть позже судебный следователь написал в своем рапорте: «Смерть в результате множественных телесных повреждений, нанесенных жертвой самой себе».

Дом неземных достоинств

— От этого дворника у меня мурашки по спине,— сказала Рут, вернувшись днем домой.

Я оторвал взгляд от пишущей машинки, когда она положила пакеты на стол и посмотрела на меня. Я уничтожал второй черновик рассказа.

— От него у тебя мурашки,— повторил я.

— Да, именно,— сказала она.— От того, как он подкрадывается. Он просто какой-то Питер Лорре*.

— Питер Лорре,— повторил я.

Я все еще обдумывал сюжет.

— Милый,— умоляющим тоном продолжала она.— Я серьезно. Он мерзкий тип.

Я, моргая, вынырнул из сгустка творческого тумана.

— Детка, но что же бедняга может поделать со своим лицом? — спросил я.— Наследственность. Будь к нему снисходительней.

Она плюхнулась в кресло у стола и принялась выкладывать на стол всякую бакалею, ставя банки друг на друга.

— Послушай,— произнесла она.

Я нутром чую, когда она вот-вот заведется. Этот ее убийственно серьезный тон, которого она даже не сознает. И который, однако, появляется каждый раз, когда она готова поделиться со мной каким-нибудь из своих «откровений».

— Послушай,— повторила она. Драматический повтор.

© Перевод Е. Королевой.

* Питер Лорре (наст. имя — Ладислав Левенштайн; 1904—1964) — киноактер, известный исполнением ролей зловещих персонажей — маньяков, садистов, сумасшедших ученых и т. п. *(Прим. ред.)*

— Да, дорогая,— отозвался я.

Я уперся локтем в крышку печатной машинки и терпеливо смотрел на нее.

— У тебя такое лицо...— сказала она.— Вечно ты смотришь на меня как на какую-нибудь умственно отсталую или кого-то в том же роде.

Я улыбнулся. С трудом.

— Ты еще пожалеешь,— сказала она.— Однажды ночью этот тип прокрадется к нам с топором и отрубит нам головы.

— Он просто несчастный человек, который зарабатывает на жизнь как умеет,— сказал я.— Моет полы, поддерживает огонь под котлами...

— У нас отопление на мазуте,— сказала она.

— Но если бы у нас был котел, этот человек следил бы за ним,— сказал я.— Давай проявим сострадание. Он трудится, так же как и мы. Я сочиняю рассказы. Он моет полы. Кто знает, какой труд более ценен?

Она смотрела понуро.

— Ладно,— произнесла она, показывая жестом, что сдается.— Ладно, если ты не желаешь смотреть фактам в лицо.

— Каким фактам? — напирал я.

Я решил, что лучше позволить ей выговориться, пока ее идеи не прожгли ей в мозгу дыру.

Она сощурила глаза.

— Послушай меня,— сказала она.— Этот человек находится здесь не случайно. Он вовсе не дворник. Я не удивилась бы, если...

— Если бы этот многоквартирный дом оказался просто прикрытием для тайного игорного притона. Прибежища врагов общества. Подпольного абортария. Логова фальшивомонетчиков. Явки киллеров.

Она была уже в кухне, с грохотом рассовывала жестянки и коробки по шкафам.

— Ладно,— сказала она.— Ладно.— Этаким терпеливым тоном, означающим, «если тебя убьют, то мне можешь не жаловаться».— Не говори потом, что я не предупреждала тебя. Раз уж я вышла замуж за непробиваемую стену, ничего не поделаешь.

Я подошел к ней и обхватил руками за талию. Поцеловал ее в шею.

— Прекрати,— сказала она.— Ты не собьешь меня с толку. Этот дворник, он...

Она развернулась.

— Ты, видимо, серьезно? — произнес я.

Лицо ее потемнело.

— Да, дорогой, именно,— сказала она.— Этот человек очень странно на меня смотрит.

— Как?

— Ну...— Она задумалась, подыскивая слово.— С... с... предвкушением.

Я хмыкнул.

— Не могу его за это винить.

— Да будь же серьезнее.

— Помнишь тот раз, когда ты решила, будто молочник — убийца с ножом, посланный мафией? — спросил я.

— Мне плевать.

— Ты читаешь слишком много всякой ерунды,— сказал я.

— Ты еще пожалеешь.

Я снова поцеловал ее в шею.

— Давай поедим,— предложил я.

Она застонала.

— И почему я вообще что-то тебе рассказываю?

— Потому что ты меня любишь,— объяснил я.

Она закрыла глаза.

— Сдаюсь,— произнесла она спокойно, с долготерпением святого, поджаривающегося на огне.

Я поцеловал ее.

— Ну хватит, детка, у нас и без того хватает хлопот.

Она передернула плечами.

— Да, ну хорошо.

— Вот и славно,— сказал я.— В котором часу зайдут Фил с Мардж?

— В шесть,— сказала она.— Я купила свинину.

— Пожаришь?

— Ммм.

— Я буду только «за».

— Ты и так уже «за».

— В таком случае возвращаюсь к своей машинке.

Пока я выжимал из себя очередную страницу, я слышал, как она разговаривает сама с собой на кухне. Всего я не разо-

брал. Однако сквозь бормотание время от времени всплывало мрачное пророчество: «Перережет прямо в постели или еще что-нибудь».

— Нет, все это очень подозрительно,— заявила Рут, когда все мы тем же вечером сидели за столом.

Я улыбнулся Филу, и он улыбнулся мне в ответ.

— И я того же мнения,— согласилась Мардж.— Кто вообще когда слышал, чтобы пятикомнатная квартира с мебелью сдавалась всего за шестьдесят пять в месяц? Плита, холодильник, посудомоечная машина — просто фантастика.

— Девочки,— призвал я.— Давайте не будем уходить от сути вопроса. Надо радоваться такой удаче.

— О! — Рут тряхнула хорошенькой светловолосой головкой.— Если тебе кто-нибудь скажет: «Слушай, старик, вот тебе миллион долларов», ты ведь, скорее всего, возьмешь.

— Я наверняка возьму,— сказал я,— а потом побегу со всех ног.

— Какой же ты наивный,— сказала она.— Тебе кажется, что люди... люди...

— Достойны доверия,— подсказал я.

— Ты думаешь, будто каждый из них Санта-Клаус!

— Все-таки это действительно несколько странно,— вставил Фил.— Подумай об этом, Рик.

Я думал об этом. Пятикомнатная квартира, новенькая, обставлена прекрасной мебелью, посуда... Я поджал губы. Можно позабыть обо всем, сидя за пишущей машинкой. Может быть, они правы. Я кивнул. Я принимал их доводы. Но разумеется, не сказал об этом вслух. Чтобы испортить мою и Рут невинную игру в войну? Ни за что.

— А мне кажется, они берут слишком дорого,— заявил я.

— О... Боже! — Рут приняла это за чистую монету, как и всегда.— Дорого? А пять комнат! Мебель, посуда, постельное белье... телевизор! Чего тебе еще надо, бассейн?

— Ну, может, самый маленький? — произнес я смиренным тоном.

Она посмотрела на Фила и Мардж.

— Давайте обсудим все спокойно,— предложила она.— Давайте сделаем вид, что четвертый голос, который мы слышим, это просто ветер за окном.

— Ну вот, я ветер за окном,— сказал я.

— Послушайте,— Рут вернулась к своим предсказаниям,— а что, если это место совсем не то, чем кажется? Я имею в виду, может, им просто нужны люди для прикрытия? Это объясняло бы низкую цену. Помните, как все кинулись сюда, когда начали сдавать квартиры?

Я помнил, точно так же, как и Фил с Мардж. Единственная причина, по которой мы заполучили эту квартиру, состояла в том, что мы случайно проходили мимо, когда дворник вывешивал объявление о сдаче внаем. Мы сейчас же вошли. Я помню наше изумление, наш восторг от цены. Мы решили, что настало Рождество.

Мы оказались первыми квартирантами. На следующий день дом превратился в осажденный форт Аламо*. Снять здесь квартиру было уже совсем не просто.

— В общем, есть в этом что-то странное,— завершила Рут.— Кстати, вы обратили внимание на нашего дворника?

— От него мурашки по спине,— осторожно вставил я.

— Это точно,— засмеялась Мардж.— Господи, он просто сошел с экрана. Такие глаза. Он просто вылитый Питер Лорре.

— Вот видишь! — торжествующе воскликнула Рут.

— Детишки,— произнес я, взмахнув рукой в знак вынужденного примирения,— если что-нибудь нехорошее и происходит у нас за спиной, пусть себе происходит. Нас никто не заставляет принимать в нем участие или страдать из-за него. Мы живем в отличном месте за отличную цену. Так что же нам теперь делать — докопаться до сути и все испортить?

— А что, если это заговор против нас? — спросила Рут.

— Какой заговор, детка? — удивился я.

— Не знаю,— сказала она.— Но я чувствую что-то.

— Помнишь тот раз, когда ты чувствовала, что в ванной завелись привидения? — поинтересовался я.— Так то была мышь.

Она принялась собирать тарелки.

— Ты тоже замужем за слепцом? — спросила она Мардж.

— Все мужчины слепцы,— сказала Мардж, сопровождая мою несчастную провидицу на кухню.— С этим приходится мириться.

---

* Битва за Аламо (1836) — сражение в ходе войны между Мексикой и Техасом 1835–1836 годов. *(Прим. ред.)*

Мы с Филом закурили.

— Ну а теперь шутки в сторону,— сказал я так, чтобы девочки не услышали.— Как ты считаешь, здесь что-то не то?

Он пожал плечами.

— Не знаю, Рик,— сказал он.— Совершенно очевидно только одно: это чертовски странно — платить за такое жилье так мало.

— Угу.

Да, подумал я наконец всерьез.

Странно это все.

Следующим утром я остановился поболтать с нашим участковым. Джонсон пешком патрулирует окрестности. Он говорил мне, что в нашем районе имеются банды, сложная дорожная ситуация да и за детьми необходимо приглядывать, особенно после трех часов дня.

Он славный парень, этот Джо, весельчак. Я каждый раз останавливаюсь с ним поболтать, когда куда-нибудь выхожу.

— Моя жена подозревает, что в нашем доме происходит что-то противозаконное,— сказал я ему.

— И я подозреваю то же самое,— сказал Джонсон чертовски серьезным тоном.— Я невольно прихожу к выводу, что за этими стенами шестилеток заставляют плести корзины при свете свечей.

— Под надзором горбатой старой карги с кнутом,— добавил я.

Он печально кивнул. Потом огляделся по сторонам с заговорщическим видом.

— Но только ты никому не говори,— попросил он.— Я хочу сам раскрыть это дело.

Я похлопал его по плечу.

— Джонсон,— сказал я.— Твоя тайна умрет вместе со мной.

— Я тебе так благодарен,— сказал он.

Мы засмеялись.

— Так как поживает супруга? — спросил он.

— Подозревает,— сказал я.— Любопытствует. Расследует.

— Все как всегда,— заметил он.— А значит, все в порядке.

— Точно,— сказал я.— Наверное, пора запретить ей читать журналы со всякой научной фантастикой.

— А что она подозревает? — поинтересовался он.

— Ну... — Я усмехнулся.— Это только предположение. Она считает, что рента слишком мала. Все кругом платят на двадцать — пятьдесят долларов больше, чем мы, как она утверждает.

— Это правда? — спросил Джонсон.

— Ага,— сказал я, тыкая его кулаком в плечо.— Но только никому. Не хочу, чтобы об этом пронюхал арендодатель.

И я направился в магазин.

— Я так и знала,— сказала Рут.— Я знала!

Она впивалась в меня взглядом, отгородившись тазом с влажным бельем.

— Что ты знала, дорогая? — спросил я, опуская на стол пачку бумаги, за которой ходил на другой конец улицы.

— Это место просто прикрытие,— сказала она. Она взмахнула рукой.— Ничего не говори,— сказала она.— Просто послушай меня.

Я сел. Подождал немного.

— Да, дорогая,— сказал я.

— Я обнаружила в подвале машины,— сказала она.

— Какие именно машины, детка? Пожарные?

Она сжала губы.

— Ладно, хорошо,— произнесла она несколько раздраженно.— Я видела то, что можно пощупать.

Она действительно имела в виду то, что говорила.

— Но я тоже бывал в подвале, детка,— сказал я.— Как получилось, что я не видел там никаких машин?

Она огляделась по сторонам. Мне не понравилось, как она это сделала. Она озиралась так, словно действительно думала, что кто-то мог притаиться у окна, подслушивая нас.

— Потому что они под фундаментом,— сообщила она.

Я смотрел озадаченно.

Она вскочила на ноги.

— Проклятье! Пойдем, и я тебе покажу!

Она схватила меня за руку, и мы пошли по коридору к лифту. Она мрачно смотрела на меня, пока мы спускались, крепко зажав мою руку в своей.

— И когда ты их видела? — спросил я, стараясь не рассердить ее.

— Когда стирала бельс в нашей прачечной в подвале,— сказала она.— То есть, я имею в виду, уже в коридоре, когда несла

белье обратно. Я входила в лифт и увидела дверь. Дверь была немного приоткрыта.

— И ты вошла? — спросил я.

Она посмотрела на меня.

— Да, ты вошла,— признал я.

— Я спустилась по ступенькам, и там был свет, и...

— И ты увидела машины.

— Я увидела машины.

— Большие?

Лифт остановился, дверцы открылись. Мы вышли.

— Я тебе покажу какие,— сказала она.

Там была гладкая стена.

— Это здесь,— сказала она.

Я посмотрел на нее. Постучал по стене.

— Детка,— произнес я.

— Не смей ничего говорить! — отрезала она.— Ты что, никогда не слышал о дверях в стене?

— А в этой стене была дверь?

— Стена, скорее всего, выдвигается,— сказала она, принимаясь простукивать стену. По мне, так звук получался весьма солидный.— Проклятье! — произнесла она.— Я так и слышу, что ты хочешь сказать.

Я не стал этого говорить. Я просто стоял и смотрел на нее.

— Что-то потеряли?

Голос у дворника действительно был как у Лорре, тихий и вкрадчивый. Рут ахнула, застигнутая врасплох. Я и сам подпрыгнул.

— Моя жена считает, что...— начал я нервно.

— Я показывала ему, как правильно вешать картину,— поспешно перебила меня Рут.— Надо вот так, милый.

Она повернулась ко мне лицом.

— Гвоздь должен входить под углом, а не прямо. Ну, теперь ты понял?

Она взяла меня за руку.

Дворник улыбнулся.

— Всего хорошего,— неловко произнес я.

Я ощущал, как он глядит нам вслед, пока мы шли обратно к лифту.

Когда дверцы захлопнулись, Рут порывисто обернулась.

— Ты что, совсем? — бушевала она.— Ты что, собирался заложить ему нас?

— Дорогая. Что ты?..— Я был ошарашен.

— Да ничего,— сказала она.— Там внизу машины. Громадные механизмы. Я их видела. И он о них знает.

— Детка,— сказал я.— Почему бы не...

— Посмотри на меня,— приказала она поспешно.

Я посмотрел. Внимательно.

— Ты считаешь, что я сошла с ума? — спросила она.— Ну давай. Отвечай, не колеблясь.

Я вздохнул.

— Мне кажется, это все твое воображение,— сказал я.— Ты все время читаешь эти...

— Тьфу! — буркнула она. Она была полна возмущения.— Ты, ты просто...

— Несносный тип,— завершил я.

— Я тебе покажу эти штуки,— пообещала она.— Мы спустимся туда сегодня ночью, когда дворник будет спать. Если он вообще когда-либо спит.

Вот тут я забеспокоился.

— Милая, прекрати,— сказал я.— Ты и меня выводишь из равновесия.

— Прекрасно,— сказал она.— Прекрасно. Я-то думала, что для этого потребуется ураган.

Весь день я просидел, глядя на пишущую машинку, и ничего не лезло в голову.

Кроме беспокойства.

Я так и не понял. Говорила ли она серьезно? Ладно, думал я, я поверю в это. Она увидела в стене открытую дверь. Случайно. Это очевидно. Если под многоквартирным домом действительно стоят какие-то огромные механизмы, как она уверяет, значит, тот, кто построил дом, совершенно точно не хочет, чтобы кто-нибудь о них узнал.

Седьмая Ист-стрит. Многоквартирный дом. И под ним громадные машины.

Неужели?

— У дворника три глаза!

Она вся дрожала. Лицо у нее побелело. Она смотрела на меня, словно ребенок, который прочитал первый в своей жизни рассказ ужасов.

— Милая,— начал я.

Я заключил ее в объятия. Она была напугана до смерти. Я и сам ощутил нечто похожее на испуг. И вовсе не потому, что у дворника имеется лишний глаз.

Сначала я ничего не говорил. Что тут скажешь, когда жена прибегает к тебе и сообщает такое?

Она еще долго дрожала. Потом она заговорила, тихим голосом, испуганным голосом.

— Я знаю,— сказала она.— Ты мне не поверишь.

Я глотнул.

— Детка,— произнес я беспомощно.

— Мы пойдем вниз сегодня ночью,— сказала она.— Теперь это важно. Там происходит что-то серьезное.

— Мне кажется, нам не стоит...— начал я.

— Я все равно туда пойду,— сказала она. Теперь ее голос звучал хлестко, балансируя на грани истерики.— Я тебе говорила, что там механизмы. Черт побери, там действительно какие-то машины!

Она снова принялась плакать, ее била сильная дрожь. Я уложил ее голову себе на плечо и стал гладить по волосам.

— Ладно, детка,— приговаривал я.— Ладно.

Она пыталась рассказать что-то сквозь слезы. Но у нее не получилось. Позже, когда она успокоилась, я выслушал ее. Мне не хотелось ее расстраивать. Я решил, что самым безопасным будет дать ей выговориться.

— Я шла по коридору первого этажа,— сказала она.— Я подумала, может быть, после обеда принесут какую-нибудь почту. Ты ведь знаешь, что иногда почтальон...

Она замолчала.

— Это неважно. Важно то, что случилось, когда я проходила мимо дворника.

— Что же? — спросил я, заведомо испуганный тем, что последует дальше.

— Он улыбнулся,— сказал она.— Ты знаешь, как он улыбается. Приторно и зловеще.

Я пропустил это мимо ушей. Не стал спорить по этому поводу. Я по-прежнему считал, что дворник совершенно безобидный парень, который имел несчастье родиться с лицом прямо как от Чарльза Аддамса*.

---

* Чарльз Аддамс (1912–1988) — американский художник, создатель образов семейки Аддамс. *(Прим. ред.)*

— И что дальше? — спросил я.— Что произошло?

— Я прошла мимо него. Я чувствовала, что меня уже трясет. Потому что он смотрел на меня так, словно знал обо мне что-то такое, чего не знаю даже я сама. Мне все равно, веришь ты или нет, но именно это я и ощутила. А потом...

Она передернулась. Я взял ее за руку.

— А потом?..— переспросил я.

— Я ощутила, что он на меня смотрит.

Я тоже ощутил это, когда мы спускались с ней в подвал. Я понял, что она имеет в виду. Ты просто чувствовал, что этот парень на тебя смотрит.

— Ладно,— сказал я.— Я все понял.

— Этого ты не поймешь,— мрачно заверила она.

Она секунду посидела неподвижно, затем произнесла:

— Когда я обернулась, то увидела, как он удаляется от меня.

Мне передался ее страх.

— Я не...— начал я слабо.

— Голова у него была обращена в другую сторону, но он все равно смотрел на меня!

Я сглотнул комок в горле. Я сидел, окаменев, поглаживая ее по руке и не сознавая того.

— Как это так, милая? — услышал я собственный вопрос.

— У него глаз на затылке.

— Детка...— произнес я.

Я посмотрел на нее — да-да, вынужден признать — в испуге. Такой полет фантазии кого угодно приведет в смятение.

Она закрыла глаза. Вырвала у меня свою ладонь и сцепила руки. Поджала губы. Я увидел, как из-под ее левого века выкатилась слезинка и побежала по щеке. Она совсем побелела.

— Я видела его,— произнесла она тихо.— Господи, помоги, я видела этот глаз.

Не знаю, почему я продолжал расспрашивать ее. Из мазохизма, наверное. На самом деле мне хотелось позабыть обо всем этом, сделать вид, что ничего не было.

— Но почему же мы никогда не видели его раньше, Рут? — спросил я.— Мы же видели его затылок много раз.

— Неужели? — сказала она.— Когда это?

— Милая моя, кто-нибудь должен был видеть. Ты же не считаешь, что никто и никогда не шел вслед за ним?

— У него волосы разошлись в стороны, Рик,— сказала она,— и, прежде чем я убежала, я увидела, как волосы сошлись снова, закрыв глаз так, что его стало не видно.

Я сидел молча. «Что тут скажешь?» — думал я. Что вообще можно сказать жене, когда она приходит к тебе и сообщает такое? Ты спятила? Ты сошла с ума? Или же доброе старое: ты слишком много работаешь? Вот только она не слишком много работала.

Хотя, может быть, и работала. Своим воображением.

— Так ты пойдешь со мной сегодня ночью? — спросила она.

— Хорошо,— сказал я ровно.— Хорошо, дорогая. А теперь пойди и приляг.

— Со мной все в порядке.

— Дорогая, иди и приляг,— повторил я твердо.— Я пойду с тобой сегодня ночью. Но сейчас я хочу, чтобы ты отдохнула.

Она поднялась. Пошла в спальню, и я услышал, как скрипнули пружины кровати, когда она села, потом подтянула ноги и легла на подушку.

Чуть позже я зашел, чтобы накрыть ее одеялом. Она смотрела в потолок. Я ничего ей не сказал. Сомневаюсь, что она хотела услышать что-нибудь от меня.

— Что мне делать? — спрашивал я у Фила.

Рут спала. Я украдкой выскользнул в коридор.

— А вдруг она действительно видела? — спросил он.— Разве такого не может быть?

— Да, может,— сказал я.— Но ты знаешь, что возможно и обратное.

— Слушай, тебе надо пойти вниз и взглянуть на дворника. Надо...

— Нет,— сказал я.— Мы ничего не можем сделать.

— Так ты пойдешь с ней в подвал?

— Если она будет настаивать,— сказал я.— Если нет, то не пойду.

— Слушай,— сказал он.— Когда пойдете, зайдите за нами.

Я посмотрел на него с интересом.

— Ты хочешь сказать, что вас это тоже коснулось? — спросил я.

Он посмотрел на меня как-то странно. Я увидел, как дернулось его горло.

— Не... не смотри так и никому не рассказывай,— сказал он.

Он огляделся по сторонам, потом снова повернулся ко мне.

— Мардж говорила то же самое,— сказал он.— Она уверяла меня, что у дворника три глаза.

После ужина я вышел купить мороженого. Джонсон как раз совершал обход.

— Ты работаешь сверхурочно,— заметил я, когда он зашагал рядом со мной.

— Есть сведения, что местные банды что-то затевают,— пояснил он.

— Никогда не видел здесь никаких банд,— отозвался я рассеянно.

— Но они есть,— заверил он.

— Гм.

— Как жена?

— Прекрасно,— соврал я.

— Она по-прежнему считает, будто дом служит прикрытием для чего-то иного? — засмеялся он.

Я сглотнул.

— Нет,— сказал я.— Я ее переубедил. Но мне кажется, она с самого начала просто разыгрывала меня.

Он кивнул, и на углу мы расстались. По неизвестной причине у меня всю дорогу до дома дрожали руки. И еще я все время оглядывался через плечо.

— Пора,— сказала Рут.

Я застонал и перекатился на бок. Она ткнула меня локтем. Я проснулся словно в тумане и машинально взглянул на часы. Светящиеся цифры сказали мне, что сейчас почти четыре утра.

— Ты хочешь идти сейчас? — спросил я, слишком сонный, чтобы проявлять обходительность.

Последовала пауза, от которой я окончательно проснулся.

— Я иду,— произнесла она спокойно.

Я сел. Посмотрел на нее в полутьме, сердце начало колотиться и бухать как барабан. Во рту и в горле пересохло.

— Ладно,— сказал я.— Подожди, я только оденусь.

Она была уже одета. Я слышал, как она готовит на кухне кофе, пока натягивал одежду. Шума не было. Я хочу сказать, она не гремела там посудой, как если бы у нее тряслись руки.

И говорила она связно. Но когда я взглянул в зеркало в ванной, то увидел в нем обеспокоенного мужа. Я умылся холодной водой и причесал волосы.

— Спасибо,— произнес я, когда она протянула мне чашку с кофе. Я стоял рядом с женой и впадал в панику на ее глазах.

Она не стала пить кофе.

— Ты проснулся? — спросила она.

Я кивнул. Увидел на кухонном столе фонарик и отвертку. Допил кофе.

— Хорошо,— сказал я.— Пошли выясним, что к чему.

Я ощутил прикосновение ее руки.

— Надеюсь, ты не...— начала она. Потом отвернулась от меня.

— Что?

— Ничего,— сказала она.— Нам пора идти.

Когда мы вышли в коридор, в доме стояла мертвая тишина. Мы были на полпути к лифту, когда я вспомнил о Филе и Мардж. Сказал ей.

— Нельзя медлить,— возразила она.— Скоро уже рассветет.

— Хотя бы подожди минутку, посмотрим, встали ли они,— предложил я.

Она ничего не сказала. Просто осталась у двери лифта, пока я ходил в другой конец коридора и тихонько стучал в дверь их квартиры. Никто не открыл. Я оглядел коридор.

Она исчезла.

Сердце у меня упало. Хотя я по-прежнему был уверен, что в подвале нет ничего опасного, меня это испугало.

— Рут,— пробормотал я, направляясь к лестнице.

— Подожди секунду! — услышал я громкий голос Фила за дверью.

— Не могу! — крикнул я в ответ, спускаясь по ступеням.

Оказавшись в подвале, я увидел открытый лифт, из которого лился поток света. Пустой.

Я огляделся вокруг в поисках выключателя, но не увидел ни одного. Пошел по темному коридору так быстро, как только мог.

— Милая! — встревоженно шептал я.— Рут, где ты?

Я обнаружил ее стоящей у двери в стене. Дверь была открыта.

— И вот теперь прекрати вести себя со мной так, словно я ненормальная,— произнесла она холодно.

Я разинул рот и ощутил, как к щеке прижалась ладонь. Моя собственная. Она была права. Там была лестница. И ярко осве-

щенная до самого низу. Я услышал звуки. Металлическое позвякивание и странное жужжание.

Я взял ее за руку.

— Прости меня,— попросил я.— Прости.

Ее рука окаменела в моей.

— Ничего,— сказала она.— Сейчас это неважно. Во всем этом есть что-то странное.

Я кивнул.

— Потом,— сказал я, поняв, что кивка она в темноте не увидела.

— Пойдем вниз,— сказала она.

— Мне кажется, не стоит этого делать,— возразил я.

— Но мы же должны выяснить,— произнесла она таким тоном, как будто бы мы были ответственны за раскрытие этого дела.

— Но там внизу может кто-то быть,— сказал я.

— Мы только посмотрим,— сказала она.

Она потащила меня за собой. И наверное, я был слишком пристыжен, чтобы не пойти. Мы двинулись вниз. И тут меня осенило. Если она оказалась права насчет двери в стене и этих механизмов, должно быть, она права и насчет дворника, должно быть, у него в самом деле...

Я ощутил себя несколько выпавшим из реальности. Седьмая Ист-стрит, снова напомнил я себе. Многоквартирный дом на Седьмой Ист-стрит. Все настоящее.

Но я так и не смог убедить себя до конца.

Мы остановились внизу лестницы. И я молча смотрел. Механизмы, точно. Фантастические машины. И пока я смотрел на них, до меня начало доходить, что это за машины. Я и сам читал кое-что научное, но не фантастику.

У меня закружилась голова. Трудно быстро осознать подобное. Выйти из кирпичного дома и попасть в... в хранилище энергии. Я был сражен.

Не знаю, сколько мы там простояли. Но внезапно я понял, что нам надо выбираться отсюда, сообщить о происходящем.

— Идем,— сказал я.

Мы двинулись вверх по ступеням, и мой мозг сам работал как машина. Выдавая идеи, быстро и неистово. Все до единой безумные, все до единой приемлемые. Даже самые ненормальные.

И когда мы уже шли по коридору в цокольном этаже, мы увидели, что на нас движется дворник.

Было все еще темно, хотя в окна и начал проникать первый утренний свет. Я схватил Рут за руку, и мы метнулись за каменную опору. Мы стояли, сдерживая дыханис и прислушиваясь к звуку приближающихся шагов.

Он прошел мимо нас. Он нес с собой фонарик, но не водил лучом по сторонам. Он двигался прямо к открытой двери.

И вот тогда это случилось.

Когда он вошел в пятно света, падавшее из открытой двери, он остановился. Голова его была обращена в противоположную от нас сторону. Этот парень смотрел на лестницу.

Но в то же время он смотрел на нас.

Я вообще перестал дышать. Я просто стоял и смотрел прямо в глаз у него на затылке. И хотя этот проклятый глаз был вовсе не на лице, он улыбался. Мерзкой, самоуверенной, вгоняющей в дрожь улыбкой. Он увидел нас, его это позабавило, и он не собирался ничего предпринимать в связи с этим.

Он прошел в дверь, и она захлопнулась за ним, кусок каменной стены скользнул вниз и закрыл проем.

Мы стояли на месте, дрожа.

— Ты видел,— произнесла она наконец.

— Да.

— Он знает, что мы обнаружили механизмы,— сказала она.— Однако же не собирается ничего делать.

Мы все еще разговаривали, когда лифт поднялся.

— Может быть, на самом деле нет ничего страшного,— предположил я.— Может...

Я замолчал, вспомнив те машины. Я знал, для чего они.

— Что же нам делать? — спросила она.

Я посмотрел на нее. Она была в ужасе. Я обнял ее. Но я и сам был в ужасе.

— Нам надо убираться отсюда,— сказал я.— И побыстрее.

— Но надо собрать вещи,— возразила она.

— Мы соберем,— сказал я.— Уйдем до наступления утра. Думаю, они не смогут...

— Они?

Почему я так сказал? — задумался я. Они. Да потому что их должно быть несколько. Не приволок же дворник все эти механизмы в одиночку.

Думаю, именно третий глаз дворника вызвал к жизни мою теорию. И когда мы зашли к Филу и Мардж и они спросили у нас, что происходит, я выложил им все, что думал. Рут это не особенно поразило. Она, совершенно точно, и сама думала об этом.

— Я считаю, что наш дом — космический корабль,— сказал я.

Они уставились на меня. Фил усмехнулся, но потом перестал улыбаться, когда понял, что я не шучу.

— Что? — переспросила Мардж.

— Я понимаю, это звучит безумно,— продолжал я, сознавая, что говорю сейчас тем же тоном, каким говорила Рут.— Но там внизу ракетные двигатели. Я понятия не имею, как они туда попали, но...— Я беспомощно развел руками перед этой теорией.— Все, что я знаю: там стоят ракетные двигатели.

— Но это же не значит, что дом... это ракета? — слабо произнес Фил, перейдя на середине фразы от утверждения к вопросу.

— Значит,— сказала Рут.

И я содрогнулся. Вопрос был решен. Она в последнее время постоянно оказывалась права.

— Но...— Мардж пожала плечами.— Зачем это?

Рут обвела нас взглядом.

— Я знаю,— заявила она.

— Зачем, детка? — спросил я, боясь услышать ответ.

— Этот дворник,— сказала она.— Он не человек. Мы же это знаем. Этот третий глаз объясняет...

— Ты хочешь сказать, что у него действительно три глаза? — с недоверием уточнил Фил.

Я кивнул.

— Да, три. Я сам видел.

— О господи,— пробормотал он.

— Но он же не человек,— продолжала настаивать на своем Рут.— Гуманоид, да, но не землянин. Он действительно может выглядеть так, как мы, за исключением третьего глаза. Но может оказаться совершенно другим, настолько другим, что ему пришлось изменить внешность. И завести себе этот дополнительный глаз, чтобы следить за нами, когда мы о том не подозреваем.

Фил провел по волосам трясущейся рукой.

— Это же безумие,— сказал он.

— Я видел ракетные двигатели,— сказал я.— Они действительно существуют. От этого никуда не деться.

— Слушайте,— сказала Рут,— должно быть, они представители внеземной цивилизации.

— О чем ты говоришь? — раздраженно спросила Мардж. Было видно, что она здорово напугана.

— Детка,— слабо запротестовал я,— ты читаешь слишком много фантастических журналов.

Она поджала губы.

— Не начинай все сначала,— сказала она.— Ты считал, что я ненормальная, когда я начала подозревать, что с домом что-то не так. Ты говорил то же самое, когда я рассказала тебе об этих машинах. Ты утверждал это, когда я сказала, что у дворника три глаза. И каждый раз я оказывалась права. Так что, может, уже поверишь мне?

Я заткнулся. И Рут продолжила.

— Что, если они с другой планеты,— перефразировала она для Мардж.— Предположим, им нужны люди с Земли для каких-нибудь экспериментов. Для наблюдений,— быстро исправилась она, уж не знаю ради кого.

В идее о том, что над тобой станет ставить эксперименты трехглазый дворник-пришелец, не было ничего привлекательного.

— Разве есть лучший способ,— продолжала Рут,— наловить людей, чем выстроить космический корабль в виде многоквартирного дома, установить низкую арендную плату и подождать, пока он быстренько набьется народом?

Она смотрела на нас, не желая отступать ни на шаг.

— А затем,— сказала она,— стоит только дождаться раннего утра, когда все крепко спят, и... прощай, Земля!

У меня голова шла кругом. Это звучало безумно, но что я мог возразить? Я трижды выказывал резонный скептицизм. Сейчас я не мог себе этого позволить. Не верить ей было рискованно. Кроме того, в глубине души я ощущал, что она права.

— Но чтобы целый дом? — произнес Фил.— Как же они смогут поднять его... в воздух?

— Если они с другой планеты, они, вероятно, опередили нас в космических технологиях на целые столетия.

Фил начал что-то возражать. Осекся, затем произнес:

— Но он же не похож на ракету.

— Дом может быть только оболочкой ракеты,— сказал я.— Наверное, так и есть. Может быть, сам корабль включает в себя только спальни. Это ведь все, что им нужно. Именно там окажутся все в ранний час, если...

— Нет,— возразила Рут.— Они не смогут отбить оболочку, не привлекая лишнего внимания.

Все мы замолчали, опутанные густыми клубами смущения и неоформившихся страхов. Неоформившихся — потому что нельзя представить, как выглядит то, о чем ты даже не подозреваешь.

— Послушайте,— сказала Рут.

И я содрогнулся. Мне хотелось сказать, чтобы она заткнулась и прекратила изливать свои жуткие пророчества. Потому что они слишком походили на правду.

— Предположим, что у нас есть дом,— сказала она.— Предположим, что он находится внутри корабля.

— Но...— Мардж была совершенно сбита с толку. И из-за этого сердилась.— Снаружи дома ничего нет, это же очевидно!

— Эти существа далеко опередили нас в научном развитии,— сказала Рут.— Может, они сумели сделать оболочку невидимой.

Мы все разом ощутили смятение.

— Детка,— сказал я.

— Это же возможно? — с напором спросила Рут.

Я вздохнул.

— Возможно. Но только возможно.

Мы помолчали. Потом Рут произнесла:

— Послушайте.

— Нет,— перебил я,— послушайте меня. Может быть, мы и несколько перегнули палку. Однако в подвале действительно есть двигатели, и у дворника действительно три глаза. На основании этого я делаю вывод, что у нас есть все причины линять отсюда. Прямо сейчас.

Хотя бы в этом мы оказались единодушны.

— Но мы должны сказать всем в доме,— заявила Рут.— Мы же не можем бросить их здесь.

— На это уйдет слишком много времени,— заспорила Мардж.

— Но мы должны,— сказал я.— Ты собирай вещи, детка. А я скажу остальным.

Я кинулся к двери и нажал на ручку.

Она не поддалась.

Меня пронзил панический страх. Я снова схватился за нее и как следует подергал. На секунду я, перебарывая страх, подумал, что дверь заперта изнутри. Я проверил.

Дверь была заперта снаружи.

— В чем дело? — спросила Мардж дрожащим голосом. Было слышно, что у нее в горле рождается крик.

— Заперто,— сказал я.

Мардж ахнула. Мы переглянулись.

— Все правда,— сказала Рут, охваченная ужасом.— О господи, значит, все это правда.

Я кинулся к окну. А потом дом начал вибрировать, словно началось землетрясение. Зазвенела посуда, с грохотом падали полки. Мы услышали, как в кухне затрещал стул.

— Что происходит? — снова закричала Мардж.

Фил обнял ее, когда она начала рыдать. Рут кинулась ко мне, и мы стояли, оцепенев, и чувствовали, как пол ворочается под ногами.

— Двигатели! — внезапно выкрикнула Рут.— Они заводят их!

— Они должны прогреться! — высказал я дикую догадку.— У нас все еще есть время, чтобы выбраться!

Я выпустил из объятий Рут и схватил стул. По неизвестной причине я знал, что окна тоже автоматически заперлись.

Я швырнул стул в окно. Вибрации становились все сильнее.

— Быстрее! — закричал я, перекрывая шум.— На пожарную лестницу! Может быть, получится!

Подгоняемые паникой и угрозой, Мардж с Филом побежали по шатающемуся полу. Я почти выпихнул их через зияющую в окне дыру. Мардж порвала юбку. Рут порезала пальцы. Я вылезал последним, с куском стекла, кинжалом засевшим в ноге. Я был так сосредоточен, что даже ничего не почувствовал.

Я продолжал подталкивать их, погоняя вниз по пожарной лестнице. Каблук Мардж застрял между двумя железными прутьями ступени и обломился. Туфля соскочила. Мардж захромала, едва не упав на выкрашенные оранжевой краской ступени, лицо ее побелело и перекосилось от страха. Рут в мокасинах топала следом за Филом. Я бежал последним, бешено погоняя их перед собой.

Мы видели в окнах других людей. Мы слышали, как сверху и снизу разбиваются стекла. Видели престарелую чету, спешно выбиравшуюся из окна и ковыляющую вниз. Они задержали нас.

— Прочь с дороги, быстрее! — в ярости закричала на них Мардж.

Они испуганно оглянулись через плечо.

Рут обернулась на меня, лицо ее совершенно побелело.

— Ты идешь? — спросила она быстро, и голос ее задрожал.

— Я здесь,— выдохнул я. Мне казалось, я вот-вот рухну на ступеньки, которым словно не было конца.

Дальше до земли спускалась отвесная лесенка. Мы увидели, как престарелая леди упала с нее с душераздирающим стуком и вскрикнула от боли, когда у нее подвернулась нога. Ее муж спрыгнул следом и помог ей подняться. Здание уже вибрировало с неистовой силой. Облачка пыли вырывались из щелей между кирпичами.

Мой голос слился с хором других голосов, все выкрикивали одно и то же слово:

— Быстрей!

Я увидел, как спрыгнул вниз Фил. Он поймал в объятия рыдающую от страха Мардж. Я услышал ее едва произнесенное «Слава богу!», когда она приземлилась, и они побежали по дорожке. Фил оглянулся на нас через плечо, но Мардж потащила его прочь.

— Давай я пойду первым! — быстро выкрикнул я.

Рут шагнула в сторону, я схватился за лесенку и спрыгнул, ощутив острую боль в стопах и легкую — в лодыжках. Поднял голову, протягивая к ней руки.

Человек, бежавший позади Рут, попытался оттолкнуть ее в сторону, чтобы спрыгнуть самому.

— Отвали! — зарычал я, словно дикий зверь, внезапно разъяряясь от страха и беспокойства. Если бы у меня было ружье, я бы тут же его застрелил.

Рут пропустила его спрыгнуть первым. Он поднялся на ноги, тяжело дыша, и побежал по дорожке. Здание тряслось и подергивалось. Теперь воздух вокруг был наполнен гудением работающих двигателей.

— Рут! — крикнул я.

Она спрыгнула, и я ее поймал. Мы восстановили равновесие и заковыляли по дорожке. Я с трудом дышал. В боку кололо.

Когда мы выбежали на улицу, то увидели, как Джонсон прохаживается между рассыпавшимися вокруг людьми, пытаясь согнать их в одну кучу.

— Ничего страшного! — говорил он.— Не пугайтесь!

Мы подбежали к нему.

— Джонсон! — сказал я.— Корабль...

— Корабль? — Он посмотрел на меня с изумлением.

— Наш дом! Это космический корабль! Он...

Земля яростно содрогнулась.

Джонсон развернулся, чтобы перехватить кого-то, бегущего мимо. У меня прервалось дыхание, Рут, ахнув, закрыла лицо руками.

Джонсон по-прежнему глядел на нас. Своим третьим глазом. В котором застыла улыбка.

— Нет,— с трудом выговорила Рут.— Нет.

А потом небо, которое до сих пор становилось только светлее, потемнело. Я повернул голову. Женщины от страха кричали во весь голос. Я смотрел по сторонам.

Сплошные стены заслоняли небосклон.

— Боже мой,— выдохнула Рут.— Нам не спастись. Это же целый квартал.

А потом ракеты начали взлетать.

Одинокая Венерианка

«Одинокая Венерианка, грациознейшая, полноценная во всех отношениях, социально активная, привлекательная, исключительно веселая, ищет Землянина (мужчину) с аналогичными качествами.

С предложениями обращаться по адресу: Венера, Зеленая Вилла, Лули».

5 июля 1961 года

Дорогая Лули!

Не знаю, почему тебе пишу, но я слишком устал, чтобы думать о чем-нибудь серьезном. Тебе никогда не приходилось ночь напролет готовиться к экзаменам по астрономии? Ну так вот, именно это проделал я и в результате настолько обалдел, что не могу даже заснуть. Короче говоря, я решил написать тебе письмо. Итак, в моем распоряжении пишущая машинка, чашечка мокко-экстра и полчаса разрядки, прежде чем завалиться на боковую. Мне совершенно безразлично, живешь ли ты на Венере, на Плутоне или же в Топеке (штат Канзас), надеюсь только, что ты не собираешься всучить мне какой-нибудь товар в рассрочку.

Хотелось бы, однако, знать, живет ли в самом деле кто-нибудь на Венере, Марсе или на любом другом из этих огромных шаров, что вращаются вокруг Солнца?

Как бы там ни было, предположим, что ты ничего не знаешь о нашей старушке Земле. В таком случае — сожалею, но ты вообще ничего не знаешь. Кстати, Одинокая Венерианка,

© Перевод В. Волина.

что ты имеешь в виду, называя себя «социально активной»? Берегись, как бы здесь, у нас, тебе не пришлось предстать перед какой-нибудь комиссией по расследованию!

«Грациознейшая, полноценная во всех отношениях». Как это понимать?

Что до меня, то я далеко не грациозен. Зато исключительно веселый. Просыпаюсь среди ночи и веселю решительно всех вокруг, особенно если Билли (моему соседу по комнате) взбредет в голову притащить сюда некую бутылочку шотландского или канадского происхождения с содержимым, добытым из ячменя.

Вы не располагаете такими вещами у себя на Венере? Венера. Венера... «Прикосновение Венеры». Это название журнала, который мы тут иногда почитываем. Венерой звалась богиня любви, насколько я помню. Надеюсь, что ты не похожа на нашу профессоршу Мэри К. Фелтон по прозвищу Марсианка? Если ты выглядишь как Мэрилин Монро, я готов мчаться к тебе на первом попавшемся звездолете!

Кто я такой? Кто этот несчастный юноша, который пишет тебе в полушутливом тоне?

Имя: Тодд Бэйкер. Студент третьего курса физического факультета в Форт-колледже в Форте, штат Индиана. Да, именно так: Форт, Индиана (Земля). А кстати, где ты в точности находишься? Попробуем определить твои координаты: среднее расстояние от Солнца — 108 миллионов километров, эксцентриситет — 0,0068, наклонение к эклиптике — 3 градуса 23 минуты 38 секунд. Прости, что я, вместо того чтобы быть «исключительно веселым», увлекся цифрами. Ничего не поделаешь — поневоле станешь таким после всех этих интегралов, дифференциалов, функций от функций. Смотри, Венерианка! Может, тебе лучше остаться одинокой в своей деревушке?

Повторяю: Тодд Бэйкер. Принадлежу к мужскому полу. Вот уже три дурацких года в этом дурацком колледже готовлюсь к невероятно мрачной жизни, целиком посвященной изучению этих сверкающих точечек, которые кто-то имел нахальство разбросать там, наверху, в вечном мраке.

Но не мог же я оставаться в стороне! Знаешь, я даже плакал по ночам. Нет, я не отступлю! Я должен поставить градусник Галактике и сделать диагноз, что пациент постарел: ему осталось жить всего лишь 95 миллиардов лет.

О'кей! Не будем отвлекаться и говорить о предметах столь же печальных, сколь абстрактных. Вернемся на Землю. Диаметр: 7900 миль. Но не спрашивай, почему так. Это секрет.

Я — землянин (мужчина) с аналогичными твоим качествами. Мне 22 года; это означает, что я нахожусь в процессе физического и умственного роста, во всяком случае физического, в течение 22 × 365 дней, поскольку Земля тратит 365 дней на обращение вокруг Солнца, а один день представляет собой время обращения вышеуказанной планеты вокруг собственной оси. На Земле есть некий континент, открытый в свое время одним землянином, отправившимся в далекое путешествие. На означенном континенте существует страна, именуемая США. В ней находится штат Индиана, в Индиане — Форт. В Форте есть Форт-колледж. В Форт-колледже нахожусь Я. И в этом Я хватает кретинизма, чтобы писать письмо женскому существу, утверждающему, что живет на Венере.

Ну вот и все о себе. А теперь — почему бы и тебе не рассказать о своей планетушке? Нам отсюда, снизу, ничего не удается толком разглядеть. Не могла бы ты вдобавок прислать несколько образцов минералов, растений, одежды венерианцев? Нет? Если ты просто шутница, живущая, как и я, на нашей дряхлой старушке Земле, все равно черкни пару строк, ладно? А теперь — спать. До свидания!

Тодд Бэйкер.
1729, Джей-стрит, Форт, Индиана

7 июля 1961 года

О дорогой Тоддбэйкер!

Получила твое милое письмо. Безумно благодарна! Как хорошо! Если б у меня был еще новый словарь! Но его нет. Прости.

Получила чудесное послание. Пришло очень быстро, доставили мои опекуны. Какой ты молодец, что ответил Лули! Получила только твое письмо, больше — ни от кого. Если б и ты не ответил — как грустно! Много потрудилась, чтобы поместить объявление там, где ты его нашел. Неплохой у меня английский, а?

В твоем письме многое непонятно, в словаре не значится. Наш словарь уже устарел. «Мокко-экстра» в нем отсутствует.

«Содержимое, добытое из ячменя» тоже не значится. Нет «Топеки, Канзас». Это что, планета?

Я живу на планете, которую вы называете Венерой. Планета миленькая («миленькая» — уменьшительная, ласкательная форма, правильно?).

Земля тоже миленькая, о да. Мне очень нравится Земля. Но больше всего — самый миленький человек Тоддбэйкер. Но потом мы вернемся сюда: сразу после нашей... одну минутку, должна отыскать слово. После нашей... женитьбы? Нет! Что-то другое...

«Социально активная». Это ошибка, теперь я понимаю. Я не социальная. Я — социабельная. Общественная. Общительная. Коммуникабельная. Могу иметь детей. Десять за один раз. Будешь мной доволен. Я полноценна во всех отношениях, да, очень. Ты красивый мужчина, да? Так мне подсказывает сердце. Мы будем очень счастливы.

Рада была узнать, что у тебя есть сосед по комнате. Он, конечно, не сможет быть с нами здесь на Венере. Но если Билли хочет познакомиться с другой Одинокой Венерианкой, мы познакомим его с моей подругой. У меня масса подруг. Все полноценные во всех отношениях, вроде меня. Да.

Мэри-Марсианка? Не знала, что ваша планета имеет контакты с С-4. Раньше мы думали, что С-4 необитаема. Очень хорошо, что это не так. Надо сообщить нашим путешественникам, будут очень рады. Мэрилин Монро в моем словаре не значится.

О дорогой, ты не несчастный! Разумеется, самый распрекрасный мужчина! Будем очень счастливы вместе с тобой, оба красивы. О радость! Много детей. Сотня.

Этот Форт — я не знаю, где он. Я только показала эту точку моим опекунам для их сведения. Первая на Венере решила попробовать познакомиться с землянами. Если будет хорошо — а будет замечательно, да! — скажу другим.

У меня двести семь сестер. Грациозные. Все миленькие. Понравятся, когда увидишь.

Присланные тобой цифры все неверны. Прилагаю листок с правильными вычислениями, увидишь, что ваши ошибочны. Посылаю другие, хорошие вычисления, сделали их наши путешественники. Еще посылаю коробку с минералами и прочее.

Мне уже «Л». Это означает 8 с половиной в ваших числах. Я очень молода. Надеюсь, ты ничего не будешь иметь против

женитьбы на такой... девочке? Могу уже иметь много детей. Двести по меньшей мере гарантирую.

А пока посылает тебе это письмо твоя Лули. Скоро тебя заберу. Да, тебе будет гораздо лучше здесь, на Венере, чем на вашей замороженной Земле, где воздуха так мало и он такой холодный. Здесь всегда прекрасно, всегда тепло — все 224,7 дня в году.

До скорого (?). Дорогой Тоддбэйкер! Будем очень счастливы? Да. Целую.

Лули

«Сатэрдей ревью»,
Отдел мелких объявлений.
25 Уэст. 45-я стрит,
Нью-Йорк 19, штат Нью-Йорк

Уважаемая редакция!

Я хотел бы получить разъяснение относительно небольшого объявления так называемой Одинокой Венерианки, опубликованного в номере Вашей газеты от 3 июля с. г. Я написал этой особе, утверждающей, что она живет на Венере, будучи твердо убежден, что имею дело с шуткой. Однако два дня спустя получил ответ. Тот факт, что этот ответ был написан в более чем странной манере, разумеется, ничего не доказывает. Но вместе с письмом появился листок с математическими формулами, а также коробка с образцами минералов и растений, которые, по утверждению означенной «Венерианки», взяты с ее планеты.

Один профессор здесь, в Форт-колледже, сейчас исследует эти образцы и проверяет формулы. Он еще не сделал окончательных выводов, но я абсолютно уверен, что эти образцы внеземного происхождения и присланы с другой планеты. Повторяю, я в этом абсолютно убежден.

Хотел бы я знать, каким образом эта особа, или кто бы там она ни была, вступила в контакт с Вами и как ей удалось поместить объявление в Вашей газете? Самым удивительным мне кажется то обстоятельство, что это объявление составлено в выражениях, не соответствующих тому респектабельному тону, на котором Вы неукоснительно настаиваете при любых публикациях в «Сатэрдей ревью».

Эта Одинокая Венерианка Лули пишет, что мечтает... «выйти за меня замуж»! Она хочет явиться сюда и забрать меня к себе!..

Умоляю, ответьте как можно скорее. Это для меня крайне важно.

Искренне Ваш

Тодд Бэйкер.
Форт-колледж, Индиана.
10 июля 1961 года

11 июля 1961 года

Дорогой мистер Бэйкер!

Мы получили Ваше письмо от 10 июля с. г. Должны признаться, что ровным счетом ничего не поняли. В номере нашей газеты от 3 июля не было объявления, хотя бы отдаленно напоминающего описываемое Вами. Поэтому резонно предположить, что Вы стали жертвой мистификации. Тем не менее представителю нашей газеты в Форте поручено разобраться в этом деле.

Всегда готовы выполнить любую Вашу просьбу, с искренним почтением,

директор Дж. Линтон Фридхоффер

12 июля, 16 часов

Дорогой профессор Рид!

Я заходил в Ваш кабинет, но Вас не было на месте. Вы не обнаружили ничего нового? Я не на шутку встревожился. Если образцы, которые Вы исследуете, не розыгрыш, то мне несдобровать! Меня бросает в дрожь при одной мысли о фантастических возможностях, которыми должна обладать эта Лули, если она в самом деле... И потом, как она смогла поместить свое объявление в «Сатэрдей ревью»? Этого я никогда не пойму! Но я еще продолжаю надеяться, что все это — не больше чем шутка. Если же нет...

Прошу Вас, позвоните мне сразу же, как только закончите обработку образцов.

Ваш Тодд Бэйкер

12 июля, 19 часов

Дружище Тодди!

Звонил профессор Рид. Он просил передать, как только ты вернешься, что эти образцы — что бы они собой ни представляли — не розыгрыш. Они прибыли с какой-то другой планеты.

А может, он сам решил подшутить над тобой? Во всяком случае, профессор сказал, что ждет тебя сегодня вечером у себя дома. Мне сейчас надо уходить, думаю, что вернусь поздно. Надеюсь, она тебя не заберет, а, Тодди?

P. S. Тут есть письмо для тебя, оно пришло после полудня.

12 июля 1961 года

О дорогой Тоддбэйкер!

Представь! Какое счастье! Будешь располагать специальным кораблем! Прибуду сегодня вечером. О радость! Приготовь свои вещи, багаж. Заберу тебя к себе. Как чудесно! Приготовься скорее.

Твоя Лули

12 июля, вечер

Лули!

Нет! Ты не можешь сделать этого! Я — землянин, оставь меня здесь. Не приближайся ко мне. Я не желаю отправляться в «никуда». Предупреждаю тебя!

Прошу, оставь меня!

Т. Бэйкер

«Светящийся шар над Форт-колледжем

(Из газеты «Форт дэйли трибюн» от 13 июля 1961 года)

Более трехсот студентов и жителей Форта уверяют, что видели вчера вечером светящийся шар, паривший на высоте полусотни метров над домом студентов в Форт-колледже.

Согласно их утверждениям, шар оставался над зданием в течение по меньшей мере десяти минут, после чего удалился по направлению к предместью и быстро исчез».

Венера, 4 бриоза, 16,233

Мой дорогой дневник!

Вот я и вернулась. И все еще не могу понять, что же произошло. Но я ошиблась. Ах, как я ошиблась!

Я совершила большую глупость, поместив объявление в этой земной газете. А потом этот Тоддбэйкер имел глупость мне ответить. А я-то верила — искренне верила! — что на этот раз наконец-то нашла друга. Судя по письму, он казался заинтересованным во встрече и притом таким милым!

И вместо этого — о святое небо! — когда я его предупредила, что сейчас спущусь вниз, чтобы договориться обо всем, он ответил с ужасом, что не двинется с места, будто столкнулся с чем-то необыкновенно страшным. Это просто непостижимо! Но у меня был корабль, я уже находилась в пути. Неужели я должна была вернуться ни с чем? Я решила, что он просто очень застенчив. Видимо, такова характерная черта всех живущих там, на Земле, не очень-то мужественных существ.

Поэтому я продолжала свой путь и через несколько эксов парила над местностью, где зеленые растения окружали какие-то ветхие строения. Я оставалась там не менее полуэкса, пока с помощью противопроявителя определила местонахождение Тоддбэйкера и нашла эту самую «Джей-стрит». Я затормозила корабль как раз над его жилищем, а сама спустилась на геликоптере. На фасаде здания я увидела целый ряд прямоугольных отверстий. Пользуясь портативным проявителем, обнаружила личное отверстие Тоддбэйкера и вошла туда, но с большим трудом, так как оно было слишком узким. Я вошла и...

Ах, какое разочарование! Он держал в своих ручонках длинный кусок металла, направленный прямо на меня, но тут же его выронил и что-то пролепетал.

Потом шагнул ко мне с раскрытыми объятиями, прошептав какое-то слово, значение которого я не поняла, так как в словаре его нет. «Мамочка!» — вот что он сказал. Потом он рухнул наземь как подкошенный.

Я наклонилась, чтобы осмотреть его.

О! Какое разочарование! Такой крохотный, щуплый и бледный! Об аналогичных качествах не может быть и речи. Можно только удивляться, как эта раса ухитрилась выжить! Итак, я оставила его, бедняжку.

А ведь совсем недавно была полна самых радужных надежд! Теперь я снова одинока! Без друга. Потому что здесь у нас — так сказали мои опекуны — об этом нечего и думать ввиду острой нехватки особей мужского пола. А на других планетах, которые исследованы нами, тоже ничего подходящего нет. Вот так-то. Но может быть, хоть один где-нибудь найдется?

20 июля 1961 года

Дорогая миссис Бэйкер!

Было бы хорошо, если б Вы приехали и забрали Тодда хоть ненадолго домой. Он не ходит на лекции и ничего не ест. Единственное, что делает,— сидит как истукан на одном месте, глядя

прямо перед собой. Ночами не спит, а если и забудется ненадолго, то очень тревожным сном и все время зовет «Лули!». Здесь нет никого с таким именем. Сегодня я видел, как он, печально вздыхая, порвал какое-то письмо и бросил в корзину для бумаг. Я собрал обрывки и посылаю их Вам на всякий случай — вдруг там содержится объяснение его загадочного поведения. Но все же мне кажется, что самое лучшее — держать его дома до тех пор, пока он не поправится.

С уважением, Ваш Билли Хаскелл

Содержание вложенных в письмо обрывков:

Дорогой сэр!

Сообщаем, что, к сожалению, не можем опубликовать Ваше объявление и потому возвращаем его.

Дорогая Лули!

Я в отчаянии! Я вел себя как последний идиот! Но разве можно было вообразить, что ты такая красивая и такая... большая? Прости меня и вернись! Неужели ты не вернешься? Я жду тебя! Целую.

Тодд

«Одинокая Венерианка, грациознейшая, полноценная во всех отношениях, активно общительная, привлекательная, исключительно веселая, ищет Марсианина (мужчину) с аналогичными качествами. NB: у меня уже есть знакомая Мэри-Марсианка.

С предложениями обращаться по адресу: Венера, Зеленая Вилла, Лули».

Корабль смерти

Первым его увидел Мэйсон.

Он сидел перед большим обзорным устройством и делал какие-то пометки, в то время как корабль проплывал над новой планетой. Карандаш Мэйсона быстро скользил по карте-сетке, которую он держал в руках. Еще немного, и они опустятся на поверхность, чтобы взять образцы. Минералы, растения, животные. Если, конечно, они что-то найдут. Потом специалисты все осмотрят, исследуют и дадут оценку. Затем, если все нормально, на рапорте будет поставлен большой черный штамп «ПРИГОДНАЯ ДЛЯ ОБИТАНИЯ», а это значит, что они открыли еще одну планетку, куда в самом скором времени прибудут колонизаторы с перенаселенной Земли.

Мэйсон делал приблизительную топографическую схему, когда вдруг заметил на поверхности блестящий предмет.

— Я что-то видел.

Он получше настроил свой обзорник и повернул его обратно курсу.

— Что ты видел? — спросил Росс. Он сидел за пультом управления.

— Что-то сверкнуло, не обратил внимания?

Росс заглянул на свой экран.

— По-моему, мы прошли над озером.

— Это не озеро,— возразил Мэйсон,— это было что-то на участке рядом с озером.

Он быстро набрал на пульте команду, и большой корабль мягко повернулся, сделал дугу и направился обратно.

— Сейчас следи внимательно,— сказал Росс,— нужно проверить. У нас не так уж много времени.

© Перевод Н. Савиных.

— Слушаюсь, сэр.

Мэйсон, не мигая, прильнул к обзорному устройству. Далеко внизу медленно проплывали, чередуясь, леса, поля и реки. Навязчивая мысль о том, что вот он, заветный момент, настал, вертелась в голове. Момент долгожданного контакта землян с иной, неведомой жизнью, с расой существ, возникших из других клеток, развившихся на другой почве. Это была мысль, не дававшая покоя, а год этот, 1997, может быть, войдет в историю. Может быть, сейчас Мэйсон, Росс и Картер управляют современной «Санта-Марией» на пути к открытию новой Америки. Они — у руля стремительной серебристой каравеллы, бороздящей космические просторы.

— Смотри,— крикнул он,— вон там.

Он посмотрел на Росса. Капитан пристально следил за поверхностью. Мэйсон знал это выражение лица. Тщательный анализ ситуации, за которым вот-вот последует решение.

— Что это такое, как ты думаешь? — Мэйсон хотел сыграть на честолюбии капитана.

— Может быть, и корабль, но точно сказать нельзя.

«Ну что же ты, решай быстрее! Спустимся и посмотрим!» — мысленно убеждал Мэйсон капитана, зная, что советовать он не вправе. Решение должно быть принято Россом. Иначе они даже не остановятся.

— Мне кажется, ничего особенного,— еще раз уколол он капитана.

Мэйсон сгорал от нетерпения. Он следил за пальцами Росса, настраивающими обзорник.

— Садимся,— произнес Росс,— в любом случае нам необходимо взять образцы. Единственное, чего я опасаюсь...

Он тряхнул головой.

«Ну, садимся же! — Мэйсон едва сдерживался.— Быстрее вниз, и...»

Росс размышлял. Его полные губы были плотно сжаты. Он взвешивал. Мэйсон затаил дыхание.

Росс медленно покачал головой. Решение назревало. Мэйсон вздохнул. Он следил за капитаном, как тот крутил настройку, потом перешел к приборам управления. Корабль наклонился и начал переходить в вертикальное положение. Кабина слегка дрожала в ответ на отработку гироскопов. Небо над ними развернулось на девяносто градусов, в иллюминаторах появились облака. Корабль сейчас смотрел прямо на солнце новой плане-

ты. Росс выключил маршевые двигатели, и после секундного зависания они почувствовали, что быстро летят вниз.

— Что такое? Уже садимся?

Микки Картер вопросительно выглядывал из левой двери, ведущей к багажным контейнерам. Он вытирал жирные руки о бока зеленой спецовки.

— Мы что-то заметили там, внизу,— объяснил ему Мэйсон.

— Шутишь небось.— Микки подошел к обзорнику Мэйсона.— Дай-ка взглянуть.

Мэйсон настроил объектив получше. Они оба следили за надвигающейся планетой.

— Не знаю, сможем ли мы... вон оно, смотрите.— Мэйсон обернулся к Россу.

— Два градуса восточное,— последовала команда.

Росс дотронулся до шкалы, и направление падения сразу изменилось.

— И что вы об этом думаете? — спросил Микки.

— Ну и ну!

Микки все с большим интересом следил за экраном. Его широко раскрытые глаза не отрывались от крошечной точки, которая постепенно становилась все больше и больше.

— Похоже на корабль,— сказал он,— очень похоже.

Медленно выпрямившись, он встал позади Мэйсона и продолжал наблюдение.

— Реакторы,— произнес Мэйсон.

Росс резко нажал на кнопку, и двигатели сразу же отреагировали выбросом раскаленных газов. Скорость упала. Ревущие огненные сопла плавно замедляли снижение. Росс сидел за пультом.

— А по-твоему, что это такое? — спросил у Мэйсона Микки.

— Я не уверен. Но если это окажется корабль...— Мэйсон задумался.

Он знал, что не должен давать волю фантазии. Может ли этот корабль быть земного происхождения? Это-то нам и предстоит выяснить.

— Может быть, сбились с курса? — неуверенно предположил Микки.

Мэйсон пожал плечами.

— Вряд ли.

— А что, если это все-таки корабль? И не наш корабль? — Картер облизывал пересохшие губы.

-- Страшно представить. Ты только подумай.

— Воздушное торможение! — скомандовал Росс.

Мэйсон включил систему воздушного торможения. Она обеспечивала мягкое касание, как будто на подушки падаешь. Можно было стоять и не заметить момент приземления. Но такая штука имелась только на последних моделях правительственных кораблей.

Касание. Корабль встал на задние опоры.

Появилось характерное неприятное чувство слабого покачивания. Корпус корабля замер, задрав свой нос кверху и ярко сверкая под незнакомым солнцем.

— Всем держаться вместе. Никаких лишних действий. Это приказ.

Росс встал со своего кресла и жестом дал команду наполнить атмосферным воздухом маленькую камеру в углу кабины.

— Три против одного, придется надевать шлемы,— снова начал Микки их игру с Мэйсоном.

— Проиграешь.

На каждой новой планете они спорили, есть ли там воздух, пригодный для дыхания. Микки всегда ставил за скафандры, Мэйсон — против. Пока счет был равный.

Мэйсон включил заполнение. В камере глухо зашипело. Микки вытащил шлем, напялил его и прошел в двойные двери. Слышно было, как он закрыл их изнутри. Мэйсону хотелось включить боковой обзорник и взглянуть, что же там снаружи. Но он медлил. Он растягивал удовольствие.

В переговорном устройстве послышался голос Микки.

— Внимание, снимаю шлем.

Некоторое время он молчал, потом выругался.

— Опять проиграл.

Росс и Мэйсон последовали за ним.

— О боже! Вот это грохнулись!

Микки ужаснулся. Лицо его выражало неподдельное сожаление. Три астронавта стояли на зелено-голубой траве и молча смотрели.

Это *действительно* был корабль. Вернее, то, что от него осталось. Он врезался в поверхность с огромной скоростью, носом вперед. Корпус вошел в твердую почву футов на пятнадцать. Обшивка и надстройки корабля почти полностью отлетели и валялись далеко вокруг. Кабина была полупридавлена и вырвана из своих креплений двигателями. Ничто не нарушало мерт-

вой тишину. Катастрофа была настолько ужасной, что невозможно было определить даже тип корабля. Он напоминал большую игрушку, попавшую в руки огромного ребенка, который потерял терпение, бросил ее о землю, растоптал и в яростном безумии швырнул о скалу.

Мэйсон содрогнулся. Давненько он не видел таких игрушек. Он уже начал забывать, что корабль может потерять управление, беспомощно падать и закончить свое существование в результате мощного взрыва. Он слышал, что такое, как правило, случается после схода с орбиты. У Мэйсона засосало под ложечкой. Он вспомнил разговор на эту тему накануне.

Росс подошел к груде обломков и пнул их ногой.

— Ничего не понимаю,— сказал он,— а ведь корабль-то как наш.

Мэйсон хотел что-то возразить, но потом передумал.

— Если бы меня спросили, чей это двигатель там валяется, я бы сказал — наш,— ответил ему Микки.

— Ракетные двигатели делаются по определенному стандарту,— как бы со стороны услышал сам себя Мэйсон.— Везде.

— Это невозможно,— возразил Росс,— таких совпадений не бывает. Ясно, что эта штучка с Земли. Им здорово не повезло. Но по крайней мере, смерть наступила мгновенно.

— Мгновенно?

Вопрос Мэйсона повис в воздухе. Все сразу подумали об экипаже. Как это должно быть страшно, когда твой корабль неотвратимо падает вниз. Было ли это прямое падение с ускорением пушечного снаряда или же сплошное беспорядочное вращение, когда кажется, что гироскоп «сошел с ума», не в состоянии удержать кабину горизонтально?

Крики, команды, обращения к небесам, которых ты больше не увидишь, к Богу, который тебя оставил... С дикой скоростью увеличивающаяся планета подставляет свое жесткое тело, невероятно сжимая корабль и вырывая из легких последнее дыхание. Они снова содрогнулись.

— Давайте посмотрим,— сказал Микки.

— Я не уверен, что нам лучше сделать.— Росс не торопился.— Да, он похож на наш. А если это чужой?

— Пресвятая дева, уж не думаешь ли ты, что там кто-нибудь остался? — спросил капитан Микки.

— Кто знает...

Но он, как и остальные, глядя на бесформенную металлическую массу, думал то же самое. Шанса выжить здесь не было.

Они не видели его хмурых глаз, сомкнутых губ, подергивания лицевых мускулов. Надо обойти корабль.

— Внутрь зайдем вот здесь. Держаться вместе. У нас еще много работы. Попробуем выяснить и доложить на базу.— Для себя Росс уже решил, что этот корабль с Земли.

Они подошли к тому месту, где боковая обшивка была разорвана вдоль сварочного шва. Длинная толстая пластина была согнута с такой силой, как если бы это был листок бумаги.

— Не нравится мне все это,— сказал Росс,— мне кажется...

Кивком головы он указал на отверстие, и Микки начал пробираться туда, тщательно ощупывая каждый сантиметр обшивки. Рабочие защитные перчатки помогли ему благополучно миновать острые края, скользить по ним, и остальные, видя это, быстро полезли в карманы комбинезонов... Микки сделал первый шаг в темное чрево корабля.

— Только не торопись,— раздалась команда Росса,— жди меня.

Капитан подтянулся, тяжелые ботинки царапали гладкое тело ракеты. Он тоже шагнул в отверстие, Мэйсон последовал за ними.

Внутри корабля было темно. Мэйсон прикрыл глаза, чтобы адаптироваться к недостатку света. Когда он их окликнул, два ярких луча уже быстро шарили по замысловатым переплетениям балок и платформ. Он вытащил свой фонарик и щелкнул выключателем.

— Этим беднягам здорово досталось,— сказал Микки, потрясенный представшим перед их взором развороченным нутром корабля. Голос его эхом отозвался в металлическом корпусе. Наступила полная тишина. Они стояли в полутьме, и Мэйсон почувствовал едкий запах, оставшийся после пожара двигателей.

— Поосторожнее с этим запахом,— посоветовал Росс Микки, который пытался взобраться на следующую опору,— не хватало еще интоксикации.

— Не беспокойся за меня.— Микки карабкался наверх по всевозможным выступам, держа в одной руке фонарь, а другой подтягивая вперед свое крепкое, мощное тело.— Кабину совсем смяло,— покачал он головой.

Росс не отставал от него. Мэйсон лез последним. Его фонарь высвечивал все новые лопнувшие крепления и невообразимые разрывы в корпусе того, что некогда являлось новым космическим кораблем. И каждый раз, увидев еще одно страшное увечье, он невольно присвистывал в недоумении.

— Дверь задраена.— Микки постоял, балансируя на искореженном парапете, и, опираясь на внутреннюю стенку ракеты, несколько раз дернул за ручку, пытаясь ее открыть.

— Дай мне фонарь,— попросил Росс.

Теперь он направил на дверь два пучка света, и Микки возобновил свои усилия. Лицо его покраснело, он пыхтел и задыхался.

— Нет,— произнес он наконец, отрицательно помотав головой.— Заело.

Сзади подошел Мэйсон.

— А вы не допускаете, что кабина все еще может быть загерметизирована? — мягко заметил он, неприятно поежившись от странного эха собственного голоса.

— Сомневаюсь,— задумчиво возразил Росс,— косяк двери, скорее всего, сдвинулся.

Потом он кивком головы приказал помочь Картеру.

Мэйсон взялся на одну ручку, а Микки — за другую. Они изо всех сил уперлись ногами в стену и потянули дверь на себя, но та не поддавалась. Тогда они перехватились по-другому и дернули снова.

— Эй, она сдвинулась с места,— вскрикнул Микки,— мы с ней все-таки справились.

Двое друзей попрочнее расположились на искореженных переплетениях и медленно потащили дверь на себя. Каркас ее был весь погнут, и она держалась только одним концом. Далее им без труда удалось отодвинуть дверь настолько, чтобы боком протиснуться внутрь.

Первым в кабину пролез Мэйсон. Там было совершенно темно. Он направил фонарь на кресло пилота — кресло было пустым. Переводя луч света на место штурмана, он услышал, что следом в кабину проник Микки.

В штурманском кресле тоже никого не было. Переборка рядом с ним была проломлена вовнутрь; обзорник, стол и само сиденье — придавлены массивными погнутыми листами металла. Мэйсон моментально представил себя сидящим за этим сто-

лом, на этом месте, под этой обрушивающейся перегородкой, и в горле у него пересохло.

Последним в кабину забрался Росс. Три луча света перескакивали с одного предмета на другой, со стены на стену. Стоять приходилось, широко расставив ноги, потому что пол был сильно наклонен.

Глядя на наклонный скользкий пол, Мэйсон сразу же подумал о том, как он начал уходить из-под ног, как все поехало и стало падать... падать туда — в дальний угол, который он дрожащей рукой пытался сейчас осветить.

Сердце Мэйсона дернулось и запрыгало, по коже пробежали мурашки, широко раскрытые глаза не мигая смотрели перед собой. Ноги сами, повинуясь какой-то силе, понесли его вперед и вниз — туда, куда уходил пол.

— Вон там.— Голос его стал хриплым и не повиновался.

Перед ними лежали тела людей. Ботинок ударился в одно из них, и он остановился, чтобы не наступить на него.

Сзади с громким топотом подбежал Микки. Послышался его шепот, приглушенный и испуганный:

— О-о, боже ты мой!!!

Росс молчал. Сейчас уже все молчали, с ужасом рассматривая представшую их взору картину и судорожно дыша.

Три тела, застывшие на полу в предсмертных судорогах, были их собственными. Это были они сами, все трое... и все трое были мертвы.

Мэйсон не ответил бы, сколько они там так простояли. Не проронив ни слова, глядя под ноги, на распростертые на палубе корабля фигуры.

Да и как может реагировать человек, стоящий над своим собственным трупом? Вопрос этот неотвязно точил мозг. Что человек должен говорить в таком случае? Какие слова? Позерство все это, и ни к чему такие провокационные вопросы.

Но все это происходило на самом деле. Он стоял там и смотрел на себя мертвого. Руки онемели и не слушались. Он медленно раскачивался из стороны в сторону на накренившейся поверхности пола.

— О боже!

И снова Микки. Он направил фонарик вниз, на свое лицо под ногами. Рот у Микки искривился. Сейчас они смотрели каждый на себя самого. Яркие полосы света соединяли их с двойниками.

Наконец Росс с шумом вдохнул застоявшийся в кабине воздух.

— Картер,— попросил он,— попробуй включить свет дублирующим выключателем. Может быть, он работает.— Голос капитана звучал глухо и неестественно.

— Не понял, сэр?

— Включите свет — вторым выключателем! — раздраженно приказал Росс.

Мэйсон с командиром в каком-то оцепенении наблюдали, как Микки, шаркая ногами, пошел вперед. Слышно было, как его башмаки щелкают по полу, запинаются об обломки. Мэйсон закрыл глаза. Он был не в состоянии оторвать соприкасавшуюся внизу с собственным телом ногу. Как будто его кто привязал.

— Не понимаю,— сказал он, ни к кому не обращаясь.

— Держись,— подбодрил Росс.

Непонятно, однако, было, кого капитан хотел подбодрить, себя самого или его — Мэйсона.

Послышался характерный завывающий звук запускаемого генератора. Система освещения заработала, но сразу же погасла. Генератор кашлянул, потом загудел ровнее, и яркий свет залил помещение.

Все снова посмотрели вниз. Микки соскользнул от генератора и встал рядом. Он рассматривал свое тело. Голова была проломлена. В ужасе раскрыв рот, Микки отпрянул назад.

— Это невозможно,— вырвалось у него,— просто невозможно. Что все это значит?

— Картер,— одернул его Росс.

— Но это же я! — воскликнул Микки.— Мама родная, это же я!

— Успокойся!

— Мы трое, все вместе,— спокойно заговорил Мэйсон.— И все мертвы.

Необходимость разговаривать, казалось, отпала. Это был какой-то безмолвный кошмар. Сдвинутая набок кабина сплющена и изуродована. Три застывших в агонии трупа сброшены в один угол, руки и ноги их запутались друг о друга. Единственное, что оставалось,— это смотреть.

Росс снова заговорил:

— Подите принесите брезент. Вы — оба.

Мэйсон повернулся. Быстрее. Хорошо, что можно заняться выполнением указания. Хорошо, что можно отодвинуть этот

ужас на задний план и действовать. Широкими шагами он направился к выходу. Микки попятился следом, все еще не в силах оторвать взгляд от массивного скрюченного трупа в зеленом джемпере с окровавленной, разбитой головой.

Мэйсон приволок тяжелую свернутую парусину из багажного отсека и втащил ее в кабину. Руки и ноги его двигались механически, как у робота. Он попытался отключить свое сознание и ни о чем не думать, пока не пройдет первый шок.

Одеревеневшими движениями они вдвоем с Микки развернули тяжелое брезентовое полотно, расправили его и накинули блестящий материал на окоченевшие тела. Очертания трупов, их плечи и головы отчетливо проступали сквозь брезент, а одна рука торчала вверх, как копье, и кисть ее свесилась, перегнувшись вниз, словно некий зловещий маятник.

Мэйсон отвернулся. Его трясло. Он проковылял к сиденью пилота, рухнул в кресло и уставился на свои ноги и тяжелые ботинки. Протянув вперед руку, он схватил себя за бедро и сильно ущипнул. Резкая боль показалась облегчением.

— Уйди оттуда,— услышал Мэйсон голос Росса.— Я сказал: уйди оттуда!

Он обернулся и увидел, что Росс пытается оттащить Микки, который стоял на коленях перед укрытыми трупами. Росс взял Микки за руку и повел вверх по поднимающемуся из угла к центру полу.

— Мы мертвы,— подавленным тоном произнес Микки,— это мы там лежим. Мы мертвы!

Росс подтолкнул Микки к треснувшему иллюминатору и заставил выглянуть наружу.

— Посмотри,— сказал он,— наш корабль — вон там. Такой же, каким мы его оставили. А этот корабль — не наш. И тела эти... они... не могут быть нашими,— закончил он не очень уверенно.

Для человека трезвомыслящего, каким он себя считал, слова эти казались какими-то чужими и экстравагантными. К горлу подкатил комок, а нижняя губа упрямо выдавалась вперед, отказываясь верить в реальность происходящего. Росс не любил загадок. Он привык быстро принимать решения и действовать. Сейчас ему не хватало именно действия.

— Но ты же сам себя там видел,— возразил Мэйсон,— неужели ты сейчас будешь говорить, что это был не ты?

— Именно это я и хочу сказать,— ощетинился Росс,— хотя это и вопреки всякой логике, но какое-то объяснение должно быть. Все на свете можно объяснить.

Лицо его исказилось. Он с силой ударил себя кулаком по руке.

— Вот он я,— громко заявил Росс,— вот мое тело.— Он вызывающе посмотрел на Микки и Мэйсона.— Я живой!

Они растерянно молчали в ответ.

— До меня не доходит,— слабо начал Микки,— не доходит.— Он уже в который раз покачал головой и облизал пересохшие губы.

Мэйсон обвис на пилотском месте. Он изо всех сил надеялся, что догматизм Росса им в этом деле как-то поможет, что его твердое предубеждение против всего не поддающегося объяснению как-то поправит этот день. Он попробовал было сам что-нибудь придумать, но потом решил, что лучше будет оставить право выбора за командиром.

— Мы все мертвы,— сказал Микки.

— Не будь дураком! — крикнул Росс.— Возьми же себя в руки!

Мэйсон подумал: интересно, а сколько это будет продолжаться? Он ждал, что с минуты на минуту проснется, вздрогнув, и окажется, что он по-прежнему сидит на своем рабочем месте, а напарники его заняты каждый своим делом и все это — не более чем дурацкий сон.

Но сон не кончался. Он откинулся в кресле ощутил его твердую спинку. Не наклоняясь вперед, он пробежал пальцами по кнопкам и рычажкам управления — все настоящее. Это не сон. И не надо больше себя щипать.

— Может быть, это видение,— попытался он вслух высказать новую догадку. Так завязнувшее в трясине животное пробует ногами на ощупь, где же твердая почва.

— Достаточно,— сказал Росс.

Глаза его сузились, а на лице отразилась внутренняя решимость. Мэйсон почувствовал, что ожидание становится невыносимым. Он пытался представить себе, как это все объяснит наконец Росс. Видение? Вряд ли. Росс не верил ни в какие видения. Мэйсон увидел, что Микки с открытым ртом тоже смотрит на командира. Ему тоже поскорее хотелось получить какое-нибудь разумное истолкование случившегося.

— Временна́я петля,— сказал Росс.

Никакой реакции.

— Что? — переспросил Мэйсон.

— Послушайте.— Росс приступил к изложению своей версии. Это была даже более чем версия, потому что цепочка объяснений отсутствовала и сразу заменялась конечным выводом.

— Пространство искривляется,— продолжал Росс,— а время и пространство образуют один континуум. Правильно?

Ответа не последовало. Но он его и не ждал.

— Помните, как нам на курсах говорили о возможности обогнать время? Идея в том, что можно улететь с Земли в определенный момент, а вернуться обратно на год раньше, чем полагается по расчетам. Или на год позже. Но тогда для нас это была лишь теория. Ну так вот — сейчас это самое с нами и произошло. Это просто логично. Запросто может быть. Возможно, мы прошли через временную петлю и находимся сейчас в другой галактике. Здесь по-иному расположено пространство, а значит — по-иному течет и время.

Росс прервался, оценивая произведенное впечатление.

— Я хочу сказать, что мы попали в будущее.

Тогда заговорил Мэйсон.

— Ну а нам-то что от этого? Даже если ты и прав?

— А то, что мы не мертвы.— Росс, казалось, был удивлен тем, что друзья его не понимали.

У Росса приоткрылся рот. Об этом он не подумал. Он не подумал, что своей версией только осложнил ситуацию. Потому что хуже, чем смерть, может быть только одно — знать наверняка, что скоро ты умрешь. Знать где. И знать как.

Микки тряхнул головой. Руки его беспорядочно ощупывали костюм. Он провел ладонью по лицу и начал нервно грызть почерневший ноготь.

— Нет,— слабо проговорил он,— я что-то никак не пойму.

Росс молча смотрел на Мэйсона затравленным взглядом. Он лихорадочно кусал губы, чувствуя, как неизвестность заполняет его сознание и вытесняет оттуда такое приятное и дающее успокоение чувство здравого смысла. Он боролся с неизвестностью, гнал ее прочь. Только не сдаваться.

— Послушайте,— снова начал он,— все, по-моему, согласны с тем, что те тела — не наши.

Никакого ответа.

— Пошевелите же мозгами! — закричал Росс.— Ощупайте себя!

Мэйсон онемевшими пальцами прошелся по джемперу, по шлему, потрогал торчавшую из кармана ручку. Да, действительно, это был он, из мяса и костей. Все на самом деле, подумал он. Мысль эта придавала Мэйсону силы. Несмотря ни на что, несмотря на отчаянные попытки Росса объяснить неведомое, он был жив. Собственные плоть и кровь не оставляли никаких сомнений.

Мозг начал работать. Усиленно соображая, он нахмурил брови и выпрямился. Мэйсон задержался глазами на лице Росса, который, похоже, немного расслабился и смотрел уже с каким-то облегчением.

— Ну хорошо,— сказал Мэйсон,— мы находимся в будущем.

Микки в напряженном волнении стоял у иллюминатора.

— И к чему же, таким образом, мы пришли? — спросил он оттуда.

— А как узнать, насколько далеко мы проникли в будущее? — задумчиво продолжал Мэйсон. Гнетущая атмосфера неопределенности усиливалась.— Как узнать? А может быть, мы опередили события всего на полчаса?

Росс напрягся. Он с силой ударил кулаком по ладони.

— Как узнать? Но мы же не взлетаем, а следовательно — не можем разбиться. Так и узнать.

Мэйсон посмотрел на него.

— А не может так случиться,— опять заговорил он,— что если мы взлетим, то уйдем куда-нибудь в сторону от этой нашей гибели? И она так и останется в этой пространственно-временной системе? Мы можем вернуться обратно, в нашу систему и в нашу галактику, и тогда...

Слова его повисли в воздухе. Обрывки каких-то мыслей возникали в мозгу и тут же исчезали.

Росс нахмурился. Он поежился и облизал губы. То, что вначале казалось таким простым, теперь обрастало осложнениями. Ему не хотелось новых сложностей, так непрошено вторгающихся в их жизнь.

— Сейчас мы живы,— сказал он, пытаясь в уме все расставить по полочкам и обрести прежнюю уверенность в правильности своих действий,— и существует только один способ оставаться живым и дальше.

Росс посмотрел на остальных. Решение принято.

— Нам необходимо оставаться здесь.

Микки и Мэйсон безучастно смотрели на командира. Россу хотелось, чтобы хоть кто-нибудь из них согласился с ним или, на худой конец, высказал бы хоть какое-то мнение.

— Но... у нас же есть приказ,— еле слышно произнес Мэйсон.

— Но приказ не обязывает нас убивать себя! — зло возразил Росс.— Ну уж нет. Это единственный выход. Если мы не поднимемся — то никогда и не разобьемся. Мы... мы избежали этого. Мы предотвратили это.

В подтверждение своих слов он решительно склонил подбородок. Для Росса все было решено. Мэйсон же отрицательно покачал головой.

— Не знаю,— сказал он,— право, не знаю.

— А я знаю! — оборвал его Росс.— И давайте-ка убираться отсюда. Этот корабль действует мне на нервы.

Капитан рукой указал на выход, и Мэйсон поднялся. Микки последовал за ними, но остановился. Он еще раз обернулся в сторону укрытых брезентом тел.

«А может быть, нам...» — хотел он спросить, но не успел.

— Ну что еще? Что еще там? — нетерпеливо перебил Росс.

Микки смотрел туда, где лежали тела. Ему казалось, что вот-вот начнется какое-то большое, дикое безумство.

— А может быть, нам похоронить себя?

Росс судорожно сглотнул. Больше ему не вынести. Он поспешно вытолкнул Микки и Мэйсона из кабины и, пока они начали спускаться по обломкам, в последний раз посмотрел в угол. Росс с остервенением стиснул зубы.

— Я живой,— яростно пробормотал он, повернулся и, плотно сжав фонарь, вышел.

Они сидели втроем в кабине своего корабля. Росс приказал принести из запасов что-нибудь подкрепиться, но ел он один. С воинственной суровостью он двигал челюстями, как будто хотел зубами перемолоть все то, что не поддавалось разуму.

Микки не шевелясь смотрел на еду.

— Сколько мы здесь будем? — спросил он, как будто не понимал всю очевидность необходимости находиться здесь постоянно.

В разговор включился Мэйсон. Наклонившись на сиденье вперед, он обратился к Россу:

— А на сколько у нас хватит продовольствия?

— Не сомневаюсь, что там, снаружи, можно найти много съедобного,— жуя, ответил капитан.

— А как узнать, что годится в пищу, а что нет?

— Мы понаблюдаем за животными,— не сдавался Росс.

— Но здесь совершенно другая жизнь,— возразил Мэйсон,— то, что едят они, может оказаться отравой для нас. А кроме того, неизвестно, есть ли тут вообще какие-нибудь звери или птицы.

Короткая, горькая усмешка промелькнула у него на губах. И подумать только, а они-то еще надеялись выйти на контакт с другими расами. В данной ситуации это было просто смешно.

Росс опять ощетинился в ответ.

— Мы пойдем вперед... будем исследовать каждый ручей, который нам попадется,— выпалил он, как будто разом хотел покончить со всеми возможными возражениями.

— Не знаю, не знаю,— покачал головой Мэйсон.

Росс встал.

— Послушайте, вы! Задавать вопросы легче всего. Мы все вместе приняли решение здесь остаться и давайте теперь конкретно об этом подумаем. Только не надо говорить о том, чего мы не можем сделать. Я это представляю не хуже вас. А что, по-вашему, мы могли бы сделать в нашем положении?

Он повернулся на каблуках, отошел к пульту управления и какое-то время смотрел на погасшие лампочки и замершие приборы. Затем вдруг Росс сел и начал быстро писать в бортовом журнале, словно боялся что-то забыть. Немного позднее, заглянув туда, Мэйсон увидел, что капитан настрочил целый абзац из длинных предложений, где излагалось с неопровержимой, но неправдоподобной логикой, почему они до сих пор еще живы.

Микки встал и уселся на свое место. Он сильно сжал голову большими ладонями и очень сейчас походил на провинившегося мальчишку, который, несмотря на запрет матери, объелся зеленых яблок и ждал неприятностей сразу с двух сторон. Мэйсон знал, о чем думал Микки: об этом нелепом застывшем трупе с проломленным черепом. О собственной дикой смерти при столкновении с поверхностью планеты, да и сам Мэйсон думал о том же. И Росс наверняка тоже, хотя по поведению его этого и не видно.

Мэйсон подошел к иллюминатору и посмотрел на притихшую громаду, лежащую неподалеку. Наступала темнота. Послед-

ние лучи далекого солнца неведомой планеты поблескивали на корпусе потерпевшего крушение корабля. Мэйсон отвернулся и бросил взгляд на датчики внешней температуры. Уже семь градусов минус, а снаружи все еще светло. Правым указательным пальцем он слегка сдвинул иглу термостата.

«Остываем»,— подумал он. Энергия корабля, который находится на поверхности планеты, используется все быстрее и быстрее. Корабль пьет собственную кровь, и нет никакой возможности найти донора. Только операция может подзарядить энергетическую сеть. Без движения это невозможно. Неподвижность — это ловушка.

— Сколько мы можем продержаться? — снова спросил Мэйсон, отказываясь хранить молчание перед лицом возникшей проблемы.— Мы не можем жить в неопределенности. Пища закончится через несколько месяцев, но задолго до этого разрядится энергетическая система. Прекратится выработка тепла. Мы замерзнем.

— А откуда мы знаем, что при здешней внешней температуре можно замерзнуть? — Показной оптимизм Росса выглядел неубедительно.

— Но солнце только садится,— сказал Мэйсон,— а уже... минус тринадцать.

Росс тупо уставился в пространство. Потом он оттолкнулся руками от кресла и принялся мерить шагами кабину.

— Если мы взлетим,— начал он,— то рискуем оказаться в положении того корабля.

— Неужели? — удивленно возразил Мэйсон.— Умирают только однажды. И с нами это, похоже, уже произошло. В этой галактике. Может быть, умирают по одному разу в каждой галактике? А может, это — загробная жизнь? А может...

— Ты закончил? — холодно спросил Росс.

Микки поднял глаза.

— Давайте отправляться,— сказал он.— Я не хочу здесь торчать как дурак.

Он посмотрел на Росса.

Тот ответил:

— Я считаю, нам лучше не высовываться, пока мы точно не решим, что делать. Нужно все хорошенько обмозговать.

— У меня жена,— сердито перебил его Микки,— и если ты, будучи холостяком...

— Замолчи! — крикнул Росс.

Микки бросился на койку и уткнулся лицом в перегородку. Он ничего не говорил, а только тяжело дышал. Мощные плечи его ходили то вверх, то вниз, пальцы теребили и комкали одеяло.

Росс метался по помещению, беспрестанно ударяя себя кулаком по ладони. Сжимая и разжимая зубы, он с силой встряхивал головой всякий раз, когда у него в уме рассыпался очередной довод за или против. Вдруг он замер, взглянул на Мэйсона, но тут же зашагал снова. Один раз он даже включил наружный прожектор, чтобы убедиться, что ему это не чудится.

Яркий свет озарил разбитый корпус корабля. Он загадочно светился и напоминал гигантское надгробие. С громким стоном Росс щелкнул выключателем и повернулся к Микки и Мэйсону. Грудь его вздымалась как в лихорадке.

— Ну что ж, отлично,— сказал он,— это, конечно, и ваши жизни. За вас я решать не могу. Будем голосовать. Но учтите — та штуковина снаружи может оказаться совсем не тем, за что мы ее принимаем. Если вы оба решите, что надо рискнуть жизнью и подняться, то... то мы поднимемся.

Росс пожал плечами.

— Итак, голосуем. Я за то, чтобы остаться здесь.

— Я считаю — надо лететь,— сказал Мэйсон.

Оба посмотрели на Микки.

— Картер,— обратился к нему Росс,— твое мнение?

Микки уныло уставился через плечо и молчал.

— Голосуй же,— настаивал Росс.

— Лететь,— произнес Микки,— надо лететь. Я скорее погибну, чем останусь здесь.

Сжатые губы Росса побледнели. Он глубоко вздохнул, расправил плечи и спокойно сказал:

— Ну хорошо, мы взлетаем.

— Боже, сохрани нас и защити,— побормотал Микки, наблюдая, как Росс усаживается за пульт управления.

Несколько секунд капитан сидел неподвижно, потом включил двигатели. Зажигание. Мощные газовые струи вырывались из хвостовой части корабля, сотрясая его огромное тело. Рев двигателей показался Мэйсону успокаивающим. Он пребывал в каком-то состоянии безразличия. Как и Микки, он хотел испытать судьбу. Несколько часов прошло с момента их посадки на планету, а казалось, все это было год назад. Медленно тянулось

время, минута за минутой. Гнетущее воспоминание о только что пережитом не отставало. Мысленно они все еще были там, в разбитом звездолете, рядом с тремя мертвыми телами, но одновременно не могли не думать и о Земле, которой, кто знает, может быть, никогда больше не увидят, о родителях, о женах и детях и всех им дорогих и близких, с кем, возможно, они расстались навеки. Но нет, они попробуют к ним вернуться. Сидеть и ждать — всегда было самым трудным для человека. Человек не создан для этого.

Мэйсон сел к своему пульту. Он напряженно ждал. Он слышал, как включил и перешел к панели управления двигателями Микки.

— Я постараюсь взлететь как можно мягче,— сказал Росс,— не вижу пока никакого повода для... беспокойства.

Он что-то еще хотел сказать, но замолчал. Микки и Мэйсон повернулись к нему в нетерпеливом ожидании.

— Вы готовы? — спросил Росс.

— Давай вверх,— ответил за обоих Микки.

Росс стиснул зубы и нажал кнопку с надписью «Вертикальный взлет».

Корабль затрясся, затем приподнялся, завис над поверхностью и с нарастающей скоростью пошел вверх. Мэйсон прильнул к заднему обзорнику. Темная поверхность планеты уходила все дальше вниз. Он старался не смотреть на блестящее белое пятнышко в углу экрана.

— Пятьсот...— считывал он показания шкалы,— семьсот пятьдесят... тысяча... тысяча пятьсот...

Каждую секунду он ждал, что что-нибудь произойдет. Ждал взрыва. Или отказа двигателя. Ждал, что корабль остановится.

Но набор высоты продолжался.

— Три тысячи,— сказал Мэйсон.

В голосе его появились нотки усиливающегося ликования. Планета стремительно уносилась назад. Тот, другой корабль был сейчас не более чем воспоминанием. Мэйсон взглянул на Микки. Тот сидел, застыв с полуоткрытым ртом, готовый во всю глотку кричать: «Быстрее! Быстрее!», но молчал, потому что боялся лишний раз искушать судьбу.

— Шесть тысяч... семь тысяч... есть! — объявил Мэйсон торжествующим тоном.— Мы выбрались!

Микки с облегчением вздохнул и широко ухмыльнулся. Он поднес руку ко лбу, крупные капли пота упали на пол.

— О боже,— простонал он,— о милосердный боже!

Мэйсон пододвинулся к креслу Росса и хлопнул командира по плечу.

— Все в порядке,— сказал он,— отличный взлет.

Росс казался раздраженным.

— Нам не надо было улетать,— проворчал он.— Все это было несерьезно с самого начала. А теперь придется искать другую планету.— Он покачал головой и добавил: — Зря улетели.

Мэйсон пристально посмотрел на капитана и отвернулся. Он думал...

Никто не выиграл.

— Но если опять что-нибудь где-нибудь сверкнет,— заметил он вслух,— я буду держать язык за зубами. К чертям все другие цивилизации!

Все замолчали. Он вернулся к своему месту и стал изучать карту. Обстоятельно и не торопясь. «Пусть теперь Росс за все отвечает,— подумал Мэйсон,— мне наплевать». Все снова вернулось на свои места. Однако мысли упорно возвращались к тому, что осталось внизу.

Несколько минут спустя он украдкой взглянул на Росса.

Росс тоже о чем-то задумался. Губы его были плотно сжаты. Иногда он что-то бормотал себе под нос. Неожиданно их глаза встретились.

— Мэйсон.

— Что?

— Другие цивилизации, ты сказал?

У Мэйсона холодок пробежал по спине. Он видел, как знакомый большой подбородок снова решительно опустился вниз. Что за дикая мысль? Росс этого не сделает! Только чтобы успокоить уязвленное самолюбие? Или сделает?

— Я не...— начал было Мэйсон, заметив краешком глаза, что Микки тоже следит за командиром.

— Послушайте,— сказал Росс,— сейчас я вам расскажу, что произошло там внизу. Я вам покажу, что там было.

Оба уставились на капитана, замерев от страха. Росс развернул корабль и направил его обратно.

— Что ты делаешь! — закричал Микки.

— Послушайте же,— ответил Росс,— неужели вы меня не поняли? Разве вы не видите, что нас одурачили?

Они непонимающе смотрели на командира. Микки сделал шаг в его сторону.

— Другая цивилизация,— сказал Росс,— в этом-то и суть. Пространственно-временные связи тут ни при чем. Сейчас я вам объясню, в чем дело. Итак, мы улетели оттуда. И каково же сейчас наше первое желание? Доложить, что планета необитаема? Нет, мы пойдем дальше. Мы вообще не сообщим об этой планете.

— Но, Росс, ты что, намерен вернуться туда? — воскликнул Мэйсон, вскакивая на ноги и вновь испытывая ужас предыдущих часов.

— Именно это я и делаю,— ответил командир. Он был странно возбужден.

— Но ты же спятил! — заорал Микки, угрожающе приближаясь и сжимая кулаки.

— Слушай меня! — закричал Росс в ответ.— Кто выигрывает оттого, что мы не сообщим об этой планете?

Ответа не было. Микки сделал еще один шаг.

— Дураки! Разве не ясно? Там, внизу, есть жизнь. Но они не могут нас убить или выгнать силой. И что им остается делать? А нас у себя они не хотят. Ну так что же им остается делать?

Он задавал вопросы тоном учителя, который потерял всякую надежду получить правильный ответ от двух последних классных болванов.

Микки подозрительно смотрел исподлобья. Ему, конечно, было любопытно узнать, что задумал капитан, но он его все-таки всегда немного побаивался. Он признавал авторитет Росса и восставать против его решения не считал возможным, даже если бы он и вел их к гибели. Микки перевел взгляд на экран обзорного устройства и смотрел, как снизу наступает огромной темной массой угрожающая земля.

— Мы живы,— сказал Росс,— мы осмелились заявить, что никакого корабля внизу никогда и не было. Да, мы видели его. Да, мы его трогали. Но можно увидеть что угодно, если сильно захотеть. Чувства будут говорить о том, что там что-то есть, в то время как на самом деле вокруг одни только голые камни. Главное, что здесь требуется,— это верить в то, что видишь.

— К чему ты клонишь? — коротко спросил Мэйсон. Ему стало страшно. Как и несколько минут назад, он не отрываясь следил за высотомером.— Тысяча восемьсот... тысяча семьсот... тысяча шестьсот пятьдесят...

— Телепатия! — торжествующе объявил Росс.— Эти существа внизу, не знаю, как их назвать, заметили наше приближение. Но мы им чем-то не понравились. Они каким-то образом проникли в наше сознание и обнаружили там страх смерти. Тогда они решили, что лучший способ от нас избавиться — это напугать нас. Они показали нам наш корабль терпящим катастрофу и нас самих... мертвых. И это сработало. Но...

— Действительно сработало! — взорвался Мэйсон.— Ты что, хочешь еще раз попытать счастья, разобьемся мы или нет? И все это ради твоей чертовой теории?

— Дело здесь не только в моей теории,— огрызнулся Росс и добавил, как бы защищая свою репутацию: — У меня приказ брать образцы с каждой планеты. Я всегда неукоснительно выполнял приказы. И черт побери, выполню и на этот раз!

— Но ты же видел, как там холодно,— возразил Мэйсон,— ни о какой жизни не может быть и речи. Ты только подумай как следует.

— К черту! Капитан этого корабля пока я! И приказания отдаю я!

Микки бросился к Россу.

— Но не тогда, когда от этого зависит наша жизнь!

— Назад! — приказал Росс.

В этот момент один из двигателей остановился и замолк. Корабль резко повалился на бок.

— Идиот! — не контролируя себя, заорал Микки.— Ты этого добился! Ты этого добился!

Густая темнота залепила иллюминаторы.

Корабль сильно трясло. «Предсказание сбылось»,— единственное, о чем мог думать Мэйсон. Все, что он представил себе: вопли, крики, леденящий страх, напрасные мольбы и просьбы к глухим небесам,— все сбылось. Через пару минут их корабль превратится в груду обломков. И те три тела окажутся...

— Пропади все пропадом! — заорал он что было сил, в бессильной ярости проклиная Росса за упрямое желание вернуться и встретить наконец свою страшную судьбу. Дурацкое тщеславие!

— Нет, они нас не обманут! — кричал Росс, уцепившись за свою мысль, как умирающий бульдог за ногу врага.

Он отчаянно манипулировал ручками управления, пытаясь выровнять корабль. Но падение продолжалось. Корабль несся вниз, увеличивая скорость. Гироскоп не справлялся с резкими толчками и наклонами, кабину бросало из стороны в сторону, удержаться на ногах на ходящей ходуном палубе было невозможно.

— Резервный двигатель! — прокричал Росс.

— Бесполезно! — ответил ему Микки.

— Проклятье!

Цепляясь за что попало, Росс добрался до пульта управления двигателями. Кабину сильно швырнуло вправо. Трясущимися пальцами он один за другим начал проверять переключатели.

Внезапно на заднем обзорном экране Мэйсон увидел вспышку. Вслед за ней появилось ровное пламя. Корабль выровнялся, тряска прекратилась, кабина установилась горизонтально. Они продолжали спуск как ни в чем не бывало.

Росс грохнулся в кресло и с ожесточением ухватился за панель. В следующее мгновение он уже опять управлял кораблем. Он был очень бледен. Мэйсон тоже следил за действиями Росса, боясь заговорить.

— А сейчас заткнитесь и помалкивайте,— ни на кого не глядя, презрительно проворчал Росс, как будто разговаривал с провинившимися сыновьями.— Когда мы сядем, вы увидите, что все, что я вам говорил,— правда. Никакого корабля там не окажется. И мы попробуем поймать за хвост тех негодяев, которые внушили нам эту чушь.

По мере того как корабль спускался все ниже, Микки и Мэйсон робко наблюдали за командиром, за его руками, уверенно скользящими по элементам управления. Уверенность в капитане вернулась к Мэйсону. Он больше не волновался, а спокойно стоял на палубе и ждал посадки. Микки поднялся с пола и встал рядом.

Наконец корабль коснулся поверхности. Двигатели замерли. Итак, они снова сели, и ничего с ними не произошло...

— Включите прожектора! — раздалась команда.

Мэйсон щелкнул выключателем, и все кинулись к иллюминаторам. На какое-то мгновение он подумал: а как это Росс мог

снова опуститься на то же самое место? Он вроде бы даже не заглядывал в данные, выдаваемые компьютером во время предыдущей посадки.

Они выглянули наружу.

У Микки оборвалось дыхание. Росс замер с открытым ртом.

Разбившийся звездолет по-прежнему лежал, где они его и оставили.

Они опустились точно в ту же точку и обнаружили тот же разбившийся корабль. Мэйсон отвернулся и отошел. Он чувствовал себя жертвой какой-то дьявольской проделки, всеми проклятым и позабытым.

— А ты говорил...— обратился он к командиру, но не смог закончить фразу.

Не веря своим глазам, Росс стоял и молча смотрел перед собой.

— Сейчас мы опять взлетим,— Микки заскрежетал зубами,— и на этот раз уже разобьемся наверняка. И мы все погибнем. Как и они... эти люди...

Росс не произнес ни звука. Там, прямо перед ними, находилось убедительное опровержение его последней слабой надежды. Внутри осталась неприятная пустота. Вся вера во что-то разумное исчезла.

И тут заговорил Мэйсон.

— Мы не разобьемся,— угрюмо произнес он,— никогда.

— Что?

Микки посмотрел на Мэйсона. Росс тоже обернулся к нему.

— Хватит нам друг друга дурачить,— продолжал Мэйсон,— мы же все знаем, что это такое, не так ли?

Он сейчас думал о том, о чем минуту назад говорил Росс. О чувствах, дающих ощущение того, во что веришь. Даже если на самом деле там ничего и нет...

И, зная это, он в следующее мгновение посмотрел и снова увидел Росса, увидел Картера. Такими, какими они были. Затем он отрывисто вздохнул в последний раз перед тем, как иллюзия, их окружавшая, вновь обретет материальные формы.

— Ну что ж, это прогресс,— горько заметил он. Голос его болезненным шепотом разнесся по казавшемуся призраком кораблю.— «Летучий голландец» выходит на просторы Вселенной.

Акт исчезновения

Приведенные ниже записи взяты из школьной тетради, обнаруженной две недели назад в кондитерской в Бруклине. Рядом с тетрадью стояла недопитая чашка кофе. Владелец кондитерской заявил, что к моменту обнаружения им тетради в заведение никто не заходил по меньшей мере три часа.

Суббота, раннее утро

Мне не следует этого писать. Вдруг Мэри увидит? Что тогда? Конец, вот что, пять лет жизни псу под хвост.

Однако я обязан зафиксировать происходящее. Я слишком долго занимался писательством. Мне не будет покоя, пока я не запишу все на бумаге. Я должен изложить факты и освободить разум. Только это так сложно — все упростить, и так легко все усложнить.

Вернемся на несколько месяцев назад.

С чего все это началось? С ссоры, разумеется. Должно быть, их были тысячи с тех пор, как мы поженились. И всегда по одному и тому же поводу, вот в чем ужас.

Деньги.

— Речь идет не о вере в твои писательские таланты,— говорила Мэри.— Речь идет о счетах и о том, оплатим мы их или нет.

— Счетах за что? — говорил я.— За жизненно необходимые вещи? Нет. За вещи, которые нам даже не нужны.

— Ах, не нужны! — И дальше в том же духе.

Господи, жизнь без денег совершенно невозможна. Никто не сможет так жить, деньги — это все, когда у тебя есть хоть

© Перевод Е. Королевой.

что-нибудь. И как я могу спокойно писать, вечно переживая о деньгах, деньгах, деньгах? Телевизор, холодильник, посудомоечная машина — и за все это до сих пор не выплачен кредит. А еще кровать, которую она присмотрела...

Но, несмотря на все это, я — я сам — с упорством идиота продолжал усугублять ситуацию.

Зачем мне понадобилось убегать из дома тогда, в тот первый раз? Мы поссорились, это точно, но мы ссорились и раньше. Тщеславие, вот в чем дело. После семи лет — семи! — писательской деятельности я заработал своими произведениями триста шестнадцать долларов. И я по-прежнему подрабатывал по вечерам на паршивой работе, занимаясь за полставки машинописью. И Мэри приходилось работать там же вместе со мной. Видит бог, у нее было полное право жаловаться. Полное право настаивать, чтобы я согласился на целый рабочий день в журнале, место, которое неоднократно предлагал мне Джим.

Все зависело от меня одного. Немного везения, верный шаг, и все разрешилось бы. Больше никакой вечерней работы. Мэри могла бы сидеть дома в свое удовольствие, как и следовало. Один верный шаг, и все.

Но я сделал неверный. Господи, у меня голова идет кругом.

Я ходил развлекаться вместе с Майком. Мы, два кретина с остекленевшими глазами, познакомились как-то с Джин и Салли. И встречались с ними несколько месяцев, отмахиваясь от того очевидного факта, что ведем себя как полные идиоты. Отдавались новым ощущениям. Играли в дурацкую игру в поисках совершенства.

И вот вчера вечером мы, двое женатых мужчин, отправились с ними в их клубный дом и...

Смогу ли я признаться? Я боюсь или слишком слаб? Дурак!

Прелюбодей.

Как же можно смешивать подобные понятия? Я люблю Мэри. Очень люблю. Однако же я все равно сделал это.

И чтобы уж совершенно все усложнить: мне это понравилось. Джин прелестная, понимающая, пылкая, просто воплощение утерянных идеалов. Это было чудесно. Не могу сказать, что не было.

Но как же плохое может быть чудесным? Как жестокость может вселять радость? Все это порочно, запутанно, сложно и лико.

Суббота, день

Она простила меня, слава богу. Я больше никогда не стану видеться с Джин. Все у нас теперь будет хорошо.

Этим утром я пришел и сел на кровать, Мэри проснулась. Она посмотрела на меня, потом на часы. Она плакала.

— Где ты был? — спросила она голоском маленькой девочки, который появляется у нее, когда она напугана.

— С Майком,— сказал я.— Мы всю ночь пили и трепались.

Она еще секунду смотрела на меня. Потом медленно взяла мою руку и прижала к своей щеке.

— Прости меня,— сказала она, и слезы навернулись ей на глаза.

Мне пришлось прижаться к ней головой, чтобы она не видела моего лица.

— О, Мэри,— произнес я.— И ты меня прости.

Я так и не рассказал ей. Она значит для меня слишком много. Я не в силах ее потерять.

Суббота, вечер

Днем мы пошли в «Мебельный магазин Манделя» и выбрали новую кровать.

— Мы не можем ее себе позволить, милый,— сказала Мэри.

— Ничего страшного,— сказал я.— Ты же знаешь, что старая никуда не годится. Я хочу, чтобы моя девочка спала как королева.

Она радостно поцеловала меня в щеку. Попрыгала на кровати, как развеселившийся ребенок.

— Ой, смотри, какая мягкая! — сказала она.

Все было прекрасно. Все, кроме новой стопки счетов, пришедшей с сегодняшней почтой. Все, кроме моего нового рассказа, который не желает начинаться. Все, кроме моего романа, который отвергали уже пять раз. «Берни Хаус» должен взять. Они уже долго его держат. Я очень на них рассчитываю. Разные мысли приходят в голову, пока я пишу. Все время приходят. Все чаще и чаще у меня появляется ощущение, будто я сжатая пружина.

Что ж, Мэри довольна.

Воскресенье, вечер

Новые неприятности. Очередная ссора. Я даже не понял, из-за чего. Она дуется. Я закипаю. Я не могу писать, когда расстроен. И она это знает.

Мне хочется позвонить Джин. Она хотя бы интересуется моим творчеством. Мне хочется послать все к черту. Напиться, спрыгнуть с моста — все, что угодно. Неудивительно, что дети счастливы. Жизнь им кажется простой. Иногда хочется есть, иногда холодно, иногда пугает темнота. Вот и все. К чему утруждать себя и расти? Жизнь после этого делается слишком сложной.

Мэри только что позвала меня ужинать. Есть мне не хочется. Мне даже не хочется оставаться дома. Может быть, попозже я позвоню Джин. Просто сказать «привет».

Понедельник, утро

Черт, черт, черт!

Мало того, что они держали рукопись три месяца. Это было бы не плохо, вовсе нет! Но они залили все страницы кофе и прислали мне *отпечатанный* на полоске бумаги отказ, приклеенный к титульному листу. Я готов их убить! Хотелось бы мне знать, понимают ли они, что делают?

Мэри увидела бумажку.

— И что *теперь*? — спросила она издевательским тоном.

— Теперь? — переспросил я.

Я старался не взорваться.

— Все еще считаешь, что можешь писать? — спросила она.

И я взорвался.

— А они-то, конечно, истина в последней инстанции? — бушевал я.— Они имеют право выносить окончательный приговор моему творчеству?

— Ты пишешь уже семь лет,— сказала она.— И ничего не происходит.

— И буду писать еще семь,— сказал я.— Сотню, тысячу!

— Значит, ты не согласишься на работу в журнале Джима?

— Нет, не соглашусь.

— Ты сказал, что возьмешь ее, если с книгой ничего не выйдет.

— У меня есть работа,— заявил я,— и у тебя есть работа, все идет как надо и будет идти так и впредь.

— Только мне впредь этого не надо! — отрезала она.

Она может меня бросить. Плевать! Все равно мне все это осточертело. Счета, счета. Писанина, писанина. Отказы, отка-

зы, отказы! А добрая старая жизнь все коптит, возводит свои миленькие мозголомные сложности, словно идиот, громоздящий башню из кубиков.

Ты! Тот, который правит миром, который вертит вселенную. Если там, наверху, меня кто-нибудь слышит, сделайте этот мир попроще! Я ни во что не верю, но я отдал бы... что-нибудь! Если бы только...

Но какая разница? Мне уже на все наплевать.

Вечером позвоню Джин.

Понедельник, день

Я только что ходил звонить Джин, договориться насчет субботы. Мэри в субботу собирается в гости к сестре. Она не заговаривала о том, что я должен поехать вместе с ней, а сам-то я об этом уж точно не заикнусь.

Я звонил Джин вчера вечером, но телефонистка на коммутаторе в клубном доме «Стэнли» сказала, что Джин вышла. Я решил, что смогу дозвониться днем ей на работу.

Поэтому я пошел в кондитерскую на углу узнать номер. Наверное, я уже успел об этом упомянуть. Я звонил ей довольно часто. Но до сих пор как-то не удосуживался запомнить номер. Какого черта, ведь есть же телефонные книги.

Она работает в журнале, который называется «Руководство по дизайну» или «Руководство дизайнера», что-то в этом роде. Странно, этого я тоже так и не запомнил. Наверное, никогда особенно не задумывался о сути.

Хотя я прекрасно помню, где расположено ее издательство. Я заходил туда несколько месяцев назад, когда приглашал ее на обед. Кажется, в тот день я сказал Мэри, что иду в библиотеку.

Так вот, насколько я помнил, телефон конторы Джин помещался в верхнем правом углу нечетной страницы справочника. Я смотрел его дюжины раз и всегда его находил.

Но не сегодня.

Я отыскал слово «руководство» и кучу начинавшихся с него названий. Но все они помещались в левом нижнем углу четной страницы, то есть в совершенно противоположном месте. И я так и не смог отыскать ни одного названия, которое бы показалось мне знакомым. Обычно, наталкиваясь на название ее жур-

нала, я думал: «Ага, вот оно». После чего смотрел номер телефона. Сегодня не произошло ничего подобного.

Я искал и искал, водил пальцем по листу, но не мог найти ничего похожего на «Руководство по дизайну». В итоге я остановился на телефоне «Журнала дизайна», однако меня не покидало ощущение, что это совсем не тот номер, который мне нужен.

Я... я допишу это позже. Мэри только что позвала меня обедать, ужинать, черт его знает. В общем, на главную трапезу дня, поскольку мы оба работаем по ночам.

Несколько позже

Обед был отличный. Мэри, могу поклясться, здорово готовит. Если бы еще мы не ссорились. Интересно, умеет ли готовить Джин.

В любом случае, еда немного подкрепила меня. Я в ней нуждался. Я несколько перенервничал из-за этого телефонного звонка.

Я набрал номер. Ответил женский голос.

— «Журнал дизайна»,— произнесла секретарша.

— Я хотел бы поговорить с мисс Лейн,— сказал я.

— С кем?

— Мисс Лейн.

— Минутку,— произнесла она. И я уже знал, что это не тот номер. Каждый раз, когда я звонил раньше, женский голос произносил: «Соединяю» — и сейчас же соединял меня с Джин.

— Как, простите, вы сказали? — переспросила она.

— Мисс Лейн. Если вы ее не знаете, должно быть, я ошибся номером.

— Наверное, вам нужна мисс Пейн.

— Нет, нет. Обычно, когда я звонил, секретарь всегда сразу знала, о ком идет речь. Я ошибся номером. Извините.

Я повесил трубку. Я был здорово раздражен. Я столько раз видел этот номер, и вот пожалуйста.

Теперь я не могу его найти.

Естественно, сначала я решил не оставлять это дело просто так. Я подумал, может быть, в кондитерской старый справочник. Поэтому я дошел до аптеки. В аптеке был точно такой же справочник.

Ладно, придется позвонить ей вечером с работы. Но ведь я хотел встретиться с ней после обеда, чтобы наверняка договориться на субботу.

Я тут прямо сейчас кое-что понял. Та секретарша. Ее голос. Это был тот же самый голос, который отвечал мне в «Руководстве дизайнера».

Однако... О, я сплю.

Понедельник, вечер

Я позвонил Джин домой, пока Мэри выходила из конторы, чтобы принести кофе.

Я сказал телефонистке на коммутаторе то же самое, что говорил ей дюжины раз.

— Не могли бы вы соединить с квартирой мисс Лейн?

— Да, сэр, одну минутку.

Последовала долгая пауза. Я начал терять терпение. Но тут трубка снова ожила.

— Как, вы сказали, ее фамилия? — переспросила телефонистка.

— Мисс Лейн. *Лейн*,— повторил я.— Я звонил ей сюда неоднократно.

— Я еще раз просмотрю список жильцов,— сказала она.

Я еще немного подождал. Потом снова услышал ее голос.

— Прошу прощения. Но в списке нет никого с таким именем.

— Но я же звонил ей по этому номеру много раз.

— Вы уверены, что набрали правильный номер?

— Да, да. Уверен. Это же клубный дом «Стэнли», верно?

— Да, верно.

— Ну так туда я и звоню.

— Даже не знаю, что вам ответить,— произнесла она.— Все, что я могу сказать: я совершенно уверена, что у нас нет ни одного жильца с такой фамилией.

— Но я же звонил сюда вчера вечером! Вы сказали, что ее нет дома.

— Прошу прощения, я не помню.

— Вы уверены? Совершенно уверены?

— Ну, если хотите, я еще раз просмотрю список жильцов. Но в нем нет такой фамилии, я совершенно точно знаю.

— И никто с такой фамилией не съезжал от вас в последние дни?

— У нас уже год нет свободных квартир. В Нью-Йорке, знаете ли, не так-то просто найти жилье.

— Знаю,— сказал я и повесил трубку.

Вернулся обратно за стол. Мэри пришла из аптеки. Сказала мне, что мой кофе уже остыл. Я сказал, что звонил Джиму поблагодарить за заботу. Убогая ложь. Теперь она снова заведется.

Я выпил кофе и немного попечатал. Но я не соображал, что делаю. Я изо всех сил старался привести мозги в порядок.

Должна же она где-нибудь найтись, думал я. Я же знаю, что все это мне не приснилось. Я знаю, что не мог придумать все те сложности, которые держу в тайне от Мэри. И я знаю, что Майк и Салли не...

Салли! Салли ведь тоже живет в «Стэнли».

Я сказал Мэри, что у меня болит голова и я схожу за аспирином. Она сказала, что аспирин должен быть в мужской уборной, в шкафчике. Я сказал, что там такой аспирин, который я терпеть не могу. Я все больше увязаю во лжи!

Я почти бегом добрался до ближайшей аптеки. Разумеется, я не хотел снова звонить с рабочего телефона.

На мой звонок ответила та же телефонистка.

— А мисс Нортон дома? — спросил я.— Салли Нортон.

— Минутку, пожалуйста,— сказал она, и я ощутил, как все мои внутренности сжались.

Она всегда сразу же узнавала имена давних жильцов. А Салли с Джин жили в этом доме не меньше двух лет.

— Прошу прощения,— сказала она.— В списке не значится никого с таким именем.

Я застонал.

— О господи!

— Что-то случилось? — поинтересовалась она.

— Ни Джин Лейн, ни Салли Нортон здесь не живут?

— Так это вы звонили сюда только что?

— Да.

— Слушайте. Если это какой-то розыгрыш...

— Розыгрыш! Вчера вечером я звонил вам, вы сказали мне, что мисс Лейн вышла, спросили, не хочу ли я что-нибудь передать. Я отказался. И вот я звоню сегодня вечером, а вы утверждаете, что у вас нет никого с такой фамилией.

— Прошу прощения. Не знаю, что вам сказать. Вчера вечером было мое дежурство, но я не помню, чтобы разговаривала с вами. Если хотите, могу соединить вас с управляющим.

— Нет, не стоит,— сказал я и повесил трубку.

После чего набрал номер Майка. Но его не было дома. Трубку взяла его жена, Глэдис, она сказала мне, что Майк отправился в кегельбан.

Я был несколько взбудоражен и сморозил:

— С парнями?

— Да, надеюсь, что так,— ответила она несколько высокомерно.

Мне стало не по себе.

Вторник, вечер

Сегодня вечером я снова звонил Майку. Спросил его о Салли.

— Кто?

— Салли.

— Какая Салли? — спросил он.

— Ты и сам прекрасно знаешь какая, ты, двуличный тип!

— Слушай, это что, розыгрыш? — спросил он.

— Может, и так,— согласился я.— Но давай все-таки поговорим откровенно.

— Давай начнем с самого начала,— предложил он.— Кто такая, черт побери, эта Салли?

— Ты не знаешь Салли Нортон?

— Нет. А кто это?

— Ты никогда не ужинал с ней, с Джин Лейн и со мной?

— Джин Лейн! О ком ты вообще говоришь?

— Так ты и Джин Лейн не знаешь?

— Нет, лично я не знаю, и все это уже не смешно. Теряюсь в догадках, что ты имел в виду под откровенным разговором. Мы с тобой двое женатых мужчин и...

— Слушай! — Я почти орал в телефон.— Где ты был три недели назад в субботу?

Он секунду помолчал.

— Ты имеешь в виду тот вечер, когда мы с тобой устроили небольшой мальчишник, потому что Мэри с Глэдис отправились на показ мод в...

— Мальчишник! И с нами никого больше не было?

— Кого?

— Не было девушек? Салли? Джин?

— О господи, снова началось,— простонал он.— Слушай, дружище, что с тобой творится? Я могу тебе чем-нибудь помочь?

Я ударил ногой по стенке телефонной будки.

— Нет,— прошептал я слабо.— Нет.

— Ты уверен, что с тобой все в порядке? Голос у тебя чертовски расстроенный.

Я повесил трубку. Я и был чертовски расстроен. У меня было такое ощущение, будто бы я умираю с голоду, а во всем мире не осталось ни единой крошки еды, чтобы его утолить.

В чем же дело?

Среда, день

Был только один способ установить, действительно ли исчезли Салли и Джин.

Я познакомился с Джин через парня, с которым дружил в колледже. Он живет в Чикаго, это мой друг Дейв. Именно он дал мне ее нью-йоркский адрес, адрес клубного дома «Стэнли». Естественно, я не стал говорить Дейву, что женат.

Вот так я познакомился с Джин и стал встречаться с ней, а Майк стал встречаться с ее подругой Салли. Вот так все было. Я точно *знаю*, что так было.

И вот сегодня я написал Дейву письмо. Рассказал ему, что случилось. Умолял его проверить, дома ли она, и сейчас же написать мне, объяснить, что это: розыгрыш или же нелепая череда совпадений. После чего я достал свою записную книжку.

Адрес Дейва исчез из книжки.

Неужели я действительно схожу с ума? Я совершенно точно знаю, что адрес там был. Я помню вечер, много лет назад, когда сам старательно записал его, потому что не хотел потерять с Дейвом связь после колледжа. Я даже помню чернильное пятно, которое посадил, потому что у меня подтекала ручка.

Страница пуста.

Я помню его фамилию, как он выглядит, как он говорит, все, что мы делали вместе, лекции, на которые вместе ходили.

У меня даже сохранилось письмо от него, присланное на пасхальных каникулах, на которые я оставался в колледже. Помню, мы с Майком жили тогда в одной комнате. Поскольку мы были

из Нью-Йорка, нам не было смысла уезжать домой, ведь пасхальные каникулы длились всего несколько дней.

А вот Дейв поехал домой, в Чикаго, и оттуда прислал нам очень забавное письмо, спешной почтой. Помню, он, хохмы ради, запечатал его воском и приложил к нему свое кольцо.

Письмо исчезло из ящика письменного стола, где я держал его все это время.

И еще у меня было три фотографии Дейва, которые я снял в день выпуска. Две из них я храню в альбоме. Они по-прежнему там...

Только на них нет его.

Это просто фотографии, где на заднем плане видны постройки кампуса.

Я боюсь смотреть на них дальше. Я мог бы написать в колледж или позвонить туда и спросить, учился ли здесь когда-нибудь Дейв.

Но я боюсь даже пробовать.

Четверг, день

Сегодня я отправился в Хэмпстед навестить Джима. Я пришел к нему в контору. Он был удивлен моему появлению. Он поинтересовался, неужели я отправился в такую даль только для того, чтобы его повидать.

— Только не говори, что ты решил согласиться на эту работу,— сказал он.

— Джим,— спросил я его,— ты когда-нибудь слышал, чтобы я говорил о девушке по имени Джин из Нью-Йорка?

— Джин? Нет, кажется, не слышал.

— Ну вспомни, Джим. Я ведь рассказывал тебе о ней. Неужели ты не помнишь, когда мы в последний раз играли в покер, ты, Майк и я? И тогда я тебе о ней рассказывал.

— Я не помню, Боб,— сказал он.— А что с ней такое?

— Не могу ее найти. И не могу найти ту девушку, с которой встречался Майк. А Майк утверждает, будто бы вообще не знаком ни с одной из них.

Он, кажется, ничего не понимал, поэтому я объяснил все еще раз. Тогда он сказал:

— Ну и что с того? Два женатика решили пофлиртовать с девицами...

— Они были просто приятельницы,— оборвал его я.— Я познакомился с ними обеими через парня, с которым дружил в колледже. И нечего сгущать краски.

— Ладно, ладно, забудем. Но я-то тут при чем?

— Я не могу их найти. Они исчезли. Я даже не могу доказать, что они когда-либо существовали.

Он пожал плечами.

— И что с того?

Потом он спросил меня, знает ли Мэри. Я отмахнулся от его вопроса.

— Разве я не упоминал Джин в одном из своих писем? — спросил я его.

— Не могу сказать. Я никогда не храню письма.

Вскоре я ушел. Он сделался слишком уж любопытным. Я ясно представил себе дальнейшее. Он рассказывает своей жене, его жена рассказывает Мэри — и катастрофа.

Когда я потом ехал на работу, меня охватило кошмарное чувство, что и сам я являюсь чем-то временным. А когда я опустился на сиденье, мне показалось, что я завис в воздухе.

Мне кажется, я схожу с ума. Потому что я нарочно толкнул одного старика, проверить, видит ли он меня, осязает ли. Он возмутился и обозвал меня неуклюжим болваном.

Я был ему за это благодарен.

Четверг, вечер

Сегодня во время работы я снова позвонил Майку, выяснить, помнит ли он Дейва из колледжа.

Я услышал гудок, затем сброс. Подключилась телефонистка и спросила:

— По какому номеру вы звоните, сэр?

Меня пробрал озноб. Я назвал ей номер. Она сказала мне, что такого номера не существует.

Трубка выпала у меня из рук и грохнулась об пол. Мэри встала из-за своего стола посмотреть.

— Алло,— кричала телефонистка,— алло, алло...

Я поспешно поднял с пола трубку и положил ее на рычаг.

— Что случилось? — спросила Мэри, когда я вернулся за свой стол.

— Уронил телефон,— сказал я.

Я сел, принялся работать, дрожа от озноба.

Я боюсь говорить Мэри о Майке и его жене Глэдис.

Я боюсь, она ответит, что никогда не слышала о таких.

Пятница

Сегодня я заходил в «Руководство по дизайну». В справочном мне сказали, что издательства с таким названием не существует. Однако я все равно отправился в город. Мэри рассердилась на то, что я ухожу. Но я должен был пойти.

Я вошел в здание. Просмотрел список компаний в фойе. И хотя я знал, что не найду в этом списке журнала, я был потрясен, на меня накатила дурнота и чувство опустошенности.

У меня кружилась голова, когда я поднимался на лифте. Было такое ощущение, будто меня уносит куда-то вдаль.

Я вышел на третьем этаже, на том самом месте, откуда както раз забирал Джин.

Здесь помещалась текстильная компания.

— Тут никогда не было редакции журнала? — спросил я секретаря в приемной.

— На моей памяти не было,— сказала она.— Правда, я здесь работаю всего три года.

Я отправился домой. Сказал Мэри, что заболел и сегодня вечером на работу не пойду. Она сказала, ладно, тогда она тоже не пойдет. Я отправился в спальню, чтобы побыть одному. Я стоял на том месте, куда мы собирались поставить новую кровать, когда ее привезут на следующей неделе.

Вошла Мэри. Нетерпеливо потопталась в дверном проеме.

— Боб, что происходит? — спросила она.— Неужели у меня нет права знать?

— Ничего,— ответил я.

— Прошу тебя, не надо так говорить,— сказала она.— Я же знаю, что что-то происходит.

Я пристально посмотрел на нее. Потом отвернулся.

— Я... мне нужно написать письмо,— сказал я.

— Кому?

Я взвился.

— Это мое личное дело,— сказал я.

После чего сказал ей, что письмо Джиму.

— Хотела бы я тебе верить,— сказала она.

— Это еще что такое? — возмутился я.

Она посмотрела на меня долгим взглядом, после чего развернулась.

— Передавай Джиму привет от меня,— сказала она, и голос ее дрогнул.

От того, как она это произнесла, меня передернуло.

Я сел и написал Джиму письмо. Я решил, что он сможет помочь. Слишком отчаянное положение, чтобы заботиться о конспирации. Я рассказал ему, что Майк пропал. Я спрашивал его, помнит ли он Майка.

Забавно. Рука у меня практически не дрожит. Может быть, так обычно и бывает, когда с тобой почти покончено.

Суббота

Сегодня Мэри отправилась печатать какой-то дополнительный заказ. Она рано ушла.

Позавтракав, я взял из металлической коробки в шкафу свою банковскую книжку. Нужно было снять денег на кровать.

В банке я заполнил бланк на снятие со счета девяноста семи долларов. Потом встал в очередь и наконец протянул бумагу и книжку кассиру.

Он раскрыл книжку и, нахмурившись, уставился в нее.

— Вы полагаете, что это весело? — спросил он.

— Что именно весело? — не понял я.

Он толкнул банковскую книжку ко мне.

— Следующий,— сказал он.

Наверное, я закричал.

— Да что с вами такое?!

Краем глаза я увидел, как один из работников подскочил на своем стуле и поспешил ко мне. Женщина у меня за спиной сказала:

— Пропустите меня, пожалуйста, к окошку.

Тот человек подошел и засуетился вокруг меня.

— У вас какие-то неприятности, сэр? — спросил он.

— Кассир отказывается выдавать деньги по моей книжке,— объяснил я ему.

Он попросил мою книжку, открыл ее. После чего поднял на меня удивленные глаза. И заговорил негромко.

— Но ваша книжка пуста,— сказал он.

Я схватил ее и уставился, чувствуя, как колотится сердце.

Книжка была совершенно чистая.

— О боже мой! — застонал я.

— Может быть, мы проверим по номеру книжки,— сказал мне банковский служащий.— Не пройдете ли вы к моему столу?

Но на книжке не было никакого номера. Я видел. И чувствовал, что слезы текут из глаз.

— Нет,— сказал я.— Нет.— Я прошел мимо него и направился к двери.

— Подождите минутку, сэр,— окликнул он меня.

Я побежал и бежал всю дорогу до дома.

Я уселся в гостиной, ждать, когда Мэри вернется домой. И жду до сих пор. Смотрю на чистую банковскую книжку. На строчку, в которой стояли две наши подписи. На графы, куда мы вписывали суммы вкладов. Пятьдесят долларов от ее родителей на нашу первую годовщину. Двести тридцать долларов, выплаченных по страховке для бывших военнослужащих. Двадцать долларов. Десять долларов.

Ничего нет.

Все исчезло. Джин. Салли. Майк. Имена упархивали прочь, а вместе с ними и люди.

Теперь вот это. Что дальше?

Суббота, несколько позже

Я знаю.

Мэри не вернется домой.

Я позвонил на работу. Услышал голос Сэма, спросил его, там ли Мэри. Он сказал, что я, наверное, ошибся номером, никакая Мэри здесь не работает. Я назвался. Спросил его, работаю ли у него я сам.

— Кончай разыгрывать,— сказал он.— Увидимся в понедельник вечером.

Я позвонил своей двоюродной сестре, родной сестре, двоюродной сестре Мэри, ее родной сестре, ее родителям. Никто не ответил. Даже гудков не было. Ни один из номеров не работал. А потом исчезли и номера.

Воскресенье

Не знаю, что делать. Весь день я просидел в гостиной, глядя на улицу. Смотрел, не пройдет ли мимо дома кто-нибудь, кого я знаю. Но никто не прошел. Сплошные незнакомцы.

Я боюсь выходить из дома. Это все, что у меня осталось. Наша мебель и наша одежда.

В смысле, моя одежда. Ее шкаф пуст. Я заглянул в него утром, когда проснулся, и увидел, что от ее одежды не осталось даже нитки. Словно по мановению волшебной палочки, все исчезает, словно...

Я только засмеялся. Должно быть...

Я позвонил в мебельный магазин. Они работают в воскресенье. Мне сказали, что у них нет записи о том, что мы заказывали кровать. Не хочу ли я сам зайти и убедиться?

Я повесил трубку и еще немного посмотрел в окно.

Подумал, не позвонить ли тетке в Детройт. Но не смог вспомнить номер. А в записной книжке его больше нет. Во всей книжке ни единой записи. Если не считать моего имени на обложке, вытисненного золотом.

Моего имени. Одно только имя и осталось. Что я могу сказать? Что я могу сделать? Все так просто. Здесь ничего нельзя сделать.

Я смотрел альбом с фотографиями. Почти все снимки изменились. На них нет людей.

Мэри исчезла, исчезли все наши друзья и родственники.

Забавно.

На свадебной фотографии я сижу один за огромным столом, уставленным угощениями. Левая рука у меня вытянута в сторону и согнута, как будто бы я обнимаю невесту. А вдоль всего стола в воздухе зависли стаканы.

Подняты в мою честь.

Понедельник, утро

Я только что получил письмо, отправленное Джиму. На конверте штамп: «Неверный адрес».

Я хотел перехватить почтальона, но не смог. Тот ушел раньше, чем я успел встать.

Я сходил в бакалею рядом с домом. Бакалейщик меня узнал. Но когда я заговорил с ним о Мэри, он сказал, чтобы я перестал валять дурака, ведь я же закоренелый холостяк и мы оба это знаем.

У меня осталась только одна идея. Это опасно, но придется рискнуть. Придется выйти из дома и отправиться на другой ко-

нец города в Управление по делам бывших военнослужащих. Хочу посмотреть, сохранились ли там сведения обо мне. Если да, значит, у них что-нибудь будет о моих школьных друзьях, о женитьбе, о людях, которые составляли часть моей жизни.

Эту тетрадку я возьму с собой. Не хочу ее потерять. Если я ее потеряю, у меня не останется ни единого материального доказательства, способного напомнить мне, что я не сошел с ума.

Понедельник, вечер

Дом исчез.

Я сижу в кондитерской на углу.

Когда я вернулся из Управления, то обнаружил вместо него пустую площадку. Я спросил у мальчишек, которые играли на ней, знают ли они меня. Они сказали, что нет. Я спросил их, что случилось с этим домом. Они сказали, что играют на этом месте, сколько себя помнят.

В Совете никаких сведений обо мне не оказалось. Ничего.

Это значит, что отныне я никто. Все, что у меня осталось, это я сам, тело и одежда на нем. Все документы, удостоверяющие личность, исчезли из бумажника.

И часы тоже исчезли. Просто взяли и исчезли. Прямо с руки.

У них сзади была гравировка. Я помню слова.

«Моему единственному, с любовью. Мэри».

У меня осталась еще чашка ко

Незаконные наследники

Позвольте мне рассказать вам об одной из последних человеческих личностей, которая отправилась на пикник со своим мужем, Джорджем Грэйди.

Имя этой особы было Элис, у нее были светлые волосы и на все свое мнение. От роду ей было двадцать восемь лет, ее мужу — тридцать два. Они, как и большинство людей, любили иногда помечтать. Причина, по которой они отправились на пикник, состояла не в этом, но все же сей факт стоит упоминания.

Джордж работал на город. Это означало, что он работает шесть дней в неделю и у него только один выходной. На той неделе, когда они поехали на пикник, выходной выпал на среду.

Итак, утром той среды Элис с Джорджем встали очень рано, даже раньше, чем их электрический петух прокукарекал подъем. Они переговаривались шепотом, пока занимались утренним туалетом, а затем спустились в кухню.

Они позавтракали и сделали бутерброды, нарезали пикули, а Джордж вынул из крутых яиц желтки, растер их с перцем и прочими приправами, после чего запихнул получившуюся массу обратно в яйца, назвав их произведением искусства.

Затем, когда все бутерброды были аккуратно завернуты в вощеную бумагу, а в термосах булькал кофе, они вышли из своего маленького домика.

Автомобиль дожидался их на утреннем воздухе. Они уложили вещи в пропахший бензином, запотевший салон и потрюхали по сельской местности, по горам, по долам, и так далее. Они ехали, пока с дороги не исчезли рекламные плакаты, а значит, уехали от города достаточно далеко.

© Перевод Е. Королевой.

Когда они добрались до места, где ощущалось слабое дыхание природы и где еще не успел начаться очередной пригород, Джордж свернул с автомагистрали и поехал по старой колее, заросшей по бокам высокой травой, кустами и мокрыми от росы деревьями.

Через некоторое время он вывел их верную малолитражку на роскошную лесную поляну. Джордж заглушил мотор, они вышли и расстелили на земле покрывало так, чтобы можно было смотреть на сверкающее, как зеркало, озеро.

После чего уселись и стали восхищаться рукодельем Господа, делая одобрительные замечания. Элис подтянула к себе свои худые коленки и обхватила их такими же худыми руками. Джордж снял шляпу и пригладил немногие остатки волос. Как и всегда, он потчевал Элис россказнями о том, как они, парни, вкалывают и какие они классные. Элис было плевать. На самом деле и самому Джорджу тоже.

Спустя некоторое время они съели еду из плетеной корзинки, облизали губы и заявили, что нет ничего вкуснее еды на свежем воздухе. Джордж слопал пять сэндвичей и рыгнул.

После чего, наевшийся до отвала, он издал чудовищный стон, распустил ремень и повалился на спину. Джордж зевнул, демонстрируя заполненный золотыми коронками рот, и объявил о своем намерении проспать пару следующих лет.

Элис сказала, давай пойдем погуляем, полюбуемся пейзажем. Нам просто необходима прогулка, чтобы переварить все, что мы съели. Она сказала, это преступление — растрачивать впустую такую красотищу, ведь это такое великолепное, такое великолепное место. Она спросила у Джорджа, спит ли он, и он ответил, что спит.

Она встала, осыпая его упреками.

Элис оставила Джорджа храпеть, а сама пошла с поляны по уходящей в лес тропинке.

Стоял теплый день. Солнце обнимало землю теплыми ладонями. Ветерок шептал что-то в кронах деревьев над головой, и лесные шорохи походили на песню. Птицы чирикали, щебетали и разражались трелями, и Элис была охвачена страстью к Природе. Она бежала вприпрыжку. Она пела.

Она дошла до холма и забралась на него, как настоящая скалолазка. На вершине она уперлась костлявыми кулачками в бока и с хозяйским видом оглядела темный полог леса внизу.

Отсюда, с вершины, он походил на сумрачный театр, в котором все деревья, словно терпеливые зрители, дожидались начала представления. Свет почти не проникал сквозь густые волосы их зеленых париков.

Элис захлопала в ладоши в невыразимом восторге и пошла вниз по тропинке, которая появилась здесь будто ниоткуда. Сухие листья напевали магические заклинания под ее ногами.

У подножия холма она обнаружила маленький мостик, который дугой выгнул свою замшелую спину над ручьем, журчашим и булькающим по гладким камешкам.

Элис постояла на мосту, вглядываясь в хрустальный поток. Она увидела свое отражение в этом текучем стекле. Ее отражение убегало, разбивалось и снова соединялось. Это ее развеселило.

Я заблудилась в лесу, сказала она себе. Я клошка Златовласка*, и я заблудилась в стласном сталом лесу.

Она захихикала, сморщив худенькое личико.

После чего задумалась, а с чего, собственно, спустя столько лет она вспомнила о Златовласке. Она сдвинула брови. Они сошлись в размышлении. Мозговые клетки трудились изо всех сил.

Она махнула рукой.

Опрометчиво.

Я Златовласка, настаивала она, напевая, после чего оторвалась от перил и сошла со скрипучего мостика.

Элис сделала пару шагов и ахнула.

Боже мой, подумала она.

В глубокой тени на поляне, у самой кромки леса стоял маленький домик. Вот ведь странно, сказала Элис, ни к кому не обращаясь. До сих пор я его не замечала. Может быть, он прятался в тени? Я вообще не заметила его с холма.

Ну разумеется, она его не заметила.

Элис пошла по ковру из листьев к домику.

Часть ее существа хотела вернуться, чувствуя неестественность происходящего. Ведь она только что сказала, будто она Златовласка. А в следующую секунду действительно появился домик, и если это не домик трех медведей, то чей тогда?

---

* Сюжет о Златовласке аналогичен русской сказке «Маша и три медведя». *(Прим. ред.)*

Она приблизилась робкими шажками. Затем остановилась.

Домик был прелестный. Как и полагается домику из сказки, с резными карнизами, ставнями и наличниками. Элис пришла в возбуждение. Она вприпрыжку кинулась к домику, чувствуя себя маленькой девочкой.

Она решила и дальше лепетать по-детски, заглядывая через покрытый пылью оконный переплет.

Ой-ой-ой, ворковала она, ну лазве не чудесный клошечный домик?

Она не могла как следует разглядеть, что там внутри. Окно было мутное. Надо подойти к двери, проявилась одна мысль из массы невнятных обрывков в голове. Она поверила, что это ее собственная мысль, и направилась к двери.

Дотронулась до нее. Толкнула. Ух ты, сказала она и заглянула внутрь.

Там была точно такая же комната, как на картинке в книжке про Златовласку, которую она в последний раз видела лет двадцать назад.

Двадцать? Ошеломляющая мысль несколько ослабила ее восторг. Она надула губки от обиды на жестокое время.

Затем сказала себе: не стану даже думать об этом. Буду веселиться.

Итак, крошка Златовласка вошла в маленький домик и увидела там, посреди комнаты, три стула.

Нет, ну надо же, сказала Элис, не вполне улавливая настроение, каким был пронизан момент.

Она с недоверием смотрела на стулья.

Один был большой. Второй был размером для мамы. И третий — детский.

Ой, сказала Элис.

Она огляделась по сторонам. Все сходится. Она была поражена. Шутки кончились. Готово дело. Спятила. Но это же правда, она на самом деле здесь.

Элис подошла к большому стулу. Она гадала, для чего все это устроено. Разумеется, она никак не могла догадаться.

Ее рот был готов растянуться в улыбку, когда она радостно уселась на краешек стула для папы. Она негромко засмеялась, и серьезность сошла с ее некрасивого личика. Она снова ощутила себя девочкой. Я крошка Златовласка, и я прибью любого мерзавца, который посмеет сказать, что это не так.

Она огляделась по сторонам, ее губы кривились в попытке сдержать улыбку мрачного восторга. Мне не нравится этот стул, подумала она. Мне он не нравится, потому что я Златовласка и он должен мне не нравиться.

Она выпрямилась на стуле.

Я действительно Златовласка. Я по-настоящему превратилась в нее.

Эта мысль вызвала головокружение у миссис Элис Грэйди: замужем десять лет, бездетная, первая седина в волосах, ненароком забрела в сказочный мир.

Мне не нравится этот стул, заявила она.

И, что самое странное, он ей в самом деле не нравился. Поэтому она встала. На миг ее пронзила мысль, что Джордж не увидит этого чудесного места. Что ж, сам виноват, так и проспит всю жизнь. И ее нельзя было винить за эту мысль.

Элис застыла на секунду, думая, кто же может владеть этим чудесным домиком. Может, это выставочный павильон какой-нибудь меховой компании или мебельной фабрики? А? — спросила она, но стены ничего ей не ответили.

Она подошла к окну и посмотрела наружу.

Видно было плохо. Однако она заметила, что уже темнеет.

Но солнечные лучи пока что еще пробивались сквозь кроны деревьев и падали на землю. Элис смотрела, как золотые ленты протягиваются сквозь сумрак. Она вздохнула. Это сказка, без дураков. Нереальный мир, ставший реальным.

Это ее напугало.

Потому что люди не привыкли к тому, чтобы нереальное становилось реальным. От этого их сытые мозги охватывает нечто похожее на болезненный голод. Они заключают реальность в удушливые рамки теории вероятностей. И только в определенный момент времени, когда они ослабевают, то впускают в себя воображаемое.

Как раз в такой момент их можно прибрать к рукам.

И вот, напуганная лишенным определенной формы осознанием, Элис застучала каблучками к двери. Дверь открылась без труда. И это все изменило.

Она сказала, о, какого черта, чего мне волноваться? Всего раз в месяц, и то если повезет, Джордж вывозит меня на прогулку, и вот сегодня как раз такой день, так что я не стану тратить его даром.

Она вернулась обратно в комнату, кичась своей храбростью.

Она посидела на втором стуле, просто чтобы не нарушать сюжет. Не-а, сказала она звонким девчачьим голоском. Встала, на ее лице отразилось явное отвращение.

Шагнув в сторону, она шлепнулась на самый маленький стул. Ах, сказала она, ха-ха, заявила она утвердительно, этот стул — то, что надо. Я посижу на нем и подумаю.

Она погрузилась в размышления.

Все это очень странно. Откуда взялся этот домик? Может, собственность какого-то эксцентричного миллионера? Нет, только не на муниципальных землях. Тогда что все это значит? Кто здесь живет? Только посмей сказать, что три медведя, обратилась она к самой себе, и я дам тебе по зубам.

Но если не три медведя, то кто же? Она почесала голову. И сколько их? Или...

С этой мыслью Элис вскочила со стула и кинулась в соседнюю комнату.

Н-да, чтоб мне лопнуть, проговорила она ошеломленно.

Там стоял стол.

Точно такой же стол, как в детской книжке «Три медведя». Низкий, грубо сколоченный стол, старый, в пятнах.

И на этом самом столе стояли три миски с дымящейся овсянкой.

У Элис отпала челюсть. Это был удар под дых, и уже не смешно. Что все это значит?

Она смотрела на стол с мисками, и мурашки пробегали по ее двадцативосьмилетней с чем-то там спине. Она испуганно оглянулась через плечо. Не знаю, хочется ли мне встречаться с тремя медведями, произнесла она с трепетом.

На лбу у нее залегли новые морщинки. Это уж слишком, думала она. Представлять, что оказалась в сказке, это одно. Жить в ней — совсем другое. От этого веет леденящим холодом. Я знаю, что всему этому имеется логическое объяснение, однако...

Вот в этом и заключена их сила и слабость. Они вечно знают, что всему имеется логическое объяснение. Но их представления о логике слишком узки, чтобы вместить в себя действительные объяснения.

Поэтому Элис решила подумать о чем-нибудь несомненном.

Я только что была рядом с Джорджем, сказала она. Он храпел на земле, и там было полно логическим образом попавших туда крутых яиц, пикулей и вполне материального кофе. И мы поженились с ним согласно общепринятой традиции, мы живем на вполне осязаемой Сампер-стрит, дом сто восемьдесят четыре. Джордж получает сто девяносто два доллара восемьдесят центов в неделю, еще мы играем в бридж с Нельсонами, людьми из плоти и крови.

Она все еще была напугана.

Она проглотила подступивший к горлу комок. Наверное, мне пора уходить отсюда, сказала она себе.

Однако не сдвинулась с места. Вставай, иди. Но ноги ее не шевельнулись. Она теряла над собой контроль. Вот теперь я испугана до смерти, сказала она, испугана так, что пошевелиться не могу. Или, может быть, я вовсе не так испугана, как мне кажется. Ведь это всего лишь жутковатое совпадение. Должно быть, это дом трех чокнутых старичков, которые, завидев кого-нибудь, выставляют на стол три разнокалиберные миски с овсянкой и прячутся в чулане.

Привет! — крикнула Златовласка, есть кто дома?

В ответ не раздалось ни звука, только ветер зловеще захихикал в трубе.

Ау? — позвала Элис, надеясь, что сейчас выскочит какой-нибудь скрюченный старичок и крикнет ей: «Стой! Что ты делаешь в государственном заповеднике, ты вторглась сюда незаконно, мы уже закрыты, уходи!»

Ни ответа. Ни звука. Только мертвенно-тихий дом и три миски овсянки, источающие аппетитный запах.

Элис принюхалась.

Отлично пахнет, вынуждена была признать она. Только будь я проклята, если съем хоть чуть-чуть, потому что, во-первых, я недавно съела кучу бутербродов, а во-вторых, я вовсе не... Господи!

Элис умирала с голоду.

Или же ей казалось, что умирает. Одно и то же. Так она подумала.

Элис была испугана по-настоящему, она скрестила на груди руки, которые покрылись гусиной кожей. Она вернулась в предыдущую комнату. Плюхнулась на папин стул и выкрикнула «ой!».

Посидела минуту, дрожа.

После чего успокоилась. В конце концов, рассудила она, разве на нее кто-нибудь набрасывался? Видела ли она какие-нибудь призрачные физиономии? Вцеплялись ли в нее когтистые пальцы? Нет!

Они, разумеется, всегда рассуждают в таком духе. Если они не видят того, что подходит под их определение пугающего или злого, они вообще перестают переживать о чем-либо. Сила. И слабость.

Поэтому Элис снова успокоилась. Есть где-нибудь в радиусе полусотни километров медведи? Да. В зоопарке. За толстыми решетками. Так о чем беспокоиться?

Это просто маленький домик, который кому-то принадлежит. Вот и все. Папе, маме и ребенку. Или же трем старушкам, мал мала меньше. Или трем пожилым мужчинам на пенсии. Они здесь живут, а сейчас, в этот час весеннего денька, ушли за хворостом, за водой или за орехами.

Все в порядке. Все в полном порядке. Она скоро уйдет и побежит через холм обратно к Джорджу и расскажет ему, что он пропустил. А в следующий четверг, за бриджем с Нельсонами из плоти и крови, она будет рассказывать об этом анекдоте... будет ли она рассказывать об этом анекдоте?

Элис снова перешла в смежную комнату. Она бормотала девчонке внутри ее, чтоб ей стать косоглазой, кривоногой, с птичьим клювом, вислоухой и я не знаю, что еще. Я просто объелась на поляне. И вот теперь я голодна. Должно быть, это из-за прогулки.

Она села за стол на маленький стульчик. Ее осенило, что если ей как раз по размеру самый маленький стул, значит, тот, кто сидит на большом, должен быть не меньше двух метров росту.

Вот, неужели я осмелюсь, думала она. Неужели мне хватит безрассудства съесть здесь кашки-малашки?

Она подозрительно прищурилась. А может ли оказаться так, что овсянка отравлена, напичкана снотворным, что это такая приманка?

Она принюхалась.

Да с чего бы, задавался вопросом ее разум. Ну кто бы стал оставлять отравленную кашу посреди заповедника? Это же тяжкое преступление, уголовно наказуемое, и вообще полный бред.

Она улыбнулась, показав зубы.

Как-никак, возразила она себе, не каждый день девушке удается поиграть в Златовласку. Надо пользоваться моментом.

Она еще раз как следует понюхала кашу в большой миске. Ммм, произнесла она, пахнет восхитительно. Она потянулась за большой ложкой.

Нет, это неприлично.

Она сунула руку в карман и достала деревянную ложку, которой подцепляла на пикнике корнишоны. Понюхала ее. Маринадом не пахнет. Во всяком случае, не слишком.

Она зачерпнула немного каши из большой миски, чувствуя себя настоящей преступницей после того, как овсянка затянула образовавшуюся дырку и поверхность снова стала ровной.

Она вдохнула в себя теплый вкусный запах, нос ее сморщился от удовольствия. О, вкусная, горячая, я только немного попробую и... ой!

Каша оказалась обжигающе горячей. Ложка дернулась у нее в пальцах, и овсянка брызнула на пол. Она огляделась в виноватом испуге, быстро втягивая ртом воздух. Рот остыл, обожженный язык превратился в комок онемевшей плоти.

Черт, пробормотала она, почему же я отступила от сюжета и не начала сразу с маленькой миски? Зачем было пачкать пол? Элис все еще весело болтала. Вот поистине достойное восхищения качество, каким обладают эти люди,— чувство юмора, которое проявляется в момент гибели.

И вот Элис Грэйди, она же Златовласка, попробовала каши из маленькой миски.

Ага, сказала она, вот так-то лучше. С детства не ела ничего вкуснее.

И она без колебаний съела все.

И не только без колебаний, но и с неким извращенным наслаждением, пытаясь представить, кто будет плакать при виде пустой миски.

Но, покончив с кашей, она оторвалась от миски и, испугавшись собственного поступка, ощутила, как испарина выступила на лбу.

Ну вот, подумала она, я это сделала. И откуда у меня только решимость взялась? Это чужой дом. Я ничем не лучше какого-нибудь взломщика. Меня могут посадить за это в тюрьму. А съев кашу, я только усугубила свою вину. Лучше убраться отсюда, и побыстрее, пока хозяева не вернулись.

Она встала и, полная раскаяния, собрала кашу с пола и выбросила вместе с ложкой в холодный очаг.

Огляделась по сторонам и тряхнула головой. Нет смысла утверждать обратное. В этом месте решительно что-то не так.

Так вот, я сейчас же ухожу, сказала она вслух, словно кто-то спорил с ней по этому поводу. Я вернусь к Джорджу и все ему расскажу.

Но сначала ты должна посмотреть, в самом ли деле наверху стоят три кровати, сказал у нее в голове голос, который не был ей знаком.

Она нахмурилась. Нет, сказала она, я ухожу сейчас же.

О нет, сказал бессовестный голос, ты должна посмотреть, правда ли наверху стоят три кровати. Ты же Златовласка, забыла?

Элис выглядела обеспокоенной. Она закусила губу. Однако подошла к лестнице и начала подниматься. Это оказалось непросто, как будто бы кто-то нагрузил ее камнями. Она ощущала, как эти камни делаются все тяжелей. То были очень холодные камни.

Она вдруг остановилась и зевнула.

Мне так хочется спать, сказала она.

Это быстро привело ее в чувство, ледяная стрела угрозы пронзила ее. Некто постучал холодными руками в дверцу ее сердца. Я боюсь, признала она наконец. Я хочу уйти. Хочу выбраться отсюда. Здесь жутко. Здесь все не так. Я боюсь и хочу уйти.

А как насчет того, чтобы подняться и все-таки посмотреть, есть ли там три кровати?

Не было смысла спорить. Это говорил не ее внутренний голос.

Овсянка!

Умненькая девочка. Но слишком поздно. Слишком поздно.

Она силилась развернуться и сбежать вниз по лестнице. Но не смогла. Ей просто пришлось войти в спальню. И это был вовсе не невнятный призыв, это был приказ. Элис Грэйди теряла себя. Она уплывала вдаль. Собрав последние силы, она попыталась закричать. Горло сжалось.

Становилось все темнее и темнее. В коридоре было сумрачно. Голова у нее шла кругом, а конечности словно налились свинцом. Господи, помоги, попыталась она прошептать, но слова умерли на дрожащих губах. Джордж, всплыло в сухом бормотании имя. Джордж, спаси меня!

Элис, пошатываясь, вошла в спальню, взгляд туманился, в бессвязных словах, которые не были словами, звучал страх. Слезы катились по онемевшим щекам, а живот сводило от пронзительной боли. Она разок вскрикнула.

Затем, погоняемая дальше, она подошла к большой кровати и упала на нее.

Нет-нет, заскрежетал голос у нее в голове, она слишком жесткая.

И Элис с усилием поднялась, словно несмазанный робот, и упала на вторую кровать. Нет, воскликнул ее разум, эта слишком мягкая, и она совсем тебе не нравится!

Закрыв глаза и ощущая жар во всем теле, Элис с трудом поднялась и с придушенным воплем кинулась на самую маленькую кровать.

Она ощутила щекой мягкое прикосновение покрывала. И голос утонул в клубящейся тьме — вот эта кровать что надо. Это наконец-то кровать по мне.

И когда она проснулась, то поняла, ради чего это все было.

Домик исчез, и она лежала на траве.

Она с улыбкой встала и медленно пошла к окутанному ночной тьмой холму. Она даже засмеялась вслух над этой дурой, Элис Грэйди, которая позволила глупому воображению сделать всю работу.

Я дожидался ее в машине. Она чуть улыбнулась, скользнув на сиденье рядом со мной.

— Ну и,— произнесла она,— как давно ты его выселил?

— Уже несколько лет,— ответил я.— Помнишь тот раз, когда Джордж с Элис ездили на море? Примерно пять лет назад.

Она кивнула.

— Помню.

— Так вот, мы с Джорджем отправились на дно морское к русалкам,— объяснил я ей,— и он потерял свой рассудок, а я этот рассудок подобрал.

Она улыбнулась, и я завел машину.

— А что там с Нельсонами? — спросила она.

— Они наши уже давно,— сказал я.

— И сколько же настоящих людей осталось на Земле? — спросила она.

— Примерно пятьдесят, где-то так,— сказал я.

— А вот это в самом деле очень умно,— одобрила она.— Элис Грэйди ни на секунду не заподозрила.

— Разумеется, нет,— подтвердил я.— В этом-то и вся прелесть.

Это просто очаровательно, как мы наследуем Землю. Без единого выстрела. Так, что никто даже не догадывается.

Одно за другим мы забираем ваши тела и делаем их своими. Мы предоставляем вашим умам разрушать самих себя, позволяя вашей детской стороне выйти за пределы интеллекта, пока она неизбежно не достигнет той точки, когда мы получаем над вами полный контроль.

И скоро будем только мы и ни одного земного человека. Нет, внешне все останется точно таким же. Однако планы изменятся.

И пока мы не сделаем свое дело, оставшиеся земляне даже не заподозрят о том, что происходит.

Осталось чуть больше пятидесяти.

Берегись.

Ты же один из них. И теперь ты знаешь.

Последний день

Он проснулся, и первое, о чем подумал: последняя ночь прошла.

А он проспал половину.

Он лежал на полу и рассматривал потолок. Стены по-прежнему отливали красным из-за света с улицы. В гостиной не было слышно никаких других звуков, кроме сонного дыхания.

Он огляделся.

По всей комнате распростерлись тела. Они валялись на тахте, свешивались с кресел, лежали, свернувшись клубочком, на полу. Некоторые были прикрыты ковриками. Двое были голыми.

Он поднялся на локте и поморщился от стреляющей боли в голове. Закрыл глаза и крепко зажмурил их. Затем открыл снова. Провел языком по стенкам пересохшего рта. Во рту до сих пор стоял привкус алкоголя и еды.

Он полулежал, опираясь на локоть, оглядывал комнату по второму разу, и в его мозгу медленно запечатлевалась вся картина.

Нэнси и Билл лежали друга у друга в объятиях, оба голые. Норман скорчился в кресле, положив голову на подлокотник, у него и во сне было напряженное лицо. Морт и Мэл лежали на полу, накрывшись грязными половиками. Они храпели. Остальные тоже валялись на полу.

За окном алое свечение.

Он посмотрел на окно, и его горло дернулось. Он заморгал. Оглядел свое длинное тело. Сглотнул застрявший в горле комок.

Я еще жив, подумал он, и все это правда.

Он потер глаза. Глубоко вдохнул мертвый воздух квартиры.

С усилием поднимаясь на ноги, он опрокинул стакан. Алкоголь и содовая выплеснулись на ковер и впитались в темно-синюю шерсть.

© Перевод Е. Королевой.

Он оглядел другие стаканы, разбитые, перевернутые, размозженные о стену. Посмотрел на батареи бутылок, все до единой пустые.

Встал, обводя взглядом комнату. Посмотрел на перевернутый проигрыватель, на разбросанные повсюду конверты от дисков, на обломки пластинок, лежащие на ковре сумасшедшим орнаментом.

Он вспомнил.

Накануне вечером все начал Морт. Он вдруг подскочил к проигрывателю и заорал пьяным голосом:

— На кой черт нужна теперь эта музыка? Просто лишний шум!

И он двинул носком ботинка по передней панели проигрывателя и отшвырнул его к стене. Согнулся пополам и упал на колени. Потом поднялся на ноги с проигрывателем в могучих руках, перевернул его вверх тормашками, швырнул и снова наподдал ногой.

— К чертям эту музыку! — орал он.— Я ненавижу это дерьмо!

И он принялся выдирать пластинки из конвертов и ломать их о колено.

— Давайте! — орал он остальным.— И вы тоже!

И это всех захватило. Как захватывали в последние дни любые нездоровые идеи.

Мэл оторвался от девчонки, с которой занимался сексом. Он принялся швырять пластинки в окно, на другую сторону улицы. И Чарли отложил на минуту свой пистолет и тоже встал у окна, пытаясь попасть пластинками в прохожих.

Ричард наблюдал, как черные летающие тарелки подпрыгивают и разбиваются на тротуаре внизу. Он даже сам запустил одну. Но потом отошел, предоставив остальным спускать пар без него. Он увел девчонку Мэла в спальню и переспал там с ней.

Теперь он размышлял обо всем этом, пока стоял, покачиваясь, посреди залитой алым светом комнаты.

На секунду он закрыл глаза.

Потом посмотрел на Нэнси и вспомнил, что время от времени пользовался и ею в сумасшедшие часы вчерашнего дня и прошедшей ночи.

Сейчас она выглядит омерзительно, подумал он. Она всегда была сучкой. Однако раньше ей приходилось это скрывать. Теперь же, под занавес последнего заката, она могла проявить себя только в том единственном, что ее по-настоящему интересовало.

Он задумался, остались ли на всем свете хоть несколько человек, сохранивших истинное достоинство. Такое достоинство, которое было бы с ними теперь, когда больше нет необходимости производить впечатление на других.

Он обошел спящую девушку. На ней была только нижняя юбка. Он посмотрел сверху на ее спутанные волосы, на размазавшиеся красные губы, на горестную гримасу, застывшую на лице.

Проходя мимо, он заглянул в спальню. Там в кровати были три девицы и двое мужчин.

В ванной он обнаружил тело.

Оно было небрежно закинуто в ванну и прикрыто задернутой занавеской для душа. Виднелись только ноги, нелепо свесившиеся через край ванны.

Он отодвинул занавеску и взглянул на пропитанную кровью рубашку и на белое неподвижное лицо.

Чарли.

Он покачал головой, затем отвернулся, умылся над раковиной. Это не имеет значения. Ничто не имеет значения. На самом деле сейчас Чарли входит в число счастливчиков. Один из легиона тех, кто сунул голову в духовку, перерезал себе вены, наглотался таблеток или избрал любой другой приемлемый для себя способ самоубийства.

Глядя на свое усталое лицо в зеркале, он подумал, что можно было бы перерезать вены. Но знал, что не сможет. Потому что требуется нечто большее, чем отчаяние, чтобы совершить акт самоуничтожения.

Он глотнул воды. Какое счастье, подумал он, что вода еще течет. Он сомневался, что осталась хоть одна живая душа, способная заботиться о водопроводе. Или об электросетях, о газовых трубах, телефонных линиях и, если на то пошло, о любых других коммуникациях.

Какой дурак пойдет на работу в последний день перед концом света?

Когда Ричард вошел в кухню, там был Спенсер.

Он сидел за столом в шортах и смотрел на свои руки. На плите поджаривалась яичница. Значит, газ тоже пока есть, подумал Ричард.

— Привет,— сказал он Спенсеру.

Спенсер пробурчал что-то, не отрывая взгляда от своих рук. Ричард не стал его дергать. Он только немного убавил газ. Достал из буфета хлеб и сунул куски в электрический тостер. Но тостер не работал. Он пожал плечами и забыл о нем.

— Сколько сейчас времени?

Спенсер смотрел на него, задавая этот вопрос.

Ричард взглянул на часы.

— Остановились,— сказал он.

— А-а,— протянул Спенсер.

Затем спросил:

— А какой сегодня день?

Ричард задумался.

— Кажется, воскресенье,— сказал он.

— Интересно, в церкви есть народ? — произнес Спенсер.

— Какая разница?

Ричард открыл холодильник.

— Яйца все кончились,— сообщил Спенсер.

Ричард захлопнул дверцу.

— Нет больше яиц,— произнес он отупело.— Нет больше кур. Нет больше ничего.

Он привалился к стене, прерывисто вздыхая, и посмотрел в окно на алое небо.

«Мэри,— подумал он.— Мэри, на которой я собирался жениться. Которую я потерял». Он задумался, где она может сейчас быть. Задумался, вспоминает ли она о нем вообще.

На кухню притащился Норман, пошатываясь со сна и с похмелья. Постоял, разинув рот. Он выглядел пробудившимся лишь наполовину.

— Доброе утро,— просипел он.

— Доброе утро, солнце наше,— отозвался Ричард без всякой веселости.

Норман тупо посмотрел на него. Потом подошел к раковине и прополоскал рот. Выплюнул воду в сток.

— Чарли мертв,— сообщил он.

— Я знаю,— сказал Ричард.

— А. И когда это случилось?

— Вчера ночью,— ответил ему Ричард.— Ты был в отключке. Помнишь, как он все время твердил, что хочет перестрелять всех нас? Избавить нас от страданий?

— Ага,— сказал Норман.— Он приставил дуло мне к голове. Сказал: «Чувствуешь, какое холодное?»

— Ну да, а потом они с Мортом подрались,— продолжал Ричард.— Пистолет выстрелил.— Он пожал плечами.— Вот и все.

Они глядели друг на друга без всякого выражения.

Потом Норман повернул голову и посмотрел в окно.

— Эта штука все еще здесь,— пробормотал он.

Они поглядели на гигантский пламенеющий шар на небосклоне, который заслонял собой и солнце, и луну, и звезды.

Норман отвернулся, его горло дернулось. Губы задрожали, и он плотно сжал их.

— Господи,— произнес он.— Уже сегодня.

Он снова посмотрел на небосклон.

— Сегодня,— повторил он.— И все.

— И все,— отозвался Ричард.

Спенсер встал и выключил газ. Секунду посмотрел на яичницу. Затем сказал:

— На кой черт я это сготовил?

Он вытряхнул яйца в раковину, и они поползли по белой поверхности, оставляя маслянистые дорожки. Желтки лопнули и потекли, источая пар, на эмаль.

Спенсер прикусил губу. Лицо его окаменело.

— Я отымею ее еще раз,— вдруг произнес он.

Он протолкнулся мимо Ричарда и уже снимал шорты, заворачивая за угол коридора.

— И входит Спенсер,— произнес Ричард.

Норман сел за стол. Ричард остался стоять у стены.

Из гостиной они услышали, как Нэнси внезапно завопила во весь свой крикливый голос.

— Эй, вставайте все! Смотрите, как я это делаю! Смотрите на меня все, все смотрите!

Норман секунду смотрел в дверной проем. Потом внутри его что-то оборвалось, и он уронил голову на лежавшие на столе руки. Его худые плечи затряслись.

— И я это делал,— проговорил он судорожно.— Я тоже это делал. О господи, и зачем я только сюда пришел?

— За сексом,— сказал Ричард.— Как и все остальные. Тебе казалось, ты сможешь встретить свой конец в плотском блаженстве и в алкогольном дурмане.

Голос Нормана звучал придушенно.

— Я не могу умереть вот так,— рыдал он.— Не могу.

— Примерно два миллиарда народу занимается сейчас этим,— сказал Ричард.— Когда солнце врежется в нас, они все еще будут этим заниматься. Вот будет зрелище.

Мысль о том, как все население Земли объединится в последней животной оргии, заставила его содрогнуться. Он закрыл глаза, уперся лбом в стенку и попытался забыть.

Но стенка была слишком теплая.

Норман оторвал голову от стола.

— Поехали по домам,— сказал он.

Ричард посмотрел на него.

— По домам? — переспросил он.

— К родителям. К моим маме и папе. К твоей маме.

Ричард покачал головой.

— Я не хочу,— сказал он.

— Но я не могу ехать один.

— Почему?

— Потому что... не могу. Ты же знаешь, что на улицах полным-полно психов, которые просто убивают всех, кто им встретится.

Ричард пожал плечами.

— Почему ты не хочешь? — спросил Норман.

— Не хочу ее видеть.

— Свою *мать*?!

— Да.

— Ты чокнутый,— сказал Норман.— Кого же еще тогда ты...

— Нет.

Он подумал о матери, которая ждет его дома. Ждет его в этот последний день. И ему стало нехорошо при мысли, что он медлит, что может уже никогда не увидеть ее снова.

Однако он продолжал размышлять. Как же я могу отправиться домой, вдруг она попытается заставить меня молиться? Заставит читать Библию, провести эти последние часы в религиозном угаре?

Он повторил для себя еще раз.

«Нет».

Норман выглядел потерянным. Грудь его содрогалась от подавленных рыданий.

— Я хочу увидеть маму,— сказал он.

— Поезжай,— сказал Ричард небрежно.

Но все его внутренности завязывались в узлы. Никогда больше не увидеть ее. Не увидеть сестру, ее мужа, их дочку.

Никогда больше не увидеть никого из них.

Он вздохнул. Не было смысла отрицать. Так или иначе, Норман был прав. К кому еще в целом мире ему идти? В целом ог-

ромном мире, который вот-вот сгорит, был ли еще хоть один человек, который любил бы его больше всего на свете?

— Ну... ладно,— сказал он.— Поехали. Всяко лучше, чем торчать здесь.

Весь многоквартирный дом пропах блевотиной. Они обнаружили на лестнице мертвецки пьяного консьержа. Увидели внизу забитую насмерть собаку.

Остановились, выйдя из подъезда на улицу.

Безотчетно подняли глаза.

К алому небу, похожему на расплавленную лаву. На огненные сгустки, которые пролетали сквозь атмосферу каплями раскаленного дождя. На гигантский пламенный шар, который становился все ближе и ближе, который окрасил своим светом вселенную.

Они отвели заслезившиеся глаза. Смотреть было больно. Пошли по улице. Было очень жарко.

— Декабрь,— заметил Ричард.— А жара как в тропиках.

Пока они молча шли, он думал о тропиках, о полюсах, обо всех странах мира, какие никогда не увидит. Обо всем том, что никогда уже не сделает.

Например, никогда не будет обнимать Мэри и говорить ей, пока мир умирает, как сильно любит ее и что ничего не боится.

— Никогда,— произнес он, чувствуя себе окостенелым от отчаяния.

— Что? — спросил Норман.

— Ничего. Ничего.

Пока они шли, Ричард ощутил у себя в кармане пиджака что-то твердое. Оно било его по боку. Он сунул руку и вытащил предмет.

— Что это? — спросил Норман.

— Пистолет Чарли,— сказал Ричард.— Я забрал его вчера ночью, чтобы больше никто не пострадал.

Он хрипло засмеялся.

— Чтобы больше никто не пострадал,— произнес он горько.— Господи, я мог бы выступать на сцене.

Он уже хотел выбросить оружие, но передумал. Опустил пистолет обратно в карман.

— Может пригодиться,— сказал он.

Норман его не слушал.

— Какое счастье, что никто не угнал мою машину. О нет...

Кто-то разбил камнем лобовое стекло.

— Какая разница? — произнес Ричард.

— Я не... наверное, никакой.

Они сели вперед, сбросив с сидений осколки стекла. В машине было душно. Ричард снял с себя пиджак и выбросил его в окно. Пистолет он переложил в боковой карман брюк.

Пока Норман ехал через деловой квартал, на улицах им попадались люди.

Некоторые дико метались по сторонам, словно выискивали что-то. Некоторые дрались друг с другом. Во всех боковых улицах валялись тела людей, выбросившихся из окон или отброшенных туда проезжавшими на полной скорости машинами. Здания горели, окна вылетали от взрывов бытового газа, выходившего из открытых кранов.

Кто-то грабил магазины.

— Что с ними творится? — несчастным голосом спросил Норман.— Неужели они хотят провести свой последний день так?

— Может, они так провели всю свою жизнь,— заметил Ричард.

Он привалился к дверце автомобиля и рассматривал тех, кто попадался на глаза. Некоторые из них махали ему. Некоторые осыпали проклятиями и плевались. Несколько человек бросили что-то тяжелое вслед проезжающему автомобилю.

— Люди умирают так, как жили,— сказал он.— Кто-то хорошо, кто-то плохо.

— Берегись!

Норман выкрикнул это, когда какая-то машина, накренившись, вылетела на улицу не с той стороны. Из окон вывешивались мужчины и женщины, они орали, пели и размахивали бутылками.

Норман бешено выкручивал руль, и в итоге они разминулись с этой машиной в нескольких сантиметрах друг от друга.

— Они все спятили! — сказал он.

Ричард обернулся и посмотрел через заднее стекло. Он увидел, как машину занесло, увидел, как она лишилась управления и врезалась в магазин, завалившись набок, а колеса ее продолжали бешено вращаться.

Он повернулся обратно, не сказав ни слова. Норман угрюмо смотрел вперед, руки на руле, напряженные и побелевшие.

Очередной перекресток.

Наперерез им пронеслась машина. Норман, охнув, нажал на тормоза. Они ударились, выбросив из себя весь воздух, о переднюю панель.

Затем, прежде чем Норман успел снова завести машину, на перекресток выскочила банда подростков с ножами и дубинками. Они гнались за той машиной. Но теперь изменили направление и кинулись к машине, в которой сидели Норман с Ричардом.

Норман переключился сразу на вторую передачу и рванул с места.

Один мальчишка прыгнул на багажник. Другой попытался запрыгнуть сбоку, промахнулся и покатился по мостовой. Еще один тоже прыгнул сбоку и уцепился за ручку двери. Он занес на Ричарда руку с ножом.

— Всех перебью, скоты! — проорал он.— Сволочи!

Он ударил ножом и распорол спинку сиденья, потому что Ричард отклонился в сторону.

— Убирайся отсюда! — закричал Норман, пытаясь тем временем объехать парня, упавшего на мостовую.

А тот, что с ножом, пытался открыть дверцу машины, когда они бешено понеслись по Бродвею. Он снова полоснул лезвием, однако промазал из-за того, что автомобиль дернулся.

— Я вас урою! — визжал он в приступе слепой ненависти.

Ричард пытался открыть дверцу, чтобы сбросить мальчишку, но у него не получилось. Перекошенное лицо парня просунулось в окно. Он замахнулся ножом.

У Ричарда в руке уже был пистолет. Он выстрелил парню в лицо.

Тот отвалился от машины с предсмертным сипом и упал, словно мешок камней. Он разок перевернулся, его левая нога дернулась, а потом он затих.

Ричард посмотрел назад.

Парень, уцепившийся за машину сзади, до сих пор держался, его обезумевшая физиономия прижималась к стеклу. Ричард видел, как кривится его рот, изрыгающий проклятия.

— Стряхни его! — сказал он.

Норман направил машину на тротуар, затем резко вывернул обратно на проезжую часть. Парень удержался. Норман повторил маневр. Парень по-прежнему держался.

Но на третий раз он ослабил хватку и отвалился. Он пытался бежать по улице, но инерция оказалась слишком велика, он

перелетел через бордюр и врезался в витрину, выставив перед собой руки.

Они сидели в машине, тяжело дыша. И долго ничего не говорили. Ричард выбросил пистолет в окно, тот загромыхал по асфальту и ударился о гидрант. Норман начал что-то ему говорить, но тут же замолк.

Машина повернула на Пятую авеню и поехала по деловому кварталу со скоростью сто километров в час. Машин было немного.

По дороге попадались церкви. В них было полно народу. Люди даже стояли на ступеньках.

— Несчастные дураки,— пробормотал Ричард, руки у него до сих пор тряслись.

Норман тяжело вздохнул.

— Как бы мне хотелось быть таким дураком,— сказал он.— Несчастным дураком, который может еще во что-то верить.

— Может, и так,— произнес Ричард. Затем прибавил: — Я бы тоже хотел провести свой последний день, веря в то, что считаю истиной.

— Последний день,— повторил Норман,— я...

Он покачал головой.

— Я не могу в это поверить,— сказал он.— Я читаю газеты. Я вижу вот это... эту штуковину на небе. Я знаю, что должно произойти. Но, господи! Неужели конец?

Он на мгновение поднял глаза на Ричарда.

— И ничего после?

— Я не знаю,— сказал Ричард.

На Четырнадцатой улице Норман повернул на Ист-Сайд, потом пролетел по Манхэттенскому мосту. Он не тормозил ни перед чем, объезжая мертвые тела и разбитые автомобили. Один раз он переехал тело, и Ричард увидел, как дернулось его лицо, когда колесо наехало на ногу трупа.

— Все они счастливчики,— сказал Ричард.— Гораздо счастливее нас.

Они остановились перед домом Нормана в Бруклине. Какие-то дети играли на улице в мяч. Они вроде бы не сознавали того, что происходит. Их крики казались слишком громкими на пустынной улице. Ричард подумал, знают ли родители, где их дети. И есть ли им до этого дело.

Норман смотрел на него.

— Так что?..— начал он.

Ричард почувствовал, как напряглись у него мышцы живота. Он не мог ответить.

— Ты не хочешь... зайти к нам на минутку? — спросил Норман.

Ричард отрицательно покачал головой.

— Нет,— сказал он.— Лучше пойду домой. Я... должен увидеться с ней. Я имею в виду, с матерью.

— А.

Норман покивал. Потом распрямился. На минуту заставил себя успокоиться.

— Как бы там ни было, Дик,— сказал он,— я считаю тебя своим лучшим другом и...

Он осекся. Подался к Ричарду и пожал ему руку. Затем вышел из машины, оставив ключ в зажигании.

— Прощай,— сказал он поспешно.

Ричард смотрел, как его друг бежит от машины к многоквартирному дому. Когда он был уже у самой двери, Ричард окликнул его:

— Норм!

Норман остановился и обернулся. Они смотрели друг на друга. Все те годы, что они были знакомы, как будто промелькнули сейчас.

Затем Ричард сумел улыбнуться. Поднес руку к голове в прощальном салюте.

— Прощай, Норм,— сказал он.

Норман не улыбнулся в ответ. Он толкнул дверь подъезда и исчез.

Ричард один долгий миг смотрел на дверь. Завел машину. Потом заглушил мотор, подумав, что родителей Нормана может не оказаться дома.

Подождав некоторое время, он снова завел машину и поехал домой.

Пока он ехал, мысли не оставляли его.

Чем ближе к концу, тем меньше он хотел противостоять ему. Он хотел, чтобы конец настал уже сейчас. До того, как начнется истерия.

Снотворное, решил он. Это самый лучший способ. У него есть дома таблетки. Он надеялся, что осталось достаточно. В ап-

теке на углу их, может быть, уже нет. В последние дни снотворное пользовалось бешеным спросом. Целые семьи принимали таблетки все вместе.

Он добрался до дома без приключений. Небо над головой багрилось пламенем. Его лицо овевали волны жара, как будто выходящие из далекой духовки. Он втянул в себя перегретый воздух.

Отпер входную дверь и медленно вошел.

Наверное, она будет в гостиной, решил он. В окружении своих книжек, будет молиться, призывая невидимые силы, способные поддержать ее в тот миг, когда мир вот-вот изжарится.

В гостиной ее не оказалось.

Он пробежался по дому. И пока он искал, сердце его билось все быстрее, а когда он понял, что ее в самом деле здесь нет, он ощутил, как гигантская пустота разверзлась внутри. Он знал, что вся эта болтовня, будто бы он не хочет ее видеть, была просто болтовней. Он любил ее. И теперь у него осталась только она одна.

Он искал записку у нее в спальне, у себя, в гостиной.

— Мам,— говорил он,— мама, ты где?

Записку он нашел в кухне. Взял ее со стола.

«Ричард, дорогой!

Я у твоей сестры. Прошу тебя, приезжай к ним. Не обрекай меня на последний день без тебя. Не вынуждай меня покинуть этот мир, не увидев на прощание твоего родного лица. Прошу тебя».

Последний день.

Так и было написано черным по белому. И из всех людей на свете именно его мать написала эти слова. Она, которая всегда с таким скептицизмом относилась к его преклонению перед материалистической наукой. И вот теперь она принимала финальное предсказание, сделанное этой наукой.

Потому что не могла больше сомневаться. Потому что небосклон был заполнен пламенеющим доказательством и никто уже не мог больше сомневаться.

Целый мир погибает. Шаткая конструкция из эволюций и революций, распрей и столкновений, бесконечной последовательности столетий, уходящих чередой в туманное прошлое, камней, деревьев, животных и людей. Все исчезнет. В один миг, в одной вспышке. Гордость, тщеславие мира людей испепелится в результате дурацкого астрономического катаклизма.

Какой тогда во всем этом был смысл? Никакого, совсем никакого. Потому что все это оказалось конечным.

Он взял из аптечки снотворные таблетки и вышел. Поехал к сестре и всю дорогу, пока проезжал по улицам, заваленным всем подряд, от пустых бутылок до мертвых людей, думал о матери.

Если бы только его не пугала мысль, что в этот последний день они могут поссориться. Или что она начнет спорить с ним о Боге и навязывать свои убеждения.

Он решил, что не станет ей перечить. Он сделает над собой усилие, чтобы она провела этот последний день в покое. Он примет ее простодушную убежденность и не станет больше покушаться на ее веру.

Входная дверь дома Грейс была заперта. Он позвонил в звонок и спустя секунду услышал внутри торопливые шаги.

Он услышал, как Рей крикнул:

— Не открывай, мама! Это снова может оказаться та банда!

— Это Ричард, я знаю! — крикнула в ответ мать.

Затем дверь открылась, и она принялась обнимать его, плача от счастья.

Он ничего не говорил. Наконец сумел произнести негромко:

— Привет, мам.

Его племянница Дорис весь день играла в гостиной, а Грейс и Рей неподвижно сидели рядом и смотрели на нее.

Если бы Мэри была со мной, постоянно думал Ричард. Если бы только сегодня мы были вместе. Потом он подумал, что у них могли бы быть дети. И тогда он сидел бы, как Грейс, и понимал, что вот эти несколько лет, какие прожил твой ребенок, и есть вся его жизнь.

Чем ближе к вечеру, тем небосвод делался все ярче. Его затягивало неистово-багровым занавесом. Дорис тихонько стояла у окна и смотрела на небо. Она за весь день ни разу не засмеялась и не заплакала. И Ричард думал про себя: она знает.

И еще думал, что в любой момент мать может попросить их помолиться всем вместе. Посидеть и почитать Библию, надеясь на Божественное милосердие.

Но она ничего не просила. Она улыбалась. Готовила ужин. Ричард был с ней в кухне, пока она готовила.

— Я могу не дожлаться,— сказал он.— Я... могу принять снотворное.

— Ты так боишься, сынок? — спросила она.

— Все боятся,— ответил он.

Она отрицательно покачала головой.

— Не все,— сказала она.

Вот, подумал он, начинается. Этот самоуверенный вид, вступительная фраза.

Она дала ему нести блюдо с овощами, и они все сели ужинать.

За ужином никто ни о чем не говорил, только просили передать то или другое. Дорис тоже не разговаривала. Ричард смотрел на нее, сидя напротив.

Он думал о прошедшей ночи. Сумасшедшей пьянке, драках, безудержных плотских утехах. Думал о мертвом Чарли в ванне. О квартире на Манхэттене. О Спенсере, вводящем себя в сладострастное исступление на закате своей жизни. О парне, оставшемся лежать на нью-йоркской обочине с пулей в голове.

Сейчас все это казалось бесконечно далеким. Он почти верил, что этого никогда не было. Почти верил, что у них сейчас просто очередной семейный ужин.

Если не считать багрового сияния, затопившего небо и вливающегося в окна отсветом некоего фантастического пожара.

Ближе к концу ужина Грейс вышла и вернулась с коробочкой. Она села за стол и открыла ее. Вынула таблетки. Дорис посмотрела на нее, ее большие глаза глядели вопросительно.

— Это десерт,— пояснила ей Грейс.— У нас на десерт белые конфетки.

— Они мятные? — спросила Дорис.

— Да,— ответила Грейс.— Мятные.

Ричард ощутил, как у него на голове шевелятся волосы, когда Грейс положила таблетки перед Дорис. Перед Реем.

— На всех не хватит,— сказала она Ричарду.

— У меня есть свои,— сказал он.

— И для мамы тоже? — спросила она.

— Мне не нужны таблетки,— ответила мать.

От напряжения Ричард едва не закричал на нее. Ему хотелось заорать: «Прекрати играть в чертово благородство!» Однако он сдержался. Он смотрел в зачарованном ужасе, как Дорис сжимает таблетки в маленьком кулачке.

— Они не мятные,— сказала она.— Мама, они совсем...

— Нет, мятные.— Грейс набрала воздуха в грудь.— Проглоти их, детка.

Дорис положила в рот одну таблетку. Скорчила гримасу. Потом выплюнула таблетку в ладошку.

— Они не мятные,— произнесла она, огорченная.

Грейс вскинула руку и вцепилась зубами в костяшки пальцев. Взгляд ее безумно метнулся к Рею.

— Проглоти их, Дорис,— сказал Рей.— Давай, они вкусные.

Дорис заплакала.

— Нет, мне не нравятся.

— Глотай!

Рей вдруг отвернулся, все его тело дрожало. Ричард пытался придумать способ заставить Дорис проглотить пилюли, но не мог.

Тогда заговорила его мать.

— Мы поиграем с тобой в одну игру, Дорис,— сказала она.— Посмотрим, успеешь ли ты проглотить все конфетки, пока я считаю до десяти. Если успеешь, я дам тебе доллар.

Дорис засопела.

— Целый доллар? — спросила она.

Мать Ричарда кивнула.

— Один,— начала она.

Дорис не шевельнулась.

— Два,— считала мать Ричарда.— Целый доллар...

Дорис смахнула слезинки.

— Настоящий доллар?

— Конечно, дорогая. Три, четыре, поторопись.

Дорис протянула руку за таблетками.

— Пять... шесть... семь...

Грейс сидела, зажмурив глаза. Лицо у нее побелело.

— Девять... десять...

Мать Ричарда улыбалась, но губы у нее дрожали, а глаза слишком сильно блестели.

— Ну вот,— произнесла она бодро.— Ты выиграла.

Грейс резким движением сунула таблетки в рот и быстро проглотила. Посмотрела на Рея. Он протянул трясущуюся руку и проглотил свои пилюли. Ричард опустил руку в карман за своими таблетками, но потом положил их обратно. Он не хотел, чтобы мать смотрела, как он их глотает.

Дорис начала засыпать почти сразу. Она зевала, и глаза у нее слипались. Рей подхватил ее на руки, и она привалилась к его плечу, обхватив за шею маленькими ручками. Грейс встала, и все трое пошли в спальню.

Ричард сидел за столом, пока мать ходила сказать им последнее прости. Он сидел, глядя на белую скатерть и остатки ужина.

Вернувшись, мать ему улыбнулась.

— Помоги мне убрать,— попросила она.

— Помочь...— начал он.

Затем замолк. Какая разница, чем теперь заниматься?

Он стоял вместе с ней посреди залитой багровым светом кухни и, ощущая абсолютную нереальность происходящего, вытирал тарелки, которыми никто уже не будет пользоваться, а потом убирал их в буфет, от которого спустя несколько часов ничего не останется.

Он все еще думал о Рее и Грейс в спальне. Наконец он вышел из кухни, не сказав ни слова и не оглянувшись. Открыл дверь и заглянул в спальню. Он долго смотрел на них. Затем снова закрыл дверь и медленно потащился обратно в кухню. Посмотрел на мать.

— Они...

— Все хорошо,— сказала она.

— Почему ты им ничего не сказала? — спросил он.— Как же ты позволила им сделать это, ничего не сказав?

— Ричард,— ответила она,— в эти дни каждый сам выбирает свой путь. Никто не вправе говорить другим, что им следует делать. Дорис их ребенок.

— А я твой?..

— Ты уже больше не ребенок,— сказала она.

Он закончил вытирать тарелки, пальцы у него онемели и дрожали.

— Мама, вчера...— начал он.

— Мне это неважно,— сказала она.

— Но...

— Это не имеет значения,— сказала она.— Эта часть пути подходит к концу.

Вот оно, подумал он, почти с болью. Эта часть пути. Вот теперь она заговорит о жизни после смерти, о небесах, о награде за добродетель и о неотвратимом наказании за грехи.

Она сказала:

— Пойдем посидим на крылечке.

Он не понял. Они прошли вместе через притихший дом. Ричард сел рядом с ней на ступеньки крыльца и задумался. Я никогда больше не увижу Грейс. И Дорис. И Нормана, Спенсера, Мэри, вообще никого...

Он не мог вместить в себя все это. Это было слишком. Все, что он мог сделать,— это сидеть неподвижно, как бревно, и смотреть на красное небо и громадное солнце, готовое их поглотить. Он даже не мог уже бояться. Страхи притупились от бесконечных самоповторений.

— Мам,— спросил он через некоторое время,— а почему... почему ты не говоришь со мной о вере? Я же знаю, что тебе хочется.

Она посмотрела на него, ее лицо было очень ласковым в этом багровом свечении.

— Я не имею права, милый,— сказала она.— Я знаю, что мы будем вместе, когда это закончится. Ты не обязан в это верить. Я буду верить за нас обоих.

И это все, что она сказала. Он смотрел на нее, поражаясь ее убежденности и ее силе.

— Если ты хочешь принять свои таблетки,— сказала она,— ничего страшного. Ты можешь заснуть у меня на коленях.

Он ощутил, как его пробирает дрожь.

— И ты не станешь протестовать?

— Я хочу, чтобы ты сделал то, что считаешь нужным.

Он не знал, что ему делать, пока не представил, как она сидит здесь одна, дожидаясь конца света.

— Я останусь с тобой,— сказал он порывисто.

Она улыбнулась.

— Если вдруг передумаешь,— сказала она,— только скажи.

Они немного посидели молча. Затем она произнесла:

— Как красиво.

— Красиво? — изумился он.

— Ну да,— сказал она.— Господь опускает за нами изумительный занавес.

Ричард не знал, что ответить. Но он обхватил ее рукой за плечи, а она прислонилась к нему. И одно он знал наверняка.

Они сидят на крыльце вечером последнего дня. И хотя для этого нет никакой очевидной причины, они любят друг друга.

Лазарь-2

— Но я же умер,— сказал он.

Отец смотрел на него, ничего не отвечая. На его лице ничего не отражалось. Он стоял над его кроватью и...

Только вот кровать ли это?

Он оторвал взгляд от отцовского лица. Посмотрел вниз — и точно, это была не кровать. Это был лабораторный стол. Он находился в лаборатории.

Он снова посмотрел на отца. Тело казалось таким тяжелым. Таким закостеневшим.

— Где я? — спросил он.

И вдруг понял, что звук его голоса переменился. Считается, что человек не знает, как в действительности звучит его голос. Но когда он меняется так сильно, это нельзя не заметить. Заметишь, если твой голос перестает быть человеческим.

— Питер,— в конце концов заговорил отец,— я знаю, ты станешь презирать меня за то, что я сделал. Я уже сам себя презираю.

Но Питер не слушал. Он пытался думать. Почему он такой тяжелый? Почему он не может поднять головы?

— Принеси мне зеркало,— сказал он.

Этот голос. Этот скрипучий, с присвистом голос.

Ему показалось, он задрожал.

Отец не двинулся с места.

— Питер,— сказал он,— я хочу, чтобы ты понял, это была не моя идея. Это все твоя...

— Зеркало.

Еще секунду отец постоял, глядя на него сверху вниз. Затем развернулся и ушел куда-то по выложенному темными плитками полу лаборатории.

© Перевод Е. Королевой.

Питер попробовал сесть. Сначала у него не получилось. Потом комната будто перевернулась набок, и он понял, что сидит, однако не почувствовал этого. Что же случилось? Почему он больше не ощущает свои мышцы? Он опустил глаза.

Отец взял со стола зеркало.

Но Питеру оно уже было не нужно. Он увидел свои руки.

Металлические руки.

Металлические руки. Металлические плечи. Металлическая грудь. Металлическое туловище, металлические ноги, металлические стопы.

Металлический человек!

От этой мысли он содрогнулся. Однако металлическое тело осталось неподвижным. Оно сидело, не шевелясь.

Его тело?

Он попытался закрыть глаза. Но не смог. Это были не его глаза. Все было не его.

Питер стал роботом.

Отец быстро подошел к нему.

— Питер, я не хотел этого делать,— произнес он ровно.— Я не знаю, что на меня нашло... это все твоя мать.

— Мама,— эхом отозвалась машина.

— Она сказала, что не сможет жить без тебя. Ты же знаешь, как она на тебе помешана.

— Помешана,— прозвучало эхо.

Питер отвернулся. Он слышал, как внутри его что-то размеренно, медленно, слаженно тикает. Он воспринимал работу механизмов своего тела тканями мозга.

— Ты вернул меня обратно,— спокойно обвинил он отца.

Мозг тоже казался каким-то механическим. Потрясение от вида собственного тела прошло и сменилось вот этим. Онемением мысли.

— Я вернулся,— произнес он, пытаясь понять.— Зачем?

Отец Питера оставил его вопрос без ответа.

Он попытался встать со стола, попытался поднять руки. Сначала они, обездвиженные, падали вниз. Затем он услышал щелчок в плечах, и руки поднялись. Маленькие стеклянные глазки увидели это, и его мозг отметил, что руки подняты.

Внезапно на него нахлынуло осознание. Всего сразу.

— Но я же умер! — воскликнул он.

Он не воскликнул. Голос, выражавший его тоску, звучал тихо и скрипуче. Голос без эмоций.

— Умерло только твое тело,— сказал отец, стараясь его убедить.

— Но я же мертв! — закричал Питер.

Крика не получилось. Машина отвечала спокойным, ровным тоном. Как полагается машине.

Отчего у него вскипел разум.

«Так это была ее идея?» — подумал он и был ошеломлен, когда услышал пустой голос машины, вторящий эхом его мыслям.

Отец ничего не сказал, он с несчастным видом стоял у стола, усталость наложила на его осунувшееся лицо глубокие морщины. Он думал, что вся эта изнурительная борьба была напрасна. Он думал, почти со страхом, а вдруг в итоге ему придется отвечать не на вопрос, что он сделал, а почему он это сделал?

Он наблюдал, как машина идет, скорее громыхает, к окну, неся в своей металлической коробке разум его сына.

Питер смотрел в окно. Он видел кампус. Видел ли? Красные стеклянные глазки в голове могли смотреть, в металлическом черепе помещался мозг. Глаза передавали информацию, мозг ее воспринимал. Своих глаз у него больше не было.

— Какой сегодня день? — спросил он.

— Суббота, десятое марта,— услышал он ровный голос отца.— Десять часов вечера.

Суббота. Суббота, в которую он не собирался быть живым. Гневная мысль понуждала его резко развернуться и накинуться на отца с недобрыми словами. Однако огромная металлическая конструкция только механически звякнула и со скрежетом развернулась.

— Я работал без остановки с утра понедельника, когда...

— Когда я убил себя,— завершила машина.

Его отец задохнулся, посмотрел на него потухшим взглядом. Он всегда был такой собранный, такой сдержанный, такой уверенный в себе. И Питер всегда ненавидел эту его собранность. Потому что сам он никогда не был собранным.

Сам он.

Эти слова вернули его в действительность. Он ли это? Точно ли человек — это только его разум? Он часто заявлял, что дело обстоит именно так. В тихие вечера после ужина, когда прихо-

дили другие преподаватели и сидели в их гостиной с родителями. И когда его мать сидела рядом с ним, гордая и улыбающаяся, он вещал, что человек — это только его разум и ничего больше. Зачем она сделала с ним такое?

Он снова ощутил связывающую по рукам и ногам беспомощность. Чувство, словно он угодил в капкан. А он и угодил в капкан. Огромный, с железной челюстью капкан этого тела, сделанного отцом.

Он испытывал похожий леденящий ужас последние полгода. Это же самое ощущение, будто бы пути к отступлению отрезаны со всех сторон. Что он никогда не выберется из тюрьмы своей жизни и кандалы ежедневной рутины тяжким грузом болтаются на руках и ногах. Ему часто хотелось кричать.

Ему и теперь хотелось закричать. Громче, чем когда-либо раньше. Он нашел для себя единственный остававшийся выход, и тот тоже был перекрыт. Утром понедельника он перерезал себе вены, и одеяло тьмы накрыло его.

И вот он снова здесь. Тело исчезло. Не осталось вен, которые можно перерезать, нет сердца, чтобы пронзить или раздавить, нет легких, из которых можно выжать воздух. Только мозг, изможденный и страдающий. Однако он снова здесь.

Он стоял, развернувшись к окну. Смотрел на кампус колледжа Форт. Вдалеке он видел — воспринимали его красные линзы — здание, в котором проводил социологические исследования.

— Значит, мой мозг не пострадал? — спросил он.

Удивительно, каким спокойным он сейчас стал. Секунду назад ему хотелось кричать во всю мочь легких, которых у него больше не было. А теперь он испытывает апатию.

— Насколько я понимаю, нет,— сказал отец.

— Это прекрасно,— сказал Питер, сказала машина.— Это просто прекрасно.

— Питер, я хочу, чтобы ты понял: это была не моя идея.

Машина загудела. Голосовые шестеренки терлись друг о друга и поскрипывали, но не прозвучало ни слова. Красные глазки поблескивали, уставившись на кампус.

— Я обещал твоей матери,— сказал отец,— я был вынужден, Питер. Она билась в истерике. Она... у меня не было иного выхода.

— И к тому же это был чертовски интересный эксперимент,— произнес голос из машины, его сын.

Молчание.

— Питер Диафилд,— произнес Питер, сказали вертящиеся, позвякивающие шестеренки в железном горле,— Питер Диафилд восстал из мертвых!

Он развернулся, чтобы посмотреть на отца. Разумом он понимал, что живое сердце сейчас тяжело билось бы, но маленькие колесики вращались ровно. Руки не дрожали, а свисали, блестя полированными поверхностями, по бокам. У него не было сердца, чтобы биться. Не было дыхания, которое могло бы перехватить, потому что это было не живое тело, а машина.

— Вынь оттуда мой мозг,— сказал Питер.

Отец начал надевать жилет, он медленно застегивал пуговицы усталыми пальцами.

— Ты не можешь оставить меня в таком виде.

— Питер, я... я должен.

— Ради эксперимента?

— Ради твоей матери.

— Ты ненавидишь ее и ненавидишь меня!

Отец отрицательно покачал головой.

— Тогда я сам это сделаю,— сообщила машина.

Стальные руки поднялись.

— Ты не сможешь,— сказал отец.— Ты не сможешь причинить себе вред.

— Будь ты проклят!

Не последовало никакого безумного вопля. Знал ли отец, что в своем сознании Питер заходится криком? Звук его голоса был ровным. Он не мог выражать гнев. Могут ли тронуть чью-то душу механические реплики машины?

Ноги тяжело двигались. Позвякивающее тело приближалось к доктору Диафилду. Тот поднял глаза.

— А лишил ли ты меня способности убивать? — спросила машина.

Пожилой человек смотрел на стоящую перед ним машину. Машину, которая была его единственным сыном.

— Нет,— сказал он устало.— Ты можешь меня убить.

Машина, кажется, сдалась. Шестеренки, заставившие зубы сжиматься, раскрутились в обратную сторону.

— Эксперимент прошел успешно,— произнес безжизненный голос.— Ты превратил своего сына в машину.

Отец стоял перед ним, на его лице отражалась изможденность.

— Неужели? — спросил он.

Питер отошел от отца, позвякивая колесиками и не пытаясь больше говорить, и переместился к зеркалу на стене.

— Разве ты не хочешь увидеть мать? — спросил отец.

Питер ничего не ответил. Он остановился перед зеркалом, маленькие стеклянные глазки уставились на самих себя.

Ему хотелось вытащить мозг из металлической коробки и выбросить его.

Ни рта. Ни носа. Сверкающий красный глаз справа и сверкающий красный глаз слева.

Голова как ведро. Вся в крошечных заклепках, похожих на пупырышки на его новой металлической коже.

— И все это ты сделал только ради нее,— произнес он.

Он развернулся на отлично смазанных ногах. Красные глаза не отражали ненависти, какую он испытывал за ними.

— Лжец,— сказала машина.— Ты сделал это для себя, ради удовольствия поставить эксперимент.

Если бы только он мог броситься на отца. Если бы только мог бешено дробить, и раздирать в клочья, и кричать, пока крик не начнет эхом гулять по лаборатории.

Но как же он может? У него голос машины. Шепоток, шорох смазанных колесиков, вращающихся как в часовом механизме.

Его мозг работал и работал.

— Так ты думал, она будет счастлива? — спросил Питер.— Ты думал, она подбежит ко мне и обнимет меня. Думал, она поцелует мою теплую мягкую кожу. Думал, она посмотрит в мои голубые глаза и скажет, какой я красавчик...

— Питер, в этом нет никакого...

— Какой я теперь красавчик. Поцелует меня в губы.

Он надвигался на пожилого доктора на медлительных стальных ногах. В его глазах отражались флуоресцентные лампы маленькой лаборатории.

— Поцелует ли она меня в губы? — спрашивал Питер.— Ты же мне их не сделал?

Лицо отца стало пепельным. Руки у него тряслись.

— Ты сделал это для себя,— сказала машина.— Тебе никогда не было дела до нее... и до меня.

— Твоя мать ждет,— спокойно произнес отец, надевая пальто.

— Я не пойду.

— Питер, она ждет.

От этой мысли мозг Питера содрогнулся в отвращении. Он корчился и трепетал от боли в своем прочном металлическом каркасе. Мама, мама, как же я взгляну на тебя? После того, что я сделал. Хотя это и не мои глаза, как же я посмотрю на тебя теперь?

— Она не должна видеть меня таким,— настаивала машина.

— Она ждет тебя.

— Нет!

Не крик, а деликатное вращение колесиков.

— Она хочет видеть тебя, Питер.

Он снова ощутил свою беспомощность. Пойман в капкан. Опять. Мать ждет.

Ноги несли его. Отец открыл дверь, и он вышел к своей матери.

Она резко поднялась со скамьи, хватаясь одной рукой за горло, а другой сжимая темную кожаную сумочку. Глаза ее были прикованы к роботу. Краска сбежала с ее лица.

— Питер,— произнесла она. Получился слабый шепот.

Он посмотрел на нее. На ее седые волосы, нежную кожу, изящный рот и красивые глаза. Застывший образ, старое пальто, которое она носила столько лет, потому что требовала, чтобы на лишние деньги он покупал одежду для себя.

Он смотрел на свою мать, которая даже смерти не позволила забрать у нее сына.

— Мама,— сказала машина, забывшись на мгновение.

Потом он увидел, как перекосилось ее лицо. И вспомнил, что он такое.

Он стоял неподвижно, ее глаза обратились на отца, стоявшего рядом. И Питер увидел, что говорил этот взгляд.

Он говорил: «Почему так?»

Ему хотелось развернуться и убежать. Ему хотелось умереть. Когда он убивал себя, его отчаяние было тихим, отчаяние безнадежности. Оно не было похоже на эту взрывающую мозг муку. Его жизнь отлетела тихо и мирно. Сейчас ему хотелось уничтожить ее в одно мгновение, с яростью.

— Питер,— сказала она.

Однако не стала осыпать его поцелуями. Да и как бы у нее это получилось, мучил его разум. Разве кому-то придет в голову целовать доспехи?

Сколько она будет стоять так, глядя на него? Он ощущал, как бешенство вскипает в мозгу.

— Разве ты не довольна? — спросил он.

Но что-то внутри его дрогнуло, и эти слова потонули в механическом скрежете. Он увидел, как задрожали губы матери. Она снова посмотрела на отца. Потом еще раз на машину. Виновато.

— Как ты... себя чувствуешь, Питер?

Гулкого смеха не последовало, хотя его разум хотел, чтобы зазвучал гулкий смех. Вместо этого шестеренки заскрежетали, и он не услышал ничего, кроме скрипа сжатых зубов. Он видел, что мать пытается улыбнуться, но у нее не получилось, и на лице отразился болезненный ужас.

— Питер,— запричитала она.

— Я разберу его на части,— услышал он спешные слова отца.— Я его сломаю.

У Питера затеплилась надежда.

Но тут его мать перестала дрожать. Она вырвалась из объятий мужа.

— Нет,— сказала она, и Питер услышал в ее голосе твердую как гранит решимость, силу, с которой он был так хорошо знаком.

— Я сейчас же возьму себя в руки,— сказала она.

Она подошла прямо к нему, улыбаясь.

— Все в порядке, Питер,— сказала она.

— Я ведь красавчик, мама? — спросил он.

— Питер, ты...

— Разве ты не хочешь меня поцеловать, мамочка? — продолжала спрашивать машина.

Он видел, как дернулось ее горло. Увидел слезы у нее на щеках. Потом она подалась вперед. Он не мог ощутить прикосновения ее губ к холодной стали. Он только услышал его, негромкое чмоканье на металлической коже.

— Питер,— сказала она.— Прости нас за то, что мы сделали.

Все, что он был в состоянии подумать: «Разве машина может прощать?»

Они вывели его через черный ход Центра физико-биологических наук. Они постарались как можно быстрее усадить его в машину. Однако на середине пути Питер увидел, что все переворачивается вокруг него, боль пронзила его разум, когда он всей массой своего новенького тела грохнулся на цемент.

Мать ахнула и в испуге посмотрела на него сверху вниз.

Отец наклонился над ним, и Питер увидел, как его пальцы делают что-то с правой коленной чашечкой. Голос его звучал приглушенно:

— Что чувствует твой мозг?

Он не ответил. Он смотрел на темные деревья, какими была обсажена Одиннадцатая улица.

— Теперь можешь встать,— сказал отец.

— Нет.

— Питер, только не здесь.

— Я не буду вставать,— сказала машина.

— Питер, прошу тебя,— умоляла мать.

— Нет, я не могу, мама, не могу.

Он говорил, как полагается жуткому металлическому чудовищу.

— Питер, ты не можешь оставаться здесь.

Воспоминания обо всех прошедших годах захватили его. Он не станет подниматься.

— Пусть меня найдут здесь,— сказал он.— Может, меня разберут.

Отец обеспокоенно огляделся по сторонам. И вдруг Питер понял, что никто не знает о нем, кроме его родителей. Если его существование обнаружит ученый совет, отца накажут. Он понял, что эта мысль радует его.

Однако его движения, управляемые по толстым проводам, были слишком замедленными, он не мог помешать отцу прикоснуться к его груди и открыть маленькую дверцу на петлях.

Не успел он шевельнуть своей тяжелой рукой, как отец отключил механизм, и его рука тут же застыла, потому что связь между волей и механизмом оказалась разорвана.

Доктор Диафилд нажал на кнопку, и робот встал и тяжело заковылял к машине. Доктор шел за ним следом, его впалая грудь тяжело вздымалась. Его не оставляла мысль о том, какую ужасную ошибку он совершил, послушав жену. Почему он все время позволяет ей влиять на его решения?

Почему он позволял постоянно контролировать сына, пока тот был жив? Почему он позволил убедить себя вернуть сына обратно, когда тот предпринял последнюю отчаянную попытку освободиться?

Его сын-робот механически опустился на заднее сиденье. Доктор Диафилд сел в машину рядом с женой.

— Теперь он совершенен,— сказал он.— Теперь ты можешь водить его куда пожелаешь. Жаль, что он не был таким покладистым при жизни. Почти такой же послушный, почти так же похожий на машину. Но не совсем. Он не делал всего, что ты от него хотела.

Она смотрела на мужа с удивлением, оглянулась на робота, словно испугавшись, что тот может услышать. Это же разум ее сына. А он всегда говорил, что человек — это только его разум.

Прекрасный, чистый разум ее сына! Разум, который она постоянно защищала и оберегала от этого опасного мира. Он был ее жизнью. Она не ощущала вины за то, что вернула его назад. Если бы только он не был таким...

— Ты довольна, Рут? — спросил муж.— О, не переживай, он меня не слышит.

Однако он слышал. Он сидел там и слушал. Мозг Питера работал.

— Ты мне не ответила,— настаивал доктор Диафилд, заводя мотор.

— Я не хочу об этом говорить.

— Тебе придется об этом говорить,— сказал он.— Чего ты хочешь от него теперь? Раньше ты постоянно указывала ему, как жить.

— Прекрати, Джон.

— Нет, я больше не могу молчать, Рут. Наверное, я обезумел, что послушался тебя. Обезумел, что позволил заинтересовать себя таким... чудовищным проектом. Вернуть обратно твоего умершего сына.

— Разве это чудовищно, что я люблю сына и хочу, чтобы он был рядом со мной?

— Чудовищно, что ты отказываешь ему в исполнении его последнего земного желания! Умереть, освободиться от тебя и наконец ощутить покой.

— Освободиться от меня, от меня! — сердито воскликнула она.— Неужели я такой монстр?

— Нет,— ответил он тихо.— Но с моей помощью ты совершенно точно превратила в монстра нашего сына.

Она ничего не сказала. Питер видел, как ее губы вытянулись в тонкую ниточку.

— Что он будет делать теперь? — спросил ее муж.— Снова вести занятия? Преподавать социологию?

— Не знаю,— пробормотала она.

— Ну конечно, ты не знаешь. Все, что тебя волнует,— чтобы он был рядом с тобой.

Доктор Диафилд повернул за угол. Поехал по Университетскому проспекту.

— Я знаю,— продолжал он.— Мы будем использовать его в качестве пепельницы.

— Джон, прекрати!

Она подалась вперед, и Питер услышал, как она зарыдала. Он смотрел на мать красными глазами машины, внутри которой теперь жил.

— Неужели ты н-не мог сдел-лать его не таким... таким...

— Таким уродливым?

— Я...

— Рут, я говорил тебе, как он будет выглядеть. Ты пропустила мои слова мимо ушей. Все, о чем ты думала,— как снова запустить в него свои коготки.

— Я не думала, не думала так,— рыдала она.

— Разве ты отнеслась с уважением хотя бы к одному-единственному его желанию? — спрашивал ее муж.— Хоть раз? Когда он хотел писать, разве ты ему позволила? Нет. Ты подняла его на смех. Будь практичнее, милый, сказала ты ему. Идея прекрасная, но мы должны мыслить практично. Твой отец обеспечит тебе в колледже надежную позицию.

Она молча покачала головой.

— Когда он хотел переехать в Нью-Йорк, разве ты его отпустила? Когда он хотел жениться на Элизабет, ты ему разрешила?

Сердитые слова отца повисли в воздухе, а Питер смотрел на темный кампус справа. Он думал, мечтал о симпатичной темноволосой девушке со своего курса. Вспоминал тот день, когда она заговорила с ним. Об их прогулках, походах на концерты, нежных взволнованных поцелуях, робких, застенчивых ласках.

Если бы только он мог зарыдать, выплакать это.

Но машина не может плакать, у нее нет сердца, которое могло бы разорваться.

— Год за годом,— голос отца вернул его к действительности,— ты уже тогда превращала его в машину.

И разум Питера нарисовал длинную, выложенную через кампус овалом дорожку. Дорожку, по которой он столько лет ходил на занятия и с занятий, крепко зажав в руке портфель. Темно-серая шляпа на лысеющей голове, лысеющей в двадцать восемь лет! Тяжелое пальто зимой, серый твидовый костюм осе-

нью и весной. Жатый льняной костюм в жаркие месяцы, когда шел летний семестр.

Ничего, кроме гнетущих дней, тянувшихся бесконечно.

Пока он сам не положил им конец.

— Он по-прежнему мой сын,— услышал он голос матери.

— Неужели? — насмешливо спросил отец.

— Его разум жив, а разум человека — все, что у него есть.

— А как же тело? — продолжал муж.— Как насчет его рук? Это же просто две клешни с крюками. Станешь ли ты держать его за руки, как раньше? Эти металлические руки с заклепками, позволишь ли ты ему раскинуть их и заключить тебя в объятия?

— Джон, прошу тебя...

— Что ты будешь с ним делать? Задвинешь его в чулан? Будешь прятать его, когда придут гости? Что ты станешь...

— Я не хочу об этом говорить!

— Тебе придется говорить об этом! А как насчет его лица? Будешь его целовать?

Она задрожала, и се муж вдруг прижался к бордюру и резко затормозил. Он схватил ее за плечи и с силой развернул к себе.

— Посмотри на него! Ты сможешь целовать его металлическое лицо? Это — твой сын. Разве это — твой сын?

Она не могла поднять глаза. Это стало последним ударом по сознанию Питера. Он понял: она любила вовсе не его разум, не его личность, не его характер. Она обожала живого человека, то тело, которое она могла направлять, руки, которые она могла пожимать, реакции, которые она могла контролировать.

— Ты никогда не любила его,— говорил жестокие слова отец.— Ты им владела. Ты его уничтожила.

— Уничтожила! — простонала она в тоске.

После чего они оба в ужасе обернулись. Потому что машина сказала:

— Да. Уничтожила.

Отец смотрел на него во все глаза.

— Я думал...— произнес он едва слышно.

— И теперь я обрел форму того, чем был всегда,— сказал робот.— Прекрасно поддающаяся управлению машина.

Шестеренки в горле вертелись.

— Мама, отвези домой своего мальчика,— сказала машина.

Но доктор Диафилд уже развернул машину и ехал обратно в лабораторию.

Легион заговорщиков

А еще был человек, который непрерывно шмыгал носом. Он садился в автобусе рядом с мистером Джаспером. Каждое утро он с кряхтением поднимался по ступенькам через переднюю дверь и, покачиваясь, двигался по проходу, чтобы шлепнуться на сиденье рядом с худосочным мистером Джаспером.

И — шмыг! — начинал он, внимательно изучая утреннюю газету, шмыг, шмыг!

Мистер Джаспер терпел. И не понимал, почему этот человек так упорно садится рядом с ним. Были ведь и другие свободные места, однако тот неизменно оседал неуклюжей тушей на соседнее место и хрюкал несколько километров пути и зимой и летом.

Вряд ли это простуда. Иногда по утрам в Лос-Анджелесе бывает зябко, это правда. Однако утренняя прохлада никак не могла вызвать подобного бесконечного шмыганья, словно весь организм этого типа поражен пневмонией.

И от этого мистер Джаспер выходил из себя.

Он предпринял несколько попыток выбраться из радиуса действия этого шмыганья. Прежде всего, он пересел на два ряда ближе к концу салона, чем обычно. Человек последовал за ним. Ясно, резюмировал едва ли не дымящийся от ярости мистер Джаспер, этот тип привык сидеть около меня и просто не заметил, что я сменил место.

На следующий день мистер Джаспер сел с другой стороны от прохода. Он раздраженно наблюдал, как толстяк, пошатываясь, бредет к нему. Потом все его внутренности напряглись, когда облаченная в твид туша плюхнулась рядом. С выражением крайнего омерзения на лице он уставился в окно.

© Перевод Е. Королевой.

Шмыг! — продолжил тип, ша-мыг! И вставные челюсти мистера Джаспера сомкнулись в фарфоровом бешенстве.

На следующий день он сел в самом конце салона. Человек сел рядом. Еще через день он сел сразу за водителем. Человек сел рядом. Мистер Джаспер просидел, чувствуя, как подходит к исходу терпение, пять с половиной километров. Наконец, взвинченный сверх всякой меры, он развернулся к толстяку.

— Почему вы меня преследуете? — Голос его жалобно дрожал.

Человек был застигнут посреди хрюка. Он уставился на мистера Джаспера, разинув рот, ничего не понимающими, коровьими глазами. Мистер Джаспер встал и прошел через весь автобус. Там он остановился, схватившись за верхний поручень, глаза его горели. Он вспоминал взгляд, каким посмотрел на него этот шмыгающий носом идиот. Господи, он глядел с таким негодованием, как будто бы это с мистером Джаспером что-то не так!

Что ж, по крайней мере, сейчас он далеко от этих хлюпающих ноздрей. Сжатые мышцы благодарно расслабились. Он с облегчением вздохнул.

После чего мальчишка, стоявший рядом с мистером Джаспером, двадцать три раза просвистел припев «Дикси»*.

Мистер Джаспер торговал шейными платками.

Работа, связанная с нескончаемыми придирками клиентов, работа, гарантированно выводящая из себя любого, кроме самых уж непробиваемых личностей.

Он же относился к числу самых впечатлительных.

Ежедневно его одолевали раздражительность, беспокойство и женщины. Женщины, которые неторопливо прохаживались, примеряя шарфы из шерсти, хлопка или шелка, и уходили, так ничего и не купив. Женщины, которые атаковали его уязвимый разум вопросами и капризами и не оставляли при этом денег — лишь выведенного из равновесия мистера Джаспера, еще на шаг приблизившегося к неминуемому взрыву.

С очередной клиенткой у него в голове обнаруживался целый арсенал блистательных колкостей, каждая из которых была острее предыдущей. У мистера Джаспера попросту вскипали

---

* «Дикси» — народная песня, неофициальный гимн южных штатов США. *(Прим. ред.)*

мозги от желания выпустить комментарии на свободу, позволить им пролиться кислотными потоками с языка и выплеснуться обжигающими струями прямо в лица этим женщинам.

Но неизменно поблизости маячил призрак администратора или заведующего отделом. Призрак проносился по его сознанию и властно отодвигал со своего пути жаждущий высказаться язык; от нерастраченной ненависти у мистера Джаспера напрягались даже кости.

А еще были женщины из магазинного кафетерия.

Они болтали во время еды и курили, вдувая облака никотина в его легкие в тот самый миг, когда он пытался влить ложку томатного супа в траченный язвой желудок. Пуф! — делали дамы и махали изящными ручками, чтобы прогнать дым.

Дым летел к мистеру Джасперу.

Глаза начинало щипать, и он отгонял дым обратно. Женщины снова гнали дым на него. Дым носился туда-сюда, пока в итоге не таял или же не получал подкрепления от новых, еще более сильных выхлопов. Пуф! И между взмахами рук, манипуляциями с ложкой и глотательными движениями мистера Джаспера мучили спазмы. Полный дубильной кислоты чай едва ли помогал потушить разгоравшийся в желудке пожар. Мистер Джаспер дрожащими пальцами отсчитывал сорок центов и возвращался к работе. Распадающийся на части человек.

Возвращался, чтобы остаток дня выслушивать жалобы и отвечать на вопросы, выполнять требования клиенток и подчиняться указаниям девчонки, которая стояла за прилавком вместе с ним и жевала резинку так, словно хотела, чтобы ее чавканье услышали народы Аравии. Это чавканье, щелканье и причмокивание заставляли внутренности мистера Джаспера содрогаться. Он замирал подобно обломкам каменной статуи и еле сдерживал рвущееся наружу шипение: «Прекрати сейчас же издавать эти мерзкие звуки!»

Жизнь полна причин для раздражения.

А еще были соседи. Люди, живущие сверху и по бокам. Целое общество, вездесущее братство, которое вечно обреталось в квартирах вокруг мистера Джаспера.

Они были объединены в союз, эти люди. В их поведении ощущалась закономерность, явственно различимое следование определенным правилам.

Их методы включали в себя: нарочито громко топать, постоянно переставлять мебель, ежедневно устраивать дикие вечеринки, куда пускают лишь тех, кто пришел в подбитых гвоздями ботинках и обязался ночь напролет плясать шотландский рил. Спорить по любому поводу во весь голос, слушать по радио исключительно народные и ковбойские песни, причем ручки громкости на приемниках должны быть неизменно повернуты до отказа. Содержать пары легких, замаскированные под младенцев от двух месяцев до года, которые каждое утро принимаются издавать звуки, больше всего похожие на жалобы пожарных сирен.

Нынешним заклятым врагом мистера Джаспера являлся Альберт Раденхаузен-младший, семи месяцев от роду, обладатель невероятно могучих легких, основное время работы которых приходилось на отрезок от четырех до пяти утра.

Мистер Джаспер перекатывался на спину в темноте двухкомнатной меблированной квартиры. Он поймал себя на том, что начинает заранее глядеть в потолок в ожидании крика. Дошло до того, что мозг выдергивал его из так необходимого ему сна ровно за десять секунд до четырех утра. Если Альберт Раденхаузен-младший решал подремать еще, мистеру Джасперу от этого было не легче. Он просто лежал и ждал крика.

Он старался заснуть, однако крайнее напряжение нервов превращало его в жертву если не вопящего младенца, то сонма прочих звуков, терзавших сверхчувствительные уши.

Чихов и всхлипов выхлопной трубы автомобиля, проносящегося по улице. Постукивания жалюзи. Топота ног, широко шагающих где-то в доме. Капающего крана, лающей собаки, трущихся лапок сверчка, поскрипывающей мебели. Мистер Джаспер не мог справиться со всеми ими. Все эти источники звука, которые он не был способен заткнуть, накрыть подушкой, отключить, убавить, продолжали расшатывать его психику. Он зажмуривал глаза, пока не начинали болеть веки, крепко зажимал уши руками...

Но сон бежал от него. Тогда он вскакивал, отбрасывая в сторону простыни и одеяла, и сидел, уставившись пустыми глазами в темноту и дожидаясь, пока Альберт Раденхаузен-младший подаст голос, чтобы он мог лечь снова.

В темноте мозг выстраивал разнообразные цепочки мыслей. «Чрезмерная чувствительность? — рассуждал он.— Я громогласно протестую против этого утверждения. Я просто обладаю

сознанием,— заявлял самому себе мистер Джаспер.— Не более того. У меня есть уши. Я ведь не могу не слышать».

Ведь это воистину подозрительно.

Мистер Джаспер не мог вспомнить, в какое утро из множества отвратительных утр на него снизошло это откровение. Но с того момента уже не мог отделаться от одной мысли. Хотя точная формулировка стерлась в последующие дни, основная идея оставалась неизменной.

По временам мысль эта затмевала все остальные, распирая голову так, что скрежетали зубы. В прочие периоды она превращалась во всего лишь мутный поток размытых ощущений, текущий где-то в глубине.

Однако она прочно овладела мозгом.

Все то, что с ним происходит. Является ли оно субъективным или объективным, проистекает изнутри или извне? События вроде бы громоздятся друг на друга, каждая деталь соединяется с прочими, пока в сумме все эти провокации не начинают подталкивать его к безумию. И уже казалось, что все это делается намеренно. Как будто...

Как будто существует некий план.

Мистер Джаспер решил провести эксперимент.

Его инструментарий составили блокнот с разлинованными листами и шариковая ручка. Исходный метод заключался в кратких записях о разнообразных событиях с указанием времени, когда эти события произошли, места действия, половой принадлежности субъекта и степени вызванного раздражения; последний фактор оценивался в баллах по шкале от одного до десяти.

Первая запись была коряво набросана еще в полусне.

«Детский крик, 4.52, квартира сбоку, м., 7».

Сделав эту запись, мистер Джаспер опустился на смятую подушку со вздохом, обозначавшим почти полное удовлетворение. Начало было положено. В ближайшие дни он совершенно точно выяснит, справедливы ли его необычные подозрения.

Прежде чем покинуть дом в семнадцать минут девятого, мистер Джаспер сделал еще три записи.

«Громкий стук в пол, 6.33, квартира сверху, м. (?), 5.
Шум с улицы, 7.00, перед домом, мужчины, 6.
Громкое радио, 7.40, квартира сверху, ж., 7».

Выходя из маленькой квартирки, мистер Джаспер обратил внимание на один весьма неожиданный результат своей деятельности. Если говорить в двух словах, осмысляя происходящее с помощью простейшего их письменного описания, он выплеснул изрядную дозу раздражения. Не то чтобы разнообразные шумы больше не заставляли его скрежетать зубами или сжимать кулаки. Нет. Однако трансформация всевозможных раздражителей в слова, сведение всего, что выводило из равновесия, в единый сжатый реестр каким-то образом помогло. Что было странно, но приятно.

Поездка на работу в автобусе обеспечила его новыми материалами для заметок.

Шмыгающий носом тип автоматически вызвал немедленную запись. Однако, когда раздражение было выплеснуто на бумагу, мистер Джаспер с тревогой вынужден был сделать еще четыре спешные заметки. В какой бы части автобуса он ни оказывался, у него везде находилась новая причина вынуть ручку и нацарапать еще несколько слов.

«Запах чеснока, 8.27, автобус, м., 7.

Сильные толчки, 8.28, автобус, и м., и ж., 8.

Наступили на ногу, извинений не последовало, 8.29, автобус, ж., 9.

Водитель велел пройти в глубь салона, 8.33, автобус, м., 9».

Потом мистер Джаспер обнаружил, что вновь оказался рядом с обладателем нескончаемого насморка. Он не стал доставать из кармана блокнот, а только закрыл глаза и крепко сжал челюсти. Позже он учредил для этого типа отдельную колонку.

«10!» — написал он в ярости.

И за обедом, в привычно отравленной атмосфере, мистер Джаспер, сверкая яростным взглядом, увидел во всем происходящем систему.

Он записал в блокнот с нового листа:

«1. По меньшей мере одно раздражающее событие каждые 5 минут (12 за час). Временные промежутки соблюдаются неточно. Иногда происходит два события за одну минуту. Очень хитро. Пытаются сбить меня со следа, разорвав прямой порядок.

2. Каждое из этих двенадцати событий выводит из себя сильнее предыдущего. Последнее — едва ли не заставляет меня взорваться.

ТЕОРИЯ: распределяя раздражители по нарастающей, они устраивают так, что последнее из двенадцати происшествий вызывает максимальное нервное напряжение, и таким образом подталкивают меня к безумию!»

Он сидел за столом над остывающим супом, яркий огонек ученого азарта горел в глазах, исследовательский жар полыхал во всем теле. Да, Бог мне свидетель, да, да, да!

Но нужно удостовериться.

Он покончил с обедом, уже не замечая ни сигаретного дыма, ни чужой болтовни, ни вкуса пищи. Вернулся обратно за прилавок. Провел остаток дня, радостно занося события в летопись своих скорбей.

Система существовала!

Это было доказано в ходе самого беспристрастного исследования. Одно раздражающее событие каждые пять минут. Некоторые из них, естественно, были настолько слабыми, что лишь человек с обостренным чутьем мистера Джаспера, ищущая личность, был в состоянии их заметить. Такие раздражители не имели полной силы. «И это очень умно!» — решил мистер Джаспер. Не доигрывать до конца, чтобы одурачить его.

Однако он не позволит обвести себя вокруг пальца.

«Опрокинута стойка с шарфами, 13.18, магазин, ж., 7.

Муха проползла по руке, 13.43, магазин, ж. (?), 8.

Кран в уборной забрызгал одежду, 14.19, магазин (пол?), 9.

Отказалась покупать шарф, потому что край неровный, 14.38, магазин, ЖЕНЩИНА, 10».

Типичные события того дня.

Они были тщательно зафиксированы трясущейся рукой мистера Джаспера, исполненного воинственного вдохновения. Мистера Джаспера, чья невероятная теория получала подтверждение.

Приблизительно в три часа пополудни он решил исключить из своей шкалы интервал от одного до пяти, поскольку ни одна из провокаций не была столь невинной, чтобы заслужить такую снисходительную оценку.

К четырем часам он исключил все значения, кроме девяти и десяти.

К пяти он стал всерьез размышлять над новой системой оценок, которая бы начиналась с десяти и заканчивалась двадцатью пятью.

Мистер Джаспер планировал делать записи по меньшей мере неделю, чтобы довести эксперимент до конца. Однако потрясения этого дня ослабили его. Стиль записей делался все более и более ожесточенным, а почерк — все менее разборчивым.

И в одиннадцать вечера, когда жильцы сбоку обрели второе дыхание и возобновили веселье, начав со взрыва громкого смеха, мистер Джаспер с приглушенным проклятием запустил блокнот в стенку и застыл в неистовой дрожи.

Они хотят избавиться от него.

Предположим, размышлял он, что в мире существует некий тайный легион. И первоочередной своей задачей члены легиона считают истощение всех его чувств.

Могут ли они осуществить свой коварный план без того, чтобы об этом прознала хоть одна живая душа? Могут ли они совершать свои доводящие до безумия вылазки в стан его рассудка так хитро, чтобы казалось, будто бы это он сам виноват; будто бы он просто какой-то сверхчувствительный человек, которому злобные намерения чудятся в любой случайности? Возможно ли такое?

Да. В его мозгу снова и снова звучал утвердительный ответ. Это было вероятно, возможно, правдоподобно, и, ради всего святого, он в это верил!

Почему бы нет? Разве не может существовать некий огромный зловещий легион людей, которые встречаются в тайных подвалах при свете оплывших свечей? Они сидят там, их похожие на бусинки глаза сверкают злобными замыслами, пока главарь рассказывает им о новых планах, которые увлекут мистера Джаспера прямиком в ад.

Точно! Агент Икс командирован в кинотеатр занять место за мистером Джаспером, чтобы болтать на протяжении всего фильма, чтобы через равные промежутки шуршать бумажным пакетом, чтобы оглушительно громко пережевывать попкорн, пока мистер Джаспер не выскочит, ослепший от ненависти, в проход и не кинется на другое место.

Где агент Игрек продолжит начатое, чавкая ирисками, хрустя фантиками и орошая затылок мистера Джаспера чихами.

Может быть. Очень даже может быть. И это тянулось на протяжении многих лет, а он даже не мог заподозрить их существование. Тонкая дьявольская интрига, которую практически невозможно вычислить. Но вот теперь наконец-то с нее сорваны все покровы, и она предстала перед ним во всей своей ужасающей наготе.

Мистер Джаспер лежал в кровати и рассуждал.

Нет, думал он, собрав последние остатки здравого смысла, это же глупо. Просто ни в какие ворота не лезет.

Ради чего кому-то заниматься подобным? Вот самый важный вопрос. Какие мотивы ими движут?

Ну разве не абсурд считать, будто столько людей ополчилось на него? Мертвый мистер Джаспер не будет стоить ничего. Нет, конечно, две тысячи долларов его страховки, распределенные между членами громадного тайного легиона, принесут каждому заговорщику примерно три-четыре цента. В случае если он вдруг назовет их своими наследниками.

Почему же тогда мистер Джаспер беспомощно бредет в сторону маленькой кухоньки? Почему же тогда он так долго стоит там, взвешивая в руке длинный нож для мяса? И почему он содрогается, когда осознает, в чем состоит его идея?

Только вот что, если все это правда? Прежде чем выйти из кухни, мистер Джаспер надел на лезвие ножа картонный чехол. А затем понял, что машинально кладет нож в нагрудный карман пиджака.

И когда он лежал, глядя в темноту, а его впалая грудь вздымалась и опускалась неровными толчками, он повторял легиону свой мрачный ультиматум:

— Если вы существуете, я не стану больше терпеть.

Потом, в четыре утра, был Альберт Раденхаузен-младший. Одним пинком он вытолкнул мистера Джаспера из сна. Очередная порция масла в пылающий костер. Были и тяжелые шаги, и автомобильные клаксоны, и собачий лай, и громыхающие жалюзи, и капающий кран, и скомкавшееся одеяло, и сплющенная подушка, и перекрученная пижама. И утро с вечно горелым тостом, со скверным кофе, с разбившейся чашкой, с орущим из квартиры сверху радио и с порвавшимся шнурком.

Все тело мистера Джаспера каменело от невыразимой ярости, он поскуливал и шипел, мышцы твердели, руки тряслись, и ры-

дания едва не прорывались наружу. Блокнот со списком был позабыт, выброшен в неистовой вспышке бешенства. Осталось только одно. И это было: защититься любой ценой.

Потому что мистер Джаспер теперь знал, что легион злоумышленников существует, и еще он знал, что этот легион удвоил усилия из-за того, что он разгадал их планы и готов бороться.

Мистер Джаспер выскочил из квартиры и поспешил по улице, в голове у него бушевал ураган. Нужно держать себя в руках, просто необходимо! Настал ключевой момент, момент наивысшего напряжения. Если он позволит событиям и дальше идти своим чередом, тогда безумие захлестнет его и легион получит свою добычу.

Защититься любой ценой!

Он стоял, дрожащий, с побелевшими губами, на автобусной остановке, изо всех сил пытаясь сопротивляться. И неважно, что вспышка уже прошла! Забудь о мерзком хихиканье, какое издала эта девка. Не обращай внимания на крещендо стонов, испускаемых разорванными нервами. Они не победят! Мистер Джаспер, весь как сжатая в ожидании пружина, был готов сражаться и победить.

В автобусе все тот же толстяк все так же шумно втягивал носом воздух, люди толкали мистера Джаспера, он задыхался, сознавая, что в любой момент может закричать, и тогда берегись!

Шмыг, шмыг, шмыг! — не унимался тот тип. Шмыг!

Мистер Джаспер отпрянул назад. Этот человек никогда раньше не шмыгал так громко. Это часть их плана. Рука мистера Джаспера взметнулась к груди и нащупала под пиджаком твердое лезвие ножа.

Он проталкивался через набитый салон. Кто-то наступил ему на ногу. Он зашипел. Снова порвался шнурок. Он наклонился, чтобы завязать новый узел, и кто-то заехал ему коленом в висок. Он распрямился, ощущая, как в этом дергающемся автобусе кружится голова, сдавленное проклятие с трудом протиснулось между сжатых губ.

Оставалась одна последняя надежда. Можно ли сбежать? Вопрос взбудоражил все его чувства. Новая квартира? Он уже переезжал раньше. На те деньги, какие у него есть, ничего лучше не найти. У него всегда были такие соседи.

Машина вместо автобуса? Он не может позволить себе машину.

Бросить эту жалкую работу? Все работы, связанные с торговлей, одинаково жалкие, но ничего другого он делать не умеет, кроме того, он уже не молод.

И даже если он изменит все — все! — легион и тогда продолжит охоту, вынюхивая след и безжалостно гоня от одного раздражителя к другому, вплоть до неизбежного срыва.

Он в ловушке.

И внезапно, стоя в автобусе, окруженный со всех сторон чужими взглядами, мистер Джаспер увидел впереди часы, дни, годы раздражающих, выводящих из себя, опустошающих разум, *вгоняющих* в безумие, сокрушающих рассудок мерзостей. Он завертел головой, смотря на людей вокруг.

И волосы у него едва не встали дыбом, когда он понял, что все пассажиры автобуса — члены легиона. И он совершенно беспомощен среди них; пешка, которую передвигает с места на место их зловещее нечеловеческое *присутствие*; все малейшие мелочи его жизни вечно будут во власти их чудовищного заговора.

— Нет! — проорал он прямо им в лицо.

И его рука, словно ангел мщения, метнулась под пиджак. И лезвие блеснуло, и легион с криком подался назад, когда мистер Джаспер, нанося бешеные удары наотмашь, принялся прорубать себе дорогу к здравому рассудку.

«МУЖЧИНА, ЗАРЕЗАВШИЙ В АВТОБУСЕ
ШЕСТЬ ЧЕЛОВЕК,
ЗАСТРЕЛЕН ПОЛИЦИЕЙ

Мотивы жестокого преступления не установлены»

Потерялась маленькая девочка

Плач Тины разбудил меня мгновенно. Темно было хоть глаз коли, середина ночи. Я услышал, как рядом в постели зашевелилась Рут. Тина в большой комнате сделала паузу, чтобы набрать в легкие воздуха, и заплакала еще громче.

— О боже,— пробормотал я спросонья.

Рут со стоном выдохнула и начала выбираться из-под одеяла.

— Лежи,— сказал я устало, и она упала обратно на подушку. Когда Тина устраивала ночные концерты — простуда, колики или просто выпала из постели,— мы вставали по очереди.

Я поднял ноги и уронил их поверх одеяла. Затем переполз в изножье кровати и свесил ноги к полу. Поморщился, когда ступни коснулись ледяных половиц. В квартире было холодно, словно на полюсе, как всегда бывает в зимние ночи, даже в Калифорнии.

Маневрируя по холодному полу — между комодом и письменным столом, мимо книжного шкафа в коридоре, в обход телевизора,— я доковылял до гостиной. Тина спит здесь, потому что квартира со второй спальней нам не по карману. Она спит на кресле, которое раскладывается в кровать. В тот миг, когда я вошел, ее плач сделался еще громче, и она принялась звать маму.

— Не бойся, Тина. Папа все уладит.

Она продолжала плакать. Я услышал, как снаружи, на балконе, наш колли Мак спрыгнул с раскладного стула, служившего ему лежанкой.

Я склонился в темноте над креслом-кроватью. Установил на ощупь, что в постели никого нет. Отступил назад, всматриваясь в пол вокруг, но никак не мог разглядеть, где там Тина.

© Перевод Е. Королевой.

— О господи,— засмеялся я, несмотря на раздражение,— несчастный ребенок упал под кресло.

Я опустился на колени и посмотрел там, все еще похохатывая при мысли о том, как маленькая Тина вываливается из кровати и заползает под нее.

— Тина, ты где? — позвал я, стараясь подавить смех.

Плач сделался громче, но ее я все еще не видел. Было слишком темно, чтобы разглядеть хоть что-то.

— Эй, ты где, детка? — спросил я.— Иди к папочке.

Словно человек, нашаривающий под бюро запонку, я полез под кресло-кровать за дочерью, которая плакала и все звала и звала маму.

И тут я удивился в первый раз. Я никак не мог дотянуться до нее, как бы сильно ни вытягивал руку.

— Ну же, Тина,— произнес я, уже без намека на смех,— перестань потешаться над своим стариком.

Она заплакала громче. Вытянутая рука сама отдернулась назад, когда соприкоснулась с холодной стеной.

— Папа! — закричала Тина.

— Ради всего!..

Я неуклюже поднялся и в раздражении прошел по ковру. Все еще не до конца стряхнув с себя сон, включил лампу рядом с проигрывателем, развернулся, чтобы поднять с пола дочь, и застыл на месте, уставившись на кресло-кровать. Холодный пот заструился по спине.

Одним прыжком я оказался у кресла, опустился на колени и стал всматриваться обезумевшими глазами в пространство под креслом; горло сжималось все сильнее и сильнее. Я слышал ее плач, но не видел ее.

Мышцы живота сжались, когда до меня дошел весь ужас ситуации. Я спешно провел руками под креслом, но руки ни на что не натолкнулись. Я слышал, как она плачет, но, господи, ее там не было!

— Рут! — закричал я.— Иди сюда!

Я услышал, как сонное дыхание Рут прервалось, потом раздался шорох одеяла, и ее ноги прошлепали по полу. Краем глаза я увидел рядом светло-голубой подол ночной рубашки.

— Что случилось? — обеспокоенно спросила она.

Я снова поднялся на ноги, едва способный дышать, не то что изъясняться человеческим языком. Хотел было что-то ска-

зать, но слова застряли в горле. Рот, однако, так и не закрылся. Все, на что я был способен,— указать трясущейся рукой на кресло.

— Где она? — воскликнула Рут.

— Не знаю! — наконец выговорил я.— Она...

— Что?!

Рут упала на колени и заглянула под кресло.

— Тина! — закричала она.

— Мама!

Рут отскочила от кресла, краска сбежала с ее лица. В обращенных на меня глазах застыл ужас. Вдруг Мак яростно заскреб лапами в дверь балкона.

— Где она? — снова спросила Рут лишенным выражения голосом.

— Не знаю.— Язык мой словно одеревенел.— Я включил свет и...

— Но она же плачет,— сказала Рут, словно, как и я, не могла поверить своим глазам.— Я... Крис, послушай!

Наша дочь заливалась слезами от испуга.

— Тина! — позвал я громко, непонятно зачем.— Где ты, лапушка?

Она только плакала.

— Мама! — повторяла она.— Мамочка, подними меня!

— Нет, нет, это какое-то безумие,— пыталась убедить себя Рут,— она на кухне.

— Но...

В отупении я стоял на месте, пока Рут включала свет и входила в кухню. Через мгновение я содрогнулся от крика, полного ужаса.

— Крис! Ее здесь нет!

Она выбежала из кухни. Глаза полны страха, губа закушена.

— Но где же?..— начала она и замолкла.

Потому что мы оба слышали, что Тина плачет и что звук идет из-под кресла-кровати.

Вот только там никого не было.

Однако Рут не могла принять безумную правду. Она рывком открыла стенной шкаф и заглянула внутрь. Посмотрела за телевизором, даже за проигрывателем, где оставалось пространство сантиметров в пять шириной.

— Милый, помоги мне,— взмолилась она,— не будем же мы сидеть сложа руки.

Я не двинулся с места.

— Дорогая, она под креслом.

— Но ее же там нет!

Еще раз, будто в тягостном сне, я опустился на ледяной пол и нырнул под кресло. Я прощупал там каждый сантиметр. Но так и не смог найти ее, хотя и слышал плач прямо у себя над ухом.

Я поднялся на ноги, дрожа от холода и от чего-то еще. Рут стояла посреди гостиной и неотрывно смотрела на меня. Голос ее звучал слабо, едва слышно.

— Крис,— сказала она.— Крис, что это значит?

Я покачал головой.

— Не знаю, детка, понятия не имею, что происходит.

Мак, продолжая царапаться в дверь, начал подвывать. Рут посмотрела в сторону балкона, ее лицо застыло в перекошенной гримасе, тело под шелком ночной рубашки била дрожь. Я стоял рядом, совершенно беспомощный, а в голове мелькали десятки мыслей, ни одна из которых не несла решения, не была даже сколько-нибудь внятной идеей.

— Что же нам теперь делать? — спросила она, с трудом удерживаясь от крика, который — я это знал — вот-вот прозвучит.

— Детка...

Я тут же осекся, и внезапно мы оба шагнули к креслу.

Плач Тины сделался тише.

— О нет.— Теперь заплакала Рут.— Нет, Тина!

— Мамочка,— отозвалась Тина откуда-то издалека.

Меня пробил озноб.

— Тина, вернись! — услышал я собственный крик. Отец, окликающий непослушного ребенка, которого он даже не видит.

— Тина! — закричала Рут.

После чего наступила гробовая тишина, а Рут и я стояли на коленях, таращась в пустоту между креслом и полом. И прислушивались.

К дыханию нашего ребенка, мирно сопящего во сне.

— Билл, можешь приехать к нам прямо сейчас? — Голос мой, должно быть, звучал безумно.

— Что? — сонно отозвался Билл.

— Билл, это Крис. Тина пропала!

Сон у него как рукой сняло.

— Ее похитили?

— Нет. Она здесь, но... ее здесь нет.

В ответ — какой-то невнятный звук. Я глотнул воздуха.

— Билл, ради бога, приезжай к нам!

Пауза.

— Уже еду.

И по тому, как он это сказал, было ясно, что он и сам не знает, зачем едет.

Я положил трубку и подошел к Рут, которая сидела на кресле-кровати и ломала от волнения пальцы.

— Милая, накинь халат. Ты простудишься.

— Крис, я...— Слезы полились у нее по щекам.— Крис, где она?

— Милая.

Это все, что я мог сказать, в голосе безнадежность и бессилие. Я отправился в ванную и принес ей халат. По дороге в комнату я остановился и выкрутил до предела ручку настенного термостата.

— Вот,— сказал я, накидывая ей на плечи халат,— надень.

Она продевала руки в рукава, а взгляд молил меня сделать хоть что-то. Прекрасно понимая, что это невозможно, она умоляла вернуть ей ребенка.

Я снова встал на колени, просто чтобы что-нибудь сделать. Понимая, что это никак не поможет. Я долго стоял так, просто таращась в темноту под креслом. Полностью погруженный в тень.

— Крис, она с-спит на полу,— произнесла Рут, слова с трудом слетели с обескровленных губ.— А вдруг она простудится?

— Я...

Все, что я произнес. А что можно было сказать? «Нет, она не на полу»? «Откуда мне знать?»? Слышно было, как Тина тихонько посапывает на полу, но дотронуться до нее я не мог. Она исчезла, но не исчезла. У меня ум заходил за разум, пока я пытался осмыслить этот факт, как-то примириться с происходящим. Прямая дорога к психиатру.

— Милая, она... она не здесь,— сказал я.— То есть... она не на полу.

— Но...

— Знаю, знаю...— Я поднял руки и пожал плечами, как бы признавая поражение.— Не думаю, что она простудится, ми-

лая,— постарался произнести я как можно мягче и убедительнее.

Она начала отвечать что-то, но сразу замолкла. Сказать было нечего. Происходящее невозможно было описать словами.

Мы сидели в тишине комнаты, дожидаясь, когда приедет Билл. Я позвал его, потому что он смыслит в науке, у него за спиной Калифорнийский технологический, самая светлая голова во всей долине. Не знаю, с чего я решил, будто он сможет помочь, но я позвал его. Просто чтобы здесь был еще кто-то. Родители превращаются в совершенно бесполезных существ, когда боятся за своих детей.

Еще раз, до того как появился Билл, Рут опустилась на колени у кресла и принялась хлопать руками по полу.

— Тина, проснись! — Ее настиг новый приступ страха.— Проснись!

— Милая, и к чему хорошему это приведет?

Она посмотрела на меня пустыми глазами, но поняла. Ни к чему хорошему этот точно не приведет.

Я услышал шаги Билла на лестнице и оказался возле двери раньше его. Он тихонько вошел, огляделся и коротко улыбнулся Рут. Я принял его пальто. Он так и приехал в пижаме.

— Что случилось, приятель? — спросил он спешно.

Я рассказал вкратце и настолько внятно, насколько сумел. Он опустился на колени и проверил сам. Билл ощупывал пол под креслом, и я видел, как сошлись в одну линию его брови, когда он услышал тихое и мирное дыхание Тины.

Билл распрямился.

— Ну что? — спросил я.

Он покачал головой.

— Бог мой,— прошептал Билл.

Мы оба смотрели на него. Мак снаружи все еще скреб дверь и подвывал.

— Где она? — снова спросила Рут.— Билл, я сейчас с ума сойду!

— Успокойся,— сказал он.

Я приблизился к ней и обнял за талию. Она вся дрожала.

— Вы ведь слышите, как она дышит,— продолжал Билл.— Дыхание нормальное. Значит, с ней, очевидно, все в порядке.

— Но где она? — спросил я.— Ее же не видно, и до нее нельзя даже дотронуться.

— Не знаю.— И Билл снова опустился на колени перед креслом.

— Крис, надо впустить Мака,— сказала Рут, вдруг забеспокоившись о собаке,— он перебудит всех соседей.

— Сейчас впущу,— сказал я, продолжая наблюдать за Биллом.— Может, нам позвонить в полицию? — обратился я к нему.— Ты не думаешь, что?..

— Нет-нет, никакой пользы от этого не будет. Это же не...

Билл покачал головой, словно стряхивая с себя все, во что когда-то верил.

— Эта работа не для полиции,— заключил он.

— Крис, он перебудит...

Я повернулся к балконной двери, чтобы впустить Мака.

— Подожди-ка минутку,— произнес Билл, и я развернулся обратно, в голове гулко застучало.

Он до половины исчез под креслом, сосредоточенно прислушиваясь.

— Билл, что там?..— начал я.

— Тсс!

Мы оба затихли. Билл постоял так еще секунду. Затем распрямился, и лицо у него побелело.

— Я ее не слышу,— проговорил он.

— О нет! — Рут рванулась к креслу.— Тина! О господи, где же она?

Билл поднялся и быстро обошел комнату. Я наблюдал за ним, потом посмотрел на Рут, которая тяжело осела на кресло, сама не своя от страха.

— Послушай,— сказал Билл,— слышишь что-нибудь?

Рут подняла голову.

— Слышу ли я... что-нибудь?

— Походите, походите по комнате,— сказал Билл.— Прислушайтесь внимательно, может, что-нибудь услышите.

Рут и я, словно роботы, бродили по гостиной, понятия не имея, что делаем. Все было тихо, если не считать того, что Мак скулил и скреб дверь все громче и громче. Я скрипнул зубами и бросил краткое «Заткнись!», когда проходил мимо балконной двери. На миг в мозгу появилась смутная мысль, что Мак знает, где Тина. Он ее обожал.

Но тут Билл замер в углу, где стоял шкаф, поднялся на цыпочки и стал прислушиваться. Он подозвал нас рукой. Мы тут же кинулись к нему и замерли рядом.

— Слушайте,— прошептал он.

Мы стали слушать.

Сначала ничего не было слышно. Потом Рут охнула, и все мы задержали дыхание.

Из верхнего угла, там, где к потолку примыкали две сходящиеся стены, мы услышали сонное дыхание Тины.

Рут смотрела вверх, и на ее белом лице читалась совершенная беспомощность.

— Билл, что за...— начал я.

Он только медленно покачал головой. Затем вдруг вскинул руку, и все мы вновь застыли.

Звук оборвался.

В отчаянии Рут начала рыдать.

— Тина...

В углу ее больше не было.

— Нужно ее найти,— умоляла Рут.— Прошу вас.

Мы носились по комнате кругами, пытаясь услышать Тину. Залитое слезами лицо Рут исказил ужас.

На этот раз ее нашел я.

Под телевизором.

Все мы упали на колени и принялись слушать. Пока мы стояли там, я услышал, как она что-то бормочет себе самой и ворочается во сне.

— Моя кукла,— пробормотала она.

— Тина!

Я обхватил трясущуюся Рут руками и попытался успокоить. Безуспешно. Я и сам ощущал, как сжимается горло и сердце бьется в груди медленно и тяжело. Мои руки дрожали у нее на спине, скользкие от пота.

— Ради бога, что же это? — спрашивала Рут, но обращалась она не к нам.

Билл помог мне довести ее до стула рядом с проигрывателем. Потом он принялся топтаться по ковру, яростно вгрызаясь в собственный кулак; я часто видел его таким, когда он бился над какой-нибудь сложной задачей.

Он поднял голову, начал что-то говорить, затем передумал и повернулся к двери.

— Я впущу пса,— сказал Билл.— Он с ума сходит.

— У тебя есть хоть какое-то предположение, что с ней произошло? — спросил я.

— Билл?..— взмолилась Рут.

— Мне кажется,— сказал Билл,— она в другом измерении.

И он открыл балконную дверь.

То, что произошло потом, произошло так быстро, что мы никак не могли это предотвратить.

Мак с гавканьем ворвался в комнату и тут же кинулся к креслу.

— Он знает! — воскликнул Билл и кинулся вслед за собакой.

В одну секунду Мак оказался под креслом, мотая ушами, скребя лапами и виляя хвостом. А в следующую он исчез: раз — и все. Растворился. Мы втроем застыли, разинув рты.

Потом я услышал голос Билла:

— Ну да. Да!

— Что «да»? — Не знаю, в каком состоянии я пребывал к этому моменту.

— Она в другом измерении.

— О чем ты? — переспросил я встревоженным, почти рассерженным голосом. Не каждый день слышишь подобные речи.

— Сядь,— велел он.

— Сесть? Разве это все, что мы можем сделать?

Билл бросил встревоженный взгляд на Рут. Она, казалось, знала, что он ответит.

— Если я прав, то да,— прозвучал ответ.

Я упал в кресло.

— Билл,— сказал я. Просто произнес его имя.

— Дружище,— он беспомощно развел руками,— все это застало меня врасплох, как и вас. Даже не знаю, прав ли я или нет, но ничего иного в голову попросту не приходит. Я считаю, что каким-то непостижимым образом Тина попала в другое измерение, наверное, четвертое. Мак почувствовал это и последовал за ней. Но как именно они туда попали? Не знаю. Вы, как и я, были под креслом. Ничего не заметили?

Я посмотрел на него, и он понял мой ответ.

— Другое... измерение? — переспросила Рут.

Голосом матери, которой только что сообщили, что она потеряла своего ребенка навсегда.

Билл заметался по комнате, ударяя в ладонь левой руки кулаком.

— Черт, черт,— бормотал он.— Как такое возможно?

И пока мы сидели в застывших позах и вполуха слушали его, а в основном старались уловить дыхание нашего ребенка, он

говорил. Говорил на самом деле не нам. Самому себе. Пытался рассмотреть задачу со всех сторон.

— Одномерное пространство, линия,— тараторил он.— Двухмерное пространство, бесконечное число линий, бесконечное число одномерных пространств. Трехмерное пространство — это бесконечное множество плоскостей — бесконечное число двухмерных пространств. Теперь к основополагающему фактору... основополагающий фактор...

Он рубанул по воздуху рукой и поднял глаза к потолку. Потом начал все сначала, на этот раз медленнее.

— Каждая точка каждого измерения является участком линии в следующем, более сложном измерении. Все точки линии являются участками перпендикуляра, который превращает эту линию в плоскость. Все точки плоскости являются срезами перпендикуляров, образующими сплошную поверхность. Это значит, что в третьем измерении...

— Билл, ради всего святого! — не выдержала Рут.— Можем мы что-нибудь сделать? Моя дочь... она пропала.

Билл потерял мысль. Он покачал головой.

— Рут, я не...

Здесь я встал, снова подошел к креслу и заглянул вниз. Я обязан был ее найти! Я ощупывал, я искал. Я прислушивался, пока в ушах не зазвенело. Ничего.

И вдруг я дернулся и ударился затылком — прямо мне в ухо залаял Мак.

Билл бросился к креслу и опустился рядом со мной, его дыхание участилось.

— Господи,— произнес он почти с яростью.— Из всех мест в этом проклятом мире...

— Если... вход здесь,— недоумевал я,— почему же мы слышим ее по всей комнате?

— Ну, если она ушла за пределы третьего измерения и полностью находится в четвертом, тогда для нас каждое ее движение кажется растянутым на все пространство. На самом деле она находится в одной точке четвертого измерения, но для нас...

Он осекся.

Опять заскулил Мак. Но, что было важнее, мы снова услышали Тину. Совсем рядом.

— Он притащил ее обратно! — воскликнул Билл.— Вот молодчина пес!

Билл стал крутиться на месте, всматриваясь, ощупывая, шлепая по пустому воздуху.

— Нужно его отыскать! — сказал он.— Дотянемся до него — вытащим обоих. Одному богу известно, как глубока эта нора.

— Что? — ахнула Рут, а потом внезапно закричала: — Тина, где ты? Тина, это мама!

Я уже хотел сказать, что кричать бесполезно, но тут Тина отозвалась:

— Мама, мама! Где ты, мама?

Потом послышалось ворчанье Мака, и Тина сердито заплакала.

— Она пытается идти на голос Рут,— пояснил Билл,— но Мак ее не пускает. Не понимаю откуда, но он, похоже, знает, где выход.

— Где же они, ради всего святого? — Нервы у меня были на пределе.

И я шагнул прямо в чертову дыру.

До конца моих дней я не смогу подобрать слов, чтобы описать свои ощущения. Если только приблизительно.

Было темно, да, было темно. И в то же время казалось, что здесь сверкает миллион огней. Но стоило взглянуть на какой-нибудь из них, как тот полностью гас. Я видел их только боковым зрением.

— Тина,— позвал я,— где ты? Ответь мне! Пожалуйста!

И я услышал, как мой голос отозвался миллионом эхо, слова звучали бесконечно, они не умолкали, а просто уходили, словно были живые и могли шагать. И когда я взмахнул руками, движение породило свист, который все отдавался и отдавался эхом и удалялся, словно улетающий в ночь рой насекомых.

— Тина!

От последовавшего за криком эха у меня заболели уши.

— Крис, ты ее слышишь? — прозвучал голос.

Но был ли это голос или скорее просто мысль?

Я вздрогнул — что-то мокрое коснулось руки.

Мак.

В неистовых поисках я шарил вокруг себя, и каждое движение порождало свистящее эхо в вибрирующей темноте, пока не начало казаться, будто я со всех сторон окружен бесчисленной

стаей птиц, безумно бьющих крыльями прямо возле моей головы. Звук дробил и разрывал мозг.

Затем я ощутил Тину. Я говорю, что ощутил ее, но если бы я не знал, что это моя дочь, не догадался бы каким-то непостижимым образом, что это она, я бы принял ее за нечто иное. Осязая ее, я испытывал вовсе не те ощущения, что в трехмерном мире. Ну и хватит об этом, мне не хотелось бы вспоминать о подобном.

— Тина,— шепотом позвал я.— Тина, детка.

— Папа, мне темно и страшно,— сказал она тоненьким голоском, и Мак заскулил.

Теперь темноты испугался и я, потому что меня поразила одна мысль.

Как же я вытащу всех нас отсюда?

А потом появилась другая мысль: «Крис, ты нашел их?»

— Да, нашел! — отозвался я.

И Билли схватил меня за ноги (они, как я узнал позже, все еще торчали в третьем измерении) и выдернул обратно в комнату с зажатыми в охапку дочерью и собакой и с воспоминаниями о чем-то таком, о чем я предпочел бы забыть.

Все мы лежали кучей-малой; я ударился головой так, что едва не потерял сознание. После чего меня разом обняла Рут, облобызала собака, а Билл помог подняться на ноги. Мак прыгал вокруг нас, гавкая и брызгая слюнями.

Когда ко мне вернулась способность соображать, я заметил, что Билл успел загородить проход под кресло двумя столиками.

— На всякий случай,— пояснил он.

Я слабо кивнул. Рут вышла из спальни.

— Где Тина? — спросил я, еще не совсем придя в себя, ошметки мрачных воспоминаний до сих пор клубились в голове.

— Я положила ее к нам. Думаю, одну ночь мы потерпим.

— Да, конечно.— Я покивал головой. Потом повернулся к Биллу.— Слушай,— сказал я.— Что же все-таки произошло?

— Ну,— протянул он с усмешкой,— я же объяснял. Третье измерение находится в каком-то шаге от четвертого. Если на то пошло, каждая точка нашего пространства является участком перпендикуляра, все точки которого принадлежат четвертому измерению. Эти перпендикуляры не будут располагаться параллельно друг другу, во всяком случае, для нас. Но если до-

статочное количество таких перпендикуляров в каком-то одном месте оказывается параллельно обоим измерениям, может образоваться связующий коридор.

— Ты хочешь сказать...

— Вот это осмыслить сложнее всего,— признал он.— Из всех возможных мест в мире именно под вашим креслом оказалось скопление точек, являющихся срезами параллельных линий, параллельных для обоих измерений. Они и образовали коридор в следующее измерение.

— Или дыру,— сказал я.

— Однако,— скривился Билл,— сколько бы умных слов я ни произнес, все равно понадобилась собака, чтобы вытащить Тину обратно.

— Могу одолжить ее для опытов,— устало пошутил я.

— Как это поможет?

— А как насчет звуков?

— Это ты меня спрашиваешь? — уточнил он.

Вот, собственно, и конец истории. Нет, разумеется, Билл рассказал обо всем своим приятелям из Калифорнийского технологического, и квартира на месяц превратилась в физическую лабораторию. Только они ничего не нашли. Они сказали, все исчезло. Некоторые из них говорили и кое-что более пугающее.

Но все равно, вернувшись домой от мамы, у которой жили, пока шли научные исследования, мы передвинули кресло в другую часть комнаты, а на его место поставили телевизор.

Иногда по вечерам мы смотрим, как Артур Годфри* шутит из другого измерения. Может, он оттуда и пришел.

---

* Артур Годфри (1903—1983) — американский телеведущий, популярный в конце 1940-х — начале 1950-х гг. *(Прим. ред.)*

Звонок издалека

Как раз перед тем, как зазвонил телефон, ураганный ветер повалил дерево перед ее окном и вырвал мисс Кин из сна, полного блаженства. Она судорожно вскочила, вцепившись в простыню хрупкими пальцами. В се тощей груди напряженно задергалось сердце, застоявшаяся кровь получила резкий толчок. Она села в неподвижной немоте, уставилась в ночь.

В следующую секунду зазвонил телефон.

— Кому это приспичило? — Вопрос сам собой сложился в ее мозгу.

Какое-то мгновение ее тонкие пальцы нерешительно шарили в темноте — и вот уже мисс Элва Кин прижимает к уху прохладную трубку.

— Алло! — говорит она.

Удар грома расколол ночь, отозвавшись вздрагиванием парализованных ног мисс Кин. «Я прослушала голос,— подумала она.— Гром заглушил голос».

— Алло! — повторила она.

Не последовало ни единого звука. Мисс Кин отрешенно ждала. Затем повторила резким голосом:

— Алло!

На улице снова ударил гром.

И все равно никто не говорил. Ее уха не достиг даже звук отключения линии. Она протянула дрожащую руку к телефону и сердито бросила трубку.

— Опрометчивость,— пробормотала она, откидываясь обратно на подушку. Ее немощная спина уже заболела от сидения.

Она устало вздохнула. Сейчас придется снова преодолевать этот мучительный процесс засыпания: успокаивать изможденные

© Перевод Н. Савиных.

мышцы, игнорировать режущую боль в ногах, вести бесконечную тщетную борьбу за выключение какого-то крана в мозгу, отгонять ненужные мысли. Ну что тут поделаешь: надо! Сиделка Филлипс велела как следует отдыхать. Элва Кин стала дышать медленно и глубоко, натянула одеяло до подбородка и прилагала все усилия к тому, чтобы заснуть.

Бесполезно...

Глаза открылись, и, повернув лицо к окну, она смотрела, как гроза удаляется на своих ногах-молниях. «Почему я не могу заснуть? — раздраженно думала она.— Почему я должна все время лежать вот так — без сна?»

Она знала ответ — он пришел без всяких усилий. Когда жизнь уныла, даже малейший привнесенный в нее элемент кажется неестественно интригующим. А жизнь мисс Кин как раз и представляла собой жалкую картину: лежание ничком или опершись на подушки, чтение книг, которые сиделка Филлипс приносила из городской библиотеки, принятие пищи, отдых, лечение, прослушивание маленького радиоприемника — и ожидание, *ожидание* чего-то иного, что непременно должно произойти.

Такого, как этот телефонный звонок. Или не звонок?

Не было слышно даже, когда положили трубку. Этого мисс Кин не могла понять. Зачем кто-то звонит ей и молчаливо слушает, как она снова и снова повторяет «Алло!»? А звонил ли кто-нибудь на самом деле? Затем она осознала, что надо было продолжать слушать, пока этот человек не устал бы от своей шутки и не положил трубку. Ей следовало бы решительно высказаться по поводу необдуманности этого хулиганского звонка незамужней даме, калеке, посреди грозовой ночи. И если кто-то *слушал* — кто бы это ни был,— ее сердитые слова отрезвили бы его как следует и...

— Ну конечно же!

Она произнесла это вслух, в интонации слышалось легкое отвращение. Конечно же, испортился телефон. Кто-то хотел поговорить с ней — возможно, сиделка Филлипс, чтобы узнать, все ли у нее в порядке. Но что-то случилось на другом конце линии, и звонок ее телефона сработал, а связь оказалась невозможной. Ну да, конечно, в этом все дело!

Мисс Кин кивнула и тихо закрыла глаза. «А сейчас — спать»,— подумала она. Далеко-далеко, за пределами их округа, гроза прочистила свое мрачное горло. «Надеюсь, никто не волнуется.

Это было бы очень плохо». Такая мысль проносилась в ее мозгу, когда телефон снова зазвонил.

«Вот опять пытаются дозвониться до меня». Она торопливо протянула в темноте руку, нащупала трубку и прижала ее к уху.

— Алло! — сказала мисс Кин.

Молчание.

Горло ее сжалось. Конечно, она знала, здесь что-то не так, но это ей совсем не нравилось.

— Алло! — выдавила она для пробы, не сознавая еще, что дыхание ее нарушилось. Ответа не было. Она подождала немного, затем в третий раз сказала — уже слегка нетерпеливо, громко, ее визгливый голос заполнил темную спальню: — Алло!

Ничего. Мисс Кин вдруг захотелось отшвырнуть трубку. Она подавила этот странный инстинкт — нет, она должна подождать; ждать и слушать, не положит ли кто-нибудь трубку на другом конце телефонной линии.

Итак, она ждала.

В комнате было очень тихо, но Элва Кин напрягала слух: или звук опускаемой трубки, или гудки, которые за этим следуют. Грудь ее поднималась и опускалась очень осторожно, она сосредоточенно закрыла глаза, затем снова открыла их и заморгала в темноте. Из телефона не доносилось ни единого звука: ни щелчка, ни гудка, ни звука, который слышен, когда кто-нибудь кладет трубку.

— Алло! — вдруг крикнула она и отбросила трубку.

В цель она не попала: трубка тяжело плюхнулась на ковер. Мисс Кин нервно щелкнула выключателем светильника и зажмурилась от наполнившего глаза света. Она быстро легла на бок и попыталась дотянуться до молчаливого, безголосого телефона. Но не смогла, а искалеченные ноги не позволяли ей встать. Боже мой, оставить его так на всю ночь — такой беззвучный и таинственный? Но вот она вспомнила, резко протянула руку к аппарату и нажала на рычаг. В лежащей на полу трубке щелкнуло и появился обычный гудок. Элва Кин проглотила слюну и с неровным вздохом тяжело опустилась на подушку.

Затем она отбросила все вопросы, которые диктовал здравый смысл, и вывела себя из состояния паники. «Просто смешно,— подумала она,— волноваться из-за такого банального и легко объяснимого происшествия. То была гроза, ночь и шок от про-

буждения. (А что же меня разбудило?) Все это наложилось на монотонность моей жизни, от которой хочется зубами скрипеть. Да, это плохо, очень плохо». Но плохим было не происшествие, а ее реакция на него.

Мисс Элве Кин не захотелось рассуждать дальше. «Я должна сейчас же уснуть»,— приказала она своему телу. Она лежала очень спокойно и расслабленно. Она слышала с пола гудение телефона, напоминавшее отдаленное жужжание пчел. Она не обращала на него внимания.

Ранним утром следующего дня, после того как сиделка Филлипс унесла посуду после завтрака, Элва Кин позвонила в телефонную компанию.

— Говорит мисс Элва,— сообщила она телефонистке.

— Да, мисс Элва,— ответила телефонистка, некая мисс Финч.— Чем могу помочь?

— Прошлой ночью мой телефон звонил дважды,— поведала Элва Кин.— Но когда я ответила, никто не заговорил. И я не слышала, чтобы кто-нибудь положил трубку. Я даже гудка не слышала — полная тишина.

— Хорошо, я объясню вам, мисс Элва,— прозвучал бодрый голос мисс Финч.— Эта гроза прошлой ночью повредила примерно половину нашего оборудования. Нас заваливают звонками по поводу оборванных проводов и некачественной связи. Я бы сказала, что вам здорово повезло, что ваш телефон вообще работает.

— Значит, вы полагаете, что это было неправильное соединение, вызванное грозой? — уточнила мисс Кин.

— Да, мисс Элва, только и всего.

— Как вы думаете, это повторится?

— О да, может,— ответила мисс Финч.— Может. Даже не знаю, что и сказать вам, мисс Элва. Но если это опять произойдет, то позвоните мне, и я пошлю нашего сотрудника проверить линию.

— Хорошо,— согласилась мисс Кин.— Спасибо, дорогая.

Все утро она пролежала на подушках в расслабленно-безмятежном состоянии. «Раскрытие тайны,— размышляла она,— какой бы незначительной она ни была, приносит чувство удовлетворения. Именно эта ужасная гроза привела к неправильному соединению. И неудивительно — если ветер повалил даже

старый дуб у дома. Конечно, этот шум и разбудил меня. И жаль, что такое хорошее дерево упало. Как оно затеняло дом в жаркие летние месяцы! Ну да, надо быть, пожалуй, благодарной, что дерево упало на дорогу, а не на дом».

День прошел без событий — обычный сплав еды, чтения Энджелы Теркелл и почты (два рекламных листка на выброс и счет за свет) плюс краткие разговоры с сиделкой Филлипс. В самом деле, повседневность так прочно укоренилась, что, когда рано вечером зазвонил телефон, она взяла трубку, даже ни о чем не подумав.

— Алло! — сказала она.

Молчание.

На секунду мысли ее вернулись. Затем она позвала сиделку Филлипс.

— Что такое? — спросила дородная женщина, с трудом передвигаясь по ковру.

— Это то, о чем я вам рассказывала,— пояснила Элва Кин, протягивая ей трубку.— Послушайте.

Сиделка Филлипс взяла трубку. Ее безмятежное лицо таким и осталось.

— Никого нет,— отметила она.

— Правильно,— оживилась мисс Кин.— Так и есть. Попробуйте сейчас услышать, когда положат трубку. Уверена, что не услышите.

Сиделка Филлипс немного послушала и покачала головой.

— Ничего не слышу,— заверила она и повесила трубку.

— Ой, подождите! — поторопилась мисс Кин.— Ну ладно, все равно,— добавила она, увидев, что уже поздно.— Раз это случается слишком часто, я позвоню мисс Финч, и они пришлют монтера.

— Понятно,— подвела итог сиделка Филлипс и вернулась в гостиную.

Сиделка Филлипс ушла из дома в восемь, оставив на тумбочке, как обычно, яблоко, печенье, стакан воды и пузырек с пилюлями. Она взбила подушки за хрупкой спиной мисс Кин, придвинула радиоприемник и телефон поближе к кровати, окинула все довольным взглядом и направилась к двери со словами: «До завтра!»

Телефон зазвонил через пятнадцать минут. Мисс Кин быстро схватила трубку. На этот раз она не стала говорить «Алло!», просто слушала.

Сначала было то же — абсолютная тишина. Она еще немного послушала в нетерпении. Затем, готовая уже положить трубку на место, услышала звук. Лицо ее сморщилось, и трубка вернулась к уху.

— Алло? — спросила она напряженно.

Бормотание, неясный гул, шелест — что это было? Мисс Кин плотно закрыла глаза, старательно вслушиваясь, но не могла опознать звук: он был таким мягким, таким неопределенным. Он менялся от напоминающей жалобный вой вибрации до шипения выходящего под давлением воздуха, до булькающего присвиста. «Это, должно быть, звук коммутатора,— предположила она.— Должно быть, сам телефон издает шум. Наверное, где-то провод раскачивается на ветру, наверное...»

Вдруг она прекратила размышления. Затаила дыхание. Звук смолк. В ушах ее вновь звенела тишина. И вновь она почувствовала, как сердце вырывается из груди, сжимается горло. «Это же смешно,— сказала она себе.— Я уже знакома с этим — это из-за грозы, из-за грозы!»

Она откинулась на подушки, прижав к уху трубку. Ноздри раздувались от нервного дыхания. Она ощущала, как внутри ее, подобно морскому приливу, растет ничем не объяснимый ужас — несмотря на все попытки делать здравые выводы. Разум ее все больше и больше съезжал со скользкого карниза здравого смысла, она проваливалась все глубже и глубже.

И вот она резко вздрогнула, когда звук появился вновь. Возможно, это не человеческие звуки — она знала,— и тем не менее в них что-то было, какая-то интонация, какое-то почти узнаваемое сочетание...

У нее затряслись губы, из горла готов был вырваться вой. Но она не могла положить трубку, просто физически не могла. Звуки загипнотизировали ее. Были ли это завывания ветра или бормотание неисправных механизмов — она не знала. Но они ее не отпускали.

— Алло? — пробормотала она, вся дрожа.

Звуки становились громче. Они раскатывались и сотрясали ее мозг.

— Алло! — пронзительно закричала она.

— А-л-л-о,— ответил голос по телефону.

Мисс Кин потеряла сознание.

— Вы уверены, что кто-то сказал «алло»? — спросила по телефону мисс Финч.— Это могло быть неправильное соединение, вы же знаете.

— Говорю вам — это был мужчина! — хрипло выкрикнула дрожащая Элва Кин.— Это все тот же мужчина, который слушал, и слушал, и слушал, как я говорю «алло», и не отвечал. Тот же, кто издавал по телефону жуткие шумы!

Мисс Финч вежливо кашлянула.

— Хорошо, я пошлю человека проверить вашу линию, мисс Элва, как только он сможет. Конечно, все работники сейчас очень заняты устранением последствий грозы, но как только станет возможно...

— А что мне делать, если этот... этот человек позвонит снова?

— Всего лишь повесьте трубку, мисс Элва.

— Но он продолжает звонить!

— Ну хорошо.— Любезность мисс Финч дала трещину.— Почему бы вам не выяснить, кто он, мисс Элва? Если вы в состоянии это сделать — что же, мы сможем немедленно принять меры...

Положив трубку, мисс Кин напряженно лежала на подушках, слушая хриплые песни о любви, которые сиделка Филлипс напевала за мытьем посуды. Мисс Финч не поверила ее истории, это очевидно. Мисс Финч посчитала ее нервной старухой, ставшей жертвой буйного воображения. Хорошо, мисс Финч узнает, что это не так.

— Я буду постоянно звонить ей, пока она не убедится,— сообщила она раздраженно сиделке Филлипс перед послеобеденным сном.

— Так вы и сделаете,— одобрила сиделка Филлипс,— а сейчас примите лекарство и ложитесь.

Мисс Кин лежала в сердитом молчании, сжав в кулаки свои изборожденные венами руки. Было десять минут третьего, и, за исключением раздававшегося из передней храпа сиделки Филлипс, в доме в этот октябрьский день стояла тишина. «Меня раздражает,— размышляла Элва Кин,— что никто не относится к этому серьезно. Хорошо,— она поджала свои тонкие губы,— в следующий раз, когда зазвонит телефон, я позабочусь,

чтобы сиделка Филлипс послушала, пока что-нибудь да не услышит».

Как раз в этот момент телефон зазвонил. Мисс Кин почувствовала, как ее тело опоясывает холодная дрожь. Даже при свете дня, когда солнечные лучи играли на ее цветастом одеяле, резкий звонок испугал ее. Чтобы успокоить дрожь, она прикусила фарфоровыми зубами нижнюю губу. Возник вопрос: «Отвечать ли?» — и, прежде чем она даже успела подумать об ответе, рука сама взяла трубку. Глубокий неровный вдох. Она медленно поднесла трубку к уху и сказала: «Алло?»

Голос ответил «алло?» — пусто и безжизненно.

— Кто это? — спросила мисс Кин, стараясь придать своему голосу уверенности.

— Алло?

— Кто говорит?

— Алло?

— Есть там кто-нибудь?

— Алло?

— Пожалуйста!..

— Алло?

Мисс Кин бросила трубку и легла, страшно дрожа, не в силах восстановить дыхание. «Что это? — молил ее разум.— Что это, боже ты мой, такое?»

— Маргарет! — крикнула она.— Маргарет!

Из передней она услышала резкое ворчание и кашель сиделки Филлипс.

— Маргарет, пожалуйста!..

Элва Кин послушала, как эта полная женщина встает на ноги и с трудом проходит в дверь гостиной. «Я должна собраться,— приказала она себе, похлопывая по покрытым нездоровым румянцем щекам.— Я должна точно рассказать ей, что произошло. Точно».

— Что такое? — проворчала сиделка.— У вас болит желудок?

Мисс Кин едва проглотила слюну — настолько сжалось ее горло.

— Он только что снова звонил,— прошептала она.

— Кто?

— Тот мужчина!

— Какой мужчина?

— Который все время звонит! — закричала мисс Кин.— Он постоянно говорит «алло». Только одно слово — алло, алло, ал...

— Перестаньте,— невозмутимо прервала ее сиделка Филлипс.— Ложитесь и...

— Я не хочу лежать! — взбесилась она.— Я хочу знать, кто этот ужасный человек, который постоянно меня запугивает!

— Не доводите себя,— предупредила сиделка Филлипс.— Вы же знаете, как расстраивается ваш желудок.

Мисс Кин начала горько рыдать.

— Я боюсь. Я боюсь его. Почему он все время звонит мне?

Сиделка Филлипс стояла рядом с кроватью, глядя на нее с прямо-таки коровьей невозмутимостью.

— А что вам сказала мисс Финч?

Трясущиеся губы мисс Кин были не в состоянии произнести ответ.

— Разве она не сказала, что это из-за ошибочного соединения?

— Это не ошибка! Это мужчина. Мужчина!

Сиделка Филлипс терпеливо вздохнула.

— Если это мужчина — кладите трубку. Вам не надо разговаривать с ним. Кладите трубку — и все тут. Это что, так трудно сделать?

Мисс Кин закрыла блестевшие от слез глаза и поджала губы. В ее сознании продолжал отзываться эхом слабый и равнодушный голос того человека. Снова и снова, с неизменной интонацией, вопрошающий, несмотря на ее ответы,— просто бесконечно повторяющий себя в скорбной апатии: «Алло? Алло?» Заставляющий ее содрогаться до глубины души.

— Смотрите,— заговорила Филлипс.

Она открыла глаза и увидела расплывчатое изображение сиделки, кладущей трубку на тумбочку.

— Вот,— сообщила Филлипс.— Сейчас никто не сможет вам позвонить. Оставьте ее так. Если вам что-то потребуется — достаточно будет набрать номер. Все в порядке сейчас? Верно?

Мисс Кин холодно взглянула на свою сиделку. Затем, моментом позже, кивнула один раз. Неохотно.

Она лежала в темной спальне, телефон монотонно гудел, не давал уснуть. «Или я это сама себе внушаю? — размышляла она.— Неужели он действительно не дает мне уснуть? Разве я не спа-

ла в ту первую ночь, когда трубка была не на рычаге? Нет, это не из-за звука, это из-за чего-то другого».

Она упрямо закрыла глаза. «Не буду слушать,— приказала она себе.— Просто не буду слушать». Она трепетно втягивала ночной воздух. Но темнота никак не заполняла ее сознание и не заглушала звук.

Мисс Кин ощупала постель вокруг себя, пока не нашла халат. Она обернула им трубку, упрятав гладкую черную пластмассу в складки шерсти. Затем снова погрузилась в постель, тяжело и напряженно дыша.

— Я усну,— настаивала она.— Усну.

Все равно слышно.

Тело ее напряглось, и она резко вытащила трубку из ее тонкой обертки и в гневе бросила на рычаг. Комната наполнилась сладостной тишиной. Мисс Кин откинулась на подушку со слабым стоном.

«А сейчас — спать!» — подумала она.

И зазвонил телефон.

У нее перехватило дыхание. Казалось, что звонок пропитал окружающую ее темноту облаком режущей ухо вибрации. Она протянула руку, чтобы снова положить трубку на тумбочку, но отдернула ее, поняв, что опять услышит голос того человека.

В горле запульсировало. «Что я сделаю...— планировала она.— Что я сделаю, так это сниму трубку очень быстро — очень быстро — и положу ее, а потом нажму на рычаг и прерву связь. Да, так и сделаю!»

Она напряглась и осторожно потянула руку, пока звенящий телефон не оказался под ней. Затем, затаив дыхание, она приступила к исполнению своего плана: прервала звонок, быстро дотянулась до рычага...

И остановилась в оцепенении, так как сквозь темноту ее ушей достиг голос того человека.

— Где ты? — спросил он.— Я хочу поговорить с тобой.

Из горла мисс Кин вырвался какой-то слабый, дребезжащий звук.

А человек продолжал:

— Где ты? Я хочу поговорить с тобой.

— Нет-нет,— зарыдала мисс Кин.

— Где ты? Я хочу по...

Белыми от напряжения пальцами она нажала на рычаг. Прежде чем отпустить, она держала его пятнадцать минут.

— Говорю вам — я больше так не могу!

Измученный голос мисс Кин напоминал слабую струйку звука. Она сидела в постели, напрягшись, выдавливая сквозь отверстия микрофона свой ужас и гнев.

— Вы говорите, что кладете трубку, а мужчина все равно звонит? — поинтересовалась мисс Финч.

— Я уже все объяснила! — взорвалась Элва Кин.— Я вынуждена была на всю ночь оставить трубку не на рычаге, чтобы он не смог позвонить. Но гудок не давал мне спать. Я не спала ни капли! Так вот, я хочу, чтобы линию проверили, слышите меня? Хочу, чтобы вы остановили этот кошмар!

Глаза ее напоминали две твердые темные бусины. Трубка почти выскальзывала из дрожащих пальцев.

— Хорошо, мисс Элва,— успокоила телефонистка.— Сегодня я пошлю человека.

— Спасибо вам, дорогая, спасибо! — обрадовалась мисс Кин.— Вы мне позвоните, когда...

Голос ее вдруг прервался, так как в телефоне послышался щелчок.

— Линия занята,— объяснила она.

Щелканье прекратилось, и она продолжила:

— Повторяю: вы меня известите, когда узнаете, кто этот ужасный человек?

— Непременно, мисс Элва, непременно. А сегодня после обеда я пошлю монтера проверить вашу линию. Вы живете на Миллейн, дом 127, верно?

— Правильно, дорогая,— подтвердила мисс Кин со вздохом облегчения.

Звонков от загадочного мужчины не было все утро — и после обеда тоже. Напряжение стало спадать. Она поиграла в карты с сиделкой Филлипс, и удалось даже немного посмеяться. Приятно было знать, что телефонная компания сейчас этим занимается. Они скоро поймают этого ужасного человека и вернут ей душевное спокойствие.

Но когда пробило два часа, потом три, а монтера все еще не было в доме, мисс Кин снова начала беспокоиться.

— Что случилось с этой девушкой? — высказала она свое раздражение.— Она меня искренне заверяла, что монтер придет сегодня после обеда.

— Он придет,— успокоила ее сиделка Филлипс.— Наберитесь терпения.

Четыре часа — монтера нет. Мисс Кин уже не до карт, чтения и радиоприемника. То, что начало было спадать, стало вновь нарастать с каждой минутой, пока в пять часов не зазвонил телефон. Ее рука резко и решительно высунулась из расклешенного рукава халата и вцепилась, подобно когтистой лапе хищника, в трубку. «Если заговорит мужчина,— пронеслось в ее мозгу,— если он заговорит, то буду вопить, пока не остановится сердце».

Она поднесла трубку к уху.

— Алло?

— Мисс Элва, говорит мисс Финч.

Глаза ее закрылись, дыхание затрепетало.

— Да?

— По поводу тех звонков, которыми, как вы говорите, кто-то вас беспокоит.

— Да? — В голове отпечатались слова мисс Финч: «...звонков, которыми, как вы говорите, кто-то вас беспокоит».

— Мы посылали человека, чтобы разобраться с ними,— продолжила мисс Финч.— Вот у меня здесь его отчет.

Мисс Кин затаила дыхание.

— Да?

— Он не смог ничего найти.

Элва Кин молчала. Ее седая голова неподвижно лежала на подушке, трубка плотно прижата к уху.

— Он говорит, что связывает эту... эту сложность с проводом, упавшим на землю на окраине города.

— Упавшим... проводом?

— Да, мисс Элва.— Не похоже, чтобы мисс Финч была довольна.

— Вы утверждаете, что я ничего не слышала?

Голос мисс Финч был тверд.

— Невозможно, чтобы кто-то звонил вам с того места.

— Говорю я вам: мне звонил мужчина!

Мисс Финч молчала, и пальцы мисс Кин судорожно сжали трубку.

— Там должен быть телефон,— настаивала она.— Ведь каким-то образом этот мужчина смог звонить мне.

— Мисс Элва, провод лежит на земле.— Она сделала паузу.— Завтра наша бригада повесит его на место, и вам не...

— Но он же как-то звонил мне!

— Мисс Элва, там никого нет.

— Там — где, *где*?

Телефонистка сказала:

— Мисс Элва, это кладбище.

В черной тишине своей спальни лежала незамужняя дама, калека, и ждала. Ее сиделка не захотела остаться на ночь; сиделка приласкала, пожурила ее и оставила без внимания.

Она ждала телефонного звонка.

Она могла бы отключить телефон, но не было желания. Она лежала, ожидая, ожидая, размышляя.

О молчании — об ушах, которые раньше не слышали и стремились услышать вновь. О бульканье и бормотании — первых неуклюжих попытках, сделанных тем, кто раньше не говорил — интересно, как долго? Об «Алло? Алло?» — первом приветствии, произнесенном тем, кто долго молчал. О «где ты?» О (вот что заставило ее лежать так неподвижно) щелчках в трубке и ее адресе, называемом телефонисткой. О...

Звонит телефон.

Пауза. Звонок. Шорох ночной рубашки в темноте.

Звонок прекратился.

Напряженное вслушивание.

И трубка, выскальзывающая из белых пальцев, неподвижно застывшие глаза, слабые, медленные удары сердца.

На улице — стрекочущая сверчками ночь.

В доме — слова, все еще звучащие в ее голове, придающие ужасное значение тяжелой, удушливой тишине.

— Алло, мисс Элва. Сейчас я приду.

Зов смерти

Предлагаю вашему вниманию рукопись, присланную к нам в канцелярию около месяца назад. Никаких данных, подтверждающих описанные в ней события, не имеется. Судить о ее правдивости предстоит самому читателю.

Сэмюэль Д. Мэчилдон,
секретарь Общества психических исследований

I

Произошло это много лет тому назад. Мы с братом еще в детстве пленились пустующим домом Слотера. Сколько мы себя помнили, в одном из пыльных окон его первого этажа висело пожелтевшее от времени объявление: «Продается». И с мальчишеским пылом мы поклялись однажды, что обязательно сорвем его, когда вырастем.

Мы выросли, а желание не прошло. Обоих привлекала Викторианская эпоха. Живопись моего брата Сола вполне отвечала духу того светлого и жизнерадостного копирования природы, которым так любили заниматься художники XIX века. И мои писательские труды, хотя и далекие от совершенства, страдавшие многословием, отличались тем кропотливым вниманием к мелочам и той витиеватостью слога, что модернистами были заклеймены как скучные и ремесленнические.

Могло ли в таком случае найтись для творческой работы пристанище лучше, чем дом Слотера — строение, от фундамента до венца отвечавшее всем нашим сокровенным пристрастиям? Нет, решили мы и незамедлительно приступили к делу.

© Перевод И. Шаргородской.

Скромных средств, получаемых нами ежегодно по завещанию покойных родителей, на покупку дома должно было хватить, потому что он требовал ремонта, да к тому же туда не было проведено электричество.

А еще ходили слухи, которым мы, конечно, не верили, о водившихся в нем привидениях. Соседские ребятишки наперебой делились душераздирающими историями о встречах с великим множеством призраков. Мы же лишь посмеивались над их неуемной фантазией, уверенные, что затеяли дело выгодное и полезное.

В агентстве по торговле недвижимостью нас встретили с восторгом. Дом Слотера успели уже вычеркнуть из реестров, утратив надежду его продать. Поэтому мы быстро достигли взаимовыгодного соглашения и тем же вечером перевезли свои пожитки из тесноватой квартиры в новое, относительно просторное жилье.

Следующие несколько дней пришлось посвятить самой неотложной работе — уборке. Задача оказалась куда трудней, чем выглядела поначалу. Повсюду в доме толстым слоем лежала пыль. И при попытке ее стереть вздымалась густыми клубами, похожими на восставших духов самого запустения. Мы с братом решили даже, что таким образом можно объяснить многие видения призраков.

Вдобавок к вездесущей пыли все стеклянные поверхности, начиная с окон первого этажа и заканчивая зеркалами в серебряных рамах, висевшими в ванной комнате на втором, покрывала грязь. Требовалось укрепить расшатанные лестничные перила, привести в порядок дверные замки, выколотить вековую пыль из ковров и много чего сделать еще, чтобы дом наконец стал пригодным для жилья.

Но даже при всей его ветхости и запущенности покупка наша казалась несомненной удачей. Дом был полностью обставлен, более того, обставлен в прелестных традициях начала 1900-х годов. Проветренный, отмытый и выскобленный сверху донизу, выглядел он великолепно и очаровал нас с братом окончательно. Роскошные темные портьеры, узорчатые ковры, элегантная мебель, спинет с пожелтевшими клавишами — все здесь было совершенством, вплоть до последней детали, каковой являлся портрет красивой молодой женщины, висевший в гостиной над камином.

Увидев этот портрет впервые, мы с братом онемели, пораженные мастерством художника. Затем, расхвалив его технику, Сол увлеченно принялся строить вместе со мной догадки относительно позировавшей ему женщины.

Остановились мы на предположении, что это была дочь или жена последнего владельца дома, носившего фамилию Слотер,— больше мы о нем ничего не знали.

Прошла неделя, за ней другая. Первоначальные восторги улеглись, вытесненные повседневными заботами и напряженными творческими трудами.

Вставали мы в девять, завтракали в столовой и принимались за работу, я — в собственной спальне, брат — в солярии, оборудованном нами под мастерскую. Так и проводили утро, занимаясь каждый своим делом, мирно и не без пользы. В два часа встречались за вторым завтраком, скромным, но подкреплявшим наши силы, и вновь возвращались к работе.

Заканчивали около четырех, после чего сходились выпить чаю и побеседовать о том о сем в элегантной гостиной. Работать к тому времени становилось уже невозможно, поскольку на город опускался покров вечерних сумерек. А электричество в дом мы решили не проводить — как из соображений экономии, так и по более возвышенным причинам, эстетическим.

Ни за что на свете не желали мы разрушить хрупкое обаяние нашего дома слишком ярким и резким электрическим освещением. И поэтому отдали предпочтение свечам, при свете которых и играли обычно по вечерам в шахматы. Мы слушали тишину, не оскверненную назойливым бормотанием радио, ели хлеб, не подсушенный в тостере, пили вино, охлажденное в старинном леднике. Сол наслаждался, как и я, иллюзией жизни в прошлом. И большего нам не требовалось.

Но через некоторое время начались... странности. Нечто мимолетное, беспричинное, непонятное.

На лестнице, в прихожей, в комнатах и меня, и брата — будь мы вместе при этом или поодиночке — настигало вдруг загадочное ощущение, которое тут же и проходило. Но было при этом совершенно явственным.

Трудно передать его в точности. Мы словно что-то слышали, хотя не раздавалось ни звука, или видели, хотя ничто не мелькало перед глазами. То было впечатление трепетного движения,

легкого и пугливого, недоступного для восприятия физическими органами чувств и тем не менее каким-то образом воспринимаемого.

Объяснения ему не имелось. На самом деле мы и не говорили о таких случаях друг с другом. Слишком уж невнятным было ощущение, чтобы его обсуждать или хотя бы пытаться облечь в слова. Как ни тревожило оно нас, сравнения ему с любым другим чувством не находилось, да и не могло найтись. Даже самые абстрактные из всех мысленных построений ни в малой мере не отвечали тому, что мы в такие мгновения испытывали.

Иногда я видел, как Сол украдкой оглядывается или поводит перед собою рукой в пустом пространстве, словно надеясь коснуться какого-то невидимого существа. Иногда он заставал за тем же самым меня. И мы, без слов догадываясь, в чем дело, смущенно улыбались друг другу.

Но вскоре перестали улыбаться. Как будто опасались, что насмешка над неизвестным вынудит его доказать нам свое существование на деле. Нет, суеверными мы не были. И ни малейшего интереса к мистике не питали, иначе никогда не купили бы дом, над которым, по слухам, тяготело проклятие. Тем не менее он казался наделенным какой-то загадочной силой.

По ночам я часто просыпался и лежал без сна, зная неведомо откуда, что Сол у себя в спальне тоже проснулся и оба мы прислушиваемся в ожидании, прекрасно понимая, чего именно ждем — явления неизвестного, которое вскоре должно произойти.

И оно произошло.

II

Минуло, пожалуй, месяца полтора с тех пор, как мы перебрались в дом Слотера, когда впервые дали о себе знать его таинственные невидимые обитатели.

Я был в тесной кухоньке, готовил на газовой плите ужин, а брат тем временем накрывал на стол. Он постелил скатерть, поставил две тарелки, разложил серебряные приборы. Зажег шесть свечей в канделябре, и на белоснежной скатерти заиграли отбрасываемые ими тени.

Потом он начал выставлять на стол чашки с блюдцами, а я отвернулся к плите. Убавив под отбивными огонь, открыл лед-

ник, чтобы достать вино, и тут услышал, как Сол негромко ахнул и как упало что-то с глухим стуком на ковер. Я торопливо выскочил из кухни.

На полу лежала чашка с отбившейся при падении ручкой. Подняв ее, я взглянул на брата.

Сол стоял спиной к арке, ведущей в гостиную, и держался правой рукой за щеку. Красивое лицо его было искажено изумлением.

— Что случилось? — спросил я, поставив чашку на стол.

Он молча посмотрел на меня, и я увидел, что его рука, прижатая к побледневшей щеке, дрожит.

— Сол, что случилось?

— Кто-то...— сказал он наконец,— кто-то ко мне прикоснулся.

Я даже рот открыл от удивления.

В глубине души я ожидал чего-то подобного. Как и мой брат. Но сейчас, когда это и впрямь произошло, нас обоих словно придавила навалившаяся на плечи тяжесть.

Мы застыли в молчании. Возможно ли передать наши ощущения? Казалось, нечто почти осязаемое обвивает нас, как змея, и медленно сдавливает, стремясь задушить. Грудь Сола судорожно поднималась и опускалась, и сам я силился поймать хотя бы глоток воздуха.

Через мгновение жуткий вакуум исчез, страх отступил. Я заставил себя заговорить, чтобы окончательно прогнать наваждение.

— Может, тебе показалось? — спросил я.

Брат сглотнул вставший в горле ком. Попытался улыбнуться, но улыбка вышла скорее испуганной, чем веселой.

— Надеюсь,— ответил он.

И с заметным усилием улыбнулся шире.

— Неужели это правда? — сказал он с наигранной шутливостью.— Неужели мы и впрямь сваляли такого дурака, что купили дом с привидениями?

Я тоже постарался сделать вид, будто ничего особенного не произошло. Но не слишком удачно, да и самого меня деланое хладнокровие брата обмануть не могло. Мы оба были излишне чувствительны от рождения, каковое выпало мне на долю двадцать семь лет тому назад, а Солу — двадцать пять. И обоих нас случившееся глубоко потрясло.

Больше мы об этом не говорили. Из-за дурных предчувствий или простого нежелания — сказать трудно. После ужина, который доставил мало удовольствия, остаток вечера мы провели за не клеившейся игрой в карты. И, под влиянием пережитого страха я заметил, что иметь на всякий случай электричество в доме нам, пожалуй, не помешает.

Однако Сол высмеял мою готовность сдаться и заступился за тусклый свет свечей с большим жаром, чем можно было бы ожидать после случившегося. Впрочем, настаивать на своем я не стал.

По спальням мы разошлись, как всегда, рано. Но перед тем как пожелать мне спокойной ночи, Сол сказал нечто странное. Я уже открывал дверь своей комнаты, когда он, остановившись возле лестницы, бросил взгляд вниз, в гостиную, и спросил:

— Тебе не кажется все это давно знакомым?

Я обернулся, озадаченный.

— Знакомым?

— В том смысле,— попытался объяснить он,— как будто мы здесь когда-то уже были. Нет, не просто были. А жили тут.

Слова его меня отчего-то встревожили. Он же, нервно усмехнувшись, быстро отвел взгляд, словно понял вдруг, что сказал то, чего говорить не следовало. И, холодно попрощавшись, скрылся у себя в спальне.

А я ушел к себе, гадая о причинах его необычного беспокойства, которое трудно было не заметить в тот вечер. За игрой в карты Сол был нетерпелив и раздражителен, ерзал в кресле, барабанил пальцами по столу и то и дело окидывал взглядом гостиную. Как будто чего-то ждал.

Я разделся, умылся и вскоре уже был в постели. И пролежал около часа, когда почувствовал вдруг, как весь дом содрогнулся и воздух в комнате, казалось, завибрировал с жутким, сверхъестественным гулом, болезненно отозвавшимся у меня в ушах.

Я зажал их руками и... словно бы проснулся. В доме стояла тишина.

Уверенности, что до той минуты я и впрямь не спал, у меня не было. Потревожить мой сон мог проехавший мимо грузовик, рев которого и породил странное ощущение. Но проверить это возможности не имелось.

Я сел в постели, прислушался. И просидел так, не шевелясь, довольно долго, пытаясь уловить хоть какие-то звуки в доме.

Вдруг к нам забрался вор или брат, проголодавшись, спустился в кухню?.. Однако все было тихо. Поворачиваясь к окну, я краем глаза заметил — или мне показалось, что заметил,— мелькнувший под дверью спальни синеватый свет. Я быстро глянул в ту сторону, не увидел ничего, кроме темноты, и, опустившись наконец на подушки, забылся беспокойным сном.

III

На следующий день было воскресенье. Спал я плохо, то и дело просыпался, поэтому за ночь не отдохнул. И встал только в половине десятого, хотя обычно поднимался в девять, как привык с детских лет.

Торопливо одевшись и выйдя в коридор, я заглянул к брату, но в спальне его не оказалось. Он не зашел поздороваться со мной с утра, и это меня слегка раздосадовало. Мог бы и предупредить, что пора вставать.

Сол был в гостиной, завтракал за маленьким столиком, стоявшим возле камина. Он сидел в кресле лицом к портрету и, когда я вошел, коротко на меня оглянулся. Мне показалось, что он чем-то взволнован.

— Доброе утро,— сказал он.

— Почему ты меня не разбудил? — спросил я.— Знаешь ведь, я так поздно не встаю.

— Хотел дать тебе выспаться,— ответил он.— Да и какая разница?

Раздосадованный еще больше, я сел в кресло напротив, вынул из-под салфетки подогретый бисквит, разломил его. И спросил:

— Ты ночью не заметил, как дом дрожал?

— Нет. А он дрожал?

Легкомысленный тон, каким был задан вопрос, мне не понравился. Не ответив, я принялся за бисквит.

— Кофе? — поинтересовался Сол.

Я кивнул, и он налил мне чашку, словно не замечая моего раздражения.

— Где сахар? — спросил я, оглядев стол.

— Я пью без сахара,— ответил он.— Ты же знаешь.

— Зато я с сахаром,— сказал я.

Он усмехнулся:

— Ты еще спал, Джон.

Я резко встал и прошел в кухню. Распахнул дверцу буфета, достал сахарницу. И, уже собираясь выйти, попытался на ходу открыть другую дверцу.

Та не поддалась. Ее заклинило когда-то давно, до нашего переезда, и мы с братом, помня ходившие о доме слухи, шутили даже, что именно за нею, должно быть, и скрываются призраки.

В тот момент мне, правда, было не до шуток. Дернув без толку за ручку, я разозлился. Видимо, требовало выхода раздражение, вызванное невнимательностью брата, иначе не объяснить, зачем мне вдруг понадобилось во что бы то ни стало эту дверцу открыть. Я отставил сахарницу и взялся за ручку обеими руками.

— Что ты делаешь? — донесся из комнаты удивленный голос Сола.

Не ответив, я что было силы рванул дверцу. Но она не открылась даже на миллиметр, словно срослась со шкафом намертво.

— Чем ты там занимался? — спросил Сол, когда я вернулся в гостиную.

— Ничем,— ответил я, на том разговор и кончился.

Завтракал я без аппетита. Злость мешалась во мне с обидой. Я был задет не на шутку — брат, который всегда так чутко откликался на малейшие перемены в моем настроении, в тот день как будто ничего не замечал. И это равнодушие, ему совсем несвойственное, совершенно выбило меня из колеи.

Раз, посмотрев на Сола во время завтрака, я увидел, что его глаза неотрывно прикованы к чему-то позади меня. Я невольно передернул плечами и спросил:

— Что ты там разглядываешь?

Сол перевел взгляд на меня, и легкая улыбка, игравшая на его губах, исчезла.

— Ничего,— ответил он.

Я все же повернулся и посмотрел сам. Но увидел только портрет над камином.

— Портрет? — спросил я.

Он промолчал, отпил с нарочитым спокойствием кофе.

Я сказал:

— Сол, я, кажется, с тобой разговариваю.

В его темных глазах мелькнула холодная насмешка, означавшая: «Разговариваешь, ну и что?»

Вслух он ничего не сказал. Непонятная натянутость между нами росла. Желая сгладить ее, я отставил чашку и поинтересовался:

— Ты хорошо спал сегодня?

И увидел — не заметить этого было просто невозможно,— как насмешка в его взгляде мгновенно сменилась подозрительностью.

— Почему ты спрашиваешь?

— Я задал странный вопрос?

Он снова не ответил. Вытер губы салфеткой, отодвинул кресло, собираясь встать.

— Извини,— пробормотал себе под нос, скорее по привычке, чем из вежливости, как я понял.

— Что с тобой творится сегодня? — спросил я с искренним беспокойством.

Сол с невозмутимым видом поднялся на ноги.

— Ничего,— ответил он.— Тебе кажется.

Я был совершенно озадачен этой внезапной переменой в нем, не видя никаких причин, которые могли бы ее вызвать. И когда он суетливо зашагал к выходу, с недоумением уставился ему вслед.

Свернув налево, он скрылся в арке. Я услышал его быстрые шаги на лестнице, ведущей вверх. Но долго еще сидел, не шевелясь, глядя на арку, за которой он исчез.

Потом я повернулся к портрету.

В изображенной на нем женщине ничего необычного как будто не было. Я тщательно изучил стройные плечи, тонкую белую шею, круглый подбородок, пухлые губы, слегка вздернутый нос, зеленые глаза. И покачал головой. Портрет как портрет. Никакого особенного впечатления на разумного человека он произвести не мог. Что же так привлекло в нем Сола?

Кофе я не допил. Отодвинул кресло, встал и тоже поднялся наверх. Подошел к комнате брата, толкнул дверь и на мгновение оцепенел. Сол от меня заперся. Поняв это, я утратил самообладание окончательно. И, развернувшись, поспешил к себе.

В спальне я просидел почти весь день, пытаясь время от времени отвлечься чтением и прислушиваясь, не раздадутся ли в

коридоре шаги брата. Я силился понять, что произошло, чем объяснить эту странную перемену в его отношении ко мне.

Но все, что я был в состоянии предположить: у него разболелась голова, он не выспался,— убедительным не казалось. Не объясняло его беспокойства, насмешливых взглядов, которые он на меня бросал, и явного нежелания разговаривать со мной хотя бы вежливо.

Потом — должен подчеркнуть, что произошло это вопреки моему желанию,— мне вдруг подумалось, что объяснением могут служить иные, не обычные причины. На миг я даже поддался искушению поверить в ходившие о доме слухи. Мы с братом не стали обсуждать загадочное прикосновение, которое он ощутил накануне. Но почему? Потому что сочли его игрой воображения? Или, наоборот, знали точно, что оно таковой не было?

Я вышел в коридор, постоял там немного с закрытыми глазами, прислушиваясь, словно надеялся уловить некий потусторонний звук и определить его источник. Но ничего, кроме звенящей тишины, не услышал.

Так прошел день, показавшийся мне в моем одиночестве бесконечным. С братом мы встретились только за ужином. Сол по-прежнему был неразговорчив и от всех предложений сыграть в карты или в шахматы отказался наотрез.

Поужинав, он сразу вернулся к себе. Я вымыл посуду и вскоре тоже отправился спать.

И то, что произошло прошлой ночью, повторилось.

Наутро, лежа в постели, я вновь гадал, сон это был или не сон. Наяву для того, чтобы с такой силой сотрясти дом, потребовалась бы целая сотня грузовиков. Свет под моей дверью казался слишком ярким для свечи, к тому же был голубым. Еще я отчетливо слышал в коридоре чьи-то шаги. Должно быть, все-таки сон...

Уверенности в этом, однако, у меня не было.

IV

Я опять проснулся в половине десятого. Торопливо оделся, немало раздраженный тем, что все эти загадки заставили меня нарушить рабочий распорядок, умылся и вышел в коридор, горя желанием поскорее заняться делом.

По привычке глянув в сторону второй спальни, я заметил, что дверь в нее приоткрыта. Сол, видимо, поднялся раньше и уже работал в солярии. Заходить к нему в комнату я не стал, а поспешил в кухню готовить себе завтрак. И когда вошел туда, обнаружил все в том же порядке, в каком оставил накануне.

Наскоро поев, я отправился наверх и все-таки заглянул к Солу.

И несколько удивился, увидев его в постели. Вернее, на голом матрасе, потому что простыни и одеяло, сбитые, словно в приступе ярости, на сторону, свисали с края кровати на пол.

Сол, в одних пижамных штанах, еще крепко спал, весь мокрый от пота.

Я нагнулся, тряхнул его за плечо, но он только сонно пробормотал что-то в забытьи. Я тряхнул еще раз, сильнее. Он рывком повернулся на бок.

— Оставь меня в покое,— проворчал сердито.— Я так...

И умолк на полуслове, как будто опять сообразил, что едва не проговорился.

— Что ты — так? — спросил я, начиная злиться.

Он не ответил, лег на живот и уткнулся лицом в подушку.

Я снова принялся его трясти. Он резко приподнялся и крикнул:

— Выйди отсюда!

— Ты рисовать не собираешься? — невольно отшатнувшись, спросил я.

Вместо ответа он свернулся клубком, давая понять, что собирается спать дальше. Я оскорбленно выпрямился и пошел к двери.

— Завтрак себе приготовишь сам,— сказал я, злясь еще больше оттого, что произношу эти ничего не значащие слова. И, захлопывая дверь, услышал, как Сол рассмеялся.

Уйдя к себе, я взялся было за начатую мною драму, но дело не пошло. Я не мог сосредоточиться. И думал только о том, каким странным, непостижимым образом изменилась вдруг моя привычная, милая сердцу жизнь.

Ближе друг друга у нас с братом не было никого. Мы никогда не расставались, планы строили только общие, заботились в первую очередь не о себе, а о другом. Нас еще в школе шутливо дразнили «близнецами», иногда даже «сиамскими». Я обгонял Сола на два класса, но это не мешало нам всегда быть

вместе, и друзей мы себе выбирали лишь таких, которые без оговорок нравились обоим. Иначе говоря, мы жили друг другом. И друг для друга.

Теперь же... одним внезапным, болезненным ударом нашей близости нанесен конец. Сердечная связь разорвана, понимание обернулось равнодушием.

Думать об этой перемене было так тяжело, что я невольно начал искать самые серьезные для нее причины. И хотя та из них, которая пришла на ум первой, казалась совершенно невероятной, мне ничего не оставалось, кроме как ее обдумать. И, раз приняв, я уже не мог от этой мысли избавиться.

Привидения.

А вдруг они и вправду водятся в доме? Я лихорадочно начал перебирать в памяти все, что могло служить подтверждением.

Я чувствовал, как трясся дом, слышал пронзительный, жуткий гул — если, конечно, не спал в это время. Видел — то ли во сне, то ли наяву — неестественный голубой свет под дверью. А Сол сказал — и это было, пожалуй, самым убедительным,— что ощутил чье-то прикосновение. Холодное и влажное...

Признать реальность существования призраков на самом деле нелегко. Этому инстинктивно противится все естество человеческое, поскольку в принятии такой возможности уже таится угроза сумасшествия. Один лишь шаг за грань неведомого — и обратного пути нет, как нет и знаний о тех местах, куда ведет единственная оставшаяся дорога, местах таинственных и пугающих.

Мне стало вдруг настолько не по себе, что я бросил ручку и тетрадь, в которой не написал ни слова, и устремился к брату с такой поспешностью, словно ему немедленно требовалась помощь.

Услышав еще из-за двери его храп, я успокоился и даже улыбнулся. Но, войдя, заметил на столике возле кровати наполовину опустошенную бутылку с ликером и перестал улыбаться.

Меня внезапно пробил озноб. И посетила мысль — он утратил свою чистоту. Почему я так подумал, не знаю.

Сол, разметавшийся на кровати, застонал, повернулся на спину. Пижама на нем была измята и перекручена. Сам небрит, лицо осунулось. Открыв налитые кровью глаза, он посмотрел на меня как на докучливого незнакомца, невесть зачем явившегося к нему в спальню.

— Что тебе надо? — спросил он хриплым, срывающимся голосом.

— Ты в своем уме? — удивился я.— Какого черта...

— Убирайся,— сказал он мне. Своему брату.

Я смерил его пристальным взглядом. Подобные следы на лице могло оставить, конечно, только пьянство. Но почему-то я заподозрил, что причина была другая, более непристойная, и меня невольно передернуло.

Я хотел забрать бутылку, но Сол меня едва не ударил, промахнувшись лишь потому, что был пьян и не владел своим телом.

— Убирайся, я сказал! — крикнул он, побагровев от злости.

Я попятился, развернулся и выскочил, весь дрожа, в коридор. Невозможное поведение брата потрясло меня до глубины души. И, не в силах опомниться, я долго стоял у него под дверью, слыша, как он мечется на кровати и стонет. Мне хотелось плакать.

Потом, без единой мысли в голове, я спустился по лестнице, миновал гостиную, столовую, добрался до кухни. Там, в темноте и тишине, светя себе спичкой, отыскал свечу, зажег ее и установил на полке над плитой.

Собственные шаги слышались мне странно приглушенными, словно в ушах были затычки. Нелепо, но в какой-то миг стало казаться даже, что это не мои шаги, а самой тишины.

Когда я подошел к буфету, меня неожиданно шатнуло. Впечатление было такое, будто шевельнулся воздух, до тех пор неподвижный, и с силой меня толкнул. Тишина сменилась ревом в ушах, я взмахнул рукой в поисках опоры и сбил со стола тарелку.

По спине тут же поползли мурашки — о плитки пола она ударилась с таким глухим, почти неслышным звоном, словно упала на самом деле где-то вдалеке. Если бы не осколки на полу, я поклялся бы, что она и вовсе не разбилась.

Забеспокоившись, я попытался прочистить уши пальцами. Потом, в надежде услышать наконец нормальные звуки, изо всех сил ударил несколько раз кулаком по буфетной дверце. Но как я ни старался, стук по-прежнему долетал, казалось, откуда-то издалека.

Тогда я поспешил к леднику. Единственное, чего мне хотелось, это уйти отсюда поскорее, с бутербродами и кофе, к себе в комнату.

Приготовив поднос, я перелил кофе в чашку, отставил ковшик на плиту. И, с самым неприятным чувством, задул перед выходом свечу.

В столовой и гостиной царила непроглядная темнота. Пока я пробирался сквозь нее, прислушиваясь к своим шагам, звучавшим все так же глухо, сердце у меня колотилось все сильнее. Поднос едва не выскальзывал из непослушных пальцев. Дыхание перехватывало. Страх нарастал, и мне пришлось сжать губы, чтобы не дрожали.

Тьма и тишина казались вставшими вокруг непробиваемыми стенами. Я был напряжен до предела, боясь, что, если чуть-чуть расслаблюсь, меня начнет трясти.

И посреди гостиной я вдруг услышал... смех.

Тихий, журчащий смех — в полной тишине.

Меня с ног до головы обдало холодом, ноги одеревенели. Я застыл на месте, не в силах сделать ни шагу.

Смех зазвучал снова. И двинулся по кругу, как будто невидимый источник его начал обходить меня, приглядываясь, неслышной поступью.

Я задрожал так, что задребезжала чашка на подносе.

А потом... моего лица коснулось что-то влажное и холодное!

Вскрикнув от ужаса, я выронил поднос, метнулся к арке, добрался до лестницы и побежал наверх, с трудом переставляя ослабевшие ноги. И все это время мне вслед неслся тихий, леденящий душу смех.

Ворвавшись в спальню, я запер дверь, упал на кровать, трясущимися руками натянул на голову покрывало, зажмурился. Сердце выпрыгивало из груди, которую ножом пронзало жуткое сознание того, что мои страхи подтвердились.

Все — правда.

Это влажное, холодное прикосновение было таким же явственным, как если бы до меня дотронулся живой человек. Но откуда бы там взялся человек?

Возможно, брат так глупо и жестоко подшутил надо мной? Я воспрянул было духом, но тут же понял, что это не мог быть Сол. Я слышал бы его шаги. А тот, кто прикоснулся ко мне, передвигался бесшумно.

Пробило десять, когда я наконец нашел в себе силы откинуть покрывало, нашарить спички на ночном столике и зажечь свечу.

Ее неверный свет меня сначала успокоил. Но следом я увидел, как мал этот огонек в сравнении с окружающей меня тьмой,

в которой даже стен не разглядеть, и содрогнулся. И принялся проклинать старый дом за то, что в нем нет электричества. Яркое освещение разогнало бы все страхи. Не то что крошечное, зыбкое пламя свечи.

Мне хотелось проверить, все ли в порядке с братом. Но я боялся открыть дверь, которая вела во мрак, где таились призраки и звучал ужасный, нечеловеческий смех. Оставалось надеяться, что пьяного Сола способно потревожить только землетрясение.

Я жаждал оказаться рядом с ним, даже если бы это его совсем не обрадовало. Однако храбрости перейти коридор не хватало. И я разделся, лег и снова укрылся с головой одеялом.

V

Среди ночи я вдруг проснулся, все в той же мрачной тьме и тишине, и задрожал от страха. Одеяла на мне не было.

Я принялся шарить по сторонам и понял, что оно свалилось на пол. Потянувшись за ним, коснулся холодных досок пола, испуганно отдернул руку. Когда же нащупал его наконец, заметил под дверью свет.

Он тут же и погас, но теперь я не сомневался в том, что видел. Сразу после этого дом содрогнулся, послышался знакомый гул. Кровать подо мной подпрыгнула, и, вновь похолодев с головы до пят, я застучал зубами.

Потом опять увидел свет, услышал шлепанье босых ног по полу и подумал, что это Сол зачем-то вышел из спальни.

Подняться меня заставил не столько приступ храбрости, сколько страх за брата. Я сполз с кровати и медленно, неохотно поплелся к двери.

Так же медленно отворил ее, весь напрягшись, не зная, что откроется моим глазам в коридоре.

Открылась лишь темнота. Я шагнул в нее и настороженно замер, надеясь услышать храп Сола и убедиться в том, что он спокойно спит. И тут нижний коридор внезапно озарился нездешним голубым светом, и я метнулся к лестнице, где вцепился в перила и вновь застыл, пораженный увиденным.

По коридору в сторону гостиной плыло сияющее голубое облако!

Сердце у меня остановилось. За облаком следовал Сол, похожий в этот миг на лунатика, какими их обычно изобража-

ют — руки вытянуты вперед, в глазах, устремленных в одну точку, пылает отраженный голубой свет.

Я попытался его окликнуть, но голос мне отказал. Попытался сбежать с лестницы, чтобы вырвать брата из пут кошмарного наваждения, но путь мне преградила стена глубокого мрака, не дававшая ни пройти, ни вздохнуть. Как ни бился я в нее, все было бесполезно. Ужасающая неведомая сила стократ превосходила мои собственные.

А потом меня окатило волной такого мерзкого, едкого запаха, что закружилась голова. Запершило в горле, скрутило желудок. Мрак сделался еще непрогляднее. Он облепил меня подобно жгучей черной грязи и сдавил, окончательно лишив возможности сопротивляться и дышать. Я чувствовал себя горящим заживо и только трясся, всхлипывая, беспомощный как дитя.

И вдруг все кончилось. Мрак рассеялся, я остался стоять у лестницы, мокрый от пота, обессилевший от бесполезной борьбы. Попытался сдвинуться с места, но не смог, вспомнил было о брате, но тут же и забыл. Повернулся к своей комнате, но едва сделал шаг, как ноги подкосились, и я упал. Вздрогнул, ощутив под собой холод пола, и потерял сознание.

Очнулся я в том же коридоре, по-прежнему лежа на полу.

Кое-как приподнялся, сел. Меня колотил озноб, перед глазами все плыло, грудь словно сдавливали тиски. Но я заставил себя встать и побрел, шатаясь, в спальню Сола. В горле мучительно першило, я с трудом сдерживал кашель.

Брат спал, и вид у него был измученный. Хотя, возможно, лицо казалось осунувшимся из-за отросшей темной щетины, поскольку он так и не побрился. Дышал он с трудом, во сне постанывал.

Я тронул его за плечо, но он не шелохнулся. Тогда я позвал его и вздрогнул, услышав собственный голос — слабый и хриплый. Позвал еще раз. Брат недовольно заворчал, открыл один глаз и посмотрел на меня.

— Мне плохо, Сол,— сказал я.— Очень плохо.

Он повернулся ко мне спиной. Я всхлипнул:

— Сол!

И вдруг он резко вскинулся, сжал кулаки. И закричал:

— Убирайся! Оставь меня в покое, не то убью!

Ошеломленный этой внезапной яростью, я отшатнулся. Попятился и встал посреди комнаты, не в силах вымолвить ни

слова, глядя в оцепенении, как он неистово мечется в кровати. И слыша, как он с тоской бормочет себе под нос:

— Почему, почему день тянется так долго?..

Тут на меня накатил сильнейший приступ кашля, от которого заломило в груди, и я медленно, согнувшись, как старик, поплелся к себе. Добрел до постели, рухнул на подушки, укрылся одеялом. И затих, чувствуя себя покинутым и беспомощным.

Так, то засыпая, то просыпаясь от острой боли в груди, я пролежал весь день. Сил встать, чтобы поесть или хотя бы попить, не было. Я мог только лежать и плакать. Мысль о жестокости Сола терзала меня не меньше, чем физические страдания. А боль была такова, что во время приступов кашля я рыдал, как ребенок, молотя по кровати кулаками.

И даже тогда я плакал не только от боли. Меня больше не любил мой единственный брат.

Ночь, казалось, наступила скорее, чем когда бы то ни было прежде. Лежа в темноте, в одиночестве, я помолился про себя о том, чтобы с братом не случилось беды.

Потом на какое-то время заснул. И, проснувшись, увидел свет под дверью и услышал пронзительный гул. В тот момент я неожиданно понял, что Сол любит меня по-прежнему. Но его любовь извратил проклятый дом.

Я понял также, что должен сделать. И отчаяние мое сменилось необыкновенной отвагой.

С трудом поднявшись на ноги, я подождал, пока не утихло головокружение и не рассеялся туман перед глазами. Потом надел халат, обулся и вышел из спальни.

Не знаю, как мне это удалось. Стена мрака отступила, должно быть, под напором моей безудержной смелости. Пока я спускался по лестнице, гул и толчки, сотрясавшие дом, как будто сделались слабее. Голубой свет, сиявший внизу, внезапно погас, что-то яростно прогрохотало и смолкло.

Когда я вошел в гостиную, там все выглядело как обычно. На камине горела свеча. Но мое внимание сразу приковал к себе Сол.

Он стоял посреди комнаты, полуголый, в такой позе, словно вел кого-то в танце, и смотрел, не отрываясь, на портрет.

Я окликнул его. Он заморгал, медленно повернул голову в мою сторону. Но меня, похоже, не увидел, потому что, обведя взглядом комнату, вдруг отчаянно закричал:

— Вернись! Вернись!

Я опять его окликнул, и тогда он перестал озираться и уставился на меня. При свете свечи его лицо казалось перекошенным и страшным. Лицом безумца. Сол заскрипел зубами и шагнул ко мне.

— Убью,— прошипел он.— Убью.

Я попятился.

— Ты сошел с ума, Сол. Не...

Больше я ничего не успел сказать. Он бросился на меня, норовя вцепиться в горло. Я метнулся было в сторону, но он поймал меня за рукав и подтащил к себе.

Напрасно, пока мы боролись, я просил его отринуть наваждение и опомниться — он лишь скрежетал в ответ зубами.

Так же напрасно я пытался оторвать его руки от своего горла. Меня душил не он. Я всегда был сильнее брата, но сейчас его хватка казалась стальной. Я начал задыхаться, перед глазами все поплыло. Потерял равновесие, мы оба упали. Он сдавил мне горло еще крепче, и тут моя рука наткнулась на что-то твердое и холодное, лежавшее на ковре.

Поднос, который я уронил прошлым вечером. Я схватил его и, понимая, что брат мой не в себе и действительно собирается меня убить, ударил Сола по голове со всей силой, какая еще оставалась.

Поднос был металлический, тяжелый. Сол разом обмяк, выпустил меня, повалился на пол. Кое-как отдышавшись, я сел и посмотрел на него.

Краем подноса я рассек ему лоб. Рана сильно кровоточила.

— Сол! — испуганно вскрикнул я.

Вскочил на ноги, побежал к входной двери, распахнул ее. Увидел какого-то прохожего и закричал ему с крыльца:

— Помогите! Вызовите врача!

Прохожий отшатнулся, посмотрел в мою сторону с испугом.

— Пожалуйста! — взмолился я.— Мой брат упал, ударился головой. Ради бога, вызовите врача!

Некоторое время он глазел на меня, открыв рот, потом бегом двинулся дальше. Я снова его окликнул, но он не остановился. Похоже было, что просьбу он не исполнит.

Вернувшись в дом, я увидел в зеркале свое белое лицо и только тут понял, что, должно быть, напугал прохожего до смерти. Силы, невесть откуда взявшиеся, меня покинули, я снова ощутил слабость, и боль в горле, и дурноту. Ноги не слушались, и до гостиной я едва добрел.

Попытался переложить брата с пола на кушетку, но в тот миг он был слишком тяжел для меня, и я опустился с ним рядом на колени. Прильнул к нему, погладил по голове и тихо заплакал.

Не знаю, сколько времени прошло, прежде чем дом опять начали сотрясать толчки, словно его невидимые обитатели решили показать мне, что никуда не делись.

Я находился в полузабытьи, был неподвижен как мертвец. Стук сердца в моей груди казался мне стуком маятника, безжизненным, монотонным. В одном ритме с ним и так же глухо тикали часы на камине и пульсировал гул, сопровождавший толчки; все эти звуки сливались в один, обволакивающий, который становился частью меня, становился мной самим. Мне чудилось, что я все глубже погружаюсь в неведомую бездну, скольжу беспомощным утопленником ко дну.

Потом послышались шаги, шелест юбок. Донесся откуда-то издалека женский смех.

Я вмиг похолодел, вскинул голову.

На пороге стоял кто-то в белом.

Он шагнул ко мне. И я, задохнувшись от ужаса, вскочил — лишь для того, чтобы рухнуть снова во тьму беспамятства.

VI

Напугавшее меня видение оказалось не призраком, а врачом. Прохожий, к которому я взывал, все же сделал, о чем его просили. Легко представить, в каком состоянии я тогда находился, если не слышал ни звонка, ни стука в дверь. К счастью, она была открыта и врач все же смог войти, иначе я наверняка умер бы в ту ночь.

Сола увезли в больницу. А меня оставили дома, сказав, что ничего страшного нет, небольшое нервное истощение. Я хотел поехать с братом, но в больнице, по словам врача, не хватало мест и самым лучшим для меня было отлежаться в собственной постели.

На следующее утро я проснулся еще позже, в одиннадцать. Спустился в кухню, плотно позавтракал, потом вернулся в спальню и проспал еще два часа. После этого перекусил снова. Я собирался до темноты уйти из дома, чтобы со мной уж точно больше ничего не случилось. Думал снять номер в гостинице. С до-

мом все было ясно — его придется бросить, и неважно, сумеем ли мы его потом продать. Может, Сол и будет возражать, но что до меня — мое решение непоколебимо.

Около пяти я оделся, взял сумку с кое-какими нужными вещами и вышел из спальни. День близился к концу, поэтому я быстро сбежал вниз, не желая задерживаться здесь ни одной лишней минуты. Добрался до прихожей, взялся за ручку двери. Потянул.

Дверь не открылась.

Понять, что это означает, я позволил себе не сразу. Дернул за ручку еще раз и еще, постепенно холодея. Потом бросил сумку, стал дергать двумя руками, но с тем же успехом. Входную дверь заклинило намертво — как буфетную дверцу.

Я ринулся в гостиную, к окнам. Но не сумел открыть ни одного. И, готовый расплакаться, беспомощно огляделся по сторонам, проклиная себя за то, что не удрал из ловушки вовремя. Выругался вслух, и вдруг порыв ветра, взявшийся неведомо откуда, сорвал с меня шляпу и швырнул ее на пол.

Я в ужасе закрыл лицо руками, не желая видеть того, что будет дальше. Меня вновь затрясло, сердце отчаянно заколотилось. В комнате заметно похолодало, и опять раздался гул, исходящий из иного, потустороннего мира. На этот раз мне слышалась в нем насмешка над глупым смертным и его жалкими попытками ускользнуть.

И тут я вспомнил о брате, вспомнил, что ему нужна моя помощь. Опустил руки и крикнул:

— Ничто здесь не может причинить мне зло!

Гул сразу стих, и это меня подбодрило. Если моя воля способна противостоять ужасным силам, владеющим домом, возможно, она способна и победить их? Нужно провести ночь в спальне Сола, в его постели, и я узнаю, что ему пришлось пережить. Узнав же, смогу помочь.

Я так уверовал в могущество своей воли, что не задумался ни на секунду — а мои ли это мысли?..

Перепрыгивая через ступеньки, я поспешил наверх, в спальню брата. Там быстро скинул пальто, пиджак, развязал галстук. Уселся на кровать. Посидел немного, лег и стал смотреть в потолок. Я не хотел закрывать глаза, но был еще слишком слаб на самом деле и вскоре незаметно заснул.

Всего на миг, казалось, и тут же проснулся — охваченный томлением, которое нельзя было назвать неприятным. И нисколько меня не удивившим. Темнота как будто ожила. Она мерцала под моим взглядом, обволакивала теплом, сулившим плотские радости, хотя рядом не было никого, кто мог бы их доставить.

Явилась мысль о брате, но сразу исчезла, словно ее выдернули из сознания невидимой рукой.

Я помню свои метания в постели, бессмысленный смех — для меня, человека сдержанного, дело невозможное, почти непристойное. Думать я был не в состоянии. Подушка под щекой казалась шелковой, темнота сладостно обвивала меня, ласкала плоть, дурманила разум, вытягивала силы. Я что-то бормотал, сам не знаю что, изнемогая от наслаждения, едва не теряя сознание.

Но, почти уже ускользнув в забытье, вдруг почувствовал, что в комнате кто-то появился. Кто-то, кого я знал на самом деле и совсем не боялся. Напротив, ждал все это время, томясь нетерпением.

И ко мне подошла она — девушка с портрета.

Ее окружало голубое сияние, которое, впрочем, тут же померкло. В моих объятиях очутилось теплое, трепещущее тело. И больше я ничего не видел и не помнил, кроме все затмившего чувства — чувства, сотканного разом из влечения к ней и отвращения; низменного, но неодолимого вожделения. Раздираемый надвое, я тем не менее всецело предался противоестественной страсти. Повторяя снова и снова, про себя и вслух, одно имя.

Кларисса.

Сколько времени я утолял эту страсть, не знаю. Я утратил всякое представление о нем. Мне все стало безразлично, и бороться с собой было бесполезно. Мной полностью завладело, как и моим братом, омерзительное создание, порожденное мраком ночи.

Но каким-то непостижимым образом мы вдруг оказались уже не в постели, а внизу, в гостиной, и закружились в неистовом танце. Вместо музыки звучал тот пронзительный, пульсирующий гул, пугавший меня прежде и казавшийся музыкой сейчас, когда я сжимал в объятиях призрак мертвой женщины, не

в силах оторвать глаз от ее прекрасного лица и не в силах перестать ее желать.

Раз, прикрыв на мгновение глаза, я ощутил внутри себя жуткий холод. Но стоило открыть их — и все прошло, я снова был счастлив. Счастлив? Нет, сейчас я выбрал бы другое слово — околдован. Во власти наваждения, лишавшего меня способности думать.

Мы танцевали. Рядом кружились другие пары. Я видел их, но не могу описать, как они выглядели, во что были одеты. Помню лишь лица — белые, сияющие, с мертвыми неподвижными глазами и темными провалами ртов.

Круг, еще круг и еще. У входа появился мужчина с большим подносом в руках. И — внезапная темнота. Пустота и тишина.

VII

Проснувшись, я не чувствовал в себе сил подняться.

Я был в одном нижнем белье, весь мокрый от пота. Одежда, явно сорванная второпях, валялась на полу. Скомканные простыни и одеяло лежали там же. Видимо, ночью я сошел с ума.

Свет, лившийся из окна, был мне почему-то неприятен. Я закрыл глаза, не желая видеть утра. Повернулся на живот, спрятал голову под подушку. Вспомнил манящий запах ее волос и содрогнулся от охватившего меня вожделения.

Но спину стал припекать добравшийся до нее солнечный луч, и встать все-таки пришлось. Недовольно ворча, я подошел к окну, задернул шторы.

Стало лучше, но не намного. Вернувшись в постель, я зажмурился и накрыл лицо подушкой.

Я чувствовал свет.

Трудно поверить, но я его действительно чувствовал, даже не видя, как чувствуют его ростки, пробивающиеся из-под земли. И мне все больше хотелось темноты. Словно ночному зверьку, не терпящему света, но случайно оказавшемуся среди дня без укрытия.

Я со стоном сел, огляделся, кусая губы, по сторонам. Что делать, чем занять себя в мучительном ожидании? Стал дуть на свечу, которая и без того не горела, прекрасно понимая всю бессмысленность своих действий, но все же дуя, пытаясь пога-

сить невидимое пламя, ускорить возвращение ночи. Возвращение Клариссы.

Кларисса.

Сам звук этого имени заставил меня снова содрогнуться. Не от муки и не от счастья — от обоих сразу. Я встал, надел халат брата и вышел из спальни. Ни голода, ни жажды, ни других физических нужд я не испытывал. Ходячий труп, безгласный пленник, закованный в кандалы и не желающий из них вырваться.

У лестницы я остановился, прислушался. Попытался представить — она идет мне навстречу, теплая, трепещущая, окруженная голубым сиянием. Кларисса. Закрыл глаза, стиснул зубы.

И похолодел от страха. На краткое мгновение я опомнился.

Но тут же снова превратился в пленника. Я вдруг ощутил себя частью дома, такой же неотъемлемой принадлежностью его, как балки и окна. Его беззвучное сердцебиение слилось с моим, и я стал одним целым с ним, постиг его прошлое. Почувствовал, как руки людей, когда-то живших здесь, касаются перил, подлокотников кресел, дверных ручек, как ступают по полу невидимые ноги. Услышал смех над давным-давно отзвучавшими шутками.

Видимо, тогда-то моей душой и завладели пустота и безмолвие, которые меня окружали и которых я не замечал, околдованный, завороженный видением теней прошлого. Я перестал быть живым человеком. Я умер, и только тело еще дышало и двигалось, последнее препятствие на пути к блаженству.

Мысль о самоубийстве явилась сама собой, не взволновала меня и не испугала. Пришла и сразу исчезла, но я принял ее с полнейшим хладнокровием. Жизнь после жизни — вот цель. А нынешнее существование — ничтожная помеха, для устранения которой достаточно касания бритвы. Капли яда. Отныне я — господин жизни, потому что мне решительно все равно, жить дальше или умереть.

Ночь. Ночь... Когда же она наступит наконец? Я услышал собственный голос, жалобный, хриплый, стонущий:

— Почему день тянется так долго?..

И на мгновение опять пришел в себя. Ведь то же самое говорил Сол!

Я заморгал, растерянно огляделся по сторонам, не понимая, что со мной. Что за наваждение на меня нашло? Я должен вы-

рваться... но, не успев подумать об этом, я снова оказался во власти жутких чар.

Застыл в мучительном оцепенении, на тонкой грани между жизнью и смертью. Повис на тонкой нити над бездной, которая раньше была недоступной для моего понимания. Теперь я все понимал, видел и слышал. И обладал силой обрезать эту нить. Выбор принадлежал мне. Я мог висеть и дальше, покуда нить не растянется постепенно и не опустит меня медленно в чудесную, зовущую тьму. А мог, не продлевая мук ожидания, покончить с нитью одним ударом, упасть и оказаться рядом с Клариссой. Навсегда. Вновь ощутить ее тепло. Ее холод. Ее сводящую с ума близость. И смеяться вечность вместе с ней над миром живых.

Я подумал даже, не напиться ли до потери сознания, чтобы легче было дотянуть до ночи.

Спустился в гостиную, не чувствуя под собой ног, сел в кресло перед камином и долго смотрел на нее. Который час, я не знал и знать не хотел. Забыл о времени — что мне до него было? С портрета улыбалась она. Ее глаза сияли. Я чуял ее запах... неприятный, но возбуждающий, терпкий, мускусный.

И что мне до Сола? — подумал я вдруг. Кто он такой? Совершенно чужой человек — из другого мира, другой жизни. Мне нет до него никакого дела.

«Ты его ненавидишь»,— сказал кто-то у меня в голове.

И все рухнуло, как шаткий карточный домик.

Слова эти настолько возмутили сокровенные глубины моей души, что в глазах мгновенно прояснилось, словно с них спала пелена. Я с изумлением огляделся по сторонам. Боже милостивый, что я делаю до сих пор в этом доме?

Содрогнувшись, я вскочил и ринулся наверх, одеваться. На часах, как я успел заметить, было уже три пополудни.

Пока я натягивал на себя одежду, ко мне одно за другим возвращались нормальные ощущения. Я почувствовал холод пола под босыми ногами, желание есть и пить, услышал мертвую тишину, царившую в доме.

Мысли кипели. Я понял все — почему Солу хотелось умереть, почему так долго тянулся для него день, почему с таким нетерпением он ждал ночи. Теперь я все мог объяснить, и он должен был мне поверить, потому что я прошел через это сам.

Сбегая по лестнице, я думал, как расскажу ему о мертвецах дома Слотера, которые, злобствуя из-за постигшего их неведо-

мо по какой причине проклятия, пытаются заманить живущих в свой вековечный ад.

Все кончено! — возликовал я, заперев входную дверь. И поспешил, не обращая внимания на дождь, в больницу.

Тень, притаившуюся у крыльца, я не заметил.

VIII

Когда женщина за стойкой сказала мне, что Сол выписался за два часа до моего прихода, я остолбенел. Вцепился в стойку, лепеча севшим голосом, что она, наверное, ошибается, этого не может быть. Но она лишь покачала головой.

Силы меня разом оставили. Вернулись слабость и страх. Я готов был заплакать, но сдержался. Вокруг были люди, и все они глазели мне вслед, пока я шел к выходу, едва держась на ногах. Голова закружилась, я пошатнулся, чуть не упал. Кто-то схватил меня за рукав, спросил, хорошо ли я себя чувствую. Я что-то пробормотал в ответ, не заметив даже, мужчина это был или женщина.

Вышел на пасмурную улицу. Дождь к тому времени усилился, я поднял воротник плаща. Меня терзал один вопрос: где Сол? И сомневаться в ответе не приходилось. Дома. Куда еще он мог пойти?

Я побежал к трамвайной остановке. Путь до нее казался бесконечным. Все, что я помню,— дождь бил в лицо, мелькали по сторонам серые дома. На улице не было ни души, все проезжавшие мимо такси оказывались занятыми. Сумерки сгущались.

Споткнувшись, я налетел на фонарный столб и едва успел схватиться за него, чтобы не упасть в лужу.

Услышал лязг и звон, увидел трамвай, кинулся к нему. Дал доллар кондуктору и тут же забыл об этом. Вспомнил, когда меня окликнули, чтобы вручить сдачу. Вися на поручне, раскачиваясь вместе с трамваем, я думал лишь о брате, который оставался сейчас один на один с ужасами проклятого дома.

От духоты в вагоне, запаха мокрой одежды, сумок, зонтов меня мутило. Закрыв глаза и стиснув зубы, я стал молиться, чтобы мне позволено было успеть домой, к брату, пока не произошло самое страшное.

Наконец я доехал, выпрыгнул из трамвая и бегом помчался к дому. Дождь лил все сильнее, слепил глаза. Поскользнувшись,

я все-таки упал, ободрал колени и локти, промочил одежду. Поднялся со стоном и побежал дальше, почти не видя сквозь плотную завесу дождя, куда бегу, ведомый одним инстинктом.

Дом темной тенью замаячил впереди. И словно притянул меня к себе — я не заметил, как очутился на крыльце.

Кашляя, трясясь в ознобе, торопливо толкнул дверь и не сразу поверил в свое счастье — она оказалась заперта. Конечно, ведь у Сола не было ключа!

Едва не заплакав от облегчения, я спустился с крыльца. Где же он? Надо поискать...

Я двинулся было по дорожке вокруг дома. И тут меня словно хлопнули по плечу. Я резко обернулся и увидел, при свете сверкнувшей в этот миг молнии, разбитое окно рядом с крыльцом. Дух во мне занялся, сердце заколотилось.

Он — в доме. А она... уже явилась к нему? Или он еще лежит один в постели, улыбается бессмысленно темноте, дожидаясь сияющих объятий?

Я должен спасти его.

Преисполнившись решимости, я поднялся на крыльцо, отпер дверь и оставил ее открытой настежь, чтобы нам ничто не помешало убежать. Вошел и двинулся к лестнице.

В доме стояла тишина. Такая, словно гроза бушевала на самом деле вдалеке. Шум дождя был еле слышен. Но на очередном шагу я вздрогнул и застыл на месте — дверь за мной внезапно захлопнулась.

Ловушка. Похолодев от страха, я чуть не кинулся обратно, готовый сбежать, если удастся открыть дверь. Но вспомнил о брате и усилием воли воскресил в себе решимость. Один раз я победил этот дом и должен победить снова. Ради Сола.

Я дошел до лестницы. Путь озаряли синеватым мертвенным светом вспышки молний за окнами. Поднимаясь, я крепко держался за перила, шепотом веля себе не бояться, не поддаваться вновь чарам дома.

Возле спальни брата я остановился. Припал к стене и закрыл глаза. Вдруг он уже мертв? Такого удара мне не снести. Отчаяние лишит меня сил, и дом, воспользовавшись мгновением слабости, возьмет надо мной верх, окончательно завладеет моей душой.

Нет, нельзя об этом думать. Нельзя представлять себе жизнь без Сола, пустую, лишенную смысла. Он — жив.

Цепенея от страха, я непослушными руками открыл дверь. В комнате было темно, как в аду. Я сделал глубокий вдох, сжал кулаки. И тихо позвал:

— Сол!

Меня заглушил раскат грома. Сверкнула молния, на миг осветив комнату, я быстро огляделся, но увидеть ничего не успел. Вновь стало темно и тихо, лишь дождь стучал по окнам и крыше. Я осторожно шагнул вперед, что есть силы напрягая слух, вздрагивая от каждого шороха. Может, его здесь нет? Но если он в доме, ему больше негде находиться, кроме этой комнаты.

— Сол! — позвал я громче.— Сол, отзовись.

И шагнул к кровати. Тут дверь в комнату закрылась, что-то скрипнуло в темноте у меня за спиной. И, только я развернулся, меня схватили за руку.

— Сол! — вскрикнул я.

Сверкнула молния, ярко озарив комнату, и я увидел прямо перед собой белое, искаженное злобой лицо брата. Держа меня одной рукой, другой он заносил над моей головой подсвечник.

Удар был так силен, что я не устоял на ногах, упал на колени. Голову пронзила невыносимая боль. Рука, державшая меня, разжалась, я рухнул на пол. И последним, что я услышал, перед тем как провалиться в беспамятство, был смех. Его смех.

IX

Я пришел в себя там же, на полу спальни. Дождь лил еще сильнее, ревел за окнами, как водопад. По небу перекатывался гром, ночную тьму то и дело разрывали молнии.

Дождавшись очередной вспышки, я взглянул на кровать. И при виде одеял и простыней, разбросанных в неистовстве, пришел в ужас. Сол — с ней, внизу!

Я поднялся было на ноги, но из-за боли, вступившей в голову, не удержался и снова рухнул на колени. Провел трясущимися руками по лицу, нащупал рану на лбу, запекшуюся на виске кровь. И со стоном начал раскачиваться взад и вперед, чувствуя себя так, словно меня вернули в ту пустоту, откуда я еле вырвался, отстаивая свое право на жизнь. Сила дома возобладала над моей. Та сила, что была ее силой. Бездушная, тлетворная, старающаяся высосать из меня жизнь и затащить в ад.

Но я опять вспомнил о брате. И воспоминание это опять вернуло мне решимость и мужество.

— Нет! — крикнул я, словно бы в ответ дому, твердившему, что я — его беспомощный пленник. Встал, вопреки головокружению и боли, сделал шаг, задыхаясь от омерзительного запаха, заполонившего комнату. Дом трясло, гул то затихал, то усиливался.

Я думал, что иду к двери, но налетел на кровать. Ушиб ногу, зарычал от боли, развернулся и пошел обратно. Потом побежал. Не сообразил выставить перед собой руки и с разбегу налетел на закрытую дверь.

Боль была такая, что я закричал. Из разбитого носа тут же хлынула кровь. Рывком открыв дверь, чувствуя, что схожу с ума, я выскочил в коридор. Кровь, сколько я ни стирал ее на бегу, затекала в рот, капала на плащ — я не разделся, вернувшись в дом, только потерял где-то шляпу.

Пыталось ли что-нибудь задержать меня наверху лестницы, я не заметил. Сбежал с нее, оскальзываясь на ступеньках, навстречу неумолчному гулу, доносившемуся снизу, звучавшему одновременно музыкой и насмешкой. Каждый шаг отзывался в голове такой болью, словно в нее загоняли гвоздь.

— Сол! — крикнул я, ворвавшись в гостиную. И в растерянности умолк.

Там было темно, спирало дух от тошнотворного запаха. Мне стало дурно, и я поспешил дальше. Вбежал в кухню, но здесь запах был еще сильнее. Не в силах им дышать, я привалился к стене. Перед глазами заплясали разноцветные пятна.

Сверкнула молния, осветив кухню, и я увидел, что левая дверца шкафа открыта. За ней оказалась чаша с каким-то порошком, похожим на муку. Я только взглянул на нее — и во рту у меня пересохло, из глаз брызнули слезы.

Я попятился, задыхаясь, чувствуя, что силы мои вновь иссякают. Вернулся в поисках брата в гостиную.

Сверкнула еще одна молния и высветила из мрака портрет Клариссы. Я увидел его и оцепенел — лицо у нее изменилось. Утратило всю красоту. И выражало теперь только злобную радость. Глаза сверкали, улыбка казалась оскалом. Вправду ли портрет стал другим или то была игра теней, но даже пальцы рук ее казались сейчас когтями, готовыми рвать и душить.

И, попятившись от нее в испуге, я споткнулся о тело своего брата.

Я упал на колени, отчаянно вглядываясь в темноту. Увидел, при свете молний, сверкавших одна за другой, его белое, мертвое лицо. Застывшую на губах ужасную усмешку. Безумие в широко распахнутых глазах. И сердце у меня остановилось. Казалось, я сам сейчас умру. Не в силах поверить в страшную правду, я рванул себя за волосы и громко застонал, надеясь, что это только сон, и мать сейчас разбудит меня, и я взгляну на кроватку спящего Сола, увижу его невинную улыбку, темные кудри, разметавшиеся по подушке, и, успокоенный, снова засну.

Но кошмар не кончался. Дождь неистово стучал в окна, землю сотрясали громы и молнии.

Я взглянул на портрет, чувствуя себя таким же мертвым, как мой брат. Встал без колебаний, спокойно подошел к камину. Взял в руки лежавший там коробок спичек.

Она угадала мои намерения в тот же миг — коробок вырвали у меня и швырнули в стену. Я нагнулся за ним, и меня попыталась удержать какая-то невидимая сила. Горло стиснули холодные руки. Страха я не почувствовал, лишь зарычал, оттолкнул их и снова потянулся за спичками. В рот затекла кровь, я сплюнул. И поднял коробок.

Его опять выхватили у меня, разорвали на этот раз и разбросали спички по полу. Когда я наклонился, чтобы подобрать их, весь дом неистово сотрясло, гул перерос в страдальческий вой. В меня вцепились. Я вырвался. Встал на колени, начал шарить по ковру. Меня схватили за руки, и вокруг всего тела обвилось что-то влажное и холодное.

С упорством маньяка я при свете очередной молнии поднял одну из спичек зубами, чиркнул ею по ковру. Она вспыхнула и погасла. Дом трясся уже не переставая, отовсюду доносились шорохи, словно Кларисса, спасая свое проклятое, призрачное существование, созвала на битву со мной всех мертвецов.

Я поднял другую спичку. С ковра на меня уставилось белое лицо. Я сплюнул на него сквозь сжатые зубы кровью. Лицо пропало. Мне удалось высвободить одну руку, я выхватил спичку из зубов и чиркнул ею по стенке камина. Загорелся крохотный огонек, и меня отпустили.

Гул и тряска усилились. Против огня мертвецы были бессильны, но я все же прикрыл спичку рукой, боясь, что дунет не-

ведомо откуда холодный ветер и погасит ее. Поднял журнал, завалявшийся в кресле, встряхнул, поднес к нему спичку. Страницы тут же занялись пламенем, и я бросил журнал на ковер.

Потом стал обходить комнату, зажигая одну спичку за другой. На Сола я старался не смотреть. Она убила его, и сейчас мне предстояло покончить с ней навсегда.

Ковер задымился. Шторы заполыхали, начала разгораться мебель. По дому пронесся, подобно порыву ветра, свистящий, горестный вздох и затих.

Когда запылала вся гостиная, я взглянул на портрет. И медленно двинулся к нему. Она поняла, что я собираюсь сделать. Дом затрясся еще сильней, раздался визг, такой, словно возопили сами стены. Сомнений не осталось — домом управляла она, и сила ее заключалась в этом портрете.

Я сорвал его со стены. Он задергался в руках, как живой. Содрогнувшись от омерзения, я швырнул его в огонь.

И чуть не упал — дом тряхнуло так, словно началось настоящее землетрясение. Но это был конец. Портрет запылал, и больше она ничего не могла сделать. Я остался в горящем доме один.

Мне не хотелось, чтобы кто-нибудь узнал, что случилось с моим братом. Чтобы кто-нибудь увидел такое его лицо.

Поэтому я поднял Сола и уложил на кушетку. До сих пор не понимаю, откуда у меня взялись на это силы. Словно кто-то помог.

Я сидел рядом, держа его за руку, пока огонь, пожиравший комнату, не начал подбираться ко мне. Тогда я встал. Склонился над братом, поцеловал в губы, прощаясь навсегда. И вышел из дома в дождь.

И больше туда не возвращался. Поскольку возвращаться было незачем.

На этом рукопись заканчивается. Нет оснований считать изложенное в ней правдой. Хотя в архивах городской полиции нашлись кое-какие сведения, представляющие интерес.

В 1901 году жители города были потрясены самым, пожалуй, массовым убийством из всех, когда-либо совершавшихся в его истории.

На званом вечере в доме мистера и миссис Мэрлин Слотер и их дочери Клариссы некто, оставшийся неизвестным, подмешал

в чашу с пуншем мышьяк. Умерли все — и гости, и хозяева. Кто и зачем их убил, выяснить так и не удалось, сколько догадок по этому поводу ни строили. По одной из версий, отравителем был кто-то из умерших.

Предполагали также, что это не отравитель, а отравительница. Прямых намеков не имеется, но, по некоторым свидетельствам, касающимся «этого бедного ребенка, Клариссы», девушка на протяжении нескольких лет страдала тяжелым психическим расстройством. Родители тщательно скрывали ее болезнь от соседей и городских властей. И вечер, возможно, устроили с целью отпраздновать улучшение ее состояния, принятое ими за выздоровление.

Ни о пожаре, случившемся позже, ни о теле, которое было бы найдено в доме, никаких сведений отыскать не удалось. Возможно, эта история — всего лишь вымысел, попытка одного брата объяснить смерть другого, имевшую, скорее всего, неестественные причины. Зная трагическую историю дома, он мог воспользоваться ею, чтобы оправдать себя таким фантастическим образом.

Так было дело или нет, но о старшем брате никто и никогда не слышал — ни в самом городе, ни в его окрестностях.

И это все.

С. Д. М.

Вторжение

Он опустил чемодан на пол в прихожей.

— Как ты тут без меня? — спросил он.

— Отлично,— ответила она, улыбаясь.

Она помогла ему снять пальто и шляпу, убрала их в стенной шкаф.

— Да, холодновато зимой в Индиане после полугода в Южной Америке.

— Наверное,— отозвалась она.

Рука об руку они прошли в гостиную.

— Что ты тут поделывала одна?

— Да так... ничего особенного. Думала о тебе.

Он улыбнулся и обнял ее.

— Это уже немало.

Ее улыбка на миг пропала, потом вернулась снова. Она сжала его руку. И вдруг, хотя он не сразу это понял, лишилась дара речи. Он часто впоследствии мысленно возвращался к этому моменту, и каждый раз его всегда поражала резкость перепада. Слушая его, она улыбалась и смотрела в глаза, но улыбка все таяла, а взгляд скользнул в сторону в тот самый момент, когда ему больше всего хотелось ее внимания.

Позже, на кухне, она сидела напротив него, пока он допивал третью чашку сваренного ею горячего крепкого кофе.

— Не смогу сегодня заснуть,— говорил он, улыбаясь,— да я и не хочу.

Она ответила натянутой улыбкой. Кофе обжег ему рот, и он заметил, что сама она не сделала ни глотка.

— Ты не пьешь кофе? — спросил он.

© Перевод Е. Королевой.

— Нет, я... больше не пью.

— Это какая-то диета?

Он увидел, как дрогнуло ее горло.

— В некотором роде.

— Но это же глупо,— сказал он.— У тебя идеальная фигура.

Она, похоже, хотела что-то ответить. Потом передумала. Он отставил чашку.

— Энн, разве...

— Что-то случилось? — закончила она вместо него.

Он кивнул.

Она опустила глаза. Закусила нижнюю губу и положила руки на стол перед собой. Потом глаза ее закрылись, и ему показалось, будто она пытается отгородиться от чего-то безнадежно ужасного.

— Милая, что с тобой?

— Наверное... лучше всего просто... просто взять и рассказать.

— Ну конечно, дорогая,— произнес он взволнованно.— Что стряслось? Неужели что-то произошло, пока меня не было?

— Да. И нет.

— Ничего не понимаю.

Она вдруг посмотрела на него. То был отстраненный взгляд, от которого ему стало нехорошо.

— У меня будет ребенок,— сказала она.

Ему хотелось громко закричать: ведь это же прекрасно! Он готов был вскочить и обнять ее, танцевать с ней по всему дому.

Потом его поразила одна мысль, и краска сбежала с лица.

— Что? — переспросил он.

Она не стала отвечать, потому что знала, что он все расслышал.

— Как давно... как давно ты уже знаешь? — спросил он, глядя в неподвижно смотрящие на него глаза.

Она судорожно вздохнула, и он понял, что ответ будет не самый благоприятный. Так оно и оказалось.

— Три недели.

Он сидел, тупо глядя на нее, и все продолжал машинально помешивать кофе. Потом он заметил это, медленно вынул ложку и положил на стол.

Он пытался задать следующий вопрос, но ему никак не удавалось произнести это слово. Оно трепетало в горле. И наконец он заставил себя.

— Кто? — спросил он, голосом безжизненным и слабым.

Она вновь смотрела прямо на него, лицо сделалось серым.

— Никто.— Ее губы тряслись.

— То есть?

— Дэвид,— произнесла она осторожно,— я...

И тут плечи ее опали.

— Никто, Дэвид. Никого не было.

Потребовалось некоторое время, чтобы до него дошли ее слова. Она прочитала ответ по лицу, прежде чем он отвернулся. Тогда она встала и посмотрела на него сверху вниз, голос у нее дрожал.

— Дэвид, клянусь перед Господом, я не встречалась ни с одним мужчиной, пока тебя не было!

Он одеревенело привалился к спинке кресла. Господи, что же он мог сказать? Человек возвращается, проведя полгода в джунглях, а жена сообщает ему, что беременна, и просит его поверить, что...

Он стиснул зубы. Ему казалось, что он участвует в какой-то дешевой пошлой комедии. Он проглотил комок в горле и посмотрел на свои дрожащие руки. Энн, Энн! Ему хотелось схватить чашку и запустить ею в стену.

— Дэвид, ты должен мне пове...

Он неловко поднялся и вышел. Она тотчас последовала за ним, хватая его за руку.

— Дэвид, ты должен мне поверить. Иначе я с ума сойду. Единственное, что давало мне силы жить дальше,— надежда, что ты поверишь мне. Если же нет...

Она осеклась. Они смотрели друг на друга тоскливыми взглядами. Он ощущал, как руку сжимают ее пальцы. Ее холодные пальцы.

— Чему, ты хочешь, чтобы я поверил, Энн? Что мой ребенок был зачат через пять месяцев после моего отъезда?

— Дэвид, если бы я была виновата, разве я... стала бы признаваться тебе? Ты же знаешь, как я отношусь к нашему браку. К тебе.

Ее голос сделался тише.

— Если бы я сделала то, в чем ты меня подозреваешь, я не сказала бы тебе. Я бы просто убила себя.

Он все еще беспомощно смотрел на нее, словно надеясь прочитать решение на ее взволнованном лице. Наконец он заговорил.

— Что ж... пойдем к доктору Клейнману. Мы...

Ее рука упала, отпустив его ладонь.

— Значит, ты мне не веришь?

— Ты же понимаешь, о чем ты меня просишь? — В его словах слышалась мука.— Понимаешь, Энн? Я ведь ученый. Я не могу поверить в то, что... в невероятное. Неужели ты думаешь, что я не хочу поверить тебе? Но я...

Она долго стояла перед ним. Затем чуть развернулась и заговорила, уже прекрасно владея собой.

— Хорошо,— произнесла она спокойно,— делай то, что считаешь нужным.

После чего вышла из комнаты. Он посмотрел ей вслед. Потом повернулся и медленно подошел к камину. Он стоял и глядел на куклу, которая сидела на каминной полке, свесив ноги через край. «Кони-Айленд»,— было написано на платье куклы. Они выиграли ее восемь лет назад, во время свадебного путешествия.

Его глаза внезапно закрылись.

С возвращением домой!

Прежний смысл этих слов умер.

— Ну, теперь, когда с приветствиями покончено,— сказал доктор Клейнман,— чего ради ты пришел ко мне в кабинет? Подцепил в джунглях какую-нибудь дрянь?

Коллиер, сгорбившись, сидел в кресле. Несколько секунд он смотрел в окно. Затем обернулся к Клейнману и быстро все ему рассказал.

Когда он закончил, они несколько секунд молча смотрели друг на друга.

— Это ведь невозможно? — спросил наконец Коллиер.

Клейнман сжал губы. Угрюмая улыбка на секунду возникла на его лице.

— Ну что я могу сказать? — произнес он.— «Да, это невозможно»? «Да, это невозможно, насколько известно науке»? Не знаю, Дэвид. Считается, что сперма может оставаться в шейке матки от трех до пяти дней, может быть, чуть дольше. Но даже если и так...

— Сперматозоиды уже не способны к оплодотворению? — завершил за него Коллиер.

Клейнман не кивнул и ничего не ответил, но Коллиер и сам знал ответ. Знал его в самых простых словах, которые звучали как смертный приговор его браку.

— Значит, надежды нет,— произнес он негромко.

Клейнман снова плотно сжал губы и задумчиво провел пальцем по лезвию ножа для писем.

— Если только,— начал он,— ты не поговоришь с Энн, не заставишь ее понять, что не бросишь ее. Возможно, страх потерять тебя заставляет ее утверждать то, что она утверждает.

— ...Не брошу ее,— отозвался едва слышным эхом Коллиер и покачал головой.

— Я ничего не предлагаю, пойми меня правильно,— продолжал Клейнман.— Только вполне может оказаться, что Энн просто побоялась открыть тебе правду.

Коллиер поднялся, все жизненные силы покинули его.

— Хорошо,— нерешительно произнес он.— Я еще раз поговорю с ней. Может быть, нам удастся... уладить это дело.

Но когда он повторил ей то, что сказал Клейнман, она просто осталась сидеть на стуле и посмотрела на него без всякого выражения на лице.

— Ясно,— произнесла она,— значит, ты все решил.

Он сглотнул застрявший в горле комок.

— Мне кажется, ты не понимаешь, о чем меня просишь,— сказал он.

— Нет, я знаю, о чем прошу. Только о том, чтобы ты мне поверил.

Он хотел было ответить, вложив в слова всю вскипающую злость, но сумел взять себя в руки.

— Энн, просто признайся. Я сделаю все, чтобы понять.

Теперь настала ее очередь злиться. Он видел, как ее руки, лежащие на коленях, сжались в кулаки и затряслись.

— Мне ни в коем случае не хочется оскорблять твою обожаемую науку, но только я беременна не от другого мужчины. Ты меня понимаешь, ты веришь мне?

Она не билась в истерике, не паниковала, не старалась выкрутиться. Он стоял и смотрел на нее, ощущая замешательство. Она никогда не лгала ему, однако... что еще оставалось думать?

После чего она вернулась к своему чтению, а он так и продолжал стоять. Есть же факты, кричал его разум. Дэвид отвел взгляд. А знал ли он Энн по-настоящему? Возможно ли, что она вдруг оказалась для него совершенно незнакомым человеком? После этих шести месяцев?

Что же случилось за последние полгода?

Он стелил на раскладное кресло в гостиной простыни и старое одеяло, которым они укрывались в первые дни после свадьбы. Он посмотрел на стежки и когда-то пестрые узоры, выцветшие после многочисленных стирок, и мрачная улыбка растянула его рот.

С возвращением домой!

С усталым вздохом он распрямился и подошел к тихо шуршащему проигрывателю. Протянул руку и поставил другую пластинку. Когда заиграло «Лебединое озеро» Чайковского, он взглянул на обратную сторону конверта.

«Моему самому дорогому. Энн».

Они не разговаривали весь день и весь вечер. После ужина она взяла из шкафа книгу и пошла наверх. Он сидел в гостиной, прилагая немалые усилия, чтобы читать «Известия Форта», и еще бо́льшие — чтобы расслабиться. Но как? Может ли мужчина расслабиться в собственном доме под одной крышей с женой, которая носит чужого ребенка? В конце концов газета выскользнула из ослабевших пальцев и упала на пол.

Теперь он сидел, неотрывно глядя на ковер, и старался все осмыслить.

Что, если врачи ошибаются? Вдруг клетка, дающая жизнь, может существовать и сохранять свои способности к оплодотворению не дни, а месяцы? Разве не легче поверить в это, чем в то, что Энн могла ему изменить? У них всегда были безупречные отношения, настолько приближенные к понятию «идеальный брак», насколько это вообще возможно. И вот теперь такое.

Он провел трясущейся рукой по волосам. Прерывисто вздохнул, ощущая в груди тяжесть, которая никак не проходила. Человек вернулся домой после полугодового отсутствия...

«Выброси это из головы!» — приказал внутренний голос, после чего Дэвид заставил себя поднять газету и прочитать ее от корки до корки, включая колонки с анекдотами и астрологическим прогнозом. «Сегодня вас ожидает большой сюрприз»,— сообщал ему газетный провидец.

Он отбросил газету и взглянул на часы на каминной полке. Уже далеко за десять. Он просидел здесь больше часа, и все это время Энн читала в спальне. Ему стало интересно, что за книга вызвала у нее такой стойкий интерес.

Он устало поднялся. Проигрыватель снова шуршал вхолостую.

Почистив зубы, он вышел в коридор и направился к лестнице. У двери в спальню он замешкался, заглянул внутрь. Свет был потушен. Он постоял, прислушиваясь к ее дыханию, и понял, что она не спит.

Он едва не вошел, когда на него накатило сокрушительное осознание того, как сильно она ему нужна. Но потом вспомнил, что она ждет ребенка, который, с высокой вероятностью, не может быть его ребенком. От этой мысли он окоченел. Плотно сжав губы, он развернулся, спустился вниз и хлопнул по выключателю, погрузив гостиную в темноту.

Ощупью он добрался до раскладного кресла и сел. Немного посидел в темноте, куря сигарету. Потом затушил окурок в пепельнице и лег. В комнате было холодно. Он дрожал под простыней и одеялом. С возвращением домой! Эти слова опять давили на него тяжким грузом.

Должно быть, он проспал немного, решил он, глядя в темный потолок. Он взял наручные часы и взглянул на светящиеся стрелки. Двадцать минут четвертого. Он застонал и повернулся на бок. После чего приподнялся и встряхнул сплющенную подушку.

Он лежал в темноте, думая об Энн. Полгода вдали от нее, первая ночь дома, и вот они спят порознь, он на раскладном кресле в гостиной, она — в спальне. Интересно, не страшно ли ей. Она до сих пор побаивалась темноты, страх, сохранившийся с детства. Обычно она обнимала его, прижималась щекой к его плечу и засыпала со счастливым вздохом.

Воспоминания терзали его. Больше всего на свете ему хотелось взбежать по лестнице и забраться к ней в постель, ощутить рядом тепло ее тела. Так почему же ты не делаешь этого? — спрашивал его сонный разум. Потому что она носит чьего-то ребенка, с готовностью следовал ответ. Потому что она согрешила.

Он раздраженно дернул лежащей на подушке головой. Согрешила. Слово звучало смехотворно. Он вновь перекатился на спину и потянулся за пачкой. Он лежал, медленно затягиваясь и глядя на светящийся в темноте кончик сигареты.

Сон не шел. Он порывисто поднялся, нащупал пепельницу. Необходимо добиться от нее правды. Если все сделать верно, она расскажет ему, что произошло. Тогда они смогут придумать, как быть дальше. Так будет лучше всего.

Рациональное объяснение, твердил ему разум. Он отмахивался от него, поднимаясь по ледяным ступеням и топчась под дверью спальни.

Он медленно вошел, стараясь вспомнить, как здесь расставлена мебель. Нащупал на бюро маленький ночник и щелкнул выключателем. Крошечный огонек разогнал темноту вокруг себя.

Даже одетый в толстую пижаму, он задрожал. В комнате стоял мороз, все окна были нараспашку. Обернувшись, он увидел, что на Энн нет ничего, кроме тоненькой ночной рубашки. Он быстро подошел и накрыл ее одеялом, стараясь не смотреть. Не сейчас, думал он, не в такое время. Это все извратит.

Он стоял над постелью и глядел на спящую Энн. Волосы разметались по подушке темным облаком. Белая кожа, нежные алые губы. Какая красивая женщина, едва не произнес он вслух.

Дэвид отвернулся. Она всегда так мечтала о ребенке. Что ж, теперь он у нее будет.

На глаза ему попалась лежащая на постели книга, он ее поднял. «Основы физики». Какого черта она читает такое? Она никогда не выказывала даже отдаленного интереса к наукам, за исключением, может быть, социологии, и слегка разбиралась в антропологии. Он посмотрел на жену с любопытством.

Ему хотелось разбудить ее, но он не мог. Он знал, что тут же онемеет, стоит ей открыть глаза. Я же все обдумал, хочу все разумно обсудить, подсказывал рассудок. Звучало, как реплика из мыльной оперы.

К тому же имелся один решающий момент — тот факт, что он был не в состоянии обсуждать это с ней, разумно или нет. Он не мог уйти от нее, но не мог и забыть обо всем, как она хотела. Дэвид ощущал, как от этих колебаний в нем разрастается гнев. Естественно, сердито оборонялся он, как же можно свыкнуться с подобным? Человек приезжает домой после полугодового отсутствия...

Он отошел от кровати и опустился на маленький стул рядом с бюро. Он сидел, немного дрожа и глядя на лицо жены. Оно было совсем детским, таким невинным.

Пока он смотрел, она зашевелилась во сне, неловко заерзала под одеялом. Всхлип слетел с ее губ, потом, совершенно неожиданно, правая рука взметнулась, потянулась к одеялу и откинула к краю кровати. После чего Энн сбросила его на пол ногами. Тяжкий вздох сотряс тело, она перевернулась на бок,

но так и не проснулась, хотя ее почти сразу начала колотить дрожь.

Он снова встал, встревоженный ее действиями. Она никогда не спала так беспокойно. Неужели особенность, появившаяся за то время, пока его не было? Это все чувство вины, прошептал его разум где-то на границе сознания. Он дернулся от этой раздражающей мысли, подошел к кровати и рывком набросил на Энн одеяло.

Распрямившись, он увидел, что жена смотрит на него. Его губы хотели было изобразить улыбку, но он быстро прогнал ее с лица.

— Ты заработаешь воспаление легких, если будешь сбрасывать одеяло,— произнес он раздраженно.

Она заморгала.

— Что?

— Я сказал...— начал он, затем замолк. Слишком много злости скопилось в нем. Он взял себя в руки.

— Ты сбрасываешь с себя одеяло,— пояснил он ровным тоном.

— А,— отозвалась она.— Я... я сплю так последнюю неделю.

Он посмотрел на нее. И что теперь? — пришла мысль.

— Ты не принесешь мне воды? — попросила Энн.

Он кивнул, радуясь предлогу отвести от нее взгляд. Дэвид прошел через коридор в ванную, пропустил в кране воду, подождав, пока она станет холодной, и наполнил стакан.

— Спасибо,— произнесла она мягко, когда он протянул ей воды.

— Не за что.

Она выпила стакан залпом, потом виновато посмотрела на него.

— А ты... не мог бы принести еще?

Секунду он посмотрел на нее, потом взял стакан и принес воды еще раз. Она выпила ее так же быстро.

— Что ты ела? — Он ощущал странную скованность от того, что наконец-то разговаривает с ней, хотя и на совершенно незначимую тему.

— Что-то соленое... наверное.

— Судя по всему, ужасно соленое.

— Да, Дэвид.

— Это плохо.

— Я знаю.

Она снова посмотрела на него умоляюще.

— Что, еще стакан? — изумился он.

Она опустила глаза. Дэвид пожал плечами. Ему казалось, что это не особенно полезно, но он не собирался спорить с ней на эту тему и пошел в ванную за третьим стаканом. Когда он вернулся, ее глаза были закрыты.

— Вот твоя вода,— сказал он. Но она уже спала.

Дэвид поставил стакан рядом.

Глядя на жену, он испытывал почти неукротимое желание лечь с ней, крепко обнять, осыпать поцелуями губы и лицо. Он подумал обо всех ночах, когда лежал без сна в душной палатке, вспоминая об Энн. Метался по подушке едва ли не в агонии, потому что она была так далеко от него. Теперь он испытывал похожее чувство. И хотя она была совсем близко, он не смел к ней прикоснуться.

Резко развернувшись, он выключил ночник и вышел из спальни, спустился вниз и упал на кресло-кровать, приказав себе не спать. Но его мозг не подчинился, и Дэвид провалился в пустой тяжелый сон.

Когда утром он вышел в кухню, Энн кашляла и чихала.

— Что, снова сбросила одеяло?

— Снова? — переспросила она.

— Разве ты не помнишь, как я приходил в спальню?

Она посмотрела на него непонимающим взглядом.

— Нет, не помню.

Они секунду пристально смотрели друг на друга. Потом он подошел к буфету и достал две чашки.

— Кофе будешь?

Мгновение она колебалась. Наконец ответила:

— Да.

Он поставил чашки на стол, сел и принялся ждать, пока будет готов кофе. Когда кофейная пенка поднялась к стеклянной крышке кофейника, Энн встала и взяла прихватку. Дэвид наблюдал, как она разливает черный дымящийся напиток. Когда она наполняла его чашку, рука чуть дрогнула, и ему пришлось отпрянуть назад, чтобы уберечься от брызг.

Он дождался, чтобы она села за стол, после чего угрюмо спросил:

— А с чего ты вдруг читаешь «Основы физики»?

И снова встретил пустой, непонимающий взгляд.

— Не знаю... Просто... Мне почему-то стало интересно.

Он положил в кофе сахар и помешал, слушая, как она наливает в свою чашку сливки.

— Я думал... ты...— Он набрал воздуха в легкие.— Я думал, тебе надо теперь пить снятое молоко или что-нибудь в этом роде.

— Мне хочется чашечку кофе.

— Вижу.

Он сидел, в траурном молчании глядя на стол, и медленно глотал обжигающий напиток. Он заставил себя погрузиться в мутный бескрайний туман. Он почти забыл, что она сидит рядом. Комната исчезла, все здешние образы и звуки растворились.

Звякнула чашка. Он вздрогнул.

— Не хочешь со мной разговаривать — прекрасно можем покончить со всем прямо сейчас! — сердито сказала она.— Если ты думаешь, будто я стану скакать вокруг тебя, пока ты не соизволишь обронить слово, то сильно ошибаешься!

— А что ты хочешь, чтобы я сделал?! — вспыхнул он в ответ.— Если бы от меня ждала ребенка какая-то другая женщина, что бы чувствовала ты?

Она закрыла глаза. По лицу было видно, с каким трудом Энн сохраняет терпение.

— Послушай, Дэвид, говорю в последний раз: я тебе не изменяла. Я понимаю, это мешает тебе играть роль обманутого супруга, но ничем не могу помочь. Можешь заставить меня поклясться на сотне Библий, и я все равно скажу тебе то же самое. Можешь ввести мне сыворотку правды, и я повторю то же самое. Можешь подключить меня к детектору лжи, и все равно услышишь то же самое. Дэвид, я...

Она не смогла договорить. Приступ кашля сотряс все ее тело. Лицо налилось кровью, и она кинулась к раковине налить воды. Он осторожно похлопывал ее по спине, пока она пила. Энн поблагодарила его осипшим голосом. Дэвид еще немного погладил ее по спине, почти с тоской.

— Лучше тебе сегодня полежать в постели,— сказал он,— кашель у тебя какой-то нехороший. И еще... стоит подкалывать одеяло булавками, чтобы ты не...

— Дэвид, что ты будешь делать? — спросила она несчастным голосом.

— Делать?

Она не стала объяснять, что имеет в виду.

— Я... я не знаю, Энн. Всем сердцем я хочу верить тебе. Но...

— Но не можешь. Что ж, ладно.

— Не спеши, пожалуйста, с выводами! Неужели ты не можешь дать мне время, чтобы все обдумать? Ради бога, я же пробыл дома всего день!

На короткий миг он, казалось, увидел в ее глазах прежнюю теплоту. Может быть, она смогла понять за его сердитым тоном, как сильно ему хочется остаться. Она взяла чашку с кофе.

— Что ж, обдумывай,— сказала она.— Я-то знаю правду. Если ты мне не веришь... тогда ищи себе какое-нибудь глубоко научное объяснение.

— Спасибо,— сказал он.

Когда Коллиер уходил из дома, Энн, тепло укутанная, лежала в постели, кашляла и читала «Введение в химию».

— Дэйв!

Серьезная физиономия профессора Мида расплылась в улыбке. Он отложил в сторону пинцет, которым поправлял препарат под линзой микроскопа, и протянул руку. Джонни Миду, некогда лучшему нападающему во всей Америке, было двадцать семь, высокий, широкоплечий, вечно стриженный под ежик. Он сжал кисть Коллиера в мощном рукопожатии.

— Как дела, приятель? Вволю наобщался с бразильскими москитами?

— Более чем,— улыбнулся Коллиер.

— Прекрасно выглядишь, Дэйв. Подтянутый, загорелый. Должно быть, отлично смотришься на фоне наших задохликов из кампуса.

Они направились через обширную лабораторию в контору Мида, проходя мимо студентов, склонившихся над микроскопами или вперивших взоры в шкалы приборов приборов. Коллиера сейчас же охватило чувство возвращения, но радость тотчас пропала, когда до него дошла ирония ситуации: он испытал это чувство здесь, а не дома.

Мид закрыл дверь и указал Коллиеру на стул.

— Ладно, расскажи мне обо всем, Дэйв. Исследование в тропиках — дело нешуточное.

Коллиер откашлялся.

— Послушай, Джонни, если ты не против,— начал он,— мне бы хотелось сейчас поговорить о другом.

— Выкладывай, что там у тебя, дружище.

Коллиер колебался.

— Ты только пойми: то, что я скажу, должно остаться строго между нами, и скажу я это только потому, что ты мой лучший друг.

Мид подался вперед на своем стуле, юношеская живость сошла с лица, когда он понял, что его товарищ чем-то всерьез обеспокоен.

Коллиер все рассказал.

— Нет, Дэйв,— произнес Джонни, когда тот закончил.

— Послушай, Джонни,— продолжал Коллиер,— я понимаю, это звучит безумно. Но она с такой уверенностью настаивает, что ни в чем не виновата... честно говоря, я в полной растерянности. Либо она перенесла настолько сильное потрясение, что ее разум вытеснил воспоминания... про... про...

Он с хрустом сжал пальцы.

— Либо? — помог Джонни.

Коллиер глубоко вздохнул.

— Либо же она говорит правду.

— Но, Дейв...

— Знаю, знаю. Я уже был у нашего доктора. Клейнмана, ты его знаешь.

Джонни кивнул.

— Так вот, я был у него, и он сказал то же самое, то, чего ты не хочешь произносить. Что женщина не может забеременеть через пять месяцев после соития. Я это знаю, но...

— Но — что?

— Может быть, существует какой-то иной способ?

Джонни смотрел на него молча. Коллиер уронил голову на руки и закрыл глаза. Спустя миг он заговорил сам, с горестной насмешкой повторив собственные слова.

— «Существует какой-то иной способ». Что за нелепое предположение!

— Она утверждает, что не?..

Коллиер устало закивал.

— Да. Она... да...

— Не знаю,— сказал Джонни, проводя кончиком указательного пальца по нижней губе.— Может быть, у нее истерия. Может быть... Дэвид, может быть, она вовсе не беременна.

— Что?!

Коллиер вскинул голову и впился в Джонни глазами.

— Не дергайся, Дэйв. Не хочу тебя злить. Однако... э... разве Энн не мечтала все это время о ребенке? Думаю, она очень сильно его хотела. Э... вероятно, это покажется безумной теорией, но, полагаю, возможно, чтобы эмоциональное... опустошение во время полугодовой разлуки с тобой вызвало ложную беременность.

Дикая надежда зашевелилась в Коллиере, надежда иллюзорная — он осознавал это, но в отчаянии готов был схватиться и за нее.

— Мне кажется, вам стоит поговорить об этом еще раз,— сказал Джонни.— Постарайся выудить из нее больше информации. Попробуй даже то, что она предлагает: гипноз, сыворотку правды, что-то еще. Но... не сдавайся, дружище! Я знаю Энн. И я ей верю.

Он почти бежал по улицам, размышляя о том, какой малой толики надежды ему хватило, чтобы поверить, что сумеет отыскать правду. Но по крайней мере, теперь, слава богу, сумеет. Эмоции захлестывали, ему хотелось кричать: «Это правда, должно быть правдой!»

Когда он свернул на дорожку к дому, он остановился так внезапно, что едва не упал, изо рта вырвался крик.

Энн стояла на крыльце в ночной рубашке, ледяной январский ветер трепал тонкий шелк, облепивший ее тело. Она стояла на промерзших досках босиком, держась одной рукой за перила.

— О господи! — пробормотал Коллиер сдавленным голосом и помчался по дорожке, чтобы побыстрей обнять ее.

Он обхватил ее, она была вся синяя и холодная как лед, широко раскрытые глаза вгоняли в страх.

Он наполовину ввел, наполовину внес ее в теплую гостиную и усадил в широкое кресло у камина. Зубы у нее стучали, свистящее дыхание вырывалось изо рта толчками. Дэвид заметался по дому: пытаясь совладать с дрожью в руках, он доставал одеяло, втыкал в розетку вилку, подсовывал электрогрелку под

ее заледеневшие ноги, судорожно разводил огонь, чтобы заварить кофе.

Наконец он сделал все, что было в его силах, опустился рядом с Энн на колени и взял ее хрупкие руки. Слыша, как сотрясающий тело озноб отдается в ее дыхании, он ощутил, как все его внутренности переворачиваются от невыразимой тоски.

— Энн, Энн, что с тобой происходит? — едва не рыдал он.— Ты что, сошла с ума?

Она попыталась ответить, но не смогла. Энн съежилась под одеялами, глядя на него умоляющим взглядом.

— Тебе не обязательно отвечать, милая. Все хорошо.

— Я... я... я... д-должна была выйти,— выговорила она.

И больше ничего. Дэвид остался сидеть рядом, не сводя глаз с ее лица. И хотя ее била дрожь и сгибали мучительные приступы кашля, она, похоже, поняла, что муж верит ей: Энн улыбалась ему, а ее глаза светились счастьем.

К ужину у нее был сильный жар. Дэвид уложил Энн в постель, не предлагая никакой еды, но дав ей столько воды, сколько она хотела. Температура скакала — за считаные секунды горящая в лихорадке кожа делалась холодной и липкой.

Коллиер позвонил Клейнману около шести, и доктор приехал спустя пятнадцать минут. Он сразу же прошел в спальню осмотреть Энн. Лицо его посерьезнело, и он вызвал Коллиера в коридор.

— Придется отправить ее в больницу,— сказал он негромко.

Затем Клейнман спустился на первый этаж и вызвал карету скорой помощи. Коллиер вернулся к постели больной и стоял там, держа ее обессиленную руку, глядя на закрытые глаза, на пылающую кожу. «В больницу,— думал он,— о боже, в больницу».

После чего произошло нечто странное.

Клейнман вернулся и снова позвал Коллиера в коридор. Они стояли и разговаривали, пока снизу не раздался дверной звонок. Коллиер сбежал по лестнице, впустил молодого врача и двух санитаров, и те с носилками отправились наверх.

Клейнман стоял у постели больной, глядя на Энн в немом изумлении.

Коллиер подбежал к нему.

— Что случилось? — закричал он.

Потрясенный Клейнман медленно поднял голову.

— Она выздоровела.

— Что?

Приехавший врач быстро подошел к постели. Клейнман заговорил с ним и с Коллиером.

— Жар спал,— сказал доктор.— Температура, дыхание, пульс — все в норме. Она полностью излечилась от пневмонии за...

Он посмотрел на наручные часы.

— За семнадцать минут,— объявил он.

Коллиер сидел в приемной доктора Клейнмана, невидящим взглядом уставившись в журнал у себя на коленях. В кабинете Энн делали рентген.

Стало ясно определенно — Энн беременна. На рентгене был четко виден шестинедельный эмбрион*. И снова отношения были разрушены его подозрениями. Он по-прежнему заботился о ее здоровье, но опять не мог разговаривать с женой, не мог сказать, что верит ей. И хотя он ни разу не заговаривал о своих возродившихся сомнениях, Энн чувствовала это без слов. Она избегала его дома, одну половину времени проводя во сне, а другую — за нескончаемым чтением. Дэвид по-прежнему не мог этого понять. Она проштудировала все его книги по физике, затем все труды по социологии, антропологии, философии, семантике, истории и вот теперь принялась за географию. Логика в ее предпочтениях, как казалось, отсутствовала.

И весь этот период, пока фигура ее изменялась от песочных часов к груше, от груши к шару, а от шара к овалу, Энн поглощала неимоверное количество соли. Доктор Клейнман каждый раз предостерегал ее. Коллиер пытался остановить жену, но она не желала останавливаться. Похоже, она просто не могла обойтись без соли.

Из-за этого она слишком много пила. И ее вес дошел до точки, когда чрезмерно разросшийся плод начал давить на диафрагму, отчего стало трудно дышать.

Как раз вчера лицо у нее посинело, и Коллиер срочно повез ее к Клейнману. Доктор сделал что-то, облегчив ее страдания. Коллиер не знал, что именно. Потом Энн сделали рентген, и Клейнман велел привезти ее снова на следующий день.

Дверь открылась, и Клейнман пропустил Энн вперед.

---

* Сейчас это звучит дико, но в 1950-е для прослеживания беременности применяли рентген. *(Прим. ред.)*

— Присядь, моя дорогая,— сказал доктор.— Я хочу переговорить с Дэвидом.

Энн прошла, не взглянув на Коллиера, и опустилась на кожаную кушетку. Вставая, он заметил, что она потянулась за журналом. «Сайентифик Американ»*. Вздохнув и покачав головой, он прошел в кабинет Клейнмана.

Пока шагал к стулу, Коллиер думал — кажется, уже в сотый раз — о той ночи, когда она плакала и говорила, что вынуждена остаться, потому что ей просто некуда больше идти. Потому что у нее нет своих сбережений, а все ее родственники умерли. Она говорила, что если бы не знала, что ни в чем не виновата, то, скорее всего, убила бы себя из-за того, как он с ней обращается. Дэвид, будто каменный, все стоял возле постели и не находил в себе сил, чтобы спорить, утешать, вообще говорить хоть что-нибудь. Он просто стоял, а когда все это сделалось невыносимым, так же молча вышел из комнаты.

— Что там? — спросил он.

— Лучше сам посмотри,— угрюмо сказал Клейнман.

Поведение Клейнмана тоже сильно изменилось за последние месяцы, и его доброжелательное отношение заменила собой некая смесь из растерянности и раздражения.

Коллиер посмотрел на пластины с рентгеновскими снимками, взглянул на даты. Один снимок был вчерашний, другой Клейнман сделал только что.

— Я не...— начал Коллиер.

— Обрати внимание,— перебил его Клейнман,— на размер плода.

Коллиер сравнил снимки более тщательно. Сначала он не понял. А потом его глаза вмиг округлились.

— Разве такое возможно? — спросил он и ощутил, как нереальность происходящего обрушивается на него со всей своей сокрушительной силой.

— Однако это факт,— только и сказал Клейнман.

— Но... как?

Клейнман покачал головой, и Коллиер заметил, как левая рука доктора, лежавшая на столе, сжалась в кулак, словно он был зол на очередную загадку.

---

* «Scientific American» — американский научно-популярный журнал. *(Прим. ред.)*

— Я никогда не видел ничего подобного,— произнес Клейнман.— Полностью сформировавшийся скелет на седьмой неделе. На восьмой — отчетливые черты лица. Органы, полностью развитые и функционирующие, к концу восьмой недели. Безумная тяга матери к соли. И вот теперь это...

Он взял снимки и уставился на них едва ли не как на личных врагов.

— Как ребенок может уменьшиться в размерах?!

Коллиер ощутил укол страха, услышав смятение в голосе Клейнмана.

— Что ж, что ж.— Клейнман в раздражении помотал головой.— Плод вырос до ненормальных размеров из-за того, что мать пьет слишком много воды. До таких размеров, что начал опасно давить на диафрагму. И вот теперь, в один день, давление прекратилось, а размер ребенка значительно уменьшился.

Руки Клейнмана сжались в кулаки.

— Такое впечатление,— произнес он нервно,— будто ребенок знает, что происходит.

— Больше никакой соли!

Его голос поднялся до крика, когда он вырывал у нее из руки солонку и засовывал обратно в буфет. Потом Дэвид забрал у нее стакан с водой и вылил бо́льшую часть в раковину. И снова опустился на стул.

Она сидела с закрытыми глазами, тело дрожало. Он смотрел, как слезы медленно катятся по ее щекам. Дэвид закусил нижнюю губу. Затем она открыла глаза, большие испуганные глаза. Она справилась с рыданием и спешно вытерла щеки. Осталась сидеть спокойно.

— Извини,— пробормотала она, и почему-то у Коллиера создалось впечатление, что обращается она не к нему.

Одним глотком Энн выпила остаток воды.

— Ты опять слишком много пьешь,— проговорил он.— Ты же знаешь, что сказал доктор Клейнман.

— Я... стараюсь. Но ничего не могу поделать. Я не в силах не есть соль, а из-за нее меня мучает жажда.

— Тебе нельзя столько пить,— произнес он холодно.— Это опасно для ребенка.

Она с тревогой смотрела, как ее собственное тело вдруг начало содрогаться. Руки соскользнули со стола и обхватили живот. Выражение ее лица заставило Дэвида кинуться на помощь.

— Что такое? — быстро спросил он.

— Не знаю. Ребенок толкается.

Он подался назад, мышцы расслабились.

— Это вполне нормально,— сказал он.

Они немного посидели молча. Энн ковырялась в тарелке. Один раз он заметил, что она машинально потянулась к солонке и, когда пальцы не нашли ее, в тревоге подняла глаза.

— Дэвид,— сказала она спустя несколько минут.

Он проглотил то, что успел дожевать.

— Что?

— Почему ты остался со мной?

Он не мог ответить.

— Потому что ты поверил мне?

— Я не знаю, Энн. Не знаю.

Слабая надежда, отражавшаяся на лице, померкла, и она опустила голову.

— А я-то думала, что, может быть... Раз ты все-таки остался...

Снова слезы. Она сидела, даже не стараясь смахнуть их, и капли медленно катились по щекам, иногда затекая в рот.

— О, Энн,— сказал он наполовину раздраженно, наполовину виновато.

Дэвид встал, чтобы подойти к ней. В этот момент по ее телу прошла еще более сильная судорога и ее лицо побелело. Она снова перестала плакать и почти сердито вытерла щеки руками.

— Я ничего не могу поделать,— произнесла она медленно и громко.

Не ему. Коллиер был уверен, что она обращается не к нему.

— С кем ты разговариваешь? — не выдержал он.

Он стоял, глядя на жену сверху вниз. Она казалась такой беспомощной, такой испуганной. Ему хотелось привлечь ее к себе, утешить. Ему хотелось...

Все еще сидя на месте, она прижалась к его груди, а он гладил ее каштановые волосы.

— Бедная девочка,— приговаривал он.— Бедная моя девочка.

— О, Дэвид, Дэвид, если бы только ты мне верил. Я отдала бы все, что угодно, чтобы ты поверил мне, все. Это невыносимо — видеть, как ты холоден со мной. Особенно когда я знаю, что не сделала ничего дурного.

Он стоял молча, говорил его внутренний голос: «Вероятность существует. Существует».

Казалось, Энн прочла его мысли: она взглянула на него, и в ее глазах загорелась надежда.

— Все, что угодно, Дэвид, все.

— Ты меня слышишь, Энн?

— Да.

Энн лежала на кушетке в кабинете профессора Мида, закрыв глаза. Мид забрал из пальцев Коллиера шприц и положил на стол. Сам сел на край стола, наблюдая в угрюмом молчании.

— Кто я, Энн?

— Дэвид.

— Как ты себя чувствуешь, Энн?

— Тяжело. Мне тяжело.

— Почему?

— Этот ребенок такой тяжелый.

Коллиер облизнул губы. Почему он медлит, почему продолжает задавать пустые вопросы? Он ведь знал, что хочет спросить. Или он слишком испуган? А вдруг она, несмотря на все уверения, даст не тот ответ?

Он с силой сплел пальцы, а шея словно превратилась в монолитную колонну.

— Дэйв, не слишком долго,— предупредил Джонни.

Коллиер шумно втянул воздух.

— Это...— он с трудом проглотил комок в горле,— это мой ребенок, Энн?

Она колебалась. Брови нахмурились. Веки затрепетали, глаза на миг открылись и захлопнулись снова. Все тело содрогалось. Она, похоже, испугалась этого вопроса. Потом краска сбежала с лица.

— Нет,— произнесла Энн сквозь сжатые зубы.

Коллиер почувствовал, как натянулись все его жилы, как запульсировала кровь.

— Кто его отец? — спросил он, не сознавая, как громко и неестественно звучит голос.

После этого вопроса тело Энн неистово задергалось. В горле что-то защелкало, и голова безжизненно обмякла на подушке. Побелевшие от натуги кулаки разжались.

Мид подскочил и взял ее запястье. С напряженным лицом он отсчитал пульс. Удовлетворенный, он поднял ее правое веко и посмотрел на зрачок.

— Она окончательно отключилась. Говорил я, что сыворотку правды не стоит применять к женщине на позднем сроке беременности. Тебе надо было сделать это несколько месяцев назад. Клейнман не будет в восторге.

Коллиер сидел, не слыша ни слова, его лицо превратилось в маску безнадежного страдания.

— С ней все в порядке? — спросил он.

Но слов не получилось. Он ощущал, как что-то содрогается в груди. Он не понимал, что это такое, пока не стало слишком поздно. Тогда он провел трясущимися руками по щекам и уставился на мокрые пальцы. Рот раскрылся, закрылся снова. Он пытался удержать рыдания, но не мог.

На плечо легла рука Джонни.

— Все в порядке, дружище,— сказал он.

Коллиер крепко зажмурился, мечтая, чтобы его тело поглотила приливная волна темноты, плывущей перед глазами. Грудь вздымалась от прерывистых вдохов, и он никак не мог проглотить застрявший в горле комок. Голова тряслась мелкой дрожью. Моя жизнь кончена, думал он, я любил ее, верил ей, а она меня предала.

— Дэйв? — услышал он голос Джонни.

Коллиер застонал.

— Не хочу усугублять... Но... как мне кажется, еще остается надежда.

— Что?

— Энн не ответила на твой вопрос. Она не сказала, что отец... другой мужчина,— завершил он едва слышно.

Коллиер в сердцах вскочил на ноги.

— Замолчи, лучше замолчи!

Потом они отнесли ее в машину, и Коллиер повез Энн домой.

Он медленно снял пальто, шляпу и бросил на комод в прихожей. Потом прошаркал в гостиную и опустился на стул. С тяжким вздохом закинул ноги на оттоманку. Он сидел, сгорбившись, и смотрел в стену.

«Где она? — думал он.— Наверное, читает наверху, точно так же, как читала утром, когда он уходил. У ее кровати скопилась уже целая библиотека. Руссо, Локк, Гегель, Маркс, Декарт, Дарвин, Бергсон, Фрейд, Уайтхед, Джинс, Эддингтон, Эйнштейн,

Эмерсон, Дьюи, Конфуций, Платон, Аристотель, Спиноза, Кант, Шопенгауэр, Джеймс — бесконечная череда имен»*.

А как она читала! Со стороны казалось, что она просто сидит и быстро переворачивает страницы, почти не глядя на то, что там написано. Однако он знал, что она впитывает в себя все. Время от времени она роняла какую-нибудь фразу, высказывала идею. Она запоминала каждое слово.

Но зачем?

Однажды ему в голову пришла дикая мысль: Энн вычитывала в книгах что-то сверх того, что в них есть, пытаясь передать знание будущему ребенку. Но он сразу отмахнулся от нее. Энн была достаточно умна, чтобы понимать, что это невозможно.

Он сидел на стуле, медленно покачивая головой, что в последние месяцы вошло у него в привычку. Почему он до сих пор с ней? Он постоянно задавался этим вопросом. Месяцы как-то незаметно пролетали один за другим, а он все еще жил дома. Сотни раз он собирался уйти и каждый раз передумывал. Наконец он сдался и переехал в дальнюю спальню. И теперь они жили как хозяйка дома и съемщик.

Его начали подводить нервы. Он ловил себя на том, что периодически чересчур раздражителен. Например, направляясь куда-то, он мог ощутить вдруг волну удушливого гнева из-за того, что до сих пор не на месте. Его возмущал любой транспорт, ему хотелось, чтобы все происходило немедленно. Он ворчал на студентов, заслуживали они того или нет. Его занятия шли теперь настолько плохо, что его вызвал к себе доктор Пэден, глава геологического отделения. Пэден не был с ним слишком строг, потому что знал об Энн, однако Коллиер понимал, что долго так продолжаться не может.

Его взгляд прошелся по комнате. На ковре лежал толстый слой пыли. Он пылесосил, когда вспоминал об этом, но грязь накапливалась слишком быстро, чтобы он мог за ней поспевать. Весь дом приходил в упадок. Бельем тоже стал заниматься Дэ-

---

* Джон Локк (1632–1704) — английский философ; Анри Бергсон (1859–1941) — французский философ и психолог; Альфред Норт Уайтхед (1861–1947) — британский философ и математик; Джеймс Хопвуд Джинс (1877–1946) — английский физик и астроном; Артур Стэнли Эддингтон (1882–1944) — английский астроном; Ралф Уолдо Эмерсон (1803–1882) — американский философ и поэт; Джон Дьюи (1859–1952) — американский философ и психолог; Уильям Джеймс (1842–1910) — американский философ и психолог. *(Прим. ред.)*

вид. Стиральную машину в подвале не включали уже несколько месяцев. Он и знать не желал, как она работает, а Энн к ней больше даже не подходила. Он носил одежду в автоматическую прачечную в городе.

Когда он однажды заговорил о беспорядке в доме, Энн посмотрела на него с оскорбленным видом и принялась плакать. Теперь она плакала постоянно и всегда одинаково. Сначала казалось, что она будет рыдать добрый час. Затем, с поразительной внезапностью, она переставала и утирала слезы. У него иногда оставалось впечатление, что это каким-то образом связано с ребенком, что она перестает из страха как-нибудь повредить ему. Или же существовала иная вероятность, думал он, возможно, сам ребенок не хочет...

Он закрыл глаза, словно желая оборвать поток мыслей. Правая рука нервно выстукивала дробь по подлокотнику. Он нетерпеливо поднялся, обошел комнату, стирая носовым платком пыль со всех плоских поверхностей.

Дэвид постоял, неодобрительно глядя на гору грязной посуды в раковине, на оборванные занавески, на затоптанный линолеум. Захотелось взбежать по лестнице и заявить ей, беременна она там или нет, что либо она очнется от прострации и снова начнет вести себя так, как полагается жене, либо он уйдет.

Он зашагал через гостиную, но на полпути к лестнице засомневался и встал. Медленно вернулся к плите и зажег газ под кофейником. Кофе несвежий, но проще допить этот, чем возиться с новым.

Какой смысл говорить? Она пустится в объяснения, начнет уверять, будто бы находится под воздействием заклятия, а потом заплачет. Пройдет несколько секунд, у нее на лице появится тревожное выражение, и плач прекратится. Хотя сейчас она уже научилась останавливать рыдания на самой ранней стадии. Как будто знала, что поплакать все равно не получится, так что не стоит и начинать.

От этого становилось жутко.

Слово пришло само. Вот как все это выглядит — жутко. Воспаление легких. Уменьшение плода в размерах. Чтение запоем. Тяга к соли. Слезы и то, как она их подавляет.

Он поймал себя на том, что не отрываясь смотрит на белую стену над плитой. И осознал, что его бьет дрожь.

«Она не сказала, что отец другой мужчина».

Когда он вошел на кухню, Энн пила кофе. Он молча забрал чашку и выплеснул остатки в раковину.

— Тебе нельзя кофе.

Он посмотрел на кофейник. Утром он был почти полон.

— Это ты все выпила? — спросил он сердито.

Она опустила голову.

— Ради бога, только не плачь,— поморщился он.

— Я... я не буду,— пообещала Энн.

— Почему ты пьешь кофе, хотя знаешь, что тебе нельзя?

— Я не могу больше терпеть.

Он простонал сквозь стиснутые зубы и пошел к выходу из кухни.

— Дэвид, я не могу терпеть,— сказала она ему вслед,— воду мне нельзя. Я же должна пить хоть что-то. Дэвид, как ты можешь, как можешь!

Он поднялся наверх и пошел в душ. Он ни на чем не мог сосредоточиться. Положил мыло и тут же забыл куда. Начал бриться и на середине бросил, стерев пену с лица. Потом, когда расчесывался, заметил, что половина лица все еще покрыта щетиной, и, тихо чертыхаясь, снова принялся намыливать щеки.

Эта ночь была такой же, как все остальные, за одним исключением. Зайдя в спальню за чистой пижамой, он заметил, что Энн никак не может сфокусировать взгляд. А пока он лежал в другой комнате, проверяя контрольные работы, было слышно, как она хихикает. Потом он метался в постели несколько часов, пытаясь заснуть, и все это время слышал, как она над чем-то смеется. Ему хотелось захлопнуть дверь и оборвать звук, но он не смог. Приходилось держать дверь открытой на тот случай, если ночью ей потребуется помощь.

Наконец он заснул. Сколько проспал, он не понял. Казалось, прошли считаные секунды, как он уже снова лежал, таращась в темный потолок.

— И вот теперь, чужой и позабытый, заблудший путник я в ночи.

Сначала он решил, что это ему снится.

— Тьма и неизвестность, окутан вечной ночью, и жара, жара, жара.

Он резко сел на кровати, сердце колотилось.

Это был голос Энн.

Дэвид свесил ноги и нашарил тапочки. Быстро нацепил их и двинулся к двери, дрожа от холода — под тонкую пижаму за-

ползал ледяной воздух. Он вышел в коридор и снова услышал, как она говорит.

— Прощанье снится и прощенье, из бурных вод молю о свете, избавьте поскорей от пытки.

Все это произносилось нараспев, и голос был ее и в то же время не ее, более высокий, более натянутый.

Энн лежала на спине, прижав руки к животу. Живот содрогался. Дэвид смотрел, как плоть колышется волнами под тонкой тканью рубашки. Без одеяла она должна была закоченеть, однако, судя по всему, ей было тепло. Лампа у кровати все еще горела, а книга — «Наука и здравомыслие», Коржибский* — выпала из рук и лежала, полуоткрытая, на матрасе.

Но вот ее лицо... Капли пота блестели на нем сотнями крошечных бриллиантов. Она скалила зубы.

Глаза были широко раскрыты.

— Родич ночи, павший в эту бездну, о, избавь меня от страшного пути!

Он стоял и слушал, ощущая пугающее очарование. Но ее мучила боль. Это было явственно видно по побелевшей коже, по тому, как пальцы, словно когти хищника, цеплялись за ночную рубашку на боках, комкая пропитанную потом ткань.

— Я плачу, плачу,— говорила она.— Рьюио Гклеммо Фглуо!

Он дал ей легкую пощечину, и тело ее дернулось.

— Снова он, что причиняет боль!

Рот широко раскрылся в крике. Дэвид опять шлепнул ее по щеке, и взгляд сделался осмысленным. Она лежала, глядя на него в совершенном ужасе. Руки метнулись к щекам. Она будто вжалась в кровать. Зрачки округлившихся глаз превратились в точки.

— Нет,— сказала она.— Нет!

— Энн, это я, Дэвид! Что с тобой?

Она долго смотрела на него, ничего не понимая, грудь вздымалась от мучительных вдохов.

Затем Энн внезапно расслабилась и узнала его. Рот разжался, и вздох облегчения вырвался из горла.

Дэвид сел рядом и обхватил ее руками. Она прижалась и расплакалась, уткнув лицо ему в грудь.

— Все хорошо, милая, поплачь, поплачь.

---

* Альфред Коржибский (1879—1950) — американский философ польского происхождения. *(Прим. ред.)*

И снова. Рыдания вдруг утихли, глаза внезапно высохли, она отстранилась, взгляд стал пустым.

— Что такое? — спросил он.

Нет ответа. Она только смотрела на него.

— Детка, в чем дело? Почему ты не можешь плакать?

Что-то пробежало по ее лицу, но сразу исчезло.

— Детка, тебе надо выплакаться.

— Я не хочу плакать.

— Почему?

— Он мне не позволит,— невнятно проговорила она.

Внезапно они оба замолчали, посмотрев друг на друга, и в этот самый момент он понял, что ответ очень близок.

— Он? — спросил Коллиер.

— Нет,— ответила она вдруг,— я не это имела в виду. Не это. Не имела в виду его, я имела в виду что-то другое.

И они еще долго сидели так, не отводя глаз. И больше уже не говорили. Он заставил ее лечь и накрыл одеялом. Принес одеяло себе и остаток ночи провел в кресле около бюро. Проснувшись утром, замерзший и с затекшими мышцами, Дэвид увидел, что она снова сбросила с себя одеяло.

Клейнман сказал ему, что Энн приспособилась к холоду. Создавалось впечатление, что в организме появилась какая-то новая система, согревающая при необходимости тело.

— И еще соль, которую она поглощает.— Клейнман развел руками.— Все это не поддается осмыслению. Можно подумать, что ребенок только благодаря этой солевой диете и развивается. Однако она больше не набирает лишний вес. Не пьет много воды. Что же она делает, чтобы спастись от жажды?

— Ничего,— ответил Коллиер.— Она все время хочет пить.

— А это ее чтение, она так и продолжает?

— Да.

— И разговаривает во сне?

— Да.

Клейнман покачал головой.

— Никогда в жизни,— произнес он,— я не наблюдал подобной беременности.

Она покончила с последней стопкой книг, которые вырастали одна за другой. И вернула все книги обратно в библиотеку.

Начался новый этап развития.

Она была уже на седьмом месяце, стоял май. Коллиер вдруг заметил, что в машине пора менять масло, что покрышки до странности быстро облысели, а на левом крыле вмятина.

— Ты ездила на машине? — спросил он ее как-то утром в субботу.

Они были в гостиной, в проигрывателе стояла пластинка Брамса.

— Почему это?

Он сказал ей.

— Если ты и сам уже знаешь,— раздраженно ответила она,— зачем спрашивать?

— Так да или нет?

— Да. Я ездила на машине. А надо спрашивать разрешение?

— Не надо язвить.

— Ах вот как,— разозлилась она.— Мне не надо язвить. Я на седьмом месяце, и за все это время ты так и не поверил, что этот ребенок не от другого. И наплевать, как часто я говорила тебе, что не виновата, ты так ни разу и не сказал: «Да, я тебе верю». А теперь я, оказывается, язвлю. Дорогой Дэвид, да ты просто голову потерял от страха, ты же боишься.

Она подошла к проигрывателю и выключила.

— Вообще-то я слушал.

— Не могу выносить эту музыку.

— С каких пор?

— Ах, оставь меня в покое.

Она хотела развернуться, но он схватил ее за руку.

— Послушай,— сказал он,— может быть, ты думаешь, что все это время жизнь казалась мне раем. Я вернулся домой после шестимесячной командировки и обнаружил, что ты беременна. Не от меня! И мне все равно, что ты там говоришь; я не отец и не знаю другого способа, каким женщина может забеременеть. Однако же я не ушел. Я наблюдал, как ты превращаешься в машину по перелистыванию книг. Мне приходилось заниматься уборкой, стиркой, готовкой и при этом читать лекции. И еще — ухаживать за тобой, будто ты малое дитя, следить, как бы ты не сбросила одеяло, не переела соли, не выпила слишком много воды, кофе, не закурила...

— Курить я бросила сама.

— А с чего это, кстати? — бросил он вдруг.

Она непонимающе заморгала.

— Давай,— подзуживал он,— скажи. Потому что это не нравилось *ему*.

— Я бросила сама,— повторила она.— Я больше не выношу табака.

— А теперь тебе не нравится музыка.

— От нее... у меня болит живот,— пробубнила она.

— Чушь,— выплюнул Дэвид.

И прежде чем он успел ее остановить, она вышла из дома в ослепительный солнечный свет. Дэвид подошел к двери и увидел, как жена неловко садится за руль. Он принялся звать ее, но Энн уже завела мотор и ничего не слышала. Он наблюдал, как машина исчезла в квартале, делая на второй передаче восемьдесят километров в час.

— И сколько уже ее нет? — спросил Джонни.

Коллиер нервно посмотрел на часы.

— Точно не знаю. Примерно с половины десятого. Вроде бы. Мы, как я уже сказал, поссорились и...

Он в смущении замолчал и снова посмотрел на часы. Было уже за полночь.

— И как давно она совершает такие поездки?

— Не знаю, Джонни. Я же говорю, что обнаружил это только что.

— А ее вес?..— начал Джонни.

— Нет, ребенок больше не увеличивается.— Коллиер говорил отстраненно, обыденным тоном. Он провел по волосам трясущейся рукой.— Тебе не кажется, что стоит позвонить в полицию?

— Подождем еще немного.

— А что, если она попала в аварию? Она не лучший водитель в мире. Господи, почему я ее отпустил? На седьмом месяце, а я позволил ей уехать. Боже, я должен был...

Он почувствовал, что вот-вот сорвется. Натянутая атмосфера в доме, странная, приносящая бесконечные потрясения беременность — все это начинало сказываться на нем. Человек не может жить в таком напряжении семь месяцев и не ощущать его. Уже нельзя было сдерживать дрожь в руках. Развилась привычка непрерывно моргать, чтобы куда-то выплеснуть хоть часть гнева.

Он пробежался по ковру до камина и застыл там, нервно барабаня ногтями по полке.

— Думаю, пора звонить в полицию.

— Не напрягайся так,— сказал Джонни.

— Что еще посоветуешь? — резко спросил Коллиер.

— Сядь. Садись. Вот так. А теперь расслабься. С ней все в порядке, поверь мне. Я не беспокоюсь за Энн. Может, она проколола шину или мотор отказал на полпути. Сколько раз ты жаловался, что пора сменить аккумулятор? Может, он разрядился, вот и все.

— Но... разве полиция не найдет ее гораздо быстрее нас?

— Хорошо, дружище, если тебе от этого станет легче, я позвоню.

Коллиер кивнул, а через несколько мгновений вздрогнул, услышав с улицы шум машины. Он кинулся к окну и отдернул занавески. Закусил губу и отвернулся. Он шел обратно к камину, пока Джонни направлялся к телефону в прихожей. Он слушал, как Джонни набирает номер, и снова вздрогнул, когда тот вдруг бросил трубку на рычаг.

— Она вернулась,— сказал Джонни.

Они впустили ее в гостиную. Энн казалась смущенной, и что-то с ней было не так. Не отвечая на торопливые вопросы Коллиера, она сразу направилась на кухню, словно никого вокруг и не было.

— Кофе,— произнесла она утробным голосом.

Коллиер хотел было ее удержать, но ощутил на плече руку Джонни.

— Оставь ее,— сказал Джонни.— Пора уже докопаться до сути.

Она остановилась перед плитой и зажгла огонь под кофейником. Механическими движениями кинула в него несколько ложек кофе, захлопнула крышку и застыла, смотря на кофейник изучающим взглядом.

Коллиер попытался что-то сказать, но его снова остановил Джонни. Еле сдерживаясь, Коллиер стоял в дверях кухни и наблюдал за женой.

Когда коричневая жидкость начала подниматься куполом, Энн сняла кофейник с огня. Без помощи прихватки. Коллиер задержал дыхание и скрипнул зубами.

Кофе залил стенки немытой чашки. Энн с грохотом поставила кофейник и жадно приникла к дымящемуся напитку.

Она прикончила целый кофейник за десять минут.

Она пила кофе без сахара или сливок, как будто ей было наплевать на вкус. Как будто она вообще не ощущала вкуса.

И только когда она допила все, мышцы лица немного расслабились. Энн откинулась на спинку стула и долго сидела так. Они молча наблюдали.

Потом она посмотрела на них и засмеялась.

Энн рывком встала и тут же снова упала на стул. Коллиер услышал, как Джонни вдруг с шумом втянул воздух.

— Господи,— сказал он,— да она пьяна!

Она оказалась тяжелым и громоздким грузом, и они с трудом подняли ее по лестнице, в особенности из-за того, что она никак им не помогала. Энн все время мурлыкала что-то под нос, странную, лишенную мелодии последовательность, которая развивалась какими-то неопределенными интервалами, повторяясь снова и снова, будто вой ветра. На лице ее застыла блаженная улыбка.

— Хороша мамаша,— проворчал Коллиер.

— Терпение, терпение,— шепотом ответил Джонни.

— Тебе-то легко говорить...

— Тсс,— прервал его Джонни, но Энн все равно не слышала ни слова из их разговора.

Она перестала напевать, как только они положили ее на постель, и погрузилась в глубокий сон, не успели они распрямиться. Коллиер накинул на нее тонкое одеяло и подложил под голову подушку. Она не шевельнулась, когда он приподымал ей голову.

Они вдвоем молча стояли у постели. Дэвид смотрел на жену, которую больше не понимал. Его мозг раздирали противоречивые, приносящие боль мысли, и сквозь них проступало кошмарное пятно все еще не умершего сомнения. Кто же отец? Пусть он не смог уйти от нее, пусть продолжал любить из сострадания, все равно им не вернуть прежнюю близость, пока он не узнает.

— Интересно, куда она уезжает? — подумал вслух Джонни.

— Понятия не имею,— раздраженно ответил Коллиер.

— Она, должно быть, ездит очень далеко, если покрышки так износились. Интересно...

И тут началось снова.

— Не отсылай меня,— сказала она.

Джонни схватил Коллиера за руку.

— Это оно? — спросил он.

— Пока не знаю.

— Тьма, тьма, пусти меня на волю, какой кошмар царит на этих берегах, как тяжко, тяжко.

Коллиера передернуло.

— Это оно,— подтвердил он.

Джонни спешно опустился на колени перед кроватью и принялся слушать.

— Вдохнуть мне дайте, молю своих отцов спасти меня из океана боли, прошу, избавь меня от этого пути.

Джонни пристально вглядывался в напряженное лицо Энн. Ее, казалось, снова терзала боль. И еще это было не ее лицо, вдруг понял Коллиер. Выражение лица было не ее.

Энн сбросила одеяло и затряслась, ручьи пота заливали лицо.

— Гулять по берегу оранжевого моря, в прохладе, бродить по ярко-розовым полям, в прохладе, по молчаливым водам плыть, в прохладе, скакать по пустошам, в прохладе, верни меня, отец моих отцов, Рьюио Гклеммо Фглуо!

Потом она замолкла, если не считать тоненьких стонов. Пальцы впивались в простыню, а дыхание было тяжелым и неровным.

Джонни выпрямился и посмотрел на Коллиера. Оба не произнесли ни слова.

Они сидели втроем вместе с Клейнманом.

— То, что ты говоришь, совершенная фантастика,— не верил доктор.

— Послушай,— сказал Джонни.— Давай рассмотрим факты. Первое: неудержимая тяга к соли, какой при нормальной беременности не бывает. Второе: холод и то, как тело Энн адаптировалось к нему, то, как она за считаные минуты излечилась от воспаления легких.

Коллиер сидел, молча глядя на друга.

— Так вот,— говорил тот,— сначала соль. Энн приходилось пить много воды. Она набрала вес, который стал угрожать ребенку. И что же произошло? Ей больше не позволено пить воду.

— Не позволено? — переспросил Коллиер.

— Дай мне закончить. Что касается холода, впечатление такое, что это ребенку требовалась прохлада, и он вынуждал Энн терпеть холод, пока не понял, что, добиваясь таким образом удобства для себя, ставит под угрозу сам сосуд, в котором обитает. И вот он исцелил этот сосуд от пневмонии. И приспособил его к холоду.

— Ты говоришь так, словно...— начал Клейнман.

— Воздействие сигарет,— не прерывался Джонни.— Как ни крамольно это прозвучит, доктор, но Энн могла бы курить понемногу, не подвергая особой опасности себя или ребенка. Возможно, конечно, что она сама решила бросить курить из-за беременности. И все-таки скорее это ребенок негативно реагировал на никотин и, в некотором смысле, запретил ей...

— Ты говоришь о ребенке так,— раздраженно перебил Клейнман,— словно он указывает матери, как ей себя вести, а не является беспомощным, полностью от нее зависящим существом.

— Беспомощным? — только переспросил Джонни.

Клейнман не стал спорить. Он сжал рот, раздраженно признавая правоту товарища, и нервно постучал пальцами по столу. Джонни подождал секунду, убедившись, что Клейнман сказал все, и продолжил:

— Третье: отвращение к музыке, которую она когда-то любила. Почему? Из-за самой музыки? Не думаю. Из-за вызываемых ею вибраций. Вибраций, которых нормальный ребенок даже не заметил бы, поскольку от звука его защищают не только околоплодные воды, стенки матки, живота, но и само устройство его слухового аппарата. Очевидно, этот... ребенок... обладает гораздо более чувствительным слухом. Далее: кофе. Еще он заставил ее напиться. Точнее, заставил ее напоить себя.

— Погоди...— встрял Коллиер, но осекся.

— И есть еще ее страсть к чтению. Что тоже укладывается в схему. Все эти книги являются более или менее основными трудами по всем существующим на Земле наукам, представляют собой результаты исследований человечества, свод основных концепций.

— К чему ты клонишь? — встревожился Коллиер.

— Подумай, Дэвид! Обо всем перечисленном. Чтение, поездки на машине. Как будто бы она пытается получить всю возможную информацию о нашей цивилизации. Как если бы ребенок был...

— Ты же не пытаешься сказать, что ребенок...— начал Клейнман.

— Ребенок? — угрюмо переспросил Джонни.— Полагаю, мы уже можем не называть его этим словом. Вероятно, телом это ребенок. Но по разуму — нет.

В воздухе повисло гробовое молчание. Сердце Коллиера билось в каком-то странном ритме.

— Послушай,— сказал Джонни.— Вчера вечером Энн... или же это существо... они напились. С чего ему было напиваться? Может быть, из-за того, что он узнал, из-за того, что он увидел. Надеюсь, что так. Может быть, ему было плохо, и он хотел забыться.

Джонни подался вперед.

— Эти видения, которые пересказывает Энн, мне кажется, они описывают его историю, какой бы фантастичной она ни казалась. Пустоши, болота, красные поля. Прибавьте сюда холод. Лишь одного не было упомянуто, возможно, потому что этого просто не существует.

— Чего? — Коллиер ощущал, как чувство реальности покидает его.

— Каналов,— сказал Джонни.— У Энн в утробе марсианин.

Некоторое время они недоверчиво смотрели на Джонни, не произнося ни слова. После чего запротестовали оба разом, но в голосах их звучал ужас. Джонни дождался, пока схлынет первая волна реакции на его слова.

— Есть версии получше? — спросил он.

— Но... как? — горячился Клейнман.— Как же она могла забеременеть... марсианином?

— Не знаю. Хотя почему? Кажется, знаю.

Коллиер боялся даже спрашивать. Джонни продолжил сам:

— Долгие годы не было конца и края разговорам о марсианах, о летающих тарелках. Романы, рассказы, кино, статьи — и все про одно и то же.

— Я не...— начал Коллиер.

— Похоже, что вторжение наконец-то началось. Во всяком случае, его попытка. Полагаю, это их первая попытка, хитроумная и жестокая попытка — вторжение в живую плоть. Поместить взрослую клетку с их планеты в тело женщины с Земли. Затем, когда этот полностью сформировавшийся марсианский разум воплотится в виде земного ребенка, начнется процесс завоевания. Полагаю, это их эксперимент, проба. Если у них получится...

Он не стал заканчивать фразу.

— Но... но это же безумие! — воскликнул Коллиер, пытаясь справиться с охватившими его страхами.

— Отсюда запойное чтение. Отсюда поездки на машине. Отсюда страсть к кофе, ненависть к музыке, чудесное исцеление от пневмонии, прогулки на холоде, изменение размеров

плода, видения и эта безумная песенка, какую мы слышали вчера. Чего еще ты хочешь, Дэйв... чтобы я чертеж начертил?

Клейнман встал и подошел к своим шкафам. Он залез в один из ящиков и вернулся к столу с папкой в руке.

— Это лежит у меня уже три недели. Я не стал тебе говорить. Не знал как. Однако после такой информации... на основе такой теории,— быстро исправился он,— я вынужден...

Он выложил на стол перед ними рентгеновский снимок.

Они посмотрели, и Коллиер охнул. В голосе Джонни угадывался благоговейный ужас.

— Два сердца,— проговорил он.

Его рука сжалась в кулак.

— Это все доказывает! Гравитация на Марсе по силе равна двум пятым от гравитации Земли. Им необходимо двойное сердце, чтобы качать кровь, или что там у них есть, по венам.

— Но... здесь ему это не потребуется,— заметил Клейнман.

— В таком случае еще остается надежда,— сказал Джонни.— Вторжение не продумано до конца. Марсианские клетки обязательно, генетически неизбежно заставят проявить в ребенке инопланетные черты: двойное сердце, гипертрофированный слух, необходимость в соли... не знаю, что еще... любовь к холоду. Со временем, если их эксперимент пойдет удачно, они смогут искоренить подобные промахи, сумеют создать ребенка, в котором марсианским будет только разум, а все физические характеристики — полностью земными. Я, конечно, не уверен, но подозреваю, что марсиане владеют еще и телепатией. Иначе откуда бы он узнал, что ему угрожает опасность, когда Энн заболела воспалением легких?

Вся сцена вдруг снова встала перед глазами Коллиера: он стоит у постели и думает: «В больницу, о боже, в больницу!», а под плотью Энн крошечный чужеродный разум, уже прекрасно освоивший язык землян, улавливает его мысль. Больница, анализы, исследования... Коллиер конвульсивно дернулся.

— ...нам делать? — услышал он конец вопроса Клейнмана.— Убить... марсианина, когда он родится?

— Не знаю,— сказал Джонни.— Но если этот...— он пожал плечами,— этот ребенок родится живым и нормальным, сомневаюсь, что убийство поможет. Уверен, они за ним наблюдают. Если он родится нормальным, они решат, что эксперимент удался, убьем мы его или нет.

— Кесарево? — предположил Клейнман.

— Может быть,— кивнул Джонни.— Хотя... уверятся ли они, что эксперимент провалился, узнав, что мы искусственным образом уничтожили... первого лазутчика? Нет, мне кажется, это не особенно удачная мысль. Они попытаются снова, на этот раз в каком-нибудь таком месте, где никто ничего не проверит, в какой-нибудь африканской деревне, каком-нибудь захолустном городке, в...

— Мы не можем оставить этого... эту тварь в ней! — цепенея, произнес Коллиер.

— А откуда нам знать, что мы сумеем удалить его,— угрюмо отозвался Джонни,— не убив при этом Энн?

— Что? — переспросил Коллиер, чувствуя, что от ужаса превратился в безмозглого идиота.

Джонни прерывисто вздохнул.

— Думаю, надо ждать,— сказал он.— Вряд ли тут есть другой выход.

Затем, увидев застывшее на лице Коллиера выражение, быстро прибавил:

— Все не так безнадежно, дружище. У нас есть кое-какие козыри. Двойное сердце, которое будет перекачивать кровь слишком быстро. Сложности, неизбежные при попытке соединить разнородные клетки. В июле будет очень жарко, а жара, не исключено, способна убить марсианина. В конце концов, лишим его доступа к соли. Все это может помочь. Но самое главное — марсианин здесь несчастен. Он напился, чтобы забыть... как он там говорил? «О, избавь меня от этого пути».

Джонни мрачно посмотрел на них.

— Понадеемся, что он умрет от отчаяния,— сказал он.

— Или? — спросил Коллиер голосом, лишенным эмоций.

— Или... смешение рас благополучно состоится.

Коллиер взлетел по лестнице, сердце тяжко колотилось странными двойными ударами. Радость от того, что она действительно ни в чем не виновата, тут же пропала после осознания грозящей ей опасности.

На верхней площадке лестницы он остановился. В доме было тихо и очень жарко.

Они были правы, вдруг понял он, правы, когда советовали не рассказывать ей. Он понял это только что, сначала ему казалось, что Энн должна знать. Она захочет быть в курсе, размыш-

лял Дэвид, точно так же, как захочет узнать, что он снова ей верит.

Но сейчас он сомневался. Все это было так жутко, что его всего трясло. Может быть, ощущение этого ужаса и было причиной ее истерик, последние три месяца она балансировала на грани нервного срыва.

Он крепко сжал губы и вошел в спальню.

Энн лежала на спине, руки безвольно покоились на боках раздувшегося живота, безжизненный взгляд упирался в потолок. Дэвид присел рядом, на край постели. Она никак не отреагировала.

— Энн.

Ответа не последовало. Он понял, что его колотит дрожь. «Я не могу тебя винить,— подумал он,— я вел себя грубо и бездумно».

— Милая моя,— сказал он.

Ее глаза медленно обратились на него, взгляд холодный и чужой. Это то существо в ней, думал Коллиер, она не сознает, как оно ею управляет. Должно быть, никогда не сознавала. Зато он сознавал это теперь отчетливо.

Дэвид подался к ней и прижался щекой к щеке.

— Дорогая.

— Что? — прозвучал тусклый, усталый голос.

— Ты меня слышишь?

Она не ответила.

— Энн, что касается ребенка.

В ее глазах появился слабый огонек жизни.

— А что касается ребенка?

Он проглотил комок в горле.

— Я... я знаю, что... что это не ребенок... от другого мужчины.

Мгновение Энн смотрела на него.

— Браво,— сказала она и отвернулась.

Он сидел рядом, сжав кулаки, думая: вот, вот оно, я окончательно убил ее любовь.

Но потом она снова повернула к нему голову. В глазах читалось что-то, трепетный вопрос.

— Как? — спросила она.

— Я верю тебе. Я знаю, что ты говорила правду. И от всего сердца прошу у тебя прощения... если ты захочешь меня простить.

Долгий миг, казалось, ничего не происходило. Потом она сняла руки с живота и прижала к щекам. Широко раскрытые карие глаза заблестели.

— Ты меня... не разыгрываешь?

На мгновение он застыл в нерешительности, а потом бросился к ней.

— О, Энн, Энн. Я так виноват. Так виноват перед тобой, Энн.

Она обхватила его шею и так и держала. Дэвид чувствовал, как ее грудь сотрясается от подавленных рыданий. Правой рукой он гладил жену по волосам.

— Дэвид, Дэвид...— повторяла она снова и снова.

Они долго сидели так, молчаливые и умиротворенные. Потом она спросила:

— Но почему ты передумал?

У него дернулось горло.

— Просто передумал.

— Но почему?

— Без всякой причины, милая. То есть, конечно, причина была. Я просто понял...

— Ты же сомневался во мне семь месяцев, Дэвид. Почему теперь ты вдруг передумал?

Он ощутил, как внутри нарастает гнев. Неужели он не может сказать ничего, что обрадовало бы ее?!

— Мне кажется, я должен доверять тебе,— сказал он.

— Почему?

Он выпрямился и посмотрел на нее, ничего не отвечая. Выражение безмятежного счастья сошло с ее лица. Теперь оно было напряженным и непреклонным.

— Почему, Дэвид?

— Я же сказал тебе, милая...

— Ты мне ничего не сказал.

— Нет, сказал. Я понял, что должен доверять тебе.

— Это не причина.

— Энн, давай не будем спорить сейчас. Неужели это так важно...

— Да, это очень важно! — Голос ее сорвался.— А как же твои биологические законы? «Ни одна женщина не может забеременеть, не будучи оплодотворенной мужчиной». Ты постоянно твердил об этом. Как насчет этого? Неужели ты утратил веру в биологию и начал верить в меня?

— Нет, дорогая. Просто теперь я знаю то, чего не знал раньше.

— И что же?

— Я не могу тебе сказать.

— Опять тайны! Это что, Клейнман тебе посоветовал, только чтобы не волновать меня на последнем месяце? Не лги мне, я знаю, когда ты мне лжешь.

— Энн, не волнуйся так.

— Я не волнуюсь!

— Ты же кричишь. Перестань.

— Не перестану! Ты мучаешь меня больше полугода, а теперь хочешь, чтобы я сохраняла спокойствие и холодный рассудок! Так вот, я не стану! Меня тошнит от тебя и твоего высокомерия! Меня тошнит от... А-а-а!

Она дернулась на кровати, голова заметалась по подушке, на мгновение Энн стала абсолютно белой. Глаза, устремленные на него, были глазами обиженного ребенка, ничего не понимающего и потрясенного.

— Мой живот! — стонала она.

— Энн!

Она теперь наполовину сидела, тело дрожало, ужасные, отчаянные стоны вырывались из горла. Он держал ее за плечи, стараясь успокоить. «Марсианин! — пронзила его мысль.— Ему не нравится, когда Энн злится!»

— Все в порядке, детка, все...

— Он делает мне больно! — плакала она.— Эта боль из-за него, Дэвид! О боже!

— Он не причинит тебе вреда,— услышал он собственный голос.

— Нет, нет, нет, я не вынесу,— говорила она сквозь стиснутые зубы.— Не вынесу.

Затем, так же внезапно, как начался, приступ прошел, и ее лицо совершенно прояснилось. Но не потому, что она по-настоящему расслабилась, просто лицо лишилось всякого выражения. Энн с недоумением смотрела на мужа.

— Я ничего не чувствую,— сказала она тихо.— Я... ничего... не...

Она медленно опустилась на подушку и полежала секунду. Потом сонно улыбнулась Коллиеру.

— Спокойной ночи, Дэвид.

И закрыла глаза.

Клейнман стоял рядом с кроватью.

— Она в самой настоящей коме,— произнес он негромко.— Или, я бы сказал, в гипнотическом трансе. Все органы работают нормально, но ее разум... заморожен.

Джонни посмотрел на него.

— Временное прекращение жизненных функций?

— Нет. Она просто спит. Но я не могу ее разбудить.

Они спустились в гостиную.

— В некотором смысле,— сказал Клейнман,— так даже лучше. Теперь она перестанет переживать. Ее тело будет функционировать безболезненно, без усилий.

— Должно быть, это сделал марсианин,— рассудил Джонни,— чтобы обезопасить свое... жилище.

Коллиер содрогнулся.

— Прости, Дэйв.

Они минуту помолчали.

— Видимо, он понимает, что мы знаем о нем,— сказал Джонни.

— Почему? — спросил Коллиер.

— Он не стал бы проявлять себя с такой очевидностью, если бы еще была возможность сохранить все в тайне.

— Может быть, он не переносит боли,— предположил Клейнман.

Джонни кивнул.

— Да, может быть.

Коллиер сидел, ощущая, как сильно колотится сердце. Неожиданно он ударил кулаками по коленям.

— Но надо же что-то делать! Неужели мы беспомощны перед этим... захватчиком?

— Мы не можем рисковать жизнью Энн,— коротко заключил Джонни, и Клейнман тотчас же согласно кивнул.

Коллиер обмяк на стуле. Он сидел, глядя на куклу на каминной полке. «Кони-Айленд» — было написано на платье куклы, а на поясе: «Счастливые денечки».

— Рьюио Гклеммо Фглуо!

Энн металась на больничной койке, рожая в бессознательном состоянии. Окаменевший Коллиер стоял рядом, глаза были прикованы к ее залитому потом лицу. Ему хотелось бежать за Клейнманом, но он знал, что этого делать не стоит. Она находилась в таком состоянии уже двадцать часов, двадцать часов

судорог и агонии со стиснутыми зубами. Когда это началось, он отменил все свои лекции, чтобы быть рядом.

Он протянул к ней дрожащие пальцы и взялся за мокрую от пота руку. Ее пальцы сжимали его ладонь все сильнее, пока ему не стало больно. И, онемев от ужаса, Коллиер увидел, как в ее чертах проступает лицо зародившегося на Земле марсианина: узкие глаза, тонкие, провалённые внутрь губы, белая кожа, туго натянутая на череп.

— Боль! Боль! Спаси меня, отец моих отцов, не отправляй меня!..

В горле у нее что-то щелкнуло, и наступила тишина. Лицо ее неожиданно расслабилось, тело сотрясала слабая дрожь. Он начал отирать ей лицо полотенцем.

— Во дворе, Дэвид,— забормотала она, все еще не приходя в сознание.

Он резко наклонился к ней, сердце подскочило.

— Во дворе, Дэвид,— повторила она.— Я услышала странный звук и вышла. На небе были яркие звезды и луна. Весь двор заливал белый свет. Я кинулась обратно в дом, но что-то меня ударило. Пронзило, как иглой, спину и живот. Я закричала, но потом перед глазами почернело, и больше ничего не помню. Ничего. Я пыталась рассказать тебе, Дэвид, но не могла вспомнить, не могла вспомнить, не могла...

Больница. По коридору мечется отец, глаза дикие, вид затравленный. В коридоре жарко и тихо, раннее августовское утро. Он без устали мечется взад-вперед, руки сжаты в побелевшие кулаки.

Дверь открывается. Выходит врач, отец тут же подбегает к нему. Врач снимает с лица марлевую повязку. Смотрит на мужчину.

— С твоей женой все в порядке,— говорит доктор.

Отец хватает его за руку.

— А ребенок? — спрашивает он.

— Ребенок мертв.

— Слава богу! — выдыхает отец.

Не в силах отделаться от мысли, что где-нибудь в Африке, в Азии...

Женитьба

Потом он сказал ей, что они не могут пожениться в четверг, потому что в этот день Дьявол женился на собственной мамаше.

Они были на коктейльной вечеринке, и она решила, что неправильно расслышала: в комнате было шумно, а она была немного выше ростом.

— Что ты сказал, дорогой? — переспросила она, наклоняясь.

Он повторил, самым серьезным и искренним тоном. Она выпрямилась и улыбнулась.

— Милый, ты шутишь,— сказала она, делая изрядный глоток «манхэттена».

Позже, когда они ехали домой, она снова заговорила о дате свадьбы.

Он сказал, что дату нужно изменить, любой день подходит, кроме четверга.

— Я тебя не понимаю, дорогой.— Она положила голову на его покатое плечо.

— Любой день подходит, кроме четверга,— повторил он.

Она подняла голову, веселость покинула ее.

— Ну ладно, милый. Пошутил, и хватит.

— А кто шутит? — поинтересовался он.

Она внимательно посмотрела на него.

— Дорогой, ты с ума сошел?

— Нет.

— Но... ты хочешь перенести день свадьбы, потому что...— Она не могла поверить. Потом разразилась смехом и ущипнула его за руку.— Ну ты и шутник, Фрэнк. На минуту я даже купилась.

© Перевод Е. Королевой.

Его маленькие губы изогнулись раздраженной дугой.

— Дорогая моя, я не женюсь на тебе в четверг.

Она разинула рот. Заморгала.

— Господи, так ты серьезно.

— Совершенно серьезно,— подтвердил он.

— Да, но...— Она закусила нижнюю губу.— Ты просто сошел с ума... Мы же...

— Послушай, ну какая разница? Почему нельзя перенести на другой день?

— Но ты ведь ничего не сказал, когда мы выбирали день,— заспорила она.

— Я не сообразил тогда, что это будет четверг.

Она старалась понять. Она подумала, что у него могут быть скрытые мотивы. Заскок. Застарелый бзик. Что-то важное.

— Но мы же уже назначили дату,— слабо возразила она.

— Я прошу прощения.— Он был непоколебим.— Но четверг не годится.

Она смотрела на него с тревогой.

— Давай во всем разберемся, Фрэнк. Ты не хочешь жениться на мне в этот четверг?

— Вообще ни в какой четверг.

— Ладно, я лишь пытаюсь понять, милый. Но чтоб мне лопнуть, если я что-то понимаю!

Он промолчал.

Она повысила голос.

— Ты ведешь себя как ребенок!

— Нет, ничего подобного!

Она отвернулась, уставившись в окно.

— А какое твое объяснение? — Она понизила голос, подстраиваясь под его тон.— Я не женюсь в четверг, потому что... потому что в четверг Дьявол женился на своей бабушке или на ком там еще.

— Своей матери,— поправил он.

Она бросила на него раздраженный взгляд и сжала руки в кулаки.

— Выбери другой день, и забудем об этом,— предложил он.

— Ну конечно. Конечно. Забудем. Забыть о том, что мой жених боится разозлить Дьявола тем, что женится на мне в четверг. Как такое не забыть!

— Здесь не о чем беспокоиться, дорогая.

— О! — застонала она.— Ты просто... выводишь меня из себя.

Она повернулась и посмотрела на него. Подозрительно прищурилась.

— А как насчет среды?

Он помолчал. Потом смущенно откашлялся.

— Я...— Он неловко улыбнулся.— Я совсем забыл, дорогая. Среда тоже не годится.

У нее голова пошла кругом.

— Почему же?

— Если мы поженимся в среду, я стану рогоносцем.

Она подалась вперед, пристально глядя на него.

— Ты станешь кем? — переспросила она дрожащим голосом.

— Рогоносцем. Ты будешь мне изменять.

Ее лицо исказилось от недоверия.

— Я... я...— Ей не хватало слов.— О господи, отвези меня домой! Я не выйду за тебя замуж, даже если ты останешься единственным мужчиной на свете!

Он продолжал аккуратно вести машину. Молчание было ей невыносимо.

Она испепеляла его обвиняющим взглядом.

— И... и если я предложу пожениться в... в воскресенье, то ты превратишься в тыкву!

— Воскресенье прекрасно подходит,— заверил он.

— О, я так за тебя рада,— съехидничала она.— Просто передать не могу, как я счастлива.

Она отвернулась.

— Может быть, ты просто не хочешь жениться на мне? — продолжала она.— Если не хочешь, так и скажи! И нечего нести всякую чушь про...

— Я хочу на тебе жениться. Ты же знаешь. Но все необходимо сделать правильно. Ради нас обоих.

Она не собиралась приглашать его к себе. Но она так привыкла, что он обычно заходит, что позабыла об этом, когда они подъехали к дому.

— Хочешь выпить? — спросила она обиженным голосом, когда они вошли в гостиную.

— Нет, спасибо. Мне бы хотелось все с тобой обсудить, дорогая.— Он указал ей на кресло.

Она втиснула между подлокотников громоздкое тело и замерла. Он взял ее за руку.

— Милая, прошу тебя, постарайся понять.

Он обхватил ее рукой и погладил по плечу.

И в следующий миг она растаяла.

— Дорогой,— она смотрела серьезно,— я хочу понять. Но как же я могу?

Он потрепал ее по плечу.

— Послушай, я просто кое-что знаю. И я верю, что если мы поженимся не в тот день, это приведет к краху наших отношений.

— Но... почему?

Он проглотил комок в горле.

— Из-за последствий.

Она ничего не сказала. Лишь обхватила его руками и притянула к себе. Он был слишком хороший, чтобы не выходить за него просто потому, что он не хочет жениться в четверг. Или в среду.

Она вздохнула.

— Ладно, дорогой. Мы перенесем дату на воскресенье. Тогда ты будешь счастлив?

— Да,— сказал он.— Тогда я буду совершенно счастлив.

Потом как-то вечером он дал ее отцу пятнадцать долларов, чтобы скрепить договор о браке.

Мистер О'Ши с недоуменной улыбкой оторвал взгляд от курительной трубки.

— Ты не мог бы повторить? — вежливо попросил он.

Фрэнк протягивал ему купюры.

— Я хочу отдать вам эти деньги в качестве выкупа за вашу дочь.

— Это выкуп за мою дочь? — переспросил мистер О'Ши.

— Да, плата.

— Но кто ее продает? — изумился мистер О'Ши.— Я отдаю ее замуж.

— Я знаю. Это просто традиция.

— Положи себе в сундук с приданым,— сказал мистер О'Ши.

И вернулся к газете.

— Прошу прощения, сэр, но вы должны принять деньги,— настаивал Фрэнк.

В этот момент она спустилась по лестнице.

Мистер О'Ши взглянул на дочь.

— Скажи своему молодому человеку, чтобы кончал валять дурака.

Она обеспокоенно посмотрела на жениха.

— Боже, надеюсь, ты не принялся опять за свое, Фрэнк.

Он объяснил все им обоим. Он ясно дал понять, что вовсе не рассматривает ее как товар, но речь идет о соблюдении важной части некоего ритуала, необходимого для общей пользы.

— Все, что от вас требуется,— взять деньги,— завершил он,— и все будет хорошо.

Она посмотрела на отца. Отец посмотрел на нее.

— Возьми, папа,— вздохнула она.

Мистер О'Ши пожал плечами и взял деньги.

— Четыре, девять, два,— пропел Фрэнк.— Три, пять, семь... восемь, один, шесть. Пятнадцать, пятнадцать и трижды плюнуть на грудь, чтоб от чар улизнуть.

— Фрэнк! — воскликнула она.— Ты себе всю рубашку заплевал!

Потом он сказал ей, что вместо того, чтобы кидать букет, она должна заставить всех мужчин гоняться за ее подвязкой.

Она покосилась на него.

— Слушай, Фрэнк. Все это заходит слишком далеко.

Он смотрел обиженно.

— Я всего лишь пытаюсь сделать все правильно ради нас обоих. Не хочу, чтобы что-нибудь пошло наперекосяк.

— Но... ради бога, Фрэнк! Разве сделанного недостаточно? Ты заставил меня изменить день свадьбы. Ты купил меня за пятнадцать долларов и заплевал всего себя на глазах у папы. Ты заставил меня носить этот ужасно кусачий волосяной браслет. И я на все это согласилась. Однако мне это все начинает надоедать. Хватит уже.

Фрэнк сделал печальное лицо. Он гладил ее по руке и смотрел, как Жанна д'Арк, готовая взойти на костер.

— Я всего лишь делаю то, что кажется мне необходимым,— сказал он.— Нас подстерегают сонмы опасностей. Нужно соблюдать осторожность, предпринимать определенные шаги, иначе все пропало.

Она смотрела на него во все глаза.

— Фрэнк, ты ведь действительно хочешь на мне жениться? Это все не просто уловки, чтобы...

Он обнял ее и порывисто поцеловал.

— Фульвия, дорогая! Я тебя люблю и хочу на тебе жениться. Но мы должны сделать это как следует.

Позже мистер О'Ши заметил:

— Да он просто придурок. Вытолкай его взашей.

Однако она была слишком полная, не слишком красивая, и Фрэнк был единственным мужчиной, который сделал ей предложение.

Поэтому она вздохнула и сдалась. Она обсудила все с матерью и отцом. Сказала, что все будет в порядке, как только они поженятся. Она сказала:

— До тех пор я буду ему потакать, а после — стоп!

Однако ей удалось отговорить его от того, чтобы гости-мужчины бегали за ней, пытаясь отнять подвязку.

— Ты же не хочешь, чтобы я свернула себе шею?

— Ты права,— сказал он.— Просто брось им свои чулки.

— Дорогой, я брошу свой букет. Ну пожалуйста.

Он задумался.

— Ладно. Хотя мне это и не нравится. Мне это совершенно не нравится.

Он взял соли и кинул ее в горячую духовку на кухне. Спустя какое-то время заглянул внутрь.

— Теперь у нас высохли слезы, и путь наш устелют розы,— сообщил он.

Наступил день свадьбы.

Фрэнк встал ни свет ни заря. Он пришел в церковь и удостоверился, что все окна плотно закрыты и демонам туда не войти. Он сказал священнику, какое счастье, что сейчас февраль и двери тоже будут плотно закрыты. Он ясно дал понять, что во время церемонии никому не будет позволено подходить к дверям.

Священник едва не спятил, когда Фрэнк выстрелил в каминную трубу из револьвера тридцать восьмого калибра.

— Зачем, ради всего святого, вы это сделали?

— Я просто отпугиваю злых духов,— сказал Фрэнк.

— Молодой человек, в Первой англиканской церкви Святого Креста нет злых духов!

Фрэнк извинился. Однако когда священник вышел в двери, чтобы объяснить причину стрельбы местному полицейскому,

Фрэнк достал из карманов пальто несколько тарелок, разбил их и рассовал осколки под скамьями и по углам.

Потом он поторопился в торговый квартал и купил десять килограммов риса на тот случай, если у кого-то он кончится или же кто-нибудь забудет его принести.

Спешно вернувшись к дому нареченной, он позвонил в звонок.

Дверь открыл мистер О'Ши.

— Где ваша дочь? — спросил Фрэнк.

— Сейчас тебе нельзя ее видеть,— сказал мистер О'Ши.

— Но мне необходимо,— заявил Фрэнк. Он кинулся мимо будущего тестя и запрыгал по ступенькам.

Невеста сидела на кровати в нижней юбке и начищала туфли.

Она так и подскочила.

— Что с тобой стряслось? — закричала она.

— Дай мне свою туфлю,— выдохнул он.— Я едва не забыл. Я был бы обречен, если бы забыл.

Он взялся за туфлю. Она выхватила ее.

— Убирайся! — выкрикнула она, скрываясь в ванной.

— Дай мне туфлю!

— Нет. В чем я, по-твоему, должна пойти на свадьбу? В галошах?

— Ладно.

Он подскочил к шкафу и достал старую туфлю.

— Я возьму эту,— сказал он и кинулся прочь из комнаты.

Она кое-что вспомнила, и его догнал вопль:

— Тебе нельзя было видеть меня до свадьбы!

— Это просто глупое суеверие! — выкрикнул он в ответ, скатываясь с лестницы.

В кухне он протянул туфлю мистеру О'Ши, который попивал кофе и курил трубку.

— Отдайте ее мне,— велел Фрэнк.

— С удовольствием,— сказал мистер О'Ши.

Фрэнк не обратил внимания на сарказм.

— Отдайте туфлю мне и скажите: «Передаю власть»,— попросил он.

Мистер О'Ши разинул рот. Он взял туфлю и оцепенело протянул ее обратно.

— Передаю власть,— произнес он.

После чего заморгал.

— Эй, стой!

Но Фрэнк уже исчез. Он снова помчался вверх по лестнице.

— Нет! — завопила она, когда он во второй раз ворвался к ней в комнату.— Убирайся отсюда ко всем чертям!

Он ударил ее по голове туфлей. Она взвыла. Он заключил ее в объятия и с жаром поцеловал.

— Моя драгоценная супруга,— произнес он и выбежал.

Она разразилась слезами.

— Нет, нет, я не выйду за него замуж! — Она швырнула начищенные туфли в стенку.— И мне плевать, даже если он единственный мужчина на свете. Он просто ужасен!

Через пару минут она подняла туфли и принялась их дочищать.

Примерно в это же время Фрэнк снова был в торговом квартале, чтобы удостовериться, что кондитер положил в свадебный торт все необходимые ингредиенты. Затем он купил Фульвии бумажный колпак, в котором она пойдет от церкви к экипажу. Он обежал все лавки старьевщиков в городе и скупил все старые башмаки, призванные защищать от злых духов.

К тому моменту, когда должна была начаться брачная церемония, Фрэнк был чуть жив от усталости.

Он сидел в подсобном помещении церкви, пытаясь справиться с одышкой, и пробегал глазами список, проверяя, не забыл ли чего.

Заиграл орган. Невеста пошла по проходу вместе с отцом. Фрэнк стоял и смотрел на нее, все еще тяжело дыша.

Его брови взлетели, когда он заметил, как кто-то из опоздавших гостей только что вошел в парадные двери.

— О нет! — закричал он, закрывая лицо руками.— Я сейчас обращусь в дым!

Однако ничего не случилось.

Когда он открыл глаза, невеста крепко сжимала его руку.

— Вот видишь, Фрэнк,— успокоила она,— все это время ты просто занимался ерундой.

Церемония прошла. И он настолько обмер от изумления, и потрясения, и неверия, что напрочь позабыл о башмаках, о букетах, о бумажных колпаках и рисе, позабыл обо всем.

Когда они ехали домой во взятом напрокат лимузине, она погладила его по руке.

— Предрассудки,— проворковала она.— Все это чепуха.

— Но...— запротестовал Фрэнк.

— Тсс.— Она подавила его протест поцелуем.— Разве ты не жив до сих пор?

— Жив. И я никак этого не пойму.

Перед дверью гостиничного номера Фрэнк посмотрел на нее. Она посмотрела на него. Коридорный посмотрел в сторону.

Наконец она произнесла:

— Перенеси меня через порог, дорогой.

Он неуверенно улыбнулся.

— Мне кажется, это довольно глупо,— возразил он.

— Ну ради меня,— настаивала она.— Могут же у меня быть собственные предрассудки.

Он снова улыбнулся.

— Да,— согласился он и наклонился, чтобы ее поднять.

У них так ничего и не вышло. Она была ужасно толстая.

— Сердечная недостаточность,— сказал врач.

— Сатана,— выдохнула Фульвия, которая и десять лет спустя покрывалась пятнами от страха.

Сырая солома

Это началось спустя несколько месяцев после смерти его жены.

Он переехал в пансион. И вел в нем жизнь отшельника — продажа ее облигаций обеспечила его средствами. Книжка на день, обеды в одиночестве, посещение музеев — на это хватало. Он слушал радио, дремал и много думал. Жизнь была не так уж плоха.

Однажды вечером он отложил книгу и разделся. Выключил свет и открыл окно. Он сел на кровать и минуту смотрел в пол. Глаза немного болели. Потом он лег, подложив под голову руки. Из окна тянуло прохладой, поэтому он накрылся одеялом с головой и сомкнул глаза.

Было очень тихо. Он слышал звук собственного ровного дыхания. Его начало обволакивать тепло. Тепло нежило тело и успокаивало. Он глубоко дышал и улыбался.

На мгновение он открыл глаза.

Легкий ветерок коснулся щеки, и он почувствовал какой-то запах, похожий на запах сырой соломы. Да, так и есть.

Протянув руку, он мог коснуться стены и ощутить дуновение из окна. Однако под одеялом, где до сих пор был только теплый воздух, дул другой ветерок. И слышался мокрый, холодящий запах сырой соломы.

Он откинул одеяло и какое-то время лежал так, сипло дыша.

Потом засмеялся собственной фантазии. Сон, ночной кошмар. Слишком много читает. Съел что-то не то.

Он снова натянул на себя одеяло и смежил веки. Он не стал накрываться с головой и благополучно заснул.

© Перевод Е. Королевой.

На следующее утро он забыл о том, что случилось. Позавтракав, он отправился в музей, где и провел целое утро. Он зашел во все залы и осмотрел каждый экспонат.

Когда он уже собирался уходить, ему внезапно захотелось вернуться и посмотреть на картину, которую он удостоил только беглым взглядом.

Он встал перед ней.

Это был деревенский пейзаж. Большой амбар посреди долины.

Он тяжело задышал, рука сама потянулась, чтобы ослабить узел галстука. «Как странно,— подумал он через мгновение,— что из-за такой ерунды я вдруг разнервничался».

Он отвернулся. В дверях снова посмотрел на картину.

Этот амбар нагонял на него страх. Именно амбар, понял он, амбар с картины.

После обеда он вернулся в комнату.

Как только он открыл дверь, ему вспомнился тот сон. Он подошел к кровати. Сдернул одеяло и простыни, встряхнул.

Запаха сырой соломы не было. Он почувствовал себя полным дураком.

Устраиваясь на ночь, он запер окно. Погасил свет, лег и накрылся с головой.

Сначала было то же самое. Тишина и обволакивающее тепло.

Потом снова потянуло ветерком, и он отчетливо ощутил, как ветерок ерошит волосы. Он чуял запах сырой соломы. Он вглядывался в темноту и дышал ртом, чтобы не чувствовать этого запаха.

Где-то в темноте он заметил квадрат серого света.

Это же окно, подумал он вдруг.

Он присмотрелся еще, и сердце екнуло, когда в окне мелькнула вспышка. Похоже на молнию. Он прислушался. Ощутил запах сырой соломы.

Услышал, как начался дождь.

В испуге он сдернул одеяло с головы.

Никакого дождя. Окно по-прежнему закрыто, из-за чего в комнате стояла духота.

Он смотрел в потолок и размышлял, откуда взялось это видение.

Потом, чтобы удостовериться, снова накрылся с головой. Он лежал неподвижно, с крепко зажмуренными глазами.

Через некоторое время носа опять коснулся запах. Дождь бешено колотил в окно. Он открыл глаза и ясно увидел потоки дождя. Затем дождь начал капать и на него самого, просачиваясь сквозь деревянную крышу. Он находился в некоем месте, где была деревянная крыша и сырая солома.

Он был в амбаре.

Так вот почему картина испугала его. Но почему испугала?

Он попытался дотянуться до окна, но не смог. Ветер обдувал руки. Он непременно хотел дотянуться. «Может быть,— подумал он с азартом,— может быть, открыть его и высунуть голову под дождь, а потом быстро откинуть одеяло и посмотреть, будут ли волосы мокрыми».

Он начал чувствовать вокруг себя пространство. Уже не было одеяла, краев постели, стен комнаты. Он по-прежнему ощущал под собой матрас, это правда, но, несмотря на это, казалось, будто он лежит в обширном пространстве. Ветерок обдувал все его тело. И запах сделался еще более отчетливым.

Он прислушался. Услышал писк, потом заржала лошадь. Он прислушивался еще какое-то время.

И тут понял, что матраса тоже больше нет.

Ощущение было такое, словно от пояса и ниже он лежит на холодном деревянном полу.

Он в тревоге вытянул руку и нащупал край одеяла. Отбросил его.

Пот тек ручьями, пижама прилипла к телу. Он вылез из постели и включил свет. Стоило открыть окно, как освежающее дыхание ветра ворвалось в комнату.

Ноги задрожали, когда он встал, и ему пришлось ухватиться за шкаф, чтобы не упасть.

В зеркале показалось лицо, побелевшее от страха. Он вытянул перед собой руку и увидел, как она трясется. В горле пересохло.

Он дошел до ванной и выпил воды. Потом вернулся обратно в комнату и осмотрел кровать. Там не было ничего, кроме скомканного одеяла, простыней и влажного пятна от его тела. Он снял одеяло и простыни. Встряхнул их и дотошно осмотрел на свету. В них не было ничего.

Он взял книгу и остаток ночи читал.

На следующее утро он снова пошел в музей, чтобы посмотреть на картину.

Он пытался вспомнить, бывал ли когда-нибудь в амбаре. Шел ли тогда дождь и смотрел ли он в окно на молнии?

И он вспомнил.

Был медовый месяц. Они отправились на прогулку, зарядил дождь, и они решили переждать в амбаре. Там внизу была лошадь в стойле, бегали мыши и пахло сырой соломой.

Однако что же все это значит? Не было никаких причин, чтобы тот день так настойчиво напоминал о себе.

Когда пришла ночь, ему было страшно ложиться в постель. Он оттягивал момент. Наконец, когда глаза уже совсем слипались, он лег полностью одетым, затворив предварительно окно. И не стал накрываться одеялом.

Он спал беспокойно, без сновидений.

Рано утром он проснулся. Только-только забрезжил рассвет. В полусне он стянул со стула одеяло и накрылся.

Последствия не заставили себя ждать. Он мигом очутился в амбаре.

Не было ни звука. Дождя тоже не было. В окне серел рассвет. Возможно ли, что в его воображаемом амбаре сейчас тоже раннее утро?

Он сонно улыбнулся. Все это было просто очаровательно. Надо попробовать попасть сюда днем и посмотреть, будет ли амбар залит светом.

Он начал стягивать с головы одеяло, когда услышал рядом шорох.

Перехватило дыхание. Сердце будто остановилось, в голове зазвенело.

Ушей достиг легкий вздох.

Что-то теплое и влажное коснулось руки.

Он с криком отбросил одеяло и соскочил на пол.

Он стоял, во все глаза глядя на постель. Сердце колотилось с тяжким грохотом.

Он в изнеможении опустился на кровать. Солнце только начинало подниматься из-за горизонта.

Целую неделю он спал, сидя в кресле. Наконец, не в силах больше обходиться без нормального ночного отдыха, он лег в кровать, полностью одетый. Он никогда уже не станет накрываться одеялом.

Пришел сон, без видений, полный тьмы.

Он не знал, во сколько проснулся. Рыдание застряло в горле. Он снова побывал в амбаре. Молнии сверкали в окне, дождь колотил по крыше.

Он в испуге шарил вокруг себя, но одеяла нигде не было. Руки безумно хлопали по воздуху.

Внезапно он посмотрел на окно. Если удастся его открыть, он сумеет вырваться на свободу! Он вытянул руку как можно дальше. Ближе. Ближе. Он почти достал. Еще чуть-чуть, и пальцы коснутся ручки окна.

— Джон.

От неожиданности он пробил рукой стекло. По тыльной стороне ладони потекла дождевая вода, запястье сильно саднило. Он выдернул руку обратно и с ужасом уставился в ту сторону, откуда раздался голос.

Нечто белое зашевелилось рядом, и чья-то теплая рука провела по его руке.

— Джон,— послышался голос.— Джон.

Он не мог говорить. Он размахивал руками как ненормальный, нашаривая одеяло. Но пальцев касался только ветер. Под ним был холодный деревянный пол.

Он подвывал от ужаса. Снова прозвучало его имя.

Потом вспыхнула молния, и он увидел, что рядом лежит его жена, она улыбалась ему.

Внезапно в руке оказался край одеяла, он потянул, и одеяло соскользнуло на пол.

Что-то пробежало по запястью, в руке ощущалась тупая боль.

Он поднялся и щелкнул выключателем. Яркий свет залил комнату.

Рука была залита кровью. Он вынул из запястья осколок стекла и уронил его на пол.

Все пальцы были в крови.

Он оторвал кусок простыни с кровати и кинулся в коридор, в ванную. Смыл кровь и плеснул йода на глубокий порез, затем перевязал. От жжения закружилась голова. В глаза затекали капли холодного пота.

Вошел кто-то из постояльцев. Джон сказал ему, что случайно порезался. Увидев кровь, тот побежал к телефону вызывать врача.

Джон сидел на краю ванны и наблюдал, как красные капли падают на кафельный пол.

Утром рану промыли и перевязали.

Врач с сомнением отнесся к его объяснениям. Джон сказал врачу, что порезался ножом, но нигде не было никакого ножа, зато кровавые отпечатки были на всех простынях и одеяле.

Ему было предписано сидеть дома и держать руку в покое.

Он почти весь день читал и думал о том, как мог порезаться во сне.

Его волновала мысль о ней. Она по-прежнему была прекрасна.

Воспоминания были такими живыми.

Они лежали в соломе, обнимали друг друга и прислушивались к шуму дождя. Он не мог вспомнить, о чем они тогда говорили.

Он не боялся, что она вернется. У него не было склонности к мистике. Она умерла, и ее похоронили.

У него просто какое-то расстройство мозга. Возрастной упадок умственных сил, которого он до последнего момента не замечал.

Затем он посмотрел на руку и увидел повязку.

Это все равно не ее вина. Она же не просила его выбивать стекло.

А что, если он сможет быть с ней в одном измерении, а деньги ее тратить в другом?

Его не оставляло беспокойство. Это действительно страшно. Запах сырой соломы и темнота, мыши и шум дождя, пронизывающий до костей холод.

Он придумал, что надо сделать.

Этим вечером он рано потушил свет. Встал перед кроватью на колени.

Сунул голову под одеяло. Если что-нибудь пойдет не так, ему просто надо будет побыстрее вытащить голову.

Он принялся ждать.

Скоро он ощутил запах сырой соломы, услышал шум дождя. И увидел ее. Он тихонько позвал ее по имени.

Послышался шорох. Теплая рука нежно провела по его щеке. Сначала он вздрогнул. Потом улыбнулся. Возникло ее лицо, она прикоснулась щекой к его щеке. Запах ее волос сводил с ума.

Слова затопили его разум.

«Джон. Мы навеки одно целое. Обещаешь? Никогда-никогда не расставаться? Если один из нас умрет, то другой будет

ждать. Если я умру, ты подожди, и я найду способ вернуться. Я приду и заберу тебя с собой.

И вот теперь меня нет. Ты приготовил мне то питье, и я умерла. Но ты открыл окно, чтобы проветрить комнату. И вот я вернулась».

Его затрясло.

Голос ее сделался грубее, дыхание участилось, он слышал, как она скрипит зубами. Ее пальцы дотронулись до его лица. Пробежались по волосам и погладили по шее.

Он начал стонать. Попросил отпустить его. Ответа не последовало. Ее дыхание все учащалось. Он пытался отстраниться. Ноги отчетливо чувствовали пол его комнаты. Он из всех сил пытался вытащить голову из-под одеяла. Однако ее хватка была слишком сильна.

Она начала целовать его в губы. Рот ее был холодным, глаза широко раскрыты. Он смотрел в них, и его дыхание смешивалось с ее дыханием.

Затем она откинула голову назад, засмеялась, и молния сверкнула в окне. Дождь грохотал по крыше, мыши попискивали, лошадь топала, и амбар сотрясался. Ее пальцы впивались ему в шею. Он силился высвободиться, скрипел зубами, вырывался. Потом вдруг стало больно, и он покатился по полу.

Когда двумя днями позже в комнату зашла уборщица, он лежал все в той же позе. Руки широко раскинуты в засохшей луже крови, тело окоченевшее и скрюченное. Его головы так и не нашли.

Существо

В темноте что-то повисло. Беззвучная, тускло поблескивающая металлическая скорлупа — висит высоко на нитях антигравитации. Внизу планета, запеленатая в саван ночи, отвернувшаяся от луны. С ее укутанной во мрак поверхности какое-то животное смотрит блестящими испуганными глазами на бледно фосфоресцирующую сферу у себя над головой. Движение мышц. Жесткая земля негромко хрустит под выдвинувшимися опорами. Снова тишина, шорох ветра и одиночество. Часы. Черные часы, переходящие в серые, затем в розовые. Солнечные лучи рассыпаются по металлической сфере. Она светится неземным светом.

Все равно что сунуть голову в раскаленную духовку.

— Господи, ну и жара.— Он поморщился, отдергивая руку и снова осторожно опуская на покрытый пятнами пота руль.

— Это все твое воображение.— Мэриан вяло развалилась на нагретом сиденье.

Пару километров назад она высунула ноги в окно. Ее глаза были закрыты, горячий ветер дул прямо в лицо, трепал короткие светлые волосы.

— Вовсе не жарко,— сказала она, неловко выгибаясь, чтобы поправить узкий ремешок на шортах.— Свежо. Как огурец.

— Ха-ха,— продекламировал Лэс. Он чуть подался вперед и стиснул зубы, ощутив, как теннисная рубашка противно прилипла к спине.— Чу́дное время для поездок на машине,— проворчал он.

Они выехали из Лос-Анджелеса три дня назад, чтобы навестить родных Мэриан в Нью-Йорке. Жара с самого начала сто-

© Перевод Е. Королевой.

яла как на экваторе, три дня ослепляющего солнца, которое начисто вытопило из них жизненные соки.

От того, что они пытались придерживаться расписания, становилось только хуже. На бумаге шестьсот километров в день казались не такой уж и большой дистанцией. Но воплощенная в реальности, дорога давалась тяжело. Дорога по грязным проселкам (ради того, чтобы срезать), с которых к небу поднимались клубы удушливой пыли. Дорога по разбитому и выщербленному асфальту ремонтируемых отрезков шоссе, где нельзя выжимать больше тридцати километров в час, иначе повредишь ось или тормозные колодки.

Хуже всего было то, что от езды на скорости от тридцати до пятидесяти радиатор вскипал как безумный примерно каждые полчаса. А потом следовали долгие, доводящие до исступления минуты ожидания, пока остынет мотор, ожидания прямо в раскаленной печи.

— С одного боку я уже поджарился,— сказал Лэс едва слышно.— Переверните меня.

— Да ладно тебе,— отозвалась Мэриан низким контральто.

— Вода осталась?

Она опустила вниз левую руку и рывком откинула тяжелую крышку сумки-холодильника. Пошарив в ее прохладных внутренностях, Мэриан вытащила термос. Потрясла.

Она отрицательно покачала головой.

— Пусто.

— Как у меня в голове,— вспыхнул он.— Ведь я позволил уговорить себя ехать в Нью-Йорк на машине в августе.

— Ну-ну, хорош,— голос ее потерял мягкость,— не заводись.

— Черт! — раздраженно выкрикнул он.— Когда этот чертов проселок выведет обратно на чертово шоссе?

— Черт,— передразнила она.— Чертов чертовский черт!

Он больше ничего не сказал. Только сильнее вцепился в руль. Трасса Шестьдесят шесть, объездной маршрут — они съехали с закрытого на ремонт участка главного шоссе и катят по этой проклятой дороге уже несколько часов. Если на то пошло, он даже не уверен, что они до сих пор на объездной дороге. За последние два часа им попалось пять развилок. Спеша выбраться из этой пустыни, он не особенно внимательно читал надписи на указателях.

— Милый, вон заправка. Может, там удастся достать воды.

— И бензина,— прибавил он, глядя на приборную панель,— и еще узнать, как выехать обратно на главное шоссе.

— На чертово шоссе,— поправила она.

Слабая улыбка тронула уголки рта Лэса, когда их «форд» съезжал с дороги и тормозил у двух обшарпанных колонок, которые стояли перед не менее обшарпанной постройкой.

— Бойкое местечко,— произнес он с саркастической серьезностью.— Только и ждет того, кто вложит в него деньги.

— Своих героев.— Мэриан снова закрыла глаза. Она шумно втянула воздух через рот.

Из развалюхи никто не вышел.

— О, только не говорите мне, что здесь пусто,— взмолился Лэс, оглядываясь по сторонам.

Мэриан спустила длинные ноги на пол.

— Неужели никого нет? — спросила она, открывая глаза.

— Да похоже на то.

Лэс открыл дверцу и вышел наружу. Когда он распрямился, невольный стон сотряс его тело, а ноги едва не подкосились. Ощущение было такое, словно поток лавы обрушился прямо на голову.

— Боже! — Он отгонял прочь волны тьмы, хлопая себя по лодыжкам.

— Что такое?

— Какая жарища.— Он прошел между двумя заржавевшими колонками и зашагал по растрескавшейся земле к двери постройки.— А мы не проехали даже трети пути,— угрюмо проворчал он себе под нос.

За спиной хлопнула дверца, и свободные сандалии Мэриан зашлепали по земле.

Полумрак на секунду дал обманчивое ощущение прохлады. Но затем спертый удушливый воздух лачуги обрушился на Лэса, и он зашипел от омерзения.

В постройке никого не было. Он оглядел жалкое убранство дома: стол на шатких ножках с поцарапанной столешницей, стул без спинки, заросший паутиной автомат с кока-колой, прейскуранты и календарь на стене, на маленьком окне спущенная до самого подоконника затрапезная штора, сквозь многочисленные дыры в которой били ослепительные лучи света.

Деревянная дверь скрипнула, когда он вышел обратно на жестокое солнце.

— Никого? — спросила Мэриан, и он покачал головой.

Они секунду глядели друг на друга без всякого выражения, она лишь утирала лоб влажным носовым платком.

— Что ж, едем дальше,— криво усмехнулась она.

И тут они услышали шум машины. Она громыхала по колее, уводящей с дороги в пустыню. Они дошли до угла строения и стали смотреть, как древний тягач со скрежетом приближается к заправке. В удалении от дороги стоял низкий дом, от него и ехала машина.

— Спасение близится,— сказала Мэриан.— Надеюсь, у него есть вода.

Когда грузовик со стоном остановился перед лачугой, они разглядели за баранкой сильно загорелого человека. Ему было за тридцать, угрюмого вида тип в футболке и вылинявшем заплатанном комбинезоне. Длинные волосы свешивались из-под засаленной ковбойской шляпы.

То, чем он одарил их, выйдя из грузовика, мало походило на улыбку. Скорее — на нервный тик тонкогубого рта. Тип подошел к ним подпрыгивающей походкой, переводя взгляд темных глаз с него на нее и обратно.

— Бензин нужен? — спросил он Лэса осипшим, глухим голосом.

— Да, пожалуйста.

Человек секунду смотрел на Лэса, как будто не понял. Потом пробурчал что-то и направился к «форду», сунув руку в задний карман комбинезона за ключом от колонки. Проходя мимо переднего бампера, он мельком взглянул на номера.

Постоял, тупо таращась на крышку бензобака и тщетно пытаясь отвинтить ее мозолистыми пальцами.

— Заперто,— пояснил Лэс, спешно подходя со своими ключами. Человек молча взял их и открыл замок. Положил откругленную крышку на дверцу бензобака.

— Хотите этиловый? — спросил он, подняв голову. Глаза скрывала тень от широких полей шляпы.

— Да, пожалуйста,— ответил Лэс.

— Сколько?

— Полный бак.

Капот был обжигающе горячим. Лэс, охнув, отдернул руку. Он взял носовой платок, обмотал им пальцы и поднял капот. Когда он открутил крышку радиатора, кипящая вода поднялась и выплеснулась, испуская пар, на засохшую землю.

— Здóрово,— пробурчал он себе под нос.

Вода в шланге радиатора была почти такой же горячей. Мэриан подошла и сунула палец под медленно стекающую по шлангу жидкость, когда Лэс поднял его над радиатором.

— О... ну и ну,— произнесла она огорченно. Посмотрела на человека в комбинезоне.— У вас есть холодная вода?

Человек стоял, опустив голову, его рот превратился в тонкую провалившуюся линию. Она спросила еще раз, снова без результата.

— Патлатый аризонец,— шепнула она Лэсу, шагая к заправщику.

— Прошу прощения,— сказала она.

Человек дернул головой, вздрогнул, зрачки расширились.

— Мэм? — произнес он поспешно.

— Можно у вас достать холодной питьевой воды?

Грубая кожа на шее дернулась.

— Не здесь, мэм. Только...

Он замолчал и посмотрел на нее пустым взглядом.

— Вы... вы из Калифорнии? — спросил он.

— Верно.

— Далеко... едете?

— В Нью-Йорк,— ответила она нетерпеливо.— Но как насчет...

Выгоревшие брови человека сошлись на переносице.

— Нью-Йорк,— повторил он.— Очень далеко.

— Так как насчет воды?

— Ну,— вдруг его губы растянулись в подобие улыбки,— здесь воды нет, но если вы доедете со мной до дома, то жена даст вам воды.

— Вот как.— Мэриан чуть пожала плечами.— Отлично.

— Сможете посмотреть мой зоопарк, пока жена несет вам воду,— предложил человек, после чего быстро присел на корточки у крыла «форда», прислушиваясь, насколько заполнился бак.

— Нам придется доехать до его дома, чтобы получить воды,— сообщила Мэриан Лэсу, пока тот осматривал аккумулятор.

— Что? А, ладно.

Человек выключил насос и закрутил крышку бензобака.

— Нью-Йорк, вот ведь,— произнес он, глядя на них.

Мэриан вежливо улыбнулась и кивнула.

После того как Лэс захлопнул капот, они сели в машину, чтобы следовать за заправщиком к дому.

— У него есть зоопарк,— без всякого выражения доложила Мэриан.

— Как мило,— отозвался Лэс, он отпустил сцепление, и машина покатилась вниз с небольшого взгорка, на котором стояла заправка.

— Они меня бесят,— добавила Мэриан.

Они видели уже десятки зоопарков с тех пор, как выехали из Лос-Анджелеса. Обычно эти зоопарки устраивались рядом с заправочными станциями, чтобы привлечь клиентов. И все без исключения представляли собой жалкое зрелище: маленькие клетки с железными прутьями, за которыми сидели, съежившись, тощие лисицы, глядевшие больными блестящими глазами, гремучие змеи, свернувшиеся в летаргическом сне, иногда из дальнего угла темной клетки сверкал глазом общипанный орел. И как правило, посреди этого так называемого зоопарка сидел на цепи волк или койот, всклокоченный скорбный зверь, он непрерывно метался кругами, радиус которых ограничивался длиной цепи, и никогда не смотрел на людей, а глядел куда-то вдаль глазами с красной каймой и без устали вышагивал тощими ногами.

— Ненавижу,— нахмурилась Мэриан.

— Знаю, детка.

— Если бы не вода, ни за что бы не поехала в этот проклятый дом.

Лэс улыбнулся.

— Ну ничего, ничего,— успокаивал он, лавируя между ямами.— О! — Он щелкнул пальцами.— Забыл спросить у него, как выехать обратно на шоссе.

— Спросишь, когда подъедем.

Дом был покрыт потускневшей коричневой краской, двухэтажная деревянная постройка, которой с виду было лет сто. За домом располагался ряд невысоких квадратных сооружений.

— Зоопарк,— прокомментировал Лэс.— Львы, тигры и прочее.

— Фу!

Он подъехал к крыльцу молчаливого дома и увидел, как человек в ковбойской шляпе слез с пропыленного сиденья грузовика и спрыгнул с подножки.

— Принесу вам воды,— быстро проговорил он и направился к дому. На миг остановился и оглянулся назад.— Зоопарк за домом,— сказал он, кивнув.

Они наблюдали, как он поднимается по ступенькам. Потом Лэс потянулся и заморгал от ослепительного солнца.

— Посмотрим на его зверинец? — спросил он, пряча улыбку.

— Нет.

— Ну же, пойдем.

— Нет, не желаю этого видеть.

— А я посмотрю.

— Ну... ладно. Только все это меня просто бесит.

Они обогнули дом и пошли дальше, скрываемые от солнца его тенью.

— О, здесь хотя бы получше,— сказала Мэриан.

— Слушай, он забыл взять с нас деньги.

— Еще возьмет.

Они приблизились к первой клетке и заглянули в сумрак через забранное толстыми прутьями окошко в полметра высотой.

— Пусто,— сказал Лэс.

— Прекрасно.

— Отличный зоопарк.

Они не спеша перешли к следующей клетке.

— Смотри, какие эти клетки маленькие,— сказала несчастным голосом Мэриан.— Как бы ему самому понравилось сидеть в такой?

Она остановилась.

— Нет, я не стану смотреть,— рассердилась она,— не хочу видеть, как страдают несчастные животные.

— Я только одним глазком.

Она услышала, как Лэс посмеивается, подходя ко второй клетке. Он заглянул внутрь.

— Мэриан!

От его крика она вся передернулась.

— Что там? — спросила она, в испуге подбегая к нему.

— Смотри!

Она потрясенно смотрела в клетку.

Голос ее дрожал, когда она прошептала:

— О господи.

В клетке сидел человек.

Она смотрела неверящими глазами, не замечая, как крупные капли пота стекают со лба и катятся по щекам.

Человек лежал на полу, безвольно, будто сломанная кукла, раскинувшись на грязном армейском одеяле. Глаза были раскрыты, но он ничего не видел. Зрачки расширенные, похоже было, что человек чем-то одурманен. Грязные ладони неподвижно лежали на полу, покрытом тонким слоем соломы,— безжизненные кости, обтянутые кожей. Рот зиял желтозубой раной, углы губ растрескались и запеклись.

Лэс развернулся. Мэриан теперь смотрела на него. Ее лицо побелело, кожа на щеках туго натянулась.

— Что это? — спросила она едва слышным, дрожащим голосом.

— Не знаю.

Он еще раз заглянул в клетку, как будто уже сомневался, что действительно это видел. Потом снова посмотрел на Мэриан.

— Не знаю,— повторил он, чувствуя, как тяжко колотится сердце.

Они еще секунду смотрели друг на друга, в глазах у обоих читалось смятение.

— Что будем делать? — почти прошептала Мэриан.

Лэс проглотил застрявший в горле комок. Снова заглянул в клетку.

— При-вет,— услышал он собственный голос,— вы можете...

И тут же осекся, горло у него дернулось. Человек был без сознания.

— Лэс, что, если...

Он посмотрел на нее. И вдруг по коже пошли мурашки, потому что Мэриан в безмолвном ужасе смотрела на соседнюю клетку.

Он побежал по засохшей земле, взбивая пыль.

— Нет,— проговорил он, заглядывая в следующую клетку.

Он почувствовал, как его колотит нервная дрожь. Подбежала Мэриан.

— О боже, это же просто безумие,— воскликнула она, увидев еще одного узника.

Они оба смотрели на него, а он глядел на них блестящими мертвыми глазами. В один миг вялое тело дернулось, придвинувшись на пару сантиметров. Пересохшие губы задрожали — похоже, он силился заговорить. Ниточка слюны потянулась из угла рта и легла на заросший щетиной подбородок. На мгновение покрытое грязью и потом лицо превратилось в маску страстной мольбы.

А потом его голова запрокинулась набок и глаза закатились.

Мэриан отпрянула от клетки, прижимая к щекам трясущиеся руки.

— Он псих,— проговорила она и резко обернулась, глядя на молчаливый дом.

Лэс тоже обернулся, и они оба внезапно осознали присутствие в доме человека, который предложил им пойти посмотреть зоопарк.

— Лэс, что нам делать? — Голос Мэриан дрожал, она была на грани истерики.

Лэс не мог произнести ни слова, все еще потрясенный тем, что видит. Долгий миг он был способен только стоять, сотрясаемый дрожью, и глядеть на жену, ощущая себя так, будто угодил в кошмарный сон.

Затем он плотно сжал губы, и на него словно обрушился поток жары.

— Давай убираться отсюда,— отрезал он, схватив ее за руку.

Единственными звуками было их хриплое дыхание и торопливое шлепанье ее сандалий по жесткой земле. Воздух кривился от неистовой жары, иссушал легкие, заставлял кожу источать ручьи пота.

— Быстрей,— задыхался Лэс, дергая ее за руку.

Но, повернув за угол дома, оба сейчас же отскочили назад, ощущая, как судорожно сжимаются все мышцы.

— Нет! — Лицо Мэриан перекосило от ужаса.

Между ними и машиной стоял хозяин дома, нацеливая на них длинное двуствольное ружье.

Разум Лэса вдруг заполнила единственная мысль. Он внезапно понял, что ни одна живая душа не знает, где они, никто даже не догадается, в каком месте их искать. С нарастающим

ужасом он вспомнил, как этот тип спрашивал, куда они едут, как он смотрел на их калифорнийский номер.

А потом Лэс услышал его самого, его жесткий, лишенный эмоций голос.

— А теперь вернитесь обратно,— приказал хозяин,— в зоопарк.

Заперев парочку в одной из клеток, Мерв Кеттер медленно побрел в дом, правую руку оттягивал тяжелый дробовик. Сделанное не принесло ему ни малейшего удовольствия, лишь волну облегчения, которая всего на миг расслабила его завязанное в тугой узел тело. И напряжение уже возвращалось. Оно никогда не покидало его больше чем на несколько минут, которые требовались, чтобы схватить очередного человека и заточить его в клетку.

И сейчас напряжение было сильным как никогда. Он первый раз запер в клетке женщину. От отчаяния в груди образовался ледяной ком. Женщина, он посадил в клетку женщину. Грудь содрогалась от сиплых вдохов, пока он поднимался по шатким ступенькам заднего крыльца.

Затем, когда затянутая москитной сеткой дверь захлопнулась за ним, он поджал широкий рот. Да, но что ему оставалось делать? Он с грохотом положил ружье на застеленный желтой клеенкой кухонный стол, грудь сотряс очередной мощный вздох. Что еще я могу сделать, спорил он с самим собой. Ботинки громко скрипели по старому линолеуму, пока он шел к двери в тихую, залитую солнцем гостиную.

От старого кресла поднялась пыль, когда он тяжело опустился в него. Что еще ему оставалось делать? У него не было выбора.

В тысячный раз он взглянул на левое предплечье, на слегка покрасневшую шишку чуть ниже локтевого сгиба. Прямо в плоти по-прежнему тихонько жужжал крошечный металлический конус. Он знал это, даже не прислушиваясь. Конус не умолкал никогда.

Он с усталым стоном откинулся назад и опустил голову на высокую спинку. Тусклый взгляд блуждал по комнате, по косому потоку солнечного света, в котором дрожали пылинки. И по каминной полке.

Маузер, люгер, снаряд для базуки, ручная граната все еще в рабочем состоянии. Неясная мысль посетила его смятенный разум: а что, если приставить к виску люгер, нацелить в сердце маузер или даже выдернуть из гранаты чеку и прижать ее к животу.

Герой войны. Эти слова жестоко царапали душу. Они лишились прежнего смысла, приносящего утешение. Некогда они что-то значили для него, ему было важно сознавать себя награжденным медалями воином, человеком с орденскими планками, осыпанным похвалами, вызывающим восхищение.

Потом умерла Элис, потом слава и почет канули в прошлое. Он остался в пустыне наедине со своими трофеями.

И как-то раз пошел в пустыню на охоту.

Он закрыл глаза, горло конвульсивно подергивалось. К чему размышлять об этом, сожалеть? Желание жить все еще не покидало его. Наверное, это было глупое, бессмысленное желание, но оно оставалось незыблемым, он не мог от него отделаться. Ни после того, как пропало два человека, ни после того, как пропало пять, ни даже после того, как пропало семь.

Грязные ногти безжалостно впивались в ладони, пока не прорвали кожу. Но вот женщина, женщина! Эта мысль резала острым ножом. Он не хотел сажать в клетку женщину.

В тщетной ярости он колотил тугим кулаком по ноге. У него не было выбора. Ну конечно, он заметил калифорнийский номер. Однако все равно не собирался этого делать. Но потом женщина спросила о воде, и он внезапно понял, что у него нет другого выхода, он просто обязан.

Ему как раз не хватало двоих.

К тому же выяснилось, что парочка едет в Нью-Йорк, и напряжение нахлынуло и спало, ослабило и снова усилило хватку в знакомом спазматическом ритме, после чего он осознал всем своим существом, что должен предложить им поехать и взглянуть на его зоопарк.

Надо было сделать им по уколу, подумал он. А то еще начнут кричать. С мужчинами это было неважно, он привык к мужским крикам. Но вот женщина...

Мерв Кеттер открыл глаза и безысходным взглядом уставился на каминную полку, на портрет умершей жены, на оружие, служившее некогда поводом для гордости и лишившееся те-

перь своей прежней ценности, потерявшее былое значение — всего лишь куски стали и дерева.

Герой!

От этого слова в животе все переворачивалось.

Вязкая пульсация замедлилась, на мгновение прекратилась, затем возобновилась, заполнив внутреннюю оболочку шипящим, пенящимся шумом. Слабая волна оживления прошла по телу, будоража ряды кольчатых мышц. Существо пошевелилось. Пора.

Мысль. Бесформенная, словно клубок тумана, прилипшая, обволакивающая. Существо шевельнулось, перетекающее, желеобразное, состоящее из колец внутри гибкого пузыря. Толчок, скольжение, извивы клейкого тела.

Снова мысль, направляющая волну. Шипение входящего воздуха, бесшумное движение металла. Открылось. Закрылось со щелчком. Кровь умирающего солнца заливает горизонт. Медленное и беззвучное парение по воздуху, лишенный цвета шар, заполненный чем-то бесформенным, чем-то живым.

Земля, прохлада. Существо коснулось ее, на миг замерло. Оно двигалось по земле, и все живое устремлялось прочь при его губительном приближении. Остававшаяся после него колея переливалась желто-зеленым светом.

— Тише!

От резкого шепота Мэриан он едва не выронил пилку для ногтей. Лэс отдернул руку, мышцы залитой потом щеки сократил нервный тик, и он быстро заполз в тень. Солнце почти село.

— Он идет сюда? — Из ее пересохшего горла шел сиплый голос.

— Не знаю.

Застыв, он наблюдал, как приближается человек в комбинезоне, слушал, как подметки его ботинок быстро шаркают по запекшейся земле. Лэс попытался сглотнуть, но дневной зной выпарил из тела всю влагу, и сухое горло лишь щелкнуло. Он думал о том, что человек может увидеть глубокий пропил в решетке окна.

Человек в ковбойской шляпе шагал быстро, лицо пустое и жесткое, руки негнущимися арками уперты в бока.

— Что он хочет с нами сделать? — От внезапно нахлынувшего страха Мэриан позабыла все физические страдания.

Лэс только покачал головой. Весь день он спрашивал себя о том же. И когда они оказались под замком, и когда хозяин ушел в дом, и в первые жуткие минуты заточения, и после, и когда Мэриан нашла в кармане шорт пилку, после чего бесформенная паника приобрела очертания надежды на бегство. Все это время тот же самый вопрос бесконечно терзал его. Что этот выродок хочет с ними сделать?

Однако человек подошел не к их клетке. От облегчения у них обоих едва не подкосились ноги. Человек даже не взглянул на их клетку. Он будто бы избегал смотреть в эту сторону.

Потом он скрылся из виду, и они услышали, как он отпирает другую клетку. От скрипа ржавых петель у Лэса окаменели мышцы живота.

Потом человек снова возник в поле зрения.

Мэриан задержала дыхание. Они оба наблюдали, как он выволок наружу бесчувственное тело и потащил по земле, пятки несчастного оставляли в пыли узкие борозды.

Пройдя несколько шагов, хозяин выпустил обессиленные руки жертвы, и тело с тяжким стуком упало на землю. Человек в комбинезоне посмотрел через плечо и вдруг резко повернул голову обратно. Они видели, как дернулся его кадык. Глаза его шарили по сторонам.

— Чего он высматривает? — спросила она прерывистым шепотом.

— Не знаю, Мэриан.

— Он бросил его прямо там! — Она едва не плакала.

В глазах обоих стояли смятение и испуг, они смотрели, как человек в комбинезоне возвращается в дом, длинные ноги шагали стремительно, голова рывками поворачивалась из стороны в сторону. «Господи боже мой, что же он высматривает?» — думал Лэс со все возрастающим ужасом.

Хозяин вдруг резко вздрогнул посреди шага и вцепился в левую руку. После чего внезапно кинулся бежать, как будто чего-то испугавшись, и взлетел по лестнице, перепрыгивая через две ступеньки сразу. Дверь за ним с грохотом захлопнулась, после чего наступила мертвая тишина.

Рыдание рвалось из горла Мэриан.

— Я боюсь,— проговорила она тоненьким дрожащим голосом.

Он и сам боялся. Не знал чего, но жутко боялся. Ледяной страх поднимался по спине и вцеплялся холодными лапами в шею. Лэс не сводил глаз с распростертого на земле тела, с неподвижного белого лица, которое невидящим взглядом уставилось в закатное небо.

Один раз человек вздрогнул, когда на другой стороне двора захлопнули и заперли заднюю дверь дома.

Тишина. Ее тяжкая завеса давила на них свинцовым грузом. Тело мужчины неподвижно лежало на земле. Они дышали часто, с трудом. Губы дрожали, взгляд, словно намагниченный, все время обращался на несчастного.

Мэриан сжала руку в кулак и впилась зубами в костяшки пальцев. Солнечный свет расстилался вдоль линии горизонта багровой лентой. Безмолвие. Давящее безмолвие.

Безмолвие.

Звук.

Они затаили дыхание. Они стояли, разинув рты, внимательно прислушиваясь, выискивая источник звука, который слышали только что. Тела их окоченели, пока они ловили в тишине...

Толчок, скольжение, извивы клейкого...

— Господи! — выдохнула Энн. В ужасе она отвернулась, закрыв глаза трясущимися руками.

Темнело, и он был не вполне уверен в том, что видит. Лэс стоял, оцепеневший, в зловонном воздухе клетки, обратив побелевшее лицо к твари, которая двигалась по двору к лежащему на земле телу. Существо, обладавшее формой, но бесформенное, ползло, словно густой поток мерцающего желе.

Вопль ужаса застрял у него в горле. Он пытался отодвинуться назад, но не мог. Он не хотел этого видеть. Не хотел слышать жуткого сосущего звука, как будто вода сливалась в гигантскую воронку, мутного бульканья, словно что-то жирное кипело в котле.

Нет, повторял его разум, не в силах принять происходящее, нет, нет, нет!

От прозвучавшего крика они оба дернулись, как бескостные марионетки, и Мэриан прижалась к стенке, дрожа от отвращения и страха.

А человек исчез с земли. Лэс смотрел на место, где только что лежало тело, на светящуюся массу, которая пульсировала,

словно гигантский комок планктона, заключенного в шар и колышущегося белыми волнами.

Он смотрел, пока человек не был съеден до конца.

Тогда он развернулся на затекших ногах и проковылял к Мэриан. Ее трясущиеся пальцы впились в его спину, и он ощутил, как залитое слезами лицо вжимается ему в плечо. Почти бесчувственными руками он провел по ее телу, по перекошенному от ужаса лицу. Смутно, сквозь охватившую его жуть, он понимал, что надо как-то успокоить ее, утишить ее страхи.

Но он не мог. Ему казалось, что пара невидимых когтистых лап вцепилась в грудь и выдрала все его внутренности. Ничего не осталось, только ледяная, скованная морозом дыра. И в эту дыру вонзался острый как бритва нож, каждый раз, когда он вспоминал, для чего они здесь.

Когда зазвучал крик, Мерв зажал руками уши с такой силой, что стало больно.

Казалось, он больше не может не слышать этот звук. Двери не закрыть достаточно плотно, окна как надо не заколотишь, да и стены слишком тонкие, крик всегда проникал сквозь них.

Может быть, дело было в том, что крик звучал у него в голове, где не было дверей, которые можно запереть, не было окон, которые можно закрыть, чтобы отгородиться от этого кошмарного звука. Да, наверное, это у него в голове. В таком случае понятно, почему он слышит крики даже во сне.

Когда все кончилось и Мерв понял, что существо ушло, он медленно добрел до кухни и открыл дверь. Затем, словно робот, понуждаемый безжалостными шестеренками, он подошел к календарю и обвел кружком дату. Воскресенье, двадцать второе августа.

Восьмой человек.

Карандаш выпал из ослабевших пальцев и покатился по линолеуму. Шестнадцать дней, по человеку каждые два дня, получается шестнадцать. Простой расчет. Только вот на деле все было не так просто.

Он метался по гостиной, входя и выходя из пятна света от лампы, оно будто покрывало его изможденное лицо маслом, которое стекало, как только он снова уходил в тень. Шестнадцать дней. Казалось, что прошло шестнадцать лет с тех пор, как он пошел в пустыню охотиться на зайцев. Неужели это было всего шестнадцать дней назад?

И он снова мысленно увидел ту сцену, воспоминания о ней не покидали его. Вот он бредет по залитым послеполуденным солнцем пескам, прижимая к бедру дробовик, медленно поворачивает голову, осматривается из-под полей шляпы.

Затем переваливает через гребень поросшей кустарником дюны и, охнув, останавливается. Глаза неотрывно смотрят на сферу, мерцающую, словно фонарь под водой. Сердце бьется неровно, все мышцы при этом зрелище свело судорогой.

Приблизившись, он оказался почти под самой сферой, алевшей в лучах заходящего солнца.

Возглас застрял в гортани, когда на поверхности шара возникло круглое жерло. Из жерла выплыло...

Он развернулся и побежал. Дыхание вырывалось со свистом, когда он бешено карабкался по подъему, увязая ногами в песке. Взобравшись на дюну, он помчался вниз длинными паническими прыжками, крепко зажатое в правой руке ружье больно колотило по ноге.

Потом над головой раздался звук, словно откуда-то вышел сжатый газ. Широко раскрытыми глазами он посмотрел через плечо. Испуганный вопль превратил лицо в гримасу ужаса.

В трех метрах над головой плыл светящийся шар.

Мерв ринулся вперед, высоко вскидывая на бегу ноги. Зловонный жар пыхнул в спину. Он снова поднял к небу полные страха глаза и увидел, что эта штука спускается к нему. В трех метрах над головой, в двух...

Мерв упал ничком на землю, развернулся, вскинул дробовик. Тишину пустыни разбил выстрел.

Придушенный крик вырвался из горла, когда дробинки отскочили от светящегося шара, словно камешки от резинового мяча. Перекатываясь на бок, он понял, что несколько из них впились в руку и плечо, и ружье выпало из потерявшей чувствительность ладони. Полтора метра, метр, жара обволакивала, из-за удушливой вони все вокруг плыло перед глазами.

Он взмахнул руками:

— Нет!

Как-то раз он случайно прыгнул в болото и завяз в горячем иле. Теперь он испытывал похожие ощущения, только на этот раз болото само прыгнуло на него. Крики заглохли, потонув в полупрозрачной оболочке, а руки и ноги накрепко засели в клейкой массе. Застывшие в испуге глаза видели перед собой мутный желатин, наполненный вращающимися блестками.

Ужас впивался в череп, он чувствовал, как жизнь медленно уходит от него.

Но он не умер.

Он вдохнул, и оказалось, что вдохнул воздух, пусть и наполненный жуткой вонью, от которой переворачивались кишки. Легкие трудились изо всех сил. После вдоха его вырвало.

А потом что-то вошло в его мозг.

Он пытался повернуться и закричать, но ничего не получилось. Ощущение было такое, словно по мозгу ползают ядовитые змеи, впиваясь зубами в материю его мыслей.

Змеи свивались кольцами и сжимались. «Я могу убить тебя прямо сейчас»,— зазвучали жгучие, как кислота, слова. Мускулы лица напряглись, однако даже они не могли двигаться в зловонном клею.

А потом другие слова оформились и запылали, выжигая в мозгу нестираемые следы.

«Ты достанешь мне еду».

Он и теперь дрожал, стоя перед календарем и глядя на обведенные карандашом даты.

А что еще ему остается? Вопрос явился в его разум, словно жалкий проситель. Существо очистило его сознание. Он знал о своем доме, о заправке, о жене, о своем прошлом. Оно сказало ему, что делать, не оставив выбора. Он обязан исполнять приказ. А захотел бы кто-нибудь умереть вот так по собственному выбору, захотел бы? Не пообещал бы все на свете, лишь бы избавиться от подобного кошмара?

С угрюмым лицом и сотрясаемый дрожью он поднялся на ватных ногах по лестнице, к спальне, хотя понимал, что заснуть не удастся.

Повалившись на кровать, он скинул один башмак и уставился пустыми глазами в пол, на коврик, который так давно связала Элси.

Да, он согласился исполнять приказы существа. И оно сунуло ему глубоко под кожу крошечный жужжащий конус, освободиться от которого он мог только ценой своей жизни, разрезав собственную плоть.

После чего чудовищная жижа отрыгнула его на песок пустыни, и он лежал, онемевший и парализованный, пока существо медленно взмывало вверх. И слышал в голове последнее предупреждение...

«Через два дня...»

И началось. Бесконечный, доводящий до исступления ритуал: заточение невинных людей ради того, чтобы самому спастись от уготованной им участи.

И жутким, по-настоящему жутким было то, что он знал — он будет делать это снова и снова. Он знал, что сделает все, лишь бы не подпустить тварь к себе. Даже если это означает, что женщине придется...

Он сжал губы. Глаза закрылись, и он сел на кровати, не в силах унять дрожь.

А что он станет делать, когда люди закончатся? Что он станет делать, если никто больше не заедет на заправку? Что он сделает, когда полиция начнет поиски одиннадцати пропавших?

Плечи дернулись, и тоскливое рыдание вырвалось из горла.

Прежде чем снова лечь, он сделал большой глоток из початой бутылки виски. Он лежал в темноте, сплошной натянутый нерв, замерший в ожидании, и маленькая теплая лужица в животе была не в силах прогнать холод и пустоту, поселившиеся внутри.

Конус в руке продолжал вращаться.

Лэс отогнул последний прут и секунду постоял, вытянув наружу голову. Он тяжело дышал сквозь сжатые зубы, тело сотрясалось от изможденных выдохов. В каждой мышце спины, плеч, рук пульсировала боль.

Он прерывисто набрал воздуха в легкие.

— Идем.

Руки тряслись, когда он помогал Мэриан вылезать из окна.

— Не шуми.— Он с трудом говорил из-за жажды, голода, жары и изнурительной работы (казалось, прутья придется пилить вечно).

Он не смог поднять ноги, надо было вылезать в топорщившуюся острыми краями прутьев дыру головой вперед. Он проталкивался и извивался, чувствуя, как царапины пролегают по потному телу. Выбравшись, он упал на руки, и от боли темноту на мгновение пронзили всполохи света.

Мэриан помогла ему подняться.

— Идем,— задыхаясь, повторил он, и они побежали к фасаду дома.

Внезапно он схватил ее за руку и рывком остановил.

— Сними сандалии! — приказал он сипло.

Мэриан быстро наклонилась и расстегнула застежки.

В доме было темно, когда они огибали черный угол и крались вдоль стены под окнами, в которых отражалась луна. Мэриан сморщилась, когда в ногу впился острый камешек.

— Слава богу,— пробормотал Лэс, когда они оказались с другой стороны дома.

Машина стояла на месте. Когда они побежали к ней, он сунул руку в задний карман и вынул бумажник. Трясущимися пальцами пошарил в маленьком отделении и ощутил холод запасного ключа зажигания. Он был уверен, что в машине ключей не окажется.

Они добежали до машины.

— Быстрей,— выдохнул он, они открыли дверцы и скользнули внутрь.

Лэс только сейчас заметил, что на прохладном ночном ветерке его колотит дрожь. Он вынул ключ и принялся тыкать им в замок. Они оставили дверцы открытыми, собираясь захлопнуть, лишь когда мотор заведется.

Лэс вставил-таки ключ и испустил прерывистый стиснутый вздох. Если хозяин что-нибудь сделал с мотором, им конец.

— Ну, поехали,— прошептал он, нажимая кнопку стартера.

Мотор кашлянул и издал одиночный стон. Горло Лэса дернулось, он убрал руку и с опаской посмотрел на темный дом.

— О боже, неужели не заведется? — тихонько простонала Мэриан, чувствуя, как по рукам и ногам бегут мурашки.

— Не знаю, надеюсь, это из-за того, что мотор остыл,— спешно проговорил он. Он задержал дыхание, затем снова нажал на кнопку, оттягивая воздушную заслонку.

Мотор сделал еще один сонный оборот. «Господи, он что-то сделал с машиной!» — слова взорвались в голове Лэса. Он лихорадочно жал на кнопку, тело его окоченело от страха. «Ну почему мы не поехали по главной дороге!» — пришла новая мысль, от которой на лице залегли глубокие морщины.

— Лэс!

Он почувствовал, как она вцепилась ему в руку, и почти инстинктивно бросил взгляд на дом.

В окне второго этажа вспыхнул свет.

— Боже, заводись! — закричал он безумно и ткнул в кнопку непослушным пальцем.

Мотор закашлялся, возвращаясь к жизни, и Лэса накрыла волна облегчения. Они с Мэриан одновременно захлопнули

дверцы, пока он увеличивал число оборотов, чтобы прогреть мотор.

Когда он включил первую передачу, в окне появился силуэт человека: голова и торс. Тот кричал что-то, но они не расслышали слов за ревом мотора.

Машина дернулась вперед и заглохла.

Лэс шипел от бессильной ярости, снова нажимая кнопку. Мотор завелся, и Лэс отпустил сцепление. Колеса запрыгали по неровной почве. Человек на втором этаже отошел от окна, и Мэриан, не сводившая с дома глаз, увидела, как свет загорелся внизу.

— Быстрее! — умоляла она.

Машина набрала скорость, и Лэс, перейдя на вторую передачу, резко развернулся. Покрышки заскользили по сухой земле, а когда машина выезжала на колею, Лэс переключился на третью передачу и ткнул в кнопку, отчего две фары залили дорогу впереди ярким светом.

Позади прозвучал громкий хлопок, и оба невольно вжали головы в плечи, когда что-то с пронзительным свистом пронеслось над крышей. Лэс утопил педаль газа в пол, и машина рванула вперед, подскакивая на ухабистой колее.

Еще один выстрел разорвал ночь, и половина заднего стекла осыпалась ливнем мелких осколков. И снова они невольно съежились, а Лэс застонал, когда один из сверкающих осколков впился в шею.

Руки на руле дернулись, машина угодила в небольшую выбоину, и ее почти вынесло с колеи. Пальцы судорожно сжались, и окаменевшими руками Лэс вернул машину обратно.

— Где он? — крикнул он Мэриан.

Она развернулся к Лэсу.

— Я его не вижу!

Машина ныряла и выбиралась из ям, фары бешено дергались от каждого движения.

Добраться до ближайшего города, лихорадочно размышлял он, рассказать обо всем шерифу, попытаться спасти того второго беднягу. Нога давила на педаль все сильнее по мере того, как выравнивалась колея. Доехать до ближайшего города и...

— Берегись! — закричала она.

Он не сумел вовремя затормозить. Капот «форда», разбивая в щепы, врезался в тяжелые ворота, которые перегораживали колею, и машина резко остановилась. Мэриан швырнуло вис-

ком на лобовое стекло. Двигатель заглох, обе фары разбились вдребезги.

Лэс, едва дыша, оторвался от руля.

— Мэриан, скорей,— выдохнул он.

Приглушенное рыдание вырвалось из ее горла.

— Моя голова, моя голова!

Онемевший от потрясения, Лэс секунду сидел, глядя, как от нестерпимой боли она водит головой из стороны в сторону и прижимает ко лбу ладонь.

После чего он открыл дверцу со своей стороны и потянул Мэриан за свободную руку.

— Милая, нам надо убираться отсюда!

Она бессильно плакала, пока он почти волоком вытаскивал ее из машины, а после обхватил за талию, чтобы хоть как-то поддержать. За спиной Лэс услышал топот тяжелых башмаков и, обернувшись через плечо, увидел, как яркая короткая вспышка зажглась и понеслась в их сторону.

Мэриан упала у ворот. Лэс весь дрожал от натуги, пытаясь ее поднять, а к ним бежал человек. В правой руке он сжимал револьвер сорок пятого калибра, а в левой — фонарик. Лэс зажмурился, когда луч света ударил по глазам.

— Назад,— коротко сказал тяжело дышащий человек, и Лэс увидел, как дуло качнулось, указывая на дом.

— Но моя жена ранена! Она ударилась головой о лобовое стекло. Не станешь же ты снова сажать ее в клетку!

— Я сказал, назад!

От крика Лэс вздрогнул.

— Но она не может идти, она без сознания!

Он слышал, как сиплый выдох сотряс все тело человека, и заметил, что тот голый до пояса и дрожит от холода.

— Тогда неси ее,— приказал человек.

— Но...

— А не то я тебя прямо здесь пристрелю! — заорал он в бешенстве.

— Не надо, не надо.

Лэс нервно передернулся, поднимая обмякшее тело Мэриан. Человек отошел в сторону, и Лэс побрел по колее, пытаясь одновременно смотреть в лицо Мэриан и себе под ноги.

— Милая,— шептал он.— Мэриан?

Ее голова безжизненно болталась у него на плече, короткие светлые волосы, пока он ее нес, взъерошились на висках и на

лбу. В нем все росло и росло напряжение, пока не захотелось кричать.

— Зачем ты это делаешь? — внезапно взорвался он, бросая слова через плечо.

Ответа не было, лишь ритмичное топанье тяжелых башмаков по запекшейся земле.

— Как ты можешь делать такое с людьми? — надрывался Лэс.— Хватать себе подобных, чтобы отдать их этому... этому... одному богу ведомо, что это такое!

— Заткнись! — Но в голосе человека угадывалась попытка защититься, а не злость.

— Слушай,— произнес Лэс внезапно, поддаваясь импульсу,— отпусти мою жену. Оставь меня, если так тебе надо, но... но отпусти ее. Прошу!

Человек промолчал, и Лэс в безысходности закусил губу. Он смотрел на Мэриан больными, испуганными глазами.

— Мэриан,— позвал он.— Мэриан.

Его трясло на ночном холоде.

Дом размытым силуэтом выступил из плоской черноты пустыни.

— Ради всего святого, не сажай ее в клетку! — в отчаянии закричал он.

— Назад.— Голос человека звучал ровно, в нем не было ничего — ни обещания пощады, ни сострадания.

Лэс окоченел. Будь он один, развернулся бы и набросился бы на подонка. Не стал бы по доброй воле возвращаться обратно, снова проходить мимо дома, идти к клеткам, отдавать себя в жертву той твари.

Но с ним была Мэриан.

Он перешагнул через брошенное на земле ружье и услышал за спиной ворчание человека, который нагнулся, чтобы поднять оружие. Я должен вытащить ее отсюда, думал он, обязан!

Все случилось раньше, чем он успел что-либо предпринять. Лэс услышал, как человек неожиданно зашел ему за спину, и ощутил укол в правое плечо. Дыхание перехватило от внезапного жжения, он развернулся так быстро, как только мог, удерживаемый весом безжизненного тела Мэриан.

— Что ты?..

Он не сумел даже завершить фразу. Вдруг показалось, что по венам заструилась горячая, вызывающая онемение жидкость.

Безграничная апатия сковала руки и ноги, он едва чувствовал их, когда человек забирал у него Мэриан.

Качнувшись, Лэс сделал шаг, и ночь вокруг расцветили сверкающие точки света. Земля, словно вода, заструилась под ногами, колени подогнулись, как резиновые.

— Нет,— пробурчал он в полусне.

И рухнул. Удара о землю он уже не почувствовал.

Брюхо сферы было теплым. Оно колебалось от волн густого, клубящегося жара. Во влажной полутьме покоилось существо, его бесформенное тело подрагивало в монотонной пульсации дремы. Существу было уютно, оно испытывало довольство, свернувшись причудливым кольцом, словно какая-то инопланетная кошка у камина.

На два ближайших дня.

Его разбудили пронзительные крики. Он дернулся и разомкнул губы, словно собирался что-то сказать. Но губы оказались сделанными из железа. Они бессильно отвисли, и он не мог ими пошевелить. Лишь громадным усилием воли он заставил себя поднять веки.

Воздух в клетке колебался и мерцал от солнечных лучей. Он медленно заморгал, посмотрел мутным взглядом. Руки слабо хлопали по бокам, будто рыбины, выброшенные на берег.

Кричал человек из соседней клетки. Несчастный вынырнул из дурмана и теперь бился в истерике, потому что все знал.

Лэс медленно, старательно наморщил залитый потом лоб. Он может думать. Тело его похоже на большой валун, неуклюжий и беспомощный. Но под неподвижным гранитом мозг его функционирует так же уверенно, как и раньше.

Он закрыл глаза. От этого стало только хуже. Пришло осознание того, что ему предстоит пережить: известный в самых жутких деталях конец, но перед этим — беспомощное ожидание, которое пугало еще больше.

Ему показалось, он чуть дрогнул, но сказать наверняка не мог. То существо, что оно такое? Он не знал ничего похожего, ему не на что было опереться, чтобы построить рациональное объяснение. То, что он видел той ночью, находилось за гранью...

Какой сегодня день? И где...

Мэриан!

Словно булыжник прокатился у него в голове. В горле защелкало, слюна потекла из уголков рта, но он этого не заметил. Лэс снова заставил себя открыть глаза.

Паника вонзила клинок в мозг, хотя это и никак не отразилось на его лице.

Мэриан рядом не было.

Она лежала на постели в тяжелом наркотическом забытьи. Мерв положил новый мокрый компресс ей на лоб, на ссадину на правом виске.

И теперь стоял тихо и глядел на нее. Он только что вернулся от клеток, где снова сделал успокаивающую инъекцию тому человеку, который кричал. Интересно, что за наркотик дало ему существо, какое воздействие он оказывает. Он надеялся, что чувствительность теряется полностью.

Потому что для этого человека настал последний день.

Нет, это все чертово воображение, вдруг сказал он самому себе. Она нисколько не похожа на Элси, совсем не похожа.

Все это его воображение. Он хотел, чтобы она была похожа на Элси, вот и все. Он проглотил застрявший в горле комок. Глупец. Слово тупо ударило по мозгам. Она не похожа на Элси.

На мгновение он позволил взгляду пройтись по телу женщины, по плавному подъему груди, стройным бедрам, длинным ногам. Мэриан. Так называл ее муж. Мэриан.

Красивое имя.

Сердито передернув плечами, он отвернулся от кровати и быстро вышел из комнаты. Да что с ним такое творится? Что он собирается делать, отпустить ее? Не было никакого резона тащить ее в дом две ночи назад, устраивать ее в свободной спальне. Вообще никакого смысла. Он не может позволить себе ощущать к ней симпатию и вообще к кому-либо. Если это произойдет, он покойник. Это же очевидно.

Спускаясь по ступеням, он пытался снова вспомнить ужас от пребывания внутри желатиновой массы. Старался воскресить кошмар, испепеляющий разум. Но почему-то воспоминание постоянно ускользало, словно уносимое ветром облако, и вместо этого он все время думал о женщине. Мэриан. Нет, она все-таки очень похожа на Элси, те же волосы, те же губы.

Нет!

Он оставит ее в спальне, пока не закончится действие наркотика. А потом перетащит обратно в клетку. «Либо они, либо

я! — сердито твердил он самому себе.— Я не хочу умереть вот так! Только не это!»

Он спорил с собой всю дорогу до заправки.

«Должно быть, я обезумел. Вот так взять ее в дом, жалеть ее. Я не могу себе этого позволить. Не могу. Она для меня означает два дня, и только, два дня отсрочки...»

На заправке было пустынно и тихо. Мерв остановил тягач и вышел.

Ботинки хрустели по сухой земле, пока он неутомимо вышагивал между колонками. «Я не могу ее отпустить!» — кричал он самому себе с лицом, перекошенным от ярости. Он передернулся, осознав, что уже целых два дня только об этом и думает.

— Ну почему не мужчина! — бормотал он себе под нос, упираясь в бока тугими кулаками.

Он поднял левую руку и посмотрел на розовеющую шишку. Когда же он решится вырвать эту штуку из собственной плоти? Когда?

Потом подъехала машина. Машина коммивояжера, пыльная и перегретая.

Пока закачивал бензин, пока проверял уровень масла и воды, Мерв постоянно поглядывал из-под полей шляпы на распаренного коротышку в льняном костюме и панаме. Заменить ее. Мерв еще не позволил мысли оформиться, но уже ощущал ее присутствие. Он поймал себя на том, что смотрит на номерной знак.

Аризона.

Лицо напряглось. Нет. Нет, он всегда перехватывал машины только из других штатов, так безопаснее. Я должен отпустить его, думал он с тоской, мне придется. Я не могу позволить, чтобы...

Но когда коротышка потянулся за бумажником, рука Мерва сама скользнула в задний карман и пальцы сомкнулись на теплой рукояти револьвера сорок пятого калибра.

Коротышка вздрогнул, разинув рот, при виде большого пистолета.

— Что это? — проговорил он слабо.

Мерв не стал объяснять.

Ночь проводила черными леденящими пальцами по движущемуся пузырю. Земля отступала перед колышущейся массой.

Почему это воздух так мало насыщен питательными веществами, почему атмосфера давит так слабо? Эта земля, она та-

кая вялая, умирающая, ее порождающие жизнь газы почти истощились.

По мере скользкого, оставляющего грязный след движения существо думало о том, как отсюда сбежать.

Сколько времени уже проведено в этой пустынной местности? Сложно сказать: солнце этой планеты появлялось и исчезало с доводящей до безумия быстротой, тьма и свет мелькали, сменяя друг друга в мгновение ока.

А на корабле все хронометрические приборы были разбиты, и починить их не было никакой возможности. Больше не было ни одного ориентира, не было привычного ритма, на который можно положиться. Существо потерялось в этом разреженном пространстве, полном горячего камня, не в силах делать что-либо еще, кроме поддержания жизненных функций.

Из черноты вдалеке возникло жилище обитателя этой планеты, причудливо квадратное и угловатое. То было глупое животное, безмозглое животное, не способное к рациональному мышлению, которое могло лишь издавать дикие придушенные крики и хлопать своими усиками, как ночные растения с родной планеты существа. А их тела, они такие жесткие из-за кальциевых окаменелостей внутри и с настолько низкой питательностью, что существо вынуждено есть в два раза чаще обычного, ведь такое чудовищное количество энергии уходит на переваривание.

Ближе. Щелканье сделалось громче.

Животное здесь, как обычно, неподвижно лежит на земле, его усики свернутые и вялые. Существо протянуло нити мыслей и принялось высасывать из животного соки медленно текущего сознания. Что за варварское место, если это самые разумные здесь твари. Существо подобралось ближе, извиваясь и стелясь по обдуваемой ветром земле.

Животное закопошилось, и мощная волна сотрясла разум существа. Если бы не угроза смерти от истощения, ничто не заставило бы его впитывать в себя этих дергающихся тварей с жесткими каркасами внутри.

Пузырь коснулся усика. Существо растеклось по телу животного и замерло подрагивающей массой. Зрительные клетки передали изображение животного, глядящего вверх широко раскрытыми глазами. Слуховые клетки передали дикий, странный шум, какой производило умирающее животное. Тактильные клетки передали слабые колебания его тела.

И где-то в глубине своего умственного центра существо ощутило не ведающее устали щелканье, доносившееся из темной берлоги, где затаилось, дрожа от страха, первое животное — то животное, в чей вялый усик был вставлен конус, определяющий местоположение.

Существо принялось есть. И в процессе поглощения пищи размышляло, хватит ли здесь еды, чтобы продержаться...

...тысячу земных лет его жизни.

Он лежал обмякшей тушей на полу клетки, сердце прыгало в груди — на него смотрел человек в комбинезоне.

Лэс испытывал стенки клетки на прочность, когда услышал, как хлопнула дверь дома, а потом раздался звук шагов вниз по ступенькам крыльца. Он шлепнулся на пол и быстро перекатился на спину, отчаянно стараясь припомнить, в какой позе лежал под действием наркотика, вяло раскинул руки по сторонам, чуть подтянул вверх правую ногу, закрыл глаза. Нельзя, чтобы выродок узнал, что Лэс пришел в сознание. Он должен открыть дверцу клетки, ничего не подозревая.

Лэс заставил себя дышать медленно и размеренно, хотя от этого у него заболело в животе. Человек не проронил ни звука, пока смотрел на него. Когда он отопрет замок, продолжал твердить себе Лэс, как только я услышу, что дверца открылась, я прыгну.

Кадык разок дернулся. А вдруг он поймет, что Лэс притворяется? Все мышцы напряглись, он ждал звука открывающейся дверцы. Скорее всего, это последний шанс выбраться.

Потом он услышал звук удаляющихся шагов. Лэс внезапно открыл глаза, выражение потрясенного неверия исказило его лицо. Человек не собирался отпирать его клетку!

Он долго лежал на одном месте и дрожал, безмолвно глядя за забранное решеткой окно, где недавно стоял человек в комбинезоне. Хотелось закричать во весь голос, колотить кулаками по двери, пока не разобьет руки в кровь.

— Нет... нет,— стонал он.

Наконец Лэс рывком поднялся и встал на колени. Осторожно посмотрел в окно. Человека нигде не было.

Он скорчился на полу и в очередной раз обшарил карманы.

Бумажник. Внутри всякая ерунда. Носовой платок, огрызок карандаша, сорок семь центов, расческа.

И все.

Он подержал предметы на ладони, долго глядел на них, словно они как-то могли помочь в этой жуткой ситуации. Должен же быть выход, нельзя ведь смириться с тем, что и он тоже в конце концов будет лежать на земле, как и все остальные, брошенный этой дряни, чтобы она...

— Нет!

Рука нервно дернулась, и содержимое бумажника выпало на грязный пол клетки, губы сжались, приглушив вопль ужаса. Не может быть, чтобы такое происходило на самом деле... наверное, это сон!

В отчаянии он упал на колени и снова принялся шарить трясущимися пальцами по стенкам клетки, выискивая трещину, расшатанную доску, что угодно.

В тщетных поисках он старался не думать о надвигающейся ночи и о том, что она принесет.

Но ни о чем другом он думать не мог.

Она села, хватая ртом воздух, когда мозолистые пальцы погладили ее по волосам. Расширенные глаза с ужасом уставились на хозяина, и тот отдернул ладонь.

— Элси,— прошептал он.

В лицо ударил запах виски, она поморщилась и отстранилась, руки сами вцепились в простыню на кровати.

— Элси,— повторил он глухо, глядя ей в лицо пьяными глазами.

Кровать заскрипела, когда она принялась пятиться назад, пока не уперлась спиной в деревянное изголовье.

— Элси, я не хотел,— проговорил человек; черные сосульки волос, прилипшие к вискам, жаркое дыхание из раскрытого рта.—Элси, не... не бойся меня.

— Г-где мой муж?

— Элси, ты так похожа на Элси,— захлебывался словами человек, налитые кровью глаза умоляли ее.— Ты так похожа на Элси, о... боже мой, ты просто вылитая Элси.

— Где мой муж?

Его рука сжала ее запястье, и она ощутила, как тело дергают, словно тряпичную куклу, после чего оказалась прижатой к груди человека. Ее окутало облако перегара.

— Нет,— вскрикнула она, упираясь руками ему в плечи.

— Я люблю тебя, Элси, люблю тебя!

— Лэс! — Ее вопль заполнил маленькую комнату.

Она отшвырнула в сторону его большую руку, когда он провел ладонью по ее щеке.

— Он мертв! — сипло прокричал человек.— Оно его сожрало, сожрало его! Слышишь?

Она отодвинулась к изголовью, глаза ее застыли от ужаса.

— Нет.— Она даже не сознавала, что произносит это вслух.

Человек с усилием поднялся на покачивающихся ногах и посмотрел сверху вниз на ее побелевшее лицо.

— Думаешь, я хотел? — спросил он подавленно, и слезы покатились по покрытому щетиной подбородку.— Думаешь, мне это нравится? — Рыдание вырвалось из груди.— Мне совсем не хотелось. Но ты не знаешь, ты не зна-а-ешь. Я был внутри, внутри! О господи... ты не знаешь, на что это похоже. Не представляешь себе!

Он тяжело опустился на кровать, голова упала вперед, грудь содрогалась от беспомощных рыданий.

— Я не хотел. Господи, неужели ты думаешь, что я мог сам этого захотеть?

Она прижимала левый кулак к зубам. Казалось, она не в силах дышать. Нет. Ее разум сопротивлялся, не желал верить. Нет, это неправда, это неправда.

Внезапно она свесила ноги с кровати и встала. За окном был закат. Оно приходит только с наступлением темноты, в отчаянии твердил ей разум, не раньше, чем стемнеет. Но вот сколько времени она провела без сознания?

Человек смотрел на нее покрасневшими глазами.

— Ч-что ты делаешь?

Она бросилась к выходу.

Только она распахнула дверь, человек кинулся за ней, и они оба врезались в косяк. Она задохнулась, в голове снова запульсировала боль. Человек вцепился в нее, она чувствовала, как его руки шарят по ее груди и плечам.

— Элси, Элси...— произносил он, снова пытаясь ее поцеловать.

И тут она заметила на столе рядом тяжелый кувшин. Она едва ощущала его стальные объятия, его грубый жесткий рот впивался в ее губы. Вытянутые пальцы Мэриан сомкнулись на ручке кувшина, она подняла его...

Крупные черепки белой глины посыпались на пол, и комнату заполнил крик боли.

А потом Мэриан застыла, привалившись к стене и хватая ртом воздух. Она глядела на его скорченное тело, на толстые пальцы, все еще цепляющиеся за ковер.

Вдруг взгляд метнулся к окну. Солнце почти село.

Она кинулась к неподвижному телу и склонилась над ним. Трясущиеся пальцы шарили по карманам его комбинезона, пока не отыскали связку ключей.

Выбегая из комнаты, она услышала, как хозяин застонал, и мельком увидела через плечо, как он медленно перекатывается на спину.

Мэриан выбежала в коридор, рывком распахнула входную дверь. Умирающее солнце заливало небосклон кровью.

Задыхаясь, она спрыгнула со ступеней крыльца и помчалась отчаянными, неверными скачками вокруг дома, даже не чувствуя, как в ноги впиваются камни. На бегу она вглядывалась в молчаливый ряд клеток впереди. «Это неправда, это неправда,—слова продолжали звучать в ее мозгу,— он солгал». Рыдание слетело с губ. Он солгал!

Темнота спустилась быстро, как занавес, когда Мэриан на дрожащих ногах приблизилась к первой клетке.

Пусто.

Еще одно рыдание вырвалось из горла. Она подбежала к следующей клетке. Он солгал!

Пусто.

— Нет. Лэс!

— Мэриан! — Он подскочил на полу клетки, дикая надежда отразилась на его лице.

— О, дорогой! — Ее голос был не более чем дрожащее, лишенное сил бормотание.— А он сказал мне...

— Мэриан, открой клетку. Быстрей! Оно близко.

Ее руки неудержимо тряслись, пока она пыталась вставить ключ в замок. Ключ не подошел. Она до боли закусила губу. Попробовала второй ключ. Он тоже не подошел.

— Скорее.

— О господи! — Она плакала, вставляя третий ключ. Не подошел и он.

— Не могу найти...

Внезапно голос ее прервался, дыхание перехватило. Мэриан ощутила, как окаменели конечности.

В тишине раздавался звук чего-то громадного, тихо ползущего по земле.

— О нет! — Она торопливо огляделась, затем снова посмотрела на Лэса.

— Все в порядке, детка. Не волнуйся. У нас еще полно времени.— Он перевел дух.— Попробуй другой ключ. Вот так. Нет, нет, вон тот. Ничего страшного. Теперь тот. Нет, не подходит. Попробуй следующий.— Его внутренности сжимались в тугой узел.

Мэриан до крови прокусила нижнюю губу. Она поморщилась и уронила ключи. С приглушенным стоном нагнулась и подхватила связку. Свистящий, чавкающий звук, идущий из пустыни, сделался громче.

— О, Лэс, я не могу, не могу!

— Ничего, ничего, детка,— услышал он собственный голос,— ничего страшного. Беги к шоссе.

Она посмотрела на него, лицо ее вдруг лишилось всякого выражения.

— Что?

— Милая, ради бога, не стой больше здесь! — закричал он.— Беги!

Она выровняла сотрясавшее ее дыхание и снова впилась зубами в ранку на губе. Руки перестали дрожать, почти онемели, она попробовала следующий ключ, следующий, пока Лэс стоял и смотрел полными ужаса глазами на Мэриан и на пустыню позади нее.

— Милая, не...

Замок со щелчком открылся. Обессиленно застонав, Лэс распахнул дверь и схватил Мэриан за руку, одновременно в сумеречном воздухе раздалось пронзительное шипение.

— Бежим! — выдохнул он.— Не смотри назад!

Они бежали, бешено вскидывая ноги, прочь от клеток, прочь от двухметрового комка переливающейся живой материи, который втекал во двор, словно желе из чудовищных размеров миски. Лэс и Мэриан старались не слушать, не оглядывались, они бежали, подгоняемые паникой, и пытались не сбиться с ритма.

Их машина снова стояла перед домом, капот был смят. Они распахнули дверцы и как безумные кинулись внутрь. Дрожащие пальцы Лэса нащупали все еще торчащий в замке зажигания ключ. Он повернул его, нажимая на кнопку стартера.

— Лэс, оно ползет сюда!

Мотор с шумом завелся, и машина рванулась вперед. Он не смотрел назад, только переключал передачи и жал на газ, пока машина не оказалась вновь на колее.

Лэс повернул направо и поехал в сторону города, который, как ему сейчас казалось, они проезжали вечность назад. Он вжимал педаль газа в пол, и машина все набирала скорость. Без фар он плохо видел дорогу, но нога словно прилипла к педали. Машина с ревом неслась по темной дороге, и Лэс впервые за четыре дня начал дышать нормально, пока...

существо пенилось и качалось, растекаясь по земле, и ярость клокотала в его недрах. Животное подвело, еды нет, еда сбежала. Существо неистово свивалось кольцами, выискивая; зрительные клетки исследовали землю; светящаяся, защищенная оболочкой бесформенная субстанция расползалась по покрытой коростой земле. Ничего. Существо нахлынуло, словно некий зловещий прилив, на дом, оно шло на щелкающий звук в...

руке Мерва, которая дрогнула в конвульсии. Он сел, пристально глядя широко раскрытыми глазами. Боль вгоняла в мозг ржавые гвозди — боль в голове, боль в руке. Конус походил на роющее нору насекомое, орудующее острыми как бритвы лапками, пытающееся прорыть в его плоти тоннель. Мерв, скрипя зубами, встал на колени, взгляд туманился от боли.

Не успел он подняться на ноги, как дом сотряс оглушительный грохот. Мерв судорожно дернулся, нижняя челюсть отвисла. Костер, прожигающий руку насквозь, все разгорался, и он вдруг понял. Подвывая от ужаса, он кинулся в коридор, поглядел в темный провал лестницы и увидел, как...

существо всползало по ступенькам, его семьдесят прозрачных глаз сверкали, а мерцающее бесформенное тело тянулось к животному. Оно шипело от безумной ярости и пузырилось, вытекая из своей аморфной оболочки, оно с чавканьем втаскивало себя по угловатым ступенькам. Животное развернулось и кинулось бежать...

к задней лестнице! Это единственный шанс. Он не мог вдохнуть, воздух будто стал жидким. Подметки башмаков прогрохотали по полу коридора, потом через темноту спальни. Слышно было, как за спиной трещат и ломаются перила: существо поднималось на второй этаж и формой сейчас походило на бумеранг.

Мерв бросился вниз по крутой лестнице, трясущиеся руки хватались за перила, сердце колотилось в груди тяжким молотом. Он сипло прокричал что-то: руку вновь пронзила пульсирующая боль, от которой он едва не лишился сознания.

Уже оказавшись внизу, он услышал, как дверь спальни с грохотом распахнулась, как стало беситься существо, когда оно...

доползло и ударилось в дверь задней лестницы, отшвыривая ее со своего пути. Оно слышало снизу топот убегающего животного. Затем клейкая субстанция лишилась привычных свойств, существо потеряло цепкость и кубарем покатилось по лестнице, и все семьсот его щупальцев хватались за ступеньки и скользили по занозистым доскам.

Оно ударилось о пол внизу, протиснуло свою бесформенную тушу в дверной проем, вскипая и растекаясь по полу кухни, а в гостиной...

Мерв подбегал к каминной полке. Он сдернул, ухватив за дуло, маузер и развернулся; существо уже проталкивало светящееся тело в дверь.

В комнате зазвенело эхо выстрелов, после того как Мерв выпустил всю обойму в рвущуюся к нему тушу. Пули бессильно отскакивали от оболочки существа, и Мерв с испуганным криком отбежал назад, оружие выпало из рук. Он случайно сбил с каминной полки портрет жены и услышал, как стекло разбилось об пол. На миг его искаженному сознанию показалось, что это она сама лежит там, на полу, что это лицо Элси улыбается ему из-под осколков стекла.

А потом рука нащупала что-то твердое. И вдруг стало абсолютно ясно, что ему теперь делать.

Когда существо встало на дыбы, чтобы обрушить на него всю свою текучую массу, Мерв отскочил в сторону. Каминная полка разбилась вдребезги, по стене пошла трещина.

Затем, когда существо отпрянуло назад, чтобы снова наброситься на него, Мерв выдернул из гранаты чеку и крепко прижал к груди.

Тупое животное! Теперь я убью тебя за...

Больно!!!

Ткани разорвались, оболочка распалась, существо размазалось по полу, словно раздавленный слизняк, вязким потоком протоплазмы.

После чего в комнате наступила тишина. Мозговые центры существа отключались один за другим, разреженная атмосфера лишала жизни каждую частичку его ткани. Останки чуть подрагивали, клетки существа и его желатиновые сочленения корчились в агонии. Мысли путались.

Жизненные соки вытекали. Свет, дающий тепло и жизнь пульсирующей материи, иссякал. Отдельные органы, обособленные клетки, волнующееся содержимое сосуда для пищи разбухало, разбухало, расползалось. Где же они? Где хозяева, которые дали мне жизнь, чтобы я могло кормить их, никогда не теряя своего объема и энергии?

А потом существо, которое некогда зародилось в толстом слое гидропоники, умерло, позабыв, что это оно само однажды ночью пожрало своих хозяев, переварив вместе с телами и все знания, какие содержались в их головах.

В субботу, двадцать второго августа, в тот год в пустыне произошел чудовищный взрыв, и даже люди, жившие в тридцати километрах от эпицентра, находили у себя во дворах странные металлические обломки.

— Метеорит,— говорили люди. Но только потому, что им нужно было что-то сказать.

Любознательное дитя

Дело идет к вечеру. Обычный день, ничем не отличающийся от сотни других дней. Солнце покрывает бронзовым налетом окна, выходящие на Джерси, стада машин блеют на улицах, бесчисленные каблуки спешно стучат по тротуарам. Конторы делового квартала погружены в летаргическую дрему никому не нужной работы. Близится пять часов еще одного вечера. Несколько минут, и толпа ринется к метро, к автобусам, к такси; несколько минут — и начнется столпотворение.

Роберт Грэхем сидел за столом, дорисовывая последние детали, карандаш медленно двигался по листу бумаги. Закончив, он взглянул на часы. Почти пора уходить. Он со стоном поднялся и медленно потянулся, обменявшись улыбками с девушкой, которая сидела по другую сторону прохода. Потом пошел в уборную, умылся, застегнул воротничок, поправил галстук, причесал как следует темные волосы. Все были готовы сорваться с места, как только часовая стрелка окажется в миллиметре от пятерки.

Вернувшись в контору, Роберт Грэхем бросил последний взгляд на бумаги. Вскоре пробило пять, и, положив листы в коробку с надписью «Отправить», он двинулся к вешалке. Усталым движением сунул руки в рукава пальто, нахлобучил шляпу. Очередной рабочий день завершен. Теперь поездка домой, обед, вечер дома, скорее всего телевизор или бридж с Оливерами.

Роберт Грэхем медленно прошагал по коридору к толпе, скопившейся у лифта. Пришлось переждать две загрузки, прежде чем обнаружилось место и для него. Он втиснулся в душный, набитый до отказа куб, дверцы захлопнулись, и пол под ногами ухнул вниз.

© Перевод Е. Королевой.

Спускаясь, он попытался вспомнить, что́ Люсиль просила захватить по пути домой. Корицу? Перец? Лук? Он медленно покачал головой. Люсиль говорила, что напишет список, но он отказался. Люсиль вечно предлагает написать список, но он всегда отказывается, а потом, конечно, забывает, что же нужно купить. Память такая странная штука.

Дверцы лифта распахнулись, и Роберт Грэхем привычным путем прошел через запруженное народом фойе и оказался на улице.

Где все и началось.

«Боже,— подумал он,— где же я оставил машину?» На секунду его почти рассмешил внезапный провал в памяти. Затем он нахмурился и попытался вспомнить.

Этим утром было несколько мест, где он мог припарковаться. Во-первых, место прямо напротив здания, однако туда перед его носом встал грузовик службы доставки. Не было времени дожидаться и выяснять, не уедет ли грузовик через пару минут, поэтому он поехал дальше и повернул за угол направо.

В следующем квартале какая-то дамочка на желтом «понтиаке» втиснулась на свободное место, опередив его на считаные секунды. Через несколько машин отсюда было еще одно место, но, пока он пропускал двух женщин, переходящих дорогу, заняли и его.

Только эти размышления никак не помогли. Он все равно не мог вспомнить, где оставил машину. В нерешительности он топтался на тротуаре, раздраженный такой нелепой забывчивостью. Он прекрасно знал, что припарковал машину в квартале или в двух от конторы. Надо посмотреть, нет ли ее на стоянке рядом с ресторанчиком, где он обедает (тридцать пять центов за час, семьдесят пять центов максимум)... вдруг машина там?

Нет, там ее нет. Он почему-то был в этом уверен.

На него налетела женщина, согнутая под весом многочисленных свертков. Роберт Грэхем извинился и отошел к стене, убравшись с дороги. Он стоял, с досадой пытаясь вспомнить, где же покинул машину.

Нет, это абсурд, размышлял он рассерженно. Но гнев не помогал. Он раздраженно шевелил пальцами. «Ну давай, вспоминай! — понукал он себя.— В скольких местах ты мог припарковаться? Их не так уж много».

Наверное, перед цветочным магазином, решил он. Он часто оставлял машину там.

В нетерпении он отскочил от стены и быстро дошел до угла, где свернул прямо на Двадцать вторую. Он ощущал некоторую тревогу из-за этакой забывчивости. Конечно, это мелочь, да, но подобная мелочь обескураживает, когда происходит ни с того ни с сего. Он зашагал быстрее, чувствуя, как напряжение охватывает все тело.

Перед цветочным магазином машины не было.

Он стоял, тупо таращась на то место, где обычно парковался. Он мысленно видел, как у кромки тротуара стоит его зеленый «форд» с белобокими покрышками, он...

Образ исчез, распался на части, и вдруг он понял, что теперь видит внутренним взором стоящий на этом месте голубой «шевроле». Он моргнул, от смятения голова пошла кругом. Он водит зеленый «форд», модель пятьдесят четвертого года. У него давно уже нет голубого «шевроле»...

Или есть?

Роберт Грэхем ощутил, что сердце как-то неестественно резонирует, словно барабан в пустой комнате. Что же, ради всего святого, творится? Сначала он забыл, где оставил машину, и вот теперь он даже не знает толком, как эта машина выглядит. «Форд» пятьдесят четвертого, «шевроле» сорок девятого...

Неожиданно в голове замелькали образы всех машин, какие у него когда-либо были, начиная от «франклина» тридцать второго года с воздушным охлаждением, заканчивая «фордом» пятьдесят четвертого. Впечатление было такое, будто годы скачут в чехарде и прошлое перемешивается с настоящим. Сорок седьмой год — «плимут», тридцать восьмой — «понтиак», сорок пятый — «шевроле», тридцать пятый...

Он оцепенел от злости на собственный разум. Это же просто нелепо! Он слышал, как слова звучат в потрясенном мозгу. «Мне тридцать семь лет, сейчас тысяча девятьсот пятьдесят четвертый год, и у меня зеленый “форд”». От такого винегрета в мозгах, от такой смеси нынешнего и давно прошедшего было не по себе. Да, это в высшей степени нелепо, когда человек не может даже вспомнить, где припарковал свою машину. Это похоже на дурной сон. Однако это больше, чем просто сон.

К тому же это пугает.

Казалось бы, совершенная мелочь — всего-навсего машина. Однако машина была частью его существования, и эта часть лишилась своего точного значения, что и пугало.

«Хватит,— сказал он себе,— давай-ка во всем разберемся. Где, черт возьми, я припарковался?» Где-то неподалеку, потому что он пришел на работу вовремя, хотя добрался до делового квартала не раньше чем без четверти девять. «Шевроле», «плимут», «понтиак», «шевроле», «додж»... он старался не обращать внимания на вереницу названий, мелькающих в голове. «Где же я припарковался? А если...»

Мысль ворвалась внезапно. Роберт Грэхем застыл — недвижный остров в море людской толпы. Растерянность и потрясение отразились на лице.

А с каких это пор у него есть машина?

Мышцы напряглись, он испуганно уставился на кромку тротуара. «А что, если... о господи, что же это такое?» Что-то ускользало из его разума, то, что он всегда знал, уплывало и таяло...

Роберт Грэхем расслабился и огляделся по сторонам. «Боже мой, чего ради я тут стою,— подумал он,— мне ведь пора домой».

И он двинулся в сторону метро.

Так чего там хотела Люсиль? Корицу? Кофе? Паприку? Проклятье, ну почему он не может вспомнить? Ладно, ничего страшного, вспомнит по пути. Он спешно завернул за угол, остановился, чтобы захватить в киоске вечернюю газету.

И только оказавшись на ступенях подземного перехода, он снова замер. Он стоял, а люди толкали его, уходя в сумрачное подземелье.

«Местный до Четырнадцатой улицы,— звучало в голове,— Брайтон-экспресс до...»

Но он же живет на Манхэттене.

«Погоди-ка минутку, постой». Разум спешно старался предупредить возврат того лихорадочного, судорожного состояния. Восемьдесят седьмая Вест-стрит, дом пятьсот шестьдесят восемь, вот где он живет. К чему вся эта чушь про Брайтон-экспресс? Он начал спускаться по ступеням. Когда-то он жил в Бруклине, Седьмая Ист-стрит, двести двадцать два. Но больше он там не живет...

Внизу лестницы он снова остановился, привалившись к белым плиткам стены, и на лице его читалось смятение. Он же

ведь жил в Бруклине? В маленьком домике рядом с Проспект-парк? Он чувствовал, как каменеют мышцы лица, как дыхание прерывисто вырывается из легких. «Что же творится? — слабо прозвучал в голове вопрос.— Что же со мной такое?»

Он вдруг завертел головой. «Что я вообще делаю здесь, когда у меня есть машина?» — беспокойно подумал он.

Машина? У него дернулась щека. Нет никакой машины. Он...

Роберт Грэхем неуверенно двинулся по переходу. Манхэттен, твердил он себе. «Я живу в северной части Манхэттена, Восемьдесят седьмая Вест-стрит, дом пятьсот шестьдесят восемь, квартира три Цэ. Нет, не так, я живу в Бруклине, дом пятьдесят шесть девяносто восемь... Мэнхилл-авеню, Куинс».

Куинс! Господи боже, да они с Люсиль не живут в Куинсе уже лет пятнадцать!

Пайн-драйв, пятьдесят семь, Аллендейл, Нью-Джерси. Роберт Грэхем застыл, чувствуя жар и напряжение в животе. Глаза бездумно блуждали по сумраку перехода, провожая спешащих к турникетам людей. Он уставился на плакат напротив, где был изображен розовый носорог, держащий на роге ржаной хлебец Фельдмана: «Свежее завтрашнего!» А его ошеломленный разум пытался ухватиться хоть за что-нибудь неколебимое, что-нибудь незыблемое.

Но адреса всплывали в голове, булькая пеной номеров, улиц, городов, штатов: Манхэттен, Бруклин, Куинс, Стейтен-Айленд, Нью-Джерси. Господи, нет, он же уехал из Нью-Джерси в семнадцать лет! Мэнхилл-авеню, пятьдесят шесть девяносто восемь, Бедфорд-авеню, девятнадцать ноль два, Пайн-драйв, пятьдесят семь, Семьдесят пятая Ист-стрит, тридцать три шестьдесят...

Сиротский приют Агнца Божьего.

Роберт Грэхем содрогнулся. Он уже много месяцев не вспоминал о приюте, в котором провел семь лет. Он судорожно сглотнул застрявший в горле комок и ощутил, как пот выступает на висках. Понял, что до сих пор торчит, будто статуя, в подземном переходе, зажав в трясущейся руке газету, а люди проносятся мимо, толкая недвижное тело.

Он закрыл глаза, и его начало неудержимо трясти. «Ладно, ладно,— думал он спешно,— наверное, я перетрудился. Все ж таки разум хрупкая штука, он может сломаться, когда ты меньше всего этого ждешь».

Трясущимися пальцами он вынул из заднего кармана брюк бумажник. «Если я не в состоянии вспомнить,— сказал он се-

бе,— значит, я найду адрес в удостоверении личности, вот и все. Быстро, спокойно доеду домой, потом позвоню доктору Вольфу и...»

Роберт Грэхем уставился на водительские права в своем бумажнике.

Чуть слышный всхлип вырвался из горла. «Но у меня же нет машины,— услышал он протест своего разума,— у меня нет...»

Пальцы дрогнули, и бумажник упал на бетонный пол. Он нервно наклонился и поднял его. «Я болен,— подумал он,— я болен, нужно срочно попасть домой». Взгляд скользил по правам. «Нью-Йорк, Бруклин восемнадцать, Седьмая Ист-стрит, дом двести двадцать два». Сунув бумажник в карман пальто, он спешно зашагал по переходу.

Что-то принудило его остановиться у самых турникетов — какой-то выверт памяти, укол воспоминания: что-то по поводу не отправленного в автоинспекцию сообщения о смене адреса; что-то по поводу знакомой до последней детали мебели в квартире на Манхэттене, Люсиль, которая готовит ужин и...

— Прошу прощения, мистер, не позволите пройти? — Раздраженный голос молодой женщины.

Роберт Грэхем спешно отодвинулся от турникета и снова прислонился к плиткам стены, по спине пробежал ледяной ручеек.

«Я не знаю, где живу».

Он сказал это. Признался самому себе. «Я помню все места, где когда-либо жил, но не могу вспомнить, где живу сейчас». Безумие, но это так. Он помнил квартиру на Восемьдесят седьмой улице, маленький домик в Бруклине, квартиру в Куинсе, и бунгало на Стейтен-Айленд, и...

Он ощущал головокружение. Головокружение и страх. Хотелось схватить кого-нибудь и попросить довести его до дому, он хотел сказать, что забыл все, что нуждается в помощи.

Он снова достал бумажник и открыл его трясущимися пальцами. Социальная страховка за номером сто двадцать восемь — шестнадцать — пятьдесят шесть — двадцать девять, Роберт Грэхем. Бесполезно. Человек может знать свое имя. Но как насчет того, где он живет?

Читательский билет, «Публичная библиотека Куинса». Но он же больше не живет в Куинсе! Билет давно пора выбросить, он все равно не продлен. Проклятье! Грудь вздымалась, сотрясаемая мелкой дрожью. Что же с ним случилось? Все вдруг по-

теряло свой смысл. Выходишь однажды с работы вечером в четверг и...

О нет!

Он заставил себя сжать губы. Четверг, это был четверг. Точно? У него отвисла челюсть, и он крепко стиснул ее, внезапно испугавшись, что и тело начнет вдруг распадаться на части. Весь дрожа, он стоял и глядел болезненными глазами на проходящих через турникеты, прислушиваясь к бесконечному стуку поворачиваемых ими тяжелых деревянных перекладин.

Какой сегодня день? Он должен ответить на этот вопрос. Понедельник. Они с Люсиль вчера ходили в парк, катались по озеру на лодке. Нет, неверно, ведь он помнит, что вчера как раз подписывали этот контракт Бартона — Дозье.

В горле что-то щелкнуло. Он оторвался от холодной стены, потом снова прислонился, все еще сжимая в пальцах бумажник. «Четверг,— сказал он себе, стараясь изо всех сил сосредоточиться,— сегодня четверг, четверг, четверг! Я вышел из конторы мистера...»

О святый боже, на кого он работает?!

И он дернулся, словно собирался от кого-то убежать. Но тут же замер на неверных ногах, не зная, идти ли вперед, вернуться назад или остаться на месте.

Даже не сознавая того, он машинально вынул из кармана брюк пятицентовик и попытался кинуть в щель турникета.

Кто-то уперся ему в спину.

— Что случилось, приятель? — услышал Роберт Грэхем мужской голос.

— Этот... этот пятицентовик,— произнес он.— Не лезет.

Мужчина секунду поглядел на него. Потом щеки его раздулись от сдерживаемого смеха.

— Ну и дела! Пятицентовик! Откуда ты взялся?

Роберт Грэхем уставился на человека, что-то холодное и жуткое поднималось кверху из живота. Испустив слабый стон, он внезапно проскочил мимо человека.

Остановился у стены и оглянулся, грудь поднималась и опадала толчками в такт стесненному дыханию. «Я не знаю, что делаю,— думал он, ощущая внутри себя только страх,— не знаю, куда еду, где живу, на кого работаю. Я даже не знаю, какой сегодня день недели!» Пот заливал лицо, и, потянувшись за носовым платком, он заметил...

Газета! Он быстро развернул ее.

Среда. Прерывистый вздох облегчения сорвался с губ. Вот... вот... по крайней мере, что-то, что-то основательное, за что можно ухватиться. Среда. Сегодня среда. Горло дернулось. «Слава богу, хотя бы это я теперь знаю».

Он утер пот. «Ладно.— Самообладание возвращалось к нему.— Пусть что-то случилось у меня с головой. Я должен добраться до дому и получить необходимое лечение. Загляни в бумажник, там наверняка есть хоть что-то с твоим адресом, карточка книжного клуба, военный билет, медицинский полис, твой...»

Газета упорхнула на пол, когда Роберт Грэхем принялся лихорадочно хлопать себя по карманам. Пальцы обшаривали одежду, из горла рвались рыдания. Нет, о господи, нет!

— Я его выронил!

Он произнес это вслух, сдавленным голосом, вдруг отказавшись поддаваться накатывающей на него панике. «Я его выронил. Наверное, около турникета. У меня в руках было слишком много всего: газета, монетка, бумажник. Я его выронил. Сейчас я пойду и найду его».

Он медленно брел по переходу, ссутулившись и шаря взглядом по полу. Пол был усеян почерневшими пятнами жевательной резинки и засыпан мусором: конфетные обертки, смятые бумажные стаканчики, рваные газеты, растоптанные окурки.

Бумажника на полу не было, точно так же, как не было его под турникетом.

Он прижал трясущуюся руку к щеке. «Нет-нет, все это происходит не на самом деле,— уговаривал он себя,— это просто сон, безумный кошмар». Словно в дремоте, он пробирался сквозь беспорядочные толпы, выискивая взглядом бумажник.

Может, его кто-нибудь нашел, пронзила мысль.

— Прошу прощения,— сказал он человеку в будке размсника.

Тот взглянул на него с раздражением, а люди позади Роберта Грэхема недовольно поджали губы.

— Да, в чем дело? — спросил человек в будке.

— Здесь никто не оставлял найденный бумажник? — спросил его Роберт Грэхем.— Я...

— Нет, нет никакого бумажника.

Роберт Грэхем непонимающе уставился на него.

— Мистер, смотрите, сколько людей ждет, чтобы разменять деньги,— нетерпеливо произнес служащий.

Роберт Грэхем развернулся и, громко сопя, заковылял по переходу. Хотелось заплакать, и он прикусил нижнюю губу. Нет, нет, все это неправда. Он огляделся кругом затравленными, бессмысленными глазами. Все как будто плыло куда-то прочь, реальность затуманивалась, его жизнь затягивало пеленой спутанных воспоминаний.

— Нет!

Люди смотрели на человека, который закричал посреди спешащей толпы.

Нет, это просто абсурд! Это же его мир, его жизнь, обыденная жизнь тысяча девятьсот пятьдесят четвертого года! Он не сошел с ума, он мыслит так же рационально, как и все, и он должен поскорее попасть домой.

Сделав вид, что его вовсе не колотит нервная дрожь, он быстро вернулся назад по переходу к ряду телефонных будок у стены. «Ладно, я не могу вспомнить, где живу. Значит, я найду свой адрес в справочнике. Просмотрю все адреса. Не думаю, что там очень много Робертов...»

Робертов...

Он резко остановился, скованный страхом. Люди торопливо проходили мимо, они спешили по домам. Они знали, где их дома. Они помнили собственные фамилии.

— Это же...

Смешно? Он не смог завершить предложение, начатое сиплым, задыхающимся голосом. Было вовсе не смешно. Было жутко. Как удар под дых, настоящий кошмар. Разум покидает его, его разум гибнет! Он должен попасть домой, в... в... в...

О господи!

Проходящие мимо женщины отшатнулись от человека, который стоял посреди перехода и содрогался от рыданий. Они с любопытством оглядывались на него, спеша дальше.

Он ринулся как сумасшедший через толпу.

— Надо найти выход,— все время бормотал он себе под нос.— Найти выход...

Вдруг он увидел, как какое-то странное облако двинулось по переходу, наползая на людей. Они вроде бы не замечали его, хотя и не могли пройти насквозь.

Зато он заметил. И крик застрял в горле, когда он развернулся и на ватных ногах кинулся по переходу в обратную сторону.

«Я не знаю, кто я такой,— слова продолжали рваться из него, пока он пытался спастись,— я не знаю, кто я!» Он оглянулся через плечо. Облако быстро приближалось, оно уже было в паре метров. Он крутанулся на месте.

Человек закричал.

А потом его окутала ночь, ночь, которую пронизали блики света, вспыхивающие, словно рыбки в темном озере. Ему показалось, он видит какое-то необычное лицо. Показалось, он слышит:

— Ну иди же скорей.

После чего он упал. Тьма заклубилась в мозгу, и он позабыл обо всем.

Он лежал, глядя на говорившего с ним человека, абсолютно безволосого человека в сияющем балахоне.

— Мы очень долго искали тебя,— сказал человек.— Дело в том, что, когда тебе было два года, ты жил с отцом, ученым. И однажды вошел во временной экран. Просто из любопытства. И случайно привел его в действие.

Мы знали, что ты попал в прошлое, в тысяча девятьсот девятнадцатый год, но только не знали, куда именно ты ушел. Поиски дались нелегко. Но вот теперь ты вернулся.

Нам жаль, что тебе пришлось пережить такой страх, но тут мы ничего не могли поделать. Понимаешь, чем ближе мы подбирались к тебе, тем сильнее у тебя в голове спутывалось прошлое и настоящее, а когда мы подошли вплотную, ты полностью потерял ориентацию.

Человек тонко улыбнулся, когда Роберт бросил задумчивый взгляд на удивительный сверкающий город за окном.

— Ты родом отсюда,— произнес человек.— Добро пожаловать домой!

Дорогой дневник

10 июня 1954 года

Дорогой дневник!

Честное слово, меня по временам настолько мутит от этой чертовой меблирашки, что вот-вот вывернет наизнанку!

Окно такое грязное — до середины дня кажется, будто идет дождь, даже если на улице вовсю светит солнце.

А вид из него! Нижнее белье, развешанное на веревках. Женские пояса и халаты. Одного этого достаточно, чтобы молодой девушке захотелось помереть. И еще эта вонь!

И жлоб, что живет напротив. Из-за него вконец никакой жизни. Где он только берет деньги на выпивку? Может, грабит старушек. Пьяный, все время орет песни, каждый раз норовит облапать меня в коридоре, а коридор, доложу я, что в каталажке из того фильма с Эрролом Флинном*. За два цента — нет, меньше — я могла бы заказать по почте пистолет тридцать второго калибра. А потом пристрелила бы эту тварь. Меня бы посадили, и не о чем больше беспокоиться. А-а-а, только дело того не стоит!

Да, еще и завтра вечером будет веселье. Гарри Хартли ведет меня в «Парамаунт» и хочет, чтобы за какое-то вшивое шоу и дешевое китайское рагу я всю ночь играла с ним в мужа и жену. Нет, подумать только!

Господи, здесь такая жара и вонища!

Надо бы постирать кое-что на завтра. Воротит от самой мысли. Эй, заткнитесь там! Через дорогу сходят с ума эти тупицы —

© Перевод Е. Королевой.

* Эррол Флинн (1909–1959) — голливудский актер, секс-символ 1930–1940-х. *(Прим. ред.)*

шум, гам! Нью-йоркские «Гиганты», бруклинские «Доджеры»*, чтоб они все передохли!

А как подумаю, что завтра лезть в паршивое метро — дважды! Душегубка, все как сардины в банке, рожи красные, как у раков. Вот радость-то!

Господи, что бы я отдала, лишь бы выбраться из этой дыры. Даже вышла бы замуж за Гарри Хартли, только знаю, что тогда станет еще хуже.

Эх, поехать бы в Голливуд и стать звездой, как Эва Гарднер** или вроде того. Чтоб все мужики падали на колени, лишь бы ручку поцеловать. «Убирайся, Кларк, с тобой скучно!»*** Да, мне было бы с ним скучно. Я бы заставила его попресмыкаться.

Черт, что за паршивое место! У девушки здесь нет никакого будущего. Чего тут ждать? Ни одного ухажера, кроме этого жирного недоумка. Гарри Китайское Рагу — вот как я его буду звать.

Через две недели отпуск. Две недели безделья. Поеду с Глэдис на Кони-Айленд. Буду сидеть на проклятом пляже, глядеть, как в воде плавает мусор, и сходить с ума при виде не замечающих никого вокруг целующихся парочек. А потом я обгорю, может быть, даже скакнет температура. И еще посмотрю миллион фильмов. Ну и отдых, нечего сказать!

Вот бы перенестись на пару тысяч лет вперед, это было бы здорово. Никакой работы. Жила бы себе в чудном местечке, повсюду космические корабли, на обед — таблетки, занимайся любовью, сколько влезет. Как бы хотелось попробовать! Таблетки, естественно. Вот было б весело!

А в этом времени совершенно некуда деться. Сплошные войны, люди только и делают, что собачатся, и чего же девушке ждать от жизни?

Прах побери, пора идти стирать треклятое белье.

10 июня 3954 года

Дорогой факторегистратор!

По временам меня так достает это проклятое пластоидное жилище, что так и тянет на акт регургитации.

---

* «New York Giants», «Brooklyn Dodgers» — команды, играющие в американский футбол. *(Прим. ред.)*

** Эва Гарднер — голливудская актриса, секс-символ 1940–1950-х. *(Прим. ред.)*

*** По-видимому, имеется в виду Кларк Гейбл, голливудский актер, секс-символ 1930–1940-х. *(Прим. ред.)*

Что за убогий вид!

По другую сторону скоростного шоссе — космопорт. И всю ночь напролет: вжик-вжик, вжик-вжик! — и еще красные вспышки выхлопов. Сколько ни натирай глаза и уши нарколосьоном — ничуть не помогает. От всего этого можно просто заболеть. И еще эта вонища!

И кретин сосед со своей лучевой машиной. Меня бесит, что он может видеть сквозь пластоид. Даже когда я поднимаю у себя волокнистый экран, я чувствую, как он таращится на меня. Откуда, интересно, он достает покупательские билеты на конструктивные материалы? За работу в космопорте платят не так много. Может быть даже, он крадет использованные билеты в конторе.

За два мини-билета я бы запросто купила в оружейной лавке атомный пистолет и размазала чертова извращенца по панели! Меня бы отправили в тюрьму на Венеру, и больше никаких хлопот.

Нет, дело того не стоит. Не переношу жару и песчаные бури.

Да, а завтра вечером вот еще будет веселье — Хендрик Халли ведет меня в Космический театр, и за одно паршивое представление и тухлое фрикасе из лунной мыши он ждет, что я пойду на риск оплодотворения. Подумать только!

Ох, как же жарко. А мою дурную электростиралку переклинило как раз тогда, когда она нужнее всего. Придется лететь стирать одежду в Космомат, а я так устаю от ночных перелетов.

О, снова они принялись за свое, эти придурки через дорогу. Ну почему они не отключат громкоговорители? Вот, опять началось! Марсианские «Иглз», лунные «Рэд Сокс»* — да чтоб их всех засосало в вакуум!

А как подумаю о том, что завтра лезть в проклятую ракету — дважды! — громыхающее чудовище. Представить только — больше часа до Марса! Жуть!

Нет, это уж слишком. Все бы отдала, лишь бы выбраться из этой дыры. Даже согласилась бы на создание общественной ячейки с Хендриком Халли. Великие галактики, надеюсь, до этого не дойдет!

Вот уехать бы в театральную столицу и стать известной, как Джилл Финг или вроде того. Чтобы все мужики падали в об-

---

* На данный момент существуют команды «Boston Red Sox» (бейсбол) и «Philadelphia Eagles» (американский футбол). *(Прим. ред.)*

морок и умоляли лететь с ними на их родную планету. Этот сверкающий стерильный город мне опостылел.

Ну что за гнусное место! Какое будущее ждет здесь молодую девушку? Никакого. Ни одного поклонника, который имел бы на меня притязания,— если не считать эту Лунную Мышь Халли с его паршивенькой ракеткой, у которой даже проржавели швы. Я не отважилась бы смотаться на этой развалине хотя бы и в Европу.

Через две недели отпуск. Делать будет нечего. Тухлая поездка на Лунный курорт. Сидеть там у кошмарного бассейна и смотреть, как милуются парочки. А потом я наглотаюсь красной пыли, и у меня подскочит температура. И еще я миллион раз схожу в Космический театр. О, какая тоска!

Хотелось бы мне попасть в древние времена, на много тысяч лет назад. Вот тогда человек понимал что почем. Дел было невпроворот. Люди были людьми, а не лысыми, беззубыми идиотами, какими стали теперь.

Можно было бы делать все, что заблагорассудится, без всякого правительства, которое следит за каждым твоим шагом.

В нашем времени нет смысла поддерживать существование. Чего молодой девушке вроде меня ждать от такой эпохи?

Вот черт. Пора лететь в Космомат стирать белье.

XXXX

Дорогая каменная плита!

По временам меня так мутит от этой проклятой пещеры, что...

Кукла, которая делает все

Поэт возопил:

— Дьявольское отродье! Мерзкая ящерица! Чокнутый кенгуру!

Его худосочный силуэт метнулся в дверной проем, где и застыл, парализованный.

— Враг рода человеческого! — изрыгнул он.

Адресат воплей, угрожающих довести поэта до апоплексического удара, в блаженном забвении сидел на корточках возле сугроба из превращенного в конфетти манускрипта. Манускрипта, рожденного в жестоких муках, отпечатанного в судорожной агонии.

— Бешеный осьминог! Косорукая обезьяна! — Налитые кровью глаза Рутлена Бьюсона чуть ли не выдавливали стекла очков с черепаховой оправой. Упершиеся в тощие бока руки дрожали, словно жерди штакетника на ураганном ветру. Бушевала буря из бурь.— Гунн! — завелся он снова.— Гот! Ирокез! Свихнувшийся нигилист!

Слюна стекала из уголков стиснутого рта, а маленький Гарднер Бьюсон одарил трясущегося родителя однозубой улыбкой. Клочки поэтического труда торчали из пухлых кулачков, и чуть потная полусфера груди вздымалась над изорванными амфибрахиями с ямбическими вариациями.

Рутлен Бьюсон испустил душераздирающий стон.

— Гнусность,— стенал он срывающимся голосом.— Полный бедлам.

Затем глаза его внезапно сверкнули металлическим блеском, а пальцы скрючились в жесте душителя.

© Перевод Е. Королевой.

— Я прикончу его,— слабо забормотал он.— Я сверну ему шею собственными руками.

В этот критический момент Афина Бьюсон, в заляпанном рабочем халате, с руками, сочащимися жидкой глиной, ворвалась в комнату, словно мстительный призрак, восставший из грязи.

— Ну, что на этот раз? — спросила она сквозь сжатые зубы.

— Посмотри! Посмотри! — Указательный палец Рутлена Бьюсона подергивался, когда он показывал на их веселящегося младенца.— Он уничтожил мою «Песнь приюта»! — Близорукие глаза вновь вышли из орбит, горя безумием.— Я его прирежу! — пообещал он трагичным шепотом.— Я прирежу эту сушеную змею!

— О... успокойся,— приказала Афина, оттаскивая назад охваченного жаждой крови супруга и поднимая сына за обслюнявленную распашонку.

Повиснув над бедром явившейся музы, он таращился на мать озорными глазами.

— Негодник! — выкрикнула она и шлепнула его по пухлому заду.

Гарднер Бьюсон завопил в возбужденном протесте, но, будучи выставленным за дверь, удалился, его маленький разум уже сосредоточился на другом занятии. С куском глины, прилипшим к распашонке, он, озорно поглядывая, заковылял в царство многочисленных ломких предметов — в гостиную, а Афина обернулась к упавшему на колени мужу. Он ошеломленно застыл среди обращенного в прах десятилетнего труда.

— Я убью себя,— изнывал поэт, сгорбившись.— Я впрысну себе в вены какой-нибудь яд.

— Брось,— резко произнесла Афина, ее лицо превратилось в угрюмую маску.

Рутлен вскочил на ноги.

— Я убью его, да, я убью хитрую тварь,— проговорил он, опустошенный потрясением.

— Но это не выход,— возразила жена.— Даже если...

Ее глаза на миг потеплели, когда она представила, как сталкивает Гарднера в бассейн с аллигаторами. Полные губы дрогнули, почти сложившись в трепетную улыбку.

Но затем зеленые глаза потускнели.

— Только это не выход,— повторила она,— и настало время решить раз и навсегда проклятую проблему.

Рутлен уперся застывшим взглядом в ошметки своего сочинения.

— Я его убью.— Он изучал разрозненные обрывки.— Я его...

— Рутлен, выслушай меня,— сказала она, сжимая в кулаки измазанные глиной ладони.

Его безжизненный взгляд на миг переместился на жену.

— Гарднеру нужен товарищ для игр,— провозгласила она.— Я читала в одной книге. Ему нужен товарищ.

— Я убью его,— твердил Рутлен.

— Да будешь ты слушать?

— Убью его.

— Я говорю, Гарднеру нужен товарищ для игр! И мне плевать, можем мы себе это позволить или нет, но ему нужен товарищ!

— Убью,— шипел поэт.— Убью.

— И мне плевать, что у нас нет денег! Тебе нужно время для поэзии, мне нужно время для скульптуры!

— Моя «Песнь приюта»!

— Рутлен Бьюсон! — заорала Афина за миг до того, как с оглушительным грохотом разбилась ваза.— Господи боже, что теперь? — воскликнула она.

Они обнаружили его висящим на каминной полке, он мерзкими воплями требовал помощи и немедленной смены подгузника...

КУКЛА, КОТОРАЯ ДЕЛАЕТ ВСЕ!

Афина стояла перед стеклянной витриной, в глубоком раздумье кусая губы. Перед ее мысленным взором пытались прийти в равновесие две чаши весов: на одной — насущная необходимость, а на другой — недостаток средств. От угрюмых размышлений брови нахмурились. У них нет денег, это очевидно. Детский сад не подходит, гувернантка исключается. Однако должен же найтись выход, просто обязан.

Афина собралась с духом и вошла в магазин.

Продавец вскинул голову, от дружелюбной улыбки, какой он встречал покупательницу, на розовых щеках заиграли ямочки.

— Эта кукла,— начала Афина.— Она действительно делает все, как утверждает вывеска?

— Эта кукла,— лучился счастьем продавец,— не знает себе равных, это непревзойденная игрушка. Она ходит, разговаривает, ест и пьет, производит телесные выделения, сопит во сне,

пляшет джигу, качается на качелях и поет песенки из семи самых популярных среди детей фильмов.— Он пополнил истощившийся запас воздуха в легких.

— А сколько она...

— Она может проплыть пятнадцать метров кролем, читает книжки, разыгрывает тринадцать несложных этюдов на фортепьяно, косит газоны, сама себе меняет подгузники, лазает по деревьям и рыгает.

— А сколько она...

— И еще она растет.

— Она...

— Растет,— с выражением повторил продавец, хитро прищурившись.— Внутри пластикового тела имеются все клетки и протоплазма, необходимые для цикла развития, длящегося двадцать лет.

Афина от изумления разинула рот.

— Одна тысяча семьдесят пять, достойная цена,— завершил продавец.— Вам завернуть или вы хотите довести ее до дома пешком?

Мысли, будто рой сердитых шершней, жужжали в голове Афины Бьюсон. Какой это будет чудесный товарищ для Гарднера. Но тысяча семьдесят пять! Когда Рутлен увидит чек, от его крика повылетают стекла.

— Вы сделаете правильный выбор,— произнес продавец.

Ему необходим товарищ!

— Можно запросто оформить покупку в кредит.— Продавец легко догадался, в чем причина нерешительности, и нанес coup de grâce*.

Все мысли исчезли, словно фишки, сметенные крупье с игрового стола. Глаза Афины загорелись, внезапная улыбка тронула уголки рта.

— Куклу-мальчика,— попросила она живо.— Годовалого.

Продавец поспешил к полкам...

Стекла не вылетели, но в ушах у Афины звенело даже полчаса спустя.

— Ты рехнулась? — вопил муж, и от его крика в мозг впивались кинжалы.— Тысячу семьдесят пять!

— Можно платить по частям.

---

* *Здесь:* последний, решающий удар *(фр.). (Прим. ред.)*

— Чем? — взвизгнул он.— Возвращенными рукописями и глиной?

— А ты бы хотел,— заморгала Афина,— чтобы твой сын целыми днями был один? Слонялся по дому. Рвал. Разбивал. Трепал. Громил.

Рутлен болезненно кривился при каждом слове, будто утыканные гвоздями дубинки вонзались ему в голову. Глаза за толстенными линзами закрылись. Он припадочно трясся.

— Хватит.— Он поднял, сдаваясь, бледную руку.— Хватит, хватит.

— Давай покажем куклу Гарднеру,— предложила возбужденная Афина.

Они поспешили в маленькую спальню сына. Тот был занят тем, что обрывал занавески. Рутлен зашипел, втянув внутрь щеки, оттащил сына от подоконника и стукнул костяшками пальцев по голове. Гарднер разок моргнул глазами-бусинками.

— Опусти его на пол,— быстро произнесла Афина.— Пусть посмотрит.

Гарднер, разинув рот с одиноким зубом, уставился на небольшую куклу, которая молча стояла перед ним. Кукла была примерно его роста, темноволосая, синеглазая, румяная, в подгузнике, в точности как настоящий младенец.

Гарднер сердито заморгал.

— Запускай механизм,— шепнул Рутлен, и Афина, наклонившись, нажала на едва заметную кнопку.

Гарднер, задумчиво пуская слюни, шлепнулся на зад, когда игрушечный мальчик улыбнулся ему.

— Ба-би-ба-ба-а! — истерически завопил Гарднер.

— Ба-би-ба-ба-а! — эхом отозвалась кукла.

Гарднер, широко распахнув глаза, быстро отполз назад и, опасливо съежившись, наблюдал, как игрушечный мальчик надвигается на него. Дальше была стена, и он так и застыл, сжавшись в комок от изумления, пока кукла не остановилась прямо перед ним.

— Ба-би-ба-ба-а.— Мальчик-кукла снова улыбнулся, потом рыгнул и принялся отплясывать джигу на линолеумном полу.

Пухлые губы Гарднера вдруг растянулись в ухмылке слабоумного. Он счастливо забулькал. Глаза родителей разом сомкнулись, блаженные улыбки расцвели на благодарных лицах, все мысли о финансовой стороне вопроса испарились.

— Бо-о-же,— в изумлении протянула Афина.

— Не могу поверить, что это правда,— произнес супруг с благоговейным трепетом...

Несколько недель они были неразлучны, Гарднер и его работающий от мотора друг. Они вместе сидели на корточках, обмениваясь бессмысленными взглядами, хихикали по поводу каких-то личных радостей и вообще получали полное удовольствие от своего слюнявого тет-а-тет. Что бы ни делал Гарднер, кукла делала то же самое.

Что касается Рутлена и Афины, они праздновали восстановление почти позабытого мира. Вопли, от которых нервы завязывались в узлы, больше не ударяли молотом по голове, и грохот разбившейся посуды больше не стоял в воздухе. Рутлен сочинял стихи, Афина ваяла, каждый в своем благословенном уединении.

— Вот видишь? — сказала она как-то вечером за столом.— Вот и все, что было нужно,— компаньон.

И Рутлен покивал, со всей серьезностью признавая жизненную мудрость жены.

— Верно, так и есть,— счастливо прошептал он.

Неделя, месяц. Затем, постепенно, начались метаморфозы.

Однажды утром глаза Рутлена, погрязшего в вязком болоте пентаметра, вдруг превратились в мраморные сферы.

— Чу! — Он обратился в слух.

Треск отрываемых от тела плюшевых конечностей.

Рутлен тут же кинулся в детскую и застал своего единственного отпрыска за извлечением ватных внутренностей из до сих пор любимого мишки.

Поэт с мутным взором застыл на пороге комнаты, сердцебиение, как когда-то, участилось до болезненного грохота. Гарднер потрошил мишку, а его механический компаньон сидел рядом на полу и наблюдал.

— Нет,— взмолился поэт, понимая, что это самое настоящее «да». Он уполз обратно в комнату, каким-то образом убедив себя, что это была случайность.

Однако в самом начале обеда пальцы и Рутлена, и его жены с такой силой вцепились в сэндвичи, что кусочки помидоров выскочили и булькнули в кофе.

— Что,— в ужасе спросила Афина,— что это такое?

Гарднер с куклой были обнаружены уютно устроившимися в куче того, что в более счастливые времена было растением в горшке.

Кукла с любопытством наблюдала, как Гарднер набирает полные пригоршни черной земли и сыплет дождем на ковер.

— Нет,— произнес поэт с возрождающимся гневом.

— Нет,— эхом слетело с побелевших губ Афины.

Сын был отшлепан и отправлен в кровать, кукла заперта в чулане. Недоуменные вопли звенели в ушах, пока супруги в безмолвии заканчивали обед, и пищевые кислоты обретали такую едкость, от которой сводило живот.

Лишь одно замечание было высказано вслух, когда они возвращались к своим трудам, и высказала его Афина.

— Это случайность.

Однако на следующей неделе им пришлось оторваться от работы ровно восемьдесят семь раз.

Один раз Гарднер приволок в гостиную грязные подгузники. Потом Гарднер поиграл на фортепьяно молотком, вторя исполненному куклой гавоту Баха. Следующим номером и следующим после него было опустошение банок с вареньем — все их содержимое оказалось на мебели и на полу. Общий итог: разбито тридцать предметов, исчезла кошка, и сквозь ковер в том месте, где Гарднер поработал ножницами, просвечивал пол.

По прошествии двух дней Бьюсоны творили, вытаращив глаза, сжав побелевшие губы и скрежеща зубами. По прошествии четырех дней их тела сильно продвинулись в процессе окаменения, а мозги начали костенеть. К концу недели, после многочисленных потрясений, они сидели или стояли, молча трясясь в ожидании новых бесчинств и мечтая о жестоком детоубийстве.

Конец настал.

Однажды вечером они сидели в столовой за успокаивающей внутренности сельтерской. Обоих можно было принять за работы умелого таксидермиста, а их налитые кровью глаза походили на две пары стеклянных шариков.

— Что будем делать? — безвольно пробормотал Рутлен.

Голова Афины замоталась из стороны в сторону в отрицательном жесте.

— Я думала, кукла...— начала она и тут же иссякла.

— Кукла ничем не помогла,— жалобно произнес Рутлен.— Мы оказались ровно там, откуда начали. Да еще и беднее на тысячу семьдесят пять монет, раз ты говоришь, что вернуть куклу нельзя.

— Нельзя,— подтвердила Афина.— Она...

На середине фразы ее прервал шум.

Звук был влажный, чавкающий, как будто кто-то швыряет в стену комья грязи. Грязи или же...

— Нет! — Афина подняла полные страдания глаза.— О нет.

Ее туфли зацокали синкопой бешеному стуку сердца. Муж двинулся за ней на негнущихся ногах, губы в предчувствии беды задергались.

— Моя статуя! — закричала Афина, мраморно застыв в дверях студии. От душераздирающего зрелища лицо ее посерело.

Гарднер с куклой играли в «Попади в розочку на обоях», используя в качестве снарядов комки глины, вырванные из незавершенной скульптуры.

Убитые ужасом, Афина и Рутлен безмолвно стояли, глядя на куклу, у которой под металлическим черепом образовались новые синаптические связи и к умению плясать джигу, лазать по деревьям и рыгать добавился навык метать глину.

И вдруг все стало ясно: свалившийся горшок с растением, разбитые вазы, банки из высоких шкафов — в таких делах Гарднеру было не обойтись без помощника!

Рутлен Бьюсон представил себе мрачное будущее, мрачное будущее в квадрате, все муки гиньоля*, какие способен выдумать Гарднер, но возведенные в степень с помощью куклы.

— Убери это железное чудовище из дома,— еле слышно произнес Рутлен цементными губами.

— Но его не возьмут назад! — истерически закричала она.

— Тогда я пошел за консервным ножом! — выдохнул поэт, удаляясь на окоченевших ногах.

— Кукла же не виновата! — закричала Афина.— Какой смысл ее ломать? Это ведь Гарднер. Он тот кошмар, который мы сотворили вместе!

Глаза поэта быстро моргали, пока он переводил взгляд с куклы на сына и обратно, постигая заключенную в ее словах неприятную истину. Это был их сын. Кукла только повторяла, кукла не делала ничего, кроме того...

...кроме того, что была создана делать.

---

* Гиньоль — наименование пьес и отдельных сценических приемов, основанных на изображении различных преступлений, злодейств, избиений, пыток и т. п. *(Прим. ред.)*

А именно: быть ведомой, обучаться, повторять за кем-то,— и когда эта мысль снизошла на него, мир воцарился в доме Бьюсонов.

Начиная с того дня их Гарднер — снова одинокий — стал образцом хороших манер, и дом превратился в святилище благостного созидания.

Все было идеально.

И лишь через двадцать лет, когда Гарднер Бьюсон поступил в колледж и повздорил там с каким-то дерганым второкурсником, лишившись в ходе потасовки тринадцати прокладок и генератора, наружу выплыла неприглядная правда.

Тест

Вечером накануне испытания Лэс помогал отцу готовиться в столовой. Джим и Томми спали наверху, а Терри что-то шила в гостиной. Лицо ее было лишено всякого выражения, игла, пронзая ткань и протягивая нить, двигалась в стремительном ритме.

Том Паркер сидел очень прямо, худые, изборожденные венами руки, сцепленные вместе, лежали на столе, светло-голубые глаза пристально вглядывались в губы сына, словно это помогало ему понимать лучше.

Ему было восемьдесят, и предстоял уже четвертый тест.

— Хорошо,— сказал Лэс, читая вариант теста, который дал им доктор Траск.— «Повторите приведенные ниже последовательности чисел».

— Последовательности чисел,— пробормотал Том, стараясь осмысливать слова по мере их произнесения. Однако ему это удавалось все реже: слова будто застревали на поверхности разума, как насекомые, угодившие в клей плотоядного растения. Он мысленно повторил слова еще раз: последовательность... последовательность чисел, ага, получилось. Он смотрел на сына и ждал.

— Ну? — произнес Том нетерпеливо после секундного молчания.

— Пап, я же уже дал тебе первую,— сказал ему Лэс.

— О...— Отец подыскивал подходящие слова.— Будь так добр... окажи мне милость...

Лэс устало вздохнул.

— Одиннадцать, семь, пять, восемь.

Старческие губы зашевелились, древние шестеренки в голове со скрипом завращались.

© Перевод Е. Королевой.

— Одиннадцать... с-семь...— Светлые глаза медленно моргнули.— Пятьвосемь,— завершил Том на одном дыхании, а затем с гордостью расправил плечи.

Ага, хорошо, думал он, очень хорошо. Завтра его не одурачат, он победит этот их убийственный закон. Рот сжался, а руки крепко вцепились в белую скатерть.

— Что? — переспросил он, стараясь сосредоточить взгляд на лице Лэса.— Погромче,— сказал он раздраженно.— Говори громче.

— Я дал тебе новую последовательность,— произнес Лэс спокойно.— Слушай, читаю еще раз.

Том немного подался вперед, напрягая слух.

— Девять, два, шестнадцать, семь, три.

Том с усилием откашлялся.

— Говори потише,— сказал он сыну. Этого ряда он осознать не успел. Неужели они считают, что человек в состоянии запомнить такую нелепо длинную цепочку цифр? — Что? Что?! — переспросил он сердито, когда Лэс снова прочитал последовательность.

— Пап, экзаменатор будет зачитывать вопросы гораздо быстрее, чем я сейчас. Ты...

— Это я прекрасно знаю,— холодно перебил его Том.— Прекрасно знаю. Позволь мне напомнить тебе, однако... что это... это еще не тест. Это упражнение. Глупо нестись галопом. Просто глупо. Я должен изучить... изучить этот тест,— завершил он, рассердившись на сына, рассердившись на то, как нужные слова ускользают от него.

Лэс пожал плечами и снова посмотрел в бумаги.

— Девять, два, шестнадцать, семь, три,— прочитал он медленно.

— Девять, два, шесть, семь...

— Шестнадцать, семь, пап.

— Я так и сказал.

— Ты сказал «шесть», папа.

— По-твоему, я не знаю, что говорю?!

Лэс на секунду закрыл глаза.

— Хорошо, папа.

— Ну так ты будешь читать еще раз или нет?

Лэс еще раз прочитал последовательность чисел и, слушая, как отец спотыкается на каждом, бросил взгляд в гостиную, на Терри.

Она сидела с бесстрастным лицом и шила. Радио она выключила, а значит, наверняка слышала, как старик путается в цифрах.

«Да, да,— сказал Лэс про себя, как будто бы спорил с ней.— Все верно, я знаю, что он стар и бесполезен. И ты хочешь, чтобы я сказал ему об этом прямо в глаза, всадив нож в спину? Ты знаешь, и я знаю, что теста он не пройдет. Позволь мне хотя бы подыграть ему. Завтра все равно вынесут приговор. Не заставляй меня выносить его сегодня, разбив старику сердце».

— Так вроде правильно,— услышал Лэс полный достоинства голос отца и посмотрел на его худое морщинистое лицо.

— Да, так верно,— поспешно произнес он.

Он ощутил себя настоящим предателем, когда слабая улыбка задрожала в углах старческого рта. «Я же обманываю его»,— подумал он.

— Давай перейдем к чему-нибудь другому,— услышал он голос отца и быстро уставился в бумаги.

«Что будет ему полегче?» — размышлял он, презирая себя за такую мысль.

— Ну же, Лэсли, давай. У нас нет времени, чтобы тратить его впустую.

Том наблюдал, как сын водит пальцем по страницам, и руки его сжимались в кулаки. Через несколько часов его жизнь повиснет на волоске, а сын спокойно переворачивает листы теста, как будто ничего не происходит.

— Ну давай, давай же,— произнес он сварливо.

Лэс взял карандаш с привязанной к его незаточенному концу веревочкой и нарисовал на чистом листе кружок в сантиметр диаметром. Потом протянул карандаш отцу.

— Продержи карандаш за веревку над кругом три минуты,— сказал он, внезапно пожалев, что выбрал не то задание. Он же видит, как трясутся руки отца за обедом, как он сражается с пуговицами и молниями на одежде.

Нервно сглотнув, Лэс взялся за секундомер, запустил его и кивнул отцу.

Том прерывисто вздохнул и склонился над бумагой, стараясь держать подрагивающий карандаш над кружком. Лэс видел, что он опирается на локоть, чего ему не позволят делать во время испытания, однако ничего не сказал.

Он сидел, глядя на отца. Вся краска сбежала с лица старика, и Лэс отчетливо видел на щеках крошечные алые нити лопнув-

ших капилляров. Он смотрел на иссохшую кожу, морщинистую, темную, испещренную коричневыми пятнышками. Восемьдесят лет, думал он, как же чувствует себя человек, когда ему восемьдесят лет?

Он снова посмотрел на Терри. На мгновение она подняла глаза, и их взгляды встретились, никто из них не улыбнулся, никто не сделал никакого жеста. И Терри снова принялась за шитье.

— Мне кажется, уже прошло три минуты,— произнес Том напряженным голосом.

Лэс посмотрел на секундомер.

— Полторы минуты, папа,— сказал он, думая, не солгать ли снова.

— Ну так смотри за часами как следует,— возмутился отец, карандаш болтался маятником далеко от границ круга.— Это же должен быть тест, а не... не вечеринка.

Лэс смотрел на раскачивающийся кончик карандаша, ощущая полную бесполезность затеи, понимая, что все это лишь притворство и ничего нельзя сделать, чтобы спасти отцу жизнь.

По крайней мере, думал он, испытания проводят те, кто не голосовал за принятие этого закона. А значит, ему лично не придется ставить черный штамп «Не соответствует» на бумаги отца, вынося тому смертный приговор.

Карандаш снова вышел за пределы круга и вернулся на место, когда Том чуть подвинул предплечье другой рукой; это движение автоматически означало, что задание провалено.

— У тебя часы отстают! — произнес Том с неожиданной яростью.

Лэс задержал дыхание и поглядел на часы. Две с половиной минуты.

— Три минуты,— сказал он, надавливая на кнопку.

Том в остервенении отбросил карандаш.

— Тьфу. Все равно дурацкое задание.— Голос его сделался мрачен.— И ничего не доказывает. Ничегошеньки.

— Хочешь выполнить задания с деньгами, папа?

— А они следующие по списку? — спросил Том подозрительно и для виду сощурился на бумаги.

— Да,— солгал Лэс, зная о плохом зрении отца, хоть тот и отказывается признавать, что ему нужны очки.— Нет, погодика, перед ними есть еще одно,— прибавил он, решив, что оно будет несложным для отца.— Здесь просят сказать, который час.

— Какой дурацкий вопрос,— проворчал Том.— Что они себе...

Он с раздражением протянул руку, взял часы и бросил беглый взгляд на циферблат.

— Десять пятнадцать,— усмехнулся он.

— Но ведь сейчас одиннадцать пятнадцать, папа,— не успел остановить себя Лэс.

Том на мгновение замер, как будто бы его ударили по лицу. Потом он снова поднял часы и уставился на них, губы его кривились, и Лэс забоялся, что отец начнет сейчас настаивать на десяти пятнадцати.

— Ну да, я это и хотел сказать,— отрезал Том.— Просто оговорился. Разумеется, одиннадцать пятнадцать, дураку понятно. Одиннадцать пятнадцать. Часы плохие. Цифры слишком близко стоят. Надо их выбросить. Вот...

Том сунул руку в карман жилета и вытащил золотые часы.

— Вот это часы,— с гордостью произнес он.— Показывают точное время уже... шестьдесят лет! Вот настоящие часы. Не то что эти.

Он с презрением бросил часы Лэса на стол, они упали циферблатом вниз, и стекло треснуло.

— Следи по этим,— быстро сказал Том, чтобы скрыть смущение.— Они всегда идут точно.

Он избегал взгляда Лэса, смотря вниз, на часы. Рот его сжался, когда он открыл заднюю крышку и взглянул на фотографию Мэри. На снимке ей было чуть за тридцать, прелестная, с золотистыми волосами.

Слава богу, ей не нужно проходить эти тесты, думал он, хотя бы от этого она избавлена. Том ни за что не поверил бы, скажи ему кто-то, что он будет считать удачей гибель Мэри в пятьдесят семь в автокатастрофе, но тогда еще не было этих тестов.

Он закрыл часы и отложил в сторону.

— Давай я возьму твои часы,— сварливо произнес он.— Поищу тебе завтра приличное... э... стекло.

— Все нормально, папа. Это всего лишь старые часы.

— Все нормально,— передразнил Том.— Все нормально. Просто дай их мне. Я подыщу тебе хорошее... стекло. Такое, которое не разобьется, не разобьется. Просто дай их мне.

Затем Том выполнял задания с деньгами вроде: «Сколько четвертаков в пятидолларовой купюре?» или «Если из доллара вычесть тридцать шесть центов, сколько мелочи у вас останется?»

Отвечать нужно было письменно, и Лэс сидел, засекая время. В доме было тихо, тепло. Все казалось совершенно нормальным и обыкновенным, когда они вдвоем сидели здесь, а Терри шила в гостиной.

В том-то и состоял ужас.

Жизнь текла как обычно. Никто не заговаривал о смерти. Правительство рассылало письма, и люди проходили тесты, тех, кто проваливался, просили явиться в государственный центр на инъекцию. Закон действовал, уровень смертей был стабильным, популяция поддерживалась на определенном уровне — все официально, анонимно, без криков и сожалений.

Но ведь убивали людей, которых кто-то любил.

— И нечего тебе смотреть на часы,— сказал отец.— Я вполне могу справиться с этими вопросами без того, чтобы ты... смотрел на часы.

— Папа, экзаменаторы будут смотреть на часы.

— Экзаменаторы — это экзаменаторы,— отрезал Том.— Ты же не экзаменатор.

— Папа, я пытаюсь помочь те...

— Хорошо, так помогай же, помоги мне. Не сиди здесь, таращась на свои часы.

— Это твой тест, папа, а не мой,— начал Лэс, гневный румянец вспыхнул на лице.— Если...

— Мой тест, да, мой тест! — внезапно разъярился отец.— И похоже, все вы его ждете не дождетесь? Все ждут этого... этого...

Слова опять подвели его, сердитые мысли громоздились в мозгу.

— Не надо кричать, папа.

— Я не кричу!

— Папа, мальчики спят! — внезапно вмешалась Терри.

— Мне плевать, если...

Том неожиданно замолчал и откинулся на спинку стула, карандаш незаметно выскользнул из пальцев и покатился по скатерти. Том дрожал, впалая грудь поднималась и опадала толчками, руки на коленях неукротимо тряслись.

— Хочешь продолжить, папа? — спросил Лэс, проглотив обиду.

— Я не прошу многого,— бормотал, обращаясь к самому себе, Том.— Не прошу многого от жизни.

— Папа, будем продолжать?

Старик оцепенел.

— Если у тебя есть на это время,— произнес он размеренно, с достоинством.— Если у тебя есть время.

Лэс взглянул на бумаги с заданиями, пальцы быстро переворачивали сшитые листы. Психологические вопросы? Нет, их он задавать не будет. Как можно спрашивать своего восьмидесятилетнего отца о взглядах на секс? Своего сурового отца, самым безобидным замечанием которого было бы «непотребство».

— Ну так что? — повысив голос, спросил Том.

— Да вроде ничего не осталось. Мы уже почти четыре часа занимаемся.

— А что на тех страницах, которые ты пропустил?

— Там почти все касается... медосмотра, папа.

Он увидел, как сжались губы отца, и испугался, что тот снова будет спорить. Но все, что сказал его Том:

— Добрый друг всегда поможет. Добрый друг.

— Папа...

Голос Лэса сорвался. Нет смысла говорить. Том прекрасно знал, что доктор Траск не сможет выправить хорошего заключения о здоровье и в этот раз, как делал это для всех предыдущих тестов.

Лэс понимал, как испуган и уязвлен старик, ведь ему придется снимать одежду и стоять перед врачами, которые будут тыкать в него, выстукивать, задавать оскорбительные вопросы. Он знал, как отца страшит тот факт, что, когда он будет одеваться, за ним станут подглядывать в глазок, делая пометки в карте по поводу того, насколько хорошо ему это удается. Он знал, как боится отец того, что, когда он будет есть в государственном кафетерии в перерыве (а тест длится весь день), на него будут устремлены чьи-то глаза, отмечающие, не уронил ли он вилку или ложку, не опрокинул ли стакан, не закапал ли соусом рубашку.

— Они попросят тебя написать свое имя и адрес,— сказал Лэс, надеясь отвлечь мысли отца от медосмотра: старик всегда гордился своим почерком.

Делая вид, что это не доставляет ему ни малейшего удовольствия, старик взял ручку и начал писать. Я их всех одурачу, думал он, пока ручка скользила по бумаге, оставляя сильные, уверенные линии.

«Мистер Томас Паркер,— написал он,— Нью-Йорк, Блэртаун, Брайтон-стрит, 2719».

— И еще сегодняшнюю дату,— сказал Лэс.

Старик написал: «17 января 2003 года» — и что-то холодное растеклось по его венам.

На завтра назначен тест.

Они лежали рядом, не спали оба. Они почти не разговаривали, пока раздевались, только когда Лэс наклонился, чтобы поцеловать ее на ночь, она прошептала что-то, но он не расслышал.

И вот теперь он развернулся с тяжким вздохом и посмотрел ей в лицо. Она в темноте открыла глаза и тоже посмотрела на него.

— Спишь? — спросила она тихо.

— Нет.

Больше он ничего не сказал. Он ждал, чтобы начала она.

Однако она не начинала, и спустя несколько мгновений он произнес:

— Что ж, мне кажется, все... кончено.

Завершил фразу Лэс тихо, потому что ему не нравились эти слова, они звучали до нелепости мелодраматично.

Терри ответила не сразу. Словно размышляя вслух, она произнесла:

— Возможно, что еще есть шанс...

— Нет,— напряженно оборвал Лэс.— Он ни за что не пройдет.

Слышно было, как Терри проглотила комок в горле. Только не говори этого, думал он, умоляю тебя. Не говори мне, что я повторяю это на протяжении пятнадцати лет. Сам знаю. Я говорил так, только потому что верил, что так и есть.

Неожиданно он вдруг пожалел, что не подписал «Заявление об устранении» еще много лет назад. Им отчаянно нужно было избавиться от Тома, ради счастья их детей и их самих. Но только как можно облечь эту необходимость в слова, не ощущая себя при этом убийцей? Не скажешь же ты: «Надеюсь, что старик провалит тест, надеюсь, его убьют». Однако что бы ты ни сказал, все будет лишь лицемерной заменой этих слов, потому что чувствуешь ты именно это.

Доклады, забитые медицинской терминологией, думал он, диаграммы, отражающие падение урожаев зерновых, снижение уровня жизни, рост числа голодающих, ухудшение здоровья — все эти аргументы, чтобы принять закон, все они были ложью,

наглой, плохо прикрытой ложью. Закон был принят, потому что люди хотели, чтобы их оставили в покое, они хотели жить своим умом.

— Лэс, а что, если он пройдет? — спросила Терри.

Он почувствовал, как руки вцепляются в матрас.

— Лэс?

— Не знаю, милая.

— А должен знать.— Голос ее стал жестким. Это был голос человека, теряющего терпение.

Он замотал головой по подушке.

— Милая, не начинай. Умоляю.

— Лэс, если он пройдет тест, это означает еще пять лет. Еще пять лет, Лэс. Ты задумывался о том, что это такое?

— Милая, он не сможет пройти тест.

— Но что, если пройдет?

— Терри, он не смог ответить на три четверти вопросов, какие я задал ему сегодня. Он почти не слышит, зрение плохое, сердце слабое, артрит.— Лэс беспомощно ударил кулаком по кровати.— Он не пройдет даже медосмотр.

Все тело Лэса окаменело от ненависти к самому себе за то, что пытается уверить Терри в неизбежном провале отца.

Если бы только он мог забыть прошлое, воспринимать отца таким, какой он сейчас — беспомощный, почти слабоумный старик, который мешает им жить. Но было непросто забыть, как он любил и уважал отца, как они выезжали за город, ходили на рыбалку, долгие ночные разговоры и все то множество событий, которые они пережили вместе.

Вот почему он так и не собрался с духом, чтобы написать заявление. Надо было заполнить простую форму, гораздо проще, чем пять лет ждать очередного теста. Но это все равно что перечеркнуть всю жизнь отца, попросить правительство вывезти его на свалку, как какой-то старый хлам. Он никогда не пошел бы на это.

И вот теперь отцу восемьдесят, и, несмотря на все высокоморальное воспитание, несмотря на усвоенные в течение жизни христианские принципы, они с Терри ужасно боялись, что старый Том пройдет тест и проживет с ними еще пять лет — еще пять лет шарканья по дому, полубезумных нотаций, разбитой посуды, желания помогать, которое приводит только к тому, что он путается под ногами и превращает их жизнь в сплошную нервотрепку.

— Тебе бы поспать,— сказала Терри.

Он старался, но не мог. Он лежал, глядя в темный потолок, пытался отыскать ответ и не находил его.

Будильник прозвенел в шесть. Лэс вставал не раньше восьми, но он хотел проводить отца. Он выбрался из постели, тихо оделся, стараясь не разбудить Терри.

Но она все равно проснулась и поглядела на него, не отрывая головы от подушки. Секунду спустя она приподнялась на локте и устремила на него сонный взгляд.

— Я встану и приготовлю тебе завтрак,— сказала она.

— Не надо. Лучше поспи еще.

— Ты не хочешь, чтобы я вставала?

— Не беспокойся, дорогая. Я хочу, чтобы ты отдохнула.

Она снова легла и отвернулась, так что Лэс не видел ее лица. Она сама не знала, почему начала вдруг беззвучно плакать — из-за того ли, что он не хотел, чтобы она виделась с его отцом, из-за теста ли. Но она не могла остановиться. Все, что она могла,— держать себя в руках, пока не закрылась дверь спальни.

А потом плечи ее задрожали и рыдание вырвалось наружу из-за той плотины, которую она возвела внутри себя.

Дверь в комнату отца была открыта, когда Лэс проходил мимо. Он заглянул в проем и увидел, что Том сидит на постели и, наклонившись, зашнуровывает черные ботинки. Лэс увидел, как дрожат скрюченные пальцы.

— Все в порядке, папа?

Отец с удивлением посмотрел на него.

— Куда это ты собрался в такую рань?

— Я подумал, не позавтракать ли с тобой вместе.

Мгновение они молча смотрели друг на друга. Потом отец снова склонился к ботинкам.

— В этом нет необходимости,— услышал Лэс голос старика.

— Ну, наверное, я все равно позавтракаю,— сказал он и развернулся, чтобы отец не успел возразить.

— Да... Лэсли.

Лэс повернулся обратно.

— Надеюсь, ты не забыл захватить свои часы,— сказал отец.— Я сегодня же отнесу их к часовщику и найду приличное... приличное стекло вместо того, что разбилось.

— Папа, это просто старые часы. Они не стоят ни гроша.

Отец медленно покивал, выставив перед собой дрожащую руку, словно отгораживаясь от аргументов.

— Тем не менее,— проговорил он медленно,— я собирался...

— Хорошо, папа, хорошо. Я оставлю их на кухонном столе.

Отец замолк и мгновение смотрел на него пустым взглядом. Затем, словно подчиняясь порыву, а вовсе не потому, что успел о них позабыть, он снова склонился над ботинками.

Лэс постоял секунду, глядя на седые волосы отца, на худые дрожащие пальцы. После чего ушел.

Часы все еще лежали в столовой. Лэс взял их и отнес на кухонный стол. Старик, должно быть, напоминал себе о часах всю ночь, подумал он. Иначе он ни за что бы о них не вспомнил.

Лэс налил свежей воды в кофемашину и нажал несколько кнопок на электрогриле, заказав две порции яичницы с беконом. Потом налил два стакана апельсинового сока и сел за стол.

Примерно через пятнадцать минут пришел отец, в темно-синем костюме, в начищенных до блеска ботинках, с отполированными ногтями, со старательно уложенными волосами. Он выглядел очень опрятным и очень старым, когда подошел к кофемашине и заглянул внутрь.

— Сядь, папа. Я тебе налью.

— Я сам могу. Сиди, где сидишь.

Лэс сумел улыбнуться.

— Я готовлю нам яичницу с беконом,— сказал он.

— Я не голоден,— отозвался отец.

— Но тебе нужно позавтракать как следует, папа.

— Я никогда не завтракаю плотно,— сказал отец чопорно, все еще глядя на кофейник.— Не верю в пользу обильного завтрака. Только желудок перегружать.

Лэс на секунду закрыл глаза, и у него на лице появилось выражение безнадежного отчаяния. «Ну какого черта я вставал? — досадовал он сам на себя.— Мы только и делаем, что спорим».

Нет. Он почувствовал, как весь напрягается. Нет, он должен быть бодрым во что бы то ни стало.

— Хорошо спал, папа?

— Конечно хорошо. Я всегда прекрасно сплю. Прекрасно. Неужели ты думал, что я не усну из-за...

Он внезапно замолк и с обвиняющим видом повернулся к Лэсу.

— А где те часы? — требовательно спросил отец.

Лэс устало вздохнул и протянул ему часы. Отец подошел подпрыгивающей походкой, забрал часы, мгновение посмотрел на них, поджав старческие губы.

— Паршивая работа. Паршивая.— Он осторожно убрал часы во внутренний карман пиджака.— Подыщу тебе приличное стекло. Такое, которое не разобьется.

Лэс кивнул.

— Отлично, пап.

Кофе был готов, и Том налил им по чашке. Лэс встал и выключил электрогриль. Он тоже уже не хотел яичницы с беконом.

Лэс сидел за столом напротив сурово смотрящего отца и ощущал, как горячий кофе струйками вливается в горло. Вкус был чудовищный, но в это утро не нашлось бы ничего, что показалось бы ему вкусным.

— Во сколько ты должен быть там, папа? — спросил он, чтобы нарушить молчание.

— В девять часов.

— Ты точно не хочешь, чтобы я тебя отвез?

— Нет, нет, не хочу,— сказал отец так, словно пытался сохранять терпение в разговоре с надоедливым ребенком.— И на метро прекрасно доеду. У меня останется еще полно времени.

— Хорошо, папа,— покорился Лэс, уткнувшись взглядом в чашку.

Должно же быть что-то такое, что он мог бы сказать, думал он, но в голову ничего не приходило. Молчание висело над ними долгие минуты, пока Том пил черный кофе медленными, размеренными глотками.

Лэс нервно облизнул губы, потом спрятался за своей чашкой, чтобы не было видно, как они дрожат. Говорить, думал он, говорить, говорить, о машинах и эскалаторах в метро, о времени экзамена, когда оба они ни на миг не забывают, что сегодня Тому могут вынести смертный приговор.

Он снова пожалел, что встал. Лучше было проснуться и узнать, что отец уже ушел. Хотелось, чтобы все случилось именно так — раз и навсегда. Проснуться однажды утром и обнаружить, что комната отца пуста, оба костюма исчезли, черные ботинки исчезли, рабочая одежда исчезла, носовые платки, носки, подтяжки, бритвенный прибор — все эти безмолвные свидетели его жизни исчезли.

Но так не бывает. После того как Том провалит тест, пройдет еще несколько недель, прежде чем придет официальное письмо с назначенной датой, а потом еще неделя или чуть больше, прежде чем он отправится на прием к врачу. Начнется чудовищно медленный процесс сборов, уничтожения или раздачи пожит-

ков, процедура трапез, трапез и трапез за общим столом, разговоров, последнего обеда, долгая поездка до государственного центра, молчаливый подъем, жужжание лифта...

Боже мой!

Он понял, что его неудержимо трясет, и на миг испугался, что сейчас расплачется.

Затем отец встал со стула.

— Мне пора,— сказал Том.

Взгляд Лэса метнулся к настенным часам.

— Но сейчас только без четверти семь,— произнес он натянуто.— Дорога ведь займет от силы...

— Люблю приезжать заранее,— твердо сказал отец.— Никогда не любил опаздывать.

— Но, господи, папа, до города самое большее час езды,— сказал он, а в животе что-то жутко ухнуло.

Отец отрицательно покачал головой, и Лэс понял, что тот его не расслышал.

— Еще рано, папа,— сказал он громко, и голос чуть дрогнул.

— Тем не менее.

— Но ты даже ничего не съел.

— Никогда не завтракаю плотно,— начал он.— Только желудок пере...

Лэс не стал слушать дальше о выработанной за всю жизнь привычке, о том, что это плохо для пищеварения, и все прочее, что обычно говорил отец. Он ощущал, как волны беспощадного ужаса захлестывают его, хотелось вскочить и обнять старика, сказать, чтобы он не думал о тесте, потому что тест ничего не значит, потому что они любят его, они всегда будут заботиться о нем.

Но он не мог. Он сидел как окаменевший и с болезненным испугом смотрел на отца. Он не смог даже ничего ответить, когда отец развернулся в дверях кухни и произнес голосом спокойным и бесстрастным, для чего старику пришлось напрячь все остававшиеся силы:

— Увидимся вечером, Лэсли.

Дверь закрылась, и сквозняк, пробежавший по щеке Лэса, заставил похолодеть сердце.

Внезапно он с болезненным стоном сорвался с места и пробежал через кухню. Выскочив из дверей кухни, он увидел, что отец уже выходит из дома.

— Папа!

Том остановился и удивленно обернулся, Лэс прошел через столовую, заметив, что невольно считает шаги: раз, два, три, четыре, пять.

Он остановился перед отцом и выдавил из себя неуверенную улыбку.

— Удачи тебе, папа. Увидимся... увидимся сегодня вечером.— Он еще хотел сказать: «Я буду молиться за тебя» — но не смог.

Отец кивнул, всего раз, вежливый кивок джентльмена, выражающего признательность другому джентльмену.

— Спасибо,— сказал отец и развернулся.

Когда дверь закрылась, Лэс вдруг подумал, что она стала непроницаемой стеной, которую его отцу уже никогда не преодолеть.

Из окна Лэс видел, как старик медленно идет по дорожке, выходит на тротуар. Он наблюдал, как отец пошел по улице, как он выпрямил спину, расправил костлявые плечи и зашагал, подтянутый и целеустремленный, в серое утро.

Сначала Лэсу показалось, что пошел дождь. Но потом он понял, что дрожащая влага повисла вовсе не на оконном стекле.

Он не смог пойти на работу. Лэс позвонил и сказал, что заболел. Терри отвезла мальчиков в школу, а потом они вдвоем позавтракали, Лэс помог ей убрать со стола и засунул тарелки в посудомоечную машину. Терри ничего не сказала по поводу того, что он остался дома. Она вела себя так, словно это обычное дело.

Он провел утро и день, провозившись в мастерской, принимался за сотню разных дел и тут же терял к ним интерес.

Около пяти Лэс вернулся в кухню и выпил банку пива, пока Терри готовила ужин. Он ничего ей не говорил. Только все время метался по гостиной, останавливался посмотреть в окно на затянутое тучами небо и снова срывался с места.

— Интересно, где он,— наконец произнес Лэс, снова оказавшись на кухне.

— Он вернется,— ответила Терри, и Лэс на миг застыл, решив, что уловил в ее голосе раздражение. Но быстро расслабился, поняв, что это всего лишь плод его фантазии.

Когда он принял душ и переоделся, было без двадцати шесть. Наигравшиеся мальчики вернулись домой, после чего все сели

ужинать. Лэс увидел, что Терри поставила прибор для отца, и подумал, что она сделала это ради него.

Он не мог есть. Он нарезал мясо на все более мелкие кусочки и намазывал масло на печеную картофелину, не пробуя ничего.

— Что? — переспросил он, когда с ним заговорил Джим.

— Пап, если дедушка не пройдет тест, ему дадут месяц, да?

Мышцы живота напряглись, когда Лэс поднял глаза на старшего сына. «Дадут месяц, да?» — последняя часть фразы продолжала звучать в голове.

— О чем это ты говоришь?

— В учебнике по основам гражданского права написано, что старикам дается месяц на дожитие, если они не проходят тест. Это так?

— А вот и нет,— встрял Томми.— Бабушка Гарри Сенкера получила письмо всего через две недели.

— Откуда ты знаешь? — спросил Джим девятилетнего брата.— Ты видел это письмо?

— Перестаньте,— сказал Лэс.

— А мне и не надо его видеть! — продолжал спорить Томми.— Гарри мне сказал, что...

— Перестаньте!

Оба мальчика вдруг посмотрели на его побелевшее лицо.

— Мы больше не будем об этом говорить,— сказал Лэс.

— Но что...

— Джимми,— предостерегающим тоном произнесла Терри.

Джимми посмотрел на мать и через миг вернулся к еде; ужин продолжился в молчании.

Смерть дедушки для них ничего не значит, горько думал Лэс, вообще ничего. Он проглотил комок в горле и попытался расслабить напряженные мышцы. «Ну да, а с чего бы она для них что-то значила? — сказал он себе.— Пока что им рано беспокоиться. К чему тревожить их до срока? Уже скоро они все поймут сами».

Когда в десять минут седьмого открылась и закрылась входная дверь, Лэс вскочил так поспешно, что опрокинул пустой стакан.

— Лэс, не надо,— сказала вдруг Терри, и он тотчас понял, что она права. Отцу не понравится, если он выскочит из кухни и засыплет его вопросами.

Он шлепнулся обратно на стул, глядя на свой почти не тронутый ужин, сердце в груди трепыхалось. Взявшись негнущимися пальцами за вилку, он услышал, как старик проходит по ковру в столовой и начинает подниматься наверх. Он посмотрел на Терри, ее горло дернулось.

Лэс не мог есть. Он сидел, тяжело дыша, и ковырялся в еде вилкой. Услышал, как наверху открылась дверь отцовской спальни.

И когда Терри ставила на стол пирог, Лэс спешно извинился и встал.

Он был у подножия лестницы, когда дверь кухни резко распахнулась.

— Лэс,— услышал он ее встревоженный голос.

Он стоял молча, дожидаясь, когда она подойдет сама.

— Не лучше ли нам оставить его в покое? — спросила она.

— Но, милая, я...

— Лэс, если бы он сдал тест, он зашел бы на кухню и сказал нам.

— Милая, он же не знает, сдал или нет...

— Он знал бы, если бы сдал. Ведь он говорил нам в последние два раза. Если бы он сдал, он бы...

Голос ее угас, и она вздрогнула от того, как он на нее посмотрел. В наступившем тяжком молчании она услышала, как в окна вдруг забарабанил дождь.

Они долго смотрели друг на друга.

— Я иду наверх,— сказал он.

— Лэс...

— Я не стану говорить ничего, что может его расстроить. Всего лишь...

Они еще секунду глядели друг на друга. Затем он развернулся и зашагал по ступенькам. Терри смотрела ему вслед, лицо ее, казалось, не выражало ничего.

Лэс постоял минутку перед закрытой дверью, собираясь с духом. Я не стану расстраивать его, говорил он себе, не стану расстраивать.

Он осторожно постучал, задумавшись на миг, не совершает ли ошибку. Может, все-таки надо было оставить старика одного, подумал он горестно.

Из-за двери послышался шорох одеяла, затем ноги отца коснулись пола.

— Кто там?

Лэс задержал дыхание.

— Это я, папа.

— Чего ты хочешь?

— Можно мне войти?

Внутри тишина.

— Сейчас...— ответил отец, и голос его прервался.

Лэс услышал скрип кровати, шарканье ног по полу. Потом шорох бумаги и звук осторожно задвигаемого в бюро ящика.

Наконец дверь открылась.

Том был в своем старом красном халате, наброшенном поверх костюма, он только снял ботинки и надел тапочки.

— Можно мне войти, папа? — тихонько повторил Лэс.

Отец мгновение колебался. Затем сказал:

— Заходи,— но это не было приглашением. Больше смахивало на: «Это ведь твой дом, я не могу не впустить тебя».

Лэс хотел сказать отцу, что не собирался его беспокоить, но не смог. Он вошел и остановился на середине тонкого ковра.

— Присядь,— сказал отец, и Лэс опустился на стул с прямой спинкой, на которую отец вешал перед сном одежду.

Том дождался, пока сын сядет, после чего с кряхтеньем опустился на кровать.

Они долго смотрели друг на друга, и никто ничего не говорил: словно совершенно незнакомые люди, каждый надеялся, что разговор начнет другой. Как прошел тест? Эти слова так и крутились в голове у Лэса. Как прошел тест, как прошел тест? Но он не мог заставить себя выговорить их вслух. Как прошел...

— Полагаю, ты хочешь знать, как... все было? — спросил тогда отец, делая над собой заметное усилие.

— Да. Я...— Лэс осекся.— Да,— повторил он и принялся ждать ответа.

Старик секунду смотрел в пол. Затем он неожиданно вскинул голову и с вызовом посмотрел на сына.

— А я не ходил.

Лэсу показалось, что из него разом вытекли все жизненные силы. Он сидел, не шевелясь, и неотрывно смотрел на отца.

— И не собирался идти,— спешно продолжил отец.— Не собирался участвовать во всех этих глупостях. Ф-физические тесты, тесты на интеллект, раскладывание кубиков по д-доске и... бог знает что еще! Не собирался я туда идти.

Он умолк и сердитыми глазами посмотрел на сына, будто вызывая его сказать, что поступил неверно.

Однако Лэс ничего не мог сказать.

Прошло много времени. Лэс сглотнул комок в горле и наконец подобрал слова.

— И что ты... намереваешься делать?

— Не переживай об этом, не переживай.— Казалось, отец был почти благодарен ему за вопрос.— Не переживай о своем отце. Твой отец сумеет о себе позаботиться.

И Лэс вдруг снова услышал звук задвигающегося ящика, шуршание бумажного пакета. Он едва не обернулся к бюро, проверить, где там пакет. Голова слегка дернулась, когда он подавил в себе это желание.

— Н-ну,— выговорил он, не догадываясь, насколько потрясенным и жалким выглядит.

— Не думай об этом.— Голос отца звучал спокойно, почти мягко.— Это не твоя проблема, тебе не о чем беспокоиться. Совершенно не твоя проблема.

Но это была его проблема! Лэс слышал, как слова отдаются в мозгу. Однако он не произнес их вслух. Что-то в поведении старика не позволило ему, какой-то внутренний стержень, спокойное достоинство, которое Лэс не смел задеть.

— Теперь я хочу отдохнуть,— услышал он слова отца, и ему показалось, что его изо всех сил пнули в живот. «Я хочу отдохнуть, хочу отдохнуть...» Слова долго отдавались эхом в длинных тоннелях мозга, пока Лэс вставал. «Теперь я хочу отдохнуть, хочу отдохнуть...»

Он понял, что идет к двери, а дойдя до нее, встает и оборачивается к отцу. Прощай. Слово застряло во рту.

И тогда его отец улыбнулся и сказал:

— Спокойной ночи, Лэсли.

— Папа...

Он почувствовал на своей руке руку старика, сильнее, чем его, увереннее, эта рука успокаивала, ободряла. Отец взял его за плечо.

— Спокойной ночи, сынок.

И в этот миг, когда они стояли рядом, Лэс увидел из-за плеча старика смятый аптечный пакет, брошенный в угол, подальше от чужих глаз.

Потом он в безмолвном ужасе застыл в коридоре, слушая, как защелкивается замок, и понимая, что, хотя отец и не запер дверь, вход в его комнату для Лэса заказан.

Он долго стоял там, глядя на закрытую дверь, и его колотила неукротимая дрожь. Наконец он пошел прочь.

Терри дожидалась внизу лестницы, лицо у нее совершенно побелело. Она задала вопрос лишь взглядом, и он спустился к ней.

— Он... не ходил,— коротко сказал Лэс.

У нее из горла вырвался тревожный тоненький вскрик.

— Но...

— Он был в аптеке,— продолжал Лэс.— Я... я видел в углу комнаты пакет. Он кинул его туда, чтобы я не заметил, но я... заметил.

Показалось, что она сейчас кинется вверх по лестнице, но это было всего лишь мгновенное напряжение тела.

— Должно быть, он сходил к аптекарю с приглашением на тест,— сказал Лэс.— И... аптекарь, наверное, продал ему... таблетки. Так часто делают.

Они молча стояли в столовой, в окна колотил дождь.

— И что нам делать? — спросила она почти неслышно.

— Ничего,— пробормотал он. Горло конвульсивно дернулось, он прерывисто вздохнул.— Ничего.

После чего оцепенело побрел в кухню, чувствуя, как рука жены обнимает его, словно она силилась этим жестом передать ему свою любовь, потому что не могла о ней говорить.

Весь вечер они просидели на кухне. Уложив мальчиков, Терри вернулась, и они снова сидели на кухне, пили кофе и разговаривали приглушенными, потерянными голосами.

Около полуночи они ушли из кухни и, прежде чем дойти до лестницы, Лэс остановился у стола в столовой и обнаружил на нем часы со сверкающим новеньким стеклом. Он даже не дотронулся до них.

Они поднялись наверх, прошли мимо двери Тома. Изнутри не доносилось ни звука. Они разделись и легли в постель, Терри завела будильник, как заводила его каждый вечер. Прошло несколько часов, и они сумели заснуть.

И всю ночь в спальне старика стояла тишина. И на следующий день тоже — тишина.

Путешественник

Профессор Пол Иаир шагал в сумраке прохода, ведущего в безлюдный кампус колледжа Форт. Просвет арки застилала ажурная занавесь бесшумно падающего снега. Под галошами хлюпала мелкая слякоть. Профессор поднял воротник тяжелого пальто почти до самых полей шерстяной шляпы. Затем сунул озябшие кулаки в карманы пальто.

Профессор шел так быстро, как только мог, стараясь при этом не забрызгать ботинки и брюки. Он постепенно ускорял шаг, и облачка пара вырывались изо рта все чаще. На мгновение профессор поднял взгляд на гранитный фасад Центра физико-биологических наук, стоящего на дальней стороне кампуса. Спасаясь от пронизывающего ветра, он быстро опустил почти белое лицо и заспешил по извилистой дорожке. Ноги несли его мимо выстроенных рядами скелетоподобных деревьев, их ветви смотрелись черными и колючими на фоне ледяных небес.

Ветер отталкивал профессора назад, словно не желая подпустить того к цели. Иаир чувствовал, будто сражается со стихией. Но это, разумеется, всего лишь его воображение. Жгучее желание поскорее приступить к делу слегка туманило разум. Профессор был по-настоящему взволнован. Несмотря на бесконечные самопроверки и отличную подготовку, его тревожила мысль о том, что он увидит так скоро. Она вгоняла его в озноб сильнее холодного ветра и делала его лицо белее снега.

А временами эта мысль совсем заглушала предостережения внутреннего голоса.

Наконец профессор обогнул угол массивного здания. Оно закрыло Иаира от ветра, и он смог поднять темные глаза. Кула-

© Перевод Е. Королевой.

ки в карманах от нетерпения сжимались все сильнее, хотелось не идти, а бежать. Но надо держать себя в руках. Если он выкажет излишнее возбуждение, они могут передумать и не пустить его. Ведь в случае чего ответственность нести им. Профессор глубоко вдохнул, наполнив легкие зимним холодом. После того как прошло очарование новизны, Иаир превратился в прежнего рационалиста. Однако уникальность ситуации то и дело выводила его из равновесия. Но это просто нелепо, настолько волноваться.

Он протолкнулся в здание через вращающуюся дверь и едва не ахнул от счастья, когда его окутал теплый воздух. Профессор снял шляпу и отряхнул ее на мраморный пол. Затем расстегнул пальто, повернул направо и зашагал по длинному коридору. Резиновые подошвы скрипели по полу.

Если подсчитать, получится, что мысль о грядущем событии вторгалась в его разум по меньшей мере каждые полчаса. Он помотал головой, в очередной раз осознав невыразимую важность того... Все равно, сказал ему внутренний голос, держи себя в руках, больше от тебя ничего не требуется. Нельзя отдаваться во власть глупых сантиментов.

В конце коридора он остановился перед белой дверью с матовым стеклом. Прежде чем толкнуть дверь, профессор пробежался взглядом по словам на стекле.

«Доктор Филипс. Доктор Рэндалл». Видно, что написано недавно. И ниже аккуратными красными буквами: «Отделение хронотранспозиции».

— Значит, вы ясно понимаете,— нажимал на каждое слово доктор Филипс,— что никоим образом не должны воздействовать на окружающую среду.

Иаир утвердительно качнул головой.

— Мы вынуждены делать на этом упор,— произнес со своего стула доктор Рэндалл.— Это ключевой момент. Любое физическое взаимодействие со средой может оказаться фатальным для вас. И...— он сделал неопределенный жест рукой,— для нашей программы.

— Я отчетливо это понимаю,— заверил Иаир,— и буду проявлять крайнюю осторожность.

Рэндалл кивнул. Он вытянул руки и нервно хрустнул пальцами.

— Полагаю, вы осведомлены об Уэйде,— сказал он.

— До меня доходили кое-какие слухи,— отозвался Иаир.— Но ничего внятного.

— Профессор Уэйд пропал без вести при последнем перемещении,— скорбно промолвил доктор Филипс.— Кабина вернулась без него. Мы вынуждены заключить, что он погиб.

— Это было в начале сентября,— сказал Рэндалл.— Потребовалось больше двух месяцев на то, чтобы совет разрешил новую попытку. Если и на этот раз нас постигнет неудача... н-да, это будет означать конец всего проекта.

— Понимаю,— снова качнул головой Иаир.

— Надеюсь, что это так, профессор, очень надеюсь,— встрял доктор Филипс.— На карту поставлено слишком много.

— Ладно, хватит уже на него давить,— с усталой улыбкой произнес Рэндалл.— Полагаю, вы также сознаете, что вам предоставляется возможность, за которую многие люди отдали бы жизнь.

— Это я знаю,— сказал Иаир.

«А еще я знаю, что многие люди дураки»,— подумал он про себя.

— Что ж, тогда приступим? — спросил Рэндалл.

Они шли к аппаратной лаборатории, и эхо от их шагов разносилось по коридору. Иаир держал руки в карманах пальто и ничего не говорил, если не считать коротких ответов на вопросы. Рэндалл рассказывал ему о временно́м экране:

— Мы отказались от кабины для перемещений во времени как от опасного устройства. На этот раз мы используем экран зацикленной энергии. Он сделает вас невидимым для людей, которых увидите вы. Вы можете пройти сквозь экран, однако, думаю, мы подробно разъяснили, насколько это опасно.

— Мы настойчиво просим вас оставаться в границах экрана,— многозначительно произнес Филипс.— Думаю, это вы понимаете.

— Да,— подтвердил Иаир.— Это я понимаю.

— В качестве дополнительной меры безопасности тем не менее,— сообщил Рэндалл,— вы будете поддерживать с нами связь через нагрудный микрофон. Вам придется описывать нам все, что увидите. И еще. Если вы вдруг в чем-то засомневаетесь, если вас охватит нехорошее предчувствие, только скажите нам, и мы сейчас же вернем вас обратно. В любом случае, ваш, э... назовем его визитом... продлится максимум час.

«Час»,— подумал Иаир. Более чем достаточно, чтобы развеять вековые заблуждения.

— При вашем здоровье, образовании, вашем опыте,— говорил Рэндалл,— у вас не должно возникнуть особых трудностей.

— Я хочу задать только один вопрос,— сказал Иаир.— Почему из множества событий вы выбрали именно это?

Рэндалл пожал плечами.

— Может быть, потому, что скоро Рождество.

«Сентиментальная чушь»,— подумал Иаир.

Они миновали тяжелые металлические двери и оказались в лаборатории. Профессор Иаир увидел установленную на направляющих планках платформу, по ней сновали облаченные в белые халаты студенты-старшекурсники. Они закрепляли и настраивали какие-то цветные фонарики, лучи от которых соединялись в одной точке на платформе.

Филипс пошел к комнате управления, а Рэндалл поднялся вместе с Иаиром на платформу и представил того студентам. После чего лично проверил оборудование. Иаир в это время стоял рядом и, хотя ему удавалось сохранять внешнее спокойствие, чувствовал, как удары сердца сотрясают все его худое тело.

«Следи за собой,— твердил ему разум,— никаких эмоций. Вот, вот так уже лучше. Конечно, все это будоражит, но помни: тебя происходящее интересует с сугубо научной точки зрения. Чудо — это сам факт путешествия, а не момент, в который ты отправляешься. Годы работы доказывают это совершенно ясно. Нет там ничего такого».

Он все повторял себе эти слова и боролся с дрожью, пока лаборатория исчезала на глазах, словно кто-то закрашивал ее малярным валиком. Тяжко колотилось сердце, которое не убеждали рациональные доводы. Пустые слова: ничего такого, ничего такого. Это всего лишь казнь, просто казнь, всего лишь...

Я на Голгофе.

Судя по всему, около девяти утра. Небо ясное. Нет ни облачка, солнце сияет вовсю. Это место, так называемая Гора Черепа,— голая, лишенная растительности возвышенность примерно в километре от стен города. Холм находится на северо-западе от Иерусалима, на высокой равнине, расположенной между городом и двумя долинами, Кедрон и Енном.

Весьма убогая картина. Похоже на какой-нибудь пустырь в современном городе. Оттуда, где я нахожусь, видны кучи му-

сора, испражнения животных. В отбросах роются собаки. Крайне убогая картина.

На горе никого, за исключением двух римских солдат. Они устанавливают на вершине столбы, забивают их большими колотушками в заранее выкопанные ямы. Оглянувшись, я вижу, как несколько человек с трудом поднимаются в гору. Скорее всего, это зеваки, которые хотят занять место получше. Наверное, подобные люди находились во все времена.

Здесь жарко. Я чувствую это даже через экран. И еще запах. Он докучает больше всего. Жужжат огромные мухи. Они пролетают сквозь экран, вроде бы не встречая никакого препятствия. Полагаю, это значит, что люди могут делать то же самое.

СОВЕРШЕННО ВЕРНО, ПРОФЕССОР ИАИР*.

Погодите. Я вижу облако пыли. Сюда движется процессия. Примерно десять-пятнадцать солдат, как мне кажется. И среди них трое осужденных. Двое, с виду очень сильные, идут впереди. А сзади идет... это он, он. Он... о, его скрыло облако пыли.

Те двое солдат закончили вкапывать столбы. Они надели доспехи и теперь стоят, опершись на мечи. Какой-то зевака спрашивает, когда все начнется. Один из солдат говорит, что уже скоро. Сейчас они...

. . . . . .

ЧТО-ТО СЛУЧИЛОСЬ?

Нет-нет, я просто отвлекся. Прошу прощения. Еще не привык к тому, что нужно проговаривать все, что видишь.

Так вот, похоже, легенда о Симоне Киринеянине правда. Человек в хвосте процессии... он упал на колени. Этот крест... он, должно быть, весит килограммов сто. Человек не мог подняться, и солдаты начали его избивать. Но он все равно не встал. Очевидно, слишком ослаб. Солдаты заставляют кого-то из толпы снять крест с плеч человека. Тот поднялся и пошел вслед за Симоном. Я уверен, что это Симон Киренский. Хотя, конечно, доказать это невозможно.

Теперь процессия совсем близко. Я уже вижу двух осужденных. Крупные парни с волосатыми руками, одеты в грязные хи-

---

* В Ветхом Завете есть несколько персонажей по имени Иаир, но в Новом Завете — только один: глава синагоги, дочь которого воскресил Иисус (Мф. IX, 18; Мк. V, 22; Лк. VIII, 41). *(Прим. ред.)*

тоны. Они, кажется, не испытывают никаких трудностей со своей ношей. Один вроде бы даже смеется. Да, так и есть. Он только что сказал что-то одному из солдат, и тот засмеялся в ответ.

Они почти подошли. Я могу...

Я вижу Иисуса.

Он идет, согнувшись, но видно, что он довольно высокий. Думаю, за метр восемьдесят. И худой. Он, похоже, постился. Лицо и руки почти белые от пыли. Он бредет, спотыкаясь. Только что закашлялся от пыли, набившейся в легкие. Его хитон тоже в пыли. И в пятнах. Судя по всему... в него швыряли навозом.

Лицо без какого-либо выражения. Совершенно пустое. Глаза безжизненные. Он смотрит прямо перед собой. Борода вся спутанная, волосы — тоже. Он выглядит так, словно уже наполовину мертв. Честно говоря, внешность у него... совершенно заурядная. Да, он...

. . . . . .

ПРОФЕССОР ИАИР?

Они уже здесь. Я метрах в шести от столбов. Отсюда прекрасно видно всех троих. Видно даже раны на голове Иисуса. Опять же можно только предполагать, но, вероятно, это раны от тернового венца. Из царапин, похоже, до сих пор сочится кровь. Запекшаяся кровь на лбу и в волосах. Одна струйка стекает по левой щеке. Он выглядит ужасно, просто ужасно. Хотел бы я знать, понимает ли этот человек, каково быть распятым.

С него сдирают одежду.

Также сдирают одежду и с двух... разбойников, возможно, они воры. А может быть, убийцы, нельзя сказать наверняка. Все трое теперь обнажены.

Он худой, господи, какой он худой! Что же это за дурацкая вера, которая заставляет человека морить себя голодом?

Прошу прощения за подобные комментарии, господа. Я сказал, не подумав. Просто у меня были совсем иные представления и об этом моменте, и об этом человеке.

Иисус совершенно изможден. Хотя и мускулист. Очень хорошо сложен. Еще бы немного мяса на кости, и он выглядел бы... просто блестяще. Теперь я немного лучше вижу его лицо. Оно... весьма красивое. Да, при определенных условиях этот человек мог бы быть невероятно красив. В таком случае становится понятна его магическая власть над людьми, он как будто обладает... аурой сверхъестественного существа.

А ЧТО ТАМ ПРОИСХОДИТ, ПРОФЕССОР?

Солдаты заставляют всех троих лечь на кресты и растягивают их руки вдоль перекладин. Их будут привязывать или же...

Так и есть, я хочу сказать, их руки... Боже! Господи, вы слышите это? О боже мой! Прямо в ладони! Кошмарный обычай. Эти древние, конечно, умели причинять боль.

Все эти мучения на распятии... просто жуть! Человек может протянуть еще дня три-четыре, если окажется достаточно крепким и переживет застой кровообращения, мигрень, голод, болезненные спазмы, потерю крови, сердечный приступ. В конце концов его прикончит либо голод, либо жажда, скорее — жажда, конечно.

Ради всего святого, надеюсь, они не станут применять крурифрагиум — раздробление голеней тяжелым молотом. Историки ничего на этот счет не пишут, но откуда им знать? Только я — надо же! — только я могу знать наверняка.

ЧТО СЕЙЧАС ПРОИСХОДИТ?

Их начали поднимать. Солдаты поднимают их на крестах. Воры стараются тянуться вверх, чтобы не разорвалась плоть на ладонях. Они стонут от страха и боли.

У него нет сил тянуться. Они... о господи!.. его поднимают прямо на пробитых гвоздями руках! Лицо у него абсолютно белое. Но он не издает ни звука. Губы плотно сжаты, совершенно обескровлены. Он не желает кричать. Этот человек просто фанатик.

А НАРОДУ ТАМ МНОГО, ПРОФЕССОР?

Нет, нет, совсем мало. Солдаты то и дело оттоняют зевак. Несколько человек стоят метрах в тридцати отсюда. Среди них немного женщин. Три держатся вместе. Возможно, это те три, о которых пишут Матфей и Марк.

Но больше никого. Не вижу ни одного человека, который мог бы оказаться Иоанном. Нет и женщины, которая была бы похожа на мать Иисуса. И разумеется, я узнал бы Марию Магдалину. Лишь те три женщины. И вроде бы всем плевать. Они явно пришли сюда ради... зрелища. Господи боже мой, как же эта сцена искажена и ханжески приукрашена. Я едва ли могу выразить, насколько все это мрачно, прозаично и обыденно. Заурядно, конечно, не то, что человека убивают таким способом, просто... ну... где же знак, чудо, предзнаменование?

Библейская чушь!

ЧТО ТАМ ПРОИСХОДИТ, ИАИР?

Да, так вот, его подняли. Крест, разумеется, совершенно не такой, какой описан в религиозных канонах. На самом деле это невысокая деревянная конструкция в форме буквы «Т». Основание, как я уже говорил, было вкопано в землю заранее, а крест насажен на него, прибит гвоздями и привязан. Ноги всех троих находятся лишь в нескольких сантиметрах над землей. Результат ведь все равно точно такой же, как если бы они были на высоте в несколько метров.

Кстати, раз уж речь зашла о ногах, то они привязаны, а не прибиты к кресту. И между ногами имеется... э... брус, перекладина. Она поддерживает их тела. Я ожидал увидеть точно такую у них под ногами. Надо признать, что на этот счет я ошибался.

Это же просто смешно, что люди в наше время верят, будто человек весом, должно быть, без малого восемьдесят килограммов сможет висеть на кресте на одних только гвоздях, вбитых в ладони и ступни. Они приписывают человеческой плоти гораздо большую прочность, чем есть на самом деле.

Теперь солдаты...

А ЧТО ТАМ С НАДПИСЬЮ НА ТАБЛИЧКЕ, ПРОФЕССОР?

Ах да, да. Она сделана на трех языках. Греческий, древнееврейский и латынь. Дайте-ка присмотреться... ага... Иисус из... Назарета, да, так и есть, Иисус из Назарета. Царь... царь иудейский. Вот так выглядит надпись целиком. Вы поняли? Иисус из Назарета. Царь иудейский. Видимо, Иоанн все же знал о подробностях распятия. Хотя лично он здесь не присутствовал, несмотря на его заверения.

Солдаты подносят Иисусу питье. Полагаю, это то самое снотворное зелье, которое, как известно, иерусалимские женщины готовили специально для обреченных на смерть преступников.

Так. Он отказался от питья. Отвернул голову. Солдат разозлился и замахнулся копьем на Иисуса. Но передумал.

Остальные двое пьют вино с миррой, которое подносят к их губам солдаты. Один из них произносит что-то. Я не все расслышал. Хотя разобрал слово «славно». Оба облизывают губы.

Один из них, видимо, просит себе ту порцию, от которой отказался Иисус. Ему не дают. Он поворачивает голову и глумится над Иисусом. Он говорит слишком быстро, чтобы я мог разобрать слова. Наверное, он и так уже полупьян от страха. Хотя

довольно скоро потеряет всякую чувствительность. Тогда наступит облегчение. Иисус от облегчения предпочел отказаться.

Это его выбор как добровольно принявшего мученичество.

ВЫ ЧТО-ТО НАЧАЛИ ГОВОРИТЬ О СОЛДАТАХ, ПРОФЕССОР.

Солдаты? Ах, да-да. Они бросали жребий, кому достанется одежда. Я, кажется, не сказал, что не вижу здесь ни одного платья, лишенного швов. Все три хитона совершенно заурядные, с отчетливо видными швами*.

Что ж, вроде бы я сообщил обо всех основных деталях. Все трое висят. Я хочу внимательнее рассмотреть Иисуса. Можно мне придвинуться чуть ближе?

ЕСЛИ ХОТИТЕ. НО ТОЛЬКО УДОСТОВЕРЬТЕСЬ, ЧТО ОСТАНЕТЕСЬ ПРИ ЭТОМ В ПРЕДЕЛАХ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОГО ЭКРАНА.

Я буду осторожен. Так. Теперь я в двух метрах. В полутора, в метре, в... вот так хорошо. Думаю, мне не стоит... думаю, ближе лучше не подходить.

ВСЕ В ПОРЯДКЕ, ПРОФЕССОР?

Совершенно, в полном порядке. Я, хм, несколько волнуюсь, вот и все. В конце концов, это же Иисус. Я чувствую себя так, словно он может... ладно, это просто абсурд. Как же цепко держатся в нас предрассудки.

Да, он довольно молод. По моим ощущениям, выглядит на тридцать. Как я уже сказал, у него красивое лицо и тело, и, наверное, он производил на других ошеломляющее впечатление. Ничего удивительного в том, что его могли принимать за некоего посланца свыше.

Кожа у него чистая. То есть грязная, но... без дефектов. Рот довольно крупный, полные губы. Четко очерченные. Нос вовсе не крючком, а скорее... ну, не знаю, греческий, наверное. Он очень хорош собой. Да. Очень и очень красивый человек.

Глаза у него...

. . . . . .

ПРОФЕССОР?

Да, по крайней мере, подтверждается теория о том, что описание распятия было сделано позже и основывается на ветхо-

---

* Согласно Иоан. XIX, 23, хитон Иисуса Христа «был не сшитый, а весь тканый сверху». *(Прим. ред.)*

заветном пророчестве. Совершенно очевидно, что очень немногое из того, о чем повествует Библия, является реальным фактом. Здесь нет Иоанна, нет матери, нет Марии Магдалины, никого из тех, кто должен быть. И я не услышал от Иисуса ни слова. Никто не подвергал его осмеянию, если не считать вора, но тот всего лишь разозлился, потому что не получил второй порции дурманящего напитка. И нет никаких знамений.

Думаю, мы можем с уверенностью утверждать, что более поздние хроники сделаны с намерением подтвердить предсказания и просто повторяют описания распятия из Ветхого Завета. Все эти псалмы, двадцать второй, тридцать первый, тридцать восьмой и, прежде всего, шестьдесят девятый, плюс христианское мировоззрение сделали распятие несколько... нет, совершенно не тем, чем оно было в действительности. Чем оно является в ту минуту, когда я стою здесь.

Я... о...

. . . . . .

ЧТО СЛУЧИЛОСЬ, ПРОФЕССОР?

Он только что... заговорил.

Он заговорил. Он сказал: «Элои». Он сказал: «Господь» — на своем языке. Лицо у него белое и осунувшееся. Оно искажено страданием...

Его лицо... оно такое... такое прекрасное. Даже сейчас, в момент ужасной муки, он...

Несомненно, самогипноз, легко давшееся самовнушение, учитывая его экзальтацию и эмоциональное напряжение. Уверен, что этот бедолага... несчастный человек должен ощущать некий... своеобразный экстаз, вызванный болью. Может быть, он вообще не ощущает боли. Может, из-за того, что тело функционирует на пределе возможностей, из-за притока адреналина, он лишился чувствительности. Очень даже может быть. Его глаза, они... у него глаза...

ЕСТЬ ЛИ КАКИЕ-ТО УКАЗАНИЯ НА ТО, ЧТО ПРОИСХОДИТ НЕЧТО СВЕРХЪЕСТЕСТВЕННОЕ, ИАИР?

Уверяю вас, ничего, если иметь в виду землетрясение, потемневшие небеса, разверзнувшиеся могилы и еще кучу разных явлений, о которых упоминается в Библии и других источниках.

Нет, боюсь, ничего такого.

Никаких потемневших небес. По-прежнему печет ослепительное солнце. Земля твердая как камень. Летописи несколько ошибаются. Очевидно, авторы тех заметок были недовольны фактами и решили добавить священных предзнаменований действу, лишенному какой бы то ни было сакральности. Рука Господа и прочая чушь.

Честно говоря, меня это просто бесит. Неужели этого момента недостаточно самого по себе? Разве он недостаточно чудовищен, чтобы... о, будь проклято ханжество этих!..

. . . . . .

ПРОФЕССОР, С ВАМИ ВСЕ В ПОРЯДКЕ?

Что?

С ВАМИ ВСЕ В ПОРЯДКЕ? ВАМ НЕХОРОШО?

Я... со мной все нормально. Спасибо.

ЧТО ТАМ ПРОИСХОДИТ?

. . . . . .

ПРОФЕССОР?

Эти глаза. Какие глаза. Господи, они так... так обжигают! Взгляд отца, побитого собственными детьми. Который все равно продолжает их любить. Который был предан своими возлюбленными, и лишен одежд, и бичеван, и распят, и унижен! Неужели нет...

ПРОФЕССОР?

Я... я... со мной все в порядке. Я совершенно... совершенно нормально себя чувствую. Просто все это... удручает. Этот человек не сделал ничего... О боже!.. у него на губах сидят мухи! Прочь!

. . . . . .

ЧТО ПРОИСХОДИТ, ПРОФЕССОР ИАИР? ВЫ НЕ...

Ему дают пить. Его, должно быть, мучает чудовищная жажда. Солнце так печет. Даже я захотел пить.

Солдат только что макнул губку в ведро с поской, солдатским напитком из уксуса и воды. Теперь он насадил губку на палку, которая валялась на земле. Он подносит губку ко рту Иисуса.

Он... приникает к губке. Рот у него дрожит. Вкус, должно быть, отвратительный... теплая горечь. Боже, ну почему они не могут дать ему нормальное питье, немного холодной воды? Неужели им неведома жалость...

ПРОФЕССОР, ПРИГОТОВЬТЕСЬ К ВОЗВРАЩЕНИЮ. ВЫ ТАМ УЖЕ ПОЧТИ СОРОК МИНУТ. ВСЕ, ЧТО НУЖНО, УЖЕ СДЕЛАНО.

Нет, не возвращайте меня, не сейчас. Еще немного. Совсем недолго. Со мной все будет в порядке. Клянусь вам, все нормально. Л-лишь позвольте мне... остаться здесь, с ним. Не забирайте меня сейчас. Прошу.

ПРОФЕССОР ИАИР.

Его глаза, его глаза... какие глаза! О, Господь мой на небесах, они смотрят прямо на меня! Он видит меня! Я уверен! Он меня видит!

МЫ ВОЗВРАЩАЕМ ВАС.

Нет, не сейчас. Я... я должен... я...

ТОЛЬКО НЕ ВЫХОДИТЕ ЗА ЭКРАН.

За экран? Да, наверное, я смогу... смогу...

ВЫ ВОЗВРАЩАЕТЕСЬ.

Нет! Нет, я пройду сквозь экран, если вы попытаетесь вернуть меня! Я... Клянусь, я так и сделаю, не трогайте меня!

ПРОФЕССОР, ПРЕКРАТИТЕ!

Я должен остановить их! Я обязан их остановить! Я ведь здесь, я могу его спасти! Могу! Почему бы мне не затянуть его к себе в экран и не спасти его?!

ИАИР. НЕ ТЕРЯЙТЕ ГОЛОВЫ!

Почему же нет, будь все проклято, почему нет! Я не могу просто стоять здесь и смотреть, как они его убивают! Он слишком чистый, слишком добрый. Я могу его спасти, я могу!

ИАИР, ВЫ СДЕЛАЛИ СВОЕ ДЕЛО! ДАЙТЕ ИМ СДЕЛАТЬ СВОЕ!

Нет!

ЗАПЕРЕТЬ ЭКРАН.

Что? Что вы делаете?

МЫ ЕЩЕ МОЖЕМ ЕГО ВЕРНУТЬ, НЕСКОЛЬКО СЕКУНД ЭКРАН ПРОДЕРЖИТСЯ.

Выпустите меня! Господи, помоги мне, освободи меня! Прекратите, вы не ведаете, что творите!

БЫСТРЕЕ!

Нет. Перестаньте, прекратите! Не забирайте меня! Нет!

ВНИМАНИЕ!

Они стащили его, обезумевшего и брыкающегося, с платформы. Отнесли в кабинет, уложили на кушетку, и доктор Рэндалл вколол ему успокоительного.

Через полчаса профессор Иаир пришел в себя настолько, чтобы выпить стакан бренди. Он сидел в большом кожаном кресле, глядя прямо перед собой пустым взглядом. Сознание не до конца вернулось к реальности, он все еще стоял на одиноком холме под Иерусалимом.

Иаир о многом хотел рассказать — кирпичики слов в здание истории. Он мог бы описать одежду, какую видел на Голгофе, повторить произнесенные там слова, описать сам момент во всей его грубой и безрадостной полноте. Рассказать, что именно то, как спешно его выдернули назад, и породило феномен, названный в Библии землетрясением и камнепадом.

Но ничего из этого он им не сообщил.

Он лишь сказал, что хочет пойти домой.

Профессор надел пальто, шляпу, галоши и вышел в серый день. Резиновые подошвы шлепали по наполовину раскисшему снегу, глаза всматривались в медленно опускающийся снежный занавес.

Все остальное и неважно, думал он. Правда или неправда — не имеет значения. Превращение воды в вино, очищение прокаженных, исцеление больных, хождение по воде, воскресение из мертвых — все это не имеет значения. Люди, живущие надеждой на материальные чудеса, всего лишь мечтательные дети, которые никогда не спасут мир.

Человек отдал свою жизнь за то, во что верил. Вот настоящее чудо.

Сегодня канун Рождества, самое подходящее время, чтобы обрести веру.

Когда день сер

Скажи Земле последнее прости,
Ведь день уж сер, и достоянье человека
Низринуто в застенки времени,
В могильный саван запеленато навек.
Сними нагар с свечи стараний,
И пусть же с глаз твоих вдруг упадет
Та странная вуаль, что слита
С таинственною тьмой.

Он сидел на камне и писал этот текст на доске, используя в качестве пера чей-то измазанный в саже палец. Совершенно очевидно, размышлял он, что финальная тема должна быть записана этим отправляющимся в чистилище пальцем, этим жалким отростком, который некогда нахально тыкал в землю и небо — я твой хозяин, земля, я твой хозяин, небо! — и вот теперь валяется, закопченный и жалкий, среди обломков бытия.

«Я присутствую на поминках по Земле и не лью слез».

Он поднял полные скорби глаза, и застывший взгляд поплыл над равниной. Он перекатывал в пальцах свое необычное стило и с отвращением раздувал ноздри. «Вот он я,— угрюмо размышлял он,— сижу на горячем валуне и изучаю последствия той небольшой шутки, какую человек в итоге сыграл с самим собой».

Он ударил себя по лбу и выкрикнул: «Ах!» — его захлестнула волна чувств. Большая голова упала на грудь, и он прерывисто зарыдал. Право, данное с рождения, отнято, горевал он, золотой шанс упущен, человек отыскал свой путь — но путь к самоуничтожению.

Затем он с вызывающим видом распрямился, словно проглотил жердь. «Я не желаю быть тявкающей дворняжкой,— провоз-

© Перевод Е. Королевой.

гласил он.— В сей погребальный час я не поддамся. Да, пусть смерть стоит надо мной и сует призрачные пальцы в мои язвы, я не стану молить о пощаде, не согнусь».

Лохмотья величественно развевались на плечах. Он склонился, чтобы записать дальше:

О, дайте насладиться смертью,
Пока Земля, приветствуя погибель,
Глядит глазами гаснущих костров.

Кончик отяжелевшего языка выдвинулся из-за баррикады рта. Стало жарко.

И птицы свищут отходную человеку
Испепеленному, который
Свой изжаренный скелет
Пожертвовал вдруг всем своим богам.
А птицы клювом долбят песню без затей
На ксилофоне преданных забвению костей.

— Отлично! Отлично! — закричал он, опуская босую ногу на покрытую пеплом землю. Взволнованный своей строфой, он уронил стило и встал, чтобы поднять. Ну вот, расссян как никогда. Он поморщился при этой мысли, а потом снова принялся писать.

«До чего же удивительно,— продолжал он рассуждать,— что за всю свою больную историю человек так ни на миг и не оставил попыток уничтожить себя самого».

Рефрен:

Куда как странно —
Что два чужака
Жили вместе,
Не видя врага.

Он остановился. Как же продолжать, размышлял он, как продолжать, когда под всеми счетами человечества в бухгалтерской книге вечности подведена черта? Требуется истинное упорство, бойцовская хватка и в то же время обманчивое спокойствие морской пучины, когда над головой уже кричат падальщики. «Что тогда, что теперь,— думал он,— я вынужден прикладывать титанические усилия, чтобы породить гладкую и изящно срифмованную строфу». Например, такую:

Спрячь безразличие,
Скажи, в чем отличие:
Сгореть в кислоте
Иль сгореть в пустоте.

«У меня нет ни публики, ни надежды на ее появление, однако же я продолжаю творить, потому что то, что должно быть сказано, должно быть сказано. А значит, идти вперед — мой единственный выбор».

Он в двадцать седьмой раз сунул руку в карман и достал пистолет, нервным пальцем провел по барабану. Там одна пуля, знал он, ключ к окончательному забвению. Он заглянул в черный глаз дула, не дрогнув. «Да, когда все кончится, когда я досмакую последние глотки темного вина безоговорочного крушения, я приставлю его ко лбу и пресеку навечно жалобные излияния людского рода».

«Ну а пока,— решил он,— надо возвращаться к работе. Я еще не покончил с человечеством. Осталось еще несколько фраз, несколько хлестких поэтических строк. Ведь не стоит же в спешке отказываться от того, чего людям всегда хотелось больше всего,— от последнего слова».

И, в книге человечества
Последним став псалмом,
Он саван шил из атомов,
Могилу рыл копром.

Нет. Нет, это не укладывалось в общий ритм. Он стер это. Дайте-ка подумать, он барабанил ногтем по гнилым зубам. Что можно еще сказать? А!

Прекрасней человека нет,
Мудрее человека нет,
Ведь в одиночку он
Спалил весь белый свет.

«И это только справедливо,— размышлял он, посмеиваясь,— что именно мне, единственному выжившему, предстоит пролить свет на столь невероятную трагедию, как смерть человечества». Так, может, надо исторгать бесконечные сожаления и пышные панегирики, способные смыть всю горечь одной большой очищающей волной? Или же нет?

«Человек, человек,— невесело думал он,— что же ты сделал со своим таким великолепным миром? Неужели он был настоль-

ко ничтожен, чтобы ты презирал его, настолько шаток, чтобы ты захотел спалить его дотла, настолько уродлив, чтобы тебе пришлось перекраивать его горы и моря?»

Он горестно заохал.

Руки обмякли. Слезинка, две слезинки покатились по бокам похожего на клюв носа, повисели на кончике, а потом упали на землю. И зашипели.

«Что за чудо,— мысленно стонал он,— что я стал последним представителем изничтоженного племени людей. Самым последним! Фантастика, какое в этом величие — быть одному во всем огромном мире!»

«Это даже слишком,— кричал он про себя.— Голова идет кругом от собственной значимости». Он взялся за пистолет. «Как же я смогу удержать на своих плечах столь сокрушительный груз? Найду ли подходящие слова, будут ли мои чувства отвечать грандиозности возложенной задачи?»

Он заморгал, опустил пистолет. Его возмутил подобный вопрос. «Как, чтобы я не справился, чтобы мои слова не подошли?» Он распрямился и сердито посмотрел на затянутое пеплом небо.

«В самый раз»,— заявил он. Прекрасно, что весь последний обряд совершает лишь один человек. Разве было бы лучше, если бы ватага каменотесов суетилась вокруг надгробной плиты, натыкаясь на руки друг друга в неуклюжей попытке выбить на ней эпитафию человечеству? Или же шайка писак бесконечно спорила бы над некрологом Адамову роду, пихаясь и тычась во все стороны, словно футбольная команда без тренера?

Нет, так гораздо лучше — один человек, переживающий блистательную агонию, один голос, произносящий последнее слово, ставящий точки над «і», а затем прощание с господством человека, исполненное пусть и не в возрождающих к жизни, но искусных стихах.

«И этот человек я, я этот голос! Благословленные этой финальной возможностью, только одни мои слова, без миллиона других, сливающихся с ними, только мои строки звенят в вечности, и некому их прервать».

Он вздохнул и снова принялся писать.

И чтобы стать по-настоящему особым,
Уничтоженье всех других людей
По...

Он тревожно вскинул голову — с другой стороны захламленной долины донесся некий звук.

— А? — пробормотал он.— Что такое?

Он заморгал, всматриваясь покрасневшими глазами, наклонил голову набок, сощурился. А потом его нижняя челюсть начала опускаться все ниже и ниже, пока рот не превратился в жерло потухшего вулкана.

По долине ковылял человек и махал ему рукой. Он смотрел, как зола поднимается клубами вокруг хромающего человека, и его разум вдруг совершенно онемел.

Представитель его вида! Товарищ, еще один голос, который можно услышать, еще один...

Человек дохромал поближе.

— Друг! — выкрикнул незнакомец в изумлении.

И внезапно, когда он услышал, как этот голос вторгается в угрюмую тишину, в мозгу поэта что-то щелкнуло.

— Я не позволю себя ограбить! — закричал он. И выстрелил человеку точно между глаз. После чего отошел от обмякшего тела и прошагал про раскаленной земле к другому валуну.

Он сел, закатывая рукав. И перед тем как снова склониться над работой, он крутанул пальцами пустой барабан.

«Что ж,— вздохнул он,— пережить подобный момент одному, остаться с величественной, сияющей судьбой наедине — дело того стоило».

«Сонет сожженной планете»,— начал он...

Пляска мертвецов

А я лечу вперед
С девчонкой Рота-Мотой!
Сам черт нас не возьмет
На скользких поворотах!
Куда бы нам забраться,
Залечь и потолкаться!

(По/толкать/ся — *гл., жарг.* — обозначает любую случайную половую связь, в данном значении стало употребляться во время III Мировой войны.)

Два пучка света, выпускаемые автомобильными фарами, быстро ложились на шоссе. Следом за ними несся «ротор-моторс»-амфибия, модель «С», 1987 года выпуска. Яркие желтые струи рвались вперед и стремились удрать от 12-цилиндрового тяжело дышащего преследователя. Застывшая кромешная темень с бешеной скоростью исчезала под колесами. Дорога мелькала все быстрей. «Сент-Луис, 10 км».

— А ты летишь со МНОЙ,— пели они,— мы Рота-Мота дети! С глазами за СПИНОЙ,— пение усиливалось,— и с мыслями в кювете!

Певцов было четверо:

Лен, 23 года,

Бад, 24 года,

Барбара, 20,

Пегги, 18.

Лен с Барбарой, Бад с Пегги.

Бад вел машину. Она с визгом вписывалась в крутые виражи, громко ревела на мрачных горных подъемах, как пуля проносилась по затихшим равнинам. Одна лишь Пегги пела не надрываясь, у остальных слова вылетали из готовых разорваться

© Перевод Н. Савиных.

легких, смешиваясь и соревнуясь с ветром, бившим в их лица и хлеставшим по ним спутавшимися волосами:

К бесу тихие прогулки
При светящем месяце!
На стомильных скоростях
Мне про иное грезится!

Стрелка подрагивала на 130. Еще две пятимильные отметки, и конец шкалы. Внезапно автомобиль куда-то нырнул. Вся компания подскочила, и ночь тут же подхватила и унесла с собой дикий хохот трех молодых глоток. Еще вираж. Еще подъем, затем спуск. Молниеносный скачок через долину — корпус цвета полированного черного дерева едва касался земли.

Водно — роторно — моторный —
И удобный и просторный.
Хоть по суше, хоть по морю
Как ни в чем я рот-моторю!

Голос на заднем сиденье:

— Уколись, Барбарись!

— Спасибо, я уже. Сразу после ужина.

Иголка с приделанной к ней капельницей для глаз перешла обратно.

Голос на переднем сиденье:

— Уж не хочешь ли ты сказать, что это твой первый залет в Сент-Лу?

— Ну да, ведь в сентябре начались занятия.

— Брось об этом, ты же своя чувиха.

Заднее сиденье, обращаясь к переднему:

— Эй, чувиха, ты что, не хочешь вкусно взлететь?

Иголка перешла вперед, светло-янтарное содержимое капельницы заманчиво переливалось.

— Давай, будет здорово!

(Взлететь — *гл., жарг.* — обозначает переход в состояние эйфории, следующее за приемом наркотика. В данном значении стало употребляться во время III Мировой войны.)

Пегги попыталась улыбнуться, но губы не двигались. Пальцы чуть-чуть дрожали.

— Нет, спасибо, я не...

— Давай, не дрейфь.— Лен навалился на сиденье всем телом, светлые брови выделялись под растрепавшейся черной шевелюрой. Он держал иглу прямо перед лицом Пегги.— Будет здорово, вот увидишь. Взлетишь и все забудешь!

— И все-таки я бы не хотела, если, конечно, ты...

— Ну и девица попалась! — взорвался Лен и с силой прижался бедром к ждущему этого бедру Барбары.

Пегги тряхнула головой, и ее золотистые кудри упали на лицо, полностью скрыв глаза и щеки. Где-то там внутри, под желтой тканью платья, под белым нижним бельем, под молодой грудью тяжело стучало сердце. «Будь внимательна и осторожна, детка. Это все, чего мы просим. И помни, кроме тебя, у нас на этом свете никого нет». Слова матери звенели в ушах. Вид иглы заставил ее отпрянуть поглубже в кресло.

— Ну ты даешь, чувиха!

Машина застонала, входя в очередной поворот, и центробежная сила сдвинула Пегги прямо на худые колени Бада. Рука его моментально спустилась, и пальцы сдавили упругое тело. Под желтой тканью платья, под тонким чулком дрожь пробежала по коже. Губы снова не повиновались, вместо улыбки получилась жалкая гримаса.

— Я клянусь, это черт знает как здорово!

— Отстань, Лен. Если хочешь, коли своих подружек.

— Но должны мы научить ее поймать кайф.

— Лен, отвяжись, это моя девчонка!

Черный автомобиль, рыча, продолжал погоню за собственным светом. Пегги нашла и сжала в руке теплую ладонь. Ветер свистел над ними, запуская холодные пальцы в их волосы. Она бы и не хотела таких пожатий, но сейчас была просто благодарна Баду.

Пытаясь скрыть безотчетный испуг, Пегги молча следила, как асфальт исчезает под капотом. Сзади началась возня. Чувствовались объятия напряженных тел, слышно яростное слияние губ. Тем сладострастнее, чем больше миль на спидометре.

— С девчонкой Рота-Мотой! — страстно выдавил из себя Лен, оторвавшись, чтобы вздохнуть. Молодое девичье сердце на переднем сиденье падало и замирало. «Сент-Луис — 6 км».

— Ты не врешь, что никогда не была в Сент-Лу?

— Да нет же, я...

— И значит, ты никогда не видела пляску хмурых?

Огромный комок подступил к горлу.

— Нет. Я... А мы разве... мы для того туда едем?

— Ну и девица, никогда не видела танцы хмуриков! — отозвался сзади Лен.

Во рту у Пегги пересохло. Она аккуратно и демонстративно одернула юбку.

— Значит, не врешь.— Лен все больше воспалялся.— Тогда считай, что ты еще не *жила.*

— Она во что бы то ни стало должна увидеть *это,*— вторила Барбара, крутя пуговицу.

— Так в чем же дело,— не отставал Лен.— Да, чувиха, потешим мы тебя сегодня.

— Ничего, все в порядке,— сказал Бад и слегка сжал ее ногу.— Все о'кей, верно ведь, Пег?

Никто в темноте не видел, что Пегги содрогнулась. Ветер продолжал играть ее прядями. Она слышала об этом, даже читала, но ей и в голову не приходило, что можно и самой...

«И тщательно выбирай друзей, дочка. Не дай себя обмануть».

А что, если целых два месяца с тобой никто не разговаривал? Как хочется поболтать, посмеяться, побыть с приятелями. И что я могла ответить, когда на меня обратили внимание и пригласили на пикник?

— Давайте познакомимся, я — Поппи-морячок! — пропел Бад.

Сзади прозвучало кукареканье в знак высшего одобрения. Бад изучал довоенные комиксы и мультфильмы, и на этой неделе они проходили Поппи. Он буквально влюбился в одноглазого пирата и рассказывал о нем Лену и Барбаре, которые уже наизусть знали все его песенки и диалоги.

— Поплавать бы немножко с девчонкой-кривоножкой, я — Поппи, Поппи, Поппи, я — Поппи-морячок.

Взрыв хохота. Пегги стало немного стыдно. Бад убрал руку у нее с ноги и ухватился за руль. Резкий наклон на следующем зигзаге дороги, и Пегги отбросило к дверце. От прохладного воздуха слезились глаза и ныло в затылке. 110—115—120 миль в час. «Будь очень осторожна, родная». «Сент-Луис — 3 км».

Поппи недвусмысленно подмигнул ей.

— О, Олив Ойл, милашка, тебя я обожаю.

Последовал толчок локтем в бок:

— Будешь моей Олив Ойл, *ты?*

Пегги нервно засмеялась:

— Только не я.

— *Именно ты.*

На заднем сиденье Уимпи набрал воздуху и продекламировал:

— Я во вторник заплачу, а пожрать сейчас хочу!

Пронзительное трио и робкий четвертый голос продолжали концерт под аккомпанемент воющего ветра:

— Когда полно шпионов, то лучше и не надо. Я — Поппи, Поппи, Поппи, я —Поппи-морячок. Трум! Бум!

— Я есть только то, что я есть,— помрачнел Поппи, и рука его потянулась к ногам Олив Ойл под желтой юбкой. Задний ряд квартета возобновил возню и замолк в жарких объятиях.

«Сент-Луис — 1 км». Рев мотора гулко отдавался в неосвещенных пригородах.

— А ну надеть! — протяжно скомандовал Бад.

Все быстро вытащили и прицепили пластиковые защитные лепестки, прикрывающие органы дыхания.

Нос и рот прикрой скорее,
Биопреп тебя хитрее.

(Биопреп — *сущ., разг.* — общее название биологических препаратов для уничтожения гражданского населения. Вошло в употребление во время III Мировой войны.)

— Тебе понравится танец хмурых! — донеслись сквозь дорожный свист слова Бада.— Это сногш...ш!

У Пегги было ощущение, что холод идет отовсюду, ночь и ветер здесь ни при чем. «Помни, милая, сейчас в мире происходят ужасные вещи. Держись в стороне от них».

— А не могли бы мы еще куда-нибудь съездить? — спросила Пегги и тотчас же поняла, что никто не слушает. Бад продолжал пение — «поплавать бы немножко с девчонкой-кривоножкой». Рука его снова оказалась на бедре соседки. А на заднем сиденье в это время поцелуи уступали место более интимным и откровенным действиям.

«Пляска мертвецов». Что-то леденящее душу почувствовалось Пегги в этих словах.

«Сент-Луис».

Черный автомобиль летел среди развалин.

Местечко, бывшее целью их путешествия, встретило дымом и вульгарными возгласами. Всеобщее шумное животное веселье подогревалось сумасшедшим диссонансом, исходящим из доб-

рой дюжины медных инструментов — музыка стиля 1987 года. Пульсирующие, трущиеся друг о друга, танцующие тела заполняли все крохотные подковообразные пространства пола вокруг оркестра. В вырывающемся из дыма и духоты всеобщем подвывании, сопровождающем ритмичные движения этой массы людей, можно было разобрать слова:

Рви меня, кусай меня!
В кровь мою добавь огня!
Я — твоя, возьми меня!
Милый, милый, милый,
Ты — мой — дикий — зверь!

Что-то взрывоопасное, готовое вот-вот разлететься осколками, но пока еще единое целое, таилось в этой шевелящейся толпе. «Зверем, зверем, зверем, будь со мною ЗВЕРЕМ!»

— Ну и как тебе это, Олив Пегги Ойл.— Во взгляде Поппи появилась испытующая искорка. Они с трудом протискивались вслед за официантом.— В Сикесвилле ничего подобного не увидишь, не правда ли?

Пегги улыбнулась, сжатая Бадом ладонь онемела, но она покорно следовала за своим кавалером. В тот момент, когда они обходили едва освещенный столик, она вдруг почувствовала чье-то прикосновение. Пегги попыталась отстраниться от невидимых пальцев, но сразу наткнулась на острое, твердое колено. Приходилось изгибаться, лавировать, уворачиваться. Десятки жадных глаз раздевали ее и приглашали предаться похоти. Бад помогал распихивать окружающих. Губы непроизвольно дрожали.

— А вот здесь тебе нравится? — удовлетворенно воскликнул Бад, когда они уселись наконец у самой сцены.

Из сизых сигаретных клубов вынырнул официант. Казалось, он парит над полом с карандашом в руке.

— Что желаете? — удалось расслышать, несмотря на какофонию.

— Виски с содовой.

Бад и Лен сказали это одновременно. Потом обратились к спутницам.

— Что желаете? — повторили они вопрос официанта.

— Зеленое Болото,— выкрикнула Барбара.

— Ты понял, коктейль «Зеленое Болото»! — передал официанту Лен.

Джин, ром, «Кровавое Вторжение» 1987 года, лимонный сок, сахар, мятная добавка и несколько кусочков льда — этот напиток пользовался особой популярностью среди студенток колледжей.

— А что скажет вторая девчонка? — спросил Бад свою спутницу.

Пегги улыбнулась.

— Я буду лимонад.— Ее негромкий, неуверенный ответ потонул во всеобщем грохоте и дыме.

— Что-что? — переспросил Бад.

— Повторите, я не расслышал,— не уходил официант.

— Лимонад.

— *Что?!*

— Лимонад!

— ЛИМОНАД! — Это уже вопил Лен, но барабанщик, несмотря на весь шум окружающей его банды, расслышал. Тогда Лен рукой скомандовал ему: — *Раз — два — три!*

Хор: Лимонад, когда мы были очень молоды,
Был для нас дороже и приятней золота.
И так продолжалось, пока...

— Давайте быстрее,— торопил официант,— а то я здорово занят.

— Два виски с содовой и два «Зеленых Болота»! — пропел Лен, и официант исчез в крутящемся тумане.

Юное сердце Пегги беспомощно трепетало. «Никогда не пей, если идешь на свидание. Обещай нам, детка. Ты должна нам это пообещать». Она попыталась оттолкнуть всплывающие в памяти советы матери.

— Как тебе здесь нравится, дорогая? Не так уж и *хмуро,* ты не находишь? — Вопрос исходил от Бада, раскрасневшегося, заметно повеселевшего Бада.

(Хмурый (хмурик) — *сущ., жарг.*— получил широкое распространение в устной речи как заменитель аббревиатуры ХМ (УР) — Ходячие Мертвецы (Условная Реакция).)

Пегги из вежливости нервно улыбнулась. Она осматривалась. Лицо наклонено вниз, глаза все время возвращались на сцену. *Хмурые.* Неприятно, как острие скальпеля. *Хмурый, хмурик.*

Сценой служило невысокое деревянное возвышение полукруглой формы радиусом около пяти ярдов. По периметру, на уровне пояса, шло легкое ограждение. На каждом его конце стояли бледно-красные прожекторы. Они пока не горели. Красное на белом — промелькнула мысль. «Послушай, дочка, а чем тебе не нравится бизнес-колледж в Сикесвилле?» — «Но я не хочу учиться бизнесу. Я хочу изучать искусство в университете».

Принесли заказ. Официант казался бестелесным. Она видела только руку, опустившую перед ней высокий зеленоватый стакан.

Рука исчезла. Пегги взглянула на мутную болотисто-зеленоватую жидкость, от льдинок бежали вверх пузырьки воздуха.

— Хочу тост! Возьми стакан, Пег.— Это снова Бад.

Бокалы встретились над столом и зазвенели.

— За изначальное желание! — произнес Бад.

— За неосквернённое ложе! — добавил Лен.

— За бесчувственное тело! — вставила следующее звено Барбара.

Взгляды троих сфокусировались на лице Пегги. Они ждали, Пегги не понимала.

— Последнюю строчку,— подсказал ей Бад, помогая преодолеть медлительность новичка.

— За... за *нас*.— Но получилось неестественно.

— О-ри-ги-нально,— хмыкнула Барбара.

Пегги почувствовала, что краснеет. Но этого никто не заметил, потому что Молодость Америки, Для Которой Время Остановилось, уже неистово поглощала содержимое своих бокалов. Пегги вертела стакан в руке, по-прежнему изо всех сил изображая улыбку.

— Пей, не бойся.— Слова Бада донеслись через стол как будто с другого конца света.— Чга-луга-лег!

— Будет здорово, вот увидишь.— Это Лен, думая о чем-то своем. Пальцы его снова искали мягкое податливое тело. Под столом они сразу успокоились.

Пегги не хотела пить, она боялась пить. Голос матери возвращался к ней. «Никогда, если идешь на свидание. Никогда, прошу тебя». Она приподняла стакан.

— Дядюшка Бадди поможет тебе.

И вот уже дядюшка Бадди прислоняется к ней, виски уже ударило ему в голову. Дядюшка Бадди берет холодный стакан и подносит его к трясущимся хорошеньким губам.

— Будь умницей, Олив Пегги Ойл. Раз, и...

Но девочка не слушалась. Она закашлялась, и несколько зеленых капель запачкали ей платьице на груди. А жгучая влага тем временем достигла желудка и огненными ручейками потекла по всем жилочкам.

Бэнгити бум, крэш смэш ПУМ! Это барабанщик нанес завершающий смертельный удар по тому, что в давние времена называлось вальсом влюбленных. Свет погас. Пегги все кашляла и терла глаза. В дыму, в подвале, в другом измерении.

Она почувствовала, как невидимая рука Бада сильно сдавила плечо. И вот, в темноте, она потеряла равновесие, стала куда-то падать, и падение это остановил влажный горячий рот, властно прижавшийся к ее губам. Пегги инстинктивно отдернулась, и в этот момент вспыхнули пурпурно-красные огни. Пестрое цветное лицо Бада отодвинулось. Он выдохнул — лучше и не надо — и потянулся к выпивке.

— Посмотрите, хмур, вон туда смотрите,— мрачно воодушевляясь, закричал Лен. Он уже делал руками, что хотел.

Внутри у Пегги все перевернулось. Ей захотелось заорать, вскочить и, самое главное, бежать, бежать, куда угодно, лишь бы подальше от этой темноты и тошнотворного дыма. Но рука однокашника цепко удерживала ее на стуле, и Пегги подняла глаза. Прямо перед собой она увидела бледное, отвратительное лицо мертвого человека. Он стоял у микрофона на краю сцены, и микрофон завис над ним подобно железному пауку.

— Дамы и господа, минуточку внимания,— раздался невыразительный потусторонний голос. Взгляд его хаотично блуждал над головами зрителей, глаза зловеще мерцали. У Пегги остановилось дыхание. Тонкие щупальца болотисто-зеленой жидкости уже прошли сквозь стенки желудка, обожгли грудь. Веки отяжелели, глаза то смыкались, то открывались. Мамочка — возникло откуда-то из самых глубин ее мозга дорогое слово. Возникло и затрепетало, вырвавшись наконец на свободу. Мамочка, забери меня домой.— Мы должны предупредить вас. То, что вы сейчас увидите, предназначено только для закаленных сердец и крепких нервов.— Голос звучал приглушенно, словно из-под земли.— Если же вы в себе не уверены, вам лучше уйти отсюда прямо *сейчас*. Мы ничего не гарантируем и не несем никакой ответственности. И мы не можем позволить себе содержать в штате врача.

Но смеха в ответ не последовало. «Брось трепаться и катись ты...» — буркнул сам себе Лен. У Пегги ногти врезались в кожу.

— То, что вы сейчас увидите,— представление продолжалось, и голос стоящего на сцене постепенно приобретал уверенность и звучность,— это не дешевая сенсация, напротив — это честный научный опыт.

— Хмур для дур! — Реакция Бада и Лена была быстрой и непроизвольной, как слюноотделение у подопытной собаки.

В 1987 году присказка эта настолько вошла в обиход, что употреблялась уже как некая форма вежливости в ответ на любое упоминание «Ходячих Мертвецов» в вашем присутствии. В послевоенном законе существовала лазейка, разрешающая показы такого рода, но при одном условии — с предварительным устным научным разъяснением. Однако последовало столько злоупотреблений и вольных толкований этой оговорки, что всем в конце концов стало на это наплевать. А слабое правительство смотрело на подобные нарушения сквозь пальцы.

Когда свист и улюлюканье улеглись, выступающий продолжил.

Пегги не отрываясь следила за заученными движениями его губ. Сердце ее с трудом наполнялось кровью и медленно, судорожно сжималось. Ноги начали деревенеть. Но все отступало по мере того, как приятное жжение проникало в глубины ее тела, а пальцы все судорожнее сжимали запотевшее стекло. «Я хочу уйти. Пожалуйста, забери меня домой»,— последним усилием воли обратилась она к матери.

— Итак, дамы и господа,— эта была последняя вступительная фраза,— возьмите себя и друг друга в руки.

Прозвучал гонг, заполнив пространство вибрирующим звуком, и вслед за гонгом хриплый человеческий голос медленно объявил:

— «Ходячие Мертвецы»!

Сейчас на сцене никого не было. Микрофон исчез куда-то вверх. Зазвучала музыка — приглушенная духовая мелодия. Джазовая интерпретация физически ощутимого мрака. В основе ее — бьющийся, пульсирующий стук барабанов, на который нанизывались печаль саксофона, зловещий тромбон и блеяние трубы. Мелодия проникала в тебя независимо от твоей воли.

У Пегги холодок пробежал по спине, она резко опустила глаза и не мигая смотрела на мутную белизну поверхности стола. Вокруг только дым и темнота, духота и рвущая слух музыка.

Сама того не замечая, движимая импульсом нервного страха, Пегги отхлебнула из стакана. Ледяные капли смочили горло и пищевод, все ее тело снова содрогнулось. Но крепость напитка сразу же пустила горячие ростки в ее венах, ощущение немоты достигло висков. Губы разомкнулись, выпуская тяжелое дыхание.

Комната наполнилась перекатывающимся бормотанием, казалось, будто ветер играет с ивами у реки. Взгляд Пегги никак не поднимался на пурпурную тишину сцены, будучи прикованным к светящемуся колыханию в стакане. Мышечные волокна желудка туго натянулись, чутко прислушиваясь к биению сердца. Я бы хотела уйти. Пожалуйста, давайте уйдем отсюда.

Диссонанс достиг кульминации. Медные звуки отчаяния пытались сливаться воедино, но гармонии не получалось.

Кто-то ущипнул Пегги за ногу. Это оказалась рука Поппи. Морячок возбужденно шептал:

— О, Олив Ойл, побудь со мной.

Пегги почти ничего не чувствовала и не слышала. Рука автоматически взяла стакан, еще раз ощутив выступившие на его поверхности капли, и поднесла ко рту. Прохлада в горле моментально превратилась в обжигающую теплоту во всем теле.

ВОТ ОНО!

Занавес открылся так внезапно, что она выронила стакан. Он стукнулся о поверхность стола, и зеленые болотные фонтанчики выплеснулись наружу, дождем окропив ее руку. Музыкальная картечь невыносимо звонко ударила по перепонкам. Пегги слегка задрожала. Пальцы ее извивались и теребили салфетку, белые на белом. А тем временем неведомая, неуправляемая сила заставила ее поднять в ужасе раскрытые глаза.

Волна музыки схлынула, оставляя в бурлящем фарватере лопающиеся пузырьки барабанных переливов.

Ночной клуб превратился в безмолвный склеп. Не слышно стало даже дыхания.

Темно-красная дымовая паутина медленно проплыла на сцене.

Ни звука. Только глухое, ритмичное соло барабана.

Пегги окаменела. Она срослась со стулом, обратилась в кусок скалы с бешено колотящимся сердцем. Сквозь двигающуюся пелену дыма и алкогольное головокружение она начала с ужасом различать происходящее.

Существо это было женщиной.

Спутанные черные волосы обрамляли одутловатое лицо, напоминающее маску. Окаймленные тенью глаза были скрыты

гладкими веками цвета слоновой кости. Рот, казалось, не имел губ. Он был похож на запекшуюся резаную рану, застывшую над подбородком. Белая шея, белые плечи, белые руки. По бокам зеленоватого прозрачного одеяния имелись рукава, из которых свешивались словно вылитые из гипса кисти.

Мраморное изваяние в красных отсветах прожекторов.

Все еще парализованная Пегги не отрываясь следила за застывшими очертаниями. Косточки накрепко переплетенных под столом пальцев побелели. Пульсирующее подрагивание воздуха проникало в самое нутро, ритм барабанных палочек управлял сокращениями сердца.

Из черной пустоты за спиной послышался шепот Лена:

— Я люблю мою жену, но этот труп...

Бад и Барбара не выдержали и сдержанно засмеялись. Пегги ощутила нарастающий могильный холод, прилив беспомощного отчаяния.

Где-то впотьмах, в глубине дымного тумана, один из зрителей кашлянул, пытаясь прочистить слипшееся горло. По залу разнесся одобрительный вздох понимания.

На возвышении по-прежнему не было никакого движения. Оттуда не исходило ни звука. Только тягучие барабанные переходы метались по затихшему помещению, как будто невидимый музыкант искал и не находил какую-то потайную дверь. Обезличенная безымянная жертва недавней чумы застыла бледной статуей, и видно было, как дистилляционный раствор струится по ее сосудам, преодолевая кровяные сгустки.

И вдруг барабан захлебнулся, словно не выдержал нарастающей паники. Пегги показалось, что кто-то невидимый и холодный начал ее заглатывать. Шейные мышцы напряглись до предела, раскрытый рот прерывисто глотал воздух.

Веки стоящего перед ними мертвеца дрогнули.

В зале воцарилась мрачная напряженная тишина. Остатки воздуха застряли у Пегги в гортани, когда она увидела, как открылись, подрагивая, выцветшие глаза. Что-то скрипнуло. Это тело ее бессознательно откинулось на спинку стула. Пегги не мигала. Сквозь расширившиеся зрачки в мозгу отпечатывалось изображение мерзкой твари, бывшей когда-то особью женского пола.

Снова заиграла музыка. Снова застонали в темноте медные голоса, словно какое-то животное с клаксонами вместо рта жалобно ныло в полуночной аллее.

Внезапно бессильно висящая сбоку правая рука «ходячего мертвеца» дернулась. Сухожилия стали сокращаться. Левая рука изогнулась, вытянулась вперед и упала обратно, шлепнув по вялой бледно-красной ляжке. Правая вперед, левая вперед. Правая-левая-правая-левая. Так двигаются марионетки в любительском театре.

Музыка соответственно изменилась. Барабанные щетки задавали ритм мышечной конвульсии. Пегги откинулась еще дальше. Тело стало совершенно бесчувственным и холодным. Лицо — застывший синевато-багровый слепок.

Существо на сцене пошевелило правой ступней и неуклюже понесло ее вверх по мере того, как дистиллят оказывал действие на мышцы голени и бедра. Второе сокращение, за ним третье. И вот уже левая нога целиком двинулась вперед, а за ней и весь корпус женоподобного трупа в результате резкого мышечного спазма подался к краю сцены, вызвав движение и игру света в прозрачном облачении.

Пегги услышала свистящий выдох, вырвавшийся сквозь плотно сжатые губы Бада и Лена. Противная тошнота вспучилась у нее в желудке. Сцена пошатнулась и поплыла. Водянистое свечение двигающегося мертвого тела направлялось прямо к ней.

Голова закружилась. Сдавленная ужасом Пегги теперь уже не могла оторвать взор от неживого лица.

Она видела, как открывался рот, обнажив зияющую пустоту. Заживший, казалось, шрам разошелся и открыл саму рану. Она видела, как раздулись темные ноздри, как защевелилась гниющая плоть под отвисшей кожей щек, как появились и исчезли на багровой белизне лба глубокие складки. Пегги видела, как один из безжизненных глаз подмигнул в пространство, и услышала всеобщий испуганный хохот.

В оркестре что-то затрещало. Припадочные движения мертвых рук и ног заставляли тело скакать по залитому светом настилу, как будто в разваливающуюся на куски огромную куклу человеческого размера вдохнули новую жизнь.

Все это казалось кошмарным сном. Пегги отчаянно, беспомощно дрожала, не в состоянии оторваться от прыжков и кружений смертельной пляски. Кровь ее обратилась в лед. Жизнь остановилась. Только сердце продолжало трепетать неровными скачками. Взгляд застыл и не замечал ничего, кроме извивающейся белой женской плоти под прилипшим к ней шелком.

Но вдруг что-то где-то испортилось.

До сих пор действие ограничивалось площадкой в несколько ярдов, обозначенной декорацией, и все мышечные схватки не выносили тело за пределы янтарно-желтого сектора. Однако внезапно, в результате непредвиденного пароксизмального возбуждения, фигура хмурика двинулась к ограждению.

Установленные вдоль сцены деревянные стойки заскрипели, когда ожившая масса налетела на них низом живота. Пегги превратилась в туго сжатый узел. Она видела, как исказилась в смертельной агонии каждая черточка озаренного тусклым пятном лица.

Зловещая фигура отлетела назад, в ритм музыке хлопая себя по шуршащим шелковым бедрам прокаженными руками.

И снова прыжок вперед. Обезумевшая кукла глухо шлепнулась бесформенным животом о деревянную загородку. Нижняя челюсть ее отпала вниз и снова защелкнулась. Медленный разворот вокруг сцены, и снова заскрипело ограждение под обрушившимся на него ударом. Пегги сидела как раз внизу.

Она не дышала. Она срослась со стулом. В безотчетном ужасе разошлись и замерли побелевшие губы, кровь разрывала вены на висках. А страшное нелепое существо все кружило перед ней, скользящая белая пелена застилала глаза.

В следующее мгновение оно опять врезалось в парапет, склонилось над ним, и бескровное лицо вплотную приблизилось к Пегги. На высушенной бледно-лиловой маске жили только уставившиеся прямо в душу глаза.

Пол начал уходить из-под ног. Серовато-синее лицо исчезло в поглотившей сознание темноте, но сразу же откуда-то появилось, засияв новыми оттенками. Топот медных ног не стихал. Мозг разрывался.

Оживший труп с остервенением вдавливал свое тело в ограждение, будто хотел стереть его. И с каждым его пошатыванием просвечивающие лохмотья развевались, обнажая помертвевшую ткань, с каждым новым столкновением сильнее проступало сквозь них опухшее человеческое мясо. Застывшая Пегги безмолвно наблюдала за яростными атаками зомби на разделяющий их барьер. Ничто не ускользало от ее взгляда — ни искаженное дикими усилиями лицо, ни развевающиеся волосы.

То, что произошло потом, в считаные секунды отключило ее сознание.

Какой-то угрюмый человек выбежал на освещенную сцену. То, что некогда было женщиной, скрючилось, сжалось и повисло на перегородке, сложившись на ней вдвое и увлекая ее за собой. Еще одна спазма мышечных волокон, и узловато-мускулистые ноги взмыли кверху.

Царапая и цепляя все вокруг, существо наконец упало.

Пегги попыталась отодвинуться. Душераздирающий вопль, зародившийся было в ее горле, сменился сдавленным хрипом в тот момент, когда хмур рухнул на поверхность стола, растопырив в стороны обнаженные конечности.

Заверещала Барбара. Все присутствующие затаились. Боковым зрением Пегги заметила, что вскочил с места ошеломленный Бад.

То, что недавно было человеком, билось и извивалось на столе, как свежепойманная рыба. Музыка перестала играть, наступила шипящая тишина. Взволнованное людское бормотание отозвалось у Пегги в мозгу, вслед за ним накатила все накрывающая волна, и она почувствовала, что погружается в небытие.

Холодная белая ладонь ударила ее по лицу, бездонные глаза смотрели на нее кровавым взглядом. Пегги куда-то понесло. Наполненная ужасом комната перевернулась и начала падать.

Возвращение сознания. Оно теплилось в ее мозгу маленьким огоньком свечи, прикрытым дымчатой вуалью. Шорох, шепот, неясные плывущие тени.

Капля за каплей рот наполнялся дыханием.

— Пег, очнись,— услышала она голос Бада и ощутила на губах прохладное прикосновение металлического горлышка. Обжигающий глоток заставил ее немного поморщиться. Пегги закашлялась и ничего не чувствующими пальцами оттолкнула фляжку.

Позади кто-то зашевелился.

— Смотрите, она очухалась,— сказал Лен.— Ой, Олив Ойл очухалась.

— Как ты себя чувствуешь? — склонилась к ней Барбара.

Все было хорошо. Сердце медленно, медленно билось. Как будто кто-то не торопясь бил в барабан, подвешенный в глубине груди на фортепианных струнах. Руки и ноги по-прежнему не слушались, но холод сменился жарким оцепенением. Мысли вяло возникали и пропадали, точно после долгого спокой-

ного сна. Мозг казался сейчас хорошо прочищенным механизмом, уложенным в мягкую шерстяную упаковку.

Все было нормально.

Пегги сонно оглянулась вокруг. Они находились на самой вершине холма. Стоящая на ручном тормозе амфибия замерла, чуть-чуть выступая над обрывом. Где-то далеко внизу спала равнина, укрытая пестрым ковром из неяркого лунного света.

Змея, а может быть, рука обвила ее вокруг талии.

— Где мы? — томно спросила она наклонившегося спутника.

— До школы отсюда миль пять. Бедняжка. Как ты себя чувствуешь?

Пегги потянулась всем телом. Приятно хрустнули суставы. Она послушно откинулась ему на плечо.

— Замечательно,— слабо улыбаясь, пробормотала она и почесала небольшую шишку на левом предплечье, прислушиваясь, как тепло разливается по телу. Траурная светящаяся ночь. Какое-то непонятное, неосязаемое воспоминание, которое сразу же затерялось в глубине, в тайных непроходимых лабиринтах.

— Да, подруга, крепко же ты вырубилась,— засмеялся Бад.

— Капитально,— вторили ему Барбара и Лен.— Олив Ойл отключилась!

— Я вырубилась? — Удивление ее осталось незамеченным.

Фляжка пошла по кругу. Пегги снова пила и расслаблялась, все больше поддаваясь действию спиртного.

— Потрясающе! Никогда в жизни не видела таких хмуриков.

Легкий холодок вдоль спины и снова приятная теплота.

— Да-да, я ведь совсем забыла.

Пегги улыбалась.

— Я это называю «грандиозный финиш»,— сказал Лен, тиская подружку.

Подружка не возражала:

— О, Ленни, не так сильно.

— Х. М. У. Р.— произнес Бад. Он теребил ее волосы.— Сукины дети! — Рука его потянулась к ручке радиоприемника.

(Х. М. (У. Р.) — Ходячие Мертвецы (Условная Реакция) — это ненормальное физиологическое явление было открыто во время войны. Оно возникло после применения определенных бактериогазовых наступательных средств. Тела умерших солдат самопроизвольно поднимались и выполняли спазматические

круговые движения. Позднее эти движения стали известны под названием «танцы хмуриков». Вызывающие такую реакцию микроорганизмы были выделены в отдельный препарат, и сейчас он используется в строго контролируемых экспериментах, требующих особого разрешения властей и заполнения специальной документации.)

Автомобиль наполнился музыкой. Мелодичная меланхолия брала за душу. Пегги прижалась к своему дружку и не сдерживала больше его вездесущие руки. В укромном уголке ее сознания что-то колыхалось и никак не рассасывалось. Это было как отчаявшийся мотылек, который окончательно запутался в застывающем воске, но все еще продолжает трепыхать крылышками; мотылек становится слабее и слабее, а вязкая ловушка кристаллизируется и твердеет.

Четыре голоса затянули неторопливую песню:

Все забудь на этом свете.
Ты же знаешь — я с тобой.
Сами можем не заметить,
Как умчимся в мир иной.

Пение четырех юных голосов, уходящее в бесконечность. Четыре жарких одутловатых молодых тела, прижавшиеся друг к другу. Гармония слов и объятий. Безмолвное понимание.

Под прекрасным звездным светом
Снова мы споем об этом.

Песня оборвалась, но мелодия не кончалась.

Молодая девушка вздохнула.

— И все-таки как это романтично,— сказала Олив Ойл.

Похороны

Мортон Силклайн сидел в конторе, размышляя над цветочной аранжировкой для погребения Фентона, когда чарующая строчка из «Я пересекаю черту, чтобы слиться с невидимым хором» известила о том, что в «Катафалки Клуни со скидкой» вошел посетитель.

Сморгнув, чтобы прогнать задумчивое выражение из темных глаз, Силклайн умиротворенно переплел пальцы рук и откинулся на траурную кожаную спинку кресла. На губах заиграла приветливая улыбка гробовщика. Тишину коридора нарушил звук шагов, приглушенный толстым ковром, ноги ступали с ленцой, и перед тем, как в дверь вошел высокий мужчина, часы на столе прожужжали, сообщив, что сейчас ровно половина восьмого.

Поднявшись с таким видом, словно был застигнут в разгар приватной беседы с сияющим ангелом смерти, Мортон Силклайн беззвучно обогнул блестящую столешницу и протянул руку с отполированными ногтями.

— Добрый вечер, сэр,— сладкозвучно пропел он, улыбка так и дышала сочувствием и приветливостью, а голос сочился почтительностью.

Рукопожатие визитера оказалось холодным и сокрушительным, однако Силклайн сумел подавить крик, и боль лишь на секунду отразилась в глазах цвета корицы.

— Не желаете ли присесть? — пробормотал он, указывая помятой десницей на «кресло для скорбящего».

— Благодарю.— Баритон посетителя выдавал безукоризненные манеры.

© Перевод Е. Королевой.

Он сел, расстегнув на груди пальто с бархатным воротником и положив фетровую шляпу на стеклянную столешницу.

— Меня зовут Мортон Силклайн,— представился Силклайн, возвращаясь к своему креслу, и опустился на сиденье, словно застенчивая бабочка.

— Аспер,— ответил мужчина.

— Могу ли я сказать, что рад встрече с вами, мистер Аспер? — промурлыкал Силклайн.

— Благодарю.

— Итак,— Силклайн переходил к скорбному делу,— чем может послужить бюро Клуни, дабы утишить ваше горе?

Человек скрестил ноги в темных брюках.

— Я хотел бы договориться о проведении погребального обряда.

Силклайн кивнул, надев улыбку, означавшую: «Я здесь для оказания всяческой поддержки».

— Ну разумеется, сэр. Вы пришли по верному адресу.— Он чуть приподнял глаза.— «Коль из любимых кто вдруг погрузится в вечный сон, доверьтесь Клуни — пусть занавес за ним задернет он».

Он снова опустил глаза, скромно потупившись.

— Это сочинила миссис Клуни,— признался он.— Мы часто повторяем эти слова тем, кто приходит к нам за утешением.

— Очень мило,— произнес посетитель.— В высшей степени поэтично. Однако вернемся к деталям: я хочу снять самый большой зал.

— Прекрасно.— Силклайн с трудом удержался, чтобы не потереть руки.— В таком случае это будет Зал вечного отдохновения.

Посетитель согласно закивал.

— Отлично. Также я хочу купить у вас самый дорогой гроб.

Силклайн едва удержался от мальчишеской ухмылки. Сердечная мышца неистово сокращалась, но он вынудил себя вернуть на лицо складки горестного сочувствия.

— Уверен,— произнес он,— это вполне осуществимо.

— С золотой обивкой? — уточнил клиент.

— Ну... конечно.— Силклайн сглотнул, отчего в горле громко щелкнуло.— Уверен, что Клуни сможет удовлетворить все ваши потребности в минуту горестной потери. Естественно...— голос на секунду утратил сочувственные нотки и сделался до-

верительным,— это повлечет за собой некоторые дополнительные расходы по сравнению...

— Цена не имеет никакого значения,— отмахнулся клиент.— Я лишь хочу, чтобы все было сделано в самом лучшем виде.

— Так оно и будет, сэр, именно так и будет,— заверил трепещущий Мортон Силклайн.

— Прекрасно.

— Итак,— деловито продолжал Силклайн,— хотите ли, чтобы наш мистер Моссмаунд прочитал свою проповедь «Пересекая великий рубеж», или же вы предпочтете провести церемонию по иному обряду?

— Полагаю, второе,— сказал клиент, задумчиво покачивая головой.— Всю церемонию проведет один мой друг.

— Ага,— кивнул Силклайн.— Понимаю.

Подавшись вперед, он вынул из ониксовой подставки золотое перо, затем двумя пальцами левой руки вытянул бланк договора из коробочки слоновой кости. Посмотрел с выражением человека, уполномоченного задавать Болезненные Вопросы.

— Так как же,— начал он.— имя усопшего, могу ли я спросить?

— Аспер.

Силклайн поднял глаза, вежливо улыбаясь.

— Родственник? — поинтересовался он.

— Я сам,— сказал клиент.

Смех Силклайна больше походил на слабый кашель.

— Прошу прощения? — переспросил он.— Мне почудилось, вы сказали...

— Я,— повторил клиент.

— Но я не...

— Понимаете ли,— пояснил визитер,— у меня никогда не было приличной погребальной церемонии. Каждый раз все, если так можно выразиться, пускалось на самотек, сплошная импровизация. Без всякого — как бы это точнее сказать? — смака.— Человек пожал широкими плечами.— И я всегда об этом сожалел. Всегда хотел как-то подготовиться.

Мортон Силклайн неверной рукой воткнул ручку обратно в подставку и вскочил на ноги, пылая от возмущения.

— В самом деле, сэр,— чуть не закричал он.— В самом деле!

Человек с удивлением посмотрел на разгневанного Мортона Силклайна.

— Я...— начал посетитель.

— Я всегда готов посмеяться доброй шутке,— перебил его Силклайн,— но только не в рабочее время. Мне кажется, вы не вполне понимаете, сэр, где сейчас находитесь. Вы у Клуни, в самом уважаемом ритуальном заведении города, это не место для нелепых розыгрышей...

Он попятился назад, распахнув глаза и разинув рот, когда одетый в черное человек вдруг оказался рядом с ним. Глаза визитера засверкали каким-то невероятным светом.

— Это,— провозгласил он мрачно,— вовсе не шутка.

— Это не...— Больше Силклайн ничего не смог произнести.

— Я пришел сюда,— сказал посетитель,— с самыми серьезными намерениями.— Теперь глаза сверкали как раскаленные докрасна угли.— И собираюсь добиться, чтобы мои намерения осуществились. Это вам ясно?

— Я...

— В следующий вторник, в полдевятого вечера, мы с друзьями придем сюда на церемонию. К тому времени вы все подготовите. Полная оплата будет произведена сразу же по окончании действа. Вопросы есть?

— Я...

— Едва ли мне стоит объяснять,— продолжал человек, беря со стола шляпу,— как много для меня значит это дело.— Он выдержал солидную паузу, прежде чем позволить голосу опуститься до дарующего прощение баса-профундо.— Надеюсь, все пройдет достойно.

Чуть поклонившись, он развернулся и в два величественных шага пересек кабинет, на миг задержавшись в дверях.

— Да... еще одно условие. То зеркало в фойе... снимите его. И, полагаю, не стоит уточнять, что, кроме меня и моих друзей, в вашем заведении не должно быть ни души.

Посетитель взмахнул рукой в серой перчатке.

— А пока что... доброго вечера.

Когда Мортон Силклайн выбрался в коридор, визитер как раз вылетал в небольшое окно. И Мортон Силклайн совершенно неожиданно понял, что сидит на полу.

Они явились в половине девятого, вошли, переговариваясь, в фойе погребальной конторы Клуни, где их встречал Мортон Силклайн. Его ноги тряслись, под глазами — результат бессонных ночей — залегли круги, которые делали его лицо похожим на карнавальную маску енота.

— Добрый вечер,— приветствовал его высокорослый клиент, удовлетворенным кивком отметив отсутствие зеркала.

— Добрый...— На этом запас слов Силклайна иссяк.

Голосовые связки задеревенели, а глаза, затянутые дымкой, метались с одной фигуры этого избранного круга на другую: горбун с перекошенной набок головой, которого, как он услышал, зовут Игорь; карга в трауре, в остроконечной шляпе и с черной кошкой на плече; здоровяк с волосатыми руками, который стискивал желтые зубы и поглядывал на Силклайна более чем многозначительно; маленький человечек с восковым лицом, который облизывал губы и улыбался Силклайну так, словно получал от этого одному ему понятное удовольствие; и еще полдюжины мужчин и женщин в вечерних платьях, все с блестящими глазами и алыми губами, а кроме того — Силклайн передернулся — чрезвычайно зубастые.

Силклайн прилип к стенке (рот приоткрыт, руки вяло шарят по бокам), когда все общество двинулось мимо него в сторону Зала вечного отдохновения.

— Присоединяйтесь к нам,— позвал его высокий человек.

Силклайн рывком отклеился от стены и, спотыкаясь, двинулся по коридору, глаза его от ужаса округлились, словно блюдца.

— Полагаю,— любезно произнес клиент,— все подготовлено как следует.

— О,— вякнул Силклайн.— О... да, конечно.

— Великолепно.

Когда они оба вошли в зал, все остальные восхищенным полукругом толпились у гроба.

— Чудесный,— шептал себе под нос горбун.— Чудесный гроб.

— Ну, как тебе такой гроб, как тебе такой гроб, Дельфиния? — захихикала старая карга.

— Муррр,— отозвалась с плеча Дельфиния.

Все остальные кивали, обменивались счастливыми улыбками и восторженно ахали.

Затем одна из женщин в вечернем наряде произнесла:

— Пусть Людвиг посмотрит,— и полукруг распался, пропуская Аспера.

Он пробежался длинными пальцами по золотой отделке на боках и крышке, удовлетворенно покивал.

— Великолепно.— Голос немного хрипел от волнения.— Просто великолепно. Ровно то, о чем я всегда мечтал.

— Ты выбрал лучшее, мальчик,— произнес высокий седовласый человек, которого Силклайн отметил лишь сейчас.

— Ну давай, примерь! — потребовала хихикающая старая карга.

По-мальчишески улыбаясь, Людвиг забрался в гроб и улегся на место.

— В самый раз,— сообщил он довольно.

— Хозяин прекрасно выглядит,— кивнул скошенной набок головой Игорь.— Прекрасно выглядит в ящике.

Затем здоровяк с волосатыми руками попросил, чтобы начинали, потому что у него в четверть десятого назначена встреча, и все спешно расселись по стульям.

— Иди сюда, голубчик,— сказала карга, маня скрюченной клешней окаменевшего Силклайна.— Садись со мной рядом. Люблю хорошеньких мальчиков, верно, Дельфиния?

— Муррр,— сказала Дельфиния.

— Перестань, Дженни,— одернул ее Людвиг Аспер, на мгновение приоткрыв один глаз.— Будь серьезнее. Ты же знаешь, что это для меня значит.

Карга пожала плечами.

— Хорошо, хорошо,— смирилась она, после чего стянула с головы остроконечную шляпу и взбила буйные кудри, пока Силклайн, словно зомби, опускался на стул рядом с ней, его при этом поддержал под руку человечек с восковым личиком.

— Привет, очаровашка,— шепнула Силклайну старуха, наклонившись и толкнув его под ребра острым локтем.

Затем поднялся высокий седой джентльмен, по виду выходец с Карпат, и служба началась.

— Дорогие друзья,— произнес джентльмен,— сегодня мы собрались в этих убранных гирляндами стенах, чтобы отдать дань уважения нашему товарищу, Людвигу Асперу, вырванному из нынешнего существования непреклонной судьбой и на века помещенному в сей мрачный саркофаг.

— Гип-гип-ура! — пробурчал кто-то.

— Лебединая песнь,— прокомментировал кто-то еще.

Игорь плакал, а человечек с восковым лицом наклонился к Силклайну, чтобы просвистеть на ему на ухо:

— Смачно.

Однако Силклайн не был уверен, что это относится к самой церемонии.

— И вот,— продолжал господин с Карпат,— мы, горько скорбя, собрались у погребальных дрог нашего собрата, вкруг этого помоста горести, возле этой раки, у этого дольмена...

— Непоня-а-а-тно,— возмутилась Дженни, раздраженно топая ногой в остроконечной туфле.

— Муррр,— сказала Дельфиния, и карга подмигнула налитым кровью глазом Силклайну. Силклайн шарахнулся вбок, только чтобы наткнуться на маленького человечка, который уставился на него глазками-бусинками и снова прошелестел:

— Смачно.

Седовласый джентльмен выдержал долгую паузу, устремив на каргу свой величественный нос. После чего продолжил:

— ...подле этой мастабы, этой ступы, этого гхата, близ этой дахмы...*

— Что он говорит? — спросил Игорь, прервав рыдание на середине.— Что-что?

— Это тебе не состязание в риторике, парень,— заявила карга.— Говори ясней.

Людвиг снова поднял голову, на лице отражалась мучительная досада.

— Дженни... Прошу тебя.

— А-а-а... жабий зуб! — огрызнулась карга, и Дельфиния зашипела.

— Requiescas in pace**, дорогой брат,— продолжал граф раздраженно.— Память о тебе не иссякнет с твоей безвременной кончиной. Ты, наш дражайший друг, не выбыл из игры, ты просто перешел играть на другое поле.

При этих словах здоровяк с волосатыми руками поднялся и выскочил из комнаты, утробно проворчав на ходу:

— Опаздываю.

И Силклайн ощутил, как леденеет сердце, потому что услышал вдруг топот когтистых лап по ковру в коридоре и вой, эхом отлетевший от стен.

— Уллыгат говорил, что приглашен на обед,— пояснил сбоку маленький человечек, сверкая глазками и улыбаясь. Стул под Силклайном крякнул, когда он передернулся.

Седовласый джентльмен стоял, прямой и молчаливый, закрыв красные глаза, рот превратился в узкую щель, весь вид демонстрировал уязвленную аристократическую гордость.

---

* Рака — ларец для мощей; дольмен — мегалитическое погребальное сооружение; мастаба — тип египетской гробницы; ступа — могильное сооружение у буддистов; гхат — сооружение для кремации у индуистов; дахма — у зороастрийцев сооружение, где оставляют трупы умерших на съедение собакам и птицам. *(Прим. ред.)*

** Покойся с миром *(лат.). (Прим. перев.)*

— Граф,— взмолился Людвиг,— прошу вас.

— Сколько я могу терпеть эти возмутительные выходки?! — вопросил граф.— Эти непочтительные...

— Ну-у, завел шарманку,— проворковала Дженни своей кошке.

— Молчи, женщина! — взревел граф, и на мгновенье его голова исчезла, окутанная белым клубящимся туманом, затем, когда он немного овладел собой, появилась снова.

Людвиг сел в гробу, лицо его исказил гнев.

— Дженни! По-моему, тебе лучше уйти.

— Нет, ты думаешь, что можешь вот так запросто вышвырнуть отсюда старую Дженни из Бостона? — заверещала карга.— Подумай лучше, чем это чревато!

И дрожащий Силклайн увидел, как карга нахлобучила остроконечную шляпу и, щелкнув пальцами, метнула небольшую молнию. Выгнувшаяся дугой Дельфиния ощетинила все свои черные шерстинки до одной, когда граф вышвинулся вперед, хлопнул старуху по плечу, но затем застыл посреди шага, заключенный в круг жаркого пламени.

— Ха-ха! — проскрежетала Дженни.

— Мой ковер! — промямлил Силклайн сквозь ужас.

— Джен-ни! — заревел Людвиг, выбираясь из гроба.

Карга махнула рукой, и все цветы в комнате начали взрываться, словно попкорн.

— Не-ет,— застонал Силклайн, когда занавески вспыхнули и рассыпались в пепел.

Стулья полетели по воздуху. Граф обратился в столб белого пара и кинулся на Дженни, которая тут же взмахнула руками и исчезла в оранжевой вспышке вместе с кошкой и всем прочим. А в зале становилось все более шумно от криков и крушащих ребра ударов.

Мортон Силклайн с вытаращенными глазами уже валился вперед, когда маленький человечек склонился над ним, зубасто ухмыляясь, стиснул онемевшую руку гробовщика и просвистел свое «смачно».

После чего Силклайн распростерся на ковре.

Мортон Силклайн упал в траурное кожаное кресло. Он все еще немного дрожал, хотя прошла уже целая неделя с того жуткого вечера. На столе лежала записка, которую Людвиг Аспер

пришпилил тогда к его бесчувственной груди. В ней говорилось:

Сэр!

Примите в дополнение к этому мешочку золотых (которые, как мне думается, покроют все расходы) мои сожаления по поводу недостойного поведения некоторых гостей на церемонии моего погребения. Если не считать этого, все было в высшей степени удовлетворительно.

Силклайн отложил в сторону записку и любовно прикоснулся к горке сверкающих золотых монет на столе. На законные вопросы, откуда взялись монеты, он отвечал, что один его партнер в Мехико (ну, назовем его племянником гримера из «Катакомб Карилло со скидкой») очень удачно вложил его средства в тамошние рудники. В общем и целом, все это дело обернулось совсем не так плохо...

Мортон Силклайн поднял голову, когда кто-то вошел в контору.

Ему захотелось с криком отскочить и слиться с цветочным узором на обоях, но он лишь продолжал сидеть будто каменный. В который за последнее время раз открыв рот, он таращился на нечто громадное, капающее охрой, бесформенное и со щупальцами, оно все колыхалось и извивалось.

— Один мой друг,— вежливо произнесло нечто,— горячо рекомендовал вас.

Силклайн долго сидел, молча пялясь на визитера, но тут дрожащая ладонь случайно коснулась золотых монет. И он обрел силы.

— Вы пришли,— заверил он, дыша через рот,— как раз по верному адресу... хм... сэр. Услуги...— он с усилием сглотнул и взял себя в руки,— на любой вкус.

Силклайн потянулся за ручкой, отгоняя в сторону желто-зеленый дым, который начал затягивать кабинет.

— Как имя усопшего? — спросил он деловым тоном.

Мисс Звездная Пыль

Дорогой Гарри!

Как там идут дела в индустрии тушеной фасоли? Уверен, чертовски здорово, как мы обычно говорили в те благословенные времена, когда и ты, и я растрачивали свою юность на лекции по связям с общественностью в нашем старом добром университете.

Спорю, дела должны обстоять чертовски здорово, с твоими-то перспективами и оплаченным «кадиллаком». Второй человек в рекламном отделе «Бостон Бьютиз» у самого Альтшулера. Да, парень, вот это жизнь.

Что касается меня — все обстоит не лучшим образом. Я накрепко увяз в этом паршивом конкурсе «Мисс Звездная Пыль». Наверное, тебе попадались какие-нибудь разгромные статьи нашего брата, свободного репортера. Так вот, приятель, изнутри особенно ясно, что здесь есть о чем посплетничать. Вот я и сплетничаю. Слушай.

Эту жуткую историю стоит начать с того, как выражаются в викторианских рассказах о привидениях, что у меня имеется собственное маленькое агентство, без партнеров, живое и конкурентоспособное. И грех было жаловаться. У меня были постоянные заказчики: «Зубная нить Гаршбуллера с ароматом ирисок», «Комариные бомбы Лос-Аламос», «Голубое белье» и, конечно же, «вечнозеленые» «Имперские принципы» Мэ Бушкин. Все вышеперечисленные клиенты гарантированно приносили стабильный, пусть и не сверхъестественный доход.

И что же происходит? Помнишь того оригинала из моего родного городка, я о нем тебе как-то рассказывал, Гэда Симпкинса? Ну, того, который собирался спуститься на парашюте

© Перевод Е. Королевой.

в шахту? Того, который хотел пройтись по канату над котлом с расплавленным чугуном? Без сомнения, помнишь.

Не знаю, с чего вдруг, но этот псих решил переплыть Ла-Манш на спине. Чертовски глупое начинание, как ни глянь, но Гэд в своем репертуаре. Всегда готов рискнуть здоровьем.

Ладно, короче говоря, Гэд не знает в нашем деле ни души. Он мелкая сошка, едва тянет на запасного игрока в низшей лиге. И вот он является ко мне. «Джо,— говорит Гэд,— ты должен помочь мне запустить мой материал». «Это бомба»,— говорит он мне. Я осматриваю его с головы до пят. «Смени портного»,— отвечаю. Он ретируется.

Но происходят два события, повлиявшие на сюжет. Во-первых, «Комариным бомбам Лос-Аламос» приходит капут после того, как одна из бомб особо крупного калибра разносит какому-то покупателю семикомнатный дом и гараж в придачу, пока тот с семейством, слава небесам, сидит в кинотеатре.

В итоге имеем: А. Один клиент потерян. Б. Потеря достаточно ощутимая, чтобы ротик моей возлюбленной искривился, говоря так же ясно, как будто бы она принялась брюзжать вслух: «Нищета. Вот что нас ждет!»

Но это только первое. Второе не столь очевидно, однако этого хватило, чтобы качнуть чашу весов. Меня уже начало мутить от зубных нитей, имперских принципов и голубого белья. Меня достало обслуживать торсы и зубы. На старости лет захотелось немного украсить биографию. Не говоря уже о том упомянутом выше факте, что требовалось нечто, способное как-то поднять мой престиж у семейного очага.

Но полно об этом. Достаточно сказать, что я как следует побегал, отрабатывая деньги. Все приемы нашего ремесла, от крошечных заметок до бодрых статей в журнале «Ньюйоркер». Я затащил Гэда на радио, он выставился там совершенным идиотом, каким и являлся в действительности. Что делается дальше, ты знаешь не хуже меня. Первоклассные, крепкие публикации, интерес нарастает, как снежный ком, проект набирает обороты. Разве это моя вина, что Гэдстон Симпкинс врезался в скалу в двадцати метрах от галльского побережья?

И вот я отбрасываю со лба седеющие пряди и готовлюсь отступать обратно, в стан голубого белья, когда ко мне домой является троица. А именно — директора́ будущего конкурса, в ходе которого предполагается установить, кто же достоин звания «Мисс Звездная Пыль».

Забегая вперед, скажу, что с данной секунды и начались все мои главные несчастья. Предполагалось, что победительница этого самого конкурса будет объявлена наикрасивейшей не только на Земле, не только во всей Солнечной системе, но и во всей чертовой галактике. Которая включает в себя бесконечное множество звезд и, как следует из моих скудных познаний о небесах, теоретически предоставляет шанс заявить о себе порядочному множеству планет, если на них все же существует жизнь. В частности, и нашим девяти, на одной из которых, как нам уже доподлинно известно, имеется некий странный вид живой материи.

Вот отсюда и вышел весь сыр-бор.

Однако в момент, когда ко мне явились искатели талантов, я и подумать не мог, какие невероятные сложности придется преодолевать. Астрономию я знаю так же хорошо, как и то, куда идут налоги. Когда речь заходит о сверхновых или скоростях света, я делаюсь не умнее парня, который потерял барабанную установку в телефонной будке.

Хотя это как раз, спешу пояснить, меня в тот миг ничуть не волнует. Поскольку означенным троим персонажам нравится моя публикация о фатальном заплыве Гэда. У меня есть воображение. У меня свежий взгляд на вещи. У меня имеется журналистская joie de vivre*. И результат: они хотят, чтобы я лично взялся за мисс Звездную Пыль (не за саму будущую победительницу, а за конкурс).

Я подписываю с ними контракт. Тут же. И теперь я ответственен за организацию мероприятия, в ходе которого предстоит определить, какой из крошек принадлежит личико, способное отправить в путь тысячу космических кораблей**.

Словом, мне вручают бразды правления. Я принимаюсь черпать пищу из журнальных статей и рекламных объявлений, замаскированных под новости. Из рук в руки передаются глянцевые фотографии двадцать на двадцать пять. Мисс Джорджия и мисс Нью-Йорк, мисс Трансильвания и мисс Гемоглобин, мисс Девушка, с Которой Каждый Захотел Бы Оказаться в Бетономешалке.

---

* Радость жизни *(фр.). (Прим. перев.)*

** Намек на Елену Прекрасную, о которой, имея в виду историю Троянской войны, говорили, что ее красота отправила в путь тысячу кораблей. *(Прим. ред.)*

Объявлен список призов. Громадная серебряная лохань. Контракт с Голливудом. Машина. Все прочее. Заявки на участие текут рекой.

Интерес нарастает. Широкая эспланада Лонг-Харбора начинает прихорашиваться. Выбраны судьи, пять человек. Двое — местные чиновники, дезертировавшие из Торговой палаты. Один — мэр Грассблад, выехавший в ежегодный отпуск из Галл-Стоуна, Аризона. Еще один — Марвин О'Ши, президент фармацевтической компании. Последний и самый незначительный — Глубер из «Глубер и Глубер», старинной фирмы с хорошей репутацией, которая выпускает купальные костюмы. (Угадай, в купальниках какой фирмы будут дефилировать все участницы.)

Все обещает пройти чертовски здорово. В воздухе пахнет электричеством. Газеты смакуют малейшие подробности. Торговцы потирают артритные ручонки и смазывают механизмы кассовых аппаратов. Престарелые самцы укладывают в чемоданы свое барахло и прилепляют на лысины накладки, им не терпится попасть на фестиваль. Весь мир охвачен радостью. Все оживлены. В особенности я сам. Я вытянул такой счастливый билет, что меня просто подмывает отправить Мэ Бушкин записку с предложением облачиться в голубое белье и засунуть зубную нить себе в мост. Однако осторожность берет верх. Это второе имя моей жены. Она утверждает, что никогда не знаешь, как все обернется.

Никогда еще не слышал ничего более справедливого.

Ибо выходит так, что за три дня до начала конкурса у жены Местного Чиновника Номер Один случается приступ не поддающейся диагнозу болезни и ее увозят в больницу. Старик Местный Чиновник Номер Один переживает потрясение, отказывается от места в жюри и просиживает часы у постели жены, осыпая ее розами и соболезнованиями. Его поведение достойно истинного супруга, но плачевно сказывается на мероприятии.

Мы заменяем его Сэмом Сэмпсоном, владельцем пяти автомобильных магазинов. Тоже неплохо, ведь теперь ясно, на чем крошки станут разъезжать по причалу Лонг-Харбора, пока масляные глазки сильнейшей половины человечества будут изучать, как мало ткани потратил на купальники старина Глубер.

В общем, мы снова все уладили. Но тут Марвин О'Ши, президент фармацевтической компании, отправляется навестить в Ла-Джолле болезненную тетушку, по дороге задняя покрышка говорит «чпок», и он со своей благоверной начисто сносит две крайние хижины в «Гавайской гостиничке Макинтоша».

Парочка получила небольшие ранения, однако оба оказались в белой палате, лежа на спине и нюхая в утешение цветочки. Приходится искать нового судью.

Слыша в ушах бормотание «сглаз, сглаз», вы находим еще одну замену. Эта самая замена тут же оказывается вовлеченной в пьяную уличную драку, и нам приходится спешно вымарывать его из списка. Он грязно ругается, и, честно говоря, выглядит все как-то странно. Этот весельчак расстался с бутылкой двадцать семь лет назад. Однако экспертиза утверждает обратное. У старичка в крови было достаточно алкоголя, чтобы заправить семнадцать спиртовок.

Мы выдвигаем предложение заменить несчастного на Сола Мендельхеймера, владельца «Райских солений Мендельхеймера». Мендельхеймер неохотно соглашается. У нас снова полный комплект. Машина продолжает вертеться.

Затем, за день до начала конкурса, обрушивается причал. По счастью, в тот момент на нем не было никого, кроме Левисона Тамаркиса, который украшал его цветочными венками. Он по-собачьи выгребает на берег, проклиная всех и вся, и уезжает, затопив Тихим океаном салон своего «студебекера» сорок восьмого года выпуска.

Мы хмурим брови в нехороших подозрениях. Словечко «коммуняки» украдкой срывается со многих губ, и мы заказываем муниципальный концертный зал. Это, конечно, не так здорово, как на свежем воздухе, но выбора нет. Лично я, будучи человеком суеверным, убежден, что над конкурсом нависло проклятие. В свое время я уже имел дело с такими проклятыми проектами, и если уж все начинает катиться под гору, с этим ничего нельзя поделать.

Этот самый конкурс, «Мисс Звездная Пыль», проклят, решил я. Тогда я не знал еще и половины правды.

На чем бишь я остановился? Ах да. Так вот, мы наконец-то дотянули до утра конкурса, причем с пятью вполне живыми судьями. День выдается дождливый. Первый раз с тысяча восемьсот шестьдесят седьмого года в этот день идет дождь. Все в шоке. Судьи сидят по гостиничным номерам и жалуются на жизнь. «Отправляйтесь в концертный зал»,— приказываю я им. После чего принимаюсь метаться повсюду, пытаясь все исправить.

Прежде всего, я отправляю шестнадцать автомобилей Сэмпсона с громкоговорителями наверху, и весь Лонг-Харбор узнаёт, что шоу состоится. На крышах машин представлен весь ассор-

тимент, от мисс Эльзас-Лотарингия до мисс Питкин-авеню. Они в ярких купальных костюмах и прозрачных дождевиках. В одной руке по зонтику, другой они машут прохожим. Они смеются и делают поверх мегафонов зазывные жесты. Если все это, включая пестрые купальники, не сработает, я признаю, что все кончено, и пошлю Мэ Бушкин телеграмму, моля ее принять меня обратно.

Еще я отправляю в город расклейщиков с плакатами. Выбиваю на радио пять минут эфира и отбираю местного диктора с самым радостным голосом зазывать всех на шоу. Велю вывесить воздушный шар. «Сегодня мы узнаем, кто станет мисс Звездная Пыль!» — написано на нем. Кто-то подстреливает шар. Какой-то хулиган, думаю я.

Как бы не так.

После утра, проведенного в лихорадочном общении с публикой, я кидаюсь в концертный зал, чтобы еще раз переговорить с судьями. Замечаю, что плотники до сих пор сколачивают на сцене помост для жюри. Подсохший Левисон Тамаркис и его команда развешивают букеты. Решаю, что начать конкурс можно прямо по дороге в зал.

И вот оно.

Я вхожу в лифт и поднимаюсь наверх. Прохожу по коридору. Вхожу в комнату судей.

— Господа,— говорю я.

На этом моя речь обрывается.

Потому что они сидят, парализованные, в своих креслах, с разинутыми ртами, и таращатся на штуку посреди комнаты, на которую обращаю внимание и я.

Нижняя челюсть у меня падает прямо на «флоршеймы»*.

Тебе приходилось видеть когда-нибудь пылесос? С капустным кочаном вместо головы? В костюме? Который стоит посреди комнаты и глядит на тебя?

Так вот, приятель, мне — приходилось.

Я едва не падаю в обморок, когда он заговаривает со мной.

— Это вы здесь всем распоряжаетесь? — спрашивает он.

Я не отвечаю. У меня язык прилип к гортани. Намертво. Глаза мои вываливаются из орбит и катятся по полу. Ну, почти.

Штука вроде бы возмущена, насколько может быть возмущена капустная голова.

---

* «Florsheim Shoes» — американская марка обуви. *(Прим. ред.)*

— Очень хорошо,— произносит он, она, оно.— Поскольку никто из присутствующих здесь, судя по всему, не в состоянии издавать членораздельные звуки, я просто объявлю, в чем суть нашего дела, и отбуду.

Нашего дела. Я чувствую, как на голове двигается кожа. Все мы так и приклеились к своим местам. Мы слушаем механический голос этой штуковины. Рта не видно. Произношение неестественное. Все равно что выслушивать монолог того торгового автомата, твердящего: «Бром-сельтерская, бром-сельтерская, бром-сельтерская».

— Этот конкурс,— сказало нечто,— кроме этой планеты, претендует и на все безвоздушное пространство.

Затем, пока он оглядывал всех нас одиноким овальным глазом, у меня кое-что забрезжило в голове. За все те годы, что я ишачил манипулятором общественных вкусов, я перевидал в действии немало примечательных индивидов.

Поэтому я смотрел на штуковину умудренным взглядом. И размышлял о создавшейся ситуации.

— Я должен выяснить,— говорила капустная голова,— означает ли ваше молчание отсутствие понимания. Ведь вы в высшей степени легкомысленно наименовали свое мероприятие конкурсом на звание «Мисс Звездная Пыль». Поскольку ваша микроскопическая, как вы ее называете, Земля представляет собой не более чем соринку на задворках галактики, выбор такого названия является по меньшей мере возмутительным. Название признано до отвращения наивным и крайне оскорбительным.

Слишком велеречиво, подумал я. Никто не стал бы строить подобные фразы, кроме филологов из Кембриджа. Это просто механизм, рассудил я. Кто-то над нами потешается.

Я был когда-то знаком с парнем по имени Кэмпбелл Гольт. Он делал всякие забавные штуковины — мешочки со смехом, фальшивых пауков, пепельницы в виде отхожего места. Старина Кэмп делал и роботов тоже. Как-то раз во время войны у него по Сорок второй улице ехал стальной Хирохито, распевающий «Я японский волшебник»*. Изобретательно и как раз походит на шуточку вроде этой.

— Это вам понятно? — прощуршали капустные листья.

---

* «The Japanese Sandman» — песня 1920 г., слова Рэймонда Игена, музыка Ричарда Уайтинга. *(Прим. ред.)*

Я с умным видом улыбнулся. Посмотрел на застывших в ступоре судей.

— Ладно,— сказал я,— давай завязывай. У нас еще полно работы.

— Сядьте,— приказала штуковина.— Я не к вам обращаюсь.

— Иди подыши себе в пару солонины, капуста.

— Я вас предупредил.

— Бром-сельтерская, бром-сельтерская,— принялся дразнить я.

И оказался пришпиленным к ковру синеватым лучом, который с гудением вылетел из пылесоса. Ощущение такое, будто стоишь на одном из грошовых массажеров для ног. Сильная вибрация и онемение. Однако я ни на чем не стоял. Я лежал на спине.

— Эй! — выкрикнул я, сбитый с толку.

— Может быть, это хоть как-то вас образумит,— произнес пылесос.— А теперь я должен завершить свое заявление.

И штуковина проехалась по комнате, готовясь к завершающей части спича.

— Как я уже отметил выше, до недавнего оскорбительного вмешательства в мою речь, поскольку ваша молекулоподобная планета представляет собой всего лишь крохотную часть обширного пространства, которое должен охватить назначенный конкурс, мы можем высказать лишь серьезное недовольство и потребовать его отмены.

— Могу ли я...— начал Мендельхеймер из «Райских солений Мендельхеймера»,— могу ли я, гм, осведомиться... от-т-ткуда вы?

— Я только что прибыл с Астури Криденты, как вы могли бы именовать это место на своем примитивном наречии.

— А... а... а...— Мендельхеймера заело.

— Невероятно! — выдохнул Сэм Сэмпсон, который постоянно читает научно-фантастические рассказы, когда не пытается заарканить очередного автолюбителя.

— И ч-что вы хотите?

Это был уже я сам, квакающий с высоты ковра.

— Одно из двух,— ответил инопланетный овощ.— Либо изменения названия конкурса, либо расширения числа участников.

— Но...— Это тоже я.

— Вынужден напомнить,— сказал посланник Вселенной,— что мы обладаем достаточными силами, применив которые вполне сумеем помешать благополучному ходу мероприятия.

— По-помешать? — переспросил Глубер из «Глубера и компании».

— Мы уже предпринимали некоторые шаги, чтобы конкурс не состоялся,— сообщил сам знаешь кто,— но, судя по всему, их не восприняли должным образом.

— Несчастные случаи,— пробормотал я.

— Причал! — воскликнул Мендельхеймер.

— Пьяная драка! — выкрикнул Сэмпсон, щелкнув пальцами.

— Дождь,— прибавил пылесос.

— Я так и знал! — изрыгнул Местный Чиновник Номер Два.— В Лонг-Харборе не было бы дождя, если бы не этот дурацкий конкурс!

— Это не считая того, что *может* случиться,— произнес наш гость.— Будучи осведомленными о наших потенциальных возможностях, сделайте верный вывод.

Снаружи по стеклам барабанил дождь. Внутри члены жюри барабанили пальцами по своим галстукам. Я, бледный и немеющий, готов был отключиться. Мы смотрели на капустоголового, принявшего явно недружелюбную позу.

— А к-как вы сюда попали? — спросил Мендельхеймер.

— Принимайте решение,— потребовала штуковина.— Либо вы меняете название, либо мы тоже должны быть представлены в числе участников.

— Но послушайте,— начал я, на мгновение забыв о своем плачевном состоянии.

Он посмотрел на меня, и я притих.

— Мы здесь не для того, чтобы пререкаться,— сердито загромыхал автомат с сельтерской.— Решение должно быть принято. Не испытывайте наше терпение.

Связи с общественностью должны спасти.

— Но послушайте,— упорствовал я.— Мы же уже отпечатали тысячи афиш, объявляющих о конкурсе «Мисс Звездная Пыль». Название уже у всех на слуху. Мы продали абонементы и разовые билеты, где сказано, что они дают право посещения конкурса «Мисс Звездная Пыль». Спонсоры предоставили воздушные шары, на которых написано...

— Шары можно проткнуть,— заявила капустная голова еще более раздраженным тоном.

— Так и это тоже вы? — промямлил я.

— Хватит! — В черных глубинах пылесоса заклокотала ярость.— Если вы хотите сохранить название, тогда мы требуем, чтобы нас включили в число участников.

В моем истерзанном разуме, Гарри, уже завертелись колесики, зажужжали зуммеры и засуетились крошечные работники. Наброски лозунгов замелькали перед внутренним взором.

ВЗГЛЯНИТЕ НА МИСС ЗВЕЗДНУЮ ПЫЛЬ!
КОСМИЧЕСКУЮ КРАСАВИЦУ!
СОВЕРШЕНСТВО С ДАЛЕКИХ ЗВЕЗД!!!
ВЕЛИКОЛЕПНУЮ, НЕПРАВДОПОДОБНУЮ!!!

И кругом еще горсть восклицательных знаков.

— Ладно,— сказал я, перехватывая инициативу у ошеломленного совета судей,— вы включены.

— Нет, нет, попрошу минутку.— Мэр Галл-Стоуна, штат Аризона, заговорил размеренно и напыщенно.— Это требует дальнейшего обсуждения.

— Обсуждения! — взвизгнул я, все еще лежа на полу.— Чего вы ждете — чтобы они испепелили муниципальный концертный зал?

Местный Чиновник Номер Два вскочил на ноги.

— Нет, сэр! — закричал он.— Только не концертный зал!

За криком наступила тишина. Пылесос снова обвел всех тяжелым взглядом.

— Принимайте решение,— предостерегающе произнес он.

И тогда мы все закивали, бледные и обессиленные.

— Отлично,— сказал он.

— Сколько времени вам потребуется, чтобы привезти сюда вашу участницу? — вежливо поинтересовался я.

— Я проинформирую членов альянса,— сообщил он нам.— Участницы будут здесь через час.

— У-частницы? — поперхнулся я.

— Их несколько тысяч,— объявил он.

Я обозревал потолок и мечтал снова воспевать преимущества голубого белья. Я представлял себе сцену, окруженную несколькими тысячами инопланетных судейских советов. Я ни-

как не мог вообразить, на что будут похожи пылесосы женского пола, облаченные в купальные костюмы от Глубера.

— Тысяч? — сказал на вдохе Мендельхеймер.

— Я вижу, для вас это неприемлемо,— проговорил капустный череп.— Альтернативой для вас является простое действие по смене названия конкурса.

— Нам конец,— произнес Глубер.

Желтый глаз смягчился.

— На самом деле,— произнес пылесос,— я назвал такую большую цифру в надежде вынудить вас согласиться со вторым вариантом. Однако, насколько понимаю, для вас это не выход. Что ж, счастлив сообщить вам, что за пределами вашей системы, в нашем альянсе, имеется своя мисс Звездная Пыль, хотя носящая несколько иной,— прибавил он высокомерно,— титул. Мы сошлись на том, что именно она будет представлять остальную часть галактики. Она и четыре конкурсантки из вашей системы, всего пять. Предложение представляется настолько великодушным, что у вас просто нет возможности отказаться.

— Четыре... из нашей системы? — переспросил Сэмпсон.

— Только на четырех самых удаленных от Солнца планетах вашей системы отсутствует подвижная жизнь.

Нет, я не особенно повернут на астрономии, Гарри, но даже меня потрясло известие о наличии жизни на соседних планетах. Пусть и исходящее изо рта возмущенной капусты. Изо рта? Какого еще рта?

Ладно, дабы укоротить эту сюрреалистическую историю, сообщаю, что мы приняли его условия. Уступили силе. Если этот говорящий «гувер»* в состоянии обрушить причал и заставить небо обливаться слезами, кто станет с ним спорить? Мы сказали: «Твоя взяла»,— и все стало чертовски не здорово.

Получив свое, инопланетный электроприбор вышел. Вернее, выкатился. И я видел, как он пролетел через потолок коридора, пробив его головой. Потом мы узнали от дежурившего на крыше дворника, что пылесос выстрелил собой в небо и скрылся в межзвездной посудине, которая висела в пятнадцати метрах над зданием. Указанное средство передвижения кануло затем в синеву и полностью растворилось. Так выглядел отчет до сих пор нормального дворника.

---

* «Hoover» — американская марка пылесосов. *(Прим. перев.)*

Мы с судьями устроили совещание. Парочка из них расхрабрилась и кричала, что все это вранье. Я им возражал. Я сказал, что они-то не были пригвождены к ковру синей молнией, а я был. Они задумались.

У нас возникла небольшая проблема с титулом на табличке новой участницы. Мы же не могли назвать ее мисс Звездная Пыль, поскольку, по правилам нашего конкурса, она еще не являлась таковой. Однако пылесос сказал, что она их мисс Звездная Пыль. Что же делать? Мы сошлись на обтекаемой формулировке — мисс Открытый Космос.

— Чудище не придет от этого в восторг,— предрек Мендельхеймер.

Все предложили ему заткнуться. Мы пошли к лифту, побитые, но не побежденные, гадая, что еще принесет нам этот день.

А принес он сплошную головную боль.

Мы решили не распространяться пока о происходящем, поскольку у нас имелись сомнения. Нет, я не хочу сказать, будто мы не верили в серьезность угроз пылесоса, мы просто думали, стоит ли раскрывать карты, вдруг стены концертного зала рухнут под напором желающих.

Но, как это бывает обычно, слухи просочились изнутри, сопровождаемые сакраментальным «только между нами», и не успели мы глазом моргнуть, как зал уже гудел от сплетен. Прибавь сюда еще и истеричного свидетеля, который наблюдал с крыши зала старт космической посудины, и вот семена уже посеяны, урожай созрел и даже вовсю гниет.

Меня останавливали. Правда ли, спрашивали меня, насчет летающей тарелки и капустной головы с изысканным лексиконом? Ха-ха, отвечал я, отличная шутка.

Оказавшись за сценой спустя сорок минут и бесчисленное множество «ха-ха», я осознал, насколько все действительно не здорово.

Участницы явились со своим представителем, наставником и защитником — с капустной головой. Все наши красотки столпились, по земному обыкновению, вокруг, разинув рты, как детишки на представлении. Они стояли в купальниках от Глубера и таращили глаза.

Это явно не нравилось посланцу космоса. Поскольку, когда я протянул руку, постаравшись продемонстрировать как можно больше зубов, его желтый глаз сверкнул, словно фонарь несущегося на меня паровоза. Я все равно не увидел, что можно

было бы пожать, поэтому, сглотнув застрявший в горле комок, сделал вид, будто ничего не заметил.

— Итак, вы прибыли,— защебетал я.

— А вы сомневались? — сказал он с мрачным выдохом, проявляя дружелюбие стиральной машины.

— Нет! Нет! — заверил я, веселость покинула мое посеревшее лицо.— Вовсе нет. Мы как раз ждали вас.

Он, похоже, не собирался меня слушать. Одинокое око оглядело людей на сцене. Кочан зашипел.

— Мои подопечные уже начинают терять терпение из-за того, как на них глазеют ваши земляне. Я требую начинать конкурс немедленно и прекратить это оскорбительное рассматривание.

Я кивнул, я улыбнулся, я заставил девочек разойтись, чувствуя, как сжимаются внутренности. Покончив с этим, я вернулся к пылесосу. Он сказал нечто такое, отчего мое сердце запрыгало, как мячик.

— Если,— предупредил он,— я замечу малейшую предвзятость по отношению к моим подопечным, хотя бы мимолетный враждебный взгляд, последствия для вас будут самые серьезные.

И вот на сцене начался конкурс на звание «Мисс Звездная Пыль».

Видел когда-нибудь сон, в котором все идет наперекосяк? Где каждое твое действие встречает противодействие? Где ты постоянно совершаешь только ошибки? Вот так я себя чувствовал во время этого конкурса. Все шоу превратилось в настоящий бардак.

Когда после нескольких земных красавиц, прошедших по сцене, мы подняли табличку с надписью «Мисс Меркурий», по залу прокатилась волна изумленных возгласов. Затем раздались свистки и вопли. Но все внезапно оборвалось, когда на сцене появилась сама участница.

Вот что бы ты лично, Гарри, сделал, если бы на сцену выкатилась разноцветная скала? Полагаю, то же самое, что сделала публика. Глаза вытаращились, лица побледнели, челюсти отвисли, в тысяче умов родился один-единственный вопрос: «Что это за хрень?»

Потом какой-то забредший на огонек пожарный разразился грубым хохотом, и началось. Все решили, что это веселый ро-

зыгрыш. Я быстро бросил взгляд через собственное дрожащее плечо и увидел, что желтый глаз горит жаждой крови. Адамово яблоко у меня ухнуло куда-то в легкие, и я отвернулся обратно.

Теперь публика аплодировала. Ах, какая отличная шутка, ха-ха. Давайте еще. Пусть еще выйдут.

Мисс Венера.

Оранжерейное растение с глазами. Оно зашуршало по сцене на нижних листьях. Глаза (три штуки) обводили публику. В них отражалось крайнее презрение.

Публика снова взревела, на этот раз как-то через силу. Так мог бы реветь человек, который решил, несмотря ни на что, как следует повеселиться, даже если от увиденного у него волосы встают дыбом. Эта штуковина была слишком хороша. Можно поклясться, что зеленое растение идет само собой, настолько здорово спрятаны проволоки, которые приводят его в движение.

Я уловил у себя за плечом чье-то дыхание. Довольно несвежее.

— Прием публики в высшей степени неудовлетворителен,— пробулькала капустная голова.— Вы придумаете, как исправить положение, или же вас ждут большие неприятности.

Я посмотрел на него. Подумал о летающих тарелках и лучевых ружьях и о том, как Калифорния проваливается в тартарары.

Представив все это, я выскочил на сцену, как только с нее сошла мисс Венера. Подняв с пола микрофон, я вскинул трясущуюся руку.

— Прошу минутку вашего внимания,— загромыхал по залу мой голос. Но только благодаря усилителям.

Бедлам на миг прекратился.

— Послушаете, люди. Я сознаю, что это сложно принять, однако две последние участницы, которых вы видели, в самом деле с Меркурия и...

Надо мной смеялись до икоты. Мне скандировали все доморощенные юмористы. Подушки от сидений летали по воздуху. Дурацкие бумажные самолетики, сложенные из программок, парили над залом. Конфетти дождем сыпалось с балконов.

— Подождите минутку! — заорал я.— Прошу вашего внимания!

Шум стал пуще. Я ждал, когда он спадет. Отовсюду мелькали фотовспышки. Статьи со снимками немедленно окажутся

в газетах. Впервые в жизни мысль о внимании публики огорчила меня. Представь только, Гарри, я испугался! Когда Бог раздавал людям героизм, я, наверное, спал в соседней комнате.

— Давайте же проявим справедливость к этим участницам,— хрипел я.— Давайте же выкажем им настоящее земное радушие.

После чего я снова вскинул дрожащую руку, уронил микрофон на пол, махнул конферансье, чтобы он продолжал, и скатился со сцены. Прямо на пылесос. Я неуверенно улыбнулся его сомнительно дружелюбному фасаду. Он зыркнул на меня.

— Мисс Меркурий оскорблена до глубины души,— сообщил он.— Она утверждает, что, если не победит в этом состязании, вас ждет жестокая месть со стороны их властей.

— Что?!

Я привалился к занавесу.

— Нет, постойте секунду,— выдохнул я.— Войдите в наше положение. Мы же не можем подтасовывать результаты конкурса только ради того...

Его уши были глухи к моим речам. Точнее, они отсутствовали.

— Вы сами создали себе проблемы,— сказал он,— когда назвали свой конкурс так, как вы его назвали.

— Приятель, лично я его никак не называл!

— Замечание не по существу,— сказал он и откатился.

Я с диким взглядом кинулся обратно к выходу на сцену. Как раз вовремя, чтобы увидеть дебют мисс Марс на сцене старушки Земли.

Скорее легкая закуска, чем женщина. Голова и туловище походили на две испанские оливки, а ноги и руки — на воткнутые в них зубочистки. Я вцепился в занавес, горестно стеная. Теперь публика свистела и улюлюкала не так громко. Она сникала. Сложно смириться с подобным и остаться при этом в трезвом уме. Когда видишь, как пара оливок ковыляет по сцене сразу после выхода тропического растения и радужного булыжника, сначала ты, конечно, хохочешь, но потом тебе делается жутко.

Вот сейчас им становилось жутко.

И мисс Юпитер, которая показалась на сцене в прозрачной сфере, никак не помогла развеять это ощущение. Она походила на грязный айсберг. Ни лица, ни рук, ни ног — вообще ничего. Я услышал, как кто-то в публике хохотнул. Кто-то сказал: «Фу!» Только этого нам сейчас не хватало, подумал я...

— Мисс Марс довела до моего сведения,— сообщил пылесос,— что, если она не получит первый приз, ее оскорбленные чувства спровоцируют действия мстительного характера по отношению к вашей планете.

— Нет, подожди минутку, приятель,— не выдержал я.

— Быстрее завершайте конкурс. Мои подопечные все сильнее раздражаются, наблюдая землян в большом количестве.

— Что значит «раздражаются»?

— Они находят ваш внешний вид омерзительно-отталкивающим.

— Нет, послушайте!

Слушать он не стал.

Я смотрел, как он откатывается. Они находят отталкивающими нас. Хороший повод посмеяться, если только не хочется плакать. А мне хотелось.

Главная участница шоу, мисс Звездная Пыль, их собственная Звездная Пыль, вышла из-за кулис.

Вернее, не вышла. И не выкатилась. И не выползла. Скорее, выскользнула.

Оранжевая медуза в юбке и с глазами. Она была похожа на желе, вывалившееся из миски в поисках взбитых сливок. С твоего позволения, на этом описание закончу, а то только расстраиваюсь.

Нет, повторял я себе, она не может так поступить. Не предполагает же она, что...

— Наша мисс Звездная Пыль довела до моего сведения...— начал пылесос.

Вот и все, братец.

— О, неужели! — взвился я.— А как же мисс Венера и Юпитер, они разве не разгневаны?

— Они также требуют первого приза,— подтвердил белокочанный пришелец.

Я растаял, растекся по половицам и исчез в швах между досками. Правда, всего лишь в своем воображении. В действительности я стоял как вкопанный, а мой рот превратился в просторный приют для бездомных мух.

— Как же они могут выиграть все сразу? — спросил я утробным голосом.

— Замечание не по существу.— Он сказал, а я подумал это с ним в унисон.

Я сейчас же снова разозлился.

— Кажется, вы явились сюда, чтобы лишь доставить всем неприятности,— сказал я ему.

Желтый глаз уставился на меня, словно отверстие баллончика с инсектицидом на какое-нибудь особо омерзительное насекомое.

— Нам не нравятся земляне,— сказал он.— Мои подопечные и я находим вас в равной степени оскорбительными для разума и нездоровыми для глаз. Мои подопечные и я будем рады, когда все они получат первый приз и мы сможем избавиться от вашего отвратительного общества.

Я уставился на удаляющуюся спину этого пылесборника. Оступаясь, я побрел в обратном направлении, мечтая оказаться на борту корабля, идущего в Южную Америку. Оркестр в яме исполнял «Я люблю человека с Луны», единственную межпланетную песню, которую они знали. Судьи сошли со сцены на перерыв, желая получить что-нибудь градусов под пятьдесят и налитое пальцев эдак на десять. Они стали судьями в надежде взбодрить старческие тела созерцанием цветущих женщин. А вместо этого... такое.

Я загнал их всех в гримуборную размером с туалет. Они стояли там и даже не пытались утирать капли пота, стекающие с изможденных лиц. Испуганные глаза устремились на меня.

— У нас тут чертовски неприятная проблема,— сообщил я. И все рассказал.

— Но... это же невозможно! — воскликнул Местный Чиновник Номер Два, хватить себя ладонью по благородному лбу ему мешали габариты комнаты.

— Это я ему говорил,— заверил я.— Она на это не купилось.

«Глубер и компания» рухнули в кресло, способное выдержать только одного Глубера.

— Я болен,— заявил он.

Грассблад рубанул холеной ладонью по воздуху.

— Это не по-американски! — высказался он и поджал губы.

— А у меня племянница, которая хотела выиграть конкурс,— печально произнес Мендельхеймер.

— Что? — выкрикнул Местный Чиновник Номер Два.— Жульничество! Подтасовка!

— Ср-р-рочно пр-р-рек-р-ратите! — Это сказал гнев, наполнивший меня до краев.

Я сказал Мендельхеймеру, что даже если его племянница, мисс Пищеварительный Тракт, и будет признана всеми первой

красавицей, она никак не сможет получить приз сейчас. Приз должен забрать кто-то из пришельцев.

— Или... что? — спросил «Глубер и К°».

— Или нас распылят,— сказал я.

— Вы считаете, они действительно способны на такое? — засомневался Мендельхеймер.

— Приятель, посмотрев на то, что умеет этот тип, я предпочитаю верить ему на слово.

— Но какой из участниц мы должны отдать первый приз? — задал главный вопрос Сэмпсон.

Местный Чиновник Номер Два всплеснул руками в муниципальном отчаянии.

— Мы загнаны в угол! — воскликнул он.

Я был того же мнения.

Нам пришлось отложить решение, поскольку конкурс должен был продолжаться. Я посоветовал им тянуть как можно дольше, взвешивать все дважды, думать хорошенько. Они отправились на свой помост радостные, как аристократы в повозке, подкатывающей к гильотине. Судьи сидели на своих местах, и я понял, что они по-настоящему обеспокоены, потому что когда по сцене прошла мисс Бруклин, никто из них даже глазом не повел. А если мимо тебя дефилирует такая сногсшибательная женщина и ты никак не реагируешь, ты либо по-настоящему обеспокоен, либо мертв.

И снова я предпринял попытку договориться с капустной головой.

— Послушайте,— убеждал я,— вы же обладаете интеллектом. Разве вам не очевидно, что мы не можем дать один приз пяти участницам?

Арифметика землян оказалась для него непостижимой.

— Конкурс должен завершиться как можно скорее,— вот все, что он мне сказал.— Проволо́чки раздражают нас все сильнее. Совершенно ясно, что ни о каком соревновании между моими прелестными подопечными и разгуливающими тут безобразными существами не может быть и речи. Ни один судья, будь он с Земли или Небес, просто не сможет присудить приз подобному воплощенному уродству.

Что-то забрезжило. Крошечный огонек.

— Безобразные? — переспросил я.— Вы считаете, что они безобразны?

— Да вы все безобразны.

Я развернулся. Головоломка неожиданно сложилась. Мои мозги наконец-то заработали. Я кинулся к телефону и внес свой вклад в спасение бедной Земли.

Затем я кинулся на сцену и подошел к Сэмпсону. И там, поглядывая краем глаза на ходячие эталоны заветных девяносто — шестьдесят — девяносто, я сказал ему кое-что, стараясь не двигать губами.

Он расплылся в улыбке, предназначенной покупателю, оплатившему наличными «кадиллак» этого года выпуска. Затем он наклонился вбок и шепотом передал сообщение общественному достоянию Галл-Стоуна. Мэр прошептал новость в похожее на ракушку ухо Мендельхеймера, Мендельхеймер — Глуберу, а Глубер — Местному Чиновнику Номер Два.

Теперь все они улыбались и поглядывали с возрожденным интересом на проходящих мимо девочек, а я чувствовал себя действительно важным человеком.

Наверное, то был самый длинный конкурс красоты в истории человечества. Пришлось сделать его таким. Мой план требовал времени, и мы купили его дорогой ценой. Конкурсантки ходили по передней части сцены, по боковым проходам, в глубине сцены. Поодиночке, парами, всем табуном и длинной аппетитной змеей. Они делали все, разве что на руках не ходили. Бедняжки уже начали зевать от усталости. Даже публика вдоволь наелась изящными формами. И когда остекленевшие глаза самцов начали смотреть уже сквозь девочек, стало ясно, что пора завязывать.

Но к тому моменту это уже не имело значения, потому что для воплощения моего плана все было готово.

Я подошел к микрофону.

— Дамы и господа,— сказал я.— Прежде чем мы назовем победительницу, я хотел бы сообщить о дополнительном призе. Еще недавно мы объявляли, что призами станут серебряный кубок, автомобиль, контракт с Голливудом, год бесплатного обслуживания и работа в «Макс Фактор», а также множество мелких наград. И вот у нас еще один приз.

Я выдержал паузу.

— Месяц каникул на Средиземном море не с кем иным, как...

Я махнул рукой на кулисы.

— Дамы и господа,— я возвысил голос,— мистер Вселенная!

Громадный блондин, поигрывая мускулами, вышел на сцену, и все заскучавшие домохозяйки в зале вытянули шеи.

Пока приветственные крики и стоны эхом отдавались в моей усталой, но радостной голове, я окидывал взглядом сцену.

Как я и ожидал, конкурсантки из открытого космоса столпились вокруг своего представителя. Я кивнул конферансье и отошел в сторону, мой разум холодило предвкушение победы.

Так, значит, мы уродливы? Что ж, отлично. Хотите первый приз — придется согласиться и на эти каникулы. Месяц на Средиземном море с мистером Воплощенное Уродство. Берите или катитесь отсюда.

Капустная голова успел высмотреть меня и направил колеса в мою сторону. Я сглотнул комок в горле, видя, как он приближается, и ощущение победы несколько померкло. Его глаз горел безумием.

— Вы пытаетесь мошенничать!

— Мошенничать? — переспросил я бесстрастно.

— Вы заранее подготовили эту уловку?

— Мистер,— сказал я,— это наш конкурс. Мы даем вам первый приз, но мы имеем право объявить, что это за приз.

— Замечание не по существу.

— Что? — Я понял, что что-то упустил.

— Как вы посмели провозгласить это существо мистером Вселенная? — забулькал он.— Разве вы не знаете, что Вселенная содержит в себе галактик больше, чем звезд в вашей галактике?

— А?

— Подобное требует радикальных мер. Я должен немедленно сообщить в Альянс Галактик. В этом здании состоится конкурс, в ходе которого решится, кто действительно достоин титула «Мистер Вселенная». Позвольте прикинуть, получается приблизительно семь миллионов пятьсот девяносто пять тысяч главных соискателей, если их разделить на группы, это будет...

Ну, Гарри, что скажешь? Может, тебе пригодится мальчик на побегушках в нелегком деле продвижения фасоли? Я буду работать за сущие гроши, честное слово. Молю на коленях, Гарри!

Джо

Способ существования

«И они стояли под хрустальными башнями, под полированными гигантами, в которых, словно в сверкающих зеркалах, отражался алый закат, пока весь город не залился живым, блистающим румянцем.

Рас обнял свою возлюбленную за талию.

— Ты счастлива? — спросил он нежно.

— О да,— выдохнула она.— Здесь, в нашем чудесном городе, где найдется покой и радость для каждого, разве может быть что-то, кроме счастья?

Закат благословлял их трогательные объятия розовым светом».

КОНЕЦ

Машинка умолкла. Кисти рук распустились, как бутоны, а глаза закрылись. Текст был похож на вино. Он растекался по нёбу его разума головокружительным дурманом. У меня снова получилось, признал он, святой Георгий, снова получилось!

Море удовольствия манило его. Он в третий раз падал в его воды, подчиняясь радостному влечению. Вынырнув на поверхность, возрожденный, он прикинул количество слов, написал на конверте адрес, сунул рукопись, взвесил, наклеил марки и запечатал. Еще одно краткое погружение в воды наслаждения, затем все-таки вынырнуть и — к почтовому ящику.

Было почти двенадцать, когда Ричард Аллен Шэггли захромал в поношенном пальто по тихой улице. Надо поспешить, а не то он опоздает к выемке писем, а этого допустить нельзя. «Рас и Хрустальный город» слишком хорош, чтобы дожидаться

© Перевод Е. Королевой.

завтрашнего дня. Рассказ должен попасть к редактору немедленно. Он точно будет продаваться.

Обойдя по кругу огромную яму с торчащими из нее трубами (когда, ради всего святого, закончат чинить эту проклятую канализацию?), он торопливо заковылял, сжимая конверт онемевшими пальцами и чувствуя, как бешено колотится сердце.

Полдень. Он добрался до почтового ящика и с тревогой огляделся по сторонам, высматривая почтальона. Нигде не видно. Вздох облегчения слетел с растрескавшихся губ. С сияющим лицом Ричард Аллен Шэггли услышал, как конверт мягко шлепнулся на дно почтового ящика.

Счастливый автор заковылял прочь, кашляя на ходу.

Ноги снова беспокоили Ала. Стискивая зубы, он неуклюже тащился по тихой улице, кожаная сумка оттягивала усталое плечо. Когда стареешь, думал он, энергии остается все меньше и меньше. Ноги терзает ревматизм. Скверно — все труднее ходить по маршруту.

В двенадцать пятнадцать он добрался до темно-зеленого почтового ящика и вынул из кармана ключи. С кряхтением остановившись, он открыл ящик и выгреб содержимое.

Улыбка озарила искаженное болью лицо, он разок кивнул. Новое произведение Шэггли. Наверное, пойдет нарасхват. Этот человек действительно умеет писать.

С оханьем распрямившись, Ал положил конверт в сумку, запер почтовый ящик и пошаркал прочь, все еще улыбаясь. Я могу гордиться, думал он, что ношу его рассказы, пусть ноги и болят.

Ал был горячим поклонником Шэггли.

Когда в самом начале четвертого Рик вернулся с обеда, на столе секретарши его ожидала записка.

Только что прибыл конверт от Шэггли. Прекрасная работа. Не забудь, Р. А. хочет видеть текст сразу, как ты с ним закончишь. Ш.

Грубое лицо редактора засветилось от радости. Слава святому Георгию, просто манна с небес этого обещавшего стать бесплодным дня. Губы растянулись в том, что считалось у него улыб-

кой, он упал в кожаное кресло, потянулся скрюченным указательным пальцем за голубым карандашом (хотя какая в нем нужда, когда речь идет о творениях Шэггли!) и взял с треснувшей стеклянной столешницы конверт. Святой Георгий, рассказ Шэггли, какая удача! Р. А. будет в восторге.

Он уселся поудобней и моментально окунулся в тонкости повествования. От дрожи восторга отключились все чувства. Едва дыша, он погружался в глубины рассказа. Какое чувство меры, какие описания! Как этот человек пишет. Он рассеянно смел с полосатого рукава следы от штукатурки.

Пока он читал, снова поднялся ветерок, растрепал его похожие на солому волосы, и они прохладными крыльями захлопали по лбу. Он неосознанно поднял руку и медленно провел пальцем по шраму, тянувшемуся живой нитью через висок и щеку.

Ветер сделался сильнее. Вихри стонали под балками и разбрасывали листы оберточной бумаги по промокшему ковру. Рик беспокойно зашевелился и бросил взгляд на зияющую дыру в стене (когда, ради всего святого, закончат этот ремонт?), после чего вернулся, с новой радостью, к сочинению Шэггли.

Наконец дочитав, он вытер пальцем горестно-сладостные слезы и нажал на клавишу переговорного устройства.

— Новый чек для Шэггли,— приказал он, после чего швырнул отломившуюся клавишу через плечо.

В половине четвертого он отнес сочинение в кабинет Р. А., где и оставил.

В четыре издатель уже смеялся и плакал над ним, потирая скрюченными пальцами шершавую лысину.

Старый горбун Дик Аллен уселся перепечатывать рассказ Шэггли в тот же день. Перед взглядом из-под зеленого козырька выстраивались сцены рассказа, размытые слезами счастья. Мокрый кашель перекрывал деловитый стук пишущей машинки.

Рассказ очутился на прилавке вскоре после шести. Хозяин киоска со шрамом на лице, шаркающий усталыми ногами, перечитал рассказ шесть раз, прежде чем, с большой неохотой, предложить его покупателям.

В полседьмого по улице захромал маленький плешивый человечек. После тяжелого рабочего дня он вполне заслужил от-

дых, думал он, останавливаясь у газетного киоска на углу, чтобы купить какое-нибудь чтиво.

Он ахнул. Святой Георгий, новый рассказ Шэггли! Какая удача!

И всего один экземпляр. Он оставил четвертак сверху для продавца, который куда-то отлучился.

Человечек понес рассказ домой, неловко волоча ноги мимо похожих на скелеты развалин (странно, до сих пор никак не снесут эти сгоревшие дома!), и читал на ходу.

Он закончил раньше, чем пришел домой. За ужином он прочитал рассказ еще раз, покачивая бугристой головой из стороны в сторону, весь во власти магии, сотворенной человеком. Рассказ воодушевляет, решил он.

Но хватит на сегодня. Настало время все разложить по местам: крышку печатной машинки, поношенное пальто, потертый полосатый пиджак, зеленый козырек, почтальонскую фуражку и кожаную сумку.

К десяти он уже спал; ему снились грибы. А утром он в очередной раз задавался вопросом, почему эти признанные авторы никогда не сравнят облако с грибом-поганкой.

К шести утра Шэггли, позавтракав, уже сидел за пишущей машинкой.

«Это рассказ,— написал он,— о том, как Рас встретил прекрасную жрицу Шагли и она полюбила его».

Услуги на дом

Однажды октябрьским вечером в дверь позвонили.

Фрэнк и Сильвия Гассетт только что уселись смотреть телевизор. Фрэнк поставил на стол свой джин с тоником и поднялся. Он вышел в прихожую и открыл дверь.

На пороге стояла женщина.

— Добрый вечер,— сказала она.— Я представляю «Службу обмена».

— «Службу обмена»? — Фрэнк вежливо улыбнулся.

— Да. Мы начинаем экспериментальную программу в вашем районе. Что касается профессиональных услуг...

Их профессия оказалась из числа древнейших. Фрэнк ахнул.

— Вы что, серьезно?

— Абсолютно,— подтвердила женщина.

— Но... святой боже, вы же не можете... прямо вот так приходить на дом... и... это противозаконно! Я могу потребовать, чтобы вас арестовали!

— О, но вы же не станете этого делать.— Она гордо выкатила обтянутую блузкой грудь.

— Это почему же? — поинтересовался Фрэнк и закрыл дверь прямо у нее перед носом.

Он постоял, тяжело дыша. Услышал, как ее шпильки застучали вниз по ступенькам и постепенно затихли.

Фрэнк вернулся в гостиную.

— Просто невероятно,— произнес он.

Сильвия оторвала взгляд от телевизора.

— А что такое?

Он рассказал.

— Что?! — От возмущения она поднялась с кресла.

© Перевод Е. Королевой.

Они секунду постояли, глядя друг на друга. После чего Сильвия подошла к телефону, подняла трубку и набрала номер.

— Соедините с полицией,— велела она оператору.

— Странное дело,— сказал полицейский, который прибыл спустя несколько минут.

— Действительно странное,— задумчиво протянул Фрэнк.

— Ладно, что вы собираетесь предпринять? — с нажимом спросила Сильвия.

— Прямо сейчас мы едва ли можем что-то сделать, мэм,— пояснил полицейский.— Не за что зацепиться.

— Ну а как же мое описание...— начал Фрэнк.

— Мы же не может разъезжать по округе и хватать всех женщин на шпильках и в белых блузках,— развел руки полицейский.— Если она вернется, поставьте нас в известность. Может, это просто хулиганит какая-нибудь женская организация.

— Может быть, и так,— произнес Фрэнк, когда патрульная машина отъезжала от дома.

— Хорошо бы,— отозвалась Сильвия.

— Странное событие произошло вчера вечером,— рассказал Фрэнк, пока подвозил Максвелла на работу.

Максвелл хмыкнул.

— Ага, к нам она тоже приходила.

— Правда? — Фрэнк вздрогнул, посмотрев на смеющегося соседа.

— Ну да. По счастью, дверь открыла моя старуха.

Фрэнк похолодел.

— Мы позвонили в полицию,— сказал он.

— Чего ради? — удивился Максвелл.— Зачем с этим бороться?

Фрэнк нахмурил брови.

— Ты хочешь сказать, что не считаешь это хулиганской выходкой какого-нибудь женского клуба?

— Черт, нет, конечно, все по-настоящему.— Он принялся напевать:

Я маленькая шлюшка,
Хожу от двери к двери,
Хочу я быть полезной,
Вы можете мне верить...

— Это что еще за ерунда? — поморщился Фрэнк.

— Слышал на одном мальчишнике. Мне кажется, наш город не первый, где они появились.

— Господи боже,— пробормотал Фрэнк, бледнея.

— А почему бы нет? — спросил Максвелл.— Это всего лишь вопрос времени. С чего им упускать возможность поставлять услуги на дом?

— Это же просто омерзительно,— заявил Фрэнк.

— Да какого лешего,— отозвался Максвелл.— Это просто прогресс.

Вторая явилась тем же вечером: крашеная блондинка с темными корнями волос, вырез на кофточке стремился сойтись с разрезом на юбке.

— При-вет, милый,— пропела она, когда Фрэнк открыл дверь.— Я Джени. Интересуешься?

Фрэнк одеревенел.

— Я...

— Двадцать три монеты и полная свобода фантазии,— проинформировала Джени.

Фрэнк, дрожа, захлопнул дверь.

— Опять? — спросила Сильвия, когда он приковылял обратно в комнату.

— Угу,— промычал он.

— А ты спросил у нее адрес и телефон, чтобы мы могли сообщить в полицию?

— Забыл.

— Ты же пообещал, что спросишь.— Она топнула ногой в шлепанце.

— Да, да, но я забыл.— Фрэнк сглотнул комок в горле.— Ее зовут Джени.

— Это, конечно, сильно нам поможет,— саркастически заметила Сильвия. Она передернулась.— И что теперь будем делать?

Фрэнк покачал головой.

— Нет, это просто чудовищно,— сказала она.— Что мы подвергаемся подобному...— Ее трясло от негодования.

Фрэнк обнял ее.

— Держись,— прошептал он.

— Я заведу собаку. Очень злую.

— Нет-нет,— возразил Фрэнк,— мы еще раз позвоним в полицию. Они просто поставят кого-нибудь наблюдать за домом.

Сильвия принялась плакать.

— Это просто чудовищно,— всхлипывала она,— все это.

— Чудовищно,— согласился он.

— Что это ты там мурлычешь? — спросила она за завтраком.

Он едва не подавился куском хлеба из цельной пшеницы.

— Ничего,— ответил он, откашливаясь.— Просто песенка, которую слышал недавно.

— А-а.

Она похлопала его по спине.

Он вышел из дома, его била легкая дрожь. «Просто чудовищно»,— думал он.

В то утро Сильвия купила табличку в скобяной лавке и установила ее в начале лужайки. «ДОМОГАТЬСЯ ЗАПРЕЩЕНО» — было написано на табличке. Она подчеркнула чертой слово «домогаться». Потом она вышла еще раз и подчеркнула эту черту.

— Так вы говорите, пришла прямо в дом? — переспросил агент ФБР; Фрэнк позвонил ему из конторы.

— Прямо в дом,— повторил Фрэнк,— вот так вот нагло.

— Ну и дела,— произнес агент. Он хмыкнул.

— И несмотря на это,— сурово продолжал Фрэнк,— полиция отказалась оставить возле нашего дома засаду.

— Ясно,— сказал агент.

— Но что-то же необходимо предпринять,— заявил Фрэнк.— Это прямое посягательство на частную жизнь.

— Разумеется, это так,— согласился федерал,— и мы обязательно разберемся в этом деле, не беспокойтесь.

Повесив трубку, Фрэнк вернулся к сэндвичу с беконом и термосу пахты.

— Я маленькая...— запел он раньше, чем успел себя одернуть. Потрясенный, он вышагивал по кабинету, считая минуты, оставшиеся до конца обеденного перерыва.

На следующий вечер это была бойкая брюнетка, и вырез у нее на блузке уходил в бесконечность.

— Нет! — выкрикнул Фрэнк звенящим голосом.

Она зазывно изогнулась.

— Почему же?

— Я не обязан перед вами отчитываться! — Он захлопнул дверь, сердце бешено колотилось.

Затем он щелкнул пальцами и снова открыл дверь. Брюнетка с улыбкой развернулась.

— Передумал, милый?

— Нет. То есть да.— Фрэнк прищурился.— Где вы живете?

Брюнетка посмотрела на него обиженным взглядом.

— Ну, сладкий мой, ты же не хочешь, чтобы у меня были неприятности?

— Она мне не сказала,— уныло сообщил он, вернувшись в гостиную.

Сильвия смотрела на него с отчаянием.

— Я снова звонила в полицию,— сказала она.

— И?

— И ничего. От всего этого разит коррупцией.

Фрэнк серьезно покивал.

— Пожалуй, лучше взять собаку.— Он вспомнил брюнетку.— И покрупнее.

— Ух ты, да это ведь Джени! — воскликнул Максвелл.

Фрэнк решительно прибавил газу и повернул за угол под визг покрышек. Лицо сделалось суровым.

Максвелл похлопал его по плечу.

— Ой, ну брось, Фрэнки, старина, тебе не удастся меня одурачить. Ты ничем не отличаешься от всех нас.

— Меня в это не впутают,— твердо заявил Фрэнк,— так что не о чем больше говорить.

— Можешь повторять это своей жене. Но пару раз сходишь налево, как и все остальные. Ладно?

— Не ладно! — буркнул Фрэнк.— Совершенно не ладно. Интересно, собирается ли полиция что-либо предпринять. Судя по всему, я буду единственным в этом городе, кто исполнит свой гражданский долг.

Максвелл захохотал.

Этим вечером на пороге появилась волоокая женщина-вамп с волосами как вороново крыло. На одежде в стратегически важных точках сверкали блестки.

— Приве-ет, сладкий. Меня зовут...

— Что вы сделали с нашей собакой? — возмутился Фрэнк.

— Да ничего, милый, совершенно ничего. Просто ваш пес побежал знакомиться с моей пуделихой Уинифред. А теперь давай поговорим о нас с тобой...

Фрэнк молча захлопнул дверь и подождал, пока утихнет дрожь, прежде чем вернуться в гостиную к Сильвии и телевизору.

«Semper, господи боже мой,— думал он после, надевая пижаму,— fidelis»*.

---

* Всегда верен *(лат.). (Прим. перев.)*

Следующие два вечера они сидели в гостиной, погасив свет, и как только очередная женщина звонила в дверь, Сильвия вызывала полицию.

— Да,— яростно шептала она в трубку,— они у нас за дверью прямо сейчас. Можете вы прислать патрульную машину сию секунду?

Оба раза женщины уходили за минуту до того, как приезжала машина.

— Сговор,— ворчала Сильвия, размазывая по лицу косметические сливки.— Самый что ни на есть сговор.

Фрэнк держал ладони под струей холодной воды.

В тот день Фрэнк обзвонил чиновников города и штата, которые пообещали разобраться с этим делом.

Вечером явилась рыжеволосая в зеленом вязаном платье, плотно облегающем все изгибы, а изгибы имелись в изобилии.

— Послушайте...— начал Фрэнк.

— Девушки, которые побывали здесь до меня, сказали, что ты не интересуешься. А я всегда говорю, что нет неинтересующихся мужей, есть бдительные жены.

— А теперь послушайте меня...

Фрэнк умолк, когда рыжая протянула ему карточку. Он машинально посмотрел на нее.

99-60-90
МАРДЖИ
Специалист
(только по предварительной договоренности)

— Если не хочешь прямо здесь, милый,— сказала Марджи,— тогда приходи ко мне в «Покои Киприды»* в гостинице «Филмор».

— Вы пришли не по адресу,— сказал Фрэнк и выкинул карточку.

— Каждый вечер, с шести до семи,— прочирикала Марджи.

Фрэнк привалился к захлопнувшейся двери, чувствуя, как огненные птицы хлопают крыльями по его лицу.

— Чудовищно,— проговорил он, задыхаясь.— П-просто чудовищно.

---

* Киприда — прозвище Афродиты, богини любви. *(Прим. ред.)*

— Опять? — спросила Сильвия.

— Но на этот раз несколько иначе. Я выслежу их прямо в логове и приведу туда полицию! — произнес он мстительно.

— О, Фрэнк! — Сильвия обняла его.— Ты великолепен.

— С-спасибо,— отозвался Фрэнк.

Когда на следующее утро он вышел из дома, то обнаружил визитку на ступеньке крыльца. Он поднял ее и положил в бумажник.

«Сильвия не должна увидеть»,— подумал он.

Это ее оскорбит.

Кроме того, в его обязанности входит поддерживать крыльцо в чистоте.

Кроме того, это важная улика.

Тем вечером он сидел в кабинете в слабо освещенных «Покоях Киприды», вертя в пальцах стакан шерри. Музыкальный автомат нежно мурлыкал что-то, в воздухе разносились приглушенные вечерние разговоры.

«Итак,— думал Фрэнк.— Когда Марджи появится, я тайком кинусь к телефону и вызову полицию, затем буду занимать ее разговором, пока они не приедут. И тогда это кончится. Когда Марджи...»

Марджи появилась.

Фрэнк сидел, словно жертва горгоны Медузы. Двигался только его рот: он медленно открывался. Взгляд был прикован к роскошным выпуклостям, пока Марджи, покачиваясь, шла по проходу, а затем уперся в кожаное сиденье барного стула.

Пять минут спустя он выполз через боковую дверь.

— Ее там не было? — в третий раз спрашивала Сильвия.

— Я же сказал тебе,— огрызнулся Фрэнк, сосредоточенный на котлете, в которой было полно хлеба.

Сильвия на мгновение застыла. Потом ее вилка, звякнув, упала.

— Что ж, в таком случае нам придется переехать,— сказала она.— Совершенно очевидно, что власти не собираются ничего предпринимать.

— А какая разница, где мы будем жить? — пробормотал он.

Она не ответила.

— Я хочу сказать,— он решился прервать болезненное молчание,— ну, кто знает, может быть, это неизбежный культурный феномен. Может...

— Фрэнк Гассетт! — закричала она.— Так ты оправдываешь этот кошмарный «Обмен»?

— Нет-нет, конечно нет,— мямлил он.— Это омерзительно, честное слово! Однако... ну, может, это возрождение Греции. Может быть, Рима. Может быть, это...

— Мне плевать, что это! — закричала она.— Это ужасно!

Он взял ее руки в свои.

— Верно, верно,— проговорил он.

«99-60-90»,— пронеслось в голове.

Тем вечером, в кромешной темноте, они отчаянно старались укрепить свою любовь.

— Было чудесно, правда? — спросила Сильвия печально.

— Конечно, дорогая,— согласился он. «99-60-90».

— Совершенно верно! — сказал Максвелл, когда на следующее утро они ехали на работу.— Культурный феномен. В самую точку, старина Фрэнк. Неизбежный чертов культурный феномен. Сначала публичные дома. Затем появляются дамы-таксисты, девушки на углах улиц, клубы, девочки, слоняющиеся по автокинотеатрам. Рано или поздно они должны расширить сеть, приняться за доставку услуг на дом. И разумеется, синдикаты будут заправлять этим, давать взятки, чтобы никто не жаловался. Это неизбежно. Ты прав, Фрэнк, совершенно прав.

Фрэнк вел машину, угрюмо кивая.

За обедом он поймал себя на том, что мурлычет под нос:

— Марджи, мои мечты — о тебе, Марджи...*

Он замолк, потрясенный. Не смог закончить ланч. Бродил по улицам до часу с остекленевшими глазами. «Массовое сознание,— думал он,— проклятое массовое сознание».

Прежде чем вернуться в контору, он изодрал маленькую визитку в конфетти и высыпал все в мусорный ящик.

После обеда в ряды цифр из его бумаг с удручающей регулярностью просачивалось число 99.

Один раз даже с восклицательным знаком.

— Я уже почти верю, что ты защищаешь это... это явление,— обвиняла его Сильвия.— Ты и твои культурные феномены!

Фрэнк сидел в гостиной, слушая грохот посуды в раковине.

---

* «Margie» — песня 1920 г., авторы: Б. Дэвис, К. Конрад и Дж. Р. Робинсон. *(Прим. ред.)*

«Чокнутая баба»,— думал он.

«Марджи. Специалист».

— Сейчас же прекрати об этом думать! — раздраженно прошептал он самому себе под нос.

Тем вечером, пока чистил зубы, он начал напевать: «Я маленькая шлю...»

— Проклятье! — пробормотал он своему отражению, которое таращилось на него широко открытыми глазами.

Ночью ему снились сны. Необычные сны.

На следующий день они с Сильвией повздорили.

Через день Максвелл поведал ему о своей системе.

Еще через день Фрэнк многократно повторил себе под нос:

— Боже, как мне все это осточертело!

А еще через день женщины перестали приходить.

— Разве такое возможно? — удивилась Сильвия.— Неужели они действительно оставили нас в покое?

Фрэнк привлек ее к себе.

— Похоже на то,— проговорил он тихо. «Я презренный негодяй»,— думал он.

Прошла неделя. Ни одной женщины. Фрэнк каждое утро вставал в шесть, вытирал пыль и пылесосил, прежде чем отправиться на работу.

— Хочу тебе помочь,— сказал он, когда Сильвия спросила.

Она посмотрела на него как-то странно. Когда он три дня подряд являлся домой с букетом, она ставила цветы в воду с недоуменным выражением на лице.

Это случилось в следующую среду вечером.

В дверь позвонили. Фрэнк на мгновение замер. Они же обещали, что больше не придут!

— Я открою,— сказал он.

— Открой,— согласилась Сильвия.

Он тяжело зашагал в прихожую и отворил дверь.

— Добрый вечер, сэр.

Фрэнк во все глаза смотрел на симпатичного молодого человека с усами и в дорогом костюме.

— Я из «Службы обмена»,— сообщил молодой человек.— Ваша жена дома?

Блистательный источник

...И избавьте меня от оговора, читайте это лучше ночью, а не при свете дня, и не давайте юным девам, если таковые случатся поблизости... Однако я не опасаюсь за судьбу этой книги, ибо она почерпнута из источника величественного и блистательного, все исходящее из которого имело оглушительный успех...

Оноре де Бальзак.
«Озорные рассказы». Пролог

Все началось с того анекдота, который дядюшка Лиман рассказывал в летнем домике. Тальберт как раз подходил, когда услышал заключительную фразу. «Боже мой,— воскликнула актриса,— а я-то думала, вы сказали "сарсапарель"!»

Домик содрогнулся от хохота. Тальберт застыл неподвижно, смотря сквозь розы на шпалерах на смеющихся гостей. Пальцы ног в открытых сандалиях задумчиво шевелились. Он размышлял.

Потом он двинулся вокруг озера Бин, глядел, как набегают на берег хрустальные волны, наблюдал за скользящими по зеркалу вод лебедями и рассматривал золотых рыбок, а сам тем временем продолжал размышлять.

— Я тут подумал,— сказал он тем же вечером.

— О боже, нет,— произнес дядя Лиман несчастным голосом.

Он затих в ожидании удара.

Который не замедлил последовать.

— О неприличных анекдотах,— уточнил Тальберт Бин Третий.

— Прошу прощения? — не понял дядя Лиман.

— Их бесконечные волны накатывают на нацию.

© Перевод Е. Королевой.

— Что-то не могу сообразить, к чему ты клонишь.— От нехорошего предчувствия у дяди Лимана сжималось горло.

— Я пришел к выводу, что это возможно разве что только посредством черной магии.

— Магии?..

— Подумай сам,— предложил Тальберт.— Каждый день по всей земле люди рассказывают непристойные анекдоты, в барах и спортзалах, в фойе театров и на работе, на углах улиц и в раздевалках. Дома и в гостях — настоящее наводнение шуток.

Тальберт сделал многозначительную паузу.

— Кто их сочиняет?! — вопросил он.

Дядя Лиман уставился на племянника взглядом рыбака, который только что выудил морскую змею: с трепетом и отвращением.

— Боюсь, я...— начал он.

— Я желаю отыскать источник этих анекдотов,— заявил Тальберт.— Узнать их происхождение, их начало.

— Но зачем? — спросил дядюшка. Едва слышно.

— Потому что это имеет большое значение. Потому что эти анекдоты являются частью культуры, до конца не исследованной. Потому что они представляют собой аномалию, феномен вездесущий, но неизведанный.

Дядя Лиман ничего не произнес. Побелевшие руки обессиленно упали на дочитанную до середины «Уолл-стрит джорнал». Глаза плавали за блестящими стеклами очков, как оливки в паре бокалов.

Наконец он вздохнул.

— И какую роль,— печально поинтересовался дядя Лиман,— мне предстоит сыграть в твоем расследовании?

— Мы должны начать с того анекдота, который ты рассказывал сегодня после обеда в летнем домике. От кого ты его услышал?

— От Карцера.

Эндрю Карцер был одним из многочисленной армии юристов, трудившихся на предприятиях Бинов.

— Отлично! — сказал Тальберт.— Позвони ему и спроси, где услышал этот анекдот он.

Дядя Лиман вынул из кармана серебряные часы.

— Уже почти полночь, Тальберт.

Тальберт отмахнулся от этой информации.

— Сейчас же,— сказал он.— Это очень важно.

Дядюшка Лиман еще секунду рассматривал племянника. Затем, вздохом признав поражение, он потянулся к одному из тридцати пяти телефонов в поместье Бинов.

Тальберт стоял, шевеля пальцами ног, на покрывающей пол медвежьей шкуре, пока дядя Лиман набирал номер, ждал ответа и разговаривал.

— Карцер? — спросил дядя Тальберт.— Это Лиман Бин. Прошу прощения, что поднял вас с постели, однако Тальберт непременно хочет узнать, где вы услышали анекдот про актрису, которой показалось, что режиссер сказал «сарсапарель».

Дядя Лиман выслушал реплику на другом конце провода.

— Я сказал...— начал он снова.

Через минуту он тяжело опустил трубку на рычаг.

— От Даунлоха.

— Позвони ему,— велел Тальберт.

— Тальберт,— взмолился дядюшка.

— Сейчас же.

Дядюшка Лиман испустил долгий выдох. Он аккуратно сложил «Уолл-стрит джорнал». Потянулся к столу красного дерева и взял одну из сигар длиной в четверть метра. Пошарив усталой рукой под бортом смокинга, он выудил записную книжку в кожаном переплете.

Даунлох слышал анекдот от Джорджа Махинатцера. Дипломированный бухгалтер Махинатцер услышал его от Плуто Крафта. Банкир Плуто Крафт услышал его от Билла Бакклуши. Доктор психологии Билл Бакклуши услышал его от Джека Блэка, менеджера казино «Кипр». Блэк услышал анекдот от О. Уинтерботтома. Уинтерботтом услышал его от Х. Альбертса. Альбертс услышал его от Б. Сильвера, Сильвер — от Д. Фрина, Фрин — от Э. Кеннелли.

Здесь их ждал нелепый поворот сюжета, поскольку Кеннелли сказал, что слышал анекдот от дядюшки Лимана.

— В этом и состоит сложность,— сказал Тальберт.— Эти анекдоты ведь не сами собой зарождаются.

Было уже четыре утра. Дядя Лиман съежился, вялый и с неподвижным взглядом, в своем кресле.

— Должен же у них быть источник,— говорил Тальберт.

Дядя Лиман оставался недвижим.

— Тебе не интересно,— заподозрил Тальберт.

Дядя Лиман издал какой-то звук.

— Не понимаю,— сказал Тальберт.— Сложилась ситуация, обещающая множество удивительных открытий. Разве на свете

существует хоть один мужчина или женщина, которые ни разу не слышали неприличного анекдота? Я бы сказал, что нет. И в то же время знает ли кто-нибудь из этих мужчин и женщин, откуда берутся такие анекдоты? И снова я скажу, что нет.

Тальберт стремительно зашагал к своему любимому месту для размышлений, к трехметровому камину. Он замер перед ним, глядя в жерло.

— Пусть я миллионер,— сказал он,— но не утратил способности чувствовать.— Он развернулся.— И этот феномен меня тревожит.

Дядя Лиман пытался спать, сохраняя вид бодрствующего человека.

— У меня всегда было больше денег, чем мне нужно,— вещал Тальберт.— В крупных тратах не было необходимости. Мне стоит вложить деньги в другое имущество, оставленное мне отцом,— в мой разум.

Дядя Лиман пошевелился, его посетила какая-то мысль.

— А что же случилось,— спросил он,— с этим твоим обществом, как бишь его, ОПЖОПЖЖ?

— Общество по предотвращению жестокостей к обществу по предотвращению жестокостей к животным? Оно в прошлом.

— А как же те социологические трактаты, которые ты писал...

— «Трущобы: позитивный взгляд»? — Тальберт отмахнулся.— Не нашли отклика.

— А сохранилась ли твоя политическая партия, проантиистеблишментарианцы?

— Исчезла без следа. Уничтожена реакцией изнутри.

— А что насчет внедрения биметаллической системы?

Тальберт печально улыбнулся.

— В прошлом, дражайший дядюшка. Я тогда прочитал слишком много викторианских романов.

— Кстати, о романах. Как поживает твоя литературная критика? «Точка с запятой в творчестве Джейн Остин»? «Горацио Элджер*: непонятый сатирик»? Не говоря уже о «Была ли королева Елизавета Шекспиром»?

— «Был ли Шекспир королевой Елизаветой»,— поправил Тальберт.— Нет, дядя, все это ерунда. Мимолетные увлечения и не более того...

---

* Горацио Элджер (1834–1899) – американский писатель, автор книг для детей; нищие герои Элджера благодаря упорству и трудолюбию добиваются для себя осуществления американской мечты. *(Прим. ред.)*

— Полагаю, то же самое справедливо сказать и про труд «Обувной рожок: pro et contra»?* И еще о тех твоих научных статьях: «Переэкзаменовка для теории относительности» и «Достаточно ли нам эволюции?»

— Мертвы и преданы забвению,— терпеливо пояснил Тальберт.— Те проекты нуждались только в моем кратковременном участии. А теперь я приступаю к более важным исследованиям.

— К выяснению того, кто сочиняет непристойные анекдоты,— уточнил дядя Лиман.

— Именно так,— кивнул Тальберт.

Когда дворецкий поставил поднос с завтраком на постель Тальберта, тот спросил:

— Рэдфилд, вы знаете какие-нибудь анекдоты?

Рэдфилд поглядел бесстрастно — небрежная природа позабыла придать живости его лицу.

— Анекдоты, сэр?

— Ну, вы понимаете,— сказал Альберт.— Шутки.

Рэдфилд замер у постели, словно покойник, гроб которого поставили на попа.

— Да, сэр,— сказал он добрых тридцать секунд спустя,— однажды в детстве я слышал одну...

— Так-так,— оживился Тальберт.

— Кажется, звучала эта шутка следующим образом. Когда ваши руки... э... Когда ваши руки становятся местоимениями?..

— Нет-нет,— перебил Тальберт, качая головой.— Я имею в виду соленые анекдоты.

Брови Рэдфилда удивленно взлетели. Слова бились в горле, как рыбины в садке, пытаясь вырваться наружу.

— Так вы не знаете ни одного? — разочарованно уточнил Тальберт.

— Прошу прощения, сэр,— кашлянул Рэдфилд.— Могу ли я высказать предложение? Насколько мне известно, наш шофер гораздо больше осведомлен по части...

— Вы знаете соленые анекдоты, Харрисон? — спросил Тальберт через переговорное устройство, пока «ролле-ройс» катил по Бин-роуд к шоссе номер двадцать семь.

Харрисон на секунду лишился дара речи. Он обернулся на Тальберта. Затем ухмылка тронула его порочный рот.

---

* За и против *(лат.). (Прим. ред.)*

— Да, сэр,— начал он,— слышали анекдот о парне, который ел луковицу на стриптизе?

Тальберт щелкнул ручкой с четырьмя разноцветными стержнями.

Тальберт стоял в лифте, поднимающемся на десятый этаж «Голт-билдинг».

Часовая поездка до Нью-Йорка оказалась в высшей степени плодотворной. И не только потому, что ему удалось записать семь самых непристойных шуток, какие он когда-либо слышал, но он также взял с Харрисона обещание, что тот сводит его в заведения, где можно услышать подобные анекдоты.

Охота началась.

МАКС АКС*
ДЕТЕКТИВНОЕ АГЕНТСТВО

Так было написано на непрозрачном стекле двери. Тальберт повернул ручку и вошел.

После того как прелестная секретарша сообщила о его визите, она провела Тальберта в скудно обставленный кабинет. На стенах висели лицензия, автомат и фотографии в рамках: фабрика «Сигрэм»**, бойня в День святого Валентина*** во всех красках и некий Герберт Дж. Филбрик, знаменитый тем, что вел тройную жизнь.

Мистер Акс пожал Тальберту руку.

— Чем могу служить?

— Прежде всего,— отвечал Тальберт,— знаете ли вы непристойные анекдоты?

Придя в себя, мистер Акс рассказал Тальберту анекдот про обезьянку и слона.

---

* Вероятно, намек на Майка Хаммера, героя «крутых» детективов американского писателя Микки Спиллейна (1918–2006): hammer — молот, axe — топор. К моменту написания рассказа (1956) было выпущено шесть романов и снят один фильм о Хаммере. *(Прим. ред.)*

** «Seagram Company Ltd.» — канадская компания, производящая спиртные напитки. *(Прим. ред.)*

*** Бойня в День святого Валентина — столкновение в Чикаго 14 февраля 1929 г. между итальянскими мафиози и немецко-ирландскими гангстерами, погибло семь человек. *(Прим. ред.)*

Тальберт записал его. После чего нанял агента, чтобы тот проследил за людьми, которым звонил дядюшка Лиман, и выяснил любые существенные подробности.

Покинув агентство, Тальберт принялся ездить с Харрисоном по злачным местам. Анекдот он услышал в первом же заведении, куда они заглянули.

— Заходит как-то карлик в кишке от сосиски...— начинался он.

День был богат на улов. Тальберт услышал шутку о косоглазом водопроводчике в гареме, анекдот о проповеднике, который выиграл в лотерею угря, о подбитом летчике, горящем в катапульте, и еще о двух девочках-скаутах, которые забыли свое печенье в автоматической прачечной.

И это лишь небольшая часть.

— Мне нужен,— сказал Тальберт,— билет на самолет в один конец до Сан-Франциско и еще забронированный номер в гостинице «Миллард Филлмор»*.

— Могу я узнать,— спросил дядя Лиман,— зачем?

— Разъезжая сегодня с Харрисоном по городу,— пояснил Тальберт,— я узнал от одного торговца женским бельем, который был настоящим рогом изобилия по части непристойных анекдотов, что в отеле «Миллард Филлмор» служит некий коридорный, Гарри Шуллер. Торговец бельем сказал, что, остановившись в этой гостинице на три дня, он услышал от Шуллера больше анекдотов, чем слышал за тридцать девять лет своей жизни.

— И ты летишь туда, чтобы...— начал дядя Лиман.

— Именно. Нужно направляться туда, где след горячее всего.

— Тальберт, зачем ты все это делаешь?

— Я провожу исследование,— ответил Тальберт просто.

— Но чего ради, черт побери! — закричал дядя Лиман.

— Чтобы докопаться до сути.

Дядя Лиман прикрыл глаза.

— Ты просто копия своей матери,— заявил он.

— Ничего о ней не говори,— предупредил Тальберт.— Она была самой прекрасной женщиной, когда-либо ступавшей по Земле.

---

* Миллард Филлмор (1800–1874) — тринадцатый президент США (1850–1853). *(Прим. ред.)*

— Тогда как вышло, что ее затоптала толпа на похоронах Рудольфо Валентино?* — возмущенно вопросил дядя.

— Это всего лишь газетная утка, и тебе это прекрасно известно. Мама просто проходила мимо церкви, направляясь в Приют детей беспутных матросов, чтобы отнести сиротам гостинцы — одно из многих ее благотворительных начинаний,— когда по несчастной случайности ее сбила с ног толпа истеричных женщин и в результате она встретила свой кошмарный конец.

Напряженное молчание распирало просторную комнату. Тальберт стоял у окна, глядя на холм рядом с озером Бин, которое его отец вырыл в тысяча девятьсот двадцать третьем году.

— Подумай сам,— произнес он после минутного размышления.— Нация живет на непристойных анекдотах, целый мир на них живет! Причем это одни и те же анекдоты, одни и те же, дядя. Как такое возможно? Как? Каким непостижимым способом анекдоты преодолевают океаны, расходятся по целым континентам? Каким чудом эти анекдоты пересекают горы и долины?

Он развернулся и встретился с остекленевшим взглядом дядюшки.

— Я должен узнать! — сказал Тальберт.

За десять минут до полуночи он погрузился на самолет до Сан-Франциско и сел в кресло у иллюминатора. Спустя пятнадцать минут самолет заревел, покатился по взлетной полосе и устремился в черное небо.

Тальберт повернулся к сидевшему рядом человеку.

— Вы знаете какие-нибудь неприличные анекдоты, сэр? — спросил он, держа наготове ручку.

Сосед уставился на него. Тальберт ойкнул.

— Извините, святой отец.

Когда они дошли до номера, Тальберт дал коридорному хрустящую пятидолларовую бумажку и попросил рассказать анекдот.

Шуллер рассказал ему анекдот о человеке, который сл луковицу на стриптизе. Тальберт выслушал, раздумчиво шевеля пальцами ног в ботинках. Когда анекдот подошел к концу, он спро-

---

* Рудольфо Валентино (1895–1926) — американский киноактер, звезда и секс-символ эпохи немого кино. *(Прим. ред.)*

сил Шуллера, откуда тот мог слышать этот и похожие анекдоты. Шуллер сказал, что в верфях имеется заведение под названием «Сундук мертвеца».

Ранним вечером, пропустив стаканчик с одним из представителей «Бин-энтерпрайзис» на Западном побережье, Тальберт взял такси и поехал в «Сундук мертвеца». Войдя в сумрачное, заполненное клубами табачного дыма помещение, он сел у стойки бара, заказал «отвертку» и принялся слушать.

Примерно через час он записал анекдот о старой деве, которая сунула нос в водопроводный кран, анекдот о трех моряках и двуличной дочери фермера, о няньке, которая решила, что это испанские оливки, и еще один о карлике, одетом в кишку от сосиски. Тальберт записал последний анекдот под предыдущим вариантом, подчеркнув расхождения с первым текстом, вызванные особенностями местного колорита.

В двадцать два часа шестнадцать минут человек, который только что рассказал Тальберту о неграмотных близнецах и их двухголовой сестре, сообщил, что Тони, бармен, просто кладезь непристойных шуточек, стишков, анекдотов и присказок.

Тальберт придвинулся к стойке бара и спросил Тони об основном источнике его познаний. Рассказав анекдот о сексе у клопов с астероида, бармен направил Тальберта к мистеру Фрэнку Брюну, торговцу из Окленда, которого этим вечером не было в баре.

Тальберт сейчас же зашел в телефонную будку и обнаружил в справочнике пять Фрэнков Брюнов, проживавших в Окленде. Вернувшись к будке с полным карманом наменянной мелочи, Тальберт принялся обзванивать их всех.

Двое из пяти Фрэнков Брюнов оказались торговцами. Но один из них в данный момент находился в Алькатрасе*. Тальберт проследил путь второго Фрэнка Брюна до переулка Хогана в Окленде, где, по словам его жены, торговец, как обычно по четвергам, играл в кегли за команду матрасной компании «Лунный свет».

Выйдя из бара, Тальберт нанял такси и направился вдоль побережья в Окленд, пальцы его ног шевелились все быстрее.

Veni, vidi, vici?**

---

* Тюрьма на острове в Сан-Франциско; функционировала в данном качестве до 1963 г. *(Прим. ред.)*

** Пришел, увидел, победил? *(лат.) (Прим. перев.)*

Брюн не был похож на иголку в стоге сена.

Стоило Тальберту войти в «Переулок Хогана», как его внимание сейчас же привлекла похожая на команду футболистов толпа, окружившая тучного человека с розовой лысиной, который что-то рассказывал. Тальберт подошел как раз вовремя, чтобы услышать ключевую фразу, за которой последовал взрыв многоголосого хохота. И фраза эта его крайне заинтересовала.

— «Боже мой,— закричала актриса (так рассказывал мистер Брюн),— а я-то подумала, что вы сказали "банановый сплит"»!

Этот вариант сильно разволновал Тальберта, который счел его подтверждением недавней догадки о существовании некоего легко заменяемого элемента.

Когда группа распалась и народ разошелся, Тальберт приблизился к мистеру Брюну и, представившись, спросил, где мистер Брюн услышал этот анекдот.

— А в чем дело, приятель? — ответил вопросом на вопрос мистер Брюн.

— Да ничего особенного,— заверил осторожный Тальберт.

— Я не помню, где слышал его, парень,— сказал наконец мистер Брюн.— Ты уж извини.

Тальберт проследил за ним, но совершенно безрезультатно, если не считать того, что он сделал окончательный вывод: этот Брюн что-то скрывает.

Позже, возвращаясь обратно в «Миллард Филлмор», Тальберт решил поручить какому-нибудь детективному агентству в Окленде разузнать все, что можно разузнать.

Когда Тальберт приехал в гостиницу, его дожидалась телеграмма.

МИСТЕР ДЖЕК БЛЭК ГОВОРИЛ МЕЖГОРОДУ МИСТЕРОМ ДЖОРДЖЕМ БУЛЛОКОМ ГОСТИНИЦА КАРФАГЕН ЧИКАГО ПОСЛЕДНИЙ РАССКАЗАЛ АНЕКДОТ КАРЛИКЕ КИШКЕ САЛЯМИ ВАЖНО ЛИ ЭТО АКС

Глаза Тальберта загорелись.

— Сходится,— пробормотал он,— ага!

Спустя час он выписался из гостиницы, доехал на такси до аэропорта и сел на рейс до Чикаго.

Через двадцать минут после его отбытия к стойке администратора подошел человек в темном костюме в тонкую полоску

и спросил, в каком номере остановился Тальберт Бин Третий. Когда ему сообщили, что Тальберт уехал, глаза человека сделались свинцовыми и он немедленно кинулся к телефонной будке. Откуда вышел, совершенно спав с лица.

— Сожалею,— произнес дежурный портье,— но мистер Буллок уехал этим утром.

— Вот как...

Плечи Тальберта опали. Всю ночь в самолете он пересматривал свои записи, надеясь отыскать в анекдотах некую закономерность, стараясь классифицировать их по типам, по источнику происхождения и периодичности появления. Он устал от тщетных усилий. А теперь еще это.

— И он, конечно, не оставил нового адреса?

— Только сказал, что будет в Чикаго, сэр,— ответил портье.

— Ясно.

После ванны и обеда в номере несколько приободрившийся Тальберт устроился у телефона, вооружившись справочником. В Чикаго имелось сорок семь Джорджей Буллоков. Тальберт звонил и вычеркивал Буллоков одного за другим.

В три часа дня он в оцепенении уронил трубку на рычаг. В шестнадцать двадцать одну он снова пришел в себя и совершил оставшиеся одиннадцать звонков. Мистера Буллока нет дома, так сообщила об одном из них домоправительница, однако его возвращения ожидают сегодня вечером.

— Большое вам спасибо,— произнес Тальберт с затуманившимся взглядом, после чего повесил трубку и рухнул на кровать, но только для того, чтобы в пять минут восьмого вскочить и спешно одеться. Спускаясь вниз, он проглотил сэндвич и стакан молока, потом кликнул такси и целый час добирался до дома Джорджа Буллока.

На звонок открыл сам хозяин.

— Чем могу?

Тальберт представился и сообщил, что приходил сегодня днем в гостиницу «Карфаген», чтобы поговорить с ним.

— Но о чем? — удивился мистер Буллок.

— Я хочу узнать, где вы услышали анекдот о карлике в кишке от салями.

— Сэр?..

— Я сказал...

— Я слышал, что́ вы сказали, сэр,— заверил мистер Буллок,— хотя и не могу сказать, что ваш вопрос кажется мне хоть сколько-нибудь осмысленным.

— А я уверен, сэр,— с вызовом заявил Тальберт,— что вы попросту прикрываетесь напыщенными словами.

— Я прикрываюсь? — возмутился Буллок.— Боюсь, что...

— Игра окончена, сударь! — возвестил Тальберт звенящим голосом.— Почему бы вам не признаться и не рассказать мне, где вы слышали этот анекдот?

— Не имею ни малейшего понятия, о чем вы толкуете, сэр! — отрезал Буллок, но то, как он побледнел, утверждало об обратном.

— Неужели? — На лице Тальберта появилась улыбка Моны Лизы.

И, легко развернувшись на каблуках, он оставил дрожащего Буллока стоять на пороге. Когда Тальберт усаживался обратно в ждущее рядом такси, он увидел, что Буллок все еще стоит и смотрит на него. Постояв, Буллок вновь исчез за закрытой дверью.

— Гостиница «Карфаген»,— сказал Тальберт, довольный своим блефом.

По дороге назад он вспоминал, как разволновался Буллок, и тонкая улыбка играла на его губах. Никаких сомнений. Он выследил свою добычу. Теперь, если его догадка верна, скорее всего, будет...

Когда Тальберт вошел в свой номер, на кровати сидел худой человек в дождевике и котелке. Усы незнакомца, похожие на мазок кистью, подергивались.

— Тальберт Бин?

— Он самый,— кивнул Тальберт.

Человек, полковник Пископ, посмотрел на Тальберта стальным взглядом.

— Какую игру вы ведете, сэр? — прищурился незваный визитер.

— Не понимаю вас,— солгал Тальберт.

— Прекрасно понимаете. И сейчас вы отправитесь со мной.

— Неужели?

Тальберт обнаружил, что на него смотрит дуло «уэбли-фосбери»* сорок пятого калибра.

---

* «Webley-Fosbery» — британский автоматический револьвер, производился в 1901–1915 гг. *(Прим. ред.)*

— Так как? — поинтересовался полковник.

— Ну разумеется,— холодно ответил Тальберт.— Я не для того проделал такой путь, чтобы сейчас отказаться.

Перелет на частном самолете занял много времени. Иллюминаторы были закрашены, и Тальберт не имел ни малейшего понятия, в каком направлении они летят. Ни пилот, ни полковник не произносили ни слова, и все попытки Тальберта завязать беседу наталкивались на ледяное молчание. Револьвер полковника, все еще нацеленный в грудь Тальберта, ни разу не дрогнул, что, впрочем, его нисколько не беспокоило. Тальберт был в восторге. Все, о чем он мог думать,— это что его поиски увенчались успехом и он наконец-то приближается к источнику непристойных анекдотов. В какой-то момент голова его упала на грудь, он задремал, и ему снились карлики, одетые в кишку от сосиски, актрисы, одержимые сарсапарелью или банановым сплитом либо и тем и другим. Сколько он проспал и сколько границ они пересекли, Тальберт так и не узнал. Его разбудили ощущение быстрой потери высоты и стальной голос полковника Пископа.

— Мы приземляемся, мистер Бин.— Полковник крепче сжал револьвер.

Тальберт не стал сопротивляться, когда ему завязали глаза. Чувствуя, как в спину упирается дуло «уэбли-фосбери», он выбрался из самолета и ощутил под ногами высококачественную взлетную полосу. Было прохладно, и у него слегка закружилась голова. Тальберт решил, что они приземлились где-то в горах, но в каких горах, даже на каком континенте, он предположить не мог. Уши и нос тоже ничем не могли помочь взбудораженной голове.

Его запихнули — не особенно вежливо — в автомобиль, а потом повезли, как показалось, по проселочной дороге. Под покрышками хрустели булыжники и сучья.

Внезапно повязку с глаз сняли. Тальберт заморгал и посмотрел в окно. Стояла темная и к тому же туманная ночь, он не видел ничего, кроме того клочка дороги, который выхватывали из темноты фары.

— А вы здорово отгородились от мира,— заметил он одобрительно. Полковник Пископ так и сидел, начеку и с поджатыми губами.

Еще четверть часа езды по ночной дороге — и машина остановилась у высокого темного дома. Когда мотор заглох, Тальберт услышал ритмичное стрекотание кузнечиков.

— Что дальше? — полюбопытствовал он.

— Выходите,— велел полковник Пископ.

— Ну разумеется.

Тальберт выбрался из автомобиля, и полковник повел его по широкой лестнице к парадной двери. Машина, оставшаяся за спиной, укатила в ночь.

Полковник нажал кнопку, и в доме раскатисто зазвенел колокольчик. Они ждали в темноте, и спустя несколько мгновений внутри послышались приближающиеся шаги.

В тяжелой двери приоткрылась крошечная щелка, в ней показалась половинка очков и глаз. Глаз разок моргнул, а затем человек зашептал с легким акцентом, который Тальберт не смог опознать:

— Зачем вдова надевает черные подвязки?

— Чтобы помнить,— отозвался совершенно серьезно полковник,— обо всех, кто ушел.

Дверь открылась.

Обладатель глаза оказался высоким худощавым человеком неопределенного возраста и национальности, копна черных волос была кое-где тронута сединой. Лицо представляло собой сплошные бугры и рытвины, из-за очков в роговой оправе смотрели проницательные глаза. На нем были фланелевые брюки и клетчатый пиджак.

— Это наш Пресвитер,— представил полковник Пископ.

— Как поживаете? — отозвался Тальберт.

— Входите, входите же,— пригласил Пресвитер, протягивая Тальберту длинную руку.— Добро пожаловать, мистер Бин.— Он бросил оскорбленный взгляд на пистолет.— Полковник, вы снова прибегаете к мелодраматическим эффектам? Уберите это, старина, уберите с глаз долой.

— Лишняя осторожность не помешает,— проворчал полковник.

Тальберт стоял в громадном холле и озирался. Затем его взгляд остановился на таинственно улыбавшемся Пресвитере, который произнес:

— Итак. Вы отыскали нас, сэр.

Пальцы ног Тальберта встрепенулись, словно флажки на ветру.

Он замаскировал свой радостный возглас словом:

— Неужели?

— Именно,— подтвердил Пресвитер.— Отыскали. И это был образчик удивительного сыскного чутья.

Тальберт огляделся по сторонам.

— Значит,— произнес он сдержанно,— это здесь.

— Да. Хотите посмотреть?

— Больше всего на свете,— с жаром ответил Тальберт.

— Тогда идемте,— предложил Пресвитер.

— А это разумно? — осторожно спросил полковник.

— Идемте,— повторил Пресвитер.

Все трое двинулись через холл. На миг смутное подозрение бросило тень на чело Тальберта. Все получилось слишком просто. Не ловушка ли это? Но через секунду мысль ускользнула от него, смытая приливом возбужденного любопытства.

Они пошли вверх по мраморной винтовой лестнице.

— А как у вас зародились подозрения? — спросил Пресвитер.— Скажем так, что подтолкнуло вас к проведению подобного расследования?

— Я просто подумал,— многозначительно произнес Тальберт.— Кругом столько анекдотов, но, кажется, никто понятия не имеет, откуда они берутся. И всем наплевать.

— Совершенно верно,— заметил Пресвитер,— мы полагаемся именно на подобную незаинтересованность. Едва ли один из миллиона задаст вопрос: «А где вы слышали эту шутку?» Стараясь запомнить анекдот, чтобы потом пересказывать другим, человек не успевает задуматься о его происхождении. И первоисточник предается забвению.

Пресвитер улыбнулся Тальберту.

— Но только,— исправился он,— не такой человек, как вы.

Румянец Тальберта остался незамеченным.

Они добрались до лестничной площадки и пошли по широкому коридору, освещенному по обеим сторонам настенными светильниками. Больше никто ничего не говорил. В конце коридора они повернули направо и остановились перед массивными дверьми, окованными по краям железом.

— А это разумно? — снова спросил полковник.

— Теперь уже слишком поздно останавливаться,— сказал Пресвитер, и Тальберт ощутил, как по спине прошла дрожь. Что, если это все-таки ловушка? Он сглотнул застрявший в гор-

ле комок, затем расправил плечи. Как сказал Пресвитер, теперь уже слишком поздно останавливаться.

Огромные двери открылись.

— Et voilà...* — произнес Пресвитер.

Коридор был настоящим проспектом. Широкий (от стенки до стенки) ковер пружинил под ногами Тальберта, идущего между полковником и Пресвитером. Через равные промежутки с потолка свисали динамики, Тальберт узнал льющийся из них «Gaîté Parisienne»**. Его взгляд переместился на вышитый гобелен, где под сценой с веселящимся Дионисом красовался девиз: «Счастлив тот, кто занят делом».

— Невероятно,— пробормотал он.— Здесь, в этом доме.

— Именно,— улыбнулся Пресвитер.

Тальберт в изумлении помотал головой.

— Подумать только.

Пресвитер остановился перед стеклянной стеной, и, притормозив, Тальберт посмотрел внутрь. По богато обставленному кабинету вышагивал молодой человек в полосатом шелковом жилете с медными пуговицами, он живо жестикулировал длинной сигарой, а в кожаном кресле, скрестив ноги, сидела млеющая от восторга блондинка с пышными формами.

Молодой человек на мгновение остановился, махнул рукой Пресвитеру, улыбнулся, после чего продолжил вдохновенно диктовать.

— Один из наших лучших работников,— сообщил Пресвитер.

— Однако,— запнулся Тальберт,— мне казалось, этот молодой человек работает...

— Совершенно верно,— подтвердил Пресвитер.— А в свободное время он также работает у нас.

Тальберт двинулся дальше на онемевших от волнения ногах.

— Но я не понимаю,— размышлял он.— Мне казалось, что организация должна быть укомплектована людьми вроде Брюна или Буллока.

---

* И вот... *(фр.). (Прим. перев.)*

** «Парижское веселье» *(фр.)* — балет Жака Оффенбаха (1819—1880). *(Прим. перев.)*

— Они служат всего лишь средством распространения,— пояснил Пресвитер.— Наши рупоры, можно сказать. Творцы же происходят из более высоких слоев: руководители компаний, государственные деятели, выдающиеся комики, редакторы, романисты...

Пресвитер замолчал, когда дверь одного из кабинетов открылась и оттуда выскочил упитанный бородатый человек в охотничьем костюме. Оттеснив их плечом, он промчался мимо, бормоча себе под нос проклятия.

— Обратно на волю? — любезно поинтересовался Пресвитер.

Дородный охотник застонал. Это был стон из глубины сердца. Он неуклюже затопал прочь, весь в тоске по вельду.

— Невероятно,— проговорил Тальберт.— И такие люди тоже?

— Именно,— отозвался Пресвитер.

Они шли вдоль рядов рабочих кабинетов, Тальберт смотрел на все глазами экскурсанта, Пресвитер улыбался точно китайский мандарин, а полковник кривил рот, будто его заставляли поцеловать жабу.

— Но с чего же все началось? — спросил озадаченный Тальберт.

— Это тайна, канувшая в вечность,— поведал Пресвитер,— затянутая пеленой эпох. Хотя наше предприятие имеет весьма достойное прошлое. Великие люди внесли в наше дело свою лепту: Бен Франклин, Марк Твен, Диккенс, Суинберн, Рабле, Бальзак, о, список почетных участников велик. Шекспир, конечно же, и его приятель Бен Джонсон. Если продвинуться еще назад, то Чосер, Боккаччо. Еще дальше — Гораций и Сенека, Демосфен и Платон, Аристофан и Апулей. Даже при дворе Тутанхамона делалось наше дело, в темном храме Аримана, под куполом дворца Кубла-хана. С чего все началось? Кто знает. Во многих первобытных пещерах находят нацарапанные на скале рисунки определенного толка. И среди нас есть те, кто верит, что они были сделаны кем-то из самых первых членов Братства. Хотя, конечно, это всего лишь легенда...

Они теперь дошли до конца коридора и двинулись вниз по пологому пандусу.

— Должно быть, все это требует невероятных капиталовложений,— заметил Тальберт.

— Господи сохрани,— провозгласил Пресвитер, внезапно останавливаясь.— Не путайте наше служение с уличной торгов-

лей. Все работники делают все добровольно, в удобное для них время, сообразно своим талантам, не думая ни о чем, кроме дела.

— Прошу прощения,— потупился Тальберт. Затем, собравшись с духом, спросил: — А какого дела?

Пресвитер задумался, затем медленно вынырнул из своих размышлений и заложил руки за спину.

— Дела любви,— сказал он,— что является противоположностью ненависти. Естества, что является противоположностью искусственного. Гуманности, что является противоположностью бесчеловечности. Свободы, что является противоположностью насилия. Здоровья, что является противоположностью болезни. Именно, мистер Бин, болезни. Болезни, называемой фанатизмом, пугающе прилипчивой болезни, которая марает все, к чему прикасается, обращает тепло в озноб, радость — в чувство вины, добро — в зло. Какое дело? — Он выдержал драматическую паузу.— Дело жизни, мистер Бин, что является противоположностью смерти!

Пресвитер воздел указательный палец к небу.

— Мы свидетели того,— продолжал он,— как армия беззаветно преданных воинов движется на оплоты ханжества. Рыцари Братства со священной и светлой миссией.

— Аминь,— с трепетом произнес Тальберт.

Они вошли в большое, разделенное на ячейки помещение. Тальберт увидел людей: некоторые печатали, некоторые писали, кто-то просто смотрел перед собой, некоторые говорили по телефону на множестве разных языков. Выражение всех лиц без исключения было возвышенно-сосредоточенным. В дальнем конце помещения человек втыкал штыри на моргающем многочисленными глазками коммуникаторе.

— Комната для подмастерьев,— пояснил Пресвитер,— где мы растим наше будущее...

Он быстро умолк, когда из одной ячейки вышел молодой человек и направился к ним, сжимая в руке бумаги, улыбка играла на его губах.

— Оливер,— кивнул Пресвитер.

— Я придумал шутку, сэр,— сказал Оливер.— Можно мне?..

— Ну разумеется.

Оливер прочистил склеившееся от волнения горло, после чего рассказал анекдот о мальчике и девочке, которые следят за парной игрой на теннисном корте нудистов. Пресвитер улыбнулся. Оливер поднял расстроенные глаза.

— Нет? — уточнил он.

— Не лишено веселости,— подбодрил Пресвитер,— однако в нынешнем виде слишком уж отдает историями на тему «герцогиня — дворецкий» из категории «женщина в ванной». Не говоря уже о том, что здесь очевидно разыгрывается популярный двойной гамбит «священник — барменша».

— О, сэр,— горестно произнес Оливер,— у меня никогда не получится.

— Глупости, сынок,— возразил Пресвитер.— Эти коротенькие побасенки, как ни странно, придумывать сложнее, чем что бы то ни было. Они должны обладать убедительностью, ювелирной точностью, сообщать нечто важное и своевременное.

— Да, сэр,— еле слышно согласился Оливер.

— Справься у Войцеховски и Сфорцини,— предложил Пресвитер.— И еще у Ахмеда Эль-Хакима. Они помогут тебе разобраться в базовой схеме. Хорошо? — Он похлопал Оливера по плечу.

— Да, сэр.— Оливер сумел выдавить улыбку и возвратился в свой отсек.

— Печально,— вздохнул Пресвитер.— Он никогда не достигнет класса «А». На самом деле его вообще не должно было быть среди сочинителей...— Он неопределенно развел руки.— Причиной всему сентиментальность.

— В каком смысле? — не понял Тальберт.

— Именно его прадед двадцать третьего июня тысяча восемьсот сорок восьмого года сочинил историю о коммивояжере — первый чисто американский анекдот.

Пресвитер и Пископ на минуту склонили головы в почтительном молчании. Тальберт последовал их примеру.

— Вот так обстоит дело,— заключил Пресвитер.

Они спустились по лестнице обратно и сидели в гостиной, потягивая шерри.

— Может быть, вы хотите узнать что-нибудь еще? — спросил Пресвитер.

— Только одно,— сказал Тальберт.

— И что же, сэр?

— Зачем вы показали мне все это?

— Да,— вставил полковник, протягивая руку к кобуре,— в самом деле, зачем?

Пресвитер внимательно посмотрел на Тальберта, подбирая слова для ответа.

— Вы еще не догадались? — спросил он наконец.— Нет. Вижу, что не догадались. Мистер Бин... вы для нас человек небезызвестный. Кто же не слышал о ваших работах, о вашей беззаветной преданности пусть порой и непонятным простому смертному, но всегда великим делам? Разве можно не восхищаться вашей самоотверженностью, вашей целеустремленностью, вашим гордым пренебрежением устоями и условностями?

Пресвитер сделал паузу и подался вперед.

— Мистер Бин,— произнес он мягко,— Тальберт — могу я вас так называть? — мы хотим, чтобы вы были в нашей команде.

Тальберт ахнул. Руки у него задрожали. Полковник облегченно выдохнул и откинулся на спинку стула.

Ошарашенный Тальберт не издал ни звука, поэтому Пресвитер продолжил:

— Подумайте над моим предложением. Оцените все выгоды, какие сулит наша работа. Со всей полагающейся скромностью я, кажется, могу утверждать, что для вас сейчас открывается возможность принять участие в самом грандиозном деле вашей жизни.

— У меня просто нет слов.— проговорил Тальберт.— Я едва ли могу... вот... как же я могу...

Но жажда причащения к тайному братству уже горела в его глазах.

Стальной человек

Из здания вокзала вышли двое, таща за собой покрытый брезентом предмет. Они поплелись по длинной платформе, остановились у одного из последних вагонов и, наклонившись, с трудом подняли предмет и установили его на вагонной площадке. Пот катился по их лицам, а мятые рубашки прилипли к мокрым спинам. Вдруг из-под брезента выскочило одно колесико и покатилось вниз по ступенькам. Тот, который был сзади, успел подхватить его и передал человеку в старом коричневом костюме, что был впереди.

— Спасибо,— сказал человек в коричневом костюме и положил колесико в карман пиджака.

Войдя в вагон, они покатили покрытый брезентом предмет по проходу между сиденьями. Поскольку одного из колесиков не хватало, тяжелый предмет все время кренился на одну сторону, и человеку в коричневом костюме — Келли — приходилось подпирать его плечом. Он тяжело дышал и время от времени слизывал крошечные капельки пота, которые тут же снова появлялись на верхней губе.

Добравшись до середины вагона, они вкатили предмет между сиденьями; Келли просунул руку в прорезь чехла и начал искать нужную кнопку.

Предмет тяжело опустился в кресло около окна.

— О господи, как он скрипит! — вырвалось у Келли.

Его спутник, Поул, пожал плечами и с глубоким вздохом сел в кресло.

— А ты что думал? — спросил он после минутного молчания.

Келли стащил с себя пиджак, бросил его на сиденье напротив и сел рядом с предметом.

© Перевод И. Почиталина.

— Ну что ж, как только нам заплатят, мы сразу купим для него все, что нужно,— сказал он и с беспокойством взглянул на предмет.

— Если нам удастся найти все, что нужно,— заметил Поул.

Он сидел сгорбившись, худой как щепка — ключицы выпирали из-под рубахи,— и смотрел на Келли.

— А почему бы нет? — спросил Келли, вытирая лицо уже мокрым платком и засовывая его в карман.

— Потому что этого никто больше не производит,— ответил Поул с притворным терпением, словно ему десятки раз приходилось повторять одно и то же.

— Ну и идиоты,— прокомментировал Келли. Он стащил с головы шляпу и смахнул пот с лысины, обозначавшейся посреди его рыжей шевелюры.— Б-два — их же везде еще полным-полно.

— Так уж и полным-полно,— сказал Поул, положив ногу на предмет.

— Убери ногу! — рявкнул Келли.

Поул с трудом опустил ногу вниз и вполголоса выругался. Келли вытер платком внутреннюю сторону шляпы, хотел надеть ее, но передумал и бросил на сиденье.

— Господи, какая жарища! — сказал он.

— Будет еще похлеще,— заметил Поул.

Напротив них, по другую сторону прохода, только что пришедший пассажир кряхтя поднял свой чемодан, положил на багажную полку и, тяжело отдуваясь, снял пиджак. Келли посмотрел на него, потом отвернулся.

— Ты думаешь, в Мэйнарде будет похлеще? — спросил он с беспокойством.

Поул кивнул. Келли с трудом проглотил слюну. У него внезапно пересохло горло.

— Надо было нам хватить еще по бутылочке пива,— сказал он.

Поул, не отвечая, смотрел в окно на колышущееся марево, которое поднималось от раскаленной бетонной платформы.

— Я уже выпил три бутылки,— продолжал Келли,— но пить хочется еще больше прежнего.

— Угу,— буркнул Поул.

— Как будто после Филли во рту не было маковой росинки,— сказал Келли.

— Угу,— снова буркнул Поул.

Келли замолчал, уставившись на Поула. Лицо Поула казалось особенно белым на фоне черных волос, у него были большие руки, намного больше, чем нужно для человека его сложения. Но это были золотые руки. «Да, Поул один из лучших механиков,— подумал Келли,— один из самых лучших».

— Ты думаешь, он выдержит? — спросил Келли.

Поул хмыкнул и улыбнулся печальной улыбкой.

— Если только на него не будут сыпаться удары,— ответил он.

— Нет-нет, я не шучу,— сказал Келли.

Темные безжизненные глаза Поула скользнули по зданию станции и остановились на Келли.

— Я тоже,— подчеркнул он.

— Ну ладно, брось глупые шутки.

— Стил,— сказал Поул,— ведь ты знаешь это не хуже меня. Он ни на что не годен.

— Неправда,— буркнул Келли, ерзая на сиденье.— Ему нужен только пустяковый ремонт. Перебрать движущиеся части, смазать — и он будет совсем как новенький.

— Да-да, «пустяковый» ремонт на три-четыре тысячи долларов,— саркастически заметил Поул.— И детали, которых больше не производят.— Он снова уставился в окно.

— Ну брось, дела не так уж плохи,— примирительно сказал Келли.— Послушать тебя, так это форменный металлолом.

— А разве не так?

— Нет,— с раздражением сказал Келли,— не так.

Поул пожал плечами, и его длинные гибкие пальцы бессильно легли на колени.

— Ведь нельзя же списывать его только потому, что он не первой молодости,— сказал Келли.

— Не первой молодости? — иронически повторил Поул.— Да это же совершенная развалина!

— Будто бы.

Келли набрал полную грудь горячего воздуха и медленно выпустил его через широкий расплющенный нос. Он отеческим взглядом окинул предмет, покрытый брезентом, словно сердился на сына за его недостатки, но еще более сердился на тех, кто осмелился на них указать.

— В нем еще есть порох,— сказал он наконец.

Поул молча посмотрел на платформу. Его взгляд механически скользнул по тележке носильщика, полной чемоданов и свертков.

— Скажи... у него все в порядке? — спросил Келли, в то же время боясь ответа.

Поул повернулся к нему.

— Не знаю, Стил,— откровенно сказал он.— Ему нужен ремонт, тебе это известно. Пружина мгновенной реакции в его левой руке рвалась столько раз, что теперь она состоит из отдельных кусочков. Слева у него нет надежной защиты. Левая сторона головы разбита, глазная линза треснула. Ножные кабели износились и ослабли, и подтянуть их невозможно. Даже гироскоп у него может каждую минуту выйти из строя.

Поул отвернулся и, скорчив гримасу, снова уставился на платформу.

— Не говоря уже о том, что у нас не осталось ни капли масла,— добавил он.

— Ну масло-то мы раздобудем! — сказал Келли с наигранной бодростью.

— Да, но после боя, после боя! — огрызнулся Поул.— А ведь смазка нужна ему до боя! Скрип его суставов будет слышен не только на ринге, а во всем зале! Он скрипит как паровой экскаватор. Если он продержится два раунда, это будет чудом! И вполне вероятно, что нас обмажут дегтем, вываляют в перьях и вынесут из города на шесте.

— Не думаю, что дойдет до этого,— с тревогой произнес Келли, проглотив комок в горле.

— Не думаю, не думаю! — передразнил его Поул.— Будет еще хуже, *вот посмотришь!* Стоит зрителям увидеть нашего Боевого Максо из Филадельфии, как они поднимут такой крик, только держись! Если нам удастся улизнуть, получив пятьсот долларов, мы сможем считать себя счастливчиками.

— Но контракт уже подписан,— твердо сказал Келли,— теперь им нельзя идти на попятную. Копия лежит у меня вот здесь.— Келли похлопал себя по карману.

— В контракте речь идет о Боевом Максо,— возразил Поул,— в нем ни слова об этой... этой паровой лопате.

— Максо справится,— сказал Келли, убеждая скорее самого себя.— Он совсем не так безнадежен, как ты думаешь.

— Не так безнадежен? В борьбе против Б-семь?

— Это только экспериментальный образец,— напомнил ему Келли.— Во многом несовершенный.

Поул отвернулся и снова уставился в окно.

— Боевой Максо,— проговорил он,— Максо — на один раунд! Сенсация — боевой экскаватор на ринге!

— Заткнись! — внезапно рявкнул Келли, покраснев как рак.— Ты все время говоришь о нем как о куче металлолома, больше ни на что не годной. Не забудь, что он выступал на ринге двенадцать лет и будет еще выступать не один год! Положим, ему нужна смазка. И пустяковый ремонт. Ну и что? За пятьсот зелененьких мы ему сможем купить целую ванну машинного масла. И новую пружину для левой руки. И новые кабели для ног. И все остальное. Только бы получить эти пять сотен! Господи!

Он откинулся на спинку сиденья, еле переводя дух после длинной речи в такую жару, и начал вытирать щеки мокрым носовым платком. Внезапно он повернулся и взглянул на сидящего рядом Максо, затем нежно похлопал робота по бедру. От тяжелого прикосновения его руки сталь под брезентом загудела.

— Ты с ним справишься,— сказал Келли своему боксеру.

Поезд мчался по раскаленной от солнца прерии. Все окна в вагоне были открыты, но ветер, врываясь, только обдавал невыносимым жаром.

Келли сидел, склонившись над газетой. Мокрая рубаха облипала его широкую грудь. Поул тоже снял пиджак и сидел, уставившись незрячим взглядом на проносящуюся мимо пустыню. Максо, по-прежнему покрытый брезентовым чехлом, сидел, привалившись к стенке вагона, и ритмично покачивался в такт движению поезда.

Келли сложил газету.

— Ни единого слова! — с негодованием воскликнул он.

— А ты что думал? — сказал Поул, не оборачиваясь.— Района Мэйнарда эти газеты не касаются.

— Максо — это тебе не какая-нибудь железка из Мэйнарда. Когда-то он был знаменитым боксером.— Келли пожал могучими плечами.— Я думал, что они помнят его.

— Помнят? Из-за двух схваток в «Мэдисон-сквер-гардене» три года назад? — спросил Поул.

— Нет, парень, не три года назад,— возразил Келли.

— Ну как же так? Это было в семьдесят седьмом,— сказал Поул,— а сейчас тысяча девятьсот восьмидесятый. Меня всегда учили, что восемьдесят отнять семьдесят семь будет три.

— Он выступал в «Гардене» в конце семьдесят седьмого, перед самым Рождеством. Разве ты не помнишь? Это было как раз перед тем, как Мардж...

Келли не окончил фразы. Он опустил голову и уставился на газету, будто увидел в ней фотографию Мардж, снятую в тот день, когда жена оставила его.

— Не все ли равно? — пожал плечами Поул.— Кого из двух тысяч боксеров страны помнят по сей день? В газеты попадают только чемпионы и новые модели.

Поул перевел взгляд на покрытого брезентом Максо.

— Я слышал, что «Моулинг корпорейшн» выпускает в этом году модель Б-девять,— сказал он.

— Вот как? — спросил Келли без всякого интереса, оторвавшись на мгновение от газеты.

— Пружины суперреакции в обеих руках — и в ногах тоже. Сделан целиком из сплавов алюминия и стали. Тройной гироскоп. Тройная проводка. Вот, наверное, хороша штучка!

Келли опустил газету на колени и пробормотал:

— Я думал, что его запомнят. Ведь это было совсем недавно...

Внезапно черты его лица смягчились, и он улыбнулся.

— Да, мне никогда не забыть того вечера,— сказал он, погружаясь в воспоминания.— Никто и не подозревал, что произойдет. Все ставили на Каменного Димзи, Димзи-Скалу, как его называли. Три к одному на Димзи, Каменного Димзи — четвертого в списке лучших полутяжеловесов мира. Он обещал больше всех.— Келли улыбнулся и глубоко вздохнул.— И как мы его обработали! — сказал он.— Я до сих пор помню этот левый встречный — бэнг! Прямо в челюсть! И непобедимый Димзи-Скала рухнул на пол как... как скала, да-да! — Снова счастливая улыбка озарила лицо Келли.— Да, парень, что это был за вечер,— прошептал он,— что за вечер!

Поул взглянул на Келли и быстро отвернулся, уставившись в окно.

Келли заметил, что их сосед-пассажир смотрит на Максо. Он перехватил взгляд незнакомца, улыбнулся и кивнул в сторону неподвижной фигуры.

— Мой боксер,— сказал он громко.

Человек вежливо улыбнулся и приложил руку к уху.

— Мой боксер,— повторил Келли громче.— Боевой Максо. Слышали о нем?

Человек несколько секунд смотрел на Келли, затем покачал головой.

— Да, мой Максо был одно время почти чемпионом в полутяжелом,— улыбнулся Келли, обращаясь к незнакомцу. Тот вежливо кивнул.

Неожиданно для самого себя Келли встал, пересек проход и сел напротив пассажира.

— Чертовски жарко,— сказал он.

— Да, очень жарко,— ответил человек, улыбнувшись ему.

— Здесь еще не ходят новые поезда, а?

— Нет,— ответил незнакомец,— еще не ходят.

— А у нас в Филли уже ходят,— сказал Келли.— Мы с моим другом оба оттуда. И Максо тоже.

Келли протянул руку.

— Меня зовут Келли, Стил Келли,— представился он.

Человек удивленно посмотрел на него и слабо пожал протянутую руку. Затем он незаметным движением вытер ладонь о штаны.

— Меня называли «стальной Келли»,— продолжал Келли.— Когда-то я сам занимался боксом. Еще до запрещения, конечно. Выступал в полутяжелом.

— Неужели?

— Совершенно верно. Меня называли «стальной», потому что никто не мог послать меня в нокаут. Ни разу.

— Понимаю,— вежливо ответил человек.

— Мой боксер.— Келли кивнул в сторону Максо.— Тоже в полутяжелом. Сегодня вечером выступаем в Мэйнарде. Вы не туда едете?

— Я — нет,— сказал незнакомец.— Я схожу в Хейесе.

— Ага. Очень жаль. Будет хорошая схватка.— Келли тяжело вздохнул.— Да, когда-то мой Максо был четвертым в своем весе. Но он снова вернется на ринг, обязательно вернется. Это он нокаутировал Димзи-Скалу в конце семьдесят седьмого. Вы, наверное, читали об этом?

— Вряд ли,— ответил незнакомец.

— Угу,— кивнул Келли.— Это было во всех газетах Восточного побережья. Нью-Йорк, Бостон, Филли. Самая большая сенсация года.

Он почесал лысину.

— Мой Максо — модель Б-два, то есть вторая модель, выпущенная Моулингом,— пояснил Келли.— Его выпустили еще в семидесятые годы. Да-да, в семидесятые.

— Вот как,— ответил незнакомец.

Келли улыбнулся.

— Да,— продолжал он.— Я и сам когда-то выступал на ринге. Тогда еще дрались люди, а не роботы. До запрещения.— Он

покачал головой, затем еще раз улыбнулся.— Ну что ж, мой Максо справится с этим Б-семь. Не знаю даже, как его зовут,— добавил Келли с бодрой улыбкой.

Внезапно его лицо потемнело и в горле застрял комок.

— Мы ему покажем,— прошептал он чуть слышно.

Когда незнакомец сошел с поезда, Келли вернулся на свое место. Он вытянул ноги, положил их на сиденье напротив и накрыл лицо газетой.

— Вздремну малость,— сказал он.

Поул хмыкнул.

Келли сидел, откинувшись назад, глядя невидящими глазами на газету перед самым носом. Он чувствовал, как Максо время от времени ударяет стальным боком по его плечу, и слышал скрип заржавленных суставов боксера-робота.

— Все будет в порядке,— пробормотал он ободряюще.

— Что ты сказал? — спросил Поул.

— Ничего. Я ничего не говорил.

В шесть часов вечера, когда поезд замер у перрона Мэйнарда, они осторожно опустили Максо на бетон и выкатили его на привокзальную площадь. С другой стороны площади их окликнул шофер одинокого такси.

— У нас нет денег на такси,— сказал Поул.

— Но не можем же мы катить его по улицам,— возразил Келли.— Кроме того, мы не знаем, где находится стадион Крюгера.

— А на какие деньги мы будем обедать?

— Отыграемся после боя,— сказал Келли.— Я куплю тебе бифштекс толщиной в три дюйма.

Тяжело вздохнув, Поул помог выкатить Максо на мостовую, такую раскаленную, что жар ощущался сквозь подошвы ботинок. У Келли опять проступили капельки пота на верхней губе, и он снова начал ее облизывать.

— Господи, и как они только здесь живут? — спросил он.

Когда они подняли Максо и начали втискивать его в такси, еще одно колесико отвалилось и упало на мостовую. Поул яростно пнул его ногой.

— Что ты делаешь? — озадаченно спросил Келли.

Поул молча влез в машину и прилип к горячей кожаной обшивке сиденья, а Келли по мягкой асфальтовой мостовой поспешил за катящимся колесиком и поймал его.

— Ну, куда, хозяин? — спросил шофер.

— Стадион Крюгера,— ответил Келли.

— Будет сделано.— Шофер протянул руку и нажал на кнопку стартера. Ротор загудел, и машина мягко заскользила по дороге.

— Какая муха тебя укусила? — спросил Келли вполголоса.— Больше чем полгода мы бились, чтобы заключить контракт, а теперь, когда нам наконец удалось, тебе все не по нраву.

— Тоже мне контракт,— проворчал Поул.— Мэйнард, штат Канзас,— боксерская столица Соединенных Штатов!

— Ведь это только начало, правда? — спросил Келли.— После этой схватки у нас будут деньги на хлеб и масло, верно? Мы приведем Максо в порядок. И если нам повезет, мы окажемся...

Поул с отвращением огляделся вокруг.

— Я не понимаю тебя,— спокойно продолжал Келли.— Почему ты так легко списываешь со счетов нашего Максо? Ты что, не хочешь его победы?

— Стил, я механик класса А,— сказал Поул притворно терпеливым голосом.— Механик, а не мечтатель. Наш Максо — это груда металлолома против самого современного Б-семь. Это вопрос простой механики, Стил, вот и все. Если Максо удастся сойти с ринга на своих двоих, считай, что ему необыкновенно повезло.

Келл сердито отвернулся.

— Это экспериментальный Б-семь,— пробормотал он,— экспериментальный, с массой недоделок.

— Конечно, конечно,— поспешил согласиться Поул.

Несколько минут они сидели молча, глядя на проносящиеся мимо дома. Келли сжимал кулаки, его плечо касалось стального плеча Максо.

— Вы видели в бою Мэйнардскую Молнию? — спросил Поул шофера.

— Молнию? Конечно видел! Да, ребята, это настоящий боец! Выиграл семь боев подряд! Даю голову на отсечение, он пробьется в чемпионы. Между прочим, сегодня вечером он дерется с каким-то ржавым Б-два с Восточного побережья.

Келли уставился на затылок шофера, мускулы на его скулах напряглись до боли.

— Вот как? — угрюмо пробормотал он.

— Да уж будьте спокойны, наша Молния разнесет...

Внезапно шофер замолчал и посмотрел на Келли.

— Послушайте, ребята, а вы не...— начал он, затем снова повернулся к рулю.— Я не знал, мистер,— сказал он примирительно,— я просто пошутил.

— Ладно, что там,— неожиданно сказал Поул.— Ты был прав.

Келли тотчас же повернулся к Поулу.

— Заткнись! — прошипел он сквозь зубы и уставился в окно. На его лице застыло каменное выражение.— Я куплю ему немного смазки,— сказал он после минутного молчания.

— Великолепно! — с сарказмом заметил Поул.— А мы сами будем есть инструменты.

— Иди к черту! — огрызнулся Келли.

Такси остановилось у входа в огромное кирпичное здание стадиона, и Максо вынесли на тротуар. Поул потянул робота на себя, и Келли, нагнувшись, вставил колесико. Затем Келли заплатил шоферу точно по счетчику, и они покатили Максо к входу.

— Посмотри,— сказал Келли, кивнув на огромный щит рядом с входом. Третья строка гласила: МЭЙНАРДСКАЯ МОЛНИЯ, Б-СЕМЬ, п/т, ПРОТИВ БОЕВОГО МАКСО, Б-ДВА, п/т.

— Это будет великая схватка,— сухо прокомментировал Поул.

Улыбка исчезла с лица Келли. Он повернулся к Поулу, чтобы оборвать его, но, сжав губы, промолчал.

Когда они подкатили Максо к двери и начали поднимать его по ступенькам, колесико снова выскочило и покатилось по тротуару. Ни один из них не сказал ни слова.

Внутри было еще жарче, чем на улице. Неподвижный воздух казался осязаемым.

— Захвати колесико,— бросил Келли и направился по коридору к стеклянной двери менеджера. Остановившись возле нее, он осторожно постучал.

— Войдите! — раздался голос.

Келли распахнул дверь и, сняв шляпу, вошел в комнату.

Толстый лысый человек, сидевший за огромным столом, поднял голову. На его лысине сверкали капельки пота.

— Я хозяин Боевого Максо,— сказал Келли, улыбаясь, и протянул руку. Человек за столом, казалось, не заметил ее.

— Я уж думал, вы не доберетесь вовремя,— сказал менеджер, мистер Водоу.— Ваш боксер в хорошей форме?

— В великолепной,— ответил Келли, не моргнув глазом.— Лучше быть не может! Мой механик — а у меня механик класса А — разобрал его и проверил все механизмы как раз перед самым отъездом из Филли.

На лице менеджера отразилось недоверие.

— Он в отличной форме,— еще раз повторил Келли.

— Вам чертовски повезло, что подвернулся контракт для вашего Б-два,— сказал мистер Водоу.— Вот уже больше двух лет на нашем ринге не выступал ни один робот ниже класса Б-четыре. Но боксер, которого мы наметили для этой схватки, попал в автомобильную катастрофу и погиб.

Келли сочувственно кивнул.

— Сейчас вам не о чем беспокоиться. Мой боксер в отличной форме. Вы, наверно, помните, как в Мэдисоне три года назад он нокаутировал Димзи-Скалу.

— Мне нужна хорошая схватка,— сказал толстяк.

— И вы ее получите,— ответил Келли, чувствуя тянущую боль в области желудка.— Максо великолепно подготовлен. Вы сами увидите. Он в отличной форме.

— Мне нужен хороший бой.

Несколько мгновений Келли молча смотрел на толстяка. Затем он спросил:

— У вас есть свободная раздевалка? Механик и я хотели бы сейчас поесть.

— Третья дверь по коридору направо,— ответил мистер Водоу.— Ваш бой начинается в восемь тридцать.

Келли кивнул.

— О'кей.

— И чтобы без опозданий,— добавил менеджер и снова склонился над столом.

— Э... а как относительно...— начал Келли.

— Деньги после боя,— прервал его мистер Водоу.

Улыбка исчезла с лица Келли.

— О'кей,— сказал он.— Увидимся после боя.

Поняв, что мистер Водоу не собирается отвечать, Келли повернулся к выходу.

— Не хлопайте дверью,— сказал менеджер, не поднимая головы.

Келли осторожно прикрыл за собой дверь.

— Пошли,— бросил он Поулу.

Вместе они подкатили Максо к раздевалке и, втащив его туда, поставил в угол.

— Теперь неплохо бы проверить его,— напомнил Келли.

— Теперь неплохо бы подумать о моем брюхе,— огрызнулся механик.— Я не ел уже целый день.

Келли тяжело вздохнул.

— Ну ладно, пошли,— сказал он.

Но ему трижды пришлось хлопнуть дверью, прежде чем он услышал щелканье замка. Наконец Келли пошел к выходу, качая головой. Машинально он поднял к лицу левую руку и посмотрел на запястье; там виднелся лишь бледный след от заложенных в ломбарде часов.

— Сколько времени? — спросил он механика.

— Шесть двадцать пять,— ответил Поул.

— Придется есть побыстрее. Нужно как следует проверить его перед схваткой.

— А зачем?

— Ты слышал, что я сказал? — Келли сердито посмотрел на Поула.

— Ну ладно, ладно.

— Он должен вырвать победу у этого сукина сына Б-семь,— процедил Келли, едва разжимая губы.

— Конечно. Зубами.

— Ну и город! — с отвращением бросил Келли, когда они после обеда отправились на стадион.

— Я же говорил тебе, что здесь нет машинного масла,— сказал Поул.— Зачем оно им? Б-два тут больше не выступают. Максо, наверно, единственный Б-два на тысячу миль в округе.

Келли быстро прошел по коридору и отомкнул дверь в раздевалку. Стоя на пороге, он повернулся к механику:

— Принимайся за работу, времени совсем в обрез.

Поул подошел к Максо, стащил с него брезентовый чехол, наклонился и начал отвертывать гайки. Аккуратно разложив их на скамье, он выбрал длинную отвертку и принялся за работу.

Келли задержал взгляд на кудрявой голове Максо. «Если бы я не видел, что у него внутри,— уже в который раз подумал Келли,— я не сумел бы отличить его от человека». Только механики знали, что боксеры-роботы модели Б — не настоящие люди.

Часто и зрители принимали их за людей, и тогда в редакции газет шли гневные письма с протестами против выступления людей на рингах страны, несмотря на запрет. Даже с кресел возле самого ринга движения боксеров-роботов, их волосы, кожа — все выглядело совершенно естественным. У Моулинга был специальный патент на все это.

При виде своего боксера Келли улыбнулся.

— Хороший парень,— пробормотал он.

Поул не слышал его слов. Он был поглощен работой, его искусные руки сновали в гуще проводов, проверяя контакты и реле.

— Ну как он, в порядке? — обеспокоенно спросил Келли.

— В полном порядке,— ответил механик. Он осторожно взял крошечную стеклянную трубочку в стальной оправе.— Если только эта штука не подкачает,— сказал он.

— Что это такое?

— Это субпара,— раздраженно объяснил Поул.— Я уже предупреждал тебя об этом восемь месяцев назад, когда Максо дрался последний раз.

Келли нахмурился.

— После этого боя мы ему купим новую,— сказал он.

— Семьдесят пять долларов,— прошептал Поул. Ему почудилось, как деньги улетают от него на зеленых крыльях.

— Не подкачает,— сказал Келли больше себе, чем Поулу.

Механик пожал плечами и вставил трубку обратно. Затем он утопил ряд кнопок на основном щитке управления. Максо шевельнулся.

— Осторожнее с левой рукой,— предупредил его Келли,— сбереги ее для боя.

— Если она не работает сейчас, она не будет работать и на ринге,— ответил Поул.

Он нажал еще одну кнопку, и левая рука Максо начала описывать небольшие концентрические круги. Затем Поул нажал кнопку, вводящую в действие защитную систему робота, и, отступив на шаг, нанес удар, целясь в правую часть подбородка Максо. Тотчас же рука робота стремительно поднялась вверх и прикрыла лицо. Левый глаз Максо сверкнул подобно рубину на солнце.

— Если левая глазная линза выйдет из строя...— пробормотал механик.

— Не выйдет,— сказал Келли, стиснув зубы.

Он не отрываясь смотрел, как Поул имитировал удар левой в голову. Чуть замешкавшись, рука взлетела вверх и парировала удар. Суставы робота заскрипели.

— Достаточно,— сказал Келли.— Левая рука действует. Проверь все остальное.

— В бою ему придется отразить больше чем два удара,— заметил механик.

— Левая рука в порядке,— отчеканил Келли.— Проверяй остальное, тебе говорят.

Поул засунул руку в грудную клетку Максо и включил ножные центры — ноги стали двигаться. Робот поднял левую ногу и выпрямил колесико. Затем он, покачиваясь, встал на обе ступни; он напоминал калеку, который после длительной болезни поднялся на ноги.

Поул протянул руку и нажал кнопку «На полную мощность», затем быстро отскочил назад. Глаза робота остановились на механике, и Максо начал скользить вперед, прикрывая лицо руками и высоко подняв плечи.

— Черт побери,— прошептал Поул,— скрип будет слышен даже в последних рядах зала.

Келли поморщился, прикусив губу. Он следил за тем, как Поул нанес удар справа и как Максо резким движением поднял руку для защиты. В горле у него все пересохло, ему стало трудно дышать.

Поул двигался быстро, робот неотступно шел за ним по пятам; его резкие судорожные движения контрастировали с мягкими плавными движениями человека.

— Да, он великолепен,— съязвил механик.— Действительно великий боксер!

Максо продолжал атаковать механика, подняв руки в защитной стойке. Поул изловчился и, наклонившись вперед, нажал кнопку «Стой». Максо замер.

— Послушай, Стил, мы должны поставить его на оборону,— сказал механик.— Если он попытается перейти в наступление, Б-семь разнесет его на куски.

Келли откашлялся.

— Нет,— сказал он.

— О господи, подумай хоть немного, Стил! — взмолился Поул.— Ведь Максо лишь Б-два, ему все равно крышка, так давай спасем хотя бы часть деталей!

— Они хотят, чтобы он наступал,— сказал Келли.— Так и записано в контракте.

Поул отвернулся.

— Кому все это нужно? — прошептал он.

— Проверь-ка его еще раз.

— Зачем? От этого лучше не будет.

— Делай, как тебе говорят! — закричал Келли, давая выход ярости, накопившейся в нем за день.

Поул послушно кивнул, повернулся к роботу и нажал кнопку. Левая рука Максо взлетела вверх, затем внутри что-то треснуло, и рука упала вниз, ударившись о бок с металлическим звоном.

Келли вздрогнул, на его лице застыла маска отчаяния.

— Боже мой! Ведь я тебя просил не трогать левую руку! — вырвалось у него.

Он подбежал к механику. Тот, побледнев, изо всех сил нажимал кнопку. Левая рука не двигалась.

— Я же говорил — оставь левую руку в покое! — заорал Келли.— Неужели не понятно...— Келли оборвал фразу на полуслове: голос отказал ему.

Поул не ответил. Он схватил отвертку и начал колдовать над щитком, прикрывающим механизм левой руки.

— Если ты сломал ему руку, клянусь богом, я...— заикаясь, начал Келли.

— Если я сломал руку! — огрызнулся механик.— Послушай, ты, безмозглая дубина! Эта развалина уже три года держалась на честном слове!

Келли сжал кулаки, его глаза налились кровью.

— Сними щиток,— приказал он.

— С-с-сукин сын,— шептал Поул дрожащим голосом, отворачивая последний болт на плечевом щитке.— Попробуй найди такого механика, который все эти годы ремонтировал бы этот экскаватор лучше меня! Найди хоть одного!

Келли не отвечал. Он стоял и смотрел, как механик снимает щиток.

Как только щиток был снят, пружина сломалась пополам, и кусок ее со звоном отлетел в другой угол комнаты.

Поул хотел что-то сказать, но не мог. Как зачарованный, он смотрел, не отрываясь, на пепельное лицо Келли.

Келли повернулся к механику.

— Почини его,— сказал он хриплым голосом.

Поул с трудом проглотил слюну.

— Стил, я не...

— Почини его!

— Я не могу, Стил! Эта пружина латалась уже столько раз, что ее больше нельзя чинить, на ней живого места нет!

— Ты ее сломал. Теперь почини! — Пальцы Келли тисками сжали руку механика.

Поул рванулся в сторону.

— Отпусти меня!

— Что с тобой, Поул? — неожиданно тихо спросил Келли.— Ты ведь знаешь, что мы должны починить эту пружину! Должны!

— Стил, нам нужна новая пружина.

— Так найди ее!

— А где? В этом городе нет таких пружин, Стил! И кроме того, у нас нет шестнадцати долларов...

— О... боже мой,— прошептал Келли.

Его рука разжалась и бессильно повисла. Он повернулся, нетвердыми шагами направился к скамье, сел и долго смотрел на высокую неподвижную фигуру Максо.

Поул тоже застыл на месте с отверткой в руках. Он не мог отвести взгляд от лица Келли, полного отчаяния.

— Может быть, он не выйдет в зал смотреть схватку,— чуть слышно прошептал Келли.

— Что?

Келли поднял голову и посмотрел на механика. Его лицо внезапно похудело и осунулось, бескровные губы сжались в узкую серую черту.

— Если он не выйдет в зал посмотреть схватку, может, и сойдет,— отчеканил он.

— О чем ты говоришь?

Келли встал и начал расстегивать рубашку.

— Что ты хо...— Поул, не договорив, замер с открытым ртом.— Ты сошел с ума! — прошептал он.

Келли расстегнул рубашку и начал ее стаскивать.

— Стил, ты сошел с ума! — закричал Поул.— Ты не имеешь права делать это!

Келли продолжал раздеваться.

— Но... Стил... послушай, Стил, ведь это убийство...

— Если мы не выставим боксера, нам не дадут ни копейки,— сказал Келли.

— Но ведь он убьет тебя!

Келли стянул майку и бросил ее на скамью. Его широкая грудь была покрыта густыми рыжими волосами.

— Придется сбрить волосы,— бросил он.

— Стил, не делай глупостей,— сказал Поул умоляющим голосом.— Ведь ты...

Широко раскрытыми от ужаса глазами он смотрел, как Келли сел на скамейку и начал расшнуровывать ботинки.

— Они не позволят тебе,— внезапно начал Поул.— Ты не сумеешь провести их...— Он замолчал и сделал неуверенный шаг.— Стил, ради бога...

Келли окинул механика мертвым взглядом.

— Ты поможешь мне,— сказал он.

— Но ведь они...

— Никто не знает, как выглядит Максо. И один только Водоу видел меня. Если он останется у себя в конторе и не выйдет посмотреть бой, все будет в порядке.

— Но...

— Они не догадаются. Роботы тоже получают синяки, у них тоже течет кровь.

— Стил, перестань,— сказал Поул дрожащим голосом. Пытаясь овладеть собой, он сделал глубокий вдох и опустился на скамью рядом с широкоплечим ирландцем.

— Послушай, Стил,— сказал он,— в Мэриленде у меня живет сестра. Если я отобью телеграмму, она вышлет нам деньги на обратную дорогу.

Келли выпрямился и расстегнул пояс.

— Стил, я знаю парня в Филли, который по дешевке продаст Б-пять,— в отчаянии продолжал Поул.— Мы соберем деньги и... Стил, ну ради бога! Он же тебя убьет! Ведь это Б-семь! Неужели ты не понимаешь? Это Б-семь! Он изувечит тебя одним ударом!

Келли подошел к Максо и начал стаскивать с него трусы.

— Я не позволю тебе, Стил,— сказал Поул.— Сейчас я пойду и...

Он умолк, потому что Келли, внезапно повернувшись, схватил его за воротник рубашки и поднял на ноги. В глазах Келли не было и проблеска человечности, а хватка напоминала объятия бездушной машины.

— Пятьсот долларов! — прошипел Келли.— Ты мне поможешь, или я разобью твою голову о стену!

— Тебя убьют,— прошептал Поул, задыхаясь.

— Вот и хорошо,— ответил Келли.

Мистер Водоу вышел в коридор в тот момент, когда Поул вел покрытого брезентом Келли к рингу.

— Быстрее, быстрее,— сказал мистер Водоу,— вы заставляете публику ждать.

Поул судорожно кивнул и быстрее повел Келли по коридору.

— А где хозяин робота? — крикнул вдогонку мистер Водоу.

Поул проглотил внезапно набежавшую слюну.

— В зале,— торопливо ответил он.

Мистер Водоу что-то пробормотал, и Поул услышал, как захлопнулась дверь его конторы.

— Надо было сказать ему,— прошептал он.

— Я бы тебя убил на месте,— послышался сдавленный голос из-под брезента.

Когда они повернули за угол, из зала донесся рев многотысячной толпы. Келли почувствовал, как по его виску потекла струйка пота.

— Послушай, Поул,— сказал он,— тебе придется вытирать меня в перерыве между раундами.

— В перерыве между какими раундами? — спросил механик.— Ты и одного не продержишься.

— Заткнись!

— Стил, ты думаешь, что тебе предстоит обычный бой с хорошим боксером? — спросил Поул.— Не строй иллюзий — ты будешь драться с машиной, понимаешь, с машиной! Разве ты...

— Я сказал, заткнись!

— Хорошо, болван ты этакий. Но ведь если я буду вытирать тебя в перерыве, все догадаются.

— Они не видели Б-два уже много лет,— напомнил Келли.— Если кто-нибудь спросит, отвечай, что протекает масло.

— Хорошо,— сказал Поул, нервно облизывая губы.— Стил, ты не сможешь...

Конец фразы внезапно потонул в реве тысячи глоток — они вошли в огромный зал. Теперь они спускались к рингу по наклонному проходу среди жаркого шумного моря зрителей. Келли старался подтягивать колено к колену и шагать рывками. Со всех сторон неслись выкрики:

— Его увезут отсюда в ящике!

— Посмотрите-ка на этого Ржавого Макса!

Но чаще всего раздавалось неизбежное: «Куча металлолома!»

Келли чувствовал, что его колени стали ватными. «Господи, как хочется пить»,— подумал он. Моментально в его мозгу возникла картина бара в Канзас-Сити: тускло освещенное помещение рядом с вокзалом, свежий ветерок, холодная, покрытая изморозью бутылка пива в руке. За последний час он не выпил ни капли воды. Он знал, что чем меньше выпьет, тем меньше будет потеть.

— Внимание! — услышал он голос Поула, механик сжал его локоть.— Ступеньки ринга,— прошептал Поул.

Келли осторожно поднялся по ступенькам и протянул руку. Она коснулась канатов ринга. Очень трудно пролезать между канатами в тесном брезентовом чехле. Келли споткнулся и едва не упал. Раздался оглушительный свист. Поул подвел его к своему углу, и Келли судорожно опустился, вернее, почти упал на табуретку.

— Эй, что делает на ринге этот подъемный кран? — закричал какой-то остряк из второго ряда. Смех и аплодисменты, затем снова свист.

В следующее мгновение Поул стянул с Келли чехол, и он увидел перед собой противника.

Келли замер, глядя на Мэйнардскую Молнию.

Б-7 стоял неподвижно, его руки, закованные в черные боксерские перчатки, висели по бокам. Волосы, лицо, мускулы на руках и ногах казались идеальными. Боксер походил на окаменевшего Адониса. На секунду Келли показалось, что он перенесся в прошлое и снова стоял на ринге, принимая вызов молодого соперника. Осторожно, стараясь не выдать себя, он проглотил слюну.

— Стил, не надо,— прошептал Поул, делая вид, что закрепляет наплечную пластинку.

Келли не ответил. Не отрываясь, он смотрел на Мэйнардскую Молнию, думая о том, сколько разнообразных, мгновенно действующих реле и переключателей скрыто у того в широкой груди. Ноги у него были как лед. Казалось, какая-то холодная рука внутри его тянула за обрывки мускулов и нервов.

Краснолицый мужчина в белоснежном костюме вскарабкался на ринг и протянул руку к спустившемуся сверху микрофону.

— Итак, дамы и господа, первый номер нашей сегодняшней программы — схватка в десять раундов, полутяжелый вес,— объ-

явил он хриплым голосом.— В красном углу — Б-два, Боевой Максо из Филадельфии!

Раздался свист и топот тысячи ног. Зрители из ближних рядов кидали в Келли бумажные стрелы и кричали: «Металлолом!»

— В синем углу — его соперник, наш Б-семь, Мэйнардская Молния!

Одобрительные крики и громкие аплодисменты. Механик Мэйнардской Молнии коснулся кнопки на груди робота, и тот вскочил, сделав победный жест — поднял руки над головой. Толпа загудела от восторга.

— Господи, я никогда не видывал ничего подобного! — прошептал Поул.— Это что-то новое.

— За этим боем последуют еще три схватки,— объявил краснолицый мужчина и начал спускаться с ринга. Микрофон поднялся вверх, под купол арены.

На ринге остались только боксеры. За боем роботов не наблюдает рефери — если робот падает, он уже больше не может встать на ноги.

— Стил, это твой последний шанс,— прошептал Поул.

— Отойди,— прошипел Келли, не разжимая губ.

Поул взглянул на Келли, на его застывшие глаза и тяжело вздохнул.

— По крайней мере, старайся держать его на дистанции,— едва слышно пробормотал механик, пролезая под канатами.

В противоположном углу ринга боксер-робот стоял, ударяя перчаткой о перчатку, подобно молодому бойцу, которому не терпится вступить в схватку. Келли встал, и Поул убрал с ринга табуретку. Глаза Мэйнардской Молнии неотрывно смотрели на Келли, и тот снова ощутил неприятный холодок внизу живота.

Ударил гонг.

Б-7 мягким шагом двинулся из своего угла навстречу Келли, подняв руки в классической защитной стойке, описывая перчатками концентрические круги. Келли тоже двинулся к центру ринга, едва волоча внезапно отяжелевшие ноги. Он почувствовал, как его руки автоматически выдвинулись вперед — левая закрыла локтем живот, а правая перчатка прикрыла челюсть. Глаза Келли были прикованы к лицу Мэйнардской Молнии.

Человек и робот сблизились. Левая перчатка Б-7 устремилась вперед, и Келли машинально парировал удар, даже через перчат-

ку почувствовав гранитную твердость кулака противника. Робот мгновенно отступил назад и тут же выбросил вперед левую руку. Келли уклонился, и ветерок от молниеносного движения перчатки противника коснулся его щеки. В следующее мгновение Келли увидел брешь в обороне соперника, и его левая нацелилась прямо в лицо Мэйнардской Молнии. Казалось, Келли с размаху ударил по дверной ручке. Острая боль пронзила левую кисть, и Келли стиснул зубы, пытаясь удержать гримасу.

Б-7 сделал обманное движение левой, и Келли, поддавшись на обман, уклонился от удара. У него уже не было времени защититься от удара правой, которая стремительным движением рассекла воздух и, скользнув по правому виску, ободрала его. Непроизвольно Келли откинул голову назад, и в ту же секунду левый кулак робота съездил ему по уху. Келли пошатнулся, но удержался на ногах и попытался атаковать прямым слева. Робот легко уклонился, сделав шаг в сторону. Келли двинулся за ним и нанес сильнейший апперкот в челюсть противника. Снова острая боль пронзила кисть руки. Робот даже не пошатнулся, продолжая свое методичное наступление. Обманное движение левой, и тяжелый удар правой обрушился на плечо Келли.

Инстинктивно Келли сделал два шага назад и услышал, как кто-то в зале завопил: «Сядь лучше на велосипед!» В следующий миг он вспомнил предупреждение мистера Водоу насчет хорошей схватки и снова двинулся вперед.

Свинг левой попал в грудь, и удар потряс Келли. Боль раскаленными иглами вонзилась в сердце. Он тут же судорожно ударил левой, и кулак попал роботу прямо в нос. Ничего, кроме боли. Келли сделал шаг назад, и кулак Б-7 ударил его в грудь. Сила удара заставила его отшатнуться, и тут же последовал новый удар — в плечо. Келли потерял равновесие и сделал несколько шагов назад. Толпа загудела. Б-7 двинулся вслед за Келли, плавно и совершенно беззвучно.

Келли удалось восстановить равновесие. В следующее мгновение он сделал обманное движение левой и нанес сильнейший удар правой. Робот молниеносно уклонился, и Келли по инерции развернулся влево. Б-7, оценив представившуюся возможность, тут же ударил левой по правому плечу боксера. Келли успел почувствовать, как онемевшая рука опускается, и в следующее мгновение гранитный кулак Мэйнардской Молнии погрузился в живот боксера. Келли согнулся, как паяц, пытаясь закрыть лицо

руками. Глаза робота, неотрывно следившие за боксером, сверкнули.

В тот момент, когда робот двинулся вперед, чтобы нанести решающий удар, Келли сделал шаг в сторону, и фотоэлементы глаз Б-7 потеряли его. Еще два шага, и Келли разогнулся, стараясь отдышаться. Воздух с хрипом врывался в его измученные легкие.

— Металлолом! — раздалось из зала.

В горле у Келли пересохло, он судорожно глотнул и двинулся в атаку в то самое мгновение, когда глаза Мэйнардской Молнии снова нашли его. Келли сделал быстрый шаг вперед, надеясь опередить электрический импульс, и сильно ударил правой. Левая перчатка соперника тут же взметнулась вверх, и удар Келли был отбит. Тотчас же правая Мэйнардской Молнии снова заставила Келли согнуться пополам и уйти в глухую защиту. Он отшатнулся, Б-7 последовал за ним, сохраняя дистанцию. Всхлипнув, Келли начал наносить удары наугад, но Б-7 отражал слепые удары и наносил встречные, не сильные, но точно поражающие цель. Голова Келли каждый раз дергалась. Келли видел, как Б-7 готовит сильнейший удар правой — видел, но уже не мог парировать его.

Удар в голову был подобен удару стального молота. Лезвия боли впились в мозг Келли. Казалось, черное облако опустилось на ринг. Его сдавленный крик утонул в реве многотысячной толпы, требовавшей, чтобы Б-7 добил его. Келли покачнулся и оперся на канаты, которые спасли его от падения. Жесткая веревка впилась в поясницу, а из носа и рта потекла яркая кровь, очень похожая на краску, применяемую для большего правдоподобия у боксеров-роботов.

Какое-то неуловимое мгновение Келли бессильно висел на канатах, пытаясь защититься свободной левой рукой. Он зажмурился несколько раз, пытаясь сфокусировать зрение. Я — робот, беззвучно кричали его кровоточащие губы, я — робот!

Новый удар Мэйнардской Молнии попал в грудь, на несколько сантиметров выше солнечного сплетения. Чуть-чуть ниже, и Келли не удержался бы на ногах. Однако и этот удар заставил его задохнуться. Тут же правая робота опустилась на голову Келли, снова отбросив его к канатам. Толпа оглушительно заревела.

Как будто в тумане, перед Келли маячил силуэт Мэйнардской Молнии. Еще один удар в грудь, будто дубиной, затем новый в плечо. Келли успел парировать правый хук робота подня-

тым плечом и сам ударил прямым справа. Б-7 легко отразил удар и ответил прямым в живот. Келли снова согнулся, не в силах вздохнуть. Еще удар в голову, и Келли отлетел к канатам. Он чувствовал соленый вкус крови во рту, оглушительный рев толпы поглотил его подобно безбрежному океану. «Стой,— беззвучно кричал он,— стой! Только бы устоять, только бы не упасть... Пятьсот долларов...» Ринг покачивался перед Келли подобно черной воде.

Отчаянным усилием он выпрямился и из последних сил ударил в это красивое лицо. Что-то громко хрустнуло, и руку пронизала нестерпимая боль. Хриплый вскрик Келли остался незамеченным в оглушительном реве зрителей. Правая рука бессильно опустилась.

— Прикончи его, Молния, прикончи его!

Теперь их отделяло всего несколько дюймов. Б-7 обрушил на Келли град ударов, ни один из которых не прошел мимо цели. Келли качался взад-вперед, как тряпичная кукла, но продолжал стоять на ногах. Кровь текла по его лицу и груди алыми лентами. Руки бессильно висели по бокам, он ничего не видел. Из внешнего мира до его сознания доходил лишь рев толпы и бесконечные тяжелые удары. «Держись,— думал он.— Держись. Держись. Держись. Я должен выдержать, должен!» Он попытался втянуть голову в плечи.

Келли продолжал стоять, когда за семь секунд до конца первого раунда правая рука Мэйнардской Молнии, подобно молоту, ударила в челюсть, и он рухнул на пол.

Келли лежал, судорожно хватая воздух широко открытым ртом. Внезапно он попытался встать и затем так же внезапно осознал, что не может. Он снова опустился на окровавленный пол ринга. Голова разрывалась на тысячу частей. Рев и свист толпы доносились откуда-то издалека.

Когда Поул сумел наконец поднять Келли и накинуть на него брезентовый чехол, толпа свистела и ревела так громко, что Келли не слышал слов механика. Он чувствовал, как большая рука бережно поддерживает его, но его ноги сдали, и, когда Келли пролезал под канатами, он едва не упал. «Держись,— билось в его мозгу,— держись. Мы должны показать хорошую схватку. Нам нужна хорошая схватка. Человек против робота».

В раздевалке Келли бессильно опустился на цементный пол и потерял сознание. Поул попытался поднять его и посадить

на скамью, но тяжелая ноша оказалась ему не под силу. Наконец он сложил вдвое свой пиджак и подсунул его под голову Келли вместо подушки. Затем, встав на колени, механик начал вытирать ручейки крови на груди и лице боксера.

— Ах ты кретин,— бормотал он дрожащим голосом,— безмозглый ты дурень.

Через несколько минут Келли открыл глаза.

— Иди,— прошептал он едва слышно,— иди за деньгами.

— Что?

— Деньги! — прохрипел Келли из последних сил.

— Но...

— Немедленно! — рыкнул Келли.

Поул выпрямился и несколько секунд не отрываясь смотрел на изувеченного боксера. Затем повернулся и вышел.

Келли лежал, тяжело дыша. Он не мог шевельнуть правой рукой: знал, что она сломана. Из носа и рта продолжала течь кровь. Боль пульсировала в его теле, все оно было как одна сплошная рана.

Через некоторое время ему удалось приподняться на локте и повернуть голову. Наболевшие мускулы шеи мешали ему, но Келли поворачивал голову до тех пор, пока не увидел стоящего в углу Максо. Убедившись, что с роботом ничего не случилось, Келли снова опустился на холодный пол. Губы исказились в подобии улыбки.

Когда Поул вернулся, Келли опять поднял голову. Механик подошел и, опустившись рядом с ним на колени, снова начал вытирать лицо боксера.

— Ты получил деньги? — спросил Келли хриплым шепотом.

Поул тяжело вздохнул.

— Ну?

Поул с трудом проглотил комок в горле.

— Только половину,— сказал он.

Глаза Келли уставились невидящим взглядом в лицо механика, рот приоткрылся. Казалось, он не верит своим ушам.

— Он сказал, что не будет платить пять сотен за один раунд.

— Что ты говоришь? — раздался наконец голос Келли.

Пытаясь встать, он оперся на правую руку. Смертельно побледнев, Келли с приглушенным криком рухнул на пол. Голова глухо ударилась о сложенный пиджак.

— Не может... не может... этого быть,— прохрипел Келли.

Поул нервно облизнул сухие губы.

— Стил... ничего нельзя поделать... Там с ним несколько парней... типичные гангстеры...— Он опустил голову.— А если он узнает, как было дело, он может забрать все... не дать ни цента...

Лежа на спине, Келли не отрываясь смотрел на голую электрическую лампочку под потолком. Грудь его содрогалась от рыданий.

— Нет,— шепнул он.— Нет...

Прошло несколько минут, долгих, как часы. Поул встал, принес воды, вытер лицо Келли и дал ему напиться. Затем он открыл свой чемоданчик с инструментами и пластырем заклеил раны на его лице. Правую руку Поул уложил в импровизированный лубок.

Через четверть часа Келли поднял голову.

— Мы поедем на автобусе,— сказал он.

— Что?

— Мы поедем на автобусе,— медленно повторил Келли.— Это нам встанет только в пятьдесят шесть зелененьких.— Он пошевелился и поднял голову.— Тогда у нас останется почти две сотни. Мы купим ему... новую пружину... и линзу фотоглаза... и...— Комната снова окуталась черным туманом, он мигнул и закрыл глаза.— И масляной смазки,— добавил он немного погодя.— Целую ванну масла. Он снова будет... будет как новенький...

Келли перевел взгляд на механика и продолжал:

— И он снова будет в порядке. Он будет, как и раньше, в отличной форме. И мы обеспечим его хорошими схватками.— Келли замолчал и с трудом вздохнул.— Его нужно только немного подремонтировать. Новая пружина, линза — это поставит его на ноги. Мы покажем этим мерзавцам, что может сделать Б-два, наш старый добрый Максо. Верно?

Поул посмотрел на лежащего ирландца и тяжело вздохнул.

— Конечно, Стил,— сказал он.

Визит к Санта-Клаусу

Всю дорогу, пока они шли через темную стоянку, Ричард не переставал обиженно хныкать.

— Ну хватит,— прикрикнула Элен, когда они подошли к машине.— Сходим во вторник. Сколько раз повторять?

— Хочу к нему сейча-а-ас,— проревел Ричард.

Кен полез за ключами, стараясь не рассыпать зажатые в руках свертки.

— Ладно,— не выдержал он,— я его свожу.

— Ты это о чем? — Элен поудобнее перехватила свои свертки, от гулявшего по стоянке ледяного ветра ее колотила дрожь.

— Говорю, свожу его прямо сейчас,— сказал он, нащупывая замок в дверце.

— Сейчас? Сейчас уже поздно. Почему ты не сводил его, пока мы были в магазине? Тогда у нас было полно времени.

— Ну так свожу его сейчас. Какая разница?

— Хочу к Санта-Клаусу! — вмешался Ричард, умоляюще глядя на Элен.— Мам, хочу к Санте прямо сейчас!

— Только не сейчас, Ричард.— Элен отрицательно покачала головой. Она бросила свои свертки на переднее сиденье и со стоном потянулась.— Ну хватит уже, я сказала,— предостерегающе произнесла она, потому что Ричард снова принялся ныть.— Мамочка слишком устала, чтобы идти обратно в магазин.

— А тебе и не надо идти.— Кен бросил свои свертки туда же.— Я сам его свожу.

Он включил в машине свет.

— Мама, можно, мамочка? Пожалуйста!

© Перевод Е. Королевой.

Элен расчистила для себя местечко на сиденье и опустилась на него с усталым стоном. Он заметил, что прядь растрепанных каштановых волос прилипла ко лбу, что комочки помады сбились в уголках рта.

— И с чего ты вдруг передумал? — произнесла она измученно.— Я сто раз просила сводить его к Санте, пока мы были в магазине.

— Бог ты мой, какая разница? Неужели ты хочешь ехать сюда во вторник только ради того, чтобы сходить к Санта-Клаусу?

— Нет.

— Ну, в таком случае...

Он заметил, что у нее съехали чулки. Элен выглядела старой и изможденной в тусклом свете, отчего у него внутри зародилось какое-то странное ощущение.

— Пожалуйста, можно, мама? — умолял Ричард, словно Элен была самым главным человеком на свете, подумал Кен, словно бы он, отец, вообще не в счет. Что ж, возможно, именно так и есть.

Элен угрюмо посмотрелась в лобовое стекло, затем откинулась назад и выключила свет. Два часа в толпе взбесившихся рождественских покупателей, издерганных продавцов, с Ричардом, непрерывно требующим идти к Санте, и с Кеном, который, будто нарочно выводя ее из себя, отказывался это сделать, доконали ее.

— А мне чем тут заниматься, пока вы ходите? — спросила она.

— Ради бога, Элен, это займет всего несколько минут.

Весь вечер Кен был как на иголках, то делался отстраненным и молчаливым, то дергал по любому пустяку ее и Ричарда.

— Ну идите тогда,— она прикрыла ноги полой пальто,— и, пожалуйста, побыстрее.

— Санта-Клаус, Санта-Клаус! — завопил Ричард, радостно дергая отца за пальто.

— Ладно-ладно! — вспыхнул Кен.— Ради бога, перестань меня дергать!

— «Радость в мире. Господь родился»,— произнесла Элен, но в ее вздохе угадывалось раздражение.

— Ну все-все.— Кен схватил Ричарда за руку.— Пойдем.

Элен прикрыла дверцу машины, но, отметил Кен, не нажала на кнопку, блокирующую замок. Хотя, конечно, она может

сделать это, когда они уйдут. «Ключи!» — вспыхнула мысль, и он сунул руку в карман пальто, дрожащие пальцы сомкнулись на холодном металле. В горле пересохло, легкие прерывисто втягивали прохладный воздух, а сердце било изнутри кулаком. «Полегче,— велел он себе,— просто... успокойся».

Кен знал, что нельзя оглядываться. Это все равно что бросить прощальный взгляд на похоронах. Он поднял глаза вверх, нарочно стараясь не отрывать их от сверкающей неоновой гирлянды на крыше универмага. Рука едва чувствовала ладошку Ричарда. Другая рука сжимала в кармане ключи от машины. Он не станет оглядываться назад, не станет...

— Кен!

Его тело дернулось в судороге, когда голос Элен слабо прозвучал над большой стоянкой. Он рефлекторно обернулся и увидел, что она стоит у «форда» и смотрит им вслед.

— Оставь ключи! — крикнула она.— Я подгоню машину к главному выходу, чтобы вам не идти опять через всю стоянку.

Он непонимающе уставился на нее, мышцы живота мгновенно окаменели.

— Тут...— Он откашлялся, почти с яростью.— Тут не так уж и далеко! — выкрикнул он в ответ.

Кен отвернулся раньше, чем она успела ответить, и заметил, как Ричард посмотрел на него. Сердце колотило дубинкой по стенкам грудной клетки.

— Мама зовет,— сказал Ричард.

— Ты хочешь увидеть Санта-Клауса или нет? — резко спросил Кен.

— Д-да.

— Тогда помолчи.

Он снова с трудом сглотнул и ускорил шаг. Ну почему это должно произойти? Дрожь прошла по спине. Он еще раз поглядел на неоновые огоньки, но перед глазами по-прежнему стояла Элен, рядом с машиной, в своем зеленом вельветовом пальто, одна рука чуть вскинута вверх, глаза устремлены на него. Он все еще слышал голос — «...чтобы вам не идти опять через всю стоянку...» — слабый и жалобный, пробивающийся сквозь порывистый ночной ветер.

Он чувствовал теперь, как этот ветер холодит щеки, пока их с Ричардом ботинки хрустели вразнобой по посыпанному гравием асфальту. Шестьдесят метров. До магазина примерно шестьдесят метров. Это что, захлопнулась дверца их машины? Элен

наверняка рассердилась. Если она нажмет на кнопку, будет гораздо сложнее...

Человек в темной шляпе с опущенными полями стоял в конце прохода. Кен сделал вид, словно не замечает его, но ему вдруг показалось, что ветер затих и что он будто бы очутился вне атмосферы, вышагивая в ледяной тьме, где царил едва ли не вакуум. Что-то сжимало сердце, лишая легкие способности удерживать воздух.

— А Санта-Клаус любит меня? — спросил Ричард.

Грудь Кена вздымалась, борясь за вдох.

— Да, да, любит.

Человек просто стоял на месте, глядя в небо, обе руки глубоко погружены в карманы клетчатого пальто, можно подумать, он ждет, пока жена выйдет из магазина. Но это не так. Пальцы Кена онемели, сжимая ключи. Ноги походили на тяжелые бревна, несущие его к этому человеку.

«Я не стану этого делать»,— подумал он внезапно. Он всего лишь пройдет мимо человека, отведет Ричарда к Санта-Клаусу, вернется к машине, поедет домой и обо всем забудет. Последние силы словно покинули его. Элен одна в «форде», сидит рядом с рождественскими подарками, дожидаясь возвращения мужа и сына. От этой мысли во всем теле возникло странное электрическое покалыванье. «Я просто не стану этого делать». Он услышал эти слова так, как если бы кто-то четко произнес их у него в голове. «Я просто не стану...»

Рука, сжимавшая ключи, теряла чувствительность и холодела по мере того, как он, сам того не сознавая, все сильнее перекрывал поток крови, идущий к пальцам.

Он должен это сделать, это единственный выход. Он не станет возвращаться в то доводящее до исступления отчаяние, которое было его настоящим, в бескрайний мрак, который был его будущим. Накопившаяся ярость отравляла его изнутри. Это необходимо сделать ради собственного здоровья, ради того, что еще осталось от его жизни.

Они достигли конца прохода и прошагали мимо человека.

— Папа,— закричал Ричард,— ты уронил ключи!

— Идем! — Он потянул сына за руку, не позволяя тому оглянуться через плечо.

— Но ты же уронил, папа!

— Я сказал...

Кен внезапно умолк, когда Ричард вырвался и побежал к тому месту, где на асфальте лежали ключи. Он беспомощно посмотрел на человека, который уже было сделал шаг. Человек вроде бы слегка пожал плечами, но Кен не мог различить выражение лица под полями шляпы.

Ричард подбежал к нему с ключами.

— Вот, папа!

Кен дрожащими пальцами опустил их в карман пальто, болезненная судорога сжала внутренности. «Ничего не выйдет»,— подумал он, ощущая одновременно боль разочарования и угрызения совести.

— Скажи «спасибо»,— велел Ричард, опять хватая отца за руку.

Кен молча застыл в нерешительности, вновь держась за ключи в кармане. Все мышцы напрягались, увлекая его к человеку в шляпе, но он знал, что не может к нему подойти. Ричард увидит.

— Пойдем, папа,— торопил Ричард.

Кен быстро развернулся, лицо стало похоже на гипсовую маску, когда он двинулся к магазину. Голова кружилась, а больше он не чувствовал ничего. «Все кончено! — думал он в горестном гневе.— Кончено!»

— Скажи «спасибо», папа.

— Да когда же ты...

Звук собственного голоса заставил его вздрогнуть, он сжал трясущиеся губы, перекрывая дорогу истерическому потоку слов. Ричард замолчал, с опаской поглядывая на угрюмого родителя.

Они были уже недалеко от входа в магазин, когда человек в клетчатом пальто обогнал их, задев Кена.

— Пршу прщения,— пробормотал человек на ходу, и как будто совершенно случайно его рука грубо проехалась по карману Кена, давая понять: я все еще готов забрать ключи.

И человек подпрыгивающей походкой направился дальше к магазину. Кен смотрел ему вслед и ощущал себя так, словно щеки сдавила чья-то пара рук. «Нет, еще не кончено». Он даже не знал, рад он или нет. Кен увидел, как человек встал перед одним из двух входов по бокам от центральной вращающейся двери. Вот сейчас, сказал он себе, это должно произойти сейчас. Он снова вынул ключи.

— Я хочу пройти здесь, папа!

Ричард тянул его в сторону вращающейся двери, которая увлекала в гудящую толпу одних и выплевывала в морозный вечер других.

— Слишком много народу,— услышал он собственный голос, но так, как будто говорил кто-то посторонний. «Это мое будущее,— твердил он про себя,— мое будущее».

— Здесь мало народу, папа!

Он не стал спорить. Просто дернул Ричарда к боковой двери. И когда Кен толкал дверь кулаком с зажатыми в нем ключами, он ощутил, как чужая рука вынула их из его пальцев.

Через секунду они с Ричардом оказались в шумном, залитом ярким светом магазине, а дело было сделано.

Кен не оглядывался через плечо, однако знал, что человек уже возвращается на темную парковку, идет по проходу туда, где стоит их «форд».

В один жуткий миг ему показалось, что он сейчас закричит на весь магазин. Тяжелая слабость навалилась на него, он едва не завыл и не кинулся в ночь догонять человека в шляпе. Нет, я передумал, я не хочу этого! В этот миг все, что он ненавидел в Элен и в своей жизни с ней, как будто растворилось, и все, что он помнил,— это то, как она хотела подогнать машину к главному входу, чтобы они с Ричардом не *шли* обратно через холодную, продуваемую ветром стоянку.

Но затем Ричард потянул его в тепло, в шум, в толчею, и Кен, борясь с дурнотой, поплелся за ним, все дальше углубляясь в недра магазина. На балконе второго этажа звенели колокольчики: «Радость в мире. Господь родился». Так она сказала. Он ощущал головокружение и боль, со лба потекли струйки пота. Теперь пути назад не было.

Он остановился посреди зала и привалился к колонне, ноги стали ватными. «Слишком поздно,— думал он,— слишком поздно». Теперь уже ничего нельзя сделать.

— Я хочу к Санта-Клаусу, папа.

Струя воздуха вырывалась из раскрытого рта Кена.

— Да,— отозвался он, слабо кивая.— Конечно.

Он старался двигаться дальше, ни о чем не думая, но оказалось, что это невозможно. Перед мысленным взором то и дело мелькали картинки. Тот человек идет по широкому проходу к «форду». Вот он сверяет номер с номером на брелоке ключей, убеждается, что это нужная машина. Лицо человека выглядит так, как и накануне вечером в баре на Мейн-стрит: худощавое,

бледное, циничное. Рыдание зародилось в горле Кена, но он подавил его. «Санта-Клаус, Санта-Клаус». «Элен»,— мысленно воскликнул он с тоской.

«К ВОЛШЕБНОМУ ДОМИКУ САНТА-КЛАУСА!» Как под наркозом, он брел к уходящему вниз эскалатору, Ричард бежал и подскакивал рядом, радостным шепотом повторяя себе под нос:

— Санта-Клаус, Санта-Клаус.

Что переживет Ричард, когда его мама вдруг...

«Хватит!»

Он заставил себя взбодриться — если уж нельзя не думать, надо думать о будущем, а не об этом. Он решился на такое дело не для того, чтобы бессмысленно провалить его, когда все уже на мази. У него же были причины, это ведь не просто слепая жестокость.

Они ступили на эскалатор. Ричард изо всех сил вцепился ему в руку, но Кен это едва чувствовал. Южная Америка и Рита, вот о чем нужно думать. Двадцать пять тысяч по страховке, девушка, которую он хотел еще в колледже и никогда не переставал хотеть, будущее без унизительной гонки, цель которой — хотя бы на шаг опережать кредиторов. Свобода, простые радости и отношения, которые не будут испорчены ежедневными ссорами по мелочам.

Кен рассматривал лица людей на встречном эскалаторе: усталые, раздраженные, счастливые, пустые. «Полночь ясная настала»,— принялись вызванивать колокольчики. Он смотрел прямо перед собой, думая о Рите и Южной Америке. Когда он думал об этом, все становилось гораздо проще.

Звон колокольчиков остался позади и совершенно потерялся в безудержно веселом мужском хоре, поющем а капелла «Бубенцы звенят». Ричард принялся нетерпеливо подскакивать, как только они сошли с эскалатора, и Кен вдруг поймал себя на том, что снова думает об Элен. «Динь-динь-дон, динь-динь-дон, бубенцы звенят!»

— Вон он! — закричал Ричард, резво припустив вперед.— Вон там!

— Хорошо, хорошо,— пробормотал Кен, когда они подходили к очереди возле «волшебного домика Санты».

Интересно, уже все или нет? Снова свело мышцы живота. Сумел ли он забраться в машину? Лежит ли Элен без сознания

на заднем сиденье? Едет ли он по стоянке на темную сторону улицы, где и...

«Не переживай». Последние слова человека в шляпе жгли мозг. «Не переживай. Я сделаю так, что комар носу не подточит».

Комар носу, комар носу, комар носу, комар носу... Слова гулко отдавались в голове, пока они с Ричардом медленно приближались к домику Санта-Клауса. Сотня задатка, девять сотен по завершении дела — цена одной средних размеров жены.

Кен вдруг закрыл глаза и понял, что весь дрожит, словно в душном магазине на самом деле стоял невыносимый холод. Виски ломило. Капли пота скатывались из-под мышек, и казалось, что по коже ползают какие-то насекомые. Слишком поздно, думал он, осознав, что напряжение, какое он испытывает с тех пор, как вошел в магазин, отчасти вызвано борьбой с желанием кинуться обратно к машине и остановить человека в шляпе.

Но — шепот в голове был прав: уже слишком поздно.

— А что мне сказать Санте, папа?

Кен с тоской посмотрел на пятилетнего сына и подумал, что тому было бы лучше жить с матерью, гораздо лучше. «Я не смогу...»

— Так что, пап?

Он попытался выжать улыбку, и на мгновение ему удалось представить себя со стороны: благородный отец, который самоотверженно несет чудовищный груз, водруженный судьбой ему на плечи.

— Скажи ему... чего ты хочешь на Рождество,— предложил он.— Скажи ему, что ты был... хорошим мальчиком... и чего ты хочешь на Рождество. Вот и все.

— Но как именно?

Виление уже угасло, он точно знал, кто он такой и что сделал.

— Откуда мне знать? — огрызнулся он.— Слушай, если не хочешь с ним говорить, так и не надо.

Мужчина, стоявший перед ними, обернулся, поглядел на Кена и, криво усмехнувшись, покачал головой, словно пытался сказать: «Понимаю тебя, приятель». Кен улыбнулся в ответ, но у него получилось лишь слегка искривить рот. «Господи, я должен выбраться отсюда,— думал он с отчаянием.— Как я могу стоять здесь, когда...»

Легкие боролись за каждый вдох. Но именно это он и должен делать. В этом состоит план, и его надо довести до конца. Нельзя испортить все какой-нибудь глупой выходкой.

Если бы он мог быть вместе с Ритой, в ее квартире, рядом с ней. Но это было невозможно. Хорошо бы сейчас что-нибудь выпить, и покрепче. Что-нибудь, что снимет напряжение.

Белые ворота открылись, и раздался записанный на пленку зычный мужской хохот. Кен подскочил на месте и стал озираться. Смех показался ему совершенно безумным. Он старался не слушать, но смех окружал со всех сторон, звенел в ушах.

Наконец ворота за ними закрылись, и смех оборвался. Зазвучал тоненький голосок, пущенный через усилитель: «Желаю веселого Рождества и счастливого Нового года!»

«Комар носу не подточит».

Кен выпустил руку Ричарда и вытер вспотевшую ладонь о пальто. Ричард попытался снова взять его за руку, но Кен отдернул ее так яростно, что Ричард посмотрел на него испуганно и озадаченно.

«Нет. Нет. Нельзя так себя вести,— услышал Кен наставление внутреннего голоса.— Ричарду могут задавать вопросы, вопросы вроде: „А как вел себя папа, когда вы вместе пошли в магазин?“» Он взял Ричарда за руку и сумел выдавить из себя улыбку.

— Почти у цели,— произнес он.

Спокойствие в собственном голосе поразило его. «Говорю же, я не знаю, как потерял ключи. Они были в кармане, когда я входил в магазин, никаких сомнений. Вот все, что я знаю. Или вы хотите сказать, что я...»

Нет! Все не так!!! В чем бы там ни пытались его обвинить, он не должен показать, что понимает, к чему они клонят. Потрясенный, ошеломленный, едва способный соображать — вот как он будет выглядеть. Человек, который повел сына к Санта-Клаусу, а на следующий день узнал, что его жену нашли прямо в машине.

«Комар носу не...» Ну почему ему никак не отделаться от этих слов?

Санта-Клаус сидел в кресле с высокой спинкой на крыльце волшебного домика: волшебство заключалось в том, что домик раза четыре в минуту менял цвет. Санта был толстяк средних лет, со смешливым голосом, он на несколько секунд сажал ребенка себе на колено, произносил полагающиеся слова, потом опускал ребенка на пол, сделав его богаче на пластинку мятной жвачки, хлопал по заду и говорил «до свиданья» и «веселого Рождества».

Когда Ричард взобрался на крыльцо, Санта-Клаус поднял его и посадил на свое широкое, обтянутое красной материей колено. Кен стоял у нижней ступеньки, ощущая, как от духоты кружится голова, и глядел безжизненными глазами на розовощекую физиономию Санты, на жуткую фальшивую бороду.

— Ну, сынок,— произнес Санта-Клаус,— ты в этом году был хорошим мальчиком?

Ричард пытался ответить, но слова застряли в горле. Кен увидел, как сын кивнул, вспыхнув от волнения румянцем. «Ему будет лучше жить с Элен. Я не смогу его воспитать как надо. Я просто...»

Взгляд сосредоточился на красной бородатой физиономии.

— Что?

— Я спрашиваю, этот мальчик хорошо себя вел в этом году?

— О да. Да. Очень хорошо.

— Прекрасно! — обратился он к Ричарду.— Старый Санта рад это слышать. Очень рад. А чего бы тебе хотелось на Рождество, сынок?

Кен стоял неподвижно, пот насквозь пропитал рубашку, а слабый голосок его сына перечислял и перечислял бесконечные игрушки. Крыльцо расплывалось перед глазами. «Мне плохо,— думал он.— Я должен выбраться отсюда и глотнуть свежего воздуха. Элен, прости меня. Прости. Я... просто не мог поступить по-другому, понимаешь?»

Наконец Ричард спустился со ступеней с жевательной резинкой в руке, и они направились к эскалаторам.

— Санта сказал, я получу все, что попросил,— сообщил Ричард.

Кен нервно кивнул и сунул руку в карман пальто за носовым платком. Может, люди подумают, что он стирает с щек вовсе не испарину. Может, они решат, что на него нахлынули чувства, потому что сейчас Рождество, а он любит Рождество, и оттого на глаза наворачиваются слезы.

— Надо рассказать маме,— продолжал Ричард.

— Хорошо.

Голос его звучал едва слышно. «Мы выйдем и направимся к машине. Некоторое время поищем ее. Потом позвоним в полицию».

— Хорошо,— повторил он.

— Что, папа?

Он отрицательно покачал головой.

— Ничего.

Эскалатор повез их наверх, к главному входу. Мужские голоса снова затянули «Бубенцы звенят». Кен стоял позади Ричарда, глядя сверху вниз на белобрысую голову. «Сейчас начнется самая главная часть,— сказал он себе.— То, что было до сих пор, было просто попыткой потянуть время».

Надо будет изображать по телефону удивление, раздражение. Может быть, беспокойство, но не слишком сильное. Человек в подобных обстоятельствах не стал бы паниковать. Естественно, человек вряд ли решил бы, что исчезновение его жены означает... У них за спиной снова зазвучал записанный на пленку раскатистый хохот, но теперь заглушенный могучим мужским хором.

Он старался очистить сознание, словно классную доску, но слова все звучали и звучали. Немного озабоченный, немного раздраженный, немного...

«Мы ни на что не намекаем, мистер Бёрнс». Голоса внезапно зазвучали снова. «Мы просто считаем, что двадцать пять тысяч долларов — это большая сумма».

«Слушайте! — Лицо его исказилось, когда он в ответ сверкнул на них глазами.— Мы доверяли друг другу. Я и сам застрахован на двадцать пять тысяч долларов, знаете ли. Об этом вы забыли?»

Это был главный аргумент. Страховка была оформлена меньше года назад, но, по крайней мере, они оба были застрахованы на одинаковую сумму.

Кен перенес ногу с эскалатора на пол. Он шел с сыном к дверям, которые, совершив пол-оборота, вынесут их в зимний вечер. Прохладный ветерок уже заползал под брюки. «Сначала поищем немного, потом я...»

На него вдруг что-то нашло. Он не знал что, но почему-то не мог выйти из магазина. Внезапно Кен оказался перед прилавком, где принялся внимательно рассматривать носовые платки и галстуки. Он почувствовал взгляд Ричарда и предостерег себя: нельзя казаться расстроенным! Я планировал это дело не для того, чтобы испортить все в последнюю минуту!

Рита. Южная Америка. Деньги. Нужно думать о будущем. Он всю дорогу об этом знал, но все равно позволил себе забыть. Будущее, вот что важно, они с Ритой вместе, в Южной Америке.

Вот, так-то лучше. Он глубоко, прерывисто вдохнул теплый воздух. Руки в карманах пальто расслабились.

— Идем.— На этот раз он получил мрачное удовольствие от того, как спокойно звучит его голос.— Нам пора.

И когда звуки органа, играющего «Тихая ночь, священная ночь», перекрыл сигнал к закрытию магазина, Кен взял сына за руку. «Время выбрано отлично»,— сказал он себе. Девять вечера, понедельник. Мы идем туда, где оставили «форд», потом я звоню в полицию.

Но стоит ли звонить в полицию? На мгновение его охватила паника. Не более ли естественно было бы решить, что Элен рассердилась на него и...

«Я подумал, что она рассердилась и уехала домой без нас. Нет, она никогда не делала так раньше. Тогда мы поехали домой на автобусе, мы с сыном, но жены дома не оказалось. И я не знаю, где она. Да, у ее матери я спрашивал. Нет, других родственников в городе у нас нет».

Они уже прошли через вращающуюся дверь и оказались снаружи. Кен окидывал взглядом забитую до отказа стоянку, пока они удалялись от магазина. Он не ощущал руки Ричарда. Он ощущал лишь собственное сердце, мечущееся в грудной клетке, словно узник в темнице. «Интересно, куда это подевалась наша мама?» Он представлял, как скажет это Ричарду, когда они подойдут к тому месту, где был припаркован «форд». «Где же мама?» — спросит Ричард в ответ. Потом они примутся ждать, а в итоге вызовут полицию. «Нет, она раньше никогда так не уезжала,— проносилось в мозгу.— Я решил, что она рассердилась и уехала домой, но, когда мы с сыном добрались до дома, ее там не было».

На мгновение ему показалось, что он умер, что сердце перестало биться. Ему показалось, что он превратился в каменную статую. Холодный ветер бил в искаженное лицо.

— Пойдем же, папа,— задергал за руку Ричард.

Он не шевельнулся. Он стоял, глядя на машину, в которой сидела Элен.

— Я замерз, папа.

Кен понял, что передвигает ноги, движется неверной походкой сомнамбулы. Здравый смысл не желал возвращаться. Он мог только тарашиться на машину и на Элен в ней и чувствовать резь в животе. Голова сделалась пустой и легкой, словно она

была готова улететь в небо. И только толчки от шагов, отдающиеся в сознании, помогали телу не рассыпаться. Глаза были намертво прикованы к машине. На него накатила громадная теплая волна облегчения. Элен смотрела на мужа.

Он открыл дверцу.

— Наконец-то,— сказала она.

Кен был не в состоянии говорить. Дрожа, он откинул спинку переднего сиденья, и Ричард забрался назад.

— Давай, давай. Поехали отсюда,— поторопила жена.

Он сунул руку в карман пальто и теперь вспомнил.

— Ну, что ты там? — не терпелось Элен.

— Я... не могу найти ключи.— Он слабо похлопал себя по карманам.— Они же были у меня, когда я...

— О нет.— В ее голосе звучали усталость и раздражение.

Кен проглотил застрявший в горле комок.

— Ну и где же они? — спросила Элен.— Наверно, если бы твоя голова не была пришита к плечам, ты бы...

— Я... я не знаю. Я... должно быть, где-то их обронил.

— Ну так сходи и подними их,— отрезала она.

— Хорошо. Ладно.

Кен едва ли не с отчаянием толкнул дверцу и выбрался на холодный ветер.

— Я скоро,— пообещал он.

Элен ничего не ответила, но было видно, как она злится.

Он захлопнул дверцу и пошел прочь от машины, лицо напряглось. Какой негодяй, он взял деньги и...

И вдруг Кен представил, как пытается объяснить отсутствие ста долларов при сверке счетов. Она ни за что не поверит, будто они просто так испарились. Начнет разнюхивать, выяснит, что это он их снял, потребует объяснений. «О боже,— подумал он,— со мной покончено, покончено!»

Он смотрел невидящим взглядом на огромную неоновую гирлянду на крыше универмага. Внутри ее вспыхивали и гасли большие белые буквы. Он вдруг сосредоточился на них.

ВЕСЕЛОГО РОЖДЕСТВА — темнота. ВЕСЕЛОГО РОЖДЕСТВА — темнота. ВЕСЕЛОГО РОЖДЕСТВА — темнота.

Дети Ноя

Было чуть больше трех часов утра, когда мистер Кетчум проехал мимо указателя с надписью «ЗАХРИЙ: нас. 67». Он тяжело вздохнул. Еще один приморский поселок в бесконечной череде селений, растянувшихся вдоль побережья штата Мэн. Он на секунду плотно закрыл глаза и, открыв их, нажал на акселератор. «Форд» быстро устремился вперед. Может быть, если повезет, он скоро доберется до приличного мотеля. Конечно, вряд ли такой имеется в Захрии: нас. 67.

Мистер Кетчум сдвинул на сиденье свое грузное тело и распрямил ноги. Отпуск проходил отвратительно. Он планировал проехать по великолепным, овеянным историей местам Новой Англии, пообщаться с природой и предаться ностальгии. Но вместо этого его ожидали скука, усталость и лишние расходы.

Мистер Кетчум был недоволен.

Он ехал по главной улице — Мейн-стрит. Похоже, весь поселок крепко спал. Шум его мотора был единственным звуком. Увидеть можно было только рассекающий темноту свет фар. Они высветили еще один знак: «Ограничение скорости — 15 миль/час».

— Ну да, конечно,— пробормотал он с презрением, выжимая газ. Три утра, а отцы этого поселка хотят, чтобы он пробирался по их вшивой деревне ползком. Мистер Кетчум смотрел, как за окном быстро проносятся темные дома. «До свидания, Захрий! — подумал он.— Прощай, "нас. 67"!»

Но тут в зеркале заднего вида появился другой автомобиль. В полуквартале от него, седан с включенной красной мигалкой на крыше. Он прекрасно знал, что это за машина. Нога отпу-

---

© Перевод Н. Савиных.

стила акселератор, и он почувствовал, как участилось сердцебиение. Возможно ли, чтобы они не заметили его скорость?

Ответ последовал с нагнавшей его темной машины от высунувшегося из ее переднего окна мужчины в широкополой шляпе.

— Примите вправо и остановитесь! — рявкнул он.

Сглотнув пересохшим вдруг горлом, мистер Кетчум направил машину к обочине. Он вытянул рычаг ручного тормоза, повернул ключ в замке зажигания — и машина замерла. Полицейский автомобиль вырулил носом к обочине и остановился. Открылась правая передняя дверца.

В свете фар машины мистера Кетчума появилась приближающаяся к нему темная фигура. Он быстро нащупал левой ногой кнопку и переключил свет на ближний. Снова сглотнул. Какая досада! Три часа утра, полнейшая глушь — и захолустный полицейский ловит его на превышении скорости. Мистер Кетчум стиснул зубы и стал ждать.

Человек в темной форме и широкополой шляпе наклонился к окну.

— Права.

Мистер Кетчум трясущейся рукой вытащил из внутреннего кармана бумажник и нащупал в нем права. Вручил их, заметив при этом, что в глазах полицейского не было ни малейшего выражения. Он спокойно сидел, пока полицейский светил фонариком на его права.

— Из Нью-Джерси?

— Да, от... оттуда,— произнес мистер Кетчум.

Полицейский разглядывал права. Мистер Кетчум нетерпеливо подвинулся на сиденье и сжал губы.

— Они не просрочены,— наконец выдавил он.

Он увидел, как полицейский поднимает голову. Узкий круг света от фонарика ослепил его. Перехватило дыхание. Он отвернул голову. Свет исчез, и мистер Кетчум заморгал слезящимися глазами.

— В Нью-Джерси разве не смотрят на дорожные знаки? — вопрошал полицейский.

— Почему же, я просто... Вы имеете в виду указатель, который говорит, что н-население — шестьдесят семь человек?

— Нет, я не об этом указателе.

— А-а,— мистер Кетчум кашлянул,— да, но это единственный знак, который я видел.

— Значит, вы плохой водитель.

— Да, но я...

— Знак устанавливает ограничение скорости в пятнадцать миль в час. У вас было пятьдесят.

— О! Я... Боюсь, я его не заметил.

— Скорость ограничена пятнадцатью милями в час независимо от того, заметили вы его или нет.

— Хорошо, но в... в этот утренний час?

— Вы видели под знаком расписание? — поинтересовался полицейский.

— Нет, конечно же нет. То есть я вообще не видел знака.

— Не видели?

У мистера Кетчума поднялись волосы на загривке.

— Вот-вот,— начал он чуть слышно, но замолк и уставился на полицейского.— Можно взять права? — спросил он наконец неразговорчивого полицейского.

Тот не проронил ни слова, лишь стоял неподвижно посреди улицы.

— Можно?..— начал мистер Кетчум.

— Следуйте за нашей машиной,— резко приказал полицейский и зашагал прочь.

Мистер Кетчум ошеломленно уставился на него.

— Эй, подождите! — чуть ли не взвыл он.

Полицейский даже не вернул ему права. Мистер Кетчум ощутил неожиданный холодок в животе.

— Что это такое? — пробормотал он, наблюдая, как полицейский садится в свою машину.

Полицейский автомобиль отъехал от обочины, на крыше снова заработала мигалка. Мистер Кетчум поехал следом.

— Это возмутительно! — сказал он вслух.— Они не имеют права. Это что — Средние века? — Его тонкие губы сжались в бледную полоску, но он продолжал следовать за полицейской машиной по Мейн-стрит.

Через два квартала полицейский автомобиль свернул. В свете фар мистер Кетчум увидел стеклянную витрину магазина. Облупившиеся от дождя и ветра буквы образовывали надпись: «Бакалейная лавка Хэнда».

На улице не было фонарей, и поездка напоминала продвижение по закрашенному тушью коридору. Впереди светились лишь три красных глаза полицейской машины: задние габарит-

ные огни и мигалка; позади — непроницаемая чернота. Конец распрекрасного дня, подумал мистер Кетчум, пойманный за превышение скорости в Захрии, штат Мэн. Он покачал головой и тяжело вздохнул. Почему он не остался проводить отпуск в Нью-Йорке: спал бы все утро, ходил на концерты, ел, смотрел телевизор...

На следующем перекрестке полицейский автомобиль повернул направо, затем, через квартал, налево — и остановился. Мистер Кетчум подъехал к нему, и в это время огни выключились. Смысла в этом не было. Была лишь дешевая мелодрама. Они запросто могли бы оштрафовать его на Мейн-стрит. Деревенская психология. Они возвышают себя в собственных глазах, унижая человека из большого города, мстят за свою незначительность.

Мистер Кетчум ждал. Нет, он не намерен торговаться. Без слов уплатит штраф и уедет. Он потянул вверх рычаг ручного тормоза — и вдруг нахмурился, осознав, что они могут содрать с него столько, сколько захотят. Могут взять и 500 долларов, если посчитают нужным. Этот толстяк был наслышан о нравах полиции в небольших городках, о том, что она обладает абсолютной властью. Он глухо прокашлялся. «Да ну, это же абсурд,— решил он.— Какая дурацкая фантазия».

Полицейский открыл дверцу.

— Выходите,— приказал он.

Ни на улице, ни в одном из домов не было света. Мистер Кетчум сглотнул. Все, что он мог видеть,— это лишь темная фигура полицейского.

— Это что — участок? — спросил он.

— Выключите огни и пройдемте,— ответил полицейский.

Мистер Кетчум утопил хромированную кнопку выключателя и выбрался из машины. Полицейский захлопнул дверь. При этом звук был громким, он отозвался эхом — как будто они находились не на улице, а где-нибудь в темном складе. Мистер Кетчум посмотрел вверх. Иллюзия была полной: ни звезд, ни луны, небо и земля слились в черноте.

Полицейский тронул его за плечо своими жесткими пальцами. Мистер Кетчум на какое-то мгновение потерял равновесие, выпрямился и тут же быстрыми шагами последовал за высокой фигурой полицейского.

— Темно здесь.— Голос его был чужим.

Полицейский ничего не сказал. По другую сторону от него зашагал второй полицейский. Мистер Кетчум подумал: эти чертовы деревенские нацисты изо всех сил пытаются запугать его. Ну нет, ничего у них не получится.

Мистер Кетчум всосал в себя глоток влажного, пахнущего морем воздуха и судорожно выдохнул его. Вшивый поселочек из шестидесяти семи жителей — и двое полицейских патрулируют его улицы в три утра. Нелепо.

Он чуть не запнулся о ступеньку, когда они добрались до крыльца. Но шедший слева полицейский подхватил его под руку.

— Спасибо,— автоматически выскочило у мистера Кетчума. Полицейский не ответил. Мистер Кетчум облизнул губы. Бессердечный чурбан, подумал он и сумел даже выдавить мимолетную улыбку. Вот, так-то лучше. Совсем ни к чему раскисать.

Он заморгал, когда распахнули дверь, и ощутил вырвавшийся помимо его воли вздох облегчения. Это был настоящий полицейский участок: вот письменный стол на возвышении, доска объявлений, черная, раздувшаяся кастрюлями плита, исцарапанная скамейка у стены, вот дверь, вот грязный и растрескавшийся линолеум, который когда-то был зеленым.

— Садитесь и ждите,— распорядился полицейский.

Мистер Кетчум посмотрел на его худое, угловатое лицо, смуглую кожу. В глазах не было различия между радужной оболочкой и зрачком — одна сплошная тьма. Темная форма мешком висела на нем.

Второго полицейского рассмотреть не удалось, поскольку оба они ушли в соседнюю комнату. Несколько мгновений он простоял, глядя на закрытую дверь. Что, если выйти и уехать? Нет, в правах указан его адрес. И потом — может быть, они как раз и хотят, чтобы он попытался сбежать. Откуда знать, что на уме у этой деревенской полиции. Они вполне могут даже застрелить его при попытке к бегству.

Мистер Кетчум тяжело сел на скамейку. Нет, он просто позволил разгуляться воображению. Это всего лишь небольшой поселок на побережье штата Мэн, и они всего лишь собираются оштрафовать его за...

Да, но почему сразу не оштрафовали? К чему весь этот спектакль? Толстяк поджал губы. Очень хорошо, пусть они играют, как им нравится. Что бы там ни было, а это лучше, чем ехать

за рулем. Он закрыл глаза. «Только дам им отдохнуть»,— подумал он.

Через несколько секунд он снова открыл глаза. Было чертовски тихо. Он окинул взглядом слабо освещенную комнату. Грязные стены были голыми — за исключением часов и картины, висевшей над письменным столом. Это был живописный портрет — скорее всего, репродукция — бородатого мужчины. На голове у него — рыбацкая шляпа. Наверное, кто-то из древних моряков Захрия. Нет, возможно, даже не так. Наверное, репродукция картины Сиэрса Роубака «Бородатый моряк».

Мистер Кетчум проворчал про себя. Ему было непонятно, зачем полицейскому участку такая репродукция. Разве что из-за того, что Захрий находится на Атлантическом побережье. Наверное, рыбная ловля для него — основной источник доходов. Все равно, какое это имеет значение? Мистер Кетчум отвел взгляд от картины.

В соседней комнате можно было расслышать приглушенные голоса двух полицейских. Он пытался разобрать, что они говорят, но не мог. Он взглянул на закрытую дверь и подумал: «Ну что же вы, давайте!» Снова посмотрел на часы — 3.22. Сверил с наручными часами. Почти верно. Дверь открылась, и вошли двое полицейских.

Один из них вышел, а оставшийся — тот, что забрал права мистера Кетчума,— подошел к возвышающемуся столу, включил настольную лампу, вынул из верхнего ящика огромный гроссбух и начал писать в нем.

Прошла минута.

— Я...— прокашлялся мистер Кетчум.— Прошу прощения...

Голос его стих, когда полицейский оторвался от гроссбуха и остановил на нем свой холодный взгляд.

— Вы... То есть я должен сейчас заплатить штраф?

Полицейский вернулся к гроссбуху.

— Подождите.

— Но уже четвертый час ут...— Мистер Кетчум остановил себя. Он старался казаться холодно-агрессивным.— Очень хорошо,— произнес он с расстановкой.— Не соизволите ли вы сказать мне, как долго это будет продолжаться?

Полицейский продолжал писать в гроссбухе, а мистер Кетчум неподвижно сидел, глядя на него. Невыносимо, подумал он. Это последний раз, когда он заезжает в эту чертову Новую Англию больше чем на сто миль.

Полицейский поднял голову, спрашивая:

— Женат?

Мистер Кетчум уставился на него.

— Вы женаты?

— Нет, я... Это указано в правах,— выпалил мистер Кетчум. Он ощущал трепетное удовольствие от своего выпада и в то же время — укол необъяснимого ужаса от того, что возразил этому человеку.

— Семья в Джерси?

— Да. То есть нет. Только сестра в Висконс...

Мистер Кетчум не закончил, увидев, что полицейский записывает. Как он хотел бы избавиться от этой напасти!

— Работаете?

— Видите ли, у меня... у меня нет какой-то определенной ра...

— Безработный,— постановил полицейский.

— Совсем нет. Совсем нет,— жестко повторил мистер Кетчум.— Я — свободный коммивояжер. Закупаю ценные бумаги и партии товаров у...

Голос его угас, как только полицейский взглянул на него. Мистер Кетчум сглотнул три раза, прежде чем из горла исчез комок. Он обнаружил, что сидит на краю скамейки, готовый прыгнуть для защиты своей жизни. Пришлось заставить себя сдвинуться назад, глубоко вдохнуть. «Расслабься»,— приказал он себе и закрыл глаза. Вот так. Немного отдохнем. Может, даже как следует.

В комнате было тихо, за исключением металлически-звонкого тиканья часов. Мистер Кетчум чувствовал, как медленно, вяло бьется сердце. Он неуклюже сдвинул свою тушу — скамейка была жесткой. В мозгу вновь пронеслось: «Нелепо!»

Мистер Кетчум нахмурился, открыв глаза. Эта проклятая картина! Можно вообразить, что бородатый моряк смотрит на тебя.

— Эй!

У мистера Кетчума захлопнулся рот, а глаза широко открылись, сверкая зрачками. Сидя на скамейке, он наклонился вперед, затем откинулся назад. Оказалось, что над ним склонился смуглолицый человек, положив руку ему на плечо.

— Да? — в ужасе спросил мистер Кетчум. Сердце его готово было вырваться из груди.

Человек улыбнулся.

— Начальник полиции Шипли,— представился он.— Не желаете ли пройти в мой кабинет?

— О,— оживился мистер Кетчум.— Да! Да!

Он потянулся, морщась от боли в затекших мышцах спины. Человек отступил назад, и мистер Кетчум поднялся, издав при этом что-то похожее на хрюканье. Взгляд его автоматически упал на стенные часы: было несколько минут пятого.

— Послушайте,— начал он, еще недостаточно проснувшись, чтобы бояться.— Почему я не могу заплатить штраф и уехать?

В улыбке Шипли не было ни капли тепла.

— Здесь, в Захрии, мы все делаем немного иначе,— пояснил он.

Они вошли в маленький кабинет с затхлым запахом.

— Садитесь,— приказал начальник, обходя письменный стол, пока мистер Кетчум устраивался на скрипучем стуле с прямой спинкой.

— Я не понимаю, почему это вдруг не могу заплатить штраф и уехать.

— Всему свое время,— уклонился Шипли.

— Но...— Мистер Кетчум не закончил.

Улыбка Шипли сильно смахивала на дипломатично завуалированное предостережение. Не разжимая сомкнутых от злости зубов, толстяк прокашлялся и стал ждать, пока начальник изучит лежащий у него на столе лист бумаги. Он заметил при этом, как плохо на Шипли сидит костюм. «Деревенщина,— подумал толстяк,— не умеет даже одеваться».

— Вижу, вы не женаты,— отметил Шипли.

Мистер Кетчум ничего не сказал. Пусть отведают своей собственной пилюли-молчанки, решил он.

— У вас есть друзья в штате Мэн? — продолжал Шипли.

— Зачем это?

— Всего лишь рутинные вопросы, мистер Кетчум,— успокоил его начальник.— Единственный ваш близкий родственник — это сестра, проживающая в Висконсине?

Мистер Кетчум молча посмотрел на него. Какое отношение все это имеет к нарушению правил дорожного движения?

— Ну же, сэр? — настаивал Шипли.

— Я уже говорил вам. То есть я говорил полицейскому. Не вижу...

— Здесь по делам?

У мистера Кетчума беззвучно открылся рот.

— Зачем вы задаете мне все эти вопросы? — не выдержал он. А себе гневно приказал: «Перестань трястись!»

— Порядок такой. Вы здесь по делам?

— Я в отпуске. И совершенно не вижу в этом смысла. До сих пор я терпел, но — пропадите вы все пропадом! — сейчас требую, чтобы с меня взяли штраф и отпустили!

— Боюсь, это невозможно.

У мистера Кетчума отвисла челюсть. Это все равно что проснуться от ночного кошмара и обнаружить, что сон еще продолжается.

— Я... Я не понимаю,— пробормотал он.

— Вам придется предстать перед судьей.

— Но это же нелепо.

— Правда?

— Да. Я гражданин Соединенных Штатов и требую соблюдения моих прав!

Улыбка начальника полиции Шипли померкла.

— Вы ограничили эти права, когда нарушили наш закон,— заявил он.— И вам придется заплатить за это по нашему иску.

Мистер Кетчум тупо уставился на этого человека. Он понял, что находится полностью в их руках. Они могут взять с него такой штраф, какой им заблагорассудится, или бросить его в тюрьму на неопределенный срок. Все эти заданные ему вопросы — он не знает, зачем его спрашивали, но знает, что ответы показали его как человека без корней, о котором некому было беспокоиться, жив он или...

Стены комнаты поплыли. На теле выступил холодный пот.

— Вы не можете этого сделать,— возразил он. Но это был не аргумент.

— Вам придется провести ночь в камере,— «успокоил» его начальник.— А утром увидитесь с судьей.

— Но это же нелепо! — взорвался мистер Кетчум.— Нелепо!

Он тут же взял себя в руки и произнес скороговоркой:

— Я имею право позвонить. Я могу позвонить. Это мое законное право.

— Могли бы,— заметил Шипли,— если бы в Захрии был хоть один телефон.

Когда его вели в камеру, мистер Кетчум увидел в вестибюле картину: все тот же бородатый моряк. Мистер Кетчум не обратил внимания, следили его глаза за ним или нет.

Мистер Кетчум вздрогнул, на заспанном лице отразилось удивление: за спиной что-то лязгнуло. Приподнявшись на локте, он оглянулся. В камеру вошел полицейский и поставил рядом с ним накрытый салфеткой поднос.

— Завтрак,— провозгласил он.

Он был старше других полицейских, даже старше Шипли. Волосы у него были серебристо-седыми, чисто выбритое лицо собиралось в морщины вокруг рта и глаз. Форма сидела на нем плохо.

Когда полицейский начал запирать дверь, мистер Кетчум спросил:

— Когда я увижу судью?

Полицейский быстро взглянул на него, ответил:

— Не знаю,— и отвернулся.

— Подождите! — закричал мистер Кетчум.

Удаляющиеся шаги полицейского гулко разносились по бетонному полу. Мистер Кетчум продолжал смотреть на то место, где стоял полицейский. Сознание все еще окутывал сон.

Он сел, омертвевшими пальцами протер глаза, посмотрел на часы. Семь минут десятого. Толстяк скривил лицо. Боже, они еще узнают! Он задергал ноздрями, принюхиваясь. Рука потянулась к подносу — но он отдернул ее, бормоча:

— Нет! — Он не будет есть их проклятую пищу.

Но желудок заворчал недружелюбно, отказываясь поддержать его.

— Ну хорошо,— пробормотал он после минутного раздумья. Глотая слюну, протянул руку и приподнял салфетку. Невозможно было удержать сорвавшийся с губ возглас удивления.

В поджаренной на сливочном масле глазунье три ярко-желтых, уставившихся прямо в потолок глаза были окружены длинными, покрытыми хрустящей корочкой кусочками мясистого рифленого бекона. Рядом стояла тарелка с четырьмя кусками поджаренного хлеба толщиной в книгу, намазанными пышными завитками масла, и прислоненным к ним бумажным стаканчиком с желе. Там были также высокий стакан с пенистым апельсиновым соком, тарелка с клубникой в белоснежных сливках и, наконец, высокий сосуд, из которого исходил острый и безошибочно угадываемый аромат свежеприготовленного кофе.

Мистер Кетчум взял стакан апельсинового сока. Отпив несколько капель, он покатал их по языку. Кислота приятно пощипывала теплый язык. Он проглотил сок. Если в него и под-

мешан яд — то рукой мастера. Во рту становилось все больше слюны. Он вдруг вспомнил, что как раз перед тем, как попался, хотел притормозить у какого-нибудь кафе, чтобы поесть.

Настороженно, но решительно поглощая пищу, мистер Кетчум пытался понять причины столь замечательного завтрака. Похоже, не очень убедительно — но все-таки... Еда превосходна. Что ни говори, а готовить эти жители Новой Англии умеют здорово. Обычно завтрак у мистера Кетчума состоял из разогретой сладкой булочки и кофе. Такого завтрака он не помнил с детских лет, проведенных в отцовском доме.

Ставя на поднос уже третью чашку с хорошо сдобренным сливками кофе, он услышал шаги в вестибюле. Улыбаясь, мистер Кетчум подумал: «Хорошо рассчитали время!» — и встал.

Перед камерой возник начальник полиции Шипли.

— Позавтракали?

Мистер Кетчум кивнул. Если начальник ожидает от него благодарности, то — напрасно. Мистер Кетчум взял пиджак, но начальник даже не пошевелился.

— Ну?..— решился мистер Кетчум через несколько минут. Он старался произнести это холодно и решительно, однако получилось немного не так.

Шипли посмотрел на него без всякого выражения, и мистер Кетчум почувствовал, что дышит неровно.

— Можно спросить?..— начал было он.

— Судьи еще нет,— отрезал Шипли.

— Но...— Мистер Кетчум не знал, что сказать.

— Я пришел только, чтобы сообщить вам.— Шипли повернулся и ушел.

Мистер Кетчум был в ярости. Он посмотрел на остатки завтрака, как будто они содержали разгадку этой ситуации. Забарабанил кулаком по бедру. Невыносимо! Что они пытаются сделать — запугать его? Ну да, боже ты мой...

...У них получается.

Подойдя к решетке, мистер Кетчум осмотрел пустой коридор. Где-то внутри он ощутил холодный комок — как будто пища в желудке превратилась в свинец. Он хлопнул правой ладонью по прутьям решетки. Боже мой! Боже мой!

В два часа дня к двери камеры подошли начальник полиции Шипли и пожилой полицейский. Ни слова не говоря, полицейский открыл ее. Выйдя в коридор, мистер Кетчум подо-

ждал, пока дверь снова заперли, натягивая при этом пиджак. Затем он пошел, семеня негнущимися ногами, с обеих сторон окруженный полицейскими, и даже не взглянув на висевшую на стене картину.

— Куда мы идем?

— Судья болеет,— пояснил Шипли.— Мы отвезем вас к нему домой, чтобы уплатить штраф.

Мистер Кетчум втянул воздух. Он не будет с ними спорить, не будет — и все тут.

— Хорошо,— сказал он вслух.— Если уж вам так надо.

— Только таким образом,— заявил начальник, оглянувшись. На лице его оставалась маска полной невыразительности.

Мистер Кетчум подавил слабенькую улыбку. Так-то лучше. Вот уже и почти закончилось. Он заплатит штраф и смотается.

На улице был туман. Мистер Кетчум нахлобучил шляпу, но все равно его пробрала дрожь. Влажный воздух, казалось, просачивался сквозь кожу и мышцы и конденсировался на костях. «Мерзкая погода»,— подумал он, спускаясь по ступенькам и разыскивая глазами свой «форд».

Пожилой полицейский открыл заднюю дверцу полицейской машины, а Шипли пригласил жестом внутрь.

— А как же *моя* машина? — спросил мистер Кетчум.

— Вы вернетесь сюда после встречи с судьей,— успокоил его Шипли.

— О, я...

Мистер Кетчум колебался. Затем нагнулся и, протиснувшись в машину, бухнулся на заднее сиденье. Кожа на нем была холодной — это чувствовалось даже сквозь шерстяные брюки, и мистер Кетчум поежился, уступая место подсевшему начальнику.

Полицейский захлопнул дверь. Опять этот гулкий звук — как будто в склепе закрывают крышку гроба. Мистер Кетчум скривил лицо от такого сравнения.

Полицейский сел в машину, заработал, покашляв, двигатель. Пока полицейский его разогревал, мистер Кетчум сидел, медленно и глубоко дыша. Он посмотрел в окно. Туман был совсем как дым — будто они стояли в горящем гараже. Разве что эта пронизывающая до костей сырость. Кашлянув, он услышал, как подвинулся сидевший рядом начальник.

— Холодно,— автоматически вырвалось у мистера Кетчума.

Начальник ничего не сказал.

Мистер Кетчум прижался к спинке, когда машина тронулась, развернулась и медленно поехала по задернутой туманом улице. Он слушал отчетливый шелест шин по мокрому асфальту, ритмичное посвистывание «дворников», расчищавших покрытое влагой ветровое стекло.

Вскоре он взглянул на часы. Почти три. Полдня убито в этом проклятом Захрии. Он снова посмотрел в окно на пролетающий мимо, подобно привидению, поселок. Он как будто видел кирпичные дома вдоль обочины — но не был в этом уверен. Взгляд упал на бледные руки, затем перешел на Шипли. Начальник сидел неподвижно, глядя прямо вперед. Мистер Кетчум сглотнул. Казалось, легкие не работали, в них застоялся воздух.

На Мейн-стрит туман был реже. Наверное, из-за морских бризов. Мистер Кетчум осмотрел улицу. Похоже было, что все магазины и учреждения закрыты. Взглянул на другую сторону — то же самое.

— Где все? — поинтересовался он.

— Что?

— Я говорю, где все?

— Дома,— ответил начальник.

— Но сегодня среда,— удивился мистер Кетчум.— Разве у вас... магазины не открыты?

— Плохая погода,— пояснил Шипли.— Нет смысла.

Мистер Кетчум взглянул на желтовато-бледное лицо начальника, но поспешно отвел взгляд. В желудке снова распускало щупальца холодное предчувствие. «Ради бога — что это такое?» — спросил он себя. Уже в камере ему было достаточно плохо. Здесь, в этом море тумана, было еще хуже.

— Ну да,— услышал он свой срывающийся голос.— Здесь только шестьдесят семь жителей, не так ли?

Начальник ничего не сказал.

— Сколько... с-сколько лет Захрию?

Он услышал, как в тишине сухо хрустнули суставы пальцев начальника.

— Сто пятьдесят лет,— сообщил Шипли.

— Так много,— продолжал разговор мистер Кетчум. Он с трудом сглотнул: немного болело горло. «А ну,— приказал он себе,— расслабься!»

— Почему его назвали Захрий? — Слова лились неуправляемым потоком.

— Его основал Ной Захрий.

— А-а. А, понимаю. Видимо, тот портрет в участке?..

— Верно,— подтвердил Шипли.

Мистер Кетчум моргнул. Так это Ной Захрий — основатель поселка, по которому они едут...

...Квартал за кварталом. При этой мысли у мистера Кетчума что-то тяжело опустилось в желудке. В таком большом поселке — и почему только 67 жителей? Он открыл было рот, чтобы спросить, да не смог. Ответ мог быть не тот.

— Почему только?..— Слова все равно вырвались, прежде чем он сумел остановить их. Тело содрогнулось от услышанного.

— Что?

— Ничего, ничего. То есть...— Мистер Кетчум судорожно вздохнул. Делать нечего — он должен знать.— Почему только шестьдесят семь?

— Они уезжают,— ответил Шипли.

Мистер Кетчум заморгал. Ответ разрядил напряжение. Он нахмурился. Ну, что еще надо? Отдаленный, старомодный Захрий мало привлекает молодое поколение. Массовый отток в более интересные места неизбежен.

Толстяк поудобнее откинулся на спинку сиденья.

— Конечно же. Подумать только, как я хочу выбраться из этой тоски зеленой,— рассуждал он.— А ведь я даже не живу здесь.

Привлеченный чем-то, его взгляд скользнул вперед, сквозь ветровое стекло. Через улицу был протянут транспарант: «СЕГОДНЯ ВЕЧЕРОМ — БАРБЕКЮ!» Праздник, решил он. Наверное, они каждые две недели буянят, шумно обмениваются неуклюжими комплиментами или устраивают оргии по починке сетей.

— И все же — кто такой Захрий? — Молчание снова давило на него.

— Морской капитан,— произнес начальник.

— О-о?

— Охотился на китов в южных морях.

Вдруг Мейн-стрит кончилась. Полицейская машина свернула влево на грязную дорогу. Из окна мистер Кетчум разглядывал скользящие мимо тенистые кустарники. Слышен был лишь звук напряженно работающего двигателя да шум вылетающей из-под колес смеси гравия и грязи. Что, судья живет на вершине горы? Он сменил точку опоры, тяжело вздохнув.

Туман начал рассеиваться. Мистер Кетчум различал траву и деревья — все с сероватым оттенком. Сделав очередной поворот, машина оказалась обращенной к океану. Мистер Кетчум посмотрел на оставшийся внизу матовый ковер тумана. Машина продолжала поворачивать — и вот они снова увидели перед собой вершину холма.

Мягко покашливая, мистер Кетчум спросил:

— Дом... гм, этого судьи — там?

— Да,— подтвердил начальник.

— Высоко!

Машина продолжала ехать по узкой грязной дороге по спирали, поворачиваясь то к океану, то к Захрию, то к мрачному, оседлавшему вершину холма дому. То был серовато-белый трехэтажный особняк, на каждом крыле — по башенке. Мистер Кетчум посчитал, что вид у него столь же древний, как и у самого Захрия. Машина повернула, и он опять увидел прикрытый корочкой тумана океан.

Мистер Кетчум взглянул на свои руки. Что это — игра света или они действительно трясутся? Он попробовал сглотнуть, но горло оказалось сухим, и он предательски закашлялся. «Так глупо»,— рассудил он. Нет абсолютно никакого повода. Он сжал руки.

Машина преодолевала последний подъем на пути к дому. Мистер Кетчум почувствовал, что у него перехватывает дыхание. «Я не хочу идти»,— пронеслось в голове. Он ощутил неожиданное стремление выскочить из машины и бежать. Мышцы с готовностью напряглись.

Закрыв глаза, он завопил про себя: «Ради бога, прекрати это!» Ничего страшного здесь нет — кроме его искаженного представления. Это же нынешние времена: все поддается объяснению и люди обладают здравым смыслом. У людей в Захрии тоже есть здравый смысл: некоторое недоверие к горожанам. Это их месть, вполне приемлемая обществом. В этом есть смысл. В конце концов...

Машина остановилась. Распахнув дверцу со своей стороны, вышел начальник. Протянув руку назад, полицейский открыл дверцу для мистера Кетчума. Толстяк обнаружил, что у него онемела нога. Пришлось для опоры схватиться за верх дверцы. Он ступил на землю.

— Уснул,— пояснил он.

Никто не реагировал. Мистер Кетчум, прищурившись, посмотрел на дом. Не опустилась ли на место темно-зеленая штора? Он вздрогнул и испуганно вскрикнул, когда его тронули за руку и начальник показал жестом на дом. Все трое направились к нему.

— У меня, гм... боюсь, у меня с собой не много наличных,— сообщил он.— Надеюсь, подойдет и туристический чек.

— Да,— подтвердил начальник.

Поднявшись по ступенькам крыльца, они остановились перед дверью. Полицейский повернул большую латунную ручку звонка, и мистер Кетчум услышал внутри звонкий голос колокольчика. Сквозь занавеску на двери он различил очертания вешалки для шляп. Скрипнули доски, когда он переступал с ноги на ногу. Полицейский позвонил еще раз.

— Может быть, он... сильно болеет,— вяло предположил мистер Кетчум.

Ни один из двоих даже не взглянул на него. Мистер Кетчум ощутил напряжение мышц. Оглянулся через плечо: смогут ли догнать, если побежит? С отвращением повернул голову обратно. «Заплатишь штраф и уедешь,— терпеливо объяснил он себе.— Только-то и всего: заплатишь штраф и уедешь».

В доме задвигалось что-то темное. Мистер Кетчум вздрогнул: к двери приближалась высокая женщина.

Открылась дверь. Женщина оказалась худой, на ней было длинное, до пола, черное платье с белой овальной брошью на шее. Лицо — смуглое, изборождено тончайшими морщинами. Мистер Кетчум автоматически снял шляпу.

— Входите,— пригласила женщина.

Мистер Кетчум шагнул в прихожую.

— Шляпу вы можете оставить здесь.— Женщина показала на вешалку для шляп, напоминавшую обезображенное огнем дерево.

Мистер Кетчум опустил шляпу на один из темных сучков. При этом внимание его привлекло большое живописное полотно над нижней частью лестницы. Он начал было говорить, но женщина указала:

— Сюда.

Они пошли через прихожую, и, когда проходили мимо картины, мистер Кетчум уставился на нее.

— Кто та женщина,— спросил он,— что стоит рядом с Захрием?

— Его жена,— сообщил начальник.

— Но она...

Голос мистера Кетчума прервался, как только он услышал зарождающийся в горле визг. Будучи шокирован, он подавил его кашлем. Было стыдно за себя, тем не менее... жена Захрия?

Женщина открыла дверь.

— Подождите здесь.

Толстяк вошел. Он повернулся было, чтобы сказать что-то начальнику,— как раз в тот момент, когда дверь закрыли.

— Скажите, гм...— Подойдя к двери, он положил руку на ручку. Она не поворачивалась. Он нахмурился, не обращая внимания, что сердце стучит, как копер при забивке свай.— Эй, что происходит?

Грубовато-добродушный, пытающийся сохранить бодрость, голос его эхом отразился от стен. Повернувшись, мистер Кетчум посмотрел вокруг. Пустая комната. Это пустая, квадратная комната.

Он снова повернулся к двери, шевеля губами в поиске нужных слов.

— Ладно,— неожиданно сказал он.— Это очень...— Он резко повернул ручку.— Ладно, это очень веселая шутка.— Господи, он сошел с ума! — Я все понял, что мне...

Он вихрем повернулся, обнажив зубы. Ничего не произошло. Комната по-прежнему была пуста. Он одурманенно посмотрел вокруг. Что это за звук? Тупой звук — как будто прорывается вода.

— Эй! — автоматически крикнул он и повернулся к двери.— Эй! — завопил он.— Перекройте! Кем вы себя считаете?

Он повернулся на слабеющих ногах. Звук становился громче. Он провел ладонью по лбу — тот был покрыт потом. Да, здесь тепло.

— Ладно, ладно,— не терял он надежды.— Это хорошая шутка, но...

Прежде чем он смог продолжить, голос перешел в ужасное, душераздирающее рыдание. Мистер Кетчум слегка покачнулся, уставился на комнату. Потом повернулся и упал к двери. Рука коснулась стены и тут же отдернулась. Стена была горячей.

— Э? — спросил он, все еще не веря.

Это невозможно. Это шутка. Это их психически ненормальное представление о небольшой шутке. Они играют в игру. Называется она «Напугай стиляту из города».

— Ладно! — взвыл он.— Ладно! Смешно, очень смешно! А сейчас выпустите меня отсюда — или вам несдобровать!

Он заколотил в дверь, неожиданно пнул ее. В комнате становилось все жарче. Почти такой же жар, как...

Мистер Кетчум оцепенел, у него отвисла челюсть.

Все эти вопросы, что они ему задали. То, как висела одежда на каждом, кого он повстречал. Эта обильная пища, которой они его накормили. Эти пустые улицы. Эта смуглая, как у дикарей, кожа — что у мужчин, что у женщины. То, как все они смотрели на него. И эта женщина на картине, жена Ноя Захрия — женщина-туземка с остро отточенными зубами.

Сегодня вечером — барбекю!

Мистер Кетчум взвыл. Начал пинать и колотить по двери, бросился на нее своим грузным телом. Кричал находившимся за ней людям:

— Выпустите меня! Выпустите меня! Выпустите... меня!

Но хуже всего было то, что он просто никак не мог поверить, будто это происходит на самом деле.

Человек-праздник

— Ты опоздаешь,— сказала она.

Он устало откинулся на спинку стула и ответил:

— Да, я знаю.

Они сидели на кухне, завтракали. Дэвид съел очень мало. В основном он пил черный кофе и внимательно смотрел на скатерть. Вся она была покрыта тонкими линиями, казавшимися Дэвиду своеобразными автострадами.

— Ну что? — спросила она.

Он вздрогнул и оторвал глаза от скатерти.

— Да,— сказал он,— все правильно.

— Дэвид! — повторила она.

— Да-да. Я знаю,— ответил он,— я опаздываю.

Он не сердился. На это его уже не хватило бы.

— Ты определенно опоздаешь,— еще раз сказала она, намазывая хлеб маслом, а потом сверху — толстым слоем малинового джема. Она с хрустом откусила и начала жевать.

Дэвид встал, прошел через кухню к двери, повернулся и замер. Он смотрел ей прямо в затылок.

— А почему бы и нет? — опять спросил он.

— Потому что тебе нельзя,— сказала она.— Вот и все.

— Но почему?

— Потому что ты им нужен,— сказала она.— Потому что они тебе хорошо платят и что бы ты еще без них делал. Разве не ясно?

— Но они могли бы найти кого-нибудь.

— Ну хватит, прекрати,— сказала она.— Ты же знаешь, что нет.

— Но почему именно я? — спросил он.

© Перевод Н. Савиных.

Она не отвечала, жевала свой бутерброд.

— Но, Джин?

— Больше говорить не о чем,— сказала она, продолжая есть.

Наконец она повернулась:

— Так ты еще здесь? Сегодня тебе не следовало бы опаздывать.

У Дэвида что-то сжалось внутри.

— Нет,— сказал он,— только не сегодня.

Он вышел из кухни и поднялся наверх. Там почистил зубы, надраил ботинки и надел галстук. Затем вновь спустился вниз, восьми еще не было. Заглянул на кухню.

— Ну, пока,— сказал он.

Джин слегка приподнялась и подставила ему щеку для поцелуя.

— Пока, милый,— сказала она.— Желаю...— И внезапно замолчала.

— ...хорошо поработать? — закончил он.— Спасибо.— Дэвид повернулся.— Сегодня я отлично поработаю.

Вот уже много лет, как он перестал водить машину. По утрам приходил на железнодорожную станцию пешком. Придя на станцию, Дэвид, как обычно, вышел на платформу и стал ждать поезд. Газеты у него не было. Он больше не покупал газет. Ему не нравилось их читать.

— Доброе утро, Гаррет!

Он обернулся и увидел Каултера, который тоже работал в городе. Каултер похлопал его по спине.

— Доброе утро! — ответил Дэвид.

— Как дела? — спросил Каултер.

— Спасибо, нормально.

— Рад слышать. Скорее бы Четвертое, не правда ли?*

Дэвид судорожно вздохнул.

— Да знаете ли...— начал он.

— Ну а я собираюсь вывезти все семейство в лес,— продолжал Каултер.— Эти отвратительные фейерверки не для нас. Заберемся в старенький автобус и поедем туда, где их нет.

— Помчитесь,— сказал Дэвид.

— Так точно, сэр,— ответил Каултер.— Как можно дальше.

---

* 4 июля — национальный праздник Соединенных Штатов Америки. В этот день, в 1776 году, была принята Декларация Независимости. *(Прим. ред.)*

Это началось само собой. Нет, подумал он: не сейчас. С усилием он заставил это вернуться обратно, в темноту, откуда оно появилось.

— ...ламном деле,— закончил Каултер.

— Что? — переспросил он.

— Да я надеюсь, все идет нормально в вашем рекламном деле.

Дэвид прокашлялся.

— Да, конечно,— ответил он.— Все прекрасно.— Он всегда забывал об этой лжи, сказанной как-то Каултеру.

Когда поезд подошел, он сел в вагон для некурящих, так как знал, что Каултер в дороге всегда курит. Сидеть рядом с Каултером ему не хотелось. По крайней мере, сейчас. Всю дорогу до города он смотрел в окно. В основном следил за обочиной и движением на автостраде. Один раз, когда поезд с грохотом въехал на мост, он взглянул вниз на зеркальную поверхность озера, в другой раз он откинул голову назад и посмотрел на солнце.

Он остановился, когда уже почти вошел в лифт.

— Вверх? — спросил человек в коричнево-красной униформе.— Вверх? — настойчиво, глядя на Дэвида, повторил он. Потом человек закрыл скользящие двери.

Дэвид стоял не двигаясь. Вокруг него начали накапливаться люди. В одно мгновение он повернулся и, расталкивая их плечами, выбрался обратно. Когда Дэвид вышел на улицу, страшная июльская жара сразу же окутала его. Он шел по тротуару как во сне. Дэвид пересек дорогу и нырнул в бар.

Внутри было темно и прохладно. Никаких посетителей. Бармена и того не было видно. Дэвид опустился в полутьму кабинки и снял шляпу. Он наклонил назад голову и закрыл глаза.

Он не в силах был это сделать. Он просто не мог встать и подняться в свой офис. И не важно, что Джин сказала и что все остальные говорят. Ухватившись руками за край стола, он сжал его с такой силой, что пальцы побелели. Конечно же, он не сделает.

— Хотите чего-нибудь? — раздался голос.

Дэвид открыл глаза. Бармен стоял рядом с кабинкой и смотрел на него сверху вниз.

— Да, пожалуйста... пиво,— ответил он.

Дэвид ненавидел пиво, но он знал, что придется что-то заказать, иначе он лишится этой привилегии спокойно посидеть в прохладной тишине. Пиво можно и не пить.

Бармен принес пиво, и Дэвид заплатил. Затем, когда бармен отошел, он стал медленно поворачивать стакан по поверхности стола. И вот в этот момент оно началось снова. Затаив дыхание, он попытался оттолкнуть его. НЕТ! — сказал он, впадая в бешенство.

Еще через минуту он встал из-за стола и вышел из бара. Уже перевалило за десять. Хотя это, конечно, не имело никакого значения. Они знают, что он всегда опаздывает. Они знают, что он всегда пытается побороть это. Безуспешно.

Офис находился в глубине помещения, за небольшой загородкой, и был снабжен самым необходимым: коврик, диван и стол с лежащими на нем карандашами и белой бумагой. Это все, что ему нужно. Одно время он держал секретаршу, но потом ему не понравилось, что кто-то за дверью может услышать его крик.

Никто не видел, как он вошел в кабинет из холла, через потайную дверь. Оказавшись внутри, он запер дверь, затем снял пиджак и расстелил его на столе. В офисе было душно. Дэвид приблизился к окну и поднял раму.

Далеко-далеко внизу жил город. Дэвид стоял и смотрел туда.

«Сколько же из них?» — промелькнула мысль.

Тяжело вздохнув, он отвернулся. Итак, он пришел. Нет смысла тянуть дальше. Он связан этим. Лучше будет поскорей закончить и убираться.

Он задернул жалюзи, подошел к кушетке и лег. Устроился на подушке, вытянулся как следует и замер. Конечности, интересное чувство, почти сразу же онемели.

Началось.

Сейчас Дэвид это не останавливал. Оно капало в его мозг, как тающий лед. Врывалось, словно зимний ветер. Кружилось в нем подобно холодной, скользкой химере. Дэвид оцепенел и начал задыхаться. Грудь его содрогалась, сердце билось резкими толчками. Пальцы, окостенелые, словно когти, царапали кожу кушетки. Сейчас он весь дрожал, стонал и извивался. Наконец он закричал, и кричал довольно долго.

Это было сделано. Вялый, без движения, лежал Дэвид на кушетке с глазами, застывшими, как стекло. Когда немного отпустило, он поднял руку и взглянул на часы. Было почти два. С трудом он поднялся. Тело было свинцовым. Еле-еле добрался до стола и сел. Там он что-то написал на листке бумаги и, уронив голову на стол, впал в глубокий, бесчувственный сон.

Прошло несколько часов, прежде чем он проснулся и отнес исписанный листок бумаги своему старшему. Тот просмотрел его и кивнул.

— Четыреста восемьдесят шесть, так я понял? — сказал старший.— А ты уверен?

— Я уверен,— спокойно ответил Дэвид.— Я смотрел за каждым.— Он не упомянул, что Каултер и его семейство тоже были среди них.

— О'кей,— сказал старший,— давай посмотрим. Четыреста пятьдесят два в дорожно-транспортных происшествиях, восемнадцать утонули, семь от солнечного удара, три от фейерверков, шесть — по другим причинам.

— Такая маленькая девочка — и обожглась до смерти,— сказал Дэвид.— А мальчик, совсем малыш, съел муравьиный яд. И та женщина, надо же, ее ударило током. Мужчина — от змеиного укуса.

— Ну что ж,— сказал старший,— хорошо, но мы сделаем лучше. Скажем, четыреста пятьдесят. Это всегда впечатляет, когда погибает больше людей, чем мы предсказали.

— Конечно,— сказал Дэвид.

В тот вечер прогноз был на первых страницах всех газет. По пути домой Дэвид слышал, как сидящий перед ним мужчина повернулся к своему соседу и сказал:

— Что бы я действительно хотел знать, это как они угадывают?

Дэвид поднялся и отошел в противоположную часть вагона. И пока не сошел с поезда, он все стоял там, слушая стук колес, и думал о следующем празднике — Дне труда*.

---

* Национальный американский праздник — первое воскресенье сентября. *(Прим. ред.)*

Лемминги

— Откуда все они берутся? — поинтересовался Риордон.

— Отовсюду,— сообщил Кармэк.

Они стояли на краю прибрежного шоссе. Насколько хватало глаз, были одни только автомобили. Тысячи машин, уткнувшихся бампером в бампер, прижавшихся дверкой к дверке. Шоссе было плотно покрыто ими.

— Вон еще идут,— заметил Кармэк.

Двое полицейских наблюдали, как толпа людей идет по направлению к пляжу. Многие из них разговаривали и смеялись. Некоторые были очень тихими и серьезными. Но все они шли по направлению к пляжу.

Риордон покачал головой.

— Не понимаю,— сказал он в сотый раз за эту неделю.— Совсем ничего не понимаю.

Кармэк пожал плечами.

— Не думай об этом,— посоветовал он.— Происходит — и все тут. Что еще надо?

— Но это же безумие.

— Да ладно, вон они идут,— показал Кармэк.

Пока двое полицейских смотрели, толпа пересекала серый песок пляжа и входила в воду. Некоторые поплыли. Большинство же не могли — из-за одежды. Кармэк видел, как бьется в воде молодая женщина, увлекаемая на дно своей намокшей шубой.

Через несколько минут все исчезли. Двое полицейских уставились на то место, где люди вошли в воду.

— Сколько это будет продолжаться? — спросил Риордон.

— Думаю, пока они не погибнут,— предположил Кармэк.

— Но *зачем*?

— Ты когда-нибудь читал о леммингах?

© Перевод Н. Савиных.

— Нет.

— Это грызуны, которые живут в Скандинавских странах. Они размножаются до тех пор, пока не иссякнут все источники снабжения пищей. И тогда они передвигаются по стране, уничтожая все на своем пути. Они продолжают двигаться, даже когда достигнут моря. Они плывут до полной потери сил. Миллионы леммингов.

— Так ты думаешь, что *это* — то же самое? — догадался Риордон.

— Может быть,— не отрицал Кармэк.

— Люди — не грызуны! — воскликнул в гневе Риордон.

Кармэк ничего не ответил.

Они стояли на краю шоссе и ждали — но никто больше не появлялся.

— Где же они? — спросил Риордон.

— Наверное, все уже в воде,— подал мысль Кармэк.

— *Все?*

— Это продолжается больше недели,— пояснил Кармэк.— Люди, видимо, прибывали сюда отовсюду. К тому же есть еще и озера.

Риордон вздрогнул.

— Все! — произнес он.

— Не знаю,— прокомментировал Кармэк.— Но они до сих пор все приезжали и приезжали.

— Боже мой!

Кармэк достал сигарету и прикурил.

— Ну,— обратился он,— что дальше?

Риордон вздохнул:

— Мы?

— Ты иди,— посоветовал Кармэк,— а я немного подожду и посмотрю, не остался ли еще кто.

— Хорошо.— Риордон протянул руку.— До свидания, Кармэк.

Они пожали друг другу руки.

— До свидания, Риордон,— сказал Кармэк.

Он стоял, курил сигарету и смотрел, как его друг пересекает серый песок пляжа и идет дальше, пока вода не скрыла его голову. Он видел, как Риордон проплыл несколько десятков ярдов и исчез.

Через некоторое время он выбросил сигарету и посмотрел вокруг. Затем тоже вошел в воду.

Вдоль пляжа стоял миллион пустых автомобилей.

Изначально он намеревался провести ночь в городской гостинице «Тигр». Но потом его осенило, что, может быть, свободна его бывшая комната. Сейчас было лето, и студенты, наверное, уже разъехались. Во всяком случае, стоило попытаться. Он не мог представить себе ничего более приятного, чем провести ночь в своей прежней комнате, в своей прежней кровати.

Дом нисколько не изменился. Он поднялся по цементным ступеням, улыбаясь при виде их все так же осыпающихся краев. «Те же старые ступеньки,— подумал он,— в том же плачевном состоянии». И той же самой была дверь с провисшей москитной сеткой, и точно таким же звонок, на кнопку которого, чтобы он сработал, надо было нажимать под определенным углом. Улыбаясь, он покачал головой и подумал, а жива ли еще мисс Смит.

Дверь открыла не мисс Смит. Сердце у него упало, когда вместо шаркающей ногами старушки к двери стремительно подошла крупная женщина средних лет.

— Да? — Ее хриплый голос прозвучал неприветливо.

— А мисс Смит здесь еще живет? — спросил он, еще на что-то надеясь.

— Нет, мисс Ада умерла несколько лет назад.

Ему будто дали пощечину. На мгновение его будто оглушило, и он лишь кивнул женщине.

— Понятно,— сказал он.— Понятно. Я, видите ли, снимал здесь комнату, когда учился в колледже, и подумал...

Мисс Смит умерла.

— Так вы учитесь?

© Перевод Е. Королевой.

Он не решил, считать ли это оскорблением или комплиментом.

— Нет, нет. Я здесь проездом по дороге в Чикаго. Колледж я закончил много лет назад. Просто хотелось узнать, живет ли кто-нибудь в моей старой комнате.

— Вы имеете в виду большую комнату? — спросила женщина, рассматривая его как под микроскопом.

— Да, именно ее.

— До осени в ней никого не будет.

— А можно мне... взглянуть на нее?

— Ну, я...

— Я подумал, что, может быть, остановлюсь в ней на ночь,— добавил он поспешно,— если, конечно...

— О, все в порядке.— Женщина потеплела.— Если вы хотите ее снять.

— Хочу,— подтвердил он.— Что-то вроде свидания с юностью, знаете ли.

Он понял, что слова прозвучали как-то напыщенно, и постарался вложить в улыбку побольше уверенности.

— И сколько вы заплатите? — Женщину сильнее интересовали деньги, чем воспоминания.

— Ну, если верно помню, я платил за нее двадцать долларов в месяц. Предположим, я заплачу вам столько же.

— За одну ночь?

Он почувствовал себя глупо. Но уже не мог повернуть назад, хотя и знал, что подобный промах вызван исключительно ностальгией. Ни одна комната не стоит двадцати долларов за ночь.

Он одернул себя. К чему отговорки? Возвращение в молодость стоило того. Двадцать долларов для него давно уже пустяк. А вот прошлое...

— Да, с радостью. Вполне справедливая цена.

Он неловкими пальцами достал банкноты из бумажника и протянул их женщине.

Пока они шли по тускло освещенному коридору, он заглянул в ванную. Знакомая картина заставила его улыбнуться. Было что-то чудесное в возвращении сюда. Он не мог этого не ощущать — оно было.

— Да, мисс Ада умерла примерно пять лет назад,— сказала женщина.

Его улыбка померкла.

Когда открылась дверь, ему захотелось долго простоять на пороге, оглядывая комнату, прежде чем снова в нее войти. Однако женщина стояла рядом, и было бы нелепо просить ее подождать, поэтому он только глубоко вздохнул и шагнул внутрь.

Путешествие во времени. Эти слова пронеслись в голове. Он будто внезапно вернулся назад, первокурсник, который впервые заходит в свою комнату с чемоданом в руке, в самом начале нового приключения.

Он молча оглядывал комнату, и его вдруг охватил невыразимый испуг. Комната, казалось, вернула все. Абсолютно все. Мэри, Нормана, Спенсера, Дэвида, их занятия, концерты, вечеринки, танцы, футбольные матчи, пивные кутежи, полуночные разговоры и все остальное. Воспоминания напирали толпой, пока уже не начало чудиться, что они раздавят его.

— Здесь немного пыльно, но я все приберу, когда вы отправитесь обедать,— пообещала женщина.— Пойду принесу чистые простыни.

Он не услышал ее слов, не услышал ее шагов, удаляющихся по коридору. Лишь стоял посреди комнаты, весь во власти прошлого.

Неясно было, что именно заставило его содрогнуться, но внезапно он обернулся. Это был не звук и не то, что можно было бы увидеть. Но он это почувствовал умом и телом, какая-то тень беспричинного страха.

Вскрикнув, он подскочил на месте, когда дверь с грохотом захлопнулась.

— Это просто сквозняк,— сказала женщина, вернувшаяся с простынями.

Бродвей. Загорелся красный, и он нажал на тормоз. Взгляд скользил по фасадам магазинов.

Вон аптека «Краун», нисколько не изменилась. Рядом обувной магазин Флоры Дейм. Взгляд метнулся через улицу. Магазин Гленделла все такой же. И «Одежда Барта» тоже на прежнем месте.

В мозгу расслабилась какая-то пружина, и он вдруг понял, что больше всего боялся увидеть, как изменился городок. Потому что когда он повернул на Бродвей и обнаружил, что книжный магазин мистера Слоуна и «Колледж-гриль» исчезли, то ощутил себя едва ли не преданным. Городок, который он пом-

нил, жил в его голове нетронутым, и от этих мелких перемен было не по себе. Все равно что встретить старинного приятеля и обнаружить, что у того нет одной ноги.

Но многое осталось точно таким же, что вызывало на его губах торжественную улыбку.

Театр «Колледж», куда он с друзьями ходил на полуночные представления по субботам, после свидания или долгих часов учебы. Университетский кегельбан, там, наверху, была бильярдная.

А внизу...

Поддавшись импульсу, он подогнал машину к тротуару и заглушил мотор. Минуту посидел, смотря на вход в «Золотой кампус». Наконец быстро вышел из машины.

Над входом висел все тот же старый навес, некогда кричащие краски которого от времени и погоды сделались консервативно темными. Он двинулся вперед, на губах играла улыбка.

Затем, когда он стоял, глядя вниз, на крутую узкую лестницу, на него вдруг накатила непередаваемая тоска. Он взялся рукой за перила и, мгновение поколебавшись, начал медленно спускаться. В его воспоминаниях лестница не была такой узкой.

На последней ступеньке до него донеслось жужжание. Кто-то чистил место для танцев полотером с вертящимися щетками. Сойдя с лестницы, он увидел низкорослого негра, который возил по полу медленно ползущий агрегат. Металлический нос полотера стукнулся об одну из колонн, обозначавших границы танцевальной площадки.

Он снова нахмурился. Помещение такое маленькое, такое угрюмое. Не может же быть, чтобы его память так ошибалась. Нет, быстро пояснил он самому себе. Нет, это потому что сейчас здесь пусто и горят не все лампы. Это потому что музыкальный автомат не мельтешит разноцветными огоньками и нет танцующих парочек.

Не сознавая того, он сунул руки в карманы брюк — подобную позу он позволял себе всего пару раз с тех пор, как восемнадцать лет назад закончил колледж. Он подошел ближе к танцевальной площадке, кивнул при виде низкого древнего помоста для оркестра, словно встретил старого знакомого.

Он стоял перед площадкой и думал о Мэри.

Сколько раз они кружились по этому крошечному пятачку, двигаясь в ритме, который задавал сияющий музыкальный автомат? Они танцевали медленно, тела соприкасались, ее теплая

рука лениво поглаживала его сзади по шее. Сколько раз? Что-то сжалось внутри. Он видел ее лицо будто наяву. Поспешно отвернувшись от площадки, он взглянул на темные деревянные кабинеты.

На губах появилась улыбка. Неужели они все еще на месте? Он обогнул колонну и двинулся в глубь помещения.

— Ищете кого-нибудь? — спросил пожилой негр.

— Нет-нет. Просто хотел взглянуть на кое-что.

Он зашагал вдоль кабинетов, стараясь не обращать внимания на собственное смущение. «В каком же из них?» — спрашивал он себя. Нельзя было вспомнить, все они выглядели одинаково. Он остановился, уперев руки в бока, и окинул взглядом все кабинеты, медленно покачивая головой. Негр закончил натирать пол, выдернул вилку из розетки и укатил древнюю машину прочь. Наступила мертвая тишина.

Он понял, что смотрит на третий кабинет. Тонкие буквы стали почти такими же темными, как само дерево, однако, без сомнения, были на прежнем месте. Он проскользнул в кабинет и рассмотрел ближе.

«Б. Дж.». Билл Джонсон. И под инициалами год. «1939».

Он подумал обо всех ночах, которые они со Спенсером, Дейвом и Нормом провели в этом кабинете, ловко препарируя вселенную свежезаточенными скальпелями выпускников колледжа.

— Казалось, весь мир у нас в кармане,— пробормотал он.— До последнего кусочка.

Он медленно снял шляпу и присел за стол. Все, чего ему сейчас хотелось,— стаканчик прежнего пива: густого солодового напитка, который растекся бы по жилам и возвеселил сердце, как часто говаривал Спенсер.

Будто с кем-то соглашаясь, он покивал и прошептал тост:

— За тебя, непревзойденное прошлое.

Произнеся это, он оторвал взгляд от стола и увидел молодого человека, который стоял в противоположном конце помещения, в темноте у подножия лестницы. Джонсон посмотрел на юношу, не в силах четко разглядеть его без очков.

Спустя миг молодой человек развернулся и ушел вверх по лестнице. Джонсон улыбнулся самому себе. «Вернусь сюда в шесть»,— решил он. Танцы начинаются не раньше шести.

При этом он снова подумал о тех вечерах, что провел здесь, внизу, в этом заплесневелом полумраке, за пивом, разговора-

ми, танцами, прожигая юность с расточительностью миллионера.

Он молча сидел в полутьме, и воспоминания накатывали на него неутомимым приливом, омывали его сознание, вынуждая крепко сжимать губы из-за понимания того, что все это ушло навсегда.

И посреди этого прилива к нему опять пришло воспоминание о ней. Мэри, думал он, что же сталось с Мэри?

Он снова вздрогнул, когда проходил под аркой, ведущей в кампус. Неприятное ощущение, будто прошлое и настоящее сошлись, а он сам ступает по натянутому между ними канату, готовый упасть по ту или по другую сторону.

Это ощущение преследовало его по пятам и охлаждало восторг от свидания с прошлым.

Он взглянул на здание, вспомнил занятия, на какие ходил сюда, людей, с которыми здесь встречался. И почти одновременно он увидел свою нынешнюю жизнь, тусклые, пустые обязанности коммивояжера. Месяцы и годы одинокого путешествия по стране. Завершающегося неизменным возвращением в дом, который ему не нравится, к жене, которую он не любит.

Он все время думал о Мэри. Какой он был дурак, что упустил ее. Считал со свойственной молодым бездумной уверенностью, будто мир полон безграничных возможностей. Думал, что это неправильно, так рано делать выбор, хвататься за настоящий момент. Ведь он был создан для того, чтобы пастись на самых сочных пастбищах. И он все искал и искал, пока все его пастбища не высохли.

И снова это ощущение. Вернее, сочетание нескольких ощущений. Угнетение, которое сгибало и душило его, и необъяснимое и беспрерывное чувство погони. Непобедимое желание оглянуться через плечо и посмотреть, кто же за ним гонится. Он никак не мог от него отделаться, и это беспокоило и расстраивало.

Он подумал, не остановиться ли, не посидеть ли немного в кампусе. Под деревьями расположились несколько студентов, они смеялись и болтали.

Но он не станет больше разговаривать со студентами. Как раз перед тем, как войти в кампус, он заглянул в кафе, выпить стакан холодного чая. Он присел рядом с каким-то студентом и попытался завести разговор.

Молодой человек держался с ним крайне заносчиво. Джонсон, конечно, ничего не сказал, но это было в высшей степени оскорбительно.

И случилось кое-что еще. Когда он подходил к кассе, мимо прошел молодой человек. Джонсону показалось, что юноша ему знаком, и он даже вскинул руку, чтобы привлечь к себе внимание.

Но потом понял, что никак не может знать никого из нынешних студентов, и смущенно опустил руку. Он расплатился по чеку, ощущая крайнюю подавленность.

Чувство подавленности все не покидало его, когда он поднимался по ступенькам Корпуса гуманитарных наук.

На крыльце он развернулся и окинул взглядом весь кампус. Как бы там ни было, он повеселел, увидев, что кампус остался точно таким же. Хотя бы он не переменился — значит, в мире все-таки есть что-то незыблемое.

Улыбка коснулась его губ, он развернулся. А потом развернулся снова. Неужели кто-то действительно его преследует? Сейчас это чувство было особенно сильным. Обеспокоенный взгляд метался по кампусу, не находя ничего необычного. Раздраженно передернув плечами, он вошел в здание.

Оно тоже осталось прежним. Приятно было снова пройтись по темным плиткам пола, под расписным потолком, подняться по мраморным ступеням, войти в прохладные залы, где затухал любой звук.

Он не рассмотрел лица студента, который прошел мимо, хотя их плечи едва не соприкоснулись. Ему показалось, что этот студент смотрит на него. Однако он не был уверен, а когда обернулся через плечо, студент уже завернул за угол.

День медленно тянулся к концу. Он бродил от здания к зданию, входил в каждое с благоговением, смотрел на доски объявлений, заглядывал в аудитории и улыбался всему застенчивой улыбкой.

Однако энтузиазм, похоже, стал покидать его. Было обидно, что с ним никто не заговаривает. Он подумал, не зайти ли к куратору выпускного курса и не поболтать ли с ним, но решил этого не делать. Не хотелось показаться излишне пафосным. Он просто бывший студент, который скромненько навещает места, где прошли его студенческие годы. Вот и все. Незачем устраивать из этого спектакль.

Когда после ужина он возвращался обратно в свою комнату, им уже овладела совершенная уверенность в том, что кто-то его преследует.

Но каждый раз, когда он настороженно хмурился и оборачивался, никого не было. Только машины гудели, проезжая по Бродвею, да из домов доносился юношеский смех.

На крыльце дома он остановился и оглядел улицу, неприятный холодок пробежал по спине. Наверное, сегодня днем слишком много потел, решил он. И вот теперь вечерний воздух его холодит. В конце концов, он ведь уже не так молод...

Он мотнул головой, пытаясь отогнать от себя эту фразу. Человек молод настолько, насколько себя чувствует, авторитетно заявил он самому себе и коротко кивнул, чтобы лучше донести этот факт до сознания.

Хозяйка оставила парадную дверь открытой. Войдя, он услышал, как она разговаривает по телефону в комнате мисс Смит. Джонсон снова кивнул самому себе. Сколько раз он разговаривал с Мэри по этому телефону? Какой, кстати, у него номер? Сорок четыре пятьдесят восемь. Вот какой. Он гордо улыбнулся тому, что еще помнит.

Сколько раз он сидел там, в старом черном кресле-качалке, ведя с ней беседы ни о чем? Его лицо осунулось. Где она теперь? Вышла замуж, нарожала детей? Или же?..

Он напряженно замер, когда за спиной скрипнула половица. Выждал секунду, ожидая услышать голос хозяйки. Затем стремительно развернулся.

В коридоре было пусто.

Переведя дух, он шагнул в свою комнату и плотно закрыл дверь. Принялся нашаривать выключатель и наконец зажег свет.

Снова улыбнулся. Так уже лучше. Он обошел всю комнату, пробежал пальцами по крышке бюро, по студенческой конторке, по кровати. Кинул на конторку пальто и шляпу, с усталым вздохом опустился на постель. Улыбнулся, когда под ним застонали старые пружины. «Старые добрые пружины»,— подумал он.

Он подтянул ноги и упал на подушку. Господи, хорошо-то как! Руки любовно поглаживали покрывало.

В доме было очень тихо. Джонсон перевернулся на живот и посмотрел в окно. За окном был старый переулок, большой древний дуб все еще возвышался над домом. Он покачал головой, чувствуя, как от воспоминаний сдавило грудь.

Потом вздрогнул, когда дверь чуть приоткрылась. Быстро обернулся через плечо. «Это просто сквозняк»,— вспомнились слова женщины.

Попросту переутомился, решил он, однако все это тревожит. Оно и неудивительно. День был полон эмоций. Целый день оживлять прошлое и сожалеть о настоящем — это выбьет из колеи кого угодно.

После плотной трапезы в кабачке «Золото на черном» клонило в сон. Он заставил себя подняться и добрел до выключателя.

Комната погрузилась в темноту, и он осторожно двинулся обратно к постели. С довольным вздохом улегся.

Старая добрая кровать. Сколько ночей он провел на ней, пока в голове клокотали слова из прочитанных книг? Он протянул руку и распустил ремень, привычно убеждая себя, будто ничуть не сожалеет о том, насколько раздалось некогда худощавое тело. Он глубоко вздохнул, когда живот оказался на свободе. Потом перекатился на бок в теплом душном воздухе и закрыл глаза.

Он полежал несколько минут, прислушиваясь к шуму машин. Потом со стоном перекатился на спину. Распрямил ноги, расслабился. Затем сел на кровати, вытянул руку, расшнуровал ботинки и уронил их на пол. Снова упал на подушку и снова со вздохом перевернулся на бок.

Ощущение подползало неспешно.

Сначала показалось, что шалит желудок. Потом стало ясно, что это вовсе не мышцы живота, это каждый мускул всего тела. Он чувствовал, как десятки струн проходят сквозь тело и дрожат, натянутые на его каркас.

Он открыл глаза и заморгал в темноте. Что, ради всего святого, происходит? Он уставился на конторку и увидел силуэты пальто и шляпы. Снова закрыл глаза. Нужно расслабиться. В Чикаго предстоит встреча с крупными клиентами.

«Холодно»,— подумал он раздраженно и поерзал, чтобы вытащить из-под раздобревшего тела покрывало. По коже бегали мурашки. Он понял, что прислушивается, хотя стояла абсолютная тишина, если не считать его собственного сиплого дыхания. Он неловко повернулся, гадая, с чего вдруг ему стало так зябко. Наверное, простуда.

Он перекатился на спину и открыл глаза.

Мгновенно его полностью парализовало, и все звуки намертво застряли в горле.

Склонившись прямо над ним, в воздухе висело белое лицо, дышавшее такой ненавистью, какой он не видел ни разу в жизни.

Он лежал, глядя в оцепенелом, неприкрытом ужасе на это лицо.

— Убирайся,— произнесло лицо, и в скрипучем голосе звучала угроза.— Убирайся отсюда. Ты не можешь вернуться.

Прошло много времени после того, как лицо исчезло, а Джонсон так и лежал, едва в силах дышать, руки сжались в кулаки, округлившиеся глаза устремлены в пустоту. Он пытался размышлять, однако стоило вспомнить лицо, и все мысли в голове сковывал лед.

Он не стал медлить. Как только к нему вернулись силы, он встал и сумел выбраться из дому, не привлекая внимания хозяйки. Быстро выехал из городка, весь побелевший, способный думать лишь о том, что видел.

Самого себя.

Это было лицо его тогдашнего, когда он учился в колледже. Его юная ипостась возненавидела нарушителя, грубо вторгшегося туда, где ему нельзя было оказываться снова. И молодой человек в «Золотом кампусе» тоже был его юношеское «я». И студент, прошедший мимо в кафе кампуса, был он сам. И студент в коридоре, и некто, чье постоянное присутствие он ощущал, бродя по кампусу, некто, ненавидевший его за то, что он вернулся и ворошит прошлое,— все это был он сам.

Он больше ни разу не навещал город и никому не рассказывал о том, что произошло. И когда, в крайне редкие моменты, он заговаривал о студенческих годах, то всегда делал это, пожимая плечами и цинически усмехаясь, чтобы показать, как мало эти годы для него значат.

Распространитель

20 июля

Пора переезжать.

Он присмотрел небольшой меблированный домик на Силмар-стрит. В субботу утром он въехал и отправился знакомиться с соседями.

— Доброе утро,— поздоровался он с пожилым мужчиной, который подстригал плющ возле соседнего дома.— Меня зовут Теодор Гордон. Я только что переехал.

Пожилой мужчина распрямился и пожал Теодору руку.

— Приятно познакомиться,— произнес он. Его звали Джозеф Альстон.

С крыльца сбежала собака и принялась обнюхивать брюки Теодора.

— Хочет составить о вас мнение,— пояснил сосед.

— Как мило,— отозвался Теодор.

На другой стороне улицы жила Инес Феррел. Она вышла открыть дверь в халате, худенькая женщина лет под сорок. Теодор извинился за беспокойство.

— О, ничего страшного,— улыбнулась она. У нее полно свободного времени, пока муж в разъездах по работе.

— Думаю, мы станем добрыми соседями,— выразил надежду Теодор.

— Уверена в этом.

Она смотрела в окно, пока он удалялся.

В следующий дом, стоявший прямо напротив его собственного, он постучался осторожно: на двери висела табличка: «Тихо! Спит работник ночной смены». Ему открыла Дороти Бакус, миниатюрная, замкнутая с виду женщина лет тридцати пяти.

© Перевод Е. Королевой.

— Я так счастлив с вами познакомиться,— сказал Теодор.

В следующем доме жил Уолтер Мортон. Когда Теодор шел по дорожке, он услышал, как Бьянка Мортон громко отчитывает их сына, Уолтера-младшего.

— Ты недостаточно взрослый, чтобы гулять до трех утра! Тем более с такой маленькой девочкой, как Кэтрин Маккэнн.

Теодор постучал, и мистер Мортон (пятьдесят два года, обширная лысина) открыл дверь.

— Я только что переехал в дом напротив,— сообщил Теодор, улыбаясь.

Следующую дверь открыла Пэтти Джефферсон. Разговаривая с ней, Теодор увидел сквозь застекленную заднюю дверь, как ее муж, Артур, наполняет водой резиновый бассейн для сына и дочери.

— Дети так любят плескаться в этом бассейне,— усмехнувшись, пояснила Пэтти.

— Ничего удивительного,— сказал Теодор. Уходя от Джефферсонов, он заметил, что дом рядом с ними пустует.

На другой стороне улицы, напротив Джефферсонов, жили Маккэнны и их четырнадцатилетняя дочь Кэтрин. Когда Теодор подходил к двери, он услышал, как Джеймс Маккэнн громко ворчит:

— Да он просто чокнутый. С чего это я должен ровнять края его лужайки? Только потому, что я пару раз одалживал паршивую газонокосилку?

— Милый, прошу тебя,— произнесла Фэй Маккэнн.— Я должна подготовиться к следующему заседанию совета.

— Только потому что Кэти встречается с его паршивым сынком...— не унимался супруг.

Теодор постучал в дверь и представился. Немного поболтав с ними, он заверил миссис Маккэнн, что, конечно же, с радостью поучаствует в работе Национального совета христиан и иудеев. Это действительно стоящая организация.

— А чем вы занимаетесь? — спросил Маккэнн.

— Я распространитель.

Возле следующего дома двое мальчишек косили лужайку и сгребали траву, а рядом резвилась собака.

— Привет, ребята,— крикнул Теодор. Они пробурчали что-то в ответ, глядя, как он направляется к крыльцу. Собака не обратила на него никакого внимания.

— Я всего лишь его предупредил,— раздавался из окна гостиной голос Генри Путнама.— Пусть только возьмет ниггера в мой отдел, и я уйду. Я все сказал.

— Да, дорогой,— отозвалась миссис Ирма Путнам.

На стук Теодора дверь открыл мистер Путнам в майке. Его жена лежала на диване. Больное сердце, пояснил мистер Путнам.

— О, как жаль,— посочувствовал Теодор.

В последнем доме проживали Горсы.

— Я только что поселился по соседству,— сообщил Теодор. Он пожал худенькую ладошку Элеоноры Горс, и та сказала, что отец на работе.

— Это он? — Теодор указал на портрет человека с суровым лицом, висевший над каминной полкой; та была заставлена разнообразными предметами культа.

— Да,— ответила Элеонора, тридцать четыре года, дурнушка.

— Что ж, надеюсь, мы станем добрыми соседями.

Тем же днем Теодор отправился в свою новую контору и принялся обустраивать комнату для проявки.

23 июля

Утром, прежде чем отправиться в контору, он заглянул в телефонный справочник и отыскал четыре номера. Набрал первый из них.

— Не могли бы вы прислать такси к дому двенадцать ноль пятьдесят семь по Силмар-стрит? — попросил он.— Благодарю.

Он набрал второй номер.

— Не могли бы вы прислать телемастера ко мне на дом. У меня пропало изображение. Дом двенадцать ноль семьдесят, Силмар-стрит.

Третий номер.

— Хочу дать объявление в воскресный номер. «Форд» пятьдесят седьмого года выпуска. В отличном состоянии. Семьсот восемьдесят девять долларов. Да, все верно, семьсот восемьдесят девять. Мой телефон четыреста четырнадцать семьдесят четыре ноль восемь.

Он сделал четвертый звонок и назначил встречу с мистером Джеремайей Осборном. Потом подождал у окна гостиной, пока к дому Бакусов не подкатило такси.

Когда он отъезжал от дома, мимо него проехала машина телевизионного мастера. Теодор оглянулся и увидел, как она притормозила у дома Генри Путнама.

«Дорогой сэр,— отпечатал он позже в конторе,— прошу прислать мне десять буклетов, за которые я вношу плату в размере ста долларов». Он написал имя и адрес.

Конверт упал в коробку «Исходящие».

27 июля

Когда вечером Инес Феррел покинула дом, Теодор поехал за ней на машине. В деловой части города миссис Феррел вышла из автобуса и отправилась в бар под названием «Ирландский фонарь». Припарковавшись, Теодор осторожно проник в бар и проскользнул в темный кабинет.

Инес Феррел сидела в глубине зала, взгромоздившись на барный стул. Она сняла пиджак, демонстрируя облегающий желтый свитер. Теодор пробежал взглядом по выставленному напоказ бюсту.

Через некоторое время с ней заговорил какой-то мужчина, они поболтали, посмеялись, чуть-чуть посидели вместе. Теодор наблюдал, как они выходят, держась за руки. Заплатив за кофе, он пошел за парочкой. Путь оказался недолгим — миссис Феррел и мужчина исчезли в дверях гостиницы, находившейся в соседнем квартале.

Теодор поехал домой, насвистывая.

На следующее утро, когда Элеонора Горс и ее отец отправились куда-то вместе с миссис Бакус, Теодор последовал за ними.

Он встретил их на выходе из церкви по окончании службы. Ну разве не чудесное совпадение, сказал Теодор, что он тоже баптист? И он потряс жесткую руку Дональда Горса.

Когда они вышли на солнечный свет, Теодор спросил, не разделят ли они с ним воскресную трапезу. Миссис Бакус слабо улыбнулась и пробормотала что-то насчет мужа. Дональд Горс, похоже, сомневался.

— О, прошу вас,— взмолился Теодор.— Осчастливьте одинокого вдовца.

— Вдовца,— задумчиво повторил мистер Горс.

— Уже много лет.— Теодор повесил голову.— Пневмония.

— Давно вы баптист? — поинтересовался мистер Горс.

— С рождения,— с жаром ответствовал Теодор.— В этом мое единственное утешение.

На обед он подал бараньи отбивные, бобы и печеную картошку. В качестве десерта — яблочный пирог и кофе.

— Я так рад, что вы разделили со мной эту скромную пищу. Воистину, возлюбили ближнего своего, как самого себя.— Теодор улыбнулся Элеоноре, которая неуверенно улыбнулась в ответ.

Вечером, когда уже стемнело, Теодор отправился на прогулку. Проходя мимо дома Маккэннов, он услышал, как зазвонил телефон, и мистер Джеймс Маккэнн заорал в трубку:

— Это ошибка, черт побери! Какого лешего я должен продавать какой-то паршивый «форд» пятьдесят седьмого года за семьсот восемьдесят девять баксов?!

Трубка с грохотом упала на рычаг.

— Проклятье! — выкрикнул Джеймс Маккэнн.

— Милый, будь спокойнее! — попросила жена.

Снова послышался звонок телефона.

Теодор двинулся дальше.

1 августа

Ровно в два пятнадцать ночи Теодор выскользнул на улицу, выдрал один из обожаемых плющей Джозефа Альстона и бросил его на дорожке.

Утром, выходя из дома, он увидел, что Уолтер Мортон-младший направляется к дому Маккэннов с покрывалом, полотенцем и портативным приемником. Старый Альстон стоял, держа в руках плющ.

— Его что, вырвали? — спросил Теодор.

Джозеф Альстон проворчал что-то утвердительное.

— Значит, так и есть,— обронил Теодор.

— Как — так? — уставился на него старик.

— Вчера вечером снаружи был какой-то шум. Я выглянул и увидел пару мальчишек.

— Вы рассмотрели их лица? — Альстон напрягся.

— Нет, было слишком темно. Но я бы сказал, что они были примерно возраста мальчиков Путнама. Хотя, разумеется, это не они.

Джо Альстон медленно кивнул, оглядывая улицу.

Теодор доехал до бульвара и остановился. Прошло двадцать минут, и Уолтер Мортон-младший с Кэтрин Маккэнн сели в автобус.

На пляже Теодор расположился в нескольких метрах позади них.

— Ну этот Мак и тип,— услышал он слова Уолтера Мортона.— У него зудит в одном месте, и он отправляется в Тихуану, только чтобы перепихнуться.

Через некоторое время Мортон с девушкой, громко смеясь, побежали купаться. Теодор встал и дошел до телефонной будки.

— Я хочу, чтобы на следующей неделе у меня на заднем дворе установили бассейн,— сказал он. И объяснил все подробно.

Вернувшись на пляж, он терпеливо дождался, пока Уолтер Мортон с девушкой не улеглись загорать, обнявшись. Время от времени он щелкал затвором шпионского фотоаппарата. Сняв достаточно, он вернулся в машину и застегнул рубашку на груди, пряча крошечный объектив. По дороге в контору он остановился у магазина стройтоваров, где купил кисть и черную краску.

Весь день ушел на возню с фотографиями. Он напечатал их так, чтобы казалось, будто все происходит ночью и парочка занимается вовсе не тем, что было на самом деле.

Конверт мягко шлепнулся в коробку «Исходящие».

5 августа

Улица была тиха и пуста. Беззвучно ступая ногами в теннисных туфлях, Теодор перешел на противоположную сторону.

Он нашел на заднем дворе Мортонов газонокосилку. Тихонько оторвав ее от земли, перенес на другую сторону улицы, к гаражу Маккэнна. Осторожно подняв ворота гаража, он закатил газонокосилку за верстак. Конверт с фотографиями положил за ящик с гвоздями.

Вернувшись в дом, он позвонил Джеймсу Маккэнну и придушенным голосом спросил, продается ли все еще «форд».

Утром почтальон бросил на крыльцо Горсов пухлый конверт. Элеонора Горс вышла и вскрыла его, изнутри выпал один из журнальчиков. Теодор наблюдал, как она воровато огляделась по сторонам, как темный румянец залил ее лицо.

Когда вечером того же дня он косил лужайку, то видел, как Уолтер Мортон-старший промаршировал через улицу к Джейм-

су Маккэнну, который как раз подстригал кусты. Он услышал, как они громко спорят о чем-то. Наконец оба пошли в гараж Маккэнна, откуда Мортон вытолкал свою газонокосилку, ничего не отвечая на сердитые протесты Маккэнна.

На другой стороне улицы, напротив Маккэннов, входил в дом вернувшийся с работы Артур Джефферсон. Проехали мальчики Путнама на велосипедах, их пес мчался следом.

Потом дверь напротив дома Теодора хлопнула. Он повернул голову и увидел, как мистер Бакус в рабочей одежде устремился к своей машине, возмущенно бормоча себе под нос:

— Бассейн!

Теодор поглядел на соседний дом: Инес Феррел металась по гостиной.

Он улыбнулся и принялся толкать газонокосилку вдоль стены своего дома, заглядывая в спальню Элеоноры Горс. Та сидела спиной к окну и что-то читала. Услышав стрекотание газонокосилки, она поднялась и, убрав пухлый конверт в ящик бюро, вышла из спальни.

15 августа

Дверь открыл Генри Путнам.

— Добрый вечер,— поздоровался Теодор.— Надеюсь, я не помешал.

— Нет, мы просто болтаем с родителями Ирмы. Они утром уезжают в Нью-Йорк.

— Правда? Ну, я всего на минутку.— Теодор протянул ему два воздушных ружья.— Фабрика, продукцию которой я распространяю, избавляется от товара. Я подумал, может, вашим мальчикам понравится.

— Еще бы,— ответил Путнам. Он пошел в комнату, чтобы позвать сыновей.

Когда папаша скрылся с глаз, Теодор прихватил пару спичечных коробков с надписью «Вина и крепкие напитки Путнама». Он успел опустить их в карман раньше, чем мальчики вышли сказать спасибо.

— Как это мило с вашей стороны,— поблагодарил Путнам, стоя в дверях.— Я вам очень признателен.

— Всегда рад,— ответил Теодор.

Вернувшись домой, он поставил звонок на пятнадцать минут четвертого и лег спать. Когда будильник сработал, он вы-

шел на безмолвную улицу и вырвал сорок семь плющей, разбросав их по дорожке Альстона.

— О нет! — ужаснулся он, встретив утром Альстона.

Джозеф Альстон ничего не отвечал. Он с ненавистью озирал улицу.

— Позвольте мне помочь вам,— предложил Теодор.

Старик отказался, но Теодор настоял. Съездив в ближайшую теплицу, он привез два пакета торфа, а потом сидел на корточках рядом с Альстоном, помогая тому заново сажать растения.

— Вы ничего не слышали прошлой ночью? — спросил его старик.

— А вы думаете, это снова были те мальчишки? — От изумления Теодор приоткрыл рот.

— Безусловно,— не усомнился Альстон.

Позже Теодор съездил в деловой квартал и купил дюжину фотооткрыток.

«Дорогой Уолт,— размашисто написал он на одной из них,— снял это в Тихуане. Как тебе, достаточно горячо?» Он надписал адрес на конверте, забыв прибавить «младший» к имени Уолтер Мортон.

В коробку «Исходящие».

23 августа

— Миссис Феррел!

Она вздрогнула на своем барном стуле.

— А, мистер...

— Гордон,— подсказал он, улыбаясь.— Как я рад снова видеть вас.

— Да.— Она поджала губы и опять вздрогнула.

— Вы часто сюда заходите?

— О нет, не часто,— замялась Инес Феррел.— Я просто... хотела встретиться сегодня вечером с подругой.

— А, понятно. Что ж, не будет ли позволено одинокому холостяку составить вам компанию, пока подруга не пришла?

— Ну...— Миссис Феррел пожала плечами.— Почему нет.

Ее губы выделялись ярким пятном на фоне алебастрового лица. Свитер плотно обтягивал выдающийся вперед бюст.

Минуло некоторое время, подруга миссис Феррел все не появлялась, и они переместились в темный кабинет. Там Теодор воспользовался моментом, когда миссис Феррел отошла попуд-

рить носик, и подсыпал в ее бокал порошок без вкуса и без запаха. Вернувшись, она выпила коктейль и через минуту здорово захмелела. Она улыбнулась Теодору.

— Вы мне нрав'сь, миср Г'рдн,— призналась она. Слова толпились, путаясь ногами в языке.

Вскоре он довел ее, спотыкающуюся и хихикающую, к своей машине и отвез в мотель. В номере он помог ей раздеться до чулок с поясом и туфель, и, пока она позировала в пьяном упоении, Теодор сделал несколько фотографий со вспышкой.

Когда в два ночи она рухнула, Теодор одел ее и отвез домой. Там он положил ее, полностью одетую, на кровать. После чего вышел на улицу и полил заново посаженные плющи Альстона концентрированным гербицидом.

Вернувшись домой, он набрал номер Джефферсона.

— Да? — раздраженно произнес Артур Джефферсон.

— Переезжай отсюда, а не то пожалеешь,— прошептал Теодор и повесил трубку.

Утром он пришел к дому миссис Феррел и позвонил в дверь.

— Привет,— вежливо произнес он.— Вам уже лучше?

Она смотрела на него непонимающим взглядом, пока он рассказывал, как накануне вечером ей вдруг стало очень плохо и как он отвез ее из бара домой.

— Надеюсь, теперь вам уже лучше,— завершил он.

— Да,— она смутилась,— я... в полном порядке.

Уходя от нее, он заметил, как Джеймс Маккэнн с багровым лицом движется, зажав в руке конверт, по направлению к дому Мортонов. Рядом семенила встревоженная миссис Маккэнн.

— Мы должны проявлять терпение, Джим,— услышал ее слова Теодор.

31 августа

В два пятнадцать ночи Теодор взял кисть и банку краски и вышел на улицу.

Дойдя до дома Джефферсона, он поставил банку на землю и коряво написал на двери: «НИГГЕР».

После чего перешел на другую сторону улицы, позволив по пути упасть нескольким каплям краски. Банку он оставил под задним крыльцом Генри Путнама, случайно перевернув при этом собачью миску. К счастью, собака Путнамов ночевала в доме.

Потом он еще раз полил плющи Альстона гербицидом.

Утром, когда Дональд Горс ушел на работу, Теодор взял тяжелый конверт и отправился навестить Элеонору Горс.

— Взгляните-ка.— Он вытряхнул из конверта порнографический журнал.— Я получил это сегодня по почте. Только посмотрите! — Он сунул журнал ей в руки.

Она держала его так, словно это был ядовитый паук.

— Разве не ужас! — негодовал Теодор.

— Возмутительно.— Она скорчила гримасу.

— Я подумал, надо поговорить с вами и другими соседями, прежде чем звонить в полицию. Вы тоже получали такую мерзость?

— С чего бы,— ощетинилась Элеонора Горс,— мне получать такое?

Старика он застал склонившимся над плющами.

— И как они поживают? — поинтересовался Теодор.

— Они умирают.

— Как такое возможно?!

— О.— Альстон покачал головой.— Это просто кошмар.

Теодор пошел дальше, хихикая на ходу. Возвращаясь домой, он заметил, что Артур Джефферсон отмывает дверь, а Генри Путнам, стоя напротив, внимательно за ним наблюдает.

Она ждала его на пороге.

— Миссис Маккэнн! Я так рад вас видеть.

— Едва ли вас обрадует то, что я скажу,— произнесла она горестно.

— Вот как? — удивился Теодор.

Они вошли в дом.

— Чрезвычайно много разных... событий происходит на нашей улице с тех пор, как вы здесь поселились,— сказала миссис Маккэнн, когда они устроились в гостиной.

— Событий? — переспросил Теодор.

— Думаю, вы знаете, о чем я говорю. Однако это... эта расистская надпись на двери мистера Джефферсона, это уже слишком, мистер Гордон, слишком.

Теодор беспомощно взмахнул рукой.

— Но я не понимаю.

— Прошу вас, не надо все усложнять. Я обращусь к властям, если эти безобразия не прекратятся, мистер Гордон. Мне очень не хотелось бы этого делать, но...

— Властям? — Теодор выглядел испуганным до смерти.

— Ничего подобного не случалось, пока вы сюда не переехали, мистер Гордон. Поверьте, мне нелегко это говорить, но у меня просто нет выбора. Тот факт, что ничего похожего никогда не происходило на нашей улице, пока вы...

Она внезапно замолчала, когда из груди Теодора вырвалось рыдание. Миссис Маккэнн смотрела на него с изумлением.

— Мистер Гордон...— начала она неуверенно.

— Я не знаю, о каких событиях вы говорите,— голос Теодора дрожал,— но я бы лучше убил себя, чем причинил бы кому-нибудь вред, миссис Маккэнн.

Он огляделся по сторонам, словно проверяя, нет ли кого рядом.

— Я хочу сказать вам кое-что, чего не говорил ни одной живой душе.

Теодор утер слезы.

— Моя фамилия не Гордон. Я Готлиб. Я еврей. Провел год в Дахау*.

Рот миссис Маккэнн шевельнулся, но она ничего не сказала. Лицо ее начала заливать краска.

— Я вышел оттуда сломанным человеком,— продолжал Теодор.— Мне недолго осталось жить, миссис Маккэнн. Моя жена умерла, трое детей умерли. Я совершенно один на свете. И всего лишь хочу жить в мире... в маленьком мирке, как этот, среди людей, как вы. Быть соседом, другом...

— Мистер... Готлиб... — Она еле могла справиться с потрясением.

После ее ухода Теодор некоторое время постоял посреди гостиной, упираясь в бока побелевшими кулаками. Затем отправился на кухню: он должен был себя наказать.

— Доброе утро, миссис Бакус,— произносил он часом позже, когда миниатюрная женщина открыла ему дверь,— простите, не могу ли я задать вам несколько вопросов по поводу нашей церкви?

— Церкви? Да, конечно.— Она неуверенно отступила назад.— Не хотите... войти?

— Я буду вести себя очень тихо, чтобы не разбудить вашего мужа,— зашептал Теодор. Он увидел, как она покосилась на его перевязанную руку.— Обжегся,— пояснил он.— Так вот, насчет церкви... Ой, слышите, кто-то стучит в заднюю дверь.

---

* Дахау — концентрационный лагерь в фашистской Германии. *(Прим. ред.)*

— Неужели?

Когда она ушла в кухню, Теодор открыл стенной шкаф и кинул несколько фотографий за кучу садовых галош и инструментов. К ее возвращению дверца шкафа была закрыта.

— Там никого не было.

— Я мог бы поклясться...— Он извиняюще улыбнулся, поглядел на круглый чехол на полу.— О, мистер Бакус играет в кегли?

— По средам и пятницам, после смены. На Вестерн-авеню есть круглосуточный кегельбан.

— Я тоже люблю покидать шары,— сказал Теодор.

Он задал свои вопросы по поводу церкви, а потом распрощался. Когда он шел по дорожке, то услышал голоса из дома Мортонов.

— Как будто мало было истории с Кэтрин Маккэнн и тех кошмарных фотографий! — вопил мистер Мортон.— Теперь еще и эта... грязь.

— Но, мама! — кричал Уолтер-младший.

14 сентября

Теодор проснулся и выключил будильник. Поднявшись, он опустил в карман пузырек с серым порошком и выскользнул из дома. Добравшись до места, он насыпал порошка в миску с водой и помешал пальцем, чтобы порошок растворился.

По возвращении домой он нацарапал несколько писем, в которых говорилось: «Артур Джефферсон пытается нарушить „цветной" барьер. Он мой кузен и должен признавать, что такой же черный, как и все мы. Я сообщаю об этом только потому, что желаю ему добра».

Он подписал письмо именем Джон Томас Джефферсон и адресовал три конверта Дональду Горсу, Мортонам и мистеру Генри Путнаму.

Закончив, он увидел в окно, что по бульвару идет миссис Бакус, и последовал за ней.

— Можно вас проводить?

— О,— произнесла она.— Конечно.

— Вчера вечером упустил вашего мужа.

Она непонимающе заморгала.

— Думал, встречу его в кегельбане, но, наверное, он снова заболел.

— Заболел?

— Я спросил тамошнего работника, и он сказал, что мистер Бакус перестал ходить, потому что все время болеет.

— Вот как... — Голос миссис Бакус сделался тоненьким.

— Ну, может, увижу его в следующую пятницу.

Позже, снова вернувшись домой, он заметил, как к коттеджу Генри Путнама подъехал закрытый фургон. С их заднего двора вышел мужчина, неся завернутое в одеяло тело, которое он затем положил в машину. Мальчики Путнама плакали, глядя ей вслед.

Артур Джефферсон открыл дверь. Теодор показал письмо Джефферсону и его жене.

— Пришло сегодня утром,— сказал он.

— Это просто чудовищно,— возмутился Джефферсон, прочитав письмо.

— Именно так,— согласился Теодор.

Пока они разговаривали, Джефферсон поглядывал в окно на дом Путнама.

15 сентября

Бледный утренний туман затягивал Силмар-стрит. Теодор тихо шел по улице. Дойдя до дома Джефферсона, он положил под заднее крыльцо пачку бумаги и поджег ее. Когда она задымила, Теодор прошел через двор и одним ударом ножа проткнул резиновый бассейн. Спешно удаляясь, он слышал, как вода толчками выплескивается на траву. В переулке он выбросил коробок спичек с надписью «Вина и крепкие напитки Путнама».

Вскоре после шести утра его разбудил вой сирен. Маленький дом будто подпрыгивал, когда мимо проезжали тяжелые машины. Повернувшись на бок, он зевнул и пробормотал:

— Превосходно.

17 сентября

Дверь на стук открыла бледная как смерть Дороти Бакус.

— Может быть, подвезти вас до церкви? — спросил Теодор.

— Я... я, кажется, неважно себя чувствую,— проговорила миссис Бакус.

— Как жаль.

Теодор заметил, что из кармана ее фартука торчат уголки фотографий.

Выйдя от нее, он увидел, как Мортоны грузятся в машину, молчащая Бьянка и смущенные Уолтеры. Чуть дальше по улице, у дома Артура Джефферсона, притормозил полицейский автомобиль.

Теодор отправился в церковь с Дональдом Горсом, который сказал, что Элеонора приболела.

— Очень печально,— посочувствовал Теодор.

После обеда он провел некоторое время с Джефферсоном, помогая ему очищать закопченное заднее крыльцо. Увидев пропоротый бассейн, он немедленно поехал в магазин и купил точно такой же.

— Но ведь дети любят этот бассейн,— сказал Теодор, когда Пэтти Джефферсон начала протестовать.— Вы сами говорили.

Он ободряюще подмигнул Артуру Джефферсону, но тот был явно не в настроении.

23 сентября

Ранним вечером Теодор заметил, как улицу перебегает собака Альстона. Он схватил свое воздушное ружье, осторожно высунул в окно спальни и выстрелил. Собака яростно вцепилась себе в бок и завертелась волчком. Потом, поскуливая, припустила домой.

Прошло несколько минут, Теодор вышел на улицу и начал поднимать ворота гаража. Из переулка выбежал старик, неся на руках собаку.

— Что случилось? — спросил Теодор.

— Не знаю,— ответил Альстон безжизненным, испуганным голосом.— У него что-то болит.

— Быстрее! — воскликнул Теодор.— Садитесь в машину!

Он повез Альстона с собакой к ближайшему ветеринару, проскакивая на красные светофоры и стеная каждый раз, когда старик отрывал трясущуюся руку от бока собаки:

— Кровь!

Три часа Теодор просидел в приемной ветеринара, пока дверь не открылась; старик, пошатываясь, вышел из кабинета, его лицо приобрело пепельный оттенок.

— Нет! — Теодор вскочил на ноги.

Он проводил обливающегося слезами старика до машины и отвез домой. Потом Альстон сказал, что ему лучше побыть одному, и Теодор удалился. Вскоре черно-белая полицейская ма-

шина остановилась у дома Альстона, и старик провел двух полицейских мимо дома Теодора.

Теодор некоторое время прислушивался к гневным крикам с улицы. Они звучали еще долго.

27 сентября

— Добрый вечер.— Теодор поклонился.

Элеонора Горс слабо кивнула.

— Я принес вам с отцом жаркое.— Теодор, улыбаясь, протянул завернутую в полотенце керамическую кастрюльку.

Когда она сказала, что отец ушел в вечернюю смену, Теодор изумился, словно не видел, как пожилой господин уезжал сегодня после обеда.

— Ну что ж, тогда это лично для вас. С моими наилучшими пожеланиями.

Сойдя с крыльца, он увидел, что Артур Джефферсон и Генри Путнам стоят под фонарем чуть дальше по улице. Пока он смотрел, Джефферсон ударил Путнама, и спустя секунду оба уже катились в канаву. Теодор побежал к ним.

— Как вам не стыдно! — задыхался он, растаскивая противников.

— Не лезьте не в свое дело! — предупредил Джефферсон и выкрикнул, обращаясь к Путнаму: — Лучше скажи мне, как эта краска очутилась под твоим крыльцом! Полиция, может, и поверит, что твои спички случайно оказались у меня за домом, но только не я!

— Ничего я тебе не скажу,— с презрением отвечал Путнам.— Ниггер!

— Ниггер?! Ну естественно! Ты, конечно, первый этому поверил, придурок...

Теодор стоял между ними пять минут. И только когда Джефферсон случайно угодил ему по носу, напряжение спало. Джефферсон вежливо извинился и, бросив убийственный взгляд на Путнама, ушел.

— Мне жаль, что он вас ударил,— посочувствовал Путнам.— Проклятый ниггер!

— О, вы наверняка ошибаетесь,— сказал Теодор, зажимая ноздри.— Мистер Джефферсон говорил мне, как боится, что люди поверят этим сплетням. Это из-за стоимости двух его домов, ну, вы понимаете.

— Двух? — переспросил Путнам.

— Да, пустой дом рядом с ним тоже принадлежит ему. Я думал, вы знаете.

— Нет,— осторожно ответил Путнам.

— Так вот, дело в том,— продолжал Теодор,— что если пойдут разговоры, будто мистер Джефферсон негр, стоимость его домов упадет.

— Как и стоимость всех остальных домов.— Путнам сверкнул глазами.— Этот грязный сукин сын...

Теодор похлопал его по плечу и сменил тему.

— Как родители вашей жены проводят время в Нью-Йорке?

— Они уже возвращаются обратно.

— Отлично, отлично.

Он отправился домой и примерно час читал комиксы. Потом вышел из дому.

Дверь ему открыла Элеонора Горс. Лицо раскраснелось, халат был надет кое-как, глаза лихорадочно блестели.

— Можно мне забрать кастрюлю? — учтиво поинтересовался Теодор.

Она промямлила что-то и покачнулась, отступая назад. Проходя мимо, он коснулся ее руки. Она дернулась, словно от удара.

— Я смотрю, вы все съели,— сказал Теодор, заметив на дне кастрюли следы порошка. Он обернулся к ней.— А когда возвращается ваш отец?

Все ее тело напряглось.

— После полуночи.

Теодор шагнул к выключателю и погасил свет. Он услышал, как она ахнула в темноте.

— Нет,— прошептала она.

— Разве ты не этого хочешь, Элеонора? — Он властно схватил ее.

Ее объятие было бездумным и горячечным. Под халатом не оказалось ничего, кроме распаленного тела.

Позже, когда она лежала на полу кухни и спала, удовлетворенно посапывая, Теодор принес фотоаппарат, оставленный за дверью. Опустив шторы, он уложил Элеонору в подходящую позу, и сделал десяток фотографий. Потом пошел домой и вымыл кастрюлю.

Прежде чем отправиться спать, он набрал один номер.

— Служба «Вестерн Юнион»,— представился Теодор.— У меня сообщение для миссис Ирмы Путнам, Силмар-стрит, двенадцать ноль семьдесят.

— Это я,— отозвалась она.

— «Сегодня днем ваши родители погибли в автокатастрофе. Ждем распоряжений по поводу отправки тел. Шеф полиции, Талса, Окла...»

На другом конце провода раздался придушенный хрип, удар, а потом крик Путнама: «Ирма!» И Теодор повесил трубку.

После того как уехала «скорая», он вышел на улицу и вырвал еще тридцать пять плющей Джозефа Альстона. В куче растений он оставил второй спичечный коробок Путнама.

28 сентября

Утром, когда Дональд Горс отправился на работу, Теодор вышел из дому. Элеонора попыталась закрыть перед ним дверь, но он все равно пролез внутрь.

— Мне нужны деньги,— холодно сообщил он.— А вот мой товар.— Теодор кинул пачку фотографий, и Элеонора отшатнулась, зажав рот рукой.— Ваш отец получит их сегодня же вечером, если я не получу две сотни долларов.

— Но у меня...

— Сегодня вечером!

Он поехал в деловой квартал в риелторское агентство Джеремайи Осборна, где продал мистеру Джорджу Джексону свободный дом по Силмар-стрит, двенадцать ноль шестьдесят девять. Он пожал мистеру Джексону руку.

— Вам не о чем беспокоиться,— заверил он.— Семья, живущая в соседнем доме, тоже черная.

Когда он вернулся домой, перед домом Бакусов стояла полицейская машина.

— Что случилось? — спросил он Джозефа Альстона, который неподвижно сидел у себя на крыльце.

— Миссис Бакус,— безжизненным голосом ответил старик,— пыталась зарезать миссис Феррел.

— В самом деле? — изумился Теодор.

Тем же вечером в конторе он внес запись на семисотой странице своей учетной книги.

«Миссис Феррел умирает от ножевых ранений в местной больнице. Миссис Бакус в тюрьме; уверена, что муж ей изменил. Дж. Альстон обвиняется в отравлении собаки и, возможно, в чем-то еще. Сыновей Путнама подозревают в убийстве собаки Альстона и уничтожении его растений. Миссис Путнам скончалась от сердечного приступа. Мистеру Путнаму предъявлен иск в порче частной собственности. Джефферсона считают негром. Маккэнны и Мортоны — смертельные враги. Про Кэтрин Маккэнн думают, что она состояла в интимной связи с Уолтером Мортоном-младшим. Мортон-младший отправлен в школу в Вашингтон. Элеонора Горс повесилась. Работа завершена».

Пора переезжать.

На краю

Было уже почти два часа, когда наконец-то появилась возможность пообедать. Всю первую половину дня его стол был завален снежной лавиной требующих что-то сделать бумаг, телефон не смолкал и целая армия настырных посетителей приступом брала дверь кабинета. К двенадцати нервы были как натянутые до предела скрипичные струны. К часу дня струны уже нельзя было тронуть, а полвторого они начали лопаться. Ему нужно было выбраться отсюда, сейчас же, немедленно. Сбежать куда-нибудь в полутьму ресторана, выпить коктейль и как следует подкрепиться. Послушать успокаивающую музыку. Просто необходимо.

Дональд спустился вниз и шел некоторое время, пока не миновал весь этот район знакомых ему кафе и закусочных. Совсем не хотелось, чтобы кто-то его узнал. Подвальный ресторанчик «У Франка» находился где-то в четверти мили от офиса. Зайдя внутрь, он попросил хозяйку провести его в дальнюю кабину и заказал мартини. После того как женщина приняла заказ, он вытянул ноги под столом и закрыл глаза. Благодарный вздох облегчения вырвался откуда-то изнутри. То, что надо. Мягкий полусвет, дрожащая на грани слышимости мелодия, исцеляющий глоток. Он снова вздохнул. Еще несколько таких дней, подумал он, и все.

— Привет, Дон!

Он открыл глаза как раз в тот момент, когда мужчина уже опускался напротив него.

— Ну, как жизнь? — спросил тот.

— Что-что? — уставился на него Дональд Маршалл.

© Перевод Н. Савиных.

— Да ничего,— сказал мужчина.— Ну и денек! Черт знает что! — Он устало улыбнулся.— И ты тоже?

— Просто не верится...— начал было Маршалл.

— А-а,— сказал мужчина, удовлетворенно кивая, когда официантка принесла мартини.— Это по мне. Еще, пожалуйста. Сухое-пресухое.

— Одну минуту,— сказала официантка и ушла.

— Ну вот,— сказал мужчина, потягиваясь,— если хочешь уйти от всего этого, то самое лучшее посидеть «У Франка», точно?

— Послушайте,— сказал Маршалл, неловко улыбаясь.

— Да? — Мужчина нагнулся вперед, улыбаясь в ответ.

— Я боюсь, что вы ошиблись.

— Я? — переспросил мужчина.— Может, я что-нибудь не так сделал, забыл побриться? Это со мной бывает. Или еще что? А может быть, галстук не тот?

— Вы не поняли меня,— сказал Маршалл, нахмурившись.

— Что?

Маршалл слегка кашлянул и продолжил:

— Я не тот, за кого вы меня принимаете.

— А? — Мужчина снова наклонился вперед и прищурился. Потом он выпрямился, засмеялся и сказал: — Ну что еще за дела, Дон?

Маршалл провел пальцем по основанию своего стакана.

— Действительно, что за дела? — сказал он уже менее вежливо.

— Я что-то не понимаю,— сказал мужчина.

— Как вы думаете, кто я такой?

Голос у Маршалла повысился. Мужчина начал что-то говорить, открыл рот и замолчал, потом снова заговорил:

— Что ты имеешь в виду...

Он прервался, потому что официантка принесла мартини. Пока она не ушла, оба сидели тихо.

— Послушайте.— Мужчина начал нервничать.

— Не надо. Я не собираюсь ни в чем вас обвинять,— прервал его Маршалл,— но вы меня не знаете. Вы со мной никогда в жизни не встречались.

— Я просто не могу...— Мужчина не закончил, вид у него был просто весьма озадаченный.— Я тебя не знаю?

Маршалл искусственно засмеялся.

— Это уже просто смешно,— сказал он.

Мужчина понимающе улыбнулся.

— Я знал, что ты меня дурачишь.— Он покачал головой.— Знаешь, я уже почти начал сомневаться.

Маршалл поставил стакан. Лицо его напряглось.

— Мне кажется, это уже слишком,— сказал он.— У меня сегодня совершенно нет настроения...

— Дон,— перебил его мужчина,— что случилось?

Маршалл сделал глубокий вдох, затем медленно выдохнул.

— Ну что ж,— сказал он,— предположим, что это случайная ошибка,— он через силу улыбнулся,— и кто же, вы думаете, я такой?

Мужчина не отвечал. Он в упор смотрел на Маршалла.

— Ну давай, говори.— Маршалл начал терять терпение.

— Так это не шутка? — спросил мужчина.

— Нет, я еще раз хочу...

— Подожди, подожди,— сказал мужчина, поднимая руку.— Предположим, что два человека могут до такой степени походить друг на друга, и они...

Он резко замолчал и посмотрел на Маршалла.

— Дон, ты ведь шутишь со мной?

— Но послушайте же меня...

— О'кей, тогда я прошу прощения,— сказал мужчина. Он все еще сидел, уставившись на Маршалла. Потом он пожал плечами и изобразил улыбку.— Я мог бы поклясться, что передо мной Дон Маршалл,— сказал он.

Маршалл почувствовал, как что-то у него холодеет внутри.

— Он самый,— произнес он, слыша себя как бы со стороны. Ничего не нарушало тишину ресторана, кроме музыки и негромкой возни на кухне.

— И что это значит? — спросил мужчина.

— Да я бы сам хотел знать.— Голос у Маршалла стал совсем тихий.

— Так ты...— Мужчина внимательно смотрел на него.— Так это не шутка.

— Ну я прошу, послушайте!

— Ладно, ладно,— мужчина поднял руку в примиряющем жесте,— это не шутка. Ты утверждаешь, что это я тебя не знаю. Хорошо. Тогда мы имеем следующее: один человек не только похож на моего друга как две капли воды, но он и носит то же самое имя. Это реально?

— Получается, что да,— сказал Маршалл, поднял стакан и на какое-то мгновение забылся с мартини. Мужчина сделал то же самое. Официантка подошла принять следующий заказ, но Маршалл попросил подойти позднее.

— Как вас зовут? — спросил он.

— Артур Нолан,— ответил мужчина.

Маршалл сделал движение руками, обозначающее: «Ну вот видите, я вас не знаю».

Под ложечкой у него засосало.

Мужчина откинулся назад и уставился на Маршалла.

— Потрясающе,— сказал он и покачал головой,— просто потрясающе.

Маршалл улыбнулся и опустил взгляд на стакан.

— Где ты работаешь? — спросил мужчина.

— Пароходство «Американ Пасифик»,— ответил Маршалл, поднимая глаза.

Он почувствовал, что его начинает разбирать любопытство. По крайней мере, весь этот сумасшедший день уже не казался ему таким скучным.

Мужчина испытующе смотрел на него. Маршалл почувствовал, как любопытство исчезает. Внезапно мужчина засмеялся.

— Да, приятель. Утро у тебя, должно быть, было — не позавидуешь.

— Какое утро?

— Да никакое,— сказал мужчина.

— Но я повторяю...

— Я сдаюсь,— ухмылялся Нолан,— у меня просто волосы дыбом.

— Но послушайте же, черт вас возьми! — взорвался Маршалл.

Мужчина больше не ухмылялся. Он открыл рот и опрокинул туда содержимое стакана.

— Дон, ты что? — спросил он уже на полном серьезе.

— Вы меня не знаете,— сказал Маршалл, четко произнося каждое слово,— и я вас не знаю. Будьте добры с этим согласиться.

Мужчина посмотрел вокруг, как бы ища помощи. Затем он наклонился поближе к Маршаллу и спокойным твердым голосом произнес:

— Слушай, Дон, давай честно. Ты меня не знаешь?

Маршалл набрал побольше воздуха и, сдерживая нарастающую ярость, сжал зубы. Мужчина отпрянул от него. Выражение его лица испугало Маршалла.

— Один из нас спятил,— сказал Маршалл. Но получилось это совсем не с той легкостью, какую он хотел.

Нолан судорожно сглотнул. Он не поднимал глаз от стакана, словно боясь взглянуть на собеседника.

Внезапно Маршалл расхохотался.

— Бог ты мой! — сказал он.— Ну и сцена! Вы, наверное, на самом деле думаете, что знаете меня?

Губы мужчины слегка искривились.

— Тот Дон Маршалл, которого я знаю,— сказал он,— тоже работает в «Американ Пасифик».

Маршалла передернуло.

— Но это невозможно,— сказал он.

— Нет,— без всякого выражения добавил мужчина.

В следующую секунду Маршаллу показалось, что он стал жертвой какого-то коварного замысла. Но полная растерянность на лице собеседника сразу же заглушила это подозрение. Он пригубил мартини, поставил стакан и осторожно положил ладони на стол, как бы надеясь, что это придаст ему силы.

— Пароходство «Американ Пасифик»? — спросил он.

Мужчина утвердительно кивнул.

— Да.

Маршалл упрямо покачал головой.

— Нет,— сказал он,— другого Маршалла у нас в конторе не числится.— И тут же быстро добавил: — Если, конечно, это не кто-нибудь из клерков там внизу.

— Но ты...— Мужчина явно нервничал.— Ты работаешь администратором,— сказал он.

Маршалл убрал руки со стола и зажал их между ног.

— Тогда я не понимаю,— сказал он. И тут же пожалел, что произнес это.

— И этот... э-э... человек сказал, что он именно там и работает? — В голосе Маршалла звучал вызов, голос дрожал.— И вы можете доказать, что его действительно зовут Дон Маршалл?

— Но, Дон, я...

— Так вы можете доказать или нет?

— Ты женат? — спросил мужчина.

Маршалл медлил с ответом. Наконец, кашлянув, он ответил:

— Да, женат.

Нолан наклонился вперед.

— На Рут Фостер? — спросил он.

Скрыть непроизвольное удивление Маршаллу не удалось.

— Ты живешь на Острове? — настойчиво продолжал Нолан.

— Да,— слабо сказал Маршалл,— но...

— В Хантингтоне?

Маршалл не мог уже даже кивать.

— Учился ли ты в Колумбийском университете?

— Да, но...— Губы у него слегка дрожали.

— А закончил ли ты в июне сорокового?

— Нет.— У Маршалла появилась какая-то надежда.— Я закончил в январе сорок первого. Сорок первого.

— Ты был лейтенантом в армии?

Маршалл почувствовал, что куда-то провалился.

— Да,— пробормотал он,— но вы сказали...

— В Восемьдесят седьмой дивизии?

— Подождите минутку.— Маршалл отодвинул в сторону почти уже пустой стакан, как бы освобождая место для опровержения.— Я могу дать вам очень хорошее объяснение этого... дурацкого совпадения. Во-первых: кто-то, кто очень похож на меня и знает обо мне довольно много, притворяется, что он — это я и есть. Бог знает зачем. Во-вторых: вы все это знаете и пытаетесь заманить меня в какую-то ловушку. Ну нет! Вы можете приводить какие угодно доказательства.

Мужчина хотел что-то возразить, но Маршалл, будучи уже почти в отчаянии, не дал ему сказать ни слова:

— Вы можете задавать мне любой вопрос, но я знаю, кто я такой, и я знаю, кого я знаю.

— А так ли это? — спросил мужчина. Он был явно озадачен.

Маршалл резко поджал ноги.

— Ну вот что. Я не с-собираюсь здесь с-сидеть спорить с вами,— сказал он,— это совершенно бессмысленно. Я пришел сюда немного отдохнуть... Туда, где никогда раньше не был, и вдруг...

— Дон, мы всегда здесь обедаем в это время.— Видно было, что Нолану трудно говорить.

— Чепуха какая-то.

Нолан потер рукой подбородок.

— Ты... ты правда думаешь, что это игра, что тебя хотят надуть? — спросил он.

Маршалл смотрел на него как завороженный. Он чувствовал, как тяжело бьется пульс.

— Ты думаешь, что... О, мама родная... ты думаешь, что есть человек, который притворяется, что он — это ты? Но, Дон...— Мужчина посмотрел вниз.— Мне кажется, если бы я был на твоем месте, то я бы,— тихо закончил он,— пошел к доктору, я бы пошел к...

— Может быть, закончим на этом? — холодно прервал его Маршалл.— Я думаю, один из нас должен уйти.— Он окинул взглядом ресторан.— Да, здесь же полно места.— Он быстро отвел глаза от окаменевшего лица собеседника и поднял мартини.— Итак? — сказал он.

Мужчина покачал головой.

— Боже правый,— пробормотал он.

— Я сказал: закончим на этом,— сквозь сжатые зубы произнес Маршалл.

— Закончим? — Нолан не мог поверить.— И ты хочешь вот так это оставить?

Маршалл уже почти поднялся.

— Нет-нет, подожди,— сказал Нолан.— Я уйду.— Он тупо смотрел на Маршалла.— Я уйду,— повторил он.

С большим усилием он выпрямился и встал, как будто на плечах у него была тяжелая ноша.

— Не знаю, что и сказать,— произнес он,— но ради всего святого, Дон, сходи к доктору.

Он постоял еще чуть-чуть рядом с кабиной, посмотрел на Маршалла. Потом очень быстро повернулся и пошел к выходу. Маршалл проводил его взглядом.

Когда мужчина вышел, Маршалл откинулся на стенку кабинки и уставился в стакан. Он взял зубочистку и механически помешивал ею остатки коктейля. Затем подошла официантка, и он заказал первое, что увидел в меню.

Пока ел, он думал о том, что все это похоже на сумасшествие. Если, конечно, этот Нолан не... Но тогда он непревзойденный актер. Он был искренне расстроен тем, что случилось. А что случилось? Если это какой-то экстраординарный случай, когда одного человека принимают за другого, то это одно дело, ну а если этот другой и ты сам, в общем-то, одно и то же, то это совсем другое. Знает о Рут, о Хантингтоне, об «Американ Пасифик» и даже о лейтенантстве в 87-й дивизии? Откуда? Внезапно его осенило.

Много-много лет назад он здорово увлекался фантастикой. Различными рассказами о полетах на Луну, о путешествиях во времени и тому подобное. И везде там постоянно повторялась мысль о некой второй Вселенной. Это такая теория для лунатиков, предполагавшая, что существуют две различные Вселенные. Исходя из этой теории, где-то вполне могла быть другая Вселенная, в которой он знал этого Нолана, регулярно обедал с ним в ресторанчике «У Франка» и где он закончил Колумбийский университет семестром раньше.

Это, конечно, абсурд, но никуда от этого не денешься. Что, если, войдя в ресторан, он по какой-то случайности попал во Вселенную, немного сдвинутую относительно той, в которой он пребывал в офисе? А что, если (мысль его работала дальше) многие люди, сами того не осознавая, постоянно перемещались в этих двух Вселенных? А что, если и сам он так вот перемещался до сих пор, но узнал об этом лишь сегодня — пока случайно не сделал какой-то лишний шаг?

Он закрыл глаза и содрогнулся.

«О Боже,— подумал он.— О всемогущий великий Боже, я действительно переработал». Он почувствовал себя стоящим на краю скалы в ожидании толчка в спину. Изо всех сил он постарался не думать о разговоре с Ноланом. Если бы он продолжал думать об этом, то ему бы пришлось найти этому какое-то место в своей новой схеме. К такому он еще не был готов.

Посидев еще немного, он заплатил и вышел из ресторана. Все съеденное лежало в желудке холодным комком. До Пенсильвания-стэйшен он доехал на такси, там несколько минут подождал и сел на северобережный поезд. В вагоне всю дорогу до Хантингтона он следил за мелькающей в окне сельской местностью, сигарета в пальцах так и осталась незажженной. Тяжелый комок в желудке не исчезал.

По прибытии в Хантингтон Маршалл прошел через станцию, напрямую к стоянке такси, и специально сел в одну из знакомых машин.

— Пожалуйста, отвезите меня домой.— Он внимательно посмотрел на водителя.

— С превеликим удовольствием, мистер Маршалл,— ответил водитель.

Маршалл с облегчением расслабился на сиденье и закрыл глаза. Кончики его пальцев зачесались.

— Вы сегодня рано,— заметил водитель.— Плохо себя чувствуете?

Маршалл поежился.

— Да, голова что-то болит,— сказал он.

— Извините, пожалуйста.

По пути домой Маршалл внимательно рассматривал город. Вопреки своей воле он искал несоответствия, различия. И ничего не находил. Все было то же самое. Дискомфорт в желудке проходил.

Рут сидела в гостиной. Она шила.

— Дон,— она встала и поспешила ему навстречу,— что-нибудь случилось?

— Нет-нет,— ответил он, снимая шляпу,— просто голова болит.

— Ну ничего.— Она взяла его руку и проводила до кресла. Помогла ему снять пиджак и обувь.— Сейчас я тебе что-нибудь принесу,— сказала она.

— Спасибо.

Когда она ушла наверх, Маршалл осмотрелся в знакомой комнате и улыбнулся. Все было в полном порядке.

Рут спускалась по лестнице, и в это время зазвонил телефон. Он вздрогнул, хотел встать, но она сказала:

— Сиди, дорогой, я возьму.

— Да-да, конечно,— сказал он.

Он смотрел, как она пересекла холл, взяла трубку и ответила. Она слушала.

— Да, милый,— сказала она почти автоматически,— значит, ты...— И вдруг она остановилась. Держа телефонную трубку перед собой, она смотрела на нее, как будто это было что-то необыкновенное. Потом она вновь поднесла ее к уху: — Значит, ты придешь... домой очень поздно? — Голос у нее был какой-то слабый.

Маршалл уставился на нее, открыв рот. Сердце его готово было выпрыгнуть. И даже когда она обернулась к нему, все еще держа в опущенной руке телефонную трубку, он не мог отвести взгляд.

«Ну пожалуйста,— подумал он.— Пожалуйста, не говори этого!»

Ну пожалуйста!

— Кто вы такой? — спросила она.

Большой сюрприз

Старый мистер Хокинс обычно стоял у своей щербатой изгороди и подзывал к себе маленьких мальчишек, которые возвращались домой из школы.

— Ребятки! — кричал он.— Идите сюда, ребятки!

Большинство мальчишек боялись ходить рядом с этим забором, поэтому они принимались хохотать и дразнить старика дребезжащими от страха голосами. После воплей и хохота мальчишки быстро отбегали подальше и долго потом хвалились друг перед другом своей храбростью. Тем не менее время от времени один из них осмеливался подойти к мистеру Хокинсу, и старик повторял ему свою неизменную нелепую просьбу.

Дети в городке распевали по этому поводу песенку, и вот какую:

Вырой ямку,— дед сказал
и глазами замигал.—
Ты копай поглубже вниз
и найдешь большой сюрприз.

Никто не знает, с каких пор дети поют эту песенку. Иногда их родителям кажется, что они сами слышали ее в глубоком детстве.

Один совсем маленький мальчик начал было копать на дороге ямку своим песочным совочком, но скоро ему надоело, и он так и не откопал сюрприза. Больше никто не пытался последовать совету песенки, но...

...В один прекрасный день Эрни Виллакер шел домой из школы с двумя своими приятелями. Они все были на другой сторо-

---

© Перевод В. Рыбаковой.

не улицы, как раз напротив дома Хокинса, когда старик появился в своем запущенном и заваленном хламом дворике и подошел к щербатой изгороди.

— Ребятки! — послышался его призыв.— Идите сюда, ребятки!

— Он имеет в виду тебя, Эрни,— поддразнил Виллакера один из мальчишек.

— Ну уж нет,— ответил Эрни.

Мистер Хокинс тут же нацелил свой крючковатый палец в Эрни.

— Иди сюда, мальчик! — проскрипел он.

Эрни нервозно огляделся.

— Иди, чего стоишь,— сказал ему один из его приятелей.— Чего ты боишься?

— Кто это боится? — ответил Эрни.— Никто его не боится. Просто моя мама сказала мне быть дома сразу же после уроков.

— Не ври! — сказал другой мальчишка.— Ты просто до смерти боишься старины Хокинса.

— Да кто его боится-то!

— Тогда иди к нему!

— Ма-альчик! — позвал снова мистер Хокинс.— Иди ко мне, мальчик!

— Ладно,— поколебавшись, бросил Эрни,— только не уходите отсюда, ждите меня здесь!

— Да не уйдем мы, не волнуйся!

— Ну.— Эрни подбодрил себя и перешел улицу, стараясь выглядеть отважно и гордо.

Он переложил книги в левую руку и правой рукой откинул челку со лба. «Вырой ямку,— дед сказал»,— пронеслось в его голове.

Эрни подошел к дырявой изгороди.

— Да, сэр? — спросил он.

— Иди сюда, поближе,— сказал старик, и его темные глаза сверкнули из-под клочковатых бровей.

Эрни сделал еще один шаг вперед.

— Ну что, боишься ты старого мистера Хокинса, а? — мигая, спросил старик.

— Нет, сэр,— ответил Эрни.

— Ну-ну, это хорошо,— проскрипел Хокинс.— Теперь слушай меня, мальчик, слушай внимательно. Ты хочешь найти большой сюрприз?

Эрни глянул через плечо. Его друзья стояли на месте. Он торжествующе ухмыльнулся им. И тут же мальчик едва не задохнулся от неожиданно нахлынувшего ужаса: худая стариковская рука вцепилась в его предплечье.

— Эй, сюда! — завопил Эрни.

— Полегче, мой малыш,— прошипел мистер Хокинс.— Тебя никто не собирается убивать.

Эрни дернулся. Слезы брызнули у него из глаз, когда старик придвинулся к нему еще ближе. Краем глаза Эрни успел заметить, что оба его дружка несутся прочь вниз по улице.

— С-сюда,— промычал Эрни.

— Перестань,— сказал старик.— Ну так что, хочешь ты получить большой сюрприз?

— Н-нет, спасибо, мистер.

— Конечно, ты очень хочешь! — подытожил мистер Хокинс.

Вонючее его дыхание коснулось щеки мальчика, и Эрни снова попытался рвануться прочь, но хватка мистера Хокинса была железной.

— Ты знаешь, где поле мистера Миллера? — грозно спросил мистер Хокинс.

— Д-да.

— Знаешь большой дуб на этом поле?

— Д-да, да, я знаю.

— Ты пойдешь на это поле, станешь под дуб и повернешься лицом к церковному шпилю. Ты понял?

— Д-д-да-а!

Старик притянул его еще ближе к себе.

— Там ты остановишься, а потом отмеряешь десять шагов. Ты понял? Десять шагов.

— Да-а.

— Ты пройдешь десять шагов и выроешь яму глубиной в десять футов. Сколько футов? — Он ткнул своим костлявым пальцем в грудь мальчика.

— Де-е-сять,— повторил Эрни.

— Так-то,— пробормотал старик.— Лицом на шпиль, шагай десять раз, и десять футов вниз, потом копай, копай, копай — найдешь большой сюрприз.— Он помигал Эрни.— Сделаешь так, мальчик?

— Я? Да, сэр, конечно. Конечно.

Мистер Хокинс отпустил его, Эрни отпрыгнул и стрелой помчался вниз по улице. Его рука совсем оцепенела.

— Не забудь же! — крикнул ему вслед старик.

Эрни припустился бежать еще быстрее и скоро увидел двух своих товарищей, которые поджидали его за углом.

— Он пытал тебя и хотел убить? — замогильным шепотом спросил один мальчишка.

— Не-а,— выдавил Эрни,— он не хотел от меня так м-много.

— Чего же он хотел?

— Что он предложил тебе?

Они понеслись вниз по улице, распевая:

Вырой ямку,— дед сказал
и глазами замигал.—
Ты копай поглубже вниз
и найдешь большой сюрприз!

Каждый день после обеда они приходили на поле мистера Миллера и сидели под старым дубом.

— Ты думаешь, что там, под землей, правда что-нибудь спрятано?

— Не-а.

— А как ты думаешь, что там может быть?

— Что?

— Золото, наверное,— что же еще?

Они говорили об этом каждый день и каждый день становились лицом к шпилю и отмеряли десять шагов. Потом стояли на этом месте, помечая землю носками своих ботинок.

— Он сказал тебе, что там лежит золото, да?

— Зачем бы он стал говорить нам это?

— Почему же тогда он сам не выроет эту яму?

— Потому что он старый и скрюченный, тупицы!

— Да-а? Ну, если там внизу и правда золото, то мы выкопаем его и поделим на три части.

Мысли об этом занимали их все больше и больше. По ночам им снились диковинные клады с россыпями золотых монет, они писали слово «золото» на своих школьных книжках, они постоянно раздумывали и прикидывали, что бы такое накупить на это золото. Они стали прогуливаться мимо дома мистера Хокинса, ожидая, что он снова подзовет их,— тогда можно было бы спросить у него, точно ли золото зарыто в поле. Но старик пропал и больше не подзывал их к себе.

Однажды они шли из школы и вдруг увидели старика Хокинса, который стоял у своего заборчика и беседовал с каким-то чужим мальчишкой.

— Он же сказал нам, что это мы должны забрать себе все золото! — воскликнул Эрни.

— Да! — как эхо, подхватили остальные.— Пошли туда!

Сначала они побежали к дому Эрни, и Эрни спустился в погреб. Он достал оттуда лопаты. Друзья помчались по улицам, через участки, не разбирая дороги, и скоро очутились на поле мистера Миллера. Они встали под дуб, повернулись лицом к шпилю и отмеряли десять шагов.

— Давайте копать,— сказал Эрни.

Их лопаты мягко вошли в черную землю. Они копали молча, сопя и раздувая щеки. Когда яма была глубиной уже в три фута, они остановились передохнуть.

— Так ты думаешь, там точно должно быть золото?

— Я не знаю, но мы должны откопать его раньше других мальчишек.

— Да!

— Эй, а как мы выберемся отсюда, если яма будет в десять футов глубиной? — спросил один из них.

— Мы вылезем отсюда по веревке,— ответил Эрни.

Они снова принялись копать. Около часа они без остановки выбрасывали наверх влажную теплую землю, которая уже горами возвышалась вокруг ямы. Их одежда, лица и руки — все было в грязи.

Когда края ямы стали вровень с их головами, один из мальчишек поднялся наверх, чтобы сбегать за ведром и веревкой. Эрни и другой мальчишка продолжали копать, выбрасывая землю из ямы наверх. Начал накрапывать дождик, спины и головы у детей скоро промокли, и они остановились передохнуть. Они в изнеможении уселись на сырую мягкую землю, ожидая возвращения своего друга. Их руки до самых плеч были в коричневой грязи.

— Как глубоко мы уже! — удивился мальчик.

— Шесть футов! — смерил взглядом Эрни.

Третий вернулся, и они снова принялись за работу. Они копали и копали до тех пор, пока у них не заломило спины и руки.

— А-ах, как же вы глубоко,— сказал мальчишка, который поднимал наверх ведро с землей.— Да там ведь ничего нету!

— Он сказал: десять футов,— напомнил Эрни.

— Знаете что, у меня больше нет сил,— сказал мальчишка, который был наверху.

— Ну и вали отсюда, болван,— откликнулся Эрни.

— Я просто устал,— прокричал издалека убегающий мальчик.

Эрни повернулся к приятелю в яме.

— Тогда ты будешь поднимать землю наверх,— решил он.

— Ох, ладно,— пробормотал приятель.

Эрни продолжал копать. Когда он поднял голову и взглянул наверх, ему показалось почему-то, что края ямы вот-вот обвалятся и засыплют его. Он неожиданно испугался чего-то.

— Вылезай наверх! — закричал в конце концов мальчишка с ведром.— Там ничего нету, не ясно, что ли? Уже есть десять футов.

— Еще нет десяти футов,— возразил Эрни.

— Так на какой мы глубине, китаеза?

Эрни выпрямился и отер с губ песок. Теплые комья земли скатывались вниз с насыпи в яму. Из стенки вывалился жирный червяк и закопошился рядом с ногой Эрни.

— Ну, я пошел домой,— крикнул мальчишка сверху.— Мне влетит от матери, если я опоздаю на ужин.

— Тоже мне, еще один слабак,— в отчаянии сказал Эрни.

— Аа-х, как же я устал! — потянулся его приятель наверху.

Эрни попытался расправить плечи — как же ему стало больно!

— Ну, тогда все золото будет моим! — бросил он.

— Нету там никакого золота! — крикнул мальчишка сверху.

— Зацепи там веревку за что-нибудь, чтобы я смог вылезти потом из ямы с моим золотом,— ответил Эрни.

Мальчишка наверху огляделся вокруг и привязал веревку к кусту, росшему неподалеку от ямы, а другой ее конец опустил вниз. Эрни взглянул на небо и увидел, что оно потемнело — уже стояли сумерки.

Наверху появилось лицо мальчишки, заглядывающего в яму.

— Чего тебе здесь делать, пошли со мной,— дружелюбно предложил он.

— Я не уйду отсюда.— Эрни со злостью опустил голову и вонзил лопату в землю. Спиной он чувствовал взгляд своего друга.

— А ты не боишься? — спросил тот.

— Чего? — спросил Эрни, не поднимая лица.

— Я не знаю,— растерянно отвечал мальчик.

Эрни копал.

— Ну,— сказал мальчишка сверху,— тогда я побежал.

Эрни замер на месте. Он услышал, как шаги его друга смолкли в стороне. Он оглянулся вокруг себя и лязгнул зубами от холода. Он порядочно продрог в этой сырой и грязной ямище.

— Отлично, я остаюсь,— пробормотал он.

Золото целиком принадлежало ему. Не такой он дурачок, чтобы бросить свое сокровище, как сделали другие. Он копал ожесточенно, отбрасывая землю на другую сторону ямы. Темнело.

— Еще немножко,— шептал он себе,— зато тогда я вернусь домой с сундуком золота.

Он уже едва держался на ногах, и вокруг было совсем тихо. Эрни чувствовал, как дрожь то и дело пробегает у него по спине. Он заставлял себя копать еще быстрее. «Я еще над ними посмеюсь,— думал он.— Я еще над ними всеми...»

Он откопал верх какого-то ящика — здоровенного, длинного ящика. Мальчик остановился, глядя вниз на доски и дрожа. «Найдешь большой...» С волнением он встал на ящик и потопал по нему ногами. Старое дерево издало глубокий глухой звук. Эрни быстро расшвырял лопатой землю с поверхности ящика, и лопата его застучала по крепкому дереву. Но очистить от земли весь ящик ему пока что не удалось — тот был слишком длинный.

Тут Эрни обнаружил, что крышка ящика состоит из двух половинок и каждая половинка закрыта на маленький ржавый железный замочек.

Он сжал зубы и сбил острым краем лопаты замок на одной половине. Половинка ящика откинулась.

Эрни дико закричал. Он вжался спиной в земляную стену и в бесконечном ужасе вытаращился на человека, сидевшего прямо перед ним в деревянном ящике.

— Сюрприз! — сказал мистер Хокинс.

Последние минуты

Существует по крайней мере два вечера в году, когда врач не желает никого лечить,— канун Рождества и Новый год. На Рождество Бобби Даскоули обжег себе руку. И я накладывал мазь и перевязывал ожоги как раз в тот момент, когда должен был бы сидеть дома с моей Рут и любоваться разноцветными огоньками на елке.

Так что меня не особенно удивило, что через десять минут после того, как мы приехали к моей сестре Мэри на новогоднюю вечеринку, мне позвонили из регистратуры и сообщили о срочном вызове в центр города.

Рут грустно улыбнулась и покачала головой.

— Бедняжка Билл.— Она поцеловала меня в щеку.

— Действительно бедняжка,— сказал я, отставляя первый за вечер бокал, еще полный на две трети.

Я погладил ее по далеко выпирающему животу.

— Только не рожай, пока я не вернусь.

— Сделаю все, что от меня зависит.

Спешно со всеми распрощавшись, я вышел из дверей, похрустел, подняв воротник пальто, по заснеженной дорожке к своему «форду», завел в конце концов мотор и поехал в центр города, сохраняя на лице то самоотверженное выражение, какое я столько раз наблюдал у множества других семейных врачей.

Было уже больше одиннадцати вечера, когда цепи противоскольжения на колесах загрохотали по темной и пустой Восточной Мейн-стрит. Я проехал три квартала на север и остановился перед строением, которое в те времена, когда практиковал отец, представляло собой многоквартирный дом с изысканны-

© Перевод Е. Королевой.

ми апартаментами. Теперь же здесь был пропахший затхлостью пансион.

В вестибюле я поводил лучом карманного фонарика по почтовым ящикам, но так и не нашел нужной фамилии. Я позвонил консьержке и подошел к двери, ведущей в коридор. Зажужжал зуммер, и я толкнул дверь.

В противоположном конце коридора тоже открылась дверь, из которой появилась грузная женщина. Черный свитер поверх мятого зеленого платья, на толстые колготки натянуты полосатые носки, на ступнях двухцветные туфли. Косметикой она, похоже, не пользовалась вовсе, единственным цветным пятном на лице был покрывающий щеки нездоровый румянец. Седые космы на висках сбились вперед. Она зачесала их на место, пока ковыляла ко мне по темному коридору.

— Вы врач?

Я сказал, что да.

— Это я вас вызвала. Один старик с четвертого этажа говорит, что умирает.

— Какая комната?

— Я вас провожу.

Я двинулся за тяжело сопящей женщиной вверх по лестнице. Мы остановились перед дверью с номером сорок семь, она постучала по тонкой панели, после чего открыла дверь.

— Он здесь,— сказала она.

Войдя, я увидел его, лежащего на железной кровати. Тело своей безжизненностью напоминало сломанную куклу. По бокам покоились неподвижные хрупкие руки, изрезанные реками вен и испещренные островами печеночных пятнышек. Кожа походила на коричневую оберточную бумагу, а лицо — на истрепанную маску. Голова застыла на подушке без наволочки, белые волосы рассыпались хлопьями снега. На щеках проглядывала седая щетина. Светло-голубые глаза упирались в потолок.

Снимая пальто и шляпу, я отметил, что он явно не страдает от боли. На лице отражалось спокойное смирение. Я присел у кровати и взял его за руку. Он перевел взгляд на меня.

— Привет.— Я улыбнулся.

— Привет.— Ясность его сознания удивила.

Однако меня больше заинтересовал пульс, тоненькое биение жизни, почти неосязаемые пальцами удары. Я отпустил его руку и пощупал лоб. Жара не было. Значит, не болен. Просто очень слаб.

Я потрепал старика по плечу и поднялся, жестом указав консьержке на дальнюю часть комнаты. Она прошла туда вслед за мной.

— И как долго он уже не встает?

— С этого дня. Он пришел ко мне в комнату и сказал, что сегодня ночью умрет.

Я уставился на нее. Никогда еще я не сталкивался ни с чем подобным. Только читал, все о таком читали. Старик или старуха объявляют, что в определенный час умрут, и ровно в назначенный час так и происходит. Кто знает, что это — предчувствие, или сила самовнушения, или все вместе. Но так или иначе, подобное почему-то пугает.

— У него есть какие-нибудь родственники?

— Ни разу о них не слышала.

Я покивал.

— Ничего не понимаю,— произнесла консьержка.

— А что?

— Когда он переехал сюда около месяца назад, то был в полном порядке. И даже еще сегодня днем не выглядел больным.

— Никогда не угадаешь,— сказал я.

— Да уж.— В глубине ее глаз отражались страх и смятение.

— Что ж, мне тут помочь нечем. От боли он не страдает. Все это только вопрос времени.

Консьержка кивнула.

— А сколько ему лет? — спросил я.

— Он никогда не говорил.

— Понятно.— Я снова подошел к кровати.

— Я слышал, что вы сказали,— обратился ко мне старик.

— Вот как?

— Вы спросили, сколько мне лет.

— А сколько вам лет?

Он хотел ответить, но на него напал сухой кашель. Я заметил стакан воды на тумбочке возле кровати; присев рядом, поддержал старика, пока он пил. Потом я уложил его обратно на подушку.

— Мне всего один год,— сказал он.

Я никак не отреагировал. Просто смотрел на его спокойное лицо. Затем, нервно улыбнувшись, поставил стакан обратно на тумбочку.

— Вы мне не верите,— заметил он.

— Ну...— Я пожал плечами.

— Но это чистая правда.

Я кивнул и снова улыбнулся.

— Я родился тридцать первого декабря тысяча девятьсот пятьдесят восьмого года. Ровно в полночь.

Он закрыл глаза.

— Что толку? — произнес он.— Я рассказывал об этом сотне людей, и ни один из них не понял.

— Расскажите мне,— предложил я.

Прошло несколько мгновений, он медленно втянул воздух.

— Через неделю после рождения,— начал он,— я уже ходил и говорил. Самостоятельно ел. Отец с матерью не могли поверить своим глазам. Они отвели меня к врачу. Не знаю, к какому выводу он пришел, но делать ничего не стал. Да и что он мог? Я ведь не болел. Он отправил меня с родителями домой. Преждевременное развитие, вот что он сказал.

Еще через неделю мы пришли к нему снова. Я помню, с какими лицами везли меня туда отец и мать. Они боялись меня.

Врач не знал, что делать. Он созвал специалистов, и они тоже не знали, что делать. Я был нормальным четырехлетним ребенком. Они стали за мной наблюдать. Они писали обо мне статьи. Родителей я больше не видел.

Старик на миг умолк, затем продолжил тем же механическим тоном:

— Через неделю мне было шесть лет. Еще через неделю — восемь. Никто ничего не понимал. На мне испробовали все, но так ничего и не помогло. Мне исполнилось десять, потом двенадцать. В четырнадцать я сбежал, потому что мне до смерти надоело, что на меня постоянно таращатся.

Он почти минуту смотрел в потолок.

— Хотите знать, что было дальше?

— Да,— автоматически ответил я. Меня поразило, как спокойно он все это рассказывает.

— В самом начале я пытался бороться. Ходил к врачам, ругался с ними. Кричал, что они обязаны выяснить, что́ со мной не так. Но со мной все было в порядке. Просто каждую неделю я становился старше на два года. И тогда меня осенило.

Я чуть вздрогнул, выйдя из легкого транса.

— Осенило? — переспросил я.

— Вот так и зародилась эта легенда,— сказал старик.

— Какая легенда?

— О старом годе и новом,— пояснил он.— Старый год — это старик с белой бородой. Ну, вы знаете. А новый год — младенец.

Старик замолчал. Слышно было, как внизу на улице взвизгнули покрышки, когда машина завернула за угол и промчалась мимо дома.

— Мне кажется, такие люди, как я, существовали всегда,— продолжил старик.— Люди, которые живут всего один год. Не знаю, каким образом и почему, но такое бывает. Вот так и зародилась легенда. Но все со временем позабыли об этом. Все теперь думают, что это просто сказка. Все считают, это метафора, но они ошибаются.

Старик отвернул к стене усталое лицо.

— А я — тысяча девятьсот пятьдесят девятый,— завершил он спокойно.— Вот кто я такой.

Мы с консьержкой стояли и молча смотрели на него. Наконец я перевел взгляд на консьержку. Она вдруг, словно застигнутая на месте преступления, развернулась и заспешила к выходу. Дверь за ней с грохотом закрылась.

Я взглянул на старика. Внезапно у меня перехватило дыханье. Я подался вперед и взял его за руку. Пульса не было. Вздрогнув, я опустил его руку и выпрямился. Мгновение я стоял, глядя на него сверху. Затем, совершенно неизвестно почему, по спине прошел озноб. Я быстро вытянул руку, высвобождая из-под рукава часы.

Секунда в секунду.

Я ехал обратно к Мэри, не в силах выбросить из головы рассказ старика и забыть усталое смирение в его глазах. Я повторял, что это просто-напросто совпадение, но так и не смог убедить себя до конца.

Мэри впустила меня в дом. В гостиной было пусто.

— Только не говори, что вечеринка уже закончилась,— произнес я.

Мэри улыбнулась.

— Вовсе не закончилась. Просто она продолжается в больнице.

Я смотрел на нее, ничего не понимая. Мэри взяла меня за руку.

— И ты ни за что не угадаешь,— сказала она,— в каком часу Рут родила хорошенького маленького мальчика!

Монтаж

ЗАТЕМНЕНИЕ.

Старик скончался. С кинонебес пел заоблачный хор. Среди клубящихся розовых облаков раздавалось: «Мгновенье или вечность...» Так и назывался фильм. Зажгли свет. Хор внезапно умолк, занавес опустился, от стен кинотеатра отражалось эхо: теперь «Мгновенье или вечность» пел квартет, запись студии «Декка». Продается по восемьсот тысяч копий в месяц.

Оуэн Кроули сидел, обмякнув, на своем месте, ноги скрещены, руки безвольно сложены. Он смотрел на занавес. Люди вокруг вставали, потягивались, зевали, болтали, смеялись. Оуэн сидел на месте и смотрел. Кэрол поднялась и натянула свой замшевый жакет. Она тихонько подпевала:

— «Ты сам часы, которые идут мгновенье или вечность».

Она замолкла.

— Милый?

Он пробурчал что-то.

— Ты идешь?

— Придется,— вздохнул Оуэн.

Он надел пиджак и двинулся вслед за ней к проходу, под ногами хрустели зернышки попкорна и обертки от конфет. Они вышли в проход, и Кэрол взяла его за руку.

— Ну? — произнесла она.— Что думаешь?

У Оуэна возникло тяжкое ощущение, будто она задавала ему этот вопрос уже миллион раз, что все их отношения состоят в бесконечном хождении по кинотеатрам и больше ни в чем. Неужели прошло всего два года с тех пор, как они познакомились, пять месяцев с тех пор, как они объявили о помолвке? На миг ему показалось, что прошли уже миллиарды лет.

© Перевод Е. Королевой.

— А чего тут думать? — сказал он.— Просто очередное кино.

Они вышли из зала. Это был последний сеанс. Огни в буфете уже погасли, автомат с содовой перестал мигать разноцветными лампочками. Единственным звуком был шорох их обуви по ковру, сменившийся топотом по полу фойе.

— В чем дело, Оуэн? — спросила Кэрол, когда он прошел квартал, не произнеся ни слова.

— Они меня сводят с ума.

— Кто?

— Эти тупые людишки, которые делают эти тупые фильмы.

— Почему это?

— Потому что они все искажают и приукрашивают.

— В каком смысле?

— Ну, вот этот писатель из фильма,— сказал Оуэн.— Он очень похож на меня, талантливый и крайне увлеченный. Однако же у него уходит почти десять лет на то, чтобы как-то заявить о себе. Десять лет! И во что же их превращает это дурацкое кино? Сводит до нескольких минут. Пара сцен, где он сидит за письменным столом и глядит угрюмым взглядом, пара ударов часов, несколько пепельниц с окурками, несколько пустых чашек из-под кофе, кипа бумаги. Лысые издатели с сигарами, которые отрицательно качают ему головой, ноги, шагающие по дорожке, и все. Десять лет тяжкого труда. С ума сойти.

— Но так и надо делать, Оуэн,— возразила Кэрол.— Это же единственный способ передать все это в кино.

— Тогда и жизнь должна быть как кино,— заявил он.

— О, ну тебе бы это вряд ли понравилось.

— Ошибаешься. Еще как бы понравилось. К чему мне бороться десять лет или даже больше? Почему не покончить со всем за пару минут?

— Это же совсем другое.

— Вот уж точно.

Полтора часа спустя Оуэн сидел на кровати в своей меблированной комнате, глядя на стол, где находилась печатная машинка и наполовину завершенная рукопись его третьего романа «А теперь Гоморра».

Почему, в самом деле, нет? Определенно привлекательная идея. Он знал, что в один прекрасный день добьется успеха. Так должно было быть. Иначе зачем он так много работает? Вот если бы можно было проскочить это разом. Незаметный пере-

ход от борьбы к успеху. Как было бы чудесно, если бы эта часть могла уменьшиться, сжаться.

Сократиться.

— Ты же знаешь, чего я хочу? — спросил он у сосредоточенного молодого человека в зеркале.

— Нет, а чего? — спросил молодой человек.

— Я хочу,— сказал Оуэн Кроули,— чтобы жизнь стала простой, как кино. Вся тяжкая работа свелась бы к нескольким кадрам: усталый взгляд, разочарование на лице, кофейные чашки, ночные бдения за письменным столом, полные пепельницы, отказы и бредущие по дорожке ноги. А почему бы нет?

На бюро что-то щелкнуло. Оуэн посмотрел на часы. Было уже два сорок три ночи.

Ну ладно. Он пожал плечами и отправился спать. Завтра будут очередные пять страниц, очередная смена на игрушечной фабрике.

Минуло год и семь месяцев, и ничего не происходило. Но однажды утром Оуэн проснулся, вышел к почтовому ящику, и вот оно.

«Мы счастливы сообщить вам, что хотим опубликовать роман "Сон во сне"».

— Кэрол! Кэрол! — Он заколотил в дверь ее квартиры, после пятиминутной пробежки от метро и прыжков вверх по ступенькам сердце бухало как барабан.— Кэрол!

Она рывком распахнула дверь, на лице отражалась тревога.

— Оуэн, что?..— начала она, потом взвизгнула от неожиданности, когда он оторвал ее от пола и закружил так, что подол ночной рубашки захлопал шелковыми краями.— Оуэн, что случилось?

— Смотри! Смотри! — Он опустил ее на кушетку и, встав рядом на колени, протянул ей смятое письмо.

— Ах, Оуэн!

Они обнялись, и Кэрол смеялась и плакала. Он ощущал сквозь тонкий шелк, как она мягко прижимается к нему, чувствовал влажное прикосновение ее губ к щеке, ее теплые слезы, текущие по его лицу.

— Ах, Оуэн, милый!

Она взяла его голову обеими руками и поцеловала, потом прошептала:

— А ты переживал.

— Уже нет. Больше уже нет!

Издательский дом горделиво возвышался над городом, внутри: драпировки, панели, тишина.

— Будьте добры, подпишите здесь,— показал редактор.

Оуэн взял ручку.

— Ур-ра! Привет! — Он отплясывал польку среди коктейльных бокалов, оливок, тарелок с закусками и гостей.

Кто-то хлопал в ладоши и орал, воздвигая в сердцах соседей монументы богиням мести. Кто-то толкал речь, рассыпаясь смехом, который звучными ртутными шариками раскатывался по комнатам и коридору квартиры Кэрол. Кто-то угощался за троих. Кто-то извергал ниагары отторгнутого телом алкоголя. Кто-то выдувал клубы никотина. Кто-то пытался увеличить население страны в темной, заваленной многочисленными пальто спальне.

Оуэн вскочил с места и заорал.

— Я краснокожий! — Он схватил Кэрол за растрепанные волосы.— Я краснокожий, я хочу твой скальп! Нет, не хочу, хочу тебя поцеловать! — И он сделал это под дикие аплодисменты и улюлюканье. Она повисла на нем, их тела слились. Аплодисменты становились все жарче.— И на бис! — объявил он.

Смех. Одобрительные крики. Грохочушая музыка. Кладбище пустых бутылок в раковине. Шум и бьющая энергия. Коллективное пение. Кавардак. Полицейский у двери.

— Входи, входи, защитник порядка!

— Так, прекращайте безобразие, люди в доме хотят спать!

Тишина среди бедлама. Они вместе сидят на кушетке, наблюдая, как свет зари разливается по подоконнику. Кэрол в ночной рубашке жмется к нему, полусонная, Оуэн прижимается губами к ее теплой шее и ощущает пульсацию крови под атласной кожей.

— Я люблю тебя,— шепчет Кэрол.

Ее губы, его губы. Жаждущие, они находят друг друга. Он вздрагивает от удара электричества, скопившегося на ее шуршащей рубашке. Он тянет за лямки и смотрит, как они соскальзывают с бледных круглых плеч.

— Кэрол, Кэрол.

Ее пальцы кошачьими коготками впиваются ему в спину.

Телефон звонит, звонит. Оуэн открыл один глаз. В веко будто воткнули раскаленные вилы. А когда веко поднялось, эти вилы прошли прямо в мозг.

— О-о-о! — Он зажмурил глаза, и комната исчезла.— Хватит уже,— пробормотал он несмолкаемому телефону и гоблинам в железных башмаках, которые плясали кадриль в его голове.

Где-то на другом конце вселенной открылась дверь, и звон прекратился. Оуэн вздохнул.

— Алло? — произнесла Кэрол.— О. Да, он здесь.

Он услышал шуршание ночной рубашки, ощутил прикосновенье ее пальцев к плечу.

— Оуэн. Проснись, дорогой.

Он видел только глубокую ложбинку между холмами розовой плоти под полупрозрачным шелком. Он потянулся к ней, но она уже уходила. Его рука схватила ее и притянула ближе.

— Телефон,— напомнила Кэрол.

— Стой.— Он привлек ее к себе.

— Телефон.

— Подождет.— Голос его звучал глухо, потому что он прижимался ртом к ее затылку.— Я завтракаю.

— Милый, телефон же.

— Алло,— произнес он в черную трубку.

— Это Артур Минз, мистер Кроули,— сообщил голос.

— Да! — В мозгу раздался взрыв, но он все равно улыбался: это был тот самый агент, которому он звонил вчера.

— Вы не пообедаете со мной? — спросил Артур Минз.

Приняв душ, Оуэн вышел в гостиную. Из кухни доносились шарканье тапочек Кэрол по линолеуму, шипение бекона, темный аромат кофе.

Оуэн остановился. Нахмурившись, посмотрел на кушетку. Как он на ней оказался? Он же был в одной постели с Кэрол.

В свете раннего утра улицы были будто из другого мира. После полуночи Манхэттен превращался в остров волнующей тишины, в затаившийся просторный акрополь из камня и стали. Оуэн проходил мимо молчаливых цитаделей, и его шаги звучали как тиканье бомбы.

— Которая взорвется! — воскликнул он.

— Взорвется! — выкрикнули в ответ стены затененных улиц.

— Взорвется и разнесет шрапнель моих слов по всему миру!

Оуэн Кроули остановился. Он раскинул руки и обнял весь мир.

— Ты мой! — крикнул он.

— Мой! — отозвалось эхо.

В комнате было тихо. Счастливо вздохнув, он присел на кровать, скрестил ноги и развязал узлы на шнурках. Который час? Он взглянул на циферблат. Два пятьдесят восемь ночи.

Прошло пятнадцать минут с того мига, как он загадал желание.

Он насмешливо хмыкнул и уронил ботинок. Нелепая фантазия, ничего больше. Да, прошло бы ровно пятнадцать минут, если бы ты предпочел пропустить один год, семь месяцев и два дня с тех пор, как стоял здесь в пижаме, одурманенный мечтой. Наверняка, если оглянуться назад, покажется, что эти девятнадцать месяцев пролетели быстро, но все же не настолько. Если бы он захотел, он мог бы благополучно расписать каждый из прошедших дней по пунктам.

Оуэн Кроули еще раз хмыкнул. Вот уж действительно, нелепая фантазия. Причуды разума. Разум такая странная штука.

— Кэрол, давай поженимся!

С тем же успехом он мог дать ей пощечину. Она застыла, глядя непонимающим взглядом.

— Что? — переспросила она.

— Поженимся!

Она не отрывала от него глаз.

— Ты серьезно?

Он крепко обнял ее.

— А ты как думаешь?

— Боже, Оуэн.— Она на миг прижалась к нему, затем вдруг резко откинула голову и засмеялась.— Не могу сказать,— хохотала она,— что это полная для меня неожиданность.

Потом был белоснежный дом, скрытый летней листвой. В большой гостиной царила прохлада, они стояли на ореховом паркете, держась за руки. За окном шуршали деревья.

— Данной мне властью,— произнес мировой судья,— в соответствии с законом суверенного штата Коннектикут, я объявляю вас мужем и женой.— Он улыбнулся.— Можете поцеловать невесту.

Их губы разъединились, и Оуэн увидел, что у нее в глазах блестят слезы.

— Привет, миссис Кроули,— прошептал он.

«Бьюик» жужжал по тихой проселочной дороге. Кэрол сидела, прижавшись к мужу, радио наигрывало «Мгновенье или вечность» в аранжировке для струнных.

— Помнишь? — спросил он.

— Угу.— Она поцеловала его в щеку.

— Ну и где же тот мотель, что рекомендовал нам старик?

— А это не он там впереди?

Шины прохрустели по гравию и замерли.

— Смотри, Оуэн.

Он улыбнулся. «Альдо Уивер, управляющий» — было написано на тронутой ржавчиной табличке.

— А, брат Джордж, он многих уже переженил,— говорил Альдо Уивер, провожая их к домику и отпирая дверь. После чего Альдо откланялся, а Кэрол прислонилась спиной к двери, защелкивая замок.

— Теперь ты мой,— прошептала она в тихой комнате, затененной кроной дерева.

Они прохаживались по пустым гулким комнатам маленького домика в Нортпорте.

— О да,— счастливо воскликнула Кэрол. Они стояли у окна гостиной, глядя на тенистый сад за стеклом. Ее рука скользнула в его руку.— Дом,— сказала она,— милый дом.

Они переехали и обставили комнаты. Продался второй роман, третий. Джон родился, когда ветер заметал лужайку снегом, Линда — знойной летней ночью, под стрекотание кузнечиков. Прошли годы — череда движущихся декораций с изображенными на них событиями.

Оуэн сидел в тишине своего крошечного кабинета. Он задержался допоздна, вычитывая корректуру нового романа, «Одной ногой в море». Наконец, едва не падая от усталости, он закрыл самопишущую ручку и отложил в сторону.

— Господи боже мой,— пробормотал он, потягиваясь. Пора отдохнуть.

У противоположной стены, на полке малюсенького камина один раз прожужжали часы. Три пятнадцать ночи. Прошло уже много времени с той минуты, как он...

Оуэн поймал себя на том, что не может оторвать взгляд от циферблата, а в груди будто размеренно бухает барабан. С по-

следнего раза прошло семнадцать минут, билась настойчивая мысль, а всего — тридцать две минуты.

Оуэн Кроули передернулся и потер руки, словно бы над каким-то воображаемым костром. «Нет, это же просто идиотизм»,— подумал он, идиотизм каждый год заострять внимание на нелепой выдумке. Это как раз тот сорт чепухи, которая запросто может перерасти в навязчивую идею.

Он отвел взгляд и осмотрел комнату. При виде полинявших от времени одеял и уже не новой мебели на его лице появилась улыбка. Этот дом, его обстановка, этот шкаф с рукописями слева. Все это поддается измерению. На одно только вынашивание детей у Кэрол как-никак ушло восемнадцать месяцев.

Он раздраженно засмеялся. Это же просто абсурд, выстраивать тут доказательства, как будто эта глупая фантазия требует опровержения. Откашлявшись, он энергично принялся наводить порядок на письменном столе. Это сюда. Это туда.

Оуэн тяжело откинулся на спинку стула. Что ж, может, это ошибка, подавлять ее. Раз фантазия постоянно всплывает в мозгу, стало быть, она абсолютно точно что-то да значит. Конечно же, даже самое хлипкое сомнение, возвращающееся с таким упорством, способно сбить разум с толку. Любому ясно.

«Что ж, взглянем наваждению в лицо»,— решил он. Время — величина постоянная, это главное. Меняется только восприятие времени человеком. Для одних оно плетется, увязая ногами в дегте, для других — проносится, мельтеша крыльями. Случилось так, что он один из тех, кому время кажется совершенно неуловимым. Настолько неуловимым, что он вместо того, чтобы отбросить прочь, предпочитает лелеять детское желание, загаданное однажды ночью больше пяти лет назад.

Вот и все. Месяцы как мгновения ока, а годы похожи на вздохи потому, что он так их воспринимает. И...

Дверь распахнулась, и Кэрол прошла по ковру, неся стакан подогретого молока.

— Тебе пора уже быть в постели,— упрекнул он.

— И тебе тоже. Но ты все сидишь и сидишь. Ты хоть знаешь, который час?

— Знаю.

Кэрол села ему на колено, а он стал пить молоко.

— Все исправил? — спросила она.

Он кивнул и обнял жену за талию. Она поцеловала его в макушку. Где-то в зимней ночи гавкнула собака.

Кэрол вздохнула.

— Кажется, как будто бы все было только вчера, правда? — произнесла она.

Он осторожно вдохнул.

— Мне так не кажется,— ответил он.

— О, милый.

Она легонько ущипнула его за руку.

— Это Арти,— произнес его агент.— Угадай, что скажу!

Оуэн ахнул.

— Не может быть!

Он нашел ее в подвале, она закладывала постельное белье в стиральную машину.

— Милая! — выкрикнул он. Простыни разлетелись.

— Получилось! — воскликнул он.

— Что?

— Кино, кино! Они покупают «Пэров и герольдов»!

— Не может быть!

— Да! И еще... присядь и послушай... нет, ты присядь, не то упадешь: они готовы выложить за них двенадцать с половиной тысяч долларов!

— Ой!

— Но и это еще не все! Они дают мне десять недель на то, чтобы я написал сценарий, и заплатят за каждую неделю работы семьсот пятьдесят долларов!

Она ахнула.

— Мы богачи!

— Не совсем,— он бегал взад-вперед,— но это только начало, всего лишь на-ча-ло!

Октябрьский ветер, словно волны прибоя, накатывал на темные поля. Конусы света от фар чертили по небу.

— Жаль, что детей здесь нет,— сказал он, обнимая ее.

— Они бы только замерзли и раскапризничались.

— Кэрол, а ты все же не хочешь...

— Ты ведь знаешь, Оуэн, я бы поехала с тобой, если бы могла, но тогда придется забрать Джонни из школы, да и дорого. Это же всего на десять недель, милый. Не успеешь оглянуться...

— Посадка на рейс номер двадцать семь до Чикаго и Лос-Анджелеса,— объявил громкоговоритель,— у третьего выхода.

— Как быстро.— Она вдруг отвела глаза, прижалась к нему обветренной щекой.— О, милый. Я буду так по тебе скучать.

Толстые колеса шуршали внизу, стены салона задрожали. Моторы ревели все громче и громче. Взлетное поле осталось позади. Оуэн оглянулся. Цветные огни были уже далеко. Где-то среди них стояла Кэрол, глядящая, как его самолет исчезает в темноте. Он откинулся на спинку кресла и на миг закрыл глаза. «Мечта»,— подумал он. Полететь на запад, чтобы писать сценарий по собственному роману. Святый боже, просто мечта!

Он сидел, утопая в углу кожаного дивана. Его кабинет был огромен. Полуостров полированного стола тянулся от стены, роскошный стул был аккуратно придвинут рядом. Твидовые занавески приглушали бормотание кондиционера, подобранные со вкусом репродукции украшали стены, а ковер под ногами пружинил, словно губка. Оуэн вздохнул.

Стук прервал его грезы.

— Да? — отозвался он.

Вошла блондинка в обтягивающем свитере.

— Я Кора. Ваш секретарь,— сказала она.

Было утро понедельника.

— Восемьдесят пять минут, плюс-минус,— ответил Мортон Цукерсмит, продюсер. Он подписал очередное извещение.— Прекрасный хронометраж.— Он подписал очередное письмо.— Возьмите это и ступайте.— Он подписал очередной контракт.— Кино — особенный мир.

Он сунул ручку в ониксовую подставку, и его секретарша исчезла, унося пачку бумаг. Цукерсмит откинулся на спинку кожаного кресла, подложив руки под голову, рубашка поло расходилась на груди от каждого вдоха.

— Особенный мир, парень,— повторил он.— А. Вот и наша девочка.

Оуэн встал, мышцы живота дрогнули, когда в комнату впорхнула Линда Карсон и протянула руку цвета слоновой кости.

— Мортон, милый,— проговорила она.

— Доброе утро, дорогая.— (Ее рука утонула в лапе Цукерсмита.) — Позволь представить тебе автора «Леди и герольда».

— Я так рада познакомиться с вами,— сказала Линда Карсон, урожденная Виргиния Остермейер.— Я влюбилась в вашу книжку. Как бы объяснить...

Он вздрогнул, когда вошла Кора.

— Не вставайте. Я просто принесла ваши страницы. Мы дошли уже до сорок пятой минуты.

Оуэн смотрел, как она располагается за письменным столом. Ее свитеры с каждым днем становились все тоньше и тоньше. От каждого вдоха ткань опасно натягивалась, угрожая порваться.

— Как читается сценарий? — спросил он.

Она восприняла это как приглашение пересесть на подлокотник его кресла.

— Мне кажется, у вас получается просто восхитительно.— Она скрестила ноги, и нижняя юбка прошуршала по коленям пенным кружевом.— Вы очень талантливы.— Она набрала побольше воздуха в грудь.— Но имеются отдельные моменты,— продолжала она.— Я могла бы указать на них прямо сейчас, но уже время обеда и...

Они отправились обедать вместе, в тот день и в последующие. Кора начала его опекать, направлять, как будто бы он не мог писать сам. Каждое утро она врывалась к нему с улыбкой и кофе, за обедом говорила, какие блюда лучше приготовлены, водя его ладонь по меню, после обеда непременно таскала его в буфет пить апельсиновый сок, намекала за вечерней работой на их отношения, претендуя на место в его жизни, которого он для нее не планировал. По-настоящему расплакалась, когда однажды он отправился обедать без нее, и, когда он похлопывал ее по плечу, неловко утешая, она вдруг прильнула к нему, ее твердый рот умело принялся за дело, выпуклые формы вжались в него. Он отодвинулся назад, ошеломленный.

— Кора.

Она погладила его по щеке.

— Не думай об этом, милый. У тебя важная работа.

Потом она ушла, и Оуэн сидел за столом, ощущая тревожное покалывание в кончиках пальцев. Неделя, еще неделя.

— Привет,— сказала Линда.— Как поживаешь?

— Отлично,— ответил он, в этот момент вошла Кора, одетая в тесный габардин, в обтягивающий шелк.— Обед? Я с удовольствием. Встретимся с тобой в... А. Хорошо! — Он повесил трубку. Кора пристально смотрела на него.

Опускаясь на красное кожаное сиденье «линкольна», он увидел на другой стороне улицы Кору, она провожала его угрюмым взглядом.

— Привет, Оуэн,— сказала Линда.

«Линкольн» вписался в поток других машин. «Вот ведь глупость»,— подумал Оуэн. Надо будет как-то разобраться с Корой.

Первый отказ она восприняла как благородный жест, сделанный самоотверженным супругом ради жены и детей. По крайней мере, казалось, что она восприняла это так. Господи, как все сложно.

Потом был обед на бульваре Сансет-Стрип, позже — ужин, Оуэн был уверен, что столько часов, проведенных им в обществе Линды, убедят Кору, что она его не интересует. На следующий вечер был ужин и филармония, еще через два дня — танцы и поездка на побережье, на следующей неделе — пробный показ в Энсино.

Оуэн так и не понял, в какой именно момент все вышло из-под контроля. События приняли необратимый характер с того вечера, когда, остановившись на берегу океана, под звуки тихо напевающего радио, Линда непринужденно прижалась к нему, ее известное всему миру тело придвигалось все ближе, сочные губы впивались в него:

— Дорогой.

Он лежал без сна, размышляя о прошедших неделях, о Коре и Линде, о Кэрол, которая вылиняла до смутного образа, сотканного из ежедневных писем, слабого голоса в телефонной трубке и улыбающегося лица с фотокарточки на столе.

Он почти закончил сценарий. Скоро полетит обратно домой. Сколько времени прошло. А где же стыки, где швы? Где следы того, что это время действительно шло, если не считать жалких обрывков воспоминаний? Все это похоже на тот прием, которому его научили на студии,— монтаж, серия быстро следующих одна за другой сцен. Вот и жизнь похожа на монтаж, серия быстро следующих друг за другом сцен, которые мелькают на экране чьего-то сознания и тут же исчезают.

В номере гостиницы его походные часы прожужжали один раз. Он даже не взглянул на них.

Оуэн бежал, преодолевая сопротивление ветра и снега, но Кэрол нигде не было видно. Он постоял, оглядываясь по сторонам, в зале ожидания, среди острова из людей и багажа. Неужели заболела? На его телеграмму не было ответа, но ведь...

— Кэрол? — В телефонной будке было жарко и душно.

— Да,— ответила она.

— Господи, дорогая, неужели ты забыла?

— Нет.

Поездка до Нортпорта на такси была утомительнейшим путешествием мимо засыпанных снегом деревьев и лужаек, с остановками перед каждым светофором, с грохотом колесных цепей по серым от слякоти улицам. Она говорила по телефону таким убийственно спокойным тоном. «Нет, я не больна. Линда немного простужена. Джон в порядке. Не смогла найти няню». Холодок нехорошего предчувствия беспокоил его.

Наконец-то дом. Он представлял его именно таким, молчаливо стоящим среди голых деревьев, со снежной мантией на крыше, со струйкой дыма, спиралью уходящей из трубы в небеса. Он дрожащими руками отдал водителю деньги и развернулся, надеясь увидеть распахнутую дверь. Дверь была закрыта. Он ждал, но его так никто и не вышел встретить.

Он прочитал письмо, которое она в итоге ему дала. «Дорогая миссис Кроули,— начиналось оно,— мне кажется, вам следует знать...» Его глаза отыскали сделанную детским почерком подпись внизу. «Кора Бейли».

— Зачем эта грязная маленькая...— Он не смог завершить фразу, что-то его удержало.

— Боже мой.— Она стояла перед окном и дрожала.— До самого этого мига я молилась, чтобы это оказалось ложью. Но теперь...

Она передернулась от его прикосновения.

— Не надо.

— Ты не поехала со мной,— обвиняюше произнес он.— Ты не поехала.

— И в этом твое оправдание?

— Что мне делать? — спрашивал он заплетающимся языком, сидя над четырнадцатой порцией виски с содовой.— Что? Я не хочу ее потерять, Арти. Я не хочу потерять ее и детей. Что же мне делать?

— Не знаю, дружище.

— Эта грязная маленькая...— забормотал Оуэн.— Если бы не она...

— Не вини в этом глупую потаскушку. Она всего лишь приправа. А кашу заварил ты сам.

— Что мне теперь делать?

— Ну, во-первых,— сказал Арти,— начни более активно участвовать в жизни. Это же не пьеса, которую тебе показывают. Ты сам на сцене, ты один из героев спектакля. Либо ты дейст-

вуешь сам, либо тебя передвигают как пешку. Никто не собирается сочинять диалоги или играть вместо тебя, Оуэн. Ты сам за себя. Запомни это.

— Любопытно,— произнес Оуэн. Тогда и позже, в тишине гостиничного номера.

Неделя, две недели. Бесчисленные прогулки по Манхэттену, в шуме и одиночестве. Фильмы в кинотеатрах, обеды в забегаловках, бессонные ночи, попытки утопить горе в вине. Наконец отчаянный телефонный звонок.

— Кэрол, забери меня обратно, пожалуйста, забери меня обратно.

— О, милый. Возвращайся домой.

Еще одна поездка на такси, на этот раз полная радости. Свет над крыльцом, распахнутая дверь, выбегающая навстречу Кэрол. Они обнимаются, вместе входят в дом.

Большой вояж! Калейдоскопическая смена мест и событий. Туманная Англия весной, широкие и узкие улицы Парижа, оживленный, разделенный Шпрее Берлин и разделенная Роной Женева. Милан в Ломбардии, сотни островов Венеции с их осыпающимися дворцами, сокровища Флоренции, обнимающий море Марсель, защищенная горами Ривьера, древний Дижон. Второй медовый месяц, доводящая до головокружения череда нового, наполовину увиденного, наполовину прочувствованного, словно вспышки лихорадочного жара в окутывающей темноте.

Они лежали на берегу реки. Солнечные лучи покрывали воду сверкающими монетками, рыбины лениво плескались в теплой влаге. Содержимое корзины для пикников было почти истреблено. Кэрол лежала головой на его руке, он чувствовал грудью ее теплое дыхание.

— Куда уходит время? — спрашивал Оуэн. Не у нее, не у кого-то еще — у небес.

— Дорогой, ты чем-то расстроен.— Она поднялась на локте, чтобы заглянуть ему в лицо.

— Именно. Ты помнишь тот вечер, когда мы смотрели «Мгновенье или вечность»? Помнишь, что я тогда сказал?

— Нет.

Он рассказал ей и о том своем желании, и о невнятной угрозе, какую он иногда ощущает.

— Я ведь хотел, чтобы быстро прошла только первая часть, а не вся жизнь.

— Милый, милый,— Кэрол старалась не улыбаться,— боюсь, это проклятие богатого воображения. Оуэн, прошло семь лет с лишним. Семь лет.

Оуэн вскинул руку с часами.

— Или пятьдесят семь минут,— сказал он.

Снова дом. Лето, осень, зима. «Ветер с юга» переделали в фильм, который принес сто тысяч долларов. Оуэн отказался писать сценарий. Старый дом, выходящий на залив. Им пришлось нанять домоправительницу, миссис Холси. Джон поступил в военную академию, Линда отправилась в частную школу. Закономерным результатом поездки по Европе в один прекрасный мартовский день явился Джордж.

Еще год. И еще. Пять лет, десять. Книги уверенным потоком лились из-под его пера. «Исход старинной легенды», «Уничтожение сатиры», «Стрекоза». Прошло десятилетие, еще одно. Национальная премия за «Не умирай, и не будет могилы». Пулитцеровская премия за «Ночи Бахуса».

Он стоял перед окном в отделанном панелями кабинете, стараясь забыть хотя бы какую-нибудь деталь другого отделанного панелями кабинета, в котором побывал однажды, кабинета издателя, где подписал свой первый контракт. Но он не мог забыть ничего, ни единая мелочь не желала покидать его память. Словно это было не двадцать три года назад, а вчера. Как же он может помнить это с такой ясностью, если только...

— Папа?

Он обернулся и ощутил, как ледяной капкан захлопнулся на сердце. По комнате прошагал Джон.

— Я уже уезжаю,— сказал сын.

— Как? Уезжаешь? — Оуэн уставился на него, на этого рослого незнакомца, молодого человека в военной форме, который называл его папой.

— Отец,— засмеялся Джон. Он хлопнул папашу по плечу.— Ты как всегда думаешь о новой книге?

И только тогда, будто жест сына запустил какой-то механизм, Оуэн понял. В Европе опять война, а Джон служит в армии, он отправляется за океан. Оуэн стоял, глядя на сына, говоря не своим голосом, наблюдая, как уходят секунды. Откуда взялась эта война? Какие чудовищные махинации вызвали ее к жизни? И куда делся его маленький мальчик? Он ведь точно не этот

незнакомец, который жмет ему руку и говорит «до свиданья». Ледяной капкан сжался сильнее. Оуэн заплакал.

Но в комнате было пусто. Он заморгал. Неужели все это сон, просто вспышки в больном мозгу? Ступая свинцовыми ногами, он доковылял до окна и увидел, как такси поглотило его сына и увезло прочь.

— Прощай,— прошептал он,— да хранит тебя Господь.

«Никто не ведет с тобой диалог»,— подумал он, но его ли это мысль?

Зазвонил колокольчик, и Кэрол пошла открывать. Вот повернулась ручка двери его кабинета, на пороге замерла жена, лицо побелевшее, в руке телеграмма. Оуэну показалось, что он не может дышать.

— Нет,— пробормотал он, затем, охнув, кинулся к Кэрол: она беззвучно покачнулась и упала в дверях.

— По меньшей мере неделю в постели,— говорил ему врач.— Покой, как можно больше отдыхать. Потрясение было слишком сильным.

Он бродил по дюнам, онемевший, ничего не чувствующий. Ветер полосовал его бритвой, сдирал одежду, рвал седеющие волосы. Потухший взгляд следил, как пенные барашки бегут по заливу. Только вчера Джон отправился на войну, думал он, только вчера он вернулся домой из академии, гордый своей новенькой формой, только вчера он бегал в детский сад, только вчера он проносился по дому, наполняя его звонким смехом, только вчера он родился и ветер заметал лужайку снегом...

Господи боже мой! Погиб. Погиб! Еще нет и двадцати одного, и погиб, вся его жизнь — какое-то мгновение, воспоминание, которое уже ускользает от него.

— Я верну обратно! — Испуганный крик метнулся к бушующему небу.— Я верну все обратно, я этого не хотел!

Он упал, взрывая руками песок, и стал оплакивать сына, одновременно пытаясь понять, а был ли у него сын.

— Внимание, дамы и господа, Ницца!

— Вот ведь, уже,— произнесла Кэрол.— Быстро в этот раз, правда, дети?

Оуэн заморгал. Он посмотрел на грузную седую женщину, которая сидела через проход от него. Она улыбнулась. Она его знает?

— Что? — переспросил он.

— И зачем я вообще с тобой разговариваю? — заворчала она.— Вечно ты в своих мыслях, все в своих мыслях.

Она с кряхтением встала и сняла с полки плетеную корзину. Это что, какой-то розыгрыш?

— Ух ты, смотри, папа!

Оуэн разинул рот, уставившись на подростка рядом с собой. А это еще кто такой? Оуэн Кроули помотал головой. Огляделся кругом. Ницца? Снова Франция? А как же война?

Поезд погрузился в темноту.

— Проклятье! — выругалась Линда, сидевшая по другую сторону.

Она снова чиркнула спичкой, и в огоньке пламени Оуэн увидел отражение в стекле, черты еще одного незнакомца, и этот незнакомец был он сам. Настоящее нахлынуло на него. Война кончилась, он с семьей за границей. Линда, двадцать один год, в разводе, разочарована жизнью, попивает; Джордж, пятнадцать лет, пухлый подросток, застрявший на пути между детскими конструкторами и девушками; Кэрол, сорок шесть, только что выбравшаяся из могилы менопаузы, раздражительная, несколько наскучившая; и он сам, сорок девять, преуспевающий, холодный, импозантный, до сих пор гадающий, состоит ли жизнь из лет или секунд. Все это пронеслось в голове, прежде чем солнце Ривьеры снова затопило купе.

На террасе было темнее и попрохладней. Оуэн курил и глядел, как сияют в небесах алмазные точки. Голоса игроков доносились изнутри, словно далекий гул пчелиного роя.

— Здравствуйте, мистер Кроули.

Она стояла в тени, одетая во что-то светлое, был только голос, жест.

— Вы меня знаете? — спросил он.

— Но вы же знаменитость.

Ему почудилось в ней что-то знакомое. От вымученной лести клубных дам у него не раз сводило живот. Но затем она выскользнула из тьмы, он увидел лицо и понял, что никогда ее не видел. Руки и плечи в лунном свете казались кремовыми, глаза ярко блестели.

— Меня зовут Элисон,— сказала она.— Вы рады со мной познакомиться?

Полированный катер заложил крутой вираж, его нос летел над водой, поднимая вокруг них водяной туман, в котором дрожали радуги.

— Ты, маленькая идиотка! — засмеялся он.— Ты нас утопишь!

— Только мы с тобой! — прокричала она в ответ.— И вокруг бездонное море! Мне нравится, а тебе?

Он улыбнулся ей, дотронулся до ее горящей шеки. Она поцеловала его ладонь, поймала взгляд. Я люблю тебя. Беззвучно. Одними губами. Он повернул голову и посмотрел на сверкающее бриллиантами Средиземное море. «Только мчись вперед,— думал он.— Никуда не сворачивай. Гони, пока океан не поглотит нас. Обратно я не вернусь!»

Элисон включила автопилот, затем обхватила его сзади теплыми руками за пояс и прижалась всем телом.

— Ты снова отключился. Где ты, дорогой?

Он посмотрел на нее.

— Сколько мы уже знакомы? — спросил он.

— Мгновенье или вечность, какая разница,— отозвалась она, покусывая мочку его уха.

— Мгновенье или вечность,— проговорил он.— Да.

— Что?

— Ничего. Просто задумался о власти времени.

— Если уж это так тебя беспокоит, милый,— сказала она, рывком открывая дверь каюты,— тогда не будем терять ни секунды.

Катер с гудением мчался по тихому морю.

— Что, турпоход? — воскликнула Кэрол.— В твоем возрасте?

— Пусть тебя это не волнует,— едко ответил Оуэн.— Я, по крайней мере, еще не готов записываться в старики.

— Ах, так значит, это я старуха!

— Прошу тебя,— скривился он.

— Она считает, что ты стар? — изумилась Элисон.— Господи, как плохо знает тебя эта женщина!

Походы, лыжи, гребля, плавание, прогулки верхом, танцы, пока солнце не прогонит ночь. Он говорил Кэрол, что занят исследованиями для нового романа, не зная, верит ли она ему, и не особенно этим интересуясь. Недели и недели в ожидании неумолимой смерти.

Он стоял на залитом солнцем балконе в номере Элисон. Она, раскинув руки цвета слоновой кости, спала внутри, словно утомившийся от игры ребенок. Тело Оуэна изнывало, каждый хи-

лый мускул молил о пощаде, но в данный момент он думал не об этом. Он размышлял о кое-чем ином: лежа рядом с ней, он натолкнулся на подсказку.

За всю свою жизнь у него, кажется, не сохранилось ни одного отчетливого воспоминания о физической любви. Все подробности моментов, ведущих к акту, были живы, однако самого акта не было. И точно так же были затемнены и шатки воспоминания о том, чтобы он ругался вслух.

Именно такие эпизоды цензор обычно вырезает из фильма.

— Оуэн?

И шорох простыней. Она снова звала его, вкрадчиво, но властно. Он обернулся. «Только позволь мне запомнить это,— подумал он.— Пусть каждая секунда останется со мной, каждый миг пылающей страсти, все требования плоти, упоительное, исступленное помешательство». Взволнованный, он шагнул в дверь.

День. Он шел по берегу, вглядываясь в зеркально плоскую синеву моря. Значит, так и есть. Не осталось никаких отчетливых воспоминаний. С той самой секунды, как он вошел в дверь, и до сего момента — абсолютная пустота. Да, это правда! Теперь он знал. Промежуток времени ничем не был наполнен, время увлекало его к назначенному концу. Он играл сам, как и сказал Арти, только пьеса уже была написана заранее.

Оуэн сидел в темном купе поезда, глядя в окно. Далеко внизу спали залитая лунным светом Ницца и Элисон, через проход от него спали Джордж и Линда, беспокойно ворочалась Кэрол. Какое зло их взяло, когда он объявил, что они немедленно возвращаются домой.

Опять, думал он, опять провал. Он поднес к глазам часы и посмотрел на светящиеся стрелки. Семьдесят четыре минуты.

Сколько осталось?

— Ты знаешь, Джордж,— сказал он,— когда я был молод, хотя и не так молод, как ты, меня посетила одна фантазия. Мне показалось, что жизнь проносится мимо, словно движущиеся картинки. Полной уверенности, заметь, не было, всего лишь подозрение, однако оно мучило меня, и очень сильно. Пока в один день, не так давно, меня осенило, что все питают невольное отвращение к собственной смертной природе. В особенности такие старики, как я, Джордж. И мы постепенно склоняемся к мысли, что время каким-то образом нас надувает, застав-

ляет нас на мгновение отвернуться в сторону и, пока никто не видит, стремглав проносится мимо, унося на своих жутких плечах наши жизни.

— Да, я понимаю,— произнес Джордж и снова закурил трубку.

Оуэн Кроули хихикнул.

— Джордж, Джордж. Ну отнесись с юмором к своему чокнутому папаше. Он уже недолго пробудет с тобой.

— Перестань уже болтать,— сказала Кэрол, которая вязала у огня.— Прекрати эти глупые разговоры.

— Кэрол? — позвал он.— Дорогая? — Ветер с юга заглушил его дрожащий голос. Он огляделся по сторонам.— Где ты? Где?

Сиделка привычно приподнялась на подушке.

— Ну-ну, мистер Кроули,— заворчала она.— Не надо так напрягаться.

— Где моя жена? Ради бога, приведите ее. Я не могу...

— Тише, мистер Кроули, не начинайте все сначала.

Он уставился на нее, на эту усатую грубую женщину, которая все время суетилась и увещевала его.

— Что? — пробормотал он.— Что?

И вдруг кто-то отодвинул завесу, и он понял. Линда разводилась в четвертый раз, снуя между конторой адвоката и коктейльными вечеринками, Джордж работал корреспондентом в Японии, в какой-то мере оправдывая то, что носит ту же фамилию, что и автор превозносимых критикой романов. А Кэрол, что с Кэрол?

Умерла.

— Нет,— сказал он совсем тихо.— Нет, нет, это неправда. Говорю вам, приведите ее сюда.

Постепенно чернота расступилась, превратилась в серый туман. Потом проявилась комната, крошечный огонек за каминной решеткой, врач у постели совещается с сиделкой, у изножья Линда, застывшая угрюмым призраком.

«Сейчас»,— понял Оуэн. Вот сейчас пора. «Моя жизнь,— думал он,— была коротким представлением, чередой картинок на чьей-то гигантской сетчатке. На чьей же?» Он подумал о Джоне, о Линде Карсон, об Арти, Мортоне Цукерсмите и Коре, о Джордже, Лииде и Элисон, о Кэрол, о целом легионе людей, которые прошли мимо него за это представление. Все они теперь ушли, и лица их почти стерлись.

— Который... час? — спросил он.

Врач достал часы.

— Четыре часа восемь минут. Утра.

Ну конечно. Оуэн улыбнулся. Наконец-то он все понял. Сухость в горле превратила смех в сиплый шепот. Они стояли, глядя на него.

— Восемьдесят пять минут,— проговорил он.— Отличный хронометраж. Да, прекрасный хронометраж.

И затем, уже закрывая глаза, он увидел их, буквы, плывущие в воздухе, написанные на их лицах и стенах комнаты. И напоследок появилось большое слово, слово в зеркальном отображении, белое и неподвижное.

КОНЕЦ

Или ему это всего лишь померещилось?

Затемнение.

Никаких вампиров не существует!

Проснувшись теплым осенним утром, Алекса, супруга доктора Герии, почувствовала приступ страшной слабости. Несколько минут она неподвижно лежала на спине, уставившись в потолок затуманенными темными глазами. Господи, ее словно выжали! Руки и ноги, казалось, налились свинцом. Может быть, она заболела? Надо сказать Петре, пусть осмотрит ее.

Сделав осторожный вдох, Алекса медленно приподнялась на локте. Рубашка сползла до пояса, обнажив грудь. Странно, как могли развязаться бретельки, подумала она, опустив глаза вниз.

И сразу же закричала.

Внизу, в столовой, доктор Петра Герия, вздрогнув, оторвался от утренней газеты. Резко отодвинув стул, он бросил на стол салфетку и через несколько секунд уже мчался по устланному широким ковром коридору, затем — вверх по лестнице, перескакивая через ступеньки.

В спальне он увидел до смерти испуганную жену, которая сидела на краю постели и с ужасом смотрела на свою грудь. На белоснежной коже ярко выделялось еще не засохшее кровавое пятно.

Доктор отослал горничную, которая застыла на пороге, широко открытыми глазами уставившись на хозяйку. Он запер дверь и быстро вернулся к жене.

— О, Петра,— всхлипнула она.

— Тихонько, тихонько.— Он помог ей снова опуститься на запятнанную, кровавую подушку.

© Перевод Р. Шидфара.

— Петра, скажи, что со мной?

— Лежи спокойно, дорогая.

Его руки быстрыми привычными движениями ощупывали ее грудь. Вдруг у доктора перехватило дыхание. Осторожно повернув ее голову, он ошеломленно смотрел на две крошечные ранки на шее, на тонкую полоску полусвернувшейся крови, стекавшей на грудь.

— Горло,— прошептала Алекса.

— Нет, это...— Доктор Герия не договорил. Он прекрасно знал, что это такое. Алекса задрожала.— О боже мой...

Доктор поднялся и, с трудом передвигая ноги, подошел к тазу и кувшину с водой. Вернувшись к жене, он смыл кровь; теперь на коже ясно виднелись ранки — две крошечные красные точки возле яремной вены. Поморщившись, доктор прикоснулся к распухшей, покрасневшей коже вокруг них. Алекса мучительно застонала и отвернулась, пряча лицо.

— Послушай меня, дорогая,— нарочито спокойно произнес Герия.— Мы не будем слепо поддаваться нелепым суевериям и впадать в панику, ты меня слышишь? Можно найти сколько угодно рациональных объяснений...

— Я обречена,— сказала она едва слышно.

— Алекса, ты поняла, что я сказал? — Он сжал ее плечи.

Повернувшись, она смотрела на него пустыми глазами.

— Ты знаешь, что произошло.

Доктор судорожно глотнул. Во рту все еще чувствовался вкус утреннего кофе.

— Я знаю, на что это похоже,— сказал он осторожно,— и, разумеется, мы не будем упускать из виду даже такую возможность. Однако...

— Я обречена,— повторила она.

— Алекса! — Доктор Герия порывисто сжал ее руку.— Я никому тебя не отдам! — решительно произнес он.

Деревня Солта, в которой жила примерно тысяча человек, располагалась у подножия гор Вихор, в глухом уголке Румынии. Здесь властвовали древние суеверия. Заслышав, как вдалеке воют волки, крестьяне сразу же осеняли себя крестным знамением; дети собирали и приносили домой побеги молодого чеснока, как в других местах — полевые цветы, чтобы повесить на окна. На каждой двери был нарисован крест, каждый носил металлический крестик на шее. Бояться укуса вампира считалось таким

же естественным, как какой-нибудь смертельной заразной болезни. Этот страх пронизывал всю жизнь деревни.

Подобные мысли проносились в мозгу у доктора Герии, пока он наглухо закрывал окна в комнате Алексы. Заходящее солнце окрасило цветом расплавленного металла небо над вершинами гор. Скоро придет ночь; жители Солты будут спать тревожным сном, огражденные от непрошеных гостей надежными запорами и гирляндами чеснока на окнах. Он не сомневался, что теперь все в деревне узнали, что случилось с его женой. Повар и горничная, ставшая свидетельницей происшедшего, уже попросили расчета. Только железная рука управляющего Карела удерживала их от соблазна сразу бросить работу. Но вскоре даже это не поможет. Страх перед вампиром превращает человека в охваченное паникой существо, не подчиняющееся доводам рассудка.

Он ясно видел признаки подобного поведения сегодня утром, когда по его приказу комната Алексы была перерыта сверху донизу в поисках ядовитых насекомых или грызунов. Слуги ступали по полу так осторожно, как будто он был усеян осколками стекла, их глаза округлились от страха, пальцы то и дело судорожно тянулись к крестам, висевшим на шее. Они заранее знали, что никаких следов насекомых или крыс найдено не будет. Герия сам прекрасно понимал это. Все же, разъяренный тупостью слуг, доктор постоянно понукал их и в результате напугал еще больше.

Он с улыбкой повернул голову.

— Ну вот. Сегодня ночью ни одно живое существо сюда не проникнет.

В глазах жены мелькнул ужас, и доктор сразу же спохватился.

— Вообще ничего не проникнет, дорогая,— поправился он.

Алекса неподвижно сидела на кровати; тонкая, белая, словно фарфоровая, рука прижата к груди, пальцы сжимали стершийся серебряный крестик, который она сегодня достала из шкатулки и надела. Алекса не надевала его с тех пор, как они поженились и он подарил ей другой, усыпанный бриллиантами. Как это типично для девушки, выросшей в деревне: в момент смертельной опасности надеяться на защиту невзрачного крестика, который ей надели в здешней церкви как символ приобщения к Христу! Какой же она еще ребенок! Герия нежно улыбнулся, глядя на жену.

— Это тебе не понадобится, дорогая моя,— сказал он,— сегодня ночью ты будешь в полной безопасности.

Ее пальцы еще теснее сомкнулись вокруг креста.

— Нет-нет, если желаешь — носи его,— торопливо продолжил он.— Я имел в виду, что буду рядом всю ночь.

— Ты останешься здесь, со мной?

Он сел на кровать и взял ее за руку.

— Неужели ты думаешь, что я могу оставить тебя хоть на миг? — произнес он.

Через полчаса Алекса крепко спала. Герия придвинул к постели стул и сел поудобнее, приготовившись провести бессонную ночь. Он снял очки, помассировал переносицу. Затем, тяжело вздохнув, перевел взгляд на жену. Господи, какая удивительная красавица! У доктора перехватило дыхание.

— Никаких вампиров не существует,— шепнул он сам себе.

Глухой размеренный стук... Герия что-то пробормотал во сне, рука непроизвольно дернулась. Стук стал громче; затем откуда-то из темноты послышался встревоженный голос... «Доктор, доктор!» — настойчиво звал его кто-то.

Герия подскочил на стуле, протирая глаза. Какое-то мгновение он растерянно смотрел на запертую дверь.

— Доктор Герия! — снова позвал его Карел.

— Что? Что такое?

— Все в порядке?

— Да-да, все в по...

Герия повернулся к кровати и хрипло вскрикнул. Ночная рубашка Алексы снова была порвана на груди. Кровавые капли чудовищной росой покрывали ее шею и грудь.

Карел покачал головой.

— Закрытые окна не спасут от этой твари, господин,— сказал он.

Высокий и стройный, Карел возвышался над кухонным столом, где лежало столовое серебро, которое управляющий чистил, когда вошел его хозяин.

— Вампир способен превратить себя в пар и проникнуть в любое, самое крошечное, отверстие.

— Но ведь там был крест! — выкрикнул Герия.— Он до сих пор висит у нее на шее; никаких следов на нем... Кроме крови,— добавил он дрогнувшим голосом.

— Этого я понять не могу,— мрачно произнес Карел.— Крест должен был защитить ее.

— Но почему я ничего не заметил?

— Вампир одурманил вас своими дьявольскими чарами, господин. Радуйтесь еще, что он не тронул и вас.

— Мне нечему радоваться! — Герия стукнул кулаком по раскрытой ладони; лицо его исказилось.— Что мне делать?

— Повесьте в комнате чеснок,— ответил старик.— На окнах, над дверью. Всюду, где есть даже маленькое отверстие.

Герия, погруженный в мрачные мысли, машинально кивнул.

— Никогда в жизни не видел я никаких вампиров, даже представить себе не мог...— сказал он прерывающимся от отчаяния голосом.— А теперь моя собственная жена...

— Я видел вампира,— произнес управляющий,— и однажды собственными руками отправил в ад чудовище, вставшее из могилы.

— С помощью кола?..— На лице Герии смешались ужас и отвращение.

Старик медленно наклонил голову.

Герия с трудом глотнул.

— Дай бог тебе силы справиться и с этим чудовищем,— сказал он наконец.

— Петра?

Она стала еще слабее, голос был едва слышен. Герия склонился над женой:

— Что, дорогая?

— Сегодня ночью он придет снова,— произнесла она.

— Нет.— Доктор покачал головой.— Это невозможно. Чеснок защитит от него.

— Мой крест не защитил. И ты тоже не смог.

— Чеснок — верное средство,— сказал Герия.— И еще, посмотри-ка сюда. Видишь? — Он указал на столик рядом с кроватью.— Я приказал принести кофе. Сегодня ночью я не усну.

Алекса закрыла глаза. Ее осунувшееся лицо исказилось, словно от боли.

— Я не хочу умирать,— сказала она.— Пожалуйста, не дай мне умереть, Петра.

— Ты не умрешь. Даю слово: чудовище будет уничтожено.

По телу Алексы пробежала слабая дрожь.

— Но ведь сделать ничего нельзя,— шепнула она.

— Безнадежных положений не бывает,— ответил он.

Снаружи непроглядный мрак окутал дом тяжелым ледяным покрывалом. Доктор Герия сел у постели жены и стал ждать. Спустя час Алекса забылась тяжелым сном. Герия осторожно отпустил ее руку и налил в чашку дымящийся кофе. Отпивая обжигающе-горький напиток, он медленно обвел глазами комнату. Дверь заперта, окна закрыты наглухо, все отверстия завешены чесноком, на шее Алексы — крест. Он медленно кивнул. Да, его план должен сработать. Мерзкое чудовище будет наказано.

Он терпеливо ждал, прислушиваясь к собственному дыханию.

Герия распахнул дверь после первого же стука.

— Михаил! — Он порывисто обнял молодого человека, стоявшего на пороге.— Михаил, дорогой мой, я знал, что ты приедешь!

Он, торопясь, повел доктора Вареса в свой кабинет. За окном опускались сумерки.

— А куда подевались все здешние жители? — спросил Варес.— Честное слово, когда проезжал деревню, не заметил ни единой живой души!

— Закрылись в своих лачугах, дрожа от страха,— ответил Герия.— И мои слуги — тоже. Все, кроме одного.

— Кто же это?

— Мой управляющий, Карел. Он не открыл тебе дверь, потому что сейчас спит. Бедняга, он ведь глубокий старик, а работал за пятерых все это время.— Он крепко сжал руку Вареса.— Милый Михаил. Ты даже представить себе не можешь, как я рад тебя видеть.

Варес обеспокоенно оглядел его.

— Я отправился в путь, как только получил твое письмо.

— И поверь, я способен оценить это,— отозвался Герия.— Я знаю, как трудна и длинна дорога от Клужа до наших мест.

— Но что случилось? — спросил Варес.— В письме только говорилось...

Герия быстро посвятил его в события минувшей недели.

— Михаил, еще немного — и, чувствую, рассудок покинет меня! Все бесполезно! Чеснок, волчья ягода, проточная вода — ничего не помогает! Нет, прошу тебя, ни слова! Это не выдум-

ки или суеверия, не плод больного воображения: это происходит на самом деле! Моя жена стала жертвой вампира! С каждым днем она все глубже и глубже погружается в это страшное... страшное оцепенение, и вскоре...— Герия сжал руки.— И все же я не в силах понять...— пробормотал он прерывающимся голосом.— Просто не в силах понять все это.

— Ну полно, полно, сядь.— Доктор Варес усадил своего старшего коллегу в кресло и поморщился, заметив, как тот исхудал и побледнел. Его пальцы осторожно сжали запястье Герии в поисках пульса.

— Не надо, оставь меня! — протестующе воскликнул Герия.— Алекса, вот кому мы должны помочь! — Он прижал дрожащую руку к глазам.— Но как?

Он позволил своему гостю расстегнуть воротник и обследовать шею.

— И ты тоже,— произнес Варес ошеломленно.

— Какое это имеет теперь значение? — Герия схватил молодого врача за руку.— Друг мой, верный друг,— воскликнул он,— скажи, что это не я! Скажи: ведь это не я создание, которое медленно убивает Алексу?

Варес выглядел совершенно сбитым с толку.

— Ты? — произнес он.— Но каким образом...

— Да-да, я знаю,— сказал Герия.— Я сам подвергся нападению вампира. И все же тут все непонятно, Михаил! Что это за исчадие ада, неведомое дитя тьмы, которое ничем нельзя отвадить? Откуда, из какого богом проклятого места оно выходит? По моему приказу осмотрели каждую пядь земли в округе, прочесали все кладбища, проверили все могилы! Я сам осмотрел каждый дом в деревне! Говорю тебе, Михаил: мы ничего не нашли. Однако существует что-то неведомое, и оно появляется здесь, раз за разом, отнимая часть нашей жизни. Все крестьяне охвачены ужасом — и я тоже! Я ни разу не видел чудовище, не слышал его шагов! И все же каждое утро нахожу свою любимую жену...

Лицо Вареса вытянулось. Он не отрываясь смотрел на своего коллегу.

— Что я должен делать, друг мой? — Голос Герии звучал умоляюще.— Как мне спасти ее?

Варес не знал ответа на этот вопрос.

— И давно она в таком состоянии? — спросил Варес. Он не мог оторвать потрясенного взгляда от мертвенно-бледного лица Алексы.

— Несколько дней,— ответил Герия.— Ей становится все хуже и хуже.

Доктор Варес опустил безжизненно-вялую руку Алексы.

— Почему ты не вызвал меня раньше?

— Мне казалось, что можно что-то сделать,— слабо отозвался Герия.— Но теперь я знаю, что... что все бесполезно.

Варес содрогнулся.

— Но ведь...— начал он.

— Мы испробовали все средства, абсолютно все! — Герия проковылял к окну и невидящими глазами уставился в стекло. Становилось все темнее.— Снова приходит ночь,— прошептал он,— и мы бессильны перед тем, что принесет она с собой.

— Нет, Петра, не бессильны.— Варес растянул губы в фальшивой улыбке и положил руку на плечо Герии.— Сегодня ночью я буду сторожить в ее комнате.

— Бесполезно.

— Вовсе нет, друг мой,— быстро произнес Варес.— А теперь ты должен хоть немного поспать.

— Я не оставлю ее.

— Но тебе необходим отдых.

— Я не могу уйти,— сказал Герия.— Ничто не разлучит нас.

Варес кивнул.

— Да, конечно,— сказал он.— Мы с тобой будем дежурить по очереди, хорошо?

Герия вздохнул.

— Что ж, попробуем,— сказал он без всякой надежды в голосе.

Через полчаса он вернулся в комнату Алексы, держа целый кофейник с дымящимся кипятком, аромат которого едва пробивался сквозь густой запах чеснока, пропитавший все вокруг. Подойдя к кровати, Герия поставил поднос на столик. Доктор Варес придвинул стул поближе.

— Я буду дежурить первым,— сказал он.— А ты поспи, Петра.

— Нет, я не смогу,— отозвался Герия.

Он наклонил кофейник, и его содержимое медленно, словно расплавленная смола, потекло оттуда.

— Благодарю,— вполголоса произнес Варес, принимая полную чашку. Герия кивнул и налил себе кофе, потом сел рядом.

— Не знаю, что случится с деревней, если нам не удастся уничтожить чудовище,— сказал он.— Крестьяне обезумели от страха.

— А он появлялся еще где-нибудь? — спросил Варес.

Герия тяжело вздохнул.

— Зачем ему искать другое место? — сказал он устало.— Все, что нужно, он находит здесь.— В его взгляде чувствовалась безнадежность.— Когда нас не станет, вот тогда он найдет новые жертвы. Люди знают это и ждут. Готовятся к приходу вампира.

Варес поставил пустую чашку на столик и потер глаза.

— Все это кажется совершенно невероятным,— сказал он.— Только подумать: мы, служители науки, бессильны перед...

— Что может сделать наука? — отозвался Герия.— Наука, которая даже не признает существования подобных существ! Если мы приведем в эту комнату лучших ученых мира, как ты думаешь, что они скажут? Друзья мои, вы стали жертвой недоразумения. Вы заблуждаетесь. Никаких вампиров не существует. А то, что случилось, просто ловкое надувательство.

Герия неожиданно умолк и пристально взглянул на молодого доктора.

— Михаил! — позвал он его.

Варес размеренно и тяжело дышал. Поставив на столик чашку кофе, к которому он даже не притронулся, Герия встал и подошел к обмякшему на стуле Варесу. Приподняв веко, он внимательно осмотрел расширенный зрачок Михаила. Что ж, снотворное подействовало быстро. И весьма эффективно. Варес будет без сознания как раз столько времени, сколько необходимо для осуществления плана.

Подойдя к шкафу, Герия вытащил из него докторский чемоданчик и отнес его к постели. Он разорвал ночную рубашку на груди жены и привычными движениями набрал полный шприц крови Алексы: слава богу, сегодня он делает это в последний раз. Быстро продезинфицировав ранку, он подошел к Варесу и выпустил кровь в открытый рот молодого человека, старательно вымазав губы.

Затем Герия отпер дверь. Вернувшись к Михаилу, он поднял бесчувственное тело и вынес в коридор. Карел не проснется: порция опия, подмешанного в пищу, сделала свое дело. Согнув-

шись под тяжестью тела, Герия шаг за шагом спускался по лестнице. В самом темном углу подвала для Вареса приготовлен деревянный ящик. В нем Михаил будет лежать до рассвета, а утром измотанного, отчаявшегося доктора Петру Герию внезапно осенит и он прикажет Карелу на всякий случай (конечно, трудно, почти невозможно представить себе, чтобы внутри самого дома... но все же) осмотреть чердак и подвал.

Спустя десять минут Герия был уже у постели жены. Он проверил пульс Алексы. Неплохо: она выживет. Боль и мучительный страх, испытанные за эту неделю, послужат ей достаточным наказанием. Что же касается ее любовника...

Впервые с того времени, как они с Алексой вернулись в конце лета из Клужа, на лице доктора Герии появилась широкая довольная улыбка. Блаженные мученики, каким наслаждением будет наблюдать, как Карел вобьет кол прямо в сердце Михаила Вареса, этого мерзкого донжуана!

Сверчки

После ужина они спустились к озеру и любовались водной гладью, в которой отражалась луна.

— Красиво, правда? — произнесла она.

— Угу.

— Хороший получился отпуск.

— Да, хороший,— согласился он.

У них за спиной открылась и закрылась дверь на гостиничном крыльце. Кто-то двинулся по гравиевой дорожке в сторону озера. Джин посмотрела через плечо.

— Кто там? — спросил Хал, не оборачиваясь.

— Тот человек, которого мы видели в ресторане.

Прошло несколько мгновений, и человек остановился у кромки воды. Он молчал и не смотрел на них. Он глядел за озеро, на далекий лес.

— Может, нам с ним заговорить? — шепотом спросила Джин.

— Не знаю,— прошептал он в ответ.

Они снова принялись любоваться озером, и Хал обхватил ее за талию одной рукой.

Неожиданно человек заговорил сам.

— Вы слышите их?

— Сэр? — не понял Хал.

Маленький человечек развернулся и посмотрел на Хала и Джин. Его глаза ярко сверкали в лунном свете.

— Я спросил, слышите ли вы их.

Последовала короткая пауза, после чего Хал спросил:

— Кого?

— Сверчков.

Они оба застыли. Затем Джин кашлянула.

© Перевод Е. Королевой.

— Ну да, они милые,— сказала она.

— Милые? — Собеседник отвернулся. Через миг он снова обернулся и зашагал к ним.

— Меня зовут Джон Морган,— представился он.

— Хал и Джин Гэллоуэй,— сказал в ответ Хал.

Повисло неловкое молчание.

— Какая чудесная ночь,— нарушила его Джин.

— Была бы, если бы не они,— сказал мистер Морган.— Сверчки.

— А почему вы их не любите?

Мистер Морган секунду сосредоточенно прислушивался. Дернул худой шеей. Затем выдавил из себя улыбку.

— Окажите мне честь, позвольте угостить вас стаканчиком вина.

— Но...— начал Хал.

— Прошу вас.— В голосе мистера Моргана слышалась горячая мольба.

Обеденный зал напоминал просторную полутемную пещеру. Единственным источником света была маленькая лампа на столике, и в этом свете на стенах шевелились их бесформенные тени.

— Ваше здоровье.— Мистер Морган поднял бокал.

Вино было сухое и терпкое. Оно жаркими каплями стекало в горло Джин, заставляя ее вздрагивать.

— И что же там со сверчками? — спросил Хал.

Мистер Морган отставил бокал в сторону.

— Даже не знаю, стоит ли мне вам рассказывать.— Он настороженно посмотрел на них. Джин ощущала за его внимательным взглядом нетерпение, она протянула руку к своему бокалу, чтобы сделать глоток.

Внезапно, таким резким движением, что ее рука дернулась и она пролила немного вина, мистер Морган выхватил из кармана пальто маленький черный блокнот. Осторожно положил его на стол.

— Вот.

— Что это? — спросил Хал.

— Книга шифров,— сказал мистер Морган.

Они смотрели, как он наливает в бокал вина, потом ставит бутылку, и тень от бутылки падает на скатерть. Он поднял бокал и покатал ножку между пальцев.

— Это коды сверчков,— уточнил он.

Джин содрогнулась. Она даже не знала почему. В самих словах не было ничего ужасного. Но вот то, как мистер Морган их произнес...

Мистер Морган подался вперед, его глаза засверкали в свете лампы.

— Послушайте. Они не просто производят беспорядочный шум, когда трут крылышками.— Он выдержал паузу.— Они передают сообщения.

Джин показалось, что она превратилась в деревянную колоду. Зал как будто сменил центр тяжести, и все предметы вокруг потянулись к ней.

— Почему вы рассказываете об этом нам? — нахмурился Хал.

— Потому что теперь я уверен.— Мистер Морган пододвинулся ближе.— Вы когда-нибудь по-настоящему прислушивались к сверчкам? Я имею в виду, по-настоящему. Если прислушивались, то наверняка улавливали в их стрекотании некий ритм. Темп, определенный размер.

Я прислушивался,— продолжал он.— Семь лет. И чем больше слушал, тем больше убеждался, что в этом шуме сокрыт шифр, что по ночам они передают сообщения. И около недели назад я внезапно уловил закономерность. Это примерно как азбука Морзе, только, конечно, звучит иначе.

Мистер Морган замолчал и заглянул в свою черную книжку.

— И вот готово,— сказал он.— Результат семилетней работы. Я расшифровал их коды.

Кадык его дернулся, когда он поднял бокал и одним глотком осушил его.

— И... что же они передают? — замялся Хал.

Мистер Морган посмотрел на него.

— Имена. Я вам сейчас покажу.

Он сунул руку в один из карманов и вынул огрызок карандаша. Вырвал из блокнота чистый лист и принялся писать, бормоча себе под нос.

— Треск, треск — пауза — треск, треск-треск — пауза — треск — пауза...

Хал и Джин переглянулись. Хал хотел улыбнуться, но не смог. Затем оба посмотрели на склонившегося над столом человечка, который прислушивался к сверчкам снаружи и писал.

Мистер Морган отложил карандаш.

— Это натолкнет вас на кое-какую мысль.

Он протянул им листок. Они уставились на строчки.

МАРИ КЭДМАН, было написано на листе. ДЖОН ДЖОЗЕФ АЛЬСТЕР. СЭМЮЭЛЬ...

— Видите,— сказал мистер Морган.— Имена.

— Чьи? — Джин должна была спросить, хотя ей и не хотелось.

— Имена покойников,— ответил он.

Тем же вечером Джин забралась в постель рядом с Халом и прижалась к нему.

— Мне холодно,— пробормотала она.

— Тебе страшно.

— А тебе?

— Что ж, если я и боюсь чего-то, то не того, о чем ты подумала.

— Это как?

— Я не верю тому, что он сказал. Но сам он может быть опасен. Вот чего я боюсь.

— Откуда он взял эти имена?

— Может, это его друзья. Может, он видел их на могилах. А может, просто выдумал на ходу.— Хал тихо фыркнул.— Но сомневаюсь, что это сверчки ему напели,— завершил он.

Джин прижалась сильнее.

— Хорошо, что ты сказал ему, как мы устали,— произнесла она.— Я, наверное, больше не вынесла бы.

— Милая, этот симпатичный маленький человечек поведал нам всю подноготную о сверчках, а ты его бранишь.

— Хал, я не смогу спокойно слушать их стрекотание всю оставшуюся жизнь.

Они спали, обнявшись. А за окном, в недвижной темноте, сверчки терли крылышками до самого утра.

Мистер Морган стремительно прошел через обеденный зал и сел за их столик.

— Я весь день вас искал. Вы должны мне помочь.

Губы Хала сжались.

— Каким образом помочь? — Он отложил вилку.

— Они знают, что я разгадал их код. И они на меня ополчились.

— Кто, сверчки? — спросил Хал устало.

— Не знаю. Либо они, либо...

Джин онемевшими руками сжимала вилку с ножом. Она ощутила, как непонятно почему по ногам поднимается холод.

— Мистер Морган...— Хал старался сохранять терпение.

— Поймите меня,— взмолился мистер Морган.— Сверчки подчиняются покойникам. Покойники рассылают эти сообщения.

— Но зачем?

— Они составляют список своих. Они постоянно передают через сверчков имена, чтобы остальные их знали.

— Но зачем? — повторил Хал.

Руки мистера Моргана задрожали.

— Я не знаю, не знаю. Может, когда имен будет достаточно, когда покойников будет достаточно и они будут готовы, тогда они...— Горло его конвульсивно дернулось.— Тогда они вернутся назад,— договорил он.

— Но почему,— спустя миг спросил Хал,— вы считаете, что подвергаетесь какой-то опасности?

— Потому что, когда прошлой ночью я записывал имена, они произнесли и мое имя.

Тяжкое молчание нарушил Хал.

— Что мы можем сделать? — Он с трудом преодолевал неловкость.

— Оставайтесь рядом со мной, чтобы они не могли до меня добраться.

Джин испуганно взглянула на Хала.

— Я не буду вас беспокоить,— сказал мистер Морган.— Даже не буду сидеть рядом, я сяду в том конце зала. Только так, чтобы я мог вас видеть.

Он быстро поднялся и вынул записную книжку.

— Не приглядите за ней?

И не успели они произнести ни слова, как он уже отошел и прошагал через обеденный зал, огибая застеленные белыми скатертями столики. Он сел примерно в пятнадцати метрах, развернувшись к ним лицом. Они видели, как он протянул руку и включил на столике лампу.

— Что будем делать? — произнесла Джин.

— Посидим немного,— ответил Хал.— Будем потягивать вино. Когда бутылка кончится, отправимся спать.

— Разве мы не должны остаться?

— Милая, кто знает, что у него на уме? Не хочу рисковать.

Джин закрыла глаза и устало вздохнула.

— Какое странное завершение отпуска,— произнесла она.

Хал протянул руку и взял записную книжку. И, сделав это, он вдруг осознал, что за окном вовсю трещат сверчки. Он пролистал блокнот. На каждой странице было по три буквы с их кодовыми эквивалентами.

— Он смотрит на нас,— сказала Джин.

— Забудь о нем.

Она пододвинулась ближе и тоже заглянула в блокнот. Глаза забегали по рядам точек и тире.

— Тебе не кажется, что в этом что-то есть? — спросила Джин.

— Будем надеяться, что нет.

Хал пытался вслушаться в стрекотание сверчков и сопоставить услышанное с записями. Но ничего не получалось. Прошло несколько минут, и он захлопнул блокнот.

Когда винная бутылка опустела, Хал поднялся.

— Пора на боковую.

Не успела Джин встать, а мистер Морган был уже на полпути к их столику.

— Вы уходите?

— Мистер Морган, уже почти одиннадцать,— ответил Хал.— Мы устали. Прошу прощения, но мы идем спать.

Маленький человечек застыл в молчании, переводя с одного лица на другое испуганный, умоляющий взгляд. Он, казалось, хотел что-то сказать, но вдруг худые плечи опали, а глаза уставились в пол. Слышно было, как он с трудом сглотнул.

— Вы позаботитесь о моих записях? — попросил он.

— А вы их не заберете?

— Нет.— Мистер Морган развернулся. Пройдя несколько шагов, он остановился и посмотрел через плечо.— Но вы не могли бы оставить свою дверь открытой, чтобы я мог... позвать?

— Хорошо, мистер Морган,— согласился Хал.

Слабая улыбка тронула губы мистера Моргана.

— Благодарю вас,— сказал он и ушел.

Был уже пятый час, когда их разбудили крики. Оба они одновременно сели на кровати, вглядываясь в темноту, и Хал ощутил, как пальцы Джин впились ему в руку.

— Что это такое? — робко спросила Джин.

— Не знаю.— Хал откинул одеяло и спустил ноги на пол.

— Не бросай меня одну!

— Тогда идем вместе!

В коридоре горела тусклая лампочка. Хал понесся к номеру мистера Моргана. Дверь оказалась заперта, хотя до сих пор оставалась открытой. Хал заколотил по ней кулаком.

— Мистер Морган! — крикнул он.

В комнате неожиданно раздался какой-то сухой, шелестящий треск, как будто вдруг бешено затрясли миллионом бубнов сразу. Услышав этот звук, Хал резко отдернул руку от дверной ручки.

— Что это? — испуганно прошептала Джин.

Хал не ответил. Они стояли неподвижно, не зная, что делать. Затем шум за дверью прекратился. Хал глубоко вдохнул и вышиб дверь.

Из горла Джин вырвался крик.

Мистер Морган лежал в лунном свете на залитом кровью полу, кожа у него была взрезана словно тысячью крошечных бритв. В москитной сетке на окне зияла дыра.

Джин застыла, прижимая ко рту кулак, а Хал подошел ближе к мистеру Моргану. Он опустился на колени рядом с неподвижным телом и увидел, что пижама на груди разрезана на тонкие полоски. Дрожащими пальцами он уловил слабое биение сердца.

Мистер Морган поднял веки. Большие, ничего не узнающие глаза уставились прямо на Хала.

— Ф-И-Л-И-П М-А-К-С-В-Е-Л-Л,— булькающим голосом передал мистер Морган.

— М-А-Р-И Г-А-Б-Р-И-Э-Л-Ь,— проговорил мистер Морган, глядя неподвижными блестящими глазами.

Его грудь дрогнула. Глаза распахнулись еще шире.

— Д-Ж-О-Н М-О-Р-Г-А-Н,— передал он.

Затем его взгляд сосредоточился на Хале. Что-то затрещало в горле мистера Моргана. И, словно бы звуки выталкивала из него какая-то посторонняя сила, он заговорил снова.

— Х-А-Р-О-Л-Ь-Д Г-Э-Л-Л-О-У-Э-Й,— сообщил он,— Д-Ж-И-Н Г-Э-Л-Л-О-У-Э-Й.

Потом они остались наедине с покойником. А за окном, в ночи, стрекотали миллионы сверчков.

День расплаты

Дорогой папа!

Посылаю эту записку в ошейнике Рекса, потому что сам вынужден остаться здесь. Надеюсь, мое сообщение благополучно дойдет до тебя.

Твое письмо по поводу уплаты налогов я не смог вручить, потому что вдова Блэкуэлл убита. Она наверху. Я перенес ее на постель. Выглядит она кошмарно. Мне бы хотелось, чтобы ты сообщил шерифу и судебному следователю Уилксу.

Что касается маленького Джима Блэкуэлла, я не знаю, где он находится в данную минуту. Он так перепуган, что бегает по дому и прячется от меня. На него, должно быть, здорово нагнал страху тот, кто убил его мать. Он не говорит ни слова. Только мечется по углам, как загнанная крыса. Иногда я вижу в темноте его глаза, а потом они исчезают. У них здесь, как ты знаешь, нет электричества.

Я пришел на закате, чтобы отдать твое письмо. Позвонил в колокольчик, но мне никто не открыл, поэтому я толкнул входную дверь и заглянул внутрь.

Все занавески были задернуты. Тут я услышал, как кто-то тихо пробежал через гостиную, после чего ноги застучали по лестнице. Я позвал вдову, но никто не ответил.

Отправившись к лестнице, я заметил Джима, который смотрел на меня сквозь ряд балясин. Поняв, что его заметили, он сбежал вниз, в прихожую, и с тех пор я его не видел.

Я осмотрел комнату наверху. Наконец зашел в комнату вдовы Блэкуэлл, она лежала мертвая на полу, в луже крови. Горло перерезано, глаза широко раскрыты и глядят прямо на меня. Кошмарное зрелище!

© Перевод Е. Королевой.

Я закрыл ей глаза, осмотрел комнату и нашел опасную бритву. Вдова была полностью одета, из чего я заключил, что убийца замышлял только грабеж.

Так вот, папа, прошу тебя, как можно быстрее приезжай с шерифом и судебным следователем Уилксом. Я останусь здесь, прослежу, чтобы Джим не убегал далеко от дома, а не то заблудится в лесу. Но приезжай как можно скорее, потому что мне совершенно не нравится сидеть здесь, пока вокруг в потемках рыщет Джим.

Люк

Дорогой Джордж!

Мы только что вернулись из дома твоей сестры. Газетчикам мы пока не говорили, так что я обо всем расскажу тебе сам.

Я отправил Люка доставить бумаги по налогам на недвижимость, и он обнаружил, что твоя сестра убита. Я совсем не в восторге от того, что мне приходится сообщать тебе об этом, но должен же кто-то это сделать. Шериф с помощником уже обшаривают окрестности в поисках убийцы. Они считают, это был какой-нибудь бродяга. Она не изнасилована, и, насколько мы можем судить, из дома ничего не пропало.

Но более всего меня беспокоит маленький Джим.

Этот мальчик может скоро умереть от истощения и даже просто от страха. Он ничего не ест. Иногда проглатывает кусочек хлеба или откусывает конфету, но как только начинает жевать, лицо у него кривится и его сейчас же начинает сильно рвать. Я вообще ничего не понимаю.

Люк обнаружил твою сестру в спальне с перерезанным от уха до уха горлом. Судебный следователь Уилкс утверждает, что это сделано сильной уверенной рукой: рана глубокая и ровная. Мне ужасно не хотелось рассказывать обо всем этом, но, думаю, тебе лучше знать правду. Похороны состоятся через неделю.

Мы с Люком долго бродили вокруг дома, пытаясь поймать мальчика. Он быстрый, как молния. Джим мечется в темноте и попискивает каким-то крысиным писком. Он показал нам зубы, когда мы наконец-то загнали его в угол с помощью фонаря. У него совершенно белая кожа, а от того, как он закатывает глаза и пускает изо рта пену, просто волосы дыбом встают.

В конце концов мы его поймали. Он кусал нас и извивался угрем. А потом совершенно затих, и мы понесли его, по выражению Люка, как бревно.

Мы принесли его в кухню и попытались накормить. Он не съел ни кусочка. Выпил немного молока, причем так, словно совершает большое преступление. А потом, через секунду, лицо у него исказилось, он раскрыл рот, и все молоко вышло обратно.

Он постоянно пытается от нас сбежать. Не произнес ни единого слова. Он только пищит и бормочет, словно болтающая сама с собой обезьянка.

Мы в итоге отнесли его наверх и уложили в кровать. Он окаменел, как только мы дотронулись до него, и я испугался, что у него вылезут глаза из орбит, так широко он их раскрыл. Челюсть у него отпала, он уставился на нас, словно мы чудовища или же пришли распороть ему горло, как его матушке.

В свою комнату Джим идти не хотел. Он визжал и бился у нас в руках, как пойманная рыбина. Упирался ногами в стену, пихался, вырывался, царапался. Пришлось надавать ему пощечин, тогда он снова вытаращил глаза и одеревенел, и мы внесли его в комнату.

Когда я раздел его, то оторопел так, как ни разу в жизни, Джордж. Этот парнишка сплошь покрыт шрамами и синяками, и на спине, и на груди, словно кто-то связывал и пытал его щипцами, или каленым железом, или бог знает чем еще. У меня мурашки пошли по коже от такого зрелища. Я знаю, поговаривают, вдова была несколько не в себе со смерти мужа, но не могу поверить, что такое сделала она. Это дело рук совершенного психопата.

Джим был сонный, но не смыкал глаз. Он все время оглядывал стены и потолок, и губы у него шевелились, словно он хотел заговорить. Джим низко и прерывисто застонал, когда мы с Люком направились к двери.

И не успели мы выйти в коридор, как он завопил во весь голос и затрясся на кровати, словно его кто-то душит. Мы кинулись обратно в комнату, я высоко поднял лампу, но мы ничего не увидели. Я решил, что мальчик помешался от страха и ему что-то мерещится.

Потом, как будто это было подстроено специально, в лампе кончилось масло, и мы вдруг увидели белые лица, смотрящие на нас со стен, с потолка и из окна.

Это был жуткий миг, Джордж. Ребенок орал во всю мочь, извивался, но не делал попыток убежать. Люк искал дверь, я старался нашарить в карманах спички, одновременно вглядываясь в эти кошмарные лица.

Наконец я нашел спички, зажег, и лиц больше не было, только половина одного лица на оконном стекле.

Я отправил Люка в машину за маслом. Когда он вернулся, мы снова зажгли лампу, осмотрели окно и поняли, что лицо нарисовано краской, которая светится в темноте. То же самое было с лицами на стенах и потолке. Хватило бы, чтобы напугать до полусмерти и взрослого, подумать только, что кто-то мог сделать такое с комнатой маленького мальчика.

Мы перенесли его в другую комнату и уложили в постель. Он заснул, вскрикивая и бормоча что-то, чего нельзя было разобрать. Мы вышли, и я оставил Люка сторожить в коридоре перед дверью в комнату. А сам отправился осмотреть дом еще раз.

В комнате вдовы я обнаружил целый шкаф, забитый книгами по психологии. Во всех есть пометки. Я прочитал одно место про эксперимент, в котором крыс доводили до безумия, заставляя их думать, будто еда лежит там, где ее нет. И еще одно, о том, как заставить собаку потерять аппетит и умереть от голода, избивая ее в то время, когда она пытается есть.

Наверное, ты догадываешься, о чем я подумал. Но это такой кошмар, что я с трудом в него верю. То есть я верю в то, что Джим мог обезуметь настолько, чтобы перерезать ей горло. Но он такой маленький, что не представляю, как бы ему это удалось.

Ты его единственный живой родственник, Джордж, мне кажется, ты должен что-то сделать для мальчика. Не хочется отдавать его в приют. Он не сможет там жить. Вот почему я все так подробно описал, чтобы ты сам мог судить.

Есть и еще кое-что. Я поставил пластинку в комнате мальчика. На ней записаны звуки, похожие на жуткие крики диких животных, но еще кошмарнее пронзительный смех, перекрывающий их.

Вот и все, Джордж. Мы сообщим тебе, если шериф найдет убийцу твоей сестры, потому что на самом деле никто не верит, будто Джим мог сделать такое. Мне бы хотелось, чтобы ты забрал мальчика и попытался вылечить его.

До встречи,

Сэм Дэвис

Дорогой Сэм!

Я получил твое письмо и расстроился сильнее, чем могу выразить. Я уже давно знал, что психическое здоровье сестры по-

шатнулось после смерти мужа, но и понятия не имел, как далеко все зашло.

Видишь ли, она влюбилась в Фила еще девочкой. В ее жизни больше не было никого. Солнце вставало и садилось только благодаря ее любви к нему. Она так ревновала его, что однажды, когда он отправился на вечеринку с другой девушкой, разбила руками окно и едва не истекла кровью.

В конце концов Фил женился на ней. Казалось, что счастливей пары и быть не может. Она делала для него все, что угодно. Без него она не мыслила своей жизни.

Когда родился Джим, я навещал ее в больнице. Она сказала мне, жаль, что он не родился мертвым, потому что она знает, насколько важен для Фила сын, а ей ненавистна сама мысль, что Филу будет дорог кто-то, кроме нее.

Она всегда плохо обращалась с Джимом. Всегда обижала его. И в тот день, когда три года назад Фил утонул, спасая Джима, она лишилась рассудка. Я был рядом, когда ей сообщили о гибели мужа. Она бросилась на кухню, схватила нож и кинулась бежать по улице, чтобы найти Джима и убить его. В итоге она упала без сознания у дороги, и мы отнесли ее домой.

Она вообще не смотрела на Джима целый месяц. Потом собралась и увезла его в этот дом в лесу. И с тех пор я ее не видел.

Ты и сам знаешь, что мальчик боится всего и всех. За исключением одного человека. Именно этого и добивалась моя сестра. Она претворяла свой план в жизнь шаг за шагом. Господи, почему я не понимал этого раньше! В том кошмарном, полном ужасов мирке, который она выстроила вокруг мальчика, она оставила ему веру и привязанность по отношению только к одному человеку — к ней. Она была единственным щитом, ограждающим Джима от всех этих ужасов. Она знала это, когда умирала, знала, что Джим окончательно сойдет с ума, потому что в мире не останется никого, к кому он сможет обратиться за утешением.

Полагаю, теперь ты понимаешь, что никакого убийства не было.

Просто побыстрее погребите ее и отправьте мальчика ко мне. На похороны я не приеду.

Джордж Барнс

Первая годовщина

В четверг утром, когда он уже выходил из дома, Аделина спросила его:

— И что, я по-прежнему кажусь тебе кислой на вкус?

Норман взглянул на нее с упреком.

— Ну так как?

Он обхватил ее обеими руками за талию и впился губами в шею.

— Нет, скажи же мне,— настаивала Аделина.

Норман виновато потупился.

— Неужели ты не можешь забыть? — спросил он.

— Но ты же так сказал, дорогой. Да еще и в нашу первую годовщину!

Он прижался щекой к ее щеке.

— Да, я так сказал,— пробормотал он.— Но неужели мне отказано в праве совершать время от времени ошибки?

— Ты так и не ответил.

— Кислая ли ты на вкус? Ну конечно нет.— Он прижал ее к себе и вдохнул аромат ее волос.— Простила?

Она поцеловала его в кончик носа, улыбнулась, и он, уже в который раз, подумал, какое это счастье, что судьба наградила его такой чудесной женой. В начале второго года совместной жизни они вели себя как в медовый месяц.

Норман поцеловал ее в губы.

— Проклятье,— сказал он.

— Что случилось? Я снова кислая?

— Нет.— Он был в замешательстве.— Теперь я вообще не ощущаю никакого вкуса.

© Перевод Е. Королевой.

— Теперь вы вообще не чувствуете ее вкуса,— сказал доктор Филлипс.

— Понимаю,— Норман улыбнулся,— насколько нелепо это звучит.

— Что ж, случай редкий.

— Более, чем вам кажется,— прибавил Норман, и его улыбка сделалась несколько вымученной.

— То есть?

— У меня никаких проблем с определением вкуса всего остального.

Доктор Филлипс некоторое время внимательно смотрел на него, прежде чем заговорить снова.

— А ее запах вы чувствуете?

— Да.

— Уверены?

— Уверен. А какое отношение это имеет?.. Хотите сказать, что вкус и обоняние взаимосвязаны?

Филлипс кивнул.

— Если вы ощущаете ее запах, то должны чувствовать и вкус.

— Наверное, так, но я не чувствую.

Доктор Филлипс криво усмехнулся.

— Н-да, проблема.

— Никаких идей? — спросил Норман.

— Пока никаких. Хотя могу предположить, что это какой-то вид аллергической реакции.

Норман встревоженно поглядел на него.

— Надеюсь, скоро узнаем,— ободрил доктор Филлипс.

Аделина оторвала взгляд от кастрюли, когда он вошел в кухню.

— Что сказал доктор Филлипс?

— Что у меня на тебя аллергия.

— Не мог он так сказать,— оскорбилась она.

— Именно так и сказал.

— А если без шуток?

— Он сказал, что мне надо сделать пробы на аллергены.

— Но он не считает, что это что-то серьезное?

— Нет.

— Вот и славно.— Она явно обрадовалась.

— Да уж, славно,— проворчал он.— Ощущать твой вкус — одно из немногих удовольствий, какие есть у меня в жизни.

— Перестань.— Она сняла с себя его руки и снова сосредоточилась на кастрюле.

Норман обхватил ее за талию и потерся носом о шею.

— Как жаль, что я не ощущаю твоего вкуса. Но мне нравится твой аромат.

Она протянула руку и потрепала его по щеке.

— Я люблю тебя,— сказала Аделина.

Норман вздрогнул и потянул носом.

— Что не так? — спросила она.

Он принюхался.

— Что это? — Он оглядывал кухню.— А мусор у нас вынесен?

— Да, Норман.— Она старалась сдержаться.

— Но я совершенно уверен, что здесь чем-то ужасно воняет. Может...— Он замолчал, увидев выражение ее лица. Аделина поджала губы, и внезапно до него дошло.— Милая, ты же не думаешь, что это я о...

— А разве нет? — Голос ее был едва слышен.

— Аделина, перестань.

— Сначала я кислая на вкус. Теперь...

Он заставил ее замолкнуть долгим поцелуем.

— Я люблю тебя,— сказал Норман,— понимаешь? Я тебя люблю. Неужели ты решила, будто я хочу тебя обидеть?

Она дрожала в его объятиях.

— Но ты меня обидел,— прошептала она.

Норман прижимал ее к себе и гладил по голове. Нежно целовал ее в губы, в щеки, в глаза. Снова и снова говорил, как сильно ее любит.

И силился не обращать внимания на жуткий запах.

Неожиданно Норман открыл глаза и прислушался. Он смотрел в темноту. Что его разбудило? Он повернул голову и провел рукой по матрасу. Когда он коснулся ее, Аделина чуть пошевелилась во сне.

Норман рывком перевернулся на бок и придвинулся к ней. Он прижимался к податливому теплому телу, рука осторожно проводила по ее бедру. Он прильнул щекой к ее спине и уже начал снова проваливаться в сон.

И внезапно его глаза распахнулись. Ошеломленный, он потянулся носом к ее коже и принюхался. Ледяные когти страха вцепились в сердце. Боже мой, что происходит? Он принюхал-

ся сильнее. Норман лежал, не двигаясь, и боролся с подступающей паникой.

Если бы вдруг начисто пропали вкус и обоняние, он мог бы понять, смириться. Но они же есть. Даже сейчас он ощущал во рту горький привкус кофе, который выпил вечером. Чувствовал слабый запах окурков в пепельнице на столике рядом с кроватью. С легкостью мог уловить запах шерстяного одеяла, которым они укрывались.

Тогда в чем дело? Она ведь самое важное, что есть в его жизни. Это просто пытка, что она по крупицам, по кусочкам ускользает от его чувств.

Это был их любимый ресторан еще со времен ухаживаний. Им нравилась здесь еда, умиротворяющая атмосфера и маленький оркестр, который играл за обедом и вечером для танцующих. Как следует подумав, Норман выбрал его в качестве места, где они смогут спокойно обсудить свою проблему. И уже сожалел об этом. Ресторан не способен был снять то напряжение, какое Норман ощущал в последнее время.

— А что еще это может быть? — спрашивал он несчастным голосом.— Это не на уровне физиологии.— Он отодвинул нетронутый ужин.— Это где-то у меня в голове.

— Но почему, Норман?

— Если бы я только знал.

Она накрыла его руку своей.

— Прошу тебя, не переживай,— успокоила она.

— Но как я могу не переживать? Это какой-то кошмар. Я лишился части тебя, Аделина.

— Дорогой, не надо,— умоляла она,— не могу видеть тебя таким несчастным.

— Но я несчастен.— Он провел пальцем по скатерти.— Я уже готов отправиться на прием к психоаналитику.— Норман поднял голову.— Это наверняка у меня в голове,— повторил он.— И, будь оно проклято, меня это бесит! Я хочу избавиться от этого.

Увидев страх на ее лице, он выдавил из себя улыбку.

— Ладно, к черту,— усмехнулся Норман.— Пойду к психоаналитику, пусть меня починит. Давай потанцуем.

Она сумела улыбнуться в ответ.

— Леди, вы выглядите просто сногсшибательно,— сказал он ей, когда они шли к танцевальной площадке.

— Я так тебя люблю,— прошептала она.

Посреди танца он начал иначе чувствовать ее тело. Норман крепко прижимал ее к себе, держался щекой к щеке, лишь бы она не заметила болезненного выражения на его лице.

— А теперь оно пропало? — завершил доктор Бернстром.

Норман выдохнул клуб дыма и вдавил сигарету в пепельницу.

— Именно,— сердито подтвердил он.

— Когда?

— Этим утром.— Щеки Нормана приобрели пепельный оттенок.— Сначала вкус. Потом запах.— Он передернулся, как припадочный.— А теперь еще и осязание.

Голос его сорвался.

— Что происходит? — взмолился он.— Что это за болезнь такая?

— Ничего необъяснимого,— заверил Бернстром.

Норман посмотрел на него с тревогой.

— И что теперь? Помните, я сказал, что это касается только жены. Все остальное...

— Я понял,— кивнул Бернстром.

— Тогда что это?

— Вы слышали об истерической слепоте?

— Да.

— Истерической глухоте.

— Да, но...

— Тогда почему бы, по какой-то причине, не могла произойти потеря и прочих чувств на почве истерии?

— Ладно, пусть, но с чего?

Доктор Бернстром улыбнулся.

— Насколько понимаю, вы и пришли ко мне, чтобы выяснить это.

Рано или поздно он должен был прийти к этому выводу. Никакая любовь не смогла бы этому помешать. И он пришел к нему, сидя один в гостиной, уткнувшись в мельтешащие на газетных страницах буквы.

Взглянем фактам в лицо. Вечером в прошлую среду он поцеловал ее и, нахмурившись, сказал: «Ты какая-то кислая, детка». Она напряглась, отстранилась от него. В тот раз он решил, что ее реакция вызвана вполне понятным чувством — обидой. И вот теперь он пытался во всех подробностях припомнить, как она вела себя после.

Потому что в четверг утром он вообще не ощутил ее вкуса.

Норман кинул виноватый взгляд в сторону кухни, где Аделина прибирала со стола. Тишину в доме нарушал лишь звук ее шажков.

Взглянем фактам в лицо, настаивал рассудок. Норман* откинулся на спинку кресла и снова принялся восстанавливать детали.

Затем, в субботу, появился тот кошмарный запах разложения. Естественно, она должна была оскорбиться, если бы он заявил, что именно она является источником смрада. Но он же этого не сказал, это точно. Он оглядел кухню, спросил ее, вынесен ли мусор. Она же, однако, моментально приняла это на свой счет.

И позже, ночью, когда он проснулся, он вообще не ощутил ее запаха.

Норман закрыл глаза. Должно быть, у него по-настоящему не в порядке с головой, если он в состоянии думать такое. Он любит Аделину, жить без нее не может. Как он смеет хотя бы допустить, что каким-то образом в происходящем виновата она?

А потом, в ресторане, продолжал неумолимый разум, пока они танцевали, Аделина вдруг показалась ему холодной на ощупь. И — он не мог подобрать другого слова — склизкой.

А затем, утром...

Норман отложил газету. «Прекрати!» Сотрясаемый дрожью, он принялся вышагивать по комнате. Взгляд сделался сердитым и испуганным одновременно. Это я сам, твердил он себе, я сам! Он не позволит собственному сознанию уничтожить самое прекрасное, что есть в его жизни. Не позволит...

Он будто споткнулся о булыжник: рот раскрылся, глаза широко распахнулись, лицо побелело. Затем медленно, так медленно, что стало слышно, как похрустывают позвонки шеи, он повернул голову в сторону кухни. Там по-прежнему находилась Аделина.

Только он слышал вовсе не звук шагов.

Норман едва чувствовал собственное тело. Ошеломленный, он прошел, неслышно ступая по ковру, и остановился у двери

---

* Ироничное имя для персонажа, подозревающего у себя расстройство психики. Не исключена аллюзия на Нормана Бейтса, героя романа Роберта Блоха «Психо» («Психоз») и одноименного фильма Альфреда Хичкока. Фильм вышел как раз в год написания рассказа (1960), а роман — годом раньше. *(Прим. ред.)*

кухни. На лице отразилось нечто близкое к отвращению, когда он услышал звук, который она производила при движении.

Потом наступила тишина. Взяв себя в руки, он рывком распахнул дверь. Аделина стояла у раскрытого холодильника. Она повернула голову и улыбнулась.

— Я как раз хотела принести тебе...— Она замолчала и неуверенно поглядела на него.— Норман?

Он не мог говорить. Лишь неподвижно стоял в дверях и смотрел на нее.

— Норман, что с тобой?

Его дико трясло.

Аделина поставила тарелку с шоколадным пудингом и поспешила к нему. Он не смог сдержаться. Он отшатнулся с тревожным криком, лицо искривилось.

— Норман, что происходит?

— Не знаю,— простонал он.

Она снова двинулась к нему и остановилась от его испуганного крика. Внезапно ее лицо окаменело — она поняла, в чем дело, и это ее рассердило.

— Что на этот раз? Я хочу знать.

Он смог только помотать головой.

— Я хочу знать, Норман!

— Нет.— Слабый, перепуганный голос.

Она поджала трясущиеся губы.

— Я больше не в силах это выносить,— сказала она.— Я серьезно, Норман.

Он отшатнулся в сторону, когда она проходила мимо. Развернувшись, он смотрел, как Аделина поднимается по лестнице, и на его лице читался ужас: Норман слышал, с какими звуками она это делает. Зажав руками уши, он стоял, сотрясаемый неудержимой дрожью. «Это я сам! — снова и снова повторял он себе, пока слова не начали терять свой смысл.— Я, это я, это я, это я!»

Наверху с грохотом захлопнулась дверь. Норман опустил руки и неуверенно двинулся к лестнице. Она должна услышать, что он любит ее и считает все остальное игрой собственного воображения. Она должна понять.

Открыв дверь темной спальни, он ощупью нашел дорогу и присел на кровать. Он услышал, как Аделина повернулась, и понял, что она смотрит на него.

— Прости меня,— сказал он.— Я... болен.

— Нет.— Голос ее звучал безжизненно.

Норман уставился на нее.

— Что?

— С другими людьми проблем не возникает, с друзьями, с продавцами в магазинах... Они слишком мало меня видят. А вот с тобой совсем другое дело. Мы слишком часто бываем вместе. Напряжение, которое требуется, чтобы скрываться от тебя час за часом, день за днем, целый год, чересчур велико. Я теряю контроль над твоим сознанием. Все, что я в силах сделать, лишать тебя чувств, одного за другим.

— Ты же не...

— ...хочешь сказать, что все это на самом деле? Именно это я и хочу сказать. Все это происходит по-настоящему. Вкус, запах... и то, что ты услышал сегодня.

Он сидел неподвижно, глядя на ее темный силуэт.

— Надо было лишить тебя всех чувств, сразу как это началось,— пожалела она.— Тогда все было бы проще. А теперь уже слишком поздно.

— О чем ты вообще говоришь? — Он с трудом произносил слова.

— Это несправедливо! — выкрикнула она.— Я была тебе хорошей женой! Почему я должна возвращаться? Не хочу обратно! Я найду кого-нибудь другого. В следующий раз я не совершу такой ошибки!

Норман отшатнулся от нее и поднялся на ватные ноги, нашаривая пальцами выключатель.

— Не трогай! — приказал ее голос.

Слепящий свет хлынул в глаза. Норман услышал скрип кровати и развернулся. Он не смог даже закричать. Звуки застряли в горле, когда он увидел бесформенную массу, сочащуюся гнилью.

— Ладно! — взорвались у него в мозгу ее слова.— Ладно, тогда узнай же меня!

Все чувства разом вернулись к нему. Воздух завибрировал от вони. Норман отшатнулся, потерял равновесие, упал. Он видел, как гниющая туша поднимается с постели и движется на него. А затем его сознание затопила чернота, и ему показалось, он поплыл по ночному коридору, где гуляло эхо голоса, который бесконечно повторял:

— Прошу тебя! Я не хочу возвращаться назад! Никто из нас не хочет! Люби меня, позволь мне остаться с тобой! Люби меня, люби меня...

Из мест, покрытых тьмой

Доктор Дженнингс резко вырулил на тротуар и припарковал машину. Колеса его «ягуара» подняли целый веер брызг. Левой рукой он выдернул ключ зажигания, правой распахнул дверцу машины, в одну секунду оказался на улице и нетерпеливо замер на тротуаре, пережидая сплошной поток машин. Он быстро глянул вверх, на окна квартиры Питера Ланга в доме напротив. Что же случилось с Патрицией? Ее голос по телефону показался ему ужасным — дрожащий, перепутанный. Дженнингс опустил глаза вниз и снова увидел перед собой непрерывный поток машин. Как только в этом потоке появился просвет, Дженнингс ринулся в него и перебежал через улицу, едва увернувшись от какого-то лихача.

Стеклянные двери подъезда пневматически закрылись позади. Не теряя ни минуты, Дженнингс бегом бросился к лифту. «Отец, скорее, прошу тебя! Я не знаю, что мне с ним делать!» Умоляющий голос Патриции снова прозвенел в его памяти. Дженнингс ступил на площадку лифта и нажал на кнопку десятого этажа. «Я ничего не могу объяснить тебе по телефону! Скорее приезжай!» Дженнингс постарался сосредоточиться и бессознательно уставился на резиновую прокладку дверей лифта.

Конечно, трехмесячной давности помолвка Патриции с Питером Лангом сама по себе внушала опасения. Но даже если и так, он все равно не имел права требовать от дочери расторжения этой помолвки. Ланга вряд ли можно было причислить к разряду богатых прохвостов без стыда и совести. Конечно, Питер дожил до своих двадцати семи лет, так и не столкнувшись с проблемой работы ради заработка. Но он не был ни беспомощ-

© Перевод В. Рыбаковой.

ным, ни нищим человеком. Питер занимался спортивной охотой и был спортсменом высшего класса, известным во всем мире. Он пользовался огромным авторитетом в кругу своих коллег, у него была слава, были и деньги. Вообще же Питер был человеком добрым и справедливым, не без чувства юмора, любил прихвастнуть. Самое же главное, у Дженнингса сложилось впечатление, что Ланг очень сильно любит Патрицию.

Может быть, все дело в обычном женском волнении...

Дженнингс вздрогнул, вернулся в реальность. Дверцы лифта открылись. Он решил, что находится на десятом этаже, и вышел в коридор. Каблуки его ботинок немного поскрипывали на ходу, когда он шел по гладкому плиточному полу. Дженнингс стал машинально расстегивать пальто и снимать перчатки. Прежде чем он дошел до квартиры Ланга, перчатки уже были у него в кармане, а пальто расстегнуто.

К двери была прикноплена нацарапанная карандашом записка: «Входите». Дженнингс вздрогнул, когда понял, что эти безобразные, неровные и торопливые каракули выведены рукой Пэт. Успокаивая себя, он повернул ручку двери и вошел внутрь.

Он испытал настоящий шок. В гостиной царил полный разгром: кресла и столики опрокинуты, разбитые лампы валяются на полу, среди них, переплетами вверх, полуразорванные книги и повсюду — осколки посуды, пустые бутылки, обгоревшие спички, окурки. На скомканной скатерти — пятна от спиртного, в раскрытом баре — откупоренная и упавшая на стойку бутылка с виски; бутылка откатилась к самому краю стойки, и виски из нее капает на пол. Из большого приемника, висящего на стене, исходит ужасающий треск и грохот, потому что приемник включен на полную громкость и не отрегулирован. Дженнингс со страхом окинул громоздящиеся вокруг него следы какого-то побоища. «Должно быть, Ланг сошел с ума»,— подумал он.

Доктор кое-как пристроил свою сумку на полу в передней, повесил на вешалку пальто и шляпу, затем снова взял сумку в руки и пошел в глубину квартиры. Проходя все комнаты одну за другой, он зажигал в них свет и видел повсюду то же, что и в гостиной.

— Отец?

— Это я, дочка!

Дженнингс услышал всхлипывающий голос Патриции и с недобрым чувством вошел в спальню.

Они сидели на полу под зашторенным окном. Патриция стояла на коленях, обняв абсолютно голого Питера, который сжался в напряженный комок и прижал к лицу руки, точно защищаясь от кого-то. Когда Дженнингс опустился на колени рядом с ними, Пэт взглянула на него расширенными, полусумасшедшими глазами.

— Он пытался выброситься в окно,— сказала она,— он хотел себя убить.— Ее голос был хриплым и прерывистым.

— Хорошо.

Дженнингс мягко отстранил ее руки и попытался приподнять голову Ланга. Питер часто задышал, вздрогнув всем телом от прикосновения доктора, и снова еще туже сжался в напряженный шар из рук, ног и спины. Дженнингс внимательно вгляделся в его позу. Уже в сильнейшей тревоге, доктор вдруг обратил внимание на то, как мышцы на плечах и спине молодого мужчины конвульсивно подергиваются. Да он весь просто корчился от боли, он дрожал всей своей загорелой кожей, точно его жалили змеи!

— Сколько времени с ним это творится? — спросил доктор.

— Я не знаю.— Лицо Пэт выражало муку и бессилие.

— Иди в гостиную и выпей немного виски,— скомандовал ей отец,— а я пока что присмотрю за ним.

— Он хотел убить себя!

— Патриция!

Она расплакалась, и Дженнингс отвернулся. Ей было необходимо поплакать, это ясно. Дженнингс попытался еще раз разогнуть жутко сжавшееся тело Питера, но, как и в первый раз, молодой мужчина стал задыхаться и еще более судорожно собрался в комок.

— Постарайся расслабиться, я хочу уложить тебя в постель,— сказал Питеру Дженнингс.

— Нет,— промычал Питер. Его голос был полон боли и страха.

— Я хочу помочь тебе, парень, если только...

Дженнингс не договорил, его лицо побледнело. Тело Ланга неожиданно обмякло. Его ноги вытянулись вперед, руки безвольно повисли, сменив свое прежнее положение — крест-накрест у лица. Частые тяжелые вздохи раздались из его груди.

Питер поднял голову.

Его лицо заставило Дженнингса открыть рот от горестного изумления. Если можно вообразить себе лицо человека, которого только что жестоко пытали, то таким и было лицо Ланга. Обросшее темной щетиной, бескровное, с широко раскрытыми, полными муки глазами, это было лицо человека, которого истязают, истязают долго и страшно.

— Что же это? — вскричал Дженнингс.

Питер оскалился. Эта ухмылка настолько потрясла доктора, что по его телу прошла волна крупной дрожи.

— Пэтти ничего вам не сказала? — спросил Питер.

— Ты, ты скажи мне — что с тобой?!

Питер присвистнул, очевидно забавляясь:

— Я помираю. Я уже немножко похудел, верно?

— Милый, нет,— умоляюще сказала Пэт.

— О чем это вы говорите? — недоумевающе воскликнул Дженнингс.

— Выпить, принеси мне выпить, милая,— попросил Питер.

Патриция, покачнувшись, повернулась и вышла из спальни. Дженнингс подвел Ланга к его кровати.

— Что происходит? — спросил он снова.

Ланг тяжело повалился в постель.

— Что я сказал, то и происходит. Я проклят, заколдован. Колдуном.— Он усмехнулся.— Мерзавец убивает меня. С тех пор, как я и Пэт встретились. А прошло уже три месяца.

— Может быть, ты...— начал было Дженнингс.

— Кодеин неэффективен,— бесстрастно продолжал Ланг, не слушая его,— даже морфин не помогает. Абсолютно.— Он глотнул воздуха.— Ни озноба, ни лихорадки, ни температуры. Никаких симптомов вообще. Просто меня убивают, и все.— Он взглянул на доктора сквозь полуприкрытые веки.— Странно, правда?

— Ты говоришь серьезно?

Питер пожал плечами:

— Черт его знает. Может быть, это горячечный бред. Видит бог, выпил я сегодня немало! — Он приподнял черноволосую голову над подушкой и посмотрел вперед, в окно.— Черт, уже ночь,— проговорил он и быстро повернулся лицом к доктору.— Сколько сейчас времени?

— Одиннадцатый час вечера,— отозвался Дженнингс,— а как насчет...

— Среда, так ведь? — спросил Питер.

Дженнингс уставился на него.

— Ну, я вижу, что среда уже давно прошла.— Ланг сухо закашлялся.— Пить! — крикнул он.

Так как его взгляд метнулся к двери, Дженнингс тоже взглянул туда. На пороге стояла Пэт.

— Все уже выпито,— сказала она голосом виноватого ребенка.

— Хорошо, не нужно ни о чем беспокоиться,— пробормотал Ланг.— Ничего не нужно. Я все равно скоро сдохну.

— Не говори так!

— Милая моя, я был бы очень рад умереть поскорее,— произнес Питер, глядя в потолок. Его грудь неровно поднималась и опускалась при каждом вдохе и выдохе.— Прости меня, любимая, я не хотел ничем тебя обидеть. Ох, снова начинается,— произнес он так удивленно, точно ему преподнесли некий сюрприз.

Неожиданно он содрогнулся в кровати всем телом, его мускулистые ноги дернулись, руки сжали лицо. Высокий, точно скрипичный звук, стон вырвался из его горла. Дженнингс увидел, что в углах рта у Питера появилась пена. Быстро вскочив, доктор бросился за своей сумкой.

Прежде чем доктор успел что-то достать, тело Питера скорчилось и упало с кровати. Молодой мужчина кричал в голос, на его лице с открытым и перекошенным ртом была какая-то животная нестерпимая мука. Патриция попыталась снова уложить Питера в постель, но он с силой оттолкнул ее и бросился к окну.

Дженнингс хотел сделать ему внутривенную инъекцию. Несколько минут они боролись, причем Питер, с лицом обезумевшим и искаженным, пытался задушить доктора. Но наконец Дженнингс повалил его на пол и с силой ввел ему под кожу иглу шприца. Питер закричал, повалился на спину, попытался было подняться, но успокоительное средство уже растворилось в его крови, и он неожиданно уселся на пол, точно большая и страшная кукла. Глаза его прикрылись.

— Мерзавец убивает меня,— прошептал он.

Они уложили Питера в постель, укрыли одеялом, но тело его подрагивало.

— Убивает меня,— бормотал Ланг,— черный гад.

— Он действительно верит в это? — спросил Дженнингс.

— Отец, ты только взгляни на него! — ответила Пэт.

— Так ты тоже веришь в это?

— Я ничего не знаю, папа.— Она в отчаянии опустила голову.— Все, что я знаю,— это что он очень переменился с тех пор, как... как вернулся... С ним что-то случилось. Он не сумасшедший, отец. Он совершенно здоров.— Она вздрогнула.— И еще — он умирает.

— Почему же ты не позвонила мне раньше?

— Я не могла,— ответила девушка,— я боялась оставить его одного даже на минуту.

Дженнингс нащупал пульс Питера.

— Его вообще кто-нибудь осматривал?

Она печально кивнула.

— Да, когда это только началось, он пошел к специалисту. Он подумал тогда, что, может быть, у него что-нибудь с рассудком.— Она снова опустила голову.— Но он не болен, отец.

— Почему же тогда он говорит, что он...— Дженнингс был не в силах произнести страшное слово.

— Я не знаю,— ответила Пэт,— иногда мне кажется, что он верит в это, но чаще он просто шутит...

— На чем же он основывается?..

— Какое-то происшествие во время его последнего сафари. Я толком и сама не знаю, что там произошло. Где-то в Зулу он встретился с аборигеном, а тот ему сказал, что он колдун и что Питер...— Ее голос перешел в рыдание.— Ох, господи, может ли такое твориться на свете? Что же это такое!

— Может быть, дело в том, что сам Питер слишком верит, что с ним нечто случилось,— сказал Дженнингс. Он повернулся к Лангу.— Может быть, он убедил в этом себя?

— Отец, я... я верю в это,— сказала Патриция.— Но может быть, доктор Хауэлл поможет ему.

Дженнингс некоторое время рассматривал свою дочь.

— Так ты говоришь, Патриция, что сама веришь в это?

— Отец, постарайся понять меня,— она была почти в панике,— ты вошел сюда только что, а я рядом с ним уже много дней! Его убивает что-то или кто-то — я не знаю кто! Но я согласна на все, чтобы спасти Питера! На все!

— Хорошо.— Он ласково погладил ее по спине.— Сходи и позвони твоему доктору Хауэллу, а я пока что осмотрю его.

После того как она ушла в гостиную — телефон, стоявший раньше в спальне, был разбит о стену,— Дженнингс откинул одеяло и осмотрел мускулистое, бронзовое от загара тело Питера. Все его мышцы подрагивали — казалось, что, несмотря на сильнейшую инъекцию, каждый нерв в этом теле пульсирует и вибрирует.

Дженнингс недовольно сжал зубы. Интуитивно он чувствовал, что рациональная медицина здесь бессильна, что любая помощь в таком роде будет неэффективной. Ему очень не нравилось, что Патриция находилась здесь. Дженнингс совершенно не мог мыслить трезво и ясно, он сам слишком волновался от присутствия своей дочери.

Происходящее уже пугало его.

Скоро Дженнингс обнаружил, что эффект инъекции окончился. Это лекарство должно было обезопасить Питера по крайней мере часов на семь-восемь, теперь же, через сорок минут, он лежал на софе в гостиной, одетый в халат, и разговаривал.

— Пэтти, это очень забавно. Что новенького предложит мне еще один доктор, хотел бы я знать?

— Хорошо, может быть, это и правда забавно,— сказала Пэтти.— Но что же ты нам со своей стороны предлагаешь: стоять над тобой и ждать, пока ты...— Она не договорила.

— Ш-ш-ш.— Ланг погладил дрожащими пальцами ее волосы.— Пэтти, Пэтти, успокойся, милая. Может быть, я сам справлюсь с этим.

— Ты обязательно справишься,— Патриция поцеловала его руку,— это нужно нам обоим, я не стану без тебя жить.

— Не надо так говорить! — Ланг опять вздрогнул на софе.— Ох, господи, снова начинается.— Он попытался улыбнуться.— Нет, со мной все в полном порядке, только бред, это такой бред.— Его улыбка превратилась в гримасу боли.— Так этот твой доктор Хауэлл придет сюда и все станет хорошо? Но каким образом?

Дженнингс заметил, что Патриция кусает губы.

— А доктор Хауэлл, мой милый, это она, а не он. Это женщина, понял?

— Отлично,— ответил Ланг. Он конвульсивно подергивался.— Только этого нам и не хватает. Она кто такая?

— Она антрополог.

— Что же она будет здесь делать — определять, какой я расы? — Ланг говорил медленно, стараясь скрыть боль, которая мучила его.

— Она бывала в Африке,— ответила Пэт,— она...

— Я тоже там бывал,— заявил Питер,— неплохое местечко, всем рекомендую посетить Африку!.. Только держитесь подальше от колдунов.— Его смех вдруг перешел в душераздирающий крик: — О боже мой, боже милосердный! Черный мерзавец, если бы ты только оказался здесь! — Его руки крестообразно прикрыли лицо.

— Я прошу у вас прощения...

Они в удивлении обернулись. Молоденькая негритянка робко заглядывала в гостиную из передней.

— Там была записка, ну, на двери, и я вошла сюда,— объяснила она.

— Ах да, мы забыли ее снять.

Дженнингс поднялся навстречу гостье. Он услышал, как Патриция прошептала Питеру:

— Прошу тебя, не относись к ней предубежденно.

— Предубежденно? — переспросил он.

Доктор и Пэт подошли к вошедшей негритянке.

— Спасибо, что ты пришла сюда.— Патриция прижалась щекой к щеке мисс Хауэлл.

— Я тоже очень рада видеть тебя, Пэт,— ответила мисс Хауэлл. Затем она улыбнулась Дженнингсу через плечо Патриции.

— Вы, наверное, устали, пока сюда доехали?

— Нет-нет, я отлично добралась сюда на метро.

Лорис Хауэлл расстегнула свое пальто и повернулась так, чтобы Дженнингсу было удобно помочь ей. Пэт посмотрела на красивую модную сумку Лорис, которая была поставлена на пол, а после перевела взгляд на Питера.

Ланг не сводил глаз с Лорис Хауэлл с того самого момента, как девушка появилась в комнате. Пэт и Дженнингс подвели Лорис к нему поближе.

— Питер, это и есть доктор Хауэлл,— сказала Пэт,— мы с ней вместе ездили в Колумбию. Она преподает антропологию в Сити-колледже.

Лорис улыбнулась.

— Добрый вечер,— поздоровалась она с Лангом.

— Не сказал бы, что этот вечер добрый,— недружелюбно ответил Питер.

Краем глаза Дженнингс увидел, как смутилась Патриция. А доктор Хауэлл словно ничего и не заметила. Ее голос звучал по-прежнему мягко.

— А кто тот проклятый черный негодяй, которого вы хотели бы здесь увидеть? — спросила она.

Лицо Питера побледнело. Его зубы скрипнули от боли, и он спросил:

— Что вы имеете в виду?

— Я просто спрашиваю.

— Если вам хочется провести здесь семинар по расовым взаимоотношениям, то не стоит тратить время! Я сейчас не в настроении,— пробормотал Ланг.

— Питер!

Он глянул на Пэт расширенными от боли зрачками.

— Чего ты хочешь? — спросил он у нее.— Ты ведь уже, кажется, разобралась в моих предубеждениях, так что...

Он уронил голову на спинку дивана и закрыл глаза.

— Господи, пожалей и убей меня! — крикнул он.

Слабая улыбка показалась на губах мисс Хауэлл. Она глядела в глаза Дженнингсу, когда тот заговорил с ней.

— Я осмотрел его,— сказал Дженнингс,— но не обнаружил никаких физических расстройств или повреждений мозговых тканей.

— Вам хочется узнать, что с ним происходит? — спокойно спросила девушка.— Это очень серьезно. Это джу-джу.

Дженнингс уставился на Лорис.

— Так вы...

— Да, вот до этого мы договорились,— хрипло перебил его Питер,— все очень просто. Это джу-джу.— Он сидел, вцепившись пальцами в диванный валик.

— Вы сомневаетесь в этом? — спросила его Лорис.

— Да, я сомневаюсь в этом,— ответил Ланг.

— Вы сомневаетесь в моих словах из-за вашего предубеждения?

— Ох, господи, господи,— сдавленно простонал Ланг голосом мученика.— Мне навредили, и, чтобы облегчить свою боль, я должен кого-нибудь ненавидеть, и я ненавижу этих грязных дикарей...— Он тяжело откинулся назад.— Черт с ними. Думайте обо мне что хотите.— Он прижал дрожащие пальцы к своим глазам.— Дай мне умереть! Господи, господи, дай мне умереть!

Он обернулся к Дженнингсу:

— Уколите меня еще раз!

— Питер, твое сердце может...

— Ну и пусть! — Голова Питера снова запрокинулась и дернулась.— Хоть половину дозы! Вы не имеете права отказать умирающему человеку!

Пэт прижала руку к губам, изо всех сил стараясь не разрыдаться.

— Пожалуйста! — крикнул Питер.

После того как инъекция дала эффект, Ланг повалился на спину, его лицо и шея покрылись испариной. «Спасибо»,— пробормотал он. Его бледные губы дрогнули и улыбнулись, когда Патриция села рядом с ним на диван и вытерла ему досуха лицо полотенцем. «Спасибо, моя любовь»,— прошептал он. Она была не в силах говорить. Питер взглянул на мисс Хауэлл.

— Хорошо, простите меня, я очень измучен,— мягко сказал он ей.— Спасибо вам за то, что вы пришли, но я не верю, что можно что-то сделать.

— Тогда что с вами творится, как по-вашему? — спросила Лорис.

— Но я и сам толком не знаю, что случилось! — воскликнул Ланг.

— А я думаю, что вы все знаете,— с силой сказала Лорис,— и я сама все знаю! Джу-джу — это самое сильное языческое колдовство во всем мире. Люди веками верили в то, что джу-джу обладает разрушительной силой, и оно правда имеет такую силу. А вы, мистер Ланг, должны это прекрасно чувствовать!

— И откуда же вы все так хорошо знаете, мисс Хауэлл? — поинтересовался Питер.

— Когда мне было двадцать два года,— ответила она,— я провела в Зулу целый год, и жила я в деревне, где занималась сбором сведений для своей работы. Так вот, когда я жила там, одной старой нгомбо я очень понравилась, и она обучила меня всему, что знала сама!

— Нгомбо? — переспросила Пэт.

— Ну да, деревенской колдунье,— с отвращением ответил Питер.

— А я-то думал, что колдунами бывают только мужчины,— заметил Дженнингс.

— Нет, большинство из них — женщины,— сказала Лорис,— мудрые, добрые женщины, которые знают свое дело и трудятся не покладая рук.

— Мошенницы,— сказал Питер.

Лорис улыбнулась ему.

— Да,— сказала она.— Да, они обманщицы, мошенницы, бездельницы, шарлатанки. И еще,— ее улыбка стала не безмятежной, а беспощадной,— как вы думаете, Питер, что заставляет вас чувствовать, будто тысячи пауков покрывают все в этой комнате, покрывают вас самого, все ваше тело?

В первый раз за все время с тех пор, как он попал в эту квартиру, доктор Дженнингс увидел на лице Питера страх.

— Ты знаешь об этом? — спросил Питер девушку.

— Я знаю обо всем, что вам пришлось испытать,— сказала Лорис,— я сама прошла через это.

— Когда? — удивился Ланг. В его голосе больше не было неприязненной насмешки.

— В тот самый год,— сказала доктор Хауэлл.— Колдун из соседней деревни наслал на меня смертельное заклятие, джу-джу, а старая нгомбо Куринга спасла меня от этого заклятия.

— Расскажи мне об этом,— попросил Питер, дотрагиваясь до девушки.

Дженнингс заметил, что дыхание Ланга учащается. Это значило, что эффект второй инъекции подходит к концу.

— О чем вам рассказать? — спросила Лорис.— О пальцах с длинными когтями, которые разрывают ваши внутренности? Об ощущении, что вы тяжелый шар, потому что иначе нельзя раздавить змей?

Питер во все глаза смотрел на Лорис.

— О чувстве, будто ваша кровь превратилась в жгучую кислоту, а кости высосаны и пусты и вы рассыплетесь, если пошевелитесь?

Губы Питера задрожали.

— Или о том, как стаи голодных крыс поедают ваш мозг? Грязных, голодных крыс? Или о том, что глаза ваши расплавились и вот-вот потекут по вашим щекам, как студень? Или...

— Хватит.— Тело Ланга тряслось, как при спазмах.

— Я говорила вам все это только для того, чтобы вы поверили мне,— сказала Лорис,— я помню свою боль так же ясно, как если бы я пережила ее вчера вечером, а не пять лет тому

назад. Я помогу вам, если вы хотите этого. Забудьте о своем недоверии. Или вы не верите мне, или вы здоровы и полны сил, разве вы не понимаете этого?

— Милый, пожалуйста,— сказала Патриция.

Питер посмотрел на нее, потом снова на мисс Хауэлл.

— Ждать больше нельзя, мистер Ланг,— сказала мисс Хауэлл.

— Хорошо! — Он закрыл глаза.— Хорошо, попробуйте. Я уверен, что хуже мне уже не будет.

— Быстрее же! — умоляюще сказала Пэт.

— Хорошо.— Лорис Хауэлл повернулась и подошла к своей красивой вместительной сумке, стоящей на полу.

Дженнингс успел заметить, что в сумке лежит что-то очень странное и яркое. Лорис взглянула на доктора и его дочь.

— Пэт, можно тебя на минутку? — спросила Лорис.

Они отошли в сторону и стали о чем-то говорить. Дженнингс заметил, что обе посматривали на Ланга. Молодой мужчина снова начал дрожать. «Начинается»,— подумал Дженнингс. «Джу-джу — это самое сильное языческое колдовство во всем мире»,— пронеслось в его голове.

— Что? — послышался голос Пэт.

Дженнингс взглянул на девушек. Пэт в шоке смотрела на мисс Хауэлл.

— Прости меня, я не сказала тебе об этом с самого начала, но никакой другой возможности спасти его нет.

Пэт подумала.

— Так значит, по-другому нельзя? — спросила она.

— Нельзя,— грустно подтвердила доктор Хауэлл.

Патриция вопросительно посмотрела на Питера. Затем медленно кивнула.

— Хорошо, только поскорее,— сказала она.

Без единого слова Лорис Хауэлл прошла в спальню со своей сумкой. Дженнингс заметил, что Пэт напряженно смотрит на дверь, за которой скрылась негритянка. Он ничего не понимал. Но ему было ясно, что Пэт боится чего-то совсем другого — не того, что раньше.

Дверь спальни отворилась, и оттуда вышла доктор Хауэлл. Дженнингс, повернувшись к ней, чуть было не задохнулся. Лорис была обнажена до пояса, а вместо юбки на ней красовалось нечто вроде нескольких ярких платков, связанных вместе. Ее

стройные длинные ноги были открыты, а ступни — босы. Дженнингс оторопело уставился на молодую женщину. Юбка и блузка, в которых она появилась здесь, скрывали и ее красивую, чувственную грудь, и ее женственные, округлые бедра. Неожиданно смутившись собственной бесцеремонности, Дженнингс перевел взгляд на Пэт. Теперь стало понятно, что за страхи одолевали его дочь — та ревниво смотрела на Лорис.

Дженнингс взглянул на Питера. Его лицо было сплошной маской боли, никакие другие чувства Лангу не были доступны.

— Пожалуйста, поймите меня правильно,— разбила напряженное молчание Лорис,— я никогда раньше не делала ничего подобного.

— Мы все понимаем,— ответил Дженнингс, не в силах отвести от нее взгляд.

На каждой ее щеке было нарисовано по ярко-красному кружочку, а блестящие смоляные кудри венчал диковинный головной убор — маленькая шапочка с пышным плюмажем из павлиньих перьев, и на каждом пере — переливающийся глазок. На ее шее и груди висели ожерелья — из разноцветных бусин, ракушек, блестящего металла, цветных кусочков кожи и зубов каких-то животных. На ее левом предплечье был маленький щит, опушенный по краям мехом и чудесно разрисованный.

Контраст между современной сумкой и ее содержимым был достаточно разительным. Эффект необыкновенного преображения Лорис в манхэттенской квартире вызвал в докторе Дженнингсе двойственное чувство: зыбкий страх перед чем-то неизвестным и восхищение. Она вышла из спальни с робким, почти что детским вызовом — словно ее стыдливость уравновешивалась сознанием того, что она молода, красива и здорова. Дженнингс заметил, что ее тело татуировано: сотни тонких красных точек вокруг ее пупка образовывали узор из концентрических кругов.

— Эту татуировку мне сделала Куринга,— ответила Лорис, когда Дженнингс спросил ее об этом,— так я заплатила ей за то, что узнала все ее секреты.— Она легко улыбнулась.— Но в самый решительный момент мне удалось уговорить ее не спиливать мои зубы.

Дженнингс почувствовал, что Лорис смущена, но девушка была полна решимости. Она открыла свою сумку и стала вынимать из нее еще какие-то предметы.

— Такой узор получается, если немного проколоть кожу и в каждый укол втереть особенную пасту.

Она выложила на кофейный столик пузырек с какой-то темной жидкостью и горсть тонких отполированных косточек, принадлежавших ранее некоему зверьку.

— А эту особую пасту я должна была сделать сама. Пришлось голыми руками поймать краба и оторвать ему одну клешню. Клешню завернуть в кожицу, снятую с живой лягушки, и еще прибавить ко всему этому обезьянью челюсть.— Лорис выложила на столик связку тонких инструментов, похожих более всего на тонкие хирургические ланцеты.— И вот из клешни, шкурки и челюсти, растертых вместе с еще кое-какими растительными компонентами, получилась эта паста.

Дженнингс в изумлении заметил, что Лорис вынимает из своей сумки небольшой магнитофон и ставит его на столик перед ним.

— Как только я скажу: «Пора!» — доктор, пожалуйста, включите магнитофон — вот эта кнопка.

Дженнингс машинально кивнул, зачарованно глядя на нее. Казалось, что она совершенно уверена в том, что делает. Не обращая никакого внимания на прищуренные глаза Ланга, на неопределенную выжидательность Патриции, Лорис принялась рисовать на полу странные линии и круги. Когда она присела на корточки, Пэт не сдержала изумленного вздоха: по-видимому, под юбочкой из пестрых платков на Лорис ничего не было.

— Ну я, может быть, и помру,— заявил совершенно бледный Питер,— но похоже, что в моей смерти будет немало очаровательного!

Лорис перебила его.

— В кругу должны находиться только трое,— сказала она спокойно.

Строгий звук ее голоса прозвучал так странно! Дженнингсу казалось, что ее губы — это губы языческой богини, и он, удивляясь про себя, подошел поближе к Лангу, чтобы помогать Лорис.

Питер сделал попытку подняться на ноги, но вместо этого страшно дернулся и рухнул на пол как подкошенный. Его тело сотрясалось, локти и колени судорожно сжимались. Неожиданно он неестественно выгнулся дугой, опираясь головой о пол,

изо рта у него потекла слюна, а дико вытаращенные глаза, казалось, вот-вот вылезут из орбит.

— Лорис! — воскликнула Пэт.

— Мы ничего не сможем сделать, пока приступ не пройдет,— откликнулась негритянка.

Она с тревогой смотрела на Питера. Купальный халат Питера развязался, и мужчина стал судорожно биться на полу. Лорис отвернулась, но лицо ее было видно Дженнингсу, и доктор, к своему ужасу, понял, что она тоже очень испугана. Дженнингс и Пэт бросились к Лангу, пытаясь удержать его, но судороги продолжались.

— Оставьте его,— сказала Лорис.— С этим вы ничего не сможете поделать.

Патриция враждебно взглянула на нее. После того как тело Питера дернулось в последний раз и застыло, Пэт запахнула полы его халата и завязала на нем пояс.

— Ну, за круг, быстро,— сказала Лорис, очистив себя от какого-то внутреннего страха.— Нет, пусть он сидит один,— добавила она, потому что Пэт крепко обнимала Питера, поддерживая его спину.

— Он же упадет,— сказала Пэт с нескрываемым негодованием в голосе.

— Патриция, если ты хочешь, чтобы я вам помогла...

Взгляд Пэт скользнул по корчившейся от боли фигуре Питера и тут же переместился на выразительное лицо Лорис. Пэт сдержалась, поднялась и вышла из круга.

— Скрестите, пожалуйста, ноги,— обратилась Лорис к Лангу и Дженнингсу.

Питер хмыкнул с полузакрытыми глазами.

— Во время церемонии, мистер Ланг, я должна буду принять от вас плату — какая-нибудь нестоящая личная вещь вполне подойдет. Вы также должны будете принять плату от меня.

Питер кивнул.

— Хорошо, оставим это,— сказал он,— я не возьму с вас слишком много.

Грудь Лорис приподнялась, точно от глубокого вздоха.

— Теперь нельзя разговаривать,— прошептала она.

Она в волнении сидела напротив Питера, наклонив голову. В комнате стояла мертвая тишина, которую нарушало только прерывистое дыхание Ланга. Дженнингс мог различить далекие

звуки гудков и шум машин внизу, на улице. Он до сих пор не мог поверить в происходящее: таинственный магический ритуал, который происходит в городской квартире в центре Манхэттена.

Дженнингс постарался отвлечься от опасений и дурных предчувствий. Он не верил самому себе. Но он сидел здесь, в этой комнате, и его скрещенные ноги немного ныли с непривычки. Здесь же, в полубессознательном состоянии и точно в такой же позе, сидел Питер Ланг, человек, близкий к смерти, без каких бы то ни было симптомов заболевания. Здесь находилась и его дочь Пэт, измученная и испуганная ведьмой, которую сама же и пригласила. И самое странное заключалось в том, что в этой же комнате присутствовала — нет, не доктор Хауэлл, интеллигентная профессорша антропологии, культурная, образованная женщина, но полуголая африканская колдунья, со всеми атрибутами варварской магии.

Раздался негромкий перестук. Дженнингс очнулся и взглянул на Лорис. В левой ее руке были тонкие инструменты вроде ланцетов, в правой она держала горсть мелких отполированных косточек. Она подбросила их на ладони, как игральные кости, и разбросала на коврике, внимательно следя за их падением.

Некоторое время она всматривалась в понятный ей одной узор, потом бросила кости еще раз. Дыхание Питера участилось. Что, если у него сейчас снова начнется припадок? Дженнингс разволновался. Что, если церемония будет нарушена, не успев начаться?

Он вздрогнул, потому что Лорис оборвала молчание.

— Зачем ты пришел сюда? — грозно спросила она. Она холодно и даже недовольно смотрела на Питера.— Зачем ты тревожишь меня? Может быть, болен кто-то из твоих родственников? Поэтому ты пришел ко мне? — спросила Лорис повелительным голосом.

Дженнингс понял, что Лорис сейчас колдунья и что она вопрошает своего клиента соответственно порядку и своему положению.

— Может быть, болен ты? — с нажимом подсказала Питеру Лорис, ее плечи откинулись назад.

Дженнингс невольно взглянул на свою дочь. Пэт сидела прямо, точно каменная статуя, с бледными щеками, со сжатыми губами, с бескровными стиснутыми руками.

— Говори, мужчина! — приказала Лорис, приказала уже как нгомбо.

— Да! Я болен! — Из груди Питера вырвался тяжелый вздох.— Я болен.

— Теперь расскажи мне об этом,— сказала Лорис.— Расскажи мне о том, как ты заболел.

То ли Питеру было так больно, что он уже перестал ощущать боль, то ли он был зачарован присутствием Лорис, а может быть, и то и другое (так подумал Дженнингс), но Ланг заговорил. Его голос звучал ровно, взгляд не отрывался от горящих глаз Лорис.

— Однажды ночью тот человек пробрался в наш лагерь,— заговорил Ланг.— Он пытался стащить что-нибудь съестное. Когда я поймал его, он обозлился на меня и проклял меня. Он сказал, что убьет меня.

Дженнингс подумал, что девушка загипнотизировала Питера, потому что его голос звучал бесстрастно и механически.

— И тот человек принес в мешке...— Голос Лорис был определенно голосом опытного гипнотизера.

— Он принес куклу,— продолжал Питер, его горло дрожало при каждом вдохе.— Кукла говорила со мной.

— Фетиш говорил с тобой,— сказала Лорис.— Что сказал тебе фетиш?

— Кукла сказала мне, что я умру. Она сказала, что когда луна станет круглой, то я умру.

Питер вздрогнул и закрыл глаза. Лорис снова бросила кости и принялась их разглядывать. Потом она бросила на ковер свои тонкие ланцеты.

— Это не Мбвири и не Хебизо,— сказала она.— Это не Атандо, не Фуофуо и не Сови. Это не Кунди и не Собла. Не лесной дух терзает тебя. Тебя терзает злой дух, которого призвал обиженный нгомбо. Злой дух, слуга нгомбо, напал на тебя, чтобы отомстить за своего хозяина. Ты понимаешь меня?

Питер почти не мог говорить. Он кивнул.

— Да,— прошептал он.

— Скажи: да, я понимаю.

— Да,— он вздрогнул,— я понимаю.

— Теперь плати мне,— сказала Лорис.

Питер несколько секунд молча смотрел на нее, потом опустил глаза. Его дрожащие пальцы шарили в карманах халата и ничего не могли там отыскать. Неожиданно Питер стал задыхать-

ся, его плечи передернулись от боли, которая поднималась в нем. Он снова начал шарить в карманах, словно не понимая, что в них пусто. Потом Питер стал стягивать со среднего пальца левой руки золотое обручальное кольцо. Дженнингс взглянул на свою дочь. Ее лицо оставалось бесстрастным, когда Питер протянул негритянке подарок Пэт.

— Пора,— сказала Лорис.

Дженнингс вскочил на ноги и, преодолевая боль в онемевших суставах, подошел к столику и включил магнитофон.

Когда он вернулся в круг и уселся на свое место, музыка уже зазвучала.

В одну секунду комната наполнилась шумом барабанов, пением и редкими хлопками в ладоши. Дженнингс смотрел на Лорис, он уже не видел предметов, которые его окружали, и комнату, в которой он находился. В смутном и неверном свете видна была только девушка.

Она бросила на пол свой маленький щит и поднесла к губам пузырек, который до этого держала в руке. Лорис замерла на минуту и одним глотком выпила содержимое пузырька. Зачарованный таинственностью происходящего, ослепленный игрой воображения, Дженнингс находился в полном неведении относительно того, что она выпила.

Лорис начала свой танец.

Сначала только ее руки и плечи стали медленно и плавно изгибаться в такт ударам барабанов. Дженнингс смотрел на нее не отрываясь, и ему казалось, что его сердце стучит в одном ритме с барабанами. Жесты ее рук были по-змеиному гибкими, ожерелья и браслеты на ней позванивали, время и пространство вокруг нее исчезли. Дженнингс сидел где-то в джунглях, на поляне, и смотрел на завораживающий танец колдуньи.

— Хлопайте в ладоши,— приказала нгомбо.

Дженнингс стал хлопать в ладоши в такт ритму. Затем взглянул на Пэт — она тоже хлопала и тоже неотрывно смотрела на Лорис. Только Питер сидел неподвижно, напряженно глядя вверх, его рот подрагивал, как если бы он изо всех сил сжимал зубы. На короткий миг Дженнингс снова превратился в доктора, наблюдающего за своим пациентом, но скоро он опять поддался безотчетному очарованию танца.

Удары барабанов стали громче и чаще. Лорис двигалась по кругу, медленно поворачиваясь, ее руки и плечи стали живее и

выразительнее. Без всякой на то причины ее глаза то и дело обращались к Питеру, и Дженнингс понял, что она танцует только для Ланга — она обращалась к нему с энергичными, призывающими жестами, словно приглашала его тоже потанцевать.

Неожиданно она изогнулась, колыхнув станом, затем снова выпрямилась. Она двигалась точно в жару, движения стали откровенно страстными, и дикое ее лицо обратилось в сторону Питера. Дженнингс вздрогнул, когда Лорис, продолжая танцевать, подошла вплотную к Питеру и стала гладить его щеки своими розовыми, как лепестки, ладонями. Потом Лорис отстранилась и стала содрогаться в неистовом танце, ее зубы поблескивали в полумраке, а лицо стало по-животному исступленным. Вот она снова повернулась лицом к своему клиенту.

Она кружилась и изгибалась перед Питером, точно кошка, она тяжело дышала и постанывала. Краем глаза Дженнингс глянул на свою дочь. Патриция подалась вперед, неотрывно следя за Лорис, и выражение ее лица испугало доктора.

Губы Патриции приоткрылись, точно в беззвучном крике, и Дженнингс посмотрел на нгомбо. Подойдя вплотную к Питеру, негритянка сжала руками свою грудь и поднесла ее к самому лицу молодого мужчины. Питер смотрел на женщину блестящими глазами, его тело трепетало. Монотонно напевая, Лорис отвернулась от Питера. Дженнингсу на миг показалось, что она вот-вот сорвет с себя свою яркую юбочку, потому что Лорис стала приподнимать ее и крутить, танцуя перед Питером. Неожиданно доктор понял, что выпила Лорис из маленького пузырька.

— Нет!

Тонкий и слабый голос Патриции заставил его вздрогнуть. Он обернулся; Патриция вскочила на ноги. Сердце у него учащенно забилось.

— Пэт! — воскликнул он.

Пэт посмотрела на него; на некоторое время они замерли, глядя в глаза друг другу. Затем, с безудержной дрожью, Патриция опустилась на пол, и Дженнингс отвернулся от нее.

Теперь Лорис стояла перед Питером на коленях, откидываясь назад, изящно изгибая руки и снова выпрямляясь. Она задыхалась. Ее полуоткрытый рот выпускал воздух вместе со стонами. На черных щеках выступили блестящие капельки пота,

и такие же капельки покрывали плечи и спину. «Нет!» — подумал он. Он увидел, что руки Лорис снова протянулись к Питеру. «Нет!» От этого слова по его спине бежали мурашки. Он продолжал следить за Лорис, опасаясь того, что могло произойти, и уже точно зная, что это неизбежно. Барабанные удары участились и слились в сплошной оглушительный грохот в его ушах, его сердце бешено колотилось. «Нет!»

Руки Лорис опустились и потянулись к халату Питера. Дыхание Патриции за спиной доктора стало хриплым и судорожным. Дженнингс искоса взглянул на лицо Пэт, перекошенное от муки, и снова обратил все свое внимание на Лорис. Учащенный шум барабанных ударов, хор поющих голосов, хлопки в ладоши смешались в его ушах, его голова шла кругом, комната расплывалась перед глазами. В полубреду он видел, как Лорис ласкала Питера, а дикое лицо молодого человека было исполнено такой муки и боли, точно он агонизировал. Лорис придвинулась ближе к Лангу. Еще ближе. Теперь красивое расслабленное тело девушки приникло к телу Питера, а ее руки крепко его обнимали.

— Иди ко мне,— ее голос звучал развратно и влекуще,— иди ко мне!

— Прочь от него! — дико закричала Патриция, рванувшись со своего места.

Стряхнув оцепенение, Дженнингс увидел, что Патриция тянется к Лорис, которая в это время приникла к Питеру.

Дженнингс схватил Пэт, сам не понимая, почему он так поступает, и стал оттаскивать ее прочь — он чувствовал, что должен поступить именно так. Патриция билась в его руках, ее щеки горели, она шумно дышала и тряслась от ярости.

— Прочь от него! — снова закричала она Лорис.— Убери от него свои руки!

— Патриция!

— Дай мне уйти отсюда!

Дикий крик боли, который издала Лорис, парализовал их. Она упала навзничь. Ее руки и ноги судорожно сжимались и разжимались, тело выгибалось. Дженнингс пришел в сильнейшее смятение. Он взглянул на лицо Питера и понял, что мучения оставили молодого человека. Только изумление и замешательство были теперь на лице Ланга.

— Что это? — спросила Патриция.

Голос Дженнингса стал глухим и тихим.

— Она забрала себе его боль,— ответил он.

— Ох, боже мой.— Пораженная Патриция в испуге смотрела на свою подругу.

«О чувстве, что вы должны проглотить тяжелый шар, потому что иначе нельзя раздавить змей, шевелящихся в ваших внутренностях...» — вспомнилось Дженнингсу. Он смотрел на корчившееся от боли тело Лорис, на спазмы, на судороги ее ног. Магнитофон на столике щелкнул и замолчал, и в тишине, которая так внезапно наступила, Дженнингс услышал страшное дыхание и стоны боли, которые вырывались с хрипом из горла Лорис. «Ощущение, что ваша кровь стала едкой кислотой, что вы разваливаетесь на части, если пошевельнетесь, потому что ваши кости пусты, из них все вынуто...» Распахнутыми глазами Дженнингс следил за агонией Лорис, которая спасала Питера от мучений. «Чувство, что ваш мозг глодают гадкие голодные крысы, что глаза ваши расплавились и сейчас потекут по щекам...» Ноги Лорис снова дернулись, она выгнула спину и несколько раз вздрогнула. Ее плечи ходили ходуном.

Ее ноги стучали по полу от резкой дрожи, пока не замерли безвольно. Ее бедра сжимались, грудь дрожала, дыхание было тяжелым и жутким.

— Питер!

Испуганный голос Патриции заставил Дженнингса обернуться. Питер блестящими глазами смотрел на Лорис. Он опустился на колени, потом — на четвереньки; в его фигуре не было ничего человеческого. Он пополз к Лорис. Дженнингс схватил его за плечи, но с Питером теперь было не так-то легко справиться. Он продолжал тянуться к негритянке.

— Питер!

Ланг старался оттолкнуть доктора в сторону, но Дженнингс вцепился в него изо всех сил.

— Питер, ради бога!

Горячее дыхание Ланга обожгло щеку доктора. Дженнингс отчаянно схватил Питера за волосы и так крутанул его голову, что лицо молодого человека скривилось от боли.

— Не сходи с ума, ты же человек! — крикнул Дженнингс.— Ты же человек!

Питер мигнул. Потом он уставился на доктора глазами только что народившегося на свет младенца. Дженнингс отпустил его волосы и быстро оттащил Ланга в сторону.

Лорис неподвижно лежала на спине, ее черные глаза глядели в потолок. Со вздохом Дженнингс наклонился над ней и взял ее за руку. Он не услышал пульса. Он снова заглянул в глаза девушки. Они были остекленевшими, точно у трупа. Доктор в ужасе и отчаянии смотрел на нее. Внезапно веки Лорис опустились, и она глубоко и прерывисто вздохнула. Все ее тело вздрогнуло. Дженнингс замер, раскрыв рот. «Нет, это невозможно, она не может...»

— Лорис! — закричал он, не помня себя. Негритянка открыла глаза и посмотрела на него.

Через несколько мгновений губы ее вздрогнули, и она едва слышно прошептала:

— Ну вот и все,— и попыталась улыбнуться.

Машина ехала по Седьмой авеню, шины шуршали по мокрому асфальту. Рядом с Дженнингсом на сиденье полулежала доктор Хауэлл — неподвижная, слабая, измученная. Пристыженная, полная раскаяния Пэт вымыла и одела ее, а после Дженнингс помог негритянке спуститься к его машине. Перед тем как они вышли из квартиры, Питер попытался сказать Лорис что-то благодарное, но так и не нашел слов — просто поцеловал ей руку и в молчании вышел из комнаты.

Дженнингс взглянул на Лорис.

— Знаете что, если бы я не увидел этого своими глазами, то ни за что бы не поверил! Я и сейчас не уверен, было ли все это на самом деле!

— Что ж теперь поделаешь, вам придется верить,— сказала она.

Дженнингс молча вел машину, пока не отважился через некоторое время снова заговорить.

— Доктор Хауэлл?

— Да?

— Это было очень опасно, почему вы отважились на это?

— Если бы я не отважилась, ваш будущий зять к ночи бы умер. Вы просто не знаете, как на самом деле он был близок к смерти.

— Спасибо вам,— сказал Дженнингс,— но я имел в виду другое: вы взяли себе его боль, а это ведь очень опасно!

— По-другому нельзя,— пояснила Лорис,— мистер Ланг сам не смог бы избавиться от боли, только я могла избавить его. Это очень простой закон. Другой способ мог бы оказаться еще более опасным.

— Так выходит, это что-то вроде ящика Пандоры?

— Да, вроде этого,— ответила Лорис.— Я очень боялась, но помочь по-другому было невозможно.

— Вы предупреждали Патрицию о том, что должно было случиться?

— Нет,— отозвалась Лорис.— Я не сказала ей всего. Я немного предостерегла ее, предупредила, чтобы она ничего не боялась, но всего не сказала. Она бы могла испугаться и отказаться от моей помощи, и тогда ее жених не дожил бы до утра.

— А в том пузырьке был афродизиак, верно?

— Да,— ответила Лорис,— мне было необходимо забыть себя. Если бы я этого не сделала, внутренние запреты помешали бы мне выполнить все необходимое.

— А что произошло с Питером? — спросил Дженнингс.

— Вы имеете в виду его внезапное стремление ко мне? — спросила Лорис.— Ну, это было минутным помрачением. Боль вдруг покинула его, но сознание вернулось еще не вполне, он был слегка не в себе. Меня желало животное, а не человек. Вы и сами это заметили, потому и приказали ему вспомнить о том, что он человек. Тогда он пришел в себя.

— Да, но в человеке есть это животное,— мрачно проговорил Дженнингс.

— Да, в человеке всегда живет зверь, которого надо укрощать,— сказала доктор Хауэлл.— Страшно, что люди иногда забывают о том, что они люди.

Минуту спустя Дженнингс припарковал машину возле дома, в котором жила доктор Хауэлл. Ему хотелось еще поговорить с ней.

— Я думаю о том, от чего вам сегодня пришлось избавить Питера и избавиться самой.

— Думаю, что мы избавились от этого навсегда,— сказала Лорис.— Не за себя...— Она мило улыбнулась.— «Не за себя я молюсь, а за мой...» — продекламировала она.— Вам знакомы эти строки?

— Боюсь, что нет.

Он послушал, как Лорис прочла ему все четверостишие. Потом, заметив, что он тоже собирается выходить из машины, она удержала его и сказала:

— Пожалуйста, не нужно! Я уже прекрасно себя чувствую.

Распахнув дверцу, девушка вышла на улицу. Они посмотрели друг на друга. Затем Дженнингс высунулся из машины, пожал ей руку и сказал:

— Доброй ночи, моя дорогая.

Лорис Хауэлл снова улыбнулась:

— Доброй ночи, доктор.

Она закрыла дверцу и повернулась, чтобы уйти. Дженнингс смотрел, как она идет по дорожке к своему многоквартирному дому. Потом он завел машину, развернулся и поехал на Седьмую авеню. Всю дорогу он вспоминал стихи Кунти Куллен, которые прочитала ему Лорис:

> Не за себя я молюсь, а за мой
> черный народ, за его вину,
> за всех, кто из мест, покрытых тьмой,
> руки к причастию протянул.

Пальцы Дженнингса крепко вцепились в руль.

— Не сходи с ума, ты же человек! — сказал он себе.— Ты же человек.

Кошмар на высоте 20 000 футов

— Пожалуйста, пристегнитесь,— вежливо попросила его стюардесса.

И почти сразу же над входом в передний отсек зажглась надпись «Пристегните ремни», а чуть ниже — безапелляционное требование не курить. Уилсон глубоко затянулся, торопливо вытолкнул из себя дым и раздраженно вдавил окурок в пепельницу на подлокотнике кресла.

Снаружи один из двигателей зашелся в чудовищном кашле, выплюнув в ночной воздух облако дыма, которое тут же распалось на куски. Фюзеляж задрожал. Выглянув в иллюминатор, Уилсон увидел белое пламя, рвущееся из гондолы двигателя. Вскоре кашель сменился ревом, и сейчас же лопасти пропеллера бешено завертелись. Уилсон нехотя подчинился бортовым правилам и пристегнул ремень.

Теперь работали все двигатели самолета, и голова Уилсона подрагивала в такт с фюзеляжем. Он сел прямо, уставившись в спинку переднего кресла, а «Дуглас» модели DC-7*, разрывая ночной воздух выхлопами моторов, стал выруливать на взлетную полосу.

У начала взлетной полосы самолет остановился. В иллюминатор было видно залитое светом здание аэропорта. Уилсон подумал, что завтра в полдень он, принявший к этому времени душ и переодевшийся, будет сидеть в офисе очередного делового

© Перевод И. Иванова.

* Пассажирский четырехмоторный самолет американской авиастроительной фирмы «Дуглас эркрафт», выпускавшийся с 1953 по 1958 год. Это была последняя модель с поршневыми двигателями, после чего фирма переключилась на производство реактивных самолетов. *(Прим. перев.)*

партнера и обсуждать с ним очередную заманчивую сделку, которая, впрочем, ничегошеньки не изменит в истории человечества. Эта мысль подняла в нем волну недовольства.

Двигатели перешли в режим разогрева, предшествующий взлету. Уилсон раздраженно выдохнул. И без того громкий рев моторов сделался оглушающим. Звуковые волны точно палками лупили по ушам. Он открыл рот, словно хотел выпустить наружу проникающий в голову шум. При этом глаза страдальчески остекленели, а кисти нервно сжались в кулаки.

Уилсона подбросило в кресле. Он подобрал ноги, и тут кто-то тронул его за руку. Он резко повернул голову и увидел стюардессу, встретившую его у трапа. Стюардесса смотрела на него и улыбалась.

— С вами все в порядке? — спросила она.

В реве двигателей Уилсон едва расслышал слова. Он сжал губы и возбужденно замахал рукой, будто прогонял женщину. Та улыбнулась еще лучезарнее. Затем улыбка погасла, и стюардесса ушла.

Самолет покатился по взлетной полосе. Вначале медленно и сонно, как громадный неповоротливый бегемот, воюющий с собственной тяжестью. Потом скорость возросла. Самолет выдирался из оков земного притяжения. Уилсон глянул в иллюминатор. Темная взлетная полоса бежала все быстрее и быстрее. На крыле с механическим скрежетом опустились закрылки. Уилсон не почувствовал мгновения, когда шасси утратили контакт с землей и она стала уходить вниз. Теперь внизу проносились кроны деревьев, крыши домов. Автомобили разливали свет своих фар, похожий на капли ртути. Самолет медленно разворачивался вправо, уходя вверх, к морозному мерцанию звезд.

Наконец самолет набрал нужную высоту и выровнялся. Двигатели смолкли. Тишина показалась абсолютной, и только потом Уилсон услышал слабое гудение, свидетельствующее о том, что самолет достиг своей крейсерской скорости. Уилсон расслабился и ощутил блаженство. Потом оно исчезло. Уилсон сидел неподвижно и ждал, когда погаснет надпись о запрете курения. Вскоре она замигала и погасла. Уилсон торопливо закурил сигарету. Из кармана на спинке кресла, что находилось перед ним, он достал газету.

Состояние мира вполне отвечало состоянию его самого. Трения в дипломатических кругах, землетрясения, перестрелки,

убийства, изнасилования, ураганы, транспортные катастрофы, конфликты в сфере бизнеса, бандитизм. «Бог на небесах и полный порядок на земле»,— подумал Артур Джеффри Уилсон.

Спустя четверть часа он затолкал газету обратно в карман. У него крутило живот. Уилсон оглянулся на двери туалетов. Над обеими светились красные надписи «Занято». Он раздавил в пепельнице сигарету (третью с момента взлета), погасил индивидуальный светильник над головой и стал смотреть в иллюминатор.

По всему салону пассажиры гасили свет и щелкали рычажками кресел, переводя их спальное положение. Уилсон взглянул на часы. Двадцать минут двенадцатого. Он устало вздохнул. Как он и предполагал, снотворное, принятое перед полетом, не действовало.

Когда из туалетной кабины вышла женщина, Уилсон порывисто встал, подхватил портфель и поспешил туда.

Его кишечник, естественно, не проявил сговорчивости. Уилсон тяжело простонал, встал с унитаза и заправил рубашку в брюки. Он вымыл руки и лицо, потом вынул футляр с туалетными принадлежностями, извлек оттуда зубную щетку и выдавил на нее полоску пасты.

Он чистил зубы, держась другой рукой за холодную переборку. Потом посмотрел в иллюминатор. В нескольких футах от него в бледной дымке вращался пропеллер. Уилсон представил себе, что было бы, если бы пропеллер вдруг сорвался с оси, пробил стекло иллюминатора и искромсал его своими лопастями.

В животе опять заурчало. Горло сделало инстинктивное движение, и во рту оказался сгусток слюны с привкусом зубной пасты. Опасаясь, что его сейчас вытошнит, Уилсон торопливо сплюнул в раковину, затем прополоскал рот и глотнул воды. Боже милостивый, если бы он ехал поездом! Он бы взял купе на одного, отправился в вагон-ресторан и сидел бы там в уютном кресле, потягивая виски и читая журнал. Увы, в этом мире судьба не преподнесет ему таких подарков.

Уилсон застегнул футляр и хотел уже убрать его, когда взгляд упал на клеенчатый мешок на дне портфеля. Он помешкал, затем поставил портфель на раковину и достал мешок, развязав у себя на коленях.

Уилсон сидел, разглядывая блестящую и даже лоснящуюся поверхность пистолета и симметрию его частей. Этот пистолет

Уилсон приобрел около года назад. Тогда он думал, что покупает оружие для защиты от грабителей и подростковых шаек в тех городах, куда ему приходилось ездить. Но в глубине души Уилсон всегда знал: это лишь видимость причины. Настоящая причина была только одна, и с каждым днем он все больше думал о ней. Это ведь так просто: здесь и сейчас.

Уилсон закрыл глаза и судорожно проглотил слюну. В ней до сих пор сохранялся жгучий привкус мяты. В самолетном туалете было холодно. Уилсон сгорбился, держа пистолет обеими руками. Блестящий, тщательно смазанный пистолет. И вдруг его начало трясти. Не от вибрации самолетных двигателей. Его трясло все сильнее, и он никак не мог унять эту дрожь.

«Боже, отпусти меня!» — мысленно выкрикнул он.

— Отпусти меня, освободи!

Уилсон едва узнал свой всхлипывающий голос.

Потом он резко выпрямился. Сжав губы, убрал пистолет в клеенчатый мешок, а мешок бросил на дно портфеля и застегнул портфельную молнию. Уилсон встал, открыл дверь и быстро пошел на свое место. Сев, увидел, что до сих пор держит в руках футляр с туалетными принадлежностями. Он снова раскрыл портфель и запихал туда футляр. Потом нажал кнопку на подлокотнике кресла и откинулся на опустившуюся спинку. Он — бизнесмен, и завтра его ждут дела. Все очень просто: тело устало и требует сна. Сейчас он будет спать.

Через двадцать минут Уилсон опять перевел кресло в сидячее положение. Его лицо превратилось в маску покорности судьбе. «К чему сражаться с природой? — подумал он.— Если не спится, незачем изводить себя попытками уснуть. Пусть будет так, как есть».

Уилсон снова достал газету и принялся разгадывать кроссворд. Дойдя до половины, он начал клевать носом. Газета упала ему на колени. В глазах ощущалась резь от усталости. Сев прямо, Уилсон покрутил плечами, затем потянулся. И что теперь? Читать он не хотел, а спать не мог. Он взглянул на часы. Из восьми часов полета в Лос-Анджелес оставалось еще семь. Как скоротать эти семь часов? Уилсон обвел глазами салон. Кроме него и еще одного пассажира в переднем отсеке, все спали.

Его вдруг захлестнуло волной ярости. Захотелось закричать. что-нибудь сбросить, кого-нибудь ударить. Уилсон до боли в челюстях стиснул зубы. Потом судорожным движением отдернул шторки и хищно уставился в иллюминатор.

На крыле вспыхивали и гасли сигнальные огни. Из-под кожуха двигателя вырывались слабо мерцающие облачка выхлопов. Он летел сквозь морозную темноту, в гудящей «скорлупе смерти», на высоте двадцати тысяч футов.

Внезапно небо осветилось молнией, создав иллюзию дня. Уилсон вздрогнул и проглотил накопившуюся слюну. Неужели они попадут в грозу? Самолет показался ему щепкой во власти небесных стихий. Мысль была не из приятных. Уилсон плохо переносил полеты. Любое лишнее движение доставляло ему страдания. Наверное, самое правильное сейчас — принять несколько таблеток драмамина*, чтобы чувствовать себя увереннее. Естественно, его место оказалось рядом с аварийной дверью. Вдруг она случайно распахнется, и его сдует с кресла, унесет в темную воздушную пучину?

Уилсон несколько раз моргнул и мотнул головой. В затылке покалывало. Он приник к иллюминатору и сидел неподвижно. И вдруг за стеклом... Он был готов поклясться, что...

Внутренности как будто превратились в тугой узел. Глаза были готовы вылезти из орбит. По крылу кто-то полз!

Судорога в животе сменилась позывами на рвоту. Неужели какой-нибудь несчастный кот или пес забрался перед вылетом на крыло и сумел там удержаться? Сама мысль об этом была тошнотворной. Уилсон представил, какой ужас испытало бедное животное, оказавшись в воздухе. Но ведь крыло металлическое, а не деревянное. Там не за что зацепиться. Нет, такого просто не может быть. Наверное, это птица или...

Снова вспыхнула молния, и Уилсон увидел, что это... человек.

Уилсон оцепенел. Он следил за темной фигурой, ползущей по крылу. Это невозможно! Наверное, бедняга вопил от ужаса, но Уилсон не слышал. Он слышал только бешеные удары своего сердца и видел только человека за стеклом.

Потом его словно окатили ледяной водой. Разум принялся торопливо изыскивать спасительное объяснение. Наверное, по какому-то чудовищному стечению обстоятельств авиамеханик, осматривавший крыло, не сумел вовремя покинуть самолет. Но

---

* Одно из коммерческих названий дименгидрината — препарата, применяемого для устранения проявлений морской и воздушной болезни. *(Прим. перев.)*

ему удалось за что-то уцепиться и не упасть (хотя при этом ветер сорвал с него всю одежду, а воздух за бортом был невероятно холодным и малопригодным для дыхания).

Уилсон не оставил себе времени на контраргументы. Он вскочил и крикнул:

— Стюардесса! Стюардесса!

Его крик глухо разнесся по салону. Для верности Уилсон вдавил еще и кнопку вызова, потом снова крикнул:

— Стюардесса!

Встревоженная стюардесса уже бежала по проходу. Увидев лицо Уилсона, она остановилась как вкопанная.

— Там, снаружи — человек! Человек! — закричал Уилсон.

— Что?

Он видел, как у нее натянулась кожа на щеках и под глазами.

— Посмотрите туда! Посмотрите!

Уилсон рухнул в кресло и дрожащей рукой указал на иллюминатор.

— Он ползет по...

Слова застряли у него в горле, превратившись в бульканье. На крыле никого не было.

Уилсона трясло. Он еще не поворачивался к стюардессе, а лишь видел ее отражение в стекле иллюминатора. На ее лице было написано полное недоумение.

Наконец он повернулся и посмотрел на стюардессу. Ее накрашенные губы шевельнулись, будто она хотела что-то сказать. Но она ничего не сказала, а лишь сомкнула губы и проглотила слюну. Потом на лице появилась фальшивая улыбка.

— Простите,— пробормотал Уилсон.— Должно быть, мне...

Он умолк, как будто сказал все, что хотел сказать. С другой стороны прохода на него с сонным любопытством таращилась девочка-подросток.

— Вам что-нибудь принести? — откашлявшись, спросила стюардесса.

— Стакан воды.

Стюардесса повернулась и ушла.

Уилсон глубоко вздохнул, отвернувшись от любопытной девчонки. Он испытывал такое же любопытство к самому себе. Неужели это он сейчас вел себя как сумасшедший? Еще хорошо, что его не захлестывали видения, от которых бы он вопил, бил себя кулаками по вискам и рвал волосы.

Он резко закрыл глаза. Но ведь на крыле был человек. Там действительно был человек. Уилсон не сумасшедший и не стал бы понапрасну звать стюардессу. И вместе с тем такое просто невозможно. Уилсон отчетливо это сознавал.

Он сидел с закрытыми глазами и думал о том, как бы повела себя Жаклин, если бы они летели вместе. Сидела бы тихо, онемев от ужаса? Или наоборот, стала бы улыбаться, болтать о разных пустяках и всячески показывать, что ничего не видела? А что бы подумали его сыновья? Уилсон чувствовал, как в груди поднимаются беззвучные рыдания. Боже мой!

— Ваша вода, сэр.

Уилсон вздрогнул и открыл глаза.

— Вам принести одеяло? — спросила стюардесса.

— Нет,— покачал головой он и добавил: — Благодарю вас.

Его удивила собственная вежливость.

— Если вам что-нибудь понадобится, позвоните,— сказала она.

Уилсон кивнул.

Он сидел, держа в руке бумажный стаканчик с водой. За его спиной стюардесса вполголоса разговаривала с кем-то из пассажиров. Почему-то это обидело Уилсона, и он весь напрягся. Потом, стараясь не расплескать воду, полез в портфель, одной рукой достал футляр с туалетными принадлежностями, где лежало снотворное. Он растворил пару таблеток и выпил. Скомкав пустой стаканчик, Уилсон бросил его в карман для мусора, затем, не поворачиваясь к иллюминатору, задернул шторки. Было и прошло. Одна галлюцинация еще не означала, что он сошел с ума.

Уилсон повернулся на правый бок, попытавшись устроиться так, чтобы вибрация самолета мешала ему как можно меньше. Он должен забыть о случившемся. Это самое главное. Нельзя увязать в раздумьях по этому поводу. Неожиданно он почувствовал, что улыбается. Правда, улыбка получилась вымученной. Ничего, зато никто не скажет, что он страдает «воздушными» галлюцинациями. Такие состояния нужно встречать активно, а не потворствовать им. Голый человек, ползущий на высоте двадцати тысяч футов по крылу DC-7,— это химера. Сколько выдающихся лунатиков позавидовали бы его выдумке.

Однако комичность ситуации быстро померкла. Уилсон похолодел. Картина за стеклом иллюминатора была такой четкой,

такой живой. Разве его глаза могли увидеть несуществующего человека? Разве могли случайные мысли, бродящие в его мозгу, вдруг обрести зримое проявление, да еще с такими подробностями? Он не был пьян и не находился в том состоянии, когда сознание затуманено. Да и видение не было размытым и бесформенным. Он четко, объемно видел за стеклом человека, а множество сопутствующих подробностей лишь подтверждали реальность увиденного. Вот это и пугало больше всего. Он ведь не спал. Он случайно посмотрел на крыло и... Уилсон резким движением раздвинул шторки.

Он не знал, сумеет ли пережить это мгновение. Грудь и живот стремительно раздувались, грозя забить своим содержимым горло и голову и лишить его возможности дышать. Ему выдавливало глаза. Сердце, плененное в этом раздутом мешке, отчаянно билось, готовое вот-вот разорваться. Уилсон сидел неподвижно.

Человек смотрел на Уилсона. Он находился в нескольких дюймах. Их разделяло лишь толстое самолетное стекло.

Вообще-то находившегося снаружи было трудно назвать человеком. Это отвратительное злобное лицо принадлежало какому-то другому существу. Тело покрывала грязная грубая кожа с широкими порами. Нос был приплюснутым бесцветным комком, потрескавшиеся губы не имели формы. Сомкнуть их мешали огромные и невероятно кривые зубы. Глубоко посаженные глазки смотрели не мигая. Жуткий облик дополнялся не менее жуткими спутанными клочьями волос. Волосы торчали из носа и ушей. Они же, наподобие птичьих перьев, покрывали щеки.

Уилсон чувствовал себя совершенно разбитым. Он был не в состоянии что-либо сделать. Время остановилось и потеряло свой смысл. Мышление и способность анализировать тоже исчезли. Все это вмерзло в лед ужаса. Лишь сердце еще продолжало отчаянно биться, подпрыгивая в темноте грудной клетки. Уилсон был не в силах даже моргнуть. Он не дышал и только тупо смотрел, отвечая на такой же тупой взгляд существа за стеклом иллюминатора.

Потом Уилсон нашел силы закрыть глаза, и его разум, выскользнув из-под гнета зрения, обрел свободу. «Там никого нет,— подумал Уилсон, шумно выдыхая воздух.— Там никого нет. Совершенно никого».

Уилсон вцепился в подлокотники кресла. У него побелели костяшки пальцев, но он этого не видел. Он приводил себя в порядок, монотонно твердя себе, что за стеклом нет никакого человека. Никто не сумел бы удержаться на крыле летящего самолета, да еще при таком холоде и в разреженном воздухе. И никто не может оттуда смотреть на пассажира, прижавшись к стеклу.

Он открыл глаза и буквально врос в кресло, судорожно глотая воздух. Уродец за стеклом не только никуда не исчез. Он ухмылялся, глядя на Уилсона. Уилсон сжал кулаки. Ногти врезались в мякоть ладоней. Он почувствовал боль, но не разжимал кулаки до тех пор, пока не осталось сомнений в том, что он, Артур Уилсон, находится в полном сознании.

Затем дрожащей, негнущейся рукой Уилсон медленно потянулся к кнопке вызова стюардессы. Больше он не повторит ошибки, не станет кричать, вскакивать с места и побуждать существо за стеклом спрятаться от чужих глаз. Рука постепенно тянулась к кнопке. Мышцы Уилсона тряслись от возбуждения. Ведь уродец следил за ним, и глазки перемещались вслед за движением его руки.

Уилсон осторожно нажал кнопку. Один раз, второй. «А теперь появляйся,— подумал он о стюардессе.— Посмотри своим непредвзятым взглядом, и увидишь то, что вижу я. Но поторапливайся».

Сзади кто-то из пассажиров отдернул шторку. Уилсон оцепенел. Уродец за окном повернул голову на звук! Не в силах шевельнуться, Уилсон смотрел на него. «Ну торопись же! — мысленно подгонял он стюардессу.— Ради бога, поторопись!»

Уилсон пережил несколько болезненных мгновений безумия. Его взгляд без конца перескакивал с места, где только что находился уродец, к вопрошающему лицу стюардессы и обратно. Стюардесса, крыло самолета, опять стюардесса. Уилсон затаил дыхание. В глазах застыло смятение.

— В чем дело? — спросила стюардесса.

«В тебе. В твоем выражении лица»,— хотел ответить ей Уилсон, но взял свои эмоции в тиски. Он вдруг понял, что стюардесса вряд ли ему поверит.

— Я... извините,— произнес он.

В горле пересохло. Уилсон попытался проглотить слюну, которой там не было, и издал странный цокающий звук.

— Ничего особенного. Еще раз извините.

Стюардесса явно не знала, как на это ответить. Она стояла, покачиваясь, и одной рукой держалась за спинку соседнего кресла. Другая рука замерла на складке форменной юбки. Она открыла рот, но не могла подыскать нужных слов.

— Хорошо,— наконец сказала она, воспользовавшись «дежурным» покашливанием.— Если вам что-то понадобится...

— Да, конечно. Благодарю вас. А мы что, попали в грозу?

— Совсем небольшую,— быстро улыбнулась стюардесса.— Можете не волноваться.

Уилсон слегка кивал в такт ее словам. Затем, когда она отошла от кресла, стремительно втянул воздух, раздувая ноздри. Он был уверен: стюардесса уже сочла его сумасшедшим, но не знает, как поступить. Курс подготовки стюардесс не содержал в себе ситуацию, с которой она столкнулась в этом полете. Ее не учили, как обходиться с пассажирами, если они утверждают, что видели человечков, притаившихся на самолетном крыле.

Сочла сумасшедшим?

Уилсон резко повернул голову к иллюминатору. Он смотрел на темные очертания крыла, на выхлопы с языками пламени, на мигающие сигнальные огни. Он видел уродца! В этом Уилсон мог поклясться. Но разве можно адекватно видеть всю картину, воспринимая ее вполне здраво, и в то же время включить в нее какой-то придуманный элемент? Ведь разум сумасшедшего искажает картину реальности. Логично ли, что разум, правильно интерпретируя все прочие детали, добавляет туда что-то заведомо несуществующее?

Нет, это противоречит всякой логике.

И вдруг ему вспомнились газетные статьи времен минувшей войны. Тогда много писали о странных существах, вредящих летчикам союзных войск. Англичане прозвали этих существ гремлинами*. Было ли это в действительности, или гремлины — хлесткая выдумка газетчиков? Уилсону вспомнилось, что гремлины отличались потрясающей ловкостью и были практически невесомыми. Во всяком случае, земное притяжение на них не действовало.

---

* Своим появлением гремлины — маленькие злобные вредители — обязаны английским летчикам и авиатехникам. Слово это появилось в 1940 г. и быстро распространилось. Первоначально считалось, что эти вымышленные существа ненавидят только авиационную технику. Позже «обнаружилась» их неприязнь к любой технике вообще. *(Прим. перев.)*

Пока Уилсон размышлял, уродец появился снова. Только что крыло было совершенно пустым. И вдруг тот откуда-то спрыгнул. Похоже, крыло даже не испытало удара. Свои волосатые руки уродец вытянул в стороны, удерживая равновесие. Уилсон напрягся. Во взгляде человечка (но правильно ли считать его человечком?) ощущалось понимание. Неизвестно каким образом, но он понял, что втянул Уилсона в игру с напрасным вызовом стюардессы. Уилсон дрожал от смятения. Чем он докажет другим, что уродец за окном действительно существует? В отчаянии он оглянулся по сторонам. Девочка напротив заснула. Может, если разбудить ее и осторожно все объяснить, тогда...

Нет, волосатый уродец и с нею сыграет ту же шутку. Он исчезнет. Возможно, переберется на фюзеляж, где его никто не увидит — даже пилоты из своей кабины. Уилсон испытал жгучую досаду на себя. Почему у него до сих пор нет фотоаппарата? Некоторые бизнесмены постоянно возят с собой фотоаппарат. Возможно, он сумел бы сфотографировать это существо.

Уилсон приник к иллюминатору. Чем сейчас занимается уродец?

Неожиданно молния вновь оттеснила темноту, и Уилсон получил ответ на свой вопрос. Уродец присел на краю крыла и протянул руку к бешено вращающемуся пропеллеру.

Уилсон с ужасом и изумлением следил, как рука неумолимо приближалась к мелькающим лопастям. Вдруг уродец дернулся, с губ сорвался крик. «Лишился пальца!» — морщась, подумал Уилсон. Но уродец тут же снова потянулся к пропеллеру. Крючковатый палец был на месте. Ни дать ни взять дефективный ребенок, пытающийся рукой остановить лопасти включенного вентилятора.

Где-нибудь в другом месте эта жуткая сцена выглядела бы даже забавной. Тролль из сказки, да и только. Ветер трепал и косматил волосы на теле и голове, однако все внимание «тролля» было сосредоточено на вращении пропеллера. «Безумие ли это? — вдруг подумал Уилсон.— Или ужасный фарс, который разыгрывается специально для меня?»

Уилсон смотрел, а уродец продолжал свой спектакль. Наклонялся к пропеллеру, совал туда пальцы, потом вытаскивал и отправлял в рот, словно хотел унять боль. При этом он не забывал оборачиваться и поглядывать на Уилсона. «Он знает,— думал Уилсон.— Знает об этой игре. Если, кроме меня, его увидит еще

кто-то, проиграет он. Но если я останусь единственным зрителем, тогда он выиграет».

Трюки на самолетном крыле лишь слегка занимали Уилсона, но теперь интерес к ним полностью пропал. Он скрипнул зубами. Черт побери! Почему летчики до сих пор ничего не заметили?

К этому времени уродец забыл про пропеллер. Теперь он, словно всадник на норовистой лошади, восседал на кожухе двигателя. Уилсон присмотрелся и невольно вздрогнул от ужаса. Уродец пытался поддеть ногтями одну из защитных пластин гондолы.

Повинуясь импульсу, Уилсон протянул руку и нажал кнопку вызова стюардессы. Она вышла из хвостового отсека. На мгновение Уилсону подумалось, что он перехитрил паршивца. Тот был целиком поглощен своим новым занятием. Стюардесса уже подходила, однако в последний момент уродец поднял голову и взглянул на Уилсона. Затем, словно марионетка, которую дернули за веревочки, он взмыл в воздух.

— Я вас слушаю,— с заметным напряжением в голосе сказала стюардесса.

— Можно вас попросить... присесть рядом?

Стюардесса опешила.

— Видите ли...

— Ну пожалуйста.

Она настороженно опустилась на соседнее кресло.

— Что вы мне хотите сказать, мистер Уилсон?

Он внутренне собрался.

— Тот человек по-прежнему находится на крыле.

Стюардесса замерла, глядя прямо на него.

— Причина, почему я вызвал вас, очень серьезная. Дело в том, что он начал ковыряться в двигателе,— торопливо объяснил Уилсон.

Стюардесса инстинктивно повернулась к иллюминатору.

— Нет, нет, не смотрите туда. Его там нет. Всякий раз, когда вы подходите, он куда-то запрыгивает и прячется.

Горло Уилсона было полно вязкой слюны. Он представил, о чем сейчас думает стюардесса, и испытал приступ тошноты. Услышь он такое от кого-то другого, сам думал бы точно так же. Голова закружилась. «Я схожу с ума»,— предположил Уилсон.

— Дело вот в чем,— сказал он, отметая тревожную мысль.— Если все это — не плод моего воображения, тогда самолет в опасности.

— Да,— сказала стюардесса.

— Знаю. Вы думаете, что я спятил.

— Ни в коем случае.

— Тогда выполните мою просьбу,— сказал Уилсон, сражаясь с закипавшим внутри гневом.— Передайте летчикам мои слова. Попросите их постоянно следить за крыльями. Если они ничего не заметят, я буду только рад. Но если заметят...

Стюардесса молча смотрела на него. Кисти Уилсона сжались в кулаки. Но даже в таком состоянии они не перестали дрожать.

— Вы меня слышали?

Стюардесса вскочила с кресла.

— Я передам им ваши слова.

Уилсон следил за удалявшейся стюардессой. Она шла быстрее обычного. Потом, словно почувствовав, что он наблюдает, сбавила шаг. «Делай вид. Меня не обманешь»,— подумал он и снова повернулся к окну. В животе противно забурлило.

Уродец появился ниоткуда. Он спрыгнул на крыло, будто гротескный балетный танцор, исполнивший замысловатое па. Не теряя времени, вновь оседлал гондолу, обхватив ее волосатыми ногами, и продолжил возню с кожухом.

«А почему я так волнуюсь? — вдруг подумал Уилсон.— Разве этому жалкому существу под силу ногтями выковырять заклепки? Не так уж и важно, увидят летчики этого шкодливого "пассажира" или нет. Безопасности самолета это не угрожает».

В этот момент уродец оторвал край металлической плиты.

Уилсон в ужасе разинул рот. Увидев выходящих из кабины летчика и стюардессу, он замахал руками и закричал:

— Сюда! Быстрее!

Летчик взглянул в сторону Уилсона, затем, отстранив стюардессу, быстро двинулся по проходу.

— Быстрее! — снова крикнул Уилсон.

Он повернулся к иллюминатору. Естественно, «потрошитель моторов» успел скрыться. Теперь это не имело значения. Налицо следы его деятельности.

— В чем дело? — спросил летчик, резко остановившись возле кресла Уилсона.

— Он отогнул плиту кожуха,— дрожащим голосом сообщил Уилсон.

— Кто — он?

— Человек снаружи! Говорю вам, он...

— Мистер Уилсон, прекратите кричать,— приказал летчик.

Уилсон застыл с раскрытым ртом.

— Я не знаю, что здесь происходит,— продолжал летчик,— но...

— А вы посмотрите вон туда! — крикнул Уилсон.

— Мистер Уилсон, я вас предупреждаю.

— Ради бога! — умоляюще крикнул Уилсон.

Он проглотил слюну, пытаясь сдерживать слепую ярость. Плюхнувшись в кресло, дрожащей рукой указал на иллюминатор.

— Вам что, трудно туда посмотреть?

Пилот шумно втянул в себя воздух и наклонился к иллюминатору. Через мгновение он холодно посмотрел на Уилсона.

— Я посмотрел,— столь же холодно произнес летчик.

Уилсон приник к иллюминатору. Все пластины были целехоньки!

— Постойте, не уходите. Я ведь видел, как он отдирал пластину. Вон ту.

— Мистер Уилсон, если вы не...

— Говорю вам: я видел, как он отдирал пластину,— упрямо повторил Уилсон.

Летчик смотрел на него с той же брезгливой отчужденностью, какую он уловил во взгляде стюардессы. Уилсон затрясся всем телом.

— Я же видел его!

Голос надломился, и это испугало Уилсона ничуть не меньше, чем уродец за стеклом.

Летчик уселся рядом с ним.

— Мистер Уилсон, пожалуйста, успокойтесь,— сказал он.— Хорошо, вы его видели. Но не забывайте о других пассажирах. Мы не имеем права сеять панику среди них.

Уилсон был слишком подавлен и не сразу понял слова летчика.

— Вы... так вы тоже его видели?

— Конечно,— ответил летчик,— но мы не хотим пугать пассажиров. Это-то вы можете понять?

— Да-да, разумеется. Я не хочу их...

У него вдруг противно засвербило в паху и нижней части живота. Уилсон плотно сжал губы и злобно посмотрел на летчика.

— Я понимаю,— процедил он.

— Мы все должны помнить...— начал было летчик, но Уилсон его перебил:

— Можете закрыть рот.

— Что вы сказали?

Уилсона передернуло.

— Проваливайте! — бросил он летчику.

— Мистер Уилсон, что...

— Вы замолчите?

Лицо Уилсона побелело. Он отвернулся от летчика и каменными глазами уставился в иллюминатор. Летчик не уходил. Уилсон метнул на него сердитый взгляд и грубо отчеканил:

— Успокойтесь! Больше слова никому не скажу!

— Мистер Уилсон, попытайтесь понять нашу...

Уилсон отвернулся и стал злобно разглядывать двигатель. Краешком глаза он видел двоих пассажиров. Те стояли в проходе и смотрели на него. «Идиоты!» — взорвался его перевозбужденный разум. Затряслись руки. Уилсон опасался, как бы не вытошнило. «Это следствие качки»,— успокоил он себя. Самолет болтало в воздухе, словно суденышко, застигнутое бурей среди океана.

Летчик по-прежнему находился рядом и что-то ему говорил. Уилсон видел его отражение в иллюминаторе. В нескольких шагах от летчика застыла нахмуренная стюардесса. «Дураки безглазые!» — подумал Уилсон. Он заметил, когда они ушли, но виду не подал. Летчик и стюардесса направлялись в кабину. «Теперь у них только и будет разговоров что обо мне. Начнут строить планы на случай, если я окажусь опасным».

Ему захотелось, чтобы шкодливый уродец появился снова, чтобы отодрал кожух и испортил двигатель. На борту более тридцати человек, и только Уилсон может спасти их от гибели. Эта мысль доставляла мстительное, злорадное наслаждение. Стоит захотеть, и катастрофа произойдет. Уилсон улыбнулся, хотя ему было не до смеха. «Это будет грандиозным самоубийством»,— подумал он.

Уродец вновь спрыгнул на крыло, и Уилсон убедился в правильности своих мыслей. Прежде чем исчезнуть, «тролль» поставил пластину на место. Теперь он отдирал ее снова с легкостью хирурга, делающего разрез на коже. Как и весь самолет, крыло трясло и болтало, но уродец великолепно сохранял равновесие.

Уилсона снова обуял страх. Что делать? Ни стюардесса, ни летчик ему не поверили. Попробовать еще раз их убедить? Чего доброго, его просто свяжут и запрут в служебном отсеке. Извиниться перед летчиком за грубость и попросить стюардессу посидеть рядом? И что? Сколько она тут выдержит? Она ведь может задремать. Или кто-то ее позовет. И тогда уродец вернется и продолжит ломать двигатель. Но даже если она будет сидеть рядом и бдительно наблюдать за крылом, что мешает пакостнику перебраться на другое крыло и портить двигатели там? Уилсон вздрогнул и в который уже раз ощутил леденящий ужас.

«Боже, я бессилен!»

В иллюминаторе отразилась фигура идущего летчика. Безумие этого момента просто доконало Уилсона. Пилота и уродца разделяло всего несколько футов. Уилсон видел обоих, но те не замечали друг друга. Впрочем, нет. Уродец обернулся и проводил летчика взглядом. Похоже, теперь он знал, что прятаться больше не надо и что Уилсон уже не сможет вмешаться. Леденящий ужас сменился обжигающей злостью. «Я убью тебя! — подумал Уилсон.— Мерзкая грязная тварь! Убью!»

Двигатель кашлянул и остановился.

Это длилось не более секунды, но на то же время остановилось и сердце Уилсона. Он припал к стеклу иллюминатора. Уродец отогнул пластину и теперь стоял на коленях, с любопытством засовывая руку внутрь.

— Не смей!

Уилсон не узнал собственного голоса; это было какое-то умоляющее хныканье.

— Не с...

Двигатель опять остановился. Уилсон в ужасе огляделся по сторонам. Неужели все оглохли? Он протянул было руку к кнопке вызова стюардессы, но тут же отдернул. Нет, тогда его точно куда-нибудь затолкают. А ведь только он знает, что происходит за бортом. Следовательно, только он может спасти самолет.

Уилсон шепотом выругался и до боли закусил нижнюю губу. Он оглянулся на спящий салон и едва не подпрыгнул. По проходу, хватаясь за кресла, спешила стюардесса. Значит, услышала! Уилсон пристально следил за ней и поймал короткий взгляд, когда она проходила мимо.

Нет, она торопилась не к нему. Стюардесса прошла на несколько кресел дальше, наклонилась и о чем-то заговорила с не-

видимым Уилсону пассажиром. Двигатель снова кашлянул. Уилсон сразу же повернулся к иллюминатору.

— Черт тебя побери! — пробормотал он.

Он услышал шаги. Стюардесса шла обратно. На ее лице не было и тени тревоги. Уилсон смотрел и не верил своим глазам. Быть этого не может. Он вытянул шею, продолжая следить за стюардессой. Нет, она шла не в кабину. Она шла на кухню!

— Нет,— прошептал Уилсон.

Его трясло, и было никак не унять эту дрожь.

Никто ничего не слышал. Никто ни о чем не знает.

Уилсон не сразу сообразил, что делает. Он выдвинул из-под кресла портфель. Огляделся по сторонам. Затем наклонился, медленно, чтобы не шуметь, расстегнул молнию и вынул клеенчатый мешок. Стюардесса возвращалась. Он заметил ее краешком глаза и ногами задвинул портфель обратно под кресло, а мешок запихнул себе за спину. Он успел выпрямиться. Судорожно дыша, Уилсон ждал приближения стюардессы. Она прошла мимо.

Тогда он положил мешок на колени и развязал тесемки. Движения Уилсона были столь лихорадочными, что он едва не выронил пистолет. Он успел поймать оружие за дуло, затем побелевшими пальцами обхватил рукоятку и сдвинул флажок предохранителя. Глянув в иллюминатор, Уилсон похолодел.

Уродец внимательно смотрел на него.

Уилсон стиснул дрожащие губы. Неужели тот догадался о его намерении? Уилсон проглотил слюну и попытался успокоить дыхание. Потом оглянулся на стюардессу. Та принесла пассажиру какие-то таблетки и воду. Уилсон вновь повернулся к иллюминатору. Уродец копался в двигателе. Уилсон начал медленно поднимать пистолет.

Нет, так не получится. Он опустил оружие. У иллюминатора слишком толстое стекло. Пуля может отскочить и убить кого-нибудь из пассажиров. Эта мысль заставила его содрогнуться. Двигатель снова кашлянул. Из кожуха вырвался сноп искр, осветив отвратительную физиономию уродца. Уилсон собрался с духом. Он знал, как поступить.

Уилсон перевел взгляд на рукоятку аварийной двери. Рукоятку защищала прозрачная крышка. Уилсон снял и бросил крышку на пол. Уродец сидел на корточках и совал руку в двигатель. Уилсон судорожно глотнул воздух. Левой рукой он взялся за рукоятку. Так, вниз она не идет. Значит, надо двинуть вверх.

Уилсон оторвался от рукоятки. Пистолет положил на колени. «Игры кончились»,— мысленно сказал он себе и дрожащими руками затянул на бедрах ремень безопасности. Когда дверь откроется, воздушный поток может вытолкнуть его из самолета. А это никак не входило в его планы. Он должен спасти самолет.

Уилсон снова взял пистолет. Он слышал неровные удары своего сердца. Действовать нужно внезапно и точно. Если он промахнется, уродец сможет перебраться на другое крыло. А еще хуже — в хвост самолета. Уж там никто не помешает этому шкодливцу поломать хвостовые стабилизаторы, порвать тросы управления. Словом, нарушить балансировку самолета. Уилсон понимал: у него только один шанс. Надо целить ниже, чтобы попасть уродцу в грудь или живот. Уилсон сделал глубокий вдох. «Пора,— подумал он.— Пора».

Уилсон стал поднимать рукоятку аварийной двери. Стюардесса в это время возвращалась от пассажира, которому она принесла таблетки. Увидев, чем занят Уилсон, она потеряла дар речи. На ее лице отразился неописуемый ужас. Она могла лишь поднять руку, словно умоляя безумца не совершать непоправимого. Затем голос вернулся к ней, и она хрипло крикнула, перекрывая шум двигателей:

— Мистер Уилсон, остановитесь!

— Не суйся! — рявкнул в ответ Уилсон и дернул рукоятку вверх.

Дверь исчезла. Только что он ощущал рукоятку, а в следующее мгновение дверь с шипящим грохотом сгинула во тьме.

Чудовищная сила выталкивала Уилсона наружу, пытаясь оторвать от кресла. Он вдруг обнаружил, что наполовину находится снаружи и дышит обжигающе холодным, непривычным воздухом. Его барабанные перепонки едва не лопнули от грома двигателей. Потоки холодного ветра слепили ему глаза. Уилсон позабыл об уродце. Затем показалось, что откуда-то издалека сквозь рев и грохот донесся пронзительный крик.

Вот тогда Уилсон и увидел своего врага.

Уродец шел прямо к нему, нагнувшись и протягивая кривые руки. Неужели он ждал этой схватки? Уилсон вскинул руку и выстрелил. Уродец пошатнулся, но в следующий миг кинулся вперед и ударил. Голову Уилсона обожгло болью. Его и потрошителя моторов разделяли считаные дюймы. Уилсон выстрелил

вторично. Уродец качнулся назад и вдруг исчез, словно бумажная кукла, унесенная штормовым ветром. Уисон почувствовал, как стремительно немеет голова. Пистолет выпал из дрожащих пальцев.

Затем все сгинуло в зимней тьме.

Он шевельнулся и попытался что-то сказать. По жилам разливалось приятное тепло, но руки и ноги одеревенели. Было темно. Слышалось шарканье ног вокруг, приглушенные голоса. Он лежал лицом вверх на чем-то движущемся. В лицо дул холодный ветер. Затем пространство наклонилось.

Он облегченно вздохнул. Самолет приземлился, а его на носилках выносят из салона. Должно быть, уродец ранил его в голову. Возможно, ему вкололи успокоительное.

— Никогда не слышал о более идиотской попытке самоубийства,— произнес кто-то.

Уилсона эти слова только позабавили. Говорящий, конечно же, ошибается. Вскоре все прояснится. Надо лишь внимательно осмотреть двигатель и еще внимательнее — рану на голове Уилсона. Тогда они поймут, что он спас самолет и всех пассажиров.

Уилсон заснул и спал без сновидений.

Ткань повествования

Когда я вошел в автобус, они обе уже сидели в третьем ряду справа от прохода. Маленькая женщина, сидевшая ближе к проходу, смотрела на свои колени, на которых обессиленно покоились ее руки. Вторая смотрела в окно. За окном почти стемнело.

Напротив них оставалось два свободных места, так что я положил чемодан на багажную полку и сел. Дверцы захлопнулись, и автобус выехал со станции.

Некоторое время я развлекался тем, что смотрел в окно и листал захваченный в дорогу журнал.

Потом я поднял глаза и взглянул на двух женщин.

У той, которая сидела ближе, были сухие, безжизненные светлые волосы. Они походили на волосы куклы, которая долго лежала на полу и запылилась. Кожа у женщины была белая, и все лицо казалось вылепленным из свечного сала чьими-то торопливыми пальцами: один щипок — подбородок, другой — рот, третий — нос, по щипку на каждое ухо и, наконец, две грубые дырки для глаз-бусинок.

Она говорила руками.

Я ни разу еще такого не видел. Нет, я читал об этом и встречал изображения жестов из азбуки глухонемых, но никогда не видел, как это делается, вблизи.

Короткие бледные пальцы энергично мелькали в воздухе, словно ее голову распирало множество интереснейших идей, какие она обязана была высказать и боялась растерять. Пальцы сгибались и растопыривались, за считаные мгновения они принимали дюжины различных положений в пространстве. Она вырисовывала руками компактные фигуры одну за другой, растягивая и сжимая свой беззвучный монолог.

© Перевод Е. Королевой.

Я взглянул на вторую женщину.

Усталое худое лицо. Она откинула голову на подголовник, и ее бесстрастный взгляд был прикован к жестикулирующей компаньонке. Никогда не встречал таких глаз. Они совершенно не двигались, в них не было ни единого проблеска жизни. Она смотрела на глухонемую и монотонно кивала головой, словно автобус ехал по кочкам.

Время от времени она пыталась отвернуться к окну или закрыть глаза. Но каждый раз вторая женщина протягивала пухлую руку и дергала ее за платье, тянула, вынуждая компаньонку снова следить за бесконечным танцем белых рук.

Мне показалось просто невероятным, что кто-то вообще в состоянии это понимать. Руки мелькали так быстро, что мои глаза за ними не поспевали. Это было просто мельтешение взбудораженной плоти. Однако вторая женщина все кивала и кивала.

В своем — беззвучном — роде эта глухонемая была настоящей балаболкой.

Она не останавливалась ни на секунду. Она вела себя так, словно была обязана сохранять темп, иначе ее ждет неминуемая гибель. Дошло до того, что мне уже стало слышаться, о чем она говорит, я почти представлял себе непрерывно журчащий ручей глупостей и сплетен.

Иногда, похоже, речь заходила о чем-то, кажущемся ей невероятно забавным, настолько невыносимо смешным, что она спешно разводила руки ладонями наружу, как будто отталкивая от себя нахлынувший на нее поток веселья, чтобы он не раздавил ее своей массой.

Наверное, я довольно долго глазел вот так, потому что они вдруг заметили это и обе посмотрели на меня.

Не знаю, чей взгляд поразил меня больше.

Маленькая глухонемая смотрела на меня глазками, похожими на твердые черные бусины, нос-кнопка подергивался, рот изгибался в похожей на натянутый лук усмешке, а пальцы, словно клювы прокаженных птиц, пощипывали ткань цветастого платья на коленях. То был взгляд уродливой куклы в человеческий рост.

Вторая женщина смотрела со смутной жаждой.

Ее темные глаза пробежали по моему лицу, потом резко перешли на тело, и я заметил, как грудь под темным платьем внезапно напряглась, приподнимаясь, после чего я отвернулся к окну.

Я сделал вид, будто любуюсь полями, но все равно чувствовал, как обе они сверлят меня пристальными взглядами.

Затем, краем глаза, я увидел, как глухонемая снова вскинула руки и принялась ткать свои безмолвные гобелены. Прошло несколько минут, и я опять посмотрел на эту пару.

Худощавая женщина снова в стоическом безмолвии смотрела на руки. Да, устало кивала она, да, да, да.

Я почти задремал, глядя на мелькающие пальцы, на качающуюся голову. Да, да, да...

Внезапно я проснулся: кто-то энергично теребил меня.

Подняв глаза, я увидел глухонемую, эту неутомимую прялку. Она тянула меня за пиджак, пытаясь поднять с места. Я смотрел на нее в сонном недоумении.

— Что вы делаете? — шепотом спросил я, позабыв, что она не слышит.

Она продолжала решительно тянуть меня, и каждый раз, когда автобус проезжал мимо очередного фонаря, я видел белое лицо и черные глаза, блестящие бусины, вставленные в восковую плоть.

Мне пришлось подняться. Она все тянула, а я был слишком сонным, чтобы собраться с мыслями и отразить столь решительный натиск.

Когда я встал в проходе, она плюхнулась на мое место и подтянула ноги, вытягиваясь на оба сиденья. Я стоял в недоумении. Затем, поскольку она притворилась, будто бы мгновенно заснула, я развернулся и посмотрел на ее компаньонку.

Она сидела, спокойно глядя в окно.

Я медленно шагнул и сел рядом. Поняв, что она не собирается ничего объяснять, я спросил:

— Зачем ваша подруга так сделала?

Женщина повернулась и посмотрела на меня. Она оказалась еще более худой, чем я думал. Ее цыплячья шея дрогнула.

— Это была ее идея,— сказала она.— Я ни о чем ее не просила.

— Какая идея?

Она посмотрела на меня внимательнее, и я снова увидел в ее глазах ту смутную жажду. Жгучую жажду. Желание полыхало в ней жарким огнем. Я почувствовал, как забилось сердце.

— Вы сестры? — спросил я, только бы прервать тревожное молчание.

Она ответила не сразу. Потом лицо ее напряглось.

— Я ее компаньонка. Платная компаньонка.

— О. Наверное, это...— Я забыл, что собирался сказать.

— Вы не обязаны со мной разговаривать. Это была ее идея. Я ей ничего не предлагала.

Мы сидели в неловком болезненном молчании, я тупо таращился на нее, она смотрела в темноту за окном. Затем женщина повернула голову, и в ее глазах заблестел свет уличных фонарей.

— Она все время говорит,— произнесла она.

— Что?

— Все время говорит.

— Забавно,— я неловко улыбнулся,— в смысле, называть это разговорами. То есть...

— Я уже не вижу ее рта,— продолжала она.— Ее рот — руки. Я слышу, как она разговаривает руками. У нее голос словно скрипучие шестеренки.— Она судорожно вздохнула.— Господи, сколько она болтает.

Я сидел молча, разглядывая ее лицо.

— Я никогда не разговариваю,— сказала она.— Я все время с ней и не произношу ни слова. Всегда — тишина. Я удивляюсь, когда слышу, как люди говорят по-настоящему. Я удивляюсь, когда слышу, как я сама говорю по-настоящему. Уже не помню, как это делается. Такое чувство, что вот-вот забуду вообще все, что знала о звучащей речи.

Она говорила нервно и быстро, в какой-то непонятной тональности. Голос взлетал от низкого сипения до высокого фальцета, в особенности оттого, что она пыталась говорить шепотом. И еще в нем звучало нарастающее волнение, которое стало овладевать и мной: словно в любой миг что-то внутри ее могло взорваться.

— Она никогда не оставляет мне времени для себя,— рассказывала она.— Она постоянно рядом. Я все время говорю ей, что хочу уйти. Я тоже немного владею языком глухонемых. И говорю ей, что хочу уйти. А она плачет и стонет, говорит, что убьет себя, если я уйду. Господи, ужасно наблюдать, как она умоляет. Мне делается дурно. Потом я начинаю ее жалеть и не могу уйти. Она снова счастлива, как ребенок, ее отец дает мне прибавку и отправляет нас в очередное путешествие, в гости к каким-ни-

будь родственникам. Отец ненавидит се. Он бы с радостью от нее избавился. И я ее ненавижу. Но кажется, она обладает над нами какой-то властью. Мы не можем с ней спорить. Нельзя же кричать руками. А просто закрыть глаза и отвернуться, чтобы больше не видеть ее рук, недостаточно.

Голос ее делался все мрачнее, я заметил, как она прижимает ладони к коленям. Чем сильнее она вжимала в себя руки, тем труднее мне было оторвать от них взгляд. Прошло немного времени, и я уже не мог отвести глаз. Даже понимая, что она видит, я не мог. Это было похоже на сновидение, где любое желание позволительно.

Она продолжала говорить, ее голос немного дрожал.

— Она знает, что я хотела выйти замуж. Любая девушка хочет. Однако она не отпустит меня. Ее отец хорошо мне платит, а больше я ничего не умею. К тому же чем сильнее я ее ненавижу, тем сильнее жалею, когда она начинает плакать и умолять. Это не похоже на обычный плач или мольбы. Все так тихо, видишь только слезы, которые катятся по щекам. Она умоляет меня остаться, и в конце концов я сдаюсь.

Теперь я ощутил, что и мои руки дрожат на коленях. Ее слова почему-то выражали больше того, что означали. Вроде бы становилось очевидно, к чему все клонится. Но я был будто под гипнозом. Огни мелькали, вспыхивая в кромешной тьме, и казалось, что я угодил в какой-то запутанный кошмарный сон.

— Один раз она сказала, что найдет мне парня,— продолжала она, и я вздрогнул.— Я сказала, чтобы она перестала надо мной потешаться, но она заявила, что обязательно найдет мне любовника. И когда мы поехали с ней в Индианаполис, она прошлась по автобусу и привела какого-то матроса, чтобы он со мной поговорил. Еще совсем мальчишка. Он сказал, ему двадцать, но я уверена, что не больше восемнадцати. Зато он был милый. Он посидел со мной, мы поговорили. Сначала я стеснялась, не знала, что сказать. Но он был милый, с ним было приятно беседовать, если бы только напротив через проход не сидела она.

Я инстинктивно обернулся, но глухонемая, похоже, спала. Хотя когда я отворачивал голову, у меня возникло ощущение, что глазки-бусинки снова открылись и сосредоточились на нас.

— Не обращайте внимания,— сказала женщина.

Я потупился.

— Как вы думаете, это нехорошо? — спросила она вдруг, и я снова вздрогнул, когда ее жаркая влажная рука коснулась моей.

— Я... я не знаю.

— Морячок был такой милый,— произнесла она с тоской.— Он был милый. И мне плевать, что она смотрит. Это ведь неважно? Сейчас темно, она ничего толком не увидит. А услышать она не может.

Должно быть, я отшатнулся назад, потому что она вцепилась в меня.

— Я не заразная,— воскликнула она.— Так бывает не каждый раз. Я делала это только с тем моряком, клянусь, всего один раз. Я не лгу.

Пока она говорила, все более и более взволнованно, ее дрожащая рука соскользнула с моей и опустилась мне на бедро. У меня сжались мышцы живота. Я не мог пошевелиться. Наверное, я и не хотел шевелиться. Я был загипнотизирован звуком ее густого голоса и трепещущей рукой, которая сладострастно ласкала меня.

— Пожалуйста.— Она почти задыхалась.

Я пытался возразить что-нибудь, но в голову ничего не приходило.

— Я всегда одна,— начала она сначала.— Она не позволит мне выйти замуж, потому что боится. Она не хочет, чтобы я уходила от нее. Все в порядке, нас никто не видит.

Одной рукой она уже вцепилась ногтями в мою ногу. Другую руку она положила мне на колено, и когда нас ослепила очередная вспышка света, я увидел черный провал ее рта, голодные глаза сверкали.

— Тебе придется,— сказала она, придвигаясь ближе.

И внезапно она накинулась на меня. Ее рот обжигал, губы дрожали. Она жарко дышала мне в шею, а руки, неистовые и подрагивающие, вцеплялись в мое оказавшееся вдруг обнаженным тело. Хрупкие горячие конечности обвивались вокруг меня, будто плющ, снова и снова. Жар ее тела совершенно парализовал меня. Не знаю, как остальные пассажиры могли при этом спать. Но спали не все. Одна из них точно наблюдала.

Внезапно холод ночи возвратился, все было кончено, она быстро отстранилась, и платье сердито зашуршало, когда она одергивала подол, словно возмущенная пожилая леди, которая

случайно выставила напоказ лодыжки. Она отвернулась и стала смотреть в окно, как будто меня больше не было рядом. Я в отупении наблюдал, как вздымается и опадает ее спина, ощущая, что начисто лишился сил, что все мои мышцы сделались ватными.

Затем я кое-как привел одежду в порядок и с трудом вышел в проход. В тот же миг глухонемая соскочила с места и протиснулась мимо меня, внезапно совершенно проснувшаяся. Я заметил, как взволновано ее лицо.

Опустившись на прежнее место, я снова посмотрел через проход и увидел, как толстые молочные пальцы сжимаются и трепещут, плетя в воздухе жадные вопросы. А худая женщина кивала и кивала, и глухонемая не позволяла ей отвернуться.

Ах, эта Джулия!

Октябрь

На лекции по английской литературе Эдди Фостер впервые обратил внимание на эту девушку.

И не потому, что она села позади него. Конечно, девушка и раньше попадалась ему на глаза, когда он оглядывал аудиторию, пока профессор Юстон что-то писал на доске или зачитывал отрывок из учебника. Конечно, он видел ее, входя в аудиторию или выходя из нее. Иной раз проходил мимо нее в коридорах учебных корпусов или по дорожкам кампуса. Однажды она даже коснулась его плеча и протянула ему карандаш, который выпал из кармана.

Но никогда раньше он не мог разглядеть в ней женщину. Во-первых, если у нее и была впечатляющая фигура, то девушка очень искусно прятала ее под одеждой свободного покроя. Во-вторых, молоденькое лицо не блистало красотой. В-третьих, тихий и высокий голос.

Эдди невольно задался вопросом, а почему, собственно, он обратил на нее внимание в этот день. Всю лекцию он думал о рыженькой, которая сидела в первом ряду. В пьесе, которая проигрывалась перед его мысленным взором, роли исполняли он и она, одна сладострастная сцена сменяла другую. И когда перед очередным актом поднимался занавес, он услышал за спиной голос:

— Профессор?

— Да, мисс Элдридж.

Эдди через плечо глянул на мисс Элдридж. Вопроса не расслышал, зато пригляделся к простенькому личику, услышал го-

© Перевод В. Вебера.

лосок, увидел широченный свитер. И внезапно в голове сверкнула мысль: «Возьми ее».

Эдди резко отвернулся, сердце забилось так, словно слова эти он произнес вслух. Что за идиотская идея? Взять ее? Без всякой фигуры? С детским личиком?

И только тут понял, что идею подсказало ему это самое личико. Детскость, похоже, и возбудила его.

За спиной что-то упало на пол. Эдди обернулся. Девушка уронила ручку и теперь поднимала ее. Эдди словно прошибло током, когда он увидел, как свитер обтянул грудь. Может, насчет фигуры он зря. Просто ребенок боялся показать свое созревшее тело. Эдди обдало жаром.

«Элдридж Джулия,— прочитал он в ежегоднике, выпущенном колледжем Сент-Луис.— Искусство и наука».

Как он и ожидал, она не входила ни в женские студенческие общества, ни в какие другие организации. Он смотрел на ее фотографию. Воображение разыгралось: застенчивая, нелюдимая, снедаемая тайными желаниями.

Он должен ее взять.

Почему? Этот вопрос он раз за разом задавал себе, но ответа так и не получил. Однако теперь ее образ никак не желал покинуть его. Он буквально видел, как их тела сплелись на кровати в бунгало мотеля «Хайвей». Настенный обогреватель гонит горячий воздух, а они пируют плотью друг друга — он и этот невинный ребенок.

Зазвенел звонок. Когда студенты выходили из аудитории, Джулия выронила из рук книги.

— Подождите, я их сейчас подберу,— вызвался Эдди.

— Ага.

Она покорно ждала, пока он соберет книги. Уголком глаза он заметил, что ноги у нее гладкие, как слоновая кость. По телу пробежала дрожь, он поднялся, протянул ей книги.

— Вот.

— Спасибо.

Она опустила глаза, на щеках затеплился румянец. А ведь она ничего, подумал Эдди. И фигура при ней. Во всяком случае, есть за что подержаться.

— А что мы должны прочитать к следующему занятию? — услышал он собственный голос.

— «Столик у оркестра»,— без должной уверенности ответила она.

— Вроде бы да.

«Пригласи ее на свидание»,— потребовал внутренний голос.

— Точно, «Столик у оркестра».

Он кивнул. «Пригласи немедленно»,— повторил внутренний голос.

— Так я пошла.— Джулия начала поворачиваться к двери.

Эдди улыбнулся, почувствовал, как скрутило живот.

— Еще увидимся,— выдавил он из себя.

Он стоял в темноте, глядя на ее окно. В комнате зажегся свет, как только Джулия вышла из ванной. В махровом халате, с полотенцем, мочалкой и мыльницей. Эдди наблюдал, как она кладет на комод мочалку и мыльницу, садится на кровать. Стоял, не сводя с нее глаз. «Что я здесь делаю? — спрашивал он себя.— Если я попадусь на глаза охране, меня арестуют. Надо уходить».

Джулия встала. Развязала пояс, халат соскользнул на пол. Эдди обомлел. Губы разошлись, засасывая влажный воздух. Да у нее тело женщины. Полные бедра, налитые груди. В сочетании с детским личиком...

Дыхание шумно вырвалось из груди.

— Джулия, Джулия, Джулия...— забормотал он.

Джулия повернулась к кровати, чтобы взять ночную рубашку.

Он знал, что идея безумная, но ничего не мог с собой поделать. Какие бы он ни изобретал варианты, мысли возвращались к первому.

Он пригласит ее в автокинотеатр, подмешает снотворное в колу, отвезет в мотель «Хайвей». А чтобы гарантировать собственную безопасность, сфотографирует и пригрозит, что отошлет фотографии родителям, если она раскроет рот.

Безумная идея. Он это знал, но ничего другого не лезло в голову. И реализовывать ее надо быстро, пока она для него — незнакомка. С детским личиком и женским телом. Это его вполне устраивало. Более близкого знакомства он и не хотел.

Нет! Это безумие! Он пропустил два занятия по английской литературе. На уик-энд уехал домой. Он читал журналы и подолгу ходил пешком. Он знал, что не поддастся безумию.

— Мисс Элдридж?

Джулия остановилась. Повернулась к нему, солнце превратило ее волосы в золотую корону. А ведь она симпатичная, подумал Эдди.

— Могу я прогуляться с вами? — спросил он.

— Да,— ответила она.

Они пошли по дорожке.

— Я все думаю, а не согласитесь ли вы в пятницу вечером поехать со мной в автокинотеатр? — Он удивился спокойствию собственного голоса.

— Я? — Джулия застенчиво посмотрела на него.— А что показывают?

Он сказал.

— Звучит неплохо.

Эдди шумно глотнул.

— Так когда мне за вами заехать?

Потом он гадал, не удивилась ли Джулия тому, что он не спросил, в каком корпусе общежития она живет.

Над крыльцом горела лампа. Эдди нажал на кнопку звонка, подождал, наблюдая, как около лампы кружатся два мотылька. Через несколько мгновений Джулия открыла дверь. Да она просто красавица, подумал Эдди. И как хорошо одевается.

— Привет,— поздоровалась она.

— Привет,— ответил он.— Готова?

— Только возьму пальто.

Через холл она прошла в коридор, потом в свою комнату. Ту самую, в которой стояла обнаженной, купаясь в ярком свете. Эдди стиснул зубы. Ошибки не будет. Она никому ничего не скажет, когда увидит фотографии, которые он сделает.

Джулия вернулась в холл, и они зашагали к автомобилю. Эдди открыл ей дверцу.

— Благодарю,— прошептала Джулия.

Когда она усаживалась, перед глазами Эдди мелькнули ее обтянутые нейлоном колени, но она тут же поправила юбку. Эдди захлопнул дверцу, обошел автомобиль. Во рту у него пересохло.

Через десять минут он въехал в последний ряд автокинотеатра, выключил двигатель. Высунул руку, снял с подставки динамик, втянул в окно. Фильм еще не начался, показывали мультик.

— Тебе брать попкорн и колу? — спросил он и насмерть перепугался: а вдруг она откажется?

— Да. Спасибо,— ответила Джулия.

— Сейчас вернусь.— Эдди вылез из кабины, направился к магазину-бару. Ноги у него дрожали.

Он стоял в очереди студентов, занятый своими мыслями. Вновь и вновь он захлопывал дверцу бунгало, запирал ее, сдвигал портьеры, зажигал все лампы, включал настенный обогреватель. Вновь и вновь подходил к беспомощной, лежащей на кровати Джулии.

— Тебе чего? — спросил продавец.

— Э... два попкорна и две колы, большую и маленькую.

Его затрясло. Он не сможет это сделать. За такое можно загреметь в тюрьму до конца жизни. Автоматически он расплатился, с подносом в руках поплелся к автомобилю. Фотографии, идиот, пришла в голову спасительная мысль. Они — твоя защита. Тело прошибло жаром желания. Теперь уже никто и ничто не могло его остановить. По пути он высыпал в маленький стаканчик с колой две заранее растолченные таблетки.

Джулия спокойно сидела, когда он открыл дверцу и скользнул за руль. А тут и начался фильм.

— Вот твоя кола.— Он протянул Джулии маленький стаканчик и пакет с попкорном.

— Благодарю,— ответила Джулия.

Эдди не отрывал глаз от экрана. Сердце выскакивало из груди. Он чувствовал, как по спине и бокам бегут капельки пота. Сухой безвкусный попкорн не лез в глотку. Эдди то и дело прикладывался с стакану с колой. Уже скоро, думал он. Плотно сжав зубы, смотрел на экран. Слышал, как Джулия ест попкорн, пьет колу.

Мысли ускорили бег: дверь заперта, портьеры сдвинуты, комната — ярко освещенная духовка, они на кровати. И проделывают такое, чего раньше Эдди и представить себе не мог. А виной тому — ее ангельское личико. Оно заставило его подсознание показать свою темную половину.

Эдди искоса глянул на Джулию. Дернулся так, что плеснул колой на брюки. Пустой стаканчик валялся на полу, остатки попкорна вывалились из перевернутого пакетика на колени. Голова покоилась на подголовнике, и на мгновение Эдди почудилось, что она мертва.

Но тут она шумно втянула в себя воздух, медленно повернула к нему голову. Он увидел, как медленно ворочается за губами язык.

Ледяное спокойствие разом вернулось к нему. Он возвратил динамик на подставку. Выбросил стаканчики и пакетики. Завел двигатель, подал автомобиль задним ходом. Включил подфарники и покатил к выезду из кинотеатра.

Мотель «Хайвей». Мигающую вывеску он заметил за четверть мили. На мгновение Эдди показалось, что чуть ниже он видит надпись «Свободных мест нет», и он испуганно вскрикнул. Но тут же понял, что его опасения напрасны. Все еще дрожа, он съехал с дороги, припарковался у стены административного корпуса.

Взяв себя в руки, вошел в холл, твердым шагом направился к регистрационной стойке. Ночной портье не сказал ему ни слова. Эдди заполнил регистрационную карточку, заплатил, получил ключ.

Поставил автомобиль у бунгало, отнес в комнату фотоаппарат, вышел за дверь, огляделся. Ни души. Подбежал к автомобилю, открыл дверцу со стороны пассажирского сиденья, подхватил Джулию на руки. Под ногами хрустел гравий дорожки. Он переступил порог, в темноте добрался до кровати, опустил на нее Джулию.

Вот тут и начала реализовываться его мечта. Он запер дверь. На негнущихся ногах прошелся по комнате, сдвигая портьеры. Включил настенный обогреватель. Нащупал на стене у двери выключатель, нажал на клавишу. Включил настольные лампы, снял с них абажуры. Уронил один. Абажур покатился по ковру. Поднимать его Эдди не стал. Шагнул к кровати, на которой лежала Джулия.

Юбка задралась, обнажив бедра. Он видел верхний срез чулок, путовки резинок, на которых они крепились к поясу. Шумно сглотнув, Эдди сел рядом. Снял с нее пальто, потом свитер. Расстегнул бюстгальтер. Груди вывалились на свободу. Эдди быстро расстегнул молнию юбки, стащил вниз.

Через несколько секунд она лежала на кровати в чем мать родила. Эдди подтянул девушку к подушкам, подложил их ей под спину. «Господи, какая роскошная у нее фигура». Он закрыл глаза, по телу в который уже раз пробежала дрожь. «Нет»,— сказал он себе. Это очень важно. Сначала сфотографируй ее, и тогда ты будешь в безопасности. Она ничего с тобой не сделает,

она испугается что-либо сделать. Он поднялся, взял фотоаппарат. Снял с объектива крышку. Поймал ее в видоискатель. Заговорил.

— Открой глаза,— приказал он.

Джулия подчинилась.

У ее общежития он появился на следующее утро, около шести часов. Осторожно подкрался к окну. Он не спал всю ночь. Глаза горели, покраснев от напряжения.

Джулия лежала так, как он ее и положил. Его сердце гулко забилось. Он постучал в окно.

— Джулия.

Она что-то простонала, повернулась на бок, лицом к нему.

— Джулия.

Ее глаза приоткрылись. Еще окончательно не проснувшись, она уставилась на него.

— Кто это?

— Эдди. Пусти меня.

— Эдди?

Внезапно у нее перехватило дыхание, она сжалась в комок, и он понял, что она все вспомнила.

— Пусти меня, а не то тебе не поздоровится,— прошипел он. Опять задрожали ноги.

Джулия несколько секунд лежала не шевелясь, не отрывая взгляда от глаз Эдди. Потом встала, пошатываясь, и направилась к двери. Эдди поднялся на крыльцо в то самое мгновение, когда Джулия открыла входную дверь.

— Что тебе надо? — прошептала она. Мятая одежда, спутанные волосы.

— Пошли к тебе.

Джулия напряглась.

— Нет.

— Хорошо.— Он грубо схватил ее за руку.— Поговорим в моей машине.

Вдвоем они подошли к автомобилю. Усаживаясь рядом с ней, Эдди увидел, что она вся дрожит.

— Я включу обогреватель.

Прозвучало глупо. Он привел ее сюда, чтобы пригрозить, а не успокоить. Злясь на себя, Эдди включил двигатель, и автомобиль тронулся с места.

— Куда мы едем? — спросила Джулия.

Он не знал. Потом внезапно вспомнил о лесной дороге за городской чертой, куда по вечерам любили приезжать студенческие парочки. В этот час там, естественно, никого быть не могло. Он надавил на педаль газа. Через шестнадцать минут автомобиль стоял на обочине среди молчаливого леса. По земле стелился туман.

Джулия больше не дрожала: обогреватель чуть ли не раскалил воздух в салоне.

— Так в чем дело? — тихо спросила она.

Эдди сунул руку во внутренний карман, рывком достал фотографии, бросил ей на колени.

Джулия не издала ни звука. Уставилась на фотографии. Потом взяла их непослушными, негнущимися пальцами.

— На случай, что у тебя возникнут мысли позвонить в полицию,— сквозь зубы процедил Эдди.

«Скажи ей»,— потребовал внутренний голос. И он рассказал ей обо всем, что проделывал с ней прошлой ночью. Лицо Джулии бледнело и бледнело. Она переплела пальцы рук. Туман за окнами начал подниматься, закутывая автомобиль в молочную пелену.

— Тебе нужны деньги? — прошептала Джулия.

— Раздевайся,— ответил Эдди. «Это не мой голос,— подумал он.— Очень уж зловещий, просто нечеловеческий».

Джулия всхлипнула, и Эдди ослепила мощная вспышка ярости. Его рука, словно по собственной воле, взметнулась вверх, чтобы ударить Джулию по лицу. Он почувствовал укол боли: зубы содрали кожу на костяшках пальцев.

— Раздевайся! — В жаркой духоте салона голос прозвучал оглушающе громко. Эдди жадно схватил ртом воздух.

Джулия, плача, начала снимать одежду. Из уголка рта стекала струйка крови. «Нет, не надо,— услышал он внутренний голос.— Не делай этого». Но руки, уже не принадлежащие ему, чужие руки, потянулись к обнаженной плоти.

Домой он вернулся в десять утра, с кровью и кожей под ногтями. Когда Эдди взглянул на пальцы, его чуть не вырвало. Дрожа всем телом, он улегся на кровать, уставился в потолок. «С этим покончено,— думал он.— Фотографии у меня». А ее он больше никогда не увидит, новая встреча его просто погубит. И так жажда насилия, поднявшаяся из неведомых глубин под-

сознания, заливала мозг, не позволяла думать ни о чем другом. Он попытался заснуть, но перед его мысленным взором возникали синяки на ее прекрасном теле, царапины, следы от укусов. Эдди буквально слышал, как она кричит.

Ее он больше никогда не увидит.

Декабрь

Джулия открыла глаза и увидела крохотные тени, движущиеся на стене. Повернула голову, посмотрела в окно. Пошел снег. Его белизна напомнила ей о том утре, когда Эдди показал ей фотографии.

«Фотографии». Вот что разбудило ее. Она закрыла глаза, сосредоточилась. Они горели. Джулия видела, как они и негативы горят в большом эмалированном лотке, в какой обычно наливают проявитель. Яркие языки пламени пожирали их, белая эмаль чернела от копоти.

Джулия задержала дыхание. Мысленно перенеслась в комнату, освещенную горящими фотографиями, огляделась, увидела тело, болтающееся на крюке в стенном шкафу.

Вздохнула. Быстро же все закончилось. Если у человека неуравновешенная психика, иначе и быть не могло. Та самая слабина, которая позволила ей войти в сознание Эдди, его же и погубила. Джулия снова открыла глаза, уродливое детское личико исказилось в улыбке. Ничего, он не первый и не последний.

Она лениво потянулась костлявым телом. Стриптиз перед окном, кола со снотворным, фотографии в мотеле — все это уже забывалось, хотя лесной эпизод вызвал довольную улыбку. Раннее утро, вокруг холодный белесый туман, зато в автомобиле температура как в духовке. На какое-то время она сохранит его в памяти. Как и изнасилование. А остальное ей ни к чему. В следующий раз она придумает что-нибудь получше.

На лекции по физике Филип Гаррисон впервые обратил внимание на эту девушку...

Немой

Мужчина в темном макинтоше прибыл в Даймон Корнерс ровно в два тридцать после полудня, в пятницу. Прямо с автобусной остановки он вошел в бар, где не было никого, кроме полной седой женщины за прилавком. Она перетирала посуду.

— Пожалуйста,— произнес он с акцентом,— скажите, где я могу найти суд?

Она взглянула на него сквозь ободок стеклянного бокала и увидела перед собой рослого и красивого мужчину лет тридцати с небольшим.

— Суд? — с интересом переспросила она.

— Ах да, как вы это говорите? Констебль? Как это будет по-английски?

— Шериф?

— О, ну конечно,— улыбнулся мужчина,— шериф. Где я могу найти его?

После подробных разъяснений, полученных от барменши, он неторопливо вышел на улицу, в сырой и серый день. Потоки дождя были нескончаемы с самого раннего утра, с той минуты, когда он проснулся в автобусе и увидел, что машина пересекает долину Каска. Мужчина поднял воротник, спрятал обе руки в карманы своего макинтоша и быстро пошел вниз в поисках главной улицы городка.

Он чувствовал себя виноватым оттого, что не приехал сюда раньше. Но у него было столько дел, столько хлопот с его собственными двумя детьми! Он точно знал, что с Фанни и с Холгером произошло что-то ужасное, но до сих пор был просто

© Перевод В. Рыбаковой.

не в состоянии выехать из Германии. А ведь в последний раз он говорил с Нильсенами около полугода назад! Очень странно, что Холгер выбрал для себя такое отдаленное и труднодоступное место.

Профессор Вернер пошел еще быстрее, он отчего-то очень разволновался. Нужно поскорее выяснить, что случилось с Нильсенами и с их сыном, думал он. Их успехи были просто феноменальными — пример их сына вдохновлял всех остальных участников четырехстороннего эксперимента. Вернер чувствовал, что с Нильсенами случилось что-то страшное, и одновременно пытался убедить себя, что у них, может быть, все в порядке. Но тогда оставалось непонятным их долгое молчание.

Вернер в раздумье склонил голову. Может быть, все дело в этом городке? Вот у Элкенберга же случилась остановка в его работе, а все из-за бесконечных подсматриваний и советов — иногда вполне невинных, иногда навязчивых. Что-нибудь в этом роде могло случиться и с Нильсенами. Когда живешь в таком захолустье, это невольно меняет направление мыслей, это очень мешает в работе.

Офис шерифа помещался в строении посередине следующего квартала. Вернер быстро прошагал по дорожке, ведущей к дому, затем раскрыл дверь и оказался в большой, хорошо протопленной комнате.

— Да? — спросил шериф, поднимая голову от каких-то бумаг, лежащих перед ним на столе.

— Я хочу узнать у вас об одной семье,— сказал Вернер.— О семье Нильсенов.

Шериф Гарри Уилер взглянул прямо в глаза высокому незнакомцу.

Кора гладила брючки Пола, когда зазвенел телефон. Она поставила утюг на гладильную доску, вышла из кухни и сняла трубку с настенного аппарата.

— Да? — спросила она.

— Кора, это я.

Ее лицо побледнело.

— Гарри, случилось что-нибудь?

Он молчал.

— Гарри?!

— Здесь у меня один человек из Германии.

Кора стояла, не двигаясь, уставясь в настенный календарь, в какое-то число перед ее глазами.

— Кора, ты слышишь меня?

— Да,— медленно проговорила женщина.

— Я... Я привезу его к нам домой,— сказал Гарри.

Она прикрыла глаза.

— Я понимаю,— сказала она и повесила трубку.

Повернувшись, женщина тихо подошла к окну. Идет дождь, подумалось ей. Что же, погода очень подходит к предстоящей сцене.

«Нет! — Это было в самом ее дыхании.— Нет!»

Через какое-то время она раскрыла полные слез синие глаза и стала смотреть на дорогу перед домом. Так и замерла она, припоминая тот день, когда к ней пришел мальчик.

Если бы пожар случился не ночью, а днем, был бы еще какой-то шанс спасти дом. От Даймон Корнерс до них было двадцать две мили, пятнадцать миль по шоссе, а дальше — по плохой земляной дороге, петлявшей среди холмов с перелесками.

К тому же пожар заметили, когда пламя уже вовсю бушевало, да и это произошло случайно.

Бернард Клаус и его семья жили неподалеку от них, в пяти милях, на холме, который назывался Скайточ. Клаус поднялся с постели посреди ночи и пошел на кухню выпить воды. Окошко кухни выходило на север, вот почему он увидел языки пламени и яркие отсветы в темноте.

— Мой бог! — вскричал он и пулей вылетел из кухни. На ощупь, спотыкаясь, он добрался до телефона в гостиной и стал остервенело крутить диск.

— Горит дом Нильсенов! — крикнул он после того, как ему удалось разбудить дежурного в городской управе.

Ночной час, полная неожиданность происшествия и еще несколько случайностей погубили дом Нильсенов. В Даймон Корнерс не было профессиональной пожарной команды. Для тушения пожаров и вообще в случаях общественных потрясений поднимали добровольцев. В самом городке этого было вполне достаточно, но с дальними усадьбами дело обстояло иначе.

Шериф Уилер собрал несколько человек и повез их тушить пожар в старом грузовичке по тряской лесной дороге, но, когда

они добрались до места, спасать было уже нечего. Пока четверо из шести мужчин пытались сбить пламя из брандспойтов, шериф Уилер и его помощник Макс Эдерман обошли дом вокруг.

Пути внутрь дома не было. Они стояли перед стеной огня, пытаясь рассмотреть в пламени хоть что-нибудь, морщась от яркого света и дыма.

— Они могли, могли уйти,— кричал Макс сорванным на ветру голосом.

Шериф Уилер был в ужасе.

— Мальчик,— шептал он, но Макс его не слышал.

Только очень сильный ливень мог бы потушить этот полыхающий старый дом. Все шестеро долго еще ходили вокруг дома с брандспойтами, стараясь тушить хотя бы загоравшиеся ветки деревьев. Их мрачные фигуры бродили по краю сплошной полосы огня, мужчины поливали водой случайные языки пламени.

Мальчик нашелся, когда вершины холмов на востоке осветились северным рассветом.

Шериф Уилер подошел поближе к горящему дому, стараясь заглянуть в одно из окон, как вдруг в стороне послышался крик. Повернувшись, он побежал вперед, не разбирая дороги, среди стволов высоких деревьев, дальше в чащу леса. Прежде чем он успел всмотреться во что-нибудь, перед ним выросла фигура Тома Полтера. Почтальон, согнувшись, пошатывался от веса Паала Нильсена.

— Где ты нашел его? — спросил Уилер, разглядев ребенка на спине старика.

— Внизу под холмом,— ответил Полтер.— Он лежал на земле.

— Он обгорел?

— Не похоже на то. Его пижама цела.

— Давай его мне.

Шериф протянул к ребенку свои крепкие руки и увидел два огромных зеленых детских глаза, беспомощно и удивленно глядящих на него.

— Да ты очнулся,— изумился Гарри.

Мальчик продолжал безмолвно смотреть на него своими блестящими, переливающимися глазами.

— Сынок, что с тобой? — спросил Уилер.

Ему казалось, что он держит на руках статую. Тело мальчика было неподвижным, его чувства точно застыли.

— Нужно завернуть его в одеяло,— бросил старику шериф и побежал с ребенком на руках вниз, к машине. Когда он бежал мимо горящего дома, то обратил внимание, как мальчик смотрел на огонь — его лицо оставалось бесстрастным, только то же изумление в широко раскрытых детских глазах.

— Шок,— прошептал старый Полтер, и шериф мрачно кивнул.

Они уложили мальчика на сиденье в машине, завернув в одеяло. Он поднялся и сел. Он молчал. Кофе, которым пытался напоить ребенка Уилер, стекал с детских губ и подбородка. Двое мужчин стояли по сторонам грузовика, а Паал безмолвно смотрел на горящий дом.

— Плох он совсем,— сказал Полтер,— говорить не может и даже не плачет.

— Он не обгорел,— задумчиво сказал Уилер.— Как он мог вообще выйти из дому, совершенно не обжегшись?

— Может, его родители тоже спаслись,— сказал Полтер.

— Тогда где же они теперь?

Старик покачал головой:

— Плохо дело, Гарри.

— Лучше уж я отвезу его домой, к моей Корс.— Шериф задумался о чем-то.— Нечего ему сидеть тут и смотреть на все это.

— Мне тоже лучше всего поехать в город,— отозвался Полтер,— ты уж освободи меня, отпусти домой.

— Хорошо.

Уилер сказал всем остальным, что он приедет через час с продуктами и со сменой. Потом Полтер и шериф сели в кабину по сторонам от мальчика. Полтер нажал на газ, грузовик немного покряхтел, потом двинулся с места. Шериф любил эту машину за то, что в ней было тепло, а не за хороший ход.

Дорога медленно петляла среди холмов и наконец вышла к шоссе.

Пока горящий дом не скрылся из виду, Паал, обернувшись, смотрел в заднее окошечко на огонь. Затем он медленно повернулся, и одеяло соскользнуло с его худых детских плеч. Том Полтер заботливо закутал ребенка и ласково спросил его:

— Тепло тебе так?

Молчаливый мальчик окинул Полтера таким взглядом, точно ему никогда раньше не доводилось слышать человеческого голоса.

Как только на улице послышался шум мотора, Кора Уилер правой рукой включила плиту, а левой схватила сковородку, и, прежде чем шаги ее мужа раздались в прихожей, бекон и оладьи из взбитого теста были уже поджарены, а кофе — готов.

— Гарри!

Она задохнулась от удивления и жалости, когда увидела ребенка на руках у мужа. Она невольно подалась вперед.

— Я думаю, что его нужно срочно уложить в постель,— сказал Гарри своей жене,— я думаю, что у него шок.

Хрупкая женщина, покачнувшись отчего-то, побежала к спальне, в которой раньше спал Дэвид, и распахнула настежь ее дверь. Когда Уилер появился на пороге, она уже расправляла теплые одеяльца, взбивала подушки и даже принесла откуда-то в постель электрическую грелку.

— Он ранен? — спросила Кора.

— Нет.— Гарри уложил ребенка в кровать.

— Мой бедненький,— прошептала она, поправляя одеяло вокруг мальчика и стараясь уложить его поудобнее.— Мой бедный малыш!

Она откинула с его лба двумя пальцами нежные белокурые кудри и склонилась к ребенку, улыбаясь:

— Теперь, мой хороший, нужно спать. Все в порядке, и тебе нужно спать.

Уилер стоял рядом с ней и видел семилетнего мальчика, того же самого, которого он недавно нашел в лесу, с тем же удивленным выражением лица. Это выражение нисколько не изменилось с тех пор, как мальчика вынесли из леса.

Шериф повернулся и вышел на кухню. С кухни он позвонил и договорился насчет подмоги, а после этого взялся за оладьи и бекон. Он сам налил кофе себе в чашку и уже пил его, когда Кора вошла в кухню и остановилась напротив него.

— Его родители?..— начала она.

— Я ничего не знаю,— ответил Уилер.— Нам не удалось войти в дом.

— Но мальчик...

— Том Полтер нашел его в стороне.

— В стороне...— как эхо повторила Кора.

— Мы не знаем, как он выбрался из дома,— сказал шериф.— Единственное, что о нем известно,— это то, что он теперь здесь.

Кора молчала. Она выложила ему на тарелку еще горячих оладий и поставила тарелку перед ним. Затем погладила мужа по плечу.

— Ты неважно выглядишь,— заметила она.— Не хочешь ли прилечь?

— Потом,— отозвался Уилер.

Она удивилась, пожала плечами и пошла из кухни.

— Там, на сковородке, еще есть горячий бекон,— сказала она.

Он немного помолчал, поводил вилкой по оладье и сказал:

— Я думаю, что они мертвы, Кора. Пламя было просто адское, пожар все еще продолжался, когда я уезжал оттуда. Мы совсем ничего не смогли для них сделать.

— Ох, бедный мальчик,— вздохнула Кора.

Она стояла на пороге, глядя, как ее муж ест.

— Я попыталась поговорить с ним,— сказала она вдруг, подняв голову,— но он не сказал мне в ответ ни слова.

— И нам он тоже не сказал ни слова,— ответил ей Уилер,— только таращился своими глазищами.

Он уставился в пол, прожевывая кусок.

— Сдается мне, Кора, что он вообще не умеет говорить.

После десяти часов утра начался ливень, и горящий дом залило потоками воды. Остались только почерневшие, кое-где дымящиеся руины.

Сонный шериф Уилер с красными глазами неподвижно сидел в кабине грузовика, ожидая, пока потоп не схлынет. Потом он глубоко зевнул, открыл дверцу машины и спрыгнул на землю. Он поднял воротник плаща и надвинул свою широкополую шляпу на самые скулы. Шериф прошелся вокруг грузовика и крикнул:

— За мной!

Голос его прозвучал хрипло. Люди повыпрыгивали из кузова и потащились к дому сквозь слякоть и грязь.

Парадная дверь еще стояла на месте. Уилер и его люди обошли ее и вскарабкались на полуразрушенную стену бывшей гостиной дома Нильсенов. Они вошли внутрь через этот пролом, и шериф почувствовал вокруг себя тепло от еще тлеющих потолочных балок и вонючий пар от курящихся бревен, кото-

рый забивал ему легкие. Кобура на поясе неудобно врезалась ему в живот.

Он перешагнул через несколько полуобгоревших книг, лежащих на ковре, и переплеты хрустнули у него под ногами. Он продолжал идти внутрь холла, стараясь дышать ртом сквозь плотно стиснутые зубы. Дождь лил по его плечам и спине. «Я верю, что они ушли отсюда,— подумал он,— я верю, что Бог помог им уйти отсюда!»

Но нет, они не ушли. Они все еще лежали в своей кровати — больше не люди, обгоревшие дочерна, скрученные вместе, хрупкие. Лицо шерифа Уилера побледнело и передернулось, когда он взглянул на них — на то, что от них осталось.

Один из его людей ткнул мокрой веточкой во что-то на матрасах.

— Глядите, трубка,— расслышал Уилер его слова сквозь шум дождя,— должно быть, мужчина уснул, а трубка тлела.

— Принесите сюда какое-нибудь одеяло,— сказал Уилер,— отнесите их в кузов грузовика.

Двое из его людей пошли наружу, и он услышал, как они шагают по битому шебню и головешкам.

Он был не в состоянии поднять глаза на то, что осталось от профессора Нильсена и его жены Фанни. Это нечто было дьявольской, гротескной усмешкой над прекрасной парой, которую так хорошо запомнил Уилер: высокий, мощный Холгер, спокойный и властный; хрупкая Фанни, с пышной копной каштановых кудрей, нежная, розовощекая...

Шериф резко отвернулся и пошел, спотыкаясь, из комнаты. Солнце почти не проникало сюда, и он то и дело натыкался на рухнувшие балки.

Мальчик — что теперь будет с ним? Вчера Паал впервые покинул свой родной дом, остался без родителей, которые были для него опорой,— Уилер знал об этом очень хорошо. Что же странного, если шок и удивление не сходили с лица мальчика? Но как тогда он узнал о том, что его мать и отец мертвы?

Когда шериф шел через бывшую гостиную, он увидел, что один из его помощников разглядывает полуобгоревшую книжку.

— Взгляните сюда,— сказал мужчина, протягивая книгу Уилеру.

Уилер взглянул на обложку, прочитал заглавие: «Неизвестное сознание».

Он напряженно отвернулся.

— Брось ее! — скомандовал он человеку, выходя из дома длинными, быстрыми шагами. Память о том, как раньше выглядели Нильсены, мучила его, и еще одно не оставляло его в покое.

Как Паал выбрался из горящего дома?

Паал проснулся.

Он долго всматривался в неясные тени, танцующие на потолке. Снаружи шел дождь. Наверное, ветер качал верхушки деревьев за окном, и от этого тени наполняли своими таинственными танцами эту незнакомую комнату. Паал тихо лежал под одеялами в кровати, и холодный воздух входил в его легкие — холодный, если сравнить его с распаленными со сна щеками.

Где же они все-таки? Паал закрыл глаза и постарался ощутить их присутствие. Их точно не было в этом доме. Тогда где же они? Где его отец и мать?

«Руки моей матери». Паал очистил мысли от всего остального и сосредоточился на этом пусковом символе. Руки появились из тьмы, точно покоясь на черном бархате его сосредоточенности,— светлые, прекрасные руки, такие нежные и теплые, когда они касались его. Эта простая уловка очищала его сознание за считаные секунды.

В его родном доме не было никакой нужды в этом. Его родной дом слышал его и помогал ему: любой предмет в нем, сам воздух этого дома имел власть приносить ясность его мыслям. Вместе с ощущениями Паала менялся его прежний дом, помогая ему сохранить сосредоточенное внимание.

Но здесь все обстояло иначе. Он нуждался в особенных усилиях воли, чтобы заставить себя отрешиться и сосредоточиться.

«Итак, я думаю, что каждый ребенок имеет от рождения эту инстинктивную способность». Слова отца вспомнились ему и представились чем-то вроде росистой паутины на пальцах рук матери. Он мысленно снял эту паутину, и руки стали снова свободными. Они медленно разводили тьму его ментального фокуса. Глаза мальчика были прикрыты. Лоб избороздился упрямыми линиями, свидетельствующими о крайней степени сосредоточенности. Стиснутые губы были бескровны. Уровень сознания, точно уровень воды, быстро поднимался.

Он почувствовал себя в полном порядке, неподвластным ничему извне.

Звуки снаружи сплетались в прихотливую путаницу. Он слышал шорох, журчание и стук дождя, пение ветра в воздухе, шум и скрип веток, гудение воздуха на чердаке дома: каждый звук свидетельствовал о каком-то явлении, появлялся и пропадал.

Чувство обоняния приносило ему множество резких запахов — дерева и шерсти, сырости и пыли, сладкий запах крахмального белья. Его напряженные пальцы ощущали тепло и холод, вес одеяла, нежное, ласкающее прикосновение простыни. Он ощущал во рту вкус холодного воздуха, запах жилья. Все это он чувствовал, не открывая глаз.

Молчание, никакого ответа. До этого ему ни разу еще не приходилось ждать отклика так долго. Обычно они с легкостью и сразу же отвечали ему. Руки его матери были так чисты и близки! В них пульсировала ее жизнь.

Не получив никакого ответа, он стал подниматься еще выше. «Этот основной уровень сознания представляет собой величайший феномен». Слова отца. Паал никогда раньше не пытался пробиться сквозь этот основной уровень сознания.

Еще, еще — точно прохладные руки поднимали его в тонкую и разреженную высоту. Он пытался пробиться еще выше, к самым вершинам, сквозь какую-то пелену. Руки разогнали эту пелену. Пелена исчезла.

Ему показалось, что он несется вперед, к черному остову своего родного дома, и дождь блестящими струйками мелькает у его глаз. Он увидел перед собой парадную дверь, все еще стоящую на месте, точно в ожидании его руки. Дом придвинулся. На миг все точно заволоклось какой-то мглой. Ближе, ближе...

— *Паал, нет!*

Его тело содрогнулось в кровати. Мозг обдало холодом. Дом внезапно исчез, унося с собой две ужасные черные фигуры, лежащие на...

Паал содрогнулся еще раз, неподвижно глядя перед собой, с застывшим, точно маска, лицом. Его сознание вихреобразно вернулось в прежнее состояние. Он запомнил из всего увиденного только одно. Он знал, точно знал, что они как-то вышли из горящего дома, что их там нет. Что они вывели оттуда его, спящего.

Все равно. Даже если они и сгорели.

Вечером стало ясно, что мальчик не умеет разговаривать. Это было необъяснимо, для этого не существовало никаких видимых причин. Его язык был в порядке, горло выглядело абсолютно здоровым. Уилер сам осмотрел мальчика и убедился в этом. Но Паал молчал.

— Ничего не поделаешь, так уж оно случилось,— сказал шериф.

Он устало склонил голову вниз. Мальчик уже спал.

— О чем ты говоришь, Гарри? — спросила Кора, причесывая свои темно-русые волосы перед настольным зеркалом.

— Немного раньше мы с мисс Франк пытались уговорить Нильсенов отправить мальчика в школу.— Он перебросил свои брюки через спинку кресла.— Но ничего не добились. А теперь мне ясно почему.

Она взглянула на его отражение в зеркале и сказала:

— Может быть, ему сейчас очень плохо, Гарри.

— Можно попросить доктора Стейгера осмотреть мальчика, но я думаю, что это бесполезно.

— Но они же были образованные люди,— возразила Кора.— Ты думаешь, они что, не смогли бы научить его говорить? Скорее, у них были причины, по которым они не хотели делать этого.

Уилер покачал головой.

— Они были странными людьми, Кора,— сказал он,— из них самих слова было не вытянуть. Кто знает, могли они сами толком разговаривать? — Он недовольно хмыкнул.— Чего же удивляться, что они не хотели отдавать мальчика в школу.

Он уселся на кровать, потянулся и стал стягивать с ног длинные носки.

— Что за день такой,— пробормотал он.

— Вы ничего не нашли в доме?

— Ничего, совсем ничего. Никаких бумаг не уцелело. Дом сгорел почти до основания. Ничего, кроме вязанки полуобгоревших книжек, да и те ничего не объяснили.

— А еще что-нибудь? Неужели же нельзя ничего предпринять?

— Нильсены не были связаны ни с кем в городе и даже не считаются нашими горожанами, потому что не зарегистрированы в городских списках.

— Ох, господи!

Кора взглянула на свое отражение в овальном зеркале. Потом ее взгляд остановился на фотографии, стоящей на туалетном столике: Дэвид, ее сын, в возрасте девяти лет. Сын Нильсенов был так похож на Дэвида, подумалось ей. Почти тот же вес и рост. Может быть, у Дэвида волосы были чуть потемнее.

— Что же теперь будет с ним, с мальчиком? — спросила она.

— Трудно сказать, Кора,— ответил Уилер,— я думаю, что нам придется подождать до конца этого месяца. Том Полтер сказал, что в конце каждого месяца Нильсены получали по три письма — вроде бы из Европы. Нам придется дождаться этих писем и потом отправить их назад, адресатам. А мальчишка пусть побудет тут, пока не отдохнет и не поправится.

— Европа,— повторила Кора,— как же это далеко отсюда!

Ее муж хмыкнул, затем поднял одеяло и тяжело плюхнулся в кровать.

— Устал я,— пробормотал он и уставился в потолок.

— Ступай-ка спать,— сказал он жене, помолчав.

— Немного погодя, хорошо?

Она сидела у зеркала и расчесывала свои длинные тяжелые волосы, пока дыхание мужа не превратилось в сонное похрапывание. Подождав еще немного, она поднялась и тихо прошла через холл.

Река лунного света текла по детской кровати. Нежные голубовато-розовые блики омывали маленькие неподвижные руки спящего Паала. Кора стояла в тени у порога, глядя на эти беспомощные детские руки, не в силах шевельнуться. На миг ей показалось, что Дэвид снова спит в своей кровати.

Это были звуки.

Частыми ударами они разрывали яркие потоки его мыслей, они врывались в мальчика оглушающим гулом и грохотом. Он уже понял, что это какое-то неизвестное ему средство связи, но оно лишь забивало ему уши, а поток сознания непрерывно нарушался и обрывался, словно наталкиваясь на упрямую стену.

Иногда, в редкие минуты тишины и молчания, он ощущал проломы в этой стене и, ловя момент, устремлял свои мысли вперед — словно зверек, чующий запах добычи, перед тем как железные замки его ловушки с лязгом сомкнутся.

Но затем звуки начинали снова падать на него ритмичными ударами, раздражающие и скрипучие звуки, трущиеся о ясную

поверхность его мышления, пока мышление не становилось сухим, болезненным и спутанным.

— Паал,— говорила она.

Прошла неделя, прошла еще одна неделя, пока наконец не пришли письма из Европы.

— Паал, неужели они даже не разговаривали с тобой? Паал?

Точно грубыми кулаками ударили в уши. Точно его вытягивали из себя самого сильными руками.

С ним не было ничего плохого в физическом смысле, доктор Стейгер сказал, что совершенно уверен в этом, и мальчик должен был научиться говорить.

— Мы научим тебя, Паал, все будет хорошо, мой дорогой. Мы научим тебя.

Ему казалось, что волны его сознания режут ножом: Паал, Паал, Паал.

Паал. Это был он сам. Он сразу понял это. Но сам звук, унылый и мертвый, тусклый и ни с чем не связанный, был совершенно чужд ему. В этом звуке не было никаких ассоциаций и напоминаний, ничего от него самого. Но настоящее его имя было более чем просто словом — это имя было им самим. Это имя воплощало его личность, его представления о себе самом, о своих родителях, обо всей его жизни. Когда мать и отец звали его или мысленно говорили с ним, его имя было гораздо важнее и интереснее, чем короткий неуклюжий звук, который постоянно звучал рядом с ним. Все было тесно сплетено в его настоящем имени, не выразимом в звуках.

— Паал, разве ты не понимаешь меня? Это твое имя, Паал Нильсен. Паал Нильсен. Разве ты не понимаешь меня?

Беспокойная, назойливая толкотня одного и того же звука, непереносимая для чувств. Паал. Звук снова и снова ударялся в него. Паал. Паал. Звук старался овладеть его вниманием, вовлечь его в унылый и бессмысленный хоровод других звуков.

— Паал, ну постарайся же! Паал. Повторяй за мной. Паал. Паал.

Вырвавшись прочь от нее, он убежал в ужасе, и она отыскала его в кровати своего сына, с перепугу укрывшегося одеялом с головой.

Потом, спустя некоторое время, восстановился мир. Она крепко обняла его. Ей уже стало ясно, что говорить не надо, и

она молчала. Теперь упрямая толкотня звуков не нарушала течения его мысли, жизни его сознания. Она ласково перебирала рукой его волосы и целовала его в залитые слезами щеки. Он согрелся ее теплом, его мысли, точно испуганные рыбки, вернулись в свое обычное русло, и теперь он почувствовал, что понимает обнимающую его женщину. Чувства не нуждались в звуках.

Он ощущал только ее любовь — бессловесную, нежную и прекрасную!

Шериф Уилер как раз собирался выходить из дома, когда раздался телефонный звонок. Он стоял на пороге, а Кора бросилась к телефонной трубке.

— Гарри,— услышал он ее голос,— ты еще не ушел?

Он вернулся на кухню и взял у нее трубку:

— Уилер слушает.

— Это Том Полтер, Гарри,— отозвался почтальон,— письма из Европы уже пришли.

— Я сейчас буду,— сказал он и бросил трубку.

— Письма? — спросила его жена.

Уилер кивнул.

— О боже,— прошептала она, точно он тяжко обидел ее.

Когда Уилер вошел на почту, Полтер протянул ему из-за стойки три письма. Шериф взял их в руки.

— Швейцария,— осмотрел он почтовые марки,— Швеция, Германия.

— Вот и все,— сказал Полтер,— столько же, сколько и всегда. Три письма в конце месяца.

— Думаю, их нельзя распечатывать,— сказал Уилер.

— Ты же знаешь, что я не отказал бы тебе, Гарри,— ответил ему на это Полтер.— Но закон есть закон. Я должен отправить их назад нераспечатанными. Это закон.

— Хорошо.— Уилер достал свою ручку и переписал адреса с трех конвертов к себе в записную книжку. Затем он протянул письма старому почтальону: — Спасибо тебе.

Когда часа в четыре он вернулся домой, Кора сидела в гостиной с Паалом. На лице ребенка отражались смешанные чувства: желание угодить и понравиться вместе с боязливой решимостью бежать от смущающих звуков. Он сидел рядом с ней на диване и выглядел так, точно готов был вот-вот разрыдаться.

— Ох, Паал,— говорила она, когда Уилер входил в комнату. Она обнимала испуганного мальчика.— Тебе нечего бояться, мой милый.

Тут Кора увидела своего мужа.

— Что они с ним сделали? — с мукой в голосе спросила она.

Шериф покачал головой.

— Не знаю,— ответил он,— его нужно отдать в школу.

— Нет, не нужно отдавать его в школу! Взгляни на него,— возразила Кора.

— Мы никуда его не отдадим, пока не узнаем, что к чему,— ответил Уилер,— а вечером я сяду и напишу письма по тем адресам в Европу.

В молчании Паал почувствовал сильную вспышку чувств женщины и быстро взглянул в ее лицо.

Боль. Он почувствовал, что боль льется из нее, как кровь из открытой раны.

Пока они все трое молчали, он ощущал, как женщину переполняет печаль. Казалось, что он слышит далекие рыдания. Поскольку молчание продолжалось, ему удалось поймать всплески воспоминаний в ее сочащихся болью мыслях. Она видела лицо другого мальчика. Только это лицо исчезло, став неясным, в ее мыслях появилось его собственное лицо. Два лица, призрачно двоясь и сливаясь, сменялись в ее мыслях, точно боролись одно с другим.

Внезапно все исчезло, точно провалилось в черную дыру, потому что женщина проговорила:

— Да, ты должен написать им, Гарри,— так мне кажется.

— Я знаю, что должен, Кора,— ответил шериф.

Молчание. Снова поток боли. И когда она отвела его в спальню, мальчик посмотрел на нее с такой нежностью и жалостью, что она поспешно отвернулась от кровати. Он чувствовал волны ее печали до тех пор, пока шаги ее не затихли где-то в глубине дома. И даже когда она ушла от него, он не переставал слышать ее жалобное отчаяние, бродящее по сонному дому,— так же отчетливо, как он слышал полет ночной птицы за окном, шум далеких ее крыльев.

— О чем ты им напишешь? — спросила Кора.

Уилер глянул на нее поверх стола, и полночь проиграла свою мелодию на часах в гостиной. Кора пересекла комнату и подо-

шла к нему. Она поставила перед ним чашку, и свежий запах кофе ударил в ноздри Уилера.

— Просто сообщаю им о том, что случилось,— ответил Гарри,— о пожаре, о смерти Нильсенов. Спрашиваю у них, не знают ли они чего о родственниках ребенка, не родня ли ему они сами.

— А что, если эти его родственнички еще хуже его родителей?

— Ну же, Кора,— сказал он, чуть не разлив кофе,— я-то думал, что мы с тобой уже все обсудили. Это не наше дело.

Она упрямо сжала губы.

— Испуганный до полусмерти ребенок — это мое дело! — со злостью сказала она.— А что, если...

Она оборвала свои слова, потому что Уилер терпеливо взглянул на нее, ничем не обнаружив своих чувств.

— Ну хорошо,— сказала она, отворачиваясь от него,— ты прав.

— Это не наше дело.— Он не стал смотреть на ее дрожащие губы.

— Он до сих пор не может говорить, а мог бы скоро научиться! Он боится призраков, теней, я не знаю чего!

Она резко отвернулась.

— Но это же преступление! — крикнула она, любовь и ненависть смешались в ней вместе.

— Успокойся, Кора, это пройдет у тебя,— негромко сказал Гарри,— и мы не должны забывать о своем долге.

— О своем долге,— повторила она слова мужа безжизненным голосом.

Она долго не могла уснуть. Их разговор с Гарри не занимал уже ее, и она лежала молча и глядела в потолок. По потолку бежали тени, и ей вспомнилась давняя сцена.

Летний день, время к вечеру, звонок дверного колокольчика. На пороге стоят мужчины, и среди них — Джон Карпентер, а в его руках — что-то завернутое в одеяло. Лицо у Джона совсем бледное. Все молчат, только капли воды падают из этого одеяла на дощатый пол — медленно, точно удары сердца, стучат и стучат по полу в прихожей.

— Они плавали в озере, ваш маленький Уилер и...

Она содрогнулась от рыданий на своей кровати и долго еще дрожала, не в силах совладать с собой и с охватившим ее горем.

Руки ее безвольно лежали вдоль тела, подрагивая от нестерпимых воспоминаний. Столько лет, столько лет ждать ребенка, который снова принес бы радость в их опустевший дом!

Во время завтрака Кора выглядела очень сонной, глаза ее потемнели и впали. Она двигалась по кухне, разогревая еду, готовя яичницу и разливая кофе, в полном молчании.

Потом Гарри поцеловал ее на прощание, и она встала у окна в гостиной, глядя, как он выходит из дому и садится в машину. Потом он уехал со двора, оставив у скобы почтового ящика три конверта.

Когда Паал спустился вниз, он улыбнулся ей. Она поцеловала его в щеку, потом стояла напротив него, молча наблюдая за тем, как он пьет апельсиновый сок. Он сидел на своем стуле и держал свой стакан точно так же...

Пока мальчик завтракал, она спустилась вниз к почтовому ящику и забрала три письма, оставленные Уилером, заменив их на три своих собственных. Если даже ее муж спросит почтальона, тот ответит, что он забирал сегодня утром три письма из этого дома.

Паал ел яичницу, а она спустилась в подвал и сунула письма в печку. Сначала сгорело письмо в Швейцарию, потом — письмо в Швецию, потом — письмо в Германию.

Кора перемешала пепел кочергой, чтобы мельчайшие клочки обгоревшей бумаги рассыпались навеки, как легкие черные конфетти.

Недели шли за неделями, и каждый день его сознание слушалось его все меньше и меньше.

— Паал, дорогой мой, как же ты не понимаешь?

Ее терпеливый и любящий голос. Он нуждался в этом голосе и боялся его.

— Хочешь сказать что-нибудь мне? Просто для меня? Паал?

Он знал, что в ней нет ничего, кроме любви к нему, но звуки ее голоса разрушали его. А сковать его ум было все равно что связать веревками ветер.

— Ты хочешь пойти в школу? Паал? В школу?

Ее лицо было грустным и тревожно-беспокойным.

— Постарайся заговорить со мной, Паал, только заговорить!

Он с тоской отгонял прочь звуки ее речи. Лишь когда она замолкала, он мог проникнуть в ее мысли. Звуки только облекали ее чувства в плоть слов. Мысли и чувства соединялись со звуками. Это соединение смысла и слова происходило пугающе быстро. Он изо всех сил сопротивлялся этому. Ему казалось, что утонченные, ясные значения точно заворачиваются в неуклюжее тесто звуков, а потом запекаются в короткие уродливые слова.

Боясь этой женщины и ощущая постоянную потребность в ее живом тепле, в ласке ее рук, он, как маятник, метался от страха к необходимости и снова возвращался к страху.

Звуки поневоле укорачивали и огрубляли его мысли.

— Мы больше не можем ждать, когда он заговорит,— заявил Гарри,— мы должны отправить его в школу.

— Нет,— ответила Кора.

Он опустил вниз газету и посмотрел на нее. Она вязала в кресле на другом конце гостиной и следила глазами за своими движущимися спицами.

— Почему ты так говоришь? — спросил он раздраженно.— Как только я завожу речь о школе, ты говоришь мне «нет». Почему это он не может пойти в школу?

Спицы остановились и упали к ней на колени. Кора молча смотрела на свои руки.

— Я не знаю,— ответила она после паузы.— Но только это действительно так. Это правда так, ему не надо идти в школу.

— Он пойдет в школу в понедельник,— сказал Гарри.

— Но он испугается,— возразила она.

— Конечно испугается. Ты бы тоже чувствовала себя неважно, если бы все вокруг тебя говорили, а ты не могла бы ответить ни слова. Но он нуждается в обучении, и это все.

— Но он вовсе не невежда, Гарри. Я... Я знаю, что он иногда понимает меня без всяких слов.

— Как это — без слов?

— Я не могу тебе ничего объяснить. А Нильсены не были глупыми людьми. Они не просто так отказались отдавать его в школу.

— Ну, если они и учили его чему-нибудь, по нему этого не скажешь,— сказал Гарри, снова разворачивая свою газету.

Когда они договорились с мисс Эдной Франк о встрече, она уже была настроена враждебно и пристрастно.

Этот Паал Нильсен был воспитан скверным образом, ей это было ясно, но старая дева решила ничем не выдавать своей позиции. Мальчик нуждался в помощи. Все равно его жестокие родители погибли, и мисс Франк решительно направилась в офис.

Энергично спускаясь по главной улице Даймон Корнерс, она вспоминала давнюю сцену в доме Нильсенов, когда она вместе с шерифом Уилером пыталась уговорить их отдать ребенка в школу.

Какое самодовольное выражение было на их лицах, со злорадством припомнила она. Какое уничтожающее презрение. «Мы не будем отдавать нашего сына в школу»,— слышала она снова слова профессора Нильсена. Именно так он и выразился, прошептала про себя мисс Франк. Дерзко и нагло. «Мы не будем!» — отвратительное позерство!

Ну, в конце концов мальчик избавился от них. Этот пожар, может быть, был благословением всей его жизни, думала она.

— Мы написали письма в Европу четыре или пять недель тому назад,— объяснял шериф,— и все еще не получили никакого ответа. Мы не можем оставлять мальчика в его теперешнем состоянии на произвол судьбы. Он нуждается в обучении.

— Конечно, это так и есть,— заявила мисс Франк.

Ее сухие и некрасивые черты выражали обыкновенную для нее непреклонную уверенность в том, что она говорила. Острый подбородок, пучок волос из бородавки над верхней губой. Когда дети в Даймон Корнерс проходили мимо ее дома, то старались смотреть или в небо, или в стороны и ускоряли шаги.

— Он очень робкий,— сказала Кора, чувствуя, что старая дева жестока.— Он очень сильно испугался. Он нуждается в большом терпении и понимании.

— Он получит все это,— объявила мисс Франк,— но позвольте мне взглянуть на мальчика.

Кора вывела Паала вперед, нежно его уговаривая:

— Не бойся ничего, мой милый, тебе нечего здесь бояться.

Паал вышел на середину комнаты и взглянул в глаза мисс Эдны Франк.

Только Кора почувствовала, как вздрогнул мальчик — точно перед ним вместо пожилой старой девы стояла горгона Медуза

со змеями вместо волос на голове. Мисс Франк и шериф не заметили, как сверкнули радужные оболочки ярко-зеленых глаз ребенка, как вздрогнули уголки его рта. Никто из собравшихся не смог понять и страшной паники, охватившей его мысли.

Мисс Франк сидела улыбаясь, протягивая руку вперед, к мальчику.

— Иди сюда, дитя мое,— сказала она, и в одно мгновение ворота его сверхвосприятия захлопнулись, оставив в нем только дрожь и боль.

— Иди, мой милый,— сказала Кора.— Мисс Франк здесь, чтобы помочь тебе.

Она легонько подтолкнула мальчика вперед, чувствуя, как он дрожит под ее руками.

Снова повисло молчание. Паал чувствовал себя так, точно попал в старый, много веков тому назад запечатанный склеп. Мертвый ужас кружился вокруг него, призраки крушений надежды скользили в его сердце, вихри ненависти и зависти обступали его со всех сторон. Все эти кошмарные чувства были созданиями оскорбленной памяти. Это было очень похоже на чистилище, ад, который однажды показал ему отец, когда рассказывал ему мифы и легенды древности. Но все это не было легендой!

Ее прикосновение было сухим и холодным. Темный скрученный ужас пробежал по его венам, перелился в него из этой сухой и твердой, как деревяшка, руки. Неожиданно он чуть не застонал. Их глаза снова встретились, и Паалу снова показалось, что он видит насквозь ее мозг.

Затем она заговорила, отпустив его на свободу — снова безвольного и беспомощного.

— Я думаю, что мы с ним поладим,— сказала она.

СМЕРТЬ!

Он покачнулся на ногах и снова вцепился в жену шерифа.

Всю дорогу через школьный двор это возрастало, возрастало так, точно прямо на него двигался смерч, пульсируя и кружась. Ближе, еще ближе — тонкие перегородки слуха напряглись, готовые лопнуть от близости неведомой разрушительной силы. Несмотря на то что его слух постоянно подвергался нападениям звуков и шумов последние несколько месяцев, этот шум был громче и сильнее, чем все, что ему доводилось слышать раньше. Этот шум, казалось ему, пронизывал его насквозь.

Это шумели мальчишки.

Затем дверь класса отворилась, голоса смолкли, и водоворот детских мыслей закружился вокруг него дикими и необузданными волнами. Он прижался к Коре, пальцами держась за рукав ее блузки, его блестящие глаза расширились, он судорожно задышал. Затем он вгляделся в ряды детских лиц перед ним и отбросил прочь беспокойные, буйные вихри чужих мыслей, отгородился от них.

Мисс Франк отодвинула свое учительское кресло, шагнула вниз со своего шестидюймового возвышения и встала в проходе между партами.

— Доброе утро, дети,— бодро сказала она,— сейчас мы начнем наши сегодняшние занятия.

— Я надеюсь, что все будет хорошо,— заметила Кора.

Она оглядела класс. Паал смотрел на школьников сквозь навернувшиеся на его глаза слезы.

— Ох, Паал! — Кора наклонилась к нему и погладила его по светлым кудрям. Ее лицо стало беспокойным.— Паал, не бойся ничего, милый,— ласково проговорила она.

Он пусто и холодно взглянул на нее.

— Мой милый, ничего страшного...

— Теперь оставьте его здесь,— перебила Кору мисс Франк, положив свою руку на плечо Паала. Она не обратила никакого внимания на внезапную дрожь в детском теле.— Ему больше нечего делать дома, миссис Уилер, и вы должны оставить его здесь.

— О, но...— начала было Кора.

— Нет, поверьте мне, это единственный способ,— не стала слушать ее мисс Франк.— Пока вы будете держать его при себе, все останется по-прежнему. Поверьте мне. Я и раньше сталкивалась с такими явлениями.

Сначала он не хотел отпускать от себя Кору. Он вцепился в нее изо всех сил, потому что она была единственным знакомым ему существом во всем этом новом и шумном мире. Только когда крепкая и сухая рука мисс Франк завладела им, Кора медленно и неохотно ушла, прикрыла за собой дверь и унесла от Паала свою нежную жалость.

Он стоял совсем один, дрожа от ужаса, не в силах произнести ни слова, чтобы попросить о помощи. Смешавшись, его мысли могли бы снова быстро прийти в равновесие, но в бесконеч-

ных хаотических потоках мыслей целого класса его умение охранять свое сознание было утеряно. Он развернулся и попытался выбежать в дверь, чтобы хоть как-то спасти себя. В его силах было оставить этот водоворот, терзающий его, пока последняя волна этого водоворота не лишила его рассудка.

— Ну, Паал,— услышал он голос мисс Франк. Ее рука грубо схватила его за плечо и силком отволокла от двери.— Иди сюда!

Он не понял ее слов, но смысл ее речей был ему понятен, а заряд раздражения и враждебности, исходящий от нее, не вызывал никаких сомнений. Он споткнулся, стоя рядом с ней, пробираясь тонкой тропинкой своего сознания сквозь беспорядочный поток живых ребяческих мыслей — они представляли собой странную смесь тупых формальных клише и убогих, скудных чувств.

Мисс Франк вывела его перед классом. Ему казалось, будто чувства детей вокруг него были руками, толкающими и хватающими со всех сторон его тело.

— Это Паал Нильсен, дети,— объявила мисс Франк, и звук резко перекрыл беспокойные потоки чужих мыслей.— Мы должны быть очень терпеливыми с этим мальчиком. Вы видите, что его отец и мать не научили его говорить.

Она взглянула на ребенка сверху вниз так, точно была общественным обвинителем в суде, обнаружившим при всех вину некоего преступника.

— Он не понимает слов английского языка,— сказала она.

Молчание на секунду, брезгливая гримаса мисс Франк. Она всей своей костлявой кистью сжала плечо ребенка.

— Хорошо, мы поможем ему научиться говорить, так, класс?

По рядам парт пробежал ропот и шепот. Кто-то тонким голосом пропищал:

— Да, мисс Франк.

— Ну, Паал,— сказала она повелительно. Он не повернулся к ней. Тогда она еще сильнее сжала его плечо.— Паал!

Мальчик взглянул на нее.

— Можешь ты сказать нам свое имя? — спросила мисс Франк.— Паал? Паал Нильсен? Подними голову. Скажи нам, как тебя зовут.

Ее пальцы впились в него, точно железные крючья.

— Говори: Паал. Паал.

Он всхлипнул. Мисс Франк немного ослабила свою хватку.

— Ты еще научишься,— с притворной ласковостью сказала она. Ее ничто не могло обескуражить.

Он сидел посередине класса, точно червяк на крючке среди течения, бурлящего раскрытыми ртами, ртами, ртами, которые беспрерывно издавали бессмысленные звуки.

— Это корабль. Корабль плывет по морю. Люди, которые живут на корабле, называются матросами.

Эти слова были напечатаны в букваре рядом с картинкой.

Паал вспомнил картины, которые показывал ему отец. Это тоже были картины с кораблями, но его отец не произносил безобразных коротких слов. Его отец давал ему мысленный образ, сопровождаемый звуком и цветом.

Огромные синие валы прилива. Зеленые, с белоснежными шапками пены водяные горы. Штормовой ветер, гоняющий по гребням волн накренившийся парусник, вспышки молний, низкие тучи, грохочущие каскады воды. Волшебно прекрасный рассвет в океане, переливающееся всеми красками небо, тюлени, сияющие волны, яркое солнце.

— Это ферма. Люди, которые производят продукты питания, называются фермерами.

Слова — пустые обрубленные слова, не имеющие ничего общего с теплым запахом земли! Шум пшеничного поля на ветру, колыхание золотого моря. Вот солнце садится за красной крышей деревенского амбара, а в душистом нежном ветре издалека слышится тонкий звон колокольцев на шеях у коров.

— Это лес. Лес состоит из деревьев.

Разве в этих звуках или в символах на бумаге есть хоть немного чувства! Нет в них ни гула ветра, вечной рекой текущего сквозь столетние могучие кроны. Нет в них запаха ели, дуба, сосны и новых листиков березы. Нет в словах ощущения, когда под твоими ногами пружинит мягкий ковер опавших лесных листьев.

Слова. Косный бездарный язык людей с обрубленными мыслями! Полная невозможность выражения мысли и чувства! Черные значки на белом фоне. Это кошка. Это собака. Кошка. Собака. Это мужчина. Это женщина. Мужчина, женщина. Машина. Лошадь. Дерево. Стол. Дети. Каждое слово ударялось в него и

обрубало его собственные мысли. Ловушка со скрежетом захлопывалась и запирала его необыкновенное сознание на замок.

Каждый день она ставила его на платформу перед рядами парт.

— Паал,— говорила она снова и снова.— Скажи: Паал!

Он не мог. Он смотрел на нее, слишком мягкий, чтобы обрывать всякую связь с ней, слишком испуганный, чтобы идти к ней навстречу.

— Паал.— Костлявый палец снова и снова упирался ему в грудь.

— Паал. Паал. Паал.

Он боялся ее. Он не мог не бояться ее. В конце концов его взгляд становился пустым, он переставал замечать классную комнату и всех, кто в ней находился, и концентрировался на спасительном образе — на руках своей матери. Он знал, что это был настоящий бой. Застывший от горя, он чувствовал всем своим существом каждую новую попытку вторжения в его мысли.

— Ты не слушаешь меня, Паал Нильсен! — Мисс Франк выпалила это и изо всех сил толкнула ребенка.— Ты — тупой, невоспитанный мальчик. Ты не желаешь быть таким, как другие дети?

Ребенок смотрел на нее широко раскрытыми зелеными глазами. Никогда не целованные тонкие губы старой девы покривились от злости и сжались.

— Садись на место,— злобно процедила она.

Ребенок не шелохнулся. Она столкнула его с платформы своими жесткими пальцами.

— Садись! — крикнула она таким голосом, точно командовала упрямым, глупым щенком.

Каждый день.

Она внезапно проснулась отчего-то посреди ночи. Поднялась с постели и в темноте вышла из комнаты. Гарри спал, похрапывая. Она, стараясь не разбудить его, прикрыла за собой дверь спальни и, повинуясь безотчетному предчувствию, пошла в гостиную.

— Мой милый!

Он стоял у окна и глядел на улицу. Когда Кора заговорила, он вздрогнул. Огни ночных реклам осветили его лицо. На этом лице был страх.

— Мой милый, ступай спать.

Она повела мальчика в спальню, уложила в кровать и взяла в свои ладони его тонкие холодные руки.

— Что с тобой, мой дорогой?

Он молча смотрел на нее из тьмы своими огромными, милыми, полными слез глазами.

— Ох, господи,— прошептала Кора. Она схватила его и прижала к себе — щекой к щеке.— Чего ты боишься?

В глубоком молчании ей представилась классная комната и мисс Франк, стоящая посреди нее. Этот образ явственно нарисовался в ее воображении и исчез.

— Это школа? — спросила она, но тоже не словами, а мысленно, используя тот образ, который только что мелькнул в ее сознании.

Ответ был написан на его лице.

— Но в школе тебе нечего бояться, мой милый,— сказала она,— ты...

В глазах у него снова появились слезы, и Кора порывисто обняла его. Затем она отстранила немного мальчика и, прямо глядя ему в глаза, заговорила мысленно:

«Не бойся ничего, мой милый, пожалуйста, не бойся. Я здесь, я с тобой, и я люблю тебя так сильно, что больше любить нельзя! Я люблю тебя даже больше...»

Паал откинулся на спину. Он смотрел на нее так, точно ничего не понял.

Когда автомобиль подъехал к дому, Вернер увидел, что от кухонного окна отошла какая-то женщина.

— Может быть, от вас мы что-то и узнаем о нем,— сказал шериф Уилер.— Нам он пока не сказал ни единого слова.

Они молча сидели в автомобиле. Вернер смотрел на ветровое стекло, а шериф Уилер разглядывал свои руки.

— Но вам не в чем нас упрекнуть — мы сделали для ребенка все, что посчитали наилучшим.

Вернер кивнул. Коротким и быстрым кивком.

— Я вас понимаю,— сказал он в ответ,— но до сих пор мы не получали никаких писем отсюда.

Холгер и Фанни мертвы, думал Вернер. Их смерть нелепа и ужасна. Мальчик попал в полную зависимость от людей, ко-

торые ничего в нем не могут понять. Это было даже еще ужаснее, чем смерть родителей Паала.

Уилер думал о тех письмах и о Коре. Ведь после он писал в Европу еще раз, и письма не дошли! Возможно ли, чтобы шесть писем потерялись на почте!

— Ну,— сказал, поразмыслив, Уилер.— Вы, наверное, хотите увидеть мальчика.

— Да,— ответил Вернер.

Мужчины распахнули дверцы автомобиля и вышли наружу. Они медленно шли по двору к дверям дома.

«Учили ли вы его говорить?» — хотел было спросить Вернер, но так и не осмелился. Мысль о том, что такого ребенка, как Паал, учат говорить, была настолько неприятной, что профессор боялся обдумывать ее вообще.

— Я позову сюда жену,— сказал Уилер,— а гостиная здесь.

Шериф оставил его в одиночестве, и Вернер медленно прошел из передней в гостиную. Перед этим, когда он снимал с себя мокрый плащ и вешал на вешалку, ему послышались приглушенные голоса — мужской и женский. Женский голос звучал подавленно.

Когда послышались шаги в передней, Вернер отвернулся лицом к окну.

Жена шерифа вошла в комнату под руку со своим мужем. Она вежливо улыбнулась гостю, но он уже знал, что ему здесь не рады.

— Садитесь, пожалуйста,— предложила ему женщина.

Он подождал, пока она расположится в кресле, затем сам присел на диван.

— Что вам угодно? — спросила миссис Уилер.

— Ваш муж еще ничего не сказал вам?

— Он сказал мне, кто вы такой, но он не говорил мне, для чего вы хотите увидеть Пола.

— Пола? — удивленно переспросил Вернер.

— Мы... — Ее руки нервно сцепились.— Мы поменяли его имя на «Пол». Это имя кажется мне более подходящим к фамилии Уилер.

— Да, я понимаю вас,— вежливо согласился Вернер.

Воцарилось молчание.

— Ну,— решился Вернер.— Вы желаете знать, для чего я хочу увидеть мальчика. Я постараюсь объяснить вам покороче. Де-

сять лет тому назад в Гейдельберге,— продолжал Вернер,— четыре супружеские пары: Элкенберги, Нильсены, Калдеры и мы с женой — решили поставить эксперимент на наших детях, которых тогда еще не было на свете. Этот эксперимент касался некоторых особенностей сознания человека. Мы предположили, что в древности все люди не пользовались сомнительными преимуществами речи, а обладали врожденной способностью к телепатии.

Кора приподнялась в своем кресле.

— Далее,— продолжал, не останавливаясь, Вернер.— Эта врожденная способность все еще дремлет в нас, но просто не используется больше. Но ведь если миндалины или аппендикс тоже не используются организмом, это не означает, что они вовсе бесполезны. Мы принялись за нашу работу, мы использовали в ней множество методик и обменивались ими. Мы переписывались каждый месяц, сообщая друг другу об успехах наших детей. Обучение продвигалось очень медленно. А в будущем мы планировали организовать колонию для наших подросших детей, где они могли бы жить вместе и укреплять свои телепатические способности, пока эти способности не стали бы второй природой членов этой колонии. А Паал Нильсен — один из таких детей.

Уилер выглядел совершенно удивленным.

— Это факт? — спросил он.

— Факт,— ответил ему Вернер.

Кора неподвижно сидела в кресле, глядя на высокого немца. Теперь ей было ясно, почему ей постоянно казалось, будто Паал понимает ее без слов. Она думала о его страхе перед школой и мисс Франк. Думала о том, сколько раз она поднималась с постели и приходила к нему, когда он в ней нуждался, хотя он не мог произнести ни звука.

— Что? — спросила она, увидев, что Вернер, кажется, говорит ей что-то.

— Я спросил — можно ли мне теперь увидеть мальчика?

— Он в школе,— ответила Кора,— он будет дома в...

Она не могла договорить, потому что увидела, как страшно изменилось лицо Вернера.

— В шко-ле?! — спросил он.

— Паал Нильсен, встать.

Мальчик поднялся со своего сиденья и вышел к доске. Мисс Франк взглянула на него и заметила, что он больше похож на старика, чем на ребенка. Он поднялся на платформу и стал рядом с ней, как всегда.

— Выпрямиться,— скомандовала мисс Франк,— плечи назад!

Плечи его слабо шевельнулись, спина вздрогнула.

— Как тебя зовут? — спросила мисс Франк.

Ребенок плотно сжал губы вместе. Его мучительница снова начала кричать ему прямо в ухо несносным, пронзительным голосом:

— Как тебя зовут?

В классе стояла полная тишина, никто из детей не возился и не шептался. Но беспорядочные вихри детских мыслей кружились вокруг Паала, не оставляя его в покое.

— Твое имя,— прикрикнула мисс Франк.

Старая дева взглянула на него и вспомнила о своем собственном детстве. Ее мрачная, полусумасшедшая мать держала ее в темной и холодной передней, заставляя девочку часами сидеть за огромным круглым столом. Ее пальцы изгибались над гладкой поверхностью дерева — мать требовала, чтобы девочка помогала ей вызывать дух умершего отца.

Память об этих жутких годах все еще была с Эдной Франк. Эта память всегда была с ней. Ее мрачная и озлобленная мысль годами сплеталась и скручивалась в узлы, и в конце концов Эдна Франк стала ненавидеть все, что было связано с непонятным и необычайным, всякое нетрадиционное познание было в ее представлении злом, полным страдания и боли.

Мальчика нужно освободить от всего этого.

— Дети,— сказала она,— я хочу, чтобы вы все вместе стали думать об имени Паала.— (Она назвала нарочно не то имя, которое выбрал для ребенка шериф Уилер.) — Просто думайте про себя это имя, но не произносите его вслух. Думайте про себя: Паал, Паал, Паал! Начинайте на счет «три». Поняли?

Дети уставились на нее в удивлении, кто-то кивнул.

— Да, мисс Франк,— пропищал единственный преданный ей ученик.

— Хорошо,— сказала она.— Раз, два, три!

Что-то ударило в его мысли, точно огромный таран, убивая и разбивая его сознание. Он пошатнулся на месте и открыл рот, задыхаясь.

Порыв усилился, вся детская жестокость и сила вливалась в него одним кошмарным словом. Паал, Паал, Паал! Его мозг раскалился до предела, ему казалось, что сейчас он умрет.

Но на самом пике этого шквала, когда голова его уже готова была лопнуть, ужасающий напор пронзил резкий голос мисс Франк, врезавшийся в его мысли, точно скальпель:

— Скажи это! Паал!

— Он уже пришел,— сказала Кора. Она отвернулась от окна.— Пока он еще не вошел в комнату, я хочу попросить у вас прощения за свою грубость.

— Вы не были грубы со мной,— в отчаянии проговорил Вернер,— ведь я все понимаю. Конечно, вы думаете, что я приехал сюда, чтобы забрать ребенка с собой. Но до сих пор я не имею над ним никакой законной власти. Я просто хочу взглянуть на него — ведь это сын двух моих друзей, о чьей ужасной смерти я только что узнал.

Он заметил, как вздрогнуло горло у Коры. Она была расстроена и в сильнейшей панике. Конечно, это она уничтожила письма, которые писал в Европу ее муж. Вернер точно знал это, но не сказал об этом ни слова. Он понял, что шериф тоже обо всем догадался. Он был очень взволнован именно этим, шериф Уилер.

Они услышали шаги Паала в передней.

— Он больше никогда не пойдет в школу,— сказала Кора.

— Может быть, в этом даже не будет никакой необходимости,— ответил ей Вернер, глядя вперед, на входную дверь.

Он почувствовал, что сердце у него забилось быстрее, и пальцы его нервно забарабанили по колену. Вернер послал мальчику мысленный сигнал. Этот сигнал знали все четыре пары, и он был чем-то вроде пароля.

«Телепатия — это способ связи для передачи всех видов мыслей другому, независимо от общепринятых каналов сознания».

Вернер дважды повторил пароль, прежде чем входная дверь отворилась.

Паал неподвижно стоял на пороге комнаты.

Вернер поискал ответа в глазах мальчика, но в них таилось только неопределенное смущение и страх. Затуманенное лицо Вернера пронеслось в мыслях ребенка. В его сознании все эти люди, безусловно, существовали — Вернер, Элкенберг, Калдер, их дети и жены. Но теперь все эти образы были точно под замком, который не желал отпираться. Лицо Вернера исчезло.

— Паал, это мистер Вернер,— сказала Кора.

Вернер молчал. Он снова послал мальчику пароль — так прямо и четко, что Паал не смог бы его пропустить. Вернеру стало ясно, что ребенок не понимает его и ничего не может ему сообщить. Паал будто бы подозревал, что нечто происходит, но не мог разобрать, что же именно.

Лицо мальчика стало еще более смущенным и испуганным. Кора глядела то на мальчика, то на Вернера. Почему Вернер молчит? Она хотела сказать что-нибудь, но тут же вспомнила, о чем только что рассказывал немец, и промолчала.

— Скажите, что же...— начал было Уилер, но Кора сделала ему предостерегающий жест рукой, и он оборвал себя на полуслове.

«Паал, думать! — мысленно приказал Вернер.— Где твои мысли, малыш?»

Неожиданно ребенок горько и громко зарыдал. Вернер вздрогнул.

— Меня зовут Паал,— сказал мальчик.

Этот голос просто оледенил Вернера. Это был голос тонкий и скрипучий, точно у заводной куклы, без всякого выражения и интонации.

— Меня зовут Паал.

Он уже не мог остановиться. Казалось, что он боится остановки, а не то произойдет что-то ужасное, что-то такое, что причинит ему страшную боль.

— Меня зовут Паал. Меня зовут Паал.

Бесконечное, монотонное, страшное бормотание. Было похоже на то, что отчаявшегося и запуганного ребенка крутит какая-то неведомая сила.

— Меня зовут Паал.— Даже на руках у Коры, сквозь рыдания и всхлипывания, он твердил эти слова.

— Меня зовут Паал.— Злобно, жалобно, бесконечно.

— Меня зовут Паал. Меня зовут Паал.

Вернер в изнеможении закрыл глаза. Потерян.

Уилер предложил подвезти его к автобусной станции на машине, но Вернер отказался и сказал, что хочет пройтись. Он простился с шерифом и попросил передать свои извинения миссис Уилер, которая ушла с плачущим мальчиком в его комнату.

Бесконечный дождь, который лил без остановки последние несколько дней, неожиданно перестал, и Вернер ушел из дома шерифа, оставив там Паала Нильсена.

Все это не так уж легко рассудить, думал Вернер. Похоже, что в этой истории не было ни правых, ни виноватых. Нет, это не было тем случаем, когда зло держит верх над добром. Миссис Уилер, шериф, учительница мальчика, люди Даймон Корнерс — каждый из них был по-своему прав. Они ни о чем не подозревали, они были обескуражены тем, что родители не научили семилетнего мальчугана разговаривать. Если принять во внимание неосведомленность всех этих людей, то они поступали правильно.

Просто иногда так бывает, что зло приходит через добро, вот и все.

Нет, лучше уж было оставить все как есть. Взять Паала в Европу, к остальным детям, было бы непростительной ошибкой. Если бы Вернер захотел поступить так, не было бы ничего проще. Пары обменялись документами, по которым любой их ребенок мог быть усыновлен любой парой в случае смерти родителей ребенка. Но дальше с Паалом начались бы одни неприятности. Он был обучен сверхсознанию, а не просто рожден с этой способностью. Как выяснилось в ходе многолетней работы, все дети рождаются с неразвитой способностью к телепатии, но эту способность очень трудно развить и очень легко потерять навсегда.

Вернер опустил голову. Очень жалко. Мальчик потерял своих родителей, свой талант и даже свое имя.

На самом деле он потерял все.

Но может быть, не совсем все. Пока он шел по улице, Вернер послал свои мысли назад, к дому шерифа. Он увидел, что комнату Паала заливают яркие лучи солнца, исчезающего за крышами Даймон Корнерс. Паал прижался щекой к жене шерифа. Последний ужас потери сверхсознания еще не оставил его, но что-то смогло смягчить и облегчить все его горести. Что-то, что могла дать этому ребенку Кора Уилер, и только она.

Родители Паала не любили его. Вернер отлично знал это. Захваченные своей работой, зачарованные первыми успехами, они просто не успевали любить в Паале ребенка, маленького мальчика семи лет от роду. Доброта — да; внимание — неизменное. Но все-таки они относились к Паалу как к своему эксперименту во плоти, а не как к сыну.

Поэтому любовь Коры Уилер была для ребенка таким же откровением, как и уничтожающий страх перед звуками речи. Поэтому, когда его чудесный дар исчез, оставив на месте уникального сверхсознания сплошную рану, Кора оказалась рядом с ребенком и ее любовь залечивала его боль.

И так теперь будет всегда, пока они будут живы.

— Вы нашли того, кого искали? — спросила Вернера седая женщина за стойкой, когда он зашел в бар и спросил для себя чашечку кофе.

— Да, спасибо вам,— сказал он.

— И где же он был? — поинтересовалась женщина.

Вернер улыбнулся ей.

— У себя дома,— ответил он.

*Deus ex machina**

Все началось, когда он порезался бритвой.

До того момента Роберт Картер был как все. Тридцать четыре года, бухгалтер в железнодорожной компании. Жил в Бруклине с женой Элен и двумя дочерьми, Мэри, десяти лет, и Рут. Рут было пять, она еще не доставала до раковины в ванной. Под раковиной специально для нее стоял ящик, на который она поднималась. Роберт Картер сделал шаг, наклоняясь поближе к зеркалу, чтобы сбрить щетину с шеи, споткнулся о ящик и упал. Падая, он взмахнул рукой, чтобы обрести равновесие, и крепче вцепился в опасную бритву. Охнул, ударившись коленом о кафельный пол. Стукнулся лбом о раковину. А горлом напоролся на лезвие.

Он лежал, распростершись на полу, дыхание участилось. В коридоре послышался топот бегущих ног.

— Папа? — крикнула Мэри.

Он ничего не ответил, потому что увидел свое отражение, рану на шее. Отражение будто было соткано из двух слоев. В одном слое из раны текла кровь. А в другом...

— Папа? — Голос Мэри звучал встревоженно.

— Я в порядке,— отозвался он.

Слои уже разделились. Картер услышал, как дочь отошла от двери ванной, пока сам он смотрел на коричневое масло, которое толчками вытекало из шеи и капало на плитки пола.

Внезапно он схватил с вешалки полотенце и прижал к ране. Боли не было. Он отнял полотенце, и в миг, когда пузырящееся

© Перевод Е. Королевой.

* Deus ex machina — развязка, происходящая благодаря неожиданному вмешательству сторонних сил; буквально: бог из машины. *(Прим. ред.)*

масло еще не успело заполнить рану, он увидел тонкие красные проводки.

Роберт Картер отшатнулся назад, глаза его округлились. Он снова отнял от шеи полотенце. Так и есть, провода.

Он ошеломленно оглядел ванную. Вокруг теснились фрагменты реального мира: раковина, шкафчик с зеркалом, деревянная мыльница, в ней все еще пенный кусок мыла, помазок в белоснежных хлопьях, бутылочка с зеленым лосьоном. Все настоящее.

С окаменевшим лицом он порывистыми движениями замотал рану полотенцем.

Лицо, которое он увидел в зеркале, было тем же. Он придвинулся ближе, выискивая признаки каких-нибудь изменений. Потыкал себя в щеки, провел указательным пальцем по челюсти. Надавил на мягкие ткани под подбородком, покрытым засыхающей мыльной пеной. Ничего не изменилось.

Ничего?

Он отвернулся от зеркала и уставился на стену сквозь пелену слез. Слез? Он дотронулся до края глаза.

На пальце оказалась капля масла.

Его начало неудержимо трясти. Он слышал, как внизу Элен хлопочет на кухне. Как болтают в своей комнате одевающиеся девочки. Все было похоже на любой другой день — очередные утренние сборы. Но день был совсем не такой, как прежде. Еще вчера он был деловым человеком, отцом, мужем, мужчиной. А сегодня утром...

— Боб?

Он дернулся, когда Элен позвала его снизу лестницы. Губы шевельнулись, но он ничего не ответил.

— Уже четверть восьмого,— сказала она, и он услышал, как она ушла обратно в кухню.— Поторопись, Мэри! — крикнула она оттуда и закрыла за собой дверь.

И вот тогда Роберт Картер испугался. Он сейчас же опустился на колени, вытирая масло с пола другим полотенцем. Он тер, пока не осталось ни пятнышка. Очистил лезвие бритвы. Потом открыл корзину для грязного белья и запихнул полотенце под кучу тряпок.

Он подскочил, когда в дверь забарабанили.

— Папа, пусти нас! — закричали девочки дуэтом.

— Подождите секунду,— услышал он свой ответ. Он взглянул в зеркало. Мыло. Он смыл его. На лице по-прежнему оставалась синеватая щетина. Или это проволока?

— Папа, я опаздываю! — сказала Мэри.

— Сейчас, сейчас.— Голос звучал спокойно, он поднял воротник халата, пряча сделанную наскоро повязку. Глубоко вдохнул — можно ли назвать это дыханием? — и открыл дверь.

— Я первая должна умываться,— заявила Мэри, протискиваясь к раковине.— Мне пора в школу.

Рут надула губки.

— У меня тоже полно дел,— возмутилась она.

— Ну, хватит.— Эти слова были эхом вчерашнего дня, когда он еще был их отцом-человеком.— Ведите себя как следует,— велел он.

— Я все равно умываюсь первая,— сказала Мэри, поворачивая кран с горячей водой.

Картер стоял, глядя на детей.

— Что это, папа? — спросила Рут.

Он вздрогнул от неожиданности. Рут смотрела на капли масла на боку раковины. Он заметил их только сейчас.

— Я порезался,— пояснил он.

Если стереть капли достаточно быстро, они не успеют понять, что это не кровь. Он вытер капли туалетной бумагой, бросил ее в унитаз и смыл.

— Ты сильно порезался? — поинтересовалась Мэри, намыливая лицо.

— Нет.

Ему было невыносимо смотреть на них. И он быстро вышел в коридор.

— Боб, завтрак!

— Да, хорошо,— промямлил он.

— Боб?

— Уже спускаюсь.

Элен, Элен...

Роберт Картер стоял перед зеркалом в спальне и рассматривал свое тело. Его осаждали неподдающиеся уразумению вопросы. Удаленные гланды, вырезанный аппендикс, зубные пломбы, прививки, вакцинации, анализы крови, рентген. Декорации, на фоне которых он разыгрывал свою вполне обычную пьесу, бу-

тафория из крови, тканей, мышц, гланд, гормонов, артерий, вен...

Вопросы не находили ответа. Он оделся быстро, порывисто, стараясь не думать. Снял полотенце и прилепил к ране большой кусок бактерицидного пластыря.

— Боб, иди же! — позвала она.

Он завязал галстук, как завязывал его тысячу раз. Он был уже одет. Он выглядел как человек. Роберт Картер смотрел на свое отражение в зеркале и видел, что выглядит в точности как человек.

Взяв себя в руки, он развернулся и вышел в коридор. Спустился по лестнице и прошел через столовую. Он принял решение. Ей не нужно ничего знать.

— Наконец-то.— Она оглядела его с головы до ног.— Где ты порезался?

— Что?

— Девочки сказали, ты порезался. Где?

— Шея. Все уже в порядке.

— Дай посмотреть.

— Все нормально, Элен.

Она взглянула на него с любопытством.

— Что случилось?

— Ничего. Просто я опаздываю.

Элен посмотрела на его шею, где из-под воротника рубашки немного торчал край пластыря.

— Все еще кровоточит,— сказала она.

Картер вздрогнул. Он протянул руку, чтобы потрогать. На пластыре расползалось пятно масла. Он встревоженно поглядел на Элен. Снова нахлынул страх. Пора уходить, сейчас же.

Он вышел из кухни и взял в шкафу рядом с входной дверью пиджак.

Она увидела кровь.

Его туфли быстро поскрипывали по дорожке. Стояло прохладное утро, серое и облачное. Наверное, скоро пойдет дождь. Он задрожал. Ему было холодно. Это же просто абсурд, теперь, когда он знает, кто он такой, однако ему все равно было холодно.

Она увидела кровь. Почему-то это пугало его даже больше, чем то, что он узнал о себе. Пятно на пластыре масляное, и это было болезненно очевидным. Кровь не выглядит так, не пахнет так. Однако же она увидела кровь. Почему?

Без шляпы, чувствуя, как ветер треплет светлые волосы, Роберт Картер шел по улице, стараясь рассуждать. Он робот, начнем с этого. Если когда-нибудь и существовал живой Роберт Картер, то теперь его заменили. Но почему? Зачем?

Он рассеянно спустился в метро. Люди толкали его. Люди с нормальной жизнью, люди, которые знают, что они из плоти и крови, и им не приходится об этом размышлять.

Проходя по платформе мимо газетного киоска, он увидел заголовок утренней газеты: «В лобовом столкновении погибло трое». Были и фотографии: смятые автомобили, безжизненные, частично прикрытые тела на темном шоссе. Потоки крови. Картер задумался, содрогнувшись: что, если бы он сам лежал на той фотографии и потоки масла вытекали бы из его тела?

Он стоял на краю платформы и глядел на рельсы. Возможно ли, чтобы его человеческое «я» было заменено роботом? Кто стал бы так себя утруждать? А сделав подобное, кто допустил бы, чтобы это так легко раскрылось? Порез, царапина, обычное кровотечение из носа — и обман раскрыт. Если только у него в голове не разболталось что-то от удара. Может, если бы он порезался, не ударившись головой, то увидел бы только кровь и кожу?

Размышляя, он машинально вынул из кармана брюк монетку и кинул в автомат с жевательной резинкой. Потянул за ручку, из автомата выкатился шарик жвачки. Роберт почти развернул обертку, когда до него дошло. Какая еще жвачка? Он сморщился, представив, как вертятся шестеренки в голове, рычаги, которые соединены с изогнутыми стержнями, которые, в свою очередь, соединены с искусственными челюстями, и все это движется в ответ на синаптический импульс, порожденный его механическим разумом.

Он кинул жвачку в карман. Платформа затряслась при приближении поезда. Картер покосился налево. В глубине тоннеля он увидел красные и зеленые огни манхэттенского экспресса. Он отвернулся. Заменили когда? Прошлой ночью, позапрошлой, в том году? Нет, в это невозможно поверить.

Поезд доехал до станции, мелькнув окнами и дверями. В лицо пахнуло теплым затхлым воздухом. Он ощущал запах. Глаза моргали, защищая его от вихря пыли. Все это за доли секунды. Если он машина, то его реакции настолько приближены к человеческим, что это просто невероятно.

Поезд со скрежетом остановился. Он сделал шаг и вошел в вагон вместе с толкающейся толпой. Роберт ухватился за поручень. Двери захлопнулись, поезд покатил дальше. «Куда я еду?» — вдруг задумался он. Уж точно не на работу. Но тогда куда? «Думай»,— приказал он себе. И принялся думать.

И поймал себя на том, что смотрит на человека, стоящего рядом.

У человека был пластырь на левой руке. И на пластыре проступило масляное пятно.

Он ощутил озноб, разум онемел, все тело застыло.

Он такой не один.

Над дверью горела неоновая надпись «Запасный выход». Рука Роберта Картера дрожала, когда он потянулся к дверной ручке.

Он понял, что получить доказательства можно очень быстро. Произошла дорожная авария: человек поехал на работу, шина лопнула, навстречу ехал грузовик. Роберт Картер стоял в коридоре, глядя на лежащего поверх стола человека. Того как раз перевязывали. У него был глубокий порез над глазом, и масло стекало по щеке и капало на одежду.

— Вам придется пройти в приемную и подождать.

— Что? — Картер вздрогнул от голоса медсестры.

— Я сказала, вам придется...

Она замолчала, когда он внезапно развернулся и вышел обратно в апрельское утро.

Картер медленно брел по дорожке и почти не слышал городского шума.

Значит, есть и другие роботы, одному богу известно, сколько их. Они обитают среди людей, и никто не подозревает об этом. Вот что самое ужасное. Тот человек был весь в масле. Однако никто этого не замечал, кроме Роберта.

Роберт Картер остановился. Он ощущал такую тяжесть. Надо присесть и немного отдохнуть.

В баре был всего один посетитель, человек сидел на дальнем конце стойки, пил пиво и читал газету. Картер забрался на кожаный стул и обхватил его металлические опоры усталыми ногами. Он сидел, нахохлившись, глядя на темное полированное дерево стойки.

Боль, смятение, страх и смутные подозрения смешивались в коктейль. Есть ли выход? Или же он обречен слоняться вот так,

без какой-либо надежды? Казалось, прошло уже не меньше месяца с тех пор, как он ушел из дому. Хотя это все равно был не его дом.

Или его? Он медленно распрямился. Если есть и другие, такие, как он, могут ли Элен и девочки быть из их числа? Он прогнал эту мысль, но она тут же явилась снова. Отчаянно хотелось вернуться к ним, но как же он сможет испытывать прежние чувства, когда будет знать, что они тоже просто провода, металл, электричество? Как рассказать им — ведь если они тоже роботы, то явно не подозревают об этом?

Левая рука тяжело упала на стойку. Боже, как он устал. Если бы только отдохнуть.

Из подсобного помещения вышел бармен.

— Чего желаете?

— Скотч со льдом,— машинально заказал Роберт.

Сидя в покое и одиночестве, пока бармен наливал выпивку, он вдруг задумался. Как же он будет пить? Жидкость повредит металл, замкнет провода. Картер сидел в испуганном напряжении и наблюдал, как бармен наливает скотч. Волна ужаса захлестнула его, когда бармен подошел и поставил стакан на стойку.

Нет, от этого он не заржавеет. Только не от этого.

Бармен стал искать сдачу с пятидолларовой купюры, а Роберт Картер уставился в стакан. Масло. Хотелось закричать. Стакан машинного масла.

— О боже...— Картер соскользнул со стула и, пошатываясь, побрел к двери.

Снаружи ему показалось, что улица движется под ногами. «Что же со мной происходит?» В приступе слабости он привалился к стеклянной витрине и заморгал.

Сосредоточил взгляд. В кафетерии сидели мужчина и женщина, они ели. Роберт Картер разинут рот.

Тарелки смазки. Чашки с машинным маслом.

Люди проплывали мимо него, одинокого островка в клубящемся потоке. «Сколько же их?» — думал он. Боже, сколько же их?

А как же все это сельское хозяйство? Все эти колосящиеся поля, овощные грядки, фруктовые сады? Как же говядина, баранина, свинина? Как же вся эта жарка, парка, консервирование, выпечка? Нет, надо вернуться домой, оградиться от наваждения, принять более вероятное объяснение. Просто он ударил-

ся головой и утратил связь с реальностью. Все кругом точно такое же, каким было. Дело в нем самом.

Роберт Картер начал ощущать запахи города.

Запах горячего масла и механизмов, запах громадной невидимой фабрики. Он вертел головой, лицо превратилось в гримасу ужаса. Господи боже, сколько же их? Он пытался бежать, но не мог. Он вообще с трудом передвигался.

Роберт Картер заплакал.

У него кончается завод!

Он двигался через фойе гостиницы очень медленно, словно испорченный механизм.

— Номер,— сказал он.

Портье посмотрел с подозрением на человека с растрепанными волосами и бегающим затравленным взглядом. Он дал ему ручку расписаться в журнале.

«Роберт Картер»,— написал он медленно, словно успел забыть, как это делается.

Войдя в номер, Картер запер дверь и упал на кровать. Сел, уставившись на руки. У него кончается завод, как у часов. Часов, которые никогда не узнают ни своего создателя, ни своего предназначения.

Одна последняя догадка, дикая, фантастическая, однако это было все, на что он способен.

Землю захватили, и каждого человека заменили механическим двойником. Врачи должны были быть первыми, гробовщики, полицейские — все, кто по долгу службы видит чужие тела. И они были сконструированы так, чтобы ничего не замечать. Он, бухгалтер, был где-то вверху списка. Ведь он часть основной коммерческой системы. Он был...

Роберт Картер закрыл глаза. «Как глупо»,— подумал он. Глупо и невозможно.

Ушло несколько минут только на то, чтобы подняться. Словно во сне, он вынул из ящика письменного стола конверт и лист бумаги. На мгновение взгляд привлекла гидеоновская Библия*. «Написана роботами?» — подумал он. Мысль ошеломила его. Нет, тогда еще должны были оставаться люди. Этот ужас произошел уже в наши дни.

---

* Библия, изданная и бесплатно распространяемая протестантской организацией «Гидеонс интернэшнл». *(Прим. ред.)*

Он вынул свою ручку и попытался написать письмо Элен. Размышляя над словами, он сунул руку в карман за жвачкой. Рефлекторное движение. И только когда он уже засовывал жевательную резинку в рот, он понял. Никакая это не резинка. Это просто комок твердой смазки.

Комок выпал из ладони. Ручка тоже выскользнула из слабеющих пальцев и упала на ковер, и он знал, что у него не осталось сил, чтобы ее поднять.

Жвачка. Выпивка в баре. Еда в кафетерии. Он поднял глаза, приведя в движение шестеренки.

А что же падало с небес, когда начинался дождь?

Правда обрушилась на него.

Перед тем как упасть, он снова устремил взгляд на Библию. «И сказал Бог: сотворим человека по образу Нашему, по подобию Нашему»*,— подумал он.

А потом наступила темнота.

---

* Быт. 1, 26. *(Прим. ред.)*

В один из тех дней

Он проснулся в темноте. Он улыбался, потому что Кэрри видела кошмарный сон. Он лежал на боку и слушал ее судорожные стоны. «Должно быть, стоящий»,— подумал он. Затем протянул руку и дотронулся до ее спины. Ночная рубашка была мокрой от пота. «Замечательно»,— подумал он и быстро убрал руку, поскольку Кэрри задергалась и что-то пробубнила. Что-то похожее на слово «нет».

«Конечно нет, черт бы тебя подрал,— подумал Грег.— Смотри сны, поганая сука. На что еще ты годишься?»

Он зевнул и высунул левую руку из-под одеяла. Шестнадцать минут четвертого. Он лениво покрутил головку часов, заводя их. «В один из тех дней у меня будут электрические часы»,— подумал он. Возможно, нынешний сон приблизит эти дни. Паршиво, что Кэрри не умеет управлять снами. Если бы умела, он бы все устроил куда солиднее.

Грег перевернулся на спину. Кошмар заканчивался. А может, наоборот, приближался к своему пику. Он так и не научился определять. Да и на кой ему это надо? Механика снов его не интересовала; важен был конечный продукт. Он снова улыбнулся и потянулся к прикроватному столику за сигаретой. Закурил, выпустил дым.

«Теперь придется ее утешать»,— хмуро подумал Грег.

Он великолепно бы обошелся без всяких утешений. Тупое ничтожество, вот она кто. Ну почему она не родилась красивой блондинкой? Грег выпустил новую порцию дыма. Нельзя получить все сразу. Будь она красивой, вряд ли ей бы снились такие сны. В мире хватает красивых женщин. Главное, чтобы у него хватало на них денег.

© Перевод И. Иванова.

Кэрри содрогнулась всем телом, вскрикнула и села на постели, сбросив с себя одеяло. Грег смотрел на ее силуэт. Она дрожала.

— Нет, нет,— шепотом повторяла она.

Он видел, как у нее затряслась голова.

— Нет. Нет.

Она уже вздрагивала от рыданий.

«Черт, теперь это растянется на несколько часов». Он недовольно раздавил в пепельнице недокуренную сигарету и тоже сел.

— Ну как, малышка?

Она со стоном повернулась к нему.

— Иди сюда,— сказал он.

Он развел руки, и она упала на него. Он чувствовал ее узкие пальцы, впившиеся ему в спину, ее потную обвислую грудь, прижавшуюся к его груди. Грег мысленно выругался. Он поцеловал ее в шею и поморщился от резкого запаха вспотевшей кожи. «Как я только это терплю?» — мысленно спросил он себя. Потом стал гладить ее по спине.

— Успокойся, малышка,— сказал он.— Я рядом.

Он позволил ей уцепиться за него. Она продолжала плакать, но уже слабее.

— Дурной сон? — спросил он, имитируя заботу в голосе.

— Ох, Грег.— Она едва могла говорить.— Это было ужасно. Боже, как ужасно.

Он усмехнулся. Это было чудесно.

— Куда теперь? — спросил Грег.

Кэрри застыла на краешке сиденья, беспокойно глядя сквозь встровое стекло. То, что она якобы не знает, куда ехать,— просто дешевый трюк. Она всегда знает. Пальцы Грега медленно сомкнулись на рулевом колесе. В один из тех дней он наотмашь ударит ее по физиономии и уйдет. Чертова уродина! У него заиграли желваки.

— Ну? — спросил он.

— Я не...

— Куда дальше, Кэрри?

С каким наслаждением он заламывал бы ее костлявую руку, пока та не сломалась бы. Или сдавливал бы шею, пока не прекратилось дыхание.

Кэрри тяжело проглотила слюну.

— Налево,— прошептала она.

Отлично! Грег едва не засмеялся вслух, ударив по рычажку сигналов поворота. Налево — значит, в район Истридж, где живут богатенькие. На этот раз ты, сука, увидела правильный сон. То, что надо. Теперь обыграть все это по-умному, получить денежки и — прости прощай, плаксивая дура. Он достаточно терпел ее. Скоро он получит то, что ему причитается!

Шины скрипнули, когда он повернул машину на тихую, обсаженную деревьями улицу.

— Далеко еще?

Она не ответила. Грег угрожающе посмотрел на нее. Глаза Кэрри были закрыты.

— Я, кажется, спросил, куда нам ехать.

Кэрри нервно сплела пальцы.

— Грег, прошу тебя...— начала она.

Из-под сомкнутых век потекли слезы.

— Отвечай!

Она всхлипнула и что-то пробормотала.

— Что? — прорычал Грег.

Она судорожно глотнула воздух.

— До середины следующего квартала,— сказала Кэрри.

— Какая сторона?

— Правая.

Грег улыбнулся и расслабленно откинулся на сиденье. Теперь похоже на правду. Поганая сука, она каждый раз затевала эту бодягу под названием «я забыла». Ну когда же поймет, что он знает ее как облупленную и все равно вытянет все, что ему надо? Наверное, никогда. Обделав это дело, он навсегда исчезнет. Пусть тогда видит во сне что угодно.

— Скажешь, когда будем подъезжать,— велел он.

— Да,— бесцветным голосом отозвалась она.

Кэрри повернулась к окошку и прижалась лбом к холодному стеклу. «Только не переохладись,— подумал он.— Папочка любит горяченькое». Увидев, что она поворачивается, Грег погасил улыбку. Она хоть что-нибудь начала соображать? Или все как всегда?

Все как всегда. Перед тем как подъехать к нужному дому, Кэрри имела обыкновение пристально смотреть на Грега, слов-

но хотела убедиться, что ее страдания того стоят. Его подмывало расхохотаться ей в лицо. Конечно стóят. А как иначе такое страшилище могло бы заполучить парня его уровня? Если бы не он, ее бы гадали одинокая постель и длиннющие ночи.

— Уже близко? — спросил он.

Кэрри присмотрелась.

— Вот тот белый дом,— сказала она.

— С полукруглой площадкой у подъезда?

Она слегка кивнула.

— Да.

Грег стиснул зубы. Его охватила волна жадности. «Пятьдесят тысяч, никак не меньше,— подумал он.— Ну, сука, безмозглая сука! В этот раз благодаря тебе будет настоящий улов».

Он подъехал к тротуару и затормозил. Заглушив мотор, оглядел улицу. Скорее всего, автомобиль с откидным верхом появится вон оттуда. Интересно, кто будет сидеть за рулем? Впрочем, какая разница?

— Грег!

Он повернулся и холодно посмотрел на нее.

— Чего тебе?

Она кусала губы, затем заговорила.

— Нет,— ответил он, обрывая ее на полуслове.

Он вытащил ключ зажигания и распахнул дверцу.

— Идем,— сказал он.

Он вышел сам, захлопнул дверцу и обошел вокруг машины. Кэрри оставалась внутри.

— Идем, малышка,— повторил он с оттенком угрозы.

— Грег, пожалуйста...

Он вздрогнул, подавляя сильное желание обругать ее по-всякому и вытащить наружу прямо за волосы. Негнущимися пальцами он нажал ручку, открыл дверцу и стал ждать. Боже, ну какая же уродина. Лицо, кожа тела — все уродливо. Никогда еще она не вызывала такого отвращения.

— Я сказал, идем,— повторил Грег, не в силах скрыть закипающую ярость.

Кэрри вылезла, и он захлопнул дверцу. Пока они ехали, похолодало. Грег ненавидел холод. Дрожа, он поднял воротник пальто. Они шли по полукруглой площадке (из соображений безопасности Грег оставил машину на улице). Он думал, что мог бы ходить в более теплом пальто с толстой подкладкой. В эле-

гантном, модном пальто. Возможно, черном. В один из тех дней он купит себе такое пальто. Возможно, даже очень скоро. Он оглянулся на Кэрри. Догадывается ли она о его планах? Вряд ли, хотя сегодня она выглядит куда более встревоженной, чем обычно. Черт побери, что с ней? Она никогда еще так не раскисала. Или это из-за ребенка? Он передернул плечами. Какая разница? Главное, чтобы сыграла свою роль.

— Эй, приободрись,— бросил он ей.— Мальчишка в школе. Ты его и не увидишь.

Она не ответила.

Кирпичное крыльцо было невысоким — всего две ступеньки. Они поднялись и остановились перед дверью. Грег нажал кнопку, и послышалась мелодичная трель звонка. Ожидая, пока дверь откроют, Грег достал из кармана пальто записную книжку в кожаном переплете. Смешно, но, когда они с Кэрри разыгрывали такие спектакли, он ощущал себя коммивояжером. Коммивояжером необычным, представляющим весьма специфический рынок. Эта мысль понравилась Грегу. Предлагаемого им товара нет больше ни у кого, и можно не опасаться конкурентов.

— Выше нос,— сказал он, глядя на Кэрри.— Мы же им помогаем!

Кэрри вздрогнула.

— Грег, не проси слишком много.

— Там видно...

Он не договорил. Дверь отворилась. Его слегка рассердило, что дверь открыла не прислуга. Потом он подумал: «Не все ли равно кто, если в этом доме водятся деньги?»

— Добрый день.— Грег улыбнулся.

Женщина глядела на него. Ее улыбка была наполовину учтивой и наполовину подозрительной. При первой встрече так смотрели на него многие женщины.

— Что вам угодно?

— Дело касается вашего сына Пола,— ответил Грег.

Улыбка исчезла. Лицо побледнело.

— Что с ним? — спросила женщина.

— Я не ошибся? Вашего сына зовут Пол?

Женщина перевела взгляд на Кэрри. Главное, своим вопросом Грег уже привел хозяйку дома в замешательство. Он это видел.

— Его жизнь в опасности,— сказал Грег.— Вас интересуют подробности?

— Что с ним случилось?

Грег приветливо улыбнулся.

— Пока ничего.

Женщина прекратила дышать, как будто ее сейчас душили.

— Вы его похитили,— прошептала она.

Улыбка Грега стала еще шире.

— Ничего подобного,— возразил он.

— Где же он тогда?

Грег посмотрел на часы, разыгрывая удивление.

— А разве не в школе?

Несколько секунд растерянная хозяйка дома смотрела на него, потом толкнула дверь, намереваясь уйти. Грег вовремя схватился за ручку и не позволил закрыть дверь.

— Идем внутрь,— приказал он Кэрри.

— Разве мы не можем обождать на крыльце?

Грег больно сдавил ей пальцы и втолкнул в прихожую. Пока он закрывал дверь, из кухни донесся звук резко снятой телефонной трубки. Затем послышались щелчки вращающегося диска. Грег улыбнулся и вновь взял Кэрри за руку. Он привел ее в гостиную.

— Садись.

Кэрри боязливо опустилась на край стула. Грег оглядывал и мысленно оценивал гостиную. Деньги тут есть. В этом убеждало все: ковры, портьеры, стильная мебель и дорогие игрушки для взрослых людей, вещи, которых он себе позволить пока не мог. Губы расползались в ликующей улыбке, но Грег тут же осадил себя. Никакой ребячливости. Да, это то, что надо. То, чего он давно ждал. Большой куш. Он уселся на диван, с наслаждением потянулся, затем откинулся на спинку и скрестил ноги. На столике лежал журнал. Грег наклонил голову, чтобы прочитать название.

— Он в четырнадцатой классной комнате,— слышался из кухни голос хозяйки.— Это класс миссис Дженнингс.

Странные звуки заставили Грега поднять голову. За полуоткрытыми портьерами на задних лапах стоял колли, царапая застекленную дверь. Из-за спины пса блеснула вода плавательного бассейна. Эта деталь очень понравилась Грегу. Потом он

полюбовался колли. Должно быть, тот самый пес, которому суждено...

— Благодарю вас,— сказала в трубку хозяйка.

Грег приготовился к продолжению спектакля. Женщина положила трубку. Он слышал шаги по кухонному полу. Затем шаги смолкли, потому что она ступила на ковер прихожей. Женщина настороженно поглядела на входную дверь.

— А мы уже здесь, миссис Уиллер,— сообщил ей Грег.

Женщина испуганно обернулась.

— Что все это значит?

— С вашим сыном все в порядке? — поинтересовался Грег.

— Что вам надо?

Грег вынул из кармана записную книжку и протянул хозяйке.

— Не желаете взглянуть?

Женщина не ответила. Прищурившись, она внимательно глядела на Грега.

— Да,— сказал он.— Мы кое-что продаем.

Лицо хозяйки стало непроницаемым.

— Жизнь вашего сына,— добавил Грег.

Страх женщины сменился недолгим раздражением, которое вновь было вытеснено страхом. Грега так и подмывало сказать: «Боже, какая же ты дура». Но вместо этого он спросил:

— Так вам интересно?

Вопрос он сопроводил сдержанной улыбкой.

— Убирайтесь, пока я не вызвала полицию,— хрипло сказала хозяйка.

— Значит, вас не интересует жизнь собственного сына?

— Вы меня слышали?

Гнев по-прежнему боролся в ней со страхом.

Грег выдохнул сквозь сжатые зубы.

— Миссис Уиллер, если вы нас не выслушаете... причем внимательно... ваш сын вскоре погибнет.

Краем глаза он увидел, как дернулась Кэрри. Захотелось ударить ее наотмашь. А впрочем, это даже к месту. Давай, глупая сука, покажи хозяйке, как тебе страшно!

Миссис Уиллер смотрела на Грега, пытаясь что-то сказать.

— О чем вы говорите? — наконец спросила она.

— О жизни вашего сына, миссис Уиллер.

— Почему вы собираетесь расправиться с моим мальчиком? — Ее голос дрогнул.

Грег почувствовал облегчение. Она почти клюнула.

— Разве я сказал, что мы собираемся с ним расправиться? — Он загадочно улыбнулся.— Миссис Уиллер, я что-то не припомню за собой таких ужасных слов.

— Тогда...

— Примерно в середине месяца Пола насмерть собьет машина,— сказал он.

— Что?

Грег не стал повторять.

— Какая машина? — спросила женщина и в ужасе поглядела на Грега.— Какая машина?

— На этот вопрос я пока ответить не готов.

— Где? — спросила женщина.— Когда?

Хозяйка дома перевела испуганный взгляд на Кэрри. Та опустила глаза и впилась зубами в нижнюю губу.

— Позвольте объясниться,— продолжал Грег.— Моя жена из тех, кого называют сенситивами. Возможно, этот термин вам незнаком. Он означает, что человек видит вещие сны. Очень часто они связаны с реальными людьми. Например, вчерашний сон моей супруги касался вашего сына.

Женщина сжалась. Похоже, до нее дошло. Во всяком случае, выражение ее лица несколько изменилось. К страху добавилась подозрительность.

— Я знаю, о чем вы сейчас думаете,— сказал Грег.— Не тратьте время понапрасну. Посмотрите эту книжечку, и тогда поймете.

— Убирайтесь,— потребовала женщина.

Улыбка Грега стала натянутой.

— Вы нас снова гоните? Стало быть, вас совершенно не интересует жизнь вашего сына?

Женщина тоже улыбнулась Презрительно.

— Так мне звонить в полицию? В отдел по расследованию мошенничества?

— Звоните, если вам так надо,— ответил Грег.— Но вначале послушайте вот это.

Он открыл записную книжку и начал читать:

— «Двадцать второе января. Мужчина по имени Джим упадет с крыши во время регулировки телевизионной антенны. Рэмси-стрит. Двухэтажный дом зеленого цвета, с белой окантов-

кой». А вот и вырезка из газеты, подтверждающая это предсказание.

Грег взглянул на Кэрри. Игнорируя ее умоляющий взгляд, он встал и направился к хозяйке дома. Та поежилась, но не сдвинулась с места. Грег протянул раскрытую записную книжку.

— Как видите, этот человек не поверил нашим словам и двадцать второго января упал с крыши. Трудно убеждать людей, когда рассказываешь им лишь часть того, что с ними случится, и не раскрываешь подробностей.

Он сочувственно прищелкнул языком.

— Честно говоря, Джиму было бы разумнее заплатить нам. Это куда дешевле, чем лечить сломанный позвоночник.

— Вы знаете, кто вы?

— А вот еще случай,— невозмутимо продолжал Грег, перевернув страничку.— Это вам будет интереснее. «Двенадцатого февраля, вторая половина дня. Мальчик тринадцати лет, имя неизвестно, упадет в заброшенный колодец и сломает тазобедренный сустав. Он живет на улице Дариен-серкл...» Ну и так далее. Можете взглянуть сами. Рядом вырезка. Как видите, его родители вовремя одумались. Поначалу они отказывались платить. Как и вы, угрожали вызвать полицию.

Он улыбнулся хозяйке.

— Даже вышвырнули нас из дома. Но нам было жаль мальчишку, и я решил позвонить. Они были не шутку встревожены. Сын куда-то пропал, и они так испугались... Как вы догадываетесь, в первый раз я не сказал им о колодце.

Грег сделал драматическую паузу, полностью насладившись произведенным эффектом.

— Я приехал к ним вторично. Они заплатили, и я сказал, где их сын.

Грег ткнул пальцем в вырезку.

— Как видите, мальчика нашли на дне заброшенного колодца. У него был сломан тазобедренный сустав.

— Вы что, в самом деле...

— Вы хотели спросить, ждем ли мы, что вы нам поверите? Нет, абсолютно не ждем. Нам поначалу никто не верит. Я знаю, о чем вы сейчас думаете. Вы думаете, что мы вырезаем из газет заметки о происшествиях и подстраиваем под них истории с вещими снами. Разумеется, вы вольны так думать.

Лицо Грега посуровело.

— Но в этом случае к середине месяца ваш сын будет мертв. Можете отсчитывать дни.

Грег лучезарно улыбнулся.

— Сомневаюсь, что вам будет приятно услышать, как это случится.

Его улыбка стала гаснуть.

— Но это случится, миссис Уиллер, независимо от того, верите вы мне или нет.

Хозяйка дома была слишком ошеломлена и испугана, чтобы думать о своих подозрениях.

— Ну как? — спросил Грег, поворачиваясь к Кэрри.

— Я не...

— Нет, давай докажем, что мы не шарлатаны.

Кэрри кусала губы, чтобы не разрыдаться.

— Что вы собираетесь сделать? — спросила хозяйка.

Грег повернулся к ней и снова улыбнулся.

— Продемонстрировать кое-что. Моя жена слишком... застенчива... Кэрри, давай. Вопрос серьезный.

Кэрри закрыла глаза. Ее голос был слабым и страдальческим.

— У входа в детскую лежит коврик,— начала она.— Вы поскользнетесь на нем, когда понесете малышку.

Слова о малышке приятно удивили Грега. Он не знал, что в этой семье двое детей. Грег быстро взглянул на хозяйку, а Кэрри продолжала тем же голосом:

— На крытом дворике, под детским манежем, прячется паук черная вдова. Он укусит ребенка и...

— Ну как, миссис Уиллер, желаете проверить сказанное? — спросил Грег, обрывая жену.

Он почувствовал, что ненавидит эту богатенькую женщину за ее медлительность и неспособность поверить в реальность угроз.

— Или нам сейчас уйти, и пусть голубое авто с откидным верхом тащит голову Пола по улице, пока из нее не выплеснутся все мозги? — резко спросил он.

Женщина в ужасе смотрела на него. Грег напрягся: не сказал ли он больше, чем нужно? Напряжение быстро прошло. Нет, вполне достаточно, чтобы эта дура наконец поверила.

— Я все-таки предлагаю убедиться,— с прежней любезностью сказал он.

Женщина попятилась от него, затем повернулась и поспешила к двери, ведущей на крытый дворик.

— Да, вот еще что,— окликнул ее Грег, будто припомнив новую подробность.— Этот пес попытается спасти вашего сына, только безуспешно. Машина и его собьет насмерть.

Хозяйка непонимающе смотрела на него, будто он говорил на иностранном языке. Потом рванула дверь и вышла во дворик. Колли весело прыгал вокруг нее. Грег неторопливо вернулся к дивану и сел.

— Грег,— прошептала Кэрри.

Он поморщился и махнул рукой, требуя замолчать. Из раскрытой двери донесся легкий скрежет — хозяйка переворачивала детский манеж. Грег прислушался. Женщина ойкнула. Ее каблук туфли несколько раз глухо ударил по бетонному полу. Пес возбужденно залаял. Грег с улыбкой откинулся на спинку. Сработало!

Вернувшаяся хозяйка тяжело дышала. Грег это сразу заметил и учтиво ей улыбнулся.

— Такое может случиться где угодно,— сказала она, все еще цепляясь за житейскую логику.

— Где угодно? — переспросил Грег, не переставая улыбаться.— А коврик?

— Может, вы осмотрели его, пока я была на кухне.

— Представьте себе, нет.

— Возможно, догадались.

— А если мы не занимаемся догадками? — спросил Грег, и его улыбка заледенела.— Если все, о чем мы говорим,— правда? Хотите еще доказательств?

Женщина молчала. Грег повернулся к Кэрри.

— Скажи ей еще что-нибудь.

— Электрическая розетка возле детской кроватки,— срывающимся голосом заговорила Кэрри.— В кроватке лежит металлическая заколка для волос. Девочка найдет ее и попытается засунуть в розетку...

— Как вам это, миссис Уиллер? — спросил Грег.

Женщина опрометью выбежала из гостиной. Он улыбнулся и подмигнул Кэрри:

— Малышка, да ты сегодня просто в ударе.

Кэрри смотрела на него мокрыми от слез глазами.

— Грег, умоляю, не требуй с них слишком много.

Грег отвернулся, перестав улыбаться. «Расслабься,— мысленно приказал он себе.— Расслабься. Скоро ты освободишься от нее». Он небрежно засунул записную книжку в карман пальто.

Хозяйка вернулась через несколько минут. Теперь на ее лице не было ничего, кроме ужаса. Между пальцами поблескивала заколка для волос.

— Как вы узнали? — спросила она.

Ее голос утратил все интонации, кроме одной — интонации страха.

— Кажется, миссис Уиллер, я объяснил вам это еще в самом начале. Моя жена обладает даром. Она точно знает, где и когда произойдет несчастный случай. И разумеется, с кем. Так вы желаете купить эти сведения?

Руки женщины дернулись.

— Сколько вы хотите? — спросила она.

— Десять тысяч долларов наличными,— ответил Грег.

Кэрри шумно вздохнула. Его пальцы инстинктивно сжались, но он не повернул головы. Грег продолжал смотреть на испуганное лицо хозяйки дома.

— Десять тысяч,— едва слышно повторила она.

— Да, десять тысяч. Ну как, по рукам?

— Но у нас нет...

— Как говорят, не хотите — не берите. Но вы, миссис Уиллер, сейчас не в том положении, чтобы торговаться. Задумайтесь на мгновение: вы бессильны предотвратить катастрофу. Она произойдет, если только вы не будете точно знать ее время и место.

Он резко встал, отчего женщина снова вздрогнула.

— Ну? — резко спросил он.— Что вам дороже? Десять тысяч долларов или жизнь вашего сына?

Женщина молчала. Грег скользнул глазами по Кэрри. Та сидела в немом отчаянии.

— Пошли,— бросил он ей и направился к входной двери.

— Подождите!

Грег повернулся и вопросительно посмотрел на хозяйку.

— Как... как я узнаю? — дрожащим голосом произнесла она.

— Никак,— отрезал он.— Вы ничего не узнаете. Знаем мы.

Он подождал еще немного, ожидая ее решения, затем прошел на кухню. Там Грег достал из внутреннего кармана дру-

гую записную книжку, вынул из ее кожаной петельки карандашик и торопливо записал телефонный номер хозяйки. Он слышал, как та о чем-то умоляла Кэрри. Грег убрал книжку и покинул кухню.

— Пошли,— бросил он переминавшейся с ноги на ногу Кэрри и равнодушно взглянул на хозяйку.— Сегодня, ближе к вечеру, я позвоню и спрошу, что вы с мужем решили.

Он сделал паузу и добавил, тщательно выговаривая каждое слово:

— Это будет мой единственный звонок.

Грег открыл входную дверь.

— Давай быстрее,— раздраженно приказал он Кэрри.

Кэрри выскользнула на крыльцо, смахивая слезы со щек. Грег стал закрывать дверь и вдруг остановился, словно что-то вспомнил.

— Совет на прощание,— улыбнулся он хозяйке.— На вашем месте я бы не стал обращаться в полицию. Во-первых, они нас не найдут, но даже если и найдут, все равно не смогут предъявить никаких обвинений. И уж тогда мы вам ничего не расскажем, и ваш сын погибнет.

Грег закрыл дверь, спустился с крыльца и зашагал к машине. Возникла мысленная картина: ошеломленная женщина стоит посреди своей уютной гостиной и смотрит на него полными ужаса глазами. Грег удовлетворенно хмыкнул.

Она на крючке.

Грег допил бокал, поморщился и тяжело привалился к подлокотнику дивана. Хватит с него дешевого виски. Теперь он будет покупать только самые лучшие и дорогие сорта. Он повернул голову и взглянул на Кэрри. Она стояла у окна гостиничного номера и смотрела на город. Черт побери, о чем эта курица думает? Скорее всего, о том, где сейчас находится голубой автомобиль с откидным верхом. А в самом деле — где? Стоит или едет? Грег пьяно ухмыльнулся. Он чувствовал себя всемогущим, поскольку знал то, о чем даже не догадывался владелец голубого авто. Грег знал, что через восемь дней, в четверг, в два часа шестнадцать минут пополудни этот автомобиль насмерть собьет мальчишку.

— Ну, что еще тебя мучает? — спросил он у Кэрри.— Давай, выкладывай.

Она отвернулась от окна и умоляюще посмотрела на Грега.

— Грег, не слишком ли много ты с них запросил?

Он поморщился и закрыл глаза.

— Грег, это же...

— Да! — рявкнул он.

Боже, как будет радостно навсегда расстаться с нею!

— А если они не смогут заплатить?

— Поднапрягутся.

Звук ее подавляемых рыданий заставил его стиснуть зубы.

— Иди и ложись,— велел он.

— Грег, у мальчика нет никаких шансов.

Его лицо побледнело.

— А какие шансы были у него до нашего прихода? — прорычал он.— Черт тебя побери, хотя бы раз пошевели мозгами! Мальчишка все равно почти покойник. Но мне не все равно!

— Да, но...

— Я тебе сказал: иди ложись!

— Грег, ты не видел, как все это случится!

Ему хотелось схватить недопитую бутылку виски и разбить о голову Кэрри. Он с трудом удержался.

— Убирайся! — пробормотал он.

Зажимая рот, Кэрри побрела в спальню. Дверь шумно захлопнулась. Грег слышал, как Кэрри повалилась на кровать и дала волю рыданиям. Проклятая плаксивая сука! Он до боли сжал челюсти, потом снова плеснул в бокал виски и, поморщившись, проглотил. «Они выложат всю сумму,— мысленно сказал он себе.— У них наверняка есть деньги, а эта миссис Уиллер мне поверила».

Он кивнул, продолжая мысленный разговор с собой.

«Да, они отдадут все денежки. Десять тысяч. Мой пропуск в иной мир, где дорогие шмотки, номер в шикарной гостинице. Красивые женщины. Может, с кем-то из них я свяжу свою жизнь. В один из тех дней»,— подумал он.

Грег снова потянулся к бокалу и вдруг услышал приглушенный голос Кэрри. Она говорила по телефону. Протянутая рука застыла в воздухе. В следующее мгновение Грег вскочил и ворвался в спальню, настежь распахнув дверь. Кэрри метнулась в сторону. Ее рука сжимала телефонную трубку. На лице была маска ужаса.

— Четверг, четырнадцатое,— скороговоркой произнесла она.— Два часа шестнадцать минут пополудни!

Она закричала. Грег вырвал у нее трубку и хлопнул ладонью по рычагу аппарата.

Грег дрожал всем телом, глядя на нее широко раскрытыми, обезумевшими глазами. Кэрри подняла руку, загораживаясь от неминуемого удара.

— Грег, умоляю тебя...

Ярость сделала его глухим. Он лупил ее трубкой по лицу и даже не слышал ударов. Она сдавленно вскрикнула и упала на спину.

— Ах ты, сука! — прошипел Грег.— Паршивая сука! Вонючая сука! Безмозглая сука!

Каждое восклицание сопровождалось новым чудовищным ударом по лицу. Гнев затуманил ему глаза. Грег видел Кэрри как в дымке, за пеленой ослепляющей ярости. Все пропало! Эта сука разнесла в клочья его сделку! Большой куш сорвался! Будь ты проклята! Я сейчас тебя убью! Он не знал, слышал ли эти слова у себя внутри или прокричал их ей в лицо.

Потом он очнулся. Увидел в своей руке телефонную трубку. Рука вспухла и болела. Кэрри лежала на постели. Ее изуродованное лицо было все в крови. Рот открыт, отрешенные глаза устремлены в потолок. Грег разжал руку. Трубка с глухим стуком упала на пол, но Грег едва слышал этот звук. Он с ужасом глядел на Кэрри. Неужели мертва? Он приложил ухо к ее груди и стал вслушиваться. Поначалу он слышал только лихорадочные удары собственного пульса. С его лица еще не сошло бешенство. Грег продолжал вслушиваться. Ее сердце билось. Слабо, неровно, но билось. Жива! Он вскинул голову.

Кэрри смотрела на него, но взгляд потерял осмысленность. Окровавленный рот был открыт.

— Кэрри!

Она не отвечала. Потом он заметил, что ее губы беззвучно шевелятся. Кэрри продолжала глядеть на него.

— Что?

Бессмысленный взгляд сменился другим, очень знакомым ему. Грег вздрогнул.

— Что? — повторил он.

— Улица,— прошептала она.

Грег склонился над нею.

— Улица,— снова прошептала она.— Ночь...

Она хрипло вздохнула. На губах появилась кровавая пена.

— Грег...

Кэрри попыталась сесть, но не смогла. Ее взгляд наполнился тревогой. Тревогой за него.

— Мужчина,— прошептала она.— Бритва... Ты... О боже... Нет...

Грегу показалось, что он вмерз в лед. Он схватил ее руку.

— Где? — прошептал он.

Она не отвечала, и его пальцы впились ей в кожу.

— Где? — уже громче спросил он.— Когда?

Его затрясло.

— Кэрри, когда?

И тут он понял, что сжимает руку мертвой женщины. У него в горле противно булькнуло. Он разжал пальцы, позволив ее руке упасть на кровать. Он смотрел на Кэрри, не силах говорить и думать. Потом отошел от кровати. Взгляд упал на календарь, а в мозг тяжело вползла привычная фраза: «В один из тех дней». Неожиданно он засмеялся и заплакал одновременно.

Прежде чем убраться из гостиницы, Грег больше часа простоял у окна, думая о том, кто этот мужчина, где он сейчас и что делает.

Ударная волна

— Говорю тебе, с ним что-то творится,— сказал мистер Моффат.

Кузен Уэндалл потянулся за сахарницей.

— Значит, они правы.— Он насыпал сахару в кофе.

— Ничего подобного,— резко возразил Моффат.— Совершенно они не правы.

— Но если он не работает.

— Он работал, примерно до прошлого месяца. И работал превосходно, когда они решили вдруг, что его надо заменить.

Пальцы мистера Моффата, бледные и желтоватые, замерли на столе. Нетронутые яичница и кофе остывали рядом.

— Почему ты так расстраиваешься? — спросил Уэндалл.— Это же просто орган.

— Это гораздо больше, чем орган. Он был здесь даже до того, как достроили церковь. Восемьдесят лет он здесь. Восемьдесят.

— Долгий срок.— Уэндалл и откусил от намазанного джемом тоста.— Может, даже слишком долгий.

— С ним все в полном порядке,— продолжал Моффат.— По крайней мере, было до сих пор. Вот почему мне бы хотелось, чтобы сегодня утром ты посидел со мной на хорах.

— Может, все же показать орган какому-нибудь мастеру?

— Он только согласится со всеми остальными,— горько произнес Моффат.— Просто скажет, что орган слишком стар, слишком изношен.

— Может, так оно и есть.

— Ничего подобного.— Мистер Моффат раздраженно передернулся.

© Перевод Е. Королевой.

— Ну, не мне судить. Хотя орган действительно очень старый.

— Он прекрасно работал до сих пор.— Мистер Моффат уставился в чашку с черным кофе.— Чтоб их всех,— пробормотал он.— Решили от него избавиться. Чтоб их.

Он закрыл глаза.

— Может, он понимает? — сказал мистер Моффат.

Стук их каблуков, похожий на тиканье часов, нарушил тишину церкви.

— Сюда,— показал Моффат.

Уэндалл толкнул толстую дверь, и они пошли вверх по мраморной винтовой лестнице. На втором этаже Моффат переложил портфель в другую руку и достал кольцо с ключами. Он отпер дверь, и они вошли в пыльную темноту хоров. Они двигались сквозь тишину, два отдающихся слабеньким эхом звука.

— Вон туда,— сказал Моффат.

— Да, я вижу,— отозвался Уэндалл.

Старик сел на отполированную за долгие годы до зеркального блеска скамью и включил маленькую лампу. Конус света разогнал тени по углам.

— Думаешь, солнца не будет? — спросил Уэндалл.

— Не знаю.

Мистер Моффат отпер и с грохотом откинул ребристую крышку органа, раскрыл пюпитр. Нажал на истертую за долгие годы кнопку.

В кирпичной комнатке справа внезапно раздался выдох, гул нарастающей энергии. Стрелка воздушного манометра пробежала по шкале.

— Теперь он ожил,— сказал Моффат.

Уэндалл пробормотал что-то и пошел по хорам. Старик последовал за ним.

— Что ты думаешь? — спросил он, когда они вошли в кирпичную комнату.

Уэндалл пожал плечами.

— Не могу сказать.— Он посмотрел, как работает мотор.— Воздушная струя,— сообщил он.— Движется благодаря воздействию электромагнитного поля.

Уэндалл прислушался.

— Звук вроде нормальный.

Он прошелся по маленькой комнатке.

— А это что такое? — показал рукой Уэндалл.

— Переключатели клапанов. Чтобы воздухопроводы были постоянно наполнены.

— А это вентилятор?

Старик кивнул.

— Хм.— Уэндалл повернулся.— На мой взгляд, все в полном порядке.

Они стояли, глядя вверх, на трубы. Торчащие над полированным фасадом, они походили на громадные золотистые карандаши в деревянной подставке.

— Большой,-- сказал Уэндалл.

— Он прекрасен,— добавил мистер Моффат.

— Послушаем его,— предложил Уэндалл.

Они вернулись обратно к кафедре, и мистер Моффат сел за мануалы. Он потянул выдвижной рычаг и нажал на клавишу.

Одинокая нота поплыла по сумраку. Старик нажал на педаль громкости, и нота усилилась. Она пронзала воздух, звук скакал и переливался под куполом церкви, словно бриллиант, выпущенный из пращи.

Старик вдруг вскинул руку.

— Ты слышал?

— Что слышал?

— Он вздрогнул,— сказал мистер Моффат.

Пока люди входили в церковь, мистер Моффат исполнял хоральную прелюдию Баха «Из глубины взываю я». Руки уверенно двигались по клавишам мануалов, длинноносые туфли танцевали по педалям, и воздух полнился живым звуком.

Уэндалл наклонился к нему и прошептал:

— Солнце все-таки вышло.

Над серебряной макушкой старика сквозь витражное окно просачивался солнечный свет. Радужной дымкой он повисал между рядами труб.

Уэндалл снова придвинулся.

— Звук, по-моему, совершенно нормальный.

— Вот подожди,— сказал мистер Моффат.

Уэндалл вздохнул. Подойдя к ограждению хоров, он взглянул вниз на неф. Вливающаяся по трем боковым приделам храма толпа растекалась по рядам. Эхо производимого ею шелеста усиливалось и затихало, словно шорох насекомых. Уэндалл на-

блюдал, как люди рассаживаются на темно-коричневых скамьях. Надо всем и повсюду плыла музыка.

— Псс,— позвал Моффат.

Уэндалл развернулся и подошел к кузену.

— Что такое?

— Слушай.

Уэндалл наклонил голову набок.

— Не слышу ничего, кроме органа и мотора.

— Вот именно,— прошептал старик.— А мотора ты слышать не должен.

Уэндалл пожал плечами.

— И что? — спросил он.

Старик облизнул губы.

— Кажется, снова начинается,— пробормотал он.

Внизу закрылись двери. Моффат скосил глаза на часы, лежащие на пюпитре, потом кинул взгляд на кафедру, где уже появился священник. Он сделал из финального аккорда переливающуюся пирамиду звука, выдержал паузу, затем последовала модуляция меццо форте в соль мажор. Он сыграл начальную фразу из гимна «Восславим Господа».

Священник вскинул руки ладонями вверх, и паства с шуршанием и скрипом поднялась с мест. Через миг церковь наполнилась тишиной. А потом все запели.

Мистер Моффат аккомпанировал, правая рука двигалась привычным маршрутом. На третьей фразе вместе с клавишей, на которую он нажал, опустилась соседняя, и тревожный диссонанс взрезал мелодию. Пальцы старика отдернулись, диссонанс исчез.

— Восславим Отца, Сына и Святого Духа.

Собравшиеся завершили пение долгим «аминь». Пальцы мистера Моффата поднялись над мануалом, он отключил мотор, неф снова наполнился поскрипываниями и шорохами, священник в темном облачении воздел на миг руки и взялся за ограждение кафедры.

— Отец наш небесный,— начал он,— мы, дети Твои, пришли сегодня к Тебе в благоговейном смирении.

Вверху на хорах слабо встрепенулась басовая нота.

Мистер Моффат вздрогнул. Взгляд метнулся на выключатель (нажат), на стрелку воздушного манометра (на месте), на комнату с электродвигателем (все тихо).

— Ты слышал это? — прошептал он.

— Да, вроде слышал,— сказал Уэндалл.

— Вроде? — натянуто переспросил мистер Моффат.

— Ну...

Уэндалл потянулся к манометру и постучал по нему ногтем. Ничего не произошло. Пробурчав что-то, он развернулся и пошел в комнату с электродвигателем. Моффат поднялся и на цыпочках последовал за ним.

— По мне, так он совершенно мертвый,— заключил Уэндалл.

— Надеюсь, что так.

Мистер Моффат почувствовал, как начинают дрожать руки.

Звук органа не должен быть навязчивым во время сбора пожертвований, он призван лишь служить фоном для звяканья монет и шороха банкнот. Мистер Моффат прекрасно это знал. Ни один человек не чувствовал музыку тоньше.

Однако сегодня утром...

Диссонансы совершенно точно не были его виной. Мистер Моффат редко ошибался. Клавиши сопротивлялись, дергались от его прикосновений, словно живые,— или же это все его воображение? Аккорды бледнели до бесцветных октав, а спустя миг наполнялись звуком — разве это его вина? Старик сидел окаменев, прислушиваясь к неровному музыкальному гулу в воздухе. Когда совместное чтение закончилось и он снова включил орган, тот как будто стал навязывать ему свою волю.

Мистер Моффат повернулся, чтобы сказать что-то кузену.

Неожиданно стрелка еще одного прибора прыгнула с меццо на форте, и громкость увеличилась. Старик почувствовал, как сводит мышцы живота. Бледные руки отпрянули от клавиш, и на секунду осталось только приглушенное шарканье служек и звук падающих в корзинки монет.

Затем руки Моффата вернулись на клавиатуру, и сбор пожертвований снова был приглушен и облагорожен. Старик заметил, как лица прихожан с любопытством поднимались кверху, и он страдальчески поджал губы.

— Послушай,— сказал Уэндалл, когда сбор пожертвований подошел к концу,— а откуда ты знаешь, что это не ты?

— Потому что это не я,— прошептал в ответ старик.— Это он.

— Безумие какое-то. Но если бы тебя здесь не было, он был бы просто хитроумной, но мертвой конструкцией.

— Нет,— покачал головой Моффат,— нет. Он гораздо больше.

— Послушай, ты говорил, тебя беспокоит то, что от него хотят избавиться.

Старик что-то проворчал.

— Так вот,— продолжал Уэндалл,— мне кажется, ты делаешь все это сам, но бессознательно.

Старик задумался над этим. Конечно, орган просто инструмент, он это знает. И звуками управляют его собственные руки и ноги. Без них орган был бы, как сказал Уэндалл, просто хитроумной конструкцией. Трубы, рычаги, неподвижные ряды клавиш, кнопки, педали и сжатый воздух.

— Ну, что скажешь? — спросил Уэндалл.

Мистер Моффат посмотрел на неф.

— Время для «Благословения»,— сказал он.

Посреди «Благословения» выдвижной рычаг громкости выскочил, и, прежде чем трясущаяся рука Моффата задвинула его обратно, воздух вздрогнул от громового аккорда, церковь наполнилась всепоглощающим, дрожащим звуком.

— Это не я! — просипел он, когда «Благословение» кончилось.— Я видел, рычаг выскочил сам!

— Я не заметил,— сказал Уэндалл.

Мистер Моффат посмотрел вниз, где священник начал читать слова следующего гимна.

— Надо остановить службу.— Голос Моффата дрожал.

— Мы не можем.

— Но что-то вот-вот произойдет, я чувствую.

— Что может произойти? — фыркнул Уэндалл.— В худшем случае прозвучит пара фальшивых нот.

Старик сидел напрягшись и глядел на клавиши. Сцепленные руки лежали на коленях. Затем, когда священник начал читать гимн заново, мистер Моффат заиграл вступительную фразу. Прихожане встали и, после тишины длиной в мгновение, принялись петь.

На этот раз произошедшего не заметил никто, кроме мистера Моффата.

Звук органа обладает тем, что называется инертностью, объективной характеристикой. Органист не в силах изменить качество звука, это попросту невозможно.

Однако мистер Моффат явственно услышал в музыке собственное беспокойство. По спине прошел холодок дурного пред-

чувствия. Он служил органистом тридцать лет. И изучил этот орган лучше всех. Пальцы помнили каждую клавишу, а уши знали каждый звук.

Но в это утро он играл на неведомом ему механизме.

Механизме, электродвигатель которого не отключился, когда закончился гимн.

— Выключи еще раз,— сказал Уэндалл.

— Я выключил,— испуганным шепотом ответил старик.

— Попробуй еще.

Моффат нажал на выключатель. Двигатель работал. Он нажал снова. Двигатель продолжал работать. Он стиснул зубы и в седьмой раз нажал на выключатель.

Мотор замер.

— Мне все это не нравится,— слабо проговорил Моффат.

— Слушай, я уже видел такое раньше. Когда ты нажимаешь на выключатель, между медными контактами оказывается фарфоровый язычок. Это перекрывает электрический ток. Так вот, ты столько раз нажимал на выключатель, что на фарфоре образовался налет меди, и электричество проходит через этот налет. Даже когда выключатель нажат. Я уже видел подобное раньше.

Старик отрицательно покачал головой.

— Он все понимает,— сказал он.

— Это безумие,— заявил Уэндалл.

— Неужели?

Они находились в комнатке с электродвигателем. Внизу священник продолжал службу.

— Совершенно точно. Это же орган, а не человек.

— Я уже не так в этом уверен,— сказал Моффат без всякого выражения.

— Послушай, хочешь знать, в чем может быть причина?

— Он знает, что от него хотят избавиться,— повторил старик.— Вот в чем причина.

— О, ну хватит уже.— Уэндалл нетерпеливо переминался на месте.— Я скажу тебе, в чем причина. Это старая церковь, и орган расшатывает ее стены уже восемьдесят лет. Восемьдесят лет вибрации. Стены начали коробиться, полы — проседать. А по мере того как проседает пол, двигатель перекашивается, провода растягиваются, образуется электрическая дуга.

— Дуга?

— Ну конечно. Электричество идет по дуге.

— Не понимаю.

— Лишнее электричество попадает на двигатель,— пояснил Уэндалл.— В таких моторах образуется электромагнитное поле. Чем больше электричества, тем больше перегрузка. Наверное, ее достаточно, чтобы вызвать все эти явления.

— Но даже если и так, почему он мне сопротивляется?

— Перестань так говорить,— возмутился Уэндалл.

— Но я же знаю, я чувствую.

— Надо отремонтировать электропривод, и все дела. Идем, пошли отсюда. Здесь жарко.

Снова сев на скамью, мистер Моффат замер, пристально глядя на террасы клавиш.

Правда ли то, размышлял он, о чем говорил сейчас Уэндалл — что причина отчасти в неисправном моторе, отчасти в нем самом? Нельзя делать поспешных выводов, даже если так. Хотя, конечно, в объяснении Уэндалла присутствует здравое зерно.

Мистер Моффат ощущал покалывание в голове. Он чуть вздрогнул и поморщился.

Однако если присмотреться к тому, что происходит: клавиши опускаются сами собой, рычаги выскакивают, громкость не регулируется, звук окрашен эмоциями, хотя должен быть начисто их лишен... Расстройство ли это механизма или расстройство в нем самом, подобное кажется невероятным.

Покалывающая боль не проходила. Наоборот, разгоралась, как костер. Что-то неуемно дрожало в горле. Пальцы рук, лежавших на скамье, тряслись.

Однако вдруг все не так просто? — думал он. Кто поручится, что орган всего лишь неодушевленный механизм? Даже если все то, о чем говорил Уэндалл, правда, разве не может быть так, что орган каким-то образом воспринимает эти факторы? Просевшие полы, натянувшиеся провода, электрическая дуга, перегрузка — разве он не способен этого чувствовать?

Моффат вздохнул и распрямился. На миг задержал дыхание.

Неф расплывался перед глазами. Дрожал, как желатиновая масса. Прихожане исчезали, сливаясь в одно пятно. Склеиваясь в один комок. Кашель паствы гулко разносился в нескольких милях от него. Мистер Моффат пытался двинуться, но не мог. Парализованный, он сидел на месте.

И тут на него нахлынуло что-то.

Это было скорее чистое ощущение, почти невыразимое словами. Оно пульсировало в голове электрическим потоком. Испуг, страх, гнев.

Моффат содрогнулся на своей скамье. Его хватало только на то, чтобы с ужасом подумать: «Он знает!» Все остальное стушевалось перед превосходящей силой, которая все разрасталась, наполняя его сознание мраком. Церковь исчезла, паства исчезла, священник и Уэндалл исчезли. Старик повис над бездной, а страх и гнев, словно пара черных крыльев, властно тянули его вверх.

— Эй, что с тобой?

Встревоженный шепот Уэндалла вернул его к реальности. Моффат заморгал.

— А что такое? — спросил он.

— Ты включал орган.

— Включал?..

— И улыбался,— сказал Уэндалл.

Какой-то звук задрожал в горле Моффата. Внезапно он услышал голос священника, читающего слова последнего гимна.

— Нет,— пробормотал Моффат.

— Да в чем дело?

— Я не могу его включить.

— То есть?

— Не могу.

— Почему?

— Не знаю. Я просто...

У старика перехватило дыхание, когда священник внизу перестал говорить и в ожидании поднял глаза. Нет, думал мистер Моффат. Нет, нельзя. Дурное предчувствие схватило его ледяной рукой. Он ощущал, как в горле рождается крик, пока его рука сама тянулась к выключателю.

Двигатель заработал.

Моффат заиграл. Точнее, заиграл орган, словно подчинив своей воле его пальцы. Панический страх клубился в голове старика. Он ощущал все нарастающее желание отключить орган и убежать.

Но продолжал играть.

Он вступил, когда запели прихожане. Целая армия людей, сидевших локоть к локтю, сжимали в руках винно-красные книжечки с гимнами.

— Нет,— выдохнул Моффат.

Уэндалл его не услышал. Старик видел, как растет давление. Стрелка громкости миновала меццо и двинулась к форте. Сухой всхлип вырвался из горла. Нет, пожалуйста, думал он, не надо.

Внезапно рычаг громкости, словно голова змеи, выполз наружу. Моффат в отчаянии задвинул его на место. Зашевелился рычаг унисона. Старик удержал его, он чувствовал, как рычаг напирает на подушечку пальца. Бисеринки пота выступили на лбу. Он кинул взгляд вниз и увидел, что люди посматривают на него. Его глаза переместились на стрелку громкости, которая скакнула на «большое крещендо».

— Уэндалл, попробуй!..

Завершить он не успел. Рычаг громкости снова вылез, и воздух распух от звука. Моффат задвинул рычаг обратно. Он чувствовал, как клавиши и педали движутся сами. Неожиданно выскочил рычаг унисона. Волна неукротимого гула затопила церковь. Нет времени объяснять что-то Уэндаллу.

Орган ожил.

Моффат ахнул, когда Уэндалл перегнулся через него и принялся колотить рукой по выключателю. Ничего не изменилось. Уэндалл выругался и стал дергать рычажок взад-вперед. Двигатель продолжал работать.

Давление достигло предельного значения, каждая труба дрожала от заключенного внутри ураганного ветра. Тоны и обертоны захлебывались в звуковом пароксизме. Гимн был совершенно забит громом враждебных аккордов.

— Быстрее! — выкрикнул Моффат.

— Не отключается! — ответил Уэндалл.

И снова выполз рычаг громкости. Усиленные диссонансы заколотили по стенам. Моффат накинулся на рычаг. Выпрыгнул освобожденный рычаг унисона. Яростный звук сгущался. Словно воющий великан ударял в церковь плечом.

«Большое крещендо». Медленные вибрации раскачивали полы и стены.

Неожиданно Уэндалл подскочил к перилам и закричал:

— Уходите! Все уходите!

Охваченный паникой, Моффат снова и снова жал на выключатель, однако хоры под ним по-прежнему содрогались. Орган все так же изрыгал музыку, которая уже не была музыкой, а только атакующим звуком.

— Уходите! — кричал Уэндалл вниз.— Быстрее!

Первыми не выдержали витражи.

Стекла взорвались, словно по ним выпалили из пушки. Осколки разбившейся радуги дождем посыпались на паству. Женщины кричали, их голоса прорывались сквозь дошедшую до предельной громкости музыку. Люди вскакивали со скамей. Звук ходил от стены до стены разрушительными волнами.

Паникадила разорвались хрустальными бомбами.

— Скорее! — надрывался Уэндалл.

Моффат не мог пошевелиться. Он сидел, бессмысленно таращась на клавиши мануалов, которые сами опускались одна за другой, словно костяшки домино. Он прислушивался к крикам органа.

Уэндалл схватил его за руку и потащил со скамьи. У них над головой разорвались два последних окна, превратившиеся в тучи стеклянной пыли. Под ногами ощущались могучие конвульсии здания.

— Нет! — Голос старика не был слышен, однако его намерения были совершенно очевидны, потому что он выдернул у Уэндалла руку и отступил к скамье.

— Ты с ума сошел?

Уэндалл подскочил к нему и грубо схватил старика. Тот сопротивлялся. Внизу рушились приделы. Паства превратилась в обезумевшее от страха стадо.

— Отпусти! — Лицо мистера Моффата стало похожим на бескровную маску.— Я должен остаться!

— Нет, нельзя! — надрывался Уэндалл.

Он что есть сил вцепился в старика и потащил его с хоров. Штормовые диссонансы вырвались вслед за ними на лестницу, перекрывая голос старика.

— Ты не понимаешь! — кричал мистер Моффат.— Я обязан остаться!

Вверху на трясущихся хорах орган играл сам собой, все рычаги выдвинулись наружу, педали громкости были отжаты до предела, двигатель работал, мехи качали воздух, трубы ревели и взвизгивали.

Внезапно треснула стена. Задрожали дверные проемы, камень заскрежетал о камень. Зазубренный кусок штукатурки свалился из-под купола и рассыпался по скамьям облаком белой пыли. Пол вибрировал.

Лавина прихожан текла из дверей. Позади вопящей, толкающейся толпы рвались оконные рамы и, кувыркаясь, приземлялись на пол. Еще одна трещина распорола стену. От известковой пыли стало нечем дышать.

Начали падать кирпичи.

Снаружи, посреди дорожки, застыл мистер Моффат, глядящий на церковь пустыми глазами.

Это он сам. Как же он не понял сразу? Это его испуг, его страх, его гнев. Испуг, что его тоже отдадут на слом, заменят, страх оказаться оторванным от того, что он любил и в чем нуждался, гнев на мир, который спешит избавиться от всего старого.

Именно он превратил орган в маниакальный механизм.

Вот уже последний человек покинул церковь. Внутри рухнула первая стена.

Она осыпалась шумной лавиной кирпича, дерева и штукатурки. Колонны закачались корабельным лесом и быстро упали, сминая скамьи внизу, словно ударами кувалды. Тросы, на которых держались люстры, ослабли, и к общему шуму добавились оглушительные взрывы.

А потом с хоров послышались басовые ноты.

Ноты были такие низкие, что едва воспринимались ухом. Они вибрировали в воздухе. Педали опустились, усиливая чудовищный аккорд. Он был похож на рык гигантского животного, на рев сотни бушующих океанов, на гул земли, разверзающейся, чтобы поглотить всякую жизнь. Пол поднялся горбом, стены с грохотом сложились. Купол повисел мгновение и ухнул вниз, завалив собой половину центрального нефа. Исполинская туча пыли затянула все пеленой. Внутри этого мутного облака церковь, треща, рассыпаясь на мелкие куски, громыхая и взрываясь, осела на землю.

Позже старик задумчиво бродил по залитым солнечным светом руинам и прислушивался, как орган дышит, словно какое-то неведомое животное, умирающее в древнем лесу.

Проценты

— Прошу прощения.— Кэтрин смущенно потупилась.— С моей стороны нехорошо так глазеть. Просто я никогда еще не видела столь прекрасного дома.

В поисках поддержки она взглянула через широкий стол, покрытый белоснежной скатертью. Однако ответная улыбка Джеральда была такой же вымученной, как и ее собственная. Она краем глаза посмотрела на его отца. Мистер Круикшэнк, казалось, был полностью занят нежным, как масло, бифштексом, по которому он сосредоточенно водил серебряным ножом.

— Мы понимаем, дорогая,-- отозвалась миссис Круикшэнк.— Я ощущала то же самое, когда впервые...— Ее голос угас.

Кэтрин помимо воли посмотрела вбок и увидела, что мистер Круикшэнк еще ниже склонился над золоченой тарелкой. Легкий холодок пробежал по ее спине. Она сделала вид, что ничего не заметила, и взялась дрожащей рукой за изящный винный бокал с золотой каемкой.

— Бифштекс восхитительный,— произнесла она, отставляя бокал.

Миссис Круикшэнк кивнула и слабо улыбнулась. Наступила тишина, если не считать звяканья приборов о тарелки и треска поленьев в исполинском мраморном камине, который занимал угол гигантской столовой.

Кэтрин снова взглянула на Джеральда.

Его взгляд был прикован к тарелке. Он жевал медленно и с паузами, словно размышлял о чем-то и по временам уносился мыслями так далеко, что забывал о необходимости еще и двигать при этом челюстями.

© Перевод Е. Королевой.

Лицо Кэтрин окаменело, пока она наблюдала за этими натужными движениями. Она выпила глоток воды, чтобы прочистить горло. «Я выхожу замуж за него, а не за этот дом и не за его родителей. Он совершенно нормален, когда поблизости нет его отца».

Ее щеки чуть вспыхнули, словно мистер Круикшэнк мог читать мысли. Затем она опустила глаза и снова принялась за еду. Кэтрин ощущала на себе взгляд пожилого человека и невольно подтянула ноги под стул. От звука, с каким каблуки ее туфель проехали по наборному паркету, мистер Круикшэнк передернул плечами.

Она не отрывала взгляда от еды. «Перестань на меня так смотреть». Ее разум сам выплюнул эти слова. После чего она решительно подняла глаза на хозяина. Кэтрин успела заметить, как дергается его правая щека. У нее сжалось горло.

— Какой высоты здесь потолки, мистер Круикшэнк? — забормотала она, не в силах смотреть ему в лицо молча. Она отметила, что его рубашка такая же белоснежная, как и скатерть, и безукоризненный галстук-бабочка выделяется на ее фоне двумя соединенными в вершинах черными треугольниками. Кэтрин на мгновение прижала дрожащие руки к коленям. «Я не смогу называть его папой, даже если проживу миллион лет».

— Ммм? — промычал наконец мистер Круикшэнк.

«Ты прекрасно меня слышал!» — выкрикнул ее разум.

— Какой высоты здесь потолки? — повторила она с трепещущей улыбкой.

— Семь с половиной метров,— сказал он так, словно зачитывал параметры оценщику.

Она, будто желая убедиться, посмотрела наверх, радуясь тому, что можно избежать взгляда этих светло-голубых глаз и не видеть тика, который бился под щекой, словно крошечное, заточенное внутри насекомое.

Взгляд прошелся вверх по завешенным гобеленами стенам, вдоль высоких окон с широкими подоконниками, по темным изогнутым балкам, образующим арку под потолком. «Джеральд,—думала она,— спаси меня. Я так больше не выдержу. Не выдержу».

— Семь с половиной,— повторила она.— Поразительно.

Мистер Круикшэнк уже не глядел на нее. Как и его жена. Только Джеральд на пару секунд встретился с ней взглядом, ко-

гда она отвела глаза от потолка. «Не бойся». Ей показалось, она прочла в его взгляде именно эти слова.

Она снова занялась едой, не в силах унять дрожь в руках. «Что же такое с этим домом,— недоумевала она.— Не могу избавиться от ощущения, что дело не во мне. Это все дом. Он слишком большой. Все в нем слишком большое. И есть в нем что-то еще. Что-то такое, чего я не могу объяснить. Но я это чувствую. Чувствую каждую минуту».

Она подняла глаза на две гигантские люстры, которые висели у них над головами, словно громадные браслеты из мерцающего самородного золота. Невзначай взгляд скользнул по всей мраморной стене, от верхних гобеленов до нижнего края окон.

«Оленьи головы,— подумала она с содроганием, быстро отводя глаза,— целый ряд отрезанных голов таращится на нас, пока мы едим. А на полу то, что осталось от медведя-гризли, смотрит вверх, разевая рот в вечном оскале».

Она опустила веки, ее захлестнуло прежнее ощущение. «Это все дом, дом».

Когда секунду спустя она открыла глаза, Джеральд глядел на нее, его тонкий рот сочувственно шевельнулся. «Ты в порядке?» — спросил он беззвучно, одними губами.

Кэтрин улыбнулась ему, мечтая обежать стол и навечно сжать его в объятиях. «Боже, не смотри на меня так,— мысленно умоляла она,— с такой жалостью и тоской. Мне нужна сейчас уверенная поддержка, а не полный скорби взгляд».

От ярости ее сердце колотилось, пока мистер Круикшэнк прочищал горло и откладывал в сторону приборы. Он откинулся на спинку стула, и его взгляд властно прошелся по всей длине стола.

Миссис Круикшэнк внезапно положила нож и вилку и села, замерев. Джеральд тоже отложил приборы и поглядел на Кэтрин, на его лице вдруг отразилась боль. Она не поняла. Бросила взгляд на его отца.

Отец семейства сидел, дожидаясь. Худые, перетянутые синими венами руки покоились на коленях. Он смотрел прямо перед собой, словно, кроме него, здесь никого не было. У Кэтрин свело живот. Она спешно отложила нож и вилку и села, глядя на ряд белых свечей, поднимающихся из серебряного канделябра в центре стола.

Мистер Круикшэнк поднял наполовину парализованную руку и другой рукой сомкнул ее пальцы на серебряном колокольчике с короной на верхушке. Он звякнул точно два раза, как если бы прозвонить больше или меньше стало бы грубым нарушением сакрального ритуала.

Пронзительный звон эхом разнесся по вытянутой комнате. «О господи, это же просто смешно,— думала Кэтрин,— мы на обеде или на церковной службе?»

Она посмотрела на миссис Круикшэнк, на Джеральда. Те сидели молча. Джеральд смотрел на отца, и на его напряженном лице читалась горечь.

Не успел угаснуть звон колокольчика, как ведущие в кухню толстые дубовые двери беззвучно открылись и вошли две безмолвные горничные. Пока уносили главное блюдо, Кэтрин смотрела на Джеральда.

Тот упирался подбородком в обескровленный кулак. Она физически ощущала не покидающее его беспокойство. «Никогда еще не видела его таким. Таким расстроенным».

Она поерзала на красном плюшевом стуле, когда горничная поставила перед ней высокую вазочку с лимонным мороженым.

Кэтрин ела, опустив голову, мечтая, чтобы Джеральд сказал хоть что-нибудь, все равно что. Она дрожала от холода, пока мороженое влажно проскальзывало в горло и опускалось в желудок.

— Слишком холодное,— пробормотал мистер Круикшэнк.

Она бросила в его сторону вопросительный взгляд. Мистер Круикшэнк рассматривал скатерть. Бесцветные губы были поджаты: он держал кусочек мороженого во рту, дожидаясь, чтобы вышел холод.

Пока она наблюдала за ним, ее вдруг охватило желание вскочить со стула и убежать отсюда как можно дальше.

Мистер Круикшэнк снова прочистил горло. Кэтрин вздрогнула, и ложечка громко звякнула о стекло. Миссис Круикшэнк улыбнулась, вроде бы благожелательно.

Опять прозвенел колокольчик. Она вытянулась на стуле. Вошли горничные, сопровождаемые дворецким.

— Кофе в библиотеку,— коротко приказал мистер Круикшэнк. Его тяжелый стул заскрежетал по полу, отъезжая назад, и Кэтрин стиснула зубы. Она заметила, как колыхнулось, будто на ветру, тело старика, когда он поднялся.

Джеральд уже поднялся и обогнул стол. Он помог ей встать, и она благодарно схватилась за его руку.

— Ты была великолепна,— сказал он тихо.— Просто идеальна.

Она ничего не ответила. Кэтрин так и держала его за руку, пока они шли через просторную комнату к двери.

Все в молчании двигались по огромному коридору. Стук шагов как будто терялся в бесконечности. Кэтрин кинула взгляд на длинную широкую лестницу, по бокам которой висели живописные холсты в золоченых рамах.

— Ты не...— начала она, но, увидев, что Джеральд ее не слушает, замолкла.

Он смотрел вперед, на отца, лицо его было бледным и отстраненным. Кэтрин взглянула на него так, словно рядом с ней был незнакомец. «Что же происходит?» — снова и снова задавался вопросом разум.

Она оглядела коридор и ощутила, как ее охватывает страх. Хотелось закричать, сжаться в комок, лишь бы оказаться подальше от этих стен. Во всем здесь было нечто жуткое. Она была уверена в этом. Ничего конкретного, только бросающее в дрожь предчувствие.

Когда они вошли в библиотеку, ее кольнула другая мысль. Возможно ли, что родители Джеральда теперь против их женитьбы? Уже после того, как дали слово?

«Что же я творю? — одернула она себя.— Я же все просто выдумываю. Все без исключения».

Джеральд повернулся и взглянул на нее, и она поняла, что все время, пока размышляла, не сводила с него глаз.

— Что случилось, Кэтрин?

— Дорогой, ты такой молчаливый.

Он печально улыбнулся и крепче сжал ее руку.

— Правда? — спросил он.— Прости. Дело в том... ладно, я объясню позже. Я...— Он оборвал шепот, потому что они уже подходили к родителям.

Перед камином стояли тяжелые стулья и кушетки. Худое тело мистера Круикшэнка уже покоилось на одной из кушеток. Его супруга опускалась на стул.

Мистер Круикшэнк похлопал по кушетке рядом с собой.

— Садитесь сюда, Кэтрин,— сказал он.

Она испуганно присела. Кэтрин ощущала запах чистоты и крахмала, исходящий от его рубашки, и запах помады, какой были покрыты его редкие седые волосы.

Она старалась не дрожать. Волны жара от камина прокатывались по ногам. Кэтрин подняла глаза. «Очередной потолок в семь с половиной метров»,— подумала она. И книги, тысячи книг. Прячущиеся в тени мраморные бюсты хмуро смотрели вниз с верхних полок книжных шкафов. Потолок был покрыт громадными фресками в зеленоватых тонах. Повсюду виднелись очертания живых тропических растений в огромных кадках, и их листья походили на зеленые кинжалы.

— Вам двадцать пять, Кэтрин,— произнес мистер Круикшэнк. Вопросом это было лишь отчасти.

Она сложила руки.

— Да.— Горло ее сжалось. «Первый обед с родителями моего жениха»,— подумала Кэтрин. Она напряженно ждала, что он скажет дальше.

Однако мистер Круикшэнк больше ничего не сказал. Краем глаза она видела, как его костлявые пальцы неутомимо барабанят по коленной чашечке.

— Отец, я...— внезапно заговорил Джеральд. Голос его оборвался, когда у него за спиной открылась дверь и вошел дворецкий с кофе.

«Вечер никогда не закончится»,— думала Кэтрин, когда дворецкий наклонялся к ней с подносом. Она взяла чашечку кофе. Налила немного сливок из серебряного молочника, положила пол-ложечки сахара и размешала как можно тише.

Мистер Круикшэнк потягивал черный кофе без сахара. Его чашка чуть позвякивала о блюдце. Кэтрин изо всех сил старалась не замечать этого звука. Она пыталась сосредоточиться на треске поленьев в камине. Но все равно слышала проклятое позвякивание.

Она взглянула на Джеральда, потом на его мать. Оба сидели, уставившись в чашки. У нее вдруг окаменели все мышцы. «Не знаю, почему я так боюсь. Боюсь его отца, его матери, его дома. Это просто ужасно, бояться того, что является частью Джеральда, но ничего не могу с собой поделать. Лишь хочу, чтобы он увел меня подальше от всего этого».

Она снова взглянула на Джеральда. В нем что-то зрело. Нарастало, словно раздуваемый ветром огонь. Кэтрин сидела и

дожидалась, понимая, что вот-вот что-то произойдет, он заговорит, или закричит, или разобьет об пол чашку. Его горло подергивалось, когда он ставил чашку и быстрым движением облизывал губы. Она напряженно ждала, руки дрожали. Кэтрин поняла, что не в силах дышать и все в комнате, за исключением Джеральда, будто уплывает куда-то вдаль.

Затем, когда этот миг прошел, она заметила мраморный бюст далеко у него за спиной. «Над дверьми на бюст Паллады у порога моего,— напыщенно и неуместно процитировал вдруг внутренний голос.— Сел — и больше ничего»*.

— Отец,— быстро проговорил Джеральд, и она сосредоточилась на его лице. Он сидел на краешке стула, вжимая ладони в колени.

Кэтрин оцепенела, дожидаясь ответа мистера Круикшэнка.

— Джеральд,— отозвался тот, и она, вдруг поперхнувшись, нервными пальцами отставила чашку с блюдцем.

Джеральд смотрел на отца. «Господи, да говори же!» — кричало ее сознание.

— Мне... мне кажется,— запинаясь, начал Джеральд,— мне кажется, у Кэтрин есть право знать. До того, как мы поженимся.

Один жуткий миг стояла тишина. Затем мистер Круикшэнк произнес:

— Знать? — Голос его звучал холодно.

Кэтрин взглянула на старика, и ее снова испугал тик под его правым глазом.

Она отвернулась и заметила, как побледнела мать Джеральда. Та в страхе смотрела на сына.

Джеральд сжал руки в кулаки.

— Ты понимаешь, о чем я говорю,— сказал он,— о...

— Хватит,— жестко прервал его отец.

Джеральд замолчал. Он сжал рот. Затем внезапно ударил кулаком по колену.

— Нет! — И все его натянутые нервы воскликнули вместе с ним.— Я не хочу, чтобы она испытала потрясение, какое испытала мама, когда...

— Я сказал, хватит! — Голос мистера Круикшэнка возвысился и задрожал.

Кэтрин почувствовала, как двинулась подушка на кушетке, когда старик судорожно качнулся сначала вперед, затем назад.

---

* Стихотворение Э. А. По «Ворон», перевод М. Зенкевича. *(Прим. перев.)*

Джеральд быстро встал, лицо его напряглось. Он развернулся и двинулся в конец комнаты.

— Джеральд, нет! — закричала мать, поднимаясь на ноги.

Она споткнулась, быстро выпрямилась и поспешила за сыном. Схватила его за рукав. Кэтрин в ошеломлении слушала, как сбивчиво и настойчиво звучит голос миссис Круикшэнк.

Мистер Круикшэнк тоже поднялся.

— Вас это не должно беспокоить,— проговорил он быстро.— Это не так важно, как кажется.

Она избежала его взгляда и услышала, как его ноги в черных туфлях торопливо вышагивают по ковру.

Кэтрин подняла глаза и увидела, что все трое стоят у дальней стены комнаты. Джеральд яростно жестикулировал, видимо, не в силах сдержать себя. Его движения были беспорядочны. Голос часто срывался. Трижды он пытался подойти к полке с книгами в красных кожаных переплетах. И трижды отец удерживал его.

— Нет! — гневно взревел он.— Я не могу это допустить. У тебя нет права...

Его голос снова затих. Она отвернулась и стала смотреть на огонь, чувствуя, как стучат зубы. Что же происходит, что это такое? Вопрос, который хотелось прокричать. Ее выводило из равновесия то, что она ничего не понимает и каждую секунду мучается от своего неведения.

Что же это за зловещая угроза, которая отравляет самый воздух дома? Почему даже в Джеральде есть этот страх, чего он боится в собственном доме?

Нет, решила она. Это даже не страх. Это похоже на глубоко въевшееся чувство вины. Вины, подобной никогда не заживающей ране, которая каждый раз открывается снова, стоит только ее залечить.

Вина. Но в чем?

— В чем? — Слова прозвучали громче, чем она ожидала. Кэтрин спешно огляделась, чтобы убедиться, что ее не услышали. Она заламывала руки в тоске.

Все трое вернулись к камину. Она слышала, как их туфли протопали по ковру.

— Я отвезу тебя домой,— спокойно произнес Джеральд.

Она взглянула в его непроницаемое лицо. Миссис Круикшэнк тронула сына за плечо, но он отстранился. Кэтрин взвол-

нованно поднялась и машинально взялась за протянутый ей локоть.

Они пошли к двери. Слышно было, как мистер Круикшэнк что-то раздраженно говорит жене. «Ни за что сюда не вернусь,— рассерженно подумала Кэтрин.— Ненавижу этот дом. Он большой, уродливый и неуютный. Но как же люди, которые в нем живут?» — спросила она себя. И проигнорировала этот вопрос.

Джеральд помог ей надеть пальто. Она не посмотрела на него. Поцеловала прохладную щеку миссис Круикшэнк. Пожала руку мистеру Круикшэнку. «Ненавижу ваш дом»,— продолжала думать она.

— Большое спасибо, что пригласили. Все было чудесно.

— Мы рады, что вы нас навестили,— отозвалась мать Джеральда. Ее супруг кивнул.

Они с Джеральдом прошли по длинной дорожке до машины. Один раз она оглянулась через плечо, но двери были уже закрыты.

В полном молчании они забрались в машину. Джеральд сидел за рулем, глядя в ветровое стекло. Она слышала, как он тяжело дышит в темноте.

— Милый, что все это значит?

Он медленно повернулся и взглянул ей в глаза. Неожиданно придвинулся и вжался лицом в ее мягкие волосы.

Она погладила его по щеке.

— Скажи мне,— молила Кэтрин.

— Как... как я могу просить тебя выйти за меня?

Она проглотила комок в горле, чувствуя, что холодеет.

— Ты меня не любишь? — спросила Кэтрин тоненьким испуганным голоском.

Он поцеловал ее и с отчаянием обнял.

— Ты же знаешь, что люблю. Только ты не знаешь, о чем я тебя прошу. За что ты выйдешь замуж. За... за зло.

— Зло?

Он отстранился. Взглянул через лобовое стекло на далекое небо.

— Да,— сказал он.— И я не вправе обрекать тебя... жить, сознавая его.

— Ты меня любишь?

— Да, конечно, я тебя люблю.

— Тогда все остальное не имеет значения.

— Имеет,— произнес он сердито.— Ты просто не знаешь, о чем говоришь. Не надо быть такой наивной. Это важно. Мой отец мог бы сказать, что нет. Моя мать могла бы так сказать. Но это важно. И всегда будет важно.

Он порывисто протянул руку и завел мотор. Дернул за рычаг передач, и машина покатилась по широкой, огибающей лужайку подъездной дорожке. Джеральд резко вырулил на дорогу.

— Я отвезу тебя домой,— сказал он сиплым голосом.— Я не стану на тебе жениться.

Она вздрогнула и пристально посмотрела на него. Она не могла говорить. Тело стало тяжелым и бесчувственным.

— Что? — пробормотала она, но даже сама с трудом расслышала собственный голос.

Мимо проносился темный лес. Она смотрела на силуэт Джеральда, на глубокие тени на лице от тусклого света приборной доски. Руки у нее тряслись.

— Джеральд,— позвала она.

Он не ответил. Кэтрин прерывисто вздохнула и ощутила, что по щеке катится слеза.

— Ты... ты даже не с-сказал мне почему. Ты...

Рыдание вырвалось из горла, и она отвернулась.

— Послушай, Кэтрин.— В его голосе звучали пустота и потерянность. Он говорил так, словно прощался навеки.— Только выслушай меня. Любви недостаточно. Поверь мне. Моя мать любила и до сих пор любит отца. Но этого недостаточно. Ты даже не знаешь, что это такое. И не можешь знать. И я не хочу, чтобы ты знала. Я и сам не хотел бы этого знать. Жить с этим, день за днем, час за часом, каждую минуту без конца. Это кошмар.

— Но...

— Нет, милая, не прерывай меня. Мать делает вид, что все в прошлом. Говорит, что все давно кончено и позабыто. Но я слышал, как она с криком просыпается по ночам. Господи, и как часто! И я вижу, как отец делает вид, будто жизнь идет нормально, словно все в порядке. Но это постоянно убивает его. Он притворяется, живет, как довольный жизнью богач, но это его убивает.

— Что? Что это, Джеральд?

Он нажал на тормоз, и машина, подпрыгнув, резко остановилась. Кэтрин ахнула и испуганно посмотрела на него. Она

задержала дыхание, когда его рука дотронулась до нее, холодная и дрожащая.

— Ладно,— сказал он.— Я покажу тебе. Так будет правильно. Когда ты узнаешь, ты сможешь решить сама. Не будет никаких тайн. Тогда ты поймешь, в какой ловушке окажешься, если выйдешь за меня.

— В ловушке, Джеральд? — спросила она несчастным голосом.

— Именно, в ловушке,— подтвердил он, снова заводя мотор.

Он развернул машину и поехал назад.

— Это все наши... деньги,— сказал он.

— Ваши...

— Наши деньги. О, я знаю, что ты скажешь. Я слышал это множество раз. Это не вина моего отца, и не моя, мы не отвечаем за наших предков. Грехи отцов и все такое. Так вот, все это ложь. Ложь.

Он не сводил глаз с дороги, нога жала на педаль газа.

— Но, дорогой, что ты...

— Подожди же! — почти закричал он. Затем заставил себя успокоиться.

— Прости,— сказал он.— Просто подожди немного. Прошу тебя, Кэтрин.

Машина выехала на подъездную дорожку и остановилась перед домом.

— Не хлопай дверцей,— сказал Джеральд.

— Может, мне лучше не ходить?

Она дрожала, когда он в темноте взял ее за руку.

— Кэтрин, либо так, либо никак. Если ты не пойдешь сейчас, другого раза не будет. Я отвезу тебя домой, и мы больше никогда не увидимся.

— Хорошо,— решилась она.— Тогда я иду.

Она закрыла дверцу машины как можно тише.

Кэтрин робко стояла в прихожей, пока Джеральд запирал входную дверь. Он взял ее за руку и быстро повел в темную библиотеку. Их ноги прошуршали по толстому ковру. От камина на пол падал дрожащий золотистый свет. Горло Кэтрин сжималось. Она ощущала пугающую своими размерами пустоту и враждебность этой комнаты.

Они встали перед книжным шкафом. Кэтрин услышала, как он открывает дверцу. Затем звук вынимаемых книг. Она подошла ближе.

В неровном свете камина она увидела, что его белые пальцы набирают код на дверце сейфа.

Она отвернулась. Услышала, как щелкнула дверца сейфа, как Джеральд что-то оттуда вынул. Кэтрин вздрогнула, когда он взял ее за руку. Она шла с закрытыми глазами, пока он вел ее к кушетке возле камина.

Они сели, и Джеральд положил ей на колени некий предмет.

— Тебе же нельзя мне показывать,— вдруг сказала она.

— Ты хочешь выйти за меня?

— Уверен, что я должна знать?

Он ничего не ответил, и Кэтрин положила руки на предмет. Взглянула на него. Это оказалась коробка из темного дерева.

Онемелыми руками она провела по крышке. В ушах шумела кровь, когда она протянула руку и отперла коробку. Кэтрин сидела, словно парализованная.

— Открой,— произнес он дрожащим шепотом.

Она подняла трясущуюся руку и откинула крышку. Глубоко вдохнула и заглянула внутрь.

— Вот откуда все это взялось.— Его голос походил на мысль, звучащую у нее в голове.

Кэтрин нахмурила брови. Опустила руку в коробку. В мерцающем свете посмотрела на то, что оказалось у нее на ладони. Повернулась к Джеральду.

— Но,— начала она,— это же просто...

— Серебряная монета.— Глядящие на нее темные глаза широко раскрылись.— Сосчитай их. Их здесь ровно тридцать.

Глоток воды

Фильм закончился во втором часу ночи. Когда они вышли из кинотеатра, на них обрушилась августовская жара.

— Пить хочу,— сказал Джордж.

— Почему же ты не попил, пока мы были в кино? — спросила Элеонора.

— У них там такая вода, будто из-под крана в ванной. Черт, как я хочу пить!

— А что ты ел?

— Соленый попкорн.

— И?..

— И теперь я умираю.

— А что ты ел кроме попкорна?

— Ну, мороженое с шоколадом.

— А еще?

— Шоколадку.

— Даже интересно, и с чего это тебя мучит жажда? — удивилась она.

Он облизнул губы.

— Теперь я понимаю, что чувствуют люди в фильмах про пустыню.

— Подожди, мы скоро достигнем оазиса,— пообещала Элеонора.

На двери квартиры была записка. Прочитав ее, Элеонора засмеялась в голос.

— Ну, ты должен признать, что он честно нас предупредил,— сказала она.— Мы ведь целый год жаловались ему на трубы.

© Перевод Е. Королевой.

— И он решил отключить воду в такую ночь?!

Раздраженный, Джордж отпер замок и толкнул дверь. Войдя в кухню, он включил свет. Элеонора услышала, как он откручивает краны.

— О... господи! — Он вышел из кухни, гневно сверкая глазами. Забрал у нее записку.— «Подача воды возобновится завтра днем»,— прочитал он.— Прекрасно!

— Должно же у нас быть что-то, что можно пить,— сказала Элеонора.

Она зашла в кухню и открыла холодильник. Джордж последовал за ней.

— Сгущенное молоко,— предложила она.

— Следующий вариант.

— Есть апельсиновый сок. Ой, нет, мы допили его на завтрак.

— Тогда дай мне льда.

Она выдвинула лоток и виновато посмотрела на него.

— Могу поклясться...— начала она.

— Фрукты есть?

— Собиралась купить завтра.

— Великолепно,— сказал он.— Просто великолепно.

Она поглядела на него без всякого выражения.

— Что ж,— произнесла она.

— Именно, что ж?

— Наверное, тебе придется выйти и раздобыть себе питье.

— Где?

— В баре.

— О господи,— вздохнул он.

«Ладно,— размышлял Джордж, снова шагая в сторону проспекта,— где тут у нас бары?» Он вспомнил один и кивнул самому себе.

— Вот черт,— пробормотал он, шагая быстрее. Прямо как в какой-нибудь в книжке. Тащиться неизвестно куда в полвторого ночи в будний день, чтобы раздобыть глоток воды.

Он тяжело дышал, переходя улицу. Странно, думал он, как все подробности бытия отходят на второй план, когда ты нуждаешься в глотке воды. Человек забывает, как важна для него вода. Требуется что-то подобное сегодняшнему случаю, чтобы это вспомнить.

Джордж вздохнул и зашагал еще быстрее. Ему показалось, что даже слюна вся высохла. Он облизнул губы. Господи, ну и жарища!

Наконец-то проспект. Где же тот бар? Ведь он был в этом квартале, разве не так? Нет, в следующем, вон там неоновая вывеска. Джордж поспешил к ней. «Боже,— думал он,— я иду за глотком воды!»

Он вообразил, как входит в бар и говорит бармену: «Представляешь, какая глупость! Умирая от жажды, прихожу домой, а что сделал наш консьерж? Отключил воду! Ага! В такую-то ночь!»

И все время, пока рассказывает об этом, он будет опрокидывать в себя стаканы воды. Ледяной воды, чистой, как хрусталь, с позвякивающими в ней кубиками льда, такими, с маленькими круглыми дырочками посередине. Шесть или семь кубиков будут стукаться о запотевшие стенки стакана, пока холодная, мокрая, вкуснейшая вода будет вливаться в его иссохшее...

Бар был закрыт.

Он стоял, уставившись на дверь непонимающим взглядом. Закрыт? Так рано? Что за чушь! Он посмотрел на неоновую вывеску. Какого черта она горит, если этот дурацкий бар закрыт?!

Застонав, он развернулся и пошел дальше по проспекту. Какой-нибудь бар должен работать. Он побежал, потом снова пошел. Звук его шагов был единственным звуком на улице.

Через несколько кварталов нашелся еще один бар. Прищурившись, он издалека разглядел неоновые буквы: ИРЛАНДСКАЯ ХИЖИНА. Джордж был здесь сто лет назад. Помнил, как бармен наливал ледяное пиво. Он снова припустил бегом, жара горячими крыльями билась в лицо. Эй, бармен, самый большой стакан воды!

«Ирландская хижина» оказалась закрыта. Он стоял перед ней, тяжело дыша, и глядел на водопад. Это была реклама пива. «Из края водопадов». Электрический механизм делал так, что казалось, будто в витрине льется настоящий водопад. Холодные голубые воды разбивались о скалы, поднимая белые брызги.

Он вздрогнул, когда из горла вырвалось слабое рыдание.

Отвернулся. «Только без глупостей,— подумал он.— Ты получишь воду. Только не торчи здесь, таращась на дурацкий фальшивый водопад».

Джордж оглядел проспект. Увидел, что вдалеке появился трамвай. Подумал, не сесть ли на него. Может, там кто-нибудь подскажет, где достать воды.

— Боже...

Это же абсурд. Он раздувают из пустяка целую драму. Не до такой же степени он хочет пить. Он всего лишь...

Нет, он даже думать об этом не хочет. Джордж попытался сосредоточиться на поиске воды, однако истерзанный разум, вырвавшись на свободу, принялся перебирать воспоминания о том, какой был на вкус попкорн, горячий и скользкий от растаявшего масла и очень-очень соленый. Он вспомнил мороженое, холодное, да, но сладкое и покрытое слоем еще более сладкого, вязкого шоколада, густого, теплого шоколада, тающего на языке.

— Прекрати! — Сердитый голос потонул в грохоте проезжающего трамвая.

Он посмотрел на сидящих внутри людей. Разве кому-нибудь из них есть дело, что человек умирает от жажды?

Он передернулся от подобной мысли. Жизнь вся такая, подумал он. Все ординарные события идут и идут своим чередом, а где-то зреет угроза. Все, что требуется,— стечение нескольких обстоятельств, как сейчас: жаркая августовская ночь, попкорн, мороженое, шоколад, омерзительного вкуса вода в кинотеатре, идиот консьерж, пустой холодильник, закрытые бары. Ничего сверхъестественного. Крошечные, обыденные, ужасно логичные события, которые...

Джордж, оторопев, остановился. Впереди — заправка. Там должен быть автомат с кока-колой со встроенным питьевым фонтаном!

Он кинулся бежать по тротуару. Глаза неотрывно смотрели на заправочную станцию, которая была все ближе и ближе. Да, там есть автомат с кока-колой! Он кинулся бегом. Он почти у цели. Еще несколько секунд, и вся эта глупость позабудется. Он промчался мимо молчаливых колонок и остановился перед автоматом. Нажал дрожащим пальцем на хромированную кнопку.

Воды не было.

Он уставился на питьевой фонтан так, словно плохо его видел. Нет, не может быть. Он второй раз нажал на кнопку. Ничего. И еще раз. Воды не было.

— Нет! — Крик разнесся по пустынной заправке.

Джордж ударил по кнопке кулаком и, зашипев от боли, отдернул руку.

Внезапно, чего не случалось с ним очень давно, он едва не заплакал. Одернул себя. «Прекрати вести себя как дурак,— приказал он себе.— Ты скоро получишь воду».

Он огляделся по сторонам. Дальше по проспекту был кинотеатр, куда они сегодня ходили. Он со злобой уставился на него. И неожиданно напрягся. А вдруг там еще кто-нибудь есть, закрывает кинотеатр, кассир, механик, управляющий?

Джордж в волнении перешел проспект, запрыгнул на тротуар и побежал под нависающим над головой тентом. Добежав до стеклянных дверей, он принялся толкать их одну за другой. Все были заперты. Постучал, но никто не отозвался.

Он стоял, глядя сквозь дверь на питьевой фонтан. Представлял, как склоняется над ним, поворачивает краник, вода ударяет в губы, в рот. Волна гнева охватила его. Те, кто содержит это паршивое заведение, вот кто виноват.

— Да, вы! — прокричал он, и его голос неуверенно прозвучал под гулкими сводами входа.

Джордж пнул дверь и вскрикнул от боли. Развернувшись, он побежал через мраморную площадку. «Хочу пить! — клокотало внутри.— Хочу пить!»

Вернувшись на тротуар, втягивая воздух сквозь сжатые зубы, он снова оглядел молчаливый проспект. И что дальше? Он должен раздобыть воды, просто обязан! Но все уже закрыто, заперто, забаррикадировано. Джордж вертел головой из стороны в сторону, дыша все чаще и чаще. Он находится в городе, который купается в воде, и не может раздобыть ни глотка! Просто не может раздобыть ни глотка воды!

А что, если постучаться к кому-нибудь, успокаивал он себя. Постучаться или позвонить в дверь, кто-нибудь проснется и даст ему воды. Да, так и стоит сделать. Так он и должен поступить. Прихрамывая, Джордж припустил по проспекту. Как же жарко, чертовски жарко! Жажда иссушала его, вытапливала, запекала.

Его вдруг охватила паника. Он побежал в беспамятстве, не разбирая куда. Вода. Он должен раздобыть воды, пока еще не слишком поздно. Да, именно так. Пока еще не слишком поздно. Воды.

Воды!

Он покинул проспект, спотыкающаяся тряпичная кукла, а не человек: глаза пустые, рот широко разинут, руки — болтающиеся по бокам палки. Жара окутывала его. Она хочет его иссушить, выпарить из него все соки, превратить его в обезвоженную ломкую оболочку...

Он резко затормозил, не веря своим глазам.

Дальше по улице кто-то оставил невыключенной поливочную установку. В свете уличного фонаря Джордж видел, как с лужайки поднимается сверкающий сноп воды.

Ноги пришли в движение, сначала медленно, затем быстрее. Вот он уже побежал, бормоча себе под нос что-то взволнованное, безумное, похожее на зарождающийся смех сумасшедшего. Он бежал все быстрее и быстрее. Мир для него пропал, не было никакого мира, не было людей, ничего во всей бескрайней вселенной, кроме этого вертящегося фонтана, разбрасывающего по сторонам шипящие струи прохладной, удивительно прохладной...

Джордж бросился под струи, поскользнувшись на мокрой траве. Он не пытался встать. Он пополз к поливалке, пока восхитительные капли не забарабанили по лицу, словно дождь в грозу, наполнили жаждущий рот и полились в горло.

Он брел домой, а на лице застыло блаженное выражение животного, которого накормили досыта. Добравшись до дому, он скинул промокшую одежду, надел пижаму и забрался в постель.

В полпятого утра он проснулся: по небу жемчужной россыпью прокатился раскат грома. Плохо соображая со сна, Джордж огляделся. На улице лило как из ведра. Он застонал и, рывком встав на ноги, доковылял до окна. Подоконник был покрыт каплями. Он закрыл окно и побрел обратно в постель.

— Чертов дождь,— проворчал он.

Тереза

23 апреля

Наконец-то я отыскала способ уничтожить Терезу! Господи! Я так счастлива, что готова плакать! Спустя столько лет покончить с этой гнусной тиранией! Как там говорится? Остается только дождаться воплощения плана в жизнь. Именно, я уже долго этого дожидаюсь. Настало время действовать. Я избавлюсь от Терезы и обрету душевное спокойствие. Да, обрету!

Горькая ирония в том, что книга стояла в библиотеке все эти годы. Господи! Я могла бы сделать это много лет назад, избежать всей боли и жесточайших унижений! Но незачем гневить судьбу. Я должна быть признательна за то, что все-таки нашла ее. И смеяться над тем — это ведь страшно забавно! — что Тереза к тому же была со мной в библиотеке, когда я наткнулась на эту книгу.

Она-то, конечно, с жадностью изучала один из множества томов с порнографией, какие оставил после себя наш отец. Я сожгу их после того, как убью Терезу! Слава богу, мать умерла раньше, чем он принялся их коллекционировать. Каким бы мерзким он ни был, Тереза, разумеется, любила его до самого конца. На самом деле она точно такая же, как он: сладострастная, вульгарная, отталкивающая. Я бы совершенно не удивилась, если бы узнала, что она разделяла с ним не только увлечения, но и постель. О божс, я буду петь гимн радости в тот день, когда ее не станет!

Да, она сидела там, внизу, пылая темным чувственным румянцем, пока я, чтобы не видеть ее, металась по галерее, где стоят самые старые книги. И там, на одной из верхних полок,

---

© Перевод Е. Королевой.

я обнаружила том, покрытый слоем серой пыли. «Вуду: достоверные исследования», автор — доктор Уильям Мориарти. Выпущено частным издательством. Одному богу ведомо, где и когда отец достал эту книгу.

Что поразительно: я полистала ее со скукой и даже задвинула обратно на место! И только когда уже отошла от нее на много шагов и просмотрела кучу других книг, меня вдруг осенило.

С помощью вуду я смогу уничтожить Терезу!

25 апреля

Руки мои дрожат, когда я пишу эти строки. Я почти закончила куклу Терезы. Да! Почти закончила! Я сделала куклу из куска ее старого платья, которое нашла на чердаке. На место глаз вставила две пуговицы, выточенные из какого-то камня. Это, разумеется, еще не все, однако дело, слава господу, уже на мази.

Я смеюсь, представляя, что сказал бы доктор Рамси, если бы узнал о моих планах. Как бы он отреагировал? Сказал бы, что глупо верить в вуду? Или что я должна научиться жить с Терезой, пусть и не любить ее? Любить эту скотину? Ни за что! Господи, как же я ее презираю! Если бы я могла — бог свидетель,— я с радостью уступила бы свою половину отцовского наследства, лишь бы только никогда не видеть больше ее порочной физиономии, никогда не слышать пьяной ругани и россказней о похождениях этой грязной развратницы!

Но это совершенно невозможно. Она меня не отпустит. И мне остается только одно — уничтожить ее. Что я и сделаю. Да, сделаю!

Терезе осталось жить один день.

26 апреля

Теперь у меня есть все! Все! Сегодня вечером, прежде чем отправиться на бог ведает какую еще оргию, она принимала ванну. А после ванны стригла ногти. И теперь они у меня, все до единого, привязаны к кукле ниткой. Еще я сделала кукле парик из волос, которые старательно вычесала из ее щетки. Вот теперь кукла по-настоящему стала Терезой. В этом вся прелесть вуду. Я держу жизнь Терезы в своих руках, вольная выбирать, когда именно мне угодно ее уничтожить. Я подожду, чтобы вдосталь упиться этой властью.

Что скажет доктор Рамси, когда Тереза умрет? Что он сможет сказать? Что я сошла с ума, если думаю, будто она умерла из-за вуду? (Впрочем, я и не стану ему рассказывать.) Она умрет! Я ее и пальцем не трону, как бы мне ни хотелось добраться до нее лично, своими руками выдавить жизнь из ее горла. Но нет, я уцелею. Вот главная радость. Сознательно убить Терезу и остаться жить! Истинный экстаз!

Завтра ночью. Пусть она насладится последними похождениями. Никогда она больше не ввалится ко мне, шатаясь и источая пары перегара, чтобы пересказать, до последней омерзительной подробности, все те непристойности, какими она занималась! Никогда больше она... Господи, я не могу ждать! Я воткну иголку в сердце куклы! Избавлюсь от нее навсегда! Будь ты проклята, Тереза! Будь проклята! Я убью тебя прямо сейчас!

Из записной книжки Джона Х. Рамси, доктора медицины, 27 апреля

Несчастная Миллисента мертва. Домработница обнаружила ее этим утром, она лежала, скорчившись, на полу у кровати, держась за сердце, на окоченевшем лице отражалось потрясение и боль. Без сомнения, сердечный приступ. На теле никаких следов насилия. Рядом на полу валялась маленькая тряпичная кукла с воткнутой в нее иглой. Бедняжка Миллисента. Неужели ей пришла в голову больная мысль избавиться от меня с помощью вуду? Я надеялся, что она мне доверяет. Но с другой стороны, с чего бы ей мне доверять? Ведь я так и не смог по-настоящему помочь ей. Она была безнадежна. Миллисента Тереза Марлоу страдала от самого тяжелого случая раздвоения личности, какой я когда-либо имел несчастье наблюдать...

Добыча

Амелия пришла домой в четырнадцать минут седьмого. Убрав пальто в стенной шкаф, она внесла в гостиную небольшой сверток и уселась на диван. Скинула туфли, пока развязывала положенный на колени сверток. Извлеченная деревянная коробка напоминала гроб. Амелия подняла крышку и улыбнулась. Внутри лежала самая безобразная кукла, какую она когда-либо видела. Ростом сантиметров двадцать, вырезанная из дерева, со скелетоподобным тельцем и несоразмерно большой головой. На лице куклы застыло выражение неистовой злобы, острые зубы оскалены, глаза навыкате. В правой руке кукла сжимала копье высотой с нее саму. Все тело от плеч до коленей обвивала изящная золотая цепочка. Под куклой, к задней стенке коробки был приколот крошечный свиток. Амелия отколола его и развернула. Бумага была исписана от руки. «Он Тот, Который Убивает,— начиналась записка.— Безжалостный охотник». Амелия снова улыбнулась, когда читала последние слова. Артур будет счастлив.

Мысль об Артуре заставила ее взглянуть на телефон, стоявший на столе рядом. Спустя некоторое время она вздохнула и положила деревянную коробку на диван. Поставив на колени телефон, она подняла трубку и набрала номер.

— Привет, мам,— сказала Амелия.

— Как, ты еще не вышла? — спросила мать.

Амелия собралась с духом.

— Мам, я знаю, что сегодня пятница...— начала она.

Закончить она не смогла. На другом конце провода повисло молчание. Амелия закрыла глаза. «Мама, умоляю»,— мысленно просила она. Амелия сглотнула.

© Перевод Е. Королевой.

— Есть один человек,— произнесла она.— Его зовут Артур Бреслоу. Он преподает в школе.

— Значит, ты не придешь,— сказала мать.

Амелия задрожала.

— У него сегодня день рождения.— Она открыла глаза и посмотрела на куклу.— Я, в общем-то, обещала ему, что мы... проведем этот вечер вместе.

Мать молчала. «Все равно сегодня в кино нет ничего интересного»,— продолжала Амелия про себя.

— Мы с тобой сходим куда-нибудь завтра вечером,— сказала она вслух.

Мать по-прежнему молчала.

— Мама?

— Теперь даже вечера пятницы для тебя слишком много.

— Мама, мы с тобой видимся два-три раза в неделю.

— Приходишь в гости. Хотя у тебя здесь есть своя комната.

— Мама, не начинай все сначала.

«Я не ребенок,— подумала Амелия.— Прекрати обращаться со мной так, словно я ребенок!»

— Сколько ты с ним уже встречаешься? — спросила мать.

— Примерно месяц.

— И ни слова мне не сказала.

— Я как раз собиралась.

У Амелии начала гудеть голова. «Нет, голова у меня не заболит!» — приказала она себе. Она взглянула на куклу. Та как будто пристально рассматривала ее.

— Он очень милый человек, мама,— сказала Амелия.

Мать ничего не ответила. Амелия почувствовала, как каменеют мышцы живота. «Сегодня вечером есть я уже не смогу»,— решила она.

Амелия внезапно поняла, что вся съежилась над телефоном. Она заставила себя сесть прямо. «Мне тридцать три года»,— напомнил внутренний голос. Протянув руку, она вынула куклу из коробки.

— Видела бы ты, что я купила ему в подарок. Нашла в сувенирном магазине на Третьей авеню. Настоящая кукла-фетиш племени зуни*, ужасно редкая. Артур просто помешан на антропологии. Поэтому я ее и купила.

---

* Зуни — индейскос племя, живущее на юго-западе США. *(Прим. ред.)*

В трубке царило молчание. «Ну и ладно, ну и не разговаривай»,— подумала Амелия.

— Это охотничий фетиш.— Она изо всех сил старалась говорить непринужденно.— Предполагается, что внутри куклы заточен дух охотника зуни. Все тело обмотано золотой цепочкой, чтобы не позволить духу...— она не смогла подобрать слово, провела дрожащим пальцем по цепочке,— вырваться на свободу, кажется, так,— закончила она.— Его зовут Тот, Который Убивает. Видела бы ты его лицо.

Она чувствовала, как теплые слезы катятся по щекам.

— Счастливо повеселиться,— сказала мать, вешая трубку.

Амелия смотрела на трубку, слушая гудки. «Ну почему вечно все вот так?» Она уронила трубку на рычаг и отставила телефон. Темнеющая комната расплывалась перед глазами. Амелия поставила куклу на край кофейного столика и поднялась. «Сейчас я приму ванну,— сказала она себе.— Я встречусь с ним, и мы прекрасно проведем время». Она прошла через комнату. «Прекрасно проведем время»,— гулко повторил разум. Она знала, что ничего не получится. «Боже, мама!» — подумала она. Сжала в бессильной ярости кулаки и вошла в ванную.

А в гостиной кукла упала с края кофейного столика. Наконечник копья вонзился в ковер, и кукла замерла вверх тормашками.

Изящная золотая цепочка стала сползать вниз.

За окном почти стемнело, когда Амелия вернулась в гостиную. Она сняла одежду и надела махровый халат. В ванной набиралась вода.

Она присела на диван и поставила телефон на колени. Смотрела на него несколько минут. Наконец, тяжко вздохнув, она подняла трубку и набрала номер.

— Артур? — произнесла она, когда он поднял трубку.

— Да?

Амелии был знаком этот тон, любезный, но слегка подозрительный. Она не могла решиться.

— Твоя мать,— сказал наконец Артур.

Какая тяжесть и холод в животе.

— Мы должны были сегодня встретиться,— пояснила она.— Каждую пятницу...— Она прервалась и подождала. Артур молчал.— Я уже как-то говорила об этом.

— Я помню, что ты говорила.

Амелия потерла висок.

— Похоже, она по-прежнему управляет твоей жизнью? — спросил он.

Она напряглась.

— Просто я не хочу еще больше расстраивать ее. Мой переезд и так был для нее тяжелым ударом.

— Я тоже не хочу ее расстраивать,— заверил Артур.— Но сколько у меня дней рождения в году? Мы же договорились.

— Я знаю.— Она ощутила, как снова начинают каменеть мышцы живота.

— Ты действительно позволишь ей так с тобой поступить? В одну-единственную пятницу в году?

Амелия закрыла глаза. Ее губы беззвучно шевелились. «Я просто не могу еще больше ее расстраивать»,— подумала Амелия. Она проглотила комок в горле.

— Она моя мать.

— Очень хорошо. Прошу прощения. Я так ждал этого дня, но...— Он помолчал.— Извини,— сказал он. И быстро повесил трубку.

Амелия долго сидела в тишине, прислушиваясь к гудкам. Она вздрогнула, когда раздался записанный на пленку голос:

— Повесьте, пожалуйста, трубку.

Положив трубку, она поставила телефон на стол. «А я так старалась с подарком»,— подумала она. Теперь уже нет смысла вручать его Артуру. Протянув руку, она включила лампу на столе. Завтра же надо отнести куклу обратно.

Куклы на кофейном столике не было. Опустив глаза, она увидела на ковре золотую цепочку. Амелия соскользнула с дивана и встала на колени, подняла цепочку и положила ее в деревянную коробку. Под столиком куклы тоже не оказалось. Наклонившись, Амелия пошарила под диваном.

Вскрикнув, отдернула руку. Она выпрямилась, развернулась к лампе и посмотрела на указательный палец. Из-под ногтя что-то торчало. Она вздрогнула, вынимая это что-то. Наконечник кукольного копья. Она бросила его в коробку и пососала палец. Снова наклонившись, осторожно провела рукой под диваном.

Куклы она не нашла. Поднявшись с усталым стоном, Амелия начала отодвигать диван от стены. Диван был ужасно тяжелый. Она вспомнила тот вечер, когда они с матерью отпра-

вились в мебельный магазин. Ей хотелось обставить комнату современной датской мебелью. Мать же настояла на этом тяжелом кленовом диване — он продавался со скидкой. Амелия стонала, оттаскивая его. Тут до нее донесся шум текущей воды из ванной. Надо бы уже выключить.

Она осмотрела открывшуюся взгляду часть ковра, заметила древко копья. Куклы рядом не было. Амелия подняла копье и положила на кофейный столик. Кукла застряла под диваном, решила она, и когда она передвигала диван, то перетащила вместе с ним и куклу.

Ей показалось, что за спиной послышался какой-то звук — легкий, быстрый топот ног. Амелия обернулась. Звук пропал. Она ощутила, как холодок поднимается по ногам.

— Это Тот, Который Убивает,— сказала она, улыбнувшись.— Он снял с себя золотую цепь и убежал...

Она вдруг замолчала. Из кухни явственно доносился какой-то шум. Металлический скрежет. Амелия нервно сглотнула. «Что же происходит?» Она прошла через гостиную, приблизилась к двери в кухню, включила свет. Заглянула внутрь. С виду все как обычно. Взгляд робко прошелся по плите с кастрюлей, по столу и стульям, по ящикам и дверцам, по электрическим часам, маленькому холодильнику с лежащей на нем кулинарной книгой, по картине на стене, по держателю для ножей, привинченному к боку шкафчика...

...Маленького ножика не хватало.

Амелия смотрела на держатель. «Не глупи»,— велела она себе. Просто положила нож в стол, вот и все. Она вошла в кухню и выдвинула ящик со столовыми приборами. Ножа там не было.

Новый звук заставил ее немедленно перевести взгляд на пол. Она вскрикнула от изумления. Несколько мгновений Амелия стояла, замерев на месте, затем, шагнув к двери, она заглянула в комнату, сердце тяжело колотилось. Неужели это игра воображения? Она была уверена, что уловила какое-то движение.

— Ну, хватит уже,— сказала она себе. После чего презрительно фыркнула. Ничего она не видела.

У дальней стены комнаты погасла лампа.

Амелия от неожиданности вздрогнула так, что ударилась правым локтем о ручку двери. Вскрикнув, она схватилась за локоть другой рукой, глаза на миг закрылись, лицо превратилось в гримасу боли.

Она открыла глаза и заглянула в темную гостиную.

— Ну хватит уже,— повторила она себе с раздражением. Какого-то шороха и перегоревшей лампочки явно недостаточно, чтобы выдумывать всякую...

Она прогнала от себя дурную мысль. Нужно пойти и выключить воду. Она вышла из кухни в коридор. На ходу она, морщась, потирала локоть.

Снова какой-то шум. Амелия замерла. Что-то двигалось к ней по ковру. Она уставилась на пол. «Нет»,— подумала она.

А потом она увидела — стремительное движение на уровне ковра. Сверкнул металл, и сейчас же правую голень пронзила боль. Амелия ахнула. Не глядя, ударила ногой. Снова боль. Она чувствовала, как по коже струится горячая кровь. Амелия развернулась и кинулась в прихожую. Ковер под ногами дернулся, ее отбросило к стене, жгучая боль затопила правую щиколотку. Амелия схватилась за стену, чтобы не упасть, привалилась к ней боком. Она озиралась, рыдая от страха.

Новое движение, темная тень на темном фоне. Боль в левой лодыжке, потом снова в правой. Амелия закричала. Что-то задело ее по бедру. Она отшатнулась назад, снова чуть не упала. Силясь сохранить равновесие, она судорожно замахала руками. Пятка левой ноги уперлась в стену, что позволило ей устоять. Амелия развернулась и кинулась в темную спальню. Захлопнув дверь, она привалилась к ней, грудь сотрясали тяжелые вздохи. Что-то колотилось в дверь с другой стороны, что-то маленькое, на уровне пола.

Амелия прислушалась, стараясь не дышать так шумно. Она осторожно потянула за ручку, чтобы проверить, что замок успел защелкнуться. Когда за дверью все затихло, она попятилась в сторону кровати. Вздрогнула, упершись в край матраса. Опустившись на постель, она схватила другой телефон и поставила на колени. Кому звонить? В полицию? Там решат, что она сумасшедшая. Матери? Она слишком далеко.

Амелия набирала номер Артура в свете, доходящем из ванной, когда ручка двери начала поворачиваться. Ее пальцы онемели. Она уставилась на другой конец темной комнаты. Замок на двери щелкнул. Телефон соскользнул с колен. Она услышала стук удара о ковер, когда дверь начала открываться. Что-то отцепилось от дверной ручки.

Амелия отпрянула назад, подтянув ноги наверх. Какая-то тень суетливо пробежала по ковру к кровати. Она смотрела, ра-

зинув рот. «Этого не может быть»,— подумала она. Амелия обмерла, почувствовав, как что-то дергает за покрывало. Оно лезет на кровать, чтобы добраться до нее. «Нет, этого не может быть!» Она не могла пошевелиться. Глаза уставились на край матраса.

Показалось нечто, похожее на маленькую головку. Амелия дернулась с испуганным криком, спешно переползла к другому концу кровати и спрыгнула на пол. Влетев в ванную, она развернулась и захлопнула дверь, стеная от боли в лодыжке. Амелия едва успела нажать большим пальцем кнопку на ручке, как что-то ударилось в нижнюю часть двери. Послышался звук, похожий на скребущуюся крысу. А потом все затихло.

Она склонилась над ванной. Та была уже почти полной. Потянувшись, чтобы закрыть краны, Амелия увидела в воде расплывающиеся капли крови. Она повернулась к зеркальному шкафчику над раковиной.

Дыхание перехватило, когда она увидела порез на шее. Амелия зажала рану трясущейся рукой. Вдруг она осознала и боль в ногах и опустила глаза. Обе ноги были порезаны на уровне щиколотки. Кровь стекала по пяткам на пол. Амелия заплакала. Кровь из шеи бежала между пальцами. Струилась по запястью. Она взглянула на себя в зеркало сквозь пелену слез.

Кое-что в собственном отражении ее рассердило: перепуганный взгляд затравленной жертвы. «Ну уж нет»,— возмутилась она. Амелия протянула руку к дверце аптечки. Открыв ее, она достала йод, бинт, пластырь. Опустила крышку унитаза и осторожно села на край. Ей пришлось потрудиться, чтобы открыть бутылочку с йодом. Она трижды стукнула ее о раковину, прежде чем пробка поддалась.

Изо рта вырвался стон, когда йод начал жечь ноги. Стиснув зубы, Амелия стала обматывать бинтом правую лодыжку.

Какой-то звук заставил ее обернуться к двери. В промежуток между дверью и полом просунулось лезвие ножа. «Он пытается проткнуть мне ноги,— поняла она,— он думает, что я стою прямо за дверью». Подобные мысли звучали как полное безумие. «Он Тот, Который Убивает,— вспомнились внезапно слова из свитка.— Беспощадный охотник». Амелия смотрела на мелькающее лезвие. «Боже»,— думала она.

Она торопливо забинтовала обе ноги, затем встала и, глядя в зеркало, полотенцем смыла кровь с шеи. Прижгла йодом порез, шипя от пронзительной боли.

Амелия обернулась на новый звук, чувствуя, как прыгает в груди сердце. Она шагнула к двери и прижалась к ней, напряженно прислушиваясь. На высоте ручки раздавалось металлическое позвякивание.

«Кукла пытается отжать кнопку».

Амелия медленно попятилась, не сводя глаз с дверной ручки. Она попыталась представить себе куклу. Наверное, та висит на ручке, зацепившись одной рукой, а ножом, зажатым в другой руке, ковыряет замок? Совершенно безумная картина. Амелия ощутила, как волосы на затылке встают дыбом. «Нельзя его впускать!»

Она оскалилась, испустив сиплый крик, когда кнопка дверной ручки выскочила наружу. Поддавшись импульсу, Амелия схватила с вешалки банное полотенце. Ручка повернулась, запор щелкнул. Дверь начала открываться.

И внезапно в ванную ринулась кукла. Она двигалась так быстро, что ее фигура расплывалась перед глазами. Амелия с силой ударила полотенцем, словно на нее нападал огромный жук. Охотник отлетел к стене. Амелия бросила в него полотенце и кинулась к двери, постанывая от боли в лодыжках. Распахнув дверь, она выскочила в спальню.

Почти у самой двери в коридор Амелия подвернула ногу. С испуганным криком она растянулась на ковре. Сзади послышался шум. Развернувшись на спину, она увидела, что кукла, подпрыгивая, словно паук-скакун, выбегает из двери ванной. В свете лампочки блеснуло лезвие ножа. Затем кукла скрылась в тени, стремительно приближаясь к ней. Амелия поползла спиной вперед. Она обернулась через плечо, увидела чулан, заползла в его темноту и потянулась к ручке дверцы.

Снова боль, обжигающий порез в ноге. Амелия закричала и отпрянула назад. Вскинув руку, она сдернула с вешалки пальто. Пальто упало на куклу. Амелия принялась швырять в нее все, что попадалось под руку. Кукла была погребена под ворохом блузок, юбок и платьев. Амелия перевалилась через шевелящуюся гору одежды. Она заставила себя встать на ноги и изо всех сил бросилась в прихожую. Звук рвущейся на полу ткани затих. Амелия кинулась к входной двери. Отперев ее, она повернула ручку.

Дверь не открывалась. Амелия быстро протянулась к засову. Задвинут. Она попыталась оттянуть его. Засов не поддавался. Она вцепилась в него, охваченная паникой. Руки соскальзывали.

— Нет,— пробормотала Амелия. Она в ловушке.— О господи! — Она принялась колотить в дверь.— Помогите мне! Помогите!

Шум в спальне. Амелия развернулась и метнулась в гостиную. Упала на колени перед диваном, схватилась за телефон, но пальцы так дрожали, что она не смогла набрать номер. Она начала рыдать, затем обернулась со сдавленным криком. Кукла неслась на нее из коридора.

Амелия схватила с кофейного столика пепельницу и запустила ею в охотника. Она швырнула вазу, деревянную коробку, статуэтку. Но все мимо. Кукла добралась до нее и принялась колоть ножом ноги. Амелия, не разбирая дороги, попятилась назад и упала на кофейный столик. Встав на колени, она снова поднялась. Бросилась в сторону коридора, роняя на ходу мебель, чтобы задержать куклу. Перевернула стул, стол. Схватила лампу, разбила об пол. Выскочила в коридор, развернулась, кинулась в стенной шкаф, захлопнула за собой дверь.

Онемевшие пальцы вцепились в ручку. Волны жара омывали лицо изнутри. Амелия закричала, когда нож просунулся под дверь и острый кончик впился в палец ноги. Она отшатнулась назад, не отпуская ручку. Халат распахнулся. Она ощутила, как между грудей струится кровь. От боли ноги перестали что-либо чувствовать. Она закрыла глаза. «Умоляю, кто-нибудь, помогите».

Она похолодела, когда ручка дверцы начала поворачиваться у нее под пальцами. Не может кукла быть сильнее ее, просто не может! Амелия усилила хватку. «Умоляю». Виском она ударилась о край чемодана, лежащего на полке.

Ее осенило. Удерживая дверцу правой рукой, она неловко вскинула левую. Замки чемодана оказались открыты. Внезапным рывком она повернула ручку и со всей силы распахнула дверь. Послышался удар о стену и об пол.

Амелия быстро стянула с полки чемодан и, откинув крышку, упала на колени, держа чемодан, словно раскрытую книгу корешком к себе. Она напрягла все свое внимание, глаза широко раскрыты, зубы стиснуты. Руки ощутили удар — кукла врезалась на бегу в дно чемодана. В тот же миг Амелия захлопнула крышку и швырнула чемодан на пол. Навалившись всем телом, она давила на крышку, пока трясущиеся пальцы не застегнули замки. Когда защелкнулся последний, она зарыдала от облегчения. Амелия оттолкнула чемодан. Он проехал по полу и стукнулся

о стену. Амелия с трудом встала на ноги, стараясь не слушать безумные удары и скрежет внутри чемодана.

Она включила в прихожей свет и снова попыталась отодвинуть засов. Тот безнадежно заклинило. Амелия развернулась и пробежала через гостиную, глядя себе под ноги. Повязки на лодыжках сползли. Обе ноги были в запекшейся крови, некоторые порезы еще кровоточили. Она провела рукой по шее. Рана все еще сочилась кровью. Амелия сжала трясущиеся губы. Надо как можно скорее попасть к врачу.

Вынув из ящика кухонного стола нож для колки льда, она вернулась в прихожую. Пилящий скрежет заставил ее взглянуть на чемодан. У нее перехватило дыхание. Из бока чемодана высовывалось лезвие ножа, которое двигалось вверх-вниз, пропиливая дыру. Амелия смотрела на него не отрываясь. Ей показалось, что все ее тело превратилось в камень.

Она бросилась к чемодану и упала рядом с ним на колени, глядя в оцепенении на мелькающее лезвие. Оно было испачкано кровью. Амелия попыталась схватить его левой рукой, чтобы выдернуть. Лезвие вырвалось, ушло вниз, и она вскрикнула, отдергивая руку. На большом пальце остался глубокий порез. Кровь потекла по ладони. Амелия прижала палец к халату. Из разума будто начисто вытерли все мысли.

Рывком встав на ноги, она доковыляла до двери и принялась дергать засов. Но он так и не поддавался. Большой палец саднил. Она вставила нож для колки льда под засов и попыталась отжать его. Кончик ножа сломался. Амелия пошатнулась и едва не упала. Она отскочила, заливаясь слезами. Нет времени, совсем нет времени. Она в отчаянии озиралась по сторонам.

Окно! Можно ведь выбросить чемодан в окно! Она представила, как он падает в темноте. Амелия поспешно отбросила нож, повернулась к чемодану.

И застыла. Из дыры в чемодане показались голова и плечи. Амелия наблюдала, как охотник силится выскочить наружу. Она не могла пошевелиться. Дергающаяся кукла уставилась на нее. «Нет,— думала она,— это неправда». Кукла высвободила ноги и спрыгнула на пол.

Амелия отскочила в сторону и вбежала в гостиную. Правая нога угодила на осколок статуэтки. Она почувствовала, как тот глубоко впивается в плоть, и лишилась равновесия. Упав на бок, огляделась. Кукла прыжками неслась к ней. Амелия видела, как сверкает лезвие ножа. Амелия бешено дернула ногой, отшвыр-

нув куклу назад. Задыхаясь, вскочила на ноги, забежала в кухню, развернулась и начала закрывать дверь.

Что-то мешало ее закрыть. Амелии показалось, будто в голове раздался крик. Посмотрев вниз, она увидела нож и крошечную деревянную руку. Это рука куклы вклинилась между дверью и косяком! Амелия навалилась на дверь всем весом, поражаясь той силе, с какой на дверь нажимали с другой стороны. Раздался треск. Крик в голове сделался громче, он перекрывал треск ломающегося дерева.

Зазвенел упавший нож. Амелия опустилась на колени и потянула его к себе. Она взяла нож, отломанная деревянная кисть с запястьем соскользнули с рукояти. Борясь с дурнотой, Амелия с трудом поднялась на ноги и кинула нож в раковину. Дверь больно ударила ее в бок, охотник ворвался в кухню.

Амелия отпрянула от него. Схватив стул, она запустила им в куклу. Та отпрыгнула в сторону, затем обогнула упавший стул. Амелия схватила с плиты кастрюлю и швырнула ее на пол. Кастрюля с грохотом приземлилась, заливая куклу водой.

Амелия посмотрела на куклу. Та больше не наступала на нее. Охотник хотел забраться в раковину: он подпрыгивал, пытаясь схватиться за край стола одной рукой. «Он хочет получить обратно нож,— поняла она.— Он хочет добраться до своего оружия».

И вдруг она придумала, что делать. Шагнув к плите, она откинула дверцу духовки и до упора повернула газовый кран. Она услышала, как шумно вспыхнул огонь, когда разворачивалась, чтобы схватить куклу.

Амелия закричала, когда кукла начала выворачиваться и брыкаться, от бешеных рывков охотника ее мотало по всей кухне. Крик снова заполнил ее разум, и она внезапно поняла, что это кричит дух, заточенный в кукле. Она поскользнулась и ударилась о стол, обогнула его, упала на колени рядом с духовкой и зашвырнула куклу внутрь. Захлопнула дверцу и навалилась на нее.

Дверцу едва не вынесло. Амелия давила плечом, затем спиной, уперлась ногами в стену. Она старалась не обращать внимания на то, как кукла бьется в духовке. Видно было, как алая кровь толчками вырывается из стопы. Амелия почувствовала запах горящего дерева и закрыла глаза. Дверца духовки становилась все горячее. Она осторожно пошевелилась. Грохот и толчки отдавались в ушах. Крик заполнял сознание. Она понимала,

что на спине будет ожог, но не могла ослабить нажим. Запах горелого дерева сделался сильнее. Ноги ужасно болели.

Амелия взглянула на настенные часы. Без четырех минут семь. Она наблюдала, как красная секундная стрелка медленно передвигается по кругу. Прошла минута. Крик в голове постепенно затихал. Она неловко заерзала, стискивая зубы от жжения в спине.

Еще минута. Грохот и толчки прекратились. Крик становился все слабее. Запах гари наполнял кухню. По воздуху расползался серый дым. «Вот теперь они появятся,— подумала Амелия.— Теперь, когда все кончено, кто-нибудь придет на помощь. Так всегда бывает».

Она начала понемногу отодвигаться от дверцы духовки, готовая, если что, тут же навалиться на нее снова. Амелия развернулась и встала на колени. От вони горелого дерева ее мутило. Но она все равно должна была проверить. Протянув руку, Амелия открыла дверцу духовки.

Что-то черное и удушливое метнулось к ней, она снова услышала в голове крик, когда жар охватил ее снаружи и изнутри. Только на этот раз это был победный крик.

Амелия встала и выключила духовку. Взяла из ящика щипцы для льда и вынула почерневшую искореженную деревяшку. Кинула ее в раковину и пустила воду, дожидаясь, пока перестанет валить пар. Затем она прошла в спальню, подняла телефон и прижала рычажки. Через минуту отпустила их и набрала номер матери.

— Это Амелия, мама,— сказала она.— Прости, что я так себя вела. Я хочу встретиться с тобой сегодня. Правда, уже немного поздно. Может, ты приедешь ко мне и мы пойдем прямо отсюда? Прекрасно. Жду тебя.

Повесив трубку, она вернулась на кухню, где вынула из держателя для ножей самый длинный из них. Подошла к входной двери и отодвинула засов, который теперь двигался совершенно свободно. Она пошла с ножом в гостиную, скинула халат и протанцевала танец охотника, танец радости охоты, радости предстоящего убийства.

Затем она села в углу, скрестив ноги. Тот, Который Убивает сел в углу, скрестив ноги, дожидаясь в темноте, когда появится добыча.

Посылка (Нажмите кнопку)

А Вас всегда понимают?..

Пакет лежал прямо у двери — картонная коробка, на которой от руки были написаны фамилия и адрес: «Мистеру и миссис Льюис, 217-Е, Тридцать седьмая улица, Нью-Йорк, штат Нью-Йорк». Внутри оказалась маленькая деревянная коробка с единственной кнопкой, закрытой стеклянным колпачком. Норма попыталась снять колпачок, но он не поддавался. К днищу коробочки скотчем был прикреплен сложенный листок бумаги: «Мистер Стюарт зайдет к вам в 20.00».

Норма перечитала записку, отложила ее в сторону и, улыбаясь, пошла на кухню готовить салат.

Звонок в дверь раздался ровно в восемь.

— Я открою! — крикнула Норма с кухни.

Артур читал в гостиной.

В коридоре стоял невысокий мужчина.

— Миссис Льюис? — вежливо осведомился он.— Я мистер Стюарт.

— Ах да...

Норма с трудом подавила улыбку. Теперь она была уверена, что это рекламный трюк торговца.

— Разрешите войти? — спросил мистер Стюарт.

— Я сейчас занята. Так что, извините, просто вынесу вам вашу...

— Вы не хотите узнать, что это?

Норма молча повернулась.

— Это может оказаться выгодным...

© Перевод В. Баканова.

— В денежном отношении? — вызывающе спросила она.

Мистер Стюарт кивнул:

— Именно.

Норма нахмурилась.

— Что вы продаете?

— Я ничего не продаю.

Из гостиной вышел Артур.

— Какое-то недоразумение?

Мистер Стюарт представился.

— Ах да, эта штуковина...— Артур кивнул в сторону гостиной и улыбнулся.— Что это вообще такое?

— Я постараюсь объяснить,— сказал мистер Стюарт.— Разрешите войти?

Артур взглянул на Норму.

— Как знаешь,— сказала она.

Он заколебался.

— Ну что ж, входите.

Они прошли в гостиную. Мистер Стюарт сел в кресло и вытащил из внутреннего кармана пиджака маленький запечатанный конверт.

— Внутри находится ключ к колпачку, закрывающему кнопку,— пояснил он и положил конверт на журнальный столик.— Кнопка соединена со звонком в нашей конторе.

— Зачем? — спросил Артур.

— Если вы нажмете кнопку,— сказал мистер Стюарт,— где-то в мире умрет незнакомый вам человек, а вы получите пятьдесят тысяч долларов.

Норма уставилась на посетителя широко раскрытыми глазами. Тот улыбался.

— О чем вы говорите? — недоуменно спросил Артур.

Мистер Стюарт был удивлен.

— Но я только что объяснил.

— Это шутка?

— При чем тут шутка? Совершенно серьезное предложение...

— Кого вы представляете? — перебила Норма.

Мистер Стюарт смутился.

— Боюсь, что я не смогу ответить на этот вопрос. Тем не менее заверяю вас: наша организация очень сильна.

— По-моему, вам лучше уйти,— заявил Артур, поднимаясь.

Мистер Стюарт встал с кресла.

— Пожалуйста.

— И захватите вашу кнопку.

— А может, подумаете денек-другой?

Артур взял коробку и конверт и вложил их в руки мистера Стюарта. Потом вышел в прихожую и распахнул дверь.

— Я оставлю визитку.— Мистер Стюарт положил на столик возле двери карточку и ушел.

Артур порвал ее пополам и бросил на стол.

— Как по-твоему, что все это значит? — спросила с дивана Норма.

— Мне плевать.

Она попыталась улыбнуться, но не смогла.

— И ни капельки не любопытно?..

Потом Артур стал читать, а Норма вернулась на кухню и домыла посуду.

— Почему ты отказываешься говорить об этом? — спросила Норма.

Не прекращая чистить зубы, Артур поднял глаза и посмотрел на ее отражение в зеркале ванной.

— Разве тебя это не интригует?

— Меня это оскорбляет,— сказал Артур.

— Я понимаю, но...— Норма продолжала накручивать волосы на бигуди,— но ведь и интригует?.. Ты думаешь, это шутка? — спросила она уже в спальне.

— Если шутка, то дурная.

Норма села на кровать и сбросила тапочки.

— Может быть, какие-то исследования проводят психологи?

Артур пожал плечами.

— Может быть.

— Ты не хотел бы узнать?

Он покачал головой.

— Но почему?

— Потому что это аморально.

Норма забралась под одеяло. Артур выключил свет и наклонился поцеловать жену.

— Спокойной ночи.

Норма сомкнула веки. Пятьдесят тысяч долларов, подумала она.

Утром, выходя из квартиры, Норма заметила на столе обрывки разорванной карточки и, повинуясь внезапному порыву, кинула их в свою сумочку.

Во время перерыва она склеила карточку скотчем. Там были напечатаны только имя мистера Стюарта и номер телефона.

Ровно в пять она набрала номер.

— Слушаю,— раздался голос мистера Стюарта.

Норма едва не повесила трубку, но сдержала себя.

— Это миссис Льюис.

— Да, миссис Льюис? — Мистер Стюарт, казалось, был доволен.

— Мне любопытно.

— Естественно.

— Разумеется, я не верю ни одному вашему слову.

— О, все чистая правда,— сказал мистер Стюарт.

— Как бы там ни было...— Норма сглотнула.— Когда вы говорили, будто кто-то в мире умрет, что вы имели в виду?

— Именно то, что говорил. Это может оказаться кто угодно. Мы гарантируем лишь, что вы не знаете этого человека. И безусловно, вам не придется наблюдать его смерть.

— За пятьдесят тысяч долларов?

— Совершенно верно.

Она насмешливо хмыкнула.

— Чертовщина какая-то...

— Тем не менее таково наше предложение,— сказал мистер Стюарт.— Занести вам прибор?

— Конечно нет! — Норма с возмущением бросила трубку.

Пакет лежал у двери. Норма увидела его, как только вышла из лифта. «Какая наглость! — подумала она.— Я просто не возьму его».

Она вошла в квартиру и стала готовить обед. Потом вышла за дверь, подхватила пакет, отнесла его на кухню и оставила на столе.

Норма сидела в гостиной, потягивая коктейль и глядя в окно. Немного погодя она пошла на кухню переворачивать котлеты и положила пакет в нижний ящик шкафа. Утром она его выбросит.

— Наверное, забавляется какой-нибудь эксцентричный миллионер,— сказала она.

Артур оторвался от обеда.

— Я тебя не понимаю.

Они ели в молчании. Неожиданно Норма отложила вилку.

— А что, если это всерьез?

— Ну и что тогда? — Артур недоверчиво пожал плечами.— Чего бы ты хотела — вернуть устройство и нажать кнопку? Убить кого-то?

На лице Нормы появилось отвращение.

— Так уж и убить...

— А что же, по-твоему?

— Но ведь мы даже не знаем этого человека.

Артур был потрясен.

— Ты говоришь серьезно?

— Ну а если это какой-нибудь старый китайский крестьянин за двести тысяч миль отсюда? Какой-нибудь больной туземец в Конго?

— А если это какая-нибудь малютка из Пенсильвании? — возразил Артур.— Прелестная девушка с соседней улицы?

— Ты нарочно все усложняешь.

— Какая разница, кто умрет? — продолжал Артур.— Все равно это убийство.

— Значит, даже если это кто-то, кого ты никогда в жизни не видел и не увидишь,— настаивала Норма,— кто-то, о чьей смерти ты даже не узнаешь, ты все равно не нажмешь кнопку?

Артур пораженно уставился на жену.

— Ты хочешь сказать, что *ты* нажмешь?

— Пятьдесят тысяч долларов.

— При чем тут...

— Пятьдесят тысяч долларов, Артур,— перебила Норма.— Мы могли бы позволить себе путешествие в Европу, о котором всегда мечтали.

— Норма, нет.

— Мы могли бы купить тот коттедж...

— Норма, нет.— Его лицо побелело.— Ради бога, перестань!

Норма пожала плечами.

— Как угодно.

Она поднялась раньше, чем обычно, чтобы приготовить на завтрак блины, яйца и бекон.

— По какому поводу? — с улыбкой спросил Артур.

— Без всякого повода.— Норма обиделась.— Просто так.

— Отлично. Мне очень приятно.

Она наполнила его чашку.

— Хотела показать тебе, что я не эгоистка.

— А я разве говорил это?

— Ну,— она неопределенно махнула рукой,— вчера вечером...

Артур молчал.

— Наш разговор о кнопке,— напомнила Норма.— Я думаю, что ты неправильно меня понял.

— В каком отношении? — спросил он настороженным голосом.

— Ты решил,— она снова сделала жест рукой,— что я думаю только о себе...

— А-а...

— Так вот, нет. Когда я говорила о Европе, о коттедже...

— Норма, почему это тебя так волнует?

— Я всего лишь пытаюсь объяснить,— она судорожно вздохнула,— что думала о нас. Чтобы мы поездили по Европе. Чтобы мы купили дом. Чтобы у нас была лучше мебель, лучше одежда. Чтобы мы наконец позволили себе ребенка, между прочим.

— У нас будет ребенок.

— Когда?

Он посмотрел на нее с тревогой.

— Норма...

— Когда?

— Ты что, серьезно? — Он опешил.— Серьезно утверждаешь...

— Я утверждаю, что это какие-то исследования! — оборвала она.— Что они хотят выяснить, как при подобных обстоятельствах поступит средний человек! Что они просто говорят, что кто-то умрет, чтобы изучить нашу реакцию! Ты ведь не считаешь, что они действительно кого-нибудь убьют?!

Артур не ответил; его руки дрожали. Через некоторое время он поднялся и ушел.

Норма осталась за столом, отрешенно глядя в кофе. Мелькнула мысль: «Я опоздаю на работу...» Она пожала плечами. Ну и что? Она вообще должна быть дома, а не торчать в конторе...

Убирая посуду, она вдруг остановилась, вытерла руки и достала из нижнего ящика пакет. Положила коробочку на стол, вынула из конверта ключ и удалила колпачок. Долгое время

сидела недвижно, глядя на кнопку. Как странно... ну что в ней особенного?

Норма вытянула руку и нажала кнопку. «Ради нас»,— раздраженно подумала она.

Что сейчас происходит? На миг ее захлестнула волна ужаса.

Волна быстро схлынула. Норма презрительно усмехнулась. Нелепо — так много внимания уделять ерунде.

Она швырнула коробочку, колпачок и ключ в мусорную корзину и пошла одеваться.

Норма жарила на ужин отбивные, когда зазвонил телефон. Она поставила бокал с коктейлем из водки и мартини и взяла трубку.

— Алло?

— Миссис Льюис?

— Да.

— Вас беспокоят из больницы «Легокс-хилл».

Норма слушала будто в полусне. В толкучке Артур упал с платформы прямо под поезд метро. Несчастный случай.

Повесив трубку, она вспомнила, что Артур застраховал свою жизнь на двадцать пять тысяч долларов с двойной компенсацией при...

Нет. С трудом поднявшись на ноги, Норма побрела на кухню и достала из корзины коробочку с кнопкой. Никаких гвоздей или шурупов... Вообще непонятно, как она собрана.

Внезапно Норма стала колотить ею о край раковины, ударяя все сильнее и сильнее, пока дерево не треснуло. Внутри ничего не оказалось — ни транзисторов, ни проводов... Коробка была пуста.

Зазвонил телефон, и Норма вздрогнула. На подкашивающихся ногах она прошла в гостиную и взяла трубку, уже догадываясь, чей голос услышит.

— Вы говорили, что я не буду знать того, кто умрет!

— Моя дорогая миссис Льюис,— сказал мистер Стюарт.— Неужели вы и в самом деле думаете, будто знали своего мужа?

Только по записи

Утром, в одиннадцать четырнадцать, мистер Больман зашел в мужскую парикмахерскую. Уайли оторвал взгляд от программы скачек.

— Доброе утро,— поприветствовал он. Поглядел на свои наручные часы и улыбнулся.— Вы как раз вовремя.

Мистер Больман не ответил улыбкой. Он устало снял пиджак и повесил на крючок. С трудом прошел по чисто вымытому полу и опустился в среднее кресло. Уайли отложил программу скачек и встал. Он потянулся и зевнул.

— Как-то вы неважно выглядите, мистер Больман,— заметил он.

— Я и чувствую себя неважно,— отозвался тот.

— Как жаль это слышать.— Уайли поднял кресло и зафиксировал.— Как обычно?

Мистер Больман кивнул.

— Ладушки.— Парикмахер взял с полки чистую простыню и встряхнул ее.— А что с вами такое?

Больман вздохнул.

— Да ничего определенного.

— Просто переутомились? — спросил Уайли, заматывая простыню вокруг шеи клиента.

— Вот именно. А вы как поживаете?

— Да не слишком хорошо.— Уайли заколол простыню булавкой.— На той неделе был в Вегасе.— Он печально вздохнул.— Проиграл кучу денег.

— Скверно,— отозвался Больман.

— А, ничего страшного,— усмехнулся Уайли.— Легко пришло, легко ушло.— Он взял электрическую машинку для стрижки и включил.— Мария! — крикнул он.

© Перевод Е. Королевой.

Она что-то спросила из задней комнаты.

— Мистер Больман пришел.

— Уже иду,— откликнулась Мария.

Уайли начал трудиться над затылком мистера Больмана. Больман закрыл глаза.

— Ну, ничего,— подбодрил Уайли.— Не расстраивайтесь.

Мистер Больман неловко поерзал в кресле.

— Хотя вы точно выглядите не лучшим образом.

Больман снова вздохнул.

— Даже не знаю,— сказал он.— Просто не знаю.

— А в чем проблема-то?

— Да нога,— сказал Больман.— И спина. И правая рука сверху донизу. Еще желудок.

— Господи,— сочувственно произнес Уайли.— А вы были у своего врача?

— Он понятия не имеет, что со мной,— презрительно ответил Больман.— Я уже не утруждаю себя походами к нему. Все, что он делает,— отправляет меня к специалистам.

Уайли хмыкнул.

— Паршивое дело, мистер Больман.

Больман вздохнул.

— Только доктор Рэнд еще как-то помогает,— сказал он.

— Правда? — Уайли, казалось, пришел в восторг.— Рад это слышать. Не знаю, говорил ли я когда-нибудь или нет, он ведь вовсе не доктор медицины и прочая, прочая. Но вот мой брат не устает повторять, что он просто чудо.

— Так и есть. Если бы не он...

— Здравствуйте, мистер Больман.— Вышла Мария.

Больман повернул голову и сумел заставить себя улыбнуться.

— Мария,— произнес он.

— Как вы себя чувствуете сегодня?

— Скриплю понемногу.

Мария придвинула маникюрный столик и стул к парикмахерскому креслу. Когда она садилась, свитер на груди натянулся.

— У вас усталый вид,— заметила она.

Мистер Больман кивнул.

— Так и есть. Плохо сплю.

— Какая жалость,— посочувствовала она и принялась за его ногти.

— Но я рад, что этот Рэнд все еще практикует,— вставил Уайли.— Когда-нибудь я и сам к нему обращусь.

— Отличный врач,— сказал Больман.— Единственный, который хоть чем-то мне помогает.

— Прекрасно,— отозвался Уайли.

Некоторое время все молчали, Уайли стриг мистеру Больману волосы, Мария делала маникюр. Затем Больман спросил:

— А что, дела у вас идут не очень?

— Почему же,— сказал Уайли.— Просто я теперь все делаю по предварительной записи.— Он улыбнулся.— Иначе никак нельзя.

Когда мистер Больман ушел, Мария отнесла обрезки волос и ногтей в заднюю комнату. Отперев шкафчик, она вынула куклу с биркой «БОЛЬМАН». Уайли закончил набирать номер на телефоне и наблюдал, как она заменяет кукле волосы и ногти на свежие.

— Рэнд? — произнес он, когда на другом конце провода подняли трубку.— Это Уайли. Только что был Больман. Когда ты назначил ему? Отлично. Пропиши ему что-нибудь от спины, и мы на пару недель вынем одну булавку. Идет? И вот еще, Рэнд. В этом месяце твой чек пришел слишком поздно. Имей это в виду,— с нажимом закончил Уайли.

Он повесил трубку и подошел к Марии. Пока она работала над куклой, он сунул руки под ее свитер и сжал груди. Мария, постанывая, прижалась к нему спиной, лицо ее напряглось.

— Когда следующий клиент? — спросила она.

Уайли усмехнулся.

— До половины второго никого.

К тому времени, когда он запер дверь, повесил на дверь табличку «ЗАКРЫТО НА ОБЕД» и вернулся в заднюю комнату, Мария уже ждала его в постели. Уайли скинул одежду, прошелся взглядом по смуглому телу, изогнувшемуся на матрасе.

— Ах ты, гаитянская сучка,— пробормотал он, улыбаясь.

В двадцать минут второго в парикмахерскую вошел мистер Уолтерс. Сняв пальто, он повесил его на крючок и уселся в среднее кресло. Уайли отложил программу скачек и встал. Он щелкнул языком.

— Э, да вы неважно выглядите.

— Я и чувствую себя соответственно,— отозвался мистер Уолтерс.

Завершающий штрих

Холлистер стоял на балконе за дверью, наблюдая, как они занимаются любовью. Его дыхание вырывалось в темноту облачками белого пара. Пальцы рук в серых перчатках непрерывно сжимались, чтобы поддержать кровоток. Ночной воздух, казалось, насквозь пронзает плоть и языками тумана расползается по костям.

А в спальне Рекс Чаппел лежал на кровати со своей женой. На Рексе были лишь штаны от пижамы, на Аманде — прозрачная черная ночная рубашка. У Холлистера комок застрял в горле, когда он увидел, как ее тело отвечает на ласки мужа. Он стиснул зубы, лицо, скрытое тенью фетровой шляпы, побелело. «Уже недолго осталось»,— сказал он самому себе. Губы растянулись в недоброй улыбке.

Чаппел теперь снимал с Аманды ночную рубашку. Она томно села на кровати, подняв руки, пока он стягивал рубашку с тяжелых грудей, тянул вверх, открывая зардевшееся, улыбающееся лицо, золотистую россыпь волос, руки цвета слоновой кости, длинные пальцы с алыми ногтями.

Ночная рубашка темной птицей приземлилась на пол. Аманда упала на спину, раскинув руки, сжимая пальцы, словно в призывной мольбе. Чаппел распустил завязку на штанах. Они соскользнули вниз по мускулистым ногам. Аманда, извиваясь, подалась назад, перебираясь на подушки. Холлистер видел, как ее затвердевшие груди резко поднялись и упали. Он видел, как Чаппел начал склоняться над жаждущим телом, видел, как она изогнулась дугой, жадно стремясь ему навстречу. «Пора»,— ре-

© Перевод Е. Королевой.

шил Холлистер. С перекошенным лицом он приоткрыл балконную дверь и вынул из кармана пистолет.

Раздались едва слышные хлопки: из дула с глушителем прямо в спину Чаппела вылетело шесть пуль.

Холлистер медленно ехал по городским улицам. Пистолет, с привязанным к нему дополнительным грузом, покоился на дне реки. И Аманда его не увидела. Прижатая к кровати весом мертвого тела, она не стала свидетельницей его бегства. Он вне подозрений. Пусть только попробуют его обвинить.

Вот, к примеру, какой у него мотив? Чаппел был его подчиненным. Человек в положении Холлистера просто не мог желать ничего, что было у Чаппела. За исключением, разумеется, Аманды, но это и в голову никому не придет. Они ведь редко встречались, а когда встречались, он ни словом, ни взглядом не выдал, что хочет ее. Холлистер испустил вздох облегчения. Все-таки вечер выдался замечательный. Идеальное убийство в идеальный момент времени, ведущее к идеальному результату.

Теперь что касается завершающего штриха. Вернуться в дом Чаппела, когда Аманда немного оправится от первого потрясения. Позвонить в дверь и спросить, как там срочная работа, которую он поручил Чаппелу сегодня днем, готова ли уже. Ошеломляющий ответ, потрясенные соболезнования. Приступ дикого восторга при виде помертвевшего лица Аманды, потому что и ее он тоже презирает. Он ощущал к ней только чуждое любви грубое вожделение. Когда придет время, он возьмет ее тело с той же бесцеремонностью, с какой забрал жизнь ее мужа.

Холлистер улыбнулся. Наконец-то спустя долгое время он может спокойно думать о Рексе Чаппеле. Он ненавидел Чаппела с того дня, когда тот пришел на работу в корпорацию «Холлистер и Вэар», ненавидел, потому что у Чаппела было все, чего не было у Холлистера: молодость, красота, хорошие манеры. Вечер, когда на корпоративном обеде он увидел Аманду, стал для него последним ударом; этот человек и без того обладает всеми качествами, каких он лишен, а такая прекрасная и чувственная женщина — это уже чересчур. В тот же вечер он понял, что ради собственного душевного здоровья обязан уничтожить их отношения и их самих.

Но вот как? Убийство поначалу казалось совершенно неприемлемым. Однако со временем все больше выявлялась его при-

влекательность, подкрепленная логическими доводами. Он не сможет отбить Аманду у красивого, обаятельного мужа. Не может он надеяться и разрушить карьеру Чаппела. В лучшем случае тот уволится и найдет себе другую работу. В худшем — живой ум Чаппела придумает что-нибудь похитрее его собственных интриг. Нет, физическое уничтожение необходимо, потому что все прочие достоинства затмевала мужественность Чаппела. Разве может быть месть лучше, чем истребить эту мужественность в самый миг ее торжества?

И вот теперь она истреблена, и все остальное просто: сначала отход на задний план. Затем ненавязчивые знаки внимания, случайное задумчивое присутствие, близкое плечо, на которое можно опереться в тяжелые минуты. Постепенное вторжение, пока в один прекрасный день не возникнет рабская зависимость от него, после чего Аманда, упав, уже не найдет руки, которая снова ее поднимет.

Часы на приборной доске показывали двадцать минут двенадцатого, когда он притормозил перед домом Чаппелов. С момента убийства прошло почти два часа. Достаточно времени, чтобы бесполезную плоть увезли и полицейские задали все свои вопросы. Холлистер обошел машину и прошагал по дорожке к дому. Легко нажал на кнопку звонка, раздался звон колокольчика. Удивительно, до чего он свободно себя чувствует — разумеется, потому что Чаппел мертв. Застрелить этого проклятого Адониса было все равно что скинуть с плеч тяжкий груз.

Дверь открылась, и Аманда предстала перед ним в алом халате, ее лицо выглядело осунувшимся и безжизненным. «Дорогая, что случилось?» — сформировался вопрос в голове Холлистера. Он отмел его прочь. Покажется подозрительным, если он что-нибудь заметит. Он вежливо прикоснулся к краю шляпы.

— Прошу прощения, что беспокою вас в такой поздний час. Но, боюсь, мне необходимо просмотреть бумаги, которые я сегодня дал мистеру Чаппелу. Понимаете, это документы для очень важного клиента, и...— Пока он говорил, его глаза выискивали в ее лице следы скорби.

— Входите,— пригласила Аманда. Шурша шелком, она отступила назад, и Холлистер, сняв шляпу, шагнул внутрь.

— Я помогу вам раздеться,— сказала она.

— Что ж, э...— Холлистер разыграл нерешительность.— Мне, на самом деле, не стоит...

— Прошу вас.

Все шло даже лучше, чем он надеялся. Холлистер прошагал в гостиную, Аманда повесила его пальто и шляпу и последовала за ним.

— Хотите что-нибудь выпить? — спросила она.

Он кивнул.

— Как вы добры,— улыбнулся Холлистер.— Немного скотча с водой.— И он снова взглянул ей в лицо, но оно было совершенно непроницаемым. Он-то надеялся на рыдания, слезы, истерику.

Ну что ж, Холлистер мысленно пожал плечами. Это ведь тоже реакция, в некотором смысле даже более мощная. Смерть Чаппела потрясла ее настолько, что она оцепенела. «В высшей степени удовлетворительно»,— решил Холлистер. Он с улыбкой опустился на диван и скрестил ноги в безупречно чистых полосатых брюках.

— А где мистер Чаппел? — спросил он невзначай.

— Наверху,— ответила она.

Аманда стояла к нему спиной, и он разинул рот. Наверху?! Холлистер ощутил, как ледяные пальцы коснулись сердца. Потом он вдруг понял, и новая волна радости накатила на него, усиливая удовольствие. Она, должно быть, до сих пор не сообщила в полицию! Холлистер содрогнулся. Наверху лежит труп. Внизу убийца пьет виски с водой, который поднесла ему безутешная вдова. Слишком хорошо, чтобы быть правдой, однако так и есть! Пришлось закрыть глаза и сделать глубокий вдох, чтобы унять дрожь во всем теле.

Когда он открыл глаза, Аманда отходила от буфета, шелковый халат, развеваясь, чуть распахнулся. Холлистер ощутил, как сжались мышцы живота. Он видел очертания ее бедер. Может, под халатом на ней вообще ничего нет? Дрожь прошла по его плечам, пока она подносила ему стакан. Передавая виски, она вынужденно наклонилась вперед, и взгляд Холлистера не мог избежать ее всколыхнувшихся грудей. Его пальцы дрогнули, соприкоснувшись со стаканом и рукой Аманды.

— А он... э... закончил работать с документами? — спросил Холлистер.

— Да.— Она стояла перед ним, как будто в глубоком раздумье.

— Отлично.

Он сделал маленький глоток и закашлялся. Почему она ему не говорит? Он ощущал напряжение в груди и животе, размышляя об этом.

— Я не сообщила в полицию,— сказала Аманда.

Стакан дернулся в руке Холлистера, и он выплеснул немного виски на ноги.

— Господи,— услышал он собственное тоненькое восклицание.

Отставив стакан, Холлистер вынул из нагрудного кармана носовой платок и принялся вытирать брюки.

Аманда вдруг села рядом, хватая его за руку.

— Я сказала...— начала она.

— Да. Да, я слышал,— отозвался Холлистер дрожащим голосом.— А п-почему вы должны сообщать о чем-то полиции?

Она крепче сжала его руку и посмотрела ему прямо в глаза. Прерывисто вздохнула, отчего шелк на груди натянулся сильнее. Боже, под халатом на ней действительно ничего нет. Волны жара и холода, сменяя друг друга, прокатывались по спине Холлистера. Он не мог отвести глаз.

— Не нужно надо мной издеваться,— сказала Аманда.

— Издеваться?..— Холлистер раскрыл рот.

Ужасное рыдание заставило грудь Аманды конвульсивно содрогнуться, и она припала к нему.

— Помогите мне,— умоляла она.— Пожалуйста, помогите.

Губы Холлистера шевелились без звука. Он попытался отстраниться от нее, но не смог. Точно так же, как не смог отвести взгляда от расходящихся пол се халата.

— Миссис Чаппел...— прохрипел он.

— Возьми меня,— зашептала она.— Ты убил его. Теперь тебе придется удовлетворить меня.— Она рванула халат, и тяжелые белые груди выпали из выреза прямо перед его лицом.— Тебе придется!

Глаза ее бешено сверкали, сжатые зубы скалились. Жаркое дыхание обжигало шею Холлистера. Он дрожал от ужаса перед такой внезапной переменой. Все случилось так скоро, так скоро! Он же планировал...

Наверху со стуком распахнулась дверь.

Аманда застыла, ее пальцы впились ему в спину, тело вжалось в него.

— Нет,— выкрикнула она.

Ее взгляд впился в лестницу. Взгляд Холлистера метнулся туда же.

Наверху кто-то вышел в коридор, приглушенно бормоча что-то сквозь безумные рыдания.

— Нет,— снова крикнула Аманда.

Холлистер чувствовал, как ее пальцы все сильнее впиваются в спину, пока ему не стало больно.

— Что это? — всхлипнул он.

Она сидела, пригвожденная к месту, и смотрела на лестницу. Низкий, безумный стон вырвался из ее горла.

— Что это такое? — опять спросил он.

Судорожно вздохнув, она вжалась лицом ему в грудь и с новой силой вцепилась в спину.

— Рекс! — закричала она.

Тиски сжали сердце Холлистера. Он задыхался, пытаясь что-нибудь сказать, но был не в силах выдавить из себя ничего, кроме бульканья и идиотского мычания. А безумные звуки сверху приближались, кто-то спускался по ступенькам.

— Не дай ему меня забрать,— рыдала Аманда.

Казалось, будто она вросла в его плоть. Холлистер тщетно пытался оторвать ее от себя. Ее сердце ударяло в его грудь пудовым молотом. В висках судорожно стучала кровь. Тяжелые шаги загромыхали по ступенькам. Тело ударилось о перила, сумасшедший стон разнесся по комнате.

— Не дай ему меня забрать! — Голос Аманды срывался на визг.

Холлистер хотел ответить, но изо рта вылетал только придушенный клекот. Он смотрел на лестницу, и глаза вылезали у него из орбит. «Нет,— думал он.— О господи, нет!»

— Не дай ему меня забрать! — взвизгнула Аманда.

И не успела еще окровавленная фигура ввалиться в комнату, как Холлистер услышал невыносимое верещание, от которого завибрировало в ушах, и через мгновение понял, что это верещит он сам.

— Он признался? — спросила Аманда.

Сержант уголовной полиции медленно кивнул. Он до сих пор не успел оправиться от созерцания полуобнаженной миссис Чап-

пел, вцепившейся в маленького кричащего человека, пока сам он, по ее наущению, кружился по гостиной, размахивая измазанными в крови руками.

— Я так и не понял, откуда вы узнали, что это он,— сказал сержант.

Аманда Чаппел невесело улыбнулась.

— Считайте это женской интуицией.

Пять минут спустя сержант Нильсон ехал обратно в участок, размышляя о том, каким удивительным орудием являются женщины. Не было ни малейшего указания, не говоря уже об уликах, что убийцей был этот Холлистер. И только настойчивые просьбы миссис Чаппел, чтобы он подождал вместе с ней, пока придет Холлистер, позволили им получить доказательства; и только ее жестокая атака на нервы Холлистера дала им возможность предъявить обвинение. Это правда, что под воздействием эмоций убийцы сознаются в содеянном, однако к тому моменту, когда они добрались бы до него, прибегнув к традиционным методам расследования, Холлистер совершенно успокоился бы, и никакие допросы уже не помогли бы. Каким бы безумным это ни показалось, Нильсон был вынужден признать, что метод миссис Чаппел, похоже, был единственным, что могло сработать. Он помотал головой в изумленном восхищении. На самом деле, подумал он, эта часть была наиболее блистательной. Прикосновение Аманды Чаппел стало завершающим штрихом, который прикончил Холлистера.

Пока смерть не разлучит нас

Теперь она спала. Мерл, весь в напряжении, лежал на боку. От ее прерывистого храпа у него сводило зубы, он больше не в силах ее выносить. Но надо потерпеть еще немного.

С крайней осторожностью он откинул одеяло и встал. Ноги прошуршали по ковру. Войдя в ванную, он зажег свет и открыл правый шкафчик под раковиной. Взял маленькие ножницы и прокрался обратно в спальню.

Несколько минут он стоял возле кровати, с отвращением глядя на Флору. Боже, какая гадость. Она сколько угодно может говорить, будто ей пятьдесят два, но ей шестьдесят: тощая, уродливая, она каждый день пытается бороться с возрастом с помощью виски, макияжа, рыжей краски для волос и лака для ногтей и каждый день проигрывает битву. У нее есть всего одно достоинство — деньги. Из-за них-то он и женился на ней месяц назад.

И сейчас намеревается заполучить их и избавиться от нее.

Наклонившись над кроватью, он осторожно отстриг локон ее волос и несколько тонких полосок ногтей. Флора пошевелилась в пьяном сне, заставив его дернуться. Затем она вздохнула, сглотнула и снова захрапела. «Свинья»,— подумал он, и его юное лицо скривилось в брезгливой гримасе.

Он быстро вернулся в ванную, убрал ножницы и выключил свет. Дошел в темноте до двери в коридор. Слава богу, Флора сама предложила спать в разных спальнях. Иначе он спятил бы. Мысль о том, чтобы спать с ней в одной постели всю ночь, каждую ночь, заставляла его содрогаться.

Он закрыл дверь и поспешил в свою спальню. Ему просто необходим душ, он чувствует себя таким грязным. Боже мой,

---

© Перевод Е. Королевой.

насколько же Флора омерзительна! Он понятия не имеет, как сумел прожить с ней целый месяц. Хвала небесам, он не из тех, кто легко впадает в ярость. А то уже раз двадцать удавил бы ее!

Приняв душ и надев золотистую пижаму, он побрызгал одеколоном на щеки и шею, забрался в постель, сунул сигарету в мундштук слоновой кости, закурил и принялся трудиться над куклой. Она почти закончена, все, что осталось,— пришить на место волосы и ногти Флоры.

Закончив дело, он улыбнулся и вздохнул. «Готово»,— подумал он. Наконец-то он будет свободен от этого людоеда в женском обличье. Никогда больше он не услышит ее гнусный голос, не ощутит ее грубых сухих прикосновений, ее насыщенного парами виски дыхания, не унизит себя ее вульгарными стонами. Еще месяц такой жизни, и он превратится в пускающего слюни идиота!

Злобно усмехаясь, Мерл начал втыкать булавки в живот куклы, в спину и грудь. «Сдохни, старая карга,— думал он с восторгом.— Сдохни! Сдохни!»

Флора всхрапнула и внезапно проснулась. Вгляделась приоткрытыми глазами в темноту спальни. Спустя несколько мгновений пьяно зашарила руками, ощупывая кровать рядом с собой.

Улыбнулась. «Боже мой»,— подумала она, включая лампу на столике. Откинув одеяло, она встала и, пошатываясь, дошла до двери в коридор, заперла ее негнущимися пальцами, после чего поковыляла в ванную.

Стоя перед зеркалом у туалетного столика, она отклеила ресницы и сняла макияж. Пьяно улыбнулась своему отражению. «Мерл, ах, Мерл»,— подумала она. В какое восхищение приводят ее его знаки внимания. Раскрыв рот, она вынула верхнюю челюсть и бросила в стакан с водой. Мерл такой романтичный, так ее волнует. Флора подняла руку и стянула парик.

Она на миг надула губы при виде своей абсолютно лысой головы, затем передернула плечами и, захихикав, выключила свет и отправилась в постель. Неважно. Мерл никогда не узнает. Она провела накладными ногтями по простыне. Как она любит впиваться ими в его спину. «Ах, Мерл»,— подумала она и громко икнула.

Она просто знала, что все это будет длиться вечно!

Скоропостижная кончина

Маленький человечек открыл дверь и вошел внутрь с яркого солнца. Ему было немного за сорок, тщедушный, невзрачный человек с редкими седеющими волосами. Он беззвучно прикрыл за собой дверь, потом постоял в затемненном фойе, дожидаясь, пока глаза привыкнут к другому освещению. На нем был черный костюм, белая рубашка и черный галстук. Лицо бледное, кожа, несмотря на жаркий день, сухая.

Когда глаза привыкли к полутьме, он снял панаму и двинулся по длинному коридору в сторону кабинета, черные ботинки ступали по ковру без звука.

Владелец похоронного бюро приветствовал его из-за стола.

— Добрый день.

— Добрый день.— Голос человечка звучал мягко.

— Могу я вам чем-нибудь помочь?

— Можете.

Гробовщик жестом предложил ему сесть в кресло напротив.

— Прошу вас.

Маленький человечек присел на краешек кресла и положил панаму на колено. Он наблюдал, как владелец бюро открывает ящик стола и достает чистый бланк.

— Итак.— Гробовщик вынул из ониксовой подставки черную ручку.— Кто усопший? — произнес он деликатно.

— Моя жена.

Гробовщик испустил сочувственный вздох.

— Примите мои соболезнования.

— Да.— Посетитель смотрел на него без всякого выражения.

— Могу я узнать ее имя?

© Перевод Е. Королевой.

— Мари,— тихо ответил человечек.— Мари Арнольд.

Гробовщик записал.

— Адрес? — спросил он.

Человечек назвал адрес.

— Она сейчас там?

— Да, она там.

Гробовщик кивнул.

— Я хочу, чтобы все было идеально,— сказал маленький человечек.— Я хочу все самое лучшее, что у вас есть.

— Ну разумеется,— заверил гробовщик.— Разумеется.

— Цена значения не имеет.— Горло у человечка дернулось, когда он попытался сглотнуть.— Все теперь не имеет значения. Кроме этого.

— Я вас понимаю.

— У нее всегда было все самое лучшее. Я лично следил за этим.

— Разумеется.

— Будет много народу,— продолжал посетитель.— Ее все любили. Она такая красивая. Такая молодая. У нее должно быть все самое лучшее. Вы меня понимаете?

— Кристально ясно,— вновь заверил гробовщик.— Все ваши пожелания будут полностью удовлетворены, я вам гарантирую.

— Она такая красивая,— повторил человечек.— Такая молодая.

— Нисколько не сомневаюсь.

Маленький человечек сидел и отвечал на следующие вопросы, не производя ни единого движения. Интонации его голоса совершенно не изменялись. И даже моргал он так редко, что гробовщик ни разу не заметил, как он это делает.

Когда бланк был заполнен, человечек вздохнул и поднялся. Владелец бюро тоже встал и обошел вокруг стола.

— Гарантирую вам, что вы будете довольны,— сказал он, протягивая руку.

Маленький человечек взял его руку и на мгновение сжал. Ладонь у него была сухая и прохладная.

— Мы приедем к вам на дом через час,— сообщил гробовщик.

— Прекрасно,— отозвался посетитель.

Владелец бюро прошел вместе с ним по коридору.

— Я хочу, чтобы для нее было все самое лучшее,— повторил человечек.— Ничего, кроме самого лучшего.

— Все будет точно так, как вы пожелали.

— Она заслуживает всего самого лучшего.— Маленький человечек уставился прямо перед собой.— Она такая красивая. Все ее любили. Все. Она такая молодая и красивая.

— Могу ли я поинтересоваться о времени кончины? — спросил гробовщик.

Маленький человечек, казалось, не услышал вопроса. Он открыл дверь и вышел в солнечный свет, надевая панаму. Он был уже на полпути к машине, когда ответил, и слабая улыбка заиграла на его губах:

— Как только я приеду домой.

Скрытые таланты

На ярмарочной площади появился человек в измятом черном костюме. Он был высокий и худой, с лицом цвета дубленой кожи. Из-под пиджака выглядывала давно полинявшая спортивная майка в желто-белую полоску. Волосы черные и сальные, прямо по центру разделенные пробором и гладко зачесанные назад. Светло-голубые глаза. Черты лица, лишенные всякого выражения. На солнце было сорок градусов, однако он не потел.

Человек подошел к одному из балаганов с аттракционами и постоял, наблюдая, как люди пытаются забрасывать шарики для пинг-понга в дюжину небольших круглых аквариумов, расставленных на столе. Толстяк в соломенной шляпе, размахивая бамбуковой тростью, без умолку рассказывал, как это просто.

— Попытайте удачу! — вещал он.— Выиграйте приз! Это ничего не стоит!

В зубах у него была зажата погасшая половинка сигары, которую он то и дело перекатывал из одного угла рта в другой.

Прошло некоторое время, а человек в черном костюме все наблюдал. Ни у кого не получалось забросить шарик. Кто-то пытался закидывать шарики прямо в аквариум. Другие пробовали попасть в сосуд рикошетом от стола. Никому из них не везло.

Спустя минут семь человек в костюме протиснулся к прилавку. Он вынул из правого кармана брюк четвертак и положил на прилавок.

— Да, сэр! — воскликнул толстяк.— Попытайте свою удачу!

Он кинул четвертак в металлическую коробку под прилавком. Сунув руку вниз, он вынул из корзинки три давно уже не белых мячика и выложил перед новым клиентом.

© Перевод Е. Королевой.

Человек в черном костюме посмотрел на мячики. Он взвесил их на руке, лицо его оставалось совершенно неподвижным. Не поворачиваясь, толстяк постучал тростью по одному из аквариумов. Переместил во рту окурок сигары.

— Попадите шариком в аквариум! — заученно подбадривал он.— Приз каждому! Это ничего не стоит сделать!

У него за плечом в одном из аквариумов звякнул шарик. Толстяк развернулся и посмотрел на аквариум. Посмотрел на человека в черном костюме.

— Получилось! — крикнул толстяк.— Видели? Это очень просто! Самая легкая игра на всей ярмарке!

Высокий человек кинул второй мячик. Тот по дуге пролетел через балаган и упал в тот же самый аквариум. Все остальные, кто бросал шарики, промахнулись.

— Да, сэр! — сказал толстяк.— Приз каждому! Попасть ничего не стоит! — Он принял два четвертака и выложил шесть мячиков перед супружеской парой.

Развернулся и увидел, как третий шарик нырнул в аквариум. Он даже не коснулся краев сосуда. Не отскакивал от стенок. Просто приземлился на два предыдущих мячика и замер.

— Видели? Приз с первой попытки! Самая легкая игра на всей ярмарке! — Подойдя к поставленным стопкой деревянным полкам, он снял с одной из них пепельницу и поставил на прилавок.— Да, сэр! Ничего не стоит выиграть!

Он принял четвертак от мужчины в комбинезоне и выложил перед тем три шарика.

Человек в черном костюме отодвинул от себя пепельницу. Он положил на прилавок еще один четвертак.

— Еще три мячика,— сказал он.

Толстяк улыбнулся.

— Еще три мячика! — повторил он. Толстяк вынул три мячика и положил на прилавок.— Давайте! — Он поймал мячик, которым кто-то угодил в стол.

Отступая назад и наклоняясь, чтобы поднять упавшие на пол шарики, толстяк не сводил глаз с высокого человека.

Взяв один из мячиков, человек в черном костюме поднял правую руку. Он бросил его, широко замахнувшись, лицо оставалось бесстрастным. Мячик взвился в воздух и упал в аквариум, где уже лежало три шарика. Он даже не подпрыгнул.

Толстяк в соломенной шляпе с кряхтеньем распрямился. Высыпал в корзину под прилавком пригоршню шариков.

— Попытайте удачу и выиграйте приз! Проще не бывает!

Он положил три мячика перед мальчишкой и забрал его четвертак. Прищурился, наблюдая, как высокий человек поднял руку, чтобы бросить второй шарик.

— Не облокачивайтесь,— проворчал он.

Человек в черном костюме посмотрел на него.

— Я не облокачиваюсь.

Толстяк кивнул.

— Бросайте,— велел он.

Высокий человек бросил второй мячик. Тот словно поплыл через балаган. Он проскочил сквозь горлышко аквариума и опустился на горку из четырех мячиков.

— Подождите секунду.— Толстяк вскинул руку.

Все, кто метал шарики, остановились. Толстяк склонился над столом. Пот ручьями бежал под воротником рубашки с длинными рукавами. Он перекинул во рту обмусоленную сигару, выгребая из аквариума пять мячиков. Распрямился и посмотрел на них. Прижал трость локтем левой руки и покатал шарики в ладонях.

— Все в порядке, народ! — Он откашлялся.— Продолжайте кидать! Выиграйте приз! — Толстяк бросил мячики в корзину под прилавком. Взял еще четвертак у мужчины в комбинезоне и выдал ему три шарика.

Человек в черном костюме занес руку и кинул шестой мячик. Толстяк наблюдал, как тот пролетел по дуге. И упал в аквариум, который он только что освободил. Шарик не катался внутри сосуда. Он приземлился на дно, подпрыгнул разок, строго вертикально, и застыл.

Толстяк убрал пепельницу, сунул ее обратно на полку и снял аквариум, такой же, какие стояли на столе. В аквариуме плескалась подкрашенная розовым вода и плавала одинокая золотая рыбка.

— Вот ваш приз! — объявил он. Толстяк быстро отвернулся и постучал по пустому аквариуму тростью.— Давайте! Попадите шариком в аквариум! Получите приз! Это ничего не стоит!

Вернув взгляд на место, он увидел, что человек в измятом черном костюме отодвигает аквариум с рыбкой и выкладывает на прилавок очередной четвертак.

— Еще три мячика,— сказал он.

Толстяк посмотрел на него. Перекинул во рту намокшую сигару.

— Еще три мячика,— повторил толстяк.

Обладатель соломенной шляпы колебался. Но, заметив вдруг, что люди смотрят на него, он безмолвно взял четвертак и выложил на прилавок три мячика. Развернулся кругом и постучал по аквариуму тростью.

— Подходите, попытайте удачу! Самая легкая игра на ярмарке!

Он снял соломенную шляпу и вытер левым рукавом мокрый лоб. Толстяк был почти лыс. Остатки волос прилипли к голове, насквозь пропитанные потом. Он снова надел шляпу и положил три мячика перед мальчишкой. Кинул четвертак в металлическую коробку под прилавком.

Теперь уже несколько человек наблюдали за высоким посетителем. Когда он забросил в аквариум первый мячик, кто-то зааплодировал, а маленький мальчик восторженно закричал. Толстяк наблюдал с подозрением. Его маленькие глазки бегали, когда человек в черном костюме попал вторым мячиком в аквариум, где уже лежало два. Он нахмурился и, казалось, хотел что-то сказать. Звук аплодисментов его явно раздражал.

Человек в измятом костюме уложил в аквариум третий мячик. Тот опустился поверх предыдущих трех. Несколько человек восторженно завопили, один из них захлопал.

Щеки толстяка покраснели. Он поставил аквариум с рыбкой обратно на полку. Махнул рукой на верхнюю полку.

— Что выберете?

Высокий человек выложил на прилавок четвертак.

— Еще три мячика,— сказал он отрывисто.

Толстяк взял из корзины три мячика и покатал в ладонях.

— И на этот раз дай ему хорошие,— раздался чей-то насмешливый голос.

— Нет у меня плохих! Они все одинаковые!

Толстяк положил шарики на прилавок и взял четвертак. Кинул его в металлическую коробку. Человек в черном костюме поднял руку.

— Подождите секунду,— остановил его толстяк. Он развернулся и подошел к столу. Поднял аквариум, перевернул и вытряхнул четыре мячика в корзину. Он будто колебался, прежде чем поставить пустой аквариум на место.

Больше уже никто не играл. Все с интересом наблюдали, как человек в черном костюме поднимает руку и кидает первый из трех мячиков. Тот взвился в воздух и влетел все в тот же аквариум, пройдя прямо сквозь центр горлышка. Подскочил разок и замер. Люди смеялись и аплодировали. Толстяк провел по лбу левой рукой и сердито стряхнул с пальцев капли пота.

Человек в черном костюме кинул второй мячик. Тот приземлился ровно на первый.

— Хватит! — Нервы толстяка не выдержали.

Высокий человек посмотрел на него.

— Что это вы вытворяете? — взъелся толстяк.

— Кидаю мячики для пинг-понга,— ответил высокий человек.

Все засмеялись. Лицо толстяка покраснело еще сильнее.

— Это я вижу! — сказал он.

— Он жулит с помощью зеркал,— выкрикнул кто-то, и все снова засмеялись.

— Очень весело,— кивнул толстяк. Он снова передвинул во рту мокрую сигару и отрывисто взмахнул рукой.— Продолжайте.

Высокий человек в черном костюме поднял руку и бросил третий мячик. Тот по дуге пролетел через балаган, словно перенесенный невидимой рукой. И приземлился поверх предыдущих двух. Все кругом зааплодировали и радостно закричали.

Толстяк схватил с полки керамическую кастрюльку и с грохотом поставил на прилавок. Человек в черном даже не посмотрел на нее. Он вынул очередной четвертак.

— Еще три мячика,— сказал он.

Толстяк отвернулся от него.

— Подходите и выиграйте приз! — закричал он.— Забросьте мячик...

Его прервал неодобрительный гул толпы. Он развернулся.

— Четыре попытки для каждого посетителя! — ощетинился он.

— А где это сказано? — спросил кто-то.

— Это правило! — заявил толстяк. Он повернулся спиной к человеку в черном костюме и постучал тростью по аквариуму.— Подходите, выиграйте приз!

— А я был вчера и сыграл пять раз! — сказал кто-то громко.

— Это потому что ты не выиграл! — ответил один подросток.

Почти все засмеялись и зааплодировали, некоторые загудели.

— Пусть играет! — потребовал мужской голос.

Все тотчас же подхватили.

— Пусть играет! — кричали люди.

Толстяк в соломенной шляпе нервно сглотнул. Он зло огляделся по сторонам. Внезапно он вскинул вверх руки.

— Ладно! — сдался он.— Не надо так волноваться!

Он сердито зыркнул на высокого человека, забирая его четвертак. Нагнувшись, он вынул из корзины три мячика и бросил на прилавок. Потом близко придвинулся к высокому человеку и пробормотал:

— Если вы жульничаете, то пора уже завязывать. Это честная игра.

Высокий человек посмотрел на него с удивлением. Хотя лицо, казалось, по-прежнему ничего не выражало. Глаза его выглядели слишком светлыми на фоне смуглого лица.

— Что вы имеете в виду? — спросил он.

— Никто не может забросить в аквариум столько шариков подряд! — яростно прошептал толстяк.

Лицо человека в черном костюме не изменилось.

— Я могу,— сказал он.

Толстяк ощутил холод во всем теле. Отступив назад, он наблюдал, как высокий человек кидает шарики для пинг-понга. После того как каждый из них влетал все в тот же аквариум, люди веселились и хлопали в ладоши.

Толстяк снял с самой верхней полки набор столовых ножей и положил на прилавок. Быстро отвернулся.

— Подходите! Попадите мячиком в аквариум! Получите приз! — Голос его дрожал.

— Он хочет сыграть еще,— крикнул кто-то.

Толстяк в соломенной шляпе развернулся. Увидел на прилавке лежащий перед высоким человеком четвертак.

— Призов больше нет,— объявил толстяк.

Человек в черном указал на предметы, стоящие на самой верхней полке: электрический тостер на четыре кусочка хлеба, коротковолновый приемник, набор сверл для дрели и портативная печатная машинка.

— А это что? — спросил он.

Толстяк кашлянул.

— Это выставлено просто так.

Он озирался по сторонам в бессмысленных поисках поддержки.

— А где это сказано? — возмутился кто-то.

— Но это так, и вам придется поверить мне на слово! — стоял на своем толстяк. Его лицо заливал пот.

— Я сыграю на них,— сказал высокий человек.

— Нет, послушайте! — Толстяк совсем побагровел.— Эти вещи выставлены просто так, говорю вам! И какого черта...

Он замолк и с сиплой одышкой отступил к столу, трость выпала из руки. Лица людей плыли перед глазами. Он слышал их сердитые голоса словно откуда-то издалека. Увидел, как расплывающаяся фигура человека в черном разворачивается и проталкивается через толпу. Толстяк выпрямился и заморгал. Столовые ножи с прилавка исчезли.

Почти все покинули балаган. Осталось несколько человек. Толстяк старался не обращать внимания на их ворчливые угрозы. Он взял с прилавка четвертак и положил три шарика перед мальчиком.

— Попытайте свою удачу.— Голос его звучал слабо.

Он бросил четвертак в металлическую коробку внизу. Привалился к столбу и обеими руками схватился за живот. Сигара выпала изо рта.

— Боже,— простонал он.

Ему показалось, что кто-то режет его изнутри.

Дуэль

В 11.32 утра Мэнн обогнал грузовик.

Мэнн направлялся на запад, в Сан-Франциско. В этот четверг погода была не по-апрельски жаркой: пришлось снять пиджак и галстук, расстегнуть воротник рубашки и закатать рукава. Левая рука и часть бедра были освещены солнцем, тепло от которого припекало через темные брюки. Впереди простиралось пустынное двухполосное шоссе, и в течение следующих минут двадцати не встретилось ни одной машины.

Затем там, впереди, где дорога поворачивала в ложбину между двумя зелеными холмами, Мэнн увидел идущий попутно грузовик. Стал слышен надрывный рев его двигателя, и появилась скачущая по обочине двойная тень — грузовик шел с прицепом.

Мэнн не обратил на него особого внимания. Когда дистанция между машинами сократилась, он хотел выехать на встречную полосу, но, увидев впереди закрытый поворот, решил подождать, пока грузовик не перевалит подъем. На спуске, где дорога слегка поворачивала влево, убедившись, что встречная полоса свободна, Мэнн нажал на педаль акселератора и пошел на обгон, а когда радиатор грузовика отразился в зеркале заднего вида, перестроился на свою полосу.

Вокруг, насколько хватало глаз, тянулись гряды покатых зеленых холмов. Автомобиль понемногу разгонялся на спуске, шины тихо шелестели по асфальту, и Мэнн начал негромко насвистывать.

В конце спуска машина миновала кирпичный мост. С правой стороны виднелось русло пересохшего ручья, усыпанное камешками. Дальше за мостом, на этой же стороне дороги, находилась стоянка грузовиков с жилыми вагончиками. «Неуже-

© Перевод А. Богданова.

ли там можно жить? — удивился Мэнн и, заметив чуть дальше кладбище для собак, невольно улыбнулся: — Наверное, ребята-дальнобойщики хотят быть поближе к могилкам своих любимых кошечек и собачек!»

Теперь шоссе впереди стало прямым как стрела. Солнце пригревало, и в голове у Мэнна неспешно крутились разные мысли. «Интересно, что сейчас делает Рут? Дети, конечно, ушли в школу и вернутся только через несколько часов. А она, наверное, как всегда по четвергам, отправилась в магазин». Перед глазами Мэнна встала Рут, идущая по супермаркету и складывающая в тележку всякую всячину. Вместо этой деловой поездки он с большим бы удовольствием отправился вместе с женой за покупками.

До Сан-Франциско еще несколько часов езды, а потом — три дня гостиничной жизни и ресторанной кормежки, надежды на заключение сделок, заканчивающиеся, как правило, разочарованиями. Вздохнув, Мэнн включил радио, покрутил ручку настройки, нашел мягкую, ненавязчивую музыку и, почти не глядя на стелющееся под колеса шоссе, стал мурлыкать в такт.

Он испуганно вздрогнул, когда слева с ревом, да так, что машина даже закачалась, пронесся давешний грузовик. Перед самым его носом грузовик резко перестроился вправо, и Мэнн раздраженно притормозил, чтобы увеличить дистанцию. «Что это с ним?!» — промелькнула тревожная мысль.

Это был огромный трехосный бензовоз с трехосной же цистерной на прицепе. С виду грузовик казался явно не новым и требовал покраски. Емкости на бензовозе и прицепе были окрашены в серебристый цвет, краска выглядела дешевой. Мэнн решил, что водитель, наверное, красил машину сам. Его взгляд скользнул от надписи «огнеопасно», выведенной красными буквами на заднем торце цистерны, к красным светоотражающим полосам, небрежно нарисованным несколько ниже, а потом к широким резиновым брызговикам, развевавшимся под брюхом прицепа взад и вперед. Похоже было, что водитель занимается частными перевозками, но, судя по машине, не сильно в этом преуспел. Мэнн обратил внимание на номерной знак бензовоза — машина была из Калифорнии.

Взглянув на спидометр, Мэнн отметил, что его автомобиль шел ровно пятьдесят пять миль в час, как и положено на загородной трассе. Грузовик обогнал его очень быстро, во всяком случае на скорости не менее семидесяти. Мэнн решил про се-

бя, что это несколько странно и что водителям грузовиков вообще-то надо быть поосторожнее.

Недовольно поморщившись от запаха выхлопных газов, он посмотрел на трубу, торчавшую с левой стороны кабины грузовика. Из нее тянулся густой шлейф черного дыма, медленно растекавшегося по сторонам. «Боже,— возмутился Мэнн.— Сколько разговоров о загрязнении атмосферы, а такие агрегаты все равно ездят по дорогам!»

Чувствовалось, что от запаха дыма его скоро начнет тошнить. Нет, тащиться сзади невозможно — надо или немного отстать, или снова обогнать этот бензовоз. Но ехать медленнее Мэнн не мог, потому что утром несколько задержался и теперь, чтобы успеть на дневную встречу, приходилось спешить. «Нет, нужно обгонять!»

Слегка нажав на педаль газа и выглянув из-за грузовика, Мэнн увидел, что встречная полоса на всем протяжении пуста. Было похоже, что сегодня на этом шоссе вообще нет движения. Прибавив газу и перестроившись влево, Мэнн обогнал бензовоз, мельком взглянув на машину сбоку. Кабина оказалась высоко, поэтому Мэнн заметил только левую руку водителя, державшую руль, большую, волосатую и загорелую.

Как только бензовоз появился в зеркале заднего вида, Мэнн сразу же занял свою полосу на шоссе.

Раздавшийся сзади долгий гудок заставил вновь удивленно взглянуть в зеркало. «Интересно, что это — приветствие или проклятие?» — подумал Мэнн, время от времени поглядывая через зеркало назад. Передние крылья машины были покрашены в тускло-красный цвет, краска на них потрескалась и облупилась — здесь тоже поработал дилетант. Мэнн видел только нижнюю часть грузовика, так как все остальное было скрыто верхним обрезом заднего стекла.

Теперь справа от дороги расстилалась глинистая равнина, местами поросшая редкой травой. Мэнн заметил одинокий домик у вершины далекого холма. Антенна спутникового телевидения на его крыше была наклонена почти горизонтально. «Здорово должна принимать»,— почему-то промелькнуло в голове.

Мэнн снова перевел взгляд вперед, потом ненадолго скосил его в сторону, чтобы прочитать надпись «Ночные ползуны — отдыхайте здесь», изображенную большими неровными буквами на куске фанеры. «Ночной ползун — это кто? — удивился Мэнн.— Хорошее название для монстра из дешевого голливудского боевика».

Неожиданный надрывный рев дизеля бензовоза заставил Мэнна взглянуть в зеркало заднего вида. Потом его испуганный взгляд перескочил к боковому зеркалу. «Боже, этот парень опять пошел на обгон!» Мэнн с яростью посмотрел на проплывавшую слева громадину, стараясь заглянуть в кабину, но та была слишком высоко. «Черт возьми, что с ним? — возмутился Мэнн.— Что у нас тут — гонки? Чья машина сможет дольше продержаться впереди?»

Мэнн решил прибавить скорость, чтобы не дать себя обогнать, потом передумал. Когда грузовик и прицеп начали смещаться вправо, пришлось сбросить газ, но бензовоз подрезал его очень резко, и Мэнн, застонав от злости, притормозил. «Господи Иисусе,— мысленно возопил он,— что случилось с этим парнем?»

Вновь почувствовав запах выхлопных газов, Мэнн застонал громче и раздраженно поднял стекло левой двери. «Черт возьми, неужели всю дорогу до Сан-Франциско придется дышать этой гадостью? И остановиться никак нельзя — встреча с Форбсом назначена на четверть четвертого, и тут уж ничего не изменишь».

Мэнн посмотрел вперед. «Хорошо еще, что движения на шоссе практически нет». Мэнн нажал на педаль акселератора и приблизился к бензовозу. Затем, увидев, что за небольшим левым поворотом дорога пустая, газанул и перестроился влево.

Грузовик тоже пошел влево, блокируя дорогу.

Несколько секунд Мэнн в полной отрешенности смотрел на происходящее, но потом, испуганно вскрикнув, нажал на тормоз и вернулся на свою полосу. Машина перед ним как ни в чем не бывало тоже перестроилась вправо.

Мэнн не мог заставить себя поверить в реальность того, что произошло. Это, должно быть, простое совпадение. Конечно же, водитель грузовика вовсе не хотел перекрыть ему дорогу. Выждав несколько минут, Мэнн включил левую мигалку, чтобы его намерения были полностью понятны, и, нажав на педаль газа, снова начал смещаться влево.

Бензовоз незамедлительно повторил маневр.

— Святой боже! — воскликнул Мэнн, потрясенный происходящим.

Это казалось невероятным. За двадцать шесть лет водительского стажа Мэнн никогда такого не видел. Он вернулся на свою полосу и удрученно покачал головой; грузовик опять занял место перед ним.

Пришлось сбросить газ, чтобы отстать от черного вонючего облака. «Ну и что теперь? Дернул же меня черт поехать не по нормальной автостраде, а по этому проклятому шоссе, на котором нигде не будет больше двух полос!»

Мэнн снова направил машину влево, однако, к его удивлению, бензовоз не стал преграждать дорогу. Вместо этого его водитель высунул в окно левую руку и махнул ею, показывая, что пропускает вперед. Мэнн начал прибавлять скорость, но вдруг, бросив педаль газа, судорожно нажал на тормоз и рванул руль вправо, прячась обратно за грузовик. Этот маневр был выполнен так резко, что машину занесло, и Мэнн вцепился в руль, пытаясь ее выправить. В тот же миг мимо него по встречной полосе промелькнул голубой «универсал». Мэнн успел разглядеть испуганное лицо и вытаращенные глаза водителя.

С управлением все-таки удалось справиться. Мэнн судорожно глотал воздух, его сердце бешено стучало. «Мой бог! — представилась ему ужасная картина.— Сукин сын хотел, чтобы мы влепились лоб в лоб!» Это было невероятно. Да, конечно, следовало убедиться, что дорога впереди свободна... Сам виноват. Но махать рукой, пропуская его... Мэнн чувствовал испуг и отвращение. «Ох, парень, ох, парень, ох, парень»,— без конца шептали губы. Прямо как в книжке. Этот мерзавец хотел убить не только его, но и ни в чем не повинного человека во встречной машине. На шоссе посередине Калифорнии, утром в четверг? Почему?

Мэнн попытался успокоиться и осмыслить происходящее. «Возможно, это из-за жары? Может, у водителя грузовика болит голова или расстроен желудок, а может быть, и то и другое? Может быть, у него вчера вышла размолвка с женой? Может, она выгнала его из дома?» Причин могла быть тысяча. Мэнн попытался улыбнуться, однако, протянув руку, выключил радио, поскольку бодрая музыка стала его раздражать.

Несколько минут Мэнн продолжал ехать за бензовозом. На его лице застыло выражение ненависти. Когда снова начало тошнить от запаха выхлопных газов, он неожиданно нажал правой рукой на гудок. Увидев, что дорога впереди свободна, Мэнн, не снимая руки с сигнала, до упора выжал педаль газа и вырулил на встречную полосу.

Грузовик немедленно повторил маневр его машины. Мэнн не уходил вправо, а рукой изо всех сил давил на сигнал. «С дороги, сукин сын!» — клокотала в нем ярость. Зубы инстинктив-

но сжались так сильно, что заныли скулы, от страха засосало под ложечкой.

«Черт!» Мэнн быстро вернулся на свою полосу. «Вот сволочь! — шипел он, с ненавистью глядя на то, как бензовоз медленно перестраивается обратно.— Что такое с тобой стряслось? Я несколько раз обогнал твою несчастную колымагу и ты взбесился? Ты, видно, псих? Да,— заключил Мэнн,— это ненормальный». Другого объяснения не находилось.

«Интересно, что подумала бы об этом Рут и как она повела бы себя в такой ситуации. Наверное, начала бы сигналить и сигналить не переставая, надеясь привлечь внимание полицейского.— Мэнн скептически огляделся.— С какого дьявола в этой глуши вдруг появится полицейский? — Эта мысль вызвала лишь усмешку.— Слава богу, если у них тут есть хотя бы шериф на лошади!»

Вдруг ему представилось, что можно попробовать обмануть водителя и обогнать его справа. Мэнн направил машину к обочине и взглянул вперед. Бесполезно. Места для обгона не хватит. Грузовик просто снесет легковушку с дороги, если захочет. «А он захочет!» — решил Мэнн и содрогнулся.

Неожиданно для самого себя Мэнн вдруг обратил внимание, как замусорены обочины. Чего там только не было: пустые банки, фантики от конфет, пожелтевшие от времени рваные куски газет, стаканчики из-под мороженого, разбитая пополам табличка «Продается». «Сохраняйте красоту Америки!» — здесь такой призыв мог породить только горькую ухмылку. Справа промелькнул камень, на котором краской было выведено: «Билл Джаспер». «Кто такой Билл Джаспер? — вяло прокрутилось в голове.— И что бы он подумал про все это?»

Неожиданно машину затрясло. Сначала Мэнн с тревогой представил, что спустила шина, но, присмотревшись, понял, что этот участок дороги покрыт брусчаткой. Видно было, как подпрыгивают впереди бензовоз и прицеп. «Пусть у тебя немножко вправятся мозги»,— подумалось со злорадством. Когда грузовик вошел в крутой поворот, в боковом зеркале на секунду мелькнуло лицо водителя; Мэнн так и не разобрал, как оно выглядит.

«Так! — с удовлетворением отметил он, увидев впереди затяжной подъем.— Бензовоз здорово потеряет на нем скорость, и тогда его можно будет попробовать обогнать».

Мэнн заметил, что на середине подъема к шоссе примыкает боковая дорога с полосой разгона. Встречных машин не было

видно. Выжав педаль газа до пола, Мэнн рванулся на левую полосу. Сильно потерявший скорость грузовик тоже начал брать левее. Мэнн с застывшим от напряжения лицом довернул руль влево и выскочил на полосу разгона. За машиной поднялась туча пыли, и бензовоз на несколько секунд скрылся из виду. Под шинами захрустел гравий, покрывавший обочину, а потом вдруг снова запел асфальт.

Мэнн взглянул в зеркало и злорадно расхохотался. Он хотел только обогнать проклятый грузовик, а уж пыль оказалась просто неожиданным довеском к этому триумфу. Пусть теперь сукин сын тоже немного подышит гадостью. «Получи сдачи! — усмехнулся Мэнн и победно загудел клаксоном.— Получи, парень!»

Машина перевалила через вершину подъема. Впереди открывался потрясающий вид на залитые солнцем холмы и равнины, аллею темных деревьев, квадраты засеянных и еще не засеянных полей. Вдалеке стояла монументальная водонапорная башня. «Красота!» — восхитился Мэнн. Протянув руку, он включил радио и начал бодро насвистывать в такт музыке.

Через семь минут машина пронеслась мимо рекламного щита с надписью «Кафе-закусочная Чака». «Нет, спасибо, Чак!» Мэнн посмотрел на серый дом в лощине. Ему показалось, что перед домом расположено кладбище. «А может быть, там просто стоят всякие пластмассовые скульптуры для продажи?»

Услышав шум сзади, Мэнн бросил встревоженный взгляд в зеркало и похолодел от ужаса: его с ревом настигал грузовик.

Раскрыв от удивления рот, Мэнн взглянул на спидометр. Более 60 миль в час! На извилистом спуске ехать с такой скоростью весьма опасно. Однако бензовоз двигался еще быстрее, сокращая разрыв прямо на глазах.

Мэнн судорожно проглотил слюну и наклонился вправо, проходя крутой поворот. «Господи, сумасшедший!»

В полукилометре впереди виднелась боковая дорога. Надо свернуть туда. Все зеркало заднего вида заняла огромная радиаторная решетка грузовика. Мэнн яростно вдавил педаль газа, и шины взвизгнули на очередном вираже. Теплилась надежда, что преследователю придется сбросить здесь скорость.

Однако Мэнн даже застонал, увидев в зеркале, как легко грузовик прошел поворот; только слегка накренились цистерны под действием центробежной силы. Мэнн сжал трясущиеся губы, когда его машина с визгом вписалась в новый поворот. Дальше

дорога была прямой. Прибавив газу, Мэнн взглянул на спидометр. Боже, почти 65 миль в час! Он никогда не ездил так быстро!

В отчаянии оглянувшись по сторонам, Мэнн заметил промелькнувший справа съезд с дороги. Но свернуть туда все равно не представлялось возможным — скорость была слишком высокой и машина наверняка бы перевернулась. «Черт возьми, что же нужно этому сукину сыну?!» В ужасе Мэнн жал на клаксон; потом быстро опустил стекло, высунул руку и судорожно замахал ею.

— Назад! — хрипло рычал он.— Тормози, псих проклятый!

Грузовик мчался буквально по пятам. «Он хочет меня убить!» — мелькнула ужасная мысль. Мэнн в отчаянии вновь надавил на клаксон и не отпускал его до тех пор, пока не пришлось вцепиться в руль обеими руками, чтобы вписаться в очередной поворот. Мельком глянув в зеркало, Мэнн увидел только нижнюю часть радиатора бензовоза. С автомобилем еле удалось справиться — задние колеса стало заносить, и пришлось резко бросить педаль газа. Машина покачнулась, но выровнялась.

Мэнн увидел впереди конец спуска. Чуть дальше стоял домик с вывеской «Кафе Чака». Бензовоз опять приближался. «Это нечестно»,— почему-то решил Мэнн, ощущая одновременно и ярость, и отчаяние. Шоссе впереди расстилалось прямой лентой, и он нажал на педаль газа до упора. 74 мили... 75.

Неожиданно резко нажав на тормоз и рванув руль вправо, Мэнн свернул на площадку возле кафе. Пронзительно завизжали шины. «Нужно управлять заносом!» — вдруг вспомнилась инструкция. Машину швыряло из стороны в сторону, из-под колес летела грязь и поднимались облака пыли. Мэнн еще сильнее нажал на тормоз, отчего машина вообще пошла юзом. На миг разблокировав колеса и за счет этого выровняв движение, он снова изо всех сил надавил на тормоз, краем глаза заметив, что грузовик с прицепом промчался мимо кафе. Продолжая тормозить, Мэнн, чуть не зацепив на стоянке один из автомобилей, пролетел через всю площадку. Машину развернуло боком и протащило дальше еще метров десять. После этого она наконец остановилась.

Мэнн сидел с закрытыми глазами, чувствуя, как стучит кровь в висках. Сердце в груди колотилось словно бешеное. Почему-то никак не удавалось перевести дыхание. Мэнн представил, что если ему суждено судьбой умереть от разрыва сердца, то это

случится, скорее всего, сейчас. Через несколько минут Мэнн все-таки открыл глаза и прижал правую руку к груди. Сердце все никак не могло успокоиться. «Да и неудивительно,— с сарказмом подумал он.— Не каждый день случается уворачиваться от такого грузовика».

Мэнн открыл дверцу и попробовал вылезти из машины, но с удивлением обнаружил, что его не пускает застегнутый ремень безопасности. Дрожащим пальцем Мэнн нажал на защелку и, сбросив ремень, посмотрел в сторону кафе. Интересно, что там подумали о манере его езды?

У дверей бросилась в глаза надпись: «Привет дальнобойщикам». Прочитав ее, Мэнн на секунду замер. Ощутив в груди неприятный холодок, он зябко передернул плечами и вошел в кафе, стараясь не встречаться взглядом с посетителями. Мэнн чувствовал, что его рассматривают, но не мог заставить себя поднять глаза. Пройдя в туалет, он подошел к раковине и, пустив холодную воду, начал пригоршнями плескать ее себе на лицо. Его била дрожь. Выпрямившись, Мэнн снял с вешалки несколько бумажных полотенец и, недовольно поморщившись от исходившего от них запаха, промокнул лицо. Потом бросил полотенца в урну и подошел к зеркалу. «Мэнн, ты по-прежнему с нами»,— сказал он сам себе и ободряюще кивнул, все же при этом судорожно сглотнув.

Мэнн достал из кармана металлическую расческу и причесал волосы. «Разве такое предвидишь? — крутились в его мозгу мысли.— Живешь год за годом, принимая на веру разные непреложные истины. Например, что можно поехать на деловую встречу и по дороге никто не попытается тебя убить. Потом что-то происходит, и все истины летят к черту. Одно ужасное происшествие — и ничего не остается от стройного здания логики и правил приличного поведения; снова перед тобой дремучий лес. "Человек — полуангел, полузверь"». Где-то, сейчас и не вспомнишь, попалось ему это изречение.

Тот, за рулем грузовика, был совершенным зверем.

Дыхание уже почти успокоилось, и Мэнн вымученно улыбнулся своему отражению. «Все в порядке, парень, все кончилось благополучно. Это был ужасный кошмар, но он позади. Ты едешь в Сан-Франциско. Там, в уютном номере отеля, ты закажешь бутылку дорогого виски, залезешь в теплую ванну и обо всем забудешь». Мэнн решил, что, пожалуй, так и сделает. Потом он открыл дверь и вышел из умывальной.

И замер растерянно, как будто вдруг налетел на стену. Дыхание судорожно перехватило. Чувствуя, как трепещет его сердце, Мэнн ошалело смотрел сквозь витрину.

На площадке возле кафе стоял давешний бензовоз с прицепом.

Мэнн не мог поверить своим глазам. Это казалось невозможным. Он же сам видел, как грузовик на полной скорости пронесся мимо кафе. В их случайной гонке, в этой дуэли водитель бензовоза победил. Да, победил! И значит, остался хозяином на проклятом шоссе. Но тогда почему же он вернулся?

Сдерживая нахлынувший ужас, Мэнн посмотрел по сторонам. В кафе находились пять человек: трое ели у стойки, двое — за столиками. С запоздалым сожалением он упрекнул себя за то, что не огляделся, когда вошел. Теперь уже невозможно было определить, который из этих сидел за рулем грузовика. Мэнн почувствовал, как у него задрожали ноги.

Пошатываясь, он подошел к ближайшему столику и упал на стул. «Теперь надо подождать.— Мэнн старался рассуждать спокойно.— Теперь надо просто немного подождать. Конечно же, этого человека наверняка можно вычислить». Прикрывшись листком с меню, Мэнн начал рассматривать посетителей. «Тот, в рубашке цвета хаки? Естественно, тип в костюме исключается. Может, брюнет с квадратным лицом, сидящий рядом за столиком?» Если бы только Мэнн мог увидеть его руки... Тогда бы он непременно его узнал. «Или один из двух, что остались сейчас у стойки? — Мэнн рассматривал их с сомнением.— Ну почему было не оглядеться, войдя в кафе?»

«Теперь нужно ждать,— твердил себе Мэнн.— Ждать, черт возьми». Ладно, водитель грузовика здесь. Но это вовсе не значит, что он намерен продолжать эту неравную дуэль. Может быть, кафе Чака — единственное подобное заведение на сотни миль в округе. Сейчас время обеда. Может, водитель бензовоза всегда здесь ест. Просто он ехал слишком быстро и не мог сразу свернуть на стоянку. Поэтому он притормозил, развернулся и возвратился назад. Вот и все. Мэнн заставил себя посмотреть в меню. «Ладно, нечего трястись. Кружка пива поможет успокоиться».

Подошла официантка. Мэнн заказал сэндвич с мясом и бутылку пива. Когда девушка повернулась и направилась на кухню, он вдруг с неожиданным сожалением подумал, что лучше было бы без задержки прыгнуть в машину и скорее рвануть от-

сюда. Тогда бы ему сразу стало ясно, изменил ли свои намерения водитель грузовика. А теперь придется мучиться, пока через силу не съешь все, что заказал. Мэнн даже застонал от мысли о сделанной глупости.

Однако что, если тот действительно не изменил своих намерений и продолжит преследование? Тогда все начнется сначала. Мэнн понимал, что он просто не в состоянии мчаться со скоростью 80 или 90 миль в час, чтобы только не дать себя догнать. Возможно, его перехватит полицейский патруль. А если нет?

Мэнн напрягся, пытаясь сосредоточиться и собрать воедино расползавшиеся мысли. Он неприязненно рассматривал четверых мужчин. Двое из них вполне могли быть водителями этого грузовика: тот самый брюнет с квадратным лицом за соседним столиком и здоровяк в спортивном свитере, облокотившийся на стойку. У Мэнна вдруг возникло желание подойти к ним и спросить, кто же это из них управляет бензовозом. А потом извиниться перед ним, как-нибудь успокоить его... если только он, конечно, и вправду не псих. Может быть, взять ему пива, посидеть с ним по-хорошему и все уладить...

Но Мэнн не в состоянии был даже двинуться с места. Что, если водитель грузовика решил закончить эту дурацкую историю? А он подойдет и опять все испортит? Мэнна терзали сомнения. Слегка кивнув, когда официантка поставила перед ним сэндвич и бутылку, он сделал большой глоток пива и закашлялся. Тут же его захлестнул приступ ярости. «Кто дал этому негодяю право навязывать свою волю другим людям? Мы живем в свободной стране. Черт возьми, я имею полное право обгонять этого мерзавца, когда только захочу!»

Заметив на стене телефон-автомат, Мэнн вдруг подумал: «А что, если я позвоню в местный полицейский участок? Кто мне посмеет помешать?» Но тогда придется торчать здесь, заставляя Форбса нервничать; деловая встреча сорвется. А если водитель грузовика тоже останется ждать полицию? И при допросе, естественно, будет все отрицать? А потом полиция уедет, и тогда, конечно, начнется та же гонка, только еще хуже. «Господи!» — в полном отчаянии обратился к Всевышнему Мэнн.

Вдруг его левая рука непроизвольно дернулась так резко, что пиво пролилось на брюки. Мужчина в свитере поднялся из-за стойки и не спеша пошел к выходу из кафе. Пока он расплачивался, получал сдачу и вынимал из кармана зубочистку, Мэнн

чувствовал, как все быстрее и быстрее начинает биться его сердце. Затаив дыхание, Мэнн пристально смотрел, куда тот пойдет.

Мужчина прошел мимо бензовоза.

Значит, все-таки вот этот, за соседним столиком. Мэнн опять напряженно вспомнил неясное очертание лица, мелькнувшего в зеркале заднего вида. Конечно же, то было квадратное лицо, темные глаза и темные волосы. Вот этот человек пытался его убить.

Мэнн резко встал, стараясь энергичным движением заглушить свой страх, и, глядя прямо перед собой, быстро направился к выходу. Будь что будет, он больше не в состоянии здесь сидеть. Мэнн остановился у кассы, чувствуя, как судорожно вздымается грудь. «Смотрит ли он на меня?» — свербило в голове. Мэнн конвульсивно сглотнул и, вытащив из кармана долларовую бумажку, уставился на официантку. «Ну, считай быстрей!» — мысленно подгонял он девушку. Посмотрев на счет, Мэнн дрожащей рукой полез в карман за мелочью. Звякнув, одна монетка упала на пол и покатилась куда-то в сторону. Не нагибаясь за ней, Мэнн кинул на прилавок полтора доллара и запихнул остальные деньги обратно в карман.

В этот момент он услышал, что мужчина, сидевший за соседним столиком, тоже поднялся. Чувствуя, как по спине побежали противные мурашки, Мэнн быстро повернулся к двери и резко распахнул ее, заметив краем глаза, что мужчина с квадратным лицом подходит к кассе. Выскочив из кафе, Мэнн ринулся к машине. Во рту опять пересохло, сердце больно колотилось в груди. Услышав, как сзади хлопнула дверь, он неожиданно для себя побежал, еле удерживаясь от желания оглянуться. Добравшись до машины, Мэнн неуклюже плюхнулся на сиденье. Вытащив из кармана брюк ключи, он чуть не уронил их. Рука так сильно тряслась, что невозможно было попасть ключом в замок зажигания. Его охватила настоящая паника. «Ну давай, давай!» — приходилось подгонять себя.

Ключ наконец воткнулся на свое место, взревел двигатель. Мэнн резко надавил на акселератор, потом, немного сбросив газ, с хрустом врубил передачу, развернулся и поехал к шоссе. Краем глаза он с ужасом увидел, как сзади медленно тронулся грузовик.

Мэнна обуяла дикая ярость. «Нет!» — заорал он и с силой надавил на педаль тормоза. Это просто глупость, чушь какая-то! Почему он должен от кого-то убегать? Машина с визгом оста-

новилась. Распахнув дверь, Мэнн быстрыми шагами направился к грузовику. «Ладно, дядя,— бормотал он, глядя на человека, сидевшего за рулем грузовика.— Ты хотел утереть мне нос? Считай, что ты это сделал. Но в гонках на шоссе я больше не участвую».

Однако грузовик уже начал набирать скорость. Пытаясь его остановить, Мэнн поднял руку и закричал: «Эй!», а потом побежал; но бензовоз продолжал двигаться, надрывно завывая двигателем. Вот он уже выехал на шоссе, а Мэнн все бежал за ним, чувствуя, как гнев клокочет в груди. Водитель грузовика переключил передачу и поехал быстрее.

— Стой! Черт тебя побери, стой! — Задыхаясь, Мэнн остановился, в бессилии наблюдая, как грузовик исчез за холмом.— Сукин сын! — в бешенстве прорычал Мэнн.— Мерзкий, проклятый сукин сын!

Он медленно побрел к своей машине, пытаясь убедить себя в том, что водитель бензовоза испугался перспективы кулачного боя. Но в подобное объяснение почему-то не очень верилось.

Мэнн сел в машину и уже собрался было выехать на шоссе, но потом вдруг передумал и заглушил мотор. Сейчас этот чокнутый, наверное, плетется со скоростью миль 15 в час и ждет, когда его догонят. «Жди, жди»,— позлорадствовал Мэнн. Само он никуда уже больше не спешил. Ну что ж, Форбсу придется подождать. А если Форбс не захочет ждать — тоже не беда. Нужно немного посидеть здесь, дать время, чтобы этот назойливый парень отъехал подальше. Пусть он думает, что победил. Мэнн усмехнулся. «Ладно, ты побил меня по всем статьям. А теперь катись куда подальше и прими вслед мои самые искренние пожелания». Мэнн тряхнул головой. «Поразительно...»

Действительно, давно нужно было так поступить — остановиться и подождать. Тогда водителю грузовика поневоле пришлось бы прекратить эти штучки. «Или он прицепится к кому-нибудь еще,— подумал Мэнн с ужасом.— Боже, неужели этот сумасшедший так проводит все свое рабочее время? Боже Всемогущий, неужели такое возможно?»

Мэнн устроился на сиденье поудобнее, прислонился спиной к двери и вытянул ноги. Закрыв глаза, быстро прикинул дела, которые ему нужно будет сделать завтра и послезавтра. Сегодня, похоже, день уже пропал.

Мэнн открыл глаза, почувствовав, что на какое-то мгновение задремал. Прошло еще одиннадцать минут. «Теперь этот парень уже далеко, наверное, уехал миль на десять. А может, и больше, судя по тому, как он ездит. Ладно. Вовремя доехать до Сан-Франциско все равно не удастся. Ну да ничего страшного».

Мэнн пристегнул ремень, завел машину и выехал на шоссе, оглянувшись предварительно назад. На дороге не было ни души. Хорошо сегодня ехать, все сидят по домам. А этот парень, видно, прекрасно здесь известен. «Когда на шоссе появляется Чокнутый Джек, оставь свою машину в гараже». Мэнн даже усмехнулся от придуманного им стишка. Дорога плавно поворачивала вправо, огибая холм.

Не успев ничего сообразить, Мэнн инстинктивно нажал на педаль тормоза. Машину занесло, после чего она резко дернулась и остановилась. Бессмысленным взглядом Мэнн уставился вперед. Там, на обочине, меньше чем в 50 метрах от него, стоял все тот же бензовоз с прицепом. Мэнн сидел как парализованный, хотя и понимал, что его машина встала посреди дороги и что ему нужно либо развернуться, либо съехать на обочину. Однако он был просто не в состоянии оторвать ошалелый взгляд от грузовика.

Мэнн дико вскрикнул и непроизвольно весь напрягся, когда сзади неожиданно раздался пронзительный гудок. С трудом повернув голову, Мэнн уставился в зеркало: к нему стремительно приближался фургон, который вдруг резко перестроился на встречную полосу и пропал из виду. Дернувшись влево, Мэнн увидел, как фургон пронесся мимо, мотаясь из стороны в сторону. Его шины истошно визжали. Мэнн разглядел, что сидевшие в фургоне люди смотрят в его сторону и что-то кричат. Потом фургон вернулся на свою полосу и стал, набирая скорость, удаляться. Вот он проскочил мимо бензовоза, и Мэнн тотчас почувствовал к нему странную неприязнь. Люди, ехавшие в этом фургоне, могли спокойно следовать дальше — им ничего не угрожало. Охотились только за ним. Происходившее напоминало какой-то бред...

Взяв себя в руки, Мэнн съехал на обочину и остановился. Он выключил передачу и откинулся на спинку сиденья, тупо глядя на грузовик. Опять начала болеть голова, в висках пульсировало так, словно внутри черепа тикал прикрытый подушкой будильник.

Что можно предпринять? Мэнн прекрасно понимал, что если он выйдет из машины и направится к грузовику, тот просто немного отъедет и остановится чуть подальше. Неужели в кабине грузовика действительно находится сумасшедший? Мэнн почувствовал, что его опять трясет. Теперь сердце билось медленными тяжелыми ударами, которые гулко отдавались в голове. Что же делать?

Со вспышкой внезапной ярости Мэнн резко включил передачу и вдавил в пол педаль акселератора. Задние колеса с визгом пробуксовали по обочине, и машина стремительно рванулась вперед. В ту же секунду тронулся и грузовик. «Этот гад даже двигатель не глушил!» — со все нарастающей злостью отметил про себя Мэнн и нажал на педаль газа до упора. Однако тут же понял, что все равно не успеет, что грузовик перекроет дорогу и его машина врежется в прицеп. Перед мысленным взором Мэнна мгновенно пронеслась картина страшного взрыва, который последует сразу же за ударом, и он начал энергично тормозить, стараясь вместе с тем, чтобы машину не занесло.

Когда скорость снизилась достаточно, Мэнн свернул на обочину и снова остановился.

Метрах в пятидесяти перед ним то же самое проделал бензовоз.

Мэнн побарабанил пальцами по рулю. «Ну и что теперь? — в сердцах размышлял он.— Развернуться, поехать назад, а потом добраться до Сан-Франциско по другой дороге?» А где гарантия, что водитель грузовика не вздумает двинуться за ним? Мэнн отрицательно покачал головой и упрямо сжал губы. Нет! Назад он ехать не собирается! Но и сидеть здесь весь день тоже не будет.

Протянув руку, Мэнн включил передачу и снова выехал на шоссе. Он не стал разгоняться, хотя видел, что огромный грузовик тоже тронулся с места. Мэнн притормозил, стараясь держаться метрах в двадцати от грузовика, и посмотрел на спидометр: 40 миль в час. Водитель бензовоза высунул левую руку из кабины и махал ею, показывая, что пропускает вперед. Что это может означать? Неужели он передумал? Решил, что шутка зашла слишком далеко? Однако Мэнн не мог заставить себя поверить в это.

Впереди со всех сторон дыбились цепи гор, но шоссе было ровным и прямым. Мэнн щелкнул ногтем по кнопке звукового сигнала, настраивая себя на то, что пора что-то решать. Можно,

конечно, так и тащиться до самого Сан-Франциско, держась подальше от облака выхлопных газов бензовоза. Вряд ли тот остановится посреди шоссе, чтобы преградить путь. А если грузовик возьмет да свернет на обочину, пропуская его вперед, то нужно будет тоже остановиться. Правда, тогда поездка станет изматывающей, но зато безопасной.

С другой стороны, можно все-таки попробовать обогнать этот здоровенный бензовоз еще разок. Конечно, именно этого-то негодяй от него и добивается. Но ведь такая махина, безусловно, не в состоянии сравниться с легковым автомобилем. Грузовик гораздо тяжелее, да и устойчивость у него должна быть похуже, особенно из-за прицепа. Если Мэнн в состоянии будет держать, например, миль 80 в час, а впереди окажется — обязательно должно оказаться! — несколько крутых подъемов, то бензовоз непременно отстанет.

Вопрос, конечно, в том, удастся ли достаточно долгое время держать столь высокую скорость. Никогда еще он не пробовал ездить так быстро. Однако чем дольше Мэнн обдумывал эту идею, тем больше она ему нравилась.

Наконец он решился. «Ладно, будь что будет!» — пробормотал Мэнн и, осмотревшись вокруг, резко нажал на акселератор. Приблизившись к грузовику, он напрягся в ожидании момента, когда тот опять начнет перекрывать дорогу. Но бензовоз спокойно шел по своей полосе, и его огромная туша медленно ползла назад за боковым стеклом машины. Мэнн бросил взгляд на кабину грузовика и на секунду, вздрогнув от ужаса, даже затормозил. Ему показалось, что на дверце кабины написано: «Киллер». Однако, посмотрев еще раз повнимательнее, он разобрал, что в действительности было выведено: «Келлер» — очевидно, фамилия владельца. Мэнн резко прибавил газу и, как только грузовик показался в зеркале заднего вида, сразу же вернулся на свою полосу.

Грузовик начал набирать скорость, и Мэнн почувствовал некоторый страх, правда смешанный с определенным удовлетворением. Просто ему теперь точно были известны намерения человека, сидевшего за рулем бензовоза, и это создавало неожиданно приятное ощущение. Теперь Мэнн знал не только лицо, но и имя водителя, и поэтому тот не казался больше безликим, безымянным монстром, воплощением неизвестной злой силы. «Ну, Келлер,— мысленно бросил ему вызов Мэнн,— давай-ка посмотрим, на что годится твоя серебристая развалина». И, сильнее надавив на газ, лихо воскликнул: «Поехали!»

Мэнн скосил глаза на спидометр, с беспокойством увидел, что тот показывает всего лишь 74 мили в час, и, нахмурившись, осторожно прибавил газу. Его взгляд метался между дорогой и спидометром до тех пор, пока стрелка указателя не застыла наконец на цифре 80. Тогда он почувствовал прилив радости: «Ну, Келлер, сукин сын, попробуй-ка и ты так!»

Через несколько секунд Мэнн опять посмотрел в зеркало заднего вида, и ему показалось, что грузовик приблизился. В недоумении он перевел взгляд на спидометр. Дьявол, опять 76 миль в час! Нужно 80, и не меньше! Вцепившись в руль, Мэнн судорожно ловил ртом воздух.

Справа промелькнул бежевый «седан», стоявший под придорожным деревом. В нем сидели и о чем-то весело болтали молодые парень и девушка. Через мгновение их счастливые лица были уже далеко позади. Интересно, глянули они хоть мельком в его сторону? Вряд ли.

Мэнн нервно вздрогнул, когда машина подпрыгнула на небольшом мостике. Он попытался успокоить дыхание и вновь посмотрел на спидометр. Порядок — 81 миля. Он бросил взгляд в зеркало. Кажется ему или грузовик действительно приближается? Мэнн увидел впереди небольшой городок. «А может, дьявол с ним, со временем,— остановиться у полицейского участка и все им рассказать? Они должны поверить. Они поймут, что если уж он остановился, чтобы рассказать им об этой идиотской истории, то вряд ли будет говорить неправду». Мэнн был уверен, что Келлер хорошо знаком местной полиции, и даже представил себе довольный голос полицейского офицера: «Да, конечно, мы знаем этого типа. Этот ненормальный мерзавец уже давно напрашивается на неприятности. Теперь-то он наконец получит!»

Тряхнув головой, Мэнн посмотрел в зеркало. Грузовик действительно приближался. Мэнн перевел глаза на спидометр и вздрогнул. «Черт возьми, опять забыл про скорость! Только 74 мили в час! — Застонав, Мэнн нажал на газ.— Восемьдесят, только восемьдесят,— приказал он себе.— Сзади — убийца».

Вдоль дороги тянулся огромный парк бело-лиловой сирени. Бесконечные ряды покрытых цветами кустов уходили в сторону от шоссе. Рядом с дорогой примостилась небольшая палатка с вывеской: «Свежие цветы». К ее передней стене был прислонен кусок коричневого картона с криво выведенным дополнением: «Для похорон». Мэнн вдруг представил самого себя лежа-

щим в гробу, ярко загримированным, похожим на дурацкий манекен. Почувствовав одуряющий запах цветов, он, словно наяву, увидел свою Рут с детьми, сидящих возле гроба с опущенными головами. А рядом все его родственники...

Машина неожиданно влетела на участок разбитой дороги и начала подпрыгивать, раскачиваясь из стороны в сторону. От тряски сильнее заболела голова. Мэнн судорожно вцепился в вырывающийся руль, чувствуя, как тот резко дергается под руками. Он не снижал скорость, но смотреть в зеркало не рисковал, хотя был уверен, что Келлер тоже не станет тормозить. А что, если вдруг лопнет шина? Тогда сразу настанет конец. Мэнн вообразил, как с лязгом и скрежетом кувыркается его машина, как взрывается бензобак, как пламя охватывает его изувеченное тело и...

Разбитая дорога кончилась; воспользовавшись этим, Мэнн быстро глянул в зеркало. Бензовоз не приблизился, но и не отстал. Мэнн посмотрел вперед. Там кругом были горы, это вселяло надежду, что на подъемах ему удастся оторваться от грузовика. Однако перед его мысленным взором неотступно маячили длинный спуск и нагоняющий сзади грузовик, потом страшный удар и долгое падение с отвесной скалы. Мэнн представил себе десятки разбитых, проржавевших машин, лежавших на дне недоступных каньонов, изуродованные останки сидевших в них людей... и всем им эту страшную смерть принес Келлер.

Автомобиль с ревом влетел в коридор из деревьев, окаймлявших шоссе по обе стороны. Здесь были посажены эвкалиптовые лесозащитные полосы; деревья стояли на расстоянии метра друг от друга, и дорога напоминала каньон с высокими отвесными стенами. Мэнн вздрогнул от неожиданности и испуга, когда на капот машины упала большая ветка с пыльными листьями. Подхваченная потоком воздуха, она промелькнула по ветровому стеклу и исчезла из виду. «Боже!» — взмолился Мэнн, чувствуя, что держится из последних сил. Если на такой скорости потерять управление...

«Да ведь именно этого Келлер и добивается». Мэнн представил себе широкую улыбку на лице водителя грузовика, проезжающего мимо горящих обломков. Улыбку охотника, который убил свою жертву, даже не касаясь ее.

Деревья по сторонам дороги кончились. Шоссе плавно огибало подножие горы. Мэнн заставил себя сильнее нажать на газ. 83... 84 мили в час.

Слева тянулась гряда зеленых холмов, постепенно переходивших в горы. На боковой грунтовой дороге Мэнн заметил черную машину, двигавшуюся к шоссе. Есть ли на ней белая полицейская полоса? Почувствовав, как подпрыгнуло сердце, Мэнн вдавил правой рукой кнопку звукового сигнала, и тот надрывно загудел, неприятно отдаваясь в ушах. Сердце готово было выскочить из груди. Неужели полицейская машина? Неужели...

Разочарованный, Мэнн резко отпустил клаксон. Нет, не полиция. Черт! Келлеру, наверное, понравилось это маленькое представление. Сидит небось себе, хихикает. Мэнн вроде даже расслышал грубый ехидный голос водителя грузовика: «Малыш, думаешь, к тебе сейчас придет на помощь дядя полицейский? Не-е-ет! К тебе сейчас смерть придет». «Проклятый сукин сын!» — клокотал от ненависти Мэнн. Сжав правую руку в кулак, он в отчаянии изо всех сил ударил по сиденью. «Черт бы тебя побрал, Келлер! Пусть это будет последний день в моей жизни, но я убью тебя!»

Горы приблизились. Там обязательно должны быть подъемы, длинные крутые подъемы. Мэнн почувствовал прилив надежды, поскольку был абсолютно уверен, что сумеет значительно опередить грузовик. «Этот Келлер при всем желании не сможет идти в гору на 80 милях в час. Ну а я смогу!» — пели победные трубы в его душе. Мэнн сглотнул набежавшую слюну, чувствуя, что рубашка на спине взмокла, а по бокам стекают струйки пота. «Ванна и коктейль — сразу же по приезде в Сан-Франциско. Долго отмокать в горячей ванне, долго пить виски... лучше всего "Катти Сарк"». Ох уж он развернется!

Дорога пошла на небольшой подъем, но — проклятье! — слишком пологий. Грузовик проскочит его по инерции, даже не теряя скорости. Мэнн мрачно осмотрелся. Через секунду его машина качнулась на вершине подъема и понеслась вниз по такому же плавному спуску. Мэнн посмотрел в зеркало. «Квадрат! — пришло ему в голову сравнение.— Весь этот грузовик — сплошной квадрат: квадратные радиатор, капот, бампер, кабина; даже у лица и рук Келлера те же очертания». Бензовоз казался чудовищем, бездушным, жестоким чудовищем, которое вело преследование по воле слепого инстинкта.

Мэнн в ужасе закричал, увидев впереди знак «Ремонт дороги». Его взгляд судорожно заметался по шоссе. Обе полосы дви-

жения были перекрыты, и большая черная стрела указывала направление объезда. Заметив, что объездная дорога — грунтовая, Мэнн мучительно застонал. Его нога автоматически перескочила на соседнюю педаль и стала плавно качать тормоз. А грузовик безрассудно несся с прежней скоростью! Но ведь это невозможно!.. С застывшим лицом Мэнн начал выворачивать вправо.

Передние колеса выскочили на грунтовую дорогу, и он судорожно напрягся. В первую секунду ему показалось, что машину сейчас непременно занесет, чувствовалось, что ее уже начинает разворачивать. «Нет! — завопил Мэнн.— Не надо!» Но через мгновение он уже трясся по грунтовой дороге, мертвой хваткой вцепившись в рвавшийся из рук руль. Противно дребезжали стекла; его то бросало на туго натянутый ремень безопасности, то припечатывало к спинке сиденья. Позвоночник ломило от ударов. Когда машина подскочила на очередной рытвине, Мэнн хрипло застонал, ощутив, что до крови прикусил губу.

Автомобиль начало заносить вправо, и, задохнувшись от ужаса, Мэнн сначала рванул руль в противоположную сторону. Но через секунду, опомнившись, выкрутил вправо, в сторону заноса. Задним бампером машина с треском снесла заградительный щит. Мэнн негромко вскрикнул — и начал плавно качать тормоз, пытаясь обуздать автомобиль. Теперь заднюю часть машины резко понесло влево, из-под колес поднялась туча пыли, и он почувствовал, что из горла готов вырваться вопль отчаяния. Мэнн яростно крутанул рулевое колесо. Машину снова стало тащить вправо. Осторожно сработав рулем, он все-таки сумел ее выровнять. Сердце бешено колотилось, отдаваясь в голове глухими судорожными толчками. Мэнн закашлялся, поперхнувшись сочившейся из губы кровью.

Грунтовая дорога внезапно кончилась, машина снова выскочила на шоссе, и стало возможно наконец глянуть в зеркало. Грузовик сбросил скорость, но отстал несильно; качался на ухабах, как корабль в шторм, поднимая огромными колесами густое облако пыли. Мэнн вдавил педаль газа, и автомобиль отчаянно рванулся вперед. Совсем близко начинался отличный крутой подъем, на котором можно будет оторваться.

Когда машина резво преодолела первые метры подъема, из-под капота вдруг начал струиться дымок. Мэнн замер, широко открыв от ужаса глаза. Дымок сгущался, превращаясь в плотное облако пара. Мэнн впился глазами в приборный щиток. Красная лампочка еще не горела, но должна была вот-вот за-

жечься. Как же это могло случиться? В тот момент, когда он уже практически ускользнул!..

Подъем был затяжным и крутым, с частыми поворотами. Мэнн понимал, что останавливаться нельзя. «Может, развернуться и поехать вниз?» — пришла в голову неожиданная мысль. Он осмотрелся. Дорога, сжатая с обеих сторон высокими горами, была слишком узкой. Развернуться на ней за один прием невозможно, а на что-либо другое не хватит времени — Келлер его просто снесет. «Боже мой!» — тихо стонал Мэнн.

Он должен умереть.

Остекленевшим взором Мэнн смотрел вперед, на дорогу, подернутую облачком пара. И тут он вспомнил день, когда на бензоколонке около дома ему мыли двигатель горячей водой. Механик тогда посоветовал сменить шланги системы охлаждения, сказав, что после такой процедуры они часто трескаются. А Мэнн отказался, решив сделать это как-нибудь потом, на досуге. На досуге! Эта фраза впечаталась в его мозг. Он не поменял шланги — и из-за этого должен умереть.

Мэнн совсем по-детски всхлипнул от бессилия, когда на приборном щитке зажегся красный огонек, и, непроизвольно на него посмотрев, прочитал слово «перегрев». Черное на красном фоне.

Подъем впереди казался бесконечным. Мэнн слышал, как клокочет в радиаторе кипящая вода. Сколько ее там еще осталось? Пар быстро густел, затуманивая лобовое стекло. Протянув руку, Мэнн повернул переключатель. По стеклу забегали щетки стеклоочистителя, оставляя размытые полукружья. Воды все-таки должно было хватить до конца подъема. «Ну а потом-то что?» — вопрошал он себя. Без воды машина не поедет даже под гору. Мэнн взглянул в зеркало. Грузовик отставал. Мэнн зарычал от ярости. Если бы не эти проклятые шланги, дело было бы сделано!

Машина накренилась на повороте, и его вновь охватил страх. Если сейчас остановиться, то еще можно успеть выскочить, убежать в сторону, вскарабкаться на склон горы... Потом это уже будет невозможно. Но Мэнн был не в состоянии заставить себя остановить машину. В ней он чувствовал себя увереннее, казался вроде не таким уязвимым. Кто знает, что случится, если ее покинуть.

Мэнн взирал на дорогу застывшим взглядом, стараясь не замечать яркий красный огонек на приборном щитке. С каждым

пройденным метром скорость снижалась, мощность двигателя заметно падала. В ушах набатом звучало бульканье кипевшей в радиаторе воды. В любой момент мотор мог заглохнуть, и тогда машина встанет, превратившись в неподвижную мишень.

Автомобиль был уже почти на самой вершине подъема, однако Мэнн увидел в зеркало, что грузовик его настигает. Сильнее нажав на педаль газа, но уловив в ответ лишь скрежещущий звук в двигателе, Мэнн в отчаянии застонал. «Мне так нужно преодолеть подъем! Помоги мне, Господи!» — горячо взывали к Всевышнему его губы. Оставалось совсем немного. Все меньше. Меньше. «Ну же! Ну!!!» — умолял он свой едва живой автомобиль. Двигатель трясся и стучал, из-под капота валил густой пар и вырывался черный масляный дым. Щетки мотались по стеклу взад-вперед. В голове пульсировала кровь, обе руки от бесконечного напряжения онемели. Мэнн неотрывно смотрел вперед, чувствуя, как бешено колотится сердце. «Ну! Ну! Господи, помоги!»

Есть! Машина перевалила на спуск, и Мэнн издал торжествующий крик. Трясущейся рукой он снял с передачи и пустил машину накатом. Но вопль восторга застрял в горле. Вокруг были горы, только горы. Черт с ними! Впереди был длинный спуск. Мимо промелькнула предупреждающая надпись: «Грузовикам на протяжении 12 миль двигаться на пониженной передаче». Двенадцать миль! Что-то должно случиться. Обязательно должно.

Машина начала постепенно разгоняться. Мэнн посмотрел на спидометр. Уже 47 миль в час. Красная лампочка все не гасла. Мотор можно поберечь: если грузовик достаточно отстал, то пусть движок спокойно охлаждается все 12 миль.

Скорость все нарастала. 50... 51. Мэнн зачарованно наблюдал, как стрелка спидометра медленно отклоняется вправо. Потом глянул в зеркало. Грузовик еще не появился. Если повезет, то удастся сохранить неплохой отрыв. Конечно, если бы двигатель не перегрелся, то этот отрыв был бы еще больше... но ладно, хватит и такого. Где-то ведь на дороге должно быть место, где можно остановиться. Стрелка перевалила отметку 55 и поползла к 60.

Мэнн снова посмотрел в зеркало и непроизвольно вздрогнул, увидев, что грузовик прошел вершину подъема и тоже начал спускаться. Почувствовав, как лихорадочно затряслись губы, Мэнн крепко сжал их. Взгляд его заметался между зеркалом заднего вида и затянутым пеленой пара шоссе впереди. Грузо-

вик быстро набирал скорость. «Келлер, конечно, давит на всю железку». Понимая, что грузовик очень скоро его настигнет, Мэнн инстинктивно протянул руку к рычагу переключения передач. Однако, осознав свое движение, отдернул ее назад и, кисло поморщившись, посмотрел на спидометр. Скорость едва-едва перевалила за 60. Мало! Тогда он решительно протянул руку... которая замерла на полпути, потому что заглох двигатель. Мэнн схватился за ключ зажигания и судорожно его повернул. Мотор издал какой-то скребущий звук, но не завелся. Подняв глаза, Мэнн вдруг увидел, что впереди, совсем близко, поворот — и резко рванул руль. Потом он снова с тайной надеждой повернул ключ, но теперь мотор вообще не подал каких-либо признаков жизни. Мэнн обреченно посмотрел в зеркало — бензовоз быстро приближался — и перевел взгляд на спидометр. Скорость дошла до 62 и больше не увеличивалась. Мэнна охватил прилив отчаяния. Застывшими глазами он уставился на дорогу перед собой.

И вот там, в нескольких сотнях метров впереди, Мэнн вдруг увидел это: аварийный «карман» для улавливания машин с отказавшими тормозами. Теперь деваться было просто некуда. Либо ему удастся туда свернуть, либо через несколько секунд он получит смертельный удар сзади. Грузовик был кошмарно близко.

За несколько метров до «кармана» Мэнн резко вывернул руль вправо. Машина, завизжав шинами по асфальту, пошла в занос. Мэнн слегка притормаживал, чтобы не потерять управление полностью. На скорости 60 миль в час автомобиль с визгом влетел в «карман», подняв на обочине тучу пыли. Теперь Мэнн начал интенсивно тормозить. Задние колеса сильно занесло, и машина с треском ударилась о предохранительный барьер. Потом ее развернуло боком и со страшным скрежетом потащило в сторону обрыва. Мэнн давил на педаль тормоза изо всех оставшихся сил. Машину, к счастью, понесло вправо и опять ударило о барьер. Мэнн услышал холодящий звук раздираемого металла. Его сильно швырнуло вперед, когда машина, ударившись последний раз, встала как вкопанная.

Словно во сне, Мэнн медленно повернул голову назад и увидел сворачивавший в его сторону бензовоз. Он застыл, парализованный ужасом, с тупым отрешением глядя на приближавшуюся махину. Мэнн понимал, что сейчас умрет, но был настолько потрясен происходившим, что не мог даже пошевелиться. Ре-

вущая громада приближалась, заслоняя небо. Мэнн почувствовал, как напряглось его горло и оттуда вырвался страшный, отчаянный крик.

И вдруг грузовик начал медленно крениться влево. Оборвав вопль, Мэнн в звенящей тишине зачарованно смотрел, как грузовик, словно огромное животное, медленно опрокидывается на левый бок. Через секунду грузовик уже не был виден через заднее стекло.

Негнущимися пальцами Мэнн отстегнул ремень безопасности и открыл дверцу. С трудом выбравшись из машины, он добрел до края обрыва и посмотрел вниз. К этому моменту грузовик уже опрокинулся полностью; за ним, задрав к небу огромные колеса, медленно перевернулся прицеп.

Сначала взорвалась цистерна на грузовике. Мэнн ощутил, как в лицо ему ударила волна жаркого воздуха, и, отшатнувшись, неловко сел на землю. Внизу прогремел второй взрыв. Мэнн почувствовал еще одну горячую волну, от которой даже заболели глаза. Через полуприкрытые веки он видел, как к небу взметнулся один огненный столб, потом, через секунду, другой.

Мэнн медленно подполз на четвереньках к обрыву и осторожно заглянул в глубь каньона. Оттуда вздымались к небу огромные языки пламени, окаймленные густым черным дымом. Не было видно ни грузовика, ни прицепа... только пламя. Широко открытыми глазами Мэнн безмолвно смотрел вниз, чувствуя в своей душе полное опустошение.

Потом вдруг вернулись эмоции. Но, как ни странно, первым чувством был не страх, и не сожаление, и даже не нахлынувшая вскоре тошнота. В его душе поднималось ощущение первобытного восторга — вопль победы над телом поверженного врага.

Реликты

За все утро солнце так и не показалось.

Оно пряталось за густым ковром облаков, раскатанным по небу. Маленькое стадо вразброд шагало по тротуару, обдуваемое волнами холодного влажного ветра.

Ее глаза равнодушно скользили по рядам учеников.

Еще и до музея не дошли, а у нее все силы на исходе. Она вскинула голову и посмотрела на массивное серое здание, к которому они направлялись.

— Держитесь вместе! — наверное, уже в сотый раз приказала она.

Ей хотелось удавить мальчишек за то, что они выбегали на дорогу, прятались за деревьями и выпрыгивали, пугая девчонок. Ей хотелось удавить девчонок за то, что те радостно вопили каждый раз, когда это случалось.

«Стань учительницей»,— с нарастающим раздражением вспоминала она слова матери.

Ученики мгновенно сбились в кучу и понеслись через площадь. Достигнув здания, они взлетели по широким мраморным ступеням, вознамерившись атаковать входные двери.

— Держитесь вместе! — прорычала она сзади.

Она почти взбежала по лестнице и, со свистом рассекая воздух, промчалась внутрь. Дети успели рассеяться по вестибюлю — просторному, с высоким потолком — и уже вовсю проказничали. И вновь она, словно пастушка, бросилась собирать рассыпавшуюся отару.

— Или вы сейчас же прекратите безобразничать, или мы возвращаемся в школу,— почти шепотом пригрозила она, пересчитывая головы и сердито взирая на невинно-простодушные лица.

© Перевод И. Иванова.

Все.

— Не разбредаться,— велела она.— Я схожу к схеме расположения залов.

Сделав шаг, она обернулась.

— Стойте на месте!

Она подошла к громадному стенду с белыми надписями на темном фоне и остановилась, тяжело дыша.

— Дети,— пробормотала она вслух, вглядываясь в слова.

«Рептилии»,— беззвучно прочитали ее губы, и ей снова подумалось о детях. Мысль о возвращении в школу, об умопомрачительно долгой поездке отозвалась в ней внутренним стоном. Ее взгляд заскользил по строчкам.

Сзади громко затопали. Она обернулась; усталые глаза приготовились увидеть новые безобразия, творящиеся в вестибюле.

В ее армии появились дезертиры.

Двое мальчишек носились возле витрины с древними украшениями, увлеченные игрой в пятнашки.

Пара девчонок успели перебраться в другой конец вестибюля, и теперь они болтали с продавщицей сувениров.

Еще двое сорванцов сосредоточенно орудовали перочинными ножиками, пытаясь выковырять из пола керамическую плитку.

Остальных носило по вестибюлю, словно корабли с обрубленными причальными канатами.

Протяжно застонав, она побежала через темное пространство. Схватив обоих бегавших, сердито встряхнула их. Ее грозное шипение уняло троицу сорванцов, прыгавших вокруг другой витрины. Сжавшись под ее холодным, немигающим взглядом, они поспешили назад, куда стекались остальные заблудшие овцы.

— Держаться... вместе,— сказала она и двинулась к лотку с сувенирами.

Заслышав ее шаги, девчонки съежились.

— Мы только подошли спросить, где тут...— робко начала объяснять одна.

— А вы помните, что я велела стоять возле столба с указателями?

Она огляделась по сторонам.

— Вы же совсем недавно были в туалете,— резко бросила она им.

— А мне опять надо,— призналась вторая девчонка.

Во всем теле появилась противная слабость.

«Стоит одному захотеть, как все потянутся».

— Я вас умоляю,— пробубнила она.

Прежде чем отвести беглянок в стадо, она купила путеводитель по музею.

— Кому из вас нужно в туалет? — спросила она, подойдя к ученикам.

«Зачем я спрашиваю? Всем. Наверное, шум воды в унитазных бачках им куда интереснее, чем свидетельства минувших эпох».

Уставшая напрягать голосовые связки и разными ухищрениями держать свое стадо в подобии узды, она повела их через вестибюль. Первыми отпустила мальчишек, строго напомнив им, что через пять минут ждет их назад. Сорванцы метнулись к двери, словно табун диких коней. Едва дверь закрылась, сдерживаемые до сих пор крики и хихиканье превратились в гомон.

Она лишь что-то буркнула себе под нос и повела с собой девчонок.

Внутри, пока ученицы разбегались по кабинкам, она плюхнулась на стул и застонала. В полудреме она глядела на противоположную стену. Путеводитель выскользнул из ее пальцев и глухо упал на пол.

Она не шевельнулась, не произнесла ни слова и даже не повернула головы, когда двое девчонок подняли визг и когда вскоре к ней прибежала третья, чтобы радостно сообщить о начавшейся баталии.

Через какое-то время рассыпавшаяся живая машина вновь обрела свои вихляющие части.

Она пересчитала головы. Все здесь. Тогда она задала направление: раздел животных (вход туда находился в передней части вестибюля) — и пошла следом за покатившейся волной.

Ее ученики забегали, заскакивали и запрыгивали в зал.

— Идите как следует! — потребовала она, борясь с подступавшей яростью.

Ненадолго дети превратились в маленьких кающихся монахов с понуро опущенными головами.

Она прочла надпись над дверью: «Зал Джорджа Иста».

Джордж Ист. Она порылась на полках памяти. Джордж Ист был знаменитым путешественником и исследователем. Давным-

давно. Она вспомнила, как девочкой читала одну из его книг — «Охота на крупную дичь в Африке». Да, книга так и называлась. Она задумчиво улыбнулась, вспомнив эпизод далекого детства.

Ей пришлось подождать, пока глаза не привыкнут к сумраку. Все равно что войти в мечеть или, допустим, в затемненный театр. В музейном зале и пахло как в мечети.

Освещены были лишь витрины с экспонатами. Ряды витрин шли вдоль стен, уходя в темноту.

Ее поразило то, как присмирели ученики. Они переговаривались благоговейным шепотом. Даже те, кто вечно хихикал, держали смешки при себе. «И в церкви, и в музее,— думала она,— везде, где темно и пахнет древностью, дети и взрослые начинают вести себя одинаково, словно темнота сама по себе священна и неприкосновенна».

Дети глазели на первый экспонат.

Она попыталась прочесть о нем в путеводителе, но было слишком темно. Тогда она приблизилась к витрине. Света хватало, чтобы прочитать пояснительную табличку на стене.

— Дети, перед вами — водяной буйвол,— начала она и отбарабанила им все описание.

Закончив читать, она оглядела учеников. Те стояли с безучастными лицами. «Да они и не слушали,— подумала она, поджав губы.— Зачем тогда стараться? Почему я должна вымаливать их внимание, когда им все равно? С меня хватит».

Объятая этими воинственными мыслями, она смотрела на выставленные чучела зверей. Раздраженность не помешала ей заметить, что чучела сделаны мастерски. Звери казались почти живыми, лишь застывшими во времени и готовыми по взмаху волшебной палочки ожить и вернуться в свой привычный мир.

Она попыталась представить тот мир; вообразить, как из-под сильных копыт во влажный, полный запахов воздух летят комья земли, как из зеленоватой воды поднимаются могучие тела, как звенят схлестнувшиеся рога и бивни.

«Это невозможно,— решила она.— Разве это поддается воображению? Что умерло, то мертво».

Ее уши уловили шепот: намеренно тихий, но усиленный гулким пространством зала.

«Разве есть что-то более шумное, чем ребенок, пытающийся говорить тихо?» — подумала она и обернулась назад, чувствуя закипающий внутри гнев.

Ее ученики вновь разбрелись и теперь толкались возле четырех других витрин.

Воздух зала всколыхнулся от ее голоса, имеющего больше общего с упреждающим шипом несущей смерть змеи. Дети уловили приказ и недовольно потянулись к первой витрине, чтобы снова стать группой.

— Умоляю: держитесь вместе! — велела она, с каждым словом повышая голос.— Без моего разрешения — никуда от меня не отходить!

— А можно, я только...

— Держаться вместе! — почти срывающимся голосом повторила она.

Держаться вместе. Она вдруг почувствовала, что забыла смысл этих слов. Пришлось сосредоточиться и вспоминать.

Она подвела учеников к следующей витрине и встала сзади, отсекая им путь к бегству.

— А это слон,— с вызывающей уверенностью произнесла она.

— Носорог,— громко поправил ее один из мальчишек.— Там написано.

Она откашлялась, испытывая смутное желание, чтобы носорог вырвался из стеклянной клетки и оставил от мальчишки мокрое место.

— Верно,— согласилась она.— Рада, что хотя бы один из вас не спал, когда я устроила проверку на внимательность.

Она грозно поглядела в сторону монстра с блестящей черной шкурой, навечно настороженными ушами и навечно раздутыми ноздрями. Она снова попыталась вообразить себе тот далекий мир, услышать топот копыт, хруст сминаемой травы.

Бесполезно. Она одернула себя. Что толку пытаться воскресить мир, которого никогда не видела?

— Идемте к следующей витрине,— устало проговорила она.

Мысленно она видела гектары залов и экспозиций, отчего ей делалось не по себе. Ее стон услышали только дети, находившиеся рядом, но их это не удивило.

Они прошли зал вдоль и поперек, заглянув во все боковые ответвления. Они смотрели на чучела львов и слонов, газелей и зебр, жирафов и антилоп гну. Ей казалось, будто они знакомятся со всем, с чем Джордж Ист сталкивался в жизни, включая грибковую плесень и его первую жену.

Ее стало тошнить от неподвижности чучел. Да кто вообще они такие? Реликты прошлого, настолько далекого, что его не хочется и ворошить. Все это уже не интересно ни ей, ни ее ученикам, ни кому-либо другому. Чучела или скелеты — они не более чем груды костей, в которых уже никогда не пробудится движение.

Из мира трофеев Джорджа Иста они вернулись в вестибюль.

У нее болело все тело. Ей хотелось сесть на что угодно и объявить, что на весь оставшийся год с музеями покончено.

Нет, нельзя. Нужно продолжать дьявольское сафари по залам, в которые лучше вообще не совать носа. Это ее работа. А им неинтересно. Совсем. Но раз они сюда пришли, то должны осмотреть все.

В залы следующего раздела дети устремились с неистовством потока, пробивающего себе новое русло. «Я за всю жизнь еще не видела уставшего ребенка,— подумала она.— Если бы знать наверняка, что дети когда-то тоже устают, можно умирать спокойно».

«Глубоководные обитатели» — возвещала громоздкая, чуть покосившаяся надпись над входом.

Ей было все равно. Она с полным равнодушием взирала на занимавшее едва ли не половину зала чучело кита-полосатика. С тихой апатией смотрела она на зубастую акулу, которая пожирала своих соседей. Потом устало скользнула глазами по панцирю громадной неуклюжей черепахи, застывшей на коротких толстых лапах.

Дети тоже скучали. Они почти не смотрели на содержимое витрин, торопясь поскорее оказаться возле других, перебежать в другой зал или другое ответвление.

«Для них главное — безостановочно двигаться»,— думала она.

В моменты, требовавшие ее вмешательства, она пыталась упорядочить свою толпу. В остальное время — позволяла разгуливать кому как нравится.

Она остановилась перед странным предметом.

Предмет был продолговатым, имел матовую поверхность и видом своим напоминал громадный снаряд времен какой-нибудь древней войны. Он был вскрыт; похоже, верхнюю часть аккуратно срезали или отломали.

Рядом с предметом находилась большая стеклянная витрина с несколькими другими экспонатами. Табличка сообщала, что всех их в свое время извлекли из той металлической громадины.

Она смотрела на таблички с названиями экспонатов. В путеводителе объяснялось их назначение.

На табличке значилось: «Косметический набор». Путеводитель разъяснял: «Применялся для ухода за лицом».

«Часы» — «Устройство для измерения времени». «Табак» — «Вещество для удовлетворения древней дурной привычки». «Колышки для гольфа» — «Предметы, использовавшиеся для удовлетворения еще одной древней дурной привычки». «Замок с ключом» — «Устройство для надежного хранения ценностей». «Зубная щетка и зубной порошок» — «Принадлежности для ухода за зубами».

Она встряхнула головой и огляделась по сторонам — проверить, не выступило ли ее племя на тропу войны. Ученики разбрелись кто куда, но в остальном вели себя довольно тихо. Она продолжила разглядывание странных предметов.

«Набор для бритья»... «Футбольные правила»... «1 доллар»... «50 центов»... «25 центов»... «10 центов»... «5 центов»... «1 цент».

Ей не хотелось даже заглядывать в путеводитель и узнавать о назначении этих предметов. Что бы они ни представляли собой — ей было все равно.

«Если они вообще что-то собой представляли»,— мысленно добавила она.

Потом она увидела старинный журнал с коричневой каймой на обложке. Журнал назывался «Лайф»*. С обложки улыбалось лицо давным-давно умершего мужчины.

— Эррол Флинн**,— прочла она, оценивая на слух звучание слов.

Она пожала плечами. Ей было все равно.

---

* «Life» («Жизнь») — один из наиболее популярных американских журналов. Издавался с 1883-го по 2007 год. Упоминание об обложке с коричневой каймой позволяет предположить, что в музее был выставлен номер, выпущенный до 1936 года, когда журнал претерпел первую крупную перемену в оформлении. *(Прим. перев.)*

** Эррол Флинн (1909–1959) — голливудский киноактер, секс-символ 30-х и 40-х годов XX века. *(Прим. перев.)*

Набор для ухода за лицом, набор для ухода за зубами, вещество для удовлетворения древней дурной привычки, приспособления для удовлетворения еще одной древней дурной привычки, футбольные правила. Она вздохнула.

«Какой печальный список,— подумала она.— И сами древние люди были жалким переплетением ничтожества с высокомерием».

Она отвернулась от витрины и созвала свое стадо.

— Идемте, дети,— сказала она.— Уходим из этого зала.

Еще один зал. Здесь дышалось полегче, да и сами экспонаты были посовременнее, если такое слово применимо к вещам старше двух тысяч лет.

Она раскрыла путеводитель и, переминаясь с одной усталой ноги на другую, прочла сама себе:

— Автомобили. Распространенные средства передвижения, использовавшиеся с двадцатого по тридцать шестой век.

Она перевела глаза на хрупкое, покосившееся транспортное средство.

«Жалкое зрелище»,— подумала она, сравнив древний автомобиль с современным транспортом.

Автомобиль был желтого цвета, имел всего четыре колеса; его сиденья были обтянуты — вы только представьте! — кожей давно вымерших животных.

Она взглянула на ржавые металлические детали, осторожно провела по хрупкому переднему стеклу. Вероятно, стекло предназначалось для того, чтобы защитить от ветра тех, кто сидел внутри и пытался изменять движение автомобиля при помощи диковинного колеса с толстыми спицами, которое торчало прямо из растрескавшегося пола.

— Боже мой,— пробормотала она, будучи не в силах понять эту допотопную манеру управления.

Вспомнив об учениках и подумав, как бы они не разнесли здание музея, она принялась вылавливать их и сгонять в кучу.

Они переходили с этажа на этаж, поднимаясь все выше. Шли по нескончаемым полутемным залам. Задержались возле груды костей, некогда принадлежавших древнему зверю под названием «динозавр». В древности динозавры попадались на каждом шагу; теперь о них напоминали лишь реконструированные, скрепленные проволокой скелеты.

Большие и малые залы, коридоры и километры экспонатов, пахнущих древностью. Витрины, заполненные изделиями из фарфора и стекла, драгоценными камнями, какими-то механизмами и транспортными средствами.

— Нескончаемая выставка трупов из костей, камня и ржавого железа,— произнесла она, обращаясь к самой себе.

Они поднялись еще на один этаж. На какой по счету — она не знала, поскольку потеряла им счет. Ей показалось, что она всю жизнь поднимается по ступеням и следующий марш приведет ее на небеса.

Они шли по большому, мрачно-торжественному залу. Детские голоса, словно тощие летучие мыши, улетали ввысь, где их поглощала тишина. «Скоро все кончится,— подумала она.— Вряд ли, пока мы здесь, у музея успели надстроить еще несколько этажей».

Она направилась к стене и рухнула на стул. Ее голова устало повернулась к центру зала. Там, огороженная со всех сторон, неподвижно застыла серебристая ракета. Приплюснутый нос корабля был устремлен в небо. От неба ракету отделял лишь потолок. Серебристый корабль, навечно замурованный в музейных стенах... в этом зрелище было что-то гнетущее.

Она полистала путеводитель. Увидела небольшой снимок корабля. «Луна-1. Первый корабль, достигший Луны» — гласила подпись под снимком.

— Занятно,— устало пробормотала она, увидев направлявшуюся к ней ученицу.

— Мы скоро будем есть? — спросила девчонка.

— Как только закончим осмотр этого этажа,— мгновенно решила она.

Та ускакала.

Она привалилась к стене. «Как здесь жарко,— подумала она, закрывая глаза.— Жарко, душно и утомительно. Музей — это жаркий, затхлый склад информации».

Она утвердительно кивнула, выпрямилась и вновь открыла глаза. Вгляделась в застывший корабль.

— Все древние вещи смешные,— сказала она себе.

Так оно и есть. Все эти скафандры, ракетные двигатели, управляемые снаряды и атомные бомбы. Древние, смешные и бесполезные.

Впервые за весь день ей удалось погрузиться в состояние блаженного покоя. Как прекрасно закрыть глаза, расслабить тело и забыть обо всем.

Блаженство оборвалось. Она широко раскрыла глаза, и ее лицо привычно напряглось.

По полу катались двое сцепившихся мальчишек.

Она сердито зашипела и бросилась к ним.

— Прекратите! — гневным, отрывистым голосом приказала она, обеими руками хватаясь за кувыркающийся клубок.— Вы что, уже совсем ничего не соображаете?

Мальчишки бросали друг на друга сердитые, угрожающие взгляды.

— Погоди, я тебе еще врежу,— пообещал один из них.

— Еще одна такая выходка, и я отправлю вашим родителям по внушительному письму,— пригрозила она.— Хотите их обрадовать?

Мальчишки дружно задрали головы.

— Хотите?

— Нет,— ответили оба и замотали головами.

— Тогда ведите себя как следует,— велела она.— Боже милосердный! Эти нескончаемые драки. Вы когда-нибудь научитесь себя вести?

Они зашли в последнее помещение на этаже — небольшую угловую комнату.

Еще одна девчонка заявила, что проголодалась, и все оживленно забубнили.

— Есть пойдем, когда закончим осмотр этой комнаты! — сказала она.

— Да! — подхватили мальчишки.

— Тихо! — шикнула она на них.— А теперь взгляните на то, что здесь собрано, и хотя бы раз оцените удивительные знания о прошлом, которые музей сберег для вас.

Она поискала глазами, на что бы сесть, но не нашла. Тогда она двинулась по комнате. Дети кружились, словно листья на ветру. Едва взглянув на витрину, они торопились к следующей. Некоторые уже толпились возле двери и ждали, когда их поведут вниз, в кафетерий.

— Посмотрим, что тут,— сердито прошептала она.

Она решительно остановилась перед витриной, намереваясь прочитать все пояснение целиком и только потом вести свою толпу вниз.

Ее раздраженный, презрительный взгляд застыл на экспонате.

«Редкое убожество»,— подумала она и наклонила голову к пояснительной табличке.

«Homo Sapiens. Человек. Все его разновидности были уничтожены после вторжения на Землю в 4726 году. Ныне является вымершим».

Она обернулась. Ее ученики чинно стояли возле двери. Голод вынудил их утихомириться.

— С меня хватит,— простонала она и пошла к детям.

Когда они начали спускаться, она заговорила снова, обращаясь к ним и к себе:

— После еды мы здесь не останемся. На мертвых животных мы уже насмотрелись, а больше в этом музее смотреть нечего.

Роковой поцелуй

Наступил тысячный день. Это началось в сентябре тысяча девятьсот пятьдесят второго года, а сейчас был июнь пятьдесят пятого. Он подсчитывал дни, делая крошечные пометки на ключке бумаги, который хранил в бумажнике.

Тысячный день с тех пор, как он полюбил Мэрилин Тейлор.

Сегодня в тысячный раз он накрыл кожухом арифмометр, снял целлофановые манжеты и запер все ящики письменного стола. Он находился в офисе, но на самом деле пребывал в Голливуде, погруженный фантазиями в мир широкоэкранного кино. Лишь инстинкт заставил его накинуть плащ на свою худощавую фигуру и накрыть шляпой лысеющую голову. Привычка подвела его к лифту, вывела из здания Лэйн-билдинга, где помещался его офис; привычка втолкнула его в душный сумрак подземки, а там толпа тех, кто покинул свою любимую работу ровно в семнадцать ноль-ноль, поволокла его в вагонное пекло. Но он едва ли чувствовал удары костлявых локтей, едва ли слышал вскрикивания и сдавленную ругань.

Генри Шривел* жил в грезах.

Тысячный день подряд. Это рекорд. Никогда еще Ее не любили столь верно и преданно. Так думал он, раскачиваясь вместе с вагоном. Он думал о Ней, не замечая капель пота, скатывавшихся по его лицу.

После двух остановок людская масса пропихнула его в центр вагона. Он ухватился за свободную ручку и вновь погрузился в свои мечты. Поезд успел проехать половину моста, когда глаза

© Перевод И. Иванова.

* По-английски shrivel означает «съеживаться, сжиматься, стараться быть незаметным». *(Прим. перев.)*

Генри заметили рекламный плакат. Он разинул рот, а его голубые глаза широко раскрылись.

На плакате была Она.

Она стояла на теннисном корте, широко улыбаясь сигарете, зажатой между безупречно красивых пальцев. Ее глаза глядели Генри Шривелу прямо в душу.

«Сигареты "Чарнел"*,— утверждала она,— легче и приятнее на вкус. Это моя марка». Ниже шла подпись: «Мэрилин Тейлор, "Классик Студиос". Смотрите ее в новом фильме "Парни Карамазовы"»**.

Генри Шривел с обожанием взирал на нее. У нее были светлые пушистые волосы и зеленые, как у кошки, глаза — страстные, зовущие к самым безумным наслаждениям. Ее алые губы так и просили покорить их.

Картинка оканчивалась там, где линия плеч Мэрилин начинала неумолимо переходить в линию ее всемирно знаменитой груди. «Самый роскошный бюст Голливуда» — единодушно утверждали газетные обозреватели. «О, это правда, правда»,— думал Генри Шривел, вцепившись в ручку и остекленело глядя на предмет своего обожания.

Всю дорогу домой он созерцал ее на теннисном корте: невозмутимо-спокойную, застывшую в своей красоте. «Мэрилин прекрасно играет в теннис»,— утверждал журнал «Скрин мэгэзин», посвященный миру кино. Должно быть, так оно и есть, и рекламный плакат служил тому неопровержимым доказательством.

Вдруг Генри Шривела словно ударило между глаз. Предчувствие. То был знак, самый настоящий знак. Прямое указание, что сегодня его усилия наконец-то увенчаются успехом.

Сегодня Мэрилин Тейлор окажется у него в объятиях.

Он доехал до последней станции и медленно поднялся по ступеням, выйдя на широкую шумную улицу. Генри беспечно перепрыгнул через трамвайные пути и едва не угодил под так-

---

* Интересное название для сигарет, если учесть, что charnel house по-английски означает «склеп». *(Прим. перев.)*

** Закрепившееся английское название романа Достоевского — «The Karamazov Brothers». Трудно сказать, что заставило автора назвать фильм так. Возможно, насмешка над не всегда удачными голливудскими экранизациями произведений мировой классики. *(Прим. перев.)*

си. Он неторопливо дошел до угла, оставив шум за спиной, и свернул на другую улицу — тихую, обсаженную деревьями.

«Тысячный день»,— подумал он.

Или, если быть точным,— тысячная ночь.

Воздух в квартире был затхлым. Пахло вареной капустой и сохнущими подгузниками. Генри Шривел ненадолго впустил в свое сознание реальность. Сегодня он в последний раз сыграет роль заботливого супруга.

Беллу он застал в кухне, где она запихивала в рот гукающей малышке какую-то детскую еду. Волосы жены сбивались на виски и лоб; ее вытянутое, лошадиное, лицо было мокрым от пота. Он подумал, что Мэрилин Тейлор никогда бы не выглядела так. Даже в этой квартире.

— Привет,— сказал он.

— А, это ты.

Жена подняла голову, и Генри нехотя приложился губами к ее потному лбу.

— Ты сегодня поздно,— сказала она.

«Ты всегда это говоришь, даже когда я прихожу рано»,— подумал Генри.

— Да, дорогая. Мы скоро будем ужинать?

— Ты же *видишь: я занята с Ланой,— ответила* Белла.— Вот покормлю ее и возьмусь за ужин.

— Значит, ты еще и не принималась его готовить,— констатировал Генри.

— Да, не принималась! Или ты думаешь, что я весь день маялась от безделья? Если хочешь знать...

Генри стоял и терпеливо ждал, пока жена размотает клубок всевозможных жалоб.

— Да, дор...— вставил он, но список сетований еще не был закончен.— Да, дорогая,— повторил Генри, когда Белла выложила ему все.

Он прошел в гостиную и открыл окно, чтобы квартира проветрилась. Поддел ногой игрушечный автомобиль, забросил в столовую баскетбольный мяч Уилли и собрал с ковра разбросанные части пазла.

Наконец он уселся на кушетку и некоторое время сидел неподвижно, словно привыкая к окружающему миру. Затем он лег и плотно закрыл глаза. Гостиная уплыла прочь. Генри погрузился в свою тайну.

Когда-то это была всего лишь игра, он давал выход своему воображению. Но то было тысячу дней назад. Сейчас Генри верил в это.

Закрыв глаза, он перенесся в спальню Мэрилин Тейлор.

«Я лежу на ее постели,— мысленно шептал он.— Я слышу, как теплый калифорнийский ветерок играет занавесками на высоких двустворчатых окнах со стороны террасы. Терраса выходит к бассейну, имеющему извилистые очертания. По краям бассейна сидят молодые, восходящие кинозвезды, демонстрируя свои великолепные загорелые тела».

Генри Шривел вздохнул. Он изучил все до мельчайших подробностей. Он в этом не сомневался — ведь его упражнения на концентрацию ума длились девятьсот девяносто девять дней. Оставался один невыполненный пункт: Генри должен поцеловать Мэрилин Тейлор. Это явится доказательством успешности его замысла. Просто поцеловать ее.

И тогда...

Он научился чувствовать себя находящимся в ее спальне. Он знал каждый уголок этой комнаты — в журналах часто попадались снимки спальни Мэрилин Тейлор, сделанные из разных точек. В журналах, которыми Белла загромождала квартиру. Он насмехался над женой, притворялся, что смотрит свысока на ее увлечение, а потом тайком листал их сам, жадно впитывая увиденное.

Он знал дом Мэрилин Тейлор не хуже своей квартиры. Библиотеку, отделанную деревянными панелями, где на полках выстроились лучшие книги из собраний книжных клубов. Гостиную, где напротив камина, декорированного камнем, стоял диван, вырастающий от изголовья огромной параболой. Гостиная тоже была просторной: там хватало места для нескольких столов со стульями, стереофонической радиолы и нескольких светильников. Он знал кухню, сияющую хромом и медью, где Мэрилин позировала в кружевном фартуке, занятая приготовлением печенья. «Мэрилин замечательно готовит»,— утверждал журнал «Фэнленд мэгэзин».

В каждую из девятисот девяноста девяти ночей он переносился в ее дом; он гулял по комнатам, лежал на кровати Мэрилин, ожидая ее.

«Я лежу на ее постели,— снова мысленно произнес он.— Мы с Мэрилин долго играли в теннис. Я уже принял душ и те-

перь лежу. На мне нет одежды. Я слышу, как в ванной шумит вода, бегущая по ее телу. Мэрилин повизгивает от удовольствия, подставляя свою бронзовую кожу под пенистые струи душа».

Генри сжался на кушетке. Он там! Он чувствует, осязает, слышит ее дом.

А почему бы нет? Время и пространство — что они в действительности? Эластичная среда, которую можно заставить расширяться и сужаться. Если человек достаточно долго сосредоточивается, он способен достичь чего угодно.

«Вскоре она выключит душ. Накинет на мокрое тело толстый купальный халат вроде того, какой был у нее в фильме "Труп на пляже". Она выскользнет из ванной и чувственно улыбнется мне. "О Генри, любимый",— томно произнесет она. Потом Мэрилин подойдет к постели, сядет возле меня».

С каждой секундой картина делалась все реальнее. Генри знал: сегодня он почувствует, как под ее потрясающим телом мягко скрипнет кровать, он ощутит ее пальцы, ласково гладящие его щеку. «Ты такой милый проказник»,— скажет она, и он действительно услышит ее слова. Услышит.

Разумеется, он будет держать глаза закрытыми. Мэрилин попросит поцеловать ее, как уже просила девятьсот девяносто девять раз. Только на этот раз — в эту тысячную ночь — он дождется, пока сила его мозга сделается неодолимой. Тогда он опустит руки на плечи Мэрилин. Притянет ее к себе. Ощутит бесподобное прикосновение ее фантастической груди. Потом он поцелует ее и по-настоящему почувствует, как эти шелковые губы раскроются навстречу его губам.

«Вот тогда я открою глаза. Меня уже не будет в этой квартире. Я окажусь в Голливуде, с нею, держа ее в объятиях. Да! Свершится мое бегство. Я буду далеко от прежней жизни, а рядом — Мэрилин Тейлор, стонущая от экстаза в моих крепких объятиях. И потом...»

— Генри! Ужинать!

Пузырь лопнул. Генри Шривела толчком выбросило в их гостиную. Он заскрежетал зубами и ударил кулаками по подушкам. В воздухе заклубилась пыль.

— Черт,— тихо пробормотал он.— Черт и... дважды черт.

Он сел. Схватил со столика киножурнал и раскрыл на статье о Ней. Она лучезарно улыбалась ему, держа в руках шланг пы-

лесоса. «Мэрилин содержит свой дом в идеальной чистоте»,— утверждала подпись под снимком. Генри Шривел расслабился и улыбнулся. Незачем раздражаться. Сегодня ночью он вырвется отсюда. Сегодня ночью. О, благословенная ночь.

За ужином Генри был почти сама любезность.

Он потрепал Уилли по голове и спросил, как обстоят дела в средней школе номер сто шесть. Он с бесконечной нежностью поцеловал в щеку крошку Лану. Он сочувственно поддакивал, слушая тираду Беллы насчет ее ступней, ног, спины, глаз, зубов, головы и всего прочего, на что она была склонна жаловаться. В общем, Генри вел себя совсем как солдат перед отправкой на войну: внимательный, заботливый и намеренно преуменьшающий важность того, что его ожидает. К сожалению, никто, кроме него, этого не заметил.

В конце ужина Генри сделал Белле комплимент, похвалив за прекрасно приготовленную еду. Глаза жены подозрительно сощурились.

— Ты нормально себя чувствуешь? — спросила она.

— Я великолепно себя чувствую,— ответил Генри Шривел.

Она пристально глядела на него, и в груди Генри шевельнулась тревога. Потом он успокоился. Белла не может его подозревать. Все это происходит у него в уме, куда ей не пробраться.

Вскоре жена прекратила свою пытку глазами. Однако весь вечер, пока они сидели в гостиной и смотрели получасовую передачу о загадочных убийствах, а потом листали киножурналы, Белла поглядывала на мужа.

Весь вечер Генри старался не думать о Мэрилин Тейлор. Он накапливал в себе страстное желание. Генри сидел в мягком кресле, пялился в экран телевизора, но ничего там не видел. Он думал о том, что станут говорить соседи после его исчезновения.

— Да, он исчез,— скажет кто-то из них.— Представьте себе: взял и исчез. Лег спать, а утром — нет его! Пропал вместе с пижамой! Прямо из кровати, будто его проглотили. Мы не знаем, что и думать.

Генри Шривел втайне улыбался.

Настало время ложиться спать.

Приближался долгожданный момент. Несмотря на строгий самоконтроль, Генри чувствовал, как быстро бьется его серд-

це. Дыхание тоже участилось. Когда он чистил зубы, у него тряслись руки.

«Не нервничай,— мысленно твердил он себе.— Ты же так долго шел к этому. Сегодня ночью ты пожнешь плоды своих трудов. Ты сделаешь это, парень. Ты это обязательно сделаешь!»

Но его руки все равно тряслись.

Когда он вошел в спальню, Белла укладывалась в кровать, надев выцветшую голубую сорочку, которая висела на ее костлявом теле, как на вешалке. У Генри Шривела дрогнули губы, подкосились ноги. Он быстро сел на постель.

— Проверь часы,— сказала Белла.

— Что? А, да, конечно, дорогая. Сейчас проверю,— натянутым, не своим голосом ответил Генри.

— Да что с тобой сегодня? — спросила Белла.

— Ни-че-го.— Он проглотил слюну.— Ничего. Горло немного першит. Пройдет.

— Ложись. Спокойной ночи.

Генри поцеловал ее в щеку. Его тело вздрогнуло. Он глухо шлепнулся на подушку. «Правильно ли я поступаю? — задумался он.— Порядочно ли вот так бросать ее и детей? Хватит ли им моей скромной страховки?»

У него вытянулось лицо. Ей-богу, не для того он столько времени напрягал свой разум, чтобы теперь все бросить. После девятисот девяноста девяти ночей тяжкой, мучительной концентрации? Нет, он обязательно должен быть вознагражден за все свои усилия.

На худой конец, подумалось ему, он всегда сможет уехать из Голливуда и вернуться назад. Но Генри был уверен, что Мэрилин устроит ему контракт на какие-нибудь характерные роли, и он сможет посылать Белле анонимные чеки. Обязательно!

Генри улыбнулся и закрыл глаза. Потом напряг тело, отправив его за многие сотни километров. Почти мгновенно Генри оказался в ее доме. Он чувствовал, что находится в спальне Мэрилин. Сегодня ему незачем бродить по дому. Генри лежал в ее постели. Он слышал шелест занавесок. Со стороны бассейна долетал смех восходящих кинозвезд. В Голливуде был еще день. В ванной шумела вода. Мэрилин принимала душ, повизгивая от удовольствия.

— Вылезай из душа,— сказал Генри.

— Что? — сонным голосом спросила Белла.

Генри мгновенно открыл глаза. У него заколотилось сердце. Он затаил дыхание и лежал так до тех пор, пока не услышал храпа Беллы. Тогда он закрыл глаза и вернулся в спальню Мэрилин, вновь воссоздав всю картину. Это стоило ему больших усилий.

«Вылезай из душа»,— теперь уже мысленно повторил Генри.

Он опять затаил дыхание и слушал. Только шелест занавесок, отдаленный смех девушек и больше никаких звуков.

Наконец-то!

Дверь открылась. Он услышал шлепанье босых ног по ковру. Звук был отчетливым, даже очень отчетливым.

— А, Генри, это ты, дорогой.

Он услышал ее слова! Услышал! Удары сердца сотрясали ему грудь. Он стиснул зубы, но они все равно продолжали стучать. Он слышал ее шаги по ковру. У него задергались руки. Генри едва не вскрикнул, когда рядом с ним прогнулся матрас. Она сидела возле него! У него задрожали ноги, по всему телу побежали жаркие волны.

Рука гладила его по щеке. Настоящая теплая рука чувственно гладила его по щеке. Генри Шривел дрожал, словно паралитик.

— Ты такой милый проказник.

От ее низкого, зовущего голоса разум Генри захлестнуло волной экстаза. Она была рядом. Он чувствовал ее руку, слышал ее голос, вдыхал аромат ее волос и тела. Все чувства говорили ему: Мэрилин здесь.

— Генри, дорогой, поцелуй меня,— умоляюще прошептала она.

Пора! Началось испытание, настал самый решающий из всех решающих моментов. Если сейчас у него хватит силы, она будет принадлежать ему. Мэрилин Тейлор — его женщина... Каждую клеточку своего тела он обратил в непреклонную решимость. По его пульсирующим жилам разнесся мощный заряд воли.

— Поцелуй меня,— попросила Мэрилин.

Он медленно и осторожно поднял руки.

Его руки легли ей на плечи, обняли ее. С чрезвычайной осторожностью он стал привлекать ее к себе. Один раз Мэрилин почти испарилась. Генри послал своему телу еще более сильную порцию воли. Мэрилин вернулась. Она была здесь. Вся, целиком.

Теперь Генри ощущал прикосновение ее мягких и в то же время упругих грудей. Его пьянил аромат ее дыхания. Он невольно вздрогнул, когда ее теплые губы прижались к его губам, а по щекам заструились ее волосы. Купальный халат соскользнул с Мэрилин, и ее тело крепко прижалось к его телу. В крови Генри Шривела бушевала страсть. У него получилось!

Он открыл глаза. Легкое удивление заставило его наморщить лоб. Вместо дня вокруг была темная ночь. Впрочем, это не имело значения. Мэрилин по-прежнему находилась в его объятиях. Он чувствовал ее присутствие. Они извивались и стонали, обнимая друг друга.

— Что здесь происходит?

Неожиданно в лицо Генри Шривелу хлынул свет. Он рывком сел и широко распахнул глаза, ощутив сильнейший удар по нервам. Разинув рот, он глядел то на удивленное лицо Мэрилин Тейлор, то на совершенно застывшее лицо Беллы.

— Генри Шривел! — хрипло выдохнула жена.— Что здесь происходит?

— Да! — подхватила Мэрилин Тейлор.— Что это за чертовщина?

Не переставая вращать глазами, Генри повалился на спину. Последним, что он увидел, прежде чем потерять сознание, был потолок его спальни.

Остается только ждать

Мэри впустила меня сразу же, как я нажал кнопку звонка. Наверное, поджидала в прихожей.

Никогда еще я не видел сестру столь несчастной. Горе прочертило на лице морщины, не свойственные ее возрасту. Хотя опрятность была врожденной привычкой у Мэри, она даже не причесалась, и сейчас на ее плечах лежали спутанные пряди каштановых волос.

Я наклонился, чтобы поцеловать сестру в щеку. Подивился тому, как суха и холодна ее кожа.

— Давай одежду,— сказала Мэри.

Я снял плащ и шляпу, Мэри убрала их в гардероб. Глядя на ее заметно ссутулившиеся плечи, я ощутил, как во мне закипает злость. До чего он довел мою сестру!

Потом меня пробрала дрожь. Я понял, что в доме лишь немногим теплее, чем на улице, и принялся растирать ладони.

Сестра подошла ко мне.

— Мэри,— проговорил я, обняв ее.

Она вздрогнула.

— Спасибо, что приехал,— сказала она.— Я так больше не могу.

— Где он? — спросил я.

Побыв еще немного в моих объятиях, Мэри высвободилась и посмотрела в сторону кабинета.

— Один? — задал я новый вопрос.

Избегая встречаться со мной глазами, сестра молча кивнула. Один раз.

Я снова взял ее за руки.

© Перевод И. Иванова.

— Все будет замечательно.

Мэри подняла мои руки и прижала к щекам. Потом отвернулась.

— Подождешь здесь? — спросил я.

— Хорошо, Дэвид.

Мэри подошла к стулу, стоявшему возле лестницы, и села, сложив руки на коленях.

Я прошел к двери кабинета, немного постоял. Потом, глубоко вдохнув, постучал.

— Чего надо? — раздраженно спросил он.

— Это я, Дэвид.

Была долгая пауза.

— Входи,— наконец разрешил он.

Ричард ждал перед камином. Настоящий великан. Он стоял ко мне спиной и глядел на потрескивающие языки пламени. Ореол света окружал его могучую фигуру, и тени от нее ложились на стены и потолок.

— Чего надо? — не оборачиваясь, повторил Ричард.

— Мэри сказала, что ты здесь.

— Забавно,— бросил он.— И это все?

Я закрыл за собой дверь и направился к камину.

Ричард повернулся. Обаятельное лицо было искажено знакомой презрительной гримасой.

— Значит, Мэри сказала тебе, что я здесь? — спросил он.

Я сел на кушетку и пристально посмотрел на него.

— Хочу поговорить с тобой.

Ричард смерил меня взглядом и отвернулся.

— Поговорить? О чем?

Я дотянулся до выключателя лампы, стоявшей на столе за кушеткой.

— Лампа мне мешает,— заявил Ричард.

— Хочу увидеть, как ты выглядишь.

Он вновь обернулся. У меня по спине пробежал холодок, когда ледяные глаза Ричарда встретились с моими глазами. Его губы изогнулись в пренебрежительной улыбке.

— Я выдержал проверку? — спросил он.— Ты удовлетворен?

— Не ожидал я увидеть тебя таким,— признался я.

— Точнее, не ожидал после слов Мэри.

— Она всего лишь сказала...

— Представляю, что она наговорила,— перебил Ричард.— Погаси эту чертову лампу.

Я протянул руку и выключил свет. И опять на стенах и потолке задвигались тени Ричарда.

— У тебя нездоровый вид,— сказал я.

— И ты проделал двадцать миль, чтобы мне это сообщить?

Он уперся руками в каминный свод. Несколько секунд мне казалось, что передо мной какой-нибудь древний правитель, уединившийся в своем охотничьем домике.

— Нет, Ричард, я не за этим проделал двадцать миль. Ты знаешь, почему я приехал.

— Она вызвала,— усмехнулся он.

Я достал сигареты и закурил. Хоть бы он не заметил дрожащих пальцев.

— Это не имеет значения,— возразил я.— Надеюсь, ты мне расскажешь, что у вас происходит.

— Ты не ответил на вопрос,— напомнил Ричард.

— Да, она меня вызвала,— сказал я.— Удивительно, что еще так долго ждала.

— Удивительно?

— Мэри на грани нервного срыва.

— Угу,— буркнул он.— Знаю.

— Ничего ты не знаешь,— сказал я.— Тебе вообще на нее наплевать.

— Мне?! Наплевать?! — взорвался он.— А сколько вечеров просидел я с нею, пытаясь вразумить эту... колоду! — Ричард сжал кулаки.— Но как ей объяснить...

Не договорив, Ричард ушел в затененную часть кабинета. Я слышал, как он плюхнулся на стул.

— Что объяснить?

— Почему бы тебе самому не докончить эту фразу? — спросил он.

— ...Твои постоянные измены,— договорил за него я.

Казалось, он вот-вот выпрыгнет из тени. Я весь напрягся. Но вместо этого Ричард усмехнулся. Я непроизвольно вздрогнул.

— Да, я ей изменяю,— сказал он.

— Это все, что ты намерен сказать?

Я слышал, как он порывисто встал; затылком я ощущал его злобный взгляд. Потом Ричард обогнул кушетку и вновь застыл перед камином. Руки он заложил за спину.

— Изменяю,— повторил он.— И да, и нет.

— Прикажешь считать это шуткой?

— Как тебе угодно.

— Послушай, Ричард! — вспыхнул я.— Это не...

— ...не предмет для шуток,— оборвал он.— Это жуткий предмет. Серьезный. Дрянной. И... смешной.

Он хохотнул и с довольным видом поглядел на меня.

— А знаешь, пожалуй, я тебе расскажу.

— И насколько порядочен такой...

— Порядочность? — фыркнул Ричард.— Какое дешевое словечко.

Он наклонился к огню, уперев лоб в каминную доску. Долго следил за игрой пламени. Казалось, Ричард совсем позабыл обо мне. Я кашлянул. Он шевельнулся, переминаясь с ноги на ногу.

— Помнишь мою последнюю книгу? — спросил он.

— Что именно?

— Помнишь героиню по имени Элис?

— При чем тут она? — нетерпеливо спросил я, уверенный, что он уводит разговор в сторону.

— А при том, что это с нею я, пользуясь твоим изящным выражением, изменял твоей сестре.

— Очень смешно,— сказал я.

Ричард отвернулся от камина и холодно поглядел на меня.

— Этого и следовало от тебя ожидать. И с чего я вдруг решил, будто ты способен понять?

— Ты серьезно? — спросил я.

Его презрительный смех напоминал не то лай, не то кашель.

— Дурак! Неужели не понимаешь?

Ричард отвернулся и глубоко задышал. Потом он начал рассказывать. Казалось, он говорит не со мной, а с самим собой.

— Элис сделалась настолько реальной, что Мэри поверила в ее существование,— сказал Ричард.— Поверила, что на самом деле есть такая женщина. Вот и вся моя измена.

Он посмотрел на меня через плечо.

— Зачем я вообще тебе это рассказываю? Зачем тешу себя надеждой пробиться в твою черепную коробку?

— Лжешь,— ответил я.— Моя сестра не настолько глупа.

— Ты уверен?

— Это ложь.

— Знаешь, убирайся-ка ты отсюда,— заявил Ричард.

— Погоди...

— Ты слышал, что я сказал?! — заорал он.

Я сидел не шевелясь. Глаза Ричарда метали молнии, руки судорожно дергались. Наконец он отвернулся.

— Если это правда, изволь объяснить,— сказал я.

— Я уже объяснил,— устало бросил он.

— Мне нужна правда. Мэри теряет рассудок, и я хочу знать причину.

Ричард не шевелился. Неизвестно, слышал ли он мои слова.

— Я тебя знаю,— продолжал я.— Ты не заботишься о ней. И никогда не заботился. Ты всегда думал, что ей хватит жалких крох твоего внимания... Впрочем, она понимала, на что идет. Она была готова делить тебя с твоей работой и... с тобой.

Я встал.

— Все, что тут происходит,— не фантазии литератора,— сердито сказал я.— Грубая и жестокая реальность. И я хочу знать об этой реальности.

Ричард вздохнул. Потом заговорил. Я никогда не понимал этих неожиданных перемен в его настроении. Голос звучал почти нежно.

— Ты ребенок,— сказал он мне.— Вечный неисправимый ребенок.

— Так расскажешь или нет?

На его лице, когда он повернулся, я увидел безразличие.

— Что тебе рассказать? А почему бы не спросить у Мэри, с кем это я изменяю?

Я смотрел на него.

— Иди спроси,— сказал Ричард.— Или боишься?

— Хорошо. Я спрошу.

Я задержался возле двери, готовый бросить ему какую-нибудь угрозу. Но высказать ее вслух было страшно. Я вышел.

Я уже собирался закрыть дверь его кабинета, когда услышал голос Ричарда. Сначала подумал, что он обращается ко мне. Но нет. Он говорил не со мной.

— Ее рост пять футов и семь дюймов,— доносилось из кабинета.— У нее густые золотистые волосы. Глаза — зеленые самоцветы, они излучают огонь. Кожа бела и чиста. Она высокая

и стройная. Грациозная, как кошка, что лежит у камина на ковре, царапая его коготками. Ее зубы сияют белизной. Ее...

Голос оборвался. Я понял: Ричард смотрел сквозь полуоткрытую дверь.

Я обернулся и увидел Мэри, глядевшую на дверь кабинета.

— Пойдем туда,— сказал я сестре.

Она молчала. Я обнял ее за талию и толкнул дверь.

— Нет,— сказала Мэри.

— Прошу тебя.

Ричард бесстрастно наблюдал, как мы вошли и сели на кушетку. Я включил лампу.

— Дорогая, как ты себя чувствуешь? — спросил Ричард.

Мэри опустила глаза. Я пододвинулся к ней и взял за руку.

— И что теперь? — спросил Ричард.

— Мы намерены добиться полной ясности,— сказал я.

Мэри попыталась встать, но я удержал.

— Мы должны все решить сейчас,— сказал я сестре.

— «Мы должны все решить сейчас»,— передразнил Ричард.

— Будь ты проклят! — крикнул я.

— Дэвид, не надо,— одернула меня Мэри.— На него это не действует.

Ричард взглянул на жену и рассмеялся.

— Ты ведь знаешь, о чем речь? — спросил он у жены.— Нам хоть это удалось вдолбить в твою голову.

— Мэри, кто такая Элис? — спросил я.

Сестра закрыла глаза.

— Спроси у моего мужа.

— В который раз повторяю: Элис — *один из персонажей* моего последнего романа.

— Врешь,— едва слышно произнесла Мэри.

— Да? — усмехнулся Ричард.— И кто же она? Скажи во всеуслышание, дорогая.

— Мэри и так сказала, что ты врешь,— крикнул я.

Взгляд Ричарда переместился на меня.

— Сдерживай эмоции,— предостерег он.

Я встал с кушетки, но Ричард тут же подошел и сдавил мне плечи своими ручищами.

— Не забывайся,— сказал он.— Ты же такой щуплый. Было бы весьма некстати сломать тебе шею.

— Скажи нам правду,— потребовал я.

Он убрал руки и вернулся к камину.

— Правду, правду,— нараспев произнес Ричард.— И зачем людям правда? Ведь она никогда им не нравится.

Он провел рукой по волосам и устало вздохнул.

— Послушай,— тоном человека, делающего последнюю попытку объяснить, начал он,— Мэри — жертва заблуждения.

Я оглянулся на сестру. Мэри сидела с поднятой головой и смотрела на мужа.

— Попытайся уразуметь,— продолжал Ричард.— Девушка по имени Элис выдумана мною. И когда моя жена стала ее видеть...— Он пожал плечами.— Она видела лишь фантом, плод моего...

— Зачем ты врешь? — воскликнула Мэри.— Я видела ее здесь, в кабинете, с тобой!

Продолжать было бесполезно.

— Идем,— сказал я сестре.— Отведу тебя наверх.

— Идем,— прошептала она.

Ричард погасил лампу.

— Спокойной ночи,— бросил он нам.— Приятных снов!

Я проводил сестру в спальню. Уходя оттуда, подергал дверь, убедившись, что Мэри заперлась изнутри.

Я вернулся в кабинет. Ричард лежал, растянувшись на кушетке. Я включил свет.

— Погаси,— потребовал он.

— А мне нравится, когда светло.

Он перевернулся на бок.

— Слушай, убирайся-ка ты отсюда. Понял? Вытряхивайся и оставь меня в покое.

Я подошел к изголовью кушетки. Ричард сел.

— Слышал, что я сказал? — угрожающе спросил он.

— Мне нужна правда.

Он спрыгнул с кушетки и, словно клещами, стиснул мои руки.

— Я сказал, проваливай! — заорал Ричард.

Должно быть, мое лицо побелело от страха. У него вдруг исчез гнев. Ричард пихнул меня на кушетку.

— Зачем нам ссориться? — сказал он, возвращаясь к камину.— Хорошо. Я расскажу все. А когда ты выслушаешь, будет интересно посмотреть на твое лицо.

Он повернулся ко мне, упершись одной рукой в каминный свод.

— В моей первой книге был персонаж по имени Эрик. Вряд ли ты его помнишь. Это мой первый удачный персонаж. Из слов я соорудил человека, обладающего кровью, плотью и жизненной силой.

Судя по лицу Ричарда, он вспоминал ту книгу.

— Как-то ночью, когда я писал, вдруг появился Эрик. Сел там, где сейчас сидишь ты. На это самое место. И мы беседовали. Он говорил в той же манере и теми же словами, что и в романе. Мы проболтали бездну времени. Обсуждали других героев романа. А вскоре некоторые из них тоже оказались здесь. Те, кто наиболее удался мне в описании.

— Лжешь,— сказал я.

— Лгу? Идиот! Ты же добивался от меня правды. Или забыл? Вот тебе правда! Неужели ты настолько туп, что не в состоянии понять?

Он глядел на меня горящими глазами, однако старался сдерживать ярость.

— Какое-то время я находился в окружении вымышленных героев,— продолжал Ричард.— Потом подумал: «Хочу, чтобы они разошлись по своим призрачным домам». Вскоре вновь я был один. Сидел и сомневался, не приснилось ли мне все это.

Ричард умолк. Вскоре из его груди вырвался смешок.

— Я написал вторую книгу. Был слишком взбудоражен... возможно, даже напуган. Оттуда ко мне не пришел никто.

Теперь лицо Ричарда выражало ликование.

— Тогда я написал третью книгу. И создал Элис, которая дышала и жила. Я видел ее, чувствовал ее. Я сидел, любуясь ее красотой. Вдыхал аромат ее волос, гладя их ладонями. Я ласкал ее длинные нежные руки, целовал теплые вздрагивающие...

Он осекся и посмотрел на меня.

— Ты это понимаешь? — спросил Ричард.— Ты хоть способен это оценить?

Он вдруг стал похож на ребенка, которому очень хотелось, чтобы взрослые его поняли.

— Неужели не можешь мысленно это представить? — взволнованно спросил Ричард.— Дэвид, она была живой. Элис! Живая девушка, а не просто набор слов на книжной странице. Она была реальной. Осязаемой.

— А потом и Мэри увидела ее,— сказал я.

— Да. Потом ее увидела и Мэри. Как-то вечером я вызвал Элис. Она стояла вот здесь, перед камином: нагая, освещенная золотыми переливами пламени, источающая аромат. Я слышал, как колотится ее сердце...

Ричард оскалил зубы.

— И тут явилась моя драгоценная женушка. Увидела Элис, закричала, хлопнула дверью и понеслась наверх, прятать голову. Я отправил Элис назад, бросился за Мэри, поймал ее на лестнице, притащил обратно, показал, что в кабинете — никого. Разумеется, она не поверила. Решила, что Элис выпрыгнула вон в то окно.

Он громко засмеялся.

— А дело было зимой, и на улице шел снег.

Смех прекратился.

— Ты первый, кому я рассказал,— признался Ричард.— И рассказываю я тебе лишь потому, что нужно с кем-то поделиться этим чудом. Я вообще не собирался говорить о нем. С какой стати колдуну раскрывать свое колдовство, показывать волшебную палочку? Все это мое, и только мое.

Ричард велел мне погасить лампу. Я молча протянул руку и щелкнул выключателем.

— Да, Дэвид. Моя жена видела Элис.

Он запрокинул голову и снова засмеялся.

— Но никого из остальных,— добавил он.

— Остальных? — переспросил я, все сильнее ощущая нереальность происходящего.

— Да! Остальных! А знаешь, что началось после того, как Элис ожила? Конечно же, не знаешь.

Ричард наклонился вперед.

— После сотворения Элис все, что бы я ни вообразил, появлялось в реальном мире. Причем без усилий. Я представлял кошку, спящую перед камином, закрывал глаза, а когда открывал — на ковре лежал теплый пушистый комок с носиком, раскрасневшимся от жаркого воздуха. Все, Дэвид! Все, что бы я ни захотел. А какой публикой я наполнял дом! В коридорах шлюхи обнимались с безумцами. Я находил предлог, чтобы отправить Мэри куда-нибудь, и дом содрогался от демонических празднеств. В прихожей у меня шли старинные побоища. По ступеням текли реки красного вина. Я воздвигал алтари и приносил в жертву

девственниц. Половицы были липкими от их крови. Стены сотрясались от рева и воплей, когда здесь происходили оргии. Десятки охваченных похотью людей извивались, словно черви. И все это было на самом деле! Вживую!

Он умолк, переводя дыхание.

— А порой на меня накатывала тоска. Тогда дом наполнялся молчаливыми уродами, отягченными горем. Я ходил между ними, похлопывал по плечу какой-нибудь труп, с которого сыпалась земля, или беседовал с вурдалаком о разных пустяках.

— Сумасшедший,— пробормотал я.

Кажется, это подействовало на Ричарда. Он закрыл глаза и отвернулся.

— Боже, ну почему люди всегда говорят то, что я ожидаю от них услышать? — устало спросил он.— Почему в них нет хотя бы толики оригинальности?

Услышав, как я встаю, Ричард повернулся ко мне.

— И куда, позволь спросить, ты направляешься? — спросил он.

— Я забираю Мэри с собой,— сказал я.

— Прекрасно.

Я уставился на него, не веря своим ушам.

— Получается, она для тебя совсем ничего не значит?

— Делай, что решил,— сказал Ричард.

Я попятился к двери.

— Все, что я от тебя услышал,— ложь,— заявил я Ричарду.— Не существует никаких оживших персонажей. Ты все это выдумал. Нет ничего, кроме мерзости, которой ты наполнил жизнь моей сестры.

Ричард бросился ко мне, и прежде, чем я успел выбраться из кабинета, его пальцы железными обручами сомкнулись на моих запястьях. Он поволок меня обратно и швырнул на кушетку.

— Ее рост — пять футов и семь дюймов,— прошипел он.— У нее густые золотистые волосы. Ее глаза — зеленые самоцветы, они излучают огонь. Ее кожа бела и чиста.

Во мне нарастало отвращение.

— Она одета в голубое платье,— продолжал Ричард,— на правом плече которого — отделка из драгоценных камней.

Я попытался встать. Ричард снова толкнул меня на кушетку и вдобавок схватил одной рукой за волосы.

— В руках она держит книгу,— прорычал он.— Как называлась книга, что много лет назад ты подарил своей матери на день рождения?

Я очумело глядел на него. Пальцы безумца крутили мне волосы, грозя вырвать с корнем. От боли из моих глаз сыпались искры.

— Название книги? — требовал Ричард.

— «Зеленые розы»,— простонал я.

Он отпустил меня, и я рухнул на кушетку.

— Вот с этой книгой Элис и войдет в кабинет,— объявил Ричард.

Он повернулся к двери.

— Элис,— позвал он.— Поднимайся в дом, Элис. Не торопись. А теперь открой кухонную дверь. Так, замечательно. Не поскользнись. Ты уже в кухне. Пройди всю кухню. На свет не обращай внимания. Теперь толкни дверь из кухни в столовую.

Я затаил дыхание.

Я слышал стук женских каблучков по полу столовой. Вскочив с кушетки, я ретировался в тень, наскочил на стул и остановился.

Каблучки стучали все ближе.

— Иди сюда, Элис,— продолжал Ричард.— Ближе. Еще ближе.

Дверь распахнулась. По полу протянулась тень от женской фигуры.

Элис вошла. Ее внешность точно соответствовала описанию Ричарда. В правой руке она держала книгу. Книгу Элис положила на стол за кушеткой, а сама подошла к Ричарду. Ее пальцы с красными ногтями легли ему на плечи. Она поцеловала Ричарда.

— Я скучала по тебе,— томным, чувственным голосом произнесла Элис.

— А чем ты занималась, дорогая? — спросил он.

Она медленно провела пальцем по его щеке. В недрах ее горла заклокотал довольный смех.

— Ты же это знаешь, милый,— ответила Элис.

Ричард стиснул ее плечи. На его лице мелькнул гнев. Потом он притянул Элис к себе и стал лихорадочно целовать. Я глазел на них, словно мальчишка, подсматривающий за взрослыми.

Потом их губы отодвинулись. Рука Элис змеей скользнула ему в волосы. Ричард обернулся ко мне, усмехаясь.

— Дорогая, хочу тебя познакомить с Дэвидом,— сказал он.

— Конечно, познакомь,— не поворачиваясь, ответила Элис, будто уже знала о моем присутствии.

— Он трусливо прячется в тени,— добавил Ричард.

Элис повернулся и посмотрела на меня.

— Дэвид, давай вылезай из тени,— сказал она.

Она прошла к кушетке и включила лампу. Я вздрогнул, упершись спиною в стул.

— Испугался? — спросила Элис.

— Застенчивый малый,— ответил Ричард.

Я попытался говорить, однако слова застряли в горле.

— Ты что-то сказал? — полюбопытствовала Элис.

— Чудовище! — прошептал я.

На ее лице отобразилось легкое удивление.

— Однако, Дэвид,— сказала Элис.

Она повернулась к Ричарду, опустив руки, будто предлагала себя для осмотра.

— Дорогой, я чудовище? — спросила она.

Ричард засмеялся и притянул Элис к себе, поцеловал в шею.

— Мое прекрасное златовласое чудовище,— ответил он.

Элис высвободилась из его объятий и направилась ко мне. Я сжался. Она протянула руку. Моя щека ощутила тепло ее ладони. Я вздрогнул.

Элис наклонилась ко мне. Я почувствовал запах духов и испуганно вскрикнул. Потом меня коснулось ее теплое дыхание. Я попятился.

— Нет,— сказал я.

— Это что-то новенькое,— засмеялся Ричард.— Первый отпор за всю твою карьеру.

Элис пожала плечами и отошла от меня.

— Должна сказать, он явно не из числа приятных и дружелюбных людей.— Она злорадно поглядела на Ричарда.— Например, таких как герцог.

Его улыбка пропала.

— Не говори о герцоге,— потребовал Ричард.

— Дорогой, но ведь это ты его создал,— насмешливым тоном возразила Элис.— Как можно ненавидеть собственное детище?

Он поймал запястье Элис и сжимал, пока ее лицо не сделалось белым. Она не издала ни звука.

— Не смей даже пытаться меня дурачить,— прохрипел Ричард.

— Посмотрим,— сказала Элис.

Ее лицо приняло прежнее выражение.

— Слушай, Дэвид,— обратилась она ко мне,— я ведь принесла тебе книгу.

Я поплелся к столу. Они оба глядела на меня. Я взял принесенный ею том.

«Зеленые розы».

У меня омертвели пальцы. Книга выскользнула. Падая на ковер, она раскрылась, и я увидел титульную страницу. Написанные там слова я помнил наизусть, поскольку сам когда-то их оставил: «Мамочке в день ее рождения. С любовью, Дэвид».

— Та книга,— пробормотал я.

— Конечно,— сухо подтвердил Ричард.

Я пятился задом, пока мои ноги не уткнулись в ножки стула. Я плюхнулся на сиденье и оцепенело глядел, как Ричард ласкает Элис. Мне показалось, что стены начинают кружиться.

— Это стоит часов ожидания,— повторял Ричард.— Это делает пытку похожей на покаяние.

— Пытку? — удивленно повторила Элис.

Ричард запустил руки в ее локоны, притянул ближе. Их губы почти сомкнулись.

— Ты не знаешь, сколько себя я истратил, создавая тебя,— сказал он.— Ты для меня — не просто одна из женщин. Ты значишь больше, чем кто-либо в целом мире. Ведь ты — часть меня.

Слушать все это дальше я был не в состоянии. Поэтому встал и на нетвердых ногах заковылял к двери.

— Куда собрался? — крикнул вслед Ричард.

— Забрать сестру.

— Нет.

Я повернулся.

— Но ты же говорил...

— Я передумал,— заявил Ричард.

— Где она? — спросила Элис.

Ричард покосился на нее:

— А зачем тебе это знать?

— Хочу пойти и поговорить с ней.

— Нет,— возразил Ричард.— Нельзя.

Поскольку в тот момент он смотрел на меня, ненависти, промелькнувшей на лице Элис, он не заметил.

— Сядь,— велел мне Ричард.

— Нет.

— Сядь,— повторил он,— или я уничтожу твою сестру.

Я молча смотрел на него, потом так же молча вернулся к стулу.

— Я хочу ее видеть,— сказала Элис.

Он стиснул ей запястье.

— Я же сказал — нет. Делай то, что я тебе говорю.

— Всегда?

— Или твоя жизнь закончится! — крикнул Ричард.

Он разжал пальцы.

— А теперь тебе пора уходить,— обратился он к Элис.— Поцелуй меня разок и возвращайся в свое тайное обиталище, пока я снова не захочу тебя увидеть.

На алых губах появилась бесстрастная улыбка. Элис наклонилась и поцеловала своего создателя.

— До свидания,— сказала она.

Ричард притянул ее к себе и пристально посмотрел в глаза.

— Помни,— отчеканил он.— Делать то, что я говорю.

— До свидания.

Элис вышла из кабинета, закрыв дверь. Стук ее каблучков быстро стих.

Ричард повернулся лицом к камину и застыл. Постепенно у меня появилась надежда на побег. Я начал стаскивать ботинки. Главное — неслышно выбраться за дверь... Я встал.

Я не спускал с него глаз. В пламени камина фигура Ричарда казалась слегка колышущейся. Я медленно ступал по ковру. Шаг, еще шаг.

Моя рука была уже на ручке двери.

— К двери спальни ползет десятифутовая кобра,— произнес Ричард.— Скоро она укусит мою жену.

Я глядел на него.

Он даже не повернулся!

Я бросился к нему и вцепился в его руку.

— Ричард!

И вдруг наверху раздался пронзительный крик. Голова Ричарда дернулась. Лицо наполнилось ужасом.

— Нет,— выдохнул он.

Он оттолкнул меня и бросился к двери. Распахнув ее, выбежал в коридор.

— Исчезла! — крикнул он.— Ее здесь нет!

Я побежал вслед за ним.

Он стоял на коленях перед телом Элис. Ее щеки были неестественно раздуты, а широко раскрытые мертвые глаза глядели на Ричарда. Под правым глазом краснели две точки.

Ричард смотрел на нее, не желая поверить в случившееся. Потом дрожащими пальцами коснулся ее лица и приложил ухо к груди.

Я заметил, что на ногах Элис нет туфелек. Значит, разулась, чтобы Ричард не услышал, как она поднимается наверх.

Лицо Ричарда окаменело. Он поднял тело Элис и понес в кабинет.

В проеме спальни стояла Мэри и смотрела на распахнутую дверь кабинета.

Я схватил сестру за руку.

— Надо убираться отсюда.

За все время, что я буквально волок ее вниз по длинной лестнице и потом к выходу, Мэри не произнесла ни слова. Мы вышли на улицу. Я открыл дверцу своей машины и втолкнул туда сестру.

— Выезжай на шоссе и жди меня там.

— Но...

— Не спорь.

Мэри посмотрела на меня, затем повернула ключ зажигания. Машина миновала проезд и вывернула на дорогу. Я возвратился в дом.

Ричарда я застал стоящим на коленях возле кушетки, куда он положил Элис. Он гладил руку покойницы. С его лица пропала вся надменность. У него был вид человека, надеющегося на чудо. Вот сейчас она проснется и...

Я подошел и дотронулся до его плеча. Голова Ричарда запрокинулась. Он посмотрел на меня.

— Тебе нужно куда-то деть труп,— сказал я.

— В доме начался пожар,— произнес Ричард.

Я буквально подпрыгнул от его слов. Стены кабинета охватило пламя. Драпировка скручивалась в пылающие лоскуты. Кабинет заволокло густым дымом.

— Ричард! Погаси огонь! — закричал я.

Он не ответил, а лишь продолжал глядеть на белое распухшее лицо Элис и гладить ее руку.

Убеждать его было бесполезно. Я метнулся к двери кабинета, но путь преградила огненная стена.

Ричард не хотел меня выпускать.

От едкого дыма я закашлялся. Оставался единственный выход — окно. Стены вокруг него уже горели. Тогда я схватил столик и швырнул в стекло. Зазвенели осколки. Я устремился к пролому.

— Нет! — раздалось у меня за спиной.

Я замер на месте.

— Ты не можешь уйти! — закричал Ричард.

Я громко расхохотался.

— А ты не можешь меня задержать! — крикнул я в ответ.

Он ничего не сказал. Только улыбнулся и лег поперек тела Элис.

И вдруг я понял, почему не смогу выбраться отсюда.

Я — один из его персонажей.

И теперь мне остается только ждать.

Звонок с другой стороны

— Алло!

— Это ты, Джо?

— Да, да, это Джо. А кто звонит?

— Один из твоих знакомых, Джо. Добрый друг. Как делишки?

— Кто это?

— Спрашиваю, как делишки? Джо, я слышал, тебя загнали в угол.

— Еще чего! Никто не загонял меня в угол. Патронов у меня на всех хватит. Им сюда не сунуться.

— Джо, откуда ты знаешь? Ты ведь окружен.

— Это ты так говоришь. А вообще-то ты кто? Прихвостень копов?

— Нет, Джо, что ты! Сказал же, я твой друг.

— Угу. Вот только нет у меня здесь друзей.

— Ошибаешься, Джо. Есть. У тебя есть я. Пока ты все делаешь правильно. Так ведь, Джо?

— Кто это?

— В этом вся штука, Джо. Не сдавайся. Продолжай стрелять, слышишь? Подстрели для меня пару-другую копов.

— Я же спросил: кто это? У меня нет времени на телефонную болтовню.

— А разве я сказал, что есть? Конечно, у тебя нет времени на телефонную болтовню. Ты, Джо, лучше подойди к окошку и прикончи несколько полицейских. А потом вернешься, и мы еще поговорим. Согласен, Джо? А?

— Так ты не шестерка легавая?

© Перевод И. Иванова.

— Нет, Джо. Ни у кого нет такой ненависти к закону, как у меня. Джо, когда уложишь парочку копов, ты поговоришь со мной?

— Может быть. Там посмотрим. Не вешай трубку. Пойду дырявить мозги легавым. Трубку не вешай. Я вернусь.

— Я и не собираюсь вешать трубку. Нет, Джо, я тебя не оставлю. Я тут сижу и гляжу из своего окна. Я близко, через улицу. Вот, теперь я тебя вижу. Ты подошел к окну. Слышу, как хлопает твоя пушка. Пиф-паф! Отлично у тебя получается. Да, Джо, теперь я тебя вижу. Вижу твое белое, совершенно перекошенное лицо. Ты чокнутый, Джо. Ты знал об этом? Спокойный, невозмутимый и свихнутый, какими бывают спокойные и невозмутимые. Эге, Джо, да ты смеешься! Ну и ну. Это правильно! Смеешься! Гогочешь как полоумный. Все это чертовски забавно, честное слово. Ты в своей меблирашке, обложен со всех сторон. Копы палят из пушек по тебе. Ты палишь по ним. Забавно. Все это забавно, Джо. Особенно смерть, рассевшаяся у тебя на плечах. Кто-то закричал. Давай еще, Джо! Врежь им. Пали, пока обойма не кончится. Пусть пульки скачут по тротуару и дырявят машины, дома и людей. Разве нам с тобой не смешно, Джо? Еще как смешно! Покажи им, кто ты такой! Это дано немногим. Вот он, Джо Вермилио, вор и убийца. Падает, как догоревшая ракета. Бум! В этом-то и вся соль, Джо. Подстрели еще нескольких. Всех перестреляй! Мне это по нраву. Ты — мой кумир, Джо. Я горжусь тобой. Воюй на всю катушку. Держись...

— Алло!

— Я здесь. Это было чертовски здорово, Джо.

— Правда?

— Я же тебя вижу, Джо. Я наблюдаю за тобой.

— Где ты? На другой стороне улицы?

— Да, Джо, я там. Напротив.

— Я тебя вижу? А ты меня?

— Я точно тебя вижу. Еще бы я тебя не видел! А вот ты меня не видишь. И никто не видит.

— Угу. Эй, ты видел того копа? Видел, как он нарвался на мою пулю?

— Ты еще спрашиваешь, Джо. Конечно видел. Это было потрясающе. И ты, Джо, в тот момент выглядел просто шикарно.

— Угу, так оно и есть. Слушай, а ты все-таки кто?

— Задай им, Джо. Покажи, кто ты такой. Вали одного за одним. Ори на них во все горло, Джо! Скажи им, какие они сволочи.

— Я спрашивал...

— Нет, ты обязательно скажи им это, Джо!

— Да, черт побери! Ты прав. Я скажу.

— Продолжай в том же духе, Джо! Джо Вермилио. Победитель!

— Им меня не взять.

— Ну разумеется. Им ни за что не взять тебя.

— Эй, а ты все-таки кто?

— Я ж тебе говорил, Джо: я — твой друг. Твой лучший друг. Твой единственный друг во всем мире, Джо. Потому и позвонил тебе. Захотелось тебя поддержать.

— Как тебя зовут?

— Не прохлаждайся у телефона, Джо. Продолжай в том...

— А-а-а!

— Что такое, Джо?

— Суки! Попали мне в руку. Сейчас я с вами рассчитаюсь, скунсы поганые. Я вас всех уложу.

— Говоришь, в руку? Как она, Джо?

— О-о-ох, моя рука...

— Ей не жарко от горячего свинца, Джо? Он еще не остыл? Кровь идет? Как выглядит дырка в твоей руке, Джо? Расскажи.

— А-а-а, ой... Больно.

— Тогда топай к окну, Джо, и выпусти всю обойму. Что они о себе возомнили? Как осмелились тебя ранить? Я бы, Джо, этого так не оставил. Нет, ни за что бы не оставил. Я бы подошел к окошку и выложил все, что о них думаю. Я бы расквитался с ними. Убей их!

— Я вас убью, паршивые копы!

— Слышу, Джо, как ты мечешься по ковру. Будто свихнулся. Да ты и есть свихнутый. Тупоголовый молодой бычок, вот ты кто. А ведь ты попался, Джо. Сам еще этого до конца не понимаешь, но ты сейчас как рыбка в сетях. Придурок ты, Джо. Непроходимый и безнадежный тупица. Жалкий фигляр. Ты это знал? Мне грустно на тебя смотреть, Джо. На твое бледное лицо. Почему ты так не любил выходить на солнце? Впрочем, скоро и в твоей меблирашке станет жарко. Скоро. Гляди-ка! На твоей миленькой белой рубашечке — пятна крови. Смотрятся очень

живописно. Ты что, больше не стреляешь? Ай-ай-ай. Раскрою тебе один секрет, Джо. Полицейские пытаются тебя убить. Знаешь об этом? Но мы им этого не позволим. Правда, Джо? Не позволим ни за что. Мы же с тобой большие друзья, Джо. Ты безмозглый бык, но это не важно. Я буду подсказывать тебе. Продолжай, Джо! Стреляй по ним. Пиф-паф! Трах-бабах! Пали, Джо. Поубивай их всех!

— Я уложил вон того! Ухлопал! Посмотри! Я его уложил!

— Конечно. Иначе бы ты не был моим старым другом, Джо Вермилио.

— Я его пришил? Да?

— Как рука, Джо? Болит?

— Пустяки. Я его пришил? Я показал им, чего стою. Так?

— Ты показал им, Джо. Отлично показал.

— Им вдь не добраться до меня? Правда?

— Ни в коем случае! Разве мы можем им это позволить, Джо Вермилио, старинный ты мой друг?

— Эй, а ты не Майк Туччи?

— Что ты, Джо. Майк Туччи мертв.

— Майк Туччи? Майк Туччи мертв?

— Да, Джо. Он мертв.

— Боже, а я и не знал.

— Странно, что ты не знал, Джо. Да, Джо, он мертв. Джо, хочешь, поговорим о Майке Туччи? Хочешь...

— Слушай, им ведь не сцапать меня?

— Нет, им не сцапать тебя, Джо. Ты скроешься от них. Далеко.

— Понятно. У тебя есть машина? Знаешь, каким путем можно выбраться из города?

— Машина? Нет, Джо, машины у меня нет. А вот путь, Джо... да. Я знаю миллионы путей.

— Что ты... а-а-а!

— Джо! Что с тобой, Джо? Ты меня слышишь? Что случилось?

— Я... я... не могу... дышать. Они... они применили... слезоточивый газ.

— Неужели? Боже милосердный! Джо, сделай что-нибудь с этим кашлем. Думаю, тебе больше нечего сказать, Джозеф Энтони Вермилио, вор и убийца... Джо! Джозеф! Ты слышишь меня? Джо, только не прекращай стрелять. Стреляй хотя бы по-

тому, что ты... Ага. Придумал. Разбей окно. Впусти свежий воздух. Стреляй по ним, Джо... Нет, не суйся к окну! У копов пулеметы. Берегись!.. Боже. Ты посмотри на себя, Джо. Какова картинка! Ты весь продырявлен. Мне хочется плакать навзрыд. Джо, неужели тебе не хватило мозгов? Вот это я и называю... Не оставляй это так. Давай! Ты же мой мальчик, Джо!.. Ползи, Джо! Вот, молодец. Хватайся окровавленными руками за подоконник. Крепче, Джо. Перестреляй их всех, Джо. Вот так!.. Ох, Джо-о. Ты меня слышишь, Джо? Я слышу только шипение слезоточивого газа. А копы-то совсем перестали стрелять. Тихо стало. А, Джо? Где же твой дух, Джо Вермилио? Вперед, Джо. Ты ведь не позволишь нескольким десяткам бездельников помешать тебе. Не сдавайся, Джо. И не вешай трубку, Джо... Ты слышишь? Джо, они уже кромсают дверь. Неужели ты им позволишь? Да что с тобой творится? Не разрешай им подобных штучек, Джо... Слушай, Джо, а почему бы не перебраться ко мне? Такой потрясающий закат. Я любуюсь им с крыши. Видел бы ты эти розовые облака. Потрясающе, Джо. Просто потрясающе. Я... что?

— Кто это говорит?

— А, ты из полиции? Вы уже разделались с Джо Вермилио?

— Кто это?

— Послушай, коп, не думаю, что тебе понравится знакомство со мной. Во всяком случае, сейчас. Лучше скажи, Джо Вермилио, часом, не мертв?

— Само собой, мертв. Погоди, не вешай трубку. Мне нужно кое-что у тебя спросить. Я...

— Хочешь узнать, откуда я звоню? Думаешь, мы будем болтать, а кто-нибудь из твоих безнадежных идиотов успеет определить номер? Хочешь докопаться, кто я такой? Да, смешной смазливенький коп? Большинство людей предпочли бы не иметь со мной никаких дел. Вот так-то, служитель порядка. Если я и скажу, кто я, ты все равно не поверишь. Я все-таки тебе скажу, но не сейчас. Потом. Ну а если тебе так приспичило узнать, спроси у Джо Вермилио. Он знает, кто я. Ха-ха-ха-ха. Или ты не знаешь, Джо? Спроси у него, легавый. Давай, спрашивай... А теперь прощай.

Зеркало, зеркало...

История эта из тех, что начинаются так же, как и заканчиваются. Единственное исключение: когда меняется контекст повествования, одинаковые слова приобретают совсем иной смысл. А слова такие...

Она принадлежала к числу женщин, которые вечно сидят перед зеркалом и любуются собой. Достаточно уподобить это покрытое серебряной амальгамой стекло Нарциссову пруду*, и вы поймете, о чем речь. По правде говоря, женщины, красующиеся перед зеркалом, не любят никого, кроме самих себя. Они не возражают против мужей, домов и кое-каких домашних обязанностей, но достаточно появиться крохотной морщинке, как все остальное тут же забывается и они погружаются в капризное, раздраженное состояние, обуреваемые пустыми страхами. Одарите их щедро вниманием, добротой и любовью, а затем восхититесь тем, как они сегодня выглядят, и все ваши душевные дары будут проигнорированы.

Такой была и Валери Касл. Восход и заход солнца в ее персональном мире определялся состоянием ее лица. Она была замужем, но связала себя узами брака не по любви, а чтобы иметь средства к существованию. Тюбики и баночки с разнообразной косметикой она любила куда сильнее, чем своего мужа Джона — заурядного человека, медлительного, словно бык, и испытывающего неодолимое восхищение женой.

Валери была идеалом женщины, и потому Джон радостно и безропотно причислял себя к обширному легиону тех, кто слу-

---

© Перевод И. Иванова.

* Имеется в виду греческий миф. Увидев однажды в пруду свое отражение, юный Нарцисс влюбился в себя. *(Прим. перев.)*

жит ковровой дорожкой под ногами красавицы. Может показаться, что Джон Касл не отличался умом. Однако его успехи в финансовых делах опровергали это поверхностное суждение. Просто его потакание жене достигло уровня, понизить который никто из женщин никому из мужчин не позволит.

Суть этой истории: муж, усердно раздувающий пламя тщеславия своей жены.

А вот и сама история.

Однажды утром Валери Касл, вся дрожа, очнулась от тревожного сна. Картина эта буквально впечаталась в разум: ее, безобразную настолько, насколько позволяет воображение женщины, трясущейся над своей красотой... выставили на всеобщее обозрение. По обеим сторонам от нее стояли женщины и молча смотрели, а она должна была медленно идти мимо них.

Красавица Валери лежала на спине, охваченная смятением. Этот сон снился ей не впервые, и эти повторения раздражали до глубины души. Она не заслужила такой чудовищной пытки, такого жуткого высвобождения страхов, копившихся в потаенных уголках ума. Подсознательный разум, этот необузданный зверь,— вот кто развлекал себя мрачными предчувствиями.

Валери Касл стиснула свои хорошенькие пальчики в хорошенькие кулачки и надулась на негуманное отношение одной части ее разума к другой. Затем голубые глаза наполнились страхом. А вдруг в этих назойливых снах скрыт какой-то смысл? Что, если она, сама не того не зная, видит грядущие события?

Ее молочно-белое тело вздрогнуло. Чепуха! Валери поспешно открестилась от подобных мыслей. Просто нервы. Трон красоты всегда находится в осаде, вот они и не выдерживают. Разве пианист, выступающий с концертами, не опасается за свои руки, а художник — за глаза? Естественный страх, и не более того. Так почему бы красоте не опасаться, что в результате какого-нибудь жуткого несчастного случая она вдруг превратится в неописуемое уродство?

Так оно и есть. Валери сочла вопрос решенным. Возможно, ей придется несколько раз побывать у психоаналитика. Он снимет напряжение и вернет ей нормальный сон. Нужно что-то предпринять. Что именно — она решит.

Еще не отойдя от невеселых раздумий, Валери Касл прошелестела по подушке густыми локонами и уставилась на часы.

Новая досада заставила ее изогнуть тщательно выщипанные брови. Уже почти полдень, а она и не начинала готовиться к чаю у миссис Ригни, где играли в бридж и говорили обо всем на свете. Из горла, покрытого густым слоем кольдкрема, вырвался недовольный звук. Губы, смазанные особой помадой, плотно сомкнулись. Просто вчера ей нужно было вернуться пораньше, и только. Это все из-за Джона с его бесконечными изматывающими приемами, которые он посещал ради упрочения деловых связей и, естественно, брал с собой жену. После такого попробуй как следует выспаться!

Валери подумала о женщине, с которой когда-то была знакома. В свое время та считалась эталоном красоты; ее знали повсюду, и все мужчины, познакомившись с нею, очаровывались. Так вот: эта женщина сохраняла потрясающую внешность только до тех пор, пока жила одна и спала по двенадцать часов. А когда вышла замуж и стала тратить время на своего требовательного мужа, ее красота быстро померкла. Былая богиня превратилась в полнейшую заурядность — жену-жертвенницу.

С Валери Касл никогда ничего подобного не случится! В этом она была готова поклясться небесами. Пусть Джон только заикнется о своих мужских притязаниях — она ему покажет.

Валери энергично тряхнула головой в знак согласия. Правильная, совершенно здравая мысль. Женщина прежде всего должна заботиться о самой себе. Кто еще о ней позаботится? Во все века любая женщина была вынуждена в одиночку сражаться за свои права. Соплеменники не придут на помощь, вассалы знают лишь собственную корысть, а тот, кого принимаешь за благородного защитника, оказывается жалким наемником.

Решено, и быть посему. И вновь взгляд небесно-голубых глаз Валери Касл переместился, на этот раз к окну ее мира — зеркалу. Точнее, к ручному зеркальцу. Валери позволила себе секунду-другую полюбоваться двойной вязью серебряной инкрустации, которая украшала обратную сторону зеркальца. Настоящий предмет искусства, достойный отражать ее изумительную красоту.

Томно сжав пальцы, Валери Касл вытянула безупречную, словно вырезанную из слоновой кости руку. Каноны красоты предписывали ей, проснувшись, сразу же тщательно рассмотреть лицо. Тут небрежность и лень были недопустимы. Красота

не имела права уклоняться от исполнения первейшей обязанности.

Зеркало медленно двигалось, и два совершенных глаза следили за тем, что в нем отражалось.

На кухне повар, занятый приготовлением печенья, уронил на пол миску белоснежного теста. Служанка шумно глотнула воздух, а у старшего слуги дернулась правая щека... Причиной был душераздирающий крик, разнесшийся по всему дому.

— Я думала, сердце остановится, так это было ужасно,— сказала она.

— Значит, в зеркале была не ты?

Три дамы в шляпках сидели тесным кружком, занятые конфиденциальной беседой. Голоса звучали почти шепотом. Центральной фигурой в этом трио была Валери Касл.

— Там была не я,— ответила Валери.— Даже не знаю, кого я там увидела. Какого-то страшилу из кукольного театра... жуткое лицо... уродливое до ужаса. Представляете, рот был одновременно загнут кверху и опущен, словно одна часть лица улыбалась, а другая хмурилась. Один глаз почти на треть был скрыт под отвратительным лоскутом кожи. Нос по форме и цвету напоминал картофелину, которую только что вырыли из земли. А губы...

Две женщины, забыв про чай и глазированные кексы, во все глаза глядели на вздрагивающую Валери Касл.

— Какой кошмар! — сказала одна из них.

— С моей сестрой было нечто похожее,— добавила другая.— На любой водной поверхности она видела мордочку своего трагически погибшего пекинеса. Песик угодил под копыта взбесившейся лошади.

— Что же делать? — спросила перепуганная Валери Касл.— Я просто в ужасе... Боюсь посмотреться в другое зеркало: вдруг снова увижу то лицо?

— Получается, с того момента ты больше не смотрелась в зеркало? — спросила первая женщина.

— Да,— выдохнула Валери.— Я боюсь.

— Но ты сама сказала, что видение было мимолетным,— продолжала первая женщина.— То есть искаженное лицо ты видела всего мгновение, а потом оно распалось, и ты снова увидела свое собственное лицо.

— Совершенно верно,— подтвердила Валери Касл.

— В таком случае это не что иное, как временное помрачение сознания,— заявила первая женщина.— Хороший психоаналитик с этим справится.

— А то лицо хоть отчасти было похоже на твое? — спросила вторая женщина.

— Я тебя умоляю,— простонала Валери.

— Я хотела сказать, похоже на то, каким бы могло стать твое лицо после какой-нибудь страшной катастрофы.

Валери подалась вперед. Она напоминала прекрасную каменную статую.

— Этого-то я и боюсь,— глухим голосом призналась она.— И никак не отделаться от этой мысли.

— А я не верю в подобную чушь,— сказала вторая женщина.— Помрачение сознания, и не более того. Тебе нужен врач, но ни в коем случае не медиум.

— Я сама хочу верить, что это временное помрачение,— вздохнула Валери.— Отчаянно хочу.

— У меня есть личный психоаналитик,— сказала вторая женщина.— Вечером я ему позвоню и предупрежу о твоем визите. А сейчас... достань зеркальце из своей сумочки.

— Мне страшно,— пробормотала Валери Касл.

Ее пальцы, обтянутые белыми перчатками, тряслись.

— Ты должна это сделать,— настаивала женщина.— Посмотреть в зеркало — это способ исцеления. «Загляните в лицо проблеме, и проблема потеряет лицо». Хорошая фразочка. Я усвоила ее от доктора Мотта. Он и есть мой психоаналитик. Давай, вынимай зеркальце.

Дрожа и холодея от предчувствий, Валери Касл медленно раскрыла сумочку и взялась негнущимися пальцами за край зеркальца.

— Смелее,— сказала ей первая женщина.

— Я бы ни за что на такое не отважилась,— призналась вторая.

Валери Касл отважилась.

Служанка подала домашние пирожные с вишнями. Как она ни старалась, ей не удалось спрятать оскорбительное любопытство. «А Джон ничего не заметил»,— с раздражением подумала

Валери. Впрочем, Джон не отличался восприимчивостью. Жутко ненаблюдателен — вот его точнейшая характеристика.

Эти мысли, словно осы, жалили мозг Валери Касл, когда она равнодушно вонзила вилку в пирожное.

«Они ведь все равно будут пялить на меня глаза, разбирать по косточкам и судачить за моей спиной».

— Восхитительное пирожное,— сказал мистер Касл.

«Стоило мне один раз закричать от страха, и они уже таращатся как на сумасшедшую. Почему я должна терпеть это хамство?»

— Дорогая, пирожное — просто пальчики оближешь,— сказал мистер Касл.

«То лицо — всего лишь результат временного помрачения ума. Не более чем пятнышко на сознании. Завтра утром я съезжу к психоаналитику, который сотрет это пятнышко. Иначе и быть не может. Когда я смотрелась в зеркальце из сумочки, я видела только свое лицо. Потом дома я смотрелась в два десятка разных зеркал, и в каждом отражались мои привычные черты».

— Дорогая, ты меня слышишь?

«Неужели из-за одного крика меня будут изводить наглым разглядыванием?»

— Валери!

— Ну что тебе? — раздраженно спросила она.

— Я говорю, пирожное просто чудо. Неужели тебе не понравилось?

— Зачем донимаешь меня дурацким вопросом? Ты же знаешь, что я равнодушна ко всяким кондитерским изыскам.

— Конечно, конечно. Я... Прости, дорогая. Всего лишь хотел сказать, что в этот раз пирожные удались на славу.

«Если и дальше будут столь бесстыже пялиться на меня, придется их уволить. Другого выхода нет. Скажу Джону, что слуги обленились вконец. Говорить ему о своих ощущениях бесполезно. Он лишен способности понимать такие вещи».

— Что? — сказала она, прослушав его вопрос.

— Позвонить, чтобы принесли кофе? — повторил муж.

— Меня-то зачем об этом спрашивать? — утомленно выдохнула Валери.— Звони, если тебе так надо.

На губах Джона Касла мелькнула улыбка. Он позвонил в колокольчик. Служанка на кухне набрала в легкие побольше воздуха и взяла тяжелый полированный кофейник. Она спиной

открыла дверь в столовую, затем повернулась и поплелась к тому краю стола, где сидела хозяйка.

Поставив кофейник, служанка сразу же ушла. Валери поднесла чашку под носик крана. В чашку полилась дымящаяся черная струйка, а взгляд Валери инстинктивно переместился, что бывало всегда, когда рядом оказывалась зеркальная поверхность.

Онемевшие пальцы не удержали чашку, темный поток побежал по гладкой дубовой столешнице, чтобы водопадом излиться на пол. Кран оставался открытым, и дымящаяся жидкость заполняла вычурное блюдо под кофейником. Джон Касл вскочил, испуганно тараща глаза.

Валери быстро завернула кран, еще быстрее накрыла пролитый кофе полотняной салфеткой, потом встала.

— Любовь моя, ты не обожглась? — заботливо спросил мистер Касл, подходя к ней.

— Пустяки.

Ее туфельки мягко стучали по ковру гостиной.

Встревоженный муж бросился следом.

— Дорогая, постой!

— Оставь меня в покое! — закричала Валери.

Слуги вторично слышали ее крик.

А каблучки уже щелкали по ступенькам винтовой лестницы. Их стук не затихал до тех пор, пока она, запыхавшись от быстрой ходьбы, не оказалась в тишине своей комнаты, перед большим зеркалом туалетного столика. По другую сторону, в коридоре, топтался муж.

Что это было? Воображение, обманутое выпуклой поверхностью кофейника? Или она и вправду снова увидела то жуткое лицо?

От страха перехватило горло, от беспомощности тряслись руки. Галлюцинация или правда?

Она должна знать.

— Валери, дорогая! Ну скажи, что случилось?

Удары ее сердца казались звоном литавр. Валери подняла глаза и посмотрела в зеркало.

Мгновением позже в зеркале отражался лишь женский будуар. Хозяйка будуара без чувств лежала на ковре под грудой щеток, расчесок, тюбиков и баночек. На ее простертую руку мучнистыми снежинками падали крупицы талька.

Она закончила рассказ. Доктор Мотт все так же кивал, слегка выпятив губы. Его руки все так же покоились на столе, а мясистые большие пальцы вращались друг вокруг друга.

— Ну что ж,— произнес он, восхищаясь внешностью Валери.

— Мисс Петтигрю очень высоко отзывалась о вас, потому я и приехала,— объяснила она.

Доктор Мотт качнул головой, принимая комплимент.

— Пусть будет так.

«Как безупречно сидит на ней платье»,— подумал психоаналитик.

— Вы же не считаете возможным, что...

— Что вы на самом деле видели то лицо? — спросил он, быстро возвращаясь в свою профессиональную нишу.— Вполне это допускаю. Вы его видели.

Валери Касл вздрогнула. Ее наманикюренные ногти вонзились в ладони.

— Но это ни в коем случае не означает, что лицо действительно существует,— закончил свой пассаж доктор Мотт.— Уберите из своего разума мысли о реальности того лица. Оно существует, но только в вашем подсознании. Понимаете?

— Вы хотите сказать, оно ненастоящее?

— Настоящее, но на уровне вашего разума,— возразил доктор Мотт.— Навязчивость бросила туда семена, нарастающие фобии играли роль питательной среды, а в качестве урожая вы получили жуткий образ. Только прошу вас, ни в коем случае не считайте этот печальный эпизод доказательством ясновидения. Нет и еще раз нет, дорогая миссис Касл. Ваш случай в очередной раз показывает, какие камеры пыток мы ухитряемся возводить внутри себя, чтобы себя же и терзать.

— Вы сказали «навязчивость». Это по поводу чего?

— Вашего лица, вашей привлекательности,— ответил доктор Мотт.— Точнее говоря, вы боитесь все это потерять.

— Но увидеть такое лицо,— сказала Валери.— И с такими жуткими подробностями. Откуда мой разум взял столько деталей?

— А кому известно, на какие выверты способно человеческое сознание? Меньше всего мне, а ведь я уже столько лет профессионально занимаюсь психоанализом. Я знаю лишь одно: разум дьявольски хитер и невероятно изобретателен. Можете мне верить: для впечатлительного разума создать лицо в зеркале — просто детская забава.

— Но как мне излечиться от его «забав»? — спросила Валери.— Выходит, мое положение безнадежно?

— Ни в коем случае,— широко улыбаясь, возразил доктор Мотт.— А теперь начнем...

Кабина лифта медленно скользила мимо дверей с номерами этажей, двигаясь вниз. Валери стояла в ее тесном пространстве и улыбалась.

Все оказалось так, как она и думала: невротическое воображение, ложная тенденция. Что ж, ей по крайней мере хватило мозгов вырвать ростки этой страшной болезни, пока они не набрали силу. Процесс лечения надолго не затянется. Доктор Мотт уже разрядил скопившееся напряжение, предписанный им непродолжительный анализ подсознания довершит исцеление.

Валери подошла к своему автомобилю с откидным верхом, проскользнула на кожаное сиденье. На ее губах играла улыбка человека, умеющего владеть собой. Как приятно превращать неведомое в известное, зажигая в темной комнате бессмысленных тревог свет понимания.

Ситуация виделась ей вполне объяснимой. Разве красота не страшится утратить свое совершенство? Такому беспокойству подвержена любая женщина, которой природа преподнесла драгоценнейший из подарков — красивое лицо.

Валери еще раз улыбнулась самоуверенной улыбкой, затем вставила и повернула блестящий ключ зажигания. Мотор «кадиллака» мягко кашлянул и гармонично затарахтел. Сработала автоматическая коробка передач; сверкающий полировкой автомобиль простился с поребриком и влился в пестрый меняющийся ковер уличного движения.

Разум Валери Касл сосредоточился на главном предмете ее любви.

Завтра вечером ей предстояло отправиться на банкет, который устраивала супруга Ройала Аркрайта. До этого времени нужно еще столько успеть. Съездить к портному для окончательной примерки нового платья. Провести несколько часов у массажистки, чьи пальцы будут мять и терзать ее тело. Далее — глиняная маска на лицо, электрический шлем фена, а после — пилки и апельсиновые палочки маникюрши. Потратить столько времени, вынести столько мучений ради выслушивания мужской болтовни и всяких эпикурейских штучек. Боже, сколько жесто-

ких требований накладывает красота на своих беззащитных обладательниц, не говоря уже о чересчур тревожных и докучливых мыслях.

Предупреждающий желтый на светофоре сменился разрешающим зеленым, шестеренки двигателя мягко скрежетнули, и ее «кадиллак» величественно миновал перекресток, держась внешней полосы. Какой-то зануда коммивояжер, ехавший сзади, просигналил ей, требуя пропустить его вперед.

«Какая досада, что пришлось ухлопать все утро на этого психоаналитика»,— подумала Валери.

Коммивояжер вновь нажал сигнал. Чувствовалось, его раздражение нарастало с каждой секундой.

«Итак, не забыть: в час примерка у Антуана. В два...»

Взбесившийся клаксон прервал ее размышления. Сердито прищурившись, Валери повернула голову к зеркалу заднего обзора, чтобы увидеть нарушителя ее спокойствия. Однако зеркало было повернуто под другим углом, и там отражалось ее лицо.

— Нет!

В дорожном шуме никто не услышал крик, сорвавшийся с ее губ. Никто не увидел, как она в ужасе отвернулась от зеркала. Страх парализовал разум Валери, и ее руки отпустили руль. Этого тоже никто не видел.

Со стороны это выглядело как жуткое дорожное происшествие.

Во тьме комнаты мелькнул свет, словно невидимый киномеханик включил проекционный аппарат. Однако он не успел навести резкость изображения, и потому машущие руки и проплывающие лица были размытыми.

Тем не менее искажение не мешало понять, где происходит действие. Белизна стен, светло-серая одежда на движущихся фигурах, запах дезинфекции — все это безошибочно указывало на больницу.

Постепенно изображение становилось все четче. Запах? Боже милосердный, разве бывают фильмы с запахом, да еще и объемные?

Ее голова, лежащая на подушке, поворачивалась в разные стороны. Глаза отмечали стены, дверь, окна, сосредоточенные лица интерна и сиделки. И вдруг ее охватил ужас: она увидела две бледные руки, ощупывающие ее лицо...

Ее плотно забинтованное лицо.

— Нет, нет...

В тишине палаты ее голос напоминал слабое бульканье воды.

Интерн и сиделка склонились над нею, заглянули в полные ужаса глаза, смотрящие сквозь прорези в бинтах.

Интерн взял ее руку, чтобы проверить пульс.

— Вот вы и пришли в сознание,— тихо произнес он.

— Мое лицо! Умоляю, скажите, что с моим лицом?

— Вы попали в дорожную аварию,— ответил интерн.— Ранены осколками стекла.

— Боже, мое лицо!

Цветы, в которых утопала палата (сюда перекочевала добрая половина содержимого цветочного магазина), не уменьшили ужаса, сжимавшего сердце Валери. Драгоценности, конфеты, подарки и исполненные любви улыбки мужа не ослабили туго натянутых нервов. Все мысли были обращены к тому судьбоносному моменту, когда с лица снимут бинты и в ее дрожащих руках окажется зеркало. Мелькающие секунды складывались в минуты, а те — в часы. Время шло, лишь усугубляя страх перед неизвестностью.

Когда она возьмет зеркало, не отразится ли в нем то лицо?

И день настал. Хирургические ножницы резали пласты бинтов. Возле кровати стоял ожидающий мистер Касл. В нервно подрагивающих руках он держал любимое зеркальце своей жены и, как мог, старался улыбаться. Лицо врача оставалось непроницаемым. Единственным звуком в палате было щелканье острых челюстей ножниц.

Наконец сняли последние бинты. Валери Касл выхватила из рук мужа зеркальце и посмотрела на себя.

— О... боже,— зарыдала она.— Слава богу! Слава богу! Я ничуть не изменилась.

Улыбаясь, она взглянула на мужа. Его лицо было полно нескрываемого ужаса.

Она сидит затворницей у себя в спальне и не выходит ни на улицу, ни в гостиную, ни даже в коридор. Дюжина пластических операций не сумела вернуть ее лицу былую красоту. Операции лишь заменяли одно уродство на другое.

Но рассказ на этом не кончается.

Ведь в тот момент, когда сняли бинты, Валери Касл действительно увидела в зеркале свое прежнее обожаемое лицо. Оно появляется в зеркале и сейчас, дразня совершенством линий и молочной белизной кожи. Иногда на мгновение, бывает — на несколько минут, а однажды это чудо длилось почти целый час.

Все дело в том, что Валери никогда не знает, в какой момент произойдет это чудо — когда зеркальное стекло словно подернется облаками, а потом в нем появится отражение ее давно исчезнувшей красоты. Она так боится пропустить этот момент, что никуда не отлучается. Еду и питье ей приносят и оставляют на столике в коридоре, возле постоянно закрытой двери ее комнаты. В комнате Валери ест, пьет и проводит все свое время.

Потому я и сказал, что эта история заканчивается так же, как начинается, но с той лишь разницей, что в ином контексте одинаковые слова обретают совсем другой смысл.

Да, Валери Касл по-прежнему одна из тех женщин, которые без конца просиживают перед зеркалами.

Возможно, вы скажете, что начало и конец этой истории все-таки не совпадают. Если так, приношу свои извинения. Позвольте мне исправить положение и рассказать о призраке, чья эктоплазма вдруг застыла, и у него в руках оказалось блюдо с желе.

Похоже, что...

Сеанс, начавшийся в два

Прорыв произошел в два часа сорок одну минуту. До этого времени Морин, как и прежде, долго и нудно перечисляла обиды, нанесенные ей родителями и братом.

— Мне не для чего жить,— вдруг сказала она.— Абсолютно не для чего.

Доктор Фолькер не ответил, но ощутил волнующий трепет. Он ждал этого момента.

Он смотрел на молодую женщину, лежащую на кушетке в его кабинете. Женщина глядела в потолок. «О чем она сейчас думает?» — спрашивал себя доктор. И помалкивал — не хотел нарушать ее мысли, какими бы они ни были.

Наконец Морин вновь заговорила:

— Думаю, вы не слышали моих слов.

— Слышал,— возразил Фолькер.

— И никакой реакции? — В ее голосе появилась враждебность.— Никаких глубокомысленных комментариев?

— Вроде чего?

— Боже, не затевайте все это снова,— сказала она.— Мне нужен ответ, а не дурацкий вопрос.

— Простите,— пробормотал Фолькер.— У меня не было намерения вас сердить.

— Ваши слова меня уже рассердили! От них я...

Ее голос дрогнул, сменившись каким-то жутким горловым звуком.

— Вам ведь наплевать,— через некоторое время сказала Морин.

— Нет, мне не наплевать,— возразил Фолькер.— Что именно заставляет вас думать, будто мне наплевать?

© Перевод И. Иванова.

— Я вам сказала: мне не для чего жить.— Голос Морин звучал язвительно.

— И?

— Что значит это ваше «и»? — огрызнулась она.

— И что заставляет вас испытывать такое чувство?

Молодая женщина заметалась по кушетке, лицо перекосилось от злости.

— Я невольно ощущаю себя дерьмом! — сказала она.— Этого точного определения вам достаточно, черт вас побери? Я чувствую себя дерьмом! Не хочу жить!

«Уже ближе»,— подумал Фолькер, и по его коже пробежала приятная дрожь. Хорошо, что пациентка лежала к нему спиной. Врачу не хотелось, чтобы она видела его чувства.

— И? — снова спросил он.

— Убирайтесь к черту! — закричала Морин.— Это все, что вы можете сказать?

— Вы слышали, о чем говорили? — с максимальным спокойствием спросил Фолькер.

— О чем? О том, что мне не для чего жить? О желании умереть?

— Прежде вы не произносили слово «умереть»,— поправил ее доктор.

— Велика важность! — воскликнула она.— Прошу прощения! Я сказала, что не хочу жить. Из этих слов любой способен сделать вывод, что я хочу умереть! Любой, но только не вы!

— А почему вы хотите умереть? — спросил Фолькер и тут же вздрогнул.

Он не должен был задавать этот вопрос.

Молчание Морин подтвердило его оплошность. В кабинете стало настолько тихо, что сюда долетал шум катившихся по бульвару машин. Доктор прочистил горло, надеясь, что он все же не сделал крупной ошибки и не упустил момент.

Ему хотелось заговорить с пациенткой, но он понимал: нужно обождать. Фолькер смотрел на застывшую молодую женщину. «Только не закройся от меня,— думал он.— Оставайся в таком состоянии. Прошу тебя. Я так долго ждал этого момента».

Морин устало вздохнула и закрыла глаза.

— Вам больше нечего сказать? — спросил он.

Ее глаза распахнулись. Морин повернулась и сердито уставилась на доктора.

— Скажи я то, что хотела сказать, у вас бы волосы поседели,— почти прорычала она.

— Морин,— тоном, исполненным терпения, произнес доктор.

— Чего еще?

— Мои волосы и так почти седые.

Она рассмеялась. Бесстрастно, просто оценив шутку.

— Да, почти седые,— сказала она.— Вы старый. И дряхлый.

— А вы молодая? — спросил доктор.

— Молодая и...— Она задумалась.— Молодая и несчастная. Молодая и потерянная. Молодая и пустая. Молодая и холодная, без всяких надежд... О боже! — с болью воскликнула она.— Я хочу умереть! Я хочу умереть! Я хочу узнать, как это происходит!

В горле у доктора Фолькера стало сухо.

— Что именно вы хотите узнать? — спросил он.

— Черт вас подери! Вы дурак или прикидываетесь? — Ее вопрос напоминал удар плетью.— Вы понимаете нормальный английский язык?

— Помогите понять,— попросил доктор Фолькер.

У него участился пульс. «Я близко, совсем близко».

Ответом было молчание. «Боже милосердный, неужели я опять ее потерял? — подумал он.— Сколько сеансов будет повторяться одно и то же?»

Придется рискнуть.

— Что вы хотите узнать? — осторожно спросил он.

Пациентка глядела в потолок.

— Морин, что вы хотите узнать? — повторил Фолькер.

— Оставьте меня в покое,— упавшим голосом ответила она.— Вы ничем не лучше остальных. Отца. Матери. Брата.

О господи! Фолькер стиснул зубы. Что угодно, только не новый круг ее жалоб!

— Вы знаете, что отец меня изнасиловал? — спросила Морин.— Я рассказывала об этом? Говорила, что мне было всего семь, когда это случилось? Говорила, что мать и пальцем не пошевелила, когда узнала? Говорила, как брат смеялся надо мной. когда я ему рассказала? Я говорила вам обо всем этом?

Фолькер закрыл глаза. «Почти тысячу раз подряд»,— подумал он.

Доктор заставил себя открыть глаза.

— Морин, несколько раньше вы говорили о другом,— сказал он.

— Что вы имеете в виду? — насторожилась она.

«Нет, нельзя»,— подумал он, ощущая, как похолодела спина. Но остановиться он уже не мог.

— Вы говорили, что хотите умереть. Вы говорили...

Молодая женщина на кушетке содрогнулась всем телом. Потом ее голова запрокинулась на правый край подушки, и она закрыла глаза.

— Нет!

Фолькер ударил кулаком по спинке стула.

Еще одна неудача.

Когда молодая женщина поднялась и села, он подал стакан воды.

Джейн Уинслоу выпила всю воду практически залпом, после чего вернула доктору пустой стакан.

— Чего-нибудь добились? — спросила она.

— Эх!..— Доктор устало выдохнул.— Как всегда. Мы добираемся до вершины, а потом она соскальзывает вниз. Она не в состоянии взглянуть в глаза своим страхам.

Фолькер покачал головой.

— Бедная Морин. Боюсь, мне понадобится еще много времени, прежде чем она осмелеет и сможет двинуться дальше.

Он сокрушенно вздохнул.

— Вы готовы к следующему сеансу?

Она кивнула.

В три часа она снова легла на кушетку. Некоторое время она глубоко дышала, потом ее затрясло. Наконец она вытянулась и замерла.

— Артур,— обратился к ней доктор Фолькер.

Джейн Уинслоу открыла глаза.

— Как вы сегодня?

— А каким я должен быть сегодня? — с горечью спросил Артур.

Доктор устало потер глаза. Помогать им было тяжело. Еще как тяжело. Но он не должен оставлять усилий. У него нет иного выбора.

— И как же жизнь обходится с вами, Артур? — спросил доктор Фолькер.

Узник

Проснувшись, он обнаружил, что лежит на правом боку. Грубое шерстяное одеяло кусало ему щеку. Перед глазами была металлическая стена.

Мертвая тишина. Он напряг слух, пытаясь уловить хоть какой-то звук. Звуков не было.

Ему стало страшно. Лоб прочертили морщины.

Приподнявшись на локте, он огляделся. Кожа на его худощавом лице натянулась и побледнела. Он подвинулся к краю койки, повернулся и с усилием опустил ноги на пол.

Рядом с койкой стоял табурет, а на табурете — поднос с недоеденной пищей. Жареная курица осталась нетронутой, в застывшем комке картофельного пюре виднелись борозды от вилки. В лужице растаявшего масла, больше похожего на жир, застряли крошки от печенья. Тут же стояла пустая чашка. Его ноздри наполнились запахом холодной еды.

Потом он огляделся. Окошко с решеткой. Такая же зарешеченная дверь. Увиденное заставило его испуганно вскрикнуть.

Пошатываясь, он встал. Его ботинки шаркали по жесткому полу. Прислонившись к стене, схватился за прутья оконной решетки. Окно было выше головы, и он ничего не увидел.

Он разжал пальцы и, ощущая дрожь в теле, переместил поднос на койку. Потом подтащил табурет к стене и кое-как влез сам.

Выглянул в окошко.

Серое небо, стены, окна с решетками, большие черные ободья прожекторов и далеко внизу — двор. Лил дождь, струи напоминали колышущийся занавес.

© Перевод И. Иванова.

Его язык зашевелился. Глаза округлились от ужаса.

— Где я? — чуть слышно пробормотал он.

Табурет опрокинулся, и он полетел вниз. Правое колено ударилось о пол. Он оцарапал щеку, задев за холодную металлическую стенку. И тогда закричал от страха и боли.

Он доплелся до койки и рухнул на ее жесткую поверхность. Снаружи послышались шаги. Потом кто-то крикнул:

— Заткнись!

К двери подошел толстый человек в синей униформе. Вид у него был сердитый. Он смотрел на узника сквозь прутья.

— Чего еще у тебя стряслось? — прорычал он.

Узник тоже смотрел, открыв рот и роняя на пол слюну.

— Так, так, так,— злорадно улыбаясь, произнес толстый.— Что, наконец тебя вдарило?

Он запрокинул толстую голову и загоготал. Он смеялся над узником.

— Эй, Мак! — крикнул он кому-то.— Двигай сюда. Это надо видеть.

Послышались шаги. Узник вскочил с койки и подбежал к двери.

— Что я здесь делаю? — спросил он.— Почему я здесь?

Толстяк загоготал еще громче.

— Ха-ха! — трясся от смеха он.— Парень, да ты сломался.

— Вы там заткнетесь? — послышался чей-то раздраженный голос.

— Сам заткнись! — крикнул в ответ толстяк.

К решетчатой двери подошел тот, кого звали Маком. Он был постарше толстяка, и в его волосах блестела седина. Маку стало любопытно. Он заглянул внутрь и увидел узника с бледным лицом, вцепившегося в прутья решетки. Узник так сжал пальцы, что побелели костяшки.

— Что тут? — спросил Мак.

— Большой мальчик хряснулся,— ответил Чарли.— Большой мальчик хряснулся по полной.

— О чем вы говорите? — не понял узник. Его глаза метались между лицами надзирателей.— Где я? Умоляю, скажите, где я?

Чарли покатывался со смеху. Мак не смеялся. Он внимательно посмотрел на узника. Глаза Мака сощурились.

— Ты же знаешь, сынок, где находишься,— негромко сказал Мак.— Прекрати смеяться, Чарли.

Чарли давился от смеха.

— Рад бы, да не могу. Как этот красавчик был уверен, что он-то не сломается. «Я не такой»,— передразнивая кого-то, не своим голосом произнес надзиратель.— «Я усядусь на этот чертов стул с улыбкой на лице».

Узник разлепил землистые губы.

— Что? — насторожился он.— Что вы сказали?

Чарли отвернулся. Он потягивался и гримасничал, хлопая себя по брюху.

— Всю сонливость мне снял,— заявил он узнику.

— Какой еще стул? — крикнул узник.— О чем вы тут говорите?

Живот Чарли заколыхался в новом приступе смеха.

— Честное слово, такой начинки я еще не пробовал,— признался он.— Гуще, чем в рождественском пироге.

Мак приблизился к решетке. Заглянул узнику в глаза.

— Не пытайся нас дурачить, Джон Райли.

— Дурачить?

Чувствовалось, узник не верит своим ушам.

— О чем вы говорите? Я вовсе не Джон Райли.

Надзиратели переглянулись, затем Чарли потопал по коридору, удивленно что-то бормоча себе под нос.

Мак отошел.

— Нет! — окликнул его узник.— Не уходите.

Мак вернулся.

— Что за комедию ты тут разыгрываешь? — спросил он.— Неужели думаешь, что сумеешь нас провести?

Узник непонимающе глядел на него.

— Вы скажете мне, где я? Умоляю, скажите.

— Сам знаешь.

— Говорю вам...

— Прекрати, Райли! — оборвал его Мак.— Ты понапрасну теряешь время.

— Но я не Райли! — закричал узник.— Да поймите же, что я — не Райли. Меня зовут Филип Джонсон.

Мак медленно качал головой.

— И ты еще собирался быть редким храбрецом,— сказал он.

Узник поперхнулся. По нему было видно, что он хочет сказать множество важных вещей, но в горле все они слиплись в один комок.

— Хочешь снова увидеть священника? — спросил Мак.

— Снова? — удивился узник.

Мак подошел к прутьям и заглянул в камеру.

— Ты что, заболел? — спросил он.

Узник не отвечал. Мак перевел взгляд на поднос.

— Смотрю, у тебя и аппетит пропал,— сказал он.— Сам же просил. Мы тут подсуетились, а ты не стал есть. Чего ж так?

Узник посмотрел на поднос, на Мака, затем снова на поднос. Его грудь затряслась от рыданий.

— Что я здесь делаю? — всхлипнул он.— Я же не преступник. Я...

— Ради всего святого, заткни свою пасть! — крикнул ему узник из другой камеры.

— Сам разберусь, а ты прикрути громкость,— крикнул в ответ Мак.

— А что это с ним? — насмешливо спросил другой узник.— Никак большой мальчик намочил штанишки?

Раздался смех. Узник поднял глаза на Мака.

— Мы можете меня выслушать? — дрожащим голосом спросил он.

— Что, Райли, не думал, каково тебе будет? — вместо ответа спросил надзиратель.

— Я вовсе не Райли! — закричал узник.— Моя фамилия Джонсон.

Он припал к решетчатой двери. Лицо выражало мучительную решимость.

— Послушайте,— сказал узник, облизывая пересохшие губы.— Я — ученый.

Мак печально улыбнулся и снова покачал головой.

— Что, не можешь принять свою участь как мужчина? — спросил он.— Выделывался тут, бахвалился, а получается, ты такой же, как все.

Узник беспомощно глядел на него.

— Послушайте,— хрипло повторил он.

— Нет, это ты меня послушай,— оборвал его Мак.— У тебя, Райли, осталось два часа.

— Я же сказал вам. Я не...

— Прекрати! У тебя есть два часа. Вот и посмотрим, сумеешь ли ты за эти два часа превратиться из скулящего пса в человека.

В лице узника не было ни кровинки.

— Так ты хочешь снова увидеться со священником? — спросил Мак.

— Нет. Я...— начал узник и вдруг умолк. Казалось, ему сдавило горло.— Да, я хочу поговорить со священником. Прошу вас, позовите его.

Мак кивнул.

— Схожу за ним. А ты пока сиди тихо и не разевай пасть.

Узник побрел к койке. Там он сел и уставился в пол.

Мак немного понаблюдал за ним и исчез в глубине коридора.

— Что за беда? — раздался чей-то насмешливый голос.— Большой мальчик намочил штаны?

Остальные узники громко захохотали. Их смех плыл волнами над оцепеневшим узником.

Он встал и начал расхаживать по камере. Задрал голову, глядя на кусок серого неба в окне. Подошел к двери, вглядываясь, насколько возможно, в коридор.

Вдруг он нервно улыбнулся.

— Отлично,— крикнул он.— Замечательно. Получилось очень смешно. Я ценю вашу шутку. А теперь выпустите меня из этой крысоловки.

Кто-то застонал. Кто-то другой крикнул:

— Заткнись, Райли!

Он наморщил лоб.

— Шутка есть шутка,— громко произнес он.— А теперь мне нужно...

Он замолчал, услышав в коридоре торопливые шаги. Это Чарли перемешал свое грузное, нескладное тело. Подойдя к двери камеры, он остановился.

— Ты заткнешься? — угрожающе спросил Чарли, выпячивая мясистые губы.— Или вколоть успокоительного?

Узник попытался улыбнуться.

— Ну хорошо,— сказал он.— Ладно. Я подчиняюсь. А теперь хватит. Выпустите меня отсюда.

Последнюю фразу он произнес уже громче.

— Еще вякнешь, всажу шприц,— предупредил Чарли и отвернулся.

— Всегда знал, что ты трус,— добавил надзиратель.

— Да выслушайте наконец! — потребовал узник.— Меня зовут Филип Джонсон. Я физик-ядерщик.

Чарли повернул голову и дико расхохотался. Жирное тело затряслось.

— Я... ядедеррр...

Голос утонул в тяжелых, с присвистом, всплесках смеха.

— Я правду говорю! — крикнул узник.

Чарли притворно застонал. Потом толстой ладонью хлопнул себя по лбу.

— Еще чего наврешь?

Его голос разнесся по всему коридору.

— Да заткнитесь же вы там! — завопил кто-то из заключенных.

— Сам заткнись! — велел ему Чарли.

Улыбка покинула лицо надзирателя, сменившись сердитой гримасой.

— А священник уже идет? — услышал он новый вопрос неугомонного узника.

— «А священник уже идет? Уже идет?» — передразнил Чарли.

Со злости он ударил кулаком по столу, после чего плюхнулся на вертящийся стул. Стул жалобно скрипнул. Чарли со стоном привалился к стене.

— Еще раз меня разбудишь — шприц тебе в задницу! — пообещал он.

— Заткнись ты, надзирала! — опять крикнули из другой камеры.

— Сам заткнись! — рявкнул Чарли.

Узник вскарабкался на табурет. Он смотрел в окошко. Смотрел на падающий дождь.

— Где это я?

Мак и священник остановились возле камеры. Мак махнул Чарли, тот нажал кнопку на пульте, и зарешеченная дверь отодвинулась.

— Входите, святой отец,— сказал Мак.

Священник вошел. Он был невысоким и полным, с красным лицом и доброй улыбкой.

— Святой отец, вас не затруднит передать мне поднос? — спросил Мак.

Священник молча кивнул, взял поднос и подал надзирателю.

— Благодарю, святой отец.

— Не стоит благодарности.

Дверь снова закрылась. Мак не уходил.

— Если он опять начнет хулиганить, крикните нам.

— Уверен, что не начнет,— сказал отец Шейн и улыбнулся узнику.

Тот стоял, подпирая стену, и ждал, когда уйдет Мак.

Мак продолжал стоять у двери.

— Держи себя в руках, Райли,— велел он узнику и только тогда отошел.

Отец Шейн невольно вздрогнул, увидев шагнувшего к нему узника..

— Прошу вас, сын мой...— начал священник.

— Не бойтесь, я не собираюсь на вас нападать,— сказал узник.— Выслушайте меня, святой отец.

— Давайте вначале сядем и успокоимся,— предложил отец Шейн.

— Что? Да, разумеется. Вы правы.

Узник сел на койку. Священник приблизился с табуретом в руках и осторожно опустил его на пол напротив узника.

— Выслушайте меня,— начал узник.

Отец Шейн предостерегающе поднял палец. Достав из сутаны большой белый носовой платок, тщательно вытер поверхность табурета. Узник беспокойно перебирал руками.

— Ради бога,— умоляюще начал узник.

— Да,— улыбнулся священник.— Именно ради Него.

Отец Шейн опустился на табурет. Там поместилась лишь средняя часть грузного тела; все остальное просто свисало по краям.

— Итак,— ободряюще произнес священник.

Узник закусил нижнюю губу.

— Выслушайте меня,— сказал он через несколько секунд.

— Да, Джон.

— Меня не Джоном зовут,— раздраженно бросил узник.

Священник недоуменно глядел на него.

— Но...— начал было он.

— Мое настоящее имя Филип Джонсон.

На мгновение священник оторопел, затем печально улыбнулся.

— Зачем вы сопротивляетесь, сын мой? Почему бы вам..

— Говорю вам: меня зовут Филип Джонсон. Вы будете слушать или нет?

— Но, сын мой...

— Да или нет?

Отец Шейн в тревоге отпрянул.

— Вы когда-нибудь заткнете глотку этому недомерку? — медленно и громко спросили из соседней камеры.

Послышались шаги.

— Пожалуйста, не уходите,— взмолился узник.

— Останусь, если вы пообещаете говорить тихо и не тревожить покой других несчастных душ.

Возле двери появился Мак.

— Обещаю, обещаю,— прошептал узник.

— Что там опять? — спросил Мак, испытующе глядя на священника.— Может, желаете уйти, святой отец?

— Нет, нет,— возразил отец Шейн.— У нас все будет тихо. Райли пообещал...

— Я же вам сказал, что я не...

Узник осекся.

— Вы меня о чем-то спросили? — поинтересовался отец Шейн.

— Нет, это я так. Пожалуйста, скажите надзирателю, чтобы ушел.

Священник повернул голову к Маку, кивнул, и на его румяных щеках обозначились ямочки.

Мак ушел. Узник поднял голову.

— Скажите, сын мой,— заговорил священник,— отчего так взбудоражена ваша душа? Вы ищете способа покаяться?

Узник беспокойно передернул плечами.

— Выслушайте,— сказал он.— Вы можете просто выслушать меня? Выслушать, не вставляя своих реплик?

— Конечно, сын мой,— ответил священник.— За тем я и пришел. Однако...

— Отлично.

Узник подался вперед. Его лицо напряглось.

— Выслушайте меня,— снова сказал он.— Я не Джон Райли. Мое имя Филип Джонсон.

Священник болезненно поморщился.

— Сын мой...

— Вы обещали выслушать,— напомнил ему узник.

Священник опустил веки. На лице появилась печать мученичества.

— Что ж, говорите.

— Я — физик-ядерщик.

Узник умолк, потом вдруг спросил:

— Который сейчас год?

Священник открыл глаза и вяло улыбнулся.

— Но вы наверняка...

— Умоляю, скажите.

Чувствовалось, беседа слегка раздосадовала святого отца. Он пожал сутулыми плечами.

— Тысяча девятьсот пятьдесят четвертый.

— Что? — встрепенулся узник.— Вы не шутите?

Он пристально глядел на священника.

— Не шутите? — снова спросил узник.

— Сын мой, нет смысла шутить.

— Значит, тысяча девятьсот пятьдесят четвертый?

Священник раздраженно поглядел на него и кивнул.

— Да, сын мой.

— Тогда все объясняется,— сказал узник.

— Что, сын мой?

— Выслушайте и постарайтесь поверить,— попросил узник.— Я физик-ядерщик. Во всяком случае, был им в тысяча девятьсот сорок четвертом году.

— Не понимаю,— признался священник.

— Я работал в секретной атомной лаборатории, которая находилась в недрах Скалистых гор.

— В Скалистых горах? — недоверчиво спросил священник.

— Об этом никто не знает,— продолжал узник.— Сведения о ней не публиковались. Завод построили в сорок третьем для экспериментов с расщеплением атомного ядра.

— Мы знаем об Окридже*,— сказал священник.

— Наша лаборатория была небольшой и строго засекреченной. За ее пределами лишь немногие знали, над чем там работают.

— Но...

— Слушайте дальше. Мы работали с ураном двести тридцать восемь.

Священник сделал новую попытку заговорить.

— Это изотоп урана. Природный уран на девяносто девять процентов состоит из этого изотопа. Однако способа расщепления урана никто не знал. Мы пытались найти этот способ и заставить уран расщепляться. Понимаете?

Лицо священника выражало полное замешательство.

— Впрочем, вам незачем это понимать,— поспешно добавил узник.— Важны не технические детали. Важно то, что произошел взрыв.

— Вз...

— Да, взрыв.

— Однако...— попробовал возразить священник.

— Это было в тысяча девятьсот сорок четвертом,— сказал узник.— То есть... десять лет назад. И вот я просыпаюсь и обнаруживаю, что нахожусь... Кстати, где мы находимся?

— В государственном исправительном учреждении,— привычно отбарабанил священник.

— Штата Колорадо?

Священник покачал головой.

— Нет, штата Нью-Йорк.

Узник поднес ко лбу левую руку и нервно запустил пальцы в волосы.

— Две тысячи миль,— пробормотал он.— Десять лет.

— Сын мой...

Узник взглянул на священника.

— Вы не верите?

---

* Окридж — городок на востоке штата Теннесси. Благодаря удаленности и наличию дешевой электроэнергии от гидростанций был избран местом осуществления «Манхэттенского проекта» — проекта по созданию американской атомной бомбы, работы над которым велись в 1942—1945 гг. *(Прим. перев.)*

Священник грустно улыбнулся. Узник беспомощно развел руками.

— Что мне сделать, чтобы вы поверили? Понимаю, это звучит как выдумка. Оказаться переброшенным через пространство и время.

Он нахмурил брови.

— Быть может, вместо переброски через пространство и время меня вышвырнуло из собственного разума. Возможно, я стал кем-то другим. Наверное...

— Выслушайте меня, Райли.

Узник сердито поморщился.

— Я же вам говорил. Я не Райли.

Священник опустил голову.

— Вам нужны эти ухищрения? — спросил он.— Вам так нужно пытаться избежать правосудия?

— Правосудия? — воскликнул узник.— Я не преступник. Я даже не являюсь человеком, именем которого вы упорно меня называете.

— Полагаю, нам было бы лучше вместе помолиться,— сказал священник.

Узник отчаянно оглядывался по сторонам. Потом наклонился и схватил священника за плечи.

— Не смейте...

— Не бойтесь, я не причиню вреда,— скороговоркой произнес узник.— Просто расскажите про этого Райли. Кто он такой?.. Хорошо, хорошо,— пошел на попятную узник, заметив умоляющий взгляд священника.— Кто я такой? Каково мое происхождение?

— Сын мой, зачем вам понадобилось...

— Прошу вас, расскажите. Ради бога. Меня же должны каз... Да? Это так?

Священник непроизвольно кивнул.

— И двух часов не пройдет... Почему бы вам не сделать то, о чем я прошу?

Священник вздохнул.

— Какое у меня образование? — спросил узник.

— Не знаю,— ответил отец Шейн.— Мне ничего не известно о вашем образовании, происхождении, семье и...

— Но согласитесь, что Джон Райли не может обладать познаниями в ядерной физике,— торопливо проговорил узник.— Разве такое возможно?

Священник осторожно пожал плечами.

— Полагаю, что нет,— сказал он.

— Что он... что я натворил?

Священник закрыл глаза.

— Прошу вас,— прошептал он.

— Что я натворил? — снова спросил узник.

Священник стиснул зубы.

— Вы воровали,— сказал он.— И убивали.

Узник в полном недоумении глядел на святого отца. У него сперло дыхание. Он сжал кулаки и даже не заметил, как из них закапала кровь.

— Хорошо,— упавшим голосом продолжал узник.— Если я... если он все это сделал, может ли он быть образованным физиком?

— Райли, я...

— Может или нет?

— Нет. Думаю, что не может. Но какой смысл в ваших вопросах?

— Кое-что я вам уже рассказал. Могу сообщить и другие факты из области ядерной физики. И вы согласитесь: Райли бы этого никогда не рассказал.

Священник тяжело вздохнул.

— Слушайте,— поспешно начал объяснять узник,— наши сложности проистекали от несовпадения теории и фактов. Теоретически, уран двести тридцать восемь захватывает нейтрон и превращается в новый изотоп, уран двести тридцать девять, поскольку нейтрон всего лишь увеличивает массу...

— Сын мой, это бесполезно.

— Почему? — воскликнул узник.— Почему? Я вас спрашиваю. Вы же согласились, что Райли таких вещей знать не может. Но *я* их знаю. Разве это не доказывает, что я не являюсь Райли? А если я вдруг стал Райли, то лишь из-за потери памяти. Причиной был взрыв, произошедший десять лет назад. Тогда стихия вырвалась из-под нашего контроля.

Вид у отца Шейна был мрачный. Он качал головой.

— Разве вы не ощущаете правоты моих слов?

— Вы могли где-нибудь прочитать об этом,— сказал священник.— А потом, в состоянии необычайного напряжения, вдруг вспомнили прочитанное. Поймите, я не обвиняю вас в...

— Я сказал правду!

— Вы должны справиться с этим унизительным малодушием,— сказал отец Шейн.— Думаете, мне непонятен ваш страх смерти? Он присущ всем. Это...

— Боже мой, неужели такое возможно? — простонал узник.— Неужели возможно?

Священник склонил голову.

— Меня не могут казнить! — вдруг сказал узник, цепляясь за темную сутану святого отца.— Говорю вам, я не Райли. Меня зовут Филип Джонсон.

Священник молчал. Не делал попыток вырваться. Узник дергал за сутану, а священник молился.

Потом узник отпустил его и шумно привалился к стене.

— Боже,— пробормотал он.— Боже, неужели никто меня здесь не слышит?

Священник поднял голову.

— Вас слышит Бог,— сказал он.— Так позвольте Ему упокоить вас на Его груди. Молитесь о прощении.

Узник тупо глядел на него.

— Вам этого не понять,— бесцветным голосом произнес он.— Меня же казнят.

У него задрожали губы.

— Вы мне не верите,— снова начал он.— Вы думаете, я лгу. И все думают, что я лгу.

Вдруг он вскинул голову.

— Мэри! — воскликнул он.— Моя жена. Как насчет моей жены?

— У вас нет жены, Райли.

— Нет жены? И вы говорите мне, что у меня нет жены?

— Сын мой, бесполезно продолжать все это.

Узник вскочил на ноги и в отчаянии схватился за виски.

— Господи, есть тут хоть кто-то, способный выслушать?

— Есть,— тихо ответил священник.

В коридоре снова послышались шаги и громкий ропот других заключенных.

У двери появился Чарли.

— Вам лучше уйти, святой отец,— сказал он.— Это бесполезно. Ему не нужна ваша помощь.

— Я не имею права бросать несчастную душу в таком состоянии.

Узник подбежал к решетчатой двери. Чарли невольно отпрянул.

— Осторожнее, парень,— предупредил он.

— Вы можете позвонить моей жене? — попросил узник.— Ну пожалуйста. Мы живем в Сент-Луисе, штат Миссури. Номер такой...

— Заткни глотку.

— Вы не понимаете. Моя жена все объяснит. Она вам скажет, кто я на самом деле.

Чарли заухмылялся.

— Честное слово, это лучший цирк из всего, что я видел,— тоном знатока произнес он.

— Так вы ей позвоните? — спросил узник.

— Отвали от двери.

Узник отошел. Чарли махнул рукой. Дверь отъехала, отец Шейн вышел в коридор. Он глядел себе под ноги.

— Я вернусь,— пообещал он.

— Ну почему вы отказываетесь позвонить моей жене? — умоляюще спросил узник.

Священник колебался. Затем он вздохнул и достал блокнотик с карандашом.

— Какой номер? — устало спросил он.

Узник подбежал к двери.

— Не тратьте впустую ваше драгоценное время, святой отец,— сказал Чарли.

Торопливым голосом узник продиктовал священнику телефонный номер.

— Вы уверены, что правильно записали? — спросил узник.— Вы ничего не перепутали?

Он повторил номер. Священник кивнул.

— Скажите ей, что я... скажите ей, что со мной все в порядке. Я здоров и вернусь домой, как только... скорее! Времени мало. Пусть она свяжется с начальником тюрьмы или с кем-нибудь из властей.

Священник опустил руку на дрожащее плечо узника.

— А если на мой звонок никто не ответит? — спросил он.— Если по этому номеру никого не окажется, вы прекратите свои речи?

— Вам ответят. Она дома. Я знаю, она дома и ответит на звонок.

— А если нет?

— Вы ее застанете.

Священник убрал руку с его плеча и медленно зашагал по коридору. Проходя мимо камер, он кивал узникам. Узник, называвший себя Филипом Джонсоном, провожал его взглядом, пока священник не скрылся из поля зрения.

Чарли смотрел на него и усмехался.

— Да, ты точно лучший из всех,— сказал надзиратель.

Узник молчал.

— Был тут у нас один парень,— вспомнил Чарли.— Утверждал, что проглотил бомбу. Грозил: если мы его усадим на электрический стул, тюрьма взлетит к чертям собачьим.

Надзиратель хихикнул.

— Мы просветили его рентгеном. Ничего он не глотал. А потом ему пришлось проглотить хорошую порцию электричества.

Узник отвернулся и пошел к койке. Сел.

— Второй был похлеще первого,— продолжал Чарли. Он нарочно повысил голос, чтобы слышали и другие узники.— Этот назвался Христом. Говорил, что его невозможно убить. Пообещал через три дня воскреснуть и пройти сквозь стену.

Надзиратель кулаком почесал себе нос.

— Больше мы о нем не слыхали. Но я на всякий случай присматриваю за стеной.

Грудь Чарли затряслась от хохота.

— А теперь и третий выискался.

Узник ответил ему взглядом, полным жгучей ненависти. Чарли пожал плечами и отошел от камеры. Сделав несколько шагов, он вернулся.

— Да, скоро мы будем тебя стричь,— крикнул он узнику.— Есть пожелания насчет фасона?

— Убирайся.

— Может, оставить бачки? — сощурился Чарли, словно предвкушая удовольствие.

Узник отвернулся к окну.

— А как насчет челки? — засмеялся Чарли.— Эй, Мак, не сделать ли нам большому мальчику челочку?

Узник согнулся и закрыл трясущимися ладонями лицо.

Дверь камеры отъезжала вбок.

Услышав звук, узник вздрогнул и поднял голову. Он оцепенело взглянул на Мака, Чарли и третьего. Третий что-то держал в руках.

— Что вам надо? — осипшим голосом спросил он.

Чарли усмехнулся.

— Парень, это просто шикарно,— сказал он.— Ты не знаешь, что нам надо?

Усмешка сделалась язвительной.

— Решили подстричь большому мальчику волосики.

— Где священник?

— Священствует где-то.

— Заткнись,— раздраженно оборвал его Мак.

— Сынок, я надеюсь, ты не доставишь нам хлопот,— сказал узнику третий.

Узник почувствовал, как у него на затылке натянулась кожа. Он уперся головой в стену.

— Постойте,— боязливо проговорил он.— Вы схватили совсем другого человека.

Чарли поперхнулся от смеха и протянул к нему руки. Узник отполз к стене.

— Нет! — закричал он.— Где священник?

— Хватит! — прикрикнул на него Чарли.

Глаза узника метались между Маком и третьим тюремщиком.

— Вы не понимаете,— истерично закричал он.— Священник звонит моей жене в Сент-Луис. Она скажет вам, кто я на самом деле. Я не Райли. Я Филип Джонсон.

— Довольно, Райли,— сказал ему Мак.

— Джонсон! Джонсон!

— Джонсон, Джонсон, надо стричься. Джонсон, Джонсон, наголо,— затянул нараспев Чарли, хватая узника за руку.

— Пусти меня!

Чарли рывком сдернул узника с койки и заломил ему руку. Лицо надзирателя раскраснелось от злости.

— Хватай за другую,— процедил он Маку.

Мак схватил узника за другую руку.

— Ну как еще мне вас убедить? — вопил узник, извиваясь между двух надзирателей.— Я не Джонсон. То есть я хотел сказать — не Райли.

— Нам все равно, кто ты,— тяжело дыша и потея, сказал Чарли.— Начинаем. Стриги его наголо.

Они толкнули узника на койку, заломив ему руки. Он продолжал кричать, пока Чарли не ударил его тыльной стороной ладони по губам.

— Заткнись!

Узник сидел, дрожа всем телом, а его волосы темными клочками разлетались по полу. Несколько клочков застряли на бровях. Из уголка рта вытекала тоненькая струйка крови. Глаза узника были полны ужаса.

Когда третий освободил голову узника от волос, он нагнулся и располосовал по швам брюки приговоренного.

— Ну и ну,— хмыкнул он.— Обожженные ноги.

Узник резко опустил голову. Его рот беззвучно зашевелился, а потом он закричал:

— Тепловые ожоги! Видите их? Это результат атомного взрыва. Теперь вы верите мне?

Чарли усмехнулся. Они убрали руки, и узник рухнул на койку, но тут же вскочил и вцепился в руку Мака.

— Вы смышленый человек,— сказал он.— Посмотрите на мои ноги. Неужели вы не видите, что это тепловые ожоги?

Мак отодрал его пальцы со своей руки.

— Успокойся, парень,— сказал он.

Тогда узник обратился к третьему.

— Вы же их видели собственными глазами,— умоляюще произнес он.— Вам знакомы тепловые ожоги? Смотрите. С-смотрите. Я говорю правду. Это тепловые ожоги. От атомного взрыва. Никакой другой вид тепла не оставляет таких шрамов. Ну посмотрите на них!

— Да, да, да,— насмешливо отозвался Чарли, выходя в коридор.— Мы поверим тебе на слово. Принесем твои шмотки. И ты поедешь к своей женушке в Сент-Луис.

— Говорю вам: это тепловые ожоги!

Все трое вышли из камеры. Дверь вернулась на место. Узник пытался их задержать, протягивая руки сквозь прутья. Чарли отпихнул его. Узник распластался на койке.

— Ради бога,— с каким-то детским неистовством зарыдал он.— Что с вами происходит? Почему вы не хотите меня выслушать?

Надзиратели уходили, говоря о чем-то своем.

Узник остался плакать в тишине камеры.

Через какое-то время вернулся священник. Услышав шаги, узник поднял голову и увидел отца Щейна, стоящего у двери. Вскочив, он бросился к священнику.

— Вы дозвонились до нее? — спросил узник, хватая священника за руку.— Дозвонились?

Священник молчал.

— Ну скажите, что вы дозвонились!

— По тому номеру мне ответили, что таких у них нет.

— Что?

— Там ничего не знают о жене Филипа Джонсона. Теперь вы прислушаетесь к моим словам?

— Значит, она переехала. Ну конечно! Она уехала из города после того, как я... после взрыва. Вам необходимо ее разыскать.

— Такой женщины не существует.

Узник смотрел на него, не веря своим ушам.

— Но я же вам сказал...

— Я говорю вам правду. Вы все это придумываете в тщетной надежде обмануть...

— Я ничего не придумываю! Ради бога, выслушайте же меня! Неужели вы... погодите.

Узник поднял правую ногу.

— Взгляните,— с жаром заговорил он.— Это тепловые ожоги. От атомного взрыва. Неужели вы не понимаете, что это значит?

— Послушайте меня, сын мой.

— Неужели вы не понимаете?

— Вы способны выслушать меня, сын мой?

— Да, но...

— Даже если то, о чем вы говорите, является правдой...

— Это и есть правда!

— Даже если это правда... вы совершили преступления, за которые должны расплатиться.

— Но преступления совершал не я!

— Вы можете это доказать?

— Я... я...— Голос узника дрогнул.— Мои ноги...

— Это не доказательство.

— Моя жена...

— Где она?

— Не знаю. Но вы можете найти ее. Она вам скажет. Она сможет меня спасти.

— Боюсь, вас уже ничто не спасет.

— Но должен же быть какой-то способ! Разве нельзя найти мою жену? Разве нельзя отложить казнь, пока вы ее ищете? И потом, у меня есть друзья. Много друзей. Я назову вам все их адреса. Я назову имена людей, работающих по правительственной программе. Они...

— И что я должен буду им сказать, Райли? — резко перебил его священник.

— Джонсон!

— Называйте себя, как вам угодно. Что я скажу всем этим людям? Что я звоню им по поводу одного человека, десять лет назад погибшего во время взрыва? Скажу, что он не погиб, а оказался перенесенным в...

Священник умолк.

— Неужели вы не понимаете? — уже другим, умоляющим тоном продолжал отец Шейн.— Вы должны посмотреть правде в лицо. Вы лишь усугубляете свое состояние.

— Но...

— Вы хотите, чтобы я зашел в камеру и помолился за вас?

Узник смотрел на священника. Потом и лицо, и тело вдруг разом как-то осели, у него опустились плечи. Узник молча повернулся и поплелся к койке. Потом он тяжело повалился на койку, уперся спиной в стену. Его пальцы вцепились в воротник рубашки.

— Надежды нет,— сказал он.— Никакой надежды. Никто не хочет выслушать меня. Никто.

Когда за ним пришли, он лежал на койке, уставившись остекленевшим взглядом в стену. Священник сидел на табурете и молился.

Когда его выводили в коридор, узник не произнес ни слова. Только однажды он поднял голову и посмотрел вокруг так, словно весь мир состоял из странной, непостижимой жестокости.

Потом узник опустил голову и послушно зашагал между двумя надзирателями. Священник шел за ним следом, сложив руки и опустив голову. Губы отца Шейна двигались в беззвучной молитве.

Позже, когда Мак и Чарли играли в карты, вдруг погас свет. Надзиратели молча сидели и ждали. В камерах беспокойно двигались другие узники, обреченные на смерть.

Затем свет опять загорелся.

— Тебе сдавать,— сказал Чарли.

Всегда пред голосом твоим

Мистер Смолли переехал в Вера-Бич семнадцатого марта, в среду. Утром того же дня он появился на местной почте. Когда он вошел, мисс Лэнд разбирала корреспонденцию, доставленную в половине двенадцатого, и услышала звон дверного колокольчика, а затем скрип половиц — незнакомец шагал к окошку почтовых переводов. Мисс Лэнд, как раз закончив раскладывать по ящикам газету «Брук Каунти ньюслеттер», повернулась к посетителю.

Сквозь решетку она увидела высокого темноволосого мужчину в коричневой кожаной куртке. На вид ему было тридцать с небольшим.

— Привет,— с улыбкой произнес он.— Я только что сюда переехал. Нельзя ли арендовать абонентский ящик?

— К сожалению, все ящики заняты,— сказала мисс Лэнд.

— Гм...— С его лица сошла улыбка.— А почту у вас разносят, должно быть, раз в день.

— Мы не разносим почту по домам,— сообщила мисс Лэнд.— Вам придется всю свою корреспонденцию получать до востребования.

— Понимаю,— кивнул он, слегка раздосадованный.— А скажите, сколько раз в день сюда привозят почту?

Мисс Лэнд ответила.

— Ясно. Ну что ж...

— Если хотите, можете записаться в очередь на абонентские ящики,— предложила мисс Лэнд.

— Пожалуй, запишусь,— согласился он.

Назвав свое имя и сообщив, что на прежней почте он заполнил карточку переадресации, мужчина ушел. Мисс Лэнд стоя-

---

© Перевод И. Иванова.

ла у окошка почтовых переводов и видела, как он, пригибаясь от ветра, идет через площадь к черному «фольксвагену». Она смотрела, как он открывает дверцу и, сама не замечая того, правой рукой теребила золотой медальон на шее.

Когда он уехал, мисс Лэнд сощурилась и отвернулась от окошка.

— Так-так,— пробормотала она.

Мисс Лэнд медленно подошла к столу и прочитала в списке имя. Луис Смолли. Имя ей понравилось. Интересно, он приехал в Вера-Бич один или с семьей?

Около часу дня позвонила мать и попросила, когда мисс Лэнд пойдет домой на обед, заскочить в магазин и купить лимоны и сахар.

Каждое утро, закончив сортировку и раскладку семичасовой корреспонденции, мисс Лэнд шла через площадь в кондитерскую Мелдика, чтобы выпить чашку кофе с печеньем. В четверть десятого она возвращалась на почту.

На другой день после переезда мистера Смолли в Вера-Бич, вернувшись из кондитерской, мисс Лэнд застала его возле закрытого окошка выдачи корреспонденции до востребования.

— Доброе утро,— поздоровался он.

Она с улыбкой кивнула и прошла в служебную комнату. Там мисс Лэнд сняла пальто и поставила на стол сумочку. Затем поправила светло-каштановые волосы и разгладила складки на темном платье. После этого мисс Лэнд открыла окошко.

— Ваша фамилия Смолли? — спросила она.

Высокий мужчина кивнул:

— Совершенно верно.

Она вынула из отсека «С» небольшую стопку конвертов и быстро просмотрела их.

— Сегодня для вас ничего нет,— сказала мисс Лэнд.

Мистер Смолли опять кивнул.

— В общем-то, еще рано,— произнес он и ушел.

Мисс Лэнд встала у окошка, наблюдая, как он шагает к «фольксвагену». Вон он открыл дверцу и, пригнувшись, забрался внутрь. Тогда мисс Лэнд вернулась за рабочий стол. Мистер Смолли. Фамилия прозвучала у нее в мозгу.

Позже она нашла письма, которые он опустил в ящик под окошком почтовых переводов. Мисс Лэнд вынула их и осмотре-

ла. Все адреса были аккуратно отпечатаны на машинке. Мисс Лэнд положила их в почтовый мешок.

Через десять минут она развязала мешок, достала оттуда почту, убеждая себя, что должна проверить, правильно ли мистер Смолли указал обратный адрес. Ощущая сухость в горле, мисс Лэнд стала рассматривать его письма.

Мистер Смолли отправлял три конверта и одну открытку. Обратный адрес везде был указан верно. Два конверта в Нью-Йорк, третий — в Лос-Анджелес. На открытке значился адрес в Нью-Джерси.

Мисс Лэнд перевернула открытку.

Дорогой Гарри! — писал мистер Смолли.— *Потихоньку осваиваю Лонг-Айленд. Вот мой новый адрес: до востребования, Вера-Бич, штат Нью-Йорк. Что-нибудь слышно от Геллера относительно «Полуночного барабана»? Сейчас работаю над несколькими рассказами, а потом возьмусь за роман для Кэппингтона. Устраивает? Привет всем. Лу.*

Мисс Лэнд нервно бросила письма в мешок.

«Я не имела права читать чужую открытку»,— думала она, идя к столу, где ее ждали непроверенные квитанции вчерашних почтовых переводов.

На следующее утро мистер Смолли вновь ждал у закрытого окошка.

— Прошу прощения,— сказала мисс Лэнд, объяснив, что в это время ходит пить кофе.

— Ничего страшного,— отозвался мистер Смолли.— Если б я знал, составил бы вам компанию.

Зайдя в служебную комнату, мисс Лэнд торопливо сняла пальто, провела рукой по волосам и расправила платье. Затем она открыла окошко. На имя мистера Смолли переслали два письма с Манхэттена.

— Ну вот,— сказал он, принимая конверты.

— Холодный выдался март,— сказала мисс Лэнд, пока он разглядывал пришедшую почту.

Услышав ее слова, мистер Смолли поднял голову и улыбнулся.

— Да уж. Особенно если привык к калифорнийской погоде.

— Так вы оттуда?

Мисс Лэнд бросила на него мимолетный взгляд.

Мистер Смолли рассказал ей, что перебрался на восток, желая проверить, понравится ли ему здесь.

— Надеюсь, вам здесь понравится,— сказала мисс Лэнд.

— Думаю, мне здесь очень понравится,— сказал мистер Смолли.

Мисс Лэнд проводила его взглядом. В раскрытую дверь успел прорваться холодный ветер, коснулся ее щеки, заставив поежиться. Мисс Лэнд скрестила руки и принялась растирать пальцами озябшие плечи. «Холодно»,— думала она, следя за быстро идущим к машине мистером Смолли.

Она стояла у окошка, пока он не прочитал письма и не уехал. Тогда она вернулась за стол. «Надеюсь, вашей семье здесь понравится»,— мысленно переделала она свою фразу. А ведь спроси она о семье, сейчас бы знала, есть ли у него жена, дети.

Мисс Лэнд с большим усердием принялась за работу. Есть или нет — какая ей разница?

Уже в понедельник она кое-что узнала о мистере Смолли.

Она сидела в кондитерской Мелдика и пила кофе с печеньем, когда туда зашел мистер Чируччи — владелец бакалейного магазинчика по соседству. Они поздоровались. Мистер Чируччи взгромоздился на табурет рядом с мисс Лэнд.

— А у нас появилась знаменитость,— сообщил мистер Чируччи, когда темы погоды, бизнеса и почты были исчерпаны.

— И кто же? — спросила мисс Лэнд.

От дымящегося кофе стекла ее очков без оправы запотели, и она стала протирать их бумажной салфеткой.

— Его зовут мистер Смолли,— продолжал бакалейщик.— Он писатель.

— Неужели? — спросила мисс Лэнд, торжествуя оттого, что уже узнала об этом, хотя и предосудительным способом.

— Да, мэм,— подтвердил мистер Чируччи.— Он пишет книги. Исторические романы.

— Замечательно! — воскликнула мисс Лэнд и представила мистера Смолли, идущего через площадь к своему маленькому забавному «фольксвагену».

Затем в ее мозгу всплыл вопрос о его семье. Она глотнула кофе, маскируя нервозность. Но как спросить?

— Да, мэм. Он живет далековато отсюда, на Брукхейвен-роуд. Снял дом у миссис Сэлинджер.

— Вот оно что,— кивая, пробормотала мисс Лэнд.

Дом было правильнее называть домиком.

— Он... наверное, у него нет детей,— услышала она собственный голос.

— Он даже не женат,— сказал бакалейщик, не заметив вспыхнувших щек мисс Лэнд.

Он лишь услышал ее тихое «вот как».

Она увидела завернувший за угол «фольскваген». Чашка со звоном опустилась на блюдце, нарушив тишину кондитерской. Мистер Мелдик оторвался от газеты и увидел, как мисс Лэнд роется в сумочке.

— Что-нибудь случилось? — спросил он.

— Нет, просто у меня очень много работы,— ответила мисс Лэнд.— Зря я устроила этот перерыв. Знаю, дурная привычка, но...

Мисс Лэнд не договорила и выложила на прилавок две монеты по десять центов за недопитый кофе и нетронутый пирожок. Она быстро повернулась спиной к прилавку, и потому мистер Мелдик не увидел ее пылающих щек.

— Тогда счастливо вам,— сказал владелец кондитерской.

— Всего...— Она торопливо прокашлялась.— Всего доброго, мистер Мелдик,— выпалила мисс Лэнд и поспешила к двери.

Она быстро шла через площадь, а ветер хлестал полами пальто по ее тощим ногам. Крыльца почты она достигла одновременно с мистером Смолли.

— Ну и погодка,— сказал мистер Смолли.

Он открыл ей дверь. Мисс Лэнд нервно улыбнулась и кивнула.

— И впрямь холодно,— согласилась она.

— Дыхание Арктики.

Кажется, он сказал это. Она не была уверена, что расслышала, но все равно улыбнулась.

Когда мисс Лэнд подняла окошко «до востребования», ее растрепанные ветром волосы вновь были аккуратно расчесаны.

— Сейчас посмотрю,— сказала она, достав письма из отсека «С».

— А я ведь даже не спросил, как вас зовут,— смущенно проговорил мистер Смолли.

— Мисс Лэнд,— представилась она, не отрываясь от писем.

Ей понравилось, с какой легкостью она назвала ему свое имя.

— Мисс Лэнд,— повторил он.

Два письма выскользнули из ее пальцев и неслышно упорхнули на пол.

— О боже,— пробормотала она, надеясь, что ее лицу стало жарко из-за работающей на полную мощность керосиновой печки.

Она быстро наклонилась и подняла письма.

— Вот, пожалуйста,— сказала мисс Лэнд, подавая ему конверты.

— Спасибо. Похоже, сегодня я сорвал джекпот.

— Несомненно,— согласилась мисс Лэнд и улыбнулась.

Мистер Смолли улыбнулся в ответ и вышел. Она смотрела, как он идет по площади, на ходу читая письмо. Когда он уехал, мисс Лэнд достала из сумочки бумажную салфетку и стерла со лба капельки пота.

«Джекпот»,— подумала она и улыбнулась.

Писатель, он и есть писатель.

Он обменивался письмами с писателями из Лос-Анджелеса, Нью-Йорка, Милуоки и Финикса. А в Нью-Джерси жил его литературный агент. Мистер Смолли подписался на «Сатэрдей ревью», «Нэшнл джиографик», «Ньюйоркер» и «Манчестер гардиан»*. Он был членом «Букфайнд-клуба»**. Все свои письма он печатал на машинке и отправлял в конвертах. Открытки ми-

---

* «The Saturday Review» — американский еженедельник литературных обзоров и рецензий, издававшийся с 1924-го по 1986 год. «The National Geographic Magazine» — официальное издание Национального географического общества США, основанное в октябре 1888 года. «New Yorker» — еженедельный публицистический и литературно-художественный журнал, издающийся с 1925 года. По сложившейся традиции многие известные американские писатели впервые публиковали свои рассказы именно в «Ньюйоркере». «The Manchester Guardian» — прежнее (до 1959 года) название ежедневной британской газеты леволиберального толка «The Guardian», редакция которой в 1964 году переехала из Манчестера в Лондон. *(Прим. перев.)*

** «Book Find Club» — созданный в 1940-х годах американским книгоиздателем Джорджем Бразиллером клуб, специализировавшийся на поиске для заказчиков редких или давно распроданных книг. *(Прим. перев.)*

стер Смолли посылал редко. Судя по почерку на приходивших ему письмах и именам корреспондентов, писем от женщин он не получал. Мисс Лэнд пришла к этому заключению после нескольких недель наблюдений за его перепиской.

Мисс Лэнд сидела за столом, поглядывая на стенные часы. Они показывали половину десятого. Мистер Смолли опаздывал. Мисс Лэнд вертела в руках бандероль с журналом, пересланным ему из Лос-Анджелеса. Нужно было получить с мистера Смолли три цента за пересылку, и это дает возможность перекинуться с ним парой слов.

Мисс Лэнд рассеянно трогала бандероль, когда звякнул колокольчик. Ее пальцы тут же соскользнули с конверта. Улыбаясь, она встала и увидела... миссис Барбару. Та пришла отправить посылочку брату в Неаполь.

В тот день мистер Смолли вообще не приехал. Мисс Лэнд нужно было доделать срочную работу, и она еще полчаса не закрывала почтовое отделение. Потом позвонила ее мать, и мисс Лэнд отправилась домой, где ее ждал тревожный вечер.

— Я все думала, не случилось ли с вами чего,— выпалила она, когда на следующее утро мистер Смолли приехал за почтой.

— Что вы,— улыбнулся. он.— Просто мне надо было съездить в город.

— Вот.— Она подала почту.— С вас три цента за пересылку.

— Сейчас.

Он запустил руку в правый карман брюк, выудил горсть монет и стал выискивать центы. Она смотрела на его склоненную темноволосую голову.

— Вы сообщили им о перемене адреса? — спросила мисс Лэнд.

Он поднял голову. Их глаза встретились.

— Сообщил,— сказал мистер Смолли.— Думаю, стоит послать еще одно уведомление.

— Не помешает,— поддержала его мисс Лэнд.

После ухода мистера Смолли она уселась за стол и вперилась взглядом в стенные часы. Еще через несколько минут она почувствовала, что вся дрожит. Мисс Лэнд поджала тонкие губы и придала лицу сердитое выражение.

— Должно быть, я простудилась,— сказала она себе и погрузилась в работу.

Дождь в среду лил не переставая. Мистер Смолли приехал почти в час дня. Он появился, когда мисс Лэнд раздумывала, не провести ли обед в кондитерской, чтобы не мокнуть по дороге домой и обратно. Плащ и шляпа писателя потемнели от влаги.

— Поздно вы сегодня,— сказала мисс Лэнд, машинально расправляя подол платья.

— Никак не мог завести эту чертову машину,— объяснил он.— Там, где я живу, нет автосервиса.

— Вот как,— вздохнула мисс Лэнд, подавая ему почту.— Смотрите не простудитесь теперь.

У нее зашлось сердце; она удивлялась собственной смелости.

— Не простужусь, мисс Лэнд.— Он оторвался от писем.— Какое у вас красивое платье,— сказал он и ушел.

Мисс Лэнд смотрела, как его рослая фигура движется по мокрой площади. Один раз он поскользнулся и чуть не упал. У мисс Лэнд екнуло сердце. Но мистер Смолли удержался на ногах и благополучно дошел до машины.

— Надо быть повнимательнее, мой мальчик,— вполголоса произнесла мисс Лэнд.

Слова заставили ее вздрогнуть. «Нет»,— подумала она. На этом все, большего она себе не позволит. Она надела пальто, взяла зонт и шагнула к двери, затем вернулась, позвонила матери и сказала, что в такой дождь домой не пойдет, а поест в кондитерской мистера Мелдика.

Там было пусто. Мисс Лэнд взяла тарелку томатного супа, сэндвич с рубленым яйцом, чашку кофе и направилась со своей едой в деревянную кабинку.

Она села и принялась неторопливо есть, слушая, как дождь барабанит по крыше и шелестит возле входной двери. Суп был вкусным; его струйки согревали горло. Сэндвич тоже был вкусным. Мисс Лэнд ела, не переставая смотреть на свое платье.

Закончив еду, она провела пальцем по теплому ободку пустой кофейной чашки. «Люблю я кофе, люблю я чай»,— стала напевать про себя мисс Лэнд. Тут же прекратила и глубоко вздохнула. Она обвела взглядом полутемное пространство кондитерской.

«Как здесь тихо,— подумала она.— Вера-Бич — тихое место».

Она долго глядела то на музыкальный автомат, то на мистера Мелдика, прежде чем решилась выбраться из кабинки и пойти туда, где стоял автомат.

— Вам еще что-нибудь? — спросил мистер Мелдик, отрываясь от газеты.

— Нет. Просто захотелось послушать музыку,— ответила мисс Лэнд.

Она остановилась перед яркой разноцветной витриной музыкального автомата и стала читать названия песен. Песен о любви было более чем достаточно. Мисс Лэнд опустила в автомат пятицентовую монету, и сразу же вспыхнуло зеленое окошечко с надписью «ВЫБОР». «Немного приятной музыки, чтобы немного отдохнуть»,— думала она. Палец проплыл над кнопками, затем мисс Лэнд порывисто нажала одну из них.

Музыка заиграла раньше, чем она вернулась в кабинку.

«Если я полюблю,— пел женский голос,— то все дни напролет стану думать, как это сказать».

Мисс Лэнд села и вперилась в свои руки. Несколько раз она оглядывалась на мистера Мелдика. Убедившись, что тот поглощен газетным кроссвордом, она расслабилась. Мисс Лэнд привалилась спиной к стене кабинки и закрыла глаза. Из ее полуоткрытого рта струилось теплое дыхание.

«Я хочу, чтоб ты знал, но боюсь и робею»,— пела женщина.

На следующий день мистер Смолли молчал и не улыбался, а когда она уронила одно из писем, его пальцы нетерпеливо застучали по бордюру окошка. Взяв письма, он повернулся и молча вышел.

Застыв, мисс Лэнд смотрела, как он идет через площадь. Даже когда он уехал, она продолжала глядеть туда, где прежде стояла его машина, и ее лицо выражало уязвленное недоумение.

Мисс Лэнд начала вспоминать последовательность событий между его появлением и уходом. Она мысленно проверяла каждый шаг. Вот она улыбнулась, поздоровалась. Вот достала письма и подала ему. Может, мистеру Смолли не понравилось, что она уронила письмо? Нет, у него с самого начала был мрачный вид.

В половине шестого, когда настало время идти домой, она так ни до чего и не додумалась.

В начале восьмого мисс Лэнд закончила ужин, встала из-за стола и отправилась прогуляться, оставив помывку посуды матери. Она прошла несколько километров по темным ветреным улицам, прислушиваясь к отдаленному шуму прибоя. Мисс Лэнд

всматривалась в каждый указатель с названием улицы, хотя и знала, что Брукхейвен-роуд находится далеко отсюда.

В девять вечера мать легла, а мисс Лэнд уселась смотреть телевизор. Шла юмористическая передача, но мисс Лэнд ощущала во всех жестах и репликах лишь завуалированную печаль и вскоре выключила телевизор.

Был двенадцатый час, когда она села на постели, глядя в темноту своей комнатки. «Зря я не приняла снотворное»,— подумала мисс Лэнд. Наверное, сегодня выпито слишком много кофе. Вот и причина бессонницы, решила она.

Мисс Лэнд зажгла настольную лампу и села на край кровати, поместив ноги в круг света. Она включила радио — совсем тихо — и услышала «Земной рай», который играл оркестр Андре Костеланца*. Мисс Лэнд смотрела на свои белые колени, на бледные пальцы ног, упершиеся в коврик. По ее лодыжкам тянулись вены, похожие на синие нити.

«Ровно через месяц и один день мне будет тридцать семь»,— подумала мисс Лэнд.

Она взяла с прикроватного столика книгу. Это была объемистая антология поэзии, которую мисс Лэнд купила, поехав как-то в город. В конце книги имелся указатель с начальными строчками стихотворений. Глаза мисс Лэнд блуждали по строчкам, пока не нашли нужную. Тогда она открыла восемьсот семьдесят пятую страницу, где было стихотворение Э. Э. Каммингса**.

> Всегда пред голосом твоим моя душа,
> прекрасная наполовину и совсем чудная,
> напоминает заурядного осленка-малыша.

Мисс Лэнд дважды прочла все стихотворение про себя и затем начала декламировать:

> Но сердце в терциях шальных
> душевной муки трепещет все от слов твоих,
> как...

---

* Андрс Костеланец (наст. имя — Андрей Костелянец; 1901–1980) — американский дирижер и аранжировщик. *(Прим. перев.)*

** Эдвард Эстлин Камминге (1894–1962) — американский поэт, писатель, художник, драматург. В стихах Камминге экспериментировал с формой, пунктуацией, синтаксисом, правописанием, порядком слов и т. п. Многие его произведения трудны для восприятия на слух. *(Прим. перев.)*

— Джессика!

Книга шумно захлопнулась. Мисс Лэнд подняла голову. В дверном проеме, словно внушительных размеров призрак, стояла ее мать. Живой была лишь голова призрака с торчащими бигуди.

— Ты никак заболела? — спросила мать.

— Нет, мама. Иди ложись.

— Ты снова слишком много кофе пьешь,— изрекла мать.

— Я нормально себя чувствую,— заверила ее мисс Лэнд.

— Тебе нельзя столько кофе,— сказала мать.— Я это всегда говорила.

— Да, мама.

Позже, лежа посередине теплой кровати, мисс Лэнд глядела в потолок, и ее плоская грудь почти не поднималась. Что-то давило на сердце. «Газы от пищи»,— подумала мисс Лэнд.

Она вдруг почувствовала, как что-то ползет по щеке, фыркнула и смахнула дерзкое насекомое. Пальцы стали мокрыми. Убедившись, что это совсем не насекомое, мисс Лэнд отчаянно терла влажный след, пока не разогрелись кончики пальцев.

— Какая чепуха,— прошептала она.

На следующее утро мистер Смолли улыбнулся ей. К полудню у мисс Лэнд стали слипаться глаза, и в обеденный перерыв она прилегла вздремнуть.

В один из майских дней мистер Смолли отправил открытку. Мисс Лэнд достала ее из ящика под окошком почтовых переводов. Сейчас открытка лежала перед ней на столе. Сердце мисс Лэнд билось с перебоями, когда она вторично читала содержание:

Дорогой сэр!

Я хотел бы снять домик в окрестностях Порт-Джервиса. Есть ли у вас что-нибудь на примете? Пожалуйста, известите меня.*

Луис Смолли

---

* Город в штате Нью-Йорк. Население на 2000 год — около 9 тыс. человек. *(Прим. перев.)*

Когда мисс Лэнд было семь лет, грузовик раздавил ее собаку. Схожие чувства она испытывала сейчас: оцепенение и невозможность поверить в случившееся. И еще — почти неистовую убежденность, что подобным событиям нет места в жизни.

За день мисс Лэнд пять раз доставала открытку из мешка с почтой и перечитывала эти несколько строчек. Наконец она закинула белый прямоугольник в глубь мешка и глядела, как открытка исчезает среди других писем.

По вторникам они с матерью обычно ездили в Порт-Франклин и смотрели какой-нибудь фильм. Но в этот вечер мисс Лэнд сослалась на жуткую головную боль и рано легла спать. Ее мать тоже осталась дома, заменив себе кино телевизором. Звук телевизора проникал и в комнатку мисс Лэнд, где она лежала, устремив в темный потолок взгляд бледно-голубых глаз.

Часы показывали семнадцать минут одиннадцатого, когда она плотно сжала губы. Значит, в Вера-Бич ему не слишком понравилось. И это очень, очень скверно. Мисс Лэнд повернулась на живот и принялась дубасить подушку.

Ночью, когда в доме все стихло, мисс Лэнд кусала подушку, пока у нее не свело челюсти и не пошла дрожь по всему телу. «Ненавижу его!» — слышался ей чей-то крик.

Когда утром звякнул колокольчик, мисс Лэнд оглянулась, но не прекратила раскладку корреспонденции.

Мистер Смолли молчал. Мисс Лэнд раскладывала письма по отсекам.

— Есть что-нибудь для Смолли? — наконец спросил он.

— Подождите, я сейчас закончу,— ответила мисс Лэнд.

Она слышала, как он шумно и медленно выдохнул. Мисс Лэнд принялась за груду писем, до которой все утро не доходили руки.

— Так вы можете сказать, есть ли мне письма? — не выдержал мистер Смолли.

— Пока не знаю. Еще немного, и я закончу.

Ее живот наполнился чем-то холодным и тяжелым. В горле пересохло.

Наконец мисс Лэнд закончила.

— Смолли,— произнесла она, будто говорила сама с собой.

Она достала конверты из отсека «С» и начала неторопливо их просматривать.

— Нет, мистер Смолли, сегодня ничего,— сказала она.

Мисс Лэнд ощутила на себе мимолетный взгляд, после чего мистер Смолли повернулся и вышел. Глядя ему вслед, она опять вздрогнула.

«Так тебе и надо! — вдруг подумала она.— Так тебе и надо!»

Мисс Лэнд глотнула воздуха и вернулась за стол. Она сидела, закрыв глаза и сложив на коленях трясущиеся руки.

На следующее утро она даже не встала из-за стола, а лишь повернулась к окошку и сказала:

— Вам ничего нет.

В пятницу она намеренно задержалась в кондитерской и обнаружила мистера Смолли ждущим возле двери. Мисс Лэнд подала ему журнал и сказала, сколько надо заплатить за пересылку.

— Думаю, стоит еще раз напомнить им ваш новый адрес,— резко добавила она.

В субботу мисс Лэнд молча выдала ему корреспонденцию и отвернулась.

В понедельник она даже не повернулась в его сторону, ограничившись небрежным «ничего».

Вечером у мисс Лэнд начались сильные желудочные колики, уложившие ее в постель на целых три дня. Она ежедневно звонила на почту и напоминала заменявшей ее женщине, чтобы та обязательно взимала все полагающиеся почтовые сборы, в том числе и доплату за пересылку из других городов. Например, из Лос-Анджелеса.

Впервые увидев этот голубой конверт, мисс Лэнд мельком глянула на него и положила в отсек «С».

Вернувшись из кондитерской Мелдика, она снова достала письмо. Мисс Лэнд и без обратного адреса могла сказать, кем оно написано. Достаточно было взглянуть на изящный круглый почерк. На обратной стороне значилось напечатанное типографским способом имя отправительницы: Марджори Келтон.

Мисс Лэнд села за стол, держа конверт. В грудной клетке отдавались тяжелые удары сердца. Марджори Келтон. Она снова и снова читала это имя, напечатанное синими буквами на голубом фоне. Читала, пока буквы не начали расплываться. Марджори Келтон. Именной конверт. Ей стало душно. Мисс Лэнд чувствовала, как земля под ней медленно раскачивается.

Онемела шея. Марджори Келтон, заказывающая себе именные конверты. На лбу мисс Лэнд выступили крошечные капельки пота. Марджори Келтон.

Когда звякнул колокольчик и мистер Смолли появился возле окна «до востребования», мисс Лэнд коротко бросила ему:

— Ничего.

Ошеломленная, она заерзала на стуле. Хотела было крикнуть: «Подождите!» — но из горла вырвался лишь неясный звук. Снова звякнул колокольчик. Мисс Лэнд отпихнула стул и бросилась к окну.

— Подождите,— произнесла она вслух.

Мистер Смолли торопливо шел к машине.

— Я ошиблась,— сказала мисс Лэнд.

Мистер Смолли залез в машину и уехал, ничего ей не ответив.

Вздрогнув, мисс Лэнд отвернулась от окна. «Я ошиблась,— мысленно твердила она.— Понимаете, ошиблась. Я положила ваше письмо не в тот отсек».

На ее тонких губах появилась искусственная улыбка. Мисс Лэнд представляла, как будет рассказывать мистеру Смолли этот забавный случай. «Понимаете, я почему-то положила это письмо в отсек "М". По рассеянности, даже не заметив. Ну не глупость ли с моей стороны?»

Воображаемая сцена растаяла. Мисс Лэнд сняла трубку, подержала в руке и вновь положила на рычаг телефонного аппарата. Нет, не так скоро — это может вызвать подозрение. Вскинув голову, она взглянула на стенные часы. Через час. Час — вполне подходящий срок. «Тут мистер Мелдик заходил за своей почтой, а я в это время как раз держала в руках ваше письмо. Вот по ошибке и положила конверт в отсек "М". Ну разве не...»

Она взялась за работу.

В половине одиннадцатого мисс Лэнд раскрыла телефонный справочник и... ей показалось, что в живот положили отвратительный холодный камень. Фамилии мистера Смолли в справочнике не было.

— Что ты, в самом деле? — укоризненно тряхнула головой мисс Лэнд.— Мистер Смолли поселился здесь совсем недавно. Откуда его фамилии быть в справочнике?

А если у него нет телефона? Сердце пронзил ужас, который она торопливо прогнала смехом. Ну как она не подумала? Око-

ло полудня мистер Смолли снова приедет за почтой, и она отдаст письмо. Только и всего.

Но в полдень мистер Смолли не появился. В два часа мисс Лэнд позвонила в справочную службу и узнала номер его недавно установленного телефона.

Пять минут она слушала длинные гудки на другом конце провода. Мистер Смолли не отвечал. Потом мисс Лэнд почти бесшумно опустила трубку на рычаг и принялась разглядывать голубой конверт на столе.

«Я совсем не виновата,— думала она.— И чего я так волнуюсь? Завтра мистер Смолли его получит».

Завтра.

— Ты не проглотила ни кусочка,— сказала мать.

В ее руке угрожающе застыла ложка, доверху наполненная картофельным пюре.

— Мама, я не голодна,— ответила мисс Лэнд.

— Значит, днем перехватила чего-нибудь у Мелдика,— сказала мать.

— Нет. Мама, прошу тебя, не надо заставлять. Мне просто не хочется есть.

Мать что-то пробурчала. Вилка в ее руке двигалась, переправляя содержимое с тарелки в рот с искусственными зубами. Затем мать поднесла к губам стакан, и в горле забулькала вода. Закончив пить, мать выдохнула. Воздух с шипением выходил из ее ноздрей.

Мисс Лэнд так и не притронулась к пюре. Ее вилка только чертила в нем бороздки. Мисс Лэнд сидела, уставившись в тарелку и ощущая резкую, грызущую боль в животе.

— Доешь мясо,— сказала мать.

— Я...— Она прочистила горло.— Мама, я же сказала, что не хочу есть.

— Ты пьешь слишком много кофе,— вздохнула мать.— Он подавляет аппетит. Я всегда это говорила.

— Извини, мама,— сказала мисс Лэнд и встала.

— Ты даже не притронулась к еде,— услышала она, выходя из комнаты.

Она тихо заперла дверь изнутри и прошла к кровати. Села, сцепив белые пальцы, и пыталась успокоить дыхание. Ей казалось, что вдыхаемый воздух мгновенно куда-то исчезает.

Прошло пять минут. Потом мисс Лэнд порывисто сунула руку под подушку и вытащила голубой конверт.

Она безостановочно вертела конверт, словно он имел множество сторон и ей требовалось отыскать нужную. В мозгу вспыхивало и гасло имя той женщины; вспыхивало и гасло, как неоновый дорожный указатель. Мисс Лэнд смотрела на *его* имя и адрес, выведенные твердой рукой Марджори Келтон. Она представила, как Марджори, сидя в уютной тишине своей комнаты, легко и уверенно выводит на конверте: «Мистеру Луису Смолли».

Неожиданно мисс Лэнд надорвала конверт и подумала, что сейчас остановится сердце. Письмо выпало из рук. Мисс Лэнд сидела, вся дрожа, и смотрела на вскрытый конверт. Ее тело сотрясалось от каждого удара сердца. Она впилась зубами в нижнюю губу и тихо заплакала. «Это случайность». Ее мозг лихорадочно подыскивал объяснение. «Понимаете, я подумала, что письмо было для меня, и...»

Ее глаза плотно сомкнулись. По щекам поползли две теплые слезинки. Этому он никогда не поверит.

— Нет,— всхлипывала она.— Нет, нет, нет.

Через некоторое время мисс Лэнд успокоилась. Когда она читала письмо, ее лицо напоминало маску царственной непогрешимости.

Лу, дорогой! Совсем недавно узнала от Чака, что ты вернулся на восток! Господи, ну почему же ты не позвонил? Ведь знаешь: в сердцах я могу наговорить чего угодно. Но даже на мгновение я не пожелала, чтоб у тебя вылезли твои восхитительные волосы!

И дальше в том же духе. Мисс Лэнд одеревенело сидела на постели. Она читала письмо, и по телу проходили вялые волны тепла. Дважды она комкала и бросала лист и дважды нагибалась за ним, расправляла пальцами. Мисс Лэнд семь раз прочла письмо целиком, а затем стала читать по кускам.

Потом она лежала в темноте, держа в руке мятую бумагу, и глядела в потолок. Глаза были сухими. Она прерывисто дышала. Мысленно она видела Марджори Келтон. Прекрасную, желанную Марджори Келтон. Мисс Лэнд сжала губы. Женщина, способная написать такое письмо, просто не может быть иной...

Около полуночи мисс Лэнд села на постели и с неописуемой яростью принялась обшаривать покрывало. Найдя письмо, лихорадочными движениями порвала его и, задыхаясь от рыданий, выбросила клочки в темноту. Получай!

Утром она сожгла все клочки. Мистеру Смолли пришли два письма и открытка, и когда мисс Лэнд подала ему почту, он улыбнулся и поблагодарил. В обеденный перерыв она решила, что ничего особенного не произошло. Всего-навсего одно письмо, с которым могло случиться что угодно. С нее довольно. Больше она не поставит себя в дурацкое положение.

В понедельник, с утренним привозом почты, на имя мистера Смолли пришло письмо от риелтора из северной части штата, и мисс Лэнд спрятала конверт в ящик стола. Когда приехал мистер Смолли, она вручила ему номер «Сатэрдей ревью» и уведомление из «Букфайнд-клуба». Больше всего ее поразило, что она совершенно не испугана. Наоборот, она испытывала глубокое удовлетворение. Письмо мисс Лэнд положила в сумочку и, отправившись домой обедать, унесла с собой.

После обеда она уединилась в своей комнате, заперла дверь и извлекла конверт. Долгое время просто лежала, ощупывая конверт, проводя по нему пальцами и прикладывая к щеке. Один раз мисс Лэнд поцеловала письмо и удивилась странному ощущению: она словно вошла в разогретую солнцем воду. Ощущение заставило ее вздрогнуть.

«Как приятно строить козни против мистера Смолли»,— пронеслось у нее в мозгу. Она не причиняла ему ни малейшего вреда. Всего-навсего письмо от какого-то риелтора. Велика важность! Мисс Лэнд слегка повернулась, надорвала конверт и прочла письмо. Риелтор сообщал о сдающихся домах. Мисс Лэнд передернула плечами.

— Ну и что? — прошептала она и заставила себя рассмеяться, чтобы прогнать волнение.

Через пять минут она порвала письмо в клочки, подняла их над головой и растопырила пальцы. Довольная, она тихо смеялась, глядя, как обрывки сухими снежинками ложатся на нее.

«Так тебе и надо»,— подумала мисс Лэнд.

Она стиснула зубы, и былая злость вернулась. Да, так тебе и надо.

Потом она заснула, и сон ее был настолько крепким, что матери пришлось целых три минуты барабанить в дверь, прежде чем дочь услышала.

Она унесла домой и спрятала под подушкой один из присланных мистеру Смолли номеров «Сатэрдей ревью». «И на этом все»,— сказала она себе. Разумеется, то, что она утаивала, было сущей ерундой, и тем не менее хватит. И вообще, в этом нет никакого смысла. Глупая игра, и только.

Через два дня мисс Лэнд забрала себе открытку, посланную мистеру Смолли из магазина товаров для мужчин в Порт-Франклине. Этого ей показалось мало. На следующий день ему пришло письмо от литературного агента, которое она разорвала, даже не прочитав.

«Теперь все»,— пообещала себе мисс Лэнд.

И в самом деле, не было никакого смысла продолжать эту дурацкую игру.

Когда мистер Смолли вновь написал риелтору, она рвала его письмо руками и зубами, а потом расшвыряла обрывки по комнате.

Утром двадцать второго июня (это была среда) мисс Лэнд раскладывала почту, когда дверь открылась. На губах мисс Лэнд мелькнула игривая улыбка и тут же исчезла. Она продолжала раскладывать по отсекам письма и открытки.

— Прошу прощения,— раздался незнакомый голос.

Обернувшись, мисс Лэнд увидела мужчину в синем костюме и панаме. У него был галстук с пальмами.

Двумя пальцами мужчина взялся за край панамы. Мисс Лэнд подошла к окошечку.

— Чем могу помочь? — спросила она.

Мужчина достал из внутреннего кармана пиджака бумажник и раскрыл его. Мисс Лэнд увидела служебное удостоверение.

— Мне необходимо поговорить с вами, мисс Лэнд,— сказал мужчина.

— Вот как! — Ее пальцы застыли на груде писем.— И о чем же?

— Можно войти в служебное помещение?

— Это противоречит правилам,— возразила мисс Лэнд.

Мужчина вновь показал свое удостоверение.

— Я знаю, что именно противоречит правилам,— сказал он.

Мисс Лэнд тяжело проглотила слюну, и та с сухим щелчком прошла в горло.

— Я очень занята,— сказала мисс Лэнд.— Нужно еще столько почты разобрать.

Мужчина бесстрастно глядел на нее.

— Откройте дверь, мисс Лэнд,— сказал он.

Мисс Лэнд вывалила на стол содержимое почтового мешка. Потом выровняла эту груду по краям. После этого подошла к двери. Мужчина стоял с противоположной стороны. Мисс Лэнд смотрела через матовое стекло на его темный силуэт. Затем открыла дверь.

— Входите,— бодрым тоном произнесла она.— Вы не возражаете, если я продолжу работу, пока мы говорим?

Прежде чем мужчина ответил, она повернулась спиной. Краем глаза мисс Лэнд видела, как он вошел, держа в руке панаму. Затем услышала щелчок дверного замка. У нее похолодела спина.

— Ну и в чем дело? — спросила она, берясь за письма.— Кто-нибудь на меня жалуется?

Ее смех был тихим и натянутым.

— Невозможно быть хорошей всегда и для всех. Или дело в?..

— Думаю, нам пока лучше закрыть все окошки,— перебил ее мужчина.

— Нет, это невозможно,— с улыбкой возразила мисс Лэнд.— Вы же понимаете: это рабочее время почтового отделения. Люди будут приходить за почтой. В конце концов, это моя работа. Я не могу закрыться... вот так взять и закрыться.

Она повернулась к столу с грудой писем и дрожащей рукой взяла одно из них.

— Это для миссис Брандт,— сказала она, помещая письмо в отсек «Д».

— Послушайте, мисс Лэнд,— начал мужчина.

— Правда, здесь душно? — перебила его мисс Лэнд.— Сколько раз я писала об этом в управление... наверное, несколько десятков писем послала. Думаю, мне придется принести сюда вентилятор.

Мужчина подошел к первому окошку (почтовые переводы) и опустил заслонку.

— Стойте! — пронзительным голосом крикнула мисс Лэнд.— Этого нельзя делать. Это же общественное...

Она осеклась, увидев его взгляд. Застыла, прижимая к груди несколько писем. Мужчина подошел к другому окошку.

— Этого нельзя делать,— сказала мисс Лэнд.

У нее на глазах мужчина закрыл окошко «до востребования». Из горла мисс Лэнд вырвался сдавленный смешок.

— Но вы все-таки сделали это.

Она пожала плечами и бросила письма на стол, но промахнулась. Конверты и открытки полетели на пол.

— Ой! — воскликнула мисс Лэнд, торопливо нагибаясь.— Боже мой, какая же я растяпа.

— Оставьте их, мисс Лэнд,— строго сказал мужчина.— Мы потом соберем.

— Это очень любезно с...

Она вдруг умолкла, сообразив, что произнесенное мужчиной «мы» к ней не относится. Ощущая головокружение, выпрямилась и встала, сцепив руки.

— И о чем же вы хотите со мной поговорить?

— Наверное, вы уже догадались.

— Нет,— чересчур громко возразила она.— Не знаю, что и думать. Я... я еще не удостаивалась визита п-проверяющих...

Вид у мисс Лэнд был ошеломленный. Ее трясло, и скрыть это было невозможно. Она вдруг стала прочищать горло.

— Если это касается...— начала она и снова осеклась.

— Мисс Лэнд, мы почти месяц занимались проверкой. Имеются сведения о неполучении двадцати одного почтового отправления...

— Понимаю! Это, конечно, мистер Смолли нажаловался,— выпалила мисс Лэнд.— Знаете, он странный человек. Очень странный...

Мужчина в синем костюме молчал. Мисс Лэнд опять откашлялась.

— Вы же знаете, он писатель,— продолжала она.— Такому т-типу людей нельзя доверять. Представляете, не успел прожить здесь и двух недель, как начал искать себе другое место, потому что у нас ему, видите ли, не понравилось...

— Мисс Лэнд, у нас есть доказательства,— перебил мужчина.— Я хочу, чтобы вы поехали со мной.

— Но это невозможно...— Ее губы растянулись в испуганной улыбке.— Понимаете? Я обслуживаю посетителей. Нет, вы не понимаете, вы просто не понимаете. Я обслуживаю людей.

— У меня в машине сотрудница, которую я привез вам на замену,— сказал мужчина.

Мисс Лэнд непонимающе глядела на него.

— Вы...— Дрожащей рукой она провела по щеке.— Но это невозможно.

— Будьте любезны, соберите ваши вещи,— сказал мужчина.

— Эта ваша сотрудница даже не представляет, где тут что находится,— с напором произнесла мисс Лэнд.— Вы не понимаете. У меня здесь своя система. Я ее называю...

Она закусила нижнюю губу, удерживая подступающие рыдания.

— Нет, нет. Простите меня, но это невозможно,— сказала мисс Лэнд.— Новенькая ни за что не сможет...

— Мисс Лэнд, соберите ваши вещи.

Мисс Лэнд превратилась в статую, если не считать вздрагивающей жилки на шее.

— Но вы не понимаете,— прошептала она.

Звякнул дверной колокольчик. Мисс Лэнд встрепенулась, потом направилась к окошку «до востребования».

— Мисс Лэнд,— начал мужчина в синем костюме.

Она резко остановилась возле окошка и рывком подняла заслонку.

— О, доброе утро,— сказала мисс Лэнд.— Сегодня замечательное утро. Вы согласны?

Мистер Смолли с нескрываемым удивлением смотрел на нее.

— Так, сейчас глянем, что вам пришло.

Мисс Лэнд подошла к отсекам, дрожащей рукой взяла стопку конвертов и выложила на стол одно, второе, третье, четвертое и пятое письмо. Затем из груды корреспонденции достала журнал и вернулась к окошку, улыбаясь и краснея.

— Пожалуйста,— сказала она.— Этим утром вы явно сорвали джекпот.

Она смотрела прямо в темные глаза мистера Смолли, держась побелевшими пальцами за выступ перед окошком.

Потом она следила, как мистер Смолли идет через площадь к машине. Один раз он оглянулся, и мисс Лэнд едва заметно помахала ему.

После этого мисс Лэнд опустила заслонку и отвернулась от окошка.

Переворот

Стоял теплый день, солнца хватало на всех. Еще не было десяти часов, когда парнишке, который помогал мяснику, пришлось выскочить на улицу и опустить яркий полосатый навес, чтобы солнечные лучи не попадали на мясо.

У мясника выдалось хлопотное утро. В опилках, перед открытием магазина аккуратно рассыпанных по полу, ноги посетителей наделали дорог и холмов. Мамаши позволяли детям кататься по ним и нагребать ногами, пока сами стояли на месте и, прижимая горячие носы к прохладному стеклу, смотрели на мясо.

Примерно в четверть двенадцатого дверь магазина взвизгнула, и вошла миссис Риггс. За ней топал ее сынишка Уилл с вечно всклокоченными волосами, который тянул на длинном поводке живую косматую сосиску по кличке Простофиля.

Все трое подошли к румяному мяснику, который стоял за прилавком в соломенной шляпе, в рубашке с закатанными рукавами и сиял приветливой улыбкой.

Миссис Риггс кивнула ему, Уилл отдал своему псу какую-то сердитую команду, а Простофиля, как по катку, проехал на заду по полу.

— Доброе вам утречко,— сказал мясник, и его толстые пальцы сжали край соломенной шляпы.

— Доброе утро, мистер Ланг,— сказала миссис Риггс. После чего она перевела усталый взгляд на сына и заявила: — Если собака не будет вести себя как следует, придется привязать ее на улице.

— Ну мам,— промямлил Уилл.

© Перевод Е. Королевой.

— Никаких «ну»,— ответила она и снова подняла глаза на ожидающего мистера Ланга, который как раз в этот момент вытирал руки об окровавленный фартук.

— Мне нужен хороший кусок говядины,— заявила миссис Риггс.— Свежий.

— Все мясо свежее,— сказал мистер Ланг, не успела она договорить.— Все свежее.

— Прекрасно,— произнесла миссис Риггс, удовлетворенная.

Мистер Ланг откатил в сторону дверь за прилавком и принялся изучать свой товар опытным взглядом. Уилл подтянул к себе собаку и прижался носом к стеклу. Простофиля жалобно взвизгнул, попытавшись бежать и проехавшись по полу мордой, с которой теперь свисала борода из опилок.

— Успокоишь ты наконец собаку?! — Миссис Риггс спрашивала и приказывала одновременно.

— Да, мам.— Уилл выдохнул на стекло облачко пара, заглянул за прилавок и увидел, как руки мистера Ланга осторожно движутся, перебирая мясо.

Он задумался, а почему все куски красные. Почему среди них нет синих?

— Мам, а почему не бывает синего мяса? — спросил он, желая срочно утолить свою жажду знаний.

— Что? — переспросила она.— Не выводи меня из себя.

Она выпрямила указательный палец.

— Вот это неплохой кусок. Нет, не этот. Нет, рядом с ним,— направляла она руки мясника.— Там. Да, этот.

Мистер Ланг вернулся к прилавку с толстым куском говядины, на конце которого белела косточка.

— Немного жирноват,— прокомментировала свой выбор миссис Риггс.

— Отличный кусочек,— произнес мистер Ланг, продолжая монолог, который вел целое утро; главные реплики в нем были «все мясо свежее» и «прекрасный кусочек» с вариациями.

Он поднял мясо на уровень лица и медленно повернул его. Миссис Риггс поджала губы.

— Мам, почему не бывает синего мяса? — спросил Уилл.

— Потому что не бывает,— буркнула миссис Риггс, в высшей степени довольная тем, что ее ответ прекращает всякую дискуссию.

Мистер Ланг, повинуясь ее кивку, шлепнул прекрасный образчик всегда свежего мяса на разделочный стол.

— Мам,— завелся настойчивый Уилл,— а почему...

— Прекрати! — взорвалась миссис Риггс.— Замучил уже!

Толстые губы мистера Ланга снова растянулись в приветливой улыбке.

— Так ты, сынок, спрашиваешь, почему не бывает синего мяса?

Уилл покосился на мать. Она взглядом выказала ему свое недовольство. Он ничего не ответил.

— Так ведь? — спросил мистер Ланг.

— Д-да, сэр.— Уилл еще раз обернул поводок вокруг грязного кулака и шаркнул туфлей по разворошенным опилкам.

— В таком случае ответь мне сам на один вопрос,— сказал мистер Ланг, проводя острым как бритва ножом по мясу.

— Какой? — спросил Уилл.— Не дергай, Простофиля.

— Выведи его на улицу,— нетерпеливо приказала мать.— Ты мешаешь мистеру Лангу.

— Что вы, нисколько,— добродушно сказал мистер Ланг.— Я с радостью объясню Уиллу, почему не бывает синего мяса.

— Почему? — спросил Уилл.

— На самом деле,— продолжал мистер Ланг, снова шлепая мясо об стол,— когда кровь еще в теле, она, как ты знаешь, синяя.

— Правда? — Голос Уилла взмыл от изумления.

— Точно так! — Мистер Ланг подмигнул миссис Риггс.

Та чуть растянула губы, показывая, что оценила юмор.

— Но!..— многозначительно произнес мистер Ланг, разворачиваясь кругом, чтобы оторвать кусок бумаги от толстого рулона.— Но когда тело распарывают и кровь соприкасается с воздухом... она становится красной.

Уилл поднял глаза на дородного мясника. Никто не смог бы сказать, какие химические и физические изменения творятся в мозгу у мальчика. Никто бы не смог предвидеть удивительной реакции, которая произошла миг спустя, когда новое знание заполнило то, что отец Уилла часто в шутку называл вакуумом.

Возможно, дело было в самом слове «кровь» или в образах, какие оно вызвало у мальчика в голове. Но даже его мать не способна была определить, в чем причина. А мистер Ланг про-

должал болтать, едва ли сознавая, какую сумасшедшую идею он только что породил.

— Именно кровь, как ты понимаешь, и делает мясо красным,— завершил он, взмахивая белой бумагой.— Скорее всего, мясо синее, когда оно еще в теле. Но когда мы разрезаем тело, мясо делается красным.

То, что он говорил неправду, не имело значения. Эффект в любом случае был бы тот же самый.

Он поднял кусок мяса перед Уиллом. Пальцы были в крови. Мистер Линг на самом деле был простым, добродушным человеком. Он настолько привык к подобному зрелищу, что уже не задумывался о нем.

— Видишь? — спросил он.— Красное.

Уилл стоял, сосредоточенно глядя на него, глаза что блюдца, воздух с трудом вырывается из приоткрытого рта. Простофиля сидел в опилках, задней левой лапой гоняя блох на брюхе.

И вот тогда сформулировалась первая мысль.

— Его убили,— сказал Уилл.— Убили.

Седые косматые брови мистера Ланга сошлись на короткое совещание, он поджал губы. Миссис Риггс ощутила, как по спине ползет что-то похожее на озноб.

— О чем это ты? — Волнение нашло способ отразиться в голосе.

На самом деле она не собиралась ни о чем спрашивать. Просто давно уже привыкла задавать вопрос, что он имеет в виду, по сотне различных поводов, и сейчас не смогла удержаться.

— Оно было живое,— сказал Уилл и, к изумлению матери, отступил назад, а розовые щеки побелели.

— Это же корова, только и всего! — воскликнула миссис Риггс, кривя рот от негодования.— Корова.

— Бычок,— поправил дружелюбный мистер Ланг.— Желаете что-нибудь еще?

На этом все могло бы закончиться. Мгновенное прикосновение страха позабылось бы за повседневными делами. Но получилось иначе. Потому что миссис Риггс решила купить еще и курицу.

— У нас прекрасные свежие куры,— принялся за свое мистер Ланг, направляясь к тяжелой двери и откатывая ее в сторону, чтобы заглянуть в ледяное нутро холодильника.

— Мы едим то, что было живым,— сказал Уилл.

— Ну и что тут такого? — спросила мать.

В тот момент мальчик ничего больше не сказал. Но задумался. И по неизвестной причине она задумалась тоже.

Уилл вдруг начал понимать, что происходило все это время. Он приходил сюда месяц за месяцем, год за годом, смотрел, как мистер Ланг режет, пилит, рубит, дробит, мелет. Теперь он внезапно сообразил, что́ именно мистер Ланг резал и рубил, что́ он молол в мясорубке.

Уилл весь похолодел, задрожали руки. Он попятился и привалился к стене. Простофиля поехал за ним по полу.

Миссис Риггс, в свою очередь, увидела магазин новыми глазами. «Совершенно верно,— агрессивно накинулась на ее разум мысль,— мы как будто враги. Они должны ненавидеть нас, коровы и свиньи. Мы их откармливаем, а потом, когда они становятся упитанными и крепкими, мы... мы...» Она энергично отмахнулась от этой мысли, не желая додумывать ее до конца. Какой прок в подобных рассуждениях?

— Ну и что тут такого? — пробормотала она себе под нос.

А потом мистер Ланг вышел с курицей.

Мистер Ланг этого не услышал. И миссис Риггс не услышала, потому что в тот самый момент захлопнулась тяжелая дверь холодильника. Но Уилл Риггс ахнул и побледнел от испуга. Он смотрел, как курица раскачивается вниз головой под кулаком мистера Ланга. Вот зажмуренную птицу вздернули кверху и шлепнули на рифленый разделочный стол. Курица терпеливо дожидалась, пока мистер Ланг громыхал своей утварью и затачивал на бруске большой мясницкий нож.

После чего раздалось два звука.

Нож опустился, и птичья голова упала на пол.

Изо рта Уилла вырвался крик.

Миссис Риггс подпрыгнула на три дюйма и развернулась посмотреть, что происходит. Рот у нее широко раскрылся, и сердце в груди, которое, как она всегда утверждала, бьется слишком медленно, забилось так быстро, что перехватило дыхание.

— Да что же это та...— начала она.

Большой нож мистера Ланга дрогнул, и лезвие воткнулось в разделочный стол.

— В чем дело? — произнес он.

Они посмотрели на Уилла, они услышали, как взволнованно заходится лаем Простофиля, дергаясь на своем поводке, и обрубок его хвоста бешено мотается из стороны в сторону.

Уилл смотрел на обезглавленную курицу. Неожиданно он огласил обвинение, о котором теперь знают почти все, кто живет по соседству.

— Ты хочешь съесть Простофилю! — закричал он голосом тонким и колючим, как осколки стекла.— Ты хочешь съесть Простофилю!

Миссис Риггс понятия не имела, с чего вдруг расшумелся ее сын. Она никогда не сталкивалась с таким мощным проявлением чувств. Люди просто не вели себя подобным образом. Женщины плакали на свадьбах, дети хныкали над своими синяками или орошали слезами пол, когда их наказывали. Но чтобы вот так... Это просто не поддавалось пониманию.

Что же касается мистера Ланга, важность происходящего ускользнула от него. «Просто перевозбудился»,— решил он. Этот человек предпочитал любым событиям давать самые короткие объяснения.

— Что с тобой? — спросила миссис Риггс, ее руки дрожали от какого-то — хотя разум в тот момент не мог подобрать нужного слова — атавистического приступа первозданного ужаса.

Уилл сверкнул глазами на мать, потом на мистера Ланга, потом на собаку. Его голова дергалась, как у марионетки.

— Ты хочешь...— начал он снова.

— Прекрати сейчас же! — велела миссис Риггс, подходя к нему; резкий тон выдавал, насколько она взвинчена.

Уилл залился слезами и вцепился в мать.

— Мам, не позволяй им, не позволяй!

Сначала она ничего не сказала. Гладила мальчика по всклокоченным волосам, и что-то в ее глазах выдавало понимание важности момента. Она посмотрела на мясника. Тот дружелюбно улыбнулся и сказал:

— Просто перевозбудился.

— Хочешь подождать меня на улице? — спросила миссис Риггс, и наконец-то в ее голосе послышалась любовь.

— Можно мне взять Простофилю, можно? — заныл сын.— Можно?

— Ну разумеется.— Прежнее раздражение вернулось.— Это же твоя собака. Перестань валять дурака.

Мальчик поднял на нее глаза, в них читалось сомнение. То, что его разум породил на пустом месте, нельзя было сбрасывать со счетов.

— Ты его не съешь? — спросил он робко, а Простофиля внезапно замер и с подозрением поглядел по сторонам, словно нечто чуждое проникло вдруг в магазин.

— Конечно нет,— сказала мать.— С чего ты так решил?

Она не собиралась задавать этот вопрос. Она спросила просто по привычке. И по счастью, привычкой Уилла было воздерживаться от ответа. Он вообще не любил отвечать на ее вопросы.

Он потащился к выходу вместе с Простофилей. И когда мальчик уже протискивался в дверь, Простофиля обернулся. От его взгляда по спине миссис Риггс снова прошли мурашки. Потому что в нем было... как бы лучше сказать... понимание.

Она усилием воли отбросила все мысли, как могла бы стряхнуть дождевые капли с рукава пальто. Снова повернулась к мистеру Лангу, который все время так и стоял: неуверенная улыбка на пухлом лице, в испачканной кровью руке обезглавленная курица.

— Не понимаю этого мальчишку,— произнесла миссис Риггс, пытаясь одолеть странный озноб.

— Просто перевозбудился,— заключил мистер Ланг.

Миссис Риггс не имела желания задерживаться. Она теперь скользила взглядом по белым стенам, по безумной топографии посыпанного опилками пола. Ей вдруг расхотелось смотреть на красное мясо, видеть перерезанные артерии и сочащиеся кровью вены. Все вокруг показалось просто кошмарным.

Наверное, то же самое испытал бы слепец, который, ни с того ни с сего оказавшись в чулане Синей Бороды с фонариком в руке, обрел бы зрение.

Магазин внезапно наполнился удушливым запахом сырой плоти, острым запахом крови. Перед мысленным взором миссис Риггс с пугающей ясностью промелькнула картина, как мистер Ланг укладывает на разделочную доску Простофилю. Она сморщилась, спешно расплатилась и повернулась к двери.

— Заходите еще,— сказал мистер Ланг.

Она ничего не ответила. «Мясник!» — взвизгнул разум, и теперь это слово имело иное значение, в нем скрывалось слишком многое.

Уилл с Простофилей ждали на улице. Все трое двинулись домой. Миссис Риггс жадно вдыхала свежий воздух, думая, сможет ли когда-нибудь снова вернуться в это кошмарное место.

— Стать вегетарианкой в тридцать восемь,— пробормотала она.

— Что, мам? — спросил сын.

— Ничего. Просто помолчи. Ты и без того наделал сегодня дел.

Однако ее не покидало странное чувство, что причина вовсе не в нем, что он просто споткнулся обо что-то большее.

Простофиля шагал спокойно, гордо вздернув облепленную опилками морду.

И у миссис Риггс снова возникло нелепое ощущение, что все дело в Простофиле. Что именно он каким-то безумным образом подстроил все это.

Миссис Риггс была близка к нервному истощению, когда мистер Риггс пришел из конторы домой. В духовке грелся ужин.

По традиции мистер Риггс ущипнул жену за щеку и устало проследовал в гостиную.

Там он уронил пальто на кресло, после чего упал в него сам.

— О господи! — простонал он театрально.— Ну и денек!

Затем, несколько удивленный, поднял глаза. Миссис Риггс смотрела на него из дверного проема. На ее лице отражалась не тревога, решил он, но вполне отчетливая обеспокоенность.

Она вошла в комнату и взяла пальто, заметив вслух, что только пальто, повешенное на плечики, может сохранить приличный вид. Он проворчал что-то, соглашаясь,— все как всегда.

Она снова вошла и остановилась на пороге.

— Что-то случилось? — спросил он.

Она шагнула вперед и провела тремя подрагивающими пальцами по щеке. Да, случилось, понял он по ее глазам.

— В чем дело? — набросился на проблему мистер Риггс.

— В Уилле.— Миссис Риггс подошла и села рядом с мужем.

Затем, сцепив руки, рассказала, что произошло в лавке мясника.

На лице мистера Риггса сменилась целая гамма эмоций. Сначала на нем отражалось сомнение, затем его черты исказил легкий страх, который тотчас сменился весельем. Оно перешло в изумленную обеспокоенность, а в итоге появилась хмурая тревога.

— С тобой тоже так было? — спросил он.

— Да, Мартин,— сказала она.— Не знаю, как передать словами, чтобы и ты почувствовал. Но я боялась. Боялась висящего на крюках мяса, боялась мистера Ланга с... этим тесаком.

— Мясницким ножом,— поправил мистер Риггс.

— Да.

Мистер Риггс погладил бородку, его рот сложился в изумленный овал.

— Странно,— сказал он.— Очень странно.

После чего отринул все мысли, как пыталась сделать в магазине мистера Ланга миссис Риггс.

— Что ж,— сказал он.— Это просто игра чересчур живого воображения. В конце концов... я хочу сказать...

Он забыл, что хотел сказать.

— Но мне было страшно,— сказала она.— А потом... когда Простофиля на меня посмотрел...

Его брови на миг сошлись.

— Да,— сказал он.— Да, конечно, это просто твое воображение. В сложившихся обстоятельствах ты могла бы поверить, что и кусок говядины смотрит на тебя.

— Я знаю насчет воображения,— сказала она.— Но что сделать, чтобы избавиться от ощущения?

— Какого ощущения?

— Я чувствую себя так, словно я... словно мы все — лицемеры. Откармливаем животных, заставляем их жиреть, хорошо с ними обращаемся. А потом... мы их... убиваем.

— Дорогая, но ведь нам надо как-то выживать.

— Могли бы питаться овощами,— произнесла она слабым голосом, не вполне убежденная собственным доводом.

— Что?! Остаться без бифштекса, без котлет... Нет! Ты с ума сошла!

Наконец-то речь зашла о предмете, в защиту которого мистер Риггс мог повысить голос. Он едва ли не подпрыгнул в кресле. Политика наводила на него скуку, международные отношения вгоняли в тоску. Но когда затрагиваются интересы желудка и всего, что с ним связано, мужчины, подобные мистеру Риггсу, обязательно кипятятся.

Он сейчас же отмел прочь всякую вероятность того, что мясо исчезнет из семейного рациона.

— Чепуха,— заявил он.— Мы едим мясо, чтобы жить и процветать. Что бы ты стала делать, если бы весь мир на десять футов покрылся коровами и свиньями?

— Ты о чем? — спросила миссис Риггс, совершенно потерявшая ход его рассуждений.

Мистер Риггс встал и подошел к окну. Он бросил убийственный взгляд на стекло, неосторожно оказавшееся на его пути, и затем всмотрелся в улицу. Ему на помощь пришла книга, которую он когда-то читал; факты посыпались с пыльных полок разума.

— Выживает сильнейший,— объявил он с гордостью.— Выживает сильнейший, дорогая,— повторил он и привычно провел ладонью по лысине.

Миссис Риггс ничего не ответила.

— Если бы мы не убивали животных,— продолжал он,— если бы мы позволили какому-нибудь виду жить вольно, любому виду, они размножились бы так быстро, что в мире не осталось бы места для нас самих.

— О, не говори глупостей,— с обычной готовностью вынесла суждение миссис Риггс.

— Глупости?! Послушай, Рита,— в его голосе появилась таинственность,— я читал, что в океане есть какие-то маленькие существа, я не помню точно, моллюски или нечто в этом роде. И сама природа следит, чтобы девяносто процентов из них погибали сразу после рождения. Потому что если бы все они выживали,— завершил он с угрозой,— если бы все они выживали, то океан, суша, весь мир был бы теперь покрыт ими!

Миссис Риггс с трудом поверила в это. Однако ее плодотворное воображение продолжало работать, и она представила себе квартиру, обвешанную гроздьями моллюсков. И сморщилась от омерзения.

— Ну, теперь ты мне веришь? — спросил мистер Риггс.

— Я не знаю,— сказала она.— А как же тот человек, который долго жил в Африке? Старик, немец... как же его звали?

— Э... ты имеешь в виду Швейцера?

— А, неважно. Помню, я читала в одном журнале, что он ни разу никого не убил. Он даже кормил муравьев.

— Меня никто не заставит кормить муравьев,— твердо заявил мистер Риггс.

— А вот он кормил.

— Очень плохо! — взорвался мистер Риггс.— Очень! Если все начнут кормить муравьев вместо того, чтобы на них наступать, представляешь, какой ад нас ждет? В муравьях по самые подмышки!

— Ничего подобного,— сказала его жена.

— Ладно, лично я не перестану есть мясо только потому, что тебе... тебе это не нравится,— завершил спор мистер Риггс.

Миссис Риггс встала и провела руками по юбке, расправляя складки.

— Очень хорошо,— сказала она.— Но мне это не нравится. Во всем этом есть что-то такое, что мне не нравится.

— Я есть хочу,— сказал мистер Риггс проникновенно,— когда мы будем ужинать?

За ужином события получили новое развитие. В результате которого мистер Риггс по-настоящему вник в суть дела.

Он уселся за стол. Напротив него сидел сын, с вымытым в первый раз за последние семь часов лицом, причем волосы были приглажены с помощью большого количества воды, часть которой бежала ручейками из-за ушей на шею.

А в душной кухне миссис Риггс вынула из духовки толстый кусок коричневого сочного мяса и понесла его в столовую. Исходящий от мяса ароматный пар впервые в жизни вызывал у нее отвращение.

Ее пронзила кошмарная мысль, что она несет кусок жареного Простофили. От такого предположения что-то дернулось у нее в животе. Какая-то рука материализовалась там, в темных глубинах, и принялась сжимать внутренности ледяными пальцами. Она поняла еще раньше, чем села за стол, что не сможет проглотить ни кусочка мяса. Она казалась себе настоящим каннибалом.

— Ага,— сказал мистер Риггс.— Бифштекс.

Он потер руки. Поточил нож об вилку. Он начал резать мясо, и кто-то ахнул.

Мистер Риггс поднял голову, всматриваясь пристальным инквизиторским взглядом.

Его сыну было очень, очень больно. Лицо кривилось, глаза поблекли от страха. Он смотрел на мясо.

И в этот миг произошло что-то такое, отчего у мистера Риггса кожа на голове покрылась мурашками и невидимый кубик льда съехал вдоль позвоночника.

Простофиля, сидевший у противоположной стены, заворчал, не на блоху, а на что-то нематериальное. Он просто заворчал. Но в этом ворчании угадывалась страстность сверкающего красными глазами волка, который подступает к своей умирающей добыче.

— Да что же здесь происходит? — спросил мистер Риггс, ни к кому в особенности не обращаясь, но желая успокоиться, хотя бы с помощью слов.

— Я не хочу есть.— Уилл соскользнул со стула.

Мать посмотрела на него, затем на мясо. Ей хотелось сказать то же самое.

— Сядь на место, молодой человек! — отрезал мистер Риггс, гнев прорвался, милосердно затопляя его страхи.

— Пожалуйста, па,— сказал Уилл.— Пожалуйста, я не хочу есть.

— Ты будешь есть!!! — заорал мистер Риггс.

Потому что теперь он ощущал ее.

Холодную, лишающую сил тревогу, которая заползала в его нервную систему, словно извивающаяся змея. Противоречащий всякому здравому смыслу ужас поднимался от давно умерших воспоминаний, от бесформенных страхов прошлого и сулил необъяснимую беду.

Простофиля завыл. Так воет в клетке дикий зверь, когда тоскует о свободе и мести.

— Заткните этого пса! — прорычал мистер Риггс.

Он бросил нож и вилку на стол, подошел к Простофиле и схватил за шкирку жесткими пальцами.

Он швырнул Простофилю в ванную комнату и захлопнул за ним дверь. И только вернувшись за стол, почувствовал боль, посмотрел и увидел на руке следы зубов, из которых сочилась кровь.

Лишь громадным усилием воли мистер Риггс сдержался в этот момент. Жил себе человек день за днем и никогда раньше не видел ничего подобного. За многие годы он пришел к сознательному или бессознательному заключению, что в жизни нет ничего странного, не бывает неожиданных крутых поворотов и нечего бояться.

А потом произошло вот такое. Человек совершенно не готов справляться с подобными сложностями. Он согнулся, почти сломался. Лишь гордость и запас давно не пригождавшейся силы духа помогли справиться с приступом ужаса и благополучно вернуться на безопасную почву.

Мистер Риггс сел, сжав рот, и отрезал изрядный кусок мяса. Плюхнул его на тарелку Уилла.

— Нет, папа! — рыдал сын.— Пожалуйста!

— Ты это съешь,— сказал отец тихо, невероятным усилием сдерживая крик.

— Дорогой, если он не хочет...— начала миссис Риггс.

— Ешь,— велел мистер Риггс.

— Не буду, не буду!

И тут все услышали новый вой, приглушенный, но точно такой же зловещий, как и в первый раз.

Мистер Риггс перегнулся через стол и дал сыну пощечину. У него была тяжелая рука, и на красной щеке Уилла осталось белое пятно. На глаза мальчика навернулись слезы, рот растянулся в истерическом всхлипе.

— Иди к себе в комнату! — приказал мистер Риггс.— И не надейся, что сегодня получишь другую еду.

Уилл посмотрел на мать, горло его дрогнуло. Она сжала побелевшие губы, стараясь утешить его взглядом.

— Делай, как велит отец,— сказала она.

Медленно, бросая через плечо умоляющие взгляды, сотрясаясь от рыданий, Уилл пересек комнату. Его неровные шаги отдавались у родителей в ушах, когда он вышел в коридор. Дверь захлопнулась.

— Тебе обязательно было его лупить? — спросила миссис Риггс, и в голосе звучали страх и осуждение.

Мистер Риггс, не сумев подобрать нужные слова, сделал то, что обычно делают мужчины в подобной ситуации.

— Я даже есть теперь не могу,— проворчал он и резко встал.

Стул с грохотом упал у него за спиной. Мистер Риггс не стал поднимать. Прошел в гостиную и остановился перед окном, наблюдая, как небо медленно темнеет.

И он сказал чистую правду. Его желудок сжался в такой тугой узел от беспричинного страха, что он даже думать не мог о еде. Грудь вздымалась от каждого вдоха, что-то застряло в горле, и никак не удавалось проглотить. Ему даже показалось, что это его собственное сердце.

Откуда взялось это жуткое чувство? — недоумевал он. И почему оно подавило все остальные, даже голод?

Человек имеет полное право на вечерний отдых после напряженного рабочего дня, имеет право на хорошо прожаренный бифштекс, на приятный разговор за столом. И вот вам пожалуйста. Какое-то дурацкое помрачение рассудка нашло на

всех. Крик в мясной лавке привел к этому... этому безумию. Хуже того... привел их в тупик. Какой отсюда, ради всего святого, может быть выход?

Мистер Риггс решил пройтись до табачного магазина и купить сигару. Он надел шляпу и зашел в столовую.

Жена все еще сидела там, глядя на стол, тыча в белую скатерть кончиком ножа. Кажется, она была совершенно подавлена.

— Я выйду,— сказал он.

Миссис Риггс кивнула так, что ему стало ясно — пропустила его слова мимо ушей.

— Знаешь, о чем я думаю? — спросила она.

— О чем?

— Помнишь, я сказала, животные должны ненавидеть нас за то, что мы делаем с ними?

Он поморщился. Подобные разговоры не доставляли ему удовольствия. Они слишком расплывчатые, вызывают невнятные страхи, ведут к нелепым выводам.

— Может, они совсем разозлились на нас,— продолжала она.— Может, они что-нибудь затевают. Может быть... Простофиля их вожак.

У мистера Риггса отпала челюсть. Невыразимое изумление смешалось со страхом за жену. Неужели она сходит с ума?

— Ради бога! — воскликнул он, стараясь отодвинуть от себя проблему, словно кучу палых листьев.— О чем ты вообще говоришь? Ладно, я пошел.

У двери он обернулся.

— И не давай Уиллу никакой еды,— сказал он, ощетиниваясь в воинственном стремлении к справедливости.— Я научу его слушаться.

Он пошел вниз по лестнице, стараясь думать о бейсбольном счете, о результатах скачек, о кинозвездах — о чем угодно.

Но ничего не получалось. Жена произнесла эти слова. Они теперь громыхали у него в мозгу, никак не желая уняться.

Он изо всех сил пытался отшвырнуть их, заставить их пристыженно отступить.

Но они не уходили, они кидались ему в лицо. И если поверить в эти слова хотя бы на мгновение, они сбросят целый мир в неведомую бездну. Они все исказят, покажут, словно в кривом зеркале. Все на свете потеряет смысл, если они... правдивы.

Животные. Что означает это слово? Для него — существ с четырьмя ногами. Львов, тигров, коров, свиней, лошадей, кошек, собак. Животных.

— Нет, нет и нет,— бормотал он.— Отродясь не слышал большей глупости.

Но он все равно думал об этом. И посматривал на встречных кошек. По соседству жило много кошек. Они устраивали свары при луне, мерзко орали в ночной темноте, когда людям хочется спать. Он вдруг вспомнил, как лежал без сна, проклиная их на чем свет стоит, отмечая, как жалобно они мяукают, как невероятно похоже на грудных младенцев, обезумевших грудных младенцев, брошенных в переулке.

Он заглянул в ближайший переулок.

Словно электрический разряд прошел через тело, вызывая онемение.

Он еще никогда не видел столько кошек разом. Создавалось впечатление, что у них тут собрание. Они сидели на задних лапах, и ни одна не издавала ни звука. Но благодаря своему воображению мистер Риггс почти физически ощущал, как поток злобных мыслей передается от одной усатой головы к другой усатой голове.

— Нет,— отрезал он.— Это просто мое воображение.

Он повернулся и быстро дошел до угла, стараясь забыть, как одна кошка обернулась и посмотрела ему прямо в глаза... ухмыляясь. Другого слова он не мог подобрать. Это была настоящая ухмылка.

Мистер Риггс остановился и сжал кулаки.

— Быть того не может,— произнес он вслух.— Просто не может быть.

На углу мистер Риггс увидел конного полицейского, который проезжал мимо. Мистер Риггс уставился на лошадь. Он ощущал себя полным идиотом, однако какой-то внутренний голос приказывал смотреть.

Он едва не отпрянул назад, когда лошадь повернула голову и их взгляды встретились.

Человек имеет о некоторых вещах устоявшееся мнение. Например, он привык считать, что у всех лошадей добрые и ясные глаза.

Лошадь одарила мистера Риггса самым что ни на есть ледяным взглядом. И вдруг у него в голове сформулировались сло-

ва. Они явились словно ниоткуда. Хотя что значит — ниоткуда? Несомненно, он это подумал сам. Вернее, слова пришли из подсознания. Или же... Нет, нет, это невозможно!

Однако они пришли, ничто не могло их удержать.

«Молчи. Тебе не полагается знать. Ты каким-то образом проведал, но единственное, что тебе остается,— молчать. Ты не сможешь, ты не станешь рассказывать об этом никому».

Мистер Риггс так и стоял с открытым ртом и глядел на лошадь, пока она не скрылась за углом. Он помотал головой и осмотрелся, пристыженный. Проходящая мимо парочка с любопытством взирала на него. Он опустил глаза и заторопился к табачной лавке.

Медленно бредя домой, выпуская колечки сигарного дыма, мистер Риггс вдруг понял с грустью, что человек может прожить всю жизнь, но так ни разу и не задействовать свой мозг в полную силу. Хуже того, он может прожить жизнь и не заподозрить, что его разум так и не вышел из тесной клетки, в которую его поместила природа.

Он думал о словах Риты, о страхах Уилла, о том, как выл и ворчал Простофиля.

Если все это сложить? Неужели и вправду животные тайком готовят переворот, коварно дожидаясь того момента, когда человек утратит способность понимать, что он может быть свергнут?

Если согласиться с этим — разумеется, только ради поддержания дискуссии,— возникает вопрос: что лично ты способен предпринять? Правда ли, что ты не можешь поделиться своей догадкой с другими? Что какое-нибудь неведомое наказание подстережет тебя в ночи, если заговоришь об этом вслух?

Кругом воровато шныряли кошки. Да, за всем этим что-то кроется, мистер Риггс теперь был уверен. Он как будто ощущал исходящую от животных злобу.

Похоже, они знали, что мистер Риггс раскрыл их жуткую тайну. Провожали его взглядами и беззвучно двигались вслед на мягких лапах, перебегая от укрытия к укрытию, прячась за живыми изгородями, скользя вдоль стен, подкрадываясь...

Преследуя!

Он кинулся бежать, уже не пытаясь анализировать свой страх. Страх был слишком силен. Он сочился из всех его пор, пронизывал каждый дрожащий дюйм организма, ледяными струями тек по венам и артериям.

Он распахнул дверь подъезда и с грохотом закрыл за собой. Взбежал по лестнице, заскочил в квартиру. Привалился к двери, тяжело, сипло дыша. Услышал звон посуды в кухне.

А потом стало еще хуже, гораздо хуже. Он ощутил на себе чей-то взгляд, волны чужих жестоких мыслей сжимали его разум.

«Давай, рассказывай,— звенели мысли, раздирая материю мозга.— Некоторые, может, и поверят. Но большинство — нет. Расскажи, и тебя поднимут на смех».

Он повернулся.

На коврике сидел Простофиля: розовый язык висит, уши торчком, глаза недобро сверкают.

Мистер Риггс попятился к двери, его сердце превратилось в кулак, бешено колотящий в грудную клетку.

— Рита! — закричал он.— Кто выпустил собаку из ванной?

Он с трудом поверил, что это его собственный голос, такой дрожащий и слабый.

Жена быстро вышла из кухни, вытирая руки о фартук. Когда она увидела мистера Риггса, жмущегося к двери, его глаза, круглые от страха, она лишилась дара речи.

Дрожь прошла по телу мистера Риггса, и он ринулся вперед. Подхватил Простофилю на руки, открыл дверь и вышвырнул его за порог. Простофиля взвизгнул, проехав по сверкающему полу лестничной площадки. Дверь захлопнулась, и мистер Риггс привалился к ней спиной.

Жена смотрела на него, не находя слов. Они услышали, как Уилл выскочил из своей комнаты.

— Простофиля! — выкрикнул мальчик, вбегая в гостиную.— Где Простофиля? Где?

Вместо ответа раздалось настойчивое царапанье с другой стороны двери, жалобная просьба впустить.

Уилл негодующе смотрел на отца. Тот молчал, его глаза бегали.

Простофиля на площадке завыл, тонкий голосок разнесся по воздуху, словно жалоба мятущегося призрака.

И тут мистер Риггс нашел слова. Они слетали с его губ, робкие и в то же время дерзкие.

— Ты сюда не войдешь,— сказал он собаке.— Не войдешь!

Щенок

Когда закат расстилал по небу золотисто-розовое одеяло, Сара Нильсен вышла из трамвая и зашагала вдоль квартала к дому сестры. Она бросила взгляд на наручные часы. Уже седьмой, Дэйви переживает, крутится у калитки, нетерпеливо глядя на проспект. Она прибавила шагу.

Ее взгляд упал на сверток, зажатый под мышкой, и тонкие губы растянулись в улыбке. Это для Дэвида, хотя день рождения — у нее. Иначе он может расплакаться, глядя, как она распаковывает подарки, которые ему не принадлежат. Эвелин не уставала твердить, что мальчик слишком избалован. «Он — все, что у меня есть». Так всегда отвечала ей Сара.

Она поднялась на цыпочки, пытаясь увидеть его, но пышная листва отбрасывала слишком густую тень. Сара поспешила дальше, лицо горело от влажного зноя, пряди белокурых волос липли к потным вискам.

Вон он, с кожей почти такой же светлой, как его волосы, хоть и играет все лето на палящем солнце вместе с двумя кузенами. Он увидел Сару и замахал. Она махнула в ответ, а Дэйви уже кинулся к калитке, улыбаясь.

Сара наклонилась и подхватила его. Тонкие ручки обвили ее шею. Сверток и сумочка выскользнули и упали на дорожку.

— Я так тебя ждал,— сказал он, тяжело дыша.— Долго-долго.

— Сладкий мой.

Она крепко обняла мальчика и поцеловала в горячую щеку.

— Приходится работать допоздна,— сказала она.— Ты скучал по мамочке?

— Да! — сказал он, потянувшись за свертком.— Это для меня?

© Перевод Е. Королевой.

Жара окутала ее облаком, стоило только распрямиться. Сара погладила Дэйви по голове и заморгала, когда все поплыло перед глазами.

— Потерпи, увидишь,— улыбнулась она и подняла сверток.— Подай мамочке сумку, милый.

Он протянул сумку и взял мать за руку. Они вместе двинулись к дому.

— Смотри, мам.— Он показал левую руку.

— Милый, что случилось? — с тревогой спросила она, останавливаясь.

Слабый интерес, отражавшийся на лице, сменился беспокойством. Дэйви прочел в ее глазах привычный сигнал. Шесть лет материнского воспитания заставили его скривиться.

— Я упал,— произнес он испуганным шепотом.— И ободрал руку.

— Милый.— Она провела рукой по его щеке.— Тебе больно?

— Б-больно.

По его щеке скатилась слезинка, от сильного всхлипа сморщился нос.

— Снаббс погнался за котиком, я п-побежал за ними и упал на дорожке.

Они пошли дальше.

Дэйви высвободил руку и провел пальцем по ободранному месту. Зашипел от боли.

— Мама-а...— захныкал он.

Сара обняла его дрожащей рукой.

— Все хорошо, дорогой. Все хорошо. Мамочка обо всем позаботится.

Они свернули в проулок. По его лицу катились слезы.

— Х-хочу понести.— Он забрал у Сары сверток.

— Хорошо, малыш,— проворковала она.— Только не плачь. Мамочка все исправит.

Сара распахнула дверь, откинула москитную сетку и вошла.

— Разве тетя Эв не перевязала тебе руку? — спросила она.

— Она намазала йодом,— пожаловался он.— Больно!

Она вслед за Дэвидом поднялась по короткой лестнице. Они повернули за угол и вошли в кухню.

Эвелин оторвала взгляд от плиты, ее широкое благодушное лицо раскраснелось от духоты.

— А, привет,— начала она, затем удивленно посмотрела на Дэвида.— Только не говори, что Попрыгунчик снова упал,— велела она Саре.

Дэйви жался к матери и неотрывно смотрел на желтый линолеум. Сара положила сумку и сверток на сервант и вынула аптечку.

— Он что, снова поранился? — переспросила Эвелин, проводя по брови пухлым пальцем и вытирая его о фартук.— Мы и так полдня только и делали, что пытались...

— Надо забинтовать ему руку.— Сара села и усадила Дэвида себе на колени.

— Он что, хнычет из-за жалкой царапины? — насмешливо спросила Эвелин, упирая руки в бока.— Да у нас в квартале никто из мальчишек и не заикнется о такой ерунде, разве что если голову себе разобьет.

— Может попасть инфекция.

Сара занялась перевязкой. Дэйви морщился и жмурился от боли. Похожий на скрипичную ноту писк рвался из его горла.

— Мам, а что такое инфекция? — всхлипнул он.

— Тише, милый. Что, больно?

— Да-а...

Эвелин снова повернулась к плите. Взяла с полки банку, бросила в кастрюлю щепотку соли. Затем с грохотом водрузила крышку. Дэйви подскочил от этого звука. Эвелин повернулась.

— Слишком жарко,— сказала она,— в этом вся беда. Что случилось?

— Дэвида шум напугал.

— Какой еще шум?

— Грохот крышки.

— Что?

Эвелин закрыла лицо руками и сквозь пальцы посмотрела на Дэвида. Он потупился и сжал губы. Эвелин взяла его за подбородок и заставила поднять голову. Оказалось, он улыбается.

— Вот же обманщик,— скорчила рожицу Эвелин, и Дэйви радостно фыркнул.— Попрыгунчик,— поддразнила Эвелин.

Сара нахмурилась.

— Эвелин, я же столько раз просила не подпускать Снаббса к Дэйви. Знаешь же, мальчик от этого перевозбуждается.

Эвелин вытерла руки о фартук.

— Но они прекрасно ладят,— сказала она.— Разве не так, Дэйви?

Он посмотрел на мать, заметил ее напряженный взгляд и ничего не ответил.

— Он и сам хочет собаку,— сказала Эвелин.

Сара насупилась и стала завязывать концы бинта. Эвелин взяла с серванта газету, чтобы обмахиваться.

— Почему бы нет? — спросила она.

— Нет,— отрезала Сара, убирая в аптечку неизрасходованный бинт.— Нет, и точка.

— Можно оставлять собаку у нас,— настаивала Эвелин.— Дэйви будет о ней заботиться.

Сара заметила, что Дэйви прислушивается. Его широко раскрытые глаза неотрывно смотрели на Эвелин, ссадина была забыта.

— Скоро мы будем ужинать? — поспешила спросить Сара. Она похлопала по повязке и поцеловала Дэйви в щеку.

— Как только придет Джордж,— сказала Эвелин.

Дэйви соскользнул с колен матери.

— Ступай, милый, позови Билла и Боба,— велела ему Сара.

Он секунду смотрел на нее. Затем, покосившись на тетку, побрел к лестнице. Когда за ним захлопнулась дверь, Сара встала и спрятала аптечку в сервант. Оторвала бумажное полотенце от рулона, закрепленного на боку серванта, и отерла лоб.

— Заведи собаку, сестричка,— улыбнулась Эвелин.

— Я не хочу, чтобы у него была собака,— сказала Сара.— Он легковозбудимый. Разволнуется, потом не успокоишь.

Эвелин осторожно присела, широко раздвинув ноги и по-прежнему обмахиваясь газетой.

— А ты ему ничем не помогаешь, только учишь бояться собственной тени.— Она нахмурилась и добавила, укоризненно качая головой: — Мальчик избалован. Слишком зависит от тебя.— Эвелин со стоном поерзала на стуле.— Вот ведь жара, будь она проклята.

Сара наклонилась и опустила бумагу в мусорное ведро.

— Забудь о собаке и не говори о ней при Дэйви,— сказала она.— А то заладила, прямо как Том: «Возьми собаку. Возьми собаку». Ничего другого я от него не слышала.— Она вздохнула и на секунду закрыла глаза.— Если не считать извинений. За то, что напился, за то...

— Ладно-ладно, сестричка.— Эвелин поднялась, отлепила от ног юбку.— Хватит об этом.

Она улыбнулась, подошла к Саре и сердечно произнесла:

— С днем рождения, милая. Я бы тебя обняла, но боюсь, приклеимся. Какая жара!

Сара чуть улыбнулась и подошла к серванту.

— А что в свертке? — спросила Эвелин.— Купила себе подарок?

— Это для Дэйви.

— В твой день рождения?

Они посмотрели друг другу в глаза. Затем в горле у Эвелин заклокотал смех.

— Ладно-ладно, я ничего не скажу,— произнесла она.— Он — все, что у тебя есть. Аминь. Надеюсь, мой муженек уже на подходе, так что скоро заморим червячка.

Билл с Бобом ушли наверх спать. Дэйви сидел в гостиной на тахте, обессиленно привалившись к матери; его глаза тщетно боролись со сном. Сара улыбнулась ему, затем Эвелин и Джорджу, которые сидели напротив в креслах.

Она потянулась к кофейному столику, взяла коробочку с носовыми платками из горки подарков.

— Какая прелесть!

— Рада, что тебе нравится,— засветилась от счастья Эвелин.— Нет, послушайте только, что эти индейцы вытворяют в ванной!

Она встала и быстро подошла к лестнице.

— Эй, вы там!

Гробовая тишина. Она вернулась, посмеиваясь.

— Ишь, молчат, будто воды в рот набрали. Иногда я жалею, что они не такие тихие и спокойные, как Дэйви.

Сара фыркнула. Эвелин взъерошила ей волосы и улыбнулась.

— Это комплимент, дорогая,— сказала она.— Да, забыла тебя поблагодарить за книжки для Билла и Боба.

— Не за что.

Книжка Дэйви соскользнула с его колена и шлепнулась на ковер. Он открыл глаза и сонно потянулся за ней.

— Попрыгунчик проснулся,— хихикнула Эвелин, усаживаясь на место.

Дэйви неловко выпрямился и взял со стола маленькую стеклянную пастушку, которую подарил матери с финансовой помощью Эвелин. Он смотрел на статуэтку, охваченный дремотой.

— Кр-сиво,— пробормотал он.

— Да, милый,— сказала Сара.— Очень красиво, подумать только, что ты сам купил ее своей мамочке.

— Ага...

Он пытался поставить пастушку обратно на стол, но никак не мог нащупать край. Сара осторожно забрала статуэтку и притянула мальчика к себе. Тонкая ручка упала на ее колено, глаза Дэйви сомкнулись.

— Кажется, нам пора домой,— сказала Сара.— Он уже с ног валится.

— Разве не останетесь? — спросила Эвелин.

— Нет, Эв. Пусть он ночует в своей постели. Похоже, у него температура — все-таки целый день на солнцепеке. Да и инфекция могла попасть.

Эвелин секунду смотрела на нее, после чего беспомощно развела руками.

— Ладно, сестренка, тебе видней,— сказала она.— Но завтра вы приедете?

— Наверное, приедем. Мне не надо на работу.

— Отлично,— кивнула Эвелин.— А то я обещала Дэйви, что он пойдет смотреть ковбойский фильм вместе с моей парочкой.

Сара вздохнула:

— А вот это ты зря. Дэйви так легко пугается.

Секунду все молчали. Затем Эвелин кашлянула. Джордж вскочил на ноги. Дэйви вздрогнул от этого звука, распахнув глаза. Он сонно оглядел комнату.

Джордж посмотрел на Дэйви.

— Я подгоню машину.— Он беззвучно вышел из комнаты.

— Принесу тебе сумку для подарков,— сказала Эвелин.

Сара слабо кивнула, обнимая сына.

Машина затормозила, когда на светофоре загорелся красный. Джордж обернулся и посмотрел на Дэйви, который спал у матери на коленях, положив голову ей на плечо.

— Слышал, ты хочешь завести собаку,— произнес он.

— Что?— спросила обеспокоенная Сара.— Кто тебе это сказал?

— Боб,— ответил он, переключая скорость.— А ему сказал Дэйви.

Машина повернула за угол.

Сара хмыкнула.

— Боб, наверное, выдумал. Не могу же я держать собаку в квартире, если учесть, что я целыми днями на работе, а Дэйви у вас.

— Ну, если проблема в этом, можно днем оставлять у нас собаку.

— Нет.— Сара отрицательно покачала головой.— Дэйви слишком легко возбуждается.

— Ну естественно,— произнес Джордж небрежно.

Сара поджала губы. Ласково провела ладонью по руке Дэвида и поцеловала его в макушку.

Машина остановилась у тротуара.

— Хочешь, понесу его? — спросил Джордж.

— Сама понесу,— ответила она,— а ты возьми подарки.

— Как скажешь.

Джордж выключил мотор и сунул ключ в карман пиджака. Они вышли из машины.

— Красота,— сказал он.— Ветер крепчает, очень кстати.

Они медленно поднялись по лестнице на пятый этаж. Когда остановились перед дверью, Джордж испустил тяжкий вздох.

— Ничего себе подъем,— сказал он.— Как ты справляешься?

— Привыкла,— сказала она, отпирая дверь.

Они вошли, и Сара включила свет.

— Ох,— вздохнула она.— Какая здесь духота.

Она положила Дэйви на тахту и быстро подняла оконные рамы до отказа. Джордж поставил сумку с подарками, а она понесла Дэйви в его комнату.

Когда она вернулась, чтобы попрощаться, Джордж как раз выходил из кухни.

— Выпил у тебя воды со льдом,— сказал он, выключая свет.

— На здоровье,— ответила она, провожая его к двери.

— Ладно, до завтра.

— Да. Встретимся около полудня.

— Хорошо. Спокойной ночи, Сара.

— Спокойной ночи, Джордж,— ответила она.

Сара заперла входную дверь и улыбнулась. Приятно снова оказаться дома, с сыном вдвоем. В ее жизни теперь так мало

подобных радостей. Том не оставил никаких сбережений, ничего, способного ее поддержать. Вместо того чтобы сидеть дома с Дэйви, она вынуждена целыми днями работать. Это, как ничто другое, отравляло ненавистью воспоминания о Томе.

Она выключила свет в гостиной и прошла в комнату Дэйви, переодела его в пижаму. Сдернула одеяло с его кровати, оставив только простыню.

Потом принесла из ванной мокрое полотенце и обтерла ему руки и лицо, намочила повязку, чтобы ее охладить. Он шевельнулся и пробормотал что-то во сне. Она нежно улыбнулась, глядя на него.

— Мой сын,— произнесла шепотом.

Сара поцеловала мальчика и быстро вышла, погасив свет.

Когда она полоскала в ванной полотенце, из кухни послышался какой-то шум. Она вздрогнула и уронила полотенце в раковину. Ее брови озадаченно сошлись на переносице.

Справившись с удивлением, она осторожно вошла в гостиную и прислушалась.

Снова услышала шорох. Как будто маленькие лапки ступают по линолеуму.

Она неуверенно подошла к кухонной двери, включила свет и отскочила назад, широко раскрыв глаза в тревожном ожидании.

Затем тревога сменилась изумлением.

На нее смотрел маленький белый щенок, моргая влажными глазами в неожиданно вспыхнувшем свете. Розовый язык свешивался из пасти. Коротенький хвостик так и мотался из стороны в сторону.

Щенок вдруг заскользил по полу и затормозил у ее ног. Сара секунду смотрела на него. Потом протянула руку и подняла. На ощупь он был похож на теплое желе.

Она постояла секунду, размышляя.

Затем нахмурилась, прошла в гостиную и села у телефона. Щенок пытался высвободиться. Она сильнее сжала его тельце. Он негромко заскулил. Она шикнула, и хвост принялся колотить по ее юбке.

Она набрала номер. Щенок продолжал извиваться в руке. Сара шлепнула его по голове, и он взвизгнул.

— Алло,— произнесла Эвелин.

— Эв, это я, Сара.

— Да, сестренка.

— Это Джордж оставил у нас щенка?

— Щенка?

— У нас тут щенок. Это Джордж его принес?

— Джордж? Я, конечно, не в курсе... Но как бы он его принес? А что, ты не знаешь, откуда он взялся?

— Нет.

— Черт! Ладно, сестренка, я... подожди-ка. Кажется, машина подъехала. Сейчас спрошу его. Подожди минутку.

Сара сидела, прижимая трубку к уху. Взгляд упал на белого щенка. Тот устроился у нее на коленях. Теплое тельце вздымалось от каждого вздоха под ее рукой.

Женщину пробрала дрожь. Ветер из окна растрепал ей волосы. Она сглотнула застрявший в горле комок. Ну где там Джордж? Она побаивалась говорить с ним. Но разумеется, щенка принес он. То, что он заговорил о собаке в машине, так это, без сомнения, хотел подготовить ее к «приятному сюрпризу». Но как умудрился его пронести?

Щенок провел шершавым теплым языком по ее руке. Она резко отдернула пальцы, и маленькая голова втянулась в плечи, щенок зажмурил глаза.

— Сара,— сказал Джордж в трубку,— что у тебя там за щенок?

— Только не говори, что это не ты его притащил.

Она почувствовала, как дрожат губы.

— Я? Ты же была вместе со мной. Неужели заметила какого-то щенка?

— Хватит шутить, Джордж! Кто мог принести, если не ты?

— Сара, я не приносил никакого щенка. Ты что, не знаешь, откуда он взялся?

— Нет.— Ее голос зазвенел от напряжения.— Не знаю.

— Ну я тем более не знаю,— сказал он.

В телефоне что-то потрескивало, пока оба молчали. Затем Джордж кашлянул.

— Ладно,— произнес он осторожно,— захвати его завтра с собой. Хотя, почему бы не...

— Нет! — решительно произнесла она.— Я его не оставлю. Не хочу, чтобы он был в доме. Я придумаю... что-нибудь.

— Да? Ну, как знаешь.

— Увидимся завтра,— завершила разговор Сара.

— Хорошо,— сказал он.— Пока.

Она положила трубку на рычаг. Заметила, что дрожит рука.

Щенок свернулся клубочком, счастливо вздыхая в полусне. Сара грубо подхватила его под живот и встала. Еще один удар по голове заставил его умолкнуть. Задние лапы мельтешили в воздухе.

Сара на цыпочках подошла к комнате Дэйви. Постояла секунду в дверях, убеждаясь, что мальчик спит. Щенок извивался у нее в руках, его горло дрожало от зарождающегося визга. Она зажала в ладони мордочку с влажным носом и затаила дыхание. Дэйви не проснулся.

Она вернулась в гостиную и постояла, охваченная нерешительностью. Его нельзя оставлять. Но сможет ли она просто вынести на улицу и бросить на произвол судьбы беспомощное создание?

«И все-таки, откуда он взялся?»

Сзади захлопнулась входная дверь. Сара спустилась по лестнице, руки дрожали под мягким теплым брюшком щенка.

Она позвонила в дверь консьержа. В коридоре было тихо, если не считать сопения щенка. Сара подхватила его под задние лапы, и он перестал дергаться.

В квартире консьержа стояла тишина. Сара позвонила еще раз, долго не отпуская кнопку. На ее лице отражалась тревога. Сара заколотила в дверь. Эхо отдалось от стен тускло освещенного коридора.

Она с раздраженным вздохом отвернулась от двери. На лестнице нерешительно застыла, нетерпеливо передернув плечами. Щенок вырывался и жалобно попискивал. Сара шлепнула его морде, и он заскулил.

Зажимая рукой его морду, она резко повернулась, спустилась на первый этаж и вышла из дома.

Она быстро шагала по безлюдной улице, вступая в тусклые пятна света фонарей и снова уходя в темноту. Нельзя допустить, чтобы Дэйви увидел щенка. Мысль о сыне заставила ее похолодеть от беспокойства. А что, если он проснется и не обнаружит рядом никого? Она сменила шаг на трусцу.

Остановилась в нескольких кварталах от дома. Огляделась по сторонам. Вокруг — никого.

Она подошла к низкой живой изгороди перед частным домом и уронила щенка по другую сторону от нее. Тот не издал ни звука. Она повернулась и побежала обратно, стуча каблуками по тротуару.

В один миг одолела лестницу, задыхаясь и обливаясь потом.

Оказавшись перед своей дверью, услышала слабый плач в квартире. Сердце дрогнуло от испуга. Она принялась открывать дверь.

— Мама, мама! — пронизывали воздух детские крики.

Сара кинулась в комнату сына.

Он сидел на кровати, накрывшись с головой простыней и съежившись. Всхлипывал от страха.

— Милый, милый,— прошептала она, садясь рядом.

Сара обняла сына, его хрупкое тело содрогалось, он цеплялся руками за ее платье.

— Тише, тише, дорогой, мамочка вернулась.

Он прерывисто вздохнул. Сара ощутила на руках теплые слезы.

— Маминой детке приснился плохой сон?

Он попытался ответить. Слова, дергаясь, срывались с губ.

— Д-д-да,— всхлипывал он.— Д-да.

— Ничего страшного, милый,— погладила она сына по голове.— Все хорошо.

— Мне п-приснился ш-щенок,— сказал он.

Она обмерла, чувствуя, как натянулась и покрылась мурашками кожа на голове. Ветер, дующий из окна, вдруг показался ледяным ее вспотевшей спине.

— Это был просто сон,— сказала она.— Тише, детка.

— Он плакал, мама.

— Ничего страшного, милый,— повторила она.

Она посмотрела на дверь. Горло резко сжалось, она закрыла глаза. «Да что же это со мной? — подумала она.— Веду себя как ребенок».

Дэйви снова начал засыпать. Что-то бормотал, пока мать укачивала его. Она прислушивалась и дрожала. Он говорил что-то о том, как щенок падает, падает. Сара прижала ладонь к его губам.

Когда Дэйви заснул, она положила его на кровать и накрыла простыней. Поцеловала в щеку и вышла из комнаты.

Она вошла в темную гостиную. В окна врывался ветер, вгоняя ее в дрожь. Она включила лампу и до половины опустила окна.

Когда уже собиралась выключить лампу, заметила на тахте сумку с подарками. Подошла и села рядом. Вынула подарки.

На лице, расслабляя мышцы, появилась улыбка, когда Сара взяла в руки стеклянную пастушку, дотронулась до хрупких ручек, до кривого посоха. Взяла бумагу, в которую сын завернул подарок.

Тонкими неровными буквами он вывел на бумаге: «Любимой мамочке».

Она заморгала и смахнула рукой слезинку.

— Любимой мамочке,— пробормотала она.

Сара поставила статуэтку на стол рядом со своим стулом. Распрямилась и секунду смотрела на нее, улыбаясь.

Потом качнула головой, вспомнив, что уже поздно.

И пошла спать.

Она проснулась по привычке в половине восьмого. Одеваясь, посмотрела в окно. Было пасмурное утро, клубы тумана стелились по земле.

Потом Сара заглянула в комнату Дэйви. Он все еще спал, свернувшись в тугой комок. Она прошла по коридору до гостиной.

Заметила, что входная дверь чуть приоткрыта. Сара нахмурилась, толчком затворила дверь. Она была совершенно уверена, что заперлась вечером. Она всегда запирала дверь. Наверное, все-таки забыла, когда бросилась успокаивать Дэвида.

Она глубоко вздохнула, прошлась по ковру в гостиной.

В кухне было сумрачно. Она включила свет.

Зажав рот рукой, отшатнулась.

Щенок сидел на полу, глядя на нее. Сара смотрела на него с ужасом.

— Нет,— произнесла она, не сознавая, что говорит вслух.— Нет.

Она протянула руку, затем отдернула, вздрогнув.

Щенок вдруг проскочил мимо нее. Глаза ее расширились, она кинулась вдогонку. Щенок притормозил, огибая угол коридора, и направился к комнате Дэйви. Сара похолодела. Казалось, он знает, где Дэйви.

Щенок, скребя когтями, остановился рядом с кроватью. Сара с ужасом поняла, что сын уже не спит. Он смотрел на шенка, и его лицо светилось восторгом.

— Чей это, мама? — спросил он.

— Соседский,— торопливо ответила она.— случайно к нам забежал.

Его лицо потускнело.

— А,— сказал он, свешивая ноги с кровати.

Щенок подбежал к нему и лизнул в лодыжку. На заспанном лице расползлась улыбка.

— Привет, песик.— Дэйви наклонился, чтобы погладить щенка.

— Нет!

Он отдернул руку.

— Укусит,— сказала Сара, подходя.

Дэйви смотрел, как мать поднимает щенка.

— А вот и не укусит,— сказал он.

— Нет, укусит,— заявила она.— Больно укусит. Меня уже укусил. Два раза.

Их взгляды встретились, на лице Дэйви отражалась борьба чувств.

— Он мне ногу лизнул,— сказал мальчик настороженно.

— Я отнесу его обратно,— сказала мать.— Иди умойся.

Он потер ногу об ногу.

Сара выскочила на площадку и пошла вниз по лестнице. Когда она позвонила, консьерж открыл дверь.

— Слушаю вас,— сказал он.

— Я нашла наверху этого щенка,— сказала она.— Вы не позвоните в Общество защиты животных, чтобы его забрали?

Он, прищурившись, посмотрел на нее.

— Нашли щенка?

— Да, нашла наверху,— повторила она.— На площадке.

Он посмотрел страдальческим взглядом. Потер подбородок.

— А вашему сынку не захочется его оставить?

Ее взгляд сделался колючим.

— Это исключено. Мальчик легковозбудим и нездоров.

— Ну...— Консьерж колебался.

Она молча сунула щенка ему в руки и повернулась. Консьерж что-то бурчал под нос, пока она поднималась обратно.

Дэйви в пижаме стоял у соседской двери.

— Щенок? — услышала Сара вопрос женщины и побежала.

Дэйви вскинул голову и обмер при виде рассерженной матери.

Сара схватила его за руку и потащила в квартиру.

— Прошу прощения,— выдавила она улыбку, когда вернулась на площадку.— Я и не знала, что он вышел. Я была внизу.

Соседка улыбнулась.

— Ничего страшного. Потеряли щенка?

— Нет, нет,— поспешно ответила Сара.— Он все перепутал.

Она захлопнула за собой дверь и прошла в кухню. Дэйви сидел на стуле.

— Зачем ты ходил к соседям?

Он не поднимал глаз.

— Ты с-сказала...— отважился он произнести наконец.

— Какая разница, что я сказала?! — хрипло выкрикнула она.— Я велела тебе умываться.

— Да, но...

— Никаких «но». Еще слово, и мы на весь день останемся дома.

Он взглянул на нее с мольбой.

— И ты не пойдешь смотреть ковбойский фильм,— сказала она.

Он надулся и засопел.

— Иди и умойся,— приказала она.

Он соскользнул со стула и пошел в ванную. Сара наблюдала. Когда мальчик завернул за угол коридора, она сжала кулаки и прерывисто вздохнула. Выдвинула из-за стола стул и тяжело опустилась на него. Посмотрела в пол. На линолеуме лежала белая шерстинка.

Сара смотрела на нее в болезненном оцепенении.

— Я уверен, что ковбойское кино тут ни при чем,— сказал Джордж, когда вечером вез ее с Дэйви домой.

— Боюсь, что дело именно в нем,— холодно произнесла Сара.— Утром с животом все было в порядке. И только когда он посмотрел это кошмарное кино, его начало тошнить.

Джордж пожал плечами. Дэйви сонно смотрел в окно.

— Завтра выезжаем часов в восемь,— сказал Джордж.

— Хорошо. Думаю, Дэйви будет готов к этому времени.

— Вечно мы планируем выехать на пикник чуть ли не до восхода солнца. Но еще ни разу не получилось. Выезжаем не раньше восьми, а то и попозже.

— Хорошо.

Машина остановилась перед многоквартирным домом.

— Я справлюсь сама,— сказала Сара.— Спокойной ночи.

— Спокойной ночи,— отозвался Джордж.

Машина отъехала.

Сара с Дэйви вошли и начали подниматься по лестнице.

— Мама, я хочу щенка,— произнес он утробным голосом.

— На сегодня с меня хватит,— сказала она.— Это все твои ковбойские фильмы. Может, хоть в следующий раз послушаешь, что говорит тебе мать.

— Я хочу щенка.— Голос его поднялся на тон выше.

— Хватит,— повторила она холодно.

Он захныкал и рывком высвободил руку. Ударился о стенку и с трудом удержался на краю ступеньки. Сара поймала его кисть и потянула кверху, помогая устоять. Дальше поднимались в молчании. Жара давила. Казалось, она выходит из самых стен.

Они добрались до пятого этажа. Сара отперла дверь и впустила Дэйви. Он сонно шатался в темноте. Она хлопнула по выключателю, и прихожую затопил тусклый оранжевый свет.

Сара с трудом подавила крик ужаса.

В кухне зацокали по линолеуму коготки. Она схватила Дэйви за плечи и прижала к себе, защищая.

Щенок выскочил из темноты, полный энергии, уши торчком. Остановился у их ног.

— Песик! — воскликнул Дэйви и вырвался из рук матери.

Он наклонился и принялся гладить щенка по головке. Засмеялся, когда розовый язык облизал его кисти.

Сара схватила его за руку.

— Встань, Дэйви,— приказала она, испугавшись собственного глухого голоса.

— Не хочу,— пробормотал он, отстраняясь.

— Встань!

Сара вцепилась в его рубашку и дернула вверх, взгляд ее сделался жестким от гнева и страха.

— Иди в свою комнату! — выкрикнула она.

Он раскрыл рот и попятился. Мать надвигалась, и он побежал к себе. Щенок хотел последовать, но Сара ногой преградила ему дорогу. Он норовил перелезть через ногу. Сара откинула его назад боком туфли. Он покатился, скуля и мельтеша лапками. Дэйви оглянулся. Испугался.

— Мама! — умоляюще воскликнул он.

— Ты меня слышал? — Ее голос дрожал, она чувствовала, как в груди что-то вибрирует.

У двери комнаты он обернулся. Лицо воинственно напряглось.

— Ты не хочешь, чтобы у меня кто-нибудь был! — выкрикнул он.— Ты меня ненавидишь!

— Дэйви! — Голос ее сорвался. Она протянула к сыну руку.

И тогда щенок снова попытался проскочить мимо. Она отшвырнула его и подошла к Дэйви. Втолкнула его в комнату и закрыла дверь. Он взвыл в темноте.

— Мама!

— Включи свет,— приказала она.

— Не могу.

— Включи!

Прошел миг, и она увидела под дверью свечение. Щенок снова был рядом. Он встал передними лапами ей на ногу, и она ощутила, как острые коготки протыкают колготки и кожу. Ее захлестнула волна отвращения. Она поддела его ногой под брюшко и швырнула в стену. Он ударился о декоративную панель и замер на полу.

Сара кинулась к нему и схватила. Он выворачивался, пытался укусить. Она ударила кулаком. Он мотнул головой, взвизгнув от страха.

— Готовься ко сну,— крикнула она.— Я сейчас приду.

Дэйви открыл дверь и посмотрел на мать. Она повернулась и поспешила к выходу из квартиры. Она зло постучала в квартиру консьержа. Не сразу услышала, как он ковыляет по темному коридору. Лицо заспанное, седые волосы прилипли к вискам. Увидев Сару, он нахмурился.

— Что на этот раз?

— Я же просила позвонить в Общество защиты животных,— сказала она.

— Как? — возмутился он.— Только не говорите, что он вернулся.

— Вы х-хотите сказать,— начала она,— что отдали его?

— Его забрали сегодня днем.

— О господи!

Ее голос теперь звучал испуганно. Она едва не выронила щенка.

— Заберите его, пожалуйста!

— Послушайте, мисс Нильсен,— заиграл желваками консьерж,— если я заберу этого проклятого пса, я его утоплю. Не стану никуда названивать попусту.

Сара невидяще посмотрела на щенка.

— Утопите? — переспросила она.

— Именно. Забирайте его или оставьте.

Она стояла, глядя на консьержа. Тот нетерпеливо переминался с ноги на ногу. Она уже была готова сказать «нет». Потом вспомнила о Дэйви. Его злые слова снова растеклись холодом по венам. Она протянула щенка.

— Вот,— сказала она ровно.— Возьмите.

Дверь глухо захлопнулась. Сара закусила губу и ощутила, как уходит гнев и появляется жалость. Ведь щенок такой маленький. Сделав шаг, она заколебалась и оглянулась на дверь консьержа.

Резко повернулась и быстро пошла вверх по лестнице.

Дэйви сидел в гостиной, изо всех сил стараясь не заснуть.

— Почему ты еще не в постели? — спросила она.

— Я хочу щенка,— сказал он.

Сара села рядом и обняла его за плечи. Он вырвался.

На нее обрушилось все пережитое за день.

— Ах, Дэйви, Дэйви,— заплакала она.— Неужели ты больше не любишь свою мамочку?

Она прижала ко рту кулак.

Сын выглядел беспомощным, потерянным. И почти не вырывался, когда Сара притянула его к себе и погладила дрожащей рукой, поцеловала.

— Не надо ненавидеть маму, дорогой,— умоляла она.— Мама любит тебя больше всего на свете. Она хочет, чтобы ты был счастлив.

— Тогда... тогда...— начал он, запинаясь,— почему мне нельзя... щ-щенка?

Она вздрогнула, и рыдание застряло в горле.

— Дэйви,— застонала она.— Дэйви, Дэйви.

Она лежала без сна в своей постели, уставившись в черный потолок. Глаза ее горели, голову как будто стягивает обруч. Каждый раз, когда она закрывала глаза, они сами открывались.

Она думала о тонущем щенке. Он был такой крохотный.

Она вспомнила о Дэйви. Повернулась на бок, вжалась лицом в подушку.

— Он мой,— прошептала она с яростью.— Мой.

Когда она все-таки заснула, приснился сон. Она видела жалобные карие глаза, пристально глядящие на нее. Тело барахталось и барахталось в темной воде. А на поверхности лопались пузыри.

Щелк. Она вдруг проснулась, вся в поту. Поймала себя на том, что напряженно прислушивается. Не было ни звука, кроме жужжания подсвеченных часов. Они показывали чуть больше четырех.

Она полежала минуту, выжидая. Протянула руку, взяла со столика у кровати носовой платок и вытерла лицо. Затем спустила ноги с кровати и нашарила тапочки. Встала. Лунный свет заливал ее мягким сиянием.

Она вышла в коридор. Тапочки негромко шлепали по деревянному полу. Она вошла в гостиную.

У нее перехватило дыхание.

Тонкий луч света падал на ковер. Она поспешила к входной двери и захлопнула ее.

Включила одну лампу, затем другую. Она включила все светильники в коридоре и гостиной. С закрытыми глазами, на ощупь, добралась до кухонной двери. Прислонилась к дверному косяку и прислушалась.

Взяв себя в руки, она включила свет.

Открыла глаза.

Он сидел посреди кухни и глядел на нее.

Бесконечная любовь уже не отражалась у него в глазах. Он смотрел на нее, не двигаясь. Она присела на корточки. Посмотрела на него, моргнула. Живот свело судорогой.

Она протянула дрожащую руку и провела ею по белой спинке. Поднесла руку к глазам.

Посмотрела, как с пальцев капает вода.

Затем она с трудом поднялась, откинула голову, судорожно всхлипнув.

— Господи, Господи,— пробормотала она.— Умоляю, забери его. Прошу Тебя! Забери его!

Она крепко зажмурилась. Пол, кажется, шевельнулся. Она открыла глаза. Комната вибрировала, ноги подкашивались.

Она, шатаясь, прошла через гостиную и упала на колени перед тахтой. Сознание покидало ее. Она повалилась на подушки.

Сару несло куда-то на волнах темноты. Далеко впереди она видела Дэйви. Она спешила за сыном. Он смеялся. Смех долетал до нее, словно ледяные хлопья снега.

— Дэйви! — позвала она, но не услышала ни звука в ответ.

Она побежала быстрее. Она кричала:

— Дэйви! — И, широко раскрыв глаза, она увидела, что мальчик сидит на краешке ее стула у окна.

Его глаза превратились в белые кружки, зрачки сузились до черных точек. Пальцы вцепились в пижамную куртку. На короткий головокружительный миг показалось, что Дэйви не дышит, так тихо он сидел.

— Милый,— сказала она, торопливо поднимаясь с пола.— Милый, не бойся. С мамочкой все в порядке.

Его рот раскрылся, судорожно глотнул воздух.

— Все хорошо, дорогой,— сказала она.— Хорошо.

Говоря это, Сара увидела, что рядом со стулом лежит щенок. Она закрыла глаза и вцепилась в холодные руки Дэйви.

Дэйви задрожал. Слова застряли у него в горле. Сара встала и взяла его на руки. Поцеловала.

— Все хорошо, милый.

У него из груди вырвалось рыдание.

— Ма-ма,— выговорил он и заплакал.

Сара отнесла его в комнату и села, держа на коленях. Она качала мальчика, успокаивая. Прошло какое-то время, и он закрыл глаза.

— Песик,— всхлипнул Дэйв и затих.

Удостоверившись, что он спит, Сара осторожно положила его на матрас и накрыла простыней.

У двери в кухню она замешкалась, затем вошла.

Щенок был у стола.

Спал, свернувшись клубочком. Вода все еще блестела на его почти голом тельце.

Сара взглянула на подставку для ножей, закрепленную над раковиной. Содрогнулась.

Прошло какое-то время, она встала и подошла к окну гостиной.

Взгляд упал на темный двор пятью этажами ниже. Небо только начало светлеть. У нее дернулся рот. Во дворе возле ограды стояла кукольная коляска. Кукла распростерлась рядом на бетоне. Как будто с неба упала.

Сара повернула голову и ощутила холод в животе.

Ее взгляд впился в стеклянную пастушку. «Любимой мамочке».

Кисти сжались в бескровные кулаки.

Сара нажала кнопку, открывая дверь внизу. Потом снова села, взяв чашку с кофе.

Дэйви сидел напротив нее за столом, доедая свои хлопья. Он то и дело посматривал на щенка. Тот не поднимал головы, коротенький хвостик не шевелился.

— Я хочу, чтобы песик остался,— повторял Дэйви.

— Он не наш.

— Он все время приходит. Он нас любит.

— Молчи и ешь.

Он бросил ложку в тарелку. Молоко плеснуло на стену и закапало со стола. Несколько капель попало на щенка. Он не шелохнулся.

Сара отставила чашку.

— Значит, ехать на пикник ты не желаешь? — с угрозой спросила она.

— Нет.

Она взяла с раковины тряпку и вытерла молоко со стола и с пола.

— Так и не поедешь, если не...

И тут она вспомнила.

Он должен поехать.

Зазвонил звонок.

— Открой дверь,— велела Сара.

Дэйви слез со стула и пошаркал через гостиную. Из коридора долетел голос Джорджа. Сара услышала, что Дэйви говорит о щенке, и кофе застрял у нее в горле. Она со звоном водрузила чашку на блюдце.

Вернулся Дэйви, за ним вошел Джордж.

— Доброе утро, Сара,— сказал он.

— Доброе утро, Джордж.

Джордж посмотрел на пол.

— Вроде ты говорила, что его забрали защитники животных?

— Нет,— сказала она.— Не забрали.

— Ага,— произнес он, опускаясь на корточки.— Так это ты знаменитый пес, который взялся неизвестно откуда?

Джордж провел сильными пальцами по шее щенка.

— Ну, парень,— сказал он,— на мой взгляд, никакой ты не волшебный. Э, где тебя угораздило так вымокнуть? Неужто в раковине спал?

— Доедай хлопья,— велела Сара сыну.

Он угрюмо сидел на стуле, наблюдая, как Джордж гладит щенка.

— Какой тихоня,— заметил Джордж.— Обычно эта братия носится по всему дому.

Сара отхлебнула кофе. Джордж, охая, поднялся и потянулся.

— Ну что, готовы ехать? — спросил он.

Сара вытерла губы салфеткой.

— Я не поеду,— сказала она.— Плохо себя чувствую.

— Правда? — обеспокоился Джордж.

— Но Дэйви ты возьми,— сказала она.

— Ага. Готов, Дэйви?

Дэйви сердито ерзал на стуле.

— Дядя Джордж к тебе обращается.

— Я не хочу ехать,— сказал он.

Джордж посмотрел на Сару и пожал плечами.

— Ну,— начал он,— если...

Стул Сары взвизгнул, резко отодвигаясь вместе с ней. Она протянула руку и сдернула Дэйви со стула. Чуть ли не волоком протащила его мимо Джорджа в гостиную.

— Я его соберу,— сказала она.

— Я не поеду! — закричал Дэйви.— Хочу со щенком!

— Успокойся! — прошипела Сара.— И не стыдно так себя вести при дяде Джордже?

Она потащила сына в его комнату, нацепила куртку на извивающееся тело.

— Будь хорошим мальчиком и не...

— Я не поеду!

Сара наотмашь ударила его по щеке. Красные следы длинных пальцев вспыхнули на белой коже.

— Ты поедешь,— сказала она.— Я не хочу больше слышать ни слова на эту тему.

Мальчик утих, и мать вывела его обратно в гостиную. Джордж стоял у окна. Его большая нога постукивала по полу.

— Готов? — поинтересовался он безразличным тоном.

— Он готов.

— Можно мне взять щенка? — захныкал Дэйви.— Пожалуйста, мама!

— Это не наш щенок,— проговорила она медленно.

— Я не поеду.

— Послушай, Сара,— предпринял последнюю попытку Джордж,— если он не хочет, я не...

— Джордж! — перебила она.— Пожалуйста, возьми его. Пожалуйста!

Джордж увидел мольбу в ее глазах. Вздохнул и протянул руку.

— Пойдем, приятель,— сказал он.

Дэйви, замерев, смотрел в кухню. Глаза его сверкнули, когда он взглянул на мать.

— Если ты с ним что-нибудь сделаешь...— Его тонкий голос сорвался.— Если ты...

Джордж вопросительно посмотрел на Сару. Она подтолкнула Дэйви к выходу. Сердце тяжело колотилось, когда она провожала обоих до двери.

— Передай Эв, я очень сожалею, что не смогла поехать,— произнесла она нервно.

Джордж ничего не ответил.

Дверь закрылась. Она прошла в спальню. Прижала онемевшие пальцы к вискам.

В окно Сара видела, как они вышли из дома и сели в машину.

— Дэйви,— пробормотала она.— Дэйви.

Она смотрела, пока машина не скрылась за поворотом. Тогда Сара повернулась и привалилась к стене.

Все ее мышцы были напряжены. Она растерла руками предплечья. Медленно прошла в гостиную. Под ногами скрипели половицы. Она судорожно сглотнула и ощутила во рту кофейную горечь.

Она остановилась у двери в кухню, глядя на щенка.

Глубоко вздохнула, готовясь. Дрожали пальцы.

Она вдруг задержала дыхание.

Нагнулась и подхватила с пола щенка. Повернулась и затопала по ковру к окну гостиной.

Она высунула руки в окно и быстро втянула обратно. От чудовищного сердцебиения содрогалось все тело.

Во дворе была маленькая девочка. Сара посмотрела на нее. Девочка укладывала в коляску куклу. Она что-то невнятно приговаривала, и звуки поднимались вверх, отражаясь от стен дома.

Сара посмотрела на щенка. Почему он не сопротивляется, не вырывается, не кусается? Почему просто безвольно свисает с ее руки, словно все уже понял?

В горле зарождался крик. Она стиснула зубы.

Девочка пошла к двери, ведущей в подвал.

Сара снова высунула руки в окно. Голова, казалось, становится все больше, и кожа вот-вот треснет.

Она ощутила на запястьях солнечное тепло.

Она начала разжимать пальцы.

Живот свела судорога, поток ужаса обрушился на нее тяжестью бетонного блока, сокрушая внутренности.

Она втянула руки в комнату и бросила щенка на стул.

— Нет,— рыдала она.— Нет, нет.

Она закрыла лицо вспотевшими ладонями.

Медленно отняла руки.

И посмотрела.

Хвост бешено вилял, карие глаза снова весело блестели. Маленький щенок радостно ковылял к ней по кофейному столику.

Крошечная стеклянная пастушка соскользнула со стола и вдребезги разбилась, когда щенок спрыгнул со стола и растянулся у ног Сары.

Чувство как будто поднималось изнутри, накатывая жаркими волнами на разум.

Пастушка лежала, разбитая на куски.

Комната кружилась. Сара слышала свой пронзительный крик.

Щенок вдруг забился у нее в руках.

Она вышвырнула его наружу.

Дело сделано. Она поняла, что стоит на коленях у окна, в ужасе глядя вниз. Белое изломанное тельце неподвижно лежало на бетоне. Все еще заключенный внутри ее разума, звучал визг падавшего щенка.

Он все падал и падал... Сон Дэйви сочился из стенок ее сознания.

Внизу из подвала выбежала девочка. Уставилась на щенка, раскрыв рот, не в силах издать ни звука.

Сара тоже пыталась закричать. Язык не повиновался.

Потом она повернула голову.

— Мама! Мама!

За спиной открылась дверь.

Сара снова посмотрела вниз. Вокруг тельца расплывалось красное пятно.

Она обессиленно навалилась на подоконник, голова склонилась к нагретым кирпичам. Катились слезы. Вдруг она услышала, как заговорили внизу люди. Кто-то увидел ее и окликнул. Люди все звали, но Сара не отвечала. Она вжималась лбом в угол оконного проема, пока не стало больно. «Если ты с ним что-нибудь сделаешь. Если ты с ним что-нибудь сделаешь, если...»

— Дэйви,— произнесла она осипшим голосом.— Это же ради тебя. Ты же знаешь, что это ради тебя.

Она заскребла ногтями по кирпичам.

— Мамочка тебя любит,— сказала она.

Она вышла вместе с консьержем. Стояла рядом с ним на пустыре. Ждала, пока он выкопает глубокую яму. Вдыхала острый запах сырой земли. Смотрела, как он опускает в яму холщовый мешок и засыпает его. Слушала, как он утаптывает землю.

Затем консьерж взглянул на нее.

— Вот и все,— произнес он.

Она все рассказывала ему, как щенок выпал из окна. Снова и снова рассказывала.

Он стоял на подоконнике, глядел вниз. Я испугалась, хотела снять его, ну, вы понимаете. Он услышал мои шаги и заволновался, ну, вы понимаете, одна лапа соскользнула с подоконника. А потом он упал. Прямо во двор.

— Он стоял на подоконнике, глядел вниз,— сказала она.

— Пойдемте, мисс Нильсен,— произнес консьерж.

Она больше ничего не сказала. Консьерж проводил ее до двери.

В квартире было слишком тихо, слишком душно и пустынно. Она открыла все окна. Не помогло. Воздух был затхлый, тяжелый, душный. Она обмахивалась газетой, но от этого только быстрее текли капли пота. Она втягивала в себя горячий воздух. Она слышала, как тяжелые рабочие ботинки утрамбовывают землю.

Она ходила из комнаты в комнату. Перед бюро остановилась и посмотрела на фотографию Дэйви. Провела бесчувственными пальцами по стеклу в рамке и поговорила с ним.

Вошла в его комнату и села на кровать. Вжалась лицом в его подушку и прислушалась. У кого-то из соседей разбилась тарелка, и она подскочила, впиваясь пальцами в грудь.

Она пошла в гостиную и постояла у окна. В небе загромыхало. Собиралась гроза. Интересно, весело ли Дэйви на пикнике.

Она перевела взгляд с темнеющего небосклона на тенистый двор.

— Это же ради тебя,— сказала она.

Она отошла к тахте и присела. Взглянула на руки в тонких синих жилках. Закрыла глаза и глубоко вдохнула.

— Он умер,— сообщила она.

Сара вздернула подбородок.

Стемнело. Снаружи доносился шум дождя.

Она встала и прислушалась. Зажгла все лампы в квартире и осмотрела ее.

Никого.

Она спокойно зашла в свою комнату и достала из шкафа плащ и зонтик.

Заперла за собой дверь, подергала ее. Дверь не отворялась.

Сара спустилась вниз и вышла под дождь. Постояла перед домом, дожидаясь. Дождь барабанил по упругой ткани над головой. Звук был приятный.

Ее покинуло чувство времени. Ноги промокли и замерзли, она чихнула. Но продолжала стоять. Она ждала своего сына. Он ехал домой, к ней.

Наконец из темноты вынырнули горящие фары. Прошуршали покрышки по мокрой мостовой.

Она заморгала от яркого света.

Машина остановилась перед ней. Задняя дверца открылась.

— Привет, сестренка,— послышался с заднего сиденья голос Эвелин.— И сколько ты тут ждешь?

— Совсем недолго.

В темноте обрисовывался силуэт Дэйви. Мальчик вышел из машины, и она обняла хрупкое тельце.

— Боюсь, Попрыгунчик съел слишком много или глотал слишком быстро,— сказала Эвелин.— Его здорово вырвало.

— О господи! — воскликнула Сара.— Пожалуй, мы уже пойдем.

Она заметила, как Джордж горбится за рулем, глядя в лобовое стекло.

— Спасибо, что взяли его с собой,— сказала Сара.

— Не за что, сестренка. Увидимся завтра утром.

— Ладно. Спокойной ночи, Джордж.

Джордж что-то пробурчал.

Дверца захлопнулась. Когда машина отъезжала, Сара снова притянула Дэйви к себе.

— Пойдем, дорогой,— сказала она мягко.— Мамочка уложит тебя в постельку.

Он ничего не ответил. Когда вошли в дом, Сара посмотрела на него. Он был очень бледен. Все время сглатывал, надувая щеки и сжимая губы.

— А где щенок? — спросил он слабым голосом.

Она ничего не сказала.

— Где? — Он впился зубами в нижнюю губу и схватился тонкими руками за живот.

— Детка, тебя надо сейчас же уложить в постель.

— Где песик? — заплакал Дэйви.

— Ушел.

— Нет!

— Милый, ты же знаешь, это не наш щенок. Он вернулся к своим хозяевам.

— Нет,— сказал он.— Я хочу щенка.

— Прошу тебя, Дэйви,— взмолилась мать.

Они дошли уже до третьего этажа.

— Прошу тебя, перестань это повторять. Сжалься над мамочкой.

— Я хочу щенка! — закричал он, заламывая руки.

Сара убрала волосы с его лба. Дэйви оттолкнул ее руку.

— Тсс! — предостерегла она.— Соседей перебудишь.

— Я хочу щенка! — заходился он в крике.— Хочу!..

Мать зажала ему рот рукой.

— Милый, милый,— говорила она встревоженно,— не кричи, пожалуйста. Этак поднимешь весь дом.

Сын боролся с ней. Сара почувствовала, как зубы впились ей в руку. Она, ахнув, отдернула.

— Дэйви! — воскликнула она.— Маме же больно!

Мальчик кинулся вверх по ступенькам. Он был уже на пятом этаже, его шаги эхом разносились по лестничному пролету. Сара бежала за ним.

Ей казалось, что она сейчас упадет, что душный воздух вдавит ее в пол.

Дэйви ворвался в квартиру.

Дверь не была заперта.

Ее туфли скользили по лестничной площадке. Она вбежала в открытую дверь, и зонт полетел на столик в прихожей. В темноте она схватила сына за руку и зажгла свет в гостиной.

Из ее горла вырвался крик.

На ковре виднелись крошечные следы лап. Алые грязные отпечатки.

Она рывком вытащила Дэйви в коридор. Он еще не видел следов.

— Нет! — выкрикнула она.— Тебе туда нельзя.

Он боролся, закрыв глаза, разинув рот в истерическом крике. Маленькие кулаки лупили ее по рукам и груди.

— Нет, Дэйви, нет! — беспомощно всхлипывала она, пытаясь перехватить его руки.— Нельзя тебе туда. Мама не разрешает!

— Пусти! — кричал он.— Я хочу войти!

Они боролись, тяжело дыша. Дэйви не должен войти в кухню и увидеть. Это его убьет.

— Нет, нет, нет...— стонала она.

— Пусти! — взвизгивал он, молотя по ней до синяков.— Ненавижу тебя! Ненавижу!

От этих слов ее разум окоченел, мышцы словно пронзило электрическим током.

Ее руки сомкнулись на детских запястьях, глаза выпучились в приступе ярости.

Гром прокатился над землей.

Сара отшвырнула его от себя, и он растянулся на ковре.

Перевернулся на спину, и выражение ужаса проступило на маленьком лице. На щеке у него была кровь.

Она привалилась к двери спиной, голова безумно моталась из стороны в сторону, светлые волосы хлестали по щекам.

— Ну иди! — закричала она.— Иди к своему щенку! Иди к своему драгоценному щенку!

И когда он попятился в сторону кухни, она услышала, как с зонтика падают на пол дождевые капли, стуча, словно умирающее сердце.

Маленькая девочка, которая стучится в дверь

Помоги мне Господь, я не знаю, как об этом рассказать. Да, я помню все, что было. Но воспоминания похожи на недуг: все смешивается в голове и причиняет боль.

Я вспоминаю об этом каждый раз, когда садится солнце. Когда небо делается золотым и красным, как будто кто-то его разрисовал. Это случилось вечером, и небо было точно таким. Вот тогда и пришла та маленькая девочка. Я ничего не знала о подобных явлениях. Да и откуда мне было знать?

Я была в кухне, готовила ужин. Джо, это мой муж, сидел в гостиной, читал вечернюю газету. Элис была наверху. Я отправила ее туда, велев вымыть руки. Она была хорошая девочка. Всегда слушалась маму.

Когда я стояла у плиты, прозвучало негромкое «тук-тук-тук». Сначала я решила, что это Микки, наш пес. Подумала, это его когти стучат по полу. Но это был не он. Поэтому я подошла к задней двери и открыла.

За дверью стояла маленькая девочка. Она была в белом шелковом платье. Длинные черные волосы падали ей на плечи. У нее были такие худенькие плечи.

Маленькая девочка сложила узкие ладошки под подбородком. Улыбнулась. Она была такая вежливая.

— Простите, мэм,— сказала она,— можно мне поиграть с вашей девочкой?

Я в точности помню ее слова. Я еще подумала, какая она вежливая. Прямо сама деликатность.

© Перевод Е. Королевой.

Я была занята готовкой, и мне было не до незваных гостей.

— Не сегодня.

Когда я произнесла эти слова, уголки ее рта печально поникли. Она протянула ко мне руки. Она казалась расстроенной.

Она сказала:

— А завтра можно прийти и поиграть с ней?

Я уже закрывала дверь.

— Хорошо,— сказала я.— Приходи завтра.

Я сама попросила ее прийти. Я ее пригласила!

Я поспешно вернулась к плите. Джо спросил из комнаты, кто приходил.

— Какая-то маленькая девочка,— ответила я.— Незнакомая.

— То есть как это — незнакомая? — Он всегда задавал подобные вопросы.

— А то и есть,— буркнула я.— Не знаю ее, и все тут. Должно быть, у нас новые соседи.

Я попросила его позвать Элис.

Пока мы ужинали, я сообщила Элис о девочке в белом платье. Она не знала, кто это. Я сказала, что девочка обещала прийти завтра.

Вот так все и началось. Просто и буднично.

Что ж, смерть тоже кажется простой.

На следующее утро я вспомнила.

Элис как раз завтракала. Джо уже ушел на работу.

Я услышала робкий стук в дверь, подошла и открыла. Маленькая девочка снова была на пороге, все в том же белом платье. Оно было такое чистенькое.

Ее глаза ярко заблестели, когда она улыбнулась. Теперь я понимаю, что это был болезненный блеск, как при лихорадке.

— Простите, мэм, можно поиграть с вашей девочкой? — В точности те же слова, что и в первый раз.

— Она еще завтракает,— сказала я.— Почему бы тебе не подождать во дворе?

Она часто заморгала, глядя на меня. Сложила ладошки перед худенькой шеей. Она была счастлива, потому что ей разрешили остаться. Помоги нам Господь!

— Я подожду,— сказала она, после чего спустилась с заднего крыльца.

Элис спросила, кто пришел. Я ответила. Она хотела побежать и посмотреть. Я усадила ее обратно. После завтрака, так я сказала.

— И не сиди за столом в бескозырке,— добавила я.

Она часто так делала. Надевала дома матросскую шапочку. Некоторые дети любят носить матросские шапочки и на дворе, и дома. На самом деле в этом нет ничего дурного. Она действительно была хорошей девочкой.

Я услышала голос Микки. Он заходился лаем на заднем дворе. Я выглянула в окно. Маленькая девочка в белом платье стояла, держась за калитку. Она улыбалась Микки. Он же просто неистовствовал. Все его мышцы были напряжены, голова дергалась, когда он гавкал. Ну, вы знаете, как это бывает с собаками.

Я открыла дверь и велела ему замолчать. Он завилял мне хвостом. Он был славный пес. А потом он заворчал и убрался в свою зеленую будку. Я начала закрывать дверь. Но девочка заговорила со мной.

— Простите, мэм,— сказала она,— можно мне войти во двор?

Я глупая. Я просто ужасно глупая. Я ничего не поняла.

— Да,— сказала я.— Только не трогай Микки, а то, чего доброго, укусит.

— Не укусит,— сказала она.

Я наблюдала сквозь занавески. Она сняла крючок с калитки и вошла во двор. Я сама ее впустила. Она улыбалась, глядя на дом. Она потешалась над нами.

Все утро Элис и гостья играли вместе. Я наблюдала — было интересно, поладили ли они.

Вы же знаете, как это бывает с детьми. Сначала они стесняются. Потом начинают разговаривать, начинают играть. Начинают смеяться. Не успели вы и глазом моргнуть, как они уже сидят в песочнице и трещат, точно сороки.

Я ни у кого не видела таких черных волос. Черных как ночь. И на солнце, в обрамлении этих черных волос, ее кожа походила на белую свечку — восковая, нездорового вида. Прямо как у тех ужасных кукол, что показывают в музее восковых фигур на Кони-Айленде, но только без краски.

Однако я предложила ей пообедать вместе с Элис. Что же нашло на меня тогда? Неужели я ослепла?

Она очень обрадовалась приглашению. Она улыбнулась Элис, мне и даже Микки. Она с трудом подбирала слова, до того была рада. Когда я спросила, не будет ли ее мама против, она сказала, все еще улыбаясь:

— О нет, нет. Моя мама не будет против.

Она уже стояла в дверях:

— Простите, мэм, можно мне войти в дом?

О боже, почему я не догадалась?

— Ну конечно,— сказала я.— Входи.

Она улыбнулась и вошла.

— Очень хороший дом,— сказала она.

— Я рада, что тебе нравится.

Я велела девочкам вымыть руки, прежде чем садиться за стол. Они стояли над раковиной и намыливали ладошки. Какие разные у них были руки. У Элис — загорелые и пухлые. Такие, как почти у всех маленьких девочек.

У той девочки кисти были совершенно белые. Белые и хрупкие. Видны даже голубые вены под кожей. Наверное, если закрыть такими руками солнце, то сквозь плоть проникнет красный свет.

Покончив с мытьем рук, дети сели за стол. Я заглянула в раковину. Элис иногда оставляла там грязь. Мне не хотелось, чтобы это вошло в привычку.

Я обнаружила на стенках раковины черные потеки.

— Откуда взялась такая черная грязь? — спросила я.

— Это от меня,— сказала маленькая девочка.

— Неужели у нас во дворе такая черная земля? — удивилась я.

Она отрицательно покачала головой. Улыбнулась, как будто я сказала какую-то глупость. Что-то такое, над чем полагается смеяться. Даже маленькой девочке.

— Это из моего дома,— сказала она.

Я ничего не поняла. Потому что подобное происходит не каждый день.

Я вымыла раковину, а потом подошла к плите и стала разливать суп. Наполнила тарелку для Элис.

— Мне супа не надо, мэм,— сказала маленькая девочка.

— Томатный суп не будешь? — переспросила я.

Никогда еще не видела ребенка, который отказывался бы от томатного супа. Особенно после игр на свежем воздухе.

— Нет, спасибо, мэм,— сказала она.

Я сказала:

— Ладно, но ты же останешься голодной.

А она ответила:

— О, я никогда не бываю голодна.

И снова улыбнулась. Элис иногда тоже так улыбалась. Когда хотела показать, какая она умная.

Я поставила кастрюлю обратно на плиту и принялась чистить картошку для ужина. Забавно, какие моменты сохраняет память. Можно подумать, это так важно, помнить, что я чистила картошку.

Они болтали о какой-то игре, которой Элис научила маленькая девочка.

— Что это за игра? — спросила я.

Они ничего не сказали. Я оторвала взгляд от картошки. Маленькая девочка смотрела на Элис. Мне не понравилось, как она смотрела. Глаза у нее были похожи на стекляшки.

— Да так,— сказала Элис,— просто игра.

Она никогда не умела лгать.

— И все же? — спросила я.

Я знала, что дети легко учатся всяким гадостям. И откуда мне было знать, чему учит мою Элис маленькая девочка?

— Прятки в песочнице,— сказала маленькая девочка.

И улыбнулась так, словно одурачила меня.

Элис громко засмеялась.

— Да,— сказала она.— Прятки в песке.

Она была никуда не годной лгуньей. Помоги ей Господь.

Элис умолкла, как только увидела выражение моего лица.

— Ха-ха,— сказала я,— после обеда посмотрю, во что вы там играете. Так что, надеюсь, это будет хорошая игра.

Они некоторое время молчали. Элис доела суп и намазала себе бутерброд.

Маленькая девочка увидела, что я за ней наблюдаю. Она взяла кусок хлеба и принялась его мусолить. Зубы у нее были белые. Такие же белые, как кожа.

— Где ты живешь? — спросила я.— Я ведь даже не знаю, как тебя зовут.

— Меня зовут Дора,— сказала она.— Я живу в большом доме на Уайльд-стрит.

— Вы только что переехали? — спросила я.

Мне показалось, она сейчас улыбнется. Но она сдержалась.

— О нет,— сказала она.— Я уже долго там живу.

Я спросила, живет ли она с родителями.

— Я их навещаю,— сказала она. И обернулась к Элис.— Ты уже поела?

Я велела ей не торопить Элис. Она ответила, хорошо, мэм. Она начинала действовать мне на нервы.

Когда дети пошли играть, я поняла, что за весь обед Дора съела только кусочек хлеба. Даже не притронулась к стакану молока, который я перед ней поставила. Точно так же, как к пирогу, салату и сыру. Вот тогда я должна была догадаться. Столько всего уже произошло. Что же такое было со мной?

Закрыв за девочками дверь, я обнаружила ту же самую черную землю на линолеуме. Наверное, она насыпалась с сандалий Доры. Земля была такая черная. Я понюхала ее. Знакомый запах, но не вспомнить, откуда я его знаю. В тот момент не смогла вспомнить. Я выбросила землю в мусорное ведро и вымыла руки.

Вечером я рассказала о девочке Джо.

— Ну, если она тебе не нравится, скажи, чтобы не приходила,— посоветовал он.— Вот и все.

— Но как я могу...

— Скажи, и все,— повторил он.

— Прямо так и сказать? Слушай, Дора, иди-ка ты домой?

— Это ее так зовут?

— Да.

— Просто скажи, чтобы больше не приходила. Вот и все.

— Как бы ты себя почувствовал, когда был ребенком, если бы тебе велели идти домой?

— Я бы пошел домой. Дай мне почитать.

Он уткнулся в свою газету. Я поднялась наверх, чтобы уложить Элис, которая как раз заканчивала чистить зубы. Она легла в кровать, и я включила ночник.

— Не надо, мама,— сказала она.

— Что за новости? — удивилась я.— Ты больше не боишься темноты?

— Дора говорит, что темнота — это приятно.

Вот тогда-то я и забеспокоилась. Конечно, не бояться темноты хорошо. Но кто скажет, что темнота — это приятно? Уж точно не пятилетняя девочка.

Я поцеловала ее на ночь и пошла вниз. Рассказала Джо.

— Ну прямо чудеса какие-то,— сказал он.— Мы едва ли не с пеленок пытались ей объяснить, что темноты не надо бояться. И что же происходит? Появляется эта малявка, и...

Он засмеялся.

— Хватило одного дня,— сказал он.— Одного дня.

На следующее утро я готовила завтрак. Выглянула в окно и увидела на песочной куче бескозырку Элис.

Я вышла в утреннюю прохладу. Микки выбрался из будки и встряхнулся. Я потрепала его по голове.

Подняла бескозырку. На влажном песке были какие-то знаки. Я присмотрелась. Многоугольники, точки и завитушки повсюду. Я протянула руку, чтобы стереть.

Не знаю, что меня вдруг пронзило.

В последний раз я испытывала похожее ощущение, когда меня ударила током лампа в спальне.

Я отдернула руку, перед глазами все плыло. Микки выл.

Следующее, что помню,— как сидела на ступеньках крыльца и тряслась так, словно меня обложили льдом. Заметила под крыльцом кусок хлеба. Она не съела даже хлеб.

Я подняла хлеб и бескозырку и вернулась в кухню. Джо сидел за столом.

— А я думал, куда ты подевалась,— сказал он.

Потом он увидел хлеб и матросскую шапочку.

— Снова начала разбрасывать повсюду свои вещи? — спросил он.— Э, да что случилось? У тебя такой вид, словно ты увидела призрак.

Когда я сказала, что случилось, он заявил, что я его разыгрываю. Я сидела за столом и дрожала.

— Меня мутит,— сказала я.

Он сидел, ничего не говоря. Затем встал, принес мне воды и похлопал по плечу. Он хотел как лучше.

— Ты просто выдумываешь,— сказал он.

Пока Элис завтракала, я спросила ее о рисунках на песке.

— Это просто игра,— сказала она.

— Детка, ты говоришь мне правду?

— Это просто игра, которой она меня научила,— сказала Элис.

Когда Дора пришла, на ней было то же самое платье. Элис привела в кухню Микки.

— Дора его не любит,— сказала она и убежала прежде, чем я успела возразить.

Один раз за утро я вышла во двор. Они возились в песке.

— Почему бы вам не поиграть во что-нибудь другое?

Элис ответила:

— В другое не так интересно.

В обед она захотела, чтобы я снова пригласила Дору в дом. Когда я отказалась, она раскапризничалась и не стала есть. Микки держался с ней настороженно и близко не подходил. А ведь он всегда любил Элис больше, чем нас с Джо.

— Что ты ему сделала? — спросила я.

— Он просто старый глупый пес,— заявила Элис.

Она так и не ответила, что сделала с собакой. В наказание я велела ей идти наверх и сидеть в комнате, раз она все равно не хочет есть. Элис — в крик. Пришлось ее отшлепать. Она плакала и отбивалась ногами. Ударила меня по руке. Она никогда так раньше не делала.

Отправив ее в комнату, я вышла и увидела, что Дора все еще у нас во дворе. Она напевала что-то. На мой вопрос ответила, что не должна ходить домой на обед. Я сказала, чтобы она все равно уходила, потому что Элис не выйдет.

Уходя, она снова улыбалась.

— А вы позволите Элис уйти?

Я не поняла, о чем она спрашивает. Мне нечего было на это сказать. Потом она ушла.

Но я твердо решила, что завтра утром не разрешу ей играть у нас во дворе. Выскажу ей все, что на душе накопилось, и велю убираться. Но я была напугана, не знаю чем.

— Ну вот видишь,— сказал вечером Джо.— Я же тебе говорил. Если она тебе не нравится, отправь ее домой.

Но что толку? Я старалась прийти к решению. Она не будет играть с Элис. Я ей не позволю.

Однако на следующее утро она пришла, и я не знала, что сказать. Не успела я что-либо предпринять, как она уже вошла во двор, словно это был ее собственный двор. Элис второпях доела завтрак и выскочила из дома. И они играли вместе.

Я нервничала. Иначе я не оставила бы Микки во дворе. Только не с Дорой.

Было, наверное, часов одиннадцать.

Я оторвалась от мытья посуды. Микки выл.

Я выскочила на крыльцо. Дора сидела на корточках перед Микки и дразнила его. Он пытался забраться в будку. Но казалось, ему что-то мешает.

— Дора! — крикнула я.

Она обернулась и посмотрела на меня. Господи, как меня это бесило. Она казалась такой невинной! Я чувствовала себя так, словно ударила ее. Но я все еще не понимала.

Микки заскулил и забрался в будку. Я сошла с крыльца и распахнула калитку. Я едва ли не молилась про себя, прося дать мне сил.

— Я хочу, чтобы ты ушла домой,— сказала я.

Она улыбнулась.

— Домой? — переспросила она.

— Ты меня слышала.— Я действительно была не в себе.— Уходи домой,— сказала я,— ты слишком много проказничаешь, чтобы играть с Элис.

— Проказничаешь,— повторила она, словно эхо.

Элис пыталась что-то сказать, но я не слушала. Дора медленно ушла со двора, шаркая подметками сандалий. Я захлопнула за ней калитку.

— Уходи,— велела я.

Сердце учащенно билось.

Дора обернулась к Элис.

— Я приду завтра,— сказала она.— Не забудь, что я тебе говорила.

— Ты не придешь сюда завтра! — закричала я.

Она посмотрела на меня. Нет, не так. Она посмотрела прямо сквозь меня, словно я была бестелесным голосом.

— Нет, приду,— возразила она.

Я схватила ее за руку и повела прочь от дома, стараясь не подавать виду, что боюсь. Какая у нее холодная кожа!

— Это мы еще посмотрим,— сказала я.

Она медленно пошла по улице. Я провожала взглядом белый силуэт. Один раз она оглянулась, и я увидела улыбку.

— Мы не хотим, чтобы ты приходила! — выкрикнула я.

Какой-то прохожий удивленно посмотрел на меня. Наверное, со стороны действительно выглядело некрасиво, что взрослая женщина кричит на маленькую девочку.

Я вернулась во двор. Элис не было. Я начала подниматься на крыльцо. Потом остановилась. Показалось, что волосы зашевелились у меня на голове.

Микки лежал мертвый на куче песка.

Я сбежала во двор. Пес был холодный как лед. Пасть разинута, выпученные глаза остекленели, как будто он перед смертью увидел перед собой всех демонов ада.

Я отвернулась, руки тряслись, мне было холодно. Я двинулась к дому. Потом подумала, что людям не надо этого видеть. Поэтому быстро сняла с себя фартук и набросила на Микки.

И увидела те рисунки на песке. Прямо вокруг его тела. Многоугольники, точки и завитки.

Я вбежала в дом и позвала Элис. Ответа не получила. Я спустилась в подвал, но и там ее не было. Я поискала на первом этаже, снова и снова окликая ее по имени. Потом кинулась наверх. Обнаружила ее сидящей на кровати. Она смотрела в стену.

И, помоги мне Господь, она улыбалась.

Я не знала, что делать. Я была напугана. Боялась собственного ребенка! Я попыталась заговорить. Потребовала, чтобы она прекратила улыбаться. Но она не разговаривала. И улыбалась. Я чувствовала себя совершенно беспомощной. Я заплакала. Невыносимо было смотреть на нее. Я ее боялась. Ей было пять лет, и она улыбалась оттого, что убила свою собаку. Мне хотелось кричать.

К тому времени, когда пришел с работы Джо, я уже превратилась в настоящую развалину.

Он решил сам все уладить, своим обычным способом. Ничего не получилось. Он отшлепал Элис и отправил ее в постель. Вышел со мной во двор. Ему было не по себе. Когда я показала рисунки, он спросил:

— Но ты же не... ты же не думаешь, что это они его убили?

Я не знала. Я вошла в дом, чтобы приготовить ему ужин. Он отнес Микки на пустырь и похоронил.

Мы пытались есть. Джо сказал:

— Она говорит, что уйдет.

От этих слов я подскочила. Элис сказала ему, что собирается уйти с Дорой. Я не могла есть. Я раскачивалась на стуле, словно была больна.

— Нет,— сказала я.— Нет. Я ее не отпущу. Не отпущу.

Джо обнял меня. Но это не помогло. Позже он сказал, что разыщет дом, где живет эта девочка, и все выяснит.

Он ушел незадолго до полуночи. Я была в гостиной, когда он вернулся. Он снял шляпу и пальто и сел в кресло. Посмотрел на меня.

— Боже мой, что случилось? — спросила я.

— Она там не живет,— сказал он.

— Что?!

— На Уайльд-стрит нет домов,— сказал он.— Это улица, которая тянется вдоль большого кладбища. А на другой стороне просто огромный пустырь.

— К... кладбища?

Мы в страхе смотрели друг на друга. Оба боялись произнести то, о чем думали.

— Нет,— сказал наконец Джо.— Она солгала, вот и все. Не хотела говорить тебе, где живет. Вот и все.

— Дора сказала, что придет завтра,— сказала я.

Он встал и замер у окна, глядя на улицу. Прошло некоторое время, он повернулся.

— Я не пойду завтра на работу,— сказал он.— Я докопаюсь до истины.

Мы легли спать. Я заглянула в комнату Элис, узнать, все ли с ней в порядке.

Когда я зажгла ночник, то увидела, что она по-прежнему улыбается. Во сне.

Весь следующий день мы ждали. Все утро просидели на кухне. Наблюдали оттуда за Элис. Она не спросила о Микки. Она вроде бы даже нисколько не расстроилась, что его нет. Она играла в песочнице и напевала что-то. Время от времени посматривала на улицу, как будто ждала, что Дора вот-вот войдет в калитку.

Я была не в силах что-либо делать. Даже думать не могла. Я стояла у окна и смотрела на своего ребенка.

И она это знала. Несколько раз поднимала голову и улыбалась мне. Той самой улыбкой, какой улыбалась Дора.

За обедом Элис ничего не ела.

— Ешь,— сказал Джо.

— Я не голодна,— ответила она.

— Ты же не завтракала. Съешь хотя бы первое.

— Я никогда не бываю голодной,— сказала она.

Я задрожала, стараясь не плакать. Элис посмотрела на меня и улыбнулась.

— Детка, прошу тебя,— сказала я.— Не улыбайся так своей мамочке.

— Ты такая смешная,— сказала она.

Я вскрикнула, когда Джо шлепнул ее.

— Я тебя научу уму-разуму! — закричал он.— Научу тебя уважать мать!

Она не заплакала. Даже после такого. Лицо ее сделалось мрачным. Помоги нам Господь, она стала похожа на жестокую старуху.

— Я от вас ухожу,— сказала она.— Навсегда.

Я хотела взять Элис за руку, но Джо вывел ее из кухни. На самом деле он не злился. Он, как и я, боялся.

— Ты никуда не уйдешь, только в свою комнату,— приказал он.— И будешь там сидеть, пока не научишься вести себя как следует!

Потом он остановился в дверях кухни и посмотрел на меня.

— Что происходит? — произнес он.— Что творится? Я ничего не понимаю!

Я подошла и встала рядом, и мы обнимались так, словно в целом мире не было никого и ничего, способного нам помочь.

Весь остаток дня мы просидели в спальне, по очереди, сначала Джо, потом я. То и дело заглядывали в ее комнату, проверяли, все ли в порядке. С ней ничего не происходило, но от этого нам было не легче.

— Не переживай,— произнес он в сотый раз.— Девчонка не придет. Она просто лгунья, вот и все.

Я не отвечала. Я уже ни в чем не была уверена. Я внимательно наблюдала за Элис.

Она сидела на кровати, напевая под нос. Каждый раз, когда я входила, она поднимала глаза и улыбалась. Улыбка была не злая, отчего казалась еще ужаснее. Я пыталась заговорить, но она не отвечала. Один раз я ее обняла, но она как будто даже не осознавала моего присутствия. Помоги мне Господь! Если б вы знали, каково это — когда собственный ребенок делается тебе чужим.

Была половина восьмого, когда Джо спустился в гостиную. Элис ему объявила, будто бы Дора скоро придет.

Показалось, что в сердце мне воткнули нож. Я соскочила с кровати и кинулась в комнату Элис. Я ничего не говорила, только сидела напротив нее на игрушечном комоде. Она улыбалась. Ладони были сложены перед грудью.

— Дора идет,— сказала она.

— Нет! — выкрикнула я.

Но поверила тому, что она сказала. Я не знала, как Дора проникнет в дом. Все двери были заперты. Но я знала, что она это сделает. Потому что обещала прийти.

— Ты никуда не пойдешь,— сказала я.— Я не позволю.

Джо остановился в дверях. Он сказал, что спустится проверить, все ли окна и двери заперты. Он ушел, я слышала на лестнице его шаги.

В комнате стало очень тихо. На бюро тикали маленькие часы. Было почти восемь вечера. Я даже не пыталась готовить Элис ко сну.

Я слышала, как Джо ходит по кухне. Казалось, я слышу все звуки нашего дома. Даже поскрипывание стен.

Я дрожала. В комнате как будто делалось все холоднее. Я растерла руки. Огляделась вокруг. Повернулась к окну. Там не на что было смотреть. Я посмотрела на Элис. Она сидела на краю кровати. Лицо было неподвижно. Она прислушивалась.

— Детка,— позвала я севшим голосом.

Элис не обращала на меня внимания.

Внезапно она улыбнулась. У меня сперло дыхание. Я пыталась позвать ее по имени, но звук застыл в горле. Я хотела встать и подойти к ней. Но меня словно связали по рукам и ногам. Я услышала собственный плач и задрожала.

Холодный ветер ворвался в открытое окно. От него задребезжали стекла. В горле у меня пересохло. Я смотрела, и по коже бежали мурашки. Но я ничего не видела. В комнате было холодно, ужасно холодно!

Элис поднялась. Она дрожала. Она вытянула перед собой руки.

Она улыбнулась, и сверкнули зубы. Я ощущала все крики, которые раздирали мне горло. Я изо всех сил пыталась встать. Но не могла.

Затем ее лицо исказилось в ужасе. Она вскрикнула, надрывая мне сердце. И упала на кровать.

Тогда я вскочила, и вопль наконец вырвался из моей груди. Я вся была в поту. Я подбежала к ней.

Когда в комнату ворвался Джо, я держала в руках мертвое дитя. Тело было холодным и неподвижным. Руки намертво прижаты к груди. Когда я разжала один кулак, на пол посыпалась черная земля.

И я поняла, где видела раньше такую землю. Я вспомнила похороны, и ветер, и черные комья, которые бросают туда, откуда их перед этим достали.

А теперь послушайте меня. Слушайте внимательно, если у вас есть ребенок. Однажды вы услышите стук в свою дверь. Откройте и посмотрите, кто это. Если за дверью окажется маленькая девочка в белом шелковом платье, не впускайте ее.

И если рядом с ней будет стоять другая маленькая девочка — хорошенькая маленькая девочка,— помолитесь за нее.

Но тут же отвернитесь. Закройте глаза. Заприте все двери, спрячьте своего ребенка и никогда не оставляйте его одного. Помоги вам Господь.

Не впускайте в свой дом смерть!

Содержание

Рожденный от мужчины и женщины *(Перевод И. Найденова)* 5
Третья от солнца *(Перевод Е. Королевой)* 9
Когда бодрствующий засыпает *(Перевод Е. Королевой)* 17
Кровный сын *(Перевод Е. Королевой)* 32
Дело в шляпе *(Перевод М. Тарасьева)* 41
Белое шелковое платье *(Перевод И. Найденова)* 45
Возвращение *(Перевод Е. Королевой)* 50
Ведьмы на тропе войны *(Перевод Е. Королевой)* 74
Письмо литературному агенту *(Перевод Е. Королевой)* 80
Собрат машинам *(Перевод Е. Королевой)* 88
Е... *(Перевод Е. Королевой)* 95
Любимая, когда ты рядом *(Перевод Е. Королевой)* 115
Сумасшедший дом *(Перевод Е. Королевой)* 140
Дом неземных достоинств *(Перевод Е. Королевой)* 174
Одинокая Венерианка *(Перевод В. Волина)* 196
Корабль смерти *(Перевод Н. Савиных)* 205
Акт исчезновения *(Перевод Е. Королевой)* 228
Незаконные наследники *(Перевод Е. Королевой)* 245
Последний день *(Перевод Е. Королевой)* 257
Лазарь-2 *(Перевод Е. Королевой)* 274
Легион заговорщиков *(Перевод Е. Королевой)* 286
Потерялась маленькая девочка *(Перевод Е. Королевой)* 297
Звонок издалека *(Перевод Н. Савиных)* 310

Зов смерти *(Перевод И. Шаргородской)* 325
Вторжение *(Перевод Е. Королевой)* 354
Женитьба *(Перевод Е. Королевой)* 394
Сырая солома *(Перевод Е. Королевой)* 403
Существо *(Перевод Е. Королевой)* 410
Любознательное дитя *(Перевод Е. Королевой)* 444
Дорогой дневник *(Перевод Е. Королевой)* 454
Кукла, которая делает все *(Перевод Е. Королевой)* 458
Тест *(Перевод Е. Королевой)* 467
Путешественник *(Перевод Е. Королевой)* 486
Когда день сер *(Перевод Е. Королевой)* 499
Пляска мертвецов *(Перевод Н. Савиных)* 504
Похороны *(Перевод Е. Королевой)* 521
Мисс Звездная Пыль *(Перевод Е. Королевой)* 530
Способ существования *(Перевод Е. Королевой)* 550
Услуги на дом *(Перевод Е. Королевой)* 554
Блистательный источник *(Перевод Е. Королевой)* 563
Стальной человек *(Перевод И. Почиталина)* 583
Визит к Санта-Клаусу *(Перевод Е. Королевой)* 608
Дети Нон *(Перевод Н. Савиных)* 621
Человек-праздник *(Перевод Н. Савиных)* 639
Лемминги *(Перевод Н. Савиных)* 644
Призраки прошлого *(Перевод Е. Королевой)* 646
Распространитель *(Перевод Е. Королевой)* 656
На краю *(Перевод Н. Савиных)* 674
Большой сюрприз *(Перевод В. Рыбаковой)* 683
Последние минуты *(Перевод Е. Королевой)* 690
Монтаж *(Перевод Е. Королевой)* 695
Никаких вампиров не существует! *(Перевод Р. Шидфара)* 716
Сверчки *(Перевод Е. Королевой)* 726
День расплаты *(Перевод Е. Королевой)* 733
Первая годовщина *(Перевод Е. Королевой)* 738

Из мест, покрытых тьмой *(Перевод В. Рыбаковой)* 746
Кошмар на высоте 20 000 футов *(Перевод И. Иванова)* 770
Ткань повествования *(Перевод Е. Королевой)* 789
Ах, эта Джулия! *(Перевод В. Вебера)* 796
Немой *(Перевод В. Рыбаковой)* 805
Deus ex machina *(Перевод Е. Королевой)* 837
В один из тех дней *(Перевод И. Иванова)* 846
Ударная волна *(Перевод Е. Королевой)* 862
Проценты *(Перевод Е. Королевой)* 874
Глоток воды *(Перевод Е. Королевой)* 886
Тереза *(Перевод Е. Королевой)* 892
Добыча *(Перевод Е. Королевой)* 895
Посылка (Нажмите кнопку) *(Перевод В. Баканова)* 907
Только по записи *(Перевод Е. Королевой)* 914
Завершающий штрих *(Перевод Е. Королевой)* 917
Пока смерть не разлучит нас *(Перевод Е. Королевой)* 924
Скоропостижная кончина *(Перевод Е. Королевой)* 926
Скрытые таланты *(Перевод Е. Королевой)* 929
Дуэль *(Перевод А. Богданова)* 936
Реликты *(Перевод И. Иванова)* 960
Роковой поцелуй *(Перевод И. Иванова)* 971
Остается только ждать *(Перевод И. Иванова)* 980
Звонок с другой стороны *(Перевод И. Иванова)* 996
Зеркало, зеркало... *(Перевод И. Иванова)* 1001
Сеанс, начавшийся в два *(Перевод И. Иванова)* 1013
Узник *(Перевод И. Иванова)* 1017
Всегда пред голосом твоим *(Перевод И. Иванова)* 1037
Переворот *(Перевод Е. Королевой)* 1058
Щенок *(Перевод Е. Королевой)* 1075
Маленькая девочка, которая стучится в дверь *(Перевод Е. Королевой)* 1102

Литературно-художественное издание

ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИКИ

Ричард Матесон

**КОРАБЛЬ СМЕРТИ, СТАЛЬНОЙ ЧЕЛОВЕК
И ДРУГИЕ САМЫЕ НЕВЕРОЯТНЫЕ ИСТОРИИ**

Ответственный редактор *Г. Корчагин*
Выпускающий редактор *Е. Березина*
Художественный редактор *А. Свуков*
Технический редактор *О. Шубик*
Компьютерная верстка *И. Варламова*
Корректоры *Н. Тюрина, М. Ахметова*

В оформлении переплета использована иллюстрация
Fort Ross / Jerry Vanderstet

ООО «Издательский дом «Домино».
191014, Санкт-Петербург, ул. Некрасова, д. 60.
Тел. (812) 272-99-39. E-mail: dominospb@hotbox.ru

ООО «Издательство «Эксмо»
127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел. 411-68-86, 956-39-21.
Home page: **www.eksmo.ru** E-mail: **info@eksmo.ru**

Подписано в печать 21.01.2011.
Формат 84x108 $^{1}/_{32}$. Печать офсетная. Усл. печ. л. 58,8.
Тираж 3000 экз. Заказ 2071.

Отпечатано с электронных носителей издательства.
ОАО "Тверской полиграфический комбинат". 170024, г. Тверь, пр-т Ленина, 5.
Телефон: (4822) 44-52-03, 44-50-34, Телефон/факс: (4822)44-42-15
Home page - www.tverpk.ru Электронная почта (E-mail) - sales@tverpk.ru

ISBN 978-5-699-43148-9

9 785699 431489 >